

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1869

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

1869.

ИЗДАНИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

- Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ъ.
- Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ъ; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ъ.
- Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.
- Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ъ.
- Оборънне кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ъ.
- Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѡ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ъ.
- Супрасльскія рукописи, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ъ.
- Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ъ.
- Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ъ. за каждый.
- Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ъ.
- Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государстваніе Королей Сигизмунда Августа и Стевана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ъ.
- Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.
- Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спаскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ъ.
- О Русскомъ войсѣ въ царствованіе Михайла Федоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ъ.
- Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ъ.
- Изслѣдованія, замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ъ.
- Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ъ.
- Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ъ.
- Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., р. 50 к., перес. за 4 ъ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1869

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ, НА СТРАСТНОМЪ ВУЛЬВАРѢ.

1869.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НОВГОРОДЪ САМЪ ВЪ СЕБѢ.

Новгородъ своею исторіей представляетъ сильное, живое стремленіе вымолить благословеніе Неба на жизнь земную. Новгородецъ высоко цѣнитъ эту жизнь, дорожитъ ею, и лѣтописи его наполнены свѣдѣніями о постройкѣ храмовъ, объ основаніи монастырей; чувство религіозное было единственнымъ утѣшителемъ Новгородца въ минуты неотразимаго несчастія, во время междоусобныхъ споровъ, внѣшнихъ войнъ, голода, мора, пожаровъ. Съ другой стороны жизнь его печатлется необыкновенною дѣятельностію и мощью. Какъ воинъ и торговецъ, двигался онъ впередъ и впередъ по безконечности пустынь, которыя идутъ отъ нынѣшней Финляндіи къ горамъ Уральскимъ, пустынь непріютныхъ, покрытыхъ вѣковыми, въ иныхъ мѣстахъ еще доселѣ дѣвственными, лѣсами, не выдавшими внутри себя человѣка, богатыхъ озерами, болотами, тундрами, изрѣзанныхъ значительными рѣками, а въ зимнее время еще менѣе пріютныхъ, когда обумутъ ихъ трескучіе морозы, и завоетъ вьюга, и засыплютъ глубокіе снѣга. И эти пустыни, съ ихъ полудикими народами, признають въ немъ своего хозяина властителя, который, не снимая оружія, бродитъ посреди этой безпріютности, собираетъ богатства, серебро и дорогіе мѣха, и уноситъ ихъ чрезъ эти пустыни къ своей родинѣ. Народы южныхъ и сѣверныхъ береговъ Чудскаго залива были знакомы съ оружіемъ Новгородца и отчасти признавали надъ собою власть его: этого требовала безопасность сообщенія Новгорода съ Западомъ. Море Балтійское съ своими бурями, берега теперешней Пруссіи и Даніи, были также знакомы Новгородцу: онъ долго разво-

зиль по нимъ свои богатства, въ земѣнъ которыхъ получалъ богатства новыя. Не разъ также видѣла его Сѣверо-Восточная и Южная Русь у себя въ гостяхъ, какъ воина, и, испробывая силы свои съ нимъ, признавала его воиномъ достойнымъ, смѣлымъ, отважнымъ; а какъ богатаго торговца онъ видѣли его у себя постоянно и въ палатахъ Княжескихъ, и въ палатахъ Боярскихъ, и въ хижинѣ мужика; продолжительной кровавой борьбой завязалъ онъ знакомство свое съ Нѣмцами, когда они отказывались отъ признанія какихъ либо правъ его на страны, прилегающія къ южному берегу Чудскаго залива... Была же мечта въ жизни Новгородца, которая влекла его въ предпріятія опасныя и отдаленныя; была же вѣра сильная, которая поддерживала его посреди кровавой борьбы; былъ же въ душѣ его живой храмъ, котораго онъ былъ мощнымъ стражемъ и за который онъ готовъ былъ положить свою голову.

Но странно: кругъ стремленій его, какъ будто бы, былъ тѣ-оенъ: холодно относился Новгородъ къ судьбѣ другихъ частей Руси, хотя постоянно обращался къ нимъ съ просьбою о помощи, и никогда не встрѣчалъ отказа для борьбы съ врагами внѣшними; его силы, его дѣятельность—для области Новгородской; его цѣль—въ предѣлахъ его области. Что же шлѣняетъ его здѣсь? Что поддерживаетъ, живитъ, придаетъ ему силу, мощь? Къ чему стремится онъ?

Внутренняя жизнь Новгорода, религиозная съ одной стороны, съ другой тревожна, исполнена ссоры, вражды, безпокойства, расхищенія, грабительства, убійствъ, въ которыхъ играютъ главные роли то та, то другая сторона, то какіе-то концы, то лица, наконецъ даже частныя лица, и ни начала, ни исхода всѣхъ этихъ безпорядковъ и тревогъ; гдѣ жь тутъ мечта Новгородца? Или обольщая его, увлекая за тысячи верстъ въ опасности, лишенія, она смѣялась надъ нимъ и раскрывала обманъ свой уже тогда, какъ онъ, совершивъ свое странствованіе, свой бѣгъ за нею, думалъ, что онъ уже владѣлецъ ея, думалъ нечить чашу истиннаго счастливаго забытія на родинѣ?

Противорѣчіе страшное, и мы не выйдемъ изъ него до тѣхъ поръ, пока не ознакомимся съ мѣстностію Новгорода и составныхъ его частей.

Главнѣйшія изъ этѣхъ составныхъ частей были: сторона Софійская и сторона Торговая. Оба этѣ названія еще до сихъ поръ сохраняются въ памяти народной и, сверхъ того, мы имѣемъ въ лѣтописяхъ достаточныя данныя, чтобы повѣрить современнымъ понятія о той и другой сторонѣ: первая составляла поселеніе по лѣвому берегу широкаго Волхова, другая по правому, и та и другая были защищены стѣнами, и первая еще не одной, а тремя, какъ это видно изъ древняго изображенія Новгорода, хранящагося въ Знаменскомъ соборѣ, подъ образомъ Знаменской Божіей Матери.¹ Растягиваясь по самому берегу р. Волхова, гордо смотритъ и теперь каменный высокій Дѣтинецъ Софійской стороны на сторону противоположную, почти утратившую уже свои внѣшнія ограды, существованіе которыхъ доказываетъ сказанное изображеніе. Обѣ части соединялись только мостомъ, который примыкалъ какъ съ той, такъ и съ другой, стороны къ башеннымъ воротамъ, и который иногда, во время вражды между двумя сторонами, разбирался, и сообщеніе, такимъ образомъ, пресѣкалось. Каждая сторона имѣла свое вѣчевое сборное мѣсто: Софійская около храма Софін, а Торговая на Ярославовомъ Дворищѣ, около Никольскаго собора.² Первая изъ этѣхъ сторонъ, какъ положительно видно изъ лѣтописей, была средоточіемъ начала патріархально-военнаго или боярскаго, правительственнаго, вторая—средняго сословія, или втораго гражданскаго, которое можно было бы назвать началомъ денежнымъ. Отдѣльно отъ поселенія двухъ главныхъ частей Новгорода, лежало Городище, мѣсто котораго сохраняетъ доселѣ свое древнее наименованіе. Оно находится за малымъ Волховцемъ, на сторонѣ Торговой, по отношенію къ самому Волхову, отстоя отъ ближайшаго стараго поселенія сей сто-

¹ Г. Вельманъ, обращая вниманіе на содержаніе изображенія, вырѣзаннаго на мѣди и представляющаго осаду Новгорода полчищами Андрея Боголюбскаго, полагаеъ, что оно относится къ тому же времени, какъ и самое содержаніе его, но, безъ сомнѣнія, оно вырѣзано нѣсколько позднѣе. Самый соборъ, въ которомъ свое хранится, устроенъ въ 1354 году, т. е., 185 лѣтъ спустя послѣ осады. Нов. I, стр. 228. О Госп. Вел. Новгородѣ. А. Ф. Вельмана. Москва, 1834 г.

² Общія вѣча, гдѣ собирався весь Новгородъ, были около вѣхъ же храмовъ, причемъ Софійская, или Торговая, сторона перешла съ своего вѣча на вѣче стороны противоположной. См. выше.

роны, которое обозначается древнимъ валомъ и рвомъ, съ версту, или около того.

Городище, какъ это видно изъ Новгородскихъ лѣтописей, было собственно мѣстомъ пребыванія Князя и его двора и, безъ сомнѣнiя, какъ это мы можемъ заключать изъ его наименованiя, было укрѣплено. Такимъ образомъ, какъ двѣ главныя части раздѣлены между собою самою мѣстностию, и это раздѣленiе упрочено еще болѣе искусствомъ, такъ представляется совершенно отдѣльнымъ и укрѣпленнымъ поселенiе Княжеской дружины и самаго Князя. Принимая въ соображенiе положенiе его въ отношенiи каждой изъ сторонъ въ отдѣльности, совокупно съ другими предметами, входящими въ составъ мѣстописнаго описанiя древняго Новгорода, мы приходимъ къ очень важному выводу, который объясняетъ намъ главную ткань внутренней жизни Новгорода, и одно изъ самыхъ темныхъ, самыхъ важныхъ мѣстъ исторiи Новгородской.

Въ периодъ, отдаленный отъ насъ восемью столѣтiями, совершилось событiе, которое, опредѣливъ на цѣлые вѣка особенность исторiи Великаго Новгорода, судьбу частную Новгородца, скрылось само отъ наблюдателя не только въ подробностяхъ явленiя, но даже по своимъ прямымъ началамъ. Сами Новгородцы, въ отношенiяхъ своихъ къ Князьямъ, ссылаются на это событiе, какъ на законъ, какъ на основу своей гражданской жизни, и этотъ голосъ вторится въ продолженiе всей ихъ исторiи, а начала событiя все таки нѣтъ ни въ исторiи, ни въ разсказахъ лѣтописцевъ, ни въ преданiи. Самый годъ, когда оно именно совершилось, остается не извѣстнымъ для насъ; ни одна изъ лѣтописей, ссылаясь не разъ на него, не упоминаетъ даже о томъ, чтобъ оно когда ни будь совершилось; но тѣ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась дальнѣйшая судьба Новгорода, которые даже явно стремились противоборствовать основамъ быта Новгородскаго, знали это событiе, не безъ благоговѣнiя взирали на него, и потому утверждали сами за Новгородомъ тѣ права, которыя покоились въ этомъ же событiи, въ той же общей основѣ.

Событiе это стоитъ въ рѣзкой противоположности съ событiями однородными по предмету, совершившимися въ другихъ частяхъ Руси и опредѣлившими ея современный характеръ, складъ и фор-

му гражданственности. Когда въ этѣхъ частяхъ идея Князя, какъ сердце, сосредоточивала вокругъ себя жизненные государственныя силы, въ Новгородѣ она, напротивъ, соприкасаясь всюду къ жизни оставаясь главнымъ покровомъ ея, сама добровольно снимала съ себя священное право власти свободной, неограниченной, какъ будто не вѣря въ возможность, не желая развиваться до подобнаго предѣла, согласнаго своимъ собственнымъ основамъ, основамъ чисто народнымъ для остальной Руси. Такъ поступилъ съ Новгородомъ Ярославъ Великій. Когда, въ слѣдствіе какихъ соображеній, или обстоятельствъ, и какъ именно, объ этомъ молчать всѣ лѣтописи. Конечно, Князь тако-го свѣтлаго ума не могъ не имѣть къ подобному распоряженію какихъ ни будь важныхъ оснований. Что касается да самаго распоряженія Ярослава, то, каковы бы ни были подробности его, сущность остается все та же: Ярославъ низвелъ имъ въ предѣлы неограниченную, какъ жизнь, власть Княжескую, и предоставилъ Новгородцамъ право хранить свое распоряженіе, какъ святыню, какъ скрижалю ихъ жизни.³ Каждый Князь, управлявшій Новгородомъ, дѣлался уже по этому не Княземъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ для другихъ частей Руси: вѣда жизнь Новгородскую за предѣлы, очер-

³ Г. Соловьевъ сдѣлалъ вѣрный перечень всѣхъ случаевъ, гдѣ упоминается объ Ярославовыхъ грамотахъ прямо, какъ и грамотахъ, которыми Князя должны были руководствоваться при управленіи Новгородомъ (Объ отношеніяхъ Нов. къ Вел. Князьямъ, стр. 32). Этѣ случаи относятся къ 1228, 1229, 1230 и 1239 г. Тѣ случаи, гдѣ косвенно упоминается о предоставленныхъ этѣмъ грамотами болѣе обширныхъ правахъ, мы приведемъ ниже, подъ княженіемъ Всеволода. Въ Ипатьевской лѣтописи мы имѣемъ еще болѣе раннее свѣдѣтельство, подтверждающее за Новгородцами этѣ права, которыя признавалъ за ними Всеволодъ и современныя ему Князья: «Пишетъ бо, глагола, Давидъ: наказая накази мѧ, рече, Господи, смерти не предай мене. Тако и сія люди Новьгородскыя: наказавъ, и смири и дозѣла, за преступленіе крестыное и за гордость ихъ наведе на ня, милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новьгородци, яко издавна суть свобожени правды Князь нашихъ; но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ Княземъ преступати, и Князѣ внуки и правнуки обезчестовати и соромляти, а крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То докогѣ Господеви терпѣти надъ ними? За грѣхи наведе и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго Князя Андрея.» Такъ рассуждаетъ южный лѣтописецъ объ ужасѣ, въ который Боголюбскій поставилъ Новгородъ осадю его, и о совершенномъ наконецъ пораженіи полчищъ Андрея подъ стѣнами Новгорода. Пол. Собр. Р. Л. т. II, стр. 105.

ченныя Ярославомъ, онъ дѣлался оскорбителемъ святости правъ, нарушителемъ скрижалей, дарованныхъ Новгородцамъ предкомъ его. По этому-то Новгородцы, какъ хранители скрижалей своихъ, должны были быть старшими надъ Княземъ, судьями его, не позволяя добровольно ни малѣйшаго нарушенія въ распоряженіяхъ Ярослава: Князь править Новгородомъ не иначе, какъ по Ярославовымъ грамотамъ Новгородцы требуютъ этого, готовые, во имя грамотъ Ярослава, на все. Вотъ отношенія, въ которыхъ Ярославъ поставилъ потомковъ своихъ къ Новгороду. Черезъ все это ясно проглядываетъ недовѣрчивость къ той идеѣ, которой осталась Русь, и Кіевская, южная, и Владимірская, сѣверная, непреклонно, мощно стремились подчинить жизнь. Гдѣ же крылось начало этой недовѣрчивости: въ самой ли душѣ Ярослава; или въ отсутствіи основныхъ условій идеи Князя, въ отсутствіи любви, вѣры и довѣрія въ самомъ бытѣ Новгородскомъ и въ глубокой прозорливости Ярослава?... Жизнь этого Князя, какъ Князя Кіевского, печатлется полною довѣренностью къ основной гражданской идеѣ быта Русскаго: жизнь Новгорода, напротивъ, какъ увидимъ ниже, постоянно была исполнена недовѣрія ко всему и ко всему. Она, лишенная широкаго, величаваго полета, которымъ неслась жизнь и Кіева и Владимира на Клязьмѣ, искала постоянно заключиться въ извѣстные, ограниченные предѣлы, назначенные ей еще язычествомъ и страстною привязанностію къ земному: вѣра ея не знала безпредѣльности благъ Божественныхъ, высшихъ, духовныхъ: знала одни блага земныя. По этому разстаться съ земными, ограниченными благами значило для Новгорода то же, что разстаться съ жизнью. Бѣдность ли и дикость природы не успѣла развернуть въ душѣ Новгородца думы о безконечности ея жизни, о безконечности, красотѣ и величіи жизни мірозданія, о безконечности благъ всемогущей, вѣчной, живой воли Всеблагаго, или отсутствіе въ исторіи Новгородской событій, которыя бы заставили Новгорода радостно встрепенуться душой, разорвать грани, въ которыя заключалась она съ своимъ земнымъ, и броситься съ религіознымъ восторгомъ, съ полною вѣрою, на встрѣчу знакомаго, роднаго ей, по ея первобытной чистотѣ и безгранности, забывая въ этомъ восторгѣ, въ своемъ глубокомъ религіозномъ убѣжденіи, земное жилие свое, кто рѣшитъ это? Но какъ бѣдна, уныла и дика природа Новгородская, такъ безцвѣтна, дика, безъ живой вѣры, безъ живыхъ порывовъ любви, исторія Новгорода. Какая же идея

безгранности могла имѣть себѣ прочное прииѣненіе? Жизнь Новгородца закидывала ее земнымъ пракомъ, подавляла ее эфиръ пракомъ, заглушала, и безгранное не возникало тамъ, а прозябало подъ пракомъ, подобно самой природѣ, принимая иногда даже формы болѣе, нежели грубой дикости, формы ужаса и безобразія. Настоящій трудъ машь представить вполне достаточныя къ тому доказательства. Самое указанное нами событіе, самое распоряженіе Ярослава, говоритъ уже много въ настоящемъ отношеніи, и отмѣчаетъ исторію Новгорода недоувѣрjemъ, или доувѣрjemъ, смятымъ въ земной личности, въ земныхъ страстяхъ Новгородца: это двѣ крайнія точки, между которыми улегаются всѣ подобныя историческія событія этой области. Идея Князя, возродившись, пребывала въ жизни; но жизнь не сосредоточивалась въ ней окончательно: идея эта была въ Новгородѣ только плодомъ недоувѣрія въ старую идею жизни, въ идею княжескихъ Бояръ, или древнихъ правителей области, и по тому та и другая, идея согласно самому распоряженію Ярослава, существуютъ рядомъ въ исторіи Новгородской, находятся въ совершенномъ противоположеніи другъ къ другу, и жизнь бессильна преобразиться въ новой идеѣ, которая въ другихъ частяхъ Руси смѣняла собою всюду идею старую, находится въ внутреннемъ бореніи и, не находя исхода, непрерывно волнуется. Ни что возвышенное не выносить Новгорода изъ этой внутренней разладыцы. При отсутствіи внутренняго мира, высокія чувства тѣмъ болѣе уже были бессильны перенестъ Новгородца въ жизнь, совершавшуюся внѣ, за предѣлами его области, и одни только расчеты, однѣ выгоды, могли выводить его за этѣ предѣлы; а по этому Новгородъ съ своею исторіею является какъ бы совершенно обособленнымъ отъ другихъ частей Руси: онъ какъ будто замкнутъ для остальной Руси, какъ будто остальная Русь составляетъ для него нѣчто особое, стороннее, не привлекающее его къ себѣ душой, не вызывающее на любовь, на братство, не возбуждающее въ немъ дѣятельнаго, безкорыстнаго участія. Въ дѣйствительности это было и не со всѣмъ такъ. Но говоря вообще, духъ Новгородца пребываетъ въ предѣлахъ области какъ воина, защитника: однѣ нужды, одно вещественное, могутъ вызвать его за этѣ предѣлы; а въ нихъ Новгородецъ почти полный господинъ-судья, всякаго, кто нарушитъ его права, утвержденныя самимъ Ярославомъ, слѣдовательно, и всякаго движенія въ этѣхъ предѣлахъ новой Княжеской идеи. Отношенія Новгорода, по его внутреннему областному быту, къ

Князьямъ другихъ частей Руси, не могли не быть послѣ этого, согласно тѣмъ же грамотамъ, еще болѣе самобытными.

Князь Новгородскій, по симъ грамотамъ, не вотчинникъ Новгорода, не глава Православія и Православныхъ, не законъ, а только исполнитель самихъ грамотъ и верховный блюститель искони установленнаго порядка, и по этому въ Новгородѣ не утверждается ни одна Княжеская вѣтвь, а, напротивъ, Князья разныхъ системъ безпрерывно смѣняются тамъ одни другими. При такомъ положеніи, конечно, уже ни одинъ изъ Новгородскихъ Князей, какъ Князь Новгородскій, не могъ найти въ Новгородцахъ постояннаго, твердаго отвѣта, опоры на поддержаніе думы его о томъ, что онъ можетъ быть отчинникомъ всей Руси, или главою Православія и Православныхъ. Физическія нужды могутъ требовать расширенія областныхъ предѣловъ, и достигнуть этого, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но нравственнаго требованія на это, при выше изложенныхъ условіяхъ быта Новгородскаго, быть не можетъ, или оно составитъ сдѣсь чистое исключеніе, и тѣ же нужды, привычка, областная щекотливость честолюбія, сторожать цѣлость областного жилья; но оторванная часть области, порабощеніе ея, не тронетъ души Новгородца, не поразитъ его нравственнымъ страданіемъ, не поведетъ его на дѣла самоотверженія, нѣтъ, даже не оторветъ его отъ наслажденія его вещественными и бѣдными нравственными благами, по тому что Новгородецъ порабощенъ вещественными, заключилъ въ тѣсныя предѣлы духъ свой и не имѣетъ требованія вырваться изъ нихъ, остается въ нихъ покойнымъ и довольнымъ, защищая только, подобно звѣрю, берлогу свою и, оставляя иногда дѣтей своихъ въ добычу силѣ, не тревожится потомъ жизнію въ берлогѣ новой. Все это, какъ увидимъ ниже, не преувеличеніе, а горькая истина. Ни внутри, ни внѣ, по этому, не могло быть стройности жизни при подобномъ нравственномъ безсиліи, а, напротивъ, всюду должно было обнаруживаться неотвратимое отсутствіе мира, разладица: чувство любви было безсильно въ немъ и къ собрату и къ отечеству; вѣра его пресмыкалась въ прахъ, не раскрывала въ немъ безконечныхъ благъ въ безконечно благомъ Всемогуществѣ, не влекло его испить этѣ блага на лонѣ Зиждителя настоящаго, прошедшаго и будущаго всей неугасимой вѣчности, полной красотъ, величія и любви, полной жизни,

и жизни въ безконечно разнообразныхъ формахъ. ⁴ Прахъ земли былъ для него садъ Едема. Грамоты Ярослава, по этому уже, были не плодомъ случайности, не плодомъ стремленія Ярослава къ югу, а великимъ плодомъ геніяльности Князя, объявшей быть Новгородъ на цѣлыя вѣка впередъ. Подробности, переданныя лѣтописью, о событіяхъ, сопровождавшихъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ, при приведеніи въ извѣстность топографіи этого города, ведутъ насъ къ тому же, и сами, послѣ того, выходятъ изъ мрака, въ которомъ они оставались погруженными до сихъ поръ, въ слѣдствіе неполноты разсказа стараго лѣтописца.

Какъ мы уже сказали, городище лежитъ отдѣльно и отъ Софійской и отъ Торговой сторонъ; отъ первой отдѣляется оно, однако жъ, самымъ Волховомъ, весьма широкимъ и глубокимъ, отъ второй же только рукавомъ его, имѣющимъ въ ширину не болѣе 30, или 40, сажень, и при томъ находится на Торговой сторонѣ, въ отношеніи Волхова. Вотъ топографическое отношеніе Княжескаго начала къ двумъ другимъ главнымъ частямъ, и оно обозначилось такимъ образомъ исключительно въ Новгородѣ: Княжеское начало не въ средѣ, вокругъ котораго скучиваются остальные части города; оно имѣетъ совершенно отдѣльное поселеніе, и эта отдѣльность указываетъ, что оно составляетъ собою въ Новгородѣ особое, не тѣсно связанное съ сторонами, начало; но такъ какъ, въ отношеніи Волхова, онъ лежалъ на сторонѣ Торговой, то послѣдняя, по всѣмъ вѣроятіямъ, преимущественно опиралась на него: вотъ самое естественное заключеніе, которое мы можемъ сдѣлать изъ мѣстоположенія Городища въ отношеніи двухъ другихъ составныхъ частей Новгорода; по этому въ Софійской и Торговой сторонахъ противопоставлялись два совершенно особыхъ начала: начало новое, которое искало преображенія жизни въ новой идеѣ, идеѣ о Княжеской власти, и начало старое, поддерживавшее, въ лицѣ своихъ докняжескихъ Бояръ, быть патріархальной старины, отъ которой всѣ безъ исключенія составныя части древней Руси стремились оторваться во имя идеи Князя. Къ то-

⁴ Дума, которая высказывалась не разъ въ нашей Исторіи, по этому она для насъ событіе, а не мысль отвлеченная религіознаго мечтателя.

му заключенію ведутъ насъ еще слѣдующія данныя. Ярославовъ дворъ или Ярославово дворище, которое существуетъ до сихъ поръ, хотя, по рассказамъ старожиловъ, несравненно въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, какъ оно было въ прежнее время, находится посреди самой Торговой стороны, и, слѣдовательно, было окружено поселеніемъ младшихъ, тогда какъ, по общему порядку вещей, Княжескому двору было бы приличнѣе быть среди поселенія старѣйшинъ Новгородскихъ, т. е., на сторонѣ Софійской. Забудьте, сверхъ того, что дворище Ярославово лежитъ почти на самомъ мѣстѣ соединенія Торговой стороны съ Софійскою, такъ что, примыкая къ самому берегу р. Волхова, около моста, оно смотритъ и теперь съ своей башни, какъ какой ни будь стражъ первой изъ нихъ. Мало этого: Ярославовъ дворъ служитъ сборнымъ мѣстомъ для Торговой стороны, а колокольня Княжескаго храма, устроеннаго посреди дворища Мстиславомъ, во имя Св. Николая Чудотворца—въчевоі башней для той же стороны.⁵ Такимъ образомъ мы не можемъ не признать въ Ярославѣ представителя собственно одной только стороны, и, слѣдовательно Варяги, призванные имъ для защиты Новгорода, были стражами того же начала, которое прислонялись къ самому Ярославу. При этомъ взглядѣ, основанномъ на неоспоримыхъ данныхъ, становятся ясными всѣ дальнѣйшія отношенія Ярослава къ Новгороду, которыя, признаюсь откровенно, были для меня до сихъ поръ соверпенной загадкой. Ярославъ избиваетъ на Ракомѣ множество, какъ говоритъ лѣтописецъ, Новгородскихъ нарочитыхъ мужей, и на другой же день, по рассказу лѣтописца, Новгородцы готовы были пожертвовать своимъ имуществомъ, своею жизнію, чтобъ только доставить ему Кіевскій престолъ. Не таковы были Новгородцы: всякое нарушеніе ихъ вольности волновало ихъ и влекло за собою изгнаніе; а сдѣсь вдругъ нѣтъ слѣдовъ подобнаго; напротивъ, они преданы Ярославу всей душой: вооружаются за него противъ Святополка, идутъ съ нимъ къ землямъ Кіевскимъ и жестокою битвою успѣваютъ преодолѣть врага, и забудьте, врага не ихъ, а единственно Ярослава. Вглядитесь же теперь ближе въ событія, и опять въ самую мѣстность Новгорода. Ракома,⁶ гдѣ были избиты Новгородцы, находится, въ отношеніи

⁵ См. выше.

⁶ О Великомъ Новгородѣ, А. Э. Вельтмана (планъ окрестностей Новгорода).

Волхова, на Софійской сторонѣ, верстахъ въ 8 отъ города: въ Ракому, по показанію лѣтописца, Ярославъ удался гнѣвный, немедленно же послѣ избіенія Варяговъ.⁷ Имѣя при этомъ въ виду, что какъ Городище, такъ и Ярославовъ дворъ, находились на сторонѣ Торговой, мы не можемъ не предполагать, что удаленіе Ярослава на сторону Софійскую было плодомъ гнѣва его на сторону Торговую, и въ то же время было сближеніемъ его съ стороною противной, и, слѣдовательно, не можемъ не допустить, что въ избіеніи Варяжской дружины участвовала только Торговая сторона, а Боярская поддерживала послѣ того Ярослава и, быть можетъ, даже пробуждала въ немъ еще большій гнѣвъ противъ своихъ младшихъ, которые собственно и были представителями новаго начала. Гнѣвъ Ярослава высказался, по этому, на сихъ послѣднихъ, а не на Боярахъ; но казнь многихъ изъ нихъ была ни что, въ сравненіи съ тою, которая могла бы угрожать Новгородцамъ, если бы Ярославъ отказался отъ нихъ и предоставилъ ихъ вполнѣ на произволъ Боярскій, а тѣмъ болѣе если бъ, вмѣстѣ съ докняжескими Боярами, налегъ на нихъ. Слѣды подобной думы въ Ярославѣ замѣтны въ его распоряженіяхъ относительно Новгорода. Грамоты, данныя имъ Новгородцамъ, если онѣ и не дошли до насъ, по крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ Новгородцы ссылаются на нихъ, говорятъ намъ положительно, что Ярославъ сдѣлалъ значительныя уступки Боярамъ, утвердилъ за ними исключительно права вотчинныя или помѣстныя, судъ и расправу по всей землѣ Новгородской, оставаясь, однако жъ, главнымъ судьей между ними и подсудимыми, какъ этого конечно желала Торговая сторона, избѣгая неограниченности и произвола въ судѣ Боярскомъ.⁸ Это-то примиреніе взаимныхъ притязаній двухъ враждебныхъ сторонъ, утвер-

⁷ Варяги бяху мнози у Ярослава въ Новѣградѣ, и насиліе творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. И возставше Новгородцы, и побѣдиша Варягъ во дворѣ Царамони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Ракомъ, сѣде во дворѣ, и посла къ Новгородцемъ и рече: «Уже мнѣ ихъ не воскресити.» И призва парочыята мужи къ себѣ, и же блухуѣли Варяги, и, облытивъ ихъ, изсѣче 1000 мужей.» Новг. III, стр. 209.

⁸ Замѣчательно, что сами иностранцы, которые вели дѣла въ Новгородѣ, въ одномъ изъ договоровъ выразили ту же мысль, требуя, въ замѣнъ суда Боярскаго, суда Княжескаго. Та же мысль выражена иностранцами въ одномъ изъ договоровъ съ Смоленскимъ Княземъ.

жденіе докняжескихъ Бояръ снова въ обширныхъ правахъ и изъ-явленіе готовности быть посредникомъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ, тяжбахъ и распряхъ, дало Ярославу возможность найти между всѣми Новгородцами ревностныхъ поборниковъ своего права, заставивъ ихъ забыть казнь многихъ собратій. Софійская сторона торжествовала надъ Торговою; и изъ чувства благодарности, даже изъ прямого расчета, могла быть готовою поддерживать права Ярослава на Княжескій престолъ; ибо если бь Ярославъ не достигъ сего престола, не сдѣлался старшимъ Княземъ и не утвердилъ за своимъ родомъ Кіева, его грамоты, данныя Новгородцамъ, не имѣли бы въ послѣдствіи ни какого значенія; между тѣмъ сторона Торговая, вѣчно ревнивая къ сторонѣ Боярской, избавившись, сверхъ того, отъ вліянія Варяжскаго начала, не могла не поревновать въ семъ случаѣ, дабы заставить Ярослава забыть ея своевольство и склонить его дѣйствовать въ ея выгодахъ. Слѣдовательно, въ этомъ живомъ содѣйствіи Новгородцевъ Ярославу нѣтъ теперь для насъ ни чего удивительнаго. Новгородцы остаются и въ этомъ явленіи тѣми же Новгородцами. Они готовы были положить за Ярослава жизнь свой, подобно тому, какъ хотѣли положить свои головы за Мстислава Мстиславича, освободившаго ихъ изъ подъ тягостной опеки Всеволодовой и на котораго они единственно рассчитывали въ борьбѣ своей съ Владимирскимъ Княземъ и съ его сыномъ: «Мстиславъ началъ звать Новгородцевъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго... Куда, Князь, поведешь ты очима своими, тамъ положимъ головы свои,» былъ отвѣтъ ихъ Мстиславу; и они выступили ополченіемъ по его призыву; правда, колебаніе, которое обозначаетъ всю внутреннюю исторію Новгорода, не могло не высказаться и здѣсь: они пошли, а изъ подъ Смоленска чуть, чуть не вернулись домой; за всѣмъ тѣмъ слова Посадника возвратили ихъ къ обѣту положить головы свои за Князя, и великій подвигъ, къ которому призывалъ ихъ Мстиславъ, былъ ими совершенъ: вмѣстѣ съ Смоленянами и дружинами внуковъ Ростислава, Новгородцы повоевали земли Князей Черниговскихъ, взяли нѣскольکو Черниговскихъ городовъ на щить, взяли и Вышгородъ, принудивъ, наконецъ, Всеволода Святославича оставить престолъ Кіевскій для Мстислава Мстиславича. ⁹ Такъ лили Новгородцы кровь за Князей

⁹ Нов. I, стр. 32. И дождоша Смольньска, и бысть распря Новгородцевъ съ

и въ XIII столѣтіи, когда духъ колебанія и безвластія рѣзко запечатлѣлъ уже ихъ исторію. По этому живое содѣйствіе Новгородцевъ въ тяжбѣ Ярослава за Кіевъ само по себѣ, послѣ всего изложеннаго, говоритъ не много и ни сколько не можетъ придать другой окраски Новгородскому характеру, который ясно и опредѣлительно высказался въ послѣдствіи. Но велика должна была быть благодарность Новгородцевъ, съ одной стороны, и ревность съ другой, когда Ярославъ единственно только въ Новгородѣ черпаетъ всѣ средства противъ враговъ своихъ для достиженія и удержанія за собою Кіевскаго престола. Разбитый Святополкомъ, или Болеславомъ, онъ во второй разъ, совершенно безъ всякихъ собственныхъ средствъ, собираетъ въ Новгородѣ побѣдоносныя полчища противъ врага своего, и наконецъ, въ третій разъ, при содѣйствіи же Новгородцевъ, получаетъ войско, чтобъ противодействовать Мстиславу Тмутараканскому, и, разбитый имъ, снова бѣжитъ въ Новгородъ и поддерживается Новгородцами. Замѣчательное событіе въ исторіи Новгорода подобной преданности, и значеніе его другое, нежели какое можно было бы дать ему съ перваго взгляда: Ярославъ купилъ у нихъ эту преданность, и заплатилъ за нее дорого.¹⁰ Что жъ касается до внутренней борьбы между Софійской и Торговой сторонами, между докняжескими Боярами и вторымъ гражданскимъ началомъ, борьбы, которую мы допустили, для объясненія отношеній Ярослава къ Новгороду, основываясь лишь на топографическомъ положеніи составныхъ частей Новгорода, то, для доказательства въ дѣйствительномъ существо-

Смолняны, и убиша Новгородци Смолнянина, а по Князи не поидоша... Князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, поиде. Новгородьци же, створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати; и рече Твѣрдиславъ Посадникъ: «Яко, братье, страдали дѣды наши и отци за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своему Князи;» и тако поидоша изъ Смольнска, и постигыше Князъ, и начаша воевати по Дѣпрю городъ Черниговскеѣ, и взяша Рѣчицѣ на щить и иные городѣ мнози Черниговскыя, и поидоша подъ Вышегородъ, и начашася бити, и одолѣ Мстиславъ съ братьею и съ Новгородьци... а Всеволодъ изъ Кіева выбѣжа за Дѣпрь... и въземьше дары, придоша Новугороду вся здрави....

¹⁰ Не отрицаемъ, что желаніе имѣть сильнаго покровителя обширной торговли съ Кіевомъ могло имѣть значительное вліяніе на участіе Новгорода въ дѣлахъ Ярослава за Кіевскій престолъ.

ваніи этой борьбы, мы имѣемъ множество данныхъ, которыя будутъ изложены ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ нашъ взглядъ на отношенія Ярослава къ Новгороду: онъ образуется естественнымъ образомъ, при соображеніи всѣхъ историческихъ данныхъ, миритъ ихъ между собою, и объясняетъ одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ исторіи Новгородской, необъяснимыхъ до сихъ поръ и рѣзко противорѣчащихъ всѣмъ другимъ даннымъ исторіи Новгорода.

Въ исторіи Ярослава по настоящему событію мы замѣчаемъ два главнѣйшихъ мгновенія: первое, когда онъ является представителемъ новаго Новгородскаго начала, въ несогласіи сего послѣдняго съ началомъ старобоярскимъ; второе, когда Новгородцы, представители того же новаго начала, показали Ярославу полную невозможность твердо опереться на сіе начало. Первое изъ этѣхъ мгновеній было для Ярослава не чѣмъ инымъ, какъ наслѣдіемъ старины: Городище, это мѣстопробываніе Князей и собственныхъ Княжескихъ силъ, ¹¹ конечно, древнѣе ¹² Ярослава, и на

¹¹ Нов. I, стр. 36: И бысть на зиму побѣже Матеи Душельцевиць, съвязавъ Моисеица бириць ябетниць. Новгородци же, угонявшє, и яша и ведоша и на Городище, и вѣиде лжа въ городѣ, выдалъ Твѣрдиславъ Князю Мател. Тамъ же стр. 38: Приде Князь Всеволодъ изъ Смоленска... въ Новгородъ, и възвяди весь городъ, хотя убити Твѣрдислава, а Твѣрдиславъ бѣше больгъ, и поиде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, искрутяся въ брѣнѣ (бронѣ) яки на рать, и прѣйха на Ярославъ дворъ. Тамъ же 37: Александръ Невскій прѣйхалъ въ Новгородъ съ Татарскими послами, чтобъ, безъ кровопролитія, согласити Новгородцевъ платити Татарамъ поголовную дань, но это произвело въ насъ сильное движеніе, и Александръ рѣшился было съ Татарскими послами оставити Новгородъ. Это рѣшеніе заставило чернь замолчать и согласити на требованіе Татаръ: и бысть завтра съѣха Князь съ Городища, и окавѣи Татары съ нимъ. Ипатьев, стр. 97 подъ 1169 годомъ: Томъ же лѣтѣ начаша Новгородци вѣче дѣяти въ тайнѣ по дворомъ на Князя своего на Святослава на Ростиславича. И прѣйхавше на Городище пріятели его начаша повѣдати: «Княже, дѣють людье вѣче ночь, а хотять ты яти, а промысли о собѣ.» Подъ 1384 годомъ въ IV Новгородской: Той зимы прѣйхаша отъ Князя Дмитрія съ Москвы Бояре его чернѣи боръ брати по Новгородцикнмъ волостемъ: Федоръ Сявло и иные Бояре, и тогда ѣздиша Бояре Новгородцики на Городище тягати съ Княжими Бояры о обѣдахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Сявлова чадь...

него опиралась, какъ мы выше объяснили изъ самаго мѣстоположенія, Торговая сторона; Ярославъ хотѣлъ, кажется, сдѣлать шагъ далѣе и думалъ слить въ едино Княжеское начало съ началомъ, которое выразила тогда Новгородская жизнь въ Торговой сторонѣ, а по тому передвинулъ было мѣстопробываніе Княжескаго начала внутрь самаго Новгорода, утвердивъ его посреди Торговой стороны, на грани съ стороною Софійскою (Ярославово дворще); ¹³ но

Въ договорной грамотѣ 1471 г. съ Іоаномъ III (Пол. Соб. Г. г. и д. т. I, № 20, 2). Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судьбою, а отъ Великаго Новгорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новгородцомъ... А оже ся сопруть о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Великій въ Новгородѣ, или Великаго Князя сынъ, или Великаго Князя братъ, и тому дѣлу тогда учинити на Городищѣ съ Посадникомъ конецъ. Подъ 1476 годомъ во II Новгородской лѣтописи: Прииде Князь Велики Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, и стоялъ на Городищи на миру 9 недѣль. Иванъ IV, пріѣхавъ въ Новгородъ для того, чтобъ околчательно осудить его, остановился тоже на Городищѣ. Нов. II, стр. 256. Пріѣхалъ въ Великой Новгородъ Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи, а съ нимъ сынъ его, Іоаннъ Іоанновичъ, и Князей, и Бояръ, и Дѣтей Боярскихъ многіе полки, и прочіихъ воинскихъ людей множество, да съ нимъ же Государемъ тысячъ пятсотъ стрельцовъ Московскихъ; и пріѣхавъ, сталъ со всѣми силами на Торговой сторонѣ, на Городищи, отъ града отъ посаду два поприща.

¹² Объ основаніи Городища лѣтописи не сохранили свѣдѣній, чего, кажется, не могло бы случиться, если бы оно было основано уже во времена чисто историческія. Въ первый разъ объ немъ упоминается подъ 1103 годомъ. Нов. I, стр. 3. Мы считаемъ его древнѣйшимъ мѣстопробываніемъ Князя и Княжеской дружины. Самыя укрѣпленія его, на которыя указываетъ наименованіе «Городище», говорятъ о другихъ отношеніяхъ между началомъ Княжескимъ и Новгородцами, а не о тѣхъ, въ которыя поставилъ Ярославъ-Князей къ Новгороду и которыя дали Новгородцамъ право обезсрѣчь Княжеское военное начало до того, что оно лишено было всякой возможности на открытую борьбу противъ Новгорода, дали право, воспользовавшись которымъ, Новгородцы сгладили, уничтожили и всѣ древнія укрѣпленія Городища, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобъ когда ни будь они и существовали.

¹³ О Ярославопомъ дворщѣ въ первый разъ упоминается подъ 1029 годомъ. Того же лѣта Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади въ Новгородѣ сына своего, Владимира 14 лѣтъ; и жилъ Великій Князь, Ярославъ, на Торговой странѣ, близъ рѣки Волхова, гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чюдотворца, яже и до нынѣ slo-

избѣненіе Новгородцами-торговцами его Варяжской дружины показало невозможность подобнаго слиянія. Замѣтивъ подобную кичливость въ самихъ представителяхъ новаго начала, и отыскивая опоры въ этомъ колебаніи жизни, Ярославъ легко нашелъ ее въ докняжескихъ Боярахъ, когда своимъ именемъ, именемъ Князя, снова ввелъ ихъ во многія утраченныя ими права, относительно всей земли Новгородской, а въ томъ числѣ и въ отношеніи Новгородскихъ представителей новаго начала, т. е., въ отношеніи Торговой стороны. Старины повторилась во имя самого Князя. Пусть кичливость новаго начала, обнаружившаяся въ избѣненіи Варяжской дружины, тогда же бы смолкла, по вредъ, нанесенный ею, палъ уже тяжелымъ недугомъ на Новгородъ, исцѣленіе котораго требовало новыхъ усилій, новой борьбы, особыхъ условій, обстановки, не возможныхъ для того времени: Бояре докняжескіе опирались уже теперь въ своихъ притязаніяхъ не на одну старину, а на имя Ярослава, на имя самого Князя, на распоряженіе главы самого новаго начала. Уступка Ярослава, въ слѣдствіе недостаточнаго сознанія новой жизни Торговою стороною, или введеніе имъ Бояръ въ старинныя, утраченныя ими, права, совершенно разрушило равновѣсіе въ Государственной жизни Новгорода, отбросило ее назадъ на цѣлыя столѣтія и грозило даже гибелью. Идея Княжеской власти, въ слѣдствіе этого распоряженія, этой уступки, должна была все болѣе и болѣе терять свои опорныя точки. То, отъ чего спасалъ Новгородцевъ покровъ Княжескій, должно было снова разить ихъ свободно: Князья не могли уже рѣшительно дѣйствовать противъ докняжескихъ Бояръ, по тому что Бояре господствовали по прежнему въ Новгородскихъ земляхъ уже не по старинѣ, а отъ имени предка сихъ Князей, отъ имени самой власти Княжеской. Два совершенно противоположныхъ стремленія, одно къ новой жизни, другое къ жизни старины, не находили теперь мирителя себѣ, не смотря на то, что та и другая по формѣ опирались на одно и то же начало, на идею Княжеской власти: жизнь должна была сильно всколебаться; должна была, при этомъ условіи, заговорить открытая вражда, открытая борьба, борьба безысходная, по тому что новое начало, начало Государственное, которое должно было повести Нов-

ветъ Ярославу Дворище. Нов. III, стр. 210. Не забудемъ, что Ярославово Дворище было мѣстомъ вѣчевыхъ сходокъ для Торговой стороны.

городъ по тому же пути, на которомъ мы видимъ другія области древней Руси, оказалось въ Новгородѣ слабо развитымъ, недостаточно сознаннымъ, а потомъ юридически обезсиленнымъ, въ слѣдствіе распоряженія Ярослава; а старое начало, отрицаемое уже самою жизнію и облеченное теперь для господства тѣмъ же распоряженіемъ въ форму законную, не могло, между тѣмъ, не искать удержаться въ своемъ положеніи, и даже не дать себѣ еще большой просторъ, просторъ незаконный въ жизни Новгородской. Да, открытая и безысходная борьба должна была заговорить между двумя жизнями, старою и новою, а въ этой борьбѣ разрушаться всѣ законныя формы новой жизни, преобразуясь въ формы совершеннаго произвола, и этотъ произволъ долженъ былъ вести Новгородъ къ окончательной гибели; ибо продолжительная открытая борьба не могла не развить въ Новгородцахъ духа непокорности, не сдѣлать этой непокорности общою чертою ихъ свойствъ, не могла не переносить этѣхъ свойствъ уже свободно отъ старины на всю жизнь, и, слѣдовательно, на всю жизнь новую, не проявлять его въ большей и большей кичливости противъ самой Княжеской власти, и, такимъ образомъ, идея Князя не могла не ослабѣвать все болѣе и болѣе въ этой борьбѣ противоположныхъ началъ, и жизнь Государственная гаснуть все болѣе и болѣе, съ большимъ проявленіемъ стариннаго общиннаго начала, съ постепеннымъ развитіемъ произвола. Къ несчастію, еще, какъ это мы увидимъ ниже, распаденіе Новгорода было болѣе обширно, представители начала новаго, по своей сущности, еще менѣе способны для новой жизни, нежели представители начала стараго, и по тому водвореніе мира въ жизни должно было дѣлаться еще болѣе затруднительнымъ, даже почти невозможнымъ, безъ особеннаго и сильнаго вѣшняго вліянія.

Нѣтъ мгновенія въ исторіи Новгородской, гдѣ бы идея Князя достигала въ сознаніи народномъ до такого развитія, что составляла бы полную, внутреннюю потребность къ осуществленію и утвержденію себя въ жизни дѣйствительной; по этому Новгородцы не удержали у себя на одной изъ Княжескихъ вѣтвей, какъ это одѣлали остальные части Государства. ⁴ Напротивъ, жизнь Новгорода, какъ

⁴ Объясненіе, что Князя, плѣняемые болѣе роскошными странами, лучшими областями, не хотѣли сами быть постоянными властителями Новгорода, ошибочно

увидимъ ниже, никогда не настаивала на этомъ, и, отрицая старое правительственное начало, не стремилась сосредоточиваться въ идеи Князя, сопоставляя лишь жизни старой жизнь новую. Были мгновенія, благопріятнѣйшія для подобнаго сосредоточенія, Новгородъ пугался ихъ еще болѣе, нежели старины. Самое распоряженіе Ярослава могло ли бы состояться, если бъ жизнь Новгорода благоговѣла предъ идеею Князя? Сила его основывалась единственно

исторически; столь же ошибочно и предположеніе, что самая распри между Князьями за Новгородъ были другою главнѣйшею причиною, что ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей не утвердилась въ Новгородѣ. Новгородская область, дикая по природѣ, была богатѣйшею областью, и эти-то богатства Новгородскія возбуждали ссоры Князей между собою изъ за Новгорода; слѣдовательно, область эта была лестною для Князей, и они были бы не прочь получить ее въ наслѣдственное достояніе своей вѣтви, въ особенности когда Княжескія вѣтви не избѣгали утверждать наслѣдственно за собою даже области бѣднѣйшія и столь же дикія по своей природѣ, какъ, на прим., Бѣлозерскую, или Устюжскую. Нѣтъ сомнѣнія, что та или другая Княжеская вѣтвь не могла утвердиться въ Новгородѣ безъ борьбы съ другими вѣтвями; но сильная борьба Князей противъ Ростиславичей, какъ мы видѣли уже, не помѣшала симъ послѣднимъ утвердиться прочно и наслѣдственно въ земляхъ Галицкихъ: Галичане напрягали свои силы, отражали своею грудью всѣ покушенія Кіева отнять отъ нихъ Ростиславичей; то же напряженіе во всѣхъ другихъ частяхъ древней Руси — отстоять свою Княжескую вѣтвь, и ни чего подобнаго въ области Новгородской. Новгородцы не сдвигаются между собою, подобно Владимирцамъ на Клязьмѣ, въ думѣ: добудемъ такую-то Княжескую вѣтвь себѣ, или голову свою сложимъ за нее, не выступаютъ, подобно тѣмъ же Владимирцамъ, грознымъ ополченіемъ противъ всѣхъ враговъ той завѣтной думы, съ полною готовностію за утвержденіе у нихъ желанной ими вѣтви, за уничтоженіе стараго порядка вещей и утвержденіе власти Княжеской, сложить свои головы; они не борются, подобно Полоцкой области, до послѣдняго, противъ громаднѣхъ ополченій, бывшихъ въ распоряженіи Кіева и которыя громили не разъ и страшно Полоцкія земли, уничтожали благосостояніе ихъ, разрушали ихъ военныя силы, уводили Князей ихъ въ плѣнъ, заточали ихъ въ Кіевѣ и Константинополѣ, но не могли только поколебать Полочанъ въ любви ихъ къ своей Княжеской вѣтви, къ своимъ Князьямъ, разбитымъ, поруганнымъ, заточеннымъ, поколебать ихъ въ повой готовности стоять грудью, лить кровь, за этихъ Князей, бѣжавшихъ изъ плѣна и заточенія. Говорить ли уже послѣ этого, что Новгородцы не были готовы, для удержанія за собою той или другой Княжеской вѣтви, припятъ на себя удары страшно кровавой войны, какую выдержали Кіевляне послѣ смерти Всеволода Ольговича, для того, чтобъ отстоять за собою собственную Княжескую вѣтвь въ лицѣ Изяслава, сына покойнаго ихъ Князя, Мстислава Великаго?

на томъ же безсплн Новгородъ преобразиться въ идеи новой жизни, какъ мы ясно замѣтимъ это въ послѣдующей исторіи, на его отрицаніи и жизни новой и жизни старой, на его стремленіи къ произволу. Новгородъ, какъ увидимъ ниже, не могъ быть другимъ. Ни какого нравственнаго движенія ни къ какой Государственной формѣ въ немъ не замѣчаете. Всѣ формы для него не нравственная потребность, а только орудіе для частныхъ цѣлей. Старая форма существуетъ въ немъ по тому, что существовала прежде на силѣ, и не разрушается по тому, что существуетъ сила; по тому что Новгородъ не ищетъ новой формы, не способенъ выразиться въ ней. Онъ не Государство, онъ община, которая ищетъ только довольства, и еще община нестройная, не сдерживаемая ни чѣмъ, гдѣ борьба между составными частями ляшаетъ сочленовъ единомыслія и порождаетъ личный произволъ.

И до Ярослава и при немъ Новгородцы были тѣми же самыми Новгородцами, которыхъ представляетъ намъ дальнѣйшая исторія, хотя, безъ сомнѣнія, сила сдерживала ихъ. Распоряженіе Ярослава и раздоры между Князьями дали только Новгородцамъ большій просторъ и узаконили за ними тѣ неправильныя отношенія къ Княжеской власти, какія мы замѣчаемъ во всей ихъ исторіи до Ивана III, и даже послѣ того, иначе: дали Новгороду областную самобытность совершенно на особыхъ условіяхъ, гдѣ отживающая старина, не встрѣчая въ противоположной сторонѣ достаточныхъ силъ для новой формы, сохранила права свои, облеклась въ законную форму и противодѣйствовала власти Княжеской, по волѣ самаго же родоначальника тѣхъ Князей, которые владѣли Новгородомъ или Новгородскимъ престоломъ.

Уже при внукѣ Рюрика Новгородцы говорили, что, если Кіевскій Князь, Святославъ, не дастъ имъ на княженіе котораго либо изъ сыновей, то они найдутъ себѣ Князя и внѣ дома Рюрика ¹⁵ (970).

¹⁵ Придоша лодѣ Ноугородьстѣ, просяще Князя собѣ: «Аще не пойдете къ намъ, то нагѣземъ (найдемъ, добудемъ) Князя собѣ». — П. С. Р. Л. Лавр., стр. 49. Замѣчательнъ отвѣтъ Новгородцамъ Святослава: «Абы пошелъ кто къ вамъ»; и еще замѣчательнѣе, что двое изъ сыновей Святослава отказались отъ управленія Нов-

При правнукѣ перваго нашего Князя, Владимирѣ Великомѣ, они вооружали сына противъ отца, Князя своего противъ Князя Великаго, и отказались отъ той дани, которую они обязались платить Князьямъ Великимъ ¹⁶ (1014). По смерти Владимира Великаго они произвели движеніе, посреди котораго погибла Княжеская наемная дружина ¹⁷ (1015). Отношенія ихъ къ Святополку Михаилу (1102) были пропикнуты дерзкой строптивостію противъ распоряженій Великаго Князя и ряда его съ Владимиромъ Мономахомъ, строптивостію, тѣни которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ частяхъ Государства: «Если двѣ головы у твоего сына, то посылай его къ намъ княжить,» говорили послы отъ лица всего Новгорода Святополку, когда, согласно ряду своему съ Владимиромъ, Святополкъ назначалъ въ Князя Новгородскіе своего сына. ¹⁸ При Владимирѣ Мономахѣ, въ 1118 году, т. е., 64 года спустя послѣ смерти Ярослава (въ это время власть Кіевскихъ Князей была въ полной силѣ), замѣтно было броженіе между докняжескими Новгородскими Боярами: Мономахъ вытребовалъ всѣхъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, взялъ съ нихъ вновь клятву, и отпустилъ послѣ того большую часть въ Новгородъ, заточивъ остальныхъ въ Кіевъ, виновныхъ въ томъ, какъ сказано въ лѣтописи, что грабили Дяньслава и Ноздрю; въ чемъ именно винилъ Мономахъ другихъ, кои отпущены были въ Новгородъ, или въ чемъ именно заставлялъ ихъ присягать вновь, это не извѣстно, но, за всѣмъ тѣмъ, необходимость въ этой присягѣ говоритъ положительно, что Новгородскіе докняжескіе Бояре выходили уже тогда изъ законнаго порядка, нарушали дѣйствія воли Княжеской. ¹⁹ Съ смертію сына

городомъ: «и отпрѣся Ярополкъ и Олегъ». Домъ Рюрика заключался въ это время въ семьѣ Святослава.

¹⁶ Ярославу же сющю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года... а тако дааху вси Посадници Новѣгородьстѣи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему. Тамъ же стр. 56.

¹⁷ Тамъ же, стр. 61.

¹⁸ Тамъ же, стр. 128.

¹⁹ Новг. I, стр. 4: Приведе Володимерь съ Мьстисловомъ всл Бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному кресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Дяньслава и Ноздрю, и на Сочьскаго на Ставра, и затоци я всл.

Мономахова, Мстислава, ²⁰ немедленно же обнаружилось въ Новгородѣ сильное движеніе. Лѣтописецъ замѣтилъ его слѣдующими словами: «Ходилъ въ это лѣто Всеволодъ (изъ Новгорода), согласно повелѣнію Ярополка (Великаго Князя) на княженіе въ Переяславль, цѣловавъ между тѣмъ крестъ къ Новгородцамъ, что хочетъ быть у нихъ Княземъ до смерти, ²¹ но Георгій и Андрей (дяди Всеволода), подозрѣвая, что Ярополкъ думаетъ послѣ своей смерти отдать Всеволоду и Кіевъ, выгнали сего послѣдняго изъ Переяславля. Тогда Всеволодъ снова пришелъ въ Новгородъ, и было сильное открытое волненіе между Новгородцами; тогда же пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Князь Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Новгорода; но скорѣ потомъ Новгородцы одумались и возвратили Всеволода съ пути. ²² Это было въ 1132 году. Черезъ четыре года послѣ этого открылось новое, и еще болѣе сильное, движеніе противъ Всеволода же: приведены были дружины Псковскія и Ладожскія, и Всеволодъ былъ задержанъ, впродъ до прибытія Святослава Ольговича, посланнаго къ нимъ Княземъ Черниговскимъ. Въ слѣдующемъ 1137 году открылось опять смятеніе въ Новгородѣ, и опять за того же Князя, Всеволода. Его уже не было въ Новгородѣ, а нѣкоторые изъ Бояръ, даже самъ Посадникъ, держали его сторону и желали видѣть его на Новгородскомъ престолѣ. Псковъ стоялъ за него даже цѣлымъ городомъ; между тѣмъ сторона, противная Всеволоду, была по прежнему сильна. Борьба этѣхъ сторонъ не могла окончиться миромъ. Тогда Посадникъ, Константинъ, и нѣкоторые изъ добрыхъ мужей бѣжали изъ Новгорода къ Всеволоду, а другіе изъ Новгородцевъ, приверженные къ нему, вмѣстѣ съ Псковитянами, тайно послали звать Всеволода на Новгородскій престолъ, увѣряя, что это—общее желаніе Новгорода. Когда, въ слѣдствіе этого, Всеволодъ пріѣхалъ въ Псковъ, какъ Князь Новгородскій, въ Новгородѣ откры-

²⁰ Княженіе Мстислава относится также къ той порѣ, когда власть Великихъ Князей не была ослаблена междоусобіями.

²¹ Подобныя оговорки, косвенно снимающія вину съ Новгородцевъ, допускаются Новгородскими лѣтописцами часто, и вводятъ ихъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ; при описаніи отношеній Новгорода къ Всеволоду, въ страшныя противорѣчія и съ ходомъ событій и съ самими собою.

²² Новгород. I, стр. 6.

лась разлада: одни обнаружили явное, открытое нерасположеніе къ нему, другіе оставили Новгородъ и бѣжали къ Всеволоду въ Псковъ, подобно самому Посаднику, Константину, и другимъ добрымъ мужамъ, о которыхъ мы сказали выше. Между оставшимися даже въ самомъ Новгородѣ были приверженцы Всеволода. «И взяты были тогда на разграбленіе дома Константиновъ (Посадникъ), Нѣжатинъ (положительно Боярскій) и иныхъ многихъ, да еще кто изъ Бояръ (конечно, остававшіеся внутри Новгорода) былъ на сторонѣ Всеволода, съ тѣхъ взыскали боляе полуторы тысячи гривенъ и отдали этѣ деньги купцамъ на вооруженіе къ войнѣ противъ Пскова, при чемъ нѣкоторые подверглись пенѣ и невинно.» Псковъ, эта составная часть Новгородскихъ владѣній, между тѣмъ не хотѣлъ слушать воли главной или сильнѣйшей стороны Новгородцевъ, относительно Всеволода: онъ признавалъ въ послѣднемъ по прежнему Князя Новгородскаго, и былъ готовъ на открытую борьбу за него противъ Новгорода; даже по смерти Всеволода призналъ своимъ Княземъ брата его, Святослава, не обращаясь уже къ Новгороду за совѣтомъ, и не признавая, конечно, въ избранномъ сильнѣйшею стороною Князѣ влстителя Новгородскаго. ²³

Изъ какихъ именно отихій образовывалась противная Всеволоду сторона, это оставлено лѣтописцемъ безъ прямого объясненія; но указаніе, что пенныя деньги съ Бояръ, приверженныхъ Всеволоду, были отданы купцамъ, какъ средство на вооруженіе ихъ для войны противъ Всеволода же, за всѣмъ тѣмъ ясно говоритъ, что главнѣйствующая сторона, распоряжавшаяся дѣлами противъ Всеволода, была не Торговая сторона, не купцы, по тому что, въ противномъ случаѣ, лѣтописецъ не могъ бы сказать: «людье отдали деньги купцамъ на вооруженіе», а сказалъ бы, что купцы употребили этѣ деньги на вооруженіе. И такъ ясно, что сторона, противная Всеволоду, состояла изъ самихъ же докняжескихъ Бояръ: раздоръ шелъ между ними, и въ немъ скрывалась, изъ него исходила,

²³ Нов. I, стр. 7 и 8.—Ипатьев., стр. 14. Лѣтописецъ Южной Руси говоритъ, что Всеволода вызвали Псковитяне, слѣдовательно, сторона слабѣйшая въ самомъ Новгородѣ, державшаяся Всеволода, прислонялась въ своемъ дѣлѣ къ Пскову, и терялась въ личности сего послѣдняго.

въ настоящемъ случаѣ несостоятельность Княжеской власти. Торговая сторона могла играть только страдательную роль, подобную той, какую играли Псковитяне за годъ передъ тѣмъ въ дѣйствіяхъ Новгорода противъ того же Всеволода, и это предположеніе подтверждается тѣмъ, что мысль удалить Всеволода сидюю изъ предѣловъ области Новгородской, т. е., силою заставить Псковитянъ отказаться отъ Всеволода, не нашла живаго отвѣта между Новгородцами: вспомоществуемые Половцами и дружинами, вызванными Княземъ Святославомъ изъ области Курской, Новгородцы выступили въ походъ противъ Пскова, но съ дороги безъ всякаго боя вернулись опять въ Новгородъ. На другой годъ Новгородцы изгнали и Святослава, а жену его заставили скрыться въ монастырь Св. Варвары. Въ 1139 году Святославъ былъ снова призванъ въ Новгородъ, и чрезъ два послѣ того года обнаружилось въ отношеніи его то же раздвоеніе, одна вѣсть о которомъ заставила его тайно бѣжать.²⁴ Посадникъ Якунъ, какъ сказано въ лѣтописи, и иные держали сторону Святослава, а всѣ остальные были противъ него; трое же изъ Бояръ, изъ коихъ два были явно искателями Посадничества, находились до такой степени въ дурныхъ отношеніяхъ къ Князю и Посаднику, что еще до бѣгства Святослава сами скрылись изъ Новгорода, и возвратились только съ удаленіемъ Святослава;²⁵ остальная же часть противной стороны Святославу, не извѣстно, изъ кого именно состояла, но была столь сильна, что безъ всякаго сопротивленія дада и жестоко распорядилась судьбой Посадника, его брата, и остальныхъ.²⁶ Сверхъ того, должно замѣтить, что въ продолженіи же кня-

²⁴ Нов. I, стр. 9: Онъ же, убоявша Новгородца, чи презьствѣше мя пмуть, и бѣжа отаи въ ночь. Шпат. стр. 17: И сыръяя ему кумъ Тысячкой его: «Княже! хотять тя яти»; онъ же, убоявша, и бѣжа, и съ жепою и съ дружиною своею, на Полтескъ, Смоленску.

²⁵ Судило, Нѣжата: оба они были въ послѣдствіи Посадниками, и первый назначень былъ въ эту важную должность немедленно же по возвращеніи своемъ въ Новгородъ, послѣдовавшемъ въ слѣдъ за удаленіемъ Святослава. Нов. I, стр. 9. Призваху изъ Суждаля Судилу, Нѣжату, Страпка, оже блху бѣжали изъ Новгорода, Святослава дѣля и Якупа.

²⁶ Нов. I, стр. 9: И Якуна (Посадника) яша на Плескъ, и прпведше и сѣмо съ

женія Всеволода и Святослава совершились три такихъ дѣла, которыя свѣдѣтельствуя о дикомъ произволѣ суда Новгородскаго: подъ 1134 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что Новгородцы, толкуя на вѣщѣ о войнѣ противъ Суздальскаго Князя, вооружились вдругъ противъ нѣкоторыхъ своихъ собратьевъ (мужи), убили ихъ и свергли съ моста въ Волховъ; въ самомъ началѣ княженія Святослава Новгородцы также убили какого-то Георгія Жирославича,²⁷ и бросили тѣло его съ моста въ Волховъ. Тогда же раненъ былъ одинъ изъ дружинниковъ изгнаннаго уже Всеволода. Подъ 1156 годомъ лѣтописецъ передаетъ намъ важное свѣдѣтельство о совершенномъ отсутствіи единства нравственныхъ убѣжденій Новгородцевъ въ дѣлѣ Государственномъ, или о распаденіи Новгорода въ двухъ основныхъ Государственныхъ началахъ, распаденіи на сторону докняжескихъ Бояръ и сторону небоярскую: обѣ онѣ стояли во враждебномъ положеніи, и Княжеская власть не только не могла водворить мира между двумя сторонами, но, потерявъ всякую возможность на посредничество, она, сама при этомъ общемъ волненіи, требовала физической опоры себѣ въ сторонѣ небоярской противъ стороны боярской, которая открыто дѣйствовала противъ Князя (Мстислава): «Бысть котора зла въ людѣхъ, и возсташа на Князя Мстислава на Гюргевици, и начаша изгонити изъ Новагорода; тѣрговини же полъ сташа въ оружіи по немъ,» мостъ, раздѣлявшій двѣ враждующія стороны, былъ разобранъ; по концамъ моста стояли караулы, такъ что все готово было къ явной борьбѣ и кровопролитію; въ это время между тѣмъ вошли въ Новгородъ двое Князей Ростиславичей, Святославъ и Давидъ, напередъ посланные Ростиславомъ Смоленскимъ, который, безъ сомнѣнія, по просьбѣ Новгородцевъ, готовъ былъ взять Новгородъ подъ свое управленіе, т. е., безмолвно согласился на изгнаніе Мстислава. Князь Мстиславъ бѣжалъ послѣ того, а чрезъ три дня, посреди Новгород-

братомъ его Прокопью, мало не до смерти убиша, и обнаживше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; но Богъ избави, прибрѣде къ берегу, и боги его не биша, иъ взяша у него 1000 гривень, а у брата его 100 гривень, тако же и у нихъ имаша; и заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и рудѣ къ шьв.

²⁷ Не сынъ ли Посадника Жирослава?

цель явился самъ Ростиславъ (отецъ Святослава и Давида), Князь Смоленскій, и только съ приходомъ его враждебное положеніе двухъ сторонъ прекратилось. Событіе замѣчательное, вполне обозначающее бытъ Новгорода: одна часть его требуетъ одного, другая другого; не совѣщаніемъ, а силой рѣшится споръ; такъ во всемъ; такъ и въ отношеніи къ власти: ни что не имѣетъ въ немъ нравственной опоры, все колеблется, подобно тому, какъ колеблется въ немъ и вѣра о Княжеокой власти. Убѣжденіе Новгородцевъ говорить, что нѣтъ мира въ жизни безъ сосредоточенія власти въ личности о Князѣ; по чему дѣл враждующія за Мстислава стороны, до явленія новаго Князя, Ростислава, не мирятся и стоятъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, и съ явленіемъ Ростислава представляютъ собою опять единое, какъ будто бы лицо Князя облечено было общимъ довѣріемъ къ себѣ и могло водворить между ними миръ; а въ то же время сами же разрушаютъ это убѣжденіе: святотатствуютъ, поругаются надъ властію, позорно преслѣдуя ее теперь въ лицѣ Мстислава, а въ 1132 г. въ лицѣ Всеволода.

Но если стремленіе докняжескихъ Бояръ сохранять свои старинныя права, пользоваться ими безъ стѣсненій, стремленіе къ поддержанію своего доисторическаго значенія, освященнаго самимъ Ярославомъ, понятно, то непонятною остается для насъ разладица въ самой Боярской сторонѣ, безъ соображенія другихъ данныхъ, которыя будутъ изложены ниже и уяснятъ обширный смыслъ этой разладицы; непонятно также для насъ, Русскихъ, какъ слабо было развито понятіе о Княжеской власти въ остальной толпѣ, представительницей которой являлась въ Новгородѣ торговая сторона. Вотъ она вооружается за Князя Мстислава Георгіевича, подобно тому, какъ Владимирцы на Клязмѣ вооружались за Княземъ Михаиломъ и Всеволодомъ противъ докняжескихъ Ростово-Суздальскихъ Бояръ, стремившихся и сдѣсь къ поддержанію своего древняго значенія, въ ущербъ власти Княжеокой; но не вступаетъ, однако, подобно имъ, въ кровавую, мощную борьбу за Мстислава, а остается покойною и довольною, получивъ, вмѣсто Мстислава, другого Князя: очевидно, что она: противоборетвовала докняжескимъ Боярамъ лишь на столько, чтобъ не быть, какъ прежде, подъ властію ихъ однихъ, чтобъ для нея судъ былъ выше Боярекаго, былъ правитель выше Боярина, чтобъ былъ Князь, а будетъ тотъ или другой

Князь, это было для нея безразлично; однимъ словомъ, эта слабость дѣйствій, въ поддержаніи Мстислава Георгіевича, говоритъ, что даже въ пору, близкую къ Ярославу, между Князьями и новымъ Княжескимъ началомъ не было въ Новгородѣ того святаго союза, которыми связывались Владимирцы съ своими Князьями: «Мы отцы наши, нашихъ семей; мы желаемъ вамъ всякаго добра, и чтобы видѣть васъ, дѣтей нашихъ, оковы Князьями, головы положить за васъ свои головы: нѣтъ мира между нами и старыми княжескими, господствующими доселѣ началами; вѣра наша въ него изсѣкла; въ господствѣ его погибнемъ мы, жены и дѣти наши, погибнетъ живны; вы только можете спасти насъ; мы вѣруемъ въ васъ, мы любимъ васъ, какъ любимъ жизнь свою, какъ любимъ своихъ женъ, дѣтей, и мы бьемся за васъ противъ всѣхъ враговъ, какъ за вѣру нашу въ жизнь нашу, за свои родныя семьи, какъ за отцовъ спасителей нашихъ. Любите же вы насъ, какъ мы преданы вамъ, какъ мы вѣруемъ въ васъ, и не миритесь съ врагами жизни нашей; преслѣдуйте ихъ строго и неизмѣнно, какъ неизмѣнно преслѣдуетъ отецъ враговъ семьи своей; будьте отцами намъ, дѣтямъ нашимъ!» Судовъ подобнаго вѣчнаго святаго союза Владимирцевъ съ своими Князьями мы не замѣчаемъ въ Исторіи Новгородской даже въ пору, близкую Ярославу: Новгородцы чувствуютъ только нужду въ посредничествѣ Князя, а святаго союза между ними и ихъ Князьями нѣтъ.

Вотъ по чему говоримъ мы, ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей и не могла утвердиться въ Новгородѣ. Это подтверждаютъ и все выше приведенныя явленія, въ особенности изгнаніе и захватъ Всеволода и бѣгство Святослава. Не та ли же безжизненность и шаткость въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Новгородцевъ относительно всего, въ томъ члѣнѣ и власти Княжеской, и необходимо истекавшая отсюда шаткость самой жизни, были причиною удаленія изъ Новгорода Олега, и не преданность ли Кіевлянъ къ своимъ властителямъ съ самыхъ раннихъ временъ приковала первыхъ Князей нашихъ къ Кіеву? Да, если даже не подъ этѣмъ, а подъ особымъ, влияніемъ Олегъ удался изъ Новгорода на Югъ, то за всѣмъ тѣмъ колебаніе Новгородской жизни и свойство исключивости Новгородцевъ относительно Князей отталкивали отъ нихъ другихъ потомковъ Рюрика.

Святославъ Ольговичъ, замѣтивъ движеніе противъ себя на вѣ-
цахъ, и готовясь тайно скрыться изъ Новгорода, послалъ сказать
брату своему Всеволоду, Великому Кіевскому Князю: «Тягота, брате,
въ людѣхъ смѣхъ; а не хочу въ нихъ быти; а кого тобѣ любо, того
и послы въ смѣ (Новгородъ)». ²⁸ Подобныхъ словъ тѣхъ устъ самого
Князя не раздавалось во всей нашей древней Исторіи ни объ од-
ной изъ составныхъ частей тогдашней Руси, за исключеніемъ Нов-
города. Таково было сдѣсь поименіе Князей чрезъ восемь лѣтъ
послѣ смерти Мстислава Великаго, принадлежавшаго къ цвѣтущей
порѣ власти Великокняжеской, и спустя восемьдесятъ семь лѣтъ
послѣ смерти Ярослава I-го. Уже стурентивость Новгородцевъ вы-
скабалась въ это время не только противъ Святослава Ольговича,
но и противъ самого Великаго Князя: призваны лучшіе мужи изъ
всѣхъ; принявъ отъ Великаго Князя къ себѣ на княженіе сына его,
Святослава, и отправившись уже съ нимъ въ Новгородъ, вдругъ
на дорогѣ передумали, и явились снова къ Великому Князю съ
словами, что Новгородъ не хочетъ имѣть у себя Княземъ его сына,
а хочетъ Святополка Мстиславича; и Новгородцы были столь на-
стойчивы въ своемъ требованіи, что таки не приняли Святослава
Всеволодовича, и до назначенія желаемого ими Князя, котораго они
потомъ также назвали злобнымъ, приняли къ себѣ на княженіе
сына Суздальскаго Князя, Ростислава Георгіевича, ²⁹ поступивъ съ

²⁸ Ипат. 17.

²⁹ И прислаша Новгородци Епископа съ мужи своими къ Всеволоду, рекуче: «Дай
намъ сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотимъ!» И посла къ нимъ съ тѣхъ
свои, Святослава. И бывшио ему въ Черниговѣ, Новгородци сдумавше, рекоша
Всеволоду: «Не хотимъ сына твоего, ни брата, ни племени вѣсего, но хотимъ
племени Володимера». Всеволодъ же се слышавъ, посла на нихъ, врати Епископа
съ ними и удержъ ѣ со Епископомъ, рекоша бо тако: «Дай ны шюринна своего,
Мстиславича!» Всеволодъ же, не хотя перепустити Новгорода Володимерю пле-
мени, призва шюринна своя, да има Берестій, река: «Новгорода не березѣта,
а тѣ сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ Князя не нагѣзуть!» (замѣчательное выра-
женіе!); а Новгородци же держа у себе зяму же и лѣто, и съ Епископомъ....
Слышавше Новгородци, оже приагъ Всеволодъ братью ихъ, и не стеряче безъ
Князя сѣдяти, и ни жито къ нимъ не вѣдше ни откогдѣ же, и послаша Гюр-
геви мужи своя, и посла Ростислава Гюргевича, и посадиша Новгородци съ
великою честью Новѣгородъ на столѣ своего ему отца. Ипатъев. стр. 17.—И сѣ-
дѣша Новгородци безъ Князя 9 мѣсяць.... Епископъ, и купецѣ Новгородскыя, и

нимъ, при назначеніи Воеводою желаннаго ими Святополка, точно такимъ же образомъ, какъ поступили они и съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, т. е., захватили его до прибытія Святополка. Положеніе новаго начала замѣчательно также и здѣсь. Если нѣтъ положительныхъ данныхъ, которые бы доказывали, что само новое начало принимало какое ни будь участіе въ захватъ Ростислава, по крайней мѣрѣ оно явилось столь безцвѣтнымъ, столь безжизненнымъ, что даже не обнаружило ни малѣйшаго движенія противъ княжескихъ Бояръ въ пользу Ростислава. Стрѣль же безцвѣтнымъ, столь же безжизненнымъ, явилось новое начало въ 1160 году, когда въ глазахъ его Князь Святославъ Ростиславичъ, сынъ Великаго Князя, насильно былъ высланъ въ Ладогу, когда жена этого Князя принуждена была локать покровъ въ монастырь Св. Варвары, а дружина Княжеская заточена.³⁰ Въ слѣдующій за тѣмъ годъ Святославъ Ростиславичъ снова введенъ былъ въ Новгородъ на княженіе, но чрезъ шесть лѣтъ онъ увидалъ полную невозможность безъ постороннихъ силъ имѣть здѣсь твердую себѣ опору, и по тому, думая застрашать Новгородцевъ и заставить ихъ открытъ въ средѣ своей болѣе сильную, хотя временную, опору для власти Княжеской, удалился въ Луки, и оттуда прислалъ сказать имъ, что не хотятъ у нихъ болѣе княжить; но эта тактика, вмѣсто желаннаго, произвела совершенно обратное дѣйствіе. Новгородцы сами послѣ того не только не хотѣли видѣть Святослава своимъ Княземъ, но, вооружившись, выгнали его силою и изъ Лукъ, и въ то же время отрядили посольство въ Кіевъ просить къ себѣ на княженіе сына Кіевского Великаго Князя, Романа Мстиславича: союзъ Ростиславичей, Святослава и Романа, съ Княземъ Ростово-Суздальскимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, и съ Князьми Полоцкими, опустошеніе пограничныхъ частей Новгородской области, занятіе пути Новгородскимъ посланъ къ Кіеву на всемъ пространствѣ, начиная отъ Полоцка до Москвы и Ростова, не измѣнили свойства первоначальнаго движенія, а напротивъ еще пробудили въ Новгородцахъ нена-

сны не пуцаху изъ Руси, и они не хотяху иного Князя, развѣ Святополка; и вѣда имъ Святополка изъ своею руку. Нов. I, стр. 9.

³⁰ Нов. I, стр. 13.

вѣсть противъ Посадника Захарія и двухъ другихъ лицъ, имен-
но Неревина и Нѣзды, изъ коихъ первый, т. е., Неревинъ,
какъ и самъ Посадникъ принадлежалъ къ Боярамъ, —²⁴ ненависть,
коварная развернулась дикимъ произволомъ и повлекла за собою
гибель всѣхъ этихъ трехъ лицъ, ²⁵ которые или заподозрѣны бы-
ли въ готовности дѣйствовать за Святослава, или действительно
дѣйствовали въ пользу его. ²⁶ Тамъ Новгородъ былъ ревнивъ
къ спорѣ, которую Князь могъ найти себѣ посреди его, и такъ
было безжизненно, безцвѣтно въ Новгородѣ новое начало. Ро-
манъ Ростиславичъ явился на княженіе тоже для того лишь, что-
бы видѣвъ одно колебаніе жизни Новгородской и невозможность от-
крыть посреди этого колебанія прочныя основы для закона и поряд-
ка: онъ былъ главою Новгорода въ то время, когда Андрей Боголюб-
скій устремилъ противъ того города огромное ополченіе, чтобы си-
лой стѣснить тѣсноту Новгородцевъ и совершенно подчинить
ихъ своей волѣ. Князь Романъ кончилъ эту борьбу въ пользу Нов-
города, и Новгородцы, въ благодарность за это, въ сѣдующій же
за тѣмъ годъ, указали ему путь изъ Новгорода и повесѣли къ Андрею
за миромъ; и потому послѣ двухъ лѣтъ княженія въ немъ Рюрика
Ростиславича, смѣнившаго Романа, просили опять у Андрея же
Боголюбскаго на княженіе сына его.

Это обращеніе къ Боголюбскому, при неполномъ знакомствѣ
съ Исторіею Новгорода, не можетъ не поражать насъ, какъ, при
знакомствѣ съ нею, открываетъ съ перваго же взгляда истинное
состояніе внутренней Новгородской жизни и отношеній Новгорода
къ Князьямъ. Романъ, противоборствовавшій покушенію Андрея,
гибельному для старинны Новгородской, изгнанъ Новгородцами; мало

²⁴ Кто былъ Нѣзда — положительно не извѣстно. Легко быть можетъ, что онъ былъ
родоначальникъ богатѣйшей Боярской фамиліи — отецъ Посадника Мироски
Нѣздича и дѣдъ Посадника Дмитрія Мироскиничча.

²⁵ Всѣ они были убиты. Тамъ же, стр. 14.

²⁶ Въ годъ вторичнаго приглашенія Святослава на княженіе въ Новгородъ былъ
Посадникомъ Нѣздата, негого тогда же уволили отъ должности и вмѣсто него
дѣлалъ Захарія. Тамъ же: стр. 13.

того, Новгородцы сами же обращаются къ пораженному врагу съ предложениемъ о мирѣ, и сынъ Боголюбскаго, врагъ Новгорода, княжить въ мѣстѣ, но пресѣбѣ самикъ же Новгородцевъ. Что жь значить въ дѣйствительности подобный оборотъ дѣла? Объявленіемъ Романа Мстиславича мы уже не говоримъ: оно прямо указываетъ, какъ и другія выше приведенныя нами проиществія, на ту же безжизненность новаго начала; на отношенія къ Боголюбскому, послѣ его пораженія, объявлять весь внѣшній бытъ Новгорода, и мы остановимся на нихъ съ большимъ вниманіемъ.

По всѣмъ даннымъ въ оцѣнѣ ихъ лежитъ донужная нужда, и не болѣе. Мы увидимъ скоро, какая низшая ступень эга зависимость отъ вещественныхъ выгодъ, это стремленіе къ стяжанію ихъ, къ ихъ сохраненію, ниведутъ всѣ думы о законности, порядкѣ и власти. Это-то стремленіе къ поддержанію вещественныхъ выгодъ вставило и теперь Новгородцевъ обратиться къ Андрею съ просьбою о дарованіи имъ Князя, въ лицѣ его сына, и принялъ отъ Владимрскаго Князя въ Посадники Жирослава, котораго Рюрикъ лишилъ посадычества и изгналъ изъ Новгорода.

И трудно было не соблазниться холодному Новгороду: вещественными выгодами. Этѣ выгоды были велики. Кто не будетъ стараться приблизить къ себѣ прекрасные, нужные дары, которыми Богъ исполняетъ міръ, иная? Новгородцевъ, тѣмъ болѣе. Его собственная природа была бѣдна, его богатства были вѣтъ и далеко отъ его страны. Земли самого Новгорода не изобиловали ни чѣмъ, развѣ только рыбой, и до такой степени были неплодородны, что область Новгородская всегда нуждалась въ продовольствіи. Лѣтописи ея чѣто говорятъ о недостаткѣ въ продовольственныхъ произведеніяхъ, о высокой цѣнѣ на нихъ, наконецъ о голодѣ и морѣ. Этотъ недостатокъ въ продовольствіи рѣзко выдается, когда мы сравнимъ сказанія Новгородскихъ лѣтописцевъ съ сказаніями лѣтописцевъ другихъ частей Руси. Въ семъ отношеніи Новгородъ имѣлъ большое сходство съ Англіей, и въ этомъ же отношеніи былъ въ сильной зависимости отъ другихъ частей нашего Государства. Безъ торговли Новгородская область была одна изъ бѣднѣйшихъ областей, и одичала бы въ въ нищету, или значительная часть ея жителей выселилась бы въ другія области. Между

дѣль торговли приближала къ ней богатства Западной Европы, отдаленныхъ лѣсныхъ пустынь знанѣйшей сѣверной Россіи, еще болѣе отдаленныхъ богатыхъ Государствъ средней Азіи и наконецъ Римской Восточной Имперіи. Золото, серебро, многообразныя украшенія изъ нихъ: браслеты, серги, ожерелья, пуговицы, бусы, бляшки для платья, бляшки для оружія, самое оружіе, дорогія сѣдла, вещи разнаго рода изъ мѣди, вещи изъ разноцвѣтнаго стекла, драгоценныя камни, янтарь, мѣдвѣя изъ слоновой кости, дорогіе мѣха: чернобурая лисица, песцы, горностай, бобры, и мѣха не столь цѣнныя, какъ, на прим., бѣлицы, разныя лакомства: финики, орѣхи и т. п., вина, марчи, шелковыя бумажныя матеріи, пергаментъ, а въ послѣдствіи и многіе другіе товары. Еще теперь подобныя богатства встревожатъ болѣе или менѣе каждаго, а тогда, во время волнаго налета невѣжества въ дѣль искусства и ремесла, во время бѣдности нашей въ богатствахъ природы, во время малаго знакомства нашего съ роскошью жизни..... «Дайте хоть частичку этѣхъ богатствъ, говорили, одни, и добывались!»²⁴ другіе только и мечтали объ этѣхъ богатствахъ. А Новгородъ пользовался ими еще рано, въ IX, X столѣтіяхъ, богатыя потомъ еще болѣе этотъ Новгородъ, посреди бѣдной и немощной природы, окруженный болотами и болотами. Онъ, бѣднякъ—богачъ! Одинъ только Кіевъ могъ превосходить, и конечно превосходилъ, его своими богатствами. Положеніе Новгорода въ торговомъ отношеніи было самое выгодное. Онъ оиать, подобно Англіи, успѣлъ рано двинуть свои поселенія къ сѣверу и сѣверо-востоку, успѣлъ рано завладѣть до береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана и до горъ Уральскихъ, въ томъ числѣ землями Печоры, Югры,²⁵ и вмѣстѣ съ этѣмъ приобщить себя главнѣйшій родникъ нашихъ древнихъ богатствъ.

²⁴ Припомнимъ, какъ въ X столѣтіи дружина Великаго Князя хвалилась, что она ѣсть за столомъ Княжескимъ не деревянными ложками, а серебряными; припомнимъ договоръ XII столѣтія Риги съ Смоленскомъ, гдѣ особой статьей выговаривается у купцовъ заграничныхъ Киянъ кусокъ полотна, а Тиуку — перчатки (руковицы съ перстами).

²⁵ Обоимъ и землями Двинской области — въ X столѣтіи; Емью и Корелой — въ XI, Пермью — то же не позже XI столѣтія; Печорой — то же; Югрой — не позже XII столѣтія.

Послѣ этого дѣромнаго пріобрѣтенія пушной товаръ, который расходился по высокимъ цѣнамъ между самыми отдаленными странами Азіи, продавался въ значительномъ количествѣ въ Византійской Имперіи, отправлялся въ Западную Европу, даже украшалъ собой богатые наряды властителей Исканія и переходилъ оттуда, тожь какъ предметъ роскоши, въ самую Африку. Ни города, передававшіе наши товары въ Среднюю Азію, ни города, имѣвшіе торговые сношенія съ Византійской Имперіей, наконецъ ни города, имѣвшіе сношенія съ Западомъ, не могли снабжать ихъ пушнымъ товаромъ безъ Новгорода: энц, безъ малѣйшаго сомнѣнія, получали его главною частію изъ Новгорода, въ особенности самые дорогіе меха. ³⁶ Полоцкъ, Смоленскъ и Псковъ, чрезъ которые также шель торговый путь изъ Азіи и Восточной Имперіи въ Западную Европу, не могъ представить ни какихъ равноцѣнныхъ съ пушнымъ товаромъ богатствъ своихъ въ обмѣнъ чужестранныхъ, переходившихъ чрезъ наше Отечество и останавливавшихся въ нихъ для нуждъ мѣстныхъ. Кромѣ того, съ сказаннымъ пріобрѣтеніемъ Новгородъ пріобрѣлъ источники серебра, которыхъ не имѣла ни одна изъ составныхъ частей тогдашней Руси.

Нашъ Новгородъ богачъ, и, какъ богачъ, онъ спесивъ, онъ кичливъ: общая черта наша, размягченная, сглаженная слезами и иривою въ другихъ частяхъ Россіи въ продолженіи долгихъ невзгодъ, та равнившаяся во всей силѣ, со всей рѣзкостью, въ Новгородѣ. Въ спеси и кичливости теряется чувство семейное и религіозное. Вся цѣль жизни: стяжаніе богатства; стать выше другихъ по внѣшней обстановкѣ. Это направленіе воспитывало и ставило дѣтей въ подобное же ложное положеніе къ семьѣ и къ обществу: теряя изъ виду ихъ душевное истинное счастье, отцы только удовлетворяли тщеславію, хлопотали, чтобы только поставить ихъ цовиднѣ въ обществѣ. Боярство гордилось передъ идашими, ³⁷

³⁶ До подчиненія Новгороду, конечно, Югра могла имѣть прямыя торговыя сношенія съ Азіятскими торговцами, о чемъ сохранились темныя сказанія у Аравитянъ.

³⁷ Этотъ характеръ Боярскій ниже будетъ очерченъ подробно, на основаніи довольно богатыхъ историческихъ данныхъ.

не руководя ихъ ни въ семейномъ, ни въ религіозно-гражданскомъ чувствѣ; болѣе низшій слой, въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ, тупѣлъ въ этѣхъ чувствахъ, терялъ сознание въ нихъ и, сосредоточиваясь на думѣхъ старшихъ, искалъ самъ только стяжаній и внѣшней, болѣе видной, обстановки; каждый честный и благородный гражданинъ, при этѣхъ условіяхъ, долженъ былъ пугаться общей насмѣшки, общаго пренебреженія, въ случаѣ своей бѣдности, или измѣнить честности и благородству, жертвуя ими для стяжанія богатствъ, или же, раздражаясь уклоненіемъ жизни отъ истиннаго пути, возставать противъ ея ложности, являться одинокимъ борцомъ истины, и сдѣлаться, наконецъ, при общемъ ложномъ убѣжденіи, Новгородскимъ Донкихотомъ, юродивымъ, примѣръ чего и представляетъ намъ Новгородская Исторія.³⁸ Той же спесью и кичливостію Новгородецъ долженъ былъ выражаться и въ отношеніи къ другимъ частямъ Руси: отсюда холодность его къ судьбамъ сихъ частей. Въ этой спеси и кичливости, какъ въ глубокомъ корнѣ страшныхъ золъ, крылась и неправильность отношеній къ власти: власть должна была питать только эту спесь, поддерживать внѣшнюю обстановку жизни, раскрывать большій просторъ къ стяжаніямъ, какъ къ первому условію для этой обстановки, и по этому жертвовать истинными, здоровыми, требованіями жизни семейной и религіозной, жертвовать порядкомъ общественнымъ, дающимъ просторъ и свѣтъ симъ двумъ основнымъ чувствамъ для жизни всякаго общества, Государства. Кичливость помогала этому внутреннему разстройству.

Но Провидѣніе, давъ Новгороду обширное поле для торговыхъ предпріятій, давъ возможность стяжать несмѣтныя, по тогдашнему времени, богатства, положило предѣлъ гибельнымъ чувствамъ, исполнявшимъ Новгородъ, и нашъ богачъ и гордецъ, не хотѣвшій знать никого, могъ умереть иногда съ голоду безъ подвоза продовольственныхъ припасовъ изъ земель сосѣднихъ.

Былъ случай, когда онъ съ униженіемъ, какъ милостыни, долженъ былъ просить кусокъ хлѣба. Недостатокъ въ продовольствіи

³⁸ См. ниже Жизнь Угодниковъ Новгородскихъ, Николая и Феодора.

проглядываетъ чрезъ всѣ сказанія Новгородскихъ лѣтописцевъ. Не разъ голодъ, съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ, повальной болѣзною, пустошилъ его съ его областями страшнымъ образомъ, когда мертвыхъ не успѣвали хоронить, когда псы терзали человѣческіе трупы на улицахъ и площадяхъ. Постигали Новгородъ и такія несчастія, что родители отдавали Богъ знаетъ въ чьи руки дѣтей своихъ, отказывались отъ нихъ, разставались съ ними на вѣки, чтобы только спасти ихъ отъ голода. Постигало и то страшное несчастіе, когда человѣкъ, томимый голодомъ, терялъ рассудокъ и поѣдалъ своихъ собратій живыхъ и мертвыхъ. Страшно подумать!...

Въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ въ сильной зависимости отъ богатствъ Владимиро-Ростовскаго Княжества. Торговля выгоды по другимъ предметамъ связывали его еще тѣсно съ этими землями: онъ не могъ оторваться отъ нихъ. Но онъ долженъ былъ ладить и со всѣми другими частями Руси, желая сохранить тѣ же торговля выгоды. Его торговля дѣльцы, его богатства, были разбросаны повсюду: ссора съ властителями другихъ частей Руси, какъ ссора съ Княземъ Владимиро-Ростовскимъ, могла остановить за разъ всѣ огромные торговля обороты его, завладѣть двуглавшимися всюду его товарами, захватить самихъ дѣльцовъ и купцовъ, и поразить, такимъ образомъ, всѣ жизненныя силы его: онъ богатъ и силенъ только этими обширными, почти повсемѣстными, торговыми оборотами своими. Его политическое положеніе въ отношеніи другихъ частей Руси было по этому опять подобно настоящему положенію Англій, которой всѣ богатства и силы тѣсно, неразрывно, связаны почти съ судьбою цѣлаго міра. Но со второй половины XII столѣтія его зависимость отъ Владимиро-Ростовскаго Князя сдѣлалась болѣе рѣшительною. Тремя главнѣйшими путями шла его обширная торговля: однимъ чрезъ Кіевъ, съ Византійской Имперіей, другимъ чрезъ земли Владимиро-Ростовскія, съ Азіатскими народами, и третьимъ чрезъ Чудскій заливъ и Балтійское море, съ Западомъ. Съ паденіемъ Тмутараканскаго Княжества Азіатская торговля должна была сосредоточиться на пути чрезъ Владимиро-Ростовское Княжество. Сверхъ того, мы должны припомнить, что Князья Владимиро-Ростовскіе, начиная съ Георгія, Андрея отца, и до самаго нашествія Татаръ, имѣли по временамъ обширное вліяніе на всѣ южныя системы нашего Государ-

ства, оставаясь постоянно внѣ всякой зависимости отъ Великихъ Кіевскихъ Князей, и замѣтить, что во второй половинѣ XII столѣтія торговля Кіева съ Византійскою Имперіею и съ землями, входящими нынѣ въ составъ Восточной части Австрійскихъ владѣній, должна была много пострадать отъ усиленія Половцовъ въ степяхъ нынѣшней Южной Россіи: суда и караваны съ товаромъ не могли свободно подходить къ Кіеву, безъ содѣйствія значительныхъ военныхъ силъ.³⁹ Самое паденіе вліянія Кіева на Князей Полоцкихъ, Черниговскихъ, Владимиро-Волынскихъ и на земли Галиціи, равно какъ непрерывныя смуты на Югѣ и отдаленность Кіева, для содѣйствія Новгороду военными силами, все это заставляло Новгородцевъ еще болѣе заискивать и по возможности поддерживать добрыя отношенія къ Князьямъ Владимиро-Ростовскимъ.

Новгородъ, подобно Англіи, долженъ былъ высматривать всюду выгоды свои, и онъ поддерживалъ ихъ, жертвуя, подобно же Англіи, для этого выгодами другихъ областей на столько, чтобъ не наклевать на себя опаснаго врага. Да, нашъ Новгородъ была наша Англія. Вещественныя, а не нравственныя, выгоды опредѣляли его внѣшнія отношенія: нравственнаго начала въ внѣшнихъ дѣлахъ не существовало для Новгорода. Самая религія была, подобно какъ въ Англіи, орудіемъ вещественныхъ выгодъ, и по тому лѣтописи всѣхъ частей Руси, даже лѣтописи самаго Новгорода, относятся о Новгородцахъ, какъ объ людяхъ, для которыхъ клятва — игрушка: они постоянные клятвопреступники; клянутся, по тому что этого

³⁹ Ипатьев. стр. 93, подъ 1167 годомъ: Се же увѣдавши Половци, оже Князи не въ любви живутъ, шедше въ пороги (Двѣпоровскіе), начаша пакостити Гречникомъ; и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и въведеша Гречники (суда изъ Греціи съ товаромъ). Тамъ же, стр. 94, подъ 1168: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ вси мъ съвкупитися у себе съ всеми полки своими, и приде (такой и такой-то Князь, всего 11 Князей и Галичане)... и стояша у Канева долго время, дондеже взыде Гречникъ и Залозникъ, и отгозъ възвратишася въ свояси. Тамъ же, стр. 98, подъ 1170: И пача молвити Мьстиславъ братьи своей: «Се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжъ ихъ помнали есмы, дѣтя ихъ помнали есмы, и стада и скоть, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ въшли противу Гречнику.» И лоба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: «Тако буди!...»

требуетъ необходимость, но въ душѣ таитъ другое, и при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нарушаютъ эту клятву.⁴⁰ Всѣ обломки отъ жизни, всѣ порождавшіе тревогу и опасеніе въ другихъ частяхъ Руси, находили пріютъ въ Новгородѣ, если только пребываніемъ этѣхъ лицъ онъ могъ грозить за свои выгоды тревогой остальной Руси; въ противномъ же случаѣ онъ преслѣдовалъ и гналъ безъ изъятія, даже людей благороднѣйшихъ и дѣтей, даже казнилъ собственныхъ своихъ собратій, совершенно невинныхъ въ нравственномъ отношеніи: «Въ немъ выгоды наши гибнуть!» вотъ и все обвиненіе для казни. Конечно, его политика не могла быть такъ изворотлива, такъ тонка, какъ Англійская, но и Новгородцы умѣли искусно замаскировать себя личиною великодушія, безкорыстія, высокой образованной благонамѣренности, глубочайшаго себялюбія; отсюда, въ основаніи жизни Новгорода лежали тѣ же вещественныя выгоды, какъ и въ политикѣ Англій, и правило одного изъ первыхъ мыслителей Англій,⁴¹ что отношенія должны быть опредѣляемы степенью выгоды, и ни чѣмъ другимъ, т. е., ни чувствомъ любви, ни чувствомъ религіознымъ, ни чувствомъ благородства и самодостоинства, было весьма знакомо и въ Новгородѣ.

Съ этой точки зрѣнія объясняются совершенно достаточно отношенія Новгорода къ Князьямъ. Напрасно Новгородъ говоритъ Святославу: «Не дашь намъ своего сына на княженіе, такъ мы същемъ Князя въ другихъ земляхъ;» напрасно Новгородцы показывали видъ, что не очень дорожатъ назначеніемъ къ нимъ Князя-правителя тѣмъ или другимъ изъ Князей нашихъ; напрасно они показывали видъ, что, въ случаѣ несогласія относительно условій управленія, они имѣютъ еще передъ собою множество другихъ Князей, которые согласятся править ими на условіяхъ, ими предложенныхъ; ихъ Князь-правитель долженъ былъ принести съ собою для Новгорода право торговли въ другихъ частяхъ Руси: это было одно изъ первыхъ условій прочности его власти въ Новгородѣ. По этому ни одинъ изъ Князей Рязанскихъ, кото-

⁴⁰ См. ниже. Голосъ этотъ вторился по всей Руси.

⁴¹ Блэкстонъ.

рые совершенно ни чего не значили въ семъ отношеніи, не сидѣлъ на престолахъ Новгородскомъ. Князья Полоцкіе также не приглашались никогда править Новгородомъ, по тому что Полоцкъ былъ соперникомъ Новгорода по торговлѣ съ Западомъ, и Князья Полоцкіе, сѣвъ на престолахъ Новгородскомъ и покровительствуя торговцамъ Новгорода, измѣнили бы родной области: Новгородъ не могъ отъ него ожидать ни чего подобнаго; кромѣ того, Князья Полоцкіе не имѣли власти, которая сколько ни будь отражалась бы въ другихъ частяхъ Руси и которая могла бы покровительствовать ихъ торговлѣ, выгодамъ Новгородскимъ. Расчетъ Новгорода въ настоящемъ отношеніи былъ вѣренъ. Безполезно было ему призывать къ себѣ на престолъ Князей Полоцкой системы и Рязанской области. Тотъ же расчетъ указывалъ Новгородцамъ на Князя Киевскаго, когда подъ рукой его, въ его волѣ, ходили Князья остальныхъ частей Руси: отъ него Новгородъ принималъ себѣ Правителя, даже Посадниковъ. Заискавши въ Князѣ Киевскомъ, ставши подъ его руку, Новгородъ свободно могъ вести торговлю во всѣхъ областяхъ Русскихъ: Князя Киевскаго слушаютъ всѣ области, и послушниковъ онъ имѣетъ силу смирить. Князь Киевскій, сверхъ того, даетъ вспомогательныя дружины и для подчиненія Причудскихъ народцевъ, которые тревожили и на сухомъ пути и на морѣ торговцевъ Новгорода, и обезопасываетъ такимъ образомъ путь этотъ, по которому стремились богатства къ Новгороду и изъ Новгорода. И Правители, назначаемые Новгороду Киевомъ, остаются тамъ на долго: имъ не указываютъ пути, пока Киевъ силенъ своимъ Княземъ. Такъ Владимиръ Великій оставался въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока смерть отца не призвала его на Югъ; Ярославъ тоже, и обоимъ еще Новгородъ даетъ силу, для завладѣнія Киевскимъ престоломъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе еще обязываетъ ихъ, распчывая, конечно, на болѣе вѣрное покровительство своей торговлѣ во всей тогдашней Руси съ ихъ стороны; Владимиръ, сынъ Ярослава, правилъ Новгородомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самой своей смерти, безсмѣнно. Безсиліе Великаго Князя надъ Князьями другихъ частей Руси, его отношенія къ нимъ, отражаются и въ отношеніяхъ къ нему Новгорода: онъ слабъ, онъ не господствуетъ надъ Князьями, есть другой Князь, хотя и не Великій, но который въ дѣйствительности имѣетъ большое вліяніе на другихъ, имѣетъ вліяніе нравственное, или опирающееся на его личныя достоинства и

свойства,—и Новгородъ выходитъ изъ подъ руки Великаго Князя, становится подъ руку сильнѣйшаго, даже безъ усилія, или требованія, сего послѣдняго Князя. Новгородъ преклоняется не предъ помысломъ о Великомъ Князѣ, не предъ Великимъ Княземъ, а предъ Княземъ-покровителемъ ихъ торговыхъ отношеній съ Русскими областями. Богъ Новгорода—золотой идолъ, который руководитъ всѣми ихъ отношеніями къ порядку, къ власти. Такъ въ Святополкѣ-Михаилѣ вся Русь признавала Великаго Князя; Новгородъ нѣтъ: по чему же? Онъ былъ Князь по праву, а не по вліянію: нравственное вліяніе на всѣхъ безъ исключенія Князей сосредоточивалъ тогда въ себѣ удѣльный Князь, Владимиръ Мономахъ;—и Новгородъ ищетъ себѣ Князя изъ его рукъ, покоряется этому удѣльному, а не Великому, Князю. Напрасно Святополкъ, согласно съ другими Князьями, отдаетъ Новгородъ въ управленіе Давиду: Давидъ остается тамъ недолго; ⁴² напрасно Великій Князь дѣлаетъ договоръ съ Мономахомъ, чтобъ потомки его, а не потомки Мономаха, правили Новгородомъ. Новгородцы не признаютъ договора: они уничтожаютъ всѣ ряды Князей, всѣ Княжескіе договоры, чтобъ только стать подъ руку Князя удѣльнаго, но такого удѣльнаго, который можетъ защитить ихъ торговлю вездѣ, даже въ самомъ Великомъ Княжествѣ; подъ руку Князя, котораго боялись и чтили, которому нравственно подчиненъ былъ самъ Великій Князь. Остальная Русь ставитъ Мономаха въ благоговѣйныя отношенія къ Святополку Михаилу, какъ Князя младшаго къ Князю старшему, какъ сына къ отцу: ⁴³ Новгородъ насильственно попираетъ этѣ отношенія, и изъ сына благоговѣйнаго передъ отцомъ, передъ порядкомъ, дѣлаетъ нарушителя договора, мятежника,

⁴² Предоставленіе въ его управленіе Новгорода упоминается подъ 1095 годомъ, а подъ 1097 управляетъ Новгородомъ уже другой Князь.

⁴³ Безподобно, какъ мы видѣли, выразила Русь этѣ отношенія въ торжественномъ совѣщаніи о походѣ на Половцевъ: «Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему, Святополку, понужая его на поганяя, на весну. . . И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: «Да быхомъ ся силля (собрались), и о томъ подумали быхомъ съ дружиною»... И приде Володимеръ... п сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчавью, и рече Володимеръ: «Брате! Ты еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русьской земли!» И рече Святополкъ: «Брате! Ты почни!» И рече Володимеръ. Ипат. стр. 1.

какъ это онъ дѣлалъ и потомъ съ сыномъ Невскаго. И не Давидъ, не дѣти, не внукъ Святополка-Михаила, не власть Великокняжеская управляетъ Новгородомъ, а Князь удѣльный съ своимъ родомъ, не только не искавшій самъ этого, но благоговѣнно стоявшій передъ старшимъ Княземъ и заискиваемый насильно Новгородомъ. “Этотъ родъ, послѣ смерти Святополка-Михаила, удерживаетъ за собою право на Великокняжескій престолъ; но Новгородъ покоряется этому роду до тѣхъ поръ, пока временно не поколебалось вліяніе этого рода на дѣла другихъ частей Государства: тогда онъ немедленно же станеть въ тѣ же отношенія къ Великому Князю и изъ этого рода, въ какихъ стоялъ къ Святополку-Михаилу. Это было во время Ярополка, одного изъ благородныхъ, но безталантныхъ Князей. Власть Великокняжеская въ его лицѣ была поколеблена однимъ изъ удѣльныхъ Князей (Всеволодомъ Ольговичемъ), который силою заставлялъ Великаго Князя смириться передъ собой: но этотъ сильный, этотъ нарушитель порядка, пріобрѣтаетъ вліяніе на всѣ дѣла Южной Руси, и Новгородъ немедленно же обнаруживаетъ колебаніе противъ Князя-правителя, назначеннаго Ярополкомъ (Всеволода Мстиславича), не знаетъ, удержать ли его у себя, или изгнать,⁴⁵ но съ успѣхами Всеволода противъ Великаго Князя, онъ

⁴⁴ Декабря 20 дня прииде Мстиславъ, сынъ Володимиръ, съ Новгородцы къ Киеву; бѣ бо Святполкъ рядъ имѣлъ съ Володымиромъ, яко Новгороду быти Святполчу, и посадити сынъ свой въ пемь, а Володымиру посадити сынъ свой въ Володымирѣ. И прииде Мстиславъ къ Киеву, и сѣдоша въ избѣ со Святполкомъ, и рѣша мужи Володымири Святполку: «Се прислажь Володымиръ сына своего съ Новгородцы, да, помини сына твоего къ Новгороду, а Мстиславъ да идетъ къ Володымирю.» И рече имъ Князь Великій Святполкъ: «Межи намъ Богъ и правда есть; како урядимся есмы съ Володымиромъ, яко Новгородъ мнѣ есть, да идетъ въ Новгородъ сынъ мой». Рѣша Новгородцы Святполку: «Семы, Княже, присланы къ тобѣ; рекли намъ тако: «Не хочемъ Святполка, ни сына его; аще ли двѣ главы имѣеть сынъ твой, то посля; а сего ны далъ Всеволодъ, да воскормили есмо себѣ Князи, а ты есп шелъ отъ насъ.» Святполкъ же имѣ многу прию съ ними; онимъ же не хотѣвшимъ, поймаша Мстислава, и ведоша пакы къ Новгороду. Кенягсб. стр. 167.

⁴⁵ И приде (Всеволодъ) опять Новгороду; и бысть вѣстать велика въ людехъ, и выгонниша Князя Всеволода изъ города.... и пакы съдумавъше, въспятиша и (его).

уже колеблется мѣнѣ, и изгоняетъ Всеволода, принявъ къ себѣ Князя правителя изъ рукъ Всеволода Ольговича. "Но вотъ этотъ Всеволодъ, послѣ смерти Ярополка, дѣлается самъ Великимъ Княземъ, и Новгородъ знаетъ, что, съ достиженіемъ Великокняжескаго престола, онъ утратилъ совершенно свое вліяніе на дѣла Юга; знаетъ, что онъ не въ ладахъ съ Князьями Черниговскими; знаетъ, что онъ обсажался кругомъ Мономаховичами; что сіи послѣдніе п удаленные отъ Великокняжескаго престола составляютъ кормчихъ Юга, имѣютъ даже съ Сѣверовосточными областями связи; слѣдовательно, также могутъ покровительствовать ихъ торговымъ дѣламъ; предвидятъ, что родъ Всеволода не можетъ утвердить за собою Великокняжескаго престола; что этотъ престолъ принадлежитъ по областному праву Мономаховичамъ, которымъ, въ лицѣ Ярополка, они измѣнили уже; предвидятъ, что Мономаховичи снова займутъ его, удерживая за собою до того времени одно нравственное вліяніе; знаютъ все это, и дерзко, съ пренебреженіемъ, минуя властителя корабля, предъ которымъ только что кланялись, дружатъ съ кормчими, заискиваютъ въ нихъ! И напрасно Великій Князь захватываетъ всѣхъ ихъ пословъ, ихъ Епископа, ихъ гостей, чтобъ заставить ихъ почтить свое назначеніе: онъ самъ долженъ уступить, по тому что былъ въ рукахъ кормчихъ, и, просидѣвши 9 мѣсяцевъ безъ Князя, Новгородцы, минуя Великаго Князя, получаютъ въ правители роднаго кормчихъ (Ростислава Георгіевича), а потомъ и самъ Великій Князь согласился дать имъ въ правителя Князя, котораго они желали и который, чрезъ значеніе своего рода, могъ легче покровительствовать ихъ торговлѣ на Югѣ и на Сѣверѣ (Святополкъ, одинъ изъ Мономаховичей). Таковы отношенія между Новгородомъ и Великимъ Княземъ. Новгородъ не благоговѣетъ передъ главою Руси; поклоняется передъ Великимъ Княземъ, пока онъ имѣетъ силы и можетъ покровительствовать обширной торговлѣ Новгорода по всему Государству, или можетъ грозить ему; но едва вліяніе его поколебалось, Новгородъ тотчасъ, замѣчая это, измѣняетъ ему и дѣйствуетъ противъ него дерзко и смѣло. Новгородъ не можетъ дать опоры для развитія средоточной власти, которую создала и лелѣяла древняя Русь, осуществляя въ ней идею нашего Самодержавія, на

⁴⁶ Святославъ Ольговичъ, братъ Всеволода.

которую, какъ мы видѣли, полагались предки, какъ на твердыню, о которую сокрушится спесь старыхъ докняжескихъ Бояръ, попиравшая благосостояніе общественное, и объ которую сокрушились внутреннія крамолы, междоусобія, подъ вліяніемъ которой зрѣло семейное чувство до чувства любви Государственной, которая сосредоточила въ себѣ силы народа и сокрушила силы сильныхъ враговъ нашихъ, которая олицетворила въ себѣ высоко нравственное значеніе власти и дала великій образъ самому народу Русскому. Новгородъ самъ полонъ этой спеси, и поддерживаетъ ее всѣми силами; полонъ себялюбія, которое поражаетъ самыя семьи и поселяетъ между членами семьи раздоръ. Новгородъ противникъ новой жизни, и признаетъ ее на столько, сколько указываетъ нужда, для того, чтобъ покровительствовать чувству общественнаго себялюбія, выгодамъ вещественнымъ, обширной торговлѣ, связывавшей его со всѣми остальными частями Государства. Ставши подъ руку Великаго Князя, онъ не думалъ быть вѣренъ ему: поколеблуть обстоятельства сплу Великаго Князя, — и Новгородъ измѣнитъ ему: правитель, назначенный Великимъ Княземъ, не будетъ его правителемъ. Неопредѣленность или колебаніе въ исходѣ борьбы Великаго Князя съ противниками, заставляетъ также дѣйствовать неопредѣленно и ожидать, на которой сторонѣ будетъ побѣда. ⁴⁷ Положительное колебаніе власти, вліянія Великаго Князя, какъ мы уже выше объясняли, даетъ теперь Новгородцамъ рѣшимость дерзко дѣйствовать противъ воли Великаго Князя, въ назначеніи правителя для Новгорода. Идея жизни, общая для цѣлаго Государства, идея патріотизма, національности, однимъ словомъ, жизнь духа порабощается въ Новгородѣ думою о выгодахъ вещественныхъ. Матеріальный расчетъ опредѣляетъ въ Новгородѣ тѣ или другія отношенія его къ Великому Князю, къ власти, будущей жизни, цѣль, порядокъ и стройность жизни.

⁴⁷ Не зная, чѣмъ кончится возобновившаяся въ 1139 году война между Великими Князьями, Ярополкомъ и Всеволодомъ, Новгородъ отказался отъ брата Всеволодова, Святослава, но и не просилъ къ себѣ правителя отъ Великаго Князя, «ждуще», какъ сказано въ лѣтописи, «оправы Ярополку съ Всеволодомъ»; до рѣшенія же спора ими править правитель отъ Князя Суздальскаго; но когда Всеволодъ незаконнымъ образомъ завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ, Новгородъ немедленно же признаетъ въ удаленномъ, можно сказать, за часъ правителя своимъ, опять своего правителя.

Вотъ по чему Новгородъ, поразивъ полчища Андрея, самъ же первый ищетъ въ немъ, самъ же первый хлопочетъ стать подъ его руку: гордыня склонялась предъ выгодами вещественными! Между тѣмъ Новгородъ отлично хорошо понимаетъ сокрушительное для себя значеніе Великихъ Князей Сѣверо-Восточной Руси; онъ видѣлъ, какъ и на чемъ воссоздавалась сила и могущество этѣхъ Князей; онъ зналъ, что въ основаніяхъ этой силы, этого могущества, лежитъ помысль преобладанія духа надъ жизнію матеріальною, помысль правды, порядка, лежитъ духъ, мощно сокрушающій во внутренней жизни преграды, опиравшіяся на матеріализмъ, на матеріальную силу и богатства, на духъ язычества, отяжелѣвшій надъ жизнію, на себялюбіе, на преданность земному; духъ, сокрушающій грубую, холодную спесь, не знавшую благородныхъ, высокыхъ движеній духа, поработившую любовь собрата къ собрату, помысль правды, исполненную однихъ черныхъ козней и кипящую величіемъ праха надъ жизнію любви, правды, надъ жизнію вѣчной духа. Предъ глазами Новгорода совершилась эта борьба въ Сѣверо-Восточной Руси, предъ глазами же его помысль любви и правды восторжествовать разомъ надъ матеріализмомъ и воздвигнуть силу и могущество этой Руси. Онъ слышалъ отъ перваго самобытнаго сдѣсь Князя рѣчь властительную къ себѣ; сынъ этого Князя еще рѣзче выразился къ Новгороду: ни тотъ, ни другой не могли помирить въ духѣ своемъ благородныя, высокія требованія, которыми напитывала ихъ новая жизнь и давала имъ силу, крушила сопротивленія съ кичливостію Новгорода. Боголюбскій объявилъ Новгородцамъ, что онъ, во что бы то ни стало, поставитъ ихъ подъ свою волю: это требованіе было требованіемъ новой жизни, имѣвшимъ мощную и громадную опору во внутренней борьбѣ области Андрея. Одна мощь новой жизни въ этой части Руси пугала Новгородъ и заставляла искать мѣръ спастись отъ вліянія ея. Два рода этѣхъ мѣръ представлялись Новгороду: одними противодѣйствовать, выставляя въ противодѣйствіе областное несогласіе между Князьями, выставляя Князей другихъ частей Государства противъ властительства Князей Сѣверовосточной Руси; другими заискивать въ силѣ послѣднихъ, стараясь по возможности почтить требованія, желанія, уклоняясь, однако жъ, отъ ихъ непосредственнаго вліянія на внутреннюю Новгородскую жизнь. Тѣ и другія мѣры, при приведеніи ихъ въ исполненіе, были до чрезвычайности сложны и затруднительны. Новго-

родъ долженъ былъ весьма искусно рѣять. Удовлетворяя требованіямъ и желаніямъ Князей одной системы, онъ могъ возбудить противъ себя недовольство другихъ; а его Богъ, его душа, выгоды вещественныя, требуютъ мира и согласія со всѣми; ⁴⁸ нужно было, при неизбѣжномъ недовольствѣ съ той или другой стороны, водворить миръ со стороны болѣе выгодной въ матеріальномъ отношеніи, и сдѣсь Новгородъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ вліянія Кіева и съ возрожденіемъ Владимиро-Ростовскаго Княжества, становится опять лицомъ къ лицу съ новой жизнію: выгоды вещественныя заставляли занскивать миръ преимущественно со стороны Князей Сѣверо-Восточной Руси. И такъ нужно было враждовать всѣми силами противъ требованій этой Руси, и нужно, въ то же время, всѣми силами занскивать въ ней, чтобъ осуществить главнѣйшую цѣль своего существованія. А эта Русь, съ своей стороны, стремилась, при управленіи Новгородомъ, къ осуществленію въ немъ своихъ основъ. Сдѣсь завязывалось у Новгорода дѣло не о 2 тысячахъ гривенъ, которыя онъ платилъ Кіеву мира дѣля, или за покровительство.

Небосклонъ всей политики и отношеній между Князьями различныхъ системъ былъ открытъ предъ Новгородомъ. Всѣ измѣненія въ этой политикѣ и отношеніяхъ, имѣвшія вліянія на Новгородскія выгоды, отражались ясно въ политикѣ и отношеніяхъ Новгорода къ самимъ Князьямъ. Раздвоеніе выгодъ Новгорода на двѣ главнѣйшія вѣтви, на вѣтвь торговли съ Югомъ и на вѣтвь торговли Восточной, и соперничество между Князьями Южной Россіи и Владимиро-Ростовскимъ за первенство въ распоряженіи судьбами Руси и самаго Новгорода, выражалось въ Новгородѣ тѣмъ же раздвоеніемъ между Новгородцами: одни въ этомъ соперничествѣ ясно держались Юга, другіе Сѣверо-Востока, сохраняя главную цѣль Новгородской

⁴⁸ По сему мы находимъ даже примѣры, что Новгородцы вмѣшивались въ ссоры Князей, и старались о прекращеніи войны между ними: такъ они посылали цѣлую почетную депутацію для прекращенія войны между Ярополкомъ и Всеволодомъ Черниговскимъ. Война эта, конечно, страшно вредила торговымъ предпріятіямъ Новгорода. Кіевъ игралъ тогда важную роль для Новгорода въ этѣхъ предпріятіяхъ, передавалъ послѣдному товары Восточной Имперіи и принимая отъ него сырые товары Сѣвера и товары Западной Европы.

политики — пользоваться покровительствомъ власти, правившей жизнію Руси, и удержать за собою разрушительную старину. Раздвоеніе это выразилось смѣною Посадниковъ, бѣгствомъ и изгнаніемъ, наконецъ казнями и убійствами. Обращая вниманіе на равнодушіе, съ которымъ Новгородцы смотрѣли, править ли ими тотъ или другой Князь, мы, кажется, съ достовѣрностію можемъ сказать, что стороны Юга держались Юга по тому, что имѣли свои главнѣйшія торговыя выгоды на Югѣ, а стороны Владимиро-Ростовскія въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ. Впрочемъ, на раздвоеніе въ семь отношеніи Боярѣ могли имѣть также вліяніе, какъ увидимъ ниже, и личныя враждебныя отношенія, и духъ соперничества между Боярскими родами.

Послѣ этого очерка положенія Новгорода въ отношеніи различныхъ частей Государства становятся ясными и странныя съ перваго взгляда отношенія его къ Андрею Боголюбскому: Владимиро-Ростовскій Князь могъ однимъ своимъ словомъ разстроить ихъ Азіатскую торговлю и торговлю съ собственными своими землями; могъ и не пропустить къ Новгороду жизненныхъ припасовъ. Къ этому мы должны прибавить еще два важныя обстоятельства, ставившія Новгородъ еще въ большую зависимость отъ Князей Владимиро-Ростовскихъ. Отряды, посылаемые изъ Новгорода, для собранія дани съ разныхъ областей теперешней Сѣверо-Восточной Руси, не были столь сильны, чтобъ въ состояніи были выдерживать сколько ни будь значительную битву: Князь Владимирскій могъ задерживать, или перехватывать, ихъ. Сверхъ того, какъ сосѣдъ Новгородскихъ владѣній, онъ могъ дѣлать вторженія въ ближайшія пограничныя части этѣхъ владѣній, въ случаѣ недовольства своего на Новгородъ, и защита этѣхъ областей отъ подобныхъ вторженій была почти всегда для Новгорода невозможною, по причинѣ значительной растянутости его владѣній и отдаленности средоточія военныхъ силъ отъ границъ. ⁴⁹ Между тѣмъ духъ Сѣверо-Восточной Руси, разрушавшей

⁴⁹ Въ 1273 году изъ этѣхъ мѣръ были приведены въ исполненіе противъ Новгорода за разъ три: Василій выжегъ Торжекъ, и посадилъ тамъ своего Тіупа, а братъ его, Святославъ, «съ Тѣречи начаша военати волость Новгородскую, Волокъ, Бѣжиши, Вологду, а въ Новгородѣ хлѣбъ бысть дорогъ, а у гостинниковъ по Низовьской землѣ товаръ отымаша.» Нов. I, стр. 63.

мощно старину, былъ исполненъ вражды противъ быта Новгородскаго, и этѣмъ духомъ могли свободно пользоваться Князья Владимиро-Ростовскіе: обстоятельство важное, которое, конечно, также обращало на себя вниманіе политиковъ Новгородскихъ.

Андрей не могъ не знать всѣхъ сихъ средствъ, которыя были въ его власти противъ Новгорода. Уже подъ 1141 годомъ южный лѣтописецъ замѣтилъ, что Новгородъ не можетъ обойтись безъ подвоза хлѣба изъ другихъ областей, а въ 1179 году отецъ Андрея, Георгій, желая стѣснить Новгородцевъ, употребилъ противъ нихъ еще другое изъ сказанныхъ средствъ. Въ 1169 году самъ Андрей высылалъ дружину для задержанія Новгородскихъ данниковъ.⁵⁰ Послѣ неудачнаго своего похода на Новгородъ, онъ, кажется, прибѣгнувъ къ другому способу заставить Новгородцевъ поклониться себѣ, именно не пускалъ, сколько можно догадываться, къ нимъ хлѣба, а съ тѣмъ вмѣстѣ, быть можетъ, стѣснилъ вообще всю ихъ торговлю въ своихъ владѣніяхъ. По крайней мѣрѣ, изъ лѣтописи видно, что въ слѣдующемъ же году, послѣ претерпѣннаго войскомъ Андрея пораженія, обнаружилась въ Новгородѣ дороговизна на жизненные припасы: «была дороговизна въ Новгородѣ: покупали кадь ржи по 4 гривны, а хлѣбъ по 2 ногаты, а медь по 10 кунъ за пудъ;» слѣдовательно, можно предполагать, что торговля съ владѣніями Андрея не была восстановлена съ

⁵⁰ Нов. I, стр. 14. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрей пълкъ свой на нь, и бишася съ нами; и бѣше Новгородць 400, а Суждальць 7000, и нособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьць 15 мужъ; л отступниша Новгородьци, и оиять воротившеса взяши всю дань. Подъ 1149 годомъ въ Новгородской Лѣтописи отмѣчено: Идоша даньницы Новгородьстѣи въ малѣ, и учювь Гюрги, оже въ малѣ шли, и посла Князя Берладьскаго съ вои, и, бивъшеся мало пѣгдѣ, сташа Новгородьци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити; въ лодьяхъ идоша Новгородьци къ нимъ на третій день, и бишася; и много леже обоихъ, нь Суждальць безъ числа. П. С. Р. Л., стр. 11. При семъ не можемъ не сказать, что самохвалство составляетъ одну отличительную черту Новгородскихъ лѣтописей. Подъ 1141 годомъ въ Пятъевской Лѣтописи: и не стерпяче безъ Князя сѣдяти, и ни жито къ нимъ не пдѣше ни откогѣ же, и посла Гюргеви (отецъ Андрея) мужи своя, и поаша Ростислава Гюргевища, и посадиша Новгородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца. П. С. Р. Л. стр. 17.

окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить также, что, въ слѣдъ за рассказомъ о дороговизнѣ, лѣтописецъ дѣлаетъ немедленно же слѣдующій переходъ: «и вздумали Новгородцы, показали путь Князю Роману, а къ Князю Андрею послали за миромъ на всей волѣ своей.»

Такова была связь между враждою Новгорода къ Андрею и поклономъ его предъ тѣмъ же Княземъ. Ключъ отъ воротъ, чрезъ которыя шла обширная торговля Новгорода съ Сѣверо-Восточною Русью и Азіей, и чрезъ которыя Новгородъ получалъ жизненные припасы, былъ въ рукахъ Боголюбскаго: сей послѣдній могъ затворить и, кажется, затворилъ этѣ ворота, по крайней мѣрѣ, для подвоза въ Новгородъ жизненныхъ припасовъ, и поставилъ тѣмъ Новгородъ въ затруднительное положеніе.⁵¹ Это обстоятельство по-

⁵¹ Въ самыхъ договорныхъ грамотахъ, относительно свободнаго вывоза хлѣба и другихъ произведеній изъ Восточной Руси въ Новгородъ, мы встрѣчаемъ выраженіе «затворить, или отворить ворота.» Такъ, въ договорной грамотѣ 1318 года: «А гости всякому гостити безъ рубажи, а ворота ти отворити, и хлѣбъ ти пустити, и всякой ти гость пустити въ Новгородъ.» № 14. Въ договорной грамотѣ 1426 года (№ 18) встрѣчаемъ то же самое выраженіе. Въ грамотѣ 1317 года: «А какъ возьмешь Князь и двѣстѣ, тако ему пустиши хлѣба и всякой гость.» Въ 1215 году недовольство Сѣверо Восточной Руси и остановка чрезъ то подвоза жизненныхъ припасовъ повлекли за собою страшныя послѣдствія— голодъ и моръ: «Топ же осени много зла ся сотвори, поби мразъ обиле по волости, а на Тържку все чѣло бысть. И зая Князь вършь на Тържку, не пусти въ городъ ни воза; и послаша по Князя (Ярослава, который удался изъ Новгорода, недовольный на него, и который теперь дѣйствовалъ въ отношеніи Новгорода, какъ врагъ, и не пускалъ туда ни воза хлѣба).... и кого послаша, и Князь прія. А Новгородѣ зло бысть вельми: кадъ ржи купалхуть по десяти гривень, а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по 2 гривнѣ; ялаху люди сосновую кору, и листь липовъ, и мохъ. О горе тогда, братье, бяше! дѣти своѣ давахуть одьренъ. И поставиша скудельницу, и наметаша полну. О горе бяше! Но търгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе, не можаху ни възѣдати человекъ; а Вожане помроша, а останкѣ разьидеся. И тако, по грѣхомъ нашимъ, разьидеся власть наша и градъ нашъ.... И бысть Новгородѣ печаль и вьль.» Пол. Соб. Р. Я., т. III, стр. 33. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, что Новгородъ не могъ обойтись безъ хлѣба Восточной Руси. Между другими товарами, получаемыми Новгородомъ для себя и заграничной торговли изъ Владимиро-Ростовскихъ земель, были: медъ, воскъ, лѣтъ и хмель.

рождало страшное противорѣчіе въ самихъ Новгородцахъ: они хотѣли высвободить свои выгоды изъ подъ вліянія Великаго Князя, а между тѣмъ ихъ важный интересъ былъ совершенно въ волѣ сего Князя, и они видятъ невозможность полнаго высвобожденія, — и кланяются Князю. Вотъ отношенія ихъ къ Боголюбскому, когда онъ обратился къ нему съ просьбою о назначеніи имъ Князя. Мощно и всѣми силами они борются противъ Владимиро-Ростовскаго Князя, когда Боголюбскій стремится силою подчинить Новгородцевъ волѣ своей, стремится заставить ихъ признать въ себѣ главу свою, и одерживаютъ надъ Андреемъ верхъ; но, поставивъ себя въ положеніе независимое отъ Князя Владимирскаго въ этомъ отношеніи, доказавъ ему на дѣлѣ, что не страшатся силъ его и могутъ бороться съ нимъ успѣшно; однимъ словомъ, лишивъ Андрея надежды подчинить ихъ силою, они приносятъ все остальное на жертву: сами же первые обращаются къ Князю Владимирскому съ предложеніемъ о мирѣ; принимаютъ изъ рукъ его въ Князя-правителя сначала Рюрика, потомъ сына его, Георгія, а въ Посадники, своего бѣглеца, Боярина Жирослава. ⁵² Роля новаго начала замѣчательна во всѣхъ этѣхъ отношеніяхъ Новгорода къ Боголюбскому. Нѣтъ сомнѣнія, что,

⁵² Первый поклонъ Новгорода (1170 г.) не могъ удовлетворить Андрея. Но Софійской Автописи, условіемъ мира Новгородцы предложили Андрею—назначить имъ Князя, который бы правилъ Новгородомъ, по волѣ самого Новгорода: подобнаго условія духъ новой жизни, съ которымъ такъ согласовался природный мощный характеръ Андрея, не могъ вынести, и Новгородцы видимо ошлбались въ своемъ расчетѣ: Андрей отказался отъ Новгорода въ пользу Рюрика, который, не пробывъ въ Новгородѣ и двухъ годовъ, тайно оставилъ его. * Посылая вторичный поклонъ (1172 г.) Владимиро-Ростовскому Князю, Новгородцы уже видимо дѣлаютъ уступку, отказываются отъ права на назначеніе Посадника, соглашаясь, вопреки своему желанію, принять въ Посадники Боярина, назначеннаго Андреемъ, вмѣсто бывшаго у нихъ тогда, Иванъ Захарьевича: Присла (Андрей) Жирослава посадничать съ мужи своими. Послеъ того только Андрей далъ имъ въ правители сына своего, Георгія, и Новгородцы, успокоивъ такимъ образомъ Андрея, чтобы примириться вполнѣ съ нимъ и имѣть Посадникомъ желаннаго имп., отправляютъ для переговоровъ самаго Архіепископа Ілію Ходи Архіепископъ... къ Андрею на всю правду. Тогда же и даша опять посадничество Иванькови Захарівцу.

* Соф. I, стр. 164, и Лавр. 155: выѣже Рюрикъ изъ Новгорода. Новгород. I: пле Рюрикъ изъ Новгорода. Ипатьев: выѣде Рюрикъ изъ Новгорода.

имѣя представителемъ своимъ въ Новгородѣ сторону Торговую, онъ въ самомъ началѣ войны съ Андреемъ долженъ былъ ясно видѣть, что война сія повлечетъ разстройство въ торговлѣ Новгородской, въ торговлѣ его собственной, но, не смотря на то, онъ является въ этой войнѣ совершенно слитымъ съ началомъ старымъ, и вмѣстѣ съ нимъ мощно борется противъ полчищъ Андрея.⁵³ Ясно, что дума о Княжеской власти, отъ которой онъ не могъ оторваться, не достигала того развитія, чтобъ онъ призналъ въ этой власти волю полную, независимую, и уничтожилъ бы въ этой волѣ древній порядокъ, подчинилъ бы ей докняжескихъ Бояръ, чего онъ, по видимому, такъ добивался, какъ добивались и достигали этого другія части Государства.

Да, подобнаго развитія, до котораго достигали другія наши области, не было въ Новгородѣ; въ противномъ случаѣ минута войны Боголюбскаго была бы благоприятнѣйшею для новаго начала: недовольство на старый порядокъ вещей должно бы было соединиться тогда съ видами на утверженіе порядка новаго, находившаго могучую опору себѣ въ силахъ Князя Владимиро-Ростовскаго; ибо онъ походомъ своимъ желалъ только установить въ Новгородѣ такой же порядокъ въ помыслѣ о Князѣ, какой утверждался въ Сѣверо-Восточной Руси, желалъ подчинить жизнь высшему началу, а съ тѣмъ вмѣстѣ ограничить докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ, и, ограничивъ этотъ произволъ, давъ силу новому помыслу, онъ, конечно, далъ бы просторъ новому началу и въ его торговыхъ предпріятіяхъ. Новое начало въ Новгородѣ ни сколько не походитъ на новое начало, развившееся въ Сѣверо-Восточной Руси, въ лицѣ Володимирцевъ, а потомъ въ лицѣ Москвитянъ; онъ не стремится сдѣсь подъ покровъ

⁵³ Замѣчательно, что образъ Знаменской Божіей Матери, которому Новгородцы приписали все торжество побѣды своей надъ дружинами Андрея, составляетъ святыню торговой стороны, гдѣ и устроенъ, въ память побѣды, Знаменскій храмъ (въ настоящее время великолѣпный соборъ), въ которомъ и нынѣ этотъ образъ находится. Пол. Соб. Рус. Лѣт. т. III, стр. 228: Ноставлены быша двѣ церкви каменныхъ: Знаменіе Пресвѣтѣи Богородицы, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ Владыки Моисея и всего Новгородскаго сонмища людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣтъ и тогда, молитвами Пресвѣтѣи Богородицы, велие чудо сотворися въ Великомъ Новѣградѣ, что Новгородскіе люди рыбу руками вшаха у берега, сколько кому надобно...

Князя, а, напротивъ, встрѣчаетъ полчища Андрея съ чувствомъ страшно враждебнымъ. И по чему? По чему онъ забываетъ при этомъ и недовольство свое противъ стараго порядка, и временныя выгоды торговли своей съ землями Владимиро-Ростовскими? И чего жь онъ искалъ? Онъ искалъ, по видимому, новаго порядка, и теперь не только не поддерживаетъ этотъ порядокъ, а самъ мощно противо-дѣйствуетъ утверженію его: онъ кичливъ и въ отношеніи новаго порядка, какъ кичливъ въ отношеніи порядка стараго; онъ ищетъ не покрова жизни, а вождя, который утвердилъ бы его въ исключительныхъ торговыхъ выгодахъ, и для этого готовъ жертвовать какъ старымъ, такъ и новымъ, порядкомъ; ему нуженъ не порядокъ, а исключительныя выгоды, и въ Князьяхъ своихъ онъ хочетъ видѣть не болѣе, какъ вождей къ достиженію этой-то исключительности. Утвердивъ власть свою надъ Новгородомъ, Андрей не могъ бы допустить этой исключительности, какъ совершенно несогласной съ народнымъ помысломъ о Княжеской власти, и въ выгоды Новгородскихъ торговцевъ вошли бы другіе подданные Князя Владимирскаго. Сего-то всего больше страшится Торговая Сторона. Чтобъ избѣжать этого столкновенія областныхъ выгодъ, вообще дорогихъ и для другихъ частей древней Руси, Новгородъ имѣлъ другой путь замкнуться отъ прямого вліянія срединной Княжеской власти утвержденіемъ на престолѣ своемъ одной Княжеской вѣтви: это былъ общій путь древней Руси; но и этотъ путь требовалъ жертвъ, а Новгородъ, увлекаясь выгодами, не хотѣлъ ни чѣмъ жертвовать. Въ этомъ направленіи своемъ, въ періодъ Татарскій, онъ высказался яснѣе; тогда онъ ревнуетъ къ своимъ выгодамъ не только подданныхъ Великаго Князя, но и самаго Великаго Князя: обязываетъ его особой договорной статьёй не имѣть, для продажи собственныхъ лавокъ въ Новгородскомъ Нѣмецкомъ гостинномъ дворѣ, а весь товаръ, привозимый отъ него для заграничнаго сбыта и складываемый въ этомъ дворѣ, продавать посредствомъ ихъ же, Новгородскихъ торговцевъ; ⁵⁴ далѣе не имѣть при этомъ дворѣ своихъ собствен-ныхъ полицейскихъ чиновниковъ (приставовъ), не вмѣшиваться въ

⁵⁴ А въ Нѣмецкомъ дворѣ тебѣ, Княже, торговати нашею братьею.—Въ первый разъ это условіе появляется въ договорной грамотѣ 1270 г., и потомъ постоянно повторялось въ грамотахъ до самаго паденія Новгорода. Пол. соб. гр. и дог. т. I, №№ 3, 6, 7, 8, 15, 20.

назначеніе времени, въ которое можетъ, и въ которое не можетъ, производиться въ ономъ торговля, т. е., поставить наблюдение за порядкомъ въ этомъ дворѣ за самими же Новгородцами. ⁵⁵ Въ этѣхъ видахъ Торговая Сторона выговариваетъ у Князя также другое условіе, именно, чтобъ пошлыны, которыя онъ получалъ съ земли Заволоцкой натурой, были отвозимы не прямо въ Великое Княжество, а чрезъ Новгородъ, т. е., продавались не кому другому, какъ ей же, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ Князь не могъ свободно располагать продажею пошлинныхъ произведеній и, продавая ихъ въ другомъ городѣ, гдѣ могло бы быть болѣе соперничества при покупкѣ, возвышать этѣмъ соперничествомъ цѣны на произведенія; наконецъ, даже прямо выговариваетъ за собою право на исключительную покупку этѣхъ произведеній. ⁵⁶ Мало этого: пользуясь властью Монголовъ, Сторона эта успѣла ограничить власть Великихъ Князей по торговлѣ своей не только въ Новгородѣ, но и въ самомъ Великомъ Княжествѣ: свобода и выгода ея торговли опредѣлена была съ Ханскою грамотою, которую Новгородскіе торговцы исходатайствовали себѣ у враговъ нашей родины. ⁵⁷ Вотъ чего страшится

⁵⁵ А двора (Нѣмечькаго) ти не затворятъ, и Прпставовъ не прпставлявати.—Тамъ же. Въ договорной съ Иваномъ III, 1471 года, это условіе уже выражено ограничениемъ, и первая половина его: «а дворъ ти не затворити», выпущена.

⁵⁶ А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новгорода въ дву пасаду по пошлпнѣ, а опять ѣхать туды же на Новгородъ, и съ ипазу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ. Тамъ же №№ 6, 7, 8 (съ Мих. Ярослав. 1305 г.). Въ слѣдующей за тѣмъ (№ 9), заключенной съ Михаиломъ же Ярославичемъ въ томъ же 1305 г.: А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца; а тебѣ серебро емати. Въ договорѣ съ тѣмъ же Княземъ 1307 г.: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаати дань своя Новгородцю (№ 10). Въ 1317 г. это условіе замѣнено слѣдующимъ: А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло, по Новгородской пошлпнѣ (Тамъ же, съ Мих. Ярослав.).

⁵⁷ А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ (тамъ же №№ 6, 7, 8, 15). Въ 1375 уже иначе: А гости гостити съ обѣхъ половинъ безъ рубежа. Еще прежде того, въ 1327 году, прибавлено: А Суждальскому гости гостити въ Новгородѣ безъ рубежа, безъ пакости. Уже смиренный предъ Иваномъ III, Новгородъ все еще напоминаетъ ему о Ханской грамотѣ. Въ договорѣ съ нимъ, 1471 года, говорить: А гостемъ гостити безъ рубежа по Царевой грамотѣ. См. П. собр. грам. и дог. т. IV, стр. 107 и 108.

и вотъ чего добивается Торговая Сторона, эта представительница въ Новгородѣ новаго начала. Вещественныя выгоды—ея жизнь, цѣль жизни, цѣль всѣхъ желаній, всей дѣятельности, ея Богъ. Она противодѣйствуетъ старому порядку по тому, что, какъ будто бы, надѣется на возстановленіе новаго; между тѣмъ противодѣйствуетъ и новому порядку, какъ противодѣйствуетъ порядку старому: она кичлива, она дѣйствуетъ незаконно, она разрушаетъ всякій порядокъ въ стремленіи своемъ къ стяжаніямъ, къ вещественнымъ выгодамъ: и порядокъ старый, продолженіе существованія котораго утверждено было самимъ Ярославомъ, и порядокъ новый, который долженъ бы былъ водвориться въ Новгородѣ въ помыслѣ о Князѣ, двигавшемъ событіями во всѣхъ остальныхъ частяхъ тогдашней Руси.

По этому, старое докняжеское начало, казалось, по основнымъ своимъ стремленіямъ, находилось въ враждебныхъ отношеніяхъ къ началу новому, между тѣмъ въ дѣйствительности почти совершенно сливалось съ нимъ въ отношеніи Княжеской власти: новое начало, въ лицѣ Торговой Стороны, видимо стремилось придать помыслу о Князѣ только такое значеніе, чтобъ подъ покровомъ его хранить однѣ вещественныя выгоды отъ стѣсненій со стороны докняжескихъ Бояръ. То и другое начало, та и другая сторона, добиваются, хлопчуть, напугаются, чтобъ поддержать исключительное свое господство, одна въ торговлѣ, другая въ управленіи, и только тогда, какъ выгоды ихъ сталкиваются, онѣ становятся въ враждебныя отношенія между собою; во всемъ остальномъ онѣ остаются безразличными другъ къ другу, и каждое начало идетъ, въ этомъ отношеніи, свободно къ осуществленію своихъ цѣлей. По этому новое начало, ревнуя страшно всѣхъ въ стремленіи овладѣть сколько ни будь его вещественными выгодами, не думаетъ обнаруживать ни малѣйшей ревности къ докняжескимъ Боярамъ, когда сіи послѣдніе, какъ живой еще обломокъ отъ древняго патріархальнаго военнаго быта, всюду преобразовывавшагося въ помыслѣ о Княжеской власти, стремятся поддержать древнее свое значеніе, узаконенное за нимъ самимъ Ярославомъ, и уничтожаютъ слѣды новой жизни въ Новгородѣ, которая искала ихъ внѣ вновь подчинить ихъ помыслу о Княжеской власти. По этому, рядомъ съ упомянутыми статьями, коими Торговая Сторона обезпечивала за собою исключительность торговли, мы читаемъ въ договорахъ Новгород-

цевъ съ Великими Князьями статьи, коими утверждалось исключительное господство доньяжескихъ Бояръ по пользованію выгодами, сопряженными съ господствомъ надъ всею Новгородскою областью, исключительное господство, которое ревнуетъ Князей въ этѣхъ выгодахъ, подобно торговцамъ, до самого ничтожнаго. Согласно этѣмъ статьямъ, ни Князь Великій, ни Княгиня, ни Бояре и Дворяне Великаго Князя, не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородской области селъ, какимъ бы то ни было образомъ, даже не имѣли права удерживать ихъ за собою, если бъ получили ихъ въ даръ: этѣмъ правомъ собственно пользуются одни Бояре Новгородскіе, а Князь не можетъ имѣть даже Дворянской собственности посреди земель Новгородскихъ: Бояре исключаютъ его въ семъ случаѣ со всѣми его Великокняжескими Боярами и Дворянами.⁵⁸ Князь пользуется лишь опредѣленными дарами, судебными пошлинами; онъ не имѣетъ даже права свободно охотиться въ земляхъ Новгородскихъ, или развѣзжать по онымъ;⁵⁹ самое мѣсто для сѣнокосовъ ему опредѣлено⁶⁰ и проч. Уступая требованіямъ новой жизни, старое начало столь же мало раскрылось для воспріятія помысла о Князѣ въ другихъ отношеніяхъ: правда, не спорило съ Княземъ, не могло спорить о верховности Книжескаго Суда, но, стремяся сохранить свое древнее значеніе въ землѣ Новгородской, оно явилось подлѣ Князя-Судіи, въ лицѣ избраннаго своего старшаго Боярина, подлѣ именемъ Посадника, и Князь безъ этого Посадника не могъ

⁵⁸ Основная форма этого исключенія выразилась въ договорныхъ грамотахъ слѣдующимъ образомъ: А въ Бѣжичахъ тебѣ, Княже, ни твоей Княгини, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ слугамъ, селъ не держати, ни купити, ни даромъ прѣимати, и по всей волости Новгородской. Пол. соб. гр. и догов. томъ 1. Новгород. догов. 1265, 1270 и 1305 гг. По особымъ случаямъ эта форма измѣнялась, но сущность ея оставалась та же: Князья отказывались за Княгиню и за всѣхъ своихъ подданныхъ и отъ земель уже пріобрѣтенныхъ въ области Новгородской. Тамъ же №№ 6, 7, 8, 9, 12 и др.

⁵⁹ А въ Русу ти, Княже, ѣздити на третью зиму, по грамотѣ дѣда твоего, Ярослава; а лѣтъ на озвадъ звѣрїи гонити. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетръникъ и медовара, по грамотѣ дѣда своего, Ярослава, а въ Ладогу, Княже, ѣздити на третье лѣто. Пол. соб. грам. и дог. томъ 1, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8 и др. Это условіе встрѣчается даже въ договорныхъ грамотахъ съ Иваномъ III, 1471 года.

⁶⁰ Соб. госуд. гр. и дог. т. 1, №№ 1, 2 и 3, 1265 и 1270 гг.

дать рѣшенія ни по какому дѣлу. Новое начало не ревновало докняжескихъ Бояръ и въ этомъ, допустивъ вносить его торжественно въ договоръ съ Великими Князьями. Оно свободно допускало также докняжескихъ Бояръ устранять волю Князей въ назначеніи для разныхъ частей Новгородской области правителей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу Новгородцевъ, когда, въ видахъ вліянія своего вообще на назначеніе этѣхъ правителей даже изъ Новгородцевъ, старое начало сопротивоставило и сдѣсь волю Князя своего Боярина Посадника, который могъ дать и не дать согласіе на таковое назначеніе. Вотъ начала, которыми опредѣлялись отношенія Новгорода къ Андрею Боголюбскому и вообще къ Великокняжеской власти.

Всеволодъ, братъ Андрея, заступившій его мѣсто и престолъ на Сѣверѣ, какъ мы уже замѣтили, гениально пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ. Онъ не думаетъ назначать походовъ противъ Новгорода: это значило бы сосредоточить ихъ вокругъ ихъ языческаго божества, заставить ихъ дать клятву умереть за это божество; нѣтъ, онъ только показавъ Новгородцамъ, что ихъ божество въ его рукахъ, что онъ не позволитъ имъ поклоняться этому божеству, пожать богатыя даянія его прежде, чѣмъ не поклонятся ему самому и, въ лицѣ его, самой новой жизни; дѣйствовалъ въ исполненіи этого плана искусно, мощно, — и Новгородцы кланялись ему, склоняли главу свою предъ новою жизнію, чтобъ имѣть только счастье узрѣть языческое божество свое и приблизить къ себѣ его высокія даянія.

Подобной искусной политики Новгородъ, очевидно, не ожидалъ, по чему долго не хотѣлъ вѣрить ей: не было кругомъ ни какой вещественной силы, которая стѣсняла бы его: онъ былъ господиномъ самаго себя у себя дома, и Всеволодъ утверждалъ за нимъ это право правительственно. Стоя въ подобномъ положеніи, какъ Русскій необразованный человѣкъ, какъ Русскій мужичекъ, Новгородъ думалъ кичиться по прежнему, торговаться съ Великимъ Княземъ.

Принявъ отъ Всеволода Князя Ярослава Владимировича, Новгородцы, какъ хозяева, какъ хранители грамотъ, дарованныхъ имъ предкомъ нашихъ Князей, удалили его на слѣдующій же годъ въ Волокъ Ламскій, и призвали къ себѣ на престолъ врага и соперника

Великаго Князя по Великокняжескому престолу, а послѣ смерти его, послѣдовавшей не далѣе какъ черезъ годъ, признали своимъ Княземъ его брата, Ярополка, тоже врага Великаго Князя. Они, конечно, ждали, что Всеволодъ, изъ духа соперничества въ назначеніи для Новгорода Князей, также какъ изъ опасенія видѣть на Новгородскомъ престолѣ врага своего, будетъ искать въ Новгородцахъ, и сдѣлаетъ имъ уступки въ тяжелыхъ для нихъ требованіяхъ новой жизни, если не откажется отъ этѣхъ требованій почти совершенно. Попытка, однако жъ, не удалась. Всеволодъ не предъявилъ своихъ притязаній на назначеніе въ Новгородъ Князя, не вошелъ даже въ сношенія съ Новымъ Городомъ, а захватилъ торговцевъ, бывшихъ по своимъ дѣламъ, въ Великомъ Княженіи, и въ то же время двинулъ силы для занятія Торжка, этого ключа Новгородской торговли съ Восточными областями Россіи.

Одна первая мѣра заставила уже Новгородцевъ сдѣлать въ торгу съ Великимъ Княземъ немедленно же уступку: прежде, чѣмъ Торжокъ былъ взятъ, врага Великаго Князя не было уже на Новгородскомъ престолѣ: Новгородцы указали ему путь, остановившись, однако жъ на мысли, что одно соперничество, по назначенію въ Новгородъ Князей правителей, дастъ имъ возможность удержать Всеволода въ своей волѣ; и по этому ожидаютъ подобнаго представленія со стороны Всеволода, сами не шлютъ къ нему пословъ о назначеніи имъ правителя Князя, а призываютъ къ себѣ, сначала Ромава Смоленскаго, потомъ Мстислава, изъ земель Кіевскихъ, на конецъ сына Князя Черниговскаго, Владимира. Въ семъ послѣднемъ призваніи видимо мелькаетъ у Новгородцевъ снова мысль застращать Всеволода связью своей съ Княземъ Черниговскимъ, его сильнымъ врагомъ. Въ этѣхъ же, конечно, надеждахъ и видахъ, они снова приняли къ себѣ въ Торжковскіе правители помянутаго Ярополка, врага Великаго Князя; въ этѣхъ же надеждахъ и видахъ они высылали помощь Князю Черниговскому, когда онъ пошелъ войною противъ Великаго Князя. Но Всеволодъ выдержалъ себя и сдѣсь, какъ нельзя лучше: не входилъ въ сношенія съ Новгородцами, не притязалъ на назначеніе отъ себя Князя въ Новгородъ; уклонился отъ рѣшенія ссоры своей съ Княземъ Черниговскимъ битвою; сохранилъ силы свои, свое значеніе, какъ сосѣда сильнаго въ отношеніи Новгорода, и потомъ, когда Князь Черниговскій, за разли-

тіемъ рѣкъ, долженъ былъ удалиться, Всеволодъ началъ сосредоточивать свои силы, и въ слѣдующій за тѣмъ годъ осадилъ Торжокъ, и, послѣ пятинедѣльной осады, взявъ его приступомъ, сжегъ, и Князя Ярополка и Торжковскихъ обывателей увелъ съ собою въ плѣнъ. Вторая попытка — торговаться съ Великимъ Княземъ также, не удалась, и Новгородцы, указавъ отъ себя путь сыну Князя Черниговскаго, просили уже Всеволода о назначеніи къ нимъ Князя; мало того, приняли ⁶¹ отъ него на Княженіе того же самого Ярослава, котораго далъ имъ Всеволодъ въ 1176 году и котораго они не хотѣли держать у себя въ Новгородѣ, отославъ его въ слѣдующій же за тѣмъ годъ въ Волокъ Ламскій. Теперь Новгородцы полно торговаться съ Великимъ Княземъ: они послушны волѣ его; теперь они, не довольные снова Ярославомъ, не смѣютъ указать ему путь, а дѣйствуютъ чрезъ самаго Великаго Князя: самъ Всеволодъ выводить его изъ Новгорода; но эта уступчивость, со стороны Всеволода, основанная, какъ видно изъ всего, на томъ глубокомъ соображеніи, что Новгородцы не могутъ выйти изъ подъ руки его, что ихъ стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ возвратитъ ихъ снова и добровольно подъ его руку, эта уступчивость перетолкована была, какъ это очевидно, не настойчивостію Всеволода удерживать Новгородъ въ зависимости отъ себя, въ случаѣ, если Новгородцы будутъ наружно высказываться къ нему покорностію и уваженіемъ; и по тому съ выводомъ Ярополка, не просятъ у Всеволода назначить имъ новаго Князя, а призываютъ Мстислава, сына Смоленскаго Князя, Давида. ⁶² Какъ дѣйствовалъ при этомъ случаѣ Всеволодъ, лѣтописцы не оставили ни какихъ свѣдѣній; но что онъ въ кругу своего Княжества дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ сильно, противъ ихъ вещественныхъ выгодъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія: это было бы не согласно съ свойствами сего Князя, съ его взглядомъ на отношенія къ Новгороду; и спустя четыре года послѣ

⁶¹ 1182 года.

⁶² Г. 1184. Нов. I, стр. 18: Выведе Всеволодъ, приславъ, своякъ свои изъ Новгорода Ярослава Володимиряця; негодовахуть бо ему Новгородьци, заче много творяху пакостиводости Новгородетви; и съ думавъше Новгородьци, послашася Смольньску къ Давидови, просиде сына у него; и вѣда имъ Мстислава, и приведоша ѿ Новугороду, и посадиша ѿ на столѣ.

того Новгородцы указали путь Мстиславу Давидовичу, и снова поклонились Всеволоду, съ просьбою о назначеніи къ нимъ Князя; но что замѣчательнѣе, снова приняли изъ рукъ его того же Ярослава Владимировича, два уже раза оставлявшаго ихъ; въ продолженіи десяти лѣтъ держали его на престолѣ, и только въ 1195 году искали смѣны его; однако жъ не смѣли указать ему путь изъ Новгорода, боясь, конечно, Всеволода, котораго уклончивость поняли теперь, убѣдившись, что эта уклончивость только есть орудіе политики твердой и неуклончивой. Ходатайствуя чрезъ особое посольство о смѣнѣ Ярослава, они уже не думали теперь искать себѣ Князя мимо Всеволода: чрезъ то же посольство они просятъ Великаго Князя дать имъ на княженіе сына. Нужно еще при этомъ замѣтить, что Новгородцы дѣйствовали столь смиренно въ то время, когда шла вражда между Великимъ Княземъ и Князьями Черниговской системы, т. е., что Новгородцы, имѣя возможность, однимъ призваніемъ на свой престолъ котораго ни будь изъ Князей Черниговской системы, противопоставить этѣхъ Князей Князю Великому и по собственнымъ своимъ выгодамъ, и соединить силы свои съ силами Князей Черниговскихъ противъ Всеволода. Новгородцы испытали уже подобное средство для освобожденія себя изъ подъ вліянія Всеволода, и знали, что оно безуспѣшно; по этому-то они не только не думаютъ воспользоваться теперь враждою Черниговскихъ Князей къ Князю Великому, но даже, по требованію Всеволода, выводятъ силы свои, для поддержанія выгодъ Великаго Князя противъ Князя Черниговскаго. Такъ хитро умѣлъ Всеволодъ опутать Новгородцевъ ихъ же собственной политикой, устремленной къ вещественнымъ выгодамъ и жертвующей всѣмъ для этѣхъ выгодъ: онъ зналъ, что этѣ выгоды — душа Новгорода въ его рукахъ, и маня ими Новгородцевъ, заставлялъ ихъ исполнять свою волю, смиряться предъ ней. Самое удержаніе пословъ Новгородскихъ, ходатайствовавшихъ у Великаго Князя о выводѣ изъ Новгорода Ярослава и о присылкѣ на княженіе одного изъ сыновей Великокняжескихъ, Новгородцы перенесли, по видимому, съ полнымъ смиреніемъ. Ярослав оставался у нихъ по прежнему Княземъ; новое посольство ихъ не тревожило уже. Великаго Князя просьбою о смѣнѣ Ярослава, а ходатайствовало только объ освобожденіи первыхъ пословъ своихъ; мало того, въ это же время они не смѣли отказать Великому Князю въ высылкѣ дружинъ сво-

ихъ, для поддержанія его въ войнѣ противъ Князей Черниговской системы; ⁶³ только послѣ того, какъ Всеволодъ, возвратившись изъ Черниговскаго похода, не удовлетворилъ и въ послѣдней ихъ просьбѣ, давъ лишь свободу одному изъ бывшихъ въ первомъ посольствѣ, а другихъ, въ томъ числѣ Посадника, по прежнему удерживая у себя, только тогда Новгородцы рѣшаются дѣйствовать въ отношеніи назначеннаго Всеволодомъ Князя, какъ они дѣйствовали въ отношеніи другихъ Князей, и указали ему путь; но и это было однимъ невыдержаннымъ порывомъ затаенныхъ настоящихъ отношеній Новгорода къ Великому Князю: они увидали послѣдствія, и преклонились снова предъ волею Всеволода, безъ борьбы противъ нихъ со стороны сего послѣдняго. Великій и на этотъ разъ не выводилъ дружинъ своихъ противъ самого Новгорода, для восстановления прибрѣтеннаго имъ на самомъ дѣлѣ права: онъ закрылъ только Новгородцамъ входъ въ ихъ языческій храмъ, и этого было достаточно вполне для того, чтобъ Новгородцы явились предъ нимъ съ смиреніемъ. ⁶⁴ Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ Князя, они хотя и обращались съ просьбою къ Князю Черниговскому о назначеніи къ нимъ сына Ярополка, но едва только успѣлъ прибыть къ нимъ Ярополкъ, какъ они указали ему путь, и сами же просили Всеволода о назначеніи къ нимъ того же Ярослава, отъ котораго они не разъ старались избавиться. Сдѣсь мы не можемъ не замѣтить, что хитрая по наружности политика Всеволода имѣла въ сущности другой характеръ, сливаясь совершенно съ покойнымъ, величавымъ, полнымъ сознанія, державствомъ Русскаго властителя, и была ни чѣмъ инымъ, какъ необходимымъ плодомъ полной увѣренности въ неизбежности и величіи власти державно-княжеской. ⁶⁵ Всеволодъ не удовлетворился

⁶³ А Новгородцевъ повесть (Всеволодъ) яти на Луки. Идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣше на Лукахъ, воротишася дошовъ. Нов. I, стр. 23.

⁶⁴ Иде Князь Ярославъ (послѣ изгнанія своего изъ Новгорода) на Новій Торъ, и пріаша ѿ Новоторъщы съ поклономъ... княжяше на Търъжку въ своей волости, и дани поима по всему Върху, и Мыстѣ и за Волокомъ възма дань, а Новгородѣ измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всей земли своей, держаше ѿ себе, не пуста ихъ Новугороду.

⁶⁵ Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что жизнь Восточной Руси невозможна назагла на Всеволода этотъ величавый характеръ.

однаго посольствомъ, назначеннаго для испрошенія на престолъ Ярослава, и не послалъ Ярослава въ Новгородъ, а, напротивъ, вызвалъ его изъ самого Торжка, и, какъ видно изъ Лѣтописи, потребовалъ, или ждалъ, посольства болѣе торжественнаго. Это посольство, состоя изъ первыхъ Новгородскихъ Вельможъ, и прибыло вкоры за первыми въ Владимиръ, для того, чтобы торжественно принять великаго себя Князя въ Новгородъ. Съ той же торжественностію, согласно воли Всеволода, Новгородъ долженъ былъ, въ 1199 году, принять къ себѣ на княженіе малолѣтнаго сына его, Святослава.⁴⁴ Всеволодъ дѣйствуетъ (покойно, величаво, не выходя изъ своей роли; его власть священна и истинна; онъ не ущемляется радостію при первой возможности распространить эту власть; не принимаетъ покорности, просто изъявленной, и требуетъ, ожидаетъ, чтобы признаніе его воли, его власти, было изъявлено отъ себя торжественностію, чтобы покорность предъ нимъ была покорностію предъ властію истинною и священною; не прихоть, не гордость, требуетъ этого торжественнаго изъявленія покорности, а самая власть, которую новая жизнь земель Ростово-Владимирскихъ стремится окружить величіемъ, торжественностію; едвѣсь говорить сознаниіе, вѣры новой жизни, о невыблемости, святости Княжеской власти; поблгтія незнакомыя, чуждыя жизни Новгородской, которая стремится обратить всякую власть въ орудіе своихъ вещественныхъ выгодъ, составляющихъ божество для Новгорода. И Новгородъ, удовлетворяя Всеволода торжественнымъ признаніемъ его надъ собою власти, противорѣчитъ самому себѣ, дѣйствуетъ противъ начала своей жизни, вводится насильно въ начало новой жизни. Его призваніе къ себѣ на престолъ Князя уже не честь, теперь для самого Князя; напротивъ, дарованіе Новгороду Князя составляетъ теперь милость, особую честь самому Новгороду, оказываемую со стороны Великаго Князя, милость и честь, которыя аннексированы Новгородомъ торжественною покорностію предъ волею Великаго Князя. Уступая времени, Всеволодъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Нов-

⁴⁴ За Святославомъ, согласно воли Великаго Князя, были подданы самъ Архіепископъ и Новгородскій Посадникъ, съ лучшими Новгородскими мужами. Нов. I, стр. 24: Приславъ Всеволодъ, выведе Ярослава изъ Новгорода, и веде ѣ къ себѣ; и изъ Новгорода позва Вадыку и Посадника Мирешку и великия мужи по сызъ...

городу является въ полномъ смыслѣ властителемъ новой жизни, Княземъ съ неограниченною властію; и покорность Новгорода предъ нимъ была покорностію предъ новою жизнью, хотя и исходила совершенно изъ другого начала, нежели изъ какого развивалась она въ остальныхъ частяхъ Руси. Князь Новгородскій былъ теперь не болѣе, какъ Намѣстникъ Великаго Князя, который могъ съвѣщать его во всякое время, по собственному своему желанію, не спрашиваясь Новгородскаго вѣча, и Новгородъ безмолвно покоряется въ этомъ отношеніи предъ Всеволодомъ. Назначивъ въ 1197 году въ Новгородъ Ярославъ Всеволодь чрезъ два года вызвалъ Ярослава, и на его мѣсто назначилъ малолѣтняго своего сына, Святослава; въ 1205 году, на мѣсто Святослава, послалъ въ Новгородъ старшаго своего сына, Константина; въ 1208 году онъ далъ Новгороду правителемъ опять Святослава. При такомъ положеніи дѣлъ воля Всеволода не могла не быть закономъ Новгороду и въ другихъ отношеніяхъ: она действительно была такова. Это положительно подтверждаютъ слѣдующія данныя. Въ 1208 году, тамъ, гдѣ раздвигались шумныя вѣча; разрывшіяся часто, въ думать свихну; дикостію; кичливостію противъ порядка и всякой власти; тамъ Новгородцы; покорные волѣ Великаго Князя, казнятъ одного изъ своихъ собратьевъ, по ихъ новѣтнимъ невиннаго, и виновнаго, не поинитиая только новой жизни.⁶⁷ Изъ разказа летописца подъ 1209 годомъ видно также, что Всеволодь облагалъ Новгородцевъ даже данями и повинностями по своей волѣ.⁶⁸ Участіе Новгородцевъ въ походахъ Великаго Князя противъ враговъ его говоритъ совершенно согласно съ двумя приведенными событіями, именно о томъ, что Всеволодь облагалъ волю свою закономъ для Новгорода.⁶⁹

⁶⁷ Ириде Лазорь, Всеволодь мужъ; нъ Володимира, дн Борше Маремѣиницъ: поведъ, убити Олду, Сбыславца на Ярославѣ дворѣ, и убиша. И безъ дани: въ субботу, Марта въ 17, на Святого Алексія, а завтра плака Св. Богородица у Св. Якова, въ Неревскѣмъ концѣ. Нов. I, стр. 30.

⁶⁸ См. ниже.

⁶⁹ Кроме двухъ походовъ, о которыхъ мы упоминали выше, Новгородцы, исполняя волю Великаго Князя, участвовали въ походѣ противъ Рязанскихъ Князей.

Опутанный своими вещественными выгодами, Новгородъ явно клонилъ тогда главу свою предъ Великимъ Княземъ; но бѣдая съ самимъ собою, онъ то утопалъ въ горѣ, то скрежеталъ зубами и терзалъ въ какомъ-то отчаяніи самого себя: стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ, подавленное Всеволодомъ, смиряясь предъ Княземъ Великимъ, искало простора, а новая жизнь для Новгорода была только извнѣ, чуждая, тягостная ему, подчиняющая страсти, коими исполнена была душа Новгородца, какому-то высшему покойному и строгому началу; жизнь, подавляющая ихъ. Разказавъ о казни Алексѣя Сбыславича, совершенной Новгородцами, какъ мы выше замѣтили, въ исполненіе воли Великаго Князя, казни несправедливой, по понятіямъ, овоиственнымъ началамъ жизни Новгородской, лѣтописецъ выразилъ тревогу души Новгородской, пробужденную этѣмъ событіемъ, слѣдующими словами: «а заутра плака Святая Богородица у Святого Якова, въ Неревьскѣмъ концѣ.»⁷⁰ Вотъ какъ глубоко трогательно было тогда положеніе Новгородцевъ, по разказу ихъ лѣтописца, что самое небо изронило слезу надъ ними! Въ 1209 году эта внутренняя тревога Новгорода высказалась движеніемъ, въ которомъ не видѣлось уже слѣдовъ релігіознаго созерцавія и чаянія, а напротивъ слѣды одной неподдѣльной, дикой страсти, столь разрушительно колебавшей постоянно жизнь Новгорода. Сдѣвъ Новгородъ является опять самимъ собою, и подавленная Всеволодомъ страсть исходитъ дико и бурно на просторъ. Не смѣя коснуться прямо стѣснительной для нея власти Всеволода, она разразилась страшною, всеразрушающею грозой надъ Посадникомъ, надъ его дѣтми и братьями-приверженцами, или друзьями. Она буйно кричала на вѣчѣ, что не самъ Всеволодъ виноватъ въ томъ, что стѣсняетъ ихъ въ вещественныхъ выгодахъ, облагаетъ ихъ податями и повинностями, а виноваты Посадникъ и его братья-приверженцы, обуяла собой всѣхъ Новгородцевъ, бросилась съ вѣча къ жилищу этѣхъ виновныхъ, разграбила дома приверженцевъ Посадника, испепелила его отцовскій домъ, испепелила

⁷⁰ Въ лѣтописи разказъ о казни отдѣленъ отъ сего послѣдняго разказа точково; но первое слово послѣдняго разказа начинается не большою буквою, слѣдовательно, точка сдѣвъ поставлена вмѣсто точки съ запятой, какъ и въ другихъ мѣстахъ; самый противоположный союзъ: «а», соединяющій оба разказа, указываетъ на внутреннюю связь ихъ.

его собственный домъ; отчудила отъ его отца, отъ него самаго недвижимыя имѣнія, самую челядь; захватила всюду принадлежащія имъ несмѣтныя движимыя имущества, раздѣливъ оныя между Новгородцами; конфисковала все богатства ихъ, состоящія въ долгахъ, представивъ оныя своему Князю, сыну Всеволода; готова была броситься на мертвое тѣло Посадника, привезенное въ родную сторону изъ Владимира, ⁷¹ для того, чтобъ свергнуть его въ волны Волхова, но была удержана отъ этого Архіепископомъ; далѣе, изгнала изъ Новгорода дѣтей и двухъ друзей, или родственниковъ, Посадника, заточивъ ихъ, чрезъ своего Князя, въ землѣ Великокняжеской; наказала другихъ приверженцевъ Дмитрія несмѣтнымъ количествомъ денегъ. Буйно гуляла тогда страсть Новгородская, долго задерживаемая въ самой себѣ. Она разразилась надъ семьей Посадника и близкими ему, но въ сущности направлена была противъ распряженій, которыя выносили сокровища изъ языческаго храма Новгорода, принося ихъ въ жертву новой жизни Христіанской. ⁷² Власть Всеволода надъ Новгородомъ явно держала въ извѣстїи; и не могла найти мѣста въ жизни Новгородской, гдѣ бы она прочно бросила корень свой: двѣ жизни, исходящія совершенно изъ противоположныхъ началъ, начала языческаго и начала Христіанскаго; ни сколько не мирялись между собою, а, напротивъ, при видимомъ наружномъ единствѣ, стояли другъ къ другу въ страшно враждебныхъ отношеніяхъ. Явленіе Мстислава Мстиславича въ земляхъ Ново-

⁷¹ Посадникъ Дмитрій Миропкинскій умеръ во Владимірѣ на Клязьмѣ, отъ раны, полученной во время похода съ Новгородцами противъ Рязанскихъ Князей.

⁷² Нов. I. стр. 30. Новгородци же, приидъше Новгороду, (изъ Рязанскаго похода), створиша вѣче на Посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло. Идоша на дворы ихъ грабежымъ, а Миропкинскыи дворъ и Дмитровъ захъгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровница ихъ изыскаша и поимаша безъ числа, а избытокъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щить; аще кто потан похватитъ, а того еднѣ Богъ вѣдасть, и отъ него двоимъ радибодитиша; а что на дъщкахъ, а то Князю оставиша. Того же гѣта привезоша Дмитра Мирожанина мертвого изъ Володимира, и потребоша и у Св. Георгія въ мѣнастырѣ, иидѣтъ отця; а Новгородци хотаху съ нѣста смарещи, и възбрани шеть Архіепископъ Митрофанъ.

городацкихъ, вполнѣ, подтверждаетъ это. Пусть Мстиславъ не былъ тайно признанъ самими Новгородцами, пусть самъ онъ вызвался на борьбу противъ Всеволода, это совершенно все равно: отъ его явленіемъ вся многолѣтняя покорность Новгородцевъ предъ Всеволодомъ исчезла, какъ сонъ. Новгородъ явно ждалъ Князя-виззя, который бы далъ прозоръ ихъ страстямъ, избавилъ бы отъ стѣнителныхъ, для страстей, началъ новой жизни, избавилъ бы ихъ отъ власти Всеволода. Мстиславъ только воспользовался этимъ настроеніемъ. По этому-то прежде, нежели сѣлъ на Новгородскій престолъ, прежде даже, нежели явился въ Новгородъ, онъ могъ такъ легко задержать въ Торжкѣ дружину Святослава.⁷³ Вотъ по чему, когда онъ изъ Торжка послалъ сказать Новгородцамъ: «Кланюся Святой Софіи и гробу отца моего и вѣзь Новгородцамъ: пришелъ я къ вамъ за тѣмъ, что слышалъ о наеміи вамъ, и этотъ слухъ побудилъ ко мнѣ сожалѣнію.» Новгородцы немедленно же отрядили почетное за нѣмъ посольство съ словами: «Понде, княже, на столы!» по этому же онъ немедленно послѣ того задержали самого Святослава въ домѣ Архіепископа на все время, какъ сказано въ летописи, «пока будетъ продолжаться управа съ отцемъ его,» т. е., Всеволодомъ; по этому же весь Новгородъ обрадовался прибытію Мстислава, слеза вокругъ него, составилъ мгновенно огромное ополченіе противъ Великаго Владимірскаго Князя;⁷⁴ вотъ по чему рпять до самой смерти Всеволода Мстиславъ такъ легко устранялъ всякое вліяніе Великаго Князя на Новгородъ. Напрасно, по этому же, думаютъ, что какой-то небывалый духъ южной Руси отразился, въ лицѣ Мстислава, въ этой борьбѣ: она вся двигалась на духъ самаго Новгорода, а Мстиславъ дѣйствовалъ здѣсь въ томъ же духѣ, какъ дѣйствовали все тогдашніе Князья, въ томъ числѣ и самъ Всеволодъ, т. е., въ духъ областномъ, который, развиваясь, преображалъ другія части Руси, готовя ихъ свободнѣе войти въ составъ Государства самодержавнаго. Если бы это было иначе, то не только самостоятельность Новгородской области, но и весь

⁷³ Слѣзъ Великаго Князя, правившаго въ это время Новгородъ.

⁷⁴ Црде Мстислава въ Новгородъ, и посадиша ѣ на столы отца; и ради быша Новгородцы; и понде Мстиславъ съ воиомъ пѣломъ на Всеволода... Новгород. I, стр. 31.

безъ исключенія областей, на которыя распадалась тогдашняя Русь, даже самостоятельность Великокняжескихъ Владимиро-Ростовскихъ земель, должна бы была считаться незаконною; но законность ея для всѣхъ областей признавалъ неразвитый еще духъ всей тогдашней Руси, и Всеволодъ приводилъ не въ повинновеніе отшатнувшихся Новгородцевъ, а, пользуясь выгодными обстоятельствами, только мало по малу покорялъ ихъ, и по этому нигдѣ и никогда онъ самъ не навязалъ на то, что они обязаны повиноваться ему вполне, какъ своему настоящему законному Государь-властителю; а, напротивъ, и разеъ похвалялъ имъ, что они, подобно другимъ областямъ, пользуются своею самостоятельностью. По этому-то они, когда Новгородцы, въ 1184 году, просили его о выводѣ изъ Новгорода назначеннаго имъ Князя, онъ вывелъ его, оставивъ имъ свободу просить себя о власти у другихъ областныхъ Князей; точно также они признали эту самостоятельность Новгородской области при заключеніи, въ 1197 году, мира съ Черниговскимъ Княземъ, и, сколько не присвоивая себѣ правъ властителя надъ Новгородскою областію, а, напротивъ, утверждая за нею право на призваніе къ себѣ Князей изъ той или другой области, по ея собственному желанію; въ 1209 году, послѣ участія Новгородцевъ въ его походѣ на Князей Рязанской днестры, Всеволодъ выказался къ нимъ точно такимъ же образомъ, одаривъ ихъ за участіе въ походѣ безъ всякаго числа; онъ далъ имъ волю всю и уставы старыхъ Князей, такъ что предоставилъ имъ, управляться самими собою, задержавъ въ то же время ихъ Князя, сына своего, Константина, у себя, во Владимирѣ, какъ будто бы ужъ ненужнаго для Новгородской воли; но этому же, когда въ 1210 году Новгородцы воспользовались этою областною самостоятельностью и, вмѣсто власти Всеволода, признали надъ собою власть Мстислава, Всеволодъ не думалъ поддерживать обшир-

⁷⁵ Нов. Т, стр. 23. . . Новгородъ вывожиша всѣхъ Князей въ свободу, какъ имъ и было, ту же себѣ Князи помянуть.

⁷⁶ Нов. Т, стр. 30. А Новгородци пустихъ Володимира Новгороду, одаривъ, безъ числа, и дади имъ волю всю и уставы старыхъ Князей, его, же, хотѣху. Новгородци, и рече имъ: «Кто вы добръ, того любите, а злыхъ, казните!» а, со собою поиде сына своего, Константина, и Посадника Дмитра, стрѣлена подъ Проньскою а вѣтъшихъ 7.

ныя права свои, вынужденныя имъ у Новгородцевъ къ тому времени, или права на исключительную покорность Новгорода Князьямъ Владимиро-Ростовскимъ; а, ясно видя необходимость враждебнаго столкновения двухъ областныхъ самостоятельности въ случаѣ подобныхъ настояній, искалъ лишь, чтобы временное, добровольное отречение, сдѣланное было Новгородцами отъ этой самостоятельности, въ слѣдствіе его, искусной политики, не превозжило самостоятельности его собственной области; по чему, высвободивъ своего сына, задержаннаго въ Новгородѣ, онъ безъ малѣйшей борьбы оставилъ Новгородъ за Мстиславомъ и захваченнымъ торговцамъ Новгородцамъ предоставилъ свободу.⁷⁷ Кроме того, какъ Мстиславъ, такъ и другіе Князья, при тогдашнихъ, неразвитыхъ, еще Государственныхъ порядкахъ, не могли смотрѣть⁷⁸ на неправильное движеніе Новгорода къ исключительности, какъ на движеніе противугосударственное и незаконное, когда самъ же предокъ ихъ, Ярославъ, даровалъ Новгороду особыя права и преимущества, которыя и поддерживали это движеніе. Да, въ настоящемъ дѣйствіи Мстислава мы не можемъ видѣть ни чего особеннаго: оно исходило изъ общаго начала, было въ полномъ смыслѣ своевременно, а по тому законно, какъ своевременно и законно было признаніе его своимъ Княземъ со стороны Новгорода. Но куда шель Новгородъ, пользуясь въ настоящемъ случаѣ своими правами и опираясь на военный талантъ Мстислава, это другое дѣло, другой вопросъ, которой мы и стараемся разрѣшить далѣе, въ настоящетъ же трудѣ; а теперь повторимъ только, что Новгородъ шель туда подъ полнымъ вліяніемъ собственныхъ своихъ началъ, а не подъ вліяніемъ Мстислава, не подъ вліяніемъ ободреній Мстислава противъ жизни новой, которая зародилась и поддерживалась для всего Государства, для всехъ областей, долго и долго въ думяхъ и жизни Южной Руси, которую

⁷⁷ И после Мстиславъ съ вѣдмъ, пѣломъ на Всеволода, и быша на Длоскѣ, и присла къ нему Всеволодъ: «Ты ми еси сынъ, а язъ тѣбѣ отецъ; пусти Святослава съ мужи и все, еже засѣдналъ, исправи, язъ гость (гостей, кунцевъ) пускою и товаръ;» и пусти Мстиславъ Святослава и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товаръ, хрестъ чювоаста и миръ възвѣста. И приде Мстиславъ въ Новгородъ. Новгородъ. I, стр. 31.

⁷⁸ См. ниже.

винятъ современные изслѣдователи въ развитіи ложнаго направленія въ думахъ Мстислава. ⁷⁹

Такъ Всеволодъ не произвелъ внутренняго преобразованія въ жизни Новгорода, а политикою своею умѣлъ заставить Новгородцевъ невольнo подчиниться началамъ новой жизни и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ признавать этѣ начала законными для Новгорода. Дѣйствовалъ онъ такимъ образомъ не во имя Великаго Князя, а единственно какъ сильный сосѣдъ и какъ властитель тѣхъ земель, чрезъ которыя скоплялись въ Новгородѣ огромныя богатства и связь съ которыми была Новгороду необходима даже для устраненія голода въ своей области. Одно и то же начало скрывалось какъ въ самой покорности Новгородцевъ предъ Всеволодомъ, такъ и въ движеніи ихъ противъ него, съ прибытіемъ въ Торжокъ, а потомъ и въ самый Новгородъ, Мстислава Мстиславича—начало вещественныхъ выгодъ. Новгородцы уступали Всеволоду, по тому что они не имѣли у себя Мстислава, и по тому, что неудовлетвореніе ими Всеволода, ссора съ нимъ, повлекли бы за собой совершенное разстройство торговли ихъ съ землями Владимиро-Ростовскими и чрезъ этѣ земли; получивъ же теперь возможность попользоваться всѣми выгодами сей торговли, безъ всякихъ уступокъ, они немедленно воспользовались этѣмъ, отказавшись не только отъ дальнѣйшихъ уступокъ въ пользу новой жизни, но даже отъ сдѣланныхъ уже ими. Вещественныхъ выгоды теперь—единственный живой двигатель ихъ жизни, ихъ властитель, ихъ богъ. Торговая Сторона, которая сначала, по видимому, была представительницею новой жизни въ Новгородѣ, развившись въ своемъ финансовомъ началѣ, страстно стоитъ теперь около стяжанныхъ ею сокровищъ, трепетно смотритъ вдаль на сокровища, которыя она можетъ сдѣлать своими, и, въ напряженной думѣ о сокровищахъ, гаснутъ въ ней думы о новой жизни; она врагъ новой жизни, если новая жизнь усиливается прикоснуться къ ея сокровищамъ, хотя сдерживаетъ себя въ порывахъ вражды, если эта вражда можетъ нанести еще болѣе сильный ударъ ея любимой думѣ, страстно любимому ея дѣтищу. Въ движеніи противъ Посадника, его родныхъ и близкихъ, въ дви-

⁷⁹ Таковъ Г. Соловьевъ.

ни противъ Всеволода, вы не различаете ни сколько Торговой Стороны отъ стороны Софійской: новое начало и начало старое совершенно сливаются съдѣсь и дѣйствуютъ, какъ при Андрѣѣ, чрезвычайно страстно противъ новой жизни, одушевляемые думою о сокровищахъ. Такъ положительно было въ минуты критическія; но въ минуты болѣе покойныя слѣдъ думы о новой жизни, однако жъ, обозначается еще въ жизни Торговой Стороны, даже въ Княженіи Всеволода. Въ 1195 году, когда Всеволодъ потребовалъ, чтобъ Новгородцы выступили походомъ на помощь къ нему противъ Князей Черниговскихъ, это требованіе нашло отвѣтъ въ Торговой Сторонѣ: докняжескіе Бояре не ополчились, по этому требованію, а одна только Торговая Сторона, вмѣстѣ съ гридьбою и огнищанами.⁸⁰ Правда, и эта видимая покорность предъ волей Всеволода, по соображенію всѣхъ данныхъ, могла исходить не изъ сочувствія къ новой жизни, а изъ страха, въ которомъ держалъ Всеволодъ весь Новгородъ, и который могъ сильнѣе дѣйствовать на корыстолюбивыѣ торговцевъ, нежели на докняжескихъ Бояръ; за всѣмъ тѣмъ движеніе противъ Ярослава въ 1196 году и указаніе ему пути изъ Новгорода, по сказанію лѣтописца, не для всѣхъ Новгородцевъ было радостнымъ событіемъ; напротивъ, одни только злые радовались этому, а люди добрые изъявляли сожалѣніе.⁸¹ Не забудемъ при семъ, что это былъ тотъ Ярославъ, о которомъ, подъ 1184 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что на него негодовали Новгородцы, за сіе (по тому что) много пакости творяху области Новгородской; который оставилъ уже Новгородъ и возвратился въ него единственно по волѣ Всеволода: удаленіе этого-то Князя, явно дѣйствовавшаго несогласно съ старыми началами Новгородской жизни, поддерживаемаго только политикою Всеволода, пробуждаетъ сожалѣніе между извѣстною частію Новгородцевъ, которую лѣтописецъ отличаетъ отъ другой иманемъ добрыхъ: это событіе замѣчательное въ исторіи Новгородской, кто бы ни входилъ въ составъ этѣхъ добрыхъ

⁸⁰ Позва Всеволодъ Новгородцѣи на Черниговъ... и не отпръшася ему, идомаша съ Княземъ Ярославѣмъ, огнищане и гридьба, и купци...

⁸¹ И съдумавше Новгородцѣи, и показаша путь изъ Новгорода, и выгнаша ѧ на Гюргевъ день, осень, Ярослава Князя; иде Князь Ярославъ... и желяху по немъ въ Новгородъ добріи, а зліи радовахуся. Тамъ же.

людей, т. е., лица ли Софійской, или лица Торговой, Стороны, или тѣ и другіе вмѣстѣ, и вотъ настоящее значеніе его. Одни не любятъ Ярослава, но не за то, что онъ стѣснялъ добро въ области Новгородской; нѣтъ, люди добрые жалѣютъ объ его удаленіи: онъ не давалъ простора злу старины, и злые настояли на изгнаніи его; такъ показываетъ самъ лѣтописецъ. Теперь мы понимаемъ, въ какомъ родѣ надѣлалъ много зла Ярославъ и въ 1184 году, когда не хотѣли его видѣть правителемъ Новгородскимъ. Ясно изъ этого обнаруживается, что въ Княженіи Всеволода требованія новой жизни находятъ еще себѣ отвѣтъ между извѣстною частію Новгородцевъ, или, по выраженію лѣтописца, между людьми добрыми. Не будемъ, по этому, отвергать, что этѣ-то люди добрые имѣли вліяніе на то, что Новгородъ долгое время уступалъ волѣ Всеволода; однако жъ вліяніе ихъ вообще должно было быть слабо: они не предпринимали ни чего, не противодѣйствовали злымъ, не высказывались противъ злыхъ мощно въ минуты рѣшительныя: въ этѣ минуты господствовала дума однихъ злыхъ. Мѣра, принятая Всеволодомъ, въ слѣдъ за изгнаніемъ Ярослава въ 1196 году, для того, чтобы снова возвести его на Новгородскій престолъ и удержать такимъ образомъ Новгородцевъ въ своей волѣ, была его общею мѣрою и показываетъ, что Торговая Сторона, если не вся, то значительнѣйшею частію входила въ части злыхъ или готова была уже войти: онъ захватилъ Новгородцевъ въ землѣ своей, которые не за чѣмъ другимъ находились тамъ, какъ по дѣламъ торговымъ, и, следовательно, принадлежали къ Торговой Стронѣ. Дѣйствовать же такимъ образомъ Всеволодъ не могъ, если бѣ Торговая Сторона была за новую жизнь, состояла бы изъ однихъ добрыхъ, которые сожалѣли объ изгнаніи Ярослава и о нарушеніи чрезъ это воли самаго Всеволода. И такъ есть полное основаніе предполагать, что этѣ люди добрые, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, составляли собой особое отъ самой Торговой стороны, по чему мы и смотримъ на неположеніе Торговою Строною воли Всеволода, вызвавшей ихъ на походъ противъ Черниговскихъ Князей, какъ на плодъ страха, а не какъ на стремленіе къ поддержанію новой жизни.

Напряженіе, въ которомъ держалъ выгоды Новгородцевъ Всеволодъ, или лучше духъ и политика срединной Россіи въ княженіе Всеволода, а потомъ сына его, Георгія, какъ это мы объ-

яснимъ ниже, было, однако жъ, не по силамъ Новгороду, хотя Новгородъ и выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ. Оно-то, по нашему мнѣнію, играло одну изъ важныхъ ролей въ странномъ, уродливомъ, раздвоеніи Новгорода въ 1215 году. Ярославъ, братъ Георгія, княжа тогда въ Новѣгородѣ, дѣйствовалъ въ духѣ отца своего, и вдругъ, по желанію, или только при содѣйствіи брата своего, Георгія, задумалъ заставить Новгородцевъ силою подчиниться требованіямъ новой жизни. Въ это время на его сторонѣ мы видимъ многихъ Новгородцевъ, которые, вмѣстѣ съ дружинами Ярослава и брата его, Георгія, ополчились противъ своихъ же братьевъ, Новгородцевъ. Что же заставляетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ? Были ли это добрые, которые, наконецъ, подобно Владимирцамъ, воспрянули и стали подъ знамена новой жизни, развернуться Ярославомъ и Георгіемъ, давши обѣтъ утвердить власть Княжескую въ Новѣгородѣ, или положить за нее свои головы, лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ. Пораженный страшной картиной враждебнаго стремленія Новгородцевъ противъ Новгородцевъ же, враждебнаго стремленія, выступившаго за предѣлы вѣроятности даже для воображенія, пріобыкшаго къ враждѣ Новгородскихъ началъ, лѣтописецъ не оправдываетъ ни ту, ни другую сторону, останавливаясь всѣмъ вниманіемъ на самой картинѣ: «Страшное и дивное чудо совершается тогда, о братія! Сынъ идетъ на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на раба!»⁸² Что было причиною такого страшнаго внутренняго раздора, какія желанія и думы оживляли объ враждующія стороны, объ этомъ лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Подробности же этого паразитическаго явленія заключались въ слѣдующемъ:

⁸² Новгор. I, стр. 34. Ярославъ же поиде съ Торжку, поймавъ старѣйшіе мужи съ собою Новгородскіи и молодыхъ наборомъ, а Новотържци вси, и приде Переяславию, и скопн волость свою всю, а Гюрги свою, Володимиръ также, а Святославъ также, и выиде изъ Переяслави съ пылы, и съ Новгородци, и съ Новотържци. Оле страшно чудо и дивно, братье! Поидоша сынове на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ... Мьстиславъ же... узрѣша пылы стояща, и послаша Даріона Сочьскаго къ Гюргю... посласта къ Ярославу, глаголюще: «Пусти мужи мои, Новгородци и Новотържци!»

Ярославъ, братъ Георгія, какъ видно изъ всего, не мирился душой съ жизнью Новгорода; и не мудрено: онъ выросъ въ другой обстановкѣ, напитался въ этой духомъ новой жизни. Дальнѣйшія отношенія его къ Новгороду положительно говорятъ, что онъ стремился стѣснить докняжескихъ Бояръ въ правѣ суда, и дать въ этомъ дѣлѣ просторъ новой жизни; но держался ли онъ вообще Стороны Торговой, противобоярской, или принялъ еѣи мѣры противъ Бояръ уже въ послѣдствіи, когда занимающій насъ раздоръ оконченъ былъ битвою, этого рѣшить не возможно, хотя первоѣ предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, судя по дурнымъ отношеніямъ его къ Боярамъ. Въ самомъ началѣ перваго вступленія его на Новгородскій престолъ, онъ былъ пораженъ нѣкоторыми явленіями, вызвавшими его къ строгимъ мѣрамъ: онъ задержалъ какого-то Якуна Зуболомца и Повоторжковскаго Посадника, Ѳому, заковалъ ихъ и сослалъ въ Тверь; тогда же онъ собиралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ противъ Тысяцкаго Якуна, и въ слѣдствіе сего вѣча былъ разграбленъ; домъ сего чиновника и задержана его жена; явленіе на другой день къ Князю самаго Тысяцкаго повлекло за собою еще новое задержаніе, именно и самаго Тысяцкаго. Въ слѣдъ за тѣмъ обыватели известной части города, входившей въ составъ Софійской Стороны, убили какого-то Овстріата и, сына его, Луготу, бросивъ трупы ихъ въ греблю, известіе о чемъ Князь принялъ съ прискорбіемъ, и былъ, какъ будто бы, не въ состояніи даже выносить этой душой, вѣчно напряженной, враждующей среды: онъ оставилъ Новгородъ и удалился въ Торжокъ, съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, утвердить оттуда господство новой жизни надъ дикою и необузданною жизнью Новгорода. При отъѣздѣ онъ взялъ съ собою многихъ Бояръ; въ Торжкѣ онъ обласкалъ, одарилъ ихъ, и потомъ отпустилъ въ Новгородъ.⁸³ Три посольства къ нему Новгородцевъ, съ призваніемъ въ Новгородъ, не только остались безуспѣшными, но всѣ, участвовавшіе въ сихъ посольствахъ, были задержаны Ярославомъ, въ томъ числѣ и Новгородскій Посадникъ, Георгій Ивановичъ: съ братомъ своимъ, Георгіемъ.

⁸³ Не сомнѣваемся, что дѣйствуя такимъ образомъ, Ярославъ надѣялся на разладъ, въ которой жили между собою Новгородскіе Бояре, и расчетъ его, какъ увидимъ ниже, былъ не совершенно ошибоченъ.

онъ готовилъ Новгороду рѣшительную борьбу. Чѣмъ разрѣшилась бы эта тяжба двухъ противоположныхъ жизней, безъ явленія снова посреди Новгородцевъ Мстислава, мы не будемъ догадываться; но съ явленіемъ Мстислава жизнь старая мгновенно стала подъ его знамя. Тогда Намѣстникъ и дружина Ярослава, оставшіеся въ Новгородѣ, были схвачены и закованы. Въ то же время самимъ Ярославомъ была принята крутая мѣра противъ Новгородскихъ торговцевъ, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ другими, захваченными имъ въ Торжкѣ, оковалъ и разослалъ по городамъ земли Владимиро-Ростовской, а товары ихъ, вмѣстѣ съ конями, велѣлъ раздать. Въ это же самое время братъ измѣняетъ тайно брату, сынъ отцу, отецъ сыну, господинъ слугѣ и слуга господину. Противорѣчіе жизни видимо ищетъ благопріятнѣйшаго исхода, и возможность этого исхода находитъ единственно въ открытой, кровавой борьбѣ. Между тѣмъ, можно сказать, за минуту до сей борьбы Новгородцы какъ будто полны единомыслія. Сторона злыхъ сильнѣе въ немъ стороны добрыхъ, и послѣдніе безмолвствуютъ, опасаясь, и весьма основательно, безъ совѣщаній и суда быть казненными за свои мнѣнія, когда въ то же время сами были полны недовольства и готовы были на открытую борьбу противъ злыхъ. Споръ Новгорода долженъ былъ рѣшиться подъ вліяніемъ сторонней силы, и стойкость Георгія и Ярослава даетъ Новгородцамъ, готовымъ скорѣе подчиниться требованіямъ новой жизни, мощь, и, бессильные въ Новгородѣ, они, опираясь на силы внѣшнія, становятся въ открытомъ полѣ лицомъ къ лицу противъ своихъ собратовъ, державшихся старинны, рѣшая мечемъ тайную тяжбу свою съ ними. Одна сила, не убѣжденіе, можетъ дѣйствовать въ Новгородѣ, и это положеніе вещей дѣлаетъ изъ Новгородцевъ, стоявшихъ въ открытомъ полѣ друзьями новой жизни, нравственно гнусныхъ рабовъ внутри Новгорода. Они сдѣсь обманъ и лицемеріе: даже дѣти обманываютъ отцовъ и отцы дѣтей, братья братьевъ; всѣ полны согласія съ общимъ движеніемъ Новгорода, а между тѣмъ стараются возмутить это согласіе; ⁶⁴ они торжественно клянутся даже именемъ Божиимъ въ единомысліи, въ дружбѣ къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ та-

⁶⁴ Сто Новгородцевъ отиравшихся отъ Ярослава въ Новгородъ, для того, чтобы тайно дѣйствовать противъ Мстислава и указать ему путь изъ Новгорода.

ать гибель въ душѣ. ⁶⁵ И это свободные Новгородцы! И это свободный Новгородъ, гдѣ убѣжденіе или дума прячется, какъ тать, лицемѣрять, обманывается, клятвопреступничаетъ. Нѣтъ! Послѣ этого мы положительно можемъ сказать, что этѣ Новгородцы, скопившіеся подъ знамя новой жизни, не могли быть истинными сынами ея. Но не рѣшаемъ теперь, раздѣляли ли они внутренно ея требованія, состояли ли они изъ однихъ добрыхъ: для насъ и безъ точнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса, которымъ мы займемся въ своемъ мѣстѣ, настоящее событіе имѣетъ обширѣйшее значеніе. Новгородъ напрягаетъ теперь всѣ свои силы, всю мощь, для поддержанія старины, которую новая жизнь навнѣ старается смять, уничтожить: старина для него дорога, старина для него жизнь; и въ то же время самъ же Новгородъ, по видимому, до такой степени тяготится плодами этой старины, или до такой степени враждуетъ противъ нея, или измѣняетъ ей, что разрываетъ религиозно-святые узы, клянется быть за старину, и—подымаетъ мечъ противъ нея, разрушаетъ семейную и гражданскую связь: братъ идетъ противъ брата, сынъ противъ отца, слуга противъ господина. Внутреннее недовольство противъ старины, или измѣна ей, достигаетъ въ настоящемъ событіи, можно сказать, ужасающаго размѣра. Въ это же время, обращая вниманіе на государственную форму, вы замѣчаете, что помыселъ о Князѣ высится надъ всѣмъ этѣмъ раздоромъ, и онъ-то одинъ роднитъ между собою противорѣчащія начала Новгорода: обѣ стороны—и враждующая противъ новой жизни, противъ идеи о господствѣ Княжеской власти, и возстающая противъ старины, обѣ онѣ примкнули къ помыслу о новой жизни, и та и другая имѣютъ во главѣ своей Князя—одна Мстислава, другая Георгія; безъ Князя та и другая, враждующія другъ противъ друга, готовыя на страшную, безпримѣрную борьбу, остаются въ видимомъ покоѣ, не предпринимаютъ другъ противъ друга ни чего: мгно-

⁶⁵ Лѣтописецъ упоминаетъ о четырехъ Боярахъ, которые дали клятву стоять за старину, и тайно бѣжали въ станъ Георгія и Ярослава. «Побѣдоца къ Ярославу преступницы кресту, чѣловали бо бяху хрестъ честный къ Мстиславу съ всѣми Новгородьци, яко всѣмъ одинакомъ быти: Володиславъ Завидаць, Гаврила Игоревичъ, Гюрья Олксевичъ, Гаврильць Милитиниць, и съ женами и съ дѣтьми.» По имени и отчеству называются въ лѣтописяхъ этого времени одни Бояре; въ XIV столѣтіи уже встрѣчаются исключенія, и то рѣдко.

веніе открытой вражды совпадаетъ непосредственно съ мгновеніемъ, когда та и другая примкнули къ помыслу о Княжеской власти, когда та и другая отдали споръ свой на рѣшеніе Князя. ⁸⁶ Только при непосредственномъ содѣйствіи помысла о Князѣ, только при воспріятіи формы новой жизни, Новгородъ признаетъ въ настоящій мгновеніе возможность исхода страшной внутренней борьбы. Такъ онъ дѣйствуетъ вездѣ безъ исключенія: безъ помысла о Князѣ жизнь не можетъ найти въ немъ исхода; безъ помысла о Князѣ Новгородъ безъ воли, мертвъ; но въ то же время какъ сдѣсь, такъ и вездѣ и всегда обнаруживается въ немъ недостаточность нравственныхъ силъ для полного сознанія и утвержденія помысла новой жизни: онъ самъ чувствуетъ, что одинъ только Князь можетъ водворить миръ въ его жизни, по чему, теряя одного Князя, онъ шлетъ съ призывомъ къ другому; но въ то же время не вѣритъ Князю, слѣдитъ за каждымъ шагомъ его, и этѣмъ недоверіемъ возбуждаетъ полное недовольство въ самихъ Князяхъ, заставляя ихъ пренебрегать бытомъ Новгорода и самимъ Новгородскимъ престоломъ, такъ что пребываніе въ Новгородѣ, посреди душевной нравственной среды, дѣлалось для Князей невыносимымъ, и они бѣжали изъ нея, а одинъ, раздраженный недовольствомъ Новгорода на его распоряженія, даже далъ клятву бросить Новгородъ на произволъ его собственныхъ страстей, такъ что Новгородцы должны были просить, чтобъ онъ не отказывался отъ правъ своей Княжеской власти. ⁸⁷ Не завоеваній искала новая

⁸⁶ Между державшимися старинны не обнаруживалось слѣдовъ борьбы противъ новой жизни до тѣхъ поръ, пока не появился между ними Мстиславъ; напротивъ, до того времени они старались показать полную готовность къ миру (три посольства къ Ярославу); между тѣмъ какъ съ явленіемъ Мстислава они дерзко и немедленно же встали противъ новой жизни; точно тотъ же покой обнаруживала сторона противная до тѣхъ поръ, пока Ярославъ и братъ его, Георгій, не встали съ своими силами за новую жизнь.

⁸⁷ Такъ сдѣлалъ Ярославъ Всеволодовичъ въ 1228 году. Трудно рѣшить, Софійская, или Торговая, Сторона, или обѣ вмѣстѣ, были недовольны судомъ Ярослава; но Ярославъ не вынесъ этого недовольства, и далъ себѣ клятву предоставить Новгородцевъ ихъ же собственному суду и отказался рѣшить дѣло ихъ чрезъ своихъ судей, что, въ свою очередь, остревожило Новгородцевъ и заставило ихъ просить, чтобъ Ярославъ снялъ съ себя эту клятву; ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не могъ бытъ ихъ Княземъ. Нов. I, стр. 44. Въ 1222 году Всеволодъ

жизнь въ борьбѣ съ Новгородомъ: она нравственно страдала въ бытѣ его, и невольно вооружалась противъ него мечемъ. Новгородъ былъ родильница, которая мучилась и не могла разрѣшиться отъ бремени: ребенокъ могъ быть спасенъ помощію извнѣ, съ пожертвованіемъ живнiю матери,—и его спасала новая жизнь, увѣренная вполнѣ, что, не пожертвовавъ матерью, она погубитъ и ребенка. Провидѣнію, однако жъ, угодно было дать родильницѣ силы еще долго и долго бороться съ этѣми страданіями и надвѣяться на спасеніе.

Исходъ настоящей борьбы извѣстенъ: старина взяла верхъ; Георгій и Ярославъ были разбиты на голову, и Новгородъ далъ при этомъ возможность восторжествовать еще старому началу даже въ

Георгіевичъ, котораго Новгородцы старались удержать своимъ Княземъ, тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Князь Всеволодъ побѣже въ ночь, утаивъсь, изъ Новгорода... Новгородцы же печальни быша о томъ.» Тамъ же, стр. 38. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ отказался отъ управленія Новгородомъ Ярославъ Всеволодовичъ, не смотря на просьбы Новгородцевъ, чтобъ онъ продолжалъ править ими: «Повде Князь Ярославъ, съ Княгынею и съ дѣтьми, Переяславу; Новгородцы же кланяхуться ему: «Не ходи, Княже!» онъ же повде по своей воли.» Вновь прибывшій послѣ того Князь, помянутый Всеволодъ Георгіевичъ, въ слѣдующій же годъ снова тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Повде Князь Всеволодъ другое пѣзъ Новгорода, въ ночь, утаивъсь»... Михаилъ Всеволодовичъ, занявшій послѣ того престолъ Новгородскій, не пробылъ на немъ и года, объявивъ Новгородцамъ торжественно на вѣчѣ, что онъ не хочетъ у нихъ княжить: «Не хочу у васъ княжити... иду Църнигову... Новгородцы же много умнѣша ѿ, молячеся, и не могоша его умолати.» Нов. I, стр. 39 и 41. Припомнимъ при этомъ впечатлѣніе, которое испытывалъ Князь Святославъ Ольговичъ, правя Новгородомъ: «Тягота, брате, въ людѣхъ снѣ; а кого хочешь, того и посылай править ими,» и слова Всеволода Ольговича къ Святополку: «Новгорода не удержать тебѣ; пусть управляются своей силой, или ищутъ себѣ Князя, гдѣ хотять;» припомнимъ отвѣтъ внука Рюрика, когда Новгородцы просили у него дать имъ въ Князя котораго ни будь изъ сыновей его: «А развѣ кто можетъ согласиться княжить у васъ?»... припомнимъ и отношенія Новгородцевъ къ Ярославу Великому, когда онъ княжилъ у нихъ. Сдѣсь мы снова замѣтимъ, что, послѣ всего сказаннаго, легко можно понять, по чему Олегъ и потомки Рюрика утвердили постоянное мѣстопребываніе внѣ Новгорода, и оттуда уже правили имъ: почва Новгорода для новой жизни была неплодородная; такъ за чѣмъ же было и сѣять на ней, когда для новой жизни предлагались поля богатѣйшія и въ племенномъ смыслѣ роскошныя?

самомъ Великомъ Княжествѣ. Ростовскіе Боляре, докняжескіе старинные правители значительной части земель, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ Московской Руси, вспомоцествуя Новгородцамъ въ ихъ дѣлѣ, нашли себѣ и въ нихъ отвѣтъ по дѣлу собственному, и, при помощи ихъ, воведев своего Князя, Константина, представителя, подобно Мстиславу, старины, на Великокняжескій престолъ, сдѣлались по прежнему господами земель Владимиро-Ростовскихъ. Старины торжествовала теперь въ Новгородѣ, молилась и преклонялась предъ промысломъ Божиимъ, которому и приписала свое торжество.⁸⁸ Теперь она свободнѣй могла ити въ своемъ развитіи, успѣвъ уже въ третій разъ открыто противоборствовать жизни новой, стремившейся на нее изъ Сѣверо-Восточной Руси. Нравственно-моцныя силы новой жизни въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ быстро уничтожили успѣхъ старой жизни среди Великаго Княжества, и снова, въ лицѣ того же Георгія, сына Всеволодова, повели нападеніе на старую жизнь самаго Новгорода; но Новгороду, какъ будто суждено было испить, для примѣра цѣлой Руси, горькую чашу старины до самаго дна. Прежде нежели новая жизнь успѣла одержать какой ни будь рѣшительный верхъ надъ Новгородомъ, Великій Князь, Георгій, палъ въ неравной битвѣ съ врагами новыми, невѣданными, и думы и силы Великихъ Владимирскихъ Князей должны были надолго послѣ того сосредоточиться не на утвержденіи новой жизни въ Новгородѣ, а на поддержаніи самостоятельности земель Русскихъ, которымъ грозила бѣда со всѣхъ сторонъ: и со стороны Монголовъ, и со стороны Нѣмцевъ, и со стороны Литвы.

Еще въ самомъ началѣ владычества Монголовъ, съ величіемъ и торжественностью раскрылась предъ Новгородцами жизнь новая, въ лицѣ Ярослава Всеволодовича и сына его, Александра Невского: жизнь эта могла воспользоваться гибельнымъ положеніемъ, въ ко-

⁸⁸ По показанію Новгородскаго лѣтописца, не Новгородцы, а сила Божественная перязала, рукою Новгородцевъ, Ярослава и Георгія. По этому же, говоря о такой потери со стороны Новгородцевъ и о множествѣ павшихъ со стороны Ярослава и Георгія, тотъ же лѣтописецъ восклицаетъ: «О великъ, братье, промыслъ Божій!» Нов. I, стр. 35.

торое поставили Новгородъ Нѣмцы, завладѣвшіе уже всѣми Новгородскими землями, лежавшими по ту сторону Чудскаго озера, самнѣ Псковомъ, Изборскомъ, Водьскою землею, Лугою, Тесовымъ и передовыми отрядами достигавшими уже самаго Новгорода; однако жъ она не думала воспользоваться этѣмъ опаснымъ мгновеміемъ, а, напротивъ, устремила собственныя свои дружины, подъ предводительствомъ Александра, на спасеніе самобытности земель Новгородскихъ, одушевила этѣ дружины слою и бодростію, и спасла самобытность Новгороду и Пскову. Но не великодушіе, не нравственное сознание, а преимущественно физическая необходимость склоняла Новгородъ предъ новою жизнію: это благородное и мощное движеніе новой жизни не нашло сколько ни будь живаго отвѣта въ душѣ Новгородца, не оторвало его думъ отъ его идола — выгодъ вещественныхъ, какъ это мы увидимъ ниже въ отношеніяхъ Новгорода къ Невскому, не пробудило въ немъ чувства благоговѣнія предъ свѣтлымъ, благороднымъ движеніемъ Владимирской области. Напротивъ, строптивость младшихъ Новгородцевъ дошла къ сему времени до того, что предъ новою жизнію охотнѣй преклонялись теперь докняжескіе Бояре, нежели Сторона Торговая, нежели чернь.

Характеръ недовѣрія ни къ кому и ни къ чему, какое-то разложеніе жизни въ отсутствіи всякаго нравственнаго начала, печатлѣются теперь въ Сторонѣ Торговой рядомъ явленій. Ни Василій, сынъ Невскаго, княжившій въ это время въ Новгородѣ, ни Бояринъ, ни Посадникъ, ни высокая личность самаго Невскаго, спасителя Новгородской Руси, ни какая власть не могутъ дать покоя волнующейся страстями Сторонѣ. Не вѣримъ ни кому, не вѣримъ и себѣ: вотъ ея дѣйствительное теперь положеніе. Въ этомъ недовѣрїи разрѣшаются узы семьи и религіи, исчезаетъ всякое нравственное единство. Не опережаемъ, однако жъ, событія.

Первый предметъ, на который пало недовѣріе, былъ самъ Князь Василій: личность Невскаго не сдержала въ этомъ отношеніи Новгородцевъ Торговой Стороны. Они даже не обратились къ Невскому въ этомъ дѣлѣ; не довѣрили и ему посредническаго рѣшенія между его сыномъ и ими; устроили даже Бояръ въ этомъ рѣшенія и изгнали Василя. Мало того, Невскій не только не могъ остановить на

себѣ довѣрія матущихся, но даже самъ заподозрѣнъ былъ ими, какъ лицо, ищущее гибели Новгородцамъ: онъ врагъ ихъ. Противъ Невскаго они выставляютъ брата его, Ярослава, развивая такимъ образомъ семейную ссору послѣдняго до вражды гражданской и дѣлаютъ его главой своей.⁸⁹ Когда же Невскій рѣшился силою обуздать ихъ страсти и двинулся къ Новгороду съ войскомъ, Новгородцы сами вооружились, стали около города полками, и въ то же время на вѣчь Торговой Стороны раздались клятвы, стоять до смерти на своемъ, не выдавать Князю никого изъ главныхъ супротивниковъ. Въ этихъ клятвахъ, въ этомъ рѣшеніи, младшіе являются совершенно отдѣльными отъ старшихъ: и это рѣшеніе, и эти клятвы, принадлежать единственно имъ, а Бояре, напротивъ, держатъ сторону Невскаго, хотя, въ ожиданіи Невскаго, наружно сохраняютъ согласіе съ младшими и, вмѣстѣ съ ними, становятся тоже подъ оружіе, какъ будто бы желая поддерживать ихъ рѣшеніе. Младшіе не обманываются этою наружностію и знаютъ, что въ старшихъ былъ совѣтъ зогъ, «яко побити меньшии, а Князя ввести на своей волѣ.» Еще вдали отъ Новгорода встрѣтилъ Александра черевѣтчикъ Новгородецъ, который, объяснивъ, что Ярославъ бѣжалъ изъ Новгорода, и что Новгородцы остаются безъ Князя, понуждалъ его наступать на Новгородъ быстрее. При приближеніи Невскаго къ городу, одинъ изъ Бояръ сдѣлалъ движеніе въ его пользу. Младшіе замѣтили это тотчасъ, пришли въ ярость и готовы были мгновенно стереть съ лица земли этого Боярина и расхитить имущество его: эта дума и рѣшеніе ихъ вызываютъ благороднѣйшую самотверженность со стороны бывшего въ то время Посадника Ананія: «Братъе, аже

⁸⁹ Во время ссоры съ Великимъ Княземъ, Новгородъ постоянно останавливаетъ вниманіе на Князѣ, находящемся съ Великимъ Княземъ, какъ и сдѣсь, при Невскомъ, въ разладѣ. Странно, что ни Карачинъ, ни спеціально занимавшійся опредѣленіемъ отношеній между Князьями Рюрикова Дома, Г. Соловьевъ, не замѣтили этой разладицы, въ которой былъ Ярославъ съ своими братьями. Въ I-й Новгор. лѣтописи, подъ 1253 годомъ, мы встрѣчаемъ положительное свидѣніе объ этой разладицѣ: «Того же лѣта, на зиму, выбѣже Князь Ярославъ Ярославичъ изъ Низовскоѣ земли (Владимири-Ростовской области), и посадиша его въ Пльсковѣ.» Въ этой же лѣтописи, подъ 1255 годомъ: «Выведоша Новгородци изъ Пльскова Ярослава Ярославича, и посадиша его на столѣ, а Васальа выгнаша вопѣ.» Стр. 55.

того (Михалка Твердиславича) убіете, убіете мене переже! возразилъ имъ Посадникъ Ананіа. Такимъ образомъ младшіе, раздражались въ своемъ киченіи сопротивленіями, переходили за предѣлы, въ которыхъ они могли сохранить при себѣ послѣдняго вождя-правителя. Твердая рѣчь Посадника яснѣй обозначала предъ ними ихъ совершенное одиночество и заставляла отказаться отъ исполненія рѣшенія или, лучше сказать, отсрочить его, какъ это мы объяснимъ вскорѣ.

При этомъ внутреннемъ разьединеніи, при этомъ одиночествѣ, порывъ страсти младшихъ началъ стихать и въ отношеніи Невскаго, въ особенности, когда Невскій умѣрилъ свое требованіе. Но въ то время, когда стихалъ порывъ, когда Новгородцы отказывались отъ открытой битвы съ Невскимъ, смирялись передъ нимъ, ихъ клятва стоять до смерти и не выдавать Князю главныхъ оппонентовъ, сдѣлалась игрушкою, и они, не обнаживъ меча, отказались отъ дальнѣйшей защиты Ананіа, когда Невскій, не согласившись на ихъ просьбу—отдать гнѣвъ Ананіа, потребовалъ удаленія его съ Посадническаго мѣста: Ананіа былъ удаленъ, Ананіа, который за нѣсколько, можно сказать, минутъ предъ симъ такъ благородно и твердо высказался предъ ними и слова котораго послушали они даже въ минуту страстнаго своего киченія. За отсутствіемъ нравственнаго начала, страсти и страхъ распагаютъ живнію Новгородцевъ Торговой Стороны въ отношеніи къ власти: порывъ остылъ, страхъ взялъ верхъ, и Ананіа—не глава ихъ: они отказались отъ него. При подобномъ состояніи ни какая власть Княжеская, или не Княжеская, не могла устояться въ Новѣгородѣ. Опора, которую предлагала теперь власти Софійская Сторона, какъ мы увидимъ ниже, не могла имѣть, и не имѣла, достаточнаго нравственнаго развитія. Даже открытое движеніе въ пользу Невскаго должно быть заклемено, согласно съ сказаніемъ лѣтописца, именемъ извѣтны къ Новгороду, по тому что въ основѣ его лежала не любовь къ порядку, къ стройности, а нелюбовь къ Князю. Но какъ значителенъ, какъ чувствителенъ сталъ перевѣсъ младшихъ въ Новѣгородѣ, какъ дика, необузданна сдѣлалась ихъ строитивость, этому могутъ служить доказательствомъ еще слѣдующія данныя. Михайлъ Твердиславичъ, о которомъ мы сейчасъ говорили и который рѣшительнѣе другихъ дѣйствовалъ въ пользу Невскаго, по утвержденію снова власти сего Князя въ Новѣгородѣ, немедленно же былъ назначенъ Посадникомъ, и младшіе, кото-

рые готовы были во время борьбы съ Невскимъ, погубить его, какъ измѣнника, теперь исполняютъ его волю, преклоняются предъ нимъ. Что жъ они довѣряютъ теперь Невскому, довѣряютъ Михаилу Твердиславичу? Ни мало! Въ нихъ нѣтъ довѣрія ни къ кому, и Михаилъ Твердиславичъ, спустя два года послѣ своего назначенія, погибъ таки насильственною смертію, во время движенія младшихъ. Не эти ли же младшіе до такой степени вооружили юнаго Князя, Василія, что онъ въ томъ же году, какъ убитъ былъ Твердиславичъ, бѣжалъ предъ отцомъ своимъ? Чего боялся сей юноша Князь, когда шелъ къ Новгороду Александръ съ благою цѣлю удалить угрожающее Новгородской области опустошеніе со стороны Монголовъ, шелъ обложить Новгородцевъ мирнымъ образомъ поголовною данію въ пользу властителей родины? Этому юношѣ Князю, кажется, нечего было бояться, но онъ бѣжалъ въ Псковъ. Какія же причины могли побудить его къ этому? Противъ обложенія поголовною данью сильно вставали младшіе въ Новгородѣ, волновались, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ отказывались отъ послушанія въ этомъ отношеніи волѣ Александра, заставляли его два раза прѣзжать въ Новгородъ съ послами Монгольскими, для окончанія этого дѣла мирнымъ образомъ, вооружались, готовы были на бой, а въ 1259 году оставили даже въ такое опасеніе самихъ пословъ, что Боярскія Дѣти, сколько ихъ ни было въ Новгородѣ, подъ начальствомъ сына Посадника, должны были, согласно просьбѣ этихъ пословъ, охранять ихъ; но страхъ и невозможность борьбы съ Монголами взяли, наконецъ, верхъ, и они согласились на дань. Обращая на это вниманіе и имѣя въ виду, что Василій бѣжалъ предъ отцомъ, въ первый, по настоящему дѣлу, прѣздъ его въ Новгородъ, кажется, не остается сомнѣнія, что эти младшіе настроили думы юнаго Василія на свою сторону, представивъ предъ нимъ волю его отца волею насилія и тиранства, и что Василій, вооруженный этимъ противъ отца, не смѣлъ прямо, открыто, дѣйствовать противъ Невскаго, а избралъ средній путь — удалился, чтобъ не быть, вмѣстѣ съ младшими Новгородцами, судьей того, предъ которымъ онъ долженъ былъ благоговѣть, по естественному порядку вещей, или чтобъ, вмѣстѣ съ отцомъ, тираномъ не судить несчастныхъ Новгородцевъ. Такъ попирались святыя семейныя отношенія въ страстной привязанности Новгородцевъ къ земному. Какую же власть, какой порядокъ, какую святыню, младшіе Новгородцы не принесли бы послѣ

этого въ жертву своимъ страстямъ, если они готовы были чернить отца въ глазахъ сына, брата вызывать на брата, изъ клятвы дѣлать игрушку?.. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи исторіи Новгородской мы положительно убѣдимся и въ этомъ безсиліи семейнаго чувства, и въ томъ, что клятва была для Новгородцевъ игрушка, т. е., въ религиозно-нравственномъ безсиліи Новгородцевъ.

Въ дополненіе отношеній Новгорода къ Невскому, мы передадимъ еще одно ничтожное, по видимому, но весьма многозначительное, въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи, событіе. Князь, спаситель Новгорода и подвластнаго ему Пскова отъ порабожденія Нѣмцами, занялъ было въ Новгородѣ сѣнокосы, которыми не пользовались прежніе Князья: Новгородцы оставили за нимъ пользованіе этими сѣнокосами; но это занятіе они назвали потомъ насильнымъ завладѣніемъ, и въ договорныхъ грамотахъ съ наследниками Невскаго выговорили, чтобъ эти сѣнокосы были отданы обратно въ пользу Новгорода...⁹⁰ Какую страшную противоположность представляетъ во всемъ этомъ жизнь новая и жизнь старая! Новгородъ, истинный представитель старой жизни, дрожитъ за малѣйшее пожертвованіе своихъ выгодъ, и въ этомъ чувствѣ ревнуетъ даже Князя-спасителя до бездѣлицы, не довѣряетъ ему, считаетъ его врагомъ своимъ, когда онъ думаетъ мѣрами мирными предупредить опустошенія земли Новгородской; не довѣряетъ ему, когда онъ думаетъ наказать виновныхъ въ изгнаніи сына его, высказываетъ явную нелюбовь къ нему самымъ этимъ изгнаніемъ и призваніемъ къ себѣ на Княженіе брата его, Ярослава, отпавшаго въ то время отъ семьи и, слѣдовательно, бывшаго въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Александру. Другой совершенно голосъ слышится со стороны новой жизни; она не говоритъ Новгороду языкомъ Новгорода: область Владимиро-Ростовская сама по себѣ; ей нѣтъ дѣла до твоего опаснаго положенія, въ отношеніи Нѣмцевъ нѣтъ основанія, нѣтъ ни малѣйшей выгоды, дѣлать огромныя жертвованія для твоего спасенія, тѣмъ болѣе, что она сама пала подъ гнетъ Монголовъ; нѣтъ, языкъ новой жизни другой, она дѣла другія: она исполнила Ярослава и Невскаго любовью, кото-

⁹⁰ Пол. Соб. Госуд. гр. и дог. т. I, № 1 и 2.

рая не могла умѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ областныхъ цѣлей, переливалась черезъ этѣ грани и дѣлала изъ Новгородцевъ и Псковитянъ для Владимиро-Ростовскихъ земель братьевъ по языку и Вѣрѣ, подвигла Великаго Князя на спасеніе Новгорода и Пскова, исполнила силы и мужества самаго Невскаго при спасеніи имъ этого чуждаго роднаго, исполнила дружины великаго Княжества полною преданностію, полною довѣренностію, къ волѣ своихъ властителей, понесла ихъ бодро въ слѣдъ - за Невскимъ на кровавую битву, на смерть, и, жертвуя любимыми сынами своими, при совершеніи святаго долга, спасая Новгородъ и Псковъ отъ порабощенія, не требовала возмездія, не кичилась, а благовѣнно преклонилась предъ исполнителями великаго, и въ этомъ чувствѣ благовѣнія, причла самаго Невскаго къ лику Святыхъ. Сдѣсь, при разсмотрѣніи событій, относящихся до Александра, мы стоимъ уже на той высотѣ, съ которой будущность Новгорода и отношенія его къ Великому Владимиро-Ростовскому Княжеству довольно ясно обозначаются сами собой. Монголы, задержавъ физически развязку этѣхъ отношеній сначала, разовьютъ потомъ въ Сѣверо-Восточной Руси огромныя нравственныя силы для уничтоженія даже самыхъ слѣдовъ жизни старой: рѣшительное столкновеніе ея съ Новгородомъ неизбежно. Уже отвѣтъ, который Новгородцы нашли въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ, при совершенномъ стѣсненіи Нѣмцами, отвѣтъ живой, братскій, безкорыстный, благородный, опредѣлялъ взглядъ Князей этой части Россіи на земли Новгородскія, показывалъ, что, не смотря на отращеніе Новгородской области къ областному разрыву съ областію Владимиро-Ростовскою, сія послѣдняя единитъ ее съ собою и нравственно уничтожаетъ этотъ разрывъ. При усиленіи Владимиро-Ростовской области, Князья ея не могли не привести этой нравственной живой думы въ дѣйствительное исполненіе. Дума объ этомъ единствѣ живетъ въ Восточной Руси, и въ дальнѣйшей исторіи печатлѣетъ себя въ отношеніи Новгорода дѣйствіями, подобными тѣмъ, которыми высказался къ Новгороду Александръ. Болѣе блистательное дѣло этой думы совершено было сыномъ Невскаго, Дмитріемъ, въ обстоятельствахъ, схожихъ съ обстоятельствами, въ которыхъ находился Новгородъ къ своимъ новымъ сосѣдямъ, Нѣмцамъ, при самомъ Александрѣ, и точно такимъ же образомъ: живое содѣйствіе Сѣверо-Восточной Руси въ продолженіе спора Новгородцевъ и Псковитянъ съ Нѣмцами доказало послѣднимъ всю трудность

въ независимости и независимости ихъ на самостоятельность Северо-Западныхъ провинцій области, даже на борьбу съ ними, Новгородъ между тѣмъ въ это же время ни сколько не изгибаетъ основаній своей политики въ отношеніи Владимиро-Ростовскихъ земель. Важнейшими выгодами для насъ выше замѣтили, тѣсно связываютъ его съ этими землями: Князья этихъ земель—Князья Новгорода. Слѣдя за духомъ его дѣйствій, мы ни сколько не сомнѣваемся, что онъ готовъ быть по-прежнему призывать къ себѣ на княженіе Князей и изъ другихъ частей Россіи: изъ Кіева, Смоленска, Владимира Волынскаго, или Галича; но, вѣдь эти Князья, были теперь безсилны подать помощь Новгороду, въ случаѣ, если бы онъ вызвалъ къ открытой осерѣ Великихъ Князей области Владимиро-Ростовской, а эта открытая осера была бы неизбежна, при одномъ призваніи Новгородцами къ себѣ Князя изъ другой части Россіи. Быть можетъ, даже они готовы бы были еще, въ семъ отношеніи,йти на подобную осеру, если бы выгоды еще болѣе важныя не приковывали ихъ къ Князьямъ Владиміръ—это помощь, которую они получили отъ Владимиро-Ростовскихъ земель въ борьбѣ съ особдами, поставившей, или грозившей доставить, ихъ не разъ въ крайне затруднительное положеніе; подобной помощи, во время владычества Монголовъ, они ни откуда не могли получить, кромѣ великаго Княжества. Вотъ по чему Князья Владимиро-Ростовскихъ земель теперь ихъ Князья Не смеютъ, однако жъ, на эту зависимость отъ Князей Владимиро-Ростовскихъ, Новгородъ по-прежнему стремится всѣми силами не допустить ихъ до своихъ областныхъ выгодъ. Сообщенное нами дѣло о занятыхъ Александромъ Невскимъ сънокосахъ достаточно опредѣляетъ положеніе Князей къ Новгороду въ этомъ отношеніи. Поддерживая свои выгоды противъ Князей, Новгородцы, согласно съ тѣмъ, дѣйствуютъ иногда и при Ханахъ, противопоставляютъ этихъ Князей одинъ другому, пробуждаютъ между ними ревность. Теперь-то они достигаютъ той исключительности въ отношеніи Князей, черты которой мы представили при объясненіи ихъ отношеній въ княженіе Боголюбскаго. Теперь, въ живомъ стремленіи къ этой исключительности, Новгородцы думаютъ поставить самое Духовенство свое въ отношеніи къ центральной Духовной власти въ ту же, или еще большую, независимость, въ которой стояла уже Софійская и Торговая Стороны къ Князьямъ, и по этому, признавая эту средоточную власть главою своего Духовенства, не хотятъ,

однако жъ; чтобы эта власть вышнвала въ судъ иль собственную Архiepиeкoвa, жадаютъ, стараются, поставивъ его въ оемъ отношенiи въ власть Митрополита, и только послѣ открытой борьбы отказываются отъ отъкъ намъренiй, приведенныхъ ими было въ исполненiе съ торжественнымъ составленiемъ для сего особой грамоты и съ клятвою стоять за вто дѣло: ²⁴ Когда же Северо-Восточная Русь обнаруживаетъ твердыя Государственные начала новой жизни, но которымъ ни такая подобная исключительность не можетъ быть допускаема, и пойдетъ рѣшительно и неуклонно къ утверждению началъ своихъ во всехъ областяхъ, которыя она нравственно единила съ собою, къ утверждению отъкъ началъ въ самомъ Новгородѣ; тогда тщетно ищетъ Новгородъ противопоставить ного ни будь сему открытому движению Северо-Восточной Руси: Князья удѣльные, которые вырочали Новгородъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, погасли совершенно съ силами своими въ Думѣ Государственной Москвы. Тогда-то стремленiе къ исключительности поставить Новгородъ въ послѣднее отчаянное противорѣчiе съ самимъ собою, съ твои думами, которыя уделись; почти безъ его вѣдома, въ основанiе его жизни, съ которыми онъ несознательно цѣлыми столѣтiями свыкался, и которыя теперь, когда исключительность Новгородская, для поддержанiя своего существованiя, посягнула на нихъ, не могла не встрепенуться; не возмутить думъ болѣе благородныхъ Новгородцевъ, не по оставиь ихъ въ такое положенiе, въ которомъ бы они сознали нравственную омерзѣ въ собственномъ оемъ исключительномъ началѣ. Но подробное описанiе окончательной борьбы Новгорода съ Северо-Восточною Русью мы сдѣлаемъ въ оемъ мѣстѣ. Теперь же обозрѣмъ подробно, что дѣлается въ самомъ Новгородѣ, при этомъ стремленiи его къ исключительности; посмотримъ, какъ онъ пользуется плодами ея и въ какихъ отношенiяхъ, подъ ея влиянiемъ, онъ становится къ своимъ областнымъ частямъ; но прежде всего мы необходимо должны сдѣлать дополнительное описанiе составныхъ частей, изъ которыхъ состоятъ самъ Новгородъ.

Раздѣляясь на три главные части: на Софiйскую, и Торговую Сторону и Городище, Новгородъ подраздѣлялся еще на, такъ на-

²⁴ См. ниже.

вызваны, концы. По тому значенію, которое дается иногда этому слову Новгородскими летописцами, могло быть въ Новгородѣ, какъ во всякомъ другомъ городѣ, неопредѣленное число концовъ: это были части города, простиравшіяся отъ Дѣтинны или, срединной, крѣпости къ границамъ городскимъ въ различныхъ направленіяхъ, а также тѣ части, которыя простирались отъ сихъ концовъ, когда снѣга вошли въ составъ города или въ городское укрѣпленіе, дажде, но не всѣ, а вѣроятно тѣ дашь, которыя были болѣе обитруемы. Въ снѣгъ обширнѣйшемъ значеніи словомъ конецъ Новгорода называли какія-то три части города также концами: Загороднимъ, Никольскимъ и Гоннарскимъ; это же свидѣніемъ, случайно сохраннымъ намъ Новгородскими летописцами;⁹² въ дѣйствительности же, можетъ быть, и многія части носили то же наименованіе. Отъ этихъ концовъ, въ обширнѣйшемъ значеніи, отъходили концы, которые насъ занимаютъ. Наименованіе свое они получили, конечно, по тому же, что составляли цѣлое обывательскихъ построекъ, тянувшееся въ различныхъ направленіяхъ отъ крѣпости; но, при этомъ физическомъ раздѣленіи своемъ, они отдѣлились другъ отъ друга граждански, составляя собою въ Новгородѣ какія-то status in statu. Ихъ было пять: три на Софійской Сторонѣ, а два на Сторонѣ Торговой.⁹³ Одинъ изъ первыхъ назывался Неревскимъ,⁹⁴ и лежалъ по правую

⁹² Нов. I, II и III, стр. 37, 145, 234 и 241.

⁹³ Г. Соловьевъ упоминаетъ о Овиполовицкомъ концѣ, и заставляетъ его играть даже роль въ исторіи Новгорода. Перечитавъ всѣ Новгородскія летописи, мы не нашли нигдѣ ни малѣйшаго намёка на существованіе въ Новгородѣ подобнаго конца, не только о какой-ни будь роли его въ исторіи Новгорода. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Соловьевъ принялъ здѣсь нарицательное наименованіе Софійской, или Торговой, Стороны, за имя собственное, и при своемъ общемъ обычаѣ, поступать съ историческими данными произвольно, придалъ этому нарицательному наименованію одной изъ Сторонъ наименованіе конца; ибо дѣйствительно выраженіе: Овиполовицы встрѣчается не разъ въ Новгородскихъ летописяхъ, какъ встрѣчается и при описаніи того событія, гдѣ является у Г. Соловьева Овиполовицкой конецъ, но всегда въ значеніи обыватели оной (другой) половины, живущіе на иной половинѣ, т. е., принадлежащіе къ Софійской, или Торговой, Сторонѣ, и безъ прибавленія слова конецъ.

⁹⁴ Наименованіе, до сихъ поръ сохраняющееся.

сторону нѣвышняго шоссе изъ Моевы въ С.-Петербургъ и въ Вахову, захватывая, быть можетъ, небольшое пространство и по лѣвую сторону шоссе; другой Людичинъ, который обнималъ противоположную часть вѣрности; и третій Прускою улицю; ⁹⁵ поселеніе этого послѣдняго конца занимало узкую полосу между двумя первыми концами и выходило на старую дорогу въ Русь. Концы Торговой Стороны: Славянской и Плотницкій. ⁹⁶ Каждый изъ этихъ концовъ составлялъ себѣ цѣлов, дѣйствовалъ при внутреннихъ несогласіяхъ совокупно, ⁹⁷ и имѣлъ свое управленіе, свою казну и свои предствители даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, даже свою печать, которая прикладывалась къ Государственнымъ договорамъ и актамъ. ⁹⁸ Какъ ни внимательно бы было знать, на чемъ основывалась видная самобытность Новгородскихъ концовъ, но во въ заключеніи по этому предмету, за совершеннымъ отсутствіемъ архивныхъ документовъ

⁹⁵ Наименованіе до сихъ поръ сохраняющееся. О томъ, что Пруская улица, а не Загородній конецъ, играла роль status in statu, считаю излишнимъ распространяться.

⁹⁶ Не существуетъ уже въ современномъ Новгородѣ наименованіе: «Славянской конецъ», наименованія столь громкаго когда-то; но наименованіе: «Славянской», чуждое для простаго народа другихъ частей Россіи, знакомо простолюдину Новгородцу, и тайнымъ значеніемъ составляетъ въ его понятіяхъ какую-то особенность: одинъ изъ питейныхъ домовъ, устроенныхъ на Торговой Сторонѣ, противу городища, отличался, во время моего пребыванія въ Новгородѣ, надписью: «Славянской.» Невольно вспоминаешь стихъ Пушкина:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ!
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могучій гулъ, хвалобный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Шли подъ свѣтло дѣвской кущи.
Цыгана дѣлаго рассказы?

⁹⁷ Цѣльность и самобытность концовъ во время внутреннихъ движеній Новгорода будутъ ниже изложены подробно.

⁹⁸ Депутаты отъ концовъ назначались только въ случаѣ важныхъ переговоровъ, на пр., въ 1363 г., для заключенія мира съ Нѣвцами, въ 1386 г., для переговоровъ съ Донскими, объ условіяхъ примиренія съ ними и для заключенія

вытъ дѣлнннхъ, должны остаться не тѣмъ инымъ, какъ предположеніи. Но этому мы не вошли бы въ соображеніе объ основаціяхъ, которыя дѣлали обывателей каждаго конца цѣлымъ особымъ, съ гражданскою значимостію, если бы нѣкоторымъ изъ предположеній, по своему предмету, не получили у насъ довѣрія, и если бы самыя соображенія наши не служили необходимымъ дополненіемъ къ очерку Новгородской исторіи и не разъясняли бы историческій бытъ Новгорода въ другіяхъ отношеніяхъ.

Въ началѣ настоящаго труда мы сказали, что Новгородцы отличались религіозностію: все, сказанное нами, послѣ того, по видимому, стоитъ въ странномъ противорѣчій съ этимъ показаніемъ; въ дѣльнѣйшемъ разсказѣ мы представимъ Новгородцевъ еще боязвѣ въ невыгодномъ видѣ въ этомъ отношеніи, т. е., въ отношеніи страстной привязанности ихъ къ земному; но, за всеѣмъ тѣмъ, наше показаніе о религіозности Новгородцевъ справедливо.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ, подѣ вліаніемъ чувства любви, нераздѣльнаго съ религіозностію истиннаго Христіанина, мы считаемъ человека истинно религіознымъ, конечно, вы не можете найти религіозности въ Новгородцѣ: онъ былъ религіозенъ по своему, своеобразно съ общими духомъ своей жизни. Чтобы яснѣе понять нашу мысль, мы бы просили читателя представить себѣ изъ исторіи бѣлого бивдоки къ намъ человека, обаяннаго сребролюбіемъ: его

самаго явля. Сколько можно заключить изъ концевыхъ печатей, приложенныхъ къ договорной грамотѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ (1317 г.), каждый конецъ Сошійской стороны имѣлъ во главѣ своей особаго Посадника (по печатямъ 4 Посадника одного общій и три концевыхъ), а каждый конецъ Торговой своего особаго Тисяцкаго (три одинъ общій, а два концевыхъ). Пол. соб. Руск. Лѣт. г. III, стр. 93 и т. V, стр. 229. Соб. Гос. грамотъ и договоровъ т. I, стр. 16, № 13. К. О. Малковскій опредѣляетъ значеніе Новгородскаго конца слѣдующимъ образомъ: «Каждый конецъ составлялъ въ извѣстномъ смыслѣ одно политическое цѣлое; самъ управлялъ своими дѣлами, имѣлъ вліаніе на дѣла одной изъ Новгородскихъ пятинъ, словомъ въ Государственномъ отношеніи конецъ имѣлъ точно такое же значеніе, какъ нынѣ каждый Губернскій городъ, но съ болѣе обширною властію.» Критическія изслѣдованія о происхожденіи Великаго Новгорода, въ XII № Временника изд. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

сокровища—стяжаніе неправды, потъ, слезъ и страданій ближняго; для этихъ стяжаній онъ превращалъ всякъ въ оружіеговой острасти, дѣлалъ изъ нихъ машины, съ утра и до вечера: палилъ ихъ огнемъ страсти, чтобы помучить отъ нихъ только то, что было бы цѣнно для него, т. е., цѣнно на вѣсъ золота; перегорѣвшія машины онъ бросалъ, какъ никуда негодныя; и замѣнялъ ихъ новыми машинами; и скажите, если вамъ случалось встрѣчать подобныхъ людей, пусть ихъ страсть была и другого рода, не замѣтили ли вы, до какой степени нѣкоторые изъ нихъ проникнуты страхомъ къ Господу: онъ пожиралъ благосостояніе людское, чтобы удовлетворить своей острасти, и, счастливый въ этомъ удовлетвореніи, онъ думалъ, что это самъ Богъ содѣйствовалъ ему въ зломъ дѣлѣ, и онъ молился, благодарилъ Господа; изъ стяжанія острасти дѣлалъ пожертвованія въ пользу храма, созидалъ самыя храмы; грозилъ ли ударъ его стяжаніямъ, онъ надѣялся на Господа, дѣлалъ обѣты, подобныя своимъ жертвованіямъ, въ полной надеждѣ на безвѣщныя силы Всевышняго, въ полной вѣрѣ, что Господь Богъ можетъ покровительствовать его злomu дѣлу. Такова, а не другая, должна была быть и религіозность Новгородца, говоря вообще; исключеній не могло не быть, и исключеній, можетъ быть, довольно рѣзкихъ. Новгородцы наперерывъ другъ передъ другомъ основывали церкви: церквей въ Новгородѣ было множество. Страхомъ и трепетомъ проникалась душа Новгородца къ Господу, когда какая ни будь сила безъ образа, не одѣянная видимымъ, когда какая ни будь повальная болѣзнь разверзала обширныя могилы и наполняла ихъ трупами Новгородцевъ: это-то чувство страха заставляло ихъ тогда бросать ежедневныя свои занятія, бѣжать въ дѣсу, валить тамъ деревья, готовить ихъ для постройки новаго храма, и, при дружномъ усилии, однимъ днемъ воздвигать его. Такимъ образомъ устроенныхъ храмовъ было не мало въ Новгородѣ.⁹⁹ Какъ ни ошибч-

⁹⁹ «Той же осени бысть моръ силенъ, велми въ Новгородѣ.... Великое множество Христіанъ умре по всемъ улицамъ.... и въ то время поставиша церковь древяну Святыхъ Святителей Аванасія и Кирыла во единъ день, и бревна возиша изъ дѣсу того же дни, и срубиша и освятиша, единаго, две, и служиша (1390 г.). Нов. I стр. 95, и Нов. III стр. 233. Подъ 1417: «За всякъ день умираху толко, яко не успѣваху погребати ихъ.... Владыка Симеонъ, съ всею седмицею съборавъ и съ Хри-

но, дагь ни дожда, было релігіознои настроеніе Новгорода, но подобное одушевленіе, живое движеніе Новгородца подь покровъ Господа, не могло не быть не умиленнымъ и не трогательнымъ. Самый истинный, высокій Христіанинъ, нѣволью задумался бы предь нимъ. Въ минуты гражданскихъ ссоръ, когда Новгородцы, движимые страстями, съ вооруженною рукою шли другъ противъ друга, когда весь городъ былъ въ страшномъ смятеніи, и приносился въ жертву блатобостоянію, самая кровь человѣчская; въ отвѣтны минуты общаго смятенія и раздора, торжественное явленіе Архіепископа съ соборомъ духовенства посреди враждующихъ, его воззваніе къ нимъ о мирѣ, водворяло миръ, между ними. Готовились ли Новгородцы предпринять войну, они шли къ своему Архіепископу, и испрашивали его благословенія; получивъ благословеніе, ополчались, и когда выступали, уже готовые на битвы, шли снова принять благословеніе Архіепископа, на успѣшное окончаніе войны. Миръ, сколько можно догадываться, Новгородцы заключали не иначе, какъ съ благословенія Архіепископа, иди, по крайній мѣрѣ, положительно можно сказать, что Архіепископъ принималъ дѣятельное участіе въ заключеніи мира и въ окончаніи вышшихъ ссоръ и несогласій.¹⁰⁰ Кончалась ли

стѣны, съ крестами, обходя около всего города, молился Богу и Пречистви его Матери. о преставленіи свѣта Божіа. А Христіане ови на конѣхъ, ови пѣша, въ глѣдъ бревна привозивъ, поставивъ церковь Св. Анастасію, въ память ея, и свѣца о Архіепископѣ Савѣеѣ, того же дни и свѣти ю и литургію съвърши; а въ рѣставонныхъ брѣвѣхъ поставивъ церковь Св. Ілію коонецъ Пруской улицы и Новотръжане такоже единѣтъ утрою Св. Аванасіа, и литургію съвършиши.» Нов. Изв. стр. 107. Годъ 1632: «Архіепископъ Серапіонъ, повелѣніемъ Царя Государя и Великаго Князя Юлія Васильевича всея Росіи, помозавше вкуди ко всѣмъ священнымъ соборомъ и съ цѣльмоми грады и со всѣмъ Христіанобывлымъ народомъ, и поставивъ двѣ церкви: однаго двя древяныхъ, Св. Преподобнаго Кирілла, Бѣловѣрлага Чудотворца, и Св. мученика Христофора.» Мел. ІМ; стр. 251.

¹⁰⁰ Въ 1359 году, четьре лорца стояли подь оружіемъ, готавясь на бой другъ противъ друга: «и прииде Владыка Моисей изъ монастыря, а Олексій, поимъ съ собою, и Архимандрита и Игумена, и благослови ихъ, рекъ имъ: «Дѣти! не дошибите себѣ, браця, а поганымъ похваля, а святымъ церквамъ и мѣсту сему вустоты; не ступайтеся на бой» — и приша слово его и разоидомася.» Въ 1342 году, когда весь Новгородъ, раздѣлившись на двѣ враждебныя части, стоялъ подь оружіемъ: «и Владыка Василей, съ Намѣстникомъ Борисомъ, до-

благополучно многотрудная война; они тѣлою общиною подвигали

кончаша миръ межѣ ими; и възведише бысть крестъ, а діаволъ досраманъ бысть.» Въ 1418 году было страшное внутреннее смятеніе: слышавъ же Владыка Симеонъ усобную рать промежи своими дѣтьми, испусти слезы изъ очію, и повелѣ предстоящимъ събрати съборъ свой: и вышедъ Архіепископъ въ церковь Святыхъ Софіа, нача молитися съ слезами, и обѣщася въ священныя ризы, съ своимъ съборомъ, и повелѣ крестъ Господень въ Иерусалѣмъ Божородица образъ взяти, иде на мостъ, и по немъ въслѣдующе Свещенныи, и причеть церковныи, и Христойменитое людство, по немъ идоща, и мнози народи, испущающе слезы, глаголюще: «Да укроти, Господи, молитвами Господина нашего!» и людіе богобоязливии припадающе къ Святителевома ногамъ, съ слезами: «Иди, Господине, да оставитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать!» онъ же глаголаху: «Да будетъ злоба сына зачинающихъ рать!» И прииде Святитель, ста посреде мосту, и ваемъ житотворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взвращающе на честный крестъ, плакахуся. Услышавъ же она страна пришествіе Святителево, и приде Посадникъ, Феодоръ Тимоеевичъ, съ иными Посадники и съ Тысячскими, поклонитися Владыцѣ. Владыка послуша моленія ихъ, посла Архимандрита Варлама, и отца своего духовнаго, и Протодіакона, на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе Степенному Посаднику, Василию Бешповичу, и Тысяцкому, Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ домы свои, и разошася... и бысть тишина въ градѣ... Въ 1397 году Архіепископъ Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на заключеніе мира съ Псковитянами: «приходяща послове Псковскіи въ Великій Новгородъ... и биша челомъ Господину Архіепископу Великаго Новгорода, Владыцѣ Іоанну: «Чтобы еси, Господине, благословилъ дѣтей своихъ, Великій Новъградъ, чтобъ Господинъ нашъ, Великій, Новъградъ, немлюбы отдаде, а насъ бы пріимъ въ старини» и Владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ, дѣтей своихъ: «Чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріали, а Псковичемъ бы немлюбы отдали, а свою братію молодшую пріали бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видѣте; уже послѣднее время, были есте за емихъ братъ въ Христіанствѣ» и Посадникъ... и Тысяцкій и Бодра, и весь Великій Новъградъ, благословеніе Господина своего, отца Владыки Іоанна, пріали, а отъ Псковичъ немлюбы отложили, и ваща миръ по старинѣ;.. занеже не башеть миру по 4 годы, и бысть Христіаномъ радость и веселіе, а діаволъ, видя Христіаномъ добро, гманашеся» Пришѣровъ, гдѣ Архіепископъ, не просабъ Новгородцевъ, принимаетъ участіе въ переговорахъ, для водворенія мираго мира, слышомъ много, и по тому мы считаемъ сдѣсь излишнимъ приводить ихъ. О благословеніи Архіепископа на началіе войны гѣтописецъ говоритъ не каждый разъ, какъ начиналась война, конечно, считая подобное усомнѣніе, какъ вещь совершенно небытную, обычную, излишнимъ; но за то, гдѣ Новгородцы должны были отступить отъ этого порядка, онъ замѣчалъ съ своей гѣтописей. Такъ онъ замѣтилъ подобное отступленіе подъ 1342 годомъ: «Лука Варфоломѣевичъ, не послушавъ Новгорода и Митрополита благословенія и владычннн, спомнѣвъ съ собою холопей съ боевъ и пр...» и взя землю Заво-

въ память и въ благодарность Королу хрѣсту. И ихъ мѣча, союзы и ны, и вѣки мѣра уже забыли, оного срама Св. Софїи и Св. Николая Чудотворца Свѣтъ Великій. Новгородъ и въ своей области бысть не что иное, какъ отчина и городъ Св. Софїи, по выражению Данилы

ложскую, на Двинѣ вси погости на щить». Тамъ въ 1406 году, пришедши на помощь Псковитянамъ, Новгородцы отказались отъ похода на Лягу, говоря: «Нашъ Великій Новгородъ не убавилъ, ни Влѣдѣкъъ бѣгоу воиновъ на Лягу, идемъ съ вами на Нѣмцы.» Впрочемъ, подъ 1398 годомъ, летописецъ подробно объясняетъ порядокъ, какимъ испрашивалось благословеніе Архіепископа на войну противъ Великаго Князя Василія Дмитреевича: «По Велицѣ днѣ на веснѣ, Новгородцы явша своему господину Владыцѣ, отцу Іоанну: «Не можемъ, Господине отче, сего насилія трыпѣти отъ своего Князя Великаго, Василія Дмитреевича, что у насъ отнялъ, у Святѣи Софїи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣвину, но хотимъ поискати Св. Софїи пригородовъ и волостей, своей отчины и дѣвины,» и цѣловаша крестъ за единыя братѣ, како имъ Святѣи Софїи и Великаго Новгорода пригородовъ и волостей поискати, и бѣша: «Молокъ Повединскъ Тимошей Юрьевичу, Повединскъ Юрья Дмитреевичу, Веселый Борисовичу, чей Борю, и Дѣти Волыскія, и житыя люди, и купецкыи дѣти, и все чихъ имъ: «Бѣгоу слови, Господине отче Владыко, поискати Святѣи Софїи пригородовъ и волостей,» или такыя найдемъ свою отчину Святѣи Софїи и въ Великомъ Новгороду,» такыи ли свои головы положимъ за Святую Софїю и за своего Господина, за Великій Новгородъ,» и Владыка Іоаннъ благослови евангѣ дѣтей: и воювахъ Новгородскыи, и вѣсти вой, а Новгородцы отпустиша своею братію, и рече имъ тако: «Повѣсте, Святѣи Софїи пригороды и волости поискате, и свою отчину въ Новгородъ,» стр. 88.

100 Тамъ, въ память победы надъ Андреемъ Боголюбскимъ, победы, которую Новгородцы приписали чудному заступничеству Знаменской Божіей Матери, устроены были, въ 1388 году, храмы: «поставлены были двѣ церкви каменныхъ въ снѣ Олтанѣ Св. Софїи Пресвятѣи Богородицы, на Ильинѣ улицѣ, повелѣніемъ Владыки Іоанна Ч. всего Новгородскаго епископа и людей, по слову чудеса Спуста 1387 гдѣ.» Нов. Фол., стр. 228. Въ 1412 году, въ память и мѣча благодарности Королу, за Удачный походъ противъ Швецовъ, другой храмъ: «Построенъ Духовникомъ Іоаннѣ Великаго Новгорода и Пскова, въ Всеволодѣи Новгородѣ, каменъ, како быша у Валдора, пометомъ Христовымъ, и поставиша черновъ камень Св. Архангела Гавриила.» Тамъ же, стр. 228. Ю. случаяхъ, по которымъ устроены въ храмы, въ честь соборнаго Новгородскаго летописей, упоминаетъ только одна; по этому, можно думать, были устроены въ Новгородѣ и другіе храмы, по подобнымъ же случаямъ, но летописецъ упоминаетъ и постройки ихъ, упомянувъ о случаяхъ, по которымъ шведы къ востроитъ.

Новгородцевъ, хотя страсти разрывали эту Новгородскую думу между небомъ и землею, не позволили сосредоточиться въ ней, и это раздвоеніе замѣтно: и Новгородъ и Св. Софія то сливаются въ думѣ Новгородцевъ и обозначаются однимъ наименованіемъ Св. Софія, то распадаются опять на два представленія, такъ что желаніе соединить ихъ вновь въ одно представленіе показываетъ въ летописцѣ иногда явное усиліе. ¹⁰²

Такъ стремленіе Новгородца стать подлѣ цоковъ Божій давитъ но владу.

Обращаемся теперь къ объясненію провозглашенія князевъ, съ ихъ какою-то цѣлостію, самобытностію, съ ихъ гражданскою значимостію.

¹⁰² Въ 1215 году Новгородцы выражали свою думу о томъ, что Новгородъ не что иное, какъ геральд. Св. Софія, слѣдующимъ образомъ: «Кудъ Святая Софія, ту Новгородъ.» Новгород. Летопис. I, стр. 83. Чтобы яснѣе представить себѣ эту думу въ настоящемъ выраженіи, лучше думать, во первыхъ, что подлѣ словесъ городъ въ древности разумѣлся среднимъ мѣстомъ, изъ котораго происходили всѣ Предительствы и расправы, или которое сосредоточивало въ себѣ Предительственную власть, а иногда, кѣмъ-либо, составляло родъ этой власти; во вторыхъ, что Ярославъ, оставаясь въ Торжкѣ, рѣшилъ съ Торжешанами и кѣмъ-то изъ Новгородцевъ, думалъ оттуда располагать дѣлами Новгородскими добровольно, или силой; и въ третьихъ, что главный храмъ Новгорода былъ устроенъ во имя Св. Софія, и что, по этому, Св. Софія была дѣвственною религіозною цѣнностью Новгородцевъ. Въ 1201 году, Князь Мстиславъ присутствовалъ Новгородцевъ слѣдующими словами: «Кладуся Святѣи Софіи, и гробу отъ него, и всѣхъ Новгородцевъ.» Въ 1215 г., выходя Ярославъ на княженіе въ Новгородъ, Новгородцы говорили ему: «Поиди къ свое отцину, къ Святѣи Софіи!» Въ 1224 году, когда Великій Князь, Георгій, грозился дашкуди противъ Новгорода, оплченіи Новгородцы приготовились къ отпору, говоря, какъ сказано въ Летописи, умереть за Св. Софію: «Хотѣши умерети за Св. Софію.» Въ 1259 году, младшіи Новгородцы готовились къ открытому возмущенію противъ геральдонной думи Новгородцевъ, говорили другъ другу: «Умремъ частно за Св. Софію и, за дѣти Ангелыи положимъ главы свои у Св. Софіи» Это выраженіе: «Умремъ за Св. Софію!» и подобныя тому, рассыпаны всюду по Новгородскимъ Летописямъ. Какъ прикѣръ раздвоенія этой думы, я предлагалъ уже читателямъ въ страницѣ 100-го прикѣчанія на 89-й страницѣ. Такъ Новгородцы считали цѣлостныи властью,

При несуществованіи въ Новгородѣ Государственной думы, общественное единство ея должно было обуславливаться одною единственною, т. е. внутреннею, думою, единотою, а по этому единству само въ строгомъ смысле не могло быть въ немъ, такъ какъ этому единству недоставало единства нравственнаго. Болѣе всего составило цѣлу общину, но только въ отношеніи Торговой Страны, и выражая это единство общины, своимъ вѣдомъ, одо хранилъ Св. Софійскій Торговая Страна представляла изъ себя единое тоже въ отношеніи дннн Софійскою, въ цѣлостъ свою въ этомъ отношеніи высказала подобнымъ общинмъ вѣдомъ одою храму Св. Николая Чудотворца: одна отдѣльнныя выгоды одной Страны противъ другой удерживаютъ каждую Страну, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ цѣлостн; каждая Страна представляетъ единство при внѣшнемъ противоположномъ вліяніи одной на другую. Отнимите теперь у нихъ это взаимное противоположеніе, и каждая изъ Странъ, въ отдѣльности, потеряетъ связь, не будетъ имѣть условія, которое бы соединяло ее съ цѣлою; каждая Страна, преслѣдуя свои вещественныя выгоды, жертвуя для этихъ выгодъ всею, не можетъ, въ этомъ общинмъ своемъ стремленіи къ вещественнымъ выгодамъ, въ этомъ чисто внѣшнемъ условіи жизни, имѣть начала внутренняго единства, внутренней цѣлостн; напротивъ, подобное стремленіе, въ каждомъ изъ сочленовъ Страны, ставитъ его, въ отношеніи къ другимъ, въ положеніе ревности, соперничества, противоборства; каждый изъ сочленовъ, при стремленіи своемъ единственно къ вещественнымъ выгодамъ, посреди котораго забывается совершенно голосъ нравственнаго начала, голосъ любви къ храму, къ согражданамъ, къ родннѣ, видитъ въ своемъ сочленѣ только врага своимъ выгодамъ, соперника своему стремленію. Къ такому положенію, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, приводила жизнь Новгородъ, хотя тяготѣніе между Странами не позволяло ей дойти до совершеннаго распада. Но безъ нравственнаго начала ни какое общество, однако жъ, не можетъ существовать, и оно, какъ мы замѣтили раньше, было въ Новгородѣ, выразившись страннымъ образомъ—общинною храму, разнороднымъ единствомъ и общинмъ соеъ-

отдѣльное Вѣдомое Князя, по достоянію; Св. Софій, то достоянію Св. Софійскаго Вѣдомаго Новгородъ.

щемъ вокругъ этого храма, когда явилось это торжественное раздѣленіе обновной религіозно-государственной думы образовалось также въ раздѣленіи и въ храмѣ и въ общины совѣщанія, такъ что Софійскій храмъ, видимо первенствующій въ Новгородѣ, долженъ былъ уступать первенство свое храму Св. Николая Чудотворца, главному въ чужбѣ храму младшихъ, и общин совѣщанія, въ силу того, чтобы происходить единственно около храма Св. Софіи, она и старшую и младшую, какъ они сами говорили, чтобы были золотить свои головы, должны были, по духу равенства и равенства младшихъ къ старшимъ, происходить почти единственно около храма младшихъ.¹⁰⁴ Но, за всѣмъ этимъ видными раздѣленіемъ храма, ре-

¹⁰⁴ Изъ сказаннаго нами выше о первенствѣ Софійскаго храма или о главномъ покровѣ Новгорода въ Св. Софіи, мы просимъ читателя остановить особенное вниманіе на событія 1269 года, когда младшіе, которые имѣли свой собственный вѣчевой храмъ, вокругъ котораго они заставляли собираться большая часть общины вѣчей, желая, не будучи въ затрудненіи дома, пожелавъ отъ государства, чтобы только на рязань-дерожной дѣль Молотомъ, въ младшіе, не смотря на явную недобрую дѣль къ то время къ старшимъ, не смотря на то, что старшіе были противъ ихъ, въ младшіе забыли тогда храмъ своихъ вѣчей и стремились душой къ храму Св. Софіи: «Умремъ за Св. Софію! Перейдемъ на ту сторону (Софійскую или Боярскую); и золотить чины свои около Св. Софіи»

¹⁰⁵ Св. летописецъ дождительно указываетъ мѣсто совѣщаній, мы ведемъ видныя дѣла Боярскія около храма Св. Софіи, а младшихъ Новгородцевъ—около храма Св. Николая Чудотворца. Такъ подъ 1384 годомъ Летописецъ говоритъ, что три конца Боярской Стороны собирались для совѣщанія около Св. Софіи; подъ 1388 г. мы видимъ Боярское совѣщаніе тоже около храма Св. Софіи. Въ младшихъ мы видимъ около храма Николая Чудотворца три совѣщанія, а именно въ 1218, 1220, 1233, 1284 и 1417 годахъ. Община одна всего Новгородца, Софійской и Торговой Стороны, около того, же храма въ 1214, 1215, 1225, 1345, 1359. Изъ показанія летописца подъ 1345 годомъ ясно видно, что предварительно общему совѣщанію, Софійская Сторона имѣла частныя совѣщанія, послѣ которыхъ она цѣлымъ вѣчевъ; подъ предводительствомъ Писадника, переходила на вѣщаніе общее, бывшее около храма Николая Чудотворца. Подъ 1380 годомъ летописецъ замѣтилъ, даже описываетъ, когда еще двѣ Стороны не сходились на общее совѣщаніе, а только что открыты были по одному и тому же предмету ихъ частныя совѣщанія, одно около храма Святой Софіи, другое около храма Николая Чудотворца. Такимъ образомъ, въ вѣщаніи младшихъ совѣщаній, что Софійская Сторона, имѣла свои собственные совѣщанія, а другая, дѣлу,

себя. При этом разрушаются и Новгородские дома: больше раскидывается по флористике, разбрызгиваются свои краски, и при этом приращиваются каждая часть. Страны, принадлежат им, себе, общими, но каждая по своей, так что каждая купка имеет бытие самостоятельное, представляя из себя личность: подобно тому, как отдельность каждой деревни, входящей в состав волостной власти, особость и целостность обывателям ее, в старину юрисконсулы дотухив деревень той же волости: «Это мы, это вы, наши и ваши,» не признавая достоинств, будешь выделываться о между обывателями разных деревень, хотя бы они все принадлежали к одной волости. Случайность, когда людей, из купки, выделывает купка, купка, не сдвигая отдаления себя от других людей. Общности, при этом гдетварь деревни, имраинса, наяд, иперочинна, истреблнть, онд обывателям, своего соборнаго краю, за имя: калотраго. Набран: наго, общемъ гласемъ въ догровителъ тего, над другою, Еленого, и тогда «наше и ваше» облечется въ религиозной покровъ, а деревня представить изъ себя еще большую особость и большее единство въ религиозномъ началъ. Свяча не понесется теперь мужикомъ этой деревни въ храмъ другой деревни, онъ не принесетъ пожертвования въ другой храмъ, какъ грядло по особому случаю: онъ въ отношенъ другихъ обыкновенныхъ храмовъ, наособаро-щияхъ, особильно почитаемыхъ, всегда отличительно чинитъ своей собственной храмъ. Такъ всякая, случайно образовавшаяся, купка Русскихъ всегда выразитъ свою целостность особость, хотя бы не было ни малѣйшаго семейнаго родства въ ней, и выраженіе: «наше и ваше», отдѣлитъ ее отъ другихъ купокъ, и при предѣлительности существа сама, не въ недостаточныхъ, ордствахъ, эта особость выразится въ храмъ. Въ этомъ отношеніи каждая купка, «покая» въ рѣшн образчикъ Русской жизни: какъ цѣлое, онъ имѣетъ свой полковой храмъ, а какъ раздѣляющійся на ротныя купки, онъ имѣетъ столько образовъ, замѣняющихъ въ немъ слуга, храмъ, сколько ротъ: свѣча, лодка, преимущественно, становится въ образъ его роты, и роты, въ своемъ образъ, составляютъ въ этомъ отношеніи уже отдельную нравственную купку, а не купку, случайно сложившуюся, согласно раздѣленію полка. Въ Новгородѣ деревни, ротъ соответствовала, улица, и религиозное, свѣча, и начало соединяло улицу въ храмъ. По этому-то народный рассказъ и самая Новгородскія летописи говорятъ намъ, что была въ Новго-

родъ правды уличены; т. е., устроенныя общинами бродячими общинами
 тѣмъ тѣмъ и другія улицы, и что въ немъ были храмы общины.
 Тамъ же въ 1399 г. мы читаемъ въ Новгородской летописи, что
 Масадинъ, Богданъ Мвакумовичъ, съ своею братією и въ уличинахъ
 устроилъ каменную церковь Св. Самсона, на Чюдницевъ улицѣ; ¹⁰⁶
 годъ 1402, что обыватели той же Чюдницевой улицы устроили
 церковь во имя уединенія Глаголющаго Пророка, ¹⁰⁷ годъ 1377,
 что бояринъ Василь Дамилевичъ съ обывателями Ильинской улицы
 на шлофъ съелъ расписала церковь во имя Спасенія. Выразите
 потрясенное въ Новгородскомъ народномъ разсказѣ, въ которомъ
 мы будемъ говорить со всею подробностію ниже: «Николаемъ
 братчина насомнивно свидѣльствуетъ о раздѣленіи Новгородъ
 на купца и храмъ, такъ что каждый ивотный храмъ обрѣде-
 тельски докрытъ собою ивотную купу, которая составляетъ хра-
 мову братчину, братчина оя, по тому же разсказу ивотны, обдѣльно
 отъ другиди Новгородцевъ, оемъ котыхъ, совершавшихся, иротно
 вокругъ сикъ на храмовъ, лицемъ, не принадлежащихъ къ брат-
 чинѣ, можно было садаться учютививани отъхъ потѣхъ, но не
 инале, какъ съ разрѣшенія Церковнаго Старосты (который, безъ сѣ-
 мивна, избирался изъ среды же братчины), который, кажется, бира-
 дѣлялся на каменъ Старосты, ¹⁰⁸ Переходимъ теперь къ значенію
 купцы:

Между этими небольшими купцами по храмамъ и громадными
 купцами по Сторонамъ, но могли не быть купцы болѣе обширныя,
 немалыя купцы, и видѣны обширныя, немалыя купцы, сложныя
 шлофъ да тѣхъ же самыхъ цоловаліхъ, какъ тѣ и другія, т. е., по
 поселеніямъ и вокругъ храма: отъ-то бродячія купцы, по нашему
 мнѣнію, были купцы. Обдѣльность каждого купца, по поселенію,

¹⁰⁶ Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. IV, ст. 99, и т. III, стр. 96.

¹⁰⁷ Тамъ же т. III, стр. 102.

¹⁰⁸ Тамъ же, стр. 231.

¹⁰⁹ Въ собраніи Русск. писемъ, изд. Садарова, т. V: былинныя Русскыя парала, стр.
 64 и 65.

вѣтъ, выражался въ вѣтъ частномъ, и какъ голосъ братчины, долженъ былъ носить на себѣ печать единства, цѣлости на общемъ вѣтъ, и это же единство, выражаться въ самыхъ дѣйствіяхъ конца въ отношеніи другихъ концовъ. Дальнѣйшимъ же развитіемъ всего устройства Новгорода было: пріобрѣтеніе каждымъ концемъ голоса въ дѣлахъ дипломатическихъ. Не только концы, но даже улицы, въ слѣдствіе: уличной братчины, могли получить въ глазахъ Новгородцевъ видъ какого-то гражданскаго единства, какой-то цѣлости: это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что Прусской конецъ былъ не что иное; какъ улица; во вторыхъ, въ слѣдствіе: уличнаго братства, которое дѣтонисецъ замѣтилъ намъ, во крайней мѣрѣ, при разсказѣ о постройкѣ церкви.

По этому же, хотя нѣтъ слѣдовъ, что улицы, подобно концамъ, имѣли на вѣтъ единый голосъ, и отдѣлялись имъ отъ другихъ улицъ того же конца, но все таки въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, хотя улицы и принужденны бывали уступать большинству голосовъ старшей братчины, выражая, однако жъ, особое свое мнѣніе при случаѣ на дѣлѣ.

Мнѣніе Г. Соловьева,¹¹⁰ что единство и значеніе концовъ было темнѣею отдаленнымъ выраженіемъ родства между обитателями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, выраженіемъ общаго происхожденія отъ одного родоначальника, мнѣніе, которое пріобрѣло въ ру, до такой степени поразительно своею несообразностью, что мы должны отвергнуть его, какъ чистую теорію, рѣзко противорѣчащую всей Новгородской исторіи; возмъ основавъ Новгородскаго быта. Ни къ одному изъ областныхъ городовъ древней Руси мнѣніе Г. Соловьева не можетъ имѣть меньшаго примѣненія, какъ къ Новгороду; ибо ни въ одномъ изъ нихъ самое начало не имѣло болѣе жадкаго развитія, нигдѣ оно не было такъ забыто, подавлено, какъ въ Новгородѣ. Сдѣсь семья не только не достигла до понятія о родѣ, но даже, какъ мы видѣли уже, и какъ мы увидимъ ниже, не имѣла достаточныхъ силъ, чтобъ скрѣпиться единствомъ самой

¹¹⁰ Въ сочиненіи: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ.» М. 1845.

въ себя, но если бы даже мы не имѣли подобныхъ важности свѣдѣ-
 ностей, то одни уже событія, по которымъ Новгородцы въ дикомъ
 движеніи основны, действуя противъ виновнаго въ ихъ глазахъ,
 действовали, съ тѣмъ вмѣстѣ, противъ членовъ одной семьи виновна-
 го, являя сюда и братьевъ его, но никогда противъ цѣлаго рода,
 одна уже атъ событія говорятъ намъ о тѣхъ ограниченныхъ предѣ-
 лахъ, въ которыхъ развивалось семейное начало въ Новгородѣ:
 какъ же огромная масса народонаселенія Новгородскаго конца
 могла связаться въ одно цѣлое семейнымъ началомъ и представлять
 единство чрезъ единство родоначальника? Самъ Г. Соловьевъ наза-
 гаетъ мифіе свое, на которомъ строитъ огромное зданіе, мифіе
 свое совершенно какъ предположеніе, не подкрѣпляя его ни какими
 доказательствами, которыхъ онъ, конечно, и не могъ отыскать въ Но-
 вгородской исторіи. При томъ, если мы и примемъ мифіе Г. Со-
 ловьева, что каждый изъ концовъ въ древности представляли собой оло-
 бный родъ, то при условіи, которое Г. Соловьевъ считалъ необхо-
 димымъ прибавить въ допознаніе своего мифіа, это мифіа пред-
 ставляетъ умноженнымъ на самихъ себя, безъ силы, значенія и
 приложенія къ дальнѣйшему развитію Новгорода, тогда концы явля-
 ются живыми, дѣйствующими. Г. Соловьевъ, не отыскавъ въ истори-
 ческомъ бытѣ Новгорода родового начала, самъ говоритъ, что воспо-
 минанія о родовомъ единствѣ, объ единствѣ происхожденія, какъ нача-
 ло живое, порождено въ концѣхъ въ пору давнѣйшую; но, выравни-
 нивъ уже разъ въ единствѣ каждого изъ нихъ, оно удерживалось да-
 лѣе въ своемъ существованіи самимъ единствомъ каждого конца. ¹¹¹
 Но какъ это такъ? На чѣмъ же поддерживалось единство конца, когда
 начало въ немъ начало, породившее это единство? Отмечаетъ душа,
 и если тѣмъ нами охраняется въ прежней формѣ, то не долго, и дѣй-
 ствовать, тѣмъ болѣе, какъ дѣлится въ одной живой особой волей, не
 молчать, а концы же дѣйствуютъ и представляютъ изъ себя живое
 единство. Что же теперь даетъ имъ аглюста? Привычка? Но привычка
 не родитъ, а привыкнуть другъ къ другу могутъ люди, и не свя-
 занные собой на какомъ родовомъ, когда въ то же время связанные

¹¹¹ Подлинныя слова Г. Соловьева: «Съ теченіемъ времени родовыя отношенія
 здѣсь исчезли; но нѣтъ концовъ съ своими старостами напоминали о пяти
 родахъ, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе.»

родствомъ могутъ враждовать между собою, какъ это было въ Новгородѣ. И такъ единство и цѣлость концовъ во времена историческія у самаго Г. Соловьѣва держатся уже не на родовомъ началѣ, но на воспоминаніи объ единствѣ происхожденія, а на привычкѣ; слѣдъ признавая живымъ началомъ единства концовъ уже не родовое начало, а привычку, намъ кажется, Г. Соловьѣвъ совершенно безполезна утверждаетъ, что въ доисторическія времена живымъ началомъ единства концовъ было родовое начало, а не привычка, тѣмъ болѣе, что онъ не выдѣлываетъ для этого ни какихъ доказательствъ; ибо доказательства, что ऐसा было единство и цѣлость конца, въ сабдотивѣ привычки, то въ пражнѣе время оно было въ слѣдствіе родового начала, конечно не доказательство: въ такомъ случаѣ каждая изъ деревень нашихъ, каждая рота, каждый полкъ, въ отдаленности тоже будутъ состоятъ изъ однихъ только родственниковъ. Однимъ словомъ, разбирая мнѣніе Г. Соловьѣва по настоящему предмету, мы невольно приходимъ къ мысли, что это мнѣніе, въ сущности не живое, а какой-то страннѣйшій оборотъ мысли, который можно выразить точнѣе слѣдующимъ образомъ: «каждый Новгородскій конецъ представлялъ изъ себя единое и цѣлое по тому, что бытъ едины и цѣлы»; и на вопросъ: по чему концы соотнопоставляются одинъ другому? Г. Соловьѣвъ отвѣчаетъ, что это происходитъ отъ того, что въ древности конецъ составлялъ родъ, состоялъ изъ однихъ родственниковъ; и по тому имѣеть свое отдаленное существованіе; когда же вопросъ ставляется, и вы спрашиваете: зачѣмъ они думаютъ, что въ древности каждый конецъ составлялъ особый родъ? На это Г. Соловьѣвъ даетъ вамъ одинъ отвѣтъ, что такъ какъ были въ Новгородѣ концы и имѣли отдаленное существованіе, то, слѣдъ, каждый изъ нихъ представлялъ собою особый родъ. Вотъ оно это и какъ.

И такъ, было ли первоначальное значеніе концовъ отъ ихъ сабытностіи и цѣлостію, родовое, или не родовое, для разрѣшенія этого вопроса въ пользу родового, бытъ нѣтъ данныхъ; но во времена историческія эта сабытность, цѣлость ихъ, уже держалась на другомъ началѣ. Принимая же въ соображеніе чрезвычайную способность Новгорода дробиться на братчины, подобно храмовымъ, удлиннымъ и другимъ, о крѣпъ будетъ сказано виже, мы считаемъ самымъ Новгородскій конецъ не чѣмъ инымъ, какъ братчиною, соединенною въ самой себѣ и отдаленною отъ братчинъ другихъ концовъ особымъ

поселеніемъ и особымъ храмомъ, общимъ для цѣлаго конца. Такимъ образомъ Новгородъ, въ основахъ своей жизни, не представляетъ собою ни чего особаго отъ другихъ частей Россіи, выражаетъ собою общій народный духъ, общій народный Русскій складъ: основы эти тѣ же, какъ всюду у насъ, и различіе не въ нихъ, а въ ихъ силѣ, въ силѣ вліянія ихъ другъ на друга.

Новгородъ страдалъ безсиліемъ начала семейнаго; самъ признавалъ болѣзнь свою, мучился и съ жалобами выказывался о своихъ страданіяхъ, объ этомъ отсутствіи любви въ жизни его, объ этомъ себялюбіи, сребролюбіи, зависти, объ этомъ братоненавидѣніи, которыя наполняли собой жизнь его. Жалобы эти проходятъ черезъ всю Новгородскую исторію и придаютъ ей какой-то пустынный, могильный отпечатокъ. Вотъ образчики этихъ жалобъ: Подъ 1230 годомъ, послѣ описанія открытой борьбы между частями въ самомъ Новгородѣ и предъ разсказомъ о страшномъ голодѣ и морѣ, мы читаемъ въ 1-й Новгородской лѣтописи: «и Богъ, видя наше беззаконіе и братоненавидѣніе, и строптивость (непокореніе) другъ передъ другомъ, и зависть, и обращеніе крестной клятвы въ орудіе лжи, навелъ на насъ поганыхъ и обратилъ въ пустыню землю нашу.» Подъ 1268 годомъ, послѣ описанія кровавой Раковорской битвы, лѣтописецъ обращается къ своимъ братьямъ Новгородцамъ съ слѣдующими, весьма замѣчательными, въ настоящемъ отношеніи, словами: «Мы, видѣвши весь этотъ ужасъ, кажется, должны бы были покаяться въ грѣхахъ своихъ, но мы еще на большое зло воздвигаемся: братъ брату завидуетъ, и изъ зависти готовы другъ друга съѣсть; даемъ мы крестную клятву, и снова преступаемъ ее.» Съ подобными же словами онъ обращается къ нимъ и по описаніи зари побѣды нашей надъ Монголами, въ 1383 году: «Въ лицѣ иноплемениковъ; которые вооружаются на насъ, вооружаются грѣхи наши, да отступимъ отъ неправдъ, отъ братоненавидѣнія, и отъ сребролюбія, и отъ насилія».. Гласъ вопіющаго въ безмолвной, мертвой пустыни! Нѣтъ отклика ему; жизнь, теряющая печать жизни, не сдерживается имъ, волнуемая страстями, несетя своимъ токомъ; сребролюбіе и строптивость стираютъ слѣды любви къ собрату, будятъ зависть, ведутъ къ насилію, клятвопреступленіямъ, и братоненавидѣніе царитъ въ жизни Нов-

города. Семейное чувство любви, очевидно, не выводило Новгородца изъ его тѣснаго семейнаго круга въ жизнь гражданскую, не сдерживало, не развивало въ немъ себя до чувства народности и чести честволюбия. Выступая за пределы семейнаго круга, Новгородецъ являлся самозабывъ, сребролюбцемъ, или, какъ Бопринъ, надменнымъ. Этими-то отсутствіемъ низаго проявленія семейнаго чувства въ жизни гражданской объясняются дико жестокия преслѣдованія Новгородцами не братьями, также какъ частными лицами, своимъ согражданъ, преслѣдованія безъ всякихъ формальныхъ изслѣдованій, по провозу, по одному подозрѣнію, или несправедливому, преслѣдованію яванъ и тайны. Принтъровъ содебнаго жестокаго преслѣдованія Новгородская исторія представитъ живое ство. Мы уже видѣли, какъ жестоко преслѣдовали Новгородцы своего Посадника Дмитрія, въ его двумя братьями и съ детьми, и все это было безъ формальнаго суда, по провозу съ одной стороны, и въ мѣсть съ другой; за то, что Посадникъ не оставилъ Новгородъ подвѣда удара, или со стороны великаго Князя, или со стороны Новгородцевъ; сопротивооставленій нарочно Князю, не мешая подвѣ ударъ Князя, и не воспротиваясь волѣ его, когда онъ облагалъ Новгородцевъ, въ подвѣ Владимиро-Ростовской области; податими и повинностями, на которыя Новгородцы, въ врахъ къ Великому Князю, сами не соглашались, и не могли возмозветь, какъ отдельная область; не состоящая въ время подданствѣ къ Князю Владимиро-Ростовскому, отказываясь, но въ чужому рѣшенію, отъ исполненія этой воли. Самъ согласился при этой возмозности отказаться, а Посадникъ, ищевый икъ же согласіемъ всякихъ средствъ для противодвѣствія и дѣлѣщій теперь на смертномъ одрѣ отъ ранъ, полученныхъ итъ во время Рязанскаго похода, извѣщаетъ, что они согласились, виноваты дѣла его братьи приверженцевъ, виноваты дѣти его, и все они ищевый огромнаго своего достоянія, даже самому враху Посадника, гытъ двумъ приверженцамъ и дѣтлѣмъ его, итъ мѣста въ Новгородѣ. Безъ суда, безъ формальнаго изслѣдованія, убить былъ, въ княженіе Андрея, другой Посадникъ, Закарій; при Невскомъ третій (Михайль Степановичъ); въ 1220 году такая же участь грозилъ Посаднику Твердиславу, но онъ итъ много приверженцевъ на своей сторонѣ, которые силой спасли его отъ смерти. Такъ жестоко поступала Новгородцы съ лучшими своимъ согражданими: итъ же быи

действени въ отношеніи лицъ мѣше значительныя? Многие примѣры говорятъ, что жизнь гражданина Новгородскаго не имѣла въ малѣйшей звонной обязанности противъ промаха страстей. Убийство своего согражданина для Новгорода значило не много; а разграбленіе открытымъ, какъ будто бы какою нибудь законною, нападе-ніемъ; глумъ и униженіе согражданина, это была вещь обыкновенная! Нашъ исторіографъ задумывается надъ введеніемъ смертной казни въ XIV столѣтіи вообще; надъ жестокостію наказаній, произведенныхъ тогда въ Москвѣ, и приписываетъ это вредному вліанію Монголовъ на наши нравы, одичавшія в острастрии, въ отдаленіи отъ Монголовъ; до какой степени справедливо это предположеніе, мы выскажемъ объ этомъ свое мнѣніе въ исторіи Москвы; но эта натуральная одинакость, эта глѣбная страсть, неполнота, въ распространеніи отношеній; всю исторію Новгорода, начиная съ первыхъ временъ до XVI столѣтія, вкратчѣ, но обстоятельно, составляетъ собой общую картину ея. Самое изобненіе Варяжской дружины Ярослава, и побѣды тогда же паникаго Ярославомъ многихъ Новгородцевъ, не дѣлаютъ этой одинакости ни острасти; ни какою нибудь грабежа, разореннаго Новгородцами Бодрами около 1118 году; Невство семейное; говорятъ, мы, было такъ слабо въ Новгородѣ, что не имѣли даже почти за предѣлами семьи. Не братскія объятія восторж-рала Новгородца своему согражданину, не брата видѣть въ немъ; они были чужды между собою, и вострѣча являлись холодна, поше неподрачивости; отношенія политическія расчетливы; ибо каждый Новгородецъ безъ участія смотрѣлъ на гибель своего согражданина, клятвопреступно, поговоря; ему самъ эту гибель. Это еще поразительнѣе подтверждается паниками Новгородцевъ въ отношеніи къ Новгороду, и ихъ досягаемствомъ; въ различныя свои видѣла, на бездостоинствѣ родины, и самими подозрѣніями въ подобающаго рода паникахъ Новгорода, въ отношеніи Новгородца даже цѣло Новгорода. По подозрѣнію въ паникѣ, въ 1167 году, погубъ Посадникъ Захарій съ двумя другими Новгородцами. Въ 1193 году выступилъ изъ Новгорода небольшой дрядъ подъ начальствомъ Ярея, въ землю Югорскую, для собранія дани. Югра встрѣтила его съ оружіемъ въ рукахъ; однако жъ, не смѣя действовать наступательнѣе, заключалась въ городахъ и искала хитростію загубить дружину Новгородскую. Уже одинъ изъ городовъ ея взятъ. Ярея, другой осаждаютъ; осажденные не поддаются, но общаются

въ дань серебро, себоли и другія дорогія вещи; увидѣвъ, что они покорны, но что не могутъ заплатить дани, по тому что они вѣтъ въ оборъ; просить отсрочки, и Ядрей медлить врешетупомъ; дѣвѣрнется янъ до того, что, по приглашенію ихъ, отпра-вился даже въ осажденный городъ съ двѣнадцатью челоуѣками сво-ей дружины и съ Свещенникомъ... Ядрей со собни пошедшими вотибъ подѣ мечами осажденныхъ. Между тѣмъ дружина Новгородская не знаеть о гибели своего вождя, и 80 челоуѣкъ изъ нихъ вѣдуютъ въ тотъ же обманъ, какъ и самый вождь: заманивъ въ де-родъ, Югра всѣхъ почти ихъ избилъ, и только нѣкоторымъ готови-ла жить; или требовала отъ нихъ выкупа. Какая же оцена распы-вѣется между свидѣтелями гибели своихъ собратьевъ. Ищите подоб-ной между событиями другихъ частей Россіи, и вы не найдете; самое воображеніе ваше не можетъ представить подобнаго: «вѣтъ свго;» говорить летописецъ, г. е., послѣ избіенія коварнымъ обра-зомъ многихъ Новгородцевъ; «Савки (одни изъ дружинниковъ Новгородскихъ) сказали Князю Югорскому: «Если ты, Князь, не убьешь Якова Прощинича (боевой сотоварища Савки), и от-пуестишь его въ Новгородъ живымъ; то онъ опять приведетъ сю-да дружины, для опустошенія земли твоей;» и Князь Югорскій далъ приказанію умертвить Якова, при чемъ сей послѣдній, об-ратившись къ Савкѣ, сказалъ: «Братъ, да судитъ тебя Богъ въ твоей злой извѣстїи своихъ братьевъ, Новгородчанъ; и слышишь предъ лицомъ Божиимъ и дашь отвѣтъ за кровь нашу!» сказавъ это, онъ немедленно, въ слѣдъ за тѣмъ, былъ умерщвленъ. Сей Савка впрочемъ того тайнымъ образомъ оносилося съ Княземъ Югорскимъ противъ братьевъ своихъ, Новгородцевъ.¹¹⁸ Вотъ образчикъ внутренняго распада Новгородца! Можно ли послѣ сего жить къ кому либо дѣвѣрность, когда, извѣдая своей родинѣ, предательски выдавая дружину Новгородскую, соединясь съ врагами, губителями роднаго, самъ же Новгородецъ остритъ вражескій мечъ на со-товарища своей боевой жизни и остается непокойнымъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не палъ подѣ ударами меча и не забрызгалъ его кровію своею?

¹¹⁸ Нов. I, стр. 21.

И дуть недобрѣя исполняютъ действительно остатки этой большой дружины Новгородской: она не обвѣмается, ухищрѣясь, не пренебрегаетъ чувствомъ негодованія при службѣ оцлодоблемъ предательства; для нея, какъ будто бы, это деньги: обычная, и каждый является только осторожнѣе, ожидая подобнаго же предательства со стороны другихъ овецъ сотоварищей. Овѣтъ на самомъ дѣлѣ находятъ новики, прадатей, мнимыхъ, или действительныхъ. «Въ то время возвратился остатокъ дружины на Югры, убивъ тогда же Обьяку Володочича, Давида Нывоцкаго и Мовелзв Повеича, а остальныхъ или обвиняемыхъ дозволилъ отуупитъ отъ нападѣнн дѣльями: на тѣхъ и другихъ товарищи имѣли подозрѣнн въ мѣтнѣ и въ тайнахъ сношеннхъ съ Княземъ Югоренимъ; но справедливо ни было это подозрѣнн — одинъ Богъ знаетъ.»¹¹³ Въ 1219 году посланные за даннѣю въ сѣверо-восточную часть Новгородскую владѣнн держали путь свой чрезъ Владимиро-Ростовскія земли; но тамошннѣ Князя не пропустили, ахъ чрезъ свои владѣнн, и они прилуждены были возвратиться изъ Новгородъ безъ данн: эта неудача въ исполненн имѣ порученн превзошла отъ имѣнн Посадника и Тысяцкаго. Снѣ послѣднн, Твърдиславъ и Якунь, землннн Новгороду и нарочно послали къ Великому Владимиро-скому Князю въ просьбу, чтобы онъ не пропускалъ данннковъ Новгородскихъ чрезъ свои земли; весь Новгородъ вѣрнѣя ему, омыльнѣ стороннннн Посадника, защищавшнѣ его постоянно, бѣмонѣствуютъ теперь, и Посадникъ и Тысяцкнѣ омыльнн за свою землѣю,¹¹⁴ которой никогда не было, не могла быть; ибо задерживать данннковъ Новгородскихъ на пути было столь же обыкновеннымъ брудѣемъ Владимиро-скнѣ Князѣю противъ Новгорода, во время надѣвольства: ннѣ на нѣто, какъ и вѣнтѣ подѣ стражу въ это время всѣхъ Новгородскихъ торговцевъ въ предѣлахъ Великаго Княжества; да и сами Новгородцы въ тотъ же годъ янно признали свое по-

¹¹³ Тамъ же, стр. 50 и 51.

¹¹⁴ И не пусти ихъ Гюргъ, ни Ярославъ, сквозъ свою землю, и придоша Новугороду въ лодяхъ. И ста по полю шатры на зло. И замыслиша Твърдиславъ и Якунь Тысяцкнѣ, заслаша къ Гюргу не пустити ихъ туда, и възвадннша городъ. Тогда отъяша посадннчнство у Твърдислава и даша Семену Борисовищу, а тысяцское у Якуна, и даша Семьюну Емнну. Нов. 1, стр. 37.

дозрѣніе неосновательнымъ, выразивъ это признаніе введеніемъ, вскорѣ за тѣмъ, и Твердислава и Якуна въ должности, потеряныя ими. Въ 1233 году бѣглецы Новгородскіе, составлявшіе простую дружину Новгородскаго изгнанника, Боярина Бориса Нѣгоцевича, скрывшагося, вмѣстѣ съ другими Боярами, въ землѣ Чюдской, соединились съ Нѣмцами и, вмѣстѣ съ ними, устремились на одинъ изъ городовъ Новгородскихъ владѣній (Изборскъ), думая овладѣть имъ при внезапномъ нападеніи. Въ 1240 году Нѣмцы овладѣли Псковомъ, и начали тамъ господствовать: не завладѣніе предъ тѣмъ передовою крѣпостію, Изборскомъ, не гибель дружинъ самага Пскова, стремившихся вырвать эту крѣпость изъ рукъ Нѣмцевъ, ввели Нѣмцевъ во владѣніе Пскова, а измѣна Твердила Ивановича и другихъ Псковитянъ, которые имѣли тайныя сношенія противъ роднаго своего города, для того, чтобъ тамъ господствовать, вмѣстѣ съ Нѣмцами. Такъ говорятъ всѣ Новгородскія лѣтописи; такъ говоритъ, быть можетъ, подъ влияніемъ Новгородскихъ, и одна изъ лѣтописей Псковскихъ; но вѣрить ли этому? Изборскъ былъ взятъ не измѣною, а силою; не измѣна, а сила, поразила Псковитянъ подъ Изборскомъ; не измѣна, а сила, уничтожила посадь Пскова, и если Твердילו считалъ послѣ того необходимымъ уклониться отъ дальнѣйшей борьбы съ Нѣмцами, явно высказывался по этому предмету, даже согласно съ этѣмъ убѣжденіемъ и дѣйствовалъ, то была ли тутъ съ его стороны какая ни будь измѣна? Въ чемъ же заключалась его измѣна?, не въ томъ ли же, въ чемъ заключалась измѣна Новгородскаго Посадника, Дмитрія? Говорятъ, что онъ измѣнилъ Пскову для того, чтобъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами, господствовать въ немъ; но если онъ не былъ правителемъ Пскова, то переговоры съ Нѣмцами велъ не онъ, и, олдовательно, сдача города сдѣлана была не имъ; а если онъ былъ правителемъ, то господство Нѣмцевъ на столько же стѣснило его, на сколько стѣснило оно самихъ Псковитянъ, по чему ему не было ни малѣйшей выгоды въ семъ случаѣ согласиться, безъ крайней надобности, на сдачу города. И такъ городъ сданъ былъ Нѣмцамъ по необходимости, и въ этой сдачѣ не могло быть измѣны со стороны Твердила Ивановича; а если Твердילו, при этой вынужденной сдачѣ, успѣлъ достигнуть того, что Нѣмцы подѣлились съ нимъ властію надъ Псковомъ, то подобное вниманіе къ нему Нѣмцевъ не можетъ служить сколько ни будь достаточнымъ основаніемъ къ

подозрѣнію, что Твердило воспользовался этѣмъ видимымъ вниманіемъ въ слѣдствіе услугъ, оказанныхъ имъ до того времени Нѣмцамъ противъ родины: между побѣдителями и неполнѣ побѣжденными долженъ былъ быть посредникъ, и имъ могъ быть и не Твердило, а другой кто либо изъ представительныхъ Псковитянъ. Тѣ же лѣтописи, говоря объ освобожденіи Пскова Невскимъ, рассказываютъ только о Нѣмцахъ и Чюди, которые зашли уже къ тому времени въ Псковъ, рассказываютъ о заточеніи ихъ Александромъ, и не говорятъ ни слова, какую при этомъ имѣлъ участь Твердило Ивановичъ съ своими соумышленниками; но, конечно, ни Александръ, ни Новгородцы, ни сами Псковитяне не пощадили бы пхъ, если бѣ дѣйствительно была съ ихъ стѣроны какая либо измѣна, и о подобной гибели не умолчали бы лѣтописцы. Самый духъ исторіи Пскова, какъ увидимъ ниже, заставляетъ считать это подозрѣніе въ измѣнѣ Твердила неосновательнымъ, какъ неосновательно было подозрѣніе Новгородцевъ въ измѣнѣ будто бы Новгороду со стѣроны Твердислава въ 1249 году. Молчаніе другого Псковскаго лѣтописца относительно этой измѣны со стѣроны Твердила еще болѣе подтверждаетъ неосновательность сего подозрѣнія. Тѣнь сильнаго подозрѣнія въ измѣнѣ, наброшенная Новгородскимъ лѣтописцемъ на Псковитянъ подѣ 1348 годомъ, была, какъ увидимъ ниже, то же одною лишь тѣнью настроенія самаго Новгорода видѣть всюду измѣны, или лучше тѣнь давней и продолжительной измѣны самаго Новгорода въ отношеніи Пскова, а не тѣнью дѣйствительной измѣны со стѣроны Псковитянъ. Въ 1270 году Новгородскій Тысяцкій, Ратиборъ, явно измѣнилъ Новгороду и, дѣйствуя за Князя Ярослава Ярославича, успѣлъ было вооружить полчища Монголовъ на свою родину и двинуть ихъ противъ нея. ¹¹⁸ Самое бѣгство, въ 1137 году, Посадника Константина и другихъ Новгородцевъ къ Князю Всеволоду, котораго не хотѣли видѣть у себя Новгородцы, въ сущности было не что иное, какъ та же измѣна Ратибора. Также измѣнилъ Новгороду Посадникъ Якунъ, бѣжавшій съ

¹¹⁸ Уже бо бѣше Царь отпустилъ рать на Новгородъ, по Ратиборову живому слову; рече бо Ратиборъ Царю: «Новгородца тебе не слушаютъ; мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а ни ихъ избили, а дома наши разграбили, и Ярослава безчѣствовали.» Новг. I, стр. 62.

Святославомъ, вооружившимъ уже противъ себя Новгородцевъ. Что значить и бѣгство, въ 1216 году, четырехъ Бояръ къ Ярославу, когда они дали уже клятву Новгороду стоять за одно съ нимъ противъ Ярослава? Всѣ этѣ явленія—дѣти одной и той же шаткости Новгородца въ отношеніи своей полной шаткости родины, и иначе быть не могло при этомъ противорѣчіи началъ, въ коихъ думала успокоиться жизнь Новгородская, при этой привязанности къ вещественному, при этѣхъ страстяхъ, которыя обращали всякое нравственное начало въ орудіе собственное. Да не будемъ обманываться долѣе: не ясная, отчетливая привязанность всѣхъ этѣхъ Новгородцевъ къ новой жизни влекла ихъ за Князьями противъ родины, а духъ сторонъ, ихъ личныя выгоды, стѣснительное положеніе въ Новгородѣ: они инстинктуально чувствовали необходимость въ превозобладаніи новаго начала, но это начало было для нихъ не болѣе какъ орудіемъ къ простору страстей, подавляемыхъ страстями другихъ. Да и въ явленіяхъ послѣдняго рода мы видимъ не нравственную борьбу Новгородской жизни въ самой себѣ, не нравственную привязанность этѣхъ бѣглецовъ Новгородцевъ къ новой жизни, а также дѣйствительную измѣну ихъ своей области. Подозрительность въ измѣнѣ, самую измѣну, Новгородъ носилъ въ нѣдрахъ своихъ: въ своемъ своекорыстномъ направленіи, въ отсутствіи любви къ родинѣ, въ духѣ партій и подозрѣнія въ измѣнѣ въ дѣлахъ черныхъ, какъ самая измѣна, возникали въ немъ безпрерывно, какъ на почвѣ родной имъ. Ни одна изъ частей Россіи въ семъ отношеніи не представляетъ своею исторіею такого страшнаго разъединенія между гражданами, такого поразительнаго отсутствія нравственныхъ началъ, какъ исторія Новгорода. Отсюда-то истекало недовѣріе вообще, равно какъ и недовѣріе въ помыслъ новой жизни, отсюда и несостоятельность Новгорода, его гибель. Это зло проникало всюду и отравляло всю жизнь. Въ 1316 году Новгородцы убили своего собрата, и трупъ его свергли съ Волховскаго моста: они обвиняли этого собрата въ измѣнѣ. ¹¹⁶ Тогда же одинъ

¹¹⁶ Князь Михаилъ идетъ съ войскомъ противъ Новгорода: Еще не дошедши Князю Михаилу до города, яша (Новгородцы) Игната Бѣска, и биша ѣ на вѣчи, и свергоша ѣ съ моста въ Волховъ; творяють бо его перевѣтъ державша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Нов. I, стр. 71.

холопъ убилъ въ полѣ своего господина, и оправдывался предъ Новгородомъ тѣмъ, что его господинъ былъ измѣнникъ Новгороду, сносился чрезъ него, холопа, съ врагомъ Новгорода, Михаиломъ, Княземъ Тверскимъ. ¹¹⁷ Въ 1342 году Бояринъ Лука Вареломѣевичъ отправился изъ Новгорода громить землю Заволоцкую. Онъ усилъ поставить тамъ городокъ Орлецъ, забрать на щитъ всѣ Подвинскіе погосты, и вдругъ въ одной схваткѣ съ Заволочанами былъ убитъ. Но Заволочане ли, однако жъ, во время битвы убили его? Лѣтописецъ говоритъ—да; чернь же Новгородская, самъ сынъ Луки, Онцифоръ, бывший Посадникъ Матвѣй и другіе Бояре, что происки Посадника, своя же братья, избили Луку. ¹¹⁸ При этѣхъ измѣнахъ, при этѣхъ проискахъ, при этомъ общемъ себялюбіи, Новгородецъ долженъ былъ потерять сочувствіе къ благородному, потерять вѣру въ людей; самый достойный могъ являться уже въ глазахъ его себялюбомъ недостѣйшѣйшимъ; и онъ рано уже началъ страдать этою болѣзнію подозрительности и недовѣрія къ благодѣтельству людей. Разсказъ лѣтописца подъ 1156 годомъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго вниманія. Новгородцы, по этому разсказу, винили тогда главу своего Духовенства, Архіепископа Ни-

¹¹⁷ Данилко Писцевъ убьенъ бысть, на рли, отъ своего холопа; обидилъ бо его быше къ горожаномъ, тако река: «Посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу Князю.» Тамъ же.

¹¹⁸ И взя всю землю Заволоцкую по Двинѣ и вса погосты на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане; а приде вѣсть въ Новгородъ: «Лука убиенъ бысть,» и вѣсташа чръныи люди на Ондрѣшка, на Федора, на Посадника на Давылова, а тако ркущѣ: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ дома и села; а Федоръ и Ондрюшко побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великаго говѣнья. И въ то время приде Онцифоръ, и би челомъ Новгороду на Федора и на Ондрѣшка: «Тѣ заслаша моего отца убити;» и Владыка и Новгородъ послаша Архимадрита Есина съ Бояры въ Копорью по Федора и по Ондрѣшка, и они приѣхаша и ркоша: «Не думали есмы на брата своего, на Луку, что его убити, ни засылали на него;» и Онцифоръ съ Матеѣмъ вѣзвоня вѣче на Ярославлѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матеѣмъ Владыку на вѣче, и не дождавши Владыки съ того вѣча, и удариша на Ярославль дворъ, и иша ту Матеѣа Коску и сына его, Игната, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособники. То же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, съ сторона собѣ, а она собѣ.

фонта, въ томъ, что онъ, будто бы, воспользовался богатствами Софійскаго храма, обобралъ этотъ храмъ, и съ богатствами, такимъ образомъ добытыми, удалился изъ Новгорода; между тѣмъ, по свидѣтельству лѣтописца, подтвержденному событіями, только одна подозрительность клеветала съдѣсь на Святителя заботливаго о нуждахъ своей паствы, на Святителя истиннаго въ дѣлахъ своихъ, бывшихъ уже предъ лицомъ самихъ же Новгородцевъ, на Святителя, ¹¹⁹ котораго, по выраженію того же лѣтописца, Новгородцы не достойны были имѣть.

Это-то неразвитіе семейнаго начала, эта холодность и жестокость отношеній, это себялюбіе и, непремѣнный плодъ ихъ, недовѣрчивость, рано поразили Новгородъ даже въ самомъ главномъ жизненномъ его мѣстѣ, раздвоивъ два начала, необходимыхъ для жизни Государственной и сдѣлавъ изъ нихъ начала враждебныя между собою. Мы говоримъ о распаденіи Новгорода на Софійскую и Торговую Стороны.

Начальный раздоръ между этѣми Сторонами относится ко временамъ доисторическимъ. Народный разсказъ сохранилъ, однако жъ, преданіе объ немъ. Пусть лица этого разсказа и вымышлены, за всѣмъ тѣмъ содержаніе, нѣтъ ни какого сомнѣнія, взято изъ древней жизни Новгорода, принадлежитъ ей, и до такой степени было народно, что, переживая столѣтія, видоизмѣнялся вмѣстѣ съ измѣненіями Новгородскаго быта, дополнялся, и съ однимъ изъ своихъ пзмѣненій и дополненіемъ дошелъ до нашихъ временъ. Первая черта, которую означаетъ въ этомъ разсказѣ древній Новгородскій Бояринъ, это—отсутствіе всякаго нравственнаго начала, кромѣ перваго начала семейной жизни—послушанія воли родительской и при

¹¹⁹ Тотъ же веснѣ преставися Архепискоуъ Нифонтъ, Априлѣ въ 21. Шлъ бѣше Кыеву противу Митрополита, ниѣи же мнози глаголаху, яко полулявъ Св. Софію, пошьлъ Царюграду; и много глаголаху на нь, нь собѣ на грѣхъ. О семъ бы разумѣти комуждо намъ: который Епископъ тако украси Св. Софію? Притворы испьса, кивотъ створи и всю изъвну украси, а Пльсковѣ Св. Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ Св. Климента. Мню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отвѣде ѣ Кыеву, и тамо преставися. Нов. I, стр. 12.

томъ не всегда; погруженіе жизни въ самыхъ грубѣйшихъ матеріальныхъ наслажденіяхъ, страшный запасъ матеріальныхъ силъ и стремленіе этѣхъ силъ къ простору; второю чертою Новгородскаго Боярина разсказъ представляетъ надменность или пренебреженіе къ низшимъ, которые обезразличиваются предъ нимъ всѣ въ имени мужика; третьею чертою Новгородскаго Боярина является стремленіе господствовать. Этѣ же мужики, въ свою очередь, являются уклончивыми, хитрыми, но въ то же время готовыми на открытый бой, на кровопролитіе, готовыми жить своимъ умомъ. Между Боярами и этѣми мужиками находятся особыя лица, особаго рода богатыри. Вотъ основы, изъ которыхъ развивается разсказъ. Подробности его заключаются въ слѣдующемъ: Василій Буслаевичъ, сынъ одного изъ правителей Новгородскихъ, потерявъ отца, живетъ и воспитывается у своей матери, матерой вдовы Амелфы Тимофѣевны; но, почувствовавъ силу, онъ, какъ звѣрь, начинаетъ выходить на самобытный промыслъ, и общество довоспитываетъ уже его совершенно. Это окончательное воспитаніе состоитъ въ томъ, что онъ пьетъ и гуляетъ съ молодцами, удалцами Новгородскими, и вмѣстѣ съ ними потѣшается надъ младшими братьями, мужиками: колотить ихъ на игрищахъ по улицамъ, ломаетъ имъ руки и ноги, забиваетъ до смерти. Мужики Новгородскіе все люди Посадскіе, богатые, соединяются противъ нашего удалца Боярина; но что имъ дѣлать? Между удалымъ Бояриномъ и ими нѣтъ мшрителя, кромѣ матери вдовы, Амелфы Тимофѣевны: и вотъ они несутъ жалобу на молодого Боярина къ матерой вдовѣ, которая и увѣщаетъ сына не пить вина до пьяна, не шутить шутокъ до смерти съ мужиками Новгородскими; что если онъ и побьетъ ихъ тысячу, а за тысячью имъ смѣты нѣтъ; но сынъ не страшится бѣды со стороны мужиковъ-то Новгородскихъ: ему страшнѣй слово материнское, и онъ, кланяясь ей до сырой земли, даетъ ей слово не ходить для потѣхъ на улицу на Рогатицу, ¹²⁰ не сводить тамъ дружбы со удалыми молодцами, и перестать шутить шулки богатырскія; но, въ свою очередь, замѣчаетъ, однако жъ, что не таланъ же ему сидѣть дома, не таланъ истратить силы, не испробовавъ ихъ; что придетъ время, и возметъ онъ въ руки мужи-

¹²⁰ На Торговой сторонѣ, въ Шотвицкомъ Концѣ.

ковъ Новгородскихъ, и придуть они къ нему съ покореніемъ; и въ то же время просить у матери позволенія потѣшиться съ мужиками Новгородскими дома, а для этого, да прикажетъ она родимая; своимъ словомъ, накурить зелена вина, наварить меду пьянаго. И вотъ Василій Буслаевичъ готовитъ потѣху мужикамъ Новгородскимъ у себя дома; для чего сейчасъ же, послѣ объясненія съ матерью, онъ отправляется во высокъ теремъ и пишетъ ярлыки зазывные словами мудрыми, и разсылаетъ ихъ съ бирючими по городу. Уже у него предъ домою чаны съ медомъ пьянымъ, съ зеленымъ виномъ, уже на зазывныя его грамотки, коими онъ приглашалъ къ себѣ на пиръ всю удалъ молодецкую, идуть къ нему, что ни лучшіе, что ни могучіе богатыри Новгородскіе, пьютъ однимъ духомъ огромныя чары зелена вина не спрашиваючи, а молодой нашъ хозяинъ, согласно обѣщанію, испробывая въ слѣдъ за тѣмъ ихъ богатырскую силу ясеновою палочкою, наливою свинцомъ, всего въ двѣнадцать пудъ, на ихъ богатырскомъ тѣлѣ, не нарадуется и не натѣшится ихъ могучей силѣ, принимаетъ ихъ какъ дорогихъ гостей, величаетъ ихъ названными братцами, прибавляя, что они лучше для него братцевъ родимыхъ; носитъ съ ними платье съ одного плеча, пьетъ, гуляетъ съ ними отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго; между ними—лица разнаго рода, есть и мужики, есть и дѣти Боярскіе. Наши Посадскіе мужики все люди богатые, между тѣмъ догадываются, къ чему клонятся потѣхи молодаго Боярина, опасаются удалыхъ намѣреній и думаютъ узнать ихъ положительно посредствомъ одной хитрости. Объясненіе ихъ между собою, по сему предмету, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно было сдѣлано на сходкѣ или вечѣ, гдѣ господствовалъ голосъ одного старика, съ мнѣніемъ котораго они все согласились. Одинъ старецъ говорилъ про Буслаевича: «Прежде шутилъ онъ шутки великія: сиротилъ людей, смѣты нѣтъ; а теперь задумалъ дѣло злое: прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣтъ нами на своей волѣ. Не дѣтищу ругатися надъ мужиками Посадскими; поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пяръ на цѣлый міръ для Василія Буслаевича. Будетъ онъ на пиру, ударимъ ему отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго. Будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, онъ зло на насъ мыслить. Будетъ не кормилецъ нашъ, сорвемъ ему буйну голову со могучихъ плечъ. Насъ бѣлый

свѣтъ не охулить, не положить намъ остуды. Не одинъ онъ въ Новгородѣ: промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Чрезвычайно какъ живо, въ этѣхъ немногихъ словахъ, обрисованъ бытъ Новгородскій, даже историческій; но онъ еще живѣй въ развязкѣ почетнаго пира, который былъ сдѣланъ для нашего молодаго Боярина. Мать, умная, предупредила сына, чтобъ онъ на пиру не пилъ много, не величался бы похвалъбами предъ мужиками Новгородскими и держалъ себя скромно. Сынъ долго выдерживалъ этотъ характеръ, но, принужденный наконецъ выпить братину зелена вина, въ слѣдствіе общаго воззванія: «Кто хочетъ дружить Новгороду, тотъ пей зеленое вино до суха!» нашъ Бояринъ невольно высказалъ предъ мужиками свою думу тайную, завѣтную. «Заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные мужики Посацкіе! Возметъ Василій Буслевичъ Новгородъ за себя; править онъ будетъ мужиками Посацкими по своей волѣ; братъ будетъ пошлины даточныя со всей земля: съ лову заячяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ купцевъ пошлины мытныя, а мужикамъ Посацкимъ лежать у ногъ монахъ.» Не пондравилась нашимъ мужикамъ рѣчь эта, и закричали они всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище: незрѣлъ твой умъ; не бывать за тобой Новгороду; потерять тебѣ буйну голову! Не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земля!» Разговарается при этѣхъ словахъ сердце молодецкое пуще прежняго, распалается голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,» говоритъ тогда Буслевичъ мужикамъ Новгородскимъ: «Иду съ вами перевѣдаться.» Встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, встаетъ—не кланяется, да только и видѣли его. Дѣло должно было рѣшиться открытымъ боемъ. Мужики Посацкіе положили между собою: «битися, драться со всею дружиною» (т. е., всѣми силами). Мольбы матери, испуганной за сына, не тронули ихъ; они отринули самые дары, принесенные ею, и хотѣли одной только гибели ея сына: «Намъ не надобно злата и серебра и камня самоцвѣтныя: дорога похваляба Буслайченкова; намъ надобна его буйная голова!» говорили они въ отвѣтъ на ея моленія и дары, и собирались ратью сильною противъ Буслаева. Тогда мать, чуя бѣду, возвратившись домой, догадалася, схватила Ваську въ беремнице, кидала въ погребѣ бѣлокаменныѣ, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Бой долженъ былъ завязаться съ удалыми добрыми мо-

людцами, которыхъ пойлъ и кормилъ Василій Буслаевичъ, т. е.; съ его названными братцами, хотя и не всѣ они могли участвовать въ дѣлѣ, по тому что нѣкоторые въ это время были совершенно пьяны. Посадскіе мужики, разломавши ворота дома Буслаевыхъ, были, однако жъ, оттѣснены въ улицу, гдѣ, послѣ долгаго боя, и отступленія, наконецъ начали брать верхъ надъ строной Василя; но, узнавъ о положеніи дѣла и, вѣроятно, проспавшись, Василій однимъ богатырскимъ напоромъ сокрушаетъ погреба бѣлокаменные, въ которые заключила его мать, и своимъ явленіемъ вдохновляетъ своихъ молодецъ, ломить силу Посадскихъ мужиковъ, устилаетъ ими улицы. Мужики Посадскіе тогда кинулись съ богатыми дарами къ матери, чтобъ она остановила свое милое дѣтище, да не побьетъ онъ ихъ всѣхъ, а оставитъ хоть на сѣмена; но мать, въ свою очередь, не хочетъ ни принять отъ нихъ даровъ, ни слушать моленій и отсылаетъ ихъ съ нечестіемъ. Бой между тѣмъ продолжается, и мужики Посадскіе пишутъ крѣпки записи: «Быть Новгороду за Васью Буслаевичемъ.» Насыпаютъ чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота съ камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ, Амелѣ Тимофѣевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ, поклоняются. «О сударыня матушка! прими ты дороги подарочки, и уйми свое чадо милое, молодца Василя со дружиною? А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, и на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодицъ повѣнчичре, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей съ ремесленныхъ, oprичь Поповъ и Дьяконовъ.» И на томъ ставили рѣчь свою мужики Посадскіе; на томъ окончился споръ между ними и Буслаевичемъ: мать словомъ своимъ и посланнымъ извѣстіемъ къ сыну о покорности мужиковъ, прекратила бой, а Василій принялъ условія и началъ править Великимъ Новгородомъ.¹²¹ Здѣсь духъ прошевова. Боар-

¹²¹ Сопѣтуемъ Г. Соловьеву обратитъ вниманіе на этотъ народный расказъ, чтобъ точнѣе выразишь свою думу о родовомъ бытѣ въ Новгородѣ, о родовомъ бытѣ, изъ котораго онъ хочетъ развить Новгородскую исторію. Напрасно, мы въ памятникѣхъ ищемъ слѣдовъ родоваго быта въ Новгородѣ; ихъ нѣтъ, а мы замѣняъ ихъ всюду слѣды распадена болѣе нежели до семьи. Еще въ 1848 году мы разказывали въ Новгородѣ о существованіи тамъ двухъ церквей, и домъ стѣна объ стѣну, основанныхъ во имя одного и того же Святаго; церкви

скаго, стремленіе къ господству не находятъ, какъ мы уже замѣтили, ни какой прѣграды, какъ только въ чувствѣ семейномъ, въ волѣ матери; а гдѣ эта воля не является посредникомъ, тамъ все опредѣляетъ сила физическая: перевѣсъ ея на сторонѣ Боярина.

Водвореніе власти Княжеской стѣснило этотъ раздоръ между Сторонами, обвозжавъ докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ и лишивъ ихъ прежняго вліянія на область; но движеніе Торговой Стороны противъ новой жизни лишило область раскинушагося надъ нею Княжескаго покрова, и заставило Ярослава ввести докняжескихъ Бояръ въ ихъ прежнія права, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что Князь оставался главнымъ судьей и правителемъ въ области. Усиліе нѣкоторыхъ Князей, потомковъ Ярослава, поставить

гдѣ надвро разрушились, а были основаны, по разсказу, двумя частными лицами, принадлежавшими къ Неревскому Концу и не хотѣвшими бывать въ церкви одинъ другого, хотя этѣ церкви и не были ихъ домашнія. Принимая въ соображеніе, что въ разсказѣ о Буслаевичѣ нѣтъ помину о вѣщательствѣ въ дѣла Буслаевича какой либо Правительственной или Княжеской власти, мы относимъ все главное содержаніе этого разсказа къ временамъ древнѣйшимъ; но замѣчая въ то время слѣды быта новаго въ упоминаніи о Полахъ и Дьяконахъ, въ самомъ имени богатыря разсказа, равно какъ и въ грамотности его, а также въ постройкѣ каменныхъ зданій (бѣлокаменны погребя), мы считаемъ настоящій разсказъ однимъ изъ видоизмѣненій разсказа древнѣйшаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что выраженія Нестора: «Возсташа родъ на родъ; быша въ нихъ усобици, и начаша воевати между собою,» имѣютъ, наметку, простѣйшій смыслъ, нежеле какой думаютъ отыскать въ немъ новѣйшіе наслѣдователи: разсказъ о Буслаевичѣ есть вѣрный, хотя не полный, первообразъ быта Новгородскаго, даже историческаго. Въ нравствѣ Буслаевича мы не можемъ сомнѣваться: во первыхъ, онъ стремится быть правителемъ въ Новгородѣ, а подъ конецъ успѣваетъ въ этомъ, а правители (Посадники) избирались въ Новгородѣ изъ однихъ только Бояръ; во вторыхъ, его отецъ былъ самый подобнымъ правителемъ въ Новгородѣ; въ третьихъ, личность его противопоставляется всему сонмищу людей Посадскихъ, т. е., Торговой Сторонѣ, точно также какъ противопоставлялись этой Сторонѣ Бояре; въ четвертыхъ, народный разсказъ позднѣйшаго времени, видоизмѣняя похождения Буслаевича, причисляетъ его къ высшему сословію—къ Дворянству, въ составъ котораго, съ присоединеніемъ Новгородскаго къ Москвѣ, вошли и Новгородскіе Бояре; слѣдовательно, въ самомъ народномъ сознаніи даже позднѣйшаго времени онъ представлялся лицомъ высшаго сословія. Выписки Руск. народа, въ Собр. пѣсенъ Руск. народа, т. V, стр. 89, 73, 77, 424, 433, 434, 435, 437, 438, 443, и 456.

въ полную отъ себя зависимость старое докняжеское начало, замѣтно, но оно, по выше изложеннымъ причинамъ, осталось безплоднымъ: грамоты, данныя Ярославомъ, торжествовали надъ этимъ усиленіемъ, и, при ослабленіи въ Государствѣ средоточной Великокняжеской власти, при явнымъ движеніяхъ Новгорода противъ новой жизни, при движеніи его къ исключительности, власть Княжеская не находила уже себѣ опоры въ Новгородѣ и, слѣдовательно, поставилась внѣ состоянія поддерживать равновѣсіе правды между двумя враждующими Сторонами, а тѣмъ болѣе поставилась въ это положеніе Посадникъ, игравшій только вторую судебно-правительственную роль въ Новгородѣ. Каждая сторона, при этомъ положеніи дѣлъ, должна была открыто сопротивляться другой. Такъ, дѣйствительно и было; и какъ управленіе, судъ и расправа сосредоточены были во власти Князя и Посадника, то и раздоръ между Сторонами не могъ не выразиться около этихъ точекъ. Мы видѣли уже, какъ подъ 1157 годомъ Стороны стояли открыто въ враждебномъ положеніи нѣсколько дней, готовые другъ противъ друга на бой, за Князя Михаила Георгиевича, при чемъ Торговая поддерживала Князя, а Софійская была противъ него. Между 1257 и 1259 годами младшіе изъ Новгородцевъ сильно волновались, не хотя платити поголовной дани Татарамъ, а въ то же время обвиняя Бояръ своихъ, что они, соглашаясь на эту дань, думаютъ только избыть тягость ея на младшихъ, и въ продолженіи этого времени убили Посадникъ, Михаилъ Степановичъ, и какой-то Миша. Пусть летописецъ молчитъ о виновныхъ въ совершеніи убійства и о томъ, что убійство совершилось открыто при самомъ волненіи младшихъ, но имѣя въ виду открытое тогда волненіе младшихъ противъ распоряженія Невскаго, готовность ихъ на насилія и на бой, сдерживаемые только страхомъ, и принимая въ соображеніе, что Михаилъ высказывался въ пользу Невскаго, мы не можемъ сомнѣваться, что Посадникъ погибъ въ слѣдствіе тайнаго, или открытаго, движенія младшихъ, какъ стоявшій во главѣ Софійской Стороны и принадлежавшій къ одной изъ самыхъ значительныхъ семействъ ея. Въ 1333 году обѣ Стороны, вооружившись, стали одна противъ другой, готовые на междусоборіе, но, къ счастью, подшедшій къ этому времени ледъ, разломалъ Волховскій мостъ и разобщилъ, такимъ образомъ, враждующихъ: о причинахъ вражды летописецъ молчитъ. Въ 1342 году открытая вражда Боярина Онцифора противъ Посадника по-

ставила снова подъ оружіе одну Сторону противъ другой. Подъ 1388 годомъ мы читаемъ въ Новгородской лѣтописи: «Востали три конца Софійской Стороны (слѣдовательно, вся Сторона) на Посадника Осипа Захарыча, ударили въ вѣчевой колоколъ у Св. Софїи, и съ вѣча въ полномъ оружіи, какъ какая ни будь сильная рать, отправились къ дому Посадника, взяли и разнесли по бревнамъ домъ его, самъ же Посадникъ бѣжалъ въ Плотницкій Конецъ. Вся Торговая Сторона (т. е., Концы Плотницкій и Славянскій) поднялись за него, начали грабить и бить людей (конечно, принадлежавшихъ къ противной Сторонѣ), отгоняли силой перевозчиковъ отъ берега, барки и суда изсѣкли. Это враждебное положеніе двухъ Сторонъ продолжалось двѣ недѣли, наконецъ водворился опять миръ между ними, и Посадникомъ, вмѣсто Осипа, избранъ былъ Василій Ивановичъ. Въ 1418 году, въ открытомъ общемъ внутреннемъ полненіи, обнаружались явные слѣды полного недовѣрія и ненависти между Сторонами: «Нѣкто Степанко, по внушенію дьявола, схвативъ Боярина, Данила Ивановича, Божиного внука, и, держа его, закричалъ (вопіяше) къ бывшимъ подлѣ него людямъ: «Ой, друзья, помогите мнѣ противъ этого злодѣя!» Люди же, услышавши его вопль, бросились на Боярина, повлекли его, какъ злодѣя къ вѣчу; избили его до полусмерти (казнили его ранами близъ смерти); ¹²² потомъ утащили его полумертваго съ вѣча и бросили въ Волховъ съ моста. Нѣкто же людина, сынъ Лычковъ, соблазнуя объ участи Боярина, схватилъ его и втащилъ его къ себѣ въ челнъ. Преслѣдовавшіе Боярина закипѣли тогда негодованіемъ противъ этого рыбака, и разграбили домъ его. Спасенный Бояринъ, желая потомъ мстити безчестіе, нанесенное ему Степанкомъ, захватилъ его и началъ мучить, хотя (желая) «вредъ изцѣлвити, паче большую язву въздвиже»... ибо какъ скоро услышали, что Степанко захваченъ, то ударили въ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ Дворѣ: толпы стекались со всѣхъ сторонъ, крича дикимъ голосомъ (кричаху, вопіюще): «По-

¹²² Во II Новгородской лѣтописи (стр. 136) слѣдъ слѣдано слѣдующее замѣчательное добавленіе: «Ваше же и се дивно, или на укореніе богатымъ, обидящимъ убояи, или казнь дѣвола: жена пѣкая, отвергши женскую немощь, взявши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, дасть ему раны (Боярину), яко нечестова, глаголющи, яко обидима еси мнѣ.» И свеавши его (Боярина же) съ сонна, срывуша его съ мосту, яко разбойника и зло дѣюща людемъ много.

идемъ на того Боярина, да и домъ его расхитимъ,» и въ этомъ крикъ слились толпы, все вооружились, и, взявши знамя, хлынули на Козьмодемьянскую улицу (Софійская Сторона), ¹²³ разграбили домъ помянутаго Боярина и много другихъ домовъ; а также на Яневъ (то же Софійская) ¹²⁴ улицъ весь берегъ пограбили. Тогда Козьмодемьянцы ¹²⁵ (жившіе на Козьмодемьянской улицѣ Бойре), опасаясь, чтобъ сторона противная не рѣшилась на что ни будь худшее («да негорѣ будетъ на нихъ»), отняли Степанка у Боярина, чтобъ выдать его своимъ врагамъ, и для этого отправились къ Архіепископу съ мольбою, да перешлетъ его, Степанка, Архіепископъ къ собранію людскому, отъ себя. Святитель же, послуша моленія ихъ, послалъ его съ Поцомъ да съ своимъ Бояриномъ; но когда противная сторона выручила Степанка, то какъ безумная («аки пьяны») вскинула гнѣвомъ на другого Боярина, на Ивана Невлича, жившаго на Чюдинцевъ улицѣ (Софійская); ¹²⁶ разграбила домъ его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и много другихъ домовъ Боярскихъ, даже монастырь Св. Николая, что на полѣ, подѣ предлагать, что будто бы въ этомъ монастырѣ находятся житницы Боярскія. Потомъ, въ то же утро, разграбила множество дворовъ на Легощѣ улицѣ, ¹²⁷ говоря: «Намъ супостаты суть;» когда же; въ слѣдъ за тѣмъ, она бросилась на Друскую улицу (Софійская Сторона), то встрѣтивши уже отпоръ; «и оттолкъ нача злоба множитися:» крибѣжавъ на свою Торговую Сторону, кричали (рѣша), что Софійская Сторона хочетъ на нихъ вооружиться и разграбить дома ихъ; Софійцы, въ свою очередь, опасались нападенія со стороны противной; тогда начали звонить по всему городу; все вооружились, в Софійцы и Торговцы; обе Стороны устремились къ, раздѣлявшему ихъ, Волховскому мосту, какъ на битву («аки на рать»); стрѣлы засвистали; раздаваъ стукъ оружія и падали мертвые, какъ

¹²³ Полн. собр. Руск. глѣт. т. III, стр. 136 и 250.

¹²⁴ Тамъ же.

¹²⁵ На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. глѣт. т. III, стр. 136 и 250.

¹²⁶ Полн. собр. Руск. глѣт. т. III, стр. 79 и 136.

¹²⁷ На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. глѣт. т. III, стр. 136 и 233.

на войнѣ, и отъ возмущенія того великаго «встрясеся весь градъ, и нападе страхъ на обѣ стороны. Слыша же Владыко Симеонъ междоусобную рать промежи своими дѣтьми, и повелѣтъ предстоящимъ събрати сборъ (соборъ) свой... и бысть тишина въ градѣ.»¹³⁸

Такъ двѣ Стороны враждовали одна противъ другой; но каждая изъ нихъ, въ свою очередь, не могла сохранишь единства, и трещина въ Государственномъ зданіи проходила отъ Сторонъ Боярской и Торговой къ Концамъ, отдѣлая Конецъ отъ Конца одной и той же Стороны.

Славянскій Конецъ, отдѣляясь два раза отъ Плотницкаго, дѣйствовалъ одиноко: въ первый разъ противъ Стороны Софійской, во второй противъ нея же и Плотницкаго Конца. Первое отдѣленіе Славянскаго Конца относится къ 1359. Эту одиноко веденную имъ тогда борьбу противъ Стороны Софійской летописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ за грѣхи наши попустилъ дьяволу и злымъ людямъ воспроизвести свое злое дѣло, оныио взяти весь Новгородъ. Славянскій Конецъ отнялъ тогда Посадничество у Андрея Закаровича собственную: своею волею, а не волею цѣлаго города, и тоже своею волею назначилъ въ Посадничество Селиверета Левонтьевича. Все это дѣлалъ: онъ на общемъ вѣчѣ, на Ярославовъ Дворѣ. Обыватели его явились туда съ оружіемъ, и послѣ сильнаго спора съ обывателями Софійской Стороны, спешившими на Ярославовъ Дворъ какъ на совѣщанію, а не на бой, безъ оружія, бросились на нихъ послѣднихъ, разогнали ихъ, и били и пограбляли многихъ Бояръ, а Ивана Борисовича: даже до смерти убили. Возвратившись на свою Сторону, Софійцы вооружились, чтобъ мстити безчестію своимъ; обыватели Славянскаго Конца, съ своей стороны, не выпускали оружія, думая открытою силою защищать противъ Софійцевъ и свое достояніе и свои головы; слѣдующіе за тѣмъ три дня ни сколько не измѣнили враждебнаго положенія другъ къ другу, Софійской Стороны и Славянскаго Конца; послѣдній даже разметалъ въ это время Волховскій мостъ, чтобъ задруднить на паденіе на него Софійцевъ. Тогда посреди враждующихъ явился

¹³⁸ Нов. II-я, стр. 136.

остарившій было, по своему желанію, Архіепископство, Владыка Моисей, съ вновь избраннымъ Архіепископомъ, Алексѣемъ, окруженный Архимандритами и Игуменами, и, благословивъ, сказалъ имъ: «Дѣти! не подвигайтесь на междоусобную брань, не ослабляйте еп, раздоромъ своимъ, силы ваши, нужныя противъ поганыхъ (Шведовъ, Нѣмцовъ и Литвы), да не похвалятся поганые запустѣніемъ святыхъ храмовъ и всего Новгорода!» и Новгородцы приняли слово его, и оставили вражду свою; за всѣмъ тѣмъ села Сильвестровы взяты были на щить и много иныхъ селъ Славянскихъ, а и невиноватыхъ людей тогда много погибло; и дажд. Посадничество Никитѣ Матвѣевичу, и тако смиръшася; не допустилъ Богъ до конца дѣяводу порадоватися, но возвелъченъ былъ Крестъ въ роды родовъ. ¹²⁹ Второе отдѣленіе Славянскаго Конца было въ 1384 году. Открыто враждебное положеніе его и четырехъ другихъ Концевъ продолжалось уже не три дня, а цѣлыя двѣ недѣли; вѣча не умолкали ни у Софійцевъ, ни въ Славянскомъ Концѣ. Дѣйстви за Литовскаго Князя, Патриктя, которому Новгородцы было представили во владѣніе Орѣховъ, Кекогомъ и половину Копорья, обыватели отдѣльнаго Конца сдѣлали попытку къ насилію, бросившись съ вѣча на домъ Тысяцкаго Осипа; но обыватели другого Конца Торговой же Стороны (Конецъ Плотницкій) сдѣлали имъ отпоръ и поколотили ихъ. Сей послѣдній Конецъ, вмѣстѣ съ Софійскою Стороною, поддерживалъ Орѣхсцевъ и Корельцевъ, жаловавшихся на злоупотребленія и притѣсненія Патриктя. 9-го Февраля, для поддержанія своего дѣла, Софійская Сторона отъ обѣдни до вечерни стояла подъ оружіемъ. 10-го Февраля положено было ею, съ Плотницкимъ Концомъ, ударить на Конецъ Славянскій, и принудить его согласиться съ ихъ собственнымъ желаніемъ или рѣшеніемъ, но Плотницкій Конецъ отказался потомъ отъ сего нападенія, не обнаруживая, однако жъ, желанія дѣйствовать за одно съ Концомъ Славянскимъ. Сей послѣдній между тѣмъ, готовый на междоусобіе, вмѣстѣ съ Княземъ Патриктемъ, ожидалъ нападенія съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Софійская Сторона, въ своемъ новомъ вѣчевомъ собраніи, сдѣлала единогласное рѣшеніе относительно Патриктя, и выразила это рѣшеніе въ фор-

¹²⁹ Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 87.

малльномъ актѣ. Въ чемъ оно именно заключалось, намъ не извѣстно, также какъ остается не извѣстнымъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла до окончательной развязки его. 11 числа, однако жь, Славянскій Конецъ все еще ожидалъ нападенія со стороны Софійцевъ, и, желая затруднить его, разобралъ часть Волховскаго моста. Наконецъ только послѣ двухнедѣльной тревоги всѣ Концы согласились на томъ, чтобъ дать во владѣніе Патрикѣя, вмѣсто помянутыхъ городовъ, Ладогу, Русу и Наровскій берегъ. ¹³⁰

Разъединеніе Боярской Стороны, какъ увидимъ ниже, обнаруживалось почти постоянно; но лѣтописцы положительно отмѣтили только шесть случаевъ, гдѣ тотъ, либо другой, Конецъ этой Стороны уже явно отпадалъ отъ другихъ Концовъ, не желая дѣйствовать съ ними за одно, или дѣйствуя противъ ихъ рѣшенія враждебно, или наконецъ дѣйствуя самобытно, безъ ихъ участія, и тѣмъ вызывая ихъ противъ себя. Этѣ явныя отпаденія Концовъ отъ своей Стороны принадлежатъ къ 1215, 1218, 1220, 1289, 1350 и 1421, и всѣ касаются или Неревскаго, или Прускаго, Концовъ.

Прусскій Конецъ не вступалъ въ борьбу открытую противъ другихъ Концовъ и, по своему незначительному населенію, не могъ вступать въ нее: онъ дѣйствовалъ, какъ строптивый слабый противъ неумолимаго сильнаго, употребляя мѣры, которыя никогда и нигдѣ не могутъ быть признаны ни законными, ни нравственными. Такъ, подъ 1215 годомъ лѣтописецъ обвиняетъ обывателей Прускаго Конца въ убійствѣ Овстрата и сына его, Луготы. ¹³¹ Въ 1289 году тайнымъ убійствомъ, совершеннымъ на дворѣ самаго Архіепископа, подлѣ церкви Рождества Христова, Прусскій Конецъ, отдѣлилъ себя отъ другихъ Концовъ Софійской и Торговой Сторонъ, такъ что сіи послѣднія, мстя за убійство, облеклись въ оружіе, обратились на вѣчь около храмовъ Св. Софіи и Св. Николая Чудотворца, двинулись потомъ всѣ вмѣстѣ на сказанный Конецъ,

¹³⁰ Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 93, и IV, стр. 90.

¹³¹ Нов. I, стр. 33: убиша Пруси Овъстрата и сынъ его, Луготу, и въвьргоша и въ греблю мрътъ.»

разграбили его, пожгли дома, при чемъ сгорѣла и церковь во имя Св. Богородицы. ¹³² Такую же страдательную ролю игралъ Прусскій Конецъ съ своими Боярами въ 1350 году: Новгородцы отняли тогда Посадничество у Феодора Даниловича, принадлежавшаго, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ Прусскому Концу; но, не остановившись на этомъ, они, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выгнали помянутаго Боярина изъ города, виѣстѣ съ братомъ его, Михайломъ, и какими-то двумя другими лицами, и при этомъ разграбили не только дома вѣсѣхъ сихъ преслѣдуемыхъ, но и весь Прусскій Конецъ. ¹³³ Отпаденіе Неревскаго Конца имѣло другой совершенно характеръ. Онъ два раза открыто измѣнялъ своей Сторонѣ, когда эта Сторона съ оружіемъ въ рукахъ стояла противъ Торговой Стороны, и одинъ разъ соединился съ сей послѣдней для того, чтобъ самовольно, безъ согласія двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, отмѣнить постановленіе общаго вѣча и сдѣлать, въ замѣнъ его, постановленіе новое, отъ собственнаго своего лица и отъ лица Торговой Стороны.

Подробности борьбы, въ которой Неревскій Конецъ соединялся въ 1218 году съ Торговою Стороною противъ двухъ Концовъ своей Стороны, рассказаны лѣтописцемъ слѣдующимъ образомъ: «Это было къ зимѣ. Биричъ Ябедничъ связалъ Матвѣя Душильцевича. Матвѣй между тѣмъ успѣлъ было убѣжать; но нѣкоторые изъ самихъ же Новгородцевъ, догнавъ его и схвативъ, привели на городище. Вдругъ разнеслась ложь по городу, что Твердиславъ выдалъ Матвѣя Князю. Въ ночь Торговая Сторона ударила въ вѣчевой колоколь у Св. Николая (Ярославово Дворище), а Неревскій Конецъ у Св. Сорока мучениковъ, и сбирались люди на Твердислава. Когда же наступило утро, Князь, услышавъ шумъ и волненіе въ городѣ,

¹³² Тамъ же, стр. 65. Убиша Самойла Ратышничя, на владычѣмъ дворѣ, у вѣсхода у Рожества Христова, по заутрени. Новгородцы же съзвониша вѣче у Св. Софѣи и у Св. Николы, и спидошася въ доспѣсѣ: взяли улицу Прускую и дома ихъ разграбиха, пожгоша улицу всю, и церковь Св. Богородица сьгорѣ.

¹³³ Тамъ же, стр. 85. Выгониха Новгородцы изъ Новгорода Феодора Посадника, и брата его, Михайла, и Юрья и Андръяна, а дома ихъ разграбиха и Прускую улицу всю пограбиха.

велѣлъ отпустить Матвѣя на свободу. Между тѣмъ жители Торговой Стороны, даже самые недоросли (дѣти) облеклись въ брони, двинулись какъ на брань; точно также поступилъ и Неревскій Конецъ; что жъ касается до Загородцевъ, то они не приступили ни къ той, ни къ другой сторонѣ.¹³⁴ Тогда Твердиславъ, возрѣвъ на образъ Св. Софіи (значить на Софійскомъ вѣчѣ), сказалъ: «Естьли я только виноватъ, да погибну здѣсь же! Если же я правъ, то ты, Господи, докажешь предъ людьми правду мою,» и съ Концами Людинымъ и Прусскимъ двинулся на встрѣчу мятущихся. У городскихъ воротъ, подлѣ Волховскаго моста, встрѣтились враждующія стороны и открылась сѣча. Торговая Сторона и Неревляне не выдержали: послѣдніе побѣжали въ свой Конецъ, а первые на свою Сторону, разметавъ за собою мость. Людинъ и Прусскій Конецъ, предводительствуемые Твердиславомъ, переправились на Сторону Торговую въ лодкахъ. «О, великое, братіе, чудо съвади! оканьный диволь, — «продолжаетъ послѣ сего лѣтописецъ;» — кѣгда бѣше брани быти на поганья, тѣгда ся начаша бити между собою, и убиша мужъ Прусь, а Концянъ другій, а оныхъ половиць Ивана Душильцевица, братъ Матеевъ, а въ Неревскѣмъ конци Къснятина Прокопійница, иныхъ 6-ть мужъ; а раненыхъ много (обѣихъ сторонъ);» и такъ въ вѣчахъ прошла цѣлая недѣля. — Въ 1220 году Торговая Сторона снова возстала, дѣйствуя отъ лица правителя-Князя, и двинулась противъ того же Посадника Твердислава, желая изгубить его; за Посадника поднялись поманутыхъ два Конца, Людинъ и Прусскій, и Загородцы; но Неревскій Конецъ отпалъ отъ своей Стороны, хотя не извѣстно, дѣйствовалъ ли онъ открыто съ Торговою Стороною противъ своей Стороны, или, проученный въ 1218 г., отказался на этотъ разъ отъ подобнаго открытаго движенія.¹³⁵ Въ 1421 году тотъ же Неревскій Конецъ не вошелъ въ соѣщеніе съ двумя дру-

¹³⁴ Поселеніе, вѣроятно, позднѣйшее, бывшее за Людинымъ Концемъ и въѣ города.

¹³⁵ Опредѣливъ точно, какія части Новгорода отстаивали Посадника, лѣтописецъ не разъяснилъ составныхъ частей партіи противной, сказавъ только, что, вмѣстѣ съ Княземъ, вооружились противъ Твердислава Новгородцы; или же подъ словомъ: «Новгородцы» лѣтописецъ разумѣетъ однихъ обитателей Торговой Стороны. Мѣсто соединенія партій, противной Посаднику, было около храма младшихъ.

глии Концами своей Стороны, по дѣлу, касавшемуся главнаго народнаго правителя Новгорода, а соединившись съ однимъ изъ Концевъ Торговой Стороны, одѣлалъ съ нимъ послѣднимъ самъ рѣшеніе по этому дѣлу. Лѣтописецъ описалъ это распаденіе слѣдующимъ образомъ: «Возстали два Ковца, Неревскій и Славянскій, за Клементія Артемьина про землю, на Посадника Андрея Ивановича, и вооруженной рукой разграбили жилище его, и дома другихъ Бояръ напрасно; и при этомъ было убито Посадниковыхъ двадцать чело-вѣкъ до смерти, а Неревлянъ два чело-вѣка, и смиришася.»¹³⁶

Такъ издалека уже видны значительныя трещины въ Государственномъ зданіи Великаго Новгорода, трещины, которыя, разваливъ сводъ на двѣ части, разошлись потомъ по всѣмъ пяти угламъ зданія. Меньшія трещины, издали не замѣтныя, при приближеніи становятся замѣтными—зданіе покрыто ими; на самомъ сводѣ еще болѣе трещинъ... Зданіе рухнется непремѣнно!... Но будемъ смѣлѣе, подойдемъ поближе, войдемъ внутрь его....

Мы уже замѣтили, что Софійскую Сторону составляли докняжескіе Бояре. Исключительность въ ея господствѣ имѣла одну виѣшнюю цѣль—не допускать никого до нарушенія этого господства, или иначе: мысль о самомъ господствѣ была и основою и конечною цѣлю сего стремленія къ исключительности; ни какой дальнѣйшей нравственной цѣли оно не имѣло. При этомъ положеніи нравственнаго развитія Новгородскаго Боярства, духъ себялюбія и личнаго соперничества долженъ былъ опредѣлять ихъ отношеніе другъ къ другу и ихъ пути къ достиженію этого господства. Бояринъ не могъ гордиться, высокими нравственно-гражданскими достоинствами, высказывавшимися на дѣлѣ въ его собратѣ, какъ Бояринѣ, а напротивъ этѣ достоинства пробуждали въ немъ духъ недовольства, духъ вражды, по тому что мысль его о господствѣ не облекалась въ нравственныя принадлежности, имѣла, какъ мы уже сказали, конечною цѣлю самое же господство, удовлетвореніе честолюбія, а достоинства, выдвигавшія его собрата предъ толпою впередъ, заслоняли ему дорогу къ господству. По этому же Новгородскій Бояринъ не

¹³⁶ Новгород. II, стр. 140.

могъ оставаться довольнымъ при одномъ господствѣ своей Стороны, всего Боярства, въ лицѣ его прдеставителей, если онъ не входилъ въ число этѣхъ прдставителей прямо, или посредствомъ связей. Въ стремленіи къ завладѣнію дѣйствительнымъ господствомъ должны были сталкиваться Боярскія семьи другъ съ другомъ, и, при отсутствіи нравственнаго начала, развязка въ этѣхъ столкновеніяхъ должна была опредѣляться однимъ лишь стремленіемъ къ господству, а не помысломъ о благѣ, не чувствомъ благоговѣнія къ религіознымъ истинамъ, къ храму, порядку, къ власти, къ судьбамъ родины: ни храмъ, ни порядокъ, ни судьбы родины, не могли найти опоры себѣ въ Новгородскомъ Боярствѣ; и храмъ, и порядокъ, и власть, и судьбы родины, должны были кружиться въ его страшно грубомъ, невѣжественномъ стремленіи къ власти, къ господству, къ удовлетворенію тщеславія. Такими послѣдствіями должна была обнаружиться жизнь Новгородскаго Боярина, искавшаго власти не для чего другого, какъ голько для власти, для удовлетворенія своихъ страстей.

Оно такъ и было.

Въ продолженіи долгаго времени, въ XII и XIII столѣтіяхъ, играетъ важную роль въ этомъ господствѣ одна и та же семья, въ лицѣ отца, сына, внука и правнука. Прадѣдъ Михайлъ Степаничъ назначенный Посадникомъ въ 1180 году, на мѣсто Давида Неревиница, смѣненъ былъ потомъ сямъ же послѣднимъ, но когда именно, не извѣстно; съ 1186 по 1190 онъ снова является Посадникомъ; съдѣсь выступила противъ него другая семья, въ лицѣ Мирошки Нездиница, который, смѣнивъ Михайла Степановича,¹²⁷ сидѣлъ на Посадничествѣ 13 лѣтъ, именно по 1203 годъ; и только добровольное его Постриженіе предъ смертію открыло Михайлу снова возможность сѣсть на Посадничество,¹²⁸ но не надолго; въ 1205 онъ потерялъ опять мѣсто Посадника, уступивъ его сыну

¹²⁷ Томъ же лѣтъ отяща Посадничество у Михала, и вѣдша Мирошки Нездиницо.

¹²⁸ Томъ же лѣтъ преставися Мисошья Посадникъ Новъгородскій, постритъся у Святого Георгія; и потомъ даша посадничество Михалу Степановицу.

помянутаго Мирошки Нездича Дмитрію, ¹³⁹ противъ котораго такъ дико возсталъ Новгородъ въ 1209 году.

Послѣ смерти Дмитрія является на Посадничествѣ опять семья Михайла, въ лицѣ его сына, Твердислава. Противъ него было вѣсколько соперниковъ Бояръ, но онъ торжествовалъ надъ всѣми ими. Дмитръ Якуничъ, который въ 1214 году, принявъ Посадничество отъ Твердислава, уступленное ему симъ послѣднимъ добровольно, какъ старѣйшему, отправленъ былъ Мстиславомъ немедленно же въ Луки, для устройства тамъ крѣпости; послѣ того объ немъ не упоминается въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, а между тѣмъ въ 1214 году на Посадничествѣ мы видимъ снова Твердислава; Георгій Иванковицъ посадничалъ только въ 1215 и 1216 годахъ, а потомъ уступилъ свое мѣсто тому же Твердиславу; Семень Борисовицъ, который былъ на Посадничествѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1219 году, уступивъ оное опять таки Твердиславу. Послѣ Твердислава, съ 1220 по 1230, мы видимъ Посадниками: Ивана Дмитровица, сына, какъ кажется намъ, бывшаго въ 1211 году Посадникомъ Дмитрія Якунича и внука того Якуна, который бѣжалъ изъ Новгорода съ Княземъ Святославомъ и на дочери котораго былъ женатъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Долгорукаго; ¹⁴⁰ потомъ Виѣзда Водовика; съ бѣгствомъ же Водовика въ Черниговъ, послѣдовавшимъ за движеніемъ противъ него въ Новгородѣ, появляется опять та же семья въ лицѣ Степанка, внука Михайла и сына

¹³⁹ Тогдеже оташа посадничество у Михалка, п даша Дмитру Мирошкивицю.

¹⁴⁰ Замѣчая изъ исторіи Михайла Степановича какую-то послѣдовательность въ сохраненіи права на Посадничество, мы не можемъ не допустить, что Посадничество сохранялось только между значительнѣйшими семьями, по крайней мѣрѣ, въ XII и XIII столѣтіяхъ. По этому, для восстановленія въ исторіи связи между лицами сихъ семей, намъ можетъ служить отечество Посадниковъ. Этѣмъ способомъ мы бы безошибочно восстановили для исторіи весь родъ Михайла Степановича, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, потеряли бы связь между лицами и этѣхъ родовъ, если бѣ лѣтописцу, уже при погребеніи послѣдняго ея члена, не вдумалось сказать, что всѣ этѣ лица одна семья, или лучше еще, не вдумалось ему тронуться картиною могилъ прадѣда, дѣда, отца и правнука, правившихъ долгое время Новгородомъ и послѣ кровавой борьбы улегшихся покойно и рядомъ другъ подлѣ друга въ безмолвныхъ могилахъ.

Слава: Степанъ безомѣнно посадничалъ до самой своей смерти, съ 1230 по 1243 годъ. Далѣе мы видимъ Посадникомъ Ананія, а за нимъ, еще при жизни его, въ 1255 году, является сынъ Степанна, Михайло, убитый въ 1257 году, во время движенія младшихъ въ Новгородѣ противъ поголовной дани Монголамъ. Это покойное, по видимому, возвращеніе Посадничества въ руки одной и той же семьи было въ дѣйствительности плодомъ сильной внутренней борьбы между сей семьей и другими Боярскими семьями, борьбы, тѣсно связывающейся съ борьбою двухъ Новгородскихъ Сторонъ и съ борьбою Новгорода противъ враговъ его исключительности. Въ первый разъ борьба эта дѣлается очевидно въ началѣ XIII ст. и находится въ тѣсной связи съ борьбою противъ Всеволода: сказанная семья явно держала сторону противъ Великаго Владимирскаго Князя. Со утвержденіемъ власти сего послѣдняго она появилась на первомъ мѣстѣ недолго (1203—1205), и ее заступала другая семья, въ лицѣ Мирошки Неадинца и сына его, Дмитрія, посадничавшихъ 17 лѣтъ, съ 1189 по 1203, когда умеръ отецъ Дмитрія, и съ 1205 по 1209. Несвоевременность и паденіе власти Всеволода въ Новгородѣ предвозвѣстили гибелью представителя сей послѣдней семьи и вывели снова на первое мѣсто семью Михайла. Точно въ томъ же противодѣйствіи къ Владимирскому Великому Князю находится эта семья и въ княженіи Георгія, сына Всеволода Георгіевича. Когда Новгородцы стали подъ руку Георгія и, не смотря на все препятствія, старались удержать у себя брата его, Ярослава, въ это время Посадничество не въ рукахъ сказанной семьи имъ владѣеть Иванъ Георгіевичъ; но коль скоро Новгородцы, подъ предводительствомъ Мстислава, одержали верхъ надъ Князьями Владимирской области (1116 г.), тогда на Посадничествѣ является опять та же семья. Замѣчательно еще, что Иванъ Георгіевичъ былъ, при своей смѣнѣ, удаленъ Мстиславомъ, вмѣстѣ съ двумя другими Боярами, въ Кіевъ. Послѣднее обстоятельство, какъ бы оно, по видимому, ни было совершенно случайнымъ, зависѣвшимъ будто бы единственно отъ собственной воли Мстислава, говоритъ много. Бевъ особенно важныхъ причинъ, Ивана Георгіевича не удалили бы изъ Новгорода: какія же они могли быть? Борьба Новгорода въ самомъ себѣ, за новое и старое начало, за подчиненность Великому Владимирскому Князю и за исключительность, отражалась въ особенности на главномъ его

чиновникъ-правителѣ, т. е., на Посадникѣ. Противныя стремленія имѣли разныхъ представителей: столкновение этѣхъ стремленій влекло за собою неизбежно столкновение между самими представителями, и это столкновение должно было происходить преимущественно около Посадника, какъ главнѣйшей середины этой представительности, тѣмъ болѣе, что Посадникъ могъ быть кто ни будь одинъ, а отъ занятія Посадническаго мѣста ни кто изъ Боярѣ не былъ прочъ: это льстило ихъ честолюбію и сопряжено было съ обширными преимуществами. При сильномъ и непрерывномъ иногда колебаніи жизни между двумя противоположными стремленіями, Посадникъ, представитель одного изъ этѣхъ стремленій, постоянно себялюбивыхъ, долженъ былъ опасаться вліянія на подвижную народную толпу представителя стремленія противоположнаго, и чѣмъ болѣе могло быть это вліяніе, тѣмъ болѣе должно было пробуждаться опасеніе: каждый представитель видѣлъ въ другомъ личнаго и опаснаго себѣ врага, такъ какъ оба могли употребить другъ противъ друга подвижность толпы. Но если одна сторона успѣвала взять верхъ надъ другою, то представитель первой легко измѣнялъ орудіе гражданской тревоги на орудіе политики, коимъ была для Новгородцевъ воля Князя, за которою они прятались съ своими опасеніями и видами, в которая, при торжествѣ одной стороны надъ другою, являлась сама представительницею торжествующей же стороны и, слѣдовательно, дѣйствующею въ видахъ и въ духѣ ея. Нѣкоторые изъ Боярѣ и самихъ Посадниковъ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій отъ подобнаго столкновенія, сами удалялись изъ Новгорода: Иванъ Георгіевичъ, послѣ смѣны своей, когда Великій Князь Георгій, коего сторону онъ держалъ, потерялъ уже противъ Новгорода битву, оставаясь все еще въ Новгородѣ, и это не могло не тревожить Твердислава, принадлежавшаго, какъ видно изъ выше изложеннаго, къ семьѣ значительной и честолюбивой, тѣмъ болѣе, что Новгородцы понимали уже, что, одержавъ въ рѣшительной битвѣ верхъ надъ силами Ростово-Владимирскихъ Князей, они не освобождались отъ власти сихъ Князей.¹⁴¹ Но Твердиславъ, достигая цѣли и вы-

¹⁴¹ Одержавъ верхъ надъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году, Новгородцы склоняли потомъ главу свою и предъ самимъ Андреемъ, и предъ братомъ его, Всеволодомъ, отцемъ Георгія.

проваживая соперника изъ Новгорода, скрылся за волю Князя Мстислава, который былъ самъ представителемъ той же стороны, къ которой принадлежитъ Твердиславъ. Теперь понятно намъ и то неистовое гоненіе, которое воздвигъ Новгородъ противъ Посадника Дмитрія, его приверженцевъ-братьевъ¹⁴² и дѣтей. Семья къ которой принадлежалъ Твердиславъ, какъ мы уже замѣтили, не встрѣчала въ Новгородѣ болѣе опаснаго соперничества, какъ въ семьѣ, къ которой принадлежалъ Дмитрій Мирошкиничъ; ибо сей послѣдній было вытѣснилъ его совершенно изъ Посадничества: очевидная сила вліянія на Новгородцевъ не могла быть поколеблена, какъ особыми страшными мѣрами, которыя, въ случаѣ неудачи, могли быть гибельны и для семьи соперничающаго, какъ они были гибельны, на пр., въ 1230 году, для Посадника Водовика, о коемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже. Не взволновавъ толпы, не возможно было достичь этого, при силѣ, какую имѣла семья Мирошки Неадинича, и не воспользовавшись особенно благопріятною къ тому минутою. Оно такъ и было. Задѣта была живая струна жизни—исключительность Новгородская, и Дмитрій виноватъ въ стѣсненіи Всеволодомъ этой исключительности; безъ его содѣйствія Всеволодъ никогда не успѣлъ бы достигнуть того, чего онъ достигъ въ отношеніи Новгорода; виноватъ во всемъ этомъ онъ, его семья, его братья, приверженцы, и толпа, жадная къ вещественнымъ выгодамъ, всколыхалась, и совершилась цѣль, желанная соперникомъ, а не толпой: семья Дмитрія погибла, но узда, накинутаая Всеволодомъ, еще три года правила Новгородомъ совер-

¹⁴² Да не покажется читателю выраженіе это, которое мы уже не разъ употребили, страннѣмъ: оно очерчиваетъ ясное объемъ круга семейныхъ связей въ гражданской жизни Новгорода. Приверженцы Дмитрія названы въ лѣтописи его братьями, и по отчеству они очевидно не были ему родные братья. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ были родственниками его, но вообще названы братією въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово братья употребляютъ Новгородскіе лѣтописцы часто, т. е., въ смыслѣ своемъ, составляющіе одно. Такъ, на прим., подъ 1193 годомъ одинъ изъ дружинныхъ, посланныхъ для собиранія дани съ Югры, именуетъ своихъ содружниковъ братією: «яко подумалъ есмь на свою братію» (Нов. I, стр. 26, 30 и 31); такъ Посадникъ Федоръ и Бояринъ Андрей, обвиняемые въ подосланіи убійцы на Боярина Варсоломея, въ отвѣтной рѣчи своей называютъ этого Боярина братомъ: «не думашъ есмы на брата своего, Луку, что его убити, не засылали на него.»

шенно въ прежнемъ духѣ. Замѣчательно, какъ замысль этого ужаснаго дѣла была хорошо обдуманъ: при уничтоженіи семьи Дмитрія достались огромныя богатства сыну Великаго Князя, Святославу, и при томъ не въ наличности, а въ долгахъ, которые нужно было еще взыскать, такъ что скорое возвращеніе изъ ссылки приверженцевъ и дѣтей Дмитрія необходимо повлекло бы за собою и для Святослава, а, слѣдовательно, и для Великаго Князя, потерю всѣхъ этѣхъ богатствъ. Новгородъ пробуждалъ и подкупилъ сребрелюбіе въ самомъ Великомъ Князѣ. Самая минута для приведенія въ исполненіе замысла избрана была благопріятнѣйшая: Дмитрія въ это время не было въ Новгородѣ, и, слѣдовательно, личнымъ вліяніемъ онъ не могъ задержать направленного противъ его семьи движенія въ самомъ началѣ, не могъ оправдаться передъ Новгородомъ въ взведенной на него клеветѣ. Вотъ куда влекли надменность и честолюбіе Новгородскаго Боярина, и вотъ какой обширный объемъ они могли имѣть въ жизни Новгородской, внутренней и внѣшней. Мы говоримъ и внѣшней; ибо, послѣ движенія противъ Дмитрія, оставаясь одинъ шагъ до движенія, совершеннаго Новгородомъ три года спустя подъ предводительствомъ Мстислава, противъ самаго Великаго Князя. Но семья Твердислава, оставаясь долгое время вѣрною самой себѣ, наконецъ, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, какъ мы увидимъ сейчасъ же, нашла сама ту же гибель, которую изготовляла для другихъ Боярскихъ семей. Какъ ни запутаны обстоятельства, какъ ни глубоко молчаніе лѣтописца, о новыхъ явленіяхъ подобнаго рода, послѣдовавшихъ за гибелью семьи Дмитрія и удаленіемъ изъ Новгорода Посадника Георгія Ивановича съ двумя другими Боярами, но мы не можемъ не видѣть въ отдѣленіи Неревскаго Конца отъ другихъ Концовъ Софійской Сторони, подъ 1218 и 1220 годами, мести, которую Концевая братчина воздвигла за себя противъ Твердислава. Борисъ Семеновичъ, избранный въ 1219 году Посадникомъ на мѣсто Твердислава, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ смѣненный снова симъ послѣднимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ къ Неревскому Концу. Еще въ 1218 году, какъ мы уже сказали, весь Новгородъ былъ въ тревогѣ, раздѣлившись на двѣ стороны, изъ коихъ одна открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, требовала смѣны Твердислава, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала противъ него, а другая, столь же открыто и боемъ, его отстаивала. Сія послѣдняя состояла изъ Прускаго и Людина

Конца, а первая изъ Конца Неревского и Торговой Стороны. Въ томъ же самомъ открытомъ раздвоеніи мы видимъ Новгородъ послѣ смѣны Семена Борисовича, или въ слѣдъ за новымъ назначеніемъ Твердислава въ Посадники (1220). Людинъ и Прусской Концы съ Загородцами стояли за Твердислава, готовые на бой, а Неревскій Конецъ отказывался отъ поддержанія его, или, вѣроятноже, дѣйствовалъ еще открыто противъ него за одно съ Торговою Стороною, когда сія послѣдняя, съ оружіемъ въ рукахъ, искала, вмѣстѣ съ Княземъ, гибели Твердислава. Такимъ образомъ Людинъ и Прусской Концы выражаютъ себя въ представительствѣ Твердислава, когда въ то же время Неревскій Конецъ держитъ сторону противную, или, взявши самое крайнее, не раздѣляетъ мнѣнія Прускаго и Людина Концовъ о представительствѣ Твердислава. Въ продолженіи этой борьбы Семень Борисовичъ смѣнялъ въ 1219 г. Твердислава, и эта смѣна, успокоивъ Новгородъ, не возбудила недовольства ни въ Торговой Сторонѣ, ни въ Неревскимъ Концѣ, а только въ Прусскомъ и Людинѣ, которые въ 1220 г. силою отстаиваютъ вновь показавшагося на Посадничествѣ Твердислава. Сдѣсь мы видимъ, что какъ Твердиславу противопоставляется Семень Борисовичъ, точно также и въ то же время противопоставляются Концы Людинъ и Прусскій Концу Неревскому и Торговой Сторонѣ, и если Твердислава поддерживаетъ въ продолженіи этого времени, съ 1218 по 1220, только открытая сила Людина и Прускаго Концовъ, если эта сила постоянно направлена къ одному, именно къ сохраненію Посадничества за Твердиславомъ, то по тому назначеніе Семена Борисовича въ 1219 году на Посадничество было минутною уступкою со стороны помянутыхъ Концовъ, и, слѣдовательно, Семень Борисовичъ не былъ ихъ представителемъ, а былъ представителемъ Неревского Конца и Торговой Стороны. Но такъ какъ изъ Концовъ Торговой Стороны не избирались Посадники, слѣдовательно, Семень Борисовичъ принадлежалъ къ Концу Неревскому, былъ его представителемъ и поддерживался преимущественно имъ. Самыя враждебныя отношенія Семена Борисовича къ семье Твердислава, о которыхъ мы скажемъ ниже, говорятъ положительно о непринадлежности его ни къ Людину, ни къ Прускому Концамъ, державшимъ, какъ мы видѣли сейчасъ, сильно сторону семьи Твердислава. И такъ отпаденіе Неревского Конца, въ 1218 и 1220 году, отъ другихъ Концовъ Софійской Стороны было плодомъ стремленія

этого Конца возвести на Посадничество одного изъ своихъ представительныхъ семей, плодомъ соперничества этихъ представительныхъ семей съ семьей Твердислава. Самая казнь, основанная на клеветѣ и вызвавшая часть толпы противъ порядка, въ слѣдствіе которыхъ, въ 1220 году, Твердиславъ былъ сведенъ съ Посадничества и на его мѣсто назначенъ Семенъ Борисовичъ, по этому, принадлежать также Неревскому Концу. Не замечая, однако жъ, чтобъ который ни будь изъ Концовъ Софійской Сторони, въ томъ числѣ и Неревскій, рѣшили открыто отпасть отъ Концовъ своей Сторони, съ цѣлю возведенія на Посадничество своей представительной семьи, мы, кажется, должны предположить болѣе уважительную причину отпаденія Неревского Конца, въ 1218, 1220 годахъ, нежели одно стремленіе сего Конца возвести на Посадничество Семена Борисовича, или кого либо изъ Внѣри входившихъ въ составъ Конца, и этой причиной могла быть гибель Дмитрія Мирошкинича съ своей семьей и удаленіе изъ Новгорода Георгія Ивановича, или иначе сильная казнь и насиліе употребленныя со стороны самой семьи Твердиславовой, чтобъ удержать за собой Посадничество. Это предположеніе является несомнѣннымъ послѣ того, какъ мы замѣтили, что и Дмитрій Мирошкиничъ съ своимъ отцемъ, и Григорій Ивановичъ, были выставлены явно противъ семьи Твердиславовой, направленной единственно на Людинъ и Пруской Концы. Пусть послѣ этого Твердиславъ клянется предъ образомъ Св. Софій въ своей невинности, когда Торговая Сторона съ Неревскимъ Концомъ одвинула, въ 1218 году, открытое противъ него обвиненіе и движеніе; но обвиненіе было, и, быть можетъ, справедливое, хотя справедливое въ отношеніи только неправды и жестокости семьи Михайла Степановича, высказавшихся къ семье Дмитрія. Честолюбіе его и семья, ея готовность на дѣла кровавыя, для удовлетворенія этого честолюбія, при всей бѣдности разсказовъ, которые мы имѣемъ о соперничествѣ между семьями, высказались невольнѣ подъ перомъ Новгородскихъ летописцевъ. Послѣ удаленія Твердислава изъ Посадничества, въ 1220 году, и посмѣдовавшей ему въ томъ же году смерти, семья его сошла съ первой сцены на Посадническомъ мѣстѣ мы видимъ съ того времени, въ продолженіи почти десяти лѣтъ, двѣ другихъ Боярскихъ семьи, въ лицѣ Ивана Дмитріевича и Внѣзда Водовика, но въ 1230 году сынъ Твердисла-

за, Степанъ, пользуясь однимъ частнымъ, совершенно ничтожнымъ, случаемъ, развилъ свою вражду противъ соперничающихъ съ его семьей другихъ Боярскихъ семей, въ общее волненіе Новгорода, принесть на алтарь ея кровзвѣя челоувѣческія жертвы: погубилъ семью Посадника Водовика, погубилъ и бывшаго соперника его отца, Семена Борисовича. Это событіе Новгородскій лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Возникла ссора между Степаномъ Твердиславичемъ и Водовикомъ Посадникомъ. За перваго изъ нихъ стоялъ Иванко Тимошкиничъ, и били сего Иванка ребята Посадника. Это случилось на Городищѣ. Утромъ же ударили въ вѣчевой колоколъ, толпы собрались на Ярославовомъ Дворѣ (Торговая Сторона), и съ вѣча хлынули на домъ Посадника и разграбили его. Посадникъ въ свою очередь поднялъ весь городъ. Семенъ Борисовичъ держалъ его сторону противъ помянутаго Иванка, а также противъ Якима Влунковича и Прокопія Лаишева. Уже на вѣчѣ, собравшемся вновь, стороны Посадника убила Влунковича, подъ предлогомъ, что онъ будто бы хотѣлъ сжечь домъ Посадника; другимъ послѣдствіемъ этого вѣча было сожженіе дома Прокишнича и разграбленіе многихъ другихъ домовъ; послѣ чего сторона противная искала только какъ бы укрыться отъ преслѣдованія: помянутый Якимъ бѣжалъ къ Князю Ярославу Всеволодовичу, другіе жъ спрятались, но ихъ отыскали и порядкомъ поколотили и обобрали (уративше). Послѣ того Иванко, виновникъ всей тревоги и убійства, былъ пойманъ Водовикомъ Посадникомъ и брошенъ въ Волховъ. Такъ сторона Посадника торжествовала; но не долго, однако жъ, продолжалось ея торжество. 8 Декабря того же года, Князь Ростиславъ, управлявшій тогда Новгородомъ отъ имени отца, Князя Черниговскаго, выѣхалъ въ Торжокъ; 9-го же Декабря убили Семена Борисовича, разграбили домъ и село его, захвативъ и его жену; вмѣстѣ съ тѣмъ разграбили домъ и село Посадника Водовика, бывшаго въ это время въ Торжкѣ съ Княземъ Ростиславомъ, домъ и село брата Посадникова, Михайла; дома Даньслава, Бориса Тысяцкаго и многихъ другихъ. Самъ Тысяцкій успѣлъ убѣжать въ Черниговъ, куда бѣжали также Посадникъ Водовикъ, сынъ его, Петръ, и братъ Михайлъ. На мѣсто Водовика назначенъ Посадникомъ Степанъ Твердиславичъ; Тысяцкаго мѣсто также занялъ другой. Все имущество Посадника Водовика и убитаго Семена Борисовича было раздѣ-

лено. ¹⁴² Сынъ Степана, Михайлъ, достигъ до мѣста Посадническаго точно такимъ же путемъ, какъ и его отецъ, готовый пожертвовать своимъ товарищемъ Бояриномъ, благородно ставшимъ въ 1255 году между имъ и младшими Новгородцами, съ словами: «Братія! убейте меня прежде, чѣмъ вы убьете Михайла!» когда сіи послѣдніе, полные гнѣва и ярости противъ сына Степанова, готовы были устремиться на гибель его. ¹⁴³

Вотъ дѣла лучшихъ Новгородцевъ. Но оглянемся назадъ, повторимъ вкратцѣ, для ясности, исторію соперничающихъ за Посадничество семействъ, съ 1180 по 1255 годъ. ¹⁴⁴

¹⁴² Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 46.

¹⁴³ Отношенія Посадника Михайла къ Посаднику Аванію лѣтописецъ объясняетъ въ двухъ мѣстахъ и слѣдующимъ образомъ: подъ 1255 годомъ: Ованіи «не вѣдаше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого лти, а Посадничество дати Михалку;» подъ 1257 г.: «я къ Госпожину дни умре Ованья Посадникъ, а на аму убиша Михалка Посадника Новгородца; аще бы кто добро другу чинилъ, то добро было, а копая подъ другомъ аму, самъ ся въ ню вѣвалитъ. Тамъ же стр. 55 и 56.

¹⁴⁴ Мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣмъ разбѣромъ этѣхъ козней Боярскихъ семей другъ противъ друга; во первыхъ, по тому, что мы отклонились бы подробнымъ изслѣдованіемъ этого предмета отъ главной своей цѣли; во вторыхъ, по тому, что лѣтописцы, безъ всякаго сомнѣнія, передали намъ свѣдѣнія не обо всѣхъ тревогахъ, порождавшихся этѣми казнями, * и рассказывая о другихъ тревогахъ, или вовсе не разъясняютъ причинъ ихъ, или разъясняютъ только кратко, намекомъ, или же указывая, что именно клевета породила тревогу, не доходя до источника, откуда эта клевета истекла и съ какою именно цѣлю была распушена. Но мы можемъ положительно сказать, что в страдательное положеніе Прускаго Конца въ 1350 г. было чистымъ плодомъ казней Боярина Онцифора Луквина. Событіе сіе стоитъ въ видной связи съ событіемъ 1342 г. Еще и въ семь послѣднемъ году Онцифоръ подымалъ тревогу въ цѣломъ городѣ и искалъ гибели главнаго изъ лицъ, пострадавшихъ въ 1350 г. Онъ еще тогда, какъ это мы объяснили, требовалъ отъ

* Это можно заключить изъ сравненія одной лѣтописи съ другой. На прим., движеніе Нервскаго Конца съ Торговою Стороною противъ Посадника въ 1321 году, когда дома Посадника и другихъ Бояръ были разграблены и двадцать два человека убиты; это движеніе оставлено безъ вниманія составителями 1-й Новгородской лѣтописи, весьма, однако жъ, богатой подобнаго рода свѣдѣніями. Тревога, грабежъ, убійство—были обычны въ Новгородѣ.

Этѣхъ соперничающихъ семей съ 1180 по 1257 годъ мы видимъ восемь: 1, семья Михайла Степановича; 2, Давида Нереневича; 3, Мирошки Нездинича; 4, Дмитрія Якунича; 5, Семена Борисовича; 6, Ивана Георгіевича; 7, Водовика, и 8, Ананія. Главная изъ нихъ была семья Михайла Степановича: въ про-долженіи 77 лѣтъ она торжествуетъ своимъ первенствомъ надъ

Новгорода мести за отца, будто бы погибшаго въ слѣдствіе коварства со стороны Посадника Ѳедора Давидовича, подославшаго, какъ онъ показывалъ, убійцу погубить его отца, хотя положительно извѣстно, и онъ самъ объ этомъ не могъ не знать, что его отецъ погибъ въ слѣдствіе своей отваги въ битвѣ съ Заволочанами. Но клевета, взволновавъ Новгородъ, не вполне удовлетворила его; ибо если Ѳедоръ Давидовичъ и не удержался тогда на Посадническомъ мѣстѣ, однако жъ чрезъ два года снова занялъ его (1347). Въ 1350 году Онцифоръ достигъ уже желаннаго вполне: столкнувъ Ѳедора Давидовича, занялъ его мѣсто самъ, и, преслѣдуя соперника, окончательно погубилъ его, выгнавъ его изъ Новгорода, вмѣстѣ съ братомъ его и двумя другими Боярами, расхитивъ и разоривъ ихъ имущество, пограбивъ и весь Конецъ, къ которому принадлежалъ Ѳедоръ Давидовичъ и который, конечно, поддерживалъ послѣдняго, какъ своего представителя. Мы даже можемъ объяснить себѣ, за что именно Онцифоръ рѣшился такъ дѣйствовать противъ Ѳедора и Прускаго Конца, если соберемъ разбросанныя въ лѣтописи краткія свѣдѣнія о положеніи Ѳедора Давидовича въ Новгородѣ и о роляхъ, которую онъ игралъ тамъ. Съ 1332 по 1350 онъ вытѣснялъ всѣ Боярскія семьи съ Посадническаго мѣста, четыре раза смѣнялся ими и четыре раза вытѣсняя ихъ. Личность Онцифора задѣта была этѣмъ страшно: еще дѣдъ Онцифора, въ 1332 году, долженъ былъ уступить Посадническое мѣсто Ѳедору; Ѳедоръ смѣнялъ въ томъ же году и пріятеля Онцифора, Матвѣя Коску, который, быть можетъ, въ мсть за то, такъ усердно помогалъ Онцифору противъ Ѳедора въ 1342 году; Ѳедоръ смѣнилъ наконецъ и дядю Онцифора, Матвѣя Варолюмеевича, уже послѣ того, какъ Онцифоръ было успѣлъ одержать надъ нимъ временныйъ верхъ, посадивъ на мѣсто его помянутаго дядю, Матвѣя. Вотъ кто былъ Ѳедоръ Давидовичъ, и вотъ что тревожило Онцифора и заставляло его клеветать на Ѳедора еще въ 1342 году. Но и здѣсь не начало казней: начало скрывалось далѣе. Онцифоръ не очень льстился Посадническимъ мѣстомъ: онъ добровольно потомъ отказался отъ него. Бояривъ этотъ былъ человѣкъ отважный, неразсудительный, простой, религіозный, однимъ словомъ, былъ вполне, какъ увидимъ ниже, сказочный герой Василій Буслаевичъ XIV столѣтія, и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Ѳедора былъ, какъ мы полагаемъ, орудіемъ козней своей стороны, которая воспользовалась только семейными отношеніями Онцифора къ Ѳедору и потревожила большое мѣсто души Онцифора. Ѳедоръ Давидовичъ, какъ увидимъ ниже, былъ представителемъ Торговой Стороны.

всѣми остальными Боярскими семьями. На семьи Давида Неревича и Дмитрія Якунича она не смотритъ, какъ на лично соперничающія, и онѣ въ дѣйствительности, достигая Посадническаго мѣста, остаются на немъ самое короткое время, какъ будто бы для того только, чтобъ другія семьи успѣли въ это время повѣрить свои силы и опредѣлить, которой изъ нихъ должно располагать дѣлами Новгорода. Напротивъ семьи Мирошки Нездича, Семена Борисовича и Водовика были въ кровавой враждѣ съ нею и надолго вытѣснили ее изъ Посадничества. Она сама открываетъ эту вражду, и въ этой враждѣ Бояре раздваиваются: одни поддерживаютъ всѣми силами сомяу Михайла Степановича, другіе не хотятъ подчиняться ей, и выставляютъ, въ лицѣ сказанныхъ трехъ семей, своихъ представителей. Въ этой же борьбѣ принимаетъ самое живое участіе и Торговая Сторона. Семья Михайла Степановича до конца остается вѣрною самой себѣ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописцы представляютъ достаточныя данныя, она является представительницею Новгородскаго вельможества. Противъ Твердислава, сына Михайла Степановича, въ 1218 и 1220 году, Торговая Сторона два раза подымалась открыто. Внуку Твердислава, соименникъ своего прадѣда, открыто враждовалъ съ Стороною Софійской противъ Стороны Торговой. Другія данныя, сообщаемыя по сему предмету лѣтописями, ведутъ насъ къ тому же самому заключенію. Мы видѣли, что Семень Борисовичъ былъ выставленъ противъ Твердислава; а какъ Твердиславъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, былъ представителемъ стороны вельможеской, по этому Семень Борисовичъ былъ представителемъ стороны, въ которой главную дѣйствующую роль играетъ Торговая Сторона, враждовавшая противъ Твердислава. Семень Борисовичъ не устоялъ въ этой борьбѣ, и въ томъ же году уступилъ Посадническое мѣсто опять Твердиславу, но, сходя на второй планъ, онъ остается вѣрнымъ себѣ и продолжаетъ борьбу противъ сына Твердислава, Степана Твердиславича. Его тѣсная связь при этомъ съ Посадникомъ Водовикомъ указываетъ положительно на однородность Стороны, которой держался и тотъ и другой изъ нихъ, т. е., и Семень Борисовичъ и Водовикъ; по этому нельзя не допустить, что самъ Водовикъ былъ представителемъ Торговой Стороны, а сынъ Твердислава, открытый врагъ того и другаго, стороны противной. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ, что Тысяцкій держалъ

также сторону Семена Борисовича и Водовика; ибо известно, что Тысяцкіе были представителями среднего сословія. Такимъ образомъ несомнѣнно, что сынъ Михайла, Степановича, Твердиславъ, внукъ Степанъ и правнукъ Михайло стояли во главѣ думъ Новгородскаго вельможества, были представителями его. Припоминая при семъ выше сдѣланное нами замѣчаніе, что сія же семья была вмѣстѣ съ тѣмъ представительницею Новгорода въ борьбѣ сего послѣдняго съ Всеволодомъ и Георгіемъ, стремившимися сломать старину Новгородскую, мы не можемъ сомнѣваться, что самая эта борьба была преимущественно борьбою Новгородскаго вельможества противъ новой жизни. Древніе правители, по этому, располагаютъ дѣлами Новгорода въ XII и даже XIII столѣтіяхъ: постоянное и продолжительное поддержаніе сказанною семьею своего вельможескаго правительственнаго значенія подтверждаетъ это несомнѣнно. Во второй же половинѣ XIII столѣтія борьба между Сторонами измѣняетъ характеръ внутренняго и внѣшняго быта Новгорода. Софійская Сторона, послѣ продолжительной борьбы, начинаетъ сознавать силу Стороны Торговой, и дальнѣйшая борьба Новгорода противъ новой жизни, съ своими безобразными явленіями жестокости и безвластія, принадлежитъ уже преимущественно Торговой Сторонѣ, которая долгое время опиралась на помысль о Князѣ, единственно для того, чтобъ только сломать вельможество, и дать за тѣмъ просторъ своимъ собственнымъ користолюбивымъ цѣлямъ и страстямъ. Гибель сказанной семьи, въ лицѣ правнука Михайла, полагаетъ начало этому торжеству для Стороны Торговой. Выводъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно совпадаетъ съ предшествующими и дальнѣйшими явленіями исторіи Новгорода, и событія, разъединенныя временемъ и, по видимому, основаніями, сливаются въ немъ въ одно живое цѣлое.

Теперь становится намъ нѣсколько яснымъ и безпримѣрное разложеніе Новгорода въ основныхъ началахъ при Георгіѣ Всеволодовичѣ, когда сынъ возсталъ на отца, отецъ на сына, господинъ на раба, и рабъ на господина, когда сами Бояре, этѣ представители старины, давали клятву держаться за старину, и измѣняли клятвѣ и держались за новую жизнь. ¹⁴⁵ Это было не

¹⁴⁵ См. выше.

нѣбжно во всякомъ случаѣ для Новгорода при быстротѣ рѣшенія вопроса, касающагося общихъ выгодъ. Жизнь новая нѣвѣ наставляла на своемъ, требуя отъ Новгорода преобразованія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, пожертвованій; старое правительственное начало боролось противъ нея; Торговая Сторона, какъ мы видѣли въ движеніи ея противъ вельможества, не могла не употреблять мѣръ, противорѣчащихъ основамъ ея финансоваго быта, чтобъ только защитить свои выгоды отъ вреднаго вліянія стараго порядка, не могла не желать содѣйствія извнѣ противъ этой старинны, и она во имя Князя открыто возставала противъ старинны, противъ Боярѣ; личные отношенія между вельможескими родами раздвѣивали при этомъ самую Боярскую сторону, и часть ея, въ лицѣ Неревскаго Конца, какъ мы видѣли уже, соединялась съ Торговой Сторонѣй. При Всеволодѣ и вельможество и Торговая Сторона дѣлали многія уступки въ пользу новой жизни: значить, видѣли необходимость въ этѣхъ уступкахъ; но дѣлая ихъ, они противорѣчали себѣ, и внутренно были полны недовольства, если исключимъ изъ этого добрыхъ Новгородцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ; по чему нужно было только явиться между ними военному генію Мстислава, чтобъ они бросились вырвать изъ рукъ Всеволода сдѣланныя уже ими уступки; но тщетно! Геній Мстислава далъ имъ возможность достигнуть этой цѣли, даже почти безъ битвы; а между тѣмъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, по жизненнымъ припасамъ, однимъ словомъ, по своимъ важнымъ вещественнымъ выгодамъ, Новгородъ оставался и послѣ того въ полной зависимости отъ великихъ Владимирскихъ Князей. Этѣ выгоды заставляютъ Новгородцевъ снова преклониться предъ Владимирскими Князьями, ставятъ ихъ снова въ противорѣчіе съ самими собою, раздвѣиваютъ ихъ на двѣ части, изъ коихъ каждая можетъ имѣть своихъ Дмитріевъ и своихъ Твердиславовъ изъ среды Боярѣ разныхъ Концовъ. "Новая жизнь, между тѣмъ, въ лицѣ Георгія и брата его, Ярослава, полная силы и мощи, опережая народное развитіе, задумала снова неожиданно уничтожить сторону Твердислава, и заставить, такимъ образомъ, Новгородъ под-

¹³⁰ Дмитрій представитель Новгорода по уступкамъ; Твердиславъ сосредоточивалъ въ себѣ партію противную. См. выше.

чиниться ея требованіямъ. Это рѣшеніе было выражено Георгіемъ и Ярославомъ со всею твердостію; и обращенія исключительности съ поклономъ и просьбами къ новой жизни были тогда напрасны: подъ знамена Георгія и Ярослава собирались силы дѣлаго Великаго Княжества. Въ столь затруднительномъ положеніи Новгородъ не могъ не раздвоиться: одни изъ Новгородцевъ, избѣгая во всякомъ случаѣ вредной тяжбы съ Княземъ Владимірскимъ, даже вредной и въ случаѣ удачи, могли быть готовы, какъ и при Всеволодѣ, покориться требованіямъ новой жизни; другіе, напротивъ, во что бы то ни стало, держались старины, или отрицали требованія новой жизни. Зависимость въ вещественномъ отношеніи отъ Князей Владимірскихъ Новгородъ со временъ Всеволода сознавалъ ясно. Тяжба съ нимъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ становилась затруднительнѣе, съ большимъ и большимъ утвержденіемъ помысла о Князѣ и съ большимъ и большимъ сосредоточеніемъ въ ней всѣхъ началъ, потерявшихъ было всякую связь, стоявшихъ даже въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Порабощеніе нравственнаго начала началомъ выгодъ вещественныхъ не давало возможности рѣшить предложенный жизни вопросъ общимъ покойнымъ совѣщаніемъ, взаимными уступками, нравственнымъ убѣжденіемъ, а вопросъ между тѣмъ предложенъ былъ къ разрѣшенію слишкомъ быстро и круто, и подъ угрозами, опиравшимися на силу: трудно было опредѣлять, при какомъ рѣшеніи выгоды Новгорода болѣе пострадаютъ. Личныя отношенія между семьями порождали еще большее раздвоеніе. Въ такомъ положеніи долженъ былъ находиться Новгородъ, когда новая жизнь, въ лицѣ Георгія и Ярослава, рѣшилась однимъ ударомъ сломать старину его: рѣшеніе Новгорода двоялось. Но было еще одно важное обстоятельство, которое окончательно разрывало связи семейно-религіозно-гражданскія: это матеріальныя силы стороны, державшейся стараго порядка, или отрицавшей порядокъ новыи. Тѣ, которые готовы были на уступку, въ случаѣ предъявленія своихъ мнѣній на вѣчачь, были бы избиты и потоплены въ Волховѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ Новгородѣ, въ такихъ случаяхъ, съ людьми, не опиравшимися на силу, и они не надѣются въ семъ отношеніи ни на отца, ни на сына, ни на раба, ни на господина, ни на самое Небо, предъ которымъ клянутся и лгутъ, чтобъ только затантъ свои мнѣнія предъ противниками и не погибнуть, но надвѣются на силу,

которую располагають Георгій и Ярославъ, и устремляются въ станъ ихъ. При семъ мы не можемъ не замѣтить, что къ этому времени могло уже быть сознаніе въ вельможествѣ о близкомъ торжествѣ ередняго сословія. Оно само теперь, Новгородское вельможество, могло искать опоры противъ Стороны Торговой. По этому борьба между душой объ угрожающемъ паденіи и душой о матеріальной необходимости въ новой жизни для того, чтобы, опираясь на силы ея, сохранить за Боярствомъ правительственное значеніе, возмущаетъ вельможескія семьи. Имъ грозитъ бѣда съ двухъ сторонъ: они должны признать полнымъ господиномъ своимъ Князя чуждаго, если уступить первенство свое Торговой Сторонѣ. Вельможеству та и другая мысль была чуждою и страшною; не для размышленія объ этомъ оставался одинъ моментъ: отцы не согласились съ дѣтьми, а дѣти съ отцами, изъ одной и той же семьи одни стали подъ знамя новой жизни, другіе подъ знамя старыни. Вельможеству Новгородскому видимо было не по силамъ разрѣшеніе всѣхъ Государственныхъ вопросовъ, которые предлагала жизнь: съ одной стороны, какъ мы замѣтили, въ немъ недоставало для этого нравственныхъ началъ; съ другой, не ограниченныя требованія и кичливость Торговой Стороны не позволили покойнаго сужденія, и даже возможности удовлетворить эту Сторону, потому что удовлетвореніе одного требованія, при грубой, невѣжественной заносчивости Стороны, должно было породить новыя требованія, какъ это было въ отношеніяхъ ея къ Князьямъ.

Раздвоеніе, въ которомъ мы не разъ находимъ Софійскую Сторону, положительно говорить, что она въ самой себѣ не была единомысленна, а средства, къ которымъ ея сторонники прибѣгали, доказываютъ, что она была не разборчива на эти средства и, не удерживая ни сколько вражды между семьями, сама создавала орудія, губительныя для ея собственнаго значенія, губительныя для жизни всего Новгорода, орудія разрушительныя для порядка. Мы знаемъ теперь, что семьи выставляли соперниковъ правдѣ толпою народа измѣнниками, и своею клеветой странно колебали толпу народную, и безъ того уже слишкомъ подвижную. Мы знаемъ, что клевета противъ Посадника Дмитрія до такой степени взволновала массу народную, что она не хотѣла даже дать мѣста для погребенія этого Посадника, и бросила бы трупъ его въ Волховъ, если бы

не задержалъ ее Архіепископъ. Мы знаемъ, что вражда между семьями не удержалась, чтобъ не возволновать толпу народную противъ Твердислава, и для этого въ 1219 году распущены даже объ немъ ложные слухи, что будто бы онъ наѣзнилъ Новгороду. Мы знаемъ теперь, что вражда между семьями два раза волновала толпу народную при Посадникѣ Водовикѣ, и въ этомъ волненіи убитъ Бояринъ Семенъ Борисовичъ, убитъ Влукновичъ и какой-то Иванко съ братомъ брошены въ Волховъ. Мы знаемъ, какъ при этѣхъ волненіяхъ жглись и грабились дома и села Бояръ Новгородскихъ; мы знаемъ, что личности между семьями разозрились въ конецъ семьи Посадника Дмитрія, Посадника Семена Борисовича, Посадника Водовика, Посадника Федора и брата его Михайла; знаемъ, наконецъ, какъ семьи, увлекаясь личной враждой, выбрасывали изъ среды Новгорода собственныхъ своихъ собратій и заставляли скитаться на чужбинѣ. Не припоминаемъ уже другихъ черныхъ явленій жизни Новгородской, которыя, по нашему мнѣнію, были плодомъ тѣхъ же личностей между семьями, если и совершались не безъ участія въ нихъ взаимной вражды между сторонами. ¹⁴⁷

И при этомъ свойствѣ дѣйствій вельможество Новгородское думаетъ сохранить свое значеніе! Нѣтъ, старшіе въ Новгородѣ,

¹⁴⁷ Гибель нѣсколькихъ Новгородцевъ въ 1134 году: «Почаша мѣлвити о Судальстѣи войнѣ Новгородци, и убиша мужъ свои, и съвергоша ѿ съ мѣста;» гибель Георгія Жирславича въ 1136 г.: «убиша Гюргя Жирславича ѿ съ моста съвергоша;» позорное и жестокое преслѣдованіе Посадника Якуна съ братьемъ его, Проконіемъ, въ 1138 году: «мало не до смерти убиша, обманывъше аю мати родила, и съвергоша ѿ съ мосту; но Богъ избави—прибрече къ берегу, и боги его не биша, но взяша у него 100 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ,... и заточиха Якуна въ Чюдъ съ братомъ, сковавъше и рудѣ къ шь;» гибель Посадника Захарія, Боярина Неревина и Нѣады въ 1167 году: «убиша Захарію Посадника, и Неревина, и Нѣаду бирца, аю твердохуть е перевиѣтъ держаче къ Святославу;» бѣгство Посадника Константина и преслѣдованіе нѣкоторыхъ Бояръ еще въ 1137 году; гибель Боярина Миши въ 1237 году, державшаго въ 1230 г. сторону Торговой Стороны: «тоя же зими убиша Мишу;» убійство-совершенное въ 1289 году, и послѣдовавшее за тѣмъ разореніе Прускаго Конца, вооруженное нападеніе въ 1421 г., когда разграбленъ былъ домъ Посадника Андрея Ивановича съ домами другихъ Бояръ, и убито двадцать два человека, и проч.

наставники и руководители его, были слѣдственно горды, слѣдственно безжалостны, живы, слѣдственно привязаны къ земнымъ выгодамъ. Они должны были пасть: ихъ Вѣра была безъ дѣлъ, или, напротивъ, была полна дѣлъ, не согласныхъ съ духомъ истинной Вѣры, съ духомъ нравственности.

Да, соперничество между Боярскими семьями, съ его кознями, вызывавшими толпу народную на самыя беспорядочныя движенія, съ его убійствами, тайными и явными, съ клеветами, съ намѣнами общимъ выгодамъ Новгорода, какъ отдѣльной, подобно Чернигову, Полоцку, Галичу, общинѣ, не могло не колебать все болѣе и болѣе значенія Боярскаго, уваженія къ Боярамъ со стороны младшихъ Новгородцевъ, и наконецъ не сдѣлать изъ нихъ тѣхъ супостатовъ, какими объявили ихъ младшіе Новгородцы, при движеніи своемъ противъ нихъ въ 1418 году.

Съ постепеннымъ паденіемъ Боярскаго значенія должно было послѣдовать и паденіе значенія самаго Посадника, какъ представителя Бояръ, и постепенное усиленіе младшихъ на избраніе Посадника. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ то и другое.

Паденіе значенія Посадника ясно уже обнаруживалось беззащитностію его положенія, въ случаѣ недовольства на него и преслѣдованія или со стороны Сторонъ, или Концовъ, или частныхъ лицъ. Примеровъ этому мы имѣемъ уже много. Вспомнимъ только Михаила Степановича, убитаго безъ суда и изслѣдованія въ 1257 году младшими; или положеніе Федора Климовича, въ 1342 и 1350 годахъ, три раза уже избираемаго въ Посадники, а потомъ, когда ввѣдывалось Боярину Онцифору погубить его, бросившаго отправленіе своей должности и бѣжавшаго отъ глупой толпы, возбужденнаго противъ него самаго, низшаго народонаселенія Новгорода, въ Копорье, и наконецъ вытребованнаго оттуда для оправданій противъ обвиненія бездоказательнаго, или лучше еще, противъ явной козни, и безъ вины сѣзченнаго, а потомъ, послѣ назначенія его снова въ Посадники (въ 1347 г.), раззореннаго и изгнаннаго изъ Новгорода. Такимъ же точно образомъ и другъ Федора, Андрей Захарьевичъ, раздѣлявшій съ нимъ и бѣгство въ Копорье, и грабежъ со стороны черни, не нашелъ себя, въ 1369 году, за-

цятниковъ, когда одинъ изъ Концовъ Торговой Стороны задумалъ его смѣнить, и конечно, по тому не нашель защитниковъ, что одинъ изъ членовъ той же соперничествовавшей съ Федоромъ семьи, "за смѣною его, занявъ его мѣсто.

Постепенное усиленіе вліянія младшихъ на избраніе Посадника выразилось такими рѣзкими и многозначительными дѣлами, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ немъ нѣсколько подробнѣе.

Данныя по этому предмету почти всѣ уже нами переданы, и намъ остается только рассмотреть ихъ въ совокупности, разлѣнить связь ихъ между собою.

Если мы сравнимъ младшихъ Новгородцевъ начала XIII ст. съ тѣми, чѣмъ они являются потомъ, ровно черезъ два столѣтія, мы не можемъ не поражаться разностію въ положеніи тѣхъ и другихъ, въ отношеніи Посадника. Въ 1218 году Торговая Сторона, при живомъ содѣйствіи даже одного изъ Боярскихъ Концовъ (Неревскаго), не имѣла столько силы, чтобъ удалить не желаннаго ея Твердислава съ Посадническаго мѣста; въ 1219 году, уже послѣ смѣны Твердислава, ея голосъ съ голосомъ Неревскаго Конца ни чего не значилъ противъ голоса двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, и не могъ ни удержать отъ удаленія Посадника. Семена Борисовича, представителя ея и Неревскаго Конца, ни уничтожить назначеніе въ Посадника, противъ ея воли и воли сего послѣдняго Конца, снова не желаннаго ими Твердислава. Въ 1220 году борьба опончилась также торжествомъ двухъ Боярскихъ Концовъ, которые силою поддерживали своего представителя и заставляли Торговую Сторону отказаться отъ открытаго противодействія ея избранію; ибо только послѣ этого формальнаго торжества двухъ, поддерживавшихъ его избраніе, Концовъ, Твердиславъ самъ добровольно отказался отъ своего Посадничества и удаленъ въ монастырь. Такъ безсилно, по видимому, было тогда вліяніе Торговой Стороны

¹²⁸ Двоюродный братъ Онцфора, Никита Матвѣевичъ, назначенный въ Посадники, послѣ уничтоженія открытою силою Софійской Стороны избраніи, сдѣланнаго Концомъ Стороны Торговой.

на избраніе Посадника, и при этомъ безсиліи, въ отношеніи до Княжескихъ Бояръ, она дѣйствуетъ еще не отъ себя, даже, какъ будто; не за себя, а отъ лица Князя, въ исполненіе воли его, для поддержанія его (въ дѣйствительности это было обратно), или если дѣйствуетъ и отъ себя, но не одна, а имѣя на своей сторонѣ цѣлую Концевую братчину Бояръ и волю самаго Князя. Князь стоитъ тогда во главѣ ея и, требуя исполненія ея думы, онъ выдаетъ только эту думу за думу собственную.¹⁴⁹ Но что жъ мы видимъ въ 1448 году? Посадникъ Боярской Стороны уже не ея Посадникъ: она сама, безъ Князя, противопоставляетъ Боярству своего собственнаго, въ лицѣ Боярина Василя Осиповича; она съ этимъ Посадникомъ требуетъ отъ Бояръ господства ея голоса, господства ея суда, судить ихъ силою; мало того, заставляетъ Софійскую Сторону поклониться измѣнившему своей сторонѣ Боярину-Посаднику; чтобъ онъ съ Торговой Стороной оставилъ только открытую вражду противъ Стороны Софійской. Перемѣна страшная, хотя не пзбѣжная!

Уже и въ XIII столѣтіи можно было предвидѣть подобную развязку. Уже тогда Софійская Сторона стояла въ оборонительномъ положеніи, подобно тому, какъ въ 1157 году стояла въ оборонительномъ положеніи сама Торговая Сторона;¹⁵⁰ и пусть себѣ Твердиславъ добровольно отказался отъ Посадничества и удалился въ монастырь, но три года непрерывныхъ опасеній предшествовали его добровольному удаленію, а внукъ его, тоже Посадникъ, во вто-

¹⁴⁹ Такъ, въ 1220 году, она дѣйствовала, противъ Посадника Твердислава, непосредственно отъ лица Князя Всеволода. За два года передъ тѣмъ обѣ Стороны стояли въ тѣхъ же отношеніяхъ къ тому же самому Посаднику, и хотя Торговая Сторона обнаруживала движеніе не отъ имени Князя, но она смѣло и безошибочно могла полагаться на него, по тому что Князь открыто на вѣчь объявлялъ, чрезъ своего чиповника, требованіе, совершенно согласное съ думой движенія Торговой Стороны; сверхъ того, Торговая Сторона открыва движеніе не одна, а съ однимъ изъ бывшихъ Кошцовъ. См. выше.

¹⁵⁰ Бысть котора зла въ людехъ, и вѣсташа на Князя Мьстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити изъ Новагорода; тѣрговый же полъ сташа въ оружіи по немъ и съвадишася братья..... мало же крови не проляша межи собою..... И..... бѣжа Мьстиславъ изъ города. Новг. I, стр. 12.

рой половинѣ XIII столѣтія, погибъ уже при волненіи младшихъ насильственной смертію. Исторія XIV столѣтія была продолженіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ Торговой Стороны и съ тѣмъ вмѣстѣ усиленіемъ признаковъ внутренняго разрушенія Новгорода. Козни и соперничество между Боярскими семьями уже въ XIII ст. раскрывали возможность для Торговой Стороны найти между Боярами такія лица, которыя готовы были вести ее, или ити съ ней противъ своихъ же братьевъ-Бояръ, противъ главы Боярства и всего Новгорода противъ Посадника; мало того, давали возможность Торговой Сторонѣ найти себѣ естественную опору въ цѣлой толпѣ Бояръ—въ цѣломъ Концѣ.¹⁴¹ И не уже ли Торговая Сторона не понимала, что одно соперничество заставляетъ Бояръ измѣнить Боярству и соединиться съ нею противъ Боярства? Со временемъ Торговая Сторона въ каждую минуту могла рассчитывать на эту измѣну, и, съ помощію Конца, или даже сама по себѣ, выставлять противъ главы Боярства, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и главы Новгорода, того или другого Боярина, державшагося ея собственныхъ выгодъ и потакавшаго страстямъ и произволу ея, не изъ любви къ ней, не по нравственной связи съ нею, а единственно по духу соперничества Боярскаго, и облекать это лицо властію Посадника. Въ 1359 году Торговая Сторона сдѣлала даже попытку возвести въ званіе главы своей и Боярства, въ званіе Посадника, одного выходца изъ среды своей, Боярина—новаго.

Въ дѣйствительности, кто такой былъ Сильвестръ Лентъевичъ, котораго Славянскій Конецъ назначилъ тогда въ Посадники Великаго Новгорода? Лѣтописецъ не называетъ его Бояриномъ; говоря о разореніи селъ, принадлежавшихъ партіи Конца, онъ именуется ихъ также не Боярскими, а просто Славянскими; въ противоположности же лицамъ, принадлежавшимъ къ Концу и поддерживавшимъ Сильвестра, мы видимъ лица однихъ Бояръ, массу Бояръ, а не извѣстныхъ какія ни будь Боярскія семьи; самое выраженіе лѣтописца: «и доспѣша тогда обѣ стороны противу себѣ, Софійская сторона хотя мстити безчестью братіи своей (т., е., Бояръ, которыхъ

¹⁴¹ Неревскій, въ 1218 г.

принадлежащіе къ Славянскому Концу побили и полупили), ¹⁵² а Славянская отъ живота и отъ головъ», явно говоритъ также о различномъ гражданскомъ положеніи лицъ двухъ враждебно столкнувшихся сторонъ: одни стоятъ за честь, другіе только за состояніе и жизнь. Отъ чего также Софійская Сторона, послѣ уже того, какъ Славянскій Конецъ отказался отъ назначенія въ Посадники Сильвестра и согласился на избраніе Никиты Матвѣевича, или лучше еще послѣ того, какъ Архіепископъ склонилъ враждующихъ прекратить открытую вражду, отъ чего Софійская Сторона не удержалась въ предѣлахъ мира, а бросилась на села Сильвестровы и иныя села Славянскія, разорила ихъ, погубивъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и села не виноватыхъ? Отъ чего это? Отъ чего такое яростное открытое преслѣдованіе Софійскою Стороною Сильвестра и иныхъ, изъ принадлежавшихъ къ Славянскому Концу и владѣвшихъ селами, преслѣдованіе, какого ни разу не обнаруживала доселѣ Сторона Софійская противъ Стороны Торговой? Время объяснить положительно значеніе Софійской и Торговой Сторонъ.

Всѣ безъ исключенія данныя говорятъ, что Софійская Сторона была стороною Боярскою, а Торговая Сторона—младшихъ Новгородцевъ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописецъ говоритъ о Боярахъ и младшихъ Новгородцахъ, первые являются у него на Софійской Сторонѣ, вторые на Торговой; и тѣ и другіе представляются именно въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ представляется Торговая Сторона въ отношеніи Софійской. Говоря о Торговой, онъ не оставляетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека о пребываніи среди ея Бояръ; но говоря о Софійской, онъ всюду видитъ тамъ Бояръ. Въ 1255 году, когда младшіе сосредоточились на Торговой Сторонѣ подъ предводительствомъ Ананія, и когда Бояре, по разсказу самихъ Новгородцевъ, измѣнили младшимъ, мы видимъ послѣднихъ на Сторонѣ Софійской: оттуда они думаютъ «измясти» сторону младшихъ, Сторону Торговую. Въ борьбѣ Софійской Стороны съ Торго-

¹⁵² И сѣтворися каторжъ не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть, понеже Славяне въ доспѣхъ подѣли и разгоняша Зарѣчанъ, а они безъ доспѣха были, и бояръ многихъ били и полупили, а Ивана, сына Борисова, до смерти убили.

вою, подъ 1418 годомъ, мы видимъ уже положительно, что Торговая Сторона дѣйствуетъ не отъ лица Бояръ, толпой, и противъ толпы Бояръ, сосредоточившихся на Софійской Стронѣ. Выраженіе: «намъ супостаты суть», употребленное тогда противъ Софійской Строны, при разграбленіи ея открытыми нападеніями, не могло бы падать на всю Софійскую Строну, если бъ она состояла не изъ однородныхъ началъ. Другое выраженіе Торговой Строны, когда она грабила въ то же время Никольскій монастырь: «сдѣсь; вѣдь, житници Боярскія», указываетъ ясно, противъ кого именно было тогда движеніе ея. Самый начальный поводъ къ этому открытому возстанію Строны на Строну подтверждаетъ тоже: одинъ изъ поссорившихся былъ Бояринъ, другой не Бояринъ, и Бояринъ скрылся на Софійской Стронѣ, а не Бояринъ на Торговой, и за послѣднѣе-то возстала Торговая Сторона на Строну Софійскую. Сравнивая сказанія одной изъ Новгородскихъ лѣтописей съ другими, мы вполне убѣждаемся въ нашихъ соображеніяхъ: тамъ, гдѣ, по другимъ лѣтописямъ, дѣйствуетъ Сторона Софійская, лѣтопись Софійская положительно называетъ эту Строну Боярской, а гдѣ дѣйствуетъ Торговая, называетъ Строною купеческою или чернаго народа. Такъ, когда подъ 1157 годомъ другія лѣтописи показываютъ, что Сторона Торговая вооружилась противъ другой Строны на защиту князя Мстислава Георгіевича, поманутый лѣтописецъ говоритъ, что за Князя Мстислава Георгіевича вооружились противъ другой стороны купцы.¹⁵³ Точно также открытую борьбу 1418 года, названную, по другимъ лѣтописямъ, борьбою между Софійскою и Торговою Стронами, тотъ же лѣтописецъ называетъ борьбою между Боярами и младшими Новгородцами (чернью).¹⁵⁴ Такъ наше предположеніе, опирающееся сначала на однихъ общихъ соображеніяхъ, было въ Новгородѣ живою былью, даже по разсказу самихъ

¹⁵³ Бысть котора въ людяхъ, и вѣсташа на Князя Мстислава Юріевича Новгородци, и начаша ѿ изгнати изъ Новгорода; купцы же послаша по немъ въ оружіе, Зарѣчская сторона со другою стороною мало крови не пріаша межъ собою. Соф. I, стр. 160.

¹⁵⁴ И изыма Боярина того Степанка, и хотя творити отщепеніе; и за то сташа чернь съ одной стороны, а съ другой Бояры, и учинися пакости людемъ—много мертвыхъ. Тамъ же, стр. 261.

же Новгородцевъ. ¹⁵⁵ Послѣ того не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что вездѣ, гдѣ Новгородскія лѣтописи говорятъ о Софійской Сторонѣ, тамъ они разумѣютъ Боярство.

По этому-то ни Сильвестръ Лентевичъ и никто изъ обывателей Славянскаго Конца; которыхъ села были разграблены, не могли принадлежать къ числу Новгородскихъ Боярѣ и не названы лѣтописцемъ Боярами. Но эти Бояре не Бояре пользуются уже однимъ изъ Боярскихъ правъ—владѣютъ селами; мало того, Торговая Сторона, къ которой они принадлежатъ, рѣшается теперь открытой силою вдвинуть ихъ въ самое важное изъ правъ Боярскихъ—въ право посадничать, въ право быть главнымъ послѣ Князя судьей и правителемъ Новгородской области; слѣдовательно, быть главою и самимъ Боярѣ. Вотъ куда шагнула Торговая Сторона, подъ вліяніемъ себялюбія, разъединявшаго самихъ Боярѣ, и подъ вліяніемъ собственного своего стремленія къ исключительности: выставя Князей противъ Боярѣ и скрывая страстно свои выгоды отъ малѣйшаго оприкосновенія къ нимъ тѣхъ же Князей, она рѣшилась силою освободиться отъ столѣтняго господства надъ ней тѣхъ Боярѣ, которыхъ прѣва утвердилъ самъ Ярославъ Великій. Могли ли же послѣ этого Бояре оставаться въ обыкновенномъ своемъ положеніи, при подобномъ явномъ нарушеніи ихъ правъ? Конечно, нѣтъ; и вотъ по чему они, въ свою очередь, такъ страстно преслѣдовали Сильвестра и всѣхъ Боярѣ не Боярѣ, поддерживавшихъ его право на посадничество.

Пусть не совершенно удачна была эта попытка, пусть Софійская Сторона торжествовала еще, но мысль выразилась уже положительно, жила и, въ слѣдствіе сильнаго и дружнаго противодѣйствія, приняла только другое направленіе: Торговая Сторона старается послѣ того, по прежнему, найти главу для своей исключительности въ одной изъ старыхъ Боярскихъ же семей, и ей не трудно было сдѣлать это. Еще больше: за ней оставался выборъ между двумя Боярскими семьями, которыя, по духу себялюбія и соперничества, готовы были дѣйствовать въ ея видахъ. Вглядитесь, какія дѣйствительно Боярскія семьи, съ половины XIII ст. и далѣе высятся надъ Новгородомъ, и вы увидите Посадническое мѣсто открытымъ

¹⁵⁵ Софійская лѣтопись составлялась въ Новгородѣ.

для семей, поддерживавшихъ Торговую Сторону. Одна изъ этихъ послѣднихъ семей боролась, при Посадникѣ Водовикѣ, въ 1230 г., противъ семьи Твердислава, постоянно защищавшей вельможеское начало, и была тогда же вытѣснена изъ Новгорода. Родоначальникъ ея былъ Бояринъ Миша. Съ 1257 по 1418 годъ она появлялась восемь разъ на Посадническомъ мѣстѣ: въ лицѣ двухъ сыновей Миши, въ лицѣ внука, правнука и двухъ праправнуковъ.¹¹⁶ Вторая изъ сихъ семей въ самомъ началѣ второй половины XIII столѣтія стояла во главѣ Торговой Стороны, противъ Александра Невского, когда всѣ остальные Боярскія семьи поддерживали Александра противъ сказанной Сторо́ны; тогда она потеряла тяжбу и отодвинута была отъ Посадническаго мѣста. Родоначальникомъ ея былъ Ананій. Она мѣнялась съ первой Посадническимъ мѣстомъ, соперничала и тогда съ ней за это, и девять разъ стояла во главѣ Новгорода въ теченіи сказаннаго времени (съ 1257—1418).¹¹⁷

¹¹⁶ Михаилъ Мишиничъ, избравшійся два раза; Юрій Мишиничъ; Вареломей Юрьевичъ, избравшійся два раза и умершій въ званіи Посадника; Матѣй Вареломѣевичъ; Нягита Матѣевичъ, Онцифоръ Лукничъ (Лука былъ сынъ Вареломея и родной братъ Матѣя). О Посадникѣ Вареломѣѣ лѣтописецъ говоритъ подъ 1342 годомъ: «Представися рабъ Божій Вареломѣй, Посадникъ Новгородскій и сынъ Юрія Мишинича.» Народность родоначальника этой семьи удерживаетъ за нимъ въ лѣтописи вездѣ имя Миши, безъ всякихъ прибавленій, и переноситъ даже это проименованіе на потомство. «Юрій Мишиничъ (вмѣсто Михайловичъ), сынъ Юрія Мишинича, Мишиничи — потомки Миши.» Изъ лѣтописей не видать, чтобъ кто ни будь изъ Михайловъ пріобрѣталъ въ Новгородѣ подобное народное ласковое наименованіе.

¹¹⁷ Сынъ Ананія, Павша, избранъ былъ въ Посадники въ 1268 г., и посадничалъ въ продолженіи пяти лѣтъ; въ 1273 году смѣнялся на короткое время Михайломъ Мишиничемъ, но въ томъ же году снова утвержденъ на Посадническомъ мѣстѣ, на которомъ и оставался до смерти, послѣдовавшей въ 1274 г. Внукъ Ананія, Михаилъ Павшиничъ, избранъ былъ въ Посадники въ 1309 году и оставался на немъ два года, а въ 1315 году погибъ въ сраженіи противъ Михаила Тверскаго. Захарій Михайловичъ, правнукъ Ананія, возводился на Посадничество ирмольными въ 1332 году, и въ томъ же году былъ смѣненъ лицомъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ семьей, дѣйствовавшей въ послѣдствіи (1343 г.) согласно съ Стороною Софійскою, именно въ то самое время, когда соперника этого лица приняла подъ свое покровительство Торговая Сторона. * Сыновья Захарія, Ан-

^{*} Матѣй Коска, столь усердно помогавшій въ 1345 г. Онцифору Лукичу противъ Посадника Федора Давыловича. См. Подл. Собр. Р. Л. т. III, стр. 76, и т. IV, стр. 53.

Торговая Сторона въ этотъ періодъ времени видимо господствуетъ въ избраніи Посадника. Не на думу, а на силу невѣжественной многочисленной толпы опирается теперь власть правителя. Потакая ей, ей же на гибель, и разваживая ее, Посадникъ могъ самъ же рассчитывать на ея покровительство. Неоднократно упоминаемый нами Посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ отлично хорошо понималъ это положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, и жертвуя началами высшими, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ своего времени, и Торговая Сторона видимо поддерживала его: такъ, въ 1345 году, когда, въ слѣдствіе козней, Новгородъ раздвоился на двѣ стороны, Боярскую и небоярскую, первая была противъ него, вторая за него, и этотъ Ѳедоръ, смѣняемый въ должности Посадника другими лицами, четыре раза выходилъ на Посадническое мѣсто и долгое время управлялъ Нов-

дранскъ и Юсифъ были тоже Посадниками, и если первый возбудилъ противъ себя чѣмъ-то Торговую Сторону и былъ смѣненъ, то второй, явный поборникъ Торговой Стороны, имѣлъ сильную опору себѣ въ Новгородѣ, и, смѣняясь не разъ, снова, какъ это мы объяснимъ ниже подробнѣе, показывался на Посадническомъ мѣстѣ. Степенный Посадникъ Василій, который въ XV ст. играетъ важную роль въ борьбѣ Сторонъ, былъ внукъ Захарія. Мы воиставляемъ эту семью на принятомъ нами основаніи. Имена: Ананій, Павелъ, какъ встрѣчающіяся такъ же рѣдко въ исторіи Новгородской, какъ и теперь между народомъ, могутъ въ настоящемъ случаѣ дать положительныя доказательства о принадлежности къ одному роду, къ одной семьѣ какъ Ананія, такъ и Павши Ананьевича, равнымъ образомъ и Михайла Павшинича. Слишкомъ же общее имя послѣдняго можетъ подать поводъ усомниться, дѣйствительно ли Захарій Михайловичъ былъ сынъ именно Михайла Степановича, а не другого какого Боярина, носившаго имя Михайла, и мы не можемъ положительно уничтожить это сомнѣніе, а сдѣлаемъ только два замѣчанія, именно: что исторія трехъ Болгарскихъ семей XII, XIII и XIV столѣтій представляетъ достаточныя доказательства о переходѣ Посадничества отъ отца къ сыну, къ внуку и т. д.; и во вторыхъ, что если, при явномъ покровительствѣ Торговой Стороны въ 1255 году, Ананій, не смотря на потерю въ томъ году Посадничества, именно за это покровительство, успѣлъ сохранить расположеніе Новогорцевъ до того, что сынъ и внукъ сохранили за собою семейное право на Посадничество, то по чему же не могъ сохранить этого права и правнукъ? Во всякомъ случаѣ, положеніе наше о торжествѣ фамилій, поддерживавшихъ Торговую Сторону, ни сколько не пострадаетъ, если мы будемъ видѣть въ Захарія съ его потомствомъ и особою семьей отъ семьи Аванья; по тому что потомки Захарія, какъ увидимъ ниже, высидѣли надъ Новгородомъ именно въ слѣдствіе того, что держались Торговой Стороны.

городагъ. Сынъ Посадника Захарія, Осипъ, бывшій тоже являющій поборникомъ Торговой Стороны, вооружилъ противъ себя, въ 1388 г., всѣ три Конца Софійской Стороны, къ которой онъ самъ принадлежалъ и нашелъ открытую защиту для себя въ Торговой Сторонѣ, которая отстаивала его въ продолженіи двухъ недѣль, и хотя уступила Сторонѣ Софійской, согласясь на назначеніе въ Посадники, вмѣсто Осипа, Василя Федоровича, но уступка эта была временная, по формѣ, по тому что въ 1390 году Осипъ снова является Посадникомъ, и въ 1394 году, вторично лишившись Посадничества; онъ въ 1398 году показывается вновь въ званіи Посадника.¹⁴⁰ Внуку Захарія и сынъ Осипа, Василій, какъ мы видѣли, уже стоялъ во главѣ Торговой Стороны, въ противодѣйствіи Сторонѣ Софійской, и законность его положенія утверждена была тогда самою же Софійской Стороной.

Какъ ни занимательна была бы для насъ дальнѣйшая исторія, въ которой находятся Стороны въ отношеніи Посадниковъ, но, за совершенною недостаточностію свѣдѣній по этому предмету, какъ и вообще свѣдѣній, относящихся до назначенія и смѣны Посадниковъ, эта исторія скрывается отъ насъ. Не можетъ быть, однако жъ, чтобы лѣтописцы не сообщили намъ подобныхъ свѣдѣній, если бы были сильныя столкновенія или между Сторонами, или между Концами, относительно назначенія, или смѣны Посадника. Замѣтивъ же, какія огромныя уступки сдѣлала до этого времени Софійская Сторона въ пользу Торговой по настоящему предмету, могло бы показаться вѣроятнымъ, что мысль, выраженная Торговою Стороною подъ 1359 годомъ и которой такъ сильно противодѣйствовала тогда Сторона Софійская, въ XV столѣтіи наконецъ осуществилась, уже безъ борьбы, послѣ уступки, сдѣланной Софійскою Стороною въ 1418 году; но Бояринъ Борецкій, двигавшій младшими Новгородцами въ послѣднія минуты существованія Новгорода, былъ не новый Бояринъ

¹⁴⁰ Въ 1-й разъ, какъ мы видѣли, онъ былъ смѣненъ въ 1388 году; когда именно Осипъ избирался во второй и въ третій разъ въ Посадники, лѣтописецъ не говоритъ положительно, упоминая лишь о вторичной смѣнѣ его въ 1394 году, и называя его послѣ того опять Посадникомъ, при описаніи посольства къ Василію Дмитріевичу въ 1398 году. Нов. I, стр. 96 и 100.

Новгорода, не Бояринъ, выходитъ, ввинутый въ число Бояръ; въ слѣдствіе своего богатства, Торговою Стороною: онъ былъ Бояринъ старой семьи, принадлежавшей къ Неревскому Концу,¹⁵⁹ но Бояринъ, котораго Боярская Сторона должна была считать въ отношеніи себя изиѣнникомъ, по тому что вся она была противъ думы и дѣйствій Борецкаго: Борецкій воздвигнулъ свой планъ, полагаясь на Торговую Сторону.

Какъ бы то ни было, всѣ данныя по предмету, которымъ мы занимались въ эту минуту, показываютъ, что старое правительственное начало въ XIV ст. угасало уже въ своемъ значеніи, и что въ началѣ второй половины XIII столѣтія выступало уже начало новое, которое, разрушая Боярскую власть, еще сильнѣе, нежели самые Бояре, стремилось разрушить всякую попытку утвержденія власти Княжеской въ Новгородѣ, ревнуя Князей въ своихъ выгодахъ, до бездѣлицы, ограничивая, какъ мы уже выше замѣтили, даже въ свободномъ сбытѣ дани натурой: богатства, составляющія цѣль и основу жизни этого сословія, опредѣляютъ ихъ отношенія къ власти, и власть остается безвластною, дѣлается поимѣнницею, когда думаетъ соприкоснуться къ его выгодамъ. И этотъ духъ былъ не новый для Новгородца Торговой Стороны, не былъ плодомъ особыхъ событій: онъ лежалъ, повторяемъ еще разъ, въ основѣ быта ередняго сословія. Таково было это начало и прежде, даже при Ярославѣ, уничтожая Княжескую Варяжскую наемную дружину; но тогда ему нужно было еще бороться съ сильнымъ Боярствомъ, и оно, безсильное для этой борьбы, сдерживало себя, заставляло свою главную думу, пряталось за Князьями, пользовалось значеніемъ Князей, ихъ силами, показывало, что оно будто бы желало утвержденія въ жизни помысла Княжескаго; но, ослабивъ Боярскую силу, оно объявило себя и въ отношеніи Князей началомъ открыто враждебнымъ, и въ этомъ духѣ, какъ мы увидимъ ниже, воспитывается ему наслѣдникомъ еще другое начало, которое попираетъ уже все святое, разрушаетъ всякій порядокъ въ дѣйствительности, начало чисто противугосударственное.

¹⁵⁹ Нов. IV, стр. 130, подъ 1477 годомъ, в' Нов. I, стр. 70, подъ 1311 годомъ.

¹⁶⁰ Чудесный домъ (дворъ) Марыи Борецкой былъ въ Неревскомъ Концѣ.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія гражданскія связи между двумя Сторонами, въ слѣдствіе многостолѣтней безъисходной борьбы ихъ между собою, являются уже почти совершенно разрушенными. Себялюбіе Торговой Стороны безжалостно торжествовало тогда надъ еялюбіемъ Стороны Софійской, и, какъ начало мертвое, не нравственное, не могло дать Торговой Сторонѣ, при этомъ торжествѣ, исхода правильного, не могло сдѣлать возвышенія ея надъ Стороною Софійскою возвышеніемъ нравственнымъ, и по этому, отдѣляясь отъ вліянія Софійской Стороны, Торговая Сторона не имѣетъ дальнѣйшей цѣли, кромѣ своей исключительности. По этому же Софійская Сторона, даже послѣ торжества Торговой Стороны, продолжаетъ прежнее свое существованіе, съ прежнею своею исключительностію во всѣхъ тѣхъ точкахъ, гдѣ эта исключительность не столкнулась еще съ исключительностію денежной Торговой Стороны. Она господствуетъ надъ Новгородскою областію, но только не въ отношеніи Торговой Стороны, или во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по основамъ своего денежнаго быта, Торговая Сторона не хочетъ принимать участія; только выгоды собственныя, а не области, Сторона Торговая вывела изъ подъ вліянія Стороны Софійской; въ ней думы объ области нѣтъ, какъ нѣтъ этой думы и въ Сторонѣ Софійской. Та и другая погружены въ собственные свои выгоды, и смотрятъ на все остальное, какъ на орудіе своей исключительности, не мѣшаютъ другъ другу ни отдѣльными путями къ своимъ корыстнымъ цѣлямъ. Въ продолженіи многостолѣтней исторіи вы ни разу не слышите голоса любви Софійской Стороны къ (Сторонѣ) Торговой, старшихъ Новгородцевъ къ младшимъ. Сдѣсь нѣтъ ни Вышаты, который бы жертвовалъ собой, для того, чтобъ или вывести младшихъ изъ гибели, или погибнуть вмѣстѣ съ ними, ни тѣхъ думцевъ Кіева, которые отклоняли Святополка-Михаила отъ весенняго похода на Половцевъ, указывая, что этотъ походъ можетъ повлечь за собою разореніе для поселянъ; ни думцевъ, которые потомъ, присутствуя при торжественномъ совѣтѣ Святополка и Мономаха по этому же предмету, съ Христіанскимъ восторгомъ приняли мысль о необходимости этого похода для благосостоянія же поселянъ, когда Мономахъ раскрылъ передъ ними, что если походъ этотъ оставить поля не обработанными, то спасетъ села и деревни отъ совершеннаго опустошенія, не допустятъ Половцевъ перебить, или расхитить

самую семью поселянина, спасеть жизнь и нравственное благосостояніе его. Сдѣсь нѣтъ и тѣхъ думцевъ, которые улеглись ко-
стями въ степяхъ Половецкихъ, принявъ высокую думу Игоря, сво-
его витязя-Князя, что спасеніе собственное, съ выдачею на гибель
младшихъ, хуже гибели отъ меча вражескаго. Сдѣсь, отъ начала
до конца Новгородской исторіи, со стороны старшихъ слышится
всюду совершенно противоположная дума. Когда, стремясь спасти
отъ гибели и порабощенія свои родныя земли, отразить силы врага
неодолимаго, нахлынувшаго на насъ въ лицѣ Монголовъ, старшіе
въ цѣлой Руси сомкнулись въ ряды вмѣстѣ съ младшими, и вмѣстѣ
съ младшими нисходили въ обширныя могилы, разверзаемыя предъ
ними силою врага, въ это время Новгородскіе старшіе измѣняютъ
младшимъ, или еще болѣе радуются, что иго Монгольское пре-
имущественно ложится на младшихъ. Пусть Новгородскіе Воляре
могли бы оправдывать себя передъ потомствомъ, что самое благо-
разуміе заставило ихъ уклониться отъ примѣра, который имъ дали
старшіе всѣхъ другихъ частей тогдашней Руси въ борьбѣ съ
Монголами, и добровольно безъ борьбы принять иго Монгольское;
что это страшное тогда волненіе младшихъ, ихъ готовность погиб-
нуть въ битвѣ открытой, но не быть данниками Монголовъ, было
плодомъ безумія и отчаянія; что одно только сребролюбіе заставило
младшихъ обвинять тогда своихъ старшихъ въ томъ, что послед-
ніе возлагаютъ на младшихъ, не столь богатыхъ, какъ сами, тя-
жесть дани, равную съ собою; ибо подобнаго ропота не было въ
другихъ частяхъ Руси, при введеніи въ нихъ точно такой же дани
и на тѣхъ же основаніяхъ. Пусть виноваты сами младшіе во мно-
гомъ, но одни слова не могутъ оправдать и старшихъ, когда они
не представляютъ намъ ни одного дѣла, въ которомъ бы они въ-
сказались великодушнѣе къ младшимъ. Ихъ дѣла не дѣла велико-
душія, а дѣла надменности; въ этомъ честолюбіи и жадности къ
выгодамъ они полны раздора въ самихъ себѣ, другъ противъ
друга; сѣютъ этотъ раздоръ въ цѣломъ Новгородѣ, выводятъ его и
за предѣлы Новгородскіе; вооружаютъ младшихъ одни противъ
другихъ; раздуваютъ кичливость ихъ все болѣе и болѣе противъ
порядка и власти, чтобъ удержать эту власть въ рукахъ той или
другой изъ своихъ семей, или чтобъ только не дать возможности
перейти ей въ руки Князей. Монгольское владычество не лишило
ихъ власти, а рабство области, положеніе младшихъ, не трево-

жать ихъ. Они были храбры, отважны, въ этомъ мы должны отдать имъ справедливость; но въ нихъ семейное начало, начало любви было подавлено страстями, было слабо, не развилось въ любовь къ ближнему, въ любовь къ согражданину, а недоверіе къ нимъ младшихъ, ихъ собственныя другъ противъ друга козни подавляли въ нихъ окончательно эту любовь: они пренебрегали младшихъ, и опасались ихъ, а младшіе, въ свою очередь, сперва не доверяли имъ, а потомъ ненавидѣли ихъ, и грозили имъ или гибелью, или раззореніемъ. Какъ же послѣ того они могли стоять грудью за Новгородъ, когда половина Новгорода не хотѣла признавать ихъ защитниками, мало того—еще грозила имъ? И вотъ по чему они измѣняютъ младшимъ въ эту опасную минуту. Вотъ по чему они и послѣ отступаются отъ борьбы съ Литвою и съ Московскими Великими Князьями; вотъ по чему они и прежде отпадали отъ младшихъ въ княженіе Невскаго; отпадали наконецъ отъ нихъ и въ тѣ минуты, когда рѣшалась судьба Новгорода: причины видоизмѣнялись, но въ сущности оставались тѣми же. Не любовь къ родинѣ, даже не слава руководили ихъ поступками, а частное себялюбіе. Сдѣсь не слышится ни разу дума, высказанная Изяславомъ предъ битвой противъ Владимира Галицкаго, воинству Кіевской земли, старшимъ и младшимъ: «Братья и дружина! Никогда Русской земли и Русскихъ сыновъ Господь Богъ не забывалъ въ битвѣ, не обезславливалъ оружія ихъ; гдѣ Русскіе ни являлись, какъ воины,—честь была неразлучна съ ними; да поревнуемъ же, братья, въ сдѣшнихъ земляхъ, предъ чуждымъ воинствомъ ¹⁶⁰ добыть честь, которую Господь Богъ благословляетъ насъ!» ¹⁶¹ И эта дума не одушевила бы Новгородца, какъ она вдохновила собой воинство Кіевское, смывшее почти однимъ ударомъ сильныя дружины Князя Галицкаго. Отъ славы, сопряженной съ возможностью гибели, Новгородцы откупаются, жертвуютъ даже явическимъ божествомъ своимъ. Таковъ характеръ взгляда на жизнь въ старшемъ Новгородцѣ въ подобныхъ случаяхъ.

¹⁶⁰ Венгерцы: они были въ битвѣ какъ союзники Изяслава.

¹⁶¹ Ипат., стр. 67.

Холодность старшихъ къ положенію младшихъ, выразившись положительно разъ, разорвала связи между сословіями, поставила неправильно ихъ другъ къ другу, и младшій, какъ мы выразились, своею недовѣренностію и неуваженіемъ оскорбилъ старшаго, а старшій, полный силъ и отваги, взглянулъ послѣ того на младшаго, какъ на строптиваго. Любовь къ родинѣ не задержала ихъ въ вѣтвѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ; власть Княжеская была безсильна въ Новгородѣ водворить миръ между поссорившимися сословіями, тѣмъ болѣе, что она преимущественно покровительствовала сдѣсь младшимъ. И вотъ первоначальное чувство перешло наконецъ въ ненависть. «Онъ только думаетъ», говорятъ младшіе въ 1259 году, «какъ бы только ему было легко, а не думаетъ, какъ то, что облегчаетъ его и даетъ просторъ ему въ жизни, ложится зломъ на младшихъ...». ¹⁶² Старшіе составляютъ злой совѣтъ, какъ бы избить младшихъ, толковали они еще въ 1255 году, ¹⁶³ когда Александръ пришелъ къ Новгороду ополченіемъ, чтобъ наказать строптивость его. «Они супостаты намъ!» ¹⁶⁴ кричали младшіе въ минуту волненія въ 1418 году. «Нѣтъ въ нашихъ старшихъ ни милости, ни правды!» раздавалось въ 1446 году по всей области Новгородской, и «младшіе кляли тогда старшихъ», прибавляетъ къ этому лѣтописецъ. ¹⁶⁵ До какой степени унизились нравственно старшіе въ первой половинѣ XV столѣтія, даже трудно представить себѣ. Они поддерживали не только ябедниковъ, но даже спаввали честныхъ людей, чтобъ они, подъ пьяную руку, говорили отъ себя, при формальныхъ слѣдствіяхъ, выдуманную ими же, старшими, кле-

¹⁶² Нов. I, стр. 57, подъ 1259: «творяху бо Бояре себѣ легко, а меншимъ зло».

¹⁶³ Тамъ же 55, подъ 1255: «и бысть въ вятскихъ совѣтъ золь, яко побити меншии, а Князя въвести на своей воли».

¹⁶⁴ Смотр. выше.

¹⁶⁵ Нов. IV, стр. 124. «А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правды, и правого суда, и возсташа ябедници, изнарадима четы, и обѣты, и цѣлованіе на неправду, и начаша грабити по селомъ, и по волостемъ, и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сосѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ, и бѣ по волости изъѣжа велика, и боры частыи, кричь, и рыданіе, и вопль, и клятва всѣми людьми на старѣйшши наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права».

вету противъ людей, которыхъ они хотѣли нагубить, пользовавшись этою клеветою споеннаго ими, и бросали съ моста невинно оклеветанныхъ, разграбляли дома ихъ и захватывали имущество ихъ всюду, гдѣ только могли отыскать, даже въ самихъ церквахъ, гдѣ, по быту Новгородцевъ, имущество каждаго должно было оставаться неприкосновеннымъ.¹⁶⁶ Къ этому мы должны еще прибавить, что исторія XIV столѣтія встрѣчаетъ Новгородскихъ старшихъ, принадлежавшихъ къ самымъ представительнымъ семьямъ, во главѣ, какъ увидимъ ниже, удалыхъ разбойничьихъ, противосударственныхъ шаекъ, и этѣхъ старшихъ Новгородъ послѣ того признаетъ не атаманамъ разбойниковъ, а своими примѣрными дѣтьми, выдвигая ихъ на поприщѣ гражданской значительности. Вотъ правители Новгорода въ XIV и XV столѣтіяхъ! Въ немъ нѣтъ и не было ни правителей, ни власти: власть въ Новгородѣ не облечена нравственною неодолимою силою, за которую Новгородцы и старшіе и младшіе, т. е., Софійская и Торговая Стороны, готовы положить свои головы, властію для той и другой Стороны была сила физическая. Одна эта-то власть, одна физическая сила, сжимающая ихъ общія непосползительныя выгоды, миритъ объ Стороны въ ихъ борьбѣ между собою: Архіепископъ, во имя Бога, можетъ только просить ихъ о мирѣ, склонять ихъ къ миру, и успѣвать склонять ихъ только на временный миръ; но жизнь бѣжача даѣе основнымъ своимъ токомъ, выбиваясь изъ подъ вліянія реалі-грозныхъ думъ и бушуя страстями своими, Что значить сила въ Новгородѣ, этому служить разительнымъ доказательствомъ страдательное положеніе, въ 1289 и 1350 годахъ Прускаго Конца, ко-

¹⁶⁶ Тамъ же и стр. 126. Того же лѣта выведе Сокира Посадникъ ливца и вѣсца сребрннго Федора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача сочтити: «На кого еси лилъ рубль?» Онъ же оговори 18 человекъ, и по тѣмъ рѣчемъ ииныхъ съ мосту сметаша, а ииныхъ дома разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ, а преже того по церквамъ не искнвали. И еще того же Федора начаша безправдыи Бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертию; онъ же протрезвився рече: «На всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливцы». Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи многѣ, а голодинки, и ябедники, и посульники радовахуся, только бы на кого выговорилъ; и того самого смерти предаша, а животь его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ маетежъ великъ.

торый, по своему населенію, былъ самый бѣдный изъ Новгородскихъ Концовъ, или положеніе Конца Славянскаго, въ 1348 году, при защитѣ имъ Литовскаго Князя, Патрицкѣ, противъ четырехъ другихъ Концовъ Великаго Новгорода. Рѣшенія самаго вѣча утверждаются и разрушаются силой. Въ исполненіи своемъ оно почти постоянно покойно, не проникнуто увѣренностію, что ни кто не можетъ перерѣшить его рѣшенія; что нравственной силой его нѣтъ сопротивленія, или всякое сопротивленіе, какъ безнравственное и незаконное, будетъ преслѣдоваться строго. Этой увѣренности нѣтъ въ Новгородцахъ; и не мудрено: сила всегда можетъ противопоставиться сила, какъ это и было въ Новгородѣ. Цоразительно видѣть это недовѣрчивое волненіе Новгорода въ отношеніи собственнаго своего рѣшенія. Въ 1287 году, на пр., Новгородцы признавали бывшаго своего Посадника, Семена Михайловича, въ чемъ-то виновнымъ; но, не потребовавъ отъ него объясненія, не судивъ его, Бояре и младшіе Новгородцы, облекшись въ оружіе, двинулись къ его жилищу изъ всѣхъ Концовъ, какъ на битву, по сказанію самаго Новгородскаго лѣтописца: и жалостная была картина, прибавляетъ онъ, приступая къ описанію, какъ толпы Бояръ и народа нахлынули на домъ Семена Михайловича съ шумомъ и завладѣли имъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что Семень Михайловичъ или вовсе не былъ виноватъ въ винѣ, взведенной на него Новгородомъ, или же вина его была совершенно ничтожна, по тому что Архіепископъ, къ которому онъ скрылся, принялъ его сторону, и сами Новгородцы на другое же утро, послѣ своего движенія, приняли его снова въ любовь, которую Семень Михайловичъ однако жъ не долго пользовался, по тому что чрезъ нѣсколько дней слегъ въ постель и умеръ.¹⁶⁷ Но подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ уже много: не считаемъ нужнымъ увеличивать ихъ новыми. При общемъ внутреннемъ распадѣ власть не могла иначе удержаться, какъ на силѣ, въ отношеніи Торговой Страны. Въ основѣ жизни послѣдней развивались еще болѣе губительныя начала для гражданственности, нежели въ первой: надежда на возможность преображенія жизни съ этой стороны гаснетъ со временемъ совершенно.

¹⁶⁷ Бысть мятежь великъ въ Новгородѣ на Семена Михайловича: вѣста на него

Мы уже замѣтили, что голосъ Торговой Стороны получилъ значительную силу не въ слѣдствіе нравственнаго возвышенія Торговой Стороны надъ Стороною Софійской; что по этому голосъ сей направлень былъ не на поддержаніе нравственныхъ началъ и порядка въ жизни Новгорода, а сосредоточивался на поддержаніе вещественныхъ выгодъ за Стороною; что исключительное господство надъ этими выгодами составляло конечную цѣль для Торговой Стороны; показали также, какъ, въ стремленіи къ этой исключительности, она ревностно, подобно Сторонѣ Софійской, отклоняетъ самую власть Княжескую отъ прямаго вліянія на ея выгоды и, съ тѣмъ вмѣстѣ, на цѣлую область. Теперь мѣсто разсказать еще одно событіе, которое опредѣлитъ съ большею положительностію, какое именно нравственное, гражданское положеніе занимала она въ жизни Новгорода. Въ то самое время, когда Торговая Сторона видимо получила уже сильное вліяніе на дѣла общественныя, рѣшался вопросъ о злоупотребленіяхъ Литовскаго Князя, Патрикѣя. Мы видѣли, какъ крѣпко Славянскій Конецъ отстаивалъ силою этого Князя противъ Стороны Софійской, и настоялъ на томъ, что Патрикѣй остался владѣтелемъ Новгородскихъ пригородовъ, если и не тѣхъ, которые даны были ему прежде, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственныхъ имъ. Что жъ давало Славянскому Концу эту крѣпость? Конечно, уже не чувство правды, не нравственное движеніе! Лѣтопись говоритъ, что, дѣйствуя вооруженною рукою противъ своихъ согражданъ за Патрикѣя, онъ былъ подкупленъ симъ Княземъ. ¹⁰⁰ Какаѣ же неправда, какія же злоупотребленія не нашли бѣ послѣ сего себѣ отвѣта, если этѣ зло-

весь Новъгородъ, безъ неправы, поидоша на него изъ всѣхъ Концовъ, яко сильная рать, всякій въ оружіи, силою великою. Жалостно видѣніе! И тако поидоша на дворъ его, и взяша весь домъ его съ шумомъ, а Семень прибѣжа къ Владыцѣ, и Владыка провади въ Святую Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра снаидошася въ любовь. Симеонъ же, по магѣхъ днѣхъ, разбогѣся богѣванію, лежаиъ нѣколко днѣй, преставися. Нов. I, стр. 63.

¹⁰⁰ Бысть жалоба на Патрикѣя Князя къ Новгороду отъ городчанъ, и выгѣха Князь въ Новгородъ, и подня посуломъ Славянскій Конецъ, и смути Новгородъ. И стояху Славянтѣ по Князѣ, и звонили гѣче на Ярославѣ дворѣ по днѣмъ дѣмъ, и проч.

употребленія имѣли только средства къ подкупу? Посредническая роль, которую по этому дѣлу взялъ другой Конецъ Торговой Стороны, послѣ всѣхъ дружескихъ сношеній съ Стороною Софійскою, уже окончательно говоритъ, что начало вещественныхъ выгодъ господствовало надъ правдой и совѣстью въ Торговой Стронѣ; что эта Сторона готова была отдавать на жертву Литовскому Князю своихъ же собратьевъ, проживавшихъ въ пригородахъ и въ деревняхъ, за вещественныя выгоды, которыя Князь Литовскій могъ предложить ей за подобную жертву; что сила физическая была властію для Новгорода, и что нравственныя начала исчезали въ его общественной жизни предъ произволомъ страстей, коими исполнены были та и другая Сторона. Но чтобъ яснѣе видѣть всю справедливость, всю торжественность суда въ Новгородѣ, мы расскажемъ о судьбѣ Боярина Остафія Дворянина. Бояринъ этотъ былъ Посадникомъ. Въ 1346 году нагрянулъ на Новгородскія владѣнія Ольгердъ съ огромными силами, опустошилъ берегъ Шелони, взялъ на щитъ Лугу, угрожалъ тою же участію Порхову и Опочкѣ, но этѣ послѣдніе города откупились отъ него. Врагъ торжествовалъ надъ Новгородцами, но это торжество было далеко еще не полное. Ольгердъ, выступивъ походомъ противъ Новгорода, винилъ помянутого Боярина, Остафія Дворянина, въ томъ, что будто бы онъ поругался надъ нимъ, называлъ его псомъ, и Новгородское ополченіе, вступившее противъ врага, безъ битвы возвратившись въ Новгородъ, залило свою ярость не на полчищахъ Литовскихъ, опустошившихъ Новгородскую область, а на своемъ же братѣ, помянутомъ Бояринѣ: ударили въ вѣчевой колоколъ, собралися на вѣчѣ, осудили Дворянина на казнь, и безъ палача тутъ же на вѣчѣ убили его, объяснивъ ему предъ казнію: «Ты причиной, что Литовскій Князь опустошилъ нашу область». ¹⁰⁹ Какое глубокое уваженіе со стороны Новгородцевъ къ Княжескому достоинству, оскорбленному въ лицѣ Ольгерда! Знаемъ мы уваженіе Новгорода къ ихъ Князьямъ-правителямъ, и даже къ Великому Князю. И за чѣмъ же немедленно послѣ сдѣланнаго Ольгердомъ обвиненія, Новгородъ не

¹⁰⁹ Нов. I, стр. 83. А Новгородци выидоша противу ему (противу Ольгерда) въ Лугу и въспятившесе въ городъ (Новгородъ), позвонивша вѣче и убивша Дворянина Посадника на вѣчѣ, а рекъ ему тако: «Яко въ тебѣ волости наша взяша».

судалъ своего Посадника и не удовлетворилъ тѣмъ Ольгерда? За чѣмъ онъ, зная уже объ обвиненіи, высылалъ дружину противъ Ольгерда, оставляя совершенно въ покоѣ Остафія? И Новгородъ ли казнилъ Остафія потѣмъ? Нѣтъ, его казнила дружина, назначенная для битвы съ Ольгердомъ и безъ битвы возвратившаяся въ Новгородъ, когда Ольгердъ грозною силою подвигался противъ нея, «взявъ уже» Шелону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка и со Опоки взя окупъ. Самая брань, дозволенная Посадникомъ, въ отношеніи Ольгерда, показываетъ глубокое уваженіе Новгородцевъ къ Властителемъ!... Себялюбіе и недовѣріе снимали въ Новгородѣ покровъ святости, торжественности и благородства съ жизни дѣйствительной. Нѣтъ ни кому и ни къ чему чувства благоговѣнія. Все можетъ быстро перейти въ предметъ подозрѣнія, клеветы, насилія, грабительства; и этѣ подозрѣнія, этѣ насилія, грабительства, не будятъ ни въ Софійской, ни въ Торговой Стронѣ чувства негодованія до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснется въ частности которой ни будь изъ нихъ самихъ. Мы видѣли, какъ въ 1418 году Софійская Строна съ своимъ Посадникомъ позволила хладнокровно поругаться Торговой Стронѣ надъ однимъ изъ своихъ собратьевъ, и избить Боярина Данилу чуть-чуть не до смерти, а потомъ полумертваго бросить въ Волховъ; хладнокровно допустила разграбить домъ рыбака Лычка, выхватившаго Данила изъ Волхова; хладнокровно допустила раздраженнымъ на этого Боярина собраться вновь на вѣче для того, чтобъ буйно грянуть съ этого вѣча на Козьмодемьяновскую улицу, на которой былъ домъ Данила, потомъ ударить на Янову улицу, далѣе на Чудинцеву, Легощу, и разграбить всѣ этѣ улицы, разграбить даже Никольскій монастырь; хладнокровно допустила Торговую Строну буйствовать такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и наконецъ только, когда Прусская улица дала отпоръ неистовой толпѣ, когда Торговая Строна слилась вся въ одно и облеклась въ оружіе, тогда только Софійская Строна представила изъ себя единое одушевленное, воспрянула и сама вооружилась. Но гдѣ опять въ ней и сдѣсь мощь и благородная любовь къ порядку и уваженіе къ самой себѣ? Вооружилась, бьется, какъ на кулачномъ бою, страшится потому силы, просить мира, остается вполне довольною, получивши отъ буйной толпы этотъ миръ, и главные виновники буйства остаются не наказанными.

И эта же, скажемъ послѣ сего, страстно расчелдивая, безъ новгороднаго стремленія, распавшаяся община Новгородская могла дать отпоръ бодрымъ, благодарнымъ, слитымъ во едино дружинамъ князя Московскаго XV столѣтія? Полное нравственное безсиліе обесоруживало буйныхъ Новгородцевъ предъ Иваномъ III. Каждый стремился сохранить свои выгоды, и онъ, какъ торгашамъ, предоставлялъ имъ ихъ, лишивши общину свободы, права собираться на вѣче, заставивъ признать въ себѣ державнаго властителя своего. Не мощно-нравственный отпоръ разсыпалъ и полчища Андрея Боголюбскаго подъ Новгородомъ, какъ это мы объяснимъ ниже; не дружины Новгородскія удержали разливъ Нѣмцевъ по землямъ Славянскимъ, не онѣ спасли земли этѣ отъ постепеннаго порабощенія: и Новгородъ, съ своими землями, сдѣлался бы добычею Нѣмцевъ, какъ и нашп Западныя собраты, занимавшіе земли по всему южному берегу Балтійскаго моря, если бъ не спасли его дружины Сѣверо-Восточной Руси. Низовскія полчища, приведенныя сначала Александромъ Невскимъ; потомъ сыномъ его, Дмитріемъ, рѣшили въ XIII столѣтіи споръ съ Нѣмцами двумя кровавыми битвами, при Чудскомъ озерѣ и Раковорскою; они, роняя духъ на покореніе Славяно-Руссовъ и угрожая жестокими битвами и побѣдами, спасли Новгородъ, Псковъ, спасли Православіе въ Новгородѣ, Псковѣ, и сохранили ихъ для великихъ судьбъ Россіи. Дружины и Кіевскія, и Черниговскія, и Суздальскія, и Владимирскія, и Смоленскія, и Московскія лили кровь свою за Новгородъ, и спасли самобытность его; но Новгородъ ревнуетъ ихъ, хочетъ побрататься съ ними, исключаетъ ихъ рѣшительно изъ своихъ выгодъ, и считаетъ ихъ даже врагами своими за малѣйшее требованіе, за всякое настояніе войти въ малѣйшія выгоды, коими пользуется община, или члены ея.

Конечно, послѣ этого Новгородская область не могла найти ни внутри, ни внѣ себя, искреннихъ защитниковъ, которые, изъ любви собственно къ ней, готовы бы были за нее погибнуть. Изъ личныхъ выгодъ младшіе Новгородцы воаствовали даже противъ спасителя Новгорода, Александра Невскаго, и въ тѣхъ же видахъ смѣнили Посадника Ананія, боясь упорствомъ своимъ собратъ надъ собою гнѣвъ Невскаго. Мало того, въ тревогѣ о потерѣ богатствъ, сама же община, какъ мы выше объяснили, предательски

казнить, въ лицѣ Посадника Дворянина, своихъ достойныхъ защитниковъ, въ угодность отъявленнымъ своимъ врагамъ. Послѣ Раковорской побѣды, дрожа за свои выгоды, Новгородцы не измѣнили ль другому спасителю своему, Дмитрію, сыну Невскаго, и когда же? когда онъ велъ ихъ противъ ихъ же врага, Василя Ярославича! И сохраняя свои выгоды, не признали ли они этого же самого врага своимъ Княземъ, смѣнивъ имъ Дмитрія Александровича? Не сами они опять добровольно стали подъ руку Георгія Давидовича, и приняли отъ него правителемъ брата его, Аванасія, чтобъ имѣть возможность держать противъ двоюроднаго брата его, Михайла Ярославича, а потомъ разбитые, заключившись въ Торжкѣ, не кричали ль шумно, что не выдадутъ врагамъ своего Князя: и что же въ слѣдъ за тѣмъ? Выдаютъ такъ Князя Аванасія, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ вельможей Князя Московскаго, признавъ въ то же время врага своего своимъ Княземъ!

Такъ не удивительно послѣ сего, что въ Повгородѣ не могли образоваться тѣ благороднѣйшія начала воинской силы, подобныя дружинамъ Киевскимъ, Черниговскимъ, Владимирскимъ, даже Ростовскимъ, или дружинамъ, окружавшимъ престолы Тверской, Московскій, дружинамъ, которыя отстаивали самобытность земель Русской, въ борьбѣ съ Печенѣгами, Болгарами, Морявою, Половцами и Татарами, которыя, одушевляемая любовію и полною довѣренностію къ своимъ властителямъ, двигались всюду и лили кровь для защиты разныхъ частей Государства. Отсюда ли могли изойти Минины и Пожарскіе, приносившіе на жертву достояніе, жизнь, чтобъ только спасти свою родину, свою Вѣру, благоденствіе своихъ соотечественниковъ? Она ли, эта холодная, себялюбивая община, могла взлѣтать Великаго Петра, исполнить душу его безграничною любовію къ своему народу, какою исполненъ былъ самъ народъ срединной Россіи, или земель Киевскихъ, Владимиро-Волыцкихъ, къ своимъ властителямъ? Она ли могла, съ вѣчнымъ подозрѣніемъ и кознями, вѣчно кичливая, буіная, а для правды и порядка не сильная, игрившая и достойнымъ и великимъ, она ли, говоря мы, дрожащая за малѣйшія выгоды, могла приковать къ себѣ душею Великаго, это солнце родины, эту живую правду, эту долную самоотверженности любовь?... Повгородъ требуетъ жертвъ

отъ родины, — и не хочетъ ни чѣмъ пожертвовать для нея; хочетъ, чтобъ благородныя дружины, движимыя любовью и преданностію къ Іліазыицъ, лили кровь свою за него, — и не хочетъ признать ихъ своими братьями, подѣлиться съ ними своими сокровищами, страшитса близко допустить къ своимъ богатствамъ даже самихъ Кидасей; оубѣдитъ за каждымъ шагомъ ихъ съ какимъ то-подозрѣніемъ, торгуется, какъ мы уже видѣли, о малѣйшей бездѣлицѣ съ ними, вергуется даже съ Иваномъ III, когда сей держалъ уже въ рукахъ свою судьбу всего Новгорода. Духъ исключительности царятъ, и онъ, какъ мы уже замѣтили, такъ силенъ въ Новгородѣ, что Новгородцы не только хотятъ совершенно отдѣлиться отъ другихъ частей Руси въ дѣлахъ Государственныхъ, но даже въ дѣлахъ, касающихся Церкви, хотя попытка эта имъ и не удалась ¹⁷⁰ (1385 года).

¹⁷⁰ А той змы бысть цѣлованіе..... цѣловаща креста... Посадника... Тысящій... на рѣчи, на Княжи дворѣ, и всѣ бояре и дѣти боярскія, и житыя, и черныя люди, и вся пята Концовъ, что не зватися къ Митрѣполиту, а на судъ подняти двумя концемъ по два Боярина съ сторипѣ, и по два житыя челобѣца; тако же Посаднику и Тысяцкому судити право по цѣлованью. Пол. Соб. Р. Л. т. III, стр. 91; 1391 г.: Приде Митрополитъ Кипріяиъ въ Новѣградъ.... и много гдѣ-годѣша Новгороду, чтобы грамота подрати, что Новѣгородъ поковацаше, до не вватъся къ Митрополиту на Москву; и Новгородци слова его не приша, а грамоты не подраша, и Митрополитъ поиде изъ Новгорода, а на Новгородцерь великое нелюбіе удержа.... 1393 г.: Въя розмыры Князь Великій Василій Дмитріевичъ съ Великимъ Новымъгородомъ про грамоту, что записалъ Великій Новѣгородъ грамоту къ Митрополиту не зватися на Москву, а повѣтствуя тако: «Чтобы есте къ Митрополиту грамоту отослал; а есте цѣловали, а той грѣхъ Митрополитъ съ васъ спимаеть», и великій Царьгородъ того не похотѣтъ. И Князь Великій изъ у Новгорода пригородъ Тръжекъ съ волостями, и Волокъ Јацескій и Вологду, и волости много повоева, а Новгородцы взяца у Князя Великаго Устюгъ городъ, Устюжну, и много волости поимаша; и въ то время съ обѣ стороны кровопролитія много учинилося, и Новгородци, не хотя видѣти большаго кровопролитія въ крестьянѣхъ (какая сострадательность съ одной стороны, и готовность настоять за истину съ другою, а съ третьей какая обдуманность и какое сознаніе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ вообще, какъ и въ рѣшеніи объ отпаденіи Новгорода отъ власти Митрополита!) послаша къ Великому Князю съ челобитьемъ по старинѣ, а къ Митрополиту послаша грамоту цѣловальную; и Митрополитъ словомъ повѣтствовалъ: «Азъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ съ васъ спимаю, а васъ благословляю», а Князь Великій Новгородское челобитье приде, и ваа миръ по старинѣ.....

Да, въ средѣ Новгородской могла образоваться благородная Русская дружина, опора Вѣры, Престола и Государства, дружина, требующая довѣрія, любви и уваженія къ себѣ, и всегда готовая положить голову свою за Вѣру, Государя и Отечество. Если мы и видимъ, что вокругъ Князей скучивались лица, принадлежавшія къ Новгородской же общинѣ и дѣйствовавшія согласно волѣ Князя, но личныя выгоды заставляли ихъ рано, или поздно оставлять Князей, и они опять сливались съ общиной, или были избиваемы, или же, наконецъ, уничтожались политически. Княжеская дружина хотя постоянно показывается посреди Новгорода, но, безъ всякаго сомнѣнія, она образовалась изъ основъ другихъ частей Руси, а во всякомъ случаѣ была какъ тѣнь, безъ силы и значенія, безъ всякаго вліянія на общину. Посреди всѣхъ внутреннихъ раздоровъ между Сторонами, Концами и партиями, нигдѣ не слышится мирительный, или властительный голосъ ея; да и иначе быть не могло, по тому что, среди разгара страстей Новгорода, не было слышно мирительнаго, или властительнаго голоса даже самаго Князя. Въ покойныхъ совѣщаніяхъ вѣча нѣтъ со стороны Княжеской дружины также совѣщательнаго голоса. Въ продолженіи всей исторіи Новгородской мы видимъ ее только разъ на мѣстѣ вѣчей, но не съ совѣщательнымъ голосомъ, а съ оружіемъ въ рукахъ, и не для возстановленія немедленнаго же порядка, а ополчившеюся на бой вмѣстѣ съ Торговою Стороною противъ стороны Боярской. ¹⁷¹ Мы встрѣчаемъ ее не разъ посреди ратнаго поля; ¹⁷² видимъ, что она

¹⁷¹ И възвяди весь городъ (Всеволодъ Князь), хотя убити Твердислава..... и войде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, и скрутися въ брони аки на рать, и прѣйха на Ярославль дворъ; и снидоша Новгородци (какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, Торговая сторона, и, можетъ быть, Неревскій Конецъ) къ нему въ дружи, и сташа полкомъ на Княжѣ дворѣ.

¹⁷² Подъ 1192 г... Князь Ярославъ... дворъ свой пославъ съ Пльскопци воевать; и шльаше, взяша городъ Мѣдвѣжю Голову, и пожьгоша Новг. I, стр. 20. Подъ 1225: Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и съ Новогържици, Княжѣ дворъ, Новгородцевъ мало, Торопциане съ Княземъ своимъ Давидомъ, поводоша по нихъ (на Литовцевъ, сдѣлавшихъ впаденіе)... и тако, Божіею помощю и Святыя Софія, отыматша весь полонъ, а самѣхъ набѣша 2000. Тамъ же, стр. 42. Подъ 1245: «Заўтра прислѣ Александръ съ Новгородци, и отыша полонъ весь, а Княжиць насѣче или боги 8; и отгобѣ Новгородци възсплатиша, а

въ лицѣ самаго Князя, или въ лицѣ заступающаго его мѣсто, Болрина, вмѣстѣ съ Новгородскимъ Посадникомъ, принимаетъ участие въ высшихъ рѣшеніяхъ дѣлъ тяжбныхъ и уголовныхъ; ¹⁷⁸ видимо ее блюдущую за порядкомъ и властительницею городской темницы.

Но она судья, а голосъ Посадника можетъ отнять всю силу у ея рѣшенія. Князь рѣшаетъ дѣло не иначе, какъ по согласію съ Посадникомъ, и открытыя ими злоупотребленія и неправды не могутъ преслѣдоваться Княземъ безъ воли Новгородскаго Посадника. Дружина Княжеская видимо обязана блюсти за порядкомъ, — а въ областные города Князь назначаетъ постоянныхъ судей правителями изъ своихъ друзей. Но имъ сопоставляются судьи-правители Новгородскіе, въ лицѣ областныхъ Посадниковъ, и эти двѣ власти безъ сомнѣнія стояли другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла Княжеская власть къ Посаднику Новгородскому; Князь разсмываетъ, сверхъ того, временно изъ своей дружины судей для наблюденія за правдой въ самой области, но вѣчевыя сходки между тѣмъ, безъ суда и изслѣдованія, грабятъ, разоряютъ, преслѣдуютъ, забиваютъ гражданъ до смерти, и трупы ихъ бросаютъ въ Волховъ. Она судья и блюститель порядка, но не можетъ правдой и силой вырвать изъ произвола вѣча кого либо изъ преслѣдуемыхъ сходкою, взять его подъ покровительство закона, и покойно осудить его, если онъ виноватъ, или оправдать, если не виновенъ; не имѣетъ права и преслѣдовать виновныхъ въ этомъ произволѣ. Сходки дѣлаютъ ее какимъ-то страдательнымъ властителемъ-судь-

Князь погонися по нихъ съ своимъ дворомъ, и би я и не упусти ихъ ни мужа;... а самъ пойма сына своего изъ Витебска, поѣха въ маѣ дружинѣ, и срѣте вную рать... и тѣхъ заби. Тамъ же стр. 54. Не имѣтъ сомнѣнія, что дружина Новгородскихъ Князей участвовала подобно въ нападеніяхъ на Новгородъ, въ которыхъ были сами Князья.

¹⁷⁸ Высшую судебную инстанцію составляли въ Новгородѣ сперва одинъ Князь, а въ послѣдствіи Князь съ Посадникомъ; вторую—Княжескій Болринъ съ Болриномъ Новгородскимъ.

¹⁷⁹ Годъ 1436. Новгородціи винили Князя Всеволода, что онъ не блюдетъ справедль; въ 1218 г.: взявъ подъ стражу одного изъ своихъ собратьевъ, Новгородцы привели его на Городище, и тамъ отдали его подъ стражу; подъ 1231 г.: Князь... велѣма Пальковичи, и посади я на Городищѣ въ Грядищѣ. П. С. Р. Л. т. III, стр. 7, 36 и 48. См. также Лаврентьевск. подъ 1071 г., стр. 77 и 78.

ею, который и видитъ несправедливость, а долженъ молчать и подчиняться произволу въ дѣлахъ, касавшихся жизни и достоинства гражданъ, безмолвно подчиняться этому произволу и тогда, когда онъ вздумаетъ сдѣлать и ее самое своей игрушкой. Она видимо также блюстительница порядка; но когда, въ враждѣ Сторонъ, Концовъ, семей и партій, нарушаются страшнымъ образомъ права личности и собственности, когда отправляютъ на тотъ свѣтъ Новгородцы другъ друга, она не имѣетъ права остановить этѣ беззаконія, возстановить порядокъ даже именемъ Князя; мало того, поставляется сама въ такое положеніе, что лица, представленныя ей самими же Новгородцами, какъ нарушители закона и порядка, и захваченныя во время этѣхъ тревогъ, выдаются ею, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ и преслѣдованіе той или другой Стороны; ¹⁷⁵ отъ наблюденія за сохраненіемъ внѣ закона и порядка въ гостинномъ дворѣ совершенно устраняется. ¹⁷⁶ Безъ голоса примирительнаго, безъ голоса совѣщательнаго на вѣчахъ, безъ права защищать силой, или судомъ, отъ смерти и разоренія гражданина, преслѣдуемаго произволомъ, она лишена была даже того права, которымъ пользовался послѣдній Новгородскій Дворянинъ, лишена была права пріобрѣтать, какимъ бы ни было способомъ, Дворянскую недвижимую собственность: для нея нѣтъ подобной собственности въ земляхъ Новгородскихъ. ¹⁷⁷ Мало того, лишивъ ее всѣхъ правъ лица нравственнаго Государственнаго, и заставляя ее исполнять только волю Сторонъ, Концовъ и партій, Новгородъ сохранилъ еще за собою право штрафовать ее, ¹⁷⁸ сажать въ цѣли, или подъ стражу, ¹⁷⁹ или поставлять въ такое положеніе, что она тайно, какъ

¹⁷⁵ Мал. Соб. Р. I. 7. III, стр. 26.

¹⁷⁶ См. выше.

¹⁷⁷ См. выше.

¹⁷⁸ А на Ярославль любвьлицѣхъ поимаща Новгородци купъ много, и на Геродлицанѣхъ (Жив. дружинѣ), а дворовъ ихъ во грабаче и даша во великомъ мѣстѣ. Псалъ 1828 г. Мем. I, стр. 45.

¹⁷⁹ Темъ 1210 г., Новгородцы не только дозволили Князю пришедшему заковать въ цѣли Владиміру дружину Князя своеро, Сладослава, бывшую въ Торжкѣ, но и

какой ни будь преступникъ, скрывается отъ него. ¹⁶⁰ Вотъ роль Княжеской дружины. Дружинникамъ своимъ Князь не имѣетъ права раздавать какія ни будь административно-полицейскія мѣста въ области: вѣтъ мѣста могутъ занимать только одни Новгородцы. ¹⁶¹ Роль дружины областной, напротивъ, при постепенномъ ослабленіи срединной правительственно-военной власти (Посадникъ), при явномъ часто недоверіи, даже при явномъ пренебреженіи къ ней, при этомъ буйномъ производѣ суда вѣчеваго, гдѣ попирались достоинства, санъ и заслуга, должна была запечатѣться полнымъ произволомъ, въ отношеніи обѣихъ Сторонъ, т. е., Стороны Боярской и Стороны Торговой. Такъ стремленіе къ исключительности, духъ себялюбія, братоненавидѣнія, заградили пути къ образованію Государственной личности въ Княжеской дружинѣ, и къ правильному формированію военнаго элемента, постоянно необходимаго для всякаго Государства. По этому, въ замѣнъ Княжеской дружины и независимо отъ дружины областной, должна была образоваться въ Новгородѣ дружина особаго рода, которая, отдѣляясь отъ толпы народной, не могла найти въ средѣ Новгорода, съ одной стороны, средивно-нравственной точки, вокругъ которой она могла бы правильно собираться, съ другой нравственнаго и физическаго противодействія въ случаѣ ея оноего уклоненія, дружина непокойная, и, при ложномъ направленіи самой общины, страшно опасная. Объяснимъ подробности.

Когда въ другихъ частяхъ Россіи вездѣ обрзовывалась Княжеская дружина, ата цюка, этотъ разсадникъ высшихъ Государ-

сами посадили подъ стражу дружину его, бывшую въ Новгородѣ, заставить и самого Святослава раздѣлять участь ея. Нов. I, стр. 31.

¹⁶⁰ Не пр. подъ 1141: Святославъ же убоявся и бѣжа, и съ женою и съ дружиною своею (Шнатьев, стр. 17); подъ 1224: поиде Князь Всеволодъ другое изъ Новгорода, въ ночь, утаивъ, съ вѣмъ дворомъ своимъ (Нов. I, стр. 41), и пр.

¹⁶¹ Что волостей всѣхъ Новгородскихъ, тотъ въ, князю, на держави, оидеи, мучи, въ держави муче Новгородскихъ. Держ. пр. 1263, 1270, 1305 и др. до самаго паденія Новгорода. Также въ договорной гр. 1471 г., съ Иваномъ III после удара.

ственныхъ соображеній, высшей Государственной деятельности, цюкола согласій, которая готовила людей не на службу того, или другого сословія въ отдѣльности, а на службу общую, на службу высшихъ Государственныхъ выгодъ, въ идеѣ Князя скрывался одинъ безразличный покровъ для всѣхъ сословій — идея общей правды, общаго благосостоянія. Князю нужны были слуги сознательныя и не сознательныя для выраженія этой идеи въ жизни народной, для устройства Государства сообразно съ нею, для защиты ея, которое было святымъ долгомъ ея; и отъ всѣхъ сословій, отъ всего народа отказали въ услуженіи Князю избраннѣйшіе, и образовываясь вызвавшею ихъ идеею, являлись передовыми свѣтилниками и вождями для всѣхъ сословій. Отдѣленіе чистѣйшихъ и болѣе жизненныхъ соковъ къ средѣ, къ сердцу Государственному, какъ мы видѣли, не вездѣ было одинаково, и задерживалось съ начала невѣжествомъ народа, къ XIV и XV ст. сдѣлалось обыкновеннымъ общимъ жизненнымъ процессомъ, давая Князю возможность, въ случаѣ нужды, совокупить свободно толпы защитниковъ общаго благосостоянія. Государство дробилось на сословія, по степени услугъ въ исполненіи требованій Государственной религиозно-нравственной цѣли, по степени сознанія этѣхъ требованій, но въ этой цѣли оно было едино. Въ самомъ низшемъ сословіи вѣковыя событія, высокіе образцы, развивавшіеся жизнью избраннѣйшихъ, собиравшихся около Князя и посвящавшихъ жизнь свою на многотрудную службу той великой цѣли, требовавшей жертвъ и жертвъ, труда, усилій, лишеній, даже жизни, этѣ событія, этѣ великіе образцы, говоримъ мы, запечатлѣлись глубоко хотя темнымъ сознаніемъ и пробуждали благоговѣніе предъ этѣми образцами, перенося его на всѣхъ сподвижниковъ Князя, въ дѣлѣ великомъ, въ дѣлѣ Божіемъ, въ защитѣ благосостоянія Государственного, въ водвореніи правды, порядка, въ осуществленіи и пробужденіи высшихъ религиозно-нравственныхъ требованій жизни, на все Дворянство, въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Высокая цѣль ставила въ правильныя и уважительныя отношенія сословіе къ сословію и всѣ сословія передъ властію. Вотъ путь развитой основной части Россіи въ идеѣ Князя и въ первомъ, существеннѣйшемъ выраженіи ея, въ дружинѣ Княжеской, которая образуетъ въ послѣдствіи цѣлую массу Дворянства, цѣлое сословіе, сословіе не замкнутое, но оживляемое вновь отдѣляющимися отъ жизни народной элементами, освящавшимися въ идеѣ Князя. Въ

Новгородъ — не было ни чего подобнаго. Сословія не раскрылись сдѣла для думы общей правды, общаго цѣлова, для высшихъ религіозно-правовенныхъ требованій: помыслъ о вѣщественныхъ, земныхъ выгодахъ подавлялъ сдѣла постоянно цѣли дмощія, дуковныя. Безсміе семейнаго чувства — чувства любви и состраданія, было приидной тому. Какое бы умственное образованіе вы ни дали Новгородцу, онъ, при безсміи семейнаго чувства, при своей братоненавистности, еребролюбии, при своей нессострадательности къ ближнему, при своей жестокоости сердца, остался бы тѣмъ же себядлюбомъ, только болѣе хитрымъ, болѣе ловкимъ, не столь жесткимъ по вѣщности. Новгородецъ нуждался въ образованіи сердца, въ развитіи органа сознанія высшей любви, вмѣщающей обраецъ для насъ въ страдающаго Спасителя до крестной смерти, изъ любви къ людямъ, за истину. Пусть гравить храмъ — Новгородецъ не оскорбится этимъ святотатствомъ; пусть поругаются надъ властію духовнаго религіознаго міра — это тоже не тревожитъ его; пусть нарушаются малъ властію свѣтскою, держащею законъ и порядокъ, ведущею жизнь къ высшимъ духовнымъ цѣлямъ, охраняющею народъ со всѣми свѣтскими его, и онъ — не понимаетъ, не сознаетъ, что этимъ поруганіемъ власти разрушаются законъ и порядокъ, растроивается жизнь и благосостояніе народа, поругаются свѣтскими, предъ которыми преклоняется народъ; пусть царятъ неправда, ложь, клеветно-преступленіе, грабежъ, насиліе — нѣтъ дѣла до нихъ Новгородцу, когда они не касаются его лично. Но попытайтесь вразумиться, даже во имя общей правды, вышнихъ Государственнхъ требованій, въ основаннхъ выгодахъ — и Новгородъ останется тогда всею подъ оружіе, и гибель тогда каждому изъ Новгородцевъ, который бы раздѣлялъ эти требованія: его не медленно же, безъ дальнѣйшаго суда и мсавдованія, убили бы, сброшили бы трупъ его въ Волховъ, а имущество разграбили бы, подобно тому, какъ поступало было въ Новгородѣ съ Посадникомъ Дмитріемъ. Попытайтесь видѣть, во имя высшей правды, во имя высшихъ Государственнхъ дѣлей — и Новгородъ востанетъ и умаснется, назоветъ эту казнь страшнымъ насиліемъ, надъ которымъ и Святые задумаются и прольютъ даже слезы; а если соперничество между боярскими семьями подыметъ тревогу на цѣлый городъ, гдѣ частная вражда разовьется во вражду общую и будетъ покарать жартау за другою — Новгородецъ останется покойнымъ...

городъ не имѣлъ сердца, которое бы могло сознать высшія религиозно-правотвенныя требованія. Въ слѣдствіе жоризнанія жизни, или признанія слабого, этихъ требованій, идѣи Князя; олицетворявшая собою покровъ этихъ требованій; не могла брести корабль въ жизни Новгородской; а въ слѣдствіе безвѣрнаго сознанія этой идѣи, Новгородъ не могъ дать Князю слугъ, для осуществленія въ жизни народной этого помысла, не могъ возродить въ средѣ своей княжеской дружины; и по этому же княжеская дружина остается въ Новгородѣ до самаго паденія его отвлеченною отъ выгодъ сословій. Ни те, ни другое, ни третье, сословіе не отдало въ Новгородѣ передовыхъ вождей жизни, по тому что живая не имѣла высшихъ цѣлей, кромѣ сословныхъ выгодъ, выгоды Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Военная младшая дружина отдалась безъ сомнѣнія, отъ всѣхъ сословій: нужно было защищать общинныя выгоды; но кончилась война, и эта дружина разсыпалась по Сторонамъ, Концамъ и болѣе малымъ общинамъ и семьямъ, какъ членъ этихъ общинъ, или какъ прислужница, и дума объ общихъ выгодахъ, пробужденная навѣтъ, какъ бы случайно, общему опасностію, не находила отраженія въ жизни мирной, мало по малу погасала. Между тѣмъ продолжительная война, поддерживая думу объ этихъ выгодахъ, образовывала людей не мирныхъ, людей, приобучавшихся къ жизни Казацкой, къ жизни лихихъ наѣзцовъ, къ жизни хищничества. Кромѣ того, не во вся высшихъ духовныхъ требованій подымалась община и войною, и не высшія духовныя требованія опредѣляли свойства войны. Боярничъ тѣ же Боярничъ, представителями Сторонъ, оставались и посреди войны съ тѣмъ же свойствомъ, съ тѣмъ же взглядомъ, какъ и во время мира; а какъ свойство было или подлая надменность, или ступенно-безжалостная сила, взглядъ ихъ взглядъ себялюбца; и эта дико-незданная, или стрептано-безжалостная сила; это себялюбіе, не могли открыться и во время войны и были вождями младшихъ Новгородскихъ вбидновъ. Образовавшаяся въ этомъ духъ младшая дружина не находила мѣста себѣ въ обычной жизни Новгородѣ и слабо входила съ своими воинскими привычками въ большія и малыя общины; какъ членъ, принадлежащій къ нимъ; ибо, оставалась безъ всякаго значенія и смысла, должна была служить орудіемъ страстей, которыя оживляли и тревожили общину, губила законъ, правду, подпирала всѣ высшія Государственныя религиозно-прав-

ественные требованія; между тѣмъ духъ удализма и индивидуализма, возвращенный войною, не могъ не искать себѣ предлоговъ для дѣятельности, согласныхъ съ его природою. Такъ образуются въ Новгородѣ «молоды», которые, съ позволенія и безъ позволенія Новгородскаго ходятъ въ чужія земли, для опустошенія ихъ, а съ тѣмъ възвѣтъ и для добычи. Продолжительное мирное время грозило Новгороду другою бѣдой—разъединеніемъ по сословіямъ, по Концамъ, по партіямъ и совершаемымъ паденіемъ думы объ общей пользѣ, а съ тѣмъ възвѣтъ образованіемъ толпы людей съ негражданскими качествами, еще въ большомъ размѣрѣ, нежели образовывала ихъ война. Соперничество между боярокими семьями и значительность младшихъ Новгородцевъ, сопутствуемые постоянно насильственными убійствами, грабежами и разореніемъ, были страшною школою для отдѣлившейся отъ сословія толпы народной и приславившейся въ Новгородѣ къ привилегированнымъ сословіямъ, а въ другихъ частяхъ Руси входившихъ въ составъ дружинниковъ. Выкинутые изъ сословныхъ выходовъ, къ которымъ духъ исключительности Софійской и Торговой Сторонъ, приурочивала ихъ, и дѣйствуя, какъ орудія Сторонъ, Концовъ, партій и семей, эта толпа проникалась духомъ жестокости, насилія, убійства, грабежа и хищничества, духомъ неурядицы, конвей, духомъ беззаконія; и втѣть духъ негражданственности порождалъ изъ нихъ кривошияковъ, вѣчниковъ, поджигателей, грабителей, ибедниковъ, лжесвидѣтелей и вообще всякихъ людей, людей подкупныхъ, готовыхъ всегда помочать отырытою силою или Боярокимъ семьямъ въ враждѣ ихъ между собою, либо Сторонѣмъ, Концамъ, партіямъ, даже готовыхъ постоянно поддерживать и раздувать внутренній раздоръ и безпорядки для того, чтобъ дать толпу своему вражельному стремленію къ грабежамъ и хищничеству. Даже въ средѣ самыхъ дружинниковъ, получившихъ гражданскую значимость (Дѣти Боярскія) и употребившихъ на мирную службу, въ должности судей, вѣдальщиковъ, чиновниковъ, въ должности сборщиковъ, не могли не образоваться подобнаго же рода люди, зараженные общимъ духомъ себальбія, неправды, жестокости Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Какой правды можно было ожидать отъ подобнаго рода людей, когда могъ подкупаться дѣлай, Конецъ? Какую защиту отъ чиновника, когда Сторонѣ, Концы и партія могли въ самомъ же Новгородѣ безнаказанно бить людей, грабить и разорять ихъ?.. Можно себѣ пред-

ставить, какими грабежомъ знаменовали себя подобнаго дуга дружинники-чиновники вдали отъ Новгорода, въ особенности оборонивъ въ земляхъ Югры и Печеры: и этимъ-то однимъ дугомъ кичливоства и насилія мы объяснимъ неоднократную гибель этихъ дружинниковъ-сборщиковъ? Съ другой стороны; былъ ли Посадникомъ Бояринъ, державшійся одной Стороны, и всѣ судьи, всѣ чиновники, разсыпанные по области, какъ подчиненные ему; конечно, поддерживали выгоды Боярина на счетъ выгоды двухъ другихъ сословій. Былъ ли Посадникомъ Бояринъ, представитель Торговой Стороны, онъ, чрезъ чиновниковъ, поддерживалъ въ области выгоды средняго сословія на счетъ выгоды высшаго и низшаго сословія. Чиновникъ, дѣйствовавшій въ выгодахъ одной стороны, не могъ не преслѣдоваться стороною противной, если эта послѣдняя одерживала верхъ въ самомъ Новгородѣ; а свойство Новгородскаго преслѣдованія извѣстно намъ: избить до полусмерти, или даже до смерти, бросить мертваго, или полумертваго, въ Волгодъ, а жилище разорить и расхитить; но если преслѣдованіе дармо жизнь преслѣдуемому, то куда могъ обратиться съ своею дѣятельностію дружинникъ, такимъ образомъ разоренный? Куда могли обратиться его сыновья?... Пристать ли къ сторонѣ Булдеевцевъ, поиться и кормиться у нея, или къ сторонѣ молодцовъ и ликихъ людей, грабителей, ябедниковъ, плетницъ, кулачныхъ бойцовъ? Такъ, когда въ другихъ частяхъ Руси отдѣлился отъ сословія лучшій сокъ, лучшій цвѣтъ, для высшихъ цѣлей Государства, складывался въ Княжескую дружину и образуя собой передовыя вѣжды въ религіозно-нравственномъ развитіи, въ Новгородѣ, напротивъ, все, что могло стать впередъ и воззвать Новгородцевъ къ высшимъ цѣлямъ, воззвать ихъ, по крайней мѣрѣ, къ думѣ объ общинномъ благоденствіи, было преслѣдуемо, и, въ зачѣнъ начала благороднѣйшаго, ростилось начало въ полномъ смыслѣ предательское, преданное, безнравственное, противозаконное, мятежное. И Новгородъ ни сколько не пугался его!

Явленія тревожныя рано уже начали обнаруживаться въ исторіи Новгородской съ этой стороны. Уже подъ 1228 годомъ мы читаемъ въ исторіи Новгородской: «Окаянный дьяволъ... воздвигъ кресту великую со стороны простой чади; и собрались вѣчемъ на Ярославовъ Дворъ, а съ вѣча двинулись на дворъ Владыки, толкая между

себѣ, что по тому долгое время стбитъ теплая погода, что Архіепископъ Арсеній, будучи бы, пріобрѣлъ Архіепископство пронаи- ни, коими противъ прежняго, свѣннаго имъ, Архіепископа Ан- тонія, и маюмъ за свое возвышеніе самому Князю. Прішедши къ Ан- тонію, они сватали его, словно накого на будъ алодѣ, витаница изъ палаты Цажа со двора; и ваставилъ его скрывать дъ деревни Св. Со- фій; чю на Хутынѣ, а на другой день оного посадилъ (престяга) Архі- епископа Антонія.»¹¹⁷ Это дало движеніе со стороны простой чади алодѣ идиуну связь съ посадочными, дъ слѣдъ за тѣмъ, не имѣе странннн, событіи, ги мы остановимся еще нѣсколько мновеній на немъ. Оно случилось во время отсутствия Князя Ярос- лава, на которомъ Софійская Сторона и маюмъ даше Тергоровъ были мновольны. Принимая прѣстои дъ соображеніе, что, по вернымъ, на чѣмъ же за мнѣномъ дросуай чади противъ Архі- епископа; оспрмалъ тревога въ цѣлемъ городѣ, мѣдъ влѣвомъ думалъ, что нѣкоторые мѣдъ Новгородомъ съ намѣреніемъ рудо- волаго Князя противъ общины; и оидствіемъ оной пререга, было новочвнне; съ котораго Новгородца дашу мѣдъ съ оружіемъ; на Тмезцкаго Вячеслава, и разграбили дворъ его; а также другіе дворы, принадлежавшіе брату Тмезцкаго, Богуславу, Владимю, Степа- вану, Андрѣю, Давиду и Судимру, страдавъ въ то же время чаетъ свонкъ на Сиросту Душманца, съ тѣмъ, чѣбъ мнѣне; и рразграбили, а оного схватили и повѣсили; во вторыхъ, Новгородцы мновъ; знанъ тогда жъ Князя Ярослава, съ нѣмъ тоаме, чѣбъ онъ мновъ; стѣмъ ихъ въ судъ; въ третьихъ, чѣе тогда же, послѣ бѣгства, оставленнаго Ярославемъ, Болрина, съ малолѣтними дѣтми еого Князя чю Новгородца, Новгородцы толковали, чѣр. Бога; амаеа, ое чѣе разсрмилъ этета Болрина; ибо они; наказанъ; только дур- нѣи; советниомъ Князя; свенѣ же бранн; а не заманили; чн чѣе; противъ; омаго Князя; принявъ нѣнесообразнне воизтѣ, и мновольство Софійцевъ на Тергѣцевъ; ихъ даше нне; протавъ лице, свѣлншихъ блнѣдъ къ Ярославу; и ихъ на-желаніе влѣдъ Ярослава евоимъ Княземъ; ннѣ, чѣмъ; тоду оказаннымъ условіемъ, мы, м- жетса, не безъ основанія можетъ предполагать, что самое движеніе простой чади противъ Архіепископа Антонія было плодомъ коз-

¹¹⁷ Мнов. 3, стр. 44.

ней Софійской же Стороны. Чадъ была только темные оруженъ думы Софійцевъ; которые видѣли въ Архіепископѣхъ люди, преданнѣе Ярославу; ибо слова простой чади, что Антоній выискалъ у Ярослава свое Архіепископство и низвергнулъ такимъ образомъ прѣжняго Архіепископа, можно говорить, что онъ бытъ шельмою; бытъ покровителемъ Ярославу, но убѣжденію самихъ Новгородцевъ, а какъ обязательный всемъ Ярославу, онъ не могъ не дѣйствовать въ пользу его. Въ этомъ предположеніи подтверждается еще наше отсутствіе всякаго противодѣйствія со стороны Софійцевъ нагляднѣ, лѣтисными всякаго смысла, перугавшимъ чадъ ирѣ Святѣлемъ своимъ, отсутствіе всякаго противодѣйствія даже въ изведеніи Арсенія съ Архіепископства; и если наше предположеніе вѣрно, то сами же старшіе Новгородцы вѣдѣно руководили въ тѣ настоящемъ случаѣ своихъ младшихъ собратіе иащѣвъ, въ широтныхъ разрушались святые свѣдѣи между народамъ и властью; сами сознательно приготовляли икъ къ движеніямъ противогосударственнымъ, которыя поведутъ Новгородъ къ совершенному внутреннему разрушенію. Какъ бытъ то ни было, простая чадъ явлется въ настоящемъ случаѣ дѣйствующею по шведѣ волѣ; свободно поругавши надъ порядкомъ и святостію сана духовнаго главы Новгорода и остается безнаказанною; напротивъ, ея рѣшеніе прѣдметомъ цѣлѣмъ Новгородомъ. Подобное же несомнѣнѣ движеніе со стороны простой чади мы замѣчаемъ въ 1337 году, и Новгородъ подчиняется этому движенію и рѣшенію чади, какъ закону: «Возсташа простая чадъ на Архимандрита Іосифа; образъ вѣчанъ, и запаря Іосифа въ церкви Св. Николая, и шидѣвъ около церкви ночью и день крѣпильники, сторожа его.»¹⁰³ Въ 1294 году этѣ «франкишнии» грабдѣи въ Новгородѣ купеческія лавки, и дуть вѣтъ икъ, вѣротно иакъ тѣвѣшли въ виновниковъ, народъ утѣшилъ въ Волхѣвъ.¹⁰⁴ Въ 1332 году этѣ крамоушники свели съ Посадничества Осера Ахмиза, и на его мѣсто посадили Захарія Матѣевича; разграбѣвъ въ то же время у какого-то Семѣна Судакова домъ, и у брата его, Космофонта, села.¹⁰⁵ Въ 1342 году они играють еще большую роль:

¹⁰³ Нов. I, стр. 78.

¹⁰⁴ Тамъ же, стр. 65.

¹⁰⁵ Въсташа крамоушники въ Новгородѣ и отысла посадничество у Осера у

являются судьями Посадника или какого-то другого Боярина, разграбили ихъ дома и села, заставивъ ихъ самихъ ѣхать изъ Новгорода. ¹⁰⁰ Потому же, когда Бояринъ Онцифоръ и бывший Посадникъ, Матвѣй, потребовали отъ Новгорода формальнаго суда надъ Посадникомъ Федоромъ, Софійская Сторона приняла рѣшеніе чернилии, по крайней мѣрѣ, действовала противъ Посадника Федора, в Торговлю, возставшая за Федора противъ Софійской; не возстановила правъ его на Посадничество: судъ крамоульниковъ былъ судомъ окончательнымъ для Новгорода по настоящему дѣлу. Пожары очень часто пустошили Великій Новгородъ, и, при описаніи ихъ, летописецъ не рѣдко упоминаетъ о злыхъ людяхъ, которые занимались грабительствомъ, даже разбоемъ, въ это время. Тамъ, на др., говоря о двухъ страшныхъ пожарахъ, бывшихъ въ 1314 году, онъ, послѣ описанія перваго, прибавляетъ: «а злыя люди и не добрыя, Бога не бояся, аида общее несчастіе—людямъ погибель; спрѣбываи нужиа и мущества...» Послѣ описанія втораго: «а окаяныя челоуки, такоже Бога не боячеся, не помыслиа суда Божьяго, не сещиа брагійи своиы; пограбиаи чужыа и мущества...» Въ 1340 году: когда почти весь Новгородъ былъ уничтоженъ пожарами, подобное грабительство сопровождалось убійствами и, между прочимъ, вторженіемъ въ храмъ, расхищеніемъ частныхъ богатствъ, свосенныхъ туда на сохраненіе, и покушеніемъ на святыхъ самаго храма: крамоульники не допускали уже оныхъ выносить; но одно лишь быстрое распространеніе пламени, одна физическая невозможность, не позволила имъ дойти до сего крайняго предѣла святотатства: «а то злыя люди... не токмо у челоука, у своего брата, Хрестіанина, пограбиаи, а иныихъ надъ своимъ и муществомъ побиаи, а и мущество овладѣи, но грабиаи и въ святыхъ церквахъ»

Ахмыла, и даша Захаръи Михайловичу, и пограбиша дворъ Смена Судокора, а брата его, Сенефонта, села пограбиша. Тамъ же, стр. 76.

¹⁰⁰ И: встѣпша чръныи люди на Оандрѣиша, на Федора на Посадника на Дамалова, а тамо ркуча: аю чѣ заелаша на Луку убити, и пограбиша ихъ дома и села; а Федоръ и Оандрюшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великаго говѣнїа. Тамъ же, стр. 82. Что сдѣсь подъ словомъ черныя летописецъ разумѣетъ не Торговую Сторону, это положительно видно изъ дальнѣйшаго разсказа его о настоящемъ же предметѣ.

Вотъ каровъ страхъ Божій въ насъ: тамъ, гдѣ мы видимъ чашу Божію надъ собою, тамъ, гдѣ всякому Христіанину слѣдовало бы бросить домъ свой, чтобъ спастись отъ гибели храмъ святой; тамъ мы, вмѣсто сокрушенія сердцемъ, вмѣсто слезъ, вмѣсто покаянія, еще на худшее зло подвизаемся! Загорѣлась церковь Святыхъ города Мучениковъ, отягченно устроенная и украшенная иконами, и старинныя писаніемъ, и ковaniemъ и крутою; многіе предъ тѣмъ перетаскали въ нее изъ домовъ все свое имущество; церковь была занята, и при ней было двое сторожей: сторожа были убиты, священныя имущества разграблены, а иконы и книги грабители не допустили выносить, и оставили грабительство только тогда, когда пламя готово уже было объять весь храмъ. Около потолка храма Св. Богородицы найдены мертвыя Оладеникъ; кацонне, отъ него погибнуть посреди пламени, но иные рассказали о томъ, что его убили надъ имуществомъ, надъ товарами, посинувъ церковь съ иконами и книгами совершенно споры, но не было замѣтно, чтобъ къ сему Священнику пламя прикоснулось: даже екогда итуды: «сего же ни власть огнь прикоснуся;» а между тѣмъ: все имущество, весь товаръ, было разграблено. Мудрено ли: то было, пещь этого Новгородца, въ 1443 году, заподозрять своего же обратій въ меджигательствъ: «въ таѣнѣ ходите въ людехъ: не являетса, и аажигаегае градъ, и люди губите;» доли лѣтописецъ и прибавляетъ къ этому разсказу, что Богъ однихъ знаетъ, откуда выходятъ на людей испытанія, и что Новгородцы не могли быть въ это время сумьяди, по тому, что была въ скорби великія пожары и отъ ярости сущени.» Въ 1230 году, при эпидеміи страшнаго голода и мора, когда мертвецы «по улицамъ, на площади и на великомъ мосту, были похоронены: псама;» когда три скудельды были наполнены безчисленнымъ множествомъ мертвыхъ тѣлъ, когда «беше туга и печаль,» когда встрѣча на улицахъ съ пріятелями не разсѣивала скорби, и эта скорбь гнала челоуѣка домой, а дома одолевала тоска при видѣ, какъ дѣти одни плачуть, прося хлѣба, другія умирають съ голода, лѣтописецъ представляетъ намъ, съ одной стороны, всю отвратительную холодность Новгородской общины: братъ надъ братомъ не ожилится; ни отецъ надъ сыномъ, ни мать надъ дочерью, ни сосѣдъ сосѣду не уломать хлѣба», съ другой—дикость и звѣрство простой чади: «ини простая чадъ рѣзала людей живыхъ и пожирала, а другія пожирала трупы, обрѣ-

злая чадь съ нихъ, а иные злые люди начали также добрыхъ людей дома зажигать, гдѣ узнавали, что есть хлѣбъ, и разграбляли ямъвнѣ ихъ.»¹²⁷ Такъ эта простая чадь, появившись рано въ Новгородѣ, проходитъ чрезъ XII, XIII, XIV и XV столѣтій съ своимъ характеромъ противогражданскимъ и печатлѣетъ свое существованіе во внутренней исторіи рѣзче, самобытіе, нежели младшіе дружинники этѣ въ другихъ частяхъ Руси, дѣтцы, отроки, а молодцы въ великомъ Новгородѣ. Но когда Новгородъ, слава въ своихъ младшихъ дружинникахъ удалство, молодчество въ ратныхъ подвигахъ, не хотѣлъ облагородить этѣ подвиги именемъ Вѣры, Отечества, не хотѣлъ почтить облагороженной храбрости дарованіемъ младшимъ дружинникамъ соответственной гражданской и общественной значимости и въ настоящемъ и въ будущемъ, не хотѣлъ этого по тому, что подобный даръ потребовалъ бы пожертвованій со стороны Бояръ и промышленниковъ, ведущихъ безпрерывную борьбу именно только за сохраненіе своихъ богатствъ и привилегій, тогда младшіе дружинники, этѣ молодцы, подобно простой чади извергаемые изъ жизни гражданской, обратились съ своимъ удалствомъ и молодчествомъ на подвиги также противогражданскіе, въ которыхъ клеймилось позорнымъ клеймомъ и имя Христіянина и имя гражданина. Сдѣсь простая чадь, кулачные бойцы и этѣ молодцы, пользовавшіеся правами гражданскими только временно, обезразличиваются между собою. До какой степени эта новая жизнь нашихъ молодцовъ была въ духѣ Новгородской общины, ясно видно изъ тѣсной связи ея съ жизнію самой общины. Мы сейчасъ видѣли, какую тревожную роль играла въ Новгородской исторіи простая чадь: произволъ, беззаконіе этой чади находили источникъ и силу въ самомъ же бытѣ, въ самомъ духѣ Новгорода. Молодцы, соединяясь съ простою чадью, съ кулачными бойцами, теперь увлекли эту тревожную толпу за предѣлы Новгорода, и тѣмъ же самымъ произволомъ, тѣмъ же беззаконіемъ, какъ и простая чадь, какъ и Стороны, гуляли на просторѣ анѣ Новгорода, и Новгородъ безъ суда и гнѣва смотрѣлъ на ихъ беззаконныя дѣла, онъ даже видимо уважалъ своихъ разбойниковъ и грабителей за ихъ похождения. Въ числѣ лицъ, предводительство-

¹²⁷ Нов. I, стр. 47.

завшихъ молодцами на грабежи и разбой, были лица, принадлежавшія, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ высшему сословію. Самое наименованіе подобныхъ вождей грабежа и разбоя по имени и отчеству говоритъ положительно объ уваженіи, которымъ они пользовались въ своей общинѣ: «ходиша, говорить, на пр., глгописецъ, люди мелодые на Волгу для грабежа и разбоя», какъ увидимъ ниже, безъ Новгородскаго слова, «а Воеводою Есипъ Варфоломеевичъ, Василій Федоровичъ, Александръ Обаконевичъ.» Мы знакомы также съ личностію Боярина Василя Буслаевича, который, повелъ разныхъ потѣхъ, успѣлъ подчинить своей волѣ мужиковъ Новгородскихъ. Съ измѣненіемъ положенія Боярина измѣнялся и рассказъ народный о Буслаевичѣ. По этому измѣненію, ¹⁰⁶ Буслаевичъ жетя и окруженъ тѣми же послушными ему удалцами-молодцами, но въ немъ уже нѣтъ сословной борьбы, и жизнь раскрыла предъ нимъ, вмѣсто Новгорода, болѣе широкое поле для этого удалства-молодечества; ¹⁰⁷ теперь онъ просто грабитель и разбойникъ, кото-

¹⁰⁶ Разночтеніе напечатано въ изданіи Г. Сахарова Русскихъ цѣсей, часть V, стр. 72—93. Мы считаемъ это разночтеніе произведеніемъ того времени, когда Новгородъ состоялъ уже подъ властію Москвы; но самыя походы героя рассказа чужды, безъ сомнѣнія, изъ преданій о подобныхъ походахъ Новгородцевъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

¹⁰⁷ Мы считаемъ дошедшее до насъ разночтеніе отрывкомъ или второю половною рассказа, котораго первая часть оцается намъ еще не извѣстною. Считать же ¹⁰⁸ этотъ отрывокъ продолженіемъ рассказа древнѣйшаго нѣтъ ни какой возможности: видно, цѣлыя столѣтія готовили, изъ древняго первообраза Буслаевича, Буслаевича новаго, жизнь котораго изображается въ отрывкѣ, и только одно изображеніе народное могло схватывать однородность первообраза, олицетворяющаго въ томъ и другомъ богатырѣ рассказовъ, обозначивъ эту однородность общими наименованіемъ обоихъ богатырей. Буслаевичъ и того и другого рассказа, правда, ¹⁰⁹ оба удалцы, оба потѣшаются надъ челоѣчествомъ, но Буслаевичъ древняго первообраза не былъ разбойникомъ и грабителемъ и весь сосредоточенъ на словесной, внутри Новгорода, борьбѣ, на думѣ о господствѣ надъ младшими Новгородцами; въ Буслаевичѣ же позднѣйшамъ этой сословной борьбы мы уже не замѣчаемъ: очевидно, онъ принадлежитъ ко времени паденія значенія Посадника, и онъ, сверхъ того, думой сосредоточенъ не въ Новгородѣ, а внѣ Новгорода, и, по намеку его матери и по его собственному прямому показанію, былъ однимъ изъ тѣхъ разбойниковъ-грабителей, которыхъ представляетъ намъ исторія XIV и начало XV столѣтій. Дошедшій до насъ отрывокъ изъ разночтенія ~~подроб-~~

рши разубиваетъ на своемъ кораблѣ вдоль широкыхъ рѣкъ и по озерамъ; теперь онъ, Новгородскій Бояринъ, Василій Буслаевичъ, потѣшается уже внѣ Новгорода, посреди шира крещенаго и не крещенаго; тамъ онъ калечитъ людей, забиваетъ ихъ до смерти и присваиваетъ себѣ, съ своими удалцами, чужія богатства, а потомъ, на старости лѣтъ, отправляется, съ своими молодцами-удальцами, тѣмъ же путемъ, гдѣ пронаводились обыкновенно молодецкіе Новгородскіе разбои, помолиться Богу въ Іерусалимъ, чтобъ, подъ старость, душу спасти отъ грѣховъ молодости, которая пограбила и изгубила много людей.¹⁰⁰ Этотъ первообразъ Новгородскаго Боярина, по народному разсказу, находитъ полное олицетвореніе въ одной исторіи.—Бояринъ Лука Вареломеевичъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ значительныхъ фамилій. Самого его мы видимъ подъ 1333 годомъ однимъ изъ дипломатическихъ дѣятелей Новгорода; ¹⁰¹ сынъ его, Онцифоръ, является въ 1348 году начальникомъ отдѣльной Новгородской дружины, а въ 1350 году Посадникомъ; внукъ Лука, Юрій, также былъ два раза дипломатическимъ дѣтелемъ. ¹⁰² И этотъ Бояринъ, Лука, съ сыномъ своимъ, Онцифоромъ, были также, какъ это мы объяснимъ ниже, вождями вольницы, которая не могла внять слова Новгородскаго; прибавьте къ сему, что Онцифоръ, подобно Василю Буслаевичу, съ своими молодцами-удальцами, въ 1345 году, прокладываетъ дорогу къ Посадничеству дядѣ своему епископу, а въ 1350 году, сѣвъ самъ на Посадничество, загубилъ, силой же, всѣхъ соперниковъ и супостатовъ своихъ, допустивъ разгра-

жаетъ жизнь Буслаевича въ ту пору, когда онъ уже рѣшился оставить свой разбой и грабежи для жизни мирной, и съ этой цѣлію возвратился въ Новгородъ, гдѣ задумалъ о спасеніи души своей и о путешествіи въ Іерусалимъ.

¹⁰⁰ Гой еси вы, гости корабельщени!
 Съ мелоду бито много, граблено,
 Подъ старость яде душу счастья.....
 А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
 Къ святому граду Іеруеалиму.

Пѣсн. Нар. Русск., собр. Сакирева, т. V, стр. 79.

¹⁰¹ Нов. I, стр. 76.

¹⁰² Тамъ же, стр. 84, 85, 91, 92 и 105.

бить и ихъ пмущество; прибавьте къ этому еще, что онъ потому добровольно отказался отъ Посадничества, какъ будто бы скучая безцѣльностью сословной борьбы, и что сыновья его, Юрій и Исаакъ, устроили въ Новгородѣ, на свой счетъ, три церкви,¹⁹³ и мы въ исторіи Боярской семьи Луки будемъ имѣть тотъ же самый первообразъ, который изображаетъ предъ нами народной расказъ въ лицѣ Василя Буслаевича. Замѣчательно также, что удалымъ пожеденія Луки и Онцифора, отрицавшія волю Новгорода, не помыслили послѣдному слиться снова съ общиной и отать даже во главѣ ея, сдѣлаться Посадникомъ.

Разорвавъ связи съ молодцами своими въ отношеніи правъ и привилегій гражданскихъ; не допуская ихъ до семейныхъ связей съ собой, до общественного сближенія съ привилегированными сторонами, надменно выисая надъ ними своимъ Боярствомъ и богатствами, Новгородская община видимо не думала чуждаться противогражданскаго, не Государственнаго, не Христіанскаго, характера, съ которыми являются потомъ этѣ молодцы, и если иногда противодѣйствовала имъ, хотя слабо, то все таки въ видахъ выгодъ сторонъ. Общину не пугаетъ этотъ характеръ: она чувствуетъ ему, отдѣляетъ отъ себя силы для развитія; осуществленія, его, но съ безмолвнымъ только условіемъ—не прикасаться къ ея собственнымъ выгодамъ. Отталкивая отъ выгодъ своихъ; не давая по этому ни какой гражданской значимости, не осѣщая воинскихъ подвиговъ ни именемъ Вѣры, ни именемъ отечества, она сама своимъ негражданскимъ, себялюбивымъ, характеромъ низводитъ младшихъ дружинниковъ на степень самую низкую, обижаетъ ихъ съ кулачными бойцами и простою чадью, обращаетъ ихъ воинское молодечество въ дикій произволъ, въ дикое удалство, и, отразивъ въ ихъ новомъ направленіи свой собственный противогражданскій, не Государственный, характеръ, характеръ разрушительный, община сторожитъ, по прежнему, свои выгоды и, указывая другія земли Русскія, какъ обширное поле для ихъ дикаго произвола и удалства, въ лицѣ же своихъ Бояръ, или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ лицъ, ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ кулачными бой-

¹⁹³ Тамъ же, стр. 97, и Нов. III, стр. 233 и 236, подъ 1395 и 1417 годами.

памѣ и простою чадью, на родныя Православныя Русскія вѣрныя, для убійства, разбоя и грабежа.

Какое странное противорѣчіе въ надеждахъ, желаніяхъ общины! Растить въ себѣ начало противогосударственное и, указывая ему, для временнаго осуществленія его произвола, другія земли Русскія, думать спастись самой, съ своими привилегированными частями, отъ этого произвола! Что можетъ быть тщетнѣй, безумнѣй подобнаго ожиданія! Корень злу завязался глубоко внутри самой общины; уже возросло изъ него вѣтвистое дерево, съ обширной семьей своей, оплодотворявшееся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и Новгородъ надѣялся, что плоды этого противозаконнаго дерева онъ караванами будетъ разсылать по другимъ частямъ Руси, не давая имъ возможности скопиться внутри области такъ, чтобы имѣть на благосостояніе ея разрушительное вліяніе. Онъ забывалъ, что самый ядъ, которымъ растителся дерево, скрывается въ самой общинѣ, и что этотъ ядъ изъѣстъ по составамъ всю общину, съ большею и большею жизненною дѣятельностію и развѣтвленіемъ и разрастаніемъ самаго дерева. Новгородъ долженъ былъ готовить сильный экстрактъ нравственнаго противоядія, но мы знаемъ его исторію, знаемъ его нравственныя силы: онъ не могъ этого сдѣлать. Въ XV ст. вся Новгородская область поражена была мучительнымъ изгнаніемъ дѣйствія этого яда и разрушеніемъ. Тогда болѣе страшныя насилія и грабежи производило противогосударственное начало внутри самой Новгородской области; нежели какія производились имъ въ другихъ частяхъ Руси. Боевство и сдѣсь стояло въ главѣ его и, подобно Василію Буслаевичу, съ названными братцами, калечило людей; забивало ихъ до смерти: собирало, какъ мы увидимъ скоро; лжесвидѣтелей; научало ихъ говорить на вѣчехъ противъ людей невинныхъ, гроза смертію въ случаѣ ослушанія, и люди голодные, ябедники и посульники, радовались, если кого можно, оговаривали, и оговоренный предавался смерти, а имущество его, даже то, которое сохранялось въ церквяхъ, доставалось имъ въ добычу и расхищеніе. Быть, если бы Новгородъ не склонилъ главы передъ Москвою, если бы онъ продолжилъ существованіе своего общиннаго устройства, то, въ разрушительномъ основномъ началѣ бытія, онъ обратилъ бы, перевобпиталъ бы, всѣхъ удалыхъ дѣтей своихъ въ псадія полнаго произвола, пол-

ной безурядицы. Не обращаемся къ заслѣдуемому нами предмету, къ новой жизни младшихъ дружинниковъ Новгорода, къ кулачнымъ бойцамъ и простой чади, изъ которыхъ образуются цѣлыя шайки вольницы, грабителей и разбойниковъ, которыя законно пребываютъ въ самомъ Новгородѣ, открыто исходятъ изъ него на свой промыселъ, и столь же открыто требуютъ утвержденія правъ оволькъ на вольность, безпорядки, грабежи и разбой.

Мы не будемъ въ настоящемъ случаѣ останавливаться на одномъ весьма замѣчательномъ явленіи исторіи Новгородской, именно на завоеваніи толпою Новгородскою земель Вятскихъ, и на основаніи ею тамъ особаго, ни сколько независимаго ни отъ Новгорода, ни отъ Книжеской власти другихъ частей Руси, владѣнія. Объ этомъ предметѣ дошли до насъ темныя данныя, и мы не можемъ утверждать, что этѣми завоевателями была вольница, которая не хотѣла слушать Великаго Новгорода и дѣйствовала въ завоеваніи совершенно независимо отъ митрополія, хотя намъ кажется страннымъ допустить и то, чтобъ этѣ завоеватели дѣйствовали отъ лица митрополія, когда мы не находимъ слѣдовъ, что или они сами или основанное ими владѣніе въ земляхъ Вятскихъ, состояли когда ни будь и въ какой ни будь зависимости отъ Новгорода. Мы не будемъ разъяснять предположенія, что отдаленныя части самыхъ Новгородскихъ владѣній могли заселиться также вольницею. Не станемъ разъяснять и того, совершены ли походы Новгородскихъ молодцовъ въ 1186 году на Емь, въ 1338 году на Устюжну, по волю Великаго Новгорода, или же самими молодцами, только въ видахъ Великаго Новгорода. Безъ сомнѣнія, скрылись отъ потомства многіе случаи вольности этѣхъ тревожныхъ шаекъ, а другія дошли до насъ, по Новгородскимъ лѣтописямъ, въ слишкомъ краткомъ, или темномъ изложеніи, такъ что изъ разсказа собственно Новгородскихъ лѣтописцевъ трудно сдѣлать сколько ни будь положительное заключеніе о характерѣ быта Новгородскихъ молодецъ. Это впрочемъ подтверждается изъ сравненія Новгородскихъ лѣтописей съ лѣтописями другихъ частей Руси, когда исторія Новгородскихъ молодецъ сопркоснется съ исторіею сей послѣдней. По разсказу лѣтописцевъ другихъ частей Руси, сильныя шайки Новгородской вольницы въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1369 по 1379, явились за предѣлами Новгородскими, въ Северо-Восточныхъ областяхъ

нынѣшней Россіи, для разбоя и грабежа самого дерзкаго и открытаго. Въ 1369 году, по этому разсказу, вышли изъ Новгородскихъ владѣній, для подобнаго прѣмысла, двѣ шайки. Онѣ появились, одна на десяти судахъ или большихъ лодкахъ (ушкуи) на Волгѣ, а другая, не извѣстно, сколь значительная, на Камѣ: обѣ эти шайки сошлись въ предѣлахъ Каванской, или Нижегородской, Губерніи, и были разбиты уже подъ Болгарами. Въ 1370 году тоже подобныя шайки Новгородской вольницы два раза являлись на Волгѣ для грабежа, и причинили много зла: «и много зла створиша.» Въ 1371 году они напали на Ярославль и Кострому, и взяли оба эти города. Въ 1374 году они отправились Волгою, разграбили земли Вятскія и Волгарскія; думали взять самыя Болгары, но жители откупились отъ нихъ деньгами, заплативъ 300 рублей; въ слѣдъ за тѣмъ, раздѣлившись на двѣ части, двинулись одна (на 50 ушкуяхъ) внизъ по Волгѣ къ Сарая, а другіе (на 40 ушкуяхъ) вверхъ по Волгѣ: послѣдніе, вѣроятно, домой съ добычею, а первые продолжали разбой и грабительство въ земляхъ Засурскихъ и въ Марквашахъ, а потомъ ивѣкли суда, съѣли на коней и двинулись по направленію къ Вяткѣ, разграбили многія села по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ 1375 году подобная шайка Новгородской вольницы явилась опять около Костромы, разбила пятитысячную дружину изъ мѣстныхъ обывателей, и вторично овладѣла городомъ, грабля и опустошала его въ продолженіи цѣлой недѣли, и, забравъ съ собою все драгоцѣнное и удобное для перевозки, ежегни и потопа въ Волгѣ все остальное, полонивъ множество народа, эти разбойники отправились за добычею еще далѣе, внизъ по Волгѣ, напали на Нижній Новгородъ, взяли, разграбили и сожгли его; оттуда спустившись Каму, «на много пограбиша по Камѣ,» вернулись опять въ Волгу и, остановившись въ Болгарахъ, распродали Татарамъ всѣхъ заключенныхъ ими въ Костромѣ и Нижнемъ Новгородѣ женъ и дѣвицъ, потомъ направились къ Сарая и къ самой Астрахани, «ведя гостей Христіанъ грабяще, а Бесерманъ грабяще и убивающе;» наконецъ попались обманомъ въ сѣти Монгольскаго Хана, Сальчегя, и были все перебиты. Въ 1379 году снова появились эти разбойники въ предѣлахъ нынѣшней Казанской Губерніи и Вяткѣ: Вятчане должны были двинуться на нихъ ратью, успѣли поразить ихъ, даже захватить ихъ Воеводу, по имени Вязана; котораго тогда же и казнили. Такъ разоблачаютъ передъ

намъ внутренній бытъ Великаго Новгорода - лѣтописцы' другикъ частей Руси. Что же сказали объ этѣхъ и подобныхъ разбояхъ лѣтописцы Новгородскіе? ¹⁹⁴ Прямо ни слова; а говоря о походѣ противъ Новгорода Василія Дмитріевича, замѣтили только, что походъ этотъ предпринять былъ Великимъ Княземъ въ слѣдствіе того, что онъ держалъ гнѣвъ про Волжанъ на Новгородъ, и что, обязавшись вознаградить за всѣ причиненные «тѣми Волжанами» убытки, Новгородцы пять тысячъ положили взыскать съ Заволочанъ, по тому что Заволочане были также на Волгѣ. Столь же хладнокровно и въ столь же сиромныхъ чертахъ лѣтописецъ Новгородскій передаетъ намъ объ одной изъ этѣхъ, какъ будто бы, законныхъ для Новгорода шайкахъ разбойниковъ, которые грабили купеческія суда по Волгѣ въ 1366 году, выступивъ изъ Новгорода, для этого грабежа, открыто и торжественно: «ходила изъ Новгорода люди молодые на Волгу безъ Новгородскаго слова,» т. е., не по распоряженію Правительства, «безъ благословенія Архіепископа, а Воеводами у нихъ были Осипъ Варфоломеевичъ, Василій Федоровичъ и Александръ Абаконовичъ, и въ то же лѣто возвратились всѣ здоровы въ Новгородъ.» Этотъ тонъ разсказа, это наименованіе проводителей разбойниковъ по отчеству, этотъ формальный выходъ на грабежъ, и столь же формальное возвращеніе съ разбоя, все это показывается, до какой степени они похищенія удалцовъ-разбойниковъ были для Новгорода дѣломъ обычнымъ, противъ котораго нравственная сторона ни сколько не возставала. Мы бы могли еще предположить, что лѣтописцу не совершенно были извѣстны походы Новгородской волынцы; но онъ самъ, въ слѣдъ за означеннымъ описаніемъ, говорить: «и за то Князь Дмитрій Ивановичъ разгнѣвался и развернулъ

¹⁹⁴ Всѣ свѣдѣнія объ этѣхъ разбояхъ почерпнуты изъ лѣтописей Ростовской (И. Г. Р. т. V, стр. 106, и IV-й Новгородской (Пол. Собр. Р. Л. т. IV). При самъ мы должны имѣть въ виду, что лѣтопись, названная Археологическою Комиссіей четвертою Новгородскою, составлена изъ лѣтописей разныхъ частей Россіи, слѣдовательно, въ настоящемъ отношеніи она можетъ быть названа столько же Новгородскою, сколько Псковскою, или Московскою. Археологическая Комиссія сама замѣтила это (Предисловіе къ IV т., стр. VII), и, конечно назвала ее Новгородскою не по тому, что она составлялась постепенно въ Новгородѣ, а единственно въ томъ отношеніи, что изложенныя въ ней дѣянія болѣе важны для объясненія Новгородской, нежели для объясненія исторіи другихъ частей Россіи.

миръ съ Новымъ Городомъ, сказавъ Новгородцамъ: «За чѣмъ вы ходили на Волгу и пограбили многихъ изъ моихъ купцовъ гостей?»¹⁹⁵ Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ говоритъ еще: «Приходилъ Великій Князь Дмитрій войною на Новгородъ, держа гнѣвъ про Волжанъ...»¹⁹⁶ и заключилъ миръ... а за Волжанъ взялъ Князь Великій у Новгорода 8000 рублей.» Вотъ что только отмѣтили Новгородскіе лѣтописцы о своихъ разбойничьихъ шайкахъ. Такъ, эта скромность Новгородскаго лѣтописца не вольно представила Великій Новгородъ еще болѣе съ дикой, противогосударственной, стороны, нежели какъ представляетъ ее Ростовскій лѣтописецъ: первый, умалчивая о многихъ похищеніяхъ вольницы или разбойниковъ, говоритъ о другихъ, какъ о дѣлѣ обычномъ для цѣлаго Новгорода, ни сколько не преслѣдуемомъ со стороны Правительства; второй же говоритъ только, что изъ среды Новгородской являлись огромныя шайки разбойниковъ, не опредѣляя отношеній этихъ разбойниковъ къ самой общинѣ. Мимоходомъ замѣтимъ сдѣсь также, что всѣ эти разбои Новгородцевъ, описанные и Ростовскимъ и Новгородскимъ лѣтописцами, совершались около того времени, когда Восточная Русь, подъ знаменемъ Москвы, во имя Вѣры и Отечества, готовилась на кровавую торжественную борьбу съ Мамаемъ, борьбу, для которой Новгородъ не далъ ни одного воина. Вотъ нравственно-ужасное положеніе Новгорода! Разсказъ Новгородскаго лѣтописца подъ 1442 годомъ о Лукѣ Вареломеевичѣ, говоритъ еще болѣе и отчетливѣе о внутреннемъ распаденіи Новгорода: уже слово и воля Новгорода къ первой половинѣ XV ст. рѣшительно не была закономъ для его вольницы, такъ что община является нравственно парализованною относительно этой вольницы, или вольница успѣваетъ достигнуть къ своему времени такого развитія, что беретъ верхъ надъ всѣмъ порядкомъ, устройствомъ, надъ волею самаго Новгорода, и духъ вольности, не знающей ни какого порядка, составляетъ уже духъ самой общины, хотя и встрѣчаетъ въ ней нѣкоторое сопротивленіе, нѣкоторую незрѣлость для подобной жиз-

¹⁹⁵ Нов. I, стр. 88.

¹⁹⁶ Выраженіе: «держа гнѣвъ про Волжанъ» объяснено въ Ростовской лѣтописи такъ: «держа гнѣвъ за то, что Новгородцы взяли разбоемъ Кострому.»

ни. Этотъ Лука Варѣоломеевичъ (замѣтьте опять вичъ, и вичъ положительно не простой), не смотря на запрещеніе вѣча, на благословеніе со стороны Митрополита и Новгородскаго Архіепископа, скопилъ съ собою холопей съ боевъ, и пошелъ съ ними за Волокъ, устроилъ тамъ городъ Орлецъ, увеличилъ свою шайку Емчанами, и предалъ грабежу и опустошенію всѣ погосты земли Заволоцкой; наконецъ, въ одной схваткѣ съ Заволочанами, этотъ молодецъ погибъ, и мы видѣли, какъ, подозрѣвая Посадника и двухъ другихъ своихъ собратій, въ подосланіи на этого Варѣоломеевича убійць, сами же Новгородцы, не участвовавшіе въ походѣ Луки, или, правильнѣе сказать, чернь, сдѣлали открытое движеніе противъ Посадника и этѣхъ двухъ лицъ, разграбивъ при семъ дома и села ихъ. Такъ неповиновеніе, нарушеніе всякаго порядка, грабительство и разбой, находятъ покровительство въ самомъ Великомъ Новгородѣ, и самое покровительство безнаказанно безчинствуетъ, разбойничаетъ. ¹⁸³ Что же еще сказать, въ дополненіе къ описанію подобнаго паденія всѣхъ нравственныхъ началъ въ Новгородской общинѣ? Еще многое и многое; но утомителенъ рассказъ о черной сторонѣ жизни, какъ утомительно, я думаю, и самое чтеніе этого рассказа. Позвольте жъ подышать чистымъ воздухомъ и перенестись въ область болѣе свѣтлыхъ созерцаній: совѣтую и вамъ, почтенные читатели, сдѣлать то же и оставить на время чтеніе дальнѣйшаго рассказа, къ которому я долженъ буду приступить, отдохнувъ нѣсколько душей.

Не завидно же было внутреннее состояніе Новгорода. Все исполнено въ немъ духа безначалія, вольности, буйства, насилія, начиная отъ главныхъ общинъ до самыхъ низшихъ слоевъ. Сосредоточиваемая на личныхъ выгодахъ Софійская Сторона даетъ Торговую; Торговая, выставя противъ нея Князей, не поддерживаетъ ихъ, а, напротивъ, при малѣйшемъ еще кичитя предъ ними и съ радостію оставляетъ однихъ и принимаетъ другихъ Князей, боясь утратить часть своихъ богатствъ; изъ той и другой общины исходятъ лица, на коихъ падаетъ подозрѣніе Стороны или Софійской, или Торговой, или той и другой вмѣстѣ, что они, для личныхъ своихъ выгодъ, измѣняютъ, продаютъ выгоды Сторонъ, и этѣ лица, быть можетъ, преслѣдуемая лишь кознями сильныхъ семей и партій, гибнуть безъ суда, по одному подозрѣ-

нію и имущество ихъ расхищается. Себлюбіе и отсутствіе истинныхъ гражданскихъ и Государственныхъ началъ въ той и другой Сторонѣ низводятъ, полныхъ дѣятельности и мощи, младшихъ сыновъ Новгорода до вольницы, которая готовится повергнуть самую общину въ совершенный произволъ и безурядицу. Недовѣріе и вражда, развившіяся въ слѣдствіе слабости семейнаго начала, поразивъ собою отношенія между двумя Государственными началами, между Боярствомъ и среднимъ сословіемъ, отразились оттуда снова въ жизнь частную и окончательно разрушили послѣднія связи жизни Новгородской. Тогда отсутствіе любви, замѣченное Новгородскими лѣтописцами въ жизни своей родины, не могло не дѣлаться еще болѣе замѣтнымъ и не вызывать новыхъ жалобъ о зависти, сребролюбіи, строптивости, клятвопреступленіи, насиліи, объ этомъ разрушенномъ чувствѣ—братоненавидѣніи. Жизнь гибла въ самой себѣ безъ внѣшняго вліянія. Въ личныхъ выгодахъ все забыто: и любовь къ родинѣ, любовь и уваженіе къ старшему, къ достойному и великому, и святость сана, и святость гражданскихъ и семейныхъ отношеній.

Василій Насоскъ.

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СВАДЕБНЫЯ.

I.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Подъяковлевои, Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

(Разсказъ очевидца.)

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій паренъ на крестьянскои же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наконецъ, на канунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ Дѣвичникъ. Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, убравшись еще въ сумеркахъ, * во ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Подлѣ нея усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери, невѣсты. Между тѣмъ подружки невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли слѣдующее:

* Убранство ея состояло: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся была открыта. Изъ подъ платка того видѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, оканчивающаяся вплетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одежда была въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, на ватѣ, нанковая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, съ сборками вназадъ и отъ лѣфа и, сверхъ сего, накрыта бѣлымъ полотномъ.

1.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
 Туманъ, туманъ по дубравкѣ;
 Да по этой-то дорожкѣ, 3
 Да по этой-то широкой, 3
 5 Андреевъ сударь ѣдетъ; 3
 Онъ плеткою машеть: 3
 Догадайся, Авдотья! 3
 Промети дороженьку, 3
 Выстели полотнами, 3
 10 Шитыми ручниками! 3
 Заглянь во чисто поле, — 3
 Андреевъ сударь ѣдетъ: 3
 Подъ нимъ конь играетъ, 3
 Что соколъ летаетъ; 2
 15 На емъ кунья шуба 2
 Слѣды заметаеть, 3
 На емъ сафьянъ сапогъ, 2
 Что травушка вянетъ, 2
 На рукѣ золотъ перстень. 3

2.

20 Не во трубушку трубить,
 Рано по зари, 2
 Авдотьюшка плачетъ
 По русой косѣ: 2
 Ой свѣтъ, моя косушка,
 25 Коса русая! 2
 Да вечеръ мою косушку
 Дѣвушки плели, 2
 Золотомъ, серебромъ,
 Косу обвили, 2
 30 Алую ленточку
 Въ косу уплели. 2

Богъ судья Андреянъ Васильчу,
 Васильевичу, Васильичу:
 Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
 Не милосливу, не жалосливу:
 5 Стала мою косушку
 Чесать и трепать, 2
 Золото, серебро,
 Рвать и бросать, 2
 Алую ленточку
 10 У ногахъ топтать. 2

3.

Тихая Волга на Дунай течеть,
 Смирная Авдотья на думахъ сидеть,
 Думаеть Авдотья думу крѣпкую,
 Думаеть Никитична думу крѣпкую:
 15 Какъ-то мнѣ быть, 2
 Во чужи люди итти! 2
 Какъ привыкать 2
 Ко чужой семьѣ! 2
 Какъ назвать 2
 20 Свекра батюшкой! 2
 Какъ назвать 2
 Свекры матушкой! 2
 Свекоромъ назвать, — 2
 Будеть гнѣвъ держать, 2
 25 Батюшкой звать, — 2
 Мнѣ не хочется;
 Быть склонить 2
 Сердце дѣвичье: 2
 Быть назвать 2
 30 Свекры матушкой. 2

4.

Соловьюшка, соловей,
Отлетная пташечка,
И ой яли, али ляй,*
Али, али, али ляй!

- 5 Куда леталъ, отлеталъ? —
Я изъ саду да у садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жь у насъ не женать?
Да кто жь у насъ холостой? —
- 10 Андреянъ сударь не женать,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тестина до двора,
- 15 До тестина терема,
До дѣвичьей комнатки,
До Авдотьиной кровати:
Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи! —
- 20 Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ; 2
А матушка во пиру, 2
А братъ съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не найду.
- 25 Андреянъ сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
Андреянъ, сударь, воротись!
- 30 Васильевичъ, оглянись! —
Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буень вѣтеръ шляпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжетъ, 2
- 35 Дробень дождикъ въ лицо бьетъ.

* Послѣ каждаго двуступища повторяется.

5.

Рано въ Воскресенье 3
 Синее море играло, 3
 Авдотья потопала, 3
 Ручки подавала: 3
 5 Да кто жь меня вынетъ, 3
 Изъ синяго моря,
 Изъ великаго горя? 3
 Кидался, бросался, 3
 Старый старичища, 3
 10 Съдая бородачища: 3
 На дно моря тону, 3
 За тебя замужъ не йду.
 Рано въ Воскресенье и т. д.
 Кидался, бросался, 3
 15 Андреянъ съ поѣздомъ, 3
 Васильевичъ со большимъ: 3
 Съ дна моря выду, 3.
 За тебя замужъ пойду. 3

6.

Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
 20 Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
 Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?
 Если спать—не будите вы ее!
 А не спать—высылайте ко мнѣ!
 Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
 25 Вышла, выходила, Никитична душа,
 Становилась на новое на крыльцо,
 Простудила свое бѣлое лицо,
 Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
 Вы сестрицы, подруженьки,
 30 Ужь вы бѣлыя голубушки!

Вы берите мои золоты ключи,
 Отпирайте кованые сундуки,
 Вынимайте разноцвѣтное сукно,
 Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
 ь Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
 Во подолѣ не расширистый,
 Ретиву сердцу прижмистый!

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкой. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать виномъ гостей.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невесту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь: Отецъ невесты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подружки, по прежнему, пѣли пѣсни.

Три только человѣка изъ числа родственниковъ невесты вышли на дворъ.

Наконецъ подѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невесты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнутомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти ночевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?»—«Мы (отвѣчаетъ свать)—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перепелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будто бы шарнула лисичка, вотъ подѣ эти ворота, въ этотъ дворъ!»—«Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но ни какой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!»—«Нѣтъ (говоритъ свать), за чѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда маргнула.»—«Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что ни будь за это?»—«Я (говоритъ свать) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.»

При этѣхъ словахъ ворота немного отворились, и стоявшіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Сватъ вынулъ изъ одного кармана своего дубленого полушубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана, ворота отворились настѣжь, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Сватъ отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Сватъ, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнutoвищемъ и загорланилъ: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ за стола! Да гдѣ же хозяинъ? Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ?»—Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустилъ насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ народу?»—«Кто (отвѣчаетъ хозяинъ) обѣщаль тебѣ просторъ и покой, съ того и выскивай, а я тебѣ о томъ ни чего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже народъ заѣзжій, можетъ быть и уступятъ вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.»—А что (говоритъ сватъ): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтиса поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ни чего не возьмешь.» Въ слѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онъ сказалъ: «Красны дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.»—«Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?»—«За цѣною (говоритъ сватъ) не постояю и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.»—«Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Сватъ, вышедши къ поѣзжанамъ, взялъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убоины, крупяной каравай на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человекъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убоину, каравай и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Сватъ же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, по-

клонились присутствующимъ и прошли въ кутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать жениха и прочіе родственники принесли въ коробкахъ съѣстные припасы, которые поставили на лавку, гдѣ сидѣлъ женихъ. Потомъ мать поставила на столы два крупчатыхъ круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ символомъ соединенія жениха и невѣсты. Этѣ пироги всегда должны стоять для украшенія, а съѣдаются только на 2-й день брака, на Княжомъ обѣдѣ. Когда пироги были поставлены, свать выдвинулъ жениха впередъ и усадилъ его на скамью, задомъ къ 1-му столу, а невѣсту свела съ верхняго пола замужняя сестра и поставила ее противъ жениха. Отецъ невѣсты заговорилъ: «Ну, дѣти! васъ слѣдовало бы свести чрезъ благословеніе отца духовнаго, но какъ его сдѣсь нѣтъ, а образомъ вы уже благословлены, то повѣдайтесь вы между собою, и Богъ васъ тѣмъ благословитъ!» Послѣ этого они поклонились другъ другу въ поясъ, поцѣловались и опять поклонились. Потомъ женихъ, взявши за руку невѣсту свою, отправился на другую половину дома, такъ называемую холодную, гдѣ они и усѣлись на весь вечеръ, до самаго разъѣзда гостей. За тѣмъ начались обѣды, которыхъ бываетъ обыкновенно на Дѣвичникѣ три: 1-й столъ отъ жениха, для угощенія родственниковъ и гостей невѣстиныхъ; 2-й столъ отъ невѣсты, для угощенія родственниковъ и гостей жениха, и 3-й общій, для угощенія общихъ родственниковъ и почетныхъ лицъ. Столъ у нихъ состоялъ большею частью изъ навареннаго разныхъ сортовъ мяса: начинался студнемъ и оканчивался крупянымъ караваемъ. За столомъ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины, а въ вышкахъ, подъ божницею, крестные отецъ и мать невѣсты. Когда всѣ усѣлись, зажгли передъ образами 2 восковыхъ свѣчи, и за тѣмъ всѣ встали, помолились и опять сѣли. Между тѣмъ свать началъ подносить гостямъ вино, поочередно, начиная съ крестовыхъ отца и матери. Дѣвицы, стоя посередъ избы, величали, сначала сидящихъ за столомъ, а потомъ находящихся въ избѣ. При каждой перемѣнѣ блюда свать обязанъ былъ подносить вино всѣмъ, сидящимъ за столомъ, а иначе они и не приступили бы къ ѣдѣ поданнаго блюда; на каравайцы же, которыми оканчивается столъ, ставятъ стаканы съ виномъ, каковое непременно, не въ очередь, долженъ выпить рѣзакъ, безъ чего онъ и не смѣетъ приступить къ расчествованію.

Величальныя пѣсни поются за столомъ слѣдующія:

7.

ЖЕНАТОМУ ВЕЛИЧАНИЮ. *

А кто жь у насъ большой, набольшой,

И кто жь у насъ Воеводою?

Лѣхъ, али, али лѣй **

Али, али, али, лѣй!

8 Вадимъ сударь большой, набольшой,

Васильевичъ Воеводою,

Собирается въ свою вотчину,

Въ свою вотчину, во приданую.

Ой, Авдотьюшка, убирай меня!

10 Дочь Григорьевна, снаряжай меня!

Ой Авдотьюшка поупрямилась,

Дочь Григорьевна поспесивилась.

Ты напой коня изъ ведерочки,

Накорми коня изъ кошолочки!

15 Ой, Авдотьюшка поупрямилась,

Дочь Григорьевна поспесивилась.

Повели коня на сине море:

Синее море сколыхалось,

Бѣлая рыбица встрепенулася,

20 Вороны кони испужались,

Во чисто поле разбѣжались.

* Поющія «Величальныя пѣсни» во время столовъ на Дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты, называются: «Дѣвцами пѣвицами», а на Ближнемъ обѣдѣ въ домѣ жениха: «Женщинами игрицами.»

** Повторяется послѣ каждого двустишія.

8.

- Ой во садикѣ, садикѣ,
 Во зеленомъ виноградникѣ,
 Ой ля, ой ля, ой ля,*
 Али ля, али ля, али ля!
 5 Тутъ ходила, погуливала,
 Молодая Боярыня, 2
 Авдотья Григорьевна,
 Сорывала два яблочка,
 Два яблочка садовыхъ медовыхъ;
 10 Она клала на блюдечко,
 Возносила на высокій на теремъ,
 Становила на дубовый столъ;
 Дубовый столъ раскачается,
 Два яблочка разшатаются.
 15 Вадимъ сударь величается
 Надъ своею молодой женой,
 Надъ своею Боярыней,
 Надъ Авдотьею Григорьевной:
 Авдотьюшка, разобуй; разодѣнь,
 20 Григорьевна, распояшь ты меня!
 Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валять,
 Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать,
 Ужъ я роду купеческаго,
 Я люблю сына отеческаго, 2
 25 Вадима Васильевича!

9.

Ой на горкѣ, на горочкѣ,
 На правой на сторонушкѣ,
 Ой ля! (3) **
 Али ля! (3)

* Повторяется послѣ каждаго двустипіа.

** Повторяется послѣ каждаго двустипіа.

- Тутъ сидѣли два голубя,
 Два голубя, да всѣ сизые,
 Промежъ себя рѣчи говорятъ,
 Про такого удалого молодца, 2
 5 Михайла Федотовича.
 Онъ богатъ, онъ богатый человѣкъ,
 Да богатѣй его нѣтути.
 Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
 Полтинами по городу шибалъ, 2
 10 Рублемъ ворота запиралъ, 2
 Изъ неволи сиротъ выпускалъ:
 Вы сироты, сироты мои,
 Помолите Христа Бога обо мнѣ,
 Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
 15 Объ Михайлѣ Федотовичѣ!

10.

- У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,
 Ля али, али, али,
 Али, ля, али, али! *
 • Конопелюшка—красная дѣвушка,
 20 Красная дѣвушка, Гарафенушка,
 Гарафенушка, дочь Васильевна.
 Она звала братца играть на улицу:
 Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
 Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
 25 Вы съ гусями, а я съ ладонями.
 Да не быть гусямъ звончѣй ладоней,
 Не быть свекру милѣй батюшки,
 Не быть свекры милѣй матушки.

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

11.

Стелется, вьется,
 По лугамъ травка зеленая:
 Андрей жену цѣлуетъ,
 ● Васильевичъ милуетъ:
 5 Душа моя, Авдотьюшка,
 Сердце мое, Никитична!
 Роди жь ты мнѣ сыночка,
 Роди сына у меня,
 А дочерю у себя!
 10 Учи сына грамотѣ,
 А дочерю шелкомъ шить!

12.

А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ?
 А и кто жь у насъ на ворономъ коню?—
 Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
 15 Пантелѣевичъ на ворономъ коню,
 Авдотьюшка у веревочки стоитъ,
 Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
 Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
 Ивановна коня воронова!—
 20 Не примаю, не примаю, другъ, коня,
 За великую за грубость за твою:
 Часто ѣдишь ты у гости безъ меня,
 А постелюшка простыла безъ тебя,
 Возголовице заиндивѣло,
 25 Подушечки потонули у слезахъ!

13.

- Александръ Петровичъ, свѣтъ,
 Не ходи кругъ бережку!
 Ли, али, али, али, *
 Али, ля, али, али!
- 8 Не ходи кругъ бережку,
 Не срони съ себя шапочку!
 Во твоей во шапочкѣ
 Да семьсотъ золотничковъ, 2
 Во четыре ягодки, 2.
- 10 Дорогія камня!
 Александръ Петровичъ, свѣтъ!
 Кто тебя шапкой дарилъ, 2
 Кто тебя пожаловалъ?—
 Ужь я самъ въ войну ходилъ,
 15 Ужь я самъ Царю служилъ,
 Царскаго дитя качалъ
 Въ золотой у люлечкѣ, 2
 Въ шелковой пеленочкѣ.

14.

- У воротъ орѣшина,
 20 У воротъ зеленая,
 Ли, али, али, али, **
 Али, ля, али, али!
- А на той орѣшинѣ
 Колыбель повѣшена;
 25 Во той колыбели
 Качался Боярскій сынъ, 2
 Михайлъ Федоровичъ.

* Повторяется послѣ каждаго двустипіа.

** Повторяется послѣ каждаго двустипіа.

Вы, братцы родные,
 Ступите поближе, 2
 Смахните повыше, 2
 Чтобъ видно было далече!
 5 Въ зеленомъ садочку
 Татьяна гуляла, 2
 Цвѣты сорывала, 2
 Вѣночекъ свивала,
 На головку вдѣвала,
 10 Себя украшала.

15.

Подъ калинкою,
 Подъ малинкою,
 Ай, али, али, али *
 Али, ля, али, али!
 15 Спать, покоится
 Добрый молодець, 2
 Александръ Петровичъ.
 У ногахъ стоять
 Слуги вѣрные, 2
 20 Дѣвки сѣнныя.
 Будють, побужають,
 Добраго молодца, 2
 Александра Петровича:
 Ты устань, устань,
 25 Добрый молодець, 2
 Александръ Петровичъ!
 Ты охочь ходить
 Во чисто поле, 2
 На синее море,
 30 За куницами,
 За лисицами,
 Все за красными
 За дѣвцами.

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

16.

Спасибо, Александру Петровичу,
 На твоёмъ большомъ дару, *
 На твоёмъ большомъ дару,
 На твоёмъ на жалованьи!
 5 Ой да спасибо тому,
 Кто хозяинъ въ дому.
 Спасибо Михайлу Фёдоровичу,
 За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
 То-то пили, то-то ѣли,
 10 Душа сахарилась;
 А закусочки у него
 Да все сахарныя!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ за стола родственниковъ невѣстныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невѣсты.

Обстановка стола одна и та же. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невѣсты вызвалъ ее съ женихомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочь! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невѣстѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканъ, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невѣстина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невѣсты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки этѣ состояли въ полотёнцахъ и бумажныхъ носовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

* Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣснѣ.

17.

Ой поець, пропоець, 2
 Авдотинъ батюшка!
 Пропилъ свою дочку 2
 За винную бочку;
 Пропилъ свою чаду 2
 За винную чару;
 Проѣлъ свою дочку 2
 На сладкомъ кусочку.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ДѢВЧИНИКЪ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстиныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и за тѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

За тѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпущенной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайникъ блюдечкѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому Князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому Князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому Князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ поетъ:

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!

Ладо мое! *

По сѣнямъ ходила,

На гвозди собирала,

5 А на свадьбу ковала,

Для двухъ молодцевъ:

Первый молодецъ — Андреянъ сударь,

Другой молодецъ — Авдотьюшка.

У нашего Андреяна да три сестры:

10 Первая сестра голову маслить,

Вторая сестра голову чесеть,

А третья сестра хмелемъ осѣваетъ.

За тѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ поѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а потомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а женихъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей кушать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, кому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди свать съ образомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поѣзжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, держа въ рукахъ шапки. Свать, съ образомъ въ одной и съ кнуртомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лошадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжанамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. Потомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже приготовленная къ отъѣзду, сидѣла на перинкѣ; съ нею рядомъ сѣлъ и женихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы сѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвцы схватили перинку и унесли ее на верхній полъ, гдѣ и заплѣли:

* «Ладо мое» повторяется послѣ каждого стиха.

19.

Дружки, подружки,
 Забыли подушки.
 Дружокъ безтолковый,
 Подай намъ цѣлковый!
 5 Дружокъ дубинникъ,
 Подай намъ полтинникъ!
 Постой-ка кобыла,
 Постой, голубая;
 На грядкѣ другая;
 10 Постой ты третья,
 На грядкѣ веретья.

Услыхавъ это, свать вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онѣ сперва требовали рубль, потомъ полтинникъ, сошлись на двугривенномъ и штофъ вина. Получивши перину, свать положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія женихъ съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплела ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По приѣздѣ домой жениха съ невѣстою, слѣдовалъ обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значить, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ кѣтъ. При чемъ игрицы поютъ:

20.

Меня младу у клѣтку ведутъ,
 Меня младу отъ стѣнки кладутъ;
 Не шелкова питка къ стѣнкѣ льнетъ
 Андреяпъ Авдотьюшку къ сердцу жметъ,
 5 Андреянъ Авдотьюшку спрашиваетъ:
 Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
 Милъ мнѣ, милешенекъ, батюшка,
 Мила мнѣ, милешенька, матушка.

Въ клѣти устроена для молодыхъ постель, передъ постелью столикъ. Туда имъ подають разные яства и питья, но предварительно подается зажаренная курица, у которой одно крылышко надрѣзано. Эта курица назначена «къ разорву.» Молодые берутся руками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой остается только одно крылышко, а у молодого остальная часть курицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія блюда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣти, а дружка остается укласть молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнкѣ, а молодого рядомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодого, и изъ оборотъ, переплетаетъ имъ ноги и выходитъ изъ клѣти. При этомъ дѣвцы, стоящія у входа въ клѣть, поютъ:

21.

Куры на насѣсточку хочугъ
 10 Пѣлушокъ распѣваетъ,
 Туда жъ поспѣваетъ.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ клѣти. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молодыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ поздравляють съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даритъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ», послѣ котораго всѣ гости разѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететь избу. Мать молодого при этомъ говоритъ:

Избу мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!

толкую ей, чтобы она не выносила на улицу (не рассказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявить ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, по тому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоятъ въ метеніи пола и принесеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій.

22.

Матушка! Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя! Да что запылилось?—
Дитятко! Кони разыгрались,
Свѣтъ, милая моя! Вороны разыгрались. —
Матушка! Да чьи жъ это кони?
Сударыня! Да чьи вороны? —
Дитятко! Ивановы кони,
Свѣтъ, милая моя! Его вороны. —
Матушка! Коней-то, вѣдь, ловить,

- Сударыня моя! Вороныхъ-то, вѣдь, ловять. —
 Дитятко! Не бось, не пугайся!
 Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ въ чужи люди. —
 Матушка! По дорожкѣ ѣдутъ,
 5 Сударыня моя! По широкой ѣдутъ.
 Дитятко! Не бось не пугайся!
 Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
 Матушка! На дворъ, вѣдь, вѣѣжають,
 Сударыня моя! На широкій вѣѣжають! —
 10 Дитятко! Не бось, не пугайся!
 Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
 Матушка! Въ горницу входятъ,
 Сударыня моя! Во новую входятъ!
 Дитятко! Не бось, не пугайся!
 15 Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
 Матушка! За столъ ужь садятся,
 Сударыня моя! За дубовой садятся! —
 Дитятко! Садися, крестися!
 Свѣтъ, милая моя! Господь надъ тобою!

Сообщ. А. И. Павловой, Т. Г. Новосильскаго У.

23.

НА СГОВОРЪ.

- 20 Ты стой, верба, стой, развейся!
 Ахъ ранымъ рано!
 Ранымъ рано стой, развейся!
 Душа ль моя!
 Къ нашей вербы будутъ гости,
 25 Ахъ ранымъ рано!
 Семьсотъ Дворянъ, семьсотъ Бояръ,
 Все большіе.
 Стануть вербу сѣчь, рубити,

Ахъ ранымъ рано!
 Стануть вербу всѣмъ дѣлать,
 Душа ль моя!
 Обдѣлили свѣтъ Ивана,
 5 Ахъ ранымъ рано!
 Обдѣлили Петровича,
 Душа ль моя!
 Приходила къ вербѣ Марья,
 Ахъ ранымъ рано!
 10 Приходила Антоновна,
 Душа ль моя!
 Не досталось тебѣ вербы,
 Ахъ ранымъ рано!
 Доставалась красавица,
 15 Душа ль моя!

Сообщ. И. В. Павловымъ.

II.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Елифанскаго Уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Федосовки.)

На пропой и на дѣвичникѣ невѣсту посадятъ отдѣльно одну
 куда ни будь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Же-
 никовые родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и
 сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира,
 а потомъ занятая?» Сваха, или свать, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно
 съ нимъ садиться: онъ пустятъ!» Тутъ гости скажутъ дѣвушкамъ:
 «Пустите насъ! Вы ужь согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззябли.» Тѣ
 говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ кну-
 томъ!» Тутъ запоютъ:

Ты дуракъ, дружокъ,
 Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
 Голова гладка
 Какъ у выблядка,
 5 А зубы рѣдки
 Какъ у чорта дѣтки!
 Дѣвки дружка били,
 Подъ печкой забили, 2
 Ступой завалили, 2
 10 Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивая ею). «Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтись?» и съ этими словами ставятъ имъ на столъ водку, пирогъ и говядину. Дѣвушки тотчасъ ототкнувъ полштофъ и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четыре угла стола и посередь стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря, въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ принесенное гостями. Сваты между тѣмъ садятся за столъ, сажаютъ родныхъ невесты.

Тутъ она подносятъ вино хозяевамъ и роднымъ невесты. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ невесту. Она здоровается съ женихомъ и со всѣми его родными. Немного посидѣвъ, женихъ съ невестой выходятъ изъ за стола. Жениху даютъ штофъ вина въ руки, невестѣ подносятъ и рюмку. Женихъ наливаетъ въ рюмку вина, а невеста обноситъ такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ на подносъ деньги, а родные невесты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками, полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами. Женихъ съ невестой выходятъ въ другую горницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ закуску. Посидѣвъ немного, гости разъѣзжаются по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и цалуясь съ невестой и со всѣми родными, и уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у невесты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На сговорѣ, когда прїѣдетъ женихъ, дѣвушки поютъ:

1.

Какъ при вечерѣ было, вечерѣ,
 У Настасьи было на сговорѣ,
 Прилеталъ къ ней младъ ясмель соколъ,
 Ясмель соколъ, добрый молодецъ,
 5 Ясмель соколъ залетный,
 Добрый молодецъ прїѣзжій:
 Онъ садился на окошечко,
 На хрустальное аа стеклышко,
 На серебряну рѣшеточку,
 10 На золотую на прицѣлиньку;
 Какъ увидѣла родна маменька:
 Ахъ, дитѣ мое, дитятко, дитѣ мое милое!
 Ты прими яснаго сокола залетнаго,
 Добраго молодца прїѣзжаго!

2.

15 Какъ у насъ по саду рѣка текла,
 По изюму разливалась,
 Берега были хрустальные,
 Желты пески виноградные.
 Какъ у насъ въ городѣ Епифани,
 20 Въ каменныхъ было палатахъ,
 Противъ столика убраннаго,
 Противъ дерева краснаго,
 Противъ зеркала хрустальнаго,
 Сдѣсь чесалъ молодецъ русые кудри,
 25 Онъ чесалъ, приговаривалъ:
 Прилегайте, мои кудри,
 Къ моему лицу къ бѣлому!
 Привыкай, Авдотья Михайловна,
 Къ моему уму, разуму,
 30 Ко здраву молодецкому!

3.

На маковкѣ соловей,
 Онъ весь макъ притолокѣ;
 Миколай Александровичъ,
 Онъ по зарѣку гулялъ, 2
 5 Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
 Волоса свои чесалъ;
 Расчесавши свои волоса,
 Заставлялъ ихъ цѣловать:
 Палагея Ивановна, поцѣлуй, радость моя! —
 10 Миколай Александровичъ! Когда жь тебя цѣловать?
 Меня милыя подружки
 Въ садъ гулять меня зовутъ,
 Подъ грушицей зеленой
 Оставляютъ меня одное;
 15 Не шуми ты, груша зеленая,
 Не шуми ты надо мной!
 Ежели будешь ты шумѣть,
 Засушу, груша, тебя;
 А не будешь ты шумѣть,
 20 Снаряжу, грушу, тебя:
 Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
 А по ленточкамъ жемчугу,

4.

Кустикъ, кустикъ, кустовой,
 Ракитовой, листовой!
 25 А кто у насъ холостой,
 Да кто жь у насъ не женатъ? —
 Андрей сударь холостой,
 Ивановичъ не женатъ,
 На ёмъ кафтанъ голубой,
 30 Шапочка плисова,
 Въ шапочки три узла:
 Первый узелъ — гардамонъ,

Другой узелъ—любъ цвѣтокъ,
 Третій узелъ, —василекъ,
 На что жь тебѣ гардамонь? —
 Чтобы мальчикъ горденъ былъ.
 5 На что жь тебѣ василекъ? —
 Чтобы мальчикъ веселъ былъ;
 На что жь тебѣ любъ цвѣтокъ! —
 Чтобы дѣвки любили,
 Молодушки хвалили.

5.

10 Подари, Алексѣй сударь, подари!
 Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
 Займи у товарища, друга милова,
 Займи у свѣтъ Марьюшки!
 Аль тебя деньга родила?
 15 Аль тебя полушка вскормила?
 Подари, сударь Алексѣй, подари,
 Не рублемъ, полтиною,
 Полтиною, золотою гривною,
 Отъ гривны, что пожелаешь!

6.

20 У насъ на горѣ стоитъ елочка,
 Подъ горой свѣтелочка,
 Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюка сидитъ,
 Приходить къ ней батюшка,
 Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
 25 Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
 Я не йду, не слушаю тебя:
 Ночи темныя, не мѣсячныя,
 Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
 Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.

У насъ и т. д.

Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
8 Я не йду, не слушаю тебя, и пр.

У насъ и т. д.

Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной!—
10 Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.

7.

Когда прїѣдетъ женихъ, онъ закупаетъ у дѣвушекъ мѣсто, за которое владеть на столъ отъ двухъ до трехъ рублей. Всѣ разсѣдуются вокругъ стола: женихъ съ невѣстой сядутъ рядомъ и начинается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

Какъ во горенкѣ пластовой
15 Сидятъ дѣвушки съ покоемъ,
Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтинка,
20 Точно ягодка малинка:
По горенкѣ пройти,
Точно пава проплыветь,
Станеть рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричать:
25 Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,

Семь подарочковъ принесть:
 Я принесть тебѣ подарокъ,
 Штучно платьѣ со каймой,
 Съ золотою бахромой,
 5 Какъ во ушки сережки жемчужные,
 А на шею-то платокъ,
 Точно аленькій цвѣтокъ.

8.

Стелется, вьется,
 По лугамъ трава шелковая,
 10 Цѣлуешь, милуешь,
 Иванъ душку женушку,
 Семеновичъ подушку:
 Душка моя, женушка!
 У насъ съ тобой животы
 15 Съ тоски недѣлены.
 Какъ пойдѣмъ мы съ тобой,
 Во зеленъ садъ гулять,
 Сорвѣмъ мы съ тобою
 Два аленькихъ цвѣточка,
 20 Пошлѣмъ мы съ тобою
 Ко батюшкѣ гостинцы:
 Ужъ эти ли наши гостинцы
 Въ честь пошли и въ славу!

9.

Какъ у рюмочки у¹ серебряной,
 5 Золотой у нея вѣнчикъ,
 Какъ у Михайла у Ивановича,
 Дорогой у него разумъ:
 Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни кушаетъ,
 Почевать домой ѣдетъ,

Какъ сказали Авдотѣ,
 Какъ сказали Михайловнѣ,
 Сердечный другъ ѣдетъ,
 Авдотья встрѣны!
 5 Михайловна встрѣны! —
 Мнѣ нѣкогда встрѣтъ:
 Я сына качаю, 2
 Дорогова качаю, 2
 Перемѣны себѣ чаю,
 10 Я дочерю качаю,
 Дорогую качаю, 2
 Перемѣны себѣ чаю:
 Куда я ни поѣду,
 Все къ дочери заѣду;
 15 Ужъ откѣда ни поѣду,
 Невѣстка встрѣчасть.

10.

Какъ у Авдотьи во горенкѣ,
 У Михайловны во спаленкѣ,
 Розанъ, во горенкѣ,
 20 Очень рано на зарѣ,
 Сдѣсь игралъ, гулялъ,
 Молодецъ въ гусли,
 А дѣвушки подпѣвали,
 Очень рано на зарѣ,
 25 Авдотья танцовала,
 Михайловна танцовала,
 Танцовала, приустала,
 Розанъ, розанъ, приустала,
 Очень рано на зарѣ,
 30 Приустала, приустала,
 У Ивана на колѣна,
 У Семеновича на колѣна,
 Розанъ, розанъ, на колѣна,

Очень рано на зарѣ,
 Иванъ Авдотью пробуждалъ,
 Михайловичъ пробуждалъ:
 Встань, Авдотья, проснись!
 5 Встань, Михайловна, проснись!
 Отецъ и мать не чужіе,
 А все таки же родные;
 Розанъ, розанъ, родные,
 Очень рано на зарѣ:
 10 Они хотя увидятъ,
 Никому не скажутъ,
 Они хоть побранятъ,
 Да опять примолвятъ,
 Розанъ, розанъ, примолвятъ,
 15 Очень рано на зарѣ!

 11.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
 Межь собою разговариваютъ:
 Кто жъ у насъ молодчикъ молодой?
 Кто жъ у насъ удалая голова?—
 20 Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
 Петровичъ у насъ удалая голова:
 Онъ съ гривны на гривну переступаетъ,
 Онъ рублемъ ворота запираетъ,
 Онъ полтинникомъ отпираетъ,
 25 Сотнями по городу швыряетъ,
 Изъ неволи сиротъ выпускаетъ:
 Вы сироты, вы мои сироты!
 Помолите Христу. Богу обо мнѣ,
 Объ моей объ удалой головѣ!

12.

- Кто жь у насъ лебединъ?
 Кто жь у насъ соколинь? —
 Лебединъ мой, лебединъ,
 Лебедушка бѣлая. — *
- 5 Иванъ у насъ лебединъ,
 Семеновичъ соколинь:
 Онъ по садику гулялъ,
 Сапожкомъ травку топталъ, 2
 Путь дорожку искалъ,
 10 Путь дорожки не нашель, 2
 Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
 Къ Авдотѣ зашелъ,
 Къ Михайловнѣ зашелъ:
 Постой часикъ у воротъ,
 15 Я сбѣгаю въ огородъ,
 Не поспѣлъ ли виноградъ,
 Не пора ли его брать,
 На серебряный подносъ класть?
 Какъ Иванъ Михайловичъ,
 20 Да Авдотѣ Семеновнѣ,
 На серебряномъ подносѣ, 2
 Виноградъ ей поднесъ.

13.

- Соловейка моя молодая
 Весь макъ притоптала,
 25 Какъ Ив. В. передъ зеркаломъ стоялъ,
 Русы кудри чесалъ,
 Онъ, расчесавши русы кудри,
 Просилъ Авдотью цѣловать,

* Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ черезъ 3, стиха.

Михайловну миловать. —

Ив. В.! мнѣ нѣ время цѣловать:

Мои милыя подружки

Отпросили меня въ садъ гулять,

5 Во зеленомъ во саду,

Оставляли меня одною

Подъ грушей зеленой.

Ахъ ты груша зеленая!

Не шуми ты надо мною:

10 Если будешь ты шумѣть,

Засушу, грушу, тебя;

А не будешь ты шумѣть,

Снаряжу, грушу, тебя:

Три аршина лентовъ алыхъ,

15 По вѣточкамъ жемчугомъ.

Сударыня моя маменька!

Ты построй мнѣ новъ высокій теремъ

Со тремя окошками,

Съ окошками прекрасными:

20 Какъ первое окошечко

На чистое поле смотрѣть,

А второе окошечко

На зеленый садъ смотрѣть,

А третье окошечко

25 На синее море смотрѣть;

Какъ на синемъ морѣ.

Три корабли плыли:

Какъ первый корабль

Съ дорогими съ товарами,

30 А второй корабль

Съ брудьянтами, конями,

А какъ третій корабль

Съ удалымъ молодцомъ, 2

Съ Иваномъ Семеновичемъ.

35 Сударыня маменька!

Поймай ты мнѣ тотъ корабль

Со удалымъ молодцомъ,

Съ Иваномъ Семеновичемъ! —

Дитѣ ль мое, дитятко, дитѣ мое милое!
 Когда пора, время, придетъ,
 Самъ корабль къ берегу приплыветъ,
 Иванъ Семеновичъ съ корабля долой сойдетъ,
 Съ корабля долой сойдетъ,
 Во высокъ теремъ зайдетъ,
 И тебя за ручку возьметъ.

14.

На комъ, на комъ, кудри русы,
 На комъ, на комъ, по плечамъ лежать,
 По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
 Словно жаръ горять, словно полымя?
 Со Москвы купцы соѣзжались,
 Они тѣмъ кудрямъ дивовались:
 Ужь чье это дитя, чье порождено? *
 Въ чистотѣ дитя все положено.—
 На Алексѣй кудри русые,
 На Михайловичъ по плечамъ лежать,
 По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
 Словно жаръ горять, словно полымя.

Зап. мною въ Рязанской Губерніи.

* Ужь и гдѣ эти кудри уродилися?
 Ужь кому эти кудри чесать, гладить будеть?—
 Что свѣтъ Агаеъ Фаддѣевъ.
 Ужь брала кудри на бѣлыя руки,
 На бѣлыя руки, на златыя перстни.

15.

- Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
 Ходилъ голубь, ходилъ сизый, со голубушкой:
 Какъ у голубя сизова золотая голова,
 У голубушки головушка серебрянная; *
 5 У Алексѣя молодая жена,
 Молодая жена, что честная госпожа,
 Всѣ товарищи его позавидовали:
 Кабы это да моя, братцы, жена **
 Я не билъ бы, не журилъ,
 10 Я бѣлилъ, румянь, купилъ, 2
 На бѣлиться бѣ ей велѣлъ:
 Набѣлись, моя милая,
 Нарумянься, душа! 2 ***
 Тогда будешь хороша;
 15 Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
 Во колясочкахъ возилъ,
 А зимою на расписанныхъ саняхъ,
 На расписанныхъ саняхъ,
 На явскихъ лошадахъ:
 20 Кони, кони, вороные,
 Извожнички молодые, 2
 Въ рукахъ плети шелковые:
 Они ѣдутъ, погоняють,
 Сами пѣсеники поють, 2
 25 Молоду жену везуть.

* У голубушки золотая голова,
 У голубушки позолоченная,

** Какъ пришелъ къ нему товарищъ,
 Позавидовалъ ему.

*** Нарумянься, Василиса,
 Набѣйся, Ивановна!

16.

- Не красенъ деиь безъ краснаго солнышка,
 Не красна свадьба безъ родимой маменьки.
 Родимый ты мой батенька!
 Выйди на широкую улицу.
- 5 Посмотри на всѣ четыре стороны: R
 Не идетъ ли, не летитъ ли, моя родимая мамёнька?
 Родимый мой батенька!
 Родимая моя маменька!
 На великое вы меня горе зародили,
- 10 Худую долей меня надѣлили,
 Худымъ счастьемъ наградили:
 Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
 Что жъ я такая за горькая,
 Что жъ я такая за несчастная зародилася?
- 15 Ужъ куда я ни повернуся,
 Ужъ куда я ни оглянуся,
 Все вокругъ меня никого нѣту,
 Ни кто около меня не увиваетсѣя,
 Ни кто около меня не убиваетсѣя.
- 20 Кабы ты была, моя родимая маменька,
 Ты бы вокругъ меня увивалася,
 Ты бы вокругъ меня убивалася,
 А то безъ тебя мнѣ плохо,
 А то безъ тебя мнѣ худо!
- 25 Разстудися, мать, сыра земля,
 Расколися, гробова доска,
 Ужъ вы раскройтесь, бѣлыя полотна
 Возстань-ка, моя родимая маменька,
 Ты возстань, пробудися,
- 30 Приди, приди, провѣдай
 Меня горькую, несчастную!
 Ужъ какъ я сдѣсь горе терплю,
 И больше перетерплю.

17.

Когда начнутъ убирать невѣсту къ вѣнцу, отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, молится Богу и голосить:

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньца.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному; потомъ сажаютъ ее за столъ съ дѣвушками, которыя запоютъ:

18.

Во полѣ лебедушка кричала,
2 Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокииъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня молодую въ чужія руки отдаете,
10 Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнетъ, заблкнетъ, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточка..
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаше:
12 Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батинька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.

19.

Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ,
Только хорошо теремъ сокращень,
Разными красками расписанъ.
20 Не ученъ Федоръ Алексѣевичъ, не ученъ,

Только хорошо снаряженъ:
 Снарядила его, матушка,
 Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
 Чтобы его теща приняла,
 5 Большимъ подаркомъ подарила:
 Я тотъ подарокъ приняла,
 Низкой я поклонъ отдавала.

 20.

Заря ли моя, зорюшка,
 Ой ляли, ой ляли! *
 10 Зорюшка вечерняя,
 Солнышко восхожее,
 Высоко восходило,
 Далекъ свѣтило,
 Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
 15 Черезъ синее море, 2
 Черезъ быструю рѣчку, 2
 Положи, милый, дощечку,
 Чтобы по той дощечкѣ
 Ни кто не хаживалъ, 2
 20 Никого не важивалъ.
 Перешелъ Федоръ сударь,
 Перешелъ Алексѣвичъ,
 Перевелъ невѣсту, свѣтъ Мирьюшку,
 Перевелъ Васильевну,
 25 Переведемши онъ ее цѣловалъ, миловалъ,
 Цѣловавши, миловавши,
 Крѣпко къ сердцу прижималъ:
 Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
 Радость моя, Васильевна!
 30 Ты меня состарила,
 Безъ ума поставила,
 Отца съ матерью забыла,

* Этотъ приѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Мени молодца полюбила,
 Во высокъ теремъ водила,
 Чаемъ, кофеемъ, пила,
 Всѣ конфекты становила,
 5 Рубашечкой подарила:
 Рубашечка полотняна,
 Моя Марьюшка молодая.

 21.

Зеленая сосенка, желтый цвѣты
 По что тебя, Федора Алексѣвича, долго нѣтъ?
 10 Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
 Ждала я другой—не бывалъ.
 Писала бъ я письмо—не умѣю,
 Писарей просить—не смѣю,
 Сама бъ я пошла—боюся,
 15 Роднаго батюшки стыжуся,
 Родной матушки боюся.

 22.

Не разливайся, мой милый Дунай,
 Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
 Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
 20 Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
 Бѣлый олень, золотые рога:
 Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Федоровичъ,
 Стегнулъ оленюшку плеточкою,
 Что ему возговорить бѣлый олень,
 25 Бѣлый олень, золотые рога:
 Не стегай ты меня плеточкою,
 Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
 Стапешъ жениться, на свадьбу приду,
 Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,

Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
 Какъ большую гостью Марью твою,
 Чтобъ Марья не плакала,
 Чтобъ не слезила бѣлаго лица.

23.

5 На морѣ утушка купалася, полоскалася,
 Всюлокнувши, сѣрая утка вскрикнула:
 Придутъ морозы крѣпкіе, снѣга глубокіе,
 Выгонять утушку изъ синя моря,
 Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
 10 Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
 Съ крутыхъ бережковъ подыматься?
 Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
 Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
 Снаряжалась Марьюшка, восплакнула:
 15 Какъ мнѣ съ дѣвушками разстатися,
 Разстатися, распроститися?
 Придетъ Алексѣи сударь съ большимъ поѣздомъ.

24.

Катилися игрушки съ верхушки,
 Покинули подружки Марьюшку:
 2) Ворочусь я, игрушки подберу,
 За подружками побѣгу.
 Некогда игрушекъ подбирать,
 Некогда подружекъ догонять.

25.

Какъ у насъ въ бору на клену
 Виситъ колыбель на шелку,
 На золоченомъ на крюку,
 На серебрянномъ на кольцу;
 5 Въ той колыбели Алексѣй спитъ,
 Спать не спитъ, только такъ лежитъ:
 Размахните меня, братцы,
 Во Лотовинскую улицу,
 Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
 10 Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
 Подъ окномъ сидитъ, чванится,
 Мною молодцомъ хвалится!

26.

Городомъ я шла зарею,
 Ко бору пришла тучею,
 15 Ударила въ ворота бурею,
 Пустила по двору сильный дождь,
 Сама я поплыла уткою,
 На крыльцо я взошла павою,
 Во новыя ворота лебедкою,
 20 Во высокъ теремъ дѣвушкой,
 Сиделась за столъ съ молодцемъ,
 Съ молодцомъ, содружникомъ,
 Съ Алексѣемъ Федоровичемъ,
 Махнула платкомъ черезъ столъ:
 25 Встаньте, Бояре, къ одной сторонѣ!
 Слушайте, Бояре, что я стану говорить:
 Судилъ ты мнѣ, батюшка, семь городовъ,
 Потомъ, родимый, не далъ одного.

27.

- Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
 Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
 Всѣ ли на тебѣ тросточки?—
 Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки;
 5 Только вѣтъ одной макушечки.
 Всѣ ли у Марьи Васильевны,
 Всѣ ли у тебя гости созваны?
 За столомъ посажены. —
 (Если вѣтъ отца:)
 Нѣтъ у меня батюшки,
 10 Благословить меня некому,
 А снарядить меня есть кому
 Вы дружки, полудружки,
 Запрягайте своихъ вороныхъ коней!
 Вы ступайте ко Божьей церкви:
 15 Вы взойдите на высокую паперть,
 Ударьте въ большой колоколъ,
 Пробудите моего батюшку:
 Разступись, мать, сыра земля!
 Расколися, дубовая доска!
 20 Ты встань, проснись, мой батюшка!
 Или сударыня, моя матушка!
 Благословите меня горькую,
 Меня горькую къ суду Божьему,
 Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

28.

- 25 Во горенкѣ во новой.
 Стоить столѣкъ дубовой,
 На столѣкъ, на столѣ,
 Стоить чара золота,

Полна меда налита:
 Кому жь эту чару пить?
 Кому ее подносить? —
 Тимоѣю чару пить,
 5 Егоровичу подносить. —
 Роди сына, что въ меня,
 А дочерю во себя!
 Учи сына лапти плестъ,
 А дочерю шелкомъ шить;
 10 Она у насъ золото.

 29.

ПЛАЧЬ НЕВѢСТЫ.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
 Родимый мой батюшка, родимая моя маменька?
 Заключение вы мою головушку во чужіе люди,
 Во чужіе люди, во незнамые,
 15 Къ чужому отцу и къ чужой матери:
 Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
 Какъ чужая мать—не родимая матушка.

 30.

КОГДА РАСПЛЕТАЮТЪ КОСУ.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
 Авдотья плачетъ Михайловна по русой косѣ:
 20 Коса ли моя, косынька, русая коса!
 Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
 Приѣхала сваха немилосливая,
 Начала эту косу рвать и метать,
 И рвать и метать, на двѣ заплетать.

31.

Расплеталась руса коса, руса коса Софьиная,
 Выпадала лента алая, 2
 Тутъ шли, прошли, два молодца,
 Подымали эту ленту алую,
 5 Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
 Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
 Не твои ли лента алая?

32.

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за
 столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ
 помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

КОГДА ВЕДУТЪ ВЪ БАНЮ, ПОЮТЪ:

У воротъ банюшка стояла,
 Жарко каменка горѣла,
 10 Ай люли, люли, горѣла! *
 Тутъ расплакалась Марьюшка,
 Передъ батюшкой стоячи:
 Государь ты, мой батюшка!
 Подержи меня хоть годокъ,
 15 Подержи меня хоть другой:
 Я по улицѣ захожу,
 Травку муравку потопчу,
 И золотъ перстень поношу,
 Ненавистниковъ подражню,
 20 Ненавистниковъ молодыхъ,
 Все ребятушекъ холостыхъ.

* Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждаго двустишія.

33.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подъѣдетъ ко двору, дѣвушки поютъ:

Долго, долго, соколъ не летитъ,
 Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
 Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
 Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
 5 За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе,
 Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подъѣхалъ.
 (Входитъ въ горницу:)
 Не сбуи вѣтры понавѣяли,
 Не званые гости на дворъ взѣхали,
 Подломли сѣни новыя,
 10 Сѣни новыя съ переходами,
 Раздавили чару золоту,
 Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

34.

КОГДА ПОВЕЗУТЪ НЕВѢСТУ КЪ ВѢНЦУ, ДѢВУШКИ ПОЮТЪ:

Какъ передъ нашими широкими воротами
 Разлилося, разледѣялось, синее море,
 15 Унесло, улепѣяло, со двора три корабля:
 Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей душой,
 А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
 А третій-то корабль съ кованными сундуками.
 Какъ выходила ея родимая маменьна,
 20 Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
 Дитѣ мое, дитятко, дитѣ мое милое!
 Позабыла ты у меня, дитятко,
 Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,

Позабыла ты у меня три волюшки:
 Какъ первая-то воля—дѣвичья,
 А другая воля—родимаго батеньки,
 А третья воля—родимой маменьки.

35.

КОГДА ПРИВЕЗУТЬ ОТЪ ВЪНЦА:

5 Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнуть,
 Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметъ:
 Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ, Михайловна!
 Кто жь тебѣ, мой свѣтъ, изъ руду милъ?—
 Мнѣ милъ, милехонекъ, родимой батенька,
 10 Родимый мой батенька и родная маменька.—
 Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.—
 Какъ шелковая ниточка и пр.
 Ужь мнѣ милъ, милехонекъ,
 Ужь мнѣ милъ мой милый другъ,—
 15 Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты сказываешь.

36.

Дунули вѣтры по чисту полю,
 Заиграли гусли во высокомъ терему,
 Пролилися слезы по бѣлому лицу,
 Что по бѣлому по Прасковьиному;
 20 Взговорила Прасковья душа:
 Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
 Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою —
 Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
 Вздумаю думушку съ родимой матушкою —
 25 Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
 Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайловичемъ —
 Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

37.

КОГДА ПОДРУГИ ВУДЯТЪ МОЛОДЫХЪ:

Дѣвушки, подружки мои!
 Вы вставайте ранехонько,
 Умывайтесь вы бѣлехонько,
 Вы чешите голову гладехонько,
 5 Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
 Вы берите ведра новыя дубовыя,
 Вы ступайте на Дунай рѣку,
 Вы поливайте крутыя горы,
 Чтобъ Ивану не пройти,
 10 Семеновичу не проѣхати!

38.

Въ чужихъ людяхъ живучи,
 Много горя напримаешься:
 День деньской на работѣ,
 А ноченьки не доспишь,
 15 Но на холоду и на голоду,
 А пуще бойся тещи:
 Носи платье, не снашивай,
 Терпи горе, не сказывай!
 Надо быть покорливой,
 20 Головкѣ поклончивой,
 Ко всѣмъ людямъ привѣтливой,
 И на всяко дѣло смѣтливой.

Зап. всѣ мною.

III.

Свадебныя пѣсни Калужской Губерніи, Малоюрославецкаго Уѣзда, въ селѣ Костинѣ.

1.

На канунѣ свадьбы, на Дѣвичникѣ, въ домѣ невесты ставятъ елку, обвѣшанную лентами, шелкомъ и свѣчами, и поютъ:

Ужь ты ель моя, елушка,
 Зеленая сосенушка!
 Всѣ ли на тебѣ сучки, вѣточки,
 Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
 8 Золотыя макушечки?
 Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
 Одного сучка нѣтути,
 Самой верхушечки,
 Золотой макушечки.
 10 Ты Федосья Никифоровна!
 Всѣ ли они у тебя гости собраны?
 Всѣ ли они у тебя посажены? —
 Всѣ у меня гости собраны,
 Всѣ у меня посажены,
 15 Одного гостя нѣтути,
 Что родимой матушки.

2.

Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода,
 А другой летѣлъ изъ Кіева,
 А третій летѣлъ изъ каменной Москвы,
 20 Три крылушка машутъ: Отворяй ворота!
 Федосья по сѣннюшкамъ похаживаетъ,
 Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
 Бояре, вы Бояре, вы Федотовы!

Станьте, Бояре, вы къ одной сторонѣ!
 Слушайте, Бояре, что я буду говорить:
 Судилъ мнѣ батюшка семь деревень,
 Повыдамши батюшка,—нѣтъ ни чего!

3

5 Ай на морѣ утушка умывалася,
 Свѣтъ сѣрая полоскалася,
 Что чернилами начернилася,
 Что смуглилами насмуглилася.
 Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
 10 Свѣтъ красная полоскалася,
 Что бѣлилами набѣлилася,
 Что румянами нарумянилася,
 Нарумянившись, слезно плакала,
 По новымъ сѣнямъ похаживала:
 15 А и свѣтъ-то мой, сѣни новыя!
 Сѣни новыя съ переходами!
 А и свѣтъ-то моя, воля вольная,
 Воля вольная, нѣга нѣжная,
 Воля батюшкина, нѣга матушкина!
 20 А и свѣтъ-то, мой соловей въ саду,
 Соловей въ саду, онъ рано вставалъ,
 Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

4.

Ты рѣка ли моя, рѣчишка!
 Ты рѣка ли моя быстрая!
 5 Ты что жь течешь—не сколыхнешься?
 Ты что жь течешь—не возмутисья,
 Желтымъ пескомъ не оборотисья?
 Ты душа ли, красная дѣвушка,
 Красная дѣвушка, Федосьюшка!

- Ты что жь сидишь, не улыбнешься,
 Не улыбнешься, не усмѣхнешься,
 Со дружками рѣчь не сговоришь? —
 Вы сестрицы, вы подруженьки!
- 8 Мы возьмемъ-те по ведерочки,
 Мы ульемъ-те горы крутыя,
 Чтобъ нельзя было ни пройти, ни проѣхати,
 Чтобъ ни пѣшему, да ни ѣзжему,
 Ни тому сыну гостинному,
- 10 Ни Федоту Акимову. —
 Ужь вы братцы, вы товарищи!
 Мы возьмемъ-те по топорыку,
 Мы и срубимъ гору крутую,
 Чтобы лязя пройти, проѣхати.

5.

КОГДА ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА ПРИѢДУТЪ ИЗЪ ЦЕРКВИ:

- 15 Гдѣ селезень былъ?
 Гдѣ утка была?
 Богъ васъ снесъ
 За единый столъ;
 Богъ вамъ велѣлъ
- 20 Одинъ хлѣбъ-соль ѣсть;
 Богъ вамъ велѣлъ
 Изъ одной чары пить.

6.

- Какъ Федотъ Акимычъ матушкѣ рассказывалъ:
 То-то я, матушка, понаѣздила,
 25 Божьяго звона понаслышался,
 Дѣвичьей кротости понавидѣлся!
 Богъ васъ снесъ за единый столъ.

7.

- Какъ по рѣчушкѣ утенушка плаваетъ,
 Напередъ ея селезенюшка всплывалъ,
 Во глазушки утенушкѣ зазиралъ:
 Куды же моя утенушка хороша!
 5 Куды же моя свѣтъ сѣрая уборна!—
 Не тобой я, селезенюшка, хороша,
 Не тобой я, селезенюшка, уборна:
 Меня матушка хорошею вывела,
 Государыня хорошею убрала.
 10 Какъ по сѣнюшкамъ Федосьюшка ходила,
 Какъ по новенькимъ Никифоровна гуляла,
 Напередъ ея Федотъ сударь выступалъ,
 Во глазушки Федосьюшѣ зазиралъ;
 Куды жъ моя Федосьюшка хороша!
 15 Куды жъ моя Федосьюшка уборна! —
 Не тобой я, Федоръ Алексѣевичъ, хороша,
 Не тобой я, Федосьюшка, уборна:
 Меня матушка хорошею родила,
 Государыня хорошею убрала.

Поется и въ Тульской Губ., Новосильскомъ Уѣздѣ.

8.

- 20 Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
 По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,
 Ходила, похаживала, молодая Боярыня,
 Будила, побуживала, сваво друга милова:
 Ты возстань, возстань, мой милый другъ!
 25 Пробудися, мой ладушка!
 Оторвался твой воронъ конь
 Отъ столба, столба точенаго,
 . Отъ колечка позолоченаго.—
 Не тужи, моя Федосьюшка,
 30 Не тужи, моя Никифоровна!
 Заберу я желѣзный тынъ,
 Посажу я въ саду вишенья,
 Черву ягоду, смородину.

Записаны всѣ Е. Г. Дурново.

IV.

Свадебныя пѣсни Рязанской Губерніи, въ деревнѣ Красной слободѣ и Урусовѣ.

Не было вѣтру, вдругъ навѣнуло,
 Не было гостей, вдругъ наѣхало,
 Полонъ дворъ, полна горница:
 Наступили на новы сѣни,
 5 Обломили сѣни новыя,
 Раздавили чару золоту,
 Упустили соловья изъ саду.
 Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
 Свѣтъ-то мой, сѣни новыя!
 10 Свѣтъ-то моя, чара золотая!
 Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
 Кто жь меня рано будить буде?
 Рано будить, поздно утѣшать,
 Да я у тебя, соловей, на рукѣ,
 15 Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
 Я тебя буду рано будить,
 Я буду поздно утѣшать!

2.

Подплывали гуси, лебеди,
 Подъ крутые береги:
 20 Мы думали, гуси, лебеди,
 Иванъ сы Боярами,
 Авдотьюшка со свахами;
 Иванъ сталъ на бережки,
 На бѣломъ на камушки,
 25 Онъ пишетъ письмо-грамоту,
 Ни перомъ и не чернилою,
 Своей горячей слезой;

Онъ и шлетъ къ своему батюшки,
 Къ родной матушки:
 Государь ты батюшка!
 Государыня ты матушка!
 5 Люба ль вамъ невѣстушка?
 Дитѣ ли, мое дитятко, —
 Дитѣ ли мое милое!
 Намъ давно полюбилася,
 За тебя взять хотѣлося,
 10 За такого за Барина,
 За Ивана Павловича.

3.

Растопись, банька,
 Разгорись, каменка,
 Разсыпсья, крупень жемчугъ,
 15 Не по атласу, не по бархату,
 По серебряномъ блюдечку!
 Ты расплачься, Марьюшка,
 Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
 Передъ своей родной матушкой:
 20 Ты, родимый мой батюшка,
 На что ты пиво варишь? 2
 На что зелено вино куришь?
 Али хочешь себѣ сына женить? —
 Ты дитѣ ли, мое дитятко!
 25 Я хочу тебя замужъ отдать,
 Ни за Князя, ни за Барина,
 За такова же крестьянина,
 За Василья Васильевича.

4.

Что въ вечеру, при вечерѣ,
 Что при Марьиѣ двѣчничкѣ,
 Что и Марьѣ сонъ привидѣлся:
 Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
 5 Онъ садился на окошечко,
 На золотой причаливѣ;
 Что и увидѣла, усмотрѣла,
 Марьиная матушка:
 Ты дитя ли, мое дитятко!
 10 Ты сойди со высокаго терема,
 Ты привѣть-ко яснаго сокола,
 Яснаго сокола залетнаго,
 Добраго молодца прѣзжаго! —
 Я бы рада его привѣтила:
 15 Мой языкъ не воротится,
 Животъ кровью обольется,
 Сердце камнемъ оборотится,
 Рѣзвы ноги подломятся,
 Бѣлы рученьки опустятся,
 20 Изъ глазъ слезы покатятся.

5.

Какъ Марья у матушки дорогая гостила,
 Золотой метелочкою мела, повымела,
 Мела, повымела, трое сѣни новыл,
 Только одной не вымела,
 25 Гдѣ сидить люта свекровь,
 Съ тремя своимъ дочеремъ:
 Ёны судили, бавли,
 Про чужую дитятку, 2
 Про свою невѣстущку:
 30 А не толь ёна сонливая,
 А не толь ёна дремливая:

Солнышко еще за лѣсомъ,
 А невѣстка спать идетъ;
 Солнышко на уходѣ,
 А невѣстка со спальни идетъ.

6.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
 Заиграли гусли во високомъ терему,
 Пролили слезы по бѣлому лису:
 Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
 Думать мнѣ думушку съ батюшкой —
 10 Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
 Тѣ ли мнѣ словеса не побычились.
 Вѣнули вѣтры по чисту полю;
 Заиграли гусли во високомъ терему,
 Пролили слезы по бѣлому лису:
 15 Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
 Думать мнѣ думушку со милымъ дружкоймъ —
 Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.

7.

Не бушуй, холоденъ вѣтеръ!
 Не расхатай во бору сосну,
 20 Не разбуди у Ивана жену!
 Какъ вечеръ во пиру была,
 Съ полуночи сына родила:
 Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
 Кума была Шереметьева двора.

8.

- Ужь вы сборы, мои сборы!
 Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
 Сажала дѣвушка за свой столъ,
 Сама сѣла выше всѣхъ,
 5 Сконила головушку ниже всѣхъ,
 Думала думушку крѣпше всѣхъ:
 Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
 Какъ къ свекору, въ чужой домъ, притить?
 Какъ мнѣ будетъ свекра назвать?
 10 Назову я свекра батюшкой;
 Назову я молодова: милый другъ!
 Спеси, сгордости, убавлю,
 А ума-то, разума прибавлю.
-

9.

- Ай, рано, рано, по зарѣ,
 15 Поймалъ соловей кукушечку,
 По ей дѣвушки плакали;
 Не сизу кукушечку, красну дѣвицу,
 По ей дѣвушки плакали,
 По ей красныя плакали:
 20 Вы не плачьте, красны дѣвушки!
 Мы давно соловья знаемъ:
 Ёнъ не сизой соловей,
 Ёнъ удалый молодець;
 Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
 25 Мы въ однохъ теремѣ сживали, 2
 Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
 Мы съ одной рюмочки волку пили.
-

НА ДВЯЧНИКЪ ДѢВУШКИ ПОЮТЪ НЕВѢСТЪ:

10.

Куковала кукушечка,
 Во сыръ боръ летаючи:
 Плакала Марьюшка,
 Къ столику припадаючи,
 5 Батюшку величаючи,
 Матушки причитаючи:
 Государь мой батюшко!
 Напиши мое личико
 На дубовомъ столикъ!
 10 Государыня матушка!
 Набери мою красоту,
 На брашной скатерти,
 Когда столикъ подвините,
 Про меня вспомните,
 15 А скатерть ускроете,
 Три раза восплакните:
 Какъ-то наше дитятко
 На чужой сторонукъ, 2
 У чужова батюшки!

11.

20 Въ отхожей новой горенкѣ
 Восковая свѣча топится,
 А Константинъ свѣтъ Богу молится,
 Самому Христу печалится.
 Приходила къ ему матушка:
 25 Сердечное ты мое дитятко!
 Ты о чемъ Богу молишься,
 Самому Христу печалишься? —
 Родимая моя матушка!
 Какъ же мнѣ Богу не молиться,

Самому Христу не печалится?
 Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
 Свою головку чесать гладешенько,
 За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
 5 За своей за снаряженой.
 Растеряютъ мою молодость
 По ухабамъ и раскатамъ,
 У насъ кони будутъ ренскіе, *
 А поѣзжане будутъ пьяные.

12.

10 Много, много, у сыраго дуба,
 Много листьа и палистьа,
 Только нѣтъ у сыраго дуба
 Золотой его вершиночки.
 Много, много, у Пелагеи души,
 15 Много сродцевъ и пріятелевъ,
 Только нѣтъ у Пелагеи у души,
 Что кормилица, своо батюшки,
 И родимой своей матушки.

13.

Какъ Марьюшка въ добрый часъ породилась,
 20 Межъ обѣдней и заутреней,
 Вы саду подъ яблонькой,
 Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
 Малиной банила,
 Калиной парила,
 25 Рѣчью приговаривала:
 Будь ты, мое дитятко,

* Очень бойкіе.

Безъ учбы будь умнешенько,
 Безъ бѣлиль будь бѣлешенько,
 Безъ сурмянь брови черныя,
 Безъ румянь румянешенька!

14.

5 Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
 Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
 Звонила звоны свѣтъ Марья душа,
 Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
 Звону ея онъ заслушаея,
 10 Красоту ея онъ засмотрѣлся,
 Приѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
 Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
 Свою суженную, свою ряженную:
 Ростомъ она и топка и высока,
 15 Лицомъ она бѣла и румяна,
 Бровью она и черна и сурмяна.

15.

Я не знала млада, не вѣдала,
 Ко мнѣ сваха приѣхала,
 Молодая, спесивая,
 20 Гордая, ломливая:
 На сѣнюшки ступила,
 Ни чего не молвила,
 Подумавши, молвила:
 Собирайся ты, умница,
 25 Снаряжайся, разумница,
 Ко суду Божію ѣхати,
 Ко суду Божію, ко златому вѣнцу! —
 Поди прочь, свашенька,
 Отступись, подговорщица:
 30 Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!

16.

Кого это величаемъ?
 По отечеству величаемъ?
 Дари игрецъ, не скупися,
 Золотой гривной разступися!
 5 Намъ игрицамъ много надо,
 На бѣлые на бѣлцы,
 На черные на сурмилы.
 (Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку.)
 Спасибо, дружья братья!
 Мы пиво твое выпили,
 10 Золотую гривну вынули.

17.

Иванъ ходи по двору,
 Кунья на немъ шуба до земли,
 Соболья на немъ шапка до верху,
 Божья на немъ милость до вѣку.
 15 Какъ люди скажутъ: Чей это такой?
 Дарьюшка скажетъ: Мой господинъ!
 Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
 Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
 Да мнѣ съ господиномъ дѣтей воспитать.

18.

20 Угрюмъ, угрюмъ, ходить.
 Марьянъ батюшка:
 Угрюма, угрюма, ходить.
 Марьяна матушка:
 Мела свой высокъ теремъ,
 25 Потеряла свой золотъ перстень.

Не золоть перстень потеряла,
 Потеряла свое дитятко,
 Потеряла свое милое,
 Марья Андреевна.

19.

8 Веселъ, веселъ, ходить
 Васильевъ батюшка;
 Весела, весела, ходить
 Васильева матушка:
 Мела свой широкой дворъ
 10 И свою новую горницу,
 Нашла золоть перстень
 Съ дорогимъ съ камешкомъ:
 Не золоть перстень нашла,
 Нашла себѣ дитятко,
 12 Нашла себѣ милую,
 Марью Андреевну.

20.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
 Вдарили крылами объ теремъ,
 Думали думушку: дома ли Марьюшка?—
 20 Ея дома нѣтъ.— Мы бѣ ей сказали добрую вѣсть,
 Что у Ивана въ домѣ есть:
 У него въ домѣ кони вороные,
 Онъ самъ собрался на коню,
 Собрался на коню какъ соколъ;
 22 Его батюшка сирашиваетъ:
 Ты куда, дитѣ, собрался? —
 Въ дорогу, батюшка, собрался:
 Ты пожалуй-ко, батюшка, подмогу:

Тридцать человекъ пѣшковыхъ,
 Пятьдесятъ коней верховыхъ,
 Двѣ каретушки золотыя,
 Двѣ свашеньки молодыя.

 21.

5 Вечерь, сы вечеру,
 Да трое куръ пѣли,
 Четвертая вскрикнула:
 Иванъ сударь въ теремѣ,
 Русы кудри чеше!
 10 Про свою Авдотьюшку
 Онъ и трѣхъ пословъ послалъ,
 Четвертый самъ пошелъ:
 Я не йду и не слушаюсь,
 Я теперича не твоя:
 15 Судьба Божья, батюшкина,
 Порожденьице, матушкина.

 22.

Марьи пѣсенку небезчестно слышати,
 На дѣвичьемъ вечерѣ съ Князьями, со Боярами,
 Со любовными свашеньками.

 23.

20 Какъ сказали Иванъ съ Москвы ѣдетъ!
 Не успѣла свѣтъ Марьюшка кунью шубу вздѣть,
 За рукавъ шубы схватила,
 Среди двора вздѣла,
 За воротами устрѣла,
 25 И цалуеть, и милуетъ,
 А правды не скажетъ;
 Скажу тебѣ правду,

Рожу тебѣ сына,
 Какъ бѣлаго сыра;
 Рожу тебѣ дочку,
 Какъ бѣлаго грузочка.
 5 Какъ сына то качаю,
 Перемѣны себѣ чаю;
 Какъ дочерю качаю,
 Перепутье себѣ чаю.

24.

Соколъ соколовичъ,
 10 Иванъ Андреевичъ,
 Онъ гулялъ по садуку,
 Гулялъ по зеленому,
 Искалъ себѣ соколушку,
 Лебедушку бѣлую,
 15 Марью Андреевну;
 Взялъ ее за рученьку,
 Взялъ ее за правую,
 Повелъ ее по садуку,
 Повелъ ее по зеленому,
 20 Сталъ ее выспрашивать,
 Изъ ума вывѣдывать:
 Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
 Гдѣ же ты, Андреевна, росла! —
 Росла-то я, росла, у батюшки,
 25 Лелѣялася у матушки. —
 Да что жъ ты пила, ѣла? —
 Я медъ, вино пила,
 Сахаръ, изюмъ ѣла.

25.

Соколы, соколы, куда жь летали? —
 Мы летали съ моря на море. —
 Да что жь вы видѣли?—
 Мы видѣли утену на морѣ.—
 5 Да что жь вы ее не взяли? —
 А крылушки ощипали,
 Горячу кровь пролили.

26.

Какъ за нашими широкими воротами
 Синее море разливалось,
 10 Бѣлорыбица встрепехталась;
 Рыболовцы по бережку ходили,
 Бѣлой рыбицѣ говорили:
 Бѣлорыбица, берегись!
 Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбица, уловить,
 15 Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
 На серебряной тарелкѣ раскладать,
 Во высокъ теремъ носить,
 На дубовой столѣ становить,
 Свѣтъ Марьюшку кормить
 20 Какъ за нашими широкими воротами
 Разыгрались ребята молодые,
 Распутались купцы холостые,
 А свѣтъ Марьюшки подружки говорили:
 Берегись, свѣтъ Марьюшка!
 25 Ужь и хочеть тебя Иванъ сударь поцѣловать.
 Догадалась, подруженьки, догадалась.

27.

- Надъ рѣкою сосенка зелена стоять,
 По той сосенки бѣлая лава лежить,
 На той лавицѣ Марья сидить,
 На той лавицѣ да Ивановна,
 5 Чешется, гладится, русу косу плететь;
 Вымося шелъ, вымося шелъ, родной батюшка.
 Дитятко Марьюшко, пойдѣмъ домой!
 Дитятко Ивановна, пойдѣмъ домой! —
 Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
 10 Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
 Ночь темная, да не мѣсячна,
 Рѣки глыбоки—переходу нѣтъ,
 Горы высоки, да юсхода нѣтъ,

- Надъ рѣкой сосенка зелена стоять,
 15 По той сосенки бѣлая лава лежить,
 На той лавицѣ Марья сидить,
 На той лавицѣ да Ивановна,
 Чешется, гладится, русу косу плететь;
 Вымося шелъ, вымося шелъ, милый другъ:
 20 Душечка Марьюшка, пойдѣмъ домой! —
 Охти мнѣ, готовешенька:
 Ночь видна и мѣсячна,
 Рѣки мелки и переходъ есть,
 Горы высоки и юсходъ есть.

28.

- 25 Какъ по погребу боченочекъ катается,
 Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
 Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй!—
 Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
 Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
 50 Я и ноженьку разула, я Ивановъ назвала, 2
 Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

V.

Свадебный обряд Тверской Губернии, Новоторжского Уезда, въ селѣ Селиковѣ и деревнѣ Карцовѣ.

На канунъ брака, когда съѣдутся все гости, бываетъ выборъ подъянца, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: женихъ съ Подкняземъ, стоя за столомъ, кланяется, а отецъ, поднося вино въ дворъ, выбираетъ изъ Тысяцкіе, потомъ сватью (мать крестную), Большаго Барина, Меньшаго Барина, двухъ Дружковъ.

Должность Тысяцкаго или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкупаетъ невесту и раздастъ за нее двѣмъ дружкамъ орѣхи. Болре только занимаютъ одно званіе, а Дружки обяваны раздавать орѣхи, мыло и проч., принимать молодыхъ и вѣсть въ востель. Предъ выборомъ, готовятся къ поѣзду. Сидятъ за столомъ, молятся Богу; отецъ стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью.

Женихъ молится Богу и кланяется отцу въ ноги, а Дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ кланяться до земли; отецъ благодаритъ его. После этого отецъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей. Запрягши лошадей, выѣзжаютъ со двора въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва ѣдутъ Дружки, потомъ Тысяцкій съ женихомъ, далѣе Болре. Отѣхавъ нѣсколько сажень, Дружки ворочаются назадъ, благодарятъ отца и мать за угощенье и доносятъ имъ, что Князь выѣхалъ со двора благополучно. Отправивши поѣздъ, въ домъ жениха, трутень или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ и готовитъ постель для молодыхъ. Подъѣзжая къ дому невесты, Дружки ѣдутъ къ невестѣ и спрашиваютъ отца: «Готова ли невеста?» Если готова, принимаютъ ихъ въ домъ, а если не готова, то ворота будутъ заперты и отпугаютъ ихъ: «Невесты дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы.» Поѣздъ же стоитъ весь на дорогѣ и дожидается отвѣта Дружекъ. Дружки подѣзжаютъ къ поѣзду и говорятъ, что все готово. Тогда весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невестинаго дома на дворъ, сватья невесты почтуетъ пивомъ жѣнихову сватью, и, вошедши въ избу, здороваются съ сватами и со всеми родными; невеста же сидитъ въ заднемъ углу, одруженная дѣвкамъ. Тысяц-

кѣй подходить къ дѣвкамъ и просить у нихъ невѣсты, но дѣвки не даютъ; Тысяцкій даетъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, и Тысяцкій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ. Потомъ невѣсту сдаютъ жениху; женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу (чтобы не была сердита). Послѣ этого, Тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его на нарочно приготовленномъ мѣстѣ, т. е., на подушку; три раза молодыхъ поднимаетъ и опять сажаетъ на подушку: тутъ бываетъ угощеніе воліе и дары со стороны жениха. Угостившись, выходить изъ за стола и ѣдутъ въ церковь, дружки опять ворочаются въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е., отецъ невѣсты, сажаетъ ихъ на мѣсто, но Дружки не садятся. Сватъ угощаетъ Дружекъ пивомъ и даетъ имъ пирога. Дружки отломать край пирога, но не ѣдятъ, а между тѣмъ, во время этого угощенія, запираются ворота. Дружки выходить изъ избы, глядятъ — ворота заперты; входятъ въ избу, и просятъ у свата пива; тогда всѣхъ, кто стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. Послѣ того отпираютъ имъ ворота: они выѣзжаютъ изъ воротъ, догоняютъ повозъ и, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдутъ въ церковь.

Сообщено отцомъ Сваденникомъ Церкви Рождицкаго
Погоста, Георгіемъ.

А.

- Разшаталась грушица,
1 Разшаталась зеленая,
Передъ яблонькой стоячи;
2 Разшлакалась Лизавета душа,
3 Разшлакалась Тимофеевна,
Передъ батюшкой стоячи;
Передъ матушкой взырыдаючи:
Государь, родимый батюшко!
Государыня, родимая матушка!
10 Нелья ли думу отдумати,

Чтобъ меня замужъ не выдать!—
 Ты дитя ли, мое дитятко,
 Ты дитя ли мое малое!
 И нельзя думу одумать,
 5 Чтобъ тебя замужъ не выдать!
 По рукавъ у насъ ударено,
 На словахъ у насъ положено.

2.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за садика зеленаго,
 10 Вылетало стадо лебедей,
 Позади лети гусиное;
 Отставала лебедушка
 Отъ стада лебединаго,
 Приставала лебедушка
 15 Ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ,
 Не умѣла лебедушка
 По гусиному кликати,
 Ино стали гуси щипати:
 Не щипите, гуси сѣрые!
 20 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесло меня погодою,
 Что погодою, невздою.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за садика зеленаго,
 25 Выходила толпа дѣвушекъ,
 Позади идутъ молодушки
 Отставала Акулинушка
 Отъ толпа, отъ красныхъ дѣвушекъ,
 Приставала Акулинушка
 30 Ко толпы, ко молодушкамъ,
 Не умѣла Акулинушка
 На головушку управиться;

Ино стали люди журити:
 Не журите, люди добрыя!
 Не сама я къ вамъ забѣжала,
 Завезли меня добры кони,
 5 Что добры кони, Захаровы.

3.

Подите, мои родичи,
 На батюшкинъ на широкій дворъ,
 Во матушкинъ во, высоту теремъ,
 На мою свадьбу на младую,
 10 На младую, на глупую!
 Тихо соражались,
 Тяжело подымались.

4.

Какъ чесалъ Тимоѣй кудерушки
 Костяной новой гребеночкой;
 15 Онъ чесалъ, приговаривалъ:
 Прилегайте, кудры русые,
 Ко моей буйной головушкѣ,
 Ко моему-то лицу бѣлому!
 Привыкай-ка, любовь душа,
 20 Къ моему уму, разуму,
 Къ моему-то роду, племени! —
 Тяжело мнѣ привыкать будетъ
 Къ чужому отцу, матери,
 Къ чужому роду племени.

5.

Ну, погоди-ко, мой свѣтелъ мѣлицы!
 Затепляйте свѣцу воска бѣлова,
 Подвигаайте столы дубовые,
 Растылайте-ко скатерти бранны,
 5 Становите бутва сахарныя;
 Нацѣдите пива пльшиго,
 Наносите вина оленяго!

Деревня Кардоза

6.

Не всё-то у насъ гости въ собраньицѣ,
 Не всё они въ связжашьицѣ,
 10 Не тацъ ли родной матушки (батюшки),
 Авось ли онъ не подойдетъ ли,
 Не подойдетъ ли, не подѣдетъ ли,
 На мою-то свадьбу на младую,
 На младую, на сиротскую?
 15 Благослови ты меня, сиротушку,
 Ко суду-то Божьему вхати!
 У суда то Божия тяжело стоять:
 Подломятся мои скоры ноги,
 Опустятся мои бѣлы руки,
 20 Ужахнется мое сердце,
 Ужахнется, испужается!

7.

Ты рѣка ль, моя рѣченька,
 Рѣка ли моя быстрая!
 Что ты стоишь, не колыхнешься!
 25 Съ берегомъ ты не сравняешься;
 Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
 Что ты, Аннушка, сидишь, не усмѣивешься?

- Говоришь ты, не промолвишься? —
 На что глядя, мнѣ смѣяться?
 Положь дворъ каретъ наѣхавши,
 Полна гордица гостей сюда,
 5 Нарядиться мнѣ кое есть во что,
 Отпустить-то мнѣ есть кому,
 Благословить-то меня не кому.
 Ты, желанный братацъ, батюшка!
 Ты выйди на широкій дворъ,
 Ты возьми узду тесменную,
 10 Что тесменную, ремennую,
 Обротаи коня что ни лучшаго,
 Что ни лучшаго, хорошаго;
 Ты съѣзди къ Божьей церкви,
 Ты ударь трожды во колоколъ,
 15 Ты пусти гулъ по всѣмъ церквамъ,
 Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ;
 Разбуди кормилица батюшку,
 Екимя-то Софронювица;
 Благослови ты меня, сиротинушку,
 20 Къ суду мнѣ Божьему ѣхати,
 У суда мнѣ Божьяго стоять;
 У суда мнѣ тяжело стоять:
 Какъ подломятся у меня скоры ноги,
 Опустятся у меня бѣлы руки,
 25 Ужахнется мое ретиво сердце,
 Ужахнется, испугается,
 У суда-то Божьяго стояти!

8.

- Какъ леталъ-то, леталъ, соколъ,
 Съ горы на гору леталъ;
 30 Какъ искалъ-то, искалъ, соколъ,
 Стадо лебедице;
 Какъ нащелъ-то, нащелъ, соколъ,

Стадо лебединое,
 Ёнь все стадо разогналъ, "
 Одно лебедушку ухваталъ,
 Ахъ, что лебедушку душу,
 8 Златокрыльцату свою.
 Возмолилася лебедка
 Своему ясну соколу:
 Ты пусти, пусти, соколъ,
 Въ стадо лебединое! —
 10 Я тогда тебя пущу,
 Сизы перышки оциплю,
 Златы крылушки обобью,
 Горящую кровь пролью.

Какъ и вѣдиль-то Захаръ Князь,
 18 По Слопихину по селу,
 Какъ искалъ-то, искалъ, Князь,
 Красныхъ дѣвушекъ толпу,
 Какъ нашель-то, нашель, Захаръ Князь,
 Красныхъ дѣвушекъ толпу;
 20 Онъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
 Только ее одну ухватилъ,
 Свѣтъ Акулинушку свою,
 Тимоѣевну свою.
 Взмолилася Акулинушка,
 28 Взмолилася Тимоѣевна,
 Своему милому дружку:
 Ты пусти, пусти, Захаръ Князь, "
 Ты пусти, пусти, Федоровицъ,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу! —
 30 Я тогда тебя пущу,
 Ко вѣнчаньицу сvezу,
 У вѣнчаньица постоимъ,
 Косу русу расплету, "
 Ее на двое заплету.

Деревня Карцова..

9.

Свѣтъ ты, коса дѣвнѣя, 2, коса русая,
 Распелася моя коса, коса русая,
 Развился мой шелковой гонтай, 2
 Шелковый гонтай съ алой ленточкой,
 5 Свалилася ты съ меня, съ младешеньки,
 Вся цестъ, хвала, воля батюшкина,
 Воля батюшкина, нѣга матушкина.
 Бывало я, младешенька, на гулянье пойду,
 На гулянье пойду—не спрашиваюсь,
 10 Съ гулянья приду—не сказываюсь;
 А теперь мнѣ, младешенькѣ,
 На гулянье-то итить—спрашиваться,
 Со гулянья-то итить—все сказываться.
 У новыхъ- то воротъ понастоишься,
 15 У дубовыхъ дверей понаслушаешься,
 И на степенку-то ступнешь—оступнешься,
 Слово молвишь—обмолвишься.

10.

Подите вы, подружки дастушки,
 Провѣдайте про мое горе,
 20 Про мое горе про великое:
 Какъ-то будетъ мнѣ, младешенькѣ,
 Итить будетъ во чужи люди:
 Во чужихъ во людюшкахъ
 Надо жить умѣючи,
 25 Умѣючи, разумѣючи:
 У сѣней-то настоишься,
 У дверей наслушаешься,
 За скобку возьмешься—попятчишься,
 Не про меня ли, молодешеньку,
 30 Чужой отецъ съ матерью гадорить?
 Не про меня, ли говорить,
 Не меня ли бранять?

11.

- Недолго вѣночку на столбикѣ висѣть,
 Недолго Ульянушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть;
 Не трубушка трубила рано по зарю,
 Плакала Ульяна по русой по косѣ:
 5 На свѣтъ моя косынька, русая коса!
 Сегодня тебя, косыньку, дѣвки плетутъ,
 Назавтра, моя косынька, сватья станутъ плестъ,
 Не та ли сватьюшка пріѣзжая,
 Пріѣзжая сватьюшка, немилосливая,
 10 Станутъ мою косыньку рвать, порывать,
 Станутъ мою русую на дѣвѣ заплетать;
 Заплетутъ мою косыньку на дѣвѣ косы
 И весь крупень жемчугъ поразсыплется.

12.

- Что были за гости, за пріятеля?
 15 Пропилъ ты меня, родной батюшка,
 За стаканъ пива пьянаго,
 За рюмку вина зеленаго;
 Продумалъ ты меня, родной батюшка,
 Продалъ во чужіе люди,
 20 Во чужіе люди, незнакомые:
 Ужь какъ-то мнѣ жить будетъ?
 Ужь какъ-то мнѣ упаковать будетъ
 На чужого отца съ матерью?
 Что чужой-отецъ съ матерью
 25 Безъ желаньца уродилися:
 Въ вечеру кладутъ спать позднихонько,
 По утру будють вставать ранехонько:
 Вставай-ко, дитя не милое,
 Не милое, не родное,
 30 Не роженоне, не хоженное!
 Ступай-ко на работушку!
 А работушка мнѣ не подѣ смлушку:
 Обольюсь-то я, младешенька,
 Своимъ горячимъ слезамъ!

13.

Соколъ, соколенка,
 Залетная пташеца,
 Леталъ по вишенья,
 Залетѣлъ въ зеленый садъ,
 5 Ухватилъ лебедушку,
 Лебедушку бѣлую,
 Привелъ ее къ батюшку:
 Желанный мой батюшка!
 Люба ль тѣ невѣстушка?—
 10 Родимо мое дитятко!
 Любо бѣ тебѣ было,
 А мнѣ послѣ тебя.—

Соколъ, соколенька,
 Залетная пташеца
 15 Леталъ по вишенья,
 Залетѣлъ въ зеленый садъ,
 Ухватилъ лебедушку,
 Лебедушку бѣлую,
 Привелъ ее къ матушкѣ:
 20 Родимая матушка!
 Люба ль тѣ невѣстушка?—
 Родимое мое дитятко!
 Любо бѣ тебѣ было,
 А мнѣ послѣ тебя.

14.

25 Бѣхалъ зять мимо тещина двора,
 Онъ стучится у новыхъ у воротъ:
 Дома ль тесть, дома ль теща моя,
 Дома ль душенька, невѣста моя?
 Услыхала Анисья душа,
 30 Побѣжала по новымъ по сѣнямъ,
 Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
 Ужь вы, матушки, нянюшки мои!
 Вы берите золоты ключи мои,
 Отпирайте кленовые сундуки,
 35 Вынимайте подгребцовое сукно,

Ужь вы кройте Степану на армякъ,
 Чтобъ не дологъ, не коротокъ ему былъ,
 Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
 Чтобъ было ему можно на ворона коня вскочить,
 5 Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
 Поскорѣй душу невѣсту увидетьъ,
 Да Анисью, да милую свою!

15.

Растопися, баненька!
 Разгорися, каменька!
 10 Ты разсыпьяся, крупень жемчугъ,
 Что по атласу, да по бархату!
 Ты расплачься, невѣстушка,
 Марѳа, душа Тимоѣевна,
 Передъ батюшкой стоючи,
 15 Передъ матушкой плакуци,
 Благословенья просюци:
 Благослови, родимый батюшка,
 Еще родима матушка!
 Благослови меня во цужи люди,
 20 Ко цужому роду, племени,
 Ко цужому отцу съ матерью;
 Какъ цужой отецъ съ матерью
 Безъ жалости уродилися,
 Что безъ жалости, безъ милости:
 25 Въ вечеру кладуть спать позднехонько,
 По утру будять ранехонько:
 Ты вставай-ко, дитя не милое,
 Ты вставай-кось, не роженное!
 Ты вставай, сноха приведеная!
 30 Кидай, кидай, волю батюшкину,
 Бросай, бросай, пѣгу матушкину!
 Привыкайка работушкѣ,
 Ко великой ко заботушкѣ!

Дер. Карцово. Зап. мною.

VI.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи, Валдайскаго
Уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невѣсты; при входѣ въ избу крестится, поклонится на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невѣсты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, и онъ отвѣчаетъ:

Садиться не годится,
; И стоять не хорошо,
Пришелъ я не кумиться,
Пришелъ я не свататься,
; А пришелъ побрататься:
У тебя есть невѣста,
А у меня женихъ.

Нельзя ли свестъ ихъ въ одно мѣсто?

Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ:

—«Невѣста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются Смотрины. Женихъ къ этому времени приготовляетъ невѣстѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невѣста: онъ отдаетъ ей выше сказанные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчасъ же уходитъ за занавѣсь. Женихъ и свать входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и крендели; потомъ свать, стоя за столомъ, начинаетъ выкликать къ водкѣ и закускѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невѣсты, словами:

Повыди, повыступи,
 По новой по горенкѣ,
 По свѣтлой свѣтлицѣ,
 Къ винной чарѣ!»

(Имя того, кого выкликается.)

Послѣ того, какъ всѣ родственники будутъ вызваны, женихъ самъ начинаетъ выкликать невѣсту:

ь Повыди, повыступи,
 По новой по горенкѣ,
 Изъ за задняго угла,
 Изъ за занавѣси круглой,
 Изъ за молодыхъ молодницъ,
 10 Изъ за красныхъ дѣвицъ,
 Ко винной чарѣ,
 Къ золотой казны!
 Сама себя покажи,
 И насъ посмотри!

Невѣста молча выходитъ изъ за занавѣса, поклонится жениху, поцалуетъ образа и уходитъ опять за занавѣсъ. Женихъ и свать уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ невбу. Ихъ встрѣчаетъ невѣста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Послѣ женихъ, свать и другіе гости садятся за столъ, начинается ужинъ, а невѣста уходитъ за занавѣсъ. Послѣ ужина свать и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невѣстѣ за занавѣсъ и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По уходѣ жениха дѣвушка начинатьъ цѣть:

1.

Ужь какъ Марѳушка измѣнщица,
 Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,
 Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
 А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

2.

в Сестрицы, голубушки!
 Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
 Снарядиться мнѣ есть во что,
 Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, начинаетъ плакать въ голось:

Прошила меня, родима матушка,
 10 Что за винную за чарочку!

Съ этими же словами она обращается ко всему своему семейству, садится на лавку и причитаетъ:

3.

Ужь я сяду, молодешенька,
 На свою тесову лавочку,
 Подъ круглое окошечко;
 Я пуцу-то гулы звонкіе,
 15 Недалеко, по поднебесью:
 Вы слетите, гулы звонкіе,
 Вы слетите въ чужу сторону,
 Ко моимъ-то ко милымъ сестрамъ!
 Пусть постоскнутся, посгрустнутся,
 20 Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,

Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
 Со чужой-то со сторонушки;
 Поразмыкайте кручинушку!
 Я спрошу у милыхъ сестеръ:
 5 Какъ мнѣ жить будетъ, молодешеньки,
 Во чужой во сторонушкѣ,
 Со чужимъ со чужанномъ,
 У чужаго отца съ матерью?
 Какъ упаковать, улаживать на нѣ,
 10 На своего-то супостателя?

Замужнія сестры невѣсты, если находятся тутъ, то поютъ:

4.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
 Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
 Какъ упаковать, улаживать,
 На чужаго отца съ матерью:
 15 Ты узнаешь, мила сестра,
 Какъ поживешь сама съ ними.
 Не держи, наша мила сестра,
 Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
 Какъ подруженьки и милы сестры
 20 Поосудятъ и осмѣютъ тебя;
 А коль задумаешь, мила сестра,
 Крѣпку думушку подумати,
 Ужь ты выйди во чисто поле,
 Припади ты къ бѣлу камушку:
 25 Бѣлый камушекъ не просудливый,
 Не просудливый, не насмѣшливый.»

Этѣмъ кончаются смотрины. Дѣвушки прощаются съ невѣстой
 и расходятся по домамъ. Во время смотринъ, съ общаго согласія,
 назначается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе этого времени
 навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣвушки помогаютъ ей шить приданое,
 утѣшаютъ ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя, на при-
 мѣръ, слѣдующія:

5.

Дочь отъ матери уѣхала,
 Уѣхала, не простилася,
 Съ соловьями думу думала:
 Соловьи ли вы, соловьюшки!
 5 Не съ одной ли вы сторонушки?
 Вы снесите моей матушкѣ,
 Моей матушкѣ низкой поклонъ,
 Моему батюшкѣ челобитьице:
 Не ждала бы меня родна матушка,
 10 Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
 Ни къ поздому меня завтраку,
 Ни къ честному меня празднику.

6.

Много, много, у сыраго у дуба,
 Много листьевъ, много подлистьевъ,
 15 Только нѣту у сыраго у дуба,
 Зодотой его вершиночки.
 Много, много, у Анны души,
 Много сродства и пріятелей,
 Только нѣтъ у Анны души,
 20 Что кормильца, родна батюшки,
 Благословить-то ее некому
 На чужую на сторонушку,
 Ко чужому, ко чужанину,
 Ко чужому отцу, матери,
 25 А проводить-то ее есть кому,
 Есть и братья, и милы сестры,
 Есть и милыя подруженьки.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу тѣмнаго,
 Изъ за садику зеленаго,
 Вылетало лебедей стадо,
 А другое стадо гусиное;
 5 Отставала лебедушка
 Что отъ стада лебединаго,
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
 Не умѣла лебедушка,
 10 По гусиному кричати:
 Ее стали гуси щипати:
 Не щиплите меня, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Зацесло меня погодою,
 15 Что погодою осеннею.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за садику зеленаго,
 Выходила толпа дѣвушекъ,
 А другая шла молодушекъ;
 20 Отставала Марья душа
 Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
 Приставала Марья душа
 Ко толпы ли да молодушекъ,
 Не умѣла Марья душа
 25 На головушкѣ оправити,
 Ее стали люди ханити,
 Ужь какъ Марья стала плакати:
 Вы не хайте, люди добрые!
 Не сама я къ вамъ забѣхала,
 30 Завезли меня кони добрые, 2
 Что Василья Аванасьевича.

8.

Охъ ты волюшка, вольная,
 Воля вольная, не заемная!
 Не на вѣкъ ты намъ доставалася!
 Доставалась волюшка, доставалась вольная,
 5 Краснымъ дѣвушкамъ до замужества,
 Замужъ вышедши, ни въ чемъ води нѣтъ,
 Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатствѣ,
 Только есть она во тяжелой работункѣ;
 А однокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
 10 А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

9.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
 Убита дорожка ковровкомъ:
 Кто жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
 Убивалъ эту дорожку Арсеній Князь,
 15 Ходючи и смотрячи Аграфену душу.
 На бору, на бору, на клену,
 Виситъ колыбелька на шедку,
 Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
 Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
 20 Приходитъ къ ей Арсеній Князь,
 Возговорилъ ей Михайловичъ:
 Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
 Мои вѣрныя служаночки!
 Качайте колыбель позыбчѣй,
 25 Чтобъ увидѣть ей свекровъ дворъ
 И свекровушкинъ теремъ!
 Какъ увидѣла Аграфена душа,
 Очень она возрадовалась,
 Увидавши свекровъ дворъ;
 30 А еще она возрадовалась,
 Что увидѣла она Князя Арсенія,
 Арсенія свѣтъ Михайловича.

На канунъ свадьбы назначаются Вечерины. Передъ вечеринками ведутъ невесту въ баню; за невестой приходятъ дѣвушки и начинаютъ звать ее въ баню:

Просимъ милости пожаловать,
Во парну во баню;
Подъ шелковый вѣничекъ,
Подъ бумажный листочекъ!

Невеста обращаясь къ отцу:

10.

в Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластошку, милу сестру,
Порасплеть мою русу косу,
По единому по волосу,
По могучимъ моимъ плечикамъ!

Сестра начинаетъ расплетать, а невеста не даетъ ей и говорить:

11.

10 Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкы!

Послѣ этого невеста сама же начинаетъ расплести косу, причитая въ голосъ: — просить, чтобы ей

12.

Попрошу я, вамъ покланяюсь:
 Расплетите мою русу косу,
 Что русу косу, красу дѣвичью;
 Вы возьмите, мои подруженьки,
 5 Что мою ли косу дѣвичью,
 И все красное дѣвичество!

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

13.

Мнѣ не надоть, моя подруженька,
 Мнѣ не надоть твоя руса коса:
 Я возьму, снесу, русу косу,
 10 Что во полюшко во чистое,
 Во лужки-то во зеленые,
 Да во травушки шелковыя,
 Во цвѣты-то во лазоревы:
 Всѣ алы цвѣтики агѣются,
 15 А моя коса увивается,
 Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается:
 Какъ пойдетъ твоя родимъ матушка!
 Во поля-то да во чистыя,
 Во луга-то во зеленые,
 20 Да увидить твою русу косу,
 Позавернется ейно ретиво сердце,
 Позавернется крѣпче камушка.

Невѣста остается съ распущенными волосами, пока не обвиняется. Только что расплетутъ косу, къ невѣстѣ пойдетъ или сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаетъ:

14.

Подымись, моя родна сестра,
 Что ити-то въ парну баенку,
 Что смывать-то воду вольную,
 Да красу-то свою дѣвичью!

Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

15.

з Благослови, кормилецъ батюшка,
 Что ити-то въ парну баенку,
 Что смывать свою волю вольную,
 Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этими же словами она обращается и къ матери.

Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

16.

Растопися, парна баенка,
 10 Раскалися въ банѣ каменка,
 Поразсыпся крушой жемчугъ,
 По столамъ, столамъ дубовымъ;
 Порасплачься, невѣста душа,
 • Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой:
 15 Ты кормилецъ, родной батюшка,
 Для чего ты рано по утру встаетъ,
 Для чего ты пиво пьяное варишь?—
 Для того я по утру рано встаю,
 Для того я пиво пьяное варю,
 20 Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
 Что твоего-то свѣта суженаго,

Невѣста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только, что невѣста станетъ подходить къ дѣму, не входя въ него, одтанавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ родосѣ:

17.

Я иду, родимый батюшка,
 Со своимъ милымъ подруженькамъ,
 Ужь по новымъ-то по сѣнечкамъ;
 Я вхожу, кормилецъ батюшка,
 5 Что во новую во горенку,
 Что во свѣтлую во свѣтлицу
 Я изъ парной только баенки,
 Пообмывши волю вольную,
 Порастерявши красу дѣвичью,
 10 По поляжъ-то да почистымъ,
 По лужкамъ-то по зеленымъ.

Входя въ избу, вѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

18.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
 Что за парную баенку;
 Лишь попеная тебѣ, батюшка.
 15 Какъ здынулись твои рученьки,
 Благословить меня молодежничку!
 Теперь благослови меня, родимый батюшка,
 Что садиться за дубовый столъ,
 Со своимъ милымъ подруженькамъ!

ВЕЧЕРИНЫ.

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за барными!

Отецъ благословляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдо невѣста говоритъ:

19.

Вы покушайте, мои подруженьки,
в Что со мной-то, молодешинькой,
Моя послѣдняя послѣдушки,
Мои остатныя остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

20.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,
10 Что накормили меня сытешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подружинькамъ!

За тѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ обрава, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

21.

Не печалься, Марфа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
15 Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужи люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свашеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

22.

Всѣ кучера поразѣдутся,
 Всѣ свашеньки поразойдутся,
 Одна я, млада, остануся,
 У чужого у чужанина,
 У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ слѣдующую: «Теща про зятя пирожекъ пекла, и пр. См. Плясовыя пѣсни.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

23.

Похожу я, молодешинька,
 Что по новой своей горенкѣ,
 Что по новой своей свѣтлицѣ,
 Поищу я красы дѣвичьей,
 10 А еще погляжу я, молодешинька,
 На своихъ милыхъ подруженекъ:
 У ихъ буйны головы причесаны,
 Алымъ лентамъ приувязаны,
 Золотымъ булавкамъ приуколоты,
 15 А у меня, у молодешиньки,
 Алы ленточки растеряны,
 Булавочки пораскиданы,
 Буйна головушка растрепана,
 Краса дѣвичья порастеряна.
 20 Какъ поищу я своей красы дѣвичьей,
 Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
 Да во новой нашей горенкѣ:
 Не нашла я красы дѣвичьей,
 Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невѣста. Они садятся рядомъ въ передній уголъ, а дѣвушки вѣшаютъ:

24.

- Кто же у насъ умный,
 Кто жь у насъ разумный?
 Арсеній у насъ умный,
 Михайловичъ разумный:
 5 На коня садится,
 Подъ нимъ конь веселится,
 Къ саду подъѣзжаетъ,
 Садикъ разцвѣтаетъ:
 Аграфена, выходи,
 10 Свѣтъ Максимовна, выходи!
 За бѣлы руки Арсенія брала,
 За дубовый столъ сажала,
 Чару водки наливала,
 Арсенію подавала,
 15 Усердно просила:
 Выкушай, Арсеній Князь!—
 Я не пью вина хмѣльнаго,
 Я не пью вина зеленаго;
 Я дарю, семь разъ поцѣлюю,
 20 Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невѣста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невѣсту съ женихомъ, а жениха съ невѣстой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невѣста имъ причитаетъ:

25.

- Погодите, мои подруженьки,
 Погодите, мои голубушки!
 Мнѣ не долго, молодешанькѣ,
 Провести часы, минуточки,
 25 Что со вамъ, милы подруженьки,
 Что со вамъ, мои голубушки;

Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
 Одну ночку темну ночевати,
 У своего кормильца, батюшки;
 У своей ли родимой матушки!

Этѣмъ кончаются вечеринны. Дѣвушки расходятся по домамъ,
 а невеста плачетъ въ голосъ:

 26.

5 Охъ, рожденна моя матушка!
 Какъ на чужой дальней сторонущиѣ,
 Налетять ли черны вороны,
 Забудутъ быки не кладеные,
 По утру стануть будить ранешенько,
 10 Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
 Я не знаю, молодешинька,
 Ни обыча его, ни нброву,
 Ни ума его, ни разума.
 Я о чемъ, мой подруженьки,
 15 Попрошу васъ, да вамъ поклоняюсь:
 Какъ пойдете вы, подруженьки,
 На веселое гулявище,
 А моя ли то краса дѣвичья,
 За вами погонится;
 20 За тонкой рукавъ ухватится,
 А возьмите, да мой подруженьки,
 Да мою-то красу дѣвичью,
 И ввяжите въ алы ленточки,
 Пускай съ вами покраѣется!
 25 А еще, мой подруженьки,
 Попрошу васъ, да поклоняюсь:
 Какъ приѣдутъ мои недруги,
 Мои недруги, разлучники,
 Не мечитесь вы, подруженьки,
 30 Что на ихну золоту казню,
 Не отдавайте мѣня, молодешиньку!

На другой день назначается Свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, готовится къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

27.

Я встаю-то, молодешинька,
 Что ранымъ-то ранешинько,
 Что умоюся бѣлешинько,
 Что умоюся не ключевой водой,
 5 А умоюся горючимъ слезамъ;
 Я спрошу-ко, молодешинька,
 Пospалось ли родной матушки,
 Проспала ль она эту ноченьку?
 А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,
 10 Не спалась мнѣ темна ночинька,
 Не спала я, думу думала:
 Подошли-то морозы лютые,
 Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать готовится столъ, такъ называемый «Княжій.» Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

28.

Вереюшки пошатнулись,
 15 Вороточки распахнулись,
 Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
 А ужъ Мареушка не вѣрила;
 Свѣтъ Ивановна не чаяла,
 Какъ женихъ-то въ нову горенку вошелъ,
 20 Ужъ какъ Мареушку за рученьку беретъ,

Свѣтъ Ивановну за правенькую:
 У ней ножки подкосилися,
 Бѣлы ручки опустилися,
 Ужь Какъ Марѳа ужахнулася,
 ъ Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время пріѣзжаютъ Друзки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

 29.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
 Ты возми-сь-ко-ся саблю вострую,
 Засѣки пути, дороженьки,
 Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
 10 Да еще горькимъ осинничкомъ,
 Чтобы не напали мои недруги:
 Разлучать они меня, молодешиньку,
 Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
 Да и съ милымъ подруженькомъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ Друзки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Друзки.

15 Мы дружки,
 Вѣрные служки,
 Отъ Князя молодого,
 Отъ Арсенія Михайловича.

Братъ.

Просимъ милости войти!

Друзки.

Намъ некогда: мы пріѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ.

Готова.

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени прѣзжаютъ со всѣмъ побѣдомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки.

Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ?

Дѣвушки.

Есть.

Дружки.

Дайте намъ дубоваго стола,
Поставить нашего Князя подѣ святыя образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ:

Что вы за люди?

Дѣвушки.

Молодой Княгини вѣрныя служаночки.

Дружки.

Гдѣ же Княгиня? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена?

Дѣвушки.

Наша Княгиня въ парной баенѣ, подѣ шелковымъ вѣничкомъ

Дружки.

Опроставьте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ.

Дѣвушки.

Дайте намъ золотой казны!

Дружки.

Кидаютъ мѣдныя деньги.

Дѣвушки.

Наша Княгиня больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть мѣленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ из-

носили, косу Княгиньи расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; этѣ ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти.

Дружки!

Высыпають на столъ серебро.

Дѣвушкѣ.

Нашей Княгиньи руса коса стоитъ больше этѣхъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей Княгиньи вотъ какія деньги есть, а за этѣ наши стекла не отдадутъ невѣсты.

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: покажите намъ

Кто краснѣя красна солнышка,
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца!

Дружки.

Выводятъ жениха на середину избы.

Дѣвушки.

Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать со двора!

Дружки даютъ пирогъ, чашку пива, и мѣдную денгу и говорятъ:

Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль свои.

Дружки посаждаютъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невѣстой, ставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку, угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ невѣстинныхъ родныхъ. Когда они кончатъ, то невѣста говоритъ:

Невѣстѣна хлѣбъ-соль тоже не поганая!

и подаетъ три какія ни будь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ каждому, и всякій, кто ихъ ѣсть, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, вѣйдя изъ за стола, поютъ пѣсни жениху, который съ невѣстой и съ поѣзжанами сидитъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ни чего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать.

30.

Да ужь кто жь тебѣ, Арсеній Князь,
 Чесалъ буйну голову,
 Завивалъ тебѣ русы кудри? —
 Чесала родная матушка,
 5 Завивала кудри мила сестра,
 Что во путь-то, во дороженьку,
 По свою вѣать по сужену,
 Что по сужену, спаряжену,
 По Аграфену-то Максимовну. —
 10 Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
 Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ.
 Онѣ опять запоютъ:

31.

Вдоль по улицѣ молодець идетъ,
 Вдоль по широкой удаленькій,
 Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
 15 Да за занавѣсь заглядывалъ,
 Все за шитую, за бранную,
 Онъ высматривалъ, выглядывалъ,
 Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;

Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
 Онъ сталъ ей золоты перстни ломать;
 Говорила Аграфена душа,
 Говорила свѣтъ Максимовна:
 5 Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
 Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ;
 Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
 Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
 Да не ты и золотые золотилъ:
 10 Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
 Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ запоютъ:

32.

Тебѣ спасибо, Князь молодой!
 Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
 Не успѣли мы слова выговорить,
 15 Не успѣли мы пѣсни спѣть —
 Отъ тебя дары пошли,
 Отъ тебя великіе,
 Съ поклономъ съ низкіимъ,
 Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣснн сваха вкладываетъ руку невѣсты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невѣсты. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдуютъ, дружки говорятъ отцу и матери невѣсты:

33.

Умѣли дитя воскормити,
Умѣйте и благословити!

Дружки, обращаясь ко всѣмъ:

Званые и бранные, благословите!

Невѣста заплачетъ въ голосъ:

34.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
8 Ни виѣнія, ни богатства;
 Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
10 На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невѣста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ благословляетъ и даетъ дѣдовать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ поведетъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

35.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!

Ударь во колоколъ
 Да во звончастый,
 Чтобы услышала
 Аграфена матушка,
 5 Услышавши, заплакала:
 Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
 Мое дитю берутъ,
 Дитю рожденную;
 Отъ меня дары везутъ,
 10 Да дары все шитые,
 Скатерти бранныя.

Не спи, не лежи,
 Поповъ сынъ въ городѣ!
 Приударь во колоколъ
 15 Да во звончастый,
 Чтобы услышала
 Арсеньева матушка,
 Услышавши, возрадовалась:
 Ко мнѣ сноху везутъ,
 20 Ко мнѣ ларцы несутъ,
 Со златомъ, со серебромъ,
 Со круглымъ со жемчугомъ,
 Со шитымъ шитьемъ,
 Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ Друзки, потомъ женихъ съ посаженнымъ отцомъ, который называется Тысяцкимъ, въ третѣихъ саняхъ ѣдутъ Боляре, а сзади всѣхъ невеста со свахой. Невесту везетъ вучерь, который называется возилой. Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невеста даетъ ему полотенце, что повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невеста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже большіе мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и Друзки, чтобы ихъ пропустить, бросаютъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые вдутъ въ домъ жениха. Ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ аакрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше: женихъ, или невѣста, запоютъ известную уже пѣсню:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за садику зеленаго,
 Вылетало лебедей стадо,
 А другое стадо гусиное,
 5 Отставала лебедушка,
 Что отъ стада лебединого,
 Приставала лебедушка
 Что къ стаду сѣрымъ гусямъ,
 Не умѣла лебедушка
 10 По гусяному кричати,
 Ее стали гуси щипати:
 Не щипите меня, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залетала:
 Занесло меня погодою,
 15 Что погодою осеннею, и проч.

Послѣ этой пѣсни запоютъ:

36.

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
 Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
 Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
 Кто жъ тебѣ отъ роду мвлъ?—
 20 А мвлъ мнѣ, миленекъ, родный батюшка,
 Помилѣе того родна матушка. —
 А это, Аграфенушка, неправда твоя,
 А это, Максимовна, не истинная;
 Скажу, скажи, Аграфенушка, правду всю,

10 Скажи, скажи, Максимовна, истинную! —
Я скажу, младешинька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенекъ, Михайловичъ!

Послѣ этого молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать, а сваха и свекровь начинаетъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые воротятся, то свекровь начинаетъ изъ сундука дарить дары роднымъ, а невеста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины; молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ мечь избу, и въ это время бросаютъ деньги.

Этимъ кончается свадьба.... Всѣ разъѣзжаются.

Всѣ записаны К. М. Шивковичемъ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЧЕХАХЪ,

ОТЪ

ПРИНЯТІЯ ХРИСТІЯСТВА ДО ПОЯВЛЕНІЯ ГУСА,
КАКЪ НАРОДНАГО ПРОПОВѢДНИКА.

(871 — 1402).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*Исторія религиознаго движенія въ Чехахъ отъ принятія
Христіанства до изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ
Сазавскаго монастыря ¹.*

Съ окончаніемъ смутнаго періода, ознаменованнаго движеніемъ народовъ, положившимъ конецъ Западной Римской Имперіи, съ возстановленіемъ нѣкотораго порядка среди всеобщаго хаотическаго броженія, открылось вдругъ величественное зрѣлище: пле-

¹ Источники: *Balbini* Epitome historica Rerum Bohemicarum, lib. I, cap. 2, 3 и 10 (здѣсь содержится житіе Св. Вячеслава, заключающее въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о религиозномъ состояніи Чехіи въ то время). *Hagek* Annales Bohemorum, edidit *Dobner*, t. II. p. 553—555; t. III. p. 325; t. IV. p. 45—191, 195—7, 205—207, 345—348, 362, 406, 483 — 485; t. VI p. 10 — 22. *Amos Comenius* Historia persecutionum Ecclesiae Bohemiae, p. 1—19; по Чешски: *Hystoria*

мена Нѣмецкія, которыя дали свое имя новому порядку вещей, занимають только углы твердой Европы, ея полуострова и прибрежную полосу земли: вся средина Европы, ея огромное тѣло, покрыто племенами Славянскими. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тринадцати столѣтій; человѣчество сдѣлало великіе успѣхи по всѣмъ путямъ развитія: но какое явленіе поражаетъ насъ въ исторіи? Безпристрастный, свѣжій умъ, прослѣдивъ исторію Европы въ ея новомъ Христіанскомъ періодѣ развитія, поражается съ перваго взгляда тѣмъ, что вездѣ звучитъ имя племени Нѣмецкаго: оно совершаетъ великіе подвиги, развиваетъ науку, жизнь, искусство. Что же дѣлало племя Славянское, спроситъ историкъ? Исторія рѣдко и какъ бы неохотно упоминаетъ объ немъ; не уже ли жъ оно было осуждено на физическую и умственную апатію? Но на самомъ дѣлѣ Славянское племя не менѣе Нѣмецкаго дѣйствовало въ исторіи Европы Христіанской: оно по справедливости должно раздѣлить и славу его, не уступая ему ни политическимъ, ни умственнымъ развитіемъ. Изучая явленія Средневѣковой и Новой исторіи и стараясь подвести ихъ подъ одинъ главный законъ, мы примѣтили, что отличительнымъ характеромъ этого періода времени была постоянная борьба племени Славянскаго въ его многочисленныхъ вѣтвяхъ съ племенемъ Нѣмецкимъ, борьба, не всегда открытая, но всегда присущая и условливающая всѣ безчисленно разнообразныя явленія, которыми полна исторія. Внимательное проникновеніе въ смыслъ событія учитъ насъ видѣть взаимное дѣйствіе двухъ богатыхъ народностей, Нѣмецкой и Славянской, тамъ, гдѣ непривычный глазъ, или ослѣпленный пристрастіемъ, видитъ только развитіе первой. Тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе становятся явленія, чѣмъ разнообразнѣе силы, ихъ причиняющія; развитіе значительно

o těžkých protiwenstwjch Cýrkvé České, str. 1—20. *Stranaky* Respublica Bohemiae, c. VI. p. 247—297. *Lenfant* Histoire de la guerre des Hussites, p. 1—9. *Petzel's* Geschichte der Böhmen. S. 31—38. *Palatzky* Gesch. von Böhmen. S. 107 passim. *Dobrowsky*—Geschichte der böhmischen Litteratur. S. 46—57. *Мацѣвскаго* Исторія первобытвой Церкви у Славянъ, стр. 20 и сл. *Gieseler* Lehrbuch der Kirchengeschichte, 3-ten Bandes I Abtheilung. S. 275—286. *Krasinsky* Historical Skeetch of the rise, progress and decline of the reformation in Poland, p. 6—18.

ускоряется тамъ, гдѣ есть духовная борьба началъ, силащихся опередить другъ друга: чѣмъ болѣе этихъ началъ и чѣмъ самостоятельнѣе они, тѣмъ болѣе выигрываетъ человечество. Племена Нѣмецкое и Славянское носятъ глубокое различіе въ характеръ; каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, обладаетъ высокими способностями, удивительною легкостью въ воспріятіи и развитіи образованія, возможностью безконечнаго совершенствованія и развитія; но, кромѣ этихъ лучшихъ даровъ своихъ, Провидѣніе каждому изъ этихъ племенъ дало особенную нравственную физиогномію, особенныя правила для дѣйствованія: оно поставило ихъ одно противъ другаго, съ тѣмъ, чтобы они развивались, соревнуя другъ другу, чтобы дополняли недостатки своего развитія и оба вмѣстѣ представляли высшее проявленіе духовной природы человѣка: борьба элементовъ Нѣмецкаго и Славянскаго, условившая все развитіе Новой исторіи, безконечно полезна для всего человечества.

Глубокое, коренное различіе характеровъ племени Нѣмецкаго и Славянскаго обнаружилось и въ образѣ принятія ими Христіанства и въ слѣдствіяхъ этого принятія для всего послѣдующаго развитія соперничающихъ племенъ. Большая часть народовъ племени Нѣмецкаго приняла Христіанство отъ Западной Церкви, а большинство племенъ Славянскихъ получило проповѣдь Евангельскую отъ Церкви Восточной. Уже самое мѣстное положеніе подчинило народы Нѣмецкіе Римскому Епископу. Славяне занимали всю средину Европы, и потому были доступны Христіанству съ двухъ сторонъ; но не близость страны, не природное сосѣдство влекло ихъ къ Восточной Церкви, а какое-то внутреннее сочувствіе: оно такъ сильно, что Восточную Церковь совершенно можно назвать Славянскою, точно какъ Западной давно уже усвоено названіе Латинской. Преданіе изъ глубокой древности свидѣтельствуетъ о томъ, что Апостоль Андрей первый проповѣдалъ Евангеліе Славянамъ и предсказалъ ихъ будущее значеніе. Съ того времени Христіанство съ Запада и Востока проникало къ Славянамъ и имѣло много отдѣльных поклонниковъ, но ни одного еще народа. Въ VII стол. Ираклій, Императоръ Византійскій, принявъ въ свое подданство и крестивъ Бѣло-Хорватовъ. Шестой Вселенскій Соборъ упоминаетъ о Славянахъ, какъ о народѣ Христіанскомъ; съ 766 по 780 годъ на Патріаршемъ Константинопольскомъ престолѣ сидѣлъ Славя-

нинъ, Западная Церковь, которая всегда отличалась духомъ прозелитства, съ своей стороны содѣйствовала распространенію ученія Евангельскаго. Обративъ къ Христіанству большую часть народовъ Нѣмецкихъ, Католическіе миссіонеры проникли и къ Славянамъ; но отличительнымъ характеромъ Западной Церкви уже тогда было стремленіе подчинить своимъ частнымъ цѣлямъ власть свѣтскую и пользоваться ею, какъ орудіемъ. Успѣхъ проповѣди Католическихъ миссіонеровъ зависѣлъ всегда отъ успѣха оружія Католическихъ воиновъ, а иногда одни и тѣ же люди были и проповѣдниками Евангелія и воинами. Карлъ Великій своими счастливыми походами внутрь земель Средней Европы распространилъ Христіанство между многими народами Славянскими и Нѣмецкими. Съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе племенамъ Славянскимъ, онъ учредилъ Зальцбургское Архіепископство; Епископъ Пассавскій, Урольфъ, вытѣсненный съ своей епархіи сильнымъ своимъ сосѣдомъ, Зальцбургскимъ Архіепископомъ, удалился къ Князю Моравскому, Мойміру, и отсюда напоминалъ Папѣ, Евгенію II-му, о древности своихъ правъ, полученныхъ непосредственно отъ прежняго Архіепископа Лорхскаго. Существуетъ булла этого Папы отъ 824 года, которою Урольфу дозволяется основать четыре Епископства: два для Моравцевъ, Нитранское и Голомуцкое, и по Епископству въ Вѣнѣ и Старомъ Городѣ (Wetwar). Гизелеръ и Мацѣевскій признаютъ достовѣрность буллы, Палацкій считаетъ ее подложною. Достоверно то, что первый Зальцбургскій Архіепископъ, Арно, имѣлъ *Er-um Regionarium* для Славянъ, и что Славяне, жившіе по Рабу, были крещены священниками Католическими; ими же занесено было Христіанство въ Великую Моравію при Моймірѣ. Здѣсь, въ 636 году, Адалрамъ, Архіепископъ Зальцбургскій, освятилъ въ г. Нитрѣ церковь во имя св. Петра, древнѣйшую у Сѣверо-Западныхъ Славянъ, о которой только сохранилась память; самъ Мойміръ и часть народа приняли Христіанство. Людовикъ Благочестивый, для предупрежденія безпрестанныхъ споровъ Архіепископа Зальцбургскаго съ Епископомъ Пассавскимъ, раздѣлялъ ихъ епархіи чертою чрезъ гору Лысую (Kahlenberg). Точно также и первыя лучи Христіанства проникли въ Чехію съ Запада. 845 годъ памятенъ въ исторіи религіозныхъ мнѣній въ Чехіи; въ этомъ году, по свидѣтельству летописца, Рудольфа изъ Фульды, Людовикъ II крестилъ, въ день Воеявленія, 14 знатныхъ Чеховъ съ ихъ людьми.

Трудно предполагать, чтобы потребность внутренняя могла быть такъ сильна въ столь многихъ лицахъ вмѣстѣ, что они сами поспѣшили на встрѣчу Христіанству, которое могли бы принять и въ отечествѣ. Впрочемъ, эти 14 знатныхъ Чешскихъ Леховъ, въ слѣдствіе какого ни будь политическаго переворота изгнанные, вѣсть съ своими приверженцами изъ Чехіи, видѣли въ принятіи Христіанства вѣрное средство пріобрѣсть право на помощь Людовика II, съ которою они думали возвратиться на родину. Такимъ образомъ, уже тогда, въ IX стол., въ Чехіи обнаружилось политическое и религіозное раздвоеніе, по которому одна часть Чеховъ постоянно ищетъ союза съ Нѣмцами, между тѣмъ какъ другая упорно защищаетъ свою независимость. Это пагубное раздвоеніе подало поводъ Людовику вмѣшаться въ дѣла Чехіи. Отселя Чехи постоянно и успѣшно противились вторженію Нѣмцкому, и извѣстіе о мнимой дани Карлу Великому донинѣ не утверждено. Но теперь Чешскіе Лехи, принявшіе Христіанство, признали надъ собою власть Людовика и, воротившись къ народу, принесли ему Латинское Христіанство и Нѣмецкое вліяніе; однако, народная, еще языческая, сторона возстала противъ нововводителей и изгнала ихъ изъ земли Чешской. Людовикъ жарко заступился за изгнанниковъ и, воскресивъ старую память о дани, велъ упорную и долговременную войну съ стойкими Чехами; эта война, съ различными промежутками, продолжалась около 20 лѣтъ, и это первая война Чешская, гдѣ дѣло идетъ о самостоятельности и религіозной свободѣ Чеховъ. Такимъ образомъ первыя сѣмена Католичества въ Чехіи сдѣлались источникомъ внутренняго раздѣленія и войнъ вѣдшихъ: подъ личиною ученія Христіанскаго, въ Чехію проникло вліяніе Нѣмецкое и вступило въ бой съ сильнымъ еще народнымъ элементомъ. Западная Церковь имѣетъ въ образѣ своихъ дѣйствій то особенное свойство, что она интересамъ временнымъ подчиняетъ высшія духовныя блага; исторія показываетъ, что никогда проповѣдники Католичества не распространяли его безкорыстно, съ одною святою цѣлью внести ученіе Евангелія народамъ языческимъ; что Папы постоянно заботились столько же объ умноженіи своихъ подданныхъ и данниковъ, сколько и объ умноженіи послѣдователей Иисуса Хрмста, никогда не теряя изъ виду цѣлей политическихъ. Съ величайшею снисходительностью, дабы не сказать постыдною слабостью, смотрѣли Папы на состояніе Христіанства въ обращенныхъ племенахъ

Нѣмецкихъ : вельможи и Короли смѣло попирали церковныя уставы. Самъ Карлъ Великій, положившій для новообращенныхъ Саксовъ смертную казнь за нарушение постовъ, нисколько не соблюдалъ чистоты брачнаго союза. Отсюда, племена Нѣмецкія, принявъ Христіанство, не сдѣлались еще чрезъ то Христіанами : между ними и истиннымъ Словомъ Евангельскимъ сталъ сонмъ Латинскихъ учителей, назвавшій себя сосудомъ истиннаго Христіанскаго ученія, Церковью и верховнымъ распорядителемъ всѣхъ духовныхъ благъ ; къ нему-то прежде всего долженъ былъ прибѣгать народъ и у него искать заступничества предъ Всевышнимъ. Не боясь опроверженія, мы можемъ сказать, что народъ Нѣмецкій до самой реформаціи Лютера не зналъ Евангельскаго ученія, то есть, ничего болѣе, какъ только то, что ему было сообщено духовенствомъ. Тутъ-то лежитъ коренное основное различіе образа дѣйствій Восточной и Западной Церкви. Еще задолго до окончательнаго своего отпаденія отъ Апостольской Восточной Церкви, Западная Церковь организовалась въ сословіе духовенства, которое присвоило себѣ исключительное толкованіе Св. Писанія и право раздавать всѣ духовныя блага. Духовенство Западной Церкви видѣло въ народахъ своихъ подчиненныхъ и рабовъ; чтобы сохранить свое господство надъ умами, оно всячески старалось поставить себя выше народа, сдѣлать себя посредникомъ между нимъ и Богомъ; съ этою цѣлью оно сдѣлало языкъ Латинскій, народу непонятный, нераздѣльнымъ Богослужбнымъ языкомъ; съ этою цѣлью оно ввело десятины и другія обременительныя для народа повинности ; съ этого цѣлью оно отказалось отъ брака, чтобы поставить себя выше людей обыкновенныхъ; съ этою же цѣлью, наконецъ, оно предоставило себѣ полное пользованіе Св. Причастіемъ подъ обоими видами Тѣла и Крови Христовой. Все это клонилось къ тому, чтобы отдѣлить духовенство отъ народа, крѣпче связать его крѣпостью его частныхъ интересовъ. Ясно, что духовенство, организовавшееся въ привилегированное сословіе, аристократію, видѣло въ распространеніи Христіанства не цѣль, но средство, видѣло умноженіе своей паствы и усиленіе своего мірскаго значенія. Инымъ путемъ шла наша Православная, истинно Апостольская Церковь : распространяя Христіанство, она заботилась о томъ, чтобы вкоренить въ сердцахъ людей истинное ученіе Евангельское, т. е., особенно правила Евангельской практической нравственности, а не

о томъ, какъ духовенство Латинское, чтобы дать совершенно невѣжественному и полуязыческому народу внѣшность Христіанскую и умножить число своихъ прихожанъ. Отъ того-то наша Церковь обращаетъ вниманіе не на количество новообращаемыхъ, но на то, чтобы они вполнѣ усвоили себѣ Христіанское ученіе и жили сообразно съ его постановленіями; за то ученіе Православной Церкви, однажды проникши въ какой ни будь народъ, производитъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе на все его внутреннее бытіе. Славянскія племена представляютъ тому самый лучший примѣръ: тайное непреборимое сочувствіе влечетъ ихъ къ Православной Церкви, которая присылаетъ имъ смиренныхъ учителей, имѣющихъ цѣлью сообщить имъ ученіе Евангельское, а не повелителей, которые требуютъ покорности вещественной и духовной на языкъ чуждомъ; которая не таитъ подъ спудомъ ни Св. Писанія, ни своихъ преданій, но смѣло передаетъ ихъ народу, которая не налагаетъ на него тяжкихъ повинностей для своей выгоды. Духовенство Православной Церкви никогда не принимало на себя характера сословія; напротивъ, оно постоянно жило съ народомъ и имѣло съ нимъ одни интересы. Славяне, народъ достигшій уже тогда высокой степени образованности, не той искусственной образованности, которая развила въ послѣдствіи у Нѣмцевъ, но той природной образованности, которая состоитъ въ томъ, что всѣ члены народа представляютъ равное нравственное развитіе, готовность къ воспріятію и развитію высшихъ духовныхъ началъ. Къ тому же не забудемъ, что народъ Славянскій вольнолюбивъ въ высшей степени и не терпитъ тиранніи, въ какую бы форму она ни одѣлась, какими бы идеями она ни закрылась; ему нестерпимо было это владычество духовенства, видѣвшаго въ мірянахъ людей гораздо низшихъ себя и позволявшаго себѣ всякія утѣсенія. Католичество, въ своемъ крайнемъ стремленіи, врагъ политической свободы: примѣрами полна исторія. Если всего этого мало было, чтобы навсегда поселить въ Славянахъ нелюбіе къ Католичеству и Папству, то къ этому присоединились и народныя убѣжденія: люди Нѣмецкаго племени приносили Славянамъ духовныя сокровища Христіанства, но давали ихъ имъ цѣною народности ихъ. Напротивъ, проповѣдники Православія приносили чистое ученіе Евангельское, предлагали его народу Славянскому на его собственномъ языкѣ и не требовали за то никакого пожертвованія. Вотъ причины, почему всѣ Сла-

вянскіе народы, даже тѣ, которые получили Христіанство отъ Запада, постоянно любили Православную Церковь и навсегда удержали и подъ двойнымъ, политическимъ и духовнымъ, гнетомъ Католичества память о томъ времени, когда они, подъ сѣнью Православной Церкви, пользовались полною умственной свободою и политическими учрежденіями, читали Св. Писаніе и слышали Богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, а въ духовенствѣ видѣли не господъ, но старшинъ, учителей и наставниковъ. Отъ того-то племени Славянскія, и забывъ ученіе Православной Церкви, сохранили какое-то глухое, темное понятіе о немъ, которое сказалось въ общихъ народныхъ движеніяхъ.

Хотя Западная Церковь имѣла послѣдователей между Славянами, однако обращеніе ихъ вполне принадлежитъ Церкви Греческой. Ученые Греки, братья Кирилль и Меѳодій, служатъ, такъ сказать, собирательными именами; подъ ними надобно разумѣть, какъ сейчасъ увидимъ, не только собственно извѣстныхъ Кирилля и Меѳодія, но вообще всѣхъ послѣдователей и проповѣдниковъ Восточной Церкви. Уже въ первой половинѣ IXго вѣка Моравія принадлежала къ Пасавской епархіи; но большинство народа, не понимавшее ученія, возвѣщавшагося на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, оставалось языческимъ, соблюдая одни внѣшніе обряды Христіанскіе. Около 863 году Князь Моравскій, Растиславъ, просилъ у Греческаго Императора, Михаила, учителей, которые могли бы наставить народъ въ Христіанствѣ: Кирилль и Меѳодій, уже прославившіеся обращеніемъ Козаровъ и Булгаръ, были присланы въ Моравію; здѣсь они кончили переводъ Св. Писанія и проповѣдь, понятною народу, скоро утвердили его въ правилахъ ученія Христа. Какъ электрическая искра, истина Евангельская, проповѣданная на языкѣ Славянскомъ, пробѣжала по всему огромному тѣлу Славянскому: около времени Апостольской дѣятельности Кирилля и Меѳодія, большая часть народовъ Славянскихъ обратилась къ Христіанству, а остальнымъ изъ нихъ теперь положено было начало просвѣщенію. Государство Моравское, заключивши въ своихъ огромныхъ предѣлахъ множество народовъ Славянскихъ, было все просвѣщено Христіанствомъ: Богослуженіе вездѣ совершалось на языкѣ Славянскомъ. Нѣмецкое духовенство, видѣвшее съ завистью успѣхи Кирилля и Меѳодія, обратилось къ Папѣ, Николаю, и представило ему дѣло проповѣди на языкѣ Славянскомъ ересью. Папа пригласилъ Апостоловъ Сла-

вянскихъ въ Римъ, дабы испытать ихъ мнѣнія: Кирилль и Меѳодій оправдались совершенно, и, по смерти перваго, Меѳодій назначенъ отъ Папы, Адріана, Архіепископомъ Велеградскимъ (868). Красинскій думаетъ, что причины уступчивости Папъ и снисхожденія ихъ къ Славянскому Богослуженію надобно искать въ опасеніи ихъ, дабы Славяне, огорченные отказомъ, не перешли явно къ Греческой Церкви. Смуты, происшедшія въ Моравіи по случаю междоусобной войны между Растиславомъ и, его племянникомъ, Святополкомъ, принудили Меѳодія искать убѣжища у Коцела, Князя Блатенскаго; есть преданіе, будто бы Меѳодій самъ посетилъ Чехію и Польшу.

Обстоятельства и время крещенія Чеховъ передаются весьма различно, но вотъ что относительно этого можно сказать вѣрнаго. Въ 871 году Чешскій Князь, Боривой, сынъ Гостевита, прибылъ къ Моравскому Князю, Святополку, вѣроятно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ подумать о средствахъ общей защиты противъ Нѣмецкаго Короля, Людовика. Здѣсь Боривой принялъ крещеніе, вмѣстѣ съ 30 вельможами, и, если вѣрить нѣкоторымъ, по убѣжденію Меѳодія. Отправляясь домой, Боривой взялъ съ собою многихъ священниковъ, въ томъ числѣ Петра Кейха, и Славянскія книги. Въ 872 году Людовикъ напалъ вмѣстѣ на Боривая и Святополка и одержалъ рѣшительную побѣду надъ первымъ. Распространеніе Католической Вѣры между Славянами сопровождалось вездѣ сильнымъ Нѣмецкимъ вліяніемъ, которое становилось ничтожно теперь, когда Славяне не только смѣло отстаивали свою политическую свободу подъ владычествомъ Святополка Моравскаго, но и получили себѣ Богослуженіе на народномъ языкѣ и чрезъ то скрѣпились новою могущественною связью. Отъ того цѣлью всѣхъ войнъ Нѣмецкихъ Государей есть подавить всякое самостоятельное развитіе Славянъ подъ какою бы то ни было формою. И дѣйствительно: Христіанство, возвыщенное на языкѣ Славянскомъ, прояснило въ Славянахъ сознаніе ихъ народности и дало имъ общую, тѣсную внутреннюю связь. Умственное пробужденіе племени Славянскихъ именно начинается съ проповѣди Кирилля и Меѳодія. По свидѣтельству Бальбина, основанному на старинныхъ источникахъ, Меѳодій самъ былъ въ Чехіи и появленіемъ своимъ произвелъ всеобщую умственную перемѣну въ народъ Чешскомъ: „*Ilud,—*говоритъ Бальбинъ (р. 8.),—*unum omnium pulcerrimum beneficii genus, quod cultum litterarum*

Bohemis Methodius invexerit scholasque multis in locis aperuerit, ac praecipue in urbe Budecz, in qua olim Academiam quandam Ethnici habuerant, Christianis magistris commisit.“ Первые церкви въ Чехіи были воздвигнуты въ честь Св. Климента, одна на Вышеградъ, другая въ Львовъ Градцъ, столицъ Боривоя, который скоро по возвращеніи своемъ изъ Моравіи построилъ въ г. Прагъ, противъ Веселаго двора Князя Крезомысла, церковь въ честь Св. Дѣвы. Эта церковь, прозванная Тейнскою (Tupensis aut Teipensis, отъ тынъ, плетень, ограда), назначенная съ самаго Боривоя быть мѣстомъ Славянскаго Богослуженія, сдѣлалась въ послѣдствіи, въ теченіи всей Чешской религіозной борьбы, любимымъ сборнымъ мѣстомъ Чешскихъ патриотовъ. Такъ идеи, насаженные съ вѣками, не истребляются никакими усиленіями враждебными и воскресаютъ къ новому развитію въ благоприятную минуту. Христанъ или Страхвасъ въ житіи Людмилы рассказываетъ, что Боривой встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ языческой сторонѣ Чеховъ, которая, вооружившись противъ него, заставила бѣжать къ Святополку, а на его мѣсто избрала Строймира, но этотъ оказался неспособнымъ къ правленію, потому, будто бы, что, живя долго у Нѣмцевъ, позабылъ свой родной языкъ. Пользуясь этимъ, сильная сторона Боривоя предложила противникамъ вступить въ переговоры, и когда та вѣроломно взялась за оружіе, то и сама прибѣгла къ силѣ и, побѣдивъ ихъ, призвала назадъ Боривоя. Странскій рассказываетъ объ этомъ изгнаніи подъ 894 годомъ, и прибавляетъ, что Боривой, возвращаясь въ Чехію, убедилъ идти съ собою и Архіепископа Велеградскаго, Кирилла или, по Чешски, *Цьргу* (*Сѣрѣа*), который просвѣтилъ народъ Христіанствомъ, поставилъ вездѣ Священниковъ и завелъ школы; онъ же проповѣдывалъ народу въ церкви Тейнской и народъ огромными толпами стекался къ нему; совершивъ обращеніе Чехіи, Кирилль отправился, въ 902 году, въ Римъ „videndi magis, quam discendi causa.“ Не смотря на множество историческихъ промаховъ и анахронизмовъ въ повѣствованіи Странскаго, нельзя не примѣтить въ немъ слѣда народныхъ рассказовъ, которые свидѣтельствовали о томъ, что все религіозное и умственное развитіе Чехіи началось съ введенія Славянскаго Богослуженія, и что это Богослуженіе глубоко проникло въ народъ и привязало его къ себѣ. Какъ враждебно смотрѣло духовенство Нѣ-

мецкое на распространеніе Славянскаго Богослуженія, видно изъ слѣдующаго событія, рассказаннаго Anonym. de conversione Bojar. et Sagan. Еще въ 865 Адельвинъ, Архіепископъ Зальцбургскій, освятилъ нѣсколько церквей въ области Коцела, а Рихпальдъ, Архіерей Зальцбургскій, оставался тамъ дотомъ, пока нѣкоторый Грекъ по имени Меодій новозобрѣтенными Славянскими буквами языкъ Латинскій, ученіе Римское и достопочтенныя буквы Латинскія, философски замѣняя, привелъ всему народу въ презрѣніе тѣхъ, которые Богослуженіе отправляли на Латинскомъ языкъ. Не стерпѣвъ этого, Архіепископъ Зальцбургскій отправился назадъ въ свою епархію. Папа Іоаннъ VIII, въ 870 году, писалъ къ Меодію, чтобы тотъ явился въ Римъ, „ut (слова Папы) ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas et sic praedices, sicut verbis et litteris te Sanctae Romanae Ecclesiae credere promististi, aut non, ut veraciter cognoscamus doctrinam tuam.“ То есть: такъ ли ты вѣришь и такъ ли ты проповѣдуешь, какъ вѣрить и проповѣдывать изустно и письменно общалъ Святой Римской Церкви, или нѣтъ, да подлинно узнаемъ твое ученіе. Папѣ донесли, что Меодій отправляетъ обѣдни на Славянскомъ языкъ, и потому Папа запрещаетъ ему формально употреблять при Богослуженіи иной языкъ, кромѣ Латинскаго и Греческаго, но позволяетъ проповѣдывать на языкъ Славянскомъ. Меодій оправдался вполне передъ Папою, который, въ письмѣ къ Святотолку Моравскому, отъ 880 года, рекомендуетъ ему Меодію, какъ человека, совершенно Православнаго, и приказываетъ всемъ Священникамъ повиноваться ему, какъ Архіепископу Велеградскому, а относительно Славянскаго Богослуженія говоритъ: «Славянскую грамоту, изобрѣтенную извѣстнымъ философомъ, Константиномъ, вполне одобряемъ и повелеваемъ, чтобы на этомъ языкъ раздавались хвалы Богу и дѣламъ Его. Ибо Священное Писаніе учить насъ, что не на трехъ только, но на всѣхъ языкахъ, должны мы прославлять Господа. Къ тому же, нѣсколько непротивно Святой Вѣрѣ и Св. Писанію и гдѣ обѣднни на Славянскомъ языкъ, и читать различныя мѣста Вѣтхаго и Новаго Завѣта, лишь бы только они были хорошо переведены и истолкованы; равно какъ и совершать на немъ всѣ другія части богослуженія. Но повелеваемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ твоей земли, для большей почести, Евангеліе читалось на языкъ Латинскомъ, а послѣ того для народа, Латинскій языкъ не ра-

взумѣющаго, возвѣщалось на языкѣ Славянскомъ.» Духовенство Нѣмецкое, не смотря на столь ясное дозволеніе Папы совершать Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, продолжало свои козни противъ Меѳодія и его послѣдователей; самъ Святополкъ мало по малу охладѣлъ къ Меѳодію и равнодушно смотрѣлъ на то, что Епископъ Нитры, Нѣмецъ Викингъ, отказалъ въ повиновеніи Меѳодію, а по смерти этого Апостола Славянъ (885) явно гналъ его послѣдователей. Когда умеръ (894) знаменитый Святополкъ, два сына его, раздѣлившіе Моравію, пришли скоро въ столкновеніе другъ съ другомъ. Младшій, Святополкъ, прибѣгнувъ къ помощи Императора Нѣмецкаго, Арнульфа; досель неизслѣдовано, за недостаткомъ источниковъ того времени, въ какой степени играли роль религіозныя распри въ междоусобіи дѣтей великаго Святополка. Достоверно, по крайней мѣрѣ, то, что паденіе огромнаго государства, которымъ владѣлъ Святополкъ старшій, условлено было раздѣленіемъ въ самомъ народѣ, большая часть котораго была за Славянское Богослуженіе, но имѣла противъ себя двѣ, довольно сильныя, стороны, языческую и Нѣмецко-Католическую. Последняя овладѣла умами Князей и чрезъ то отвратила отъ нихъ народъ, который, не имѣя духовнаго вождя, не зная, что предпринять, палъ, болѣе подъ гнетомъ духовнаго разединенія, нежели Угорско-Нѣмецкихъ ополченій (907). Въ 895 году, по смерти Князя Чешскаго, Боривоя, два его сына, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, отдались въ покровительство Римской Имперіи. Къ этому же времени надобно отнести рѣшительное и побѣдоносное вторженіе въ Чехію Католико-Нѣмецкаго элемента, который теперь всѣми силами старался истребить народное Славянское Богослуженіе. Слова Нѣмецкаго лѣтописца, Сигиберта изъ Гемблака, что Чехія приняла Христіанство уже при Спитигнѣвѣ, при сличеніи съ иными, уже намъ извѣстными, данными Чешской исторіи, кажутся не такъ странными и нелѣпыми, какъ съ перваго взгляда можно счесть ихъ. Духовенство Нѣмецкое очень хорошо видѣло то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на Славянъ Богослуженіе, на ихъ языкѣ совершаемое, и предчувствовало, что несравненно легче было бы обратить ихъ въ Христіанство изъ язычества, нежели заставить забыть ихъ милую религіозную свободу. Отъ того-то Епископы Нѣмецкіе считаютъ привязанность Славянъ къ ученію и слову Меѳодія возвращеніемъ къ язычеству: „incessante corda eorum diabolo Chri-

stianitatem abhorrere coeperunt,» или: «Christianitas illis cepit vilescere.» Что же удивительнаго, если и Сигибертъ изъ Гемблака не считалъ Чеховъ, послѣдователей Мееодія, Христіанами, и только съ того времени называютъ Чехію Христіанскою страной, какъ въ ней утвердилось Нѣмецко-Католическое Богослуженіе? Немногое, что мы знаемъ о Спитигнѣвѣ, приводитъ насъ къ тому мнѣнію, что онъ былъ самой ревностный послѣдователь Латинскаго Богослуженія и, что необходимо слѣдуетъ изъ того, ревнитель Нѣмецкой стихіи; онъ построилъ въ Будцѣ церковь во имя Св. Петра, что свидѣтельствуетъ о предпочтеніи его Римскаго престола и его преданій. По смерти Спитигнѣва и, брата его, Вратислава, въ народѣ Чешскомъ обнаружилось сильное броженіе, обличившее разныя стихіи, вошедшія въ жизнь Чешскаго народа. Братиславъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Вячеслава и Болеслава, изъ которыхъ старшему было 18-лѣтъ; до совершеннолѣтія его должна была, по распоряженію Вратислава, править бабка Вячеслава, Людмила, получившая крещеніе отъ св. Мееодія. Драгомира, вдова Вратислава, происходившая изъ языческаго рода Лютичей, Сѣверныхъ Славянъ, оспориwała правленіе у Людмилы, которая, наконецъ, добровольно отказалась отъ всѣхъ дѣлъ и удалилась въ замокъ Тетинъ: она воспитала Вячеслава и, между прочимъ, учила его Славянскимъ книгамъ. Людмила была и въ удаленіи отъ дѣлъ опасна для Драгомиры, которая, напоследокъ, лишила ее жизни. Чешскій народъ принялъ Христіанство не весь: значительная еще часть его оставалась вѣрна богамъ отцевъ своихъ. Христіанская сторона, состоявшая изъ послѣдователей Славянскаго и Латинскаго Богослуженія, чувствовала болѣе сочувствія къ Нѣмцамъ и искала съ ними сближенія; даже послѣдователи Славянскаго Богослуженія, по уничтоженіи Архіепископства Моравскаго, совершенно отрѣзанные отъ Восточной Церкви, должны были сблизиться съ стороною Латино-Католическою; но они, вмѣстѣ съ стороною языческою, питали сильное отвращеніе отъ ига Нѣмецкаго и любовь къ своей независимости. Главою языческой стороны, получавшей подкрѣпленіе отъ Сѣверныхъ, еще совершенно языческихъ, Славянъ, была Драгомира. Людмила была представительницею Христіанской стороны. Едва только Драгомира одержала верхъ, какъ и спѣшила подать помощь своимъ соотечественникамъ, боровшимся съ Императоромъ, Генрихомъ Птицеловомъ. Этотъ послѣдній проникъ до Праги, выгналъ Драго-

миру и, подавивъ языческую сторону, ввѣрилъ правленіе Чехіи Вячеславу I-му, человѣку мягкосердечному и расположенному къ Нѣмцамъ; онъ согласился даже платить дань Императору. Этимъ поступкомъ онъ удалилъ отъ себя всю патріотическую сторону, которая явно стала во враждебное къ нему отношеніе съ тѣхъ поръ, какъ Вячеславъ сдѣлалъ Чехію сборнымъ мѣстомъ праздновавшихся Нѣмецкихъ священниковъ и монаховъ и чрезъ то открылъ широкій путь Нѣмецкому владычеству. Народная Чешская сторона, состоявшая изъ ревнителей Славянскаго Богослуженія, съ негодованіемъ смотрѣла на предпочтеніе, оказываемое Вячеславомъ I-мъ Нѣмцамъ и избрала главою своею Болеслава, брата его. За убійствомъ Вячеслава, въ послѣдствіи Святаго, послѣдовало изгнаніе всѣхъ Нѣмецкихъ священниковъ и прекращеніе зависимости Чехіи отъ имперіи. Храбрый и умный Болеславъ обратилъ прежде всего оружіе свое противъ Чешскихъ владыкъ, которые отъ его власти подчинились Императору, и успѣлъ всю Чехію привести въ свое владѣніе. Четырнадцать лѣтъ отстаивалъ Болеславъ свободу Чехіи противъ Императора Оттона, и уже подъ двойнымъ нападеніемъ Угровъ и Нѣмцевъ принужденъ былъ покориться на тѣхъ же условіяхъ, которыми враніе Вячеславъ возбудилъ всеобщее негодованіе Чеховъ. Торжество Нѣмцевъ всегда сопровождалось ущербомъ народнаго и преобладаніемъ Латинскаго Богослуженія; то же случилось и теперь. Болеславъ, упорный защитникъ народности, послѣ победы Оттона I, явно склонился на сторону Католичества: онъ самъ призналъ святость убитаго имъ брата, Вячеслава, и самъ народъ Чешскій скоро забылъ, что Вячеславъ былъ приверженцемъ и распространителемъ всего Нѣмецкаго и принялъ его за своего покровителя и заступника предъ Богомъ. Болеславъ воздвигнулъ храмъ св. Виту, извѣстному Славянскому Святому, освятилъ его чрезъ Епископа Регенсбургскаго и перенесъ въ него мощи своего брата. Онъ же старался объ учрежденіи Папскаго Епископства, но умеръ (967), прежде нежели успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Дочь Болеслава I-го, Млада или Милада, «*quae, ab ineunte aetate Litteris Latinis et omni doctrinarum genere excolta*» удалилась въ Римъ и жила здѣсь долгое время: постригшись въ монахини, она получила имя Маріи и не мало имѣла вліянія на Папу, котораго склонила на просьбу своего брата, Чешскаго Князя, Болеслава II-го, желавшаго учредить Епископство въ

Прагъ. Въ 967 году Милада возвратилась изъ Рима, привезла съ собою буллу Папы Іоанна XIII, которою дозволяется учредить въ Прагъ, при церкви св. мучениковъ Вита и Вячеслава, Епископство. «*Verumtamen (пишетъ Папа) non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae, aut Slavonicae linguae, sed magis sequens insituta et decreta Apostolica, unum potiore[m] totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, Latinis apprime litteris eruditum, qui verbi vomere novalia cordis gentilium scindere et triticum bonae operationis serere atque manipulos frugum nostrae fidei Christo reportare sufficiat, т. е.: Впрочемъ, не по обрядамъ и не по расколу Булгарскаго или Русскаго племени, и не на языкъ Славянскомъ, но скорѣе, слѣдуя предписаніямъ и постановленіямъ Апостольскимъ, одного, кого хочешь, избери изъ духовныхъ, лучшаго изъ всей Церкви, на это дѣло; особенно старайся, чтобы онъ зналъ хорошо Латинскую грамоту, чтобы онъ умѣлъ плугомъ Слова Божія разорать нетронутую почву сердець язычниковъ, сѣять добрую пшеницу и снопы жатвы сносить въ житницу Іисуса Христа.*» Изъ этихъ словъ буллы видно, какъ Папа боялся, чтобы Славянское Богослуженіе, которое и есть «*ritus aut secta Slavonicae linguae,*» не сосредоточилось, не нашло себѣ точку опоры, въ лицѣ Епископа, и потому-то Папа наказываетъ непременно избрать преимущественно челоуѣка, знающаго Латинскую грамоту: «*Latinis apprime litteris eruditum.*» Странскій называетъ Миладу виновницею преобладанія Латинскаго Богослуженія. Какъ бы то ни было, а учрежденіе Пражскаго Епископства въ 973 году есть очень важное событіе въ исторіи религіозныхъ мнѣній въ Чехіи: съ этой минуты перевѣсъ на сторонѣ Католичества былъ рѣшительный. Первымъ Епископомъ избранъ былъ Саксонецъ Дитмаръ, хорошо знавшій Чешскій языкъ и за то любимый при Дворѣ. Сама Милада основала жепскій монастырь св. Георгія и содѣйствовала много распространенію и утвержденію ученій Западной Церкви. Еще при Болеславѣ I-мъ число язычниковъ было равно числу Христіанъ и онъ не оказывалъ предпочтенія ни тѣмъ, ни другимъ: сильный буить народной или языческой стороны въ 941 г., которой средой была Лучанская область; показала всю силу этой партіи. При Болеславѣ II-мъ язычники, видя, что все клонится къ ихъ вреду, возстали отчаянно въ 973 году: движеніе ихъ сосредоточивалось предпочтительно въ Сѣверовосточныхъ частяхъ Чехіи, прилегаю-

щихъ къ Къркононамъ, но потомъ распространилось до самой Праги. Впрочемъ, побѣжденные не далеко отъ Праги, язычники погорѣли и послѣ того терпѣливо сносили власть Христіанскаго Государя. Изъ этого видно, что въ Чехіи и въ концѣ X стол. далеко народъ не принадлежалъ къ одному Латинскому Богослуженію; но бунты 941 и 973 указываютъ на то, какъ сильна была сторона языческая, а булла Папы свидѣтельствуетъ о существованіи и силѣ Славянскаго Богослуженія.

Десятилѣтнее Епископство Дитмара ознаменовано было обращеніемъ множества язычниковъ, но сила языческой стихіи иди вообще стихіи Антикатолической, особенно обнаружилась при преемникѣ Дитмара, Войтъхъ или Адалбертъ (982—997). Не смотря на то, что Войтъхъ природный Чехъ, мы видимъ его безпрестанно предметомъ гоненія поселянъ, считаютъ язычниками; самъ Бальбинъ говоритъ, что этихъ (мнимыхъ язычниковъ) было больше, нежели Христіанъ. Войтъхъ получилъ инвенституру на Епископство Пражское въ г. Веронъ отъ Императора Оттона II-го; первымъ дѣломъ его было посѣтить Болеславу, орошенную кровью св. Вячеслава; отсюда, переодѣтый отъ страху язычниковъ, Войтъхъ отправился къ своей матери, въ Любечи; но на возвратномъ пути оттуда былъ схваченъ язычниками и приведенъ къ началнику одного села, который отпустилъ его, наказавъ порядкомъ. Можно догадываться, что Войтъхъ своими связями съ Римомъ и Нѣмцами вооружилъ до того противъ себя сельское народонаселеніе, что не могъ показаться за стѣнами Пражскими: чрезъ шесть лѣтъ послѣ разсказаннаго нами происшествія, недалеко отъ Праги рыбаки, будто бы язычники, обошлись съ Войтъхомъ очень грубо, за то, что онъ не имѣлъ чѣмъ заплатить за перевозъ. Эти происшествія съ Войтъхомъ показываютъ, до какой степени дошло ожесточеніе между поселянами противъ духовенства Латинскаго, которое итало себя вправѣ требовать безвозмездно всѣхъ возможныхъ услугъ народа. Принужденный отъ преслѣдованій Чешскаго народа бѣжать въ Римъ, здѣсь Войтъхъ, оправдываясь въ томъ, что оставилъ свою паству, взвелъ обвиненія на Чешскій народъ: «первое, что Христіане не соблюдаютъ праздничныхъ дней; второе, что браки совершаются по языческому обычаю, безъ помощи и благословенія священника; третье, что мертвыхъ хоронятъ не во храмахъ, но по холмамъ, лѣсамъ и другимъ мѣстамъ, и что надъ

ними зажигаютъ огни въ честь адскихъ боговъ; четвертое, что священники живутъ съ женами и упорно противятся повелѣніямъ Папы и его, Епископа Войтѣха. Не прежде, какъ послѣ 4-хъ-лѣтней отлучки, по настоятельному требованію Болеслава Благочестиваго и Архіепископа Майницкаго, Войтѣхъ былъ присланъ въ Прагу, сопровождаемый Папскими легатами. Въ 993 году основанъ и овященъ Бенедиктинскій Брезневскій монастырь, который, какъ увидимъ, былъ постояннымъ поборникомъ Латинскаго Богослуженія. Не долго могъ оставаться Войтѣхъ въ Чехіи и, боясь попасть въ руки могущественныхъ Вершовцевъ, старыхъ соперниковъ Войтѣхова рода, убиткалъ снова въ Римъ. Архіепископъ Майницкій принесъ на него жалобу Папѣ, а Болеславъ Благочестивый не захотѣлъ принять его, присланнаго Папою Григоріемъ V; потому Войтѣхъ удалился въ Польшу и, обращая язычниковъ съ чрезвычайною ревностью въ Христіанство, убитъ въ 997 году. Скоро за нимъ послѣдовалъ и Болеславъ II. Этотъ Князь, не смотря на свою привязанность къ Католичеству, за которую онъ получилъ названіе *Благочестиваго* (Pius), предоставлялъ своимъ подданнымъ полную свободу вѣроисповѣданія и былъ недоволенъ на Епископа Войтѣха, который, въ чрезмѣрной ревности къ Католичеству, обращалъ въ него не только язычниковъ, но и тѣхъ, которые были просвѣщены Христіанствомъ отъ послѣдователей Меѳодія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣдніе, совершенно отдѣленные отъ Восточной Церкви и предоставленные самимъ себѣ, не могли сохранить во всей чистотѣ полученное ими ученіе и удержали изъ него только основу ученія и духъ враждебный Католичеству. Эти Христіане полу-Православные любили болѣе всего Славянское Богослуженіе и ненавидѣли вторгавшееся силою и хитростью Латинское; они ненавидѣли самое Католичество, но болѣе всего его Нѣмецкихъ священниковъ, которые своими притязаніями на господствъ возмущали чувство народной чести. Христіане Чешскіе, полу-Православные сходились съ еще сильною языческою партіею въ ненависти къ Нѣмцамъ, и потому обыкновенно у Католическихъ писателей величаются язычниками. Здѣсь въ Чехіи повторилось тоже самое явленіе, какое видимъ въ Англіи, внутренняя исторія которой въ Среднихъ вѣкахъ имѣетъ много сходства съ внутренней исторіей Чехіи. Англія получила первыя сѣмена Христіанства съ Востока, но послѣдователи Восточной Церкви, отдѣленные отъ своей матери, впади въ заблужденія, сохранивъ стой-

кій духъ народности и вѣроисповѣдной свободы и оказали сильное сопротивленіе Католическому духовенству, которое видѣло въ нихъ болѣе упорныхъ противниковъ, нежели въ язычниками. По этому мы смѣло можемъ заключить, что подѣ въшней борьбою язычества и Христіанства при обоихъ Болеславахъ скрывается другая борьба элемента, внесеннаго Православною Церковью въ жизнь Чешскаго народа, съ исключительными притязаніями на господство Католическаго духовенства. Какъ сильно было въ Чехахъ воспоминаніе о Славянскомъ Богослуженіи и привязанность къ нему, видно изъ сочиненія монаха Христана де Скала, въ міръ Страхваса, брата Болеслава II-го, *Vita S. Ludmillaе*. Въ началѣ его Христанъ рассказываетъ объ обращеніи Славянъ и превозноситъ великими похвалами Кирилла и Меѳодія, особенно указываетъ на дѣло, ими совершенное, переводѣ Св. книгъ, и на позволеніе Папы и иныхъ Епископовъ; они «*firmant*, пишетъ Христанъ, *partibus in illis* (т. е., у Славянъ) *Missarum solennia ceterisque Canonicozum horas hymnizari.*» При этомъ должно вспомнить, что Христанъ монахъ, и потому естественный защитникъ Папства, писалъ это послѣ формальнаго запрещенія Славянскаго Богослуженія Папою. Еще иначе выражается на этотъ счетъ Христанъ далѣе, сказавъ, что Святополкъ «*Metudii praedicationem mellifluam quasi respuit,*» и за то навлекъ проклятіе Святаго, постигшее Моравію страшною участію при его дѣтяхъ и отдавшее ее въ руки враговъ ея; онъ говоритъ: «*quorum (Moravorum) exempla nos videntur respicere, qui eisdem passibus conamur incedere, quoniam qui domum vicini sui conspicit concremari, suspectus esse debet de sua,*» и этими словами ясно укоряетъ Чехію за оставленіе Славянскаго Богослуженія. Странскій справедливо замѣчаетъ, что въ концѣ X-го стол. въ Чехи состояли изъ людей трехъ вѣроисповѣданій: нѣкоторая часть, уменьшавшаяся мало по малу, была еще языческая, знатные люди держались Католичества, а масса народа сохраняла нѣкоторое воспоминаніе объ ученіи Восточной Церкви, принесенномъ сюда Меѳодіемъ. Нѣмецкое духовенство силилось всеми средствами искоренить изъ памяти Чешскаго народа сожалѣніе о Славянскомъ Богослуженіи, но народъ твердо помнилъ, что ему прежде Нѣмецкихъ священниковъ, пришедшихъ съ требованіемъ повиновенія, привнесли Христіанство люди, говорившіе къ нему понятнымъ ему языкомъ: къ нимъ то стремился народъ, искренно любя понятное ему Богослуженіе. Но и въ Чехіи съ начала X-го стол. Славянское

Богослуженіе начало мало по малу терять точку опоры и не въ состояніи было противиться вездѣ торжествовавшему Латинскому Богослуженію.

Последнимъ убъжищемъ Славянскаго Богослуженія въ Чехіи былъ монастырь Сазавскій, представившій въ своей исторіи всѣ измѣненія, которымъ подвергалось Славянское Богослуженіе въ Чехіи. Мы уже видали, что простой народъ Чешскій, которому недоступно было знаніе языка Латинскаго, на коемъ совершалось все Богослуженіе, ни знаніе языка Нѣмецкаго, на коемъ, по свидѣтельству Энея Сильвія, проповѣдывалось слово Божіе при церквахъ и монастыряхъ, былъ лишешъ возможности слышать Славянское, ему понятное, Богослуженіе съ тѣхъ поръ, какъ всѣ церкви заняты были Латинско-Нѣмецкимъ духовенствомъ. Вѣроятно, изъ этой потребности народа родилась возможность созданія монастыря, цѣлью которой было сохранить Славянское Богослуженіе; таковъ монастырь былъ *Сазавскій*. Одинъ братъ этого монастыря оставилъ намъ его исторію, въ видѣ продолженія лѣтописи Козьмы Пражскаго, исторію чрезвычайно замѣчательную. Въ княженіе сына Болеслава Благочестиваго, Олдриха, жилъ отшельникъ, именемъ Прокопій, родомъ Чехъ изъ деревни Хотумъ. Проникнутый знаніемъ Славянской грамоты, изобрѣтенной Святѣйшимъ Кирилломъ, Епископомъ (слова Сазавскаго лѣтописца), жилъ наединѣ съ Богомъ; онъ (Прокопій) былъ въ мірѣ примѣрнымъ священникомъ, честной и цѣломудренной жизни, но вдругъ, подъ вліяніемъ ревности по Богъ, бросилъ жену, имѣніе, друзей и отрекся отъ самаго себя (*ita semet ipsum sibi abnegans*). Прокопій нашелъ одну уединенную пещеру и поселился тамъ. Въ 1032 году Олдрихъ охотившись, случайно навхалъ на пещеру, полюбозытствовалъ войти въ нее, увидѣлъ тамъ Прокопія и былъ приведенъ въ изумленіе его шажными рычаніями. Молва о святомъ отшельникѣ привлекла къ нему множество народа, и Прокопій, собравъ небольшую сумму денегъ, выстроилъ на берегу Сазавы церковь въ честь Св. Дѣвы; и при ней далъ убъжище нѣсколькимъ Славянскимъ монахамъ Бенедиктинскаго чина, ушедшимъ отъ гоненія, свирѣпствовавшаго противъ нихъ въ Хорватіи. Брячиславъ, сынъ Олдриха, удѣлилъ Сазавскому монастырю часть добычи, награбленной въ Польшѣ, и подарилъ ему множество помѣстьевъ. Отецъ его также подарилъ знаменитыя

земли этому монастырю. Прокопій, возведенный Брячиславомъ въ санъ игумена, предвидѣль, что не долго будетъ благоденствовать Славянское Богослуженіе, которое, благодаря славъ о святости Прокопія, могло оставаться при его жизни въ Сазавскомъ монастырѣ, и предсказаль, что противъ этого монастыря будетъ сильное гоненіе, которое будто продолжится 6 лѣтъ. Спитигнѣвъ II-й, сынъ и преемникъ Брячислава, въ слѣдствіе участія, принятаго Нѣмцами въ его междоусобіяхъ съ братьями, повелѣль имъ всѣмъ въ три дня оставить Чехы; онъ не исключилъ изъ этого повелѣнія и матери своей, Юдиои, которая нашла убѣжище у Андрея, Короля Угорскаго. Удаленіе Нѣмцевъ, въ ненависти къ которымъ Чехи принуждены были забывать свои распри и частныя ссоры, открыло свободное поле враждѣ, которую олатинившаяся часть Чеховъ питала къ оставшейся вѣрною Славянскому Богослуженію; кажется, что много здѣсь дѣйствовала въ духовенствѣ зависть къ той извѣстности и тому вліянію, которымъ пользовался Сазавскій монастырь отъ Чеховъ. «Instigante, пишетъ Сазавскій монахъ, zelo diaboli, multi aemuli conspirantes, aures principis favorabiliter compositis mendaciis obsuscantes per sclavonicas litteras haeresis secta hypocrisisque esse dicebant.» Въ слѣдствіе этихъ навѣтовъ, Спитигнѣвъ изгналъ Сазавскихъ монаховъ и ввелъ на ихъ мѣсто Латинскихъ: самъ онъ былъ въ высшей степени отданъ Католичеству и показывалъ всегда неограниченную преданность Папскому Престолу. Славянскіе монахи удалились въ Угрію, гдѣ уже жили Вратиславъ, братъ Спитигнѣва, и Юдиоъ, мать обоихъ. Вратиславъ по смерти Спитигнѣва, наследовалъ его престолъ и тотчасъ послалъ къ Угорскому Королю за Витомъ, игуменомъ Славянскихъ монаховъ, и за его братією: «quos cum honore reduxit et in loco suo decenter restituit, quibus propitia consolatio affuit, quae ipsum locum omnium regum profectibus abundantem redundantemque, in pristinum, imo in ampliore, honorem enceniavit.» Вратиславъ, который, по выраженію Сазавскаго монаха, «toto cordis affectu Sazavam dilexit,» чтобы обезпечить для Чеховъ пользованіе Славянскимъ Богослуженіемъ, обратился къ Папѣ, Григорію VII, прося у него на то дозволенія. Палацкій думаетъ, что Вратиславъ сдѣлалъ это во исполненіе воли Чешскаго народа, выраженнаго на сеймѣ. Григорій VII отвѣчалъ на просьбу Вратислава слѣдующими замѣчательными и полными глубокаго смысла словами. «Что касается до твоей просьбы о томъ, чтобы

мы позволили отправлять у васъ Богослуженіе, такъ какъ оно «отправляется на языкъ Славянскомъ (officium secundum Slavonicam linguam), то да будетъ тебѣ извѣстно, что мы никакъ не можемъ исполнить твоего желанія. Такъ какъ мы часто думали объ «этомъ, то, наконецъ, нашли, что не безъ причины Всемогущему «Богу угодно было, чтобы Священное Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было непонятно; если бы, напротивъ, оно было ясно для «всѣхъ, то пришло бы въ презрѣніе или, превратно понятое людьми простыми, послужило бы источникомъ заблужденій. Да и то «не можетъ служить въ оправданіе, что нѣкоторые набожные люди терпѣливо сносили, или не поперечили тому, чего «требуетъ народъ въ своей простотѣ; такъ какъ и самая перво«бытная церковь прикрывала многое, что потомъ, при утвержденіи Христіанства и распространеніи Вѣры, исправлено тщательнымъ изслѣдованіемъ. Въ слѣдствіе сего властью Св. Петра «повелѣваемъ, чтобы не было то, чего твой народъ неразумно требуетъ, а тебя просимъ всѣми силами, во славу Всемогущаго Бога, противиться этому тщеславному побужденію.» Слова Папскаго отвѣта: «ne id fiat, quod a vestris imprudenter exposcitur,» и «quod simpliciter populus quaerit,» показываютъ, что Вратиславъ представилъ Папѣ просьбу всего Чешскаго народа, или, по крайней мѣрѣ, значительной его части. Запрещеніе Григорія VII не могло имѣть силы, потому что Вратиславъ призналъ Папою человека, противупоставленнаго Григорію VII Императоромъ Генрихомъ IV, принявшаго названіе Климента (Антипапа Гибертъ). Сазавскій монастырь, благодаря приношеніямъ Князей и народа, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ Чехіи, и потому мѣсто игумена Сазавскаго монастыря было предметомъ безпрестанныхъ распрей. Раздоръ, происшедшій между Сазавскими монахами, обратилъ вниманіе Князя Брячислава II-го, который, чтобы положить ему конецъ, въ 1096 изгналъ всѣхъ монаховъ Славянскихъ: даже тѣ изъ нихъ, которые играли роль доносчиковъ, не получили пристанища и, не имѣя пріюта, возвратились снова въ Сазавскій монастырь, куда ихъ приняли, но гдѣ они не могли болѣе приносить никакой пользы: «по смерти ихъ (пишетъ Сазавскій монахъ) libri linguae eorum (Slavicae) deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabantur.» На мѣсто изгнаннаго игумена, *Божетъха*, Брячиславъ поставилъ, съ согласія «сunctorum Primatum terrae» и Епископа Козьмы, Дитри-

ха Брешневскаго, который обязанъ былъ звать особенно тому обстоятельству, что «*Latinis litteris sufficienter imbutus erat.*» Козма Епископъ называетъ этого Князя (Брячислава), истребившаго последнее убежище Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, «*assertitum avitae religionis zelatorem abusumque hucusque toleratum vindicem et extirpatorem.*» Не трудно догадаться, что подъ злоупотребленіемъ, досель терпимымъ, разумется у него отправленіе Славянскаго Богослуженія, которое до 1096 года, въ теченіи слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ, явно имѣло место въ Чехіи, опираясь на привязанность народа и не смотря на всѣ усилія Латинско-Католическаго духовенства. Лѣтъ за двадцать до уничтоженія Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, оно было запрещено между Южными Славянами на Адриатикѣ. Въ 1059 году, на Соборѣ въ Салонкѣ, гдѣ председательствовалъ Легатъ Папы, Александра II-го, Мейнардь, не вѣльно было формально отправлять Богослуженіе на иномъ языкѣ, какъ на Греческомъ и Латинскомъ, давать духовный санъ тѣмъ, которые знали языкъ Славянской (пес *aliquis ejusdem linguae promoveatur ad sacras ordines*); смѣшивая Готонъ-Арианъ съ Славянами и Меѳодія съ Ульфилою, отцы Салонскаго Собора запретили строжайше Славянскую грамоту; изобрѣтенную еретикомъ Меѳодіемъ, который много написалъ на Славянскомъ языкѣ противъ обрядовъ Католической Церкви, за что и былъ онъ, по ихъ словамъ, наказанъ внезапною смертию. Такъ, почти въ одно и то же время, у двухъ Славянскихъ народовъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, Католичество огинаетъ право совершать Богослуженіе на языкѣ понятномъ народу. Хотя и послѣ этого тамъ и сямъ встрѣчаемъ слѣды этого обычая, который не могъ быть истребленъ изъ памяти народа такъ скоро, какъ истребленъ въ церквахъ и монастыряхъ, однако явное совмѣстное съ Католическимъ существованіе Славянскаго Богослуженія кончилось въ концѣ XI-го стол. и въ Чехіи и въ Южныхъ Славянскихъ земляхъ при Адриатическомъ морѣ (особенно въ Приморскихъ городахъ).

Теперь взглянемъ назадъ на религіозное развитіе Чехіи въ разсмотрѣнный нами періодъ времени, прежде нежели пойдемъ далѣе въ жизнь Чешскаго народа и постараемся уловить въ ней воспоминанія о прошломъ и неопредѣленнымъ надежды на перемену въ будущемъ, прослѣдить, какъ мало по малу созрвало ве-

лкое релігіозное движеніе, которое вмѣгъ обняло весь народъ и произвело величайшее вліяніе на судьбу его.

Чехія, по самому географическому положенію своему, предназначена для великой исторической дѣятельности. Еще въ концѣ VIII стол. Чехія была средоточіемъ Западныхъ народовъ Славянскихъ: со всѣхъ сторонъ окружали ее родные ей народы; только съ Юго-Запада она приходила въ непосредственное столкновеніе съ Нѣмцами, а прежде и тамъ жили соплеменные народы. Кромѣ того, до конца IV стол., непрерывная цѣпь родственныхъ народовъ тянулась между ея Юго-Восточными предѣлами и Восточною Имперіею. Огромное Королевство Святополка, на счетъ котораго существуетъ столько различныхъ мнѣній, включало въ себя и Чехію, которая обязана тѣсною зависимою своею отъ Моравіи благодѣтельнымъ свѣтомъ Христіанства. Народы племени Славянскаго имѣютъ удивительное *духовное сочувствіе*, и, хотя взаимно отдѣленные другъ отъ друга всѣми возможными внѣшними препятствіями, они не перестаютъ мыслить и чувствовать заодно, точно какъ братья - близнецы часто раздѣляютъ вмѣстѣ и внѣшнія и внутреннія ощущенія до такой степени, что если одинъ изъ нихъ занемогаетъ, то и другой раздѣляетъ его страданія. Такъ, *почти въ одно и то же время въ самыхъ отдаленныхъ Славянскихъ племенахъ пробудилась потребность слиться въ одно цѣлое, чтобы защищать себя отъ враговъ многочисленныхъ.* Великое Моравское Королевство выдвинуто было на сцену исторіи тѣмъ же, или сходными, обстоятельствами, которыя въ Восточной Европѣ положили основаніе Русской державѣ. Еще удивительнѣе: призванные въ одно время къ дѣятельности исторической, Славяне, на разныхъ концахъ Европы, въ одно и то же время призваны къ развитію дѣятельности нравственной принятіемъ Христіанства. Замѣтимъ здѣсь важное обстоятельство, которое поведетъ насъ, въ послѣдствіи, къ замѣчательнымъ выводамъ: *въ почти народы Нѣмецкіе прошли сквозь Аріанство къ Католицизму, между тѣмъ какъ Славяне получили Христіанство прямо отъ Церкви, сохранившей ученіе Христова сколько можно свободнымъ отъ всѣхъ погрѣшностей и амфишательства частныхъ мірскихъ интересовъ.* Другими словами: большая часть народовъ Нѣмецкихъ, т. е., низшія сословія, никогда не были Христіанами вполнѣ до самой Реформаціи Лютера: изъ суевѣрія языческаго они прямо перешли къ

суевѣрно Католическому; напротивъ того какъ исполнено смысла для безпристрастнаго глаза это повсюдное стремленіе Славянъ имѣть Богослуженіе и Св. Писаніе на языкъ, имъ понятномъ, стремленіе, въ которомъ наилучшимъ образомъ выражается разумное, духовное пониманіе Христіанской Вѣры! Образъ дѣйствія Православной Церкви и служителей ея при обращеніи народовъ ко Христу существенно отличенъ отъ соответствующаго образа дѣйствія Католической Церкви въ томъ же самомъ случаѣ. Мы уже видѣли, какъ духовенство Католическое поставило себя выше народа, образовало касту, принявшую на себя должность стать между Богомъ и Его Откровеніемъ и народомъ, и уделять послѣднему столько лишь свѣта Евангельскаго, сколько сообразно съ интересами духовной аристократіи; оно стремилось къ тому, чтобы сдѣлаться верховнымъ распорядителемъ участи народа не только въ сей жизни, но и въ будущей. Духовенство Латино-Католическое смотрѣло какъ на свою неотъемлемую привилегію совершать Божественную службу на языкъ Латинскомъ, ему только понятномъ; чрезъ то оно обособливалось, ставило себя выше народа, отъ котораго требовало десятины и другихъ вознагражденій, какъ по всей справедливости должающихъ ему, верховному раздавателю наградъ въ сей и будущей жизни. Въ первый періодъ дѣятельности этой сильной, сплошной аристократіи духовенства, главнымъ, отличительнымъ его преимуществомъ было право чтенія и объясненія Библии; отсюда понятно, почему Латино-Католическое духовенство видѣло посягательство на свое лучшее право со стороны тѣхъ, которые хотѣли сами читать и понимать Библию. Духовенство заняло, или думало занять, всѣ пути ко спасенію и не пропускало никого безъ своей воли; ибо очень понятно, что отъ него зависѣло дать то или другое направленіе нравственности цѣлаго народа произвольнымъ толкованіемъ Св. Писанія. Отъ того духовенство, завладѣвшее (простите намъ это выраженіе) монополією спасенія, болѣе всего заботилось о сохраненіи ея за собою, и главнымъ средствомъ, естественно, было исключительное присвоеніе себя права толковать Св. Писаніе и исключительное отправленіе Богослуженія на языкъ Латинскомъ. Отымите эти два права—и духовенство Латино-Католическое перестаетъ существовать, какъ привилегированное сословіе и теряетъ все свое значеніе. Напротивъ, духовенство Православное никогда не дѣйствовало массою, сословно, въ ви-

дахъ интересовъ отдѣльной касты: каждой Православный проповѣдникъ имѣеть въ виду — внушить лицу или народу предписанія Христіанскаго ученія, сдѣлать его просвѣщеннѣе и лучше, и потому онъ никогда (это доказываетъ исторія) не опирается на высшую силу. Проповѣдникъ Греческій ищетъ довѣренности и любви народа, старается уяснить ему и влить въ него правила Христіанства, и потому онъ самъ изучаетъ его языкъ, самъ живетъ съ народомъ, знакомится съ характеромъ и свойствами его и дѣйствуетъ сообразно съ своими наблюденіями. Между тѣмъ какъ духовенство Латинно-Католическое принуждаетъ народъ имѣть къ нему неограниченную покорность и довѣренность и по своей воли управляетъ убѣжденіями его, духовенство Греческое, уже по своей малочисленности и разрозненности, старается полюбить народъ, предлагаетъ свое ученіе его убѣжденію, а не навязываетъ его силою. Духовенство Латинно-Католическое требуетъ, во имя Намѣстника (мнимаго) Св. Петра, неограниченной вѣры въ свои слова и повелѣнія, и дѣйствительно народъ обязанъ повиноваться, не имѣя подъ руками ничего такого, почему бы онъ самъ могъ судить, истину, или ложь ему предписываютъ. Когда Латинское духовенство въ каждомъ новообращенномъ народѣ прежде всего старается утвердить безпредѣльную вѣру въ авторитетъ Папы, или въ авторитетъ своего сословія, Православное духовенство требуетъ отъ народа вѣры въ Св. Писаніе. Духовенство Католическое старается отдѣлиться отъ народа, приучить его къ рабской покорности каждому своему слову; наоборотъ, духовенство Православное не имѣеть иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ народа, и нисколько не старается унижить его передъ собою.

Народы Славянскіе, отличающіеся и всегда отличавшіеся особеннымъ развитіемъ здраваго житейскаго смысла и еще болѣе непреоборимымъ отвращеніемъ отъ всякаго деспотизма, достигшіе, среди мирныхъ занятій земледѣліемъ, той степени духовнаго развитія, которая, если еще не производитъ великихъ умственныхъ плодовъ, за то одновременно обнаруживается въ цѣломъ народѣ, не могли понять, какъ можно принять ученіе вѣры на слово, не узнавъ его вполнѣ, слышать Богослуженіе, на языкъ, вовсе непонятномъ, и во всѣхъ отношеніяхъ оказывать такую покорность духовной Аристократіи, которой нѣтъ и не было у нихъ никогда. Отъ того не найдете ни одного Славянскаго народа, который бы вполнѣ добровольно принялъ Като-

лическое учение. Высшее сословіе, всегда и вездѣ скорое теряющее основныя черты народнаго характера, было болѣе расположено къ Католичеству, и болѣею частью оно-то было орудіемъ Латино-Католическаго духовенства къ порабощенію народа. Во всякомъ случаѣ вольнолюбивый народъ Славянскій неохотно и не вдругъ поддавался духовному деспотизму и защищался долгое время силою отъ его притязаній. Несовмѣстность характера Славянскаго съ безпредѣльною, рабскою покорностью, какой требовали Папа и Католическое духовенство, была причиною, что это послѣднее ничего не могло успѣть, кромѣ частныхъ обращеній: такой порядокъ вещей продолжался за половину IX-го стол. Около этого времени въ Славянскихъ народахъ пробудилась сильная народная потребность къ Христіанству, которая, будучи потребностью цѣлаго народа, вскорѣ нашла себѣ удовлетвореніе. Настала минута благопріятная внутренней жизни Славянскихъ народовъ, и они теперь скорѣе усвоили Христіанство, нежели прежде усвоивали его отдѣльныя лица. Христіанство не было навязано Славянскимъ народамъ, а удовлетворяло ихъ внутреннія потребности, и потому было такъ полезно и плодотворно. Всѣ Славянскіе народы того времени, между иными признаками внутренняго сочувствія, имѣли языкъ, имъ всѣмъ понятный и различавшійся очень мало сообразно съ частными потребностями каждаго народа. Эта-то общность языка, *наилучшій признакъ внутренняго единомыслія*, послужила главнымъ средствомъ, проводникомъ Христіанства. Восточная Церковь создала свое назначеніе приготовить Славянъ къ самостоятельному, умственному и вообще внутреннему, развитію посредствомъ Христіанства. Всѣ Славянскіе народы были уже подготовлены къ принятію Христіанства, и потому оно вмгъ сообщилось имъ, какъ только воспользовалось оно общностью языка Славянскаго; а этой общностью языка умѣла воспользоваться Церковь Восточная преимущественно передъ Западною. Въ самое короткое время Христіанство по обрядамъ Греческой Церкви, сообщилось Славянамъ въ Булгаріи, въ огромномъ Моравскомъ Царствѣ, въ Чехіи, Польшѣ и даже на Руси (при Аскольдѣ и Дирѣ). Народъ съ радостью и разумно принималъ Христіанство: онъ слышалъ Божественную службу на родномъ языкѣ, онъ могъ читать Св. Писаніе на этомъ же миломъ ему языкѣ. Отсюда сильная привязанность всѣхъ народовъ къ Славянскому Богослуженію. Подъ мнимо религіознымъ вопросомъ скрывался вопросъ

о жизни и смерти Славянскихъ народовъ, о томъ, сохранить ли имъ свою народную физиогномію, или добровольно отказаться и принять чужую? Замѣтимъ то благотѣльное дѣйствіе, которое произведено было на Славянъ проповѣдью Восточной Церкви на ихъ языкъ: только тѣ, справедливо замѣчаетъ Красивскій, изъ Западныхъ Славянскихъ народовъ сохранили свою политическую и духовную независимость, до которыхъ донеслось слово Евангелія на языкъ Славянскомъ, такъ благотѣльно и спасительно дѣйствовавшее на пробужденіе сознанія народности, которое возникнувъ однажды, никогда уже не могло быть подавлено. *Славянское Богослуженіе было знаменемъ благодати и спасенія для Славянскихъ племенъ, и только тѣ изъ нихъ сохранили свою нравственную физиогномію и политическое значеніе, которые стеклись подъ это знамя.* Къ тому же Славянское Богослуженіе такъ приходилось по сердцу всѣмъ Славянскимъ народамъ, что они не могли его забыть и среди самыхъ враждебныхъ обстоятельствъ. Восточная Церковь, давъ Славянамъ Богослуженіе и Слово Божіе на ихъ языкъ, предоставила ихъ потомъ совершенно самимъ себѣ, не привязывая рѣшительными внѣшними узамъ къ себѣ. Причиной тому были: 1) совершенное отсутствіе духа прозелитства въ пастыряхъ Восточной Церкви, и 2); внѣшнія обстоятельства, на пр., нашествіе Угровъ, которое прервало всякое сообщеніе Славянъ съ Восточною Имперіею, и многія другія. Оставленные самимъ себѣ, новообращенные Славяне были цѣлью всѣхъ усилій Католическихъ проповѣдниковъ, которые болѣе всего находили сочувствіе въ высшихъ классахъ. Чехія особенно назначена была историческоюне обходимою мѣстомъ столкновенія, борьбы духовенства Католическаго и его значительной и сильной стороны съ направлениемъ свободнымъ и народнымъ, которое было вложено въ массу народа проповѣдниками Восточной Церкви. Чехія получила сперва Христіанство отъ Латино-Католическаго духовенства, но оно не могло еще принятыя въ народъ, который съ жадностью бросился на принесенное и ему понятное ученіе проповѣдниковъ Восточной Церкви. Но принялось ли и это послѣднее ученіе въ народъ? Нѣтъ! Не смотря на то, что всѣ сочувствія народа были за ученіе Восточной Церкви, оно не имѣло времени, чтобы вполне быть усвоено народомъ, который отъ Восточной Церкви получилъ не столько опредѣленное, догматическое ученіе, сколько либеральное религиозное направленіе, враждебное въ высшей сте-

пени притязаніямъ духовенства Латино-Католическаго. Восточная Церковь пробудила своимъ народнымъ Славянскимъ Богослуженіемъ чувство народности въ Чехахъ, подстрекнула ихъ умственное развитіе и, что всего важнѣе, внесла важнѣйшій элементъ въ жизнь и развитіе Чешскаго народа: это *вольное* (либеральное) пониманіе Вѣры, основанное на знаніи Св. Писанія, враждебное всякому челоѣческому авторитету. Эта независимость, самостоятельность сужденій о Вѣрѣ съ быстротою молніи проникла въ кровь Чешскаго народа, т. е., лучшей неиспорченной Нѣмецкимъ вліяніемъ его части и сдѣлалась отличительною чертою Чешскаго характера. Духовенство Латино-Католическое успѣло привлечь на свою сторону высшіе классы Чешскаго народа; но что касается до низшихъ, то оно пыталось обезсилить, ихъ подвести подъ одинъ уровень и потомъ склонить предъ авторитетомъ своего сословія и Папы. Къ этому обезсиленію Чешскаго народа приступлено, прежде всего, съ цѣлью лишить его Славянскаго Богослуженія и чрезъ-то заставить по неволѣ прибѣгнуть къ власти духовенства. Латино-Католическому духовенству, въ союзѣ съ Князьями и вельможами, удалось, въ концѣ XI-го стол., лишить Чешскій народъ его любимаго Славянскаго Богослуженія, полагая, что онъ скоро вовсе его забудетъ и привыкнетъ къ Латинскому. Но въ народѣ Чешскомъ осталась душа религиозной свободной пытливости, поспѣвший Восточную Церковь, который сильно проникъ сердца всѣхъ истинныхъ Чеховъ. Католическое духовенство радовалось тому, что всему Чешскому народу успѣло дать лоскъ Католицизма, что водворило вездѣ одно Латинское Богослуженіе; но оно ужаснулось бы, если бы заглянуло въ душу Чешскаго народа и увидѣло бы, какія чувства въ ней скрываются. Подъ этою Католическою внѣшностью, подъ этою мнимою покорностью, скрывалось чувство самой сильной вражды, самаго живаго негодованія, какое только можетъ питать народъ къ тѣмъ, которые незаконно лишили его челоѣческихъ правъ, подавили его народность. Къ счастью, Католическое духовенство (состоявшее, впрочемъ, почти все изъ Чеховъ), будучи въ силахъ уничтожить Славянское Богослуженіе въ Чехіи, не могло исторгнуть изъ сердца Чешскаго плодоноснаго семени любви къ религиозной свободѣ и народности, вложеннаго и развитаго Церковью Православною.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

*Исторія религіознаго движенія въ Чехахъ отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря до поволенія Гуса, какъ народнаго проповѣдника *.*

(1095—1402.)

Съ изгнаніемъ Славянскихъ монаховъ въ 1095 году Славянское Богослуженіе перестало существовать въ Чехахъ совместно съ Латинскимъ и никогда уже не отправлялось болѣе въ томъ видѣ, какъ прежде: монахъ Сазавскій прѣкрасно замѣтилъ касательно истребленія Славянскихъ книгъ въ Чехахъ въ 1095 году: »nuncquam recitabuntur ulterius in eodem loco.» Съ 1095 года, столь памятнаго въ духовной жизни Чеховъ, Богослуженіе Славянское перестало раздаваться въ томъ видѣ, въ какомъ Меѳодій и, ученикъ, его, Кейхъ, приняли его въ Чехію: оно исчезло, оставивъ

* Источники: *Palacky's Geschichte von Böhmen* t. II. t. III. главы: первая, вторая и особенно третья (p. 154—239). — *Lebensgeschichte des Römischen und Böhmisches Königs Wenceslaus*, von Franz Martin *Pelzel*; сюда относится вся первая часть и нѣсколько второй; важны особенно приложенные къ первому тому: *Acta in Curia Romana Johannis a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis* III (Urkundenbuch p. 145—164). — *Kayser Karl der Vierte, König in Böhmen*, von *Pelzel*. 2 voll.; passim. — *Geschichte der Böhmen*, v. *Pelzel*, p. 76 sqq.—*Balbinii Epitome rerum Bohemicarum*, p. 405—409.—*Gieseler's Lehrbuch der Kirchengeschichte*, t. II, Abschnitt I. p. 280—292; *Wilhelmi Zeyfridi Norimbergensis commentatio de Johannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis*, p. 73—79.—*Stransky Respublica Bojema* c. VI. §. 5. — *Amos Comenius Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae*, c. VI и VII. — *Lenfant L'histoire de la guerre des Hussites et du concile de Basle*. p. 3—50. — *Schroeckk's Christliche Kirchengeschichte*, tom. 33. pp. 328—331, tom. 34 p. 564—575. — *Krasinsky Sketsch of the reformation. Poland*. p. 15—57. — *Flacellii Catalogus testium veritatis*. pp. 716—725, 760—769—771, 796; Appendix p. 192.—*Johannis Hus et Hieronymi Pragensis in confessorum Christi historia et monumenta: Anatomia membrorum Antichristi etc. De carnalium abominatione etc.* f. CCCXXXVII—CCCCXLIII.

видные слѣды въ духѣ Чешскаго народа. Притомъ оно слишкомъ было живуче, чтобы перестать существовать совершенно, и потому слѣды его видимъ сохранившимися отъ времени до времени; такъ извѣстная духовная пѣснь, досель поющаяся въ Чешскихъ церквахъ, «*Gospodi, pomiluj ny,*» носить на себѣ несомнѣнный признакъ Славянскаго происхожденія. Сочиненіе этой пѣсни приписывали Св. Войтъху, но мы знаемъ, что она уже пѣлась при посвященіи въ Епископы Дитмара. Славянскій переводъ Св. Писанія проникъ въ Чехію и, по извѣстію одного стариннаго житія Св. Вячеслава, этотъ Князь въ молодости учился книгамъ Славянскимъ. Истребленіе книгъ Славянскихъ при Сазавскомъ монастырѣ было очень вредно и для развитія Чешскаго языка, однако и послѣ 1095 тамъ и сямъ видимъ употребленіе Славянской азбуки, которая встрѣчается въ памятникахъ XI стол. Мацѣевскій говоритъ по этому случаю: «Житіе Св. Войтъха и Слово, сказанное на его гробѣ Северомъ, Пражскимъ Епископомъ, доказываютъ, что Славянскій языкъ былъ еще въ употребленіи въ церквахъ Чешскихъ.» Слѣдственно, Богослуженіе и языкъ Славянскій могли быть сохранены любовью народа тамъ и сямъ въ отдѣльныхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ, особенно если они находились въ мѣстахъ уединенныхъ, Богослуженіе на языкъ Чешскомъ могло не прерываться до религіознаго броженія при Гусѣ, гдѣ давнее и подавленное негодованіе народа выказалось такъ энергически и потребовало Богослуженія на языкъ своемъ, имѣя въ свѣжей памяти успѣхъ Богослуженія на языкъ Славянскомъ. Трудно предположить, чтобы народъ Чешскій требовалъ такъ единодушно Богослуженія на языкъ, ему понятномъ, если бы у него не было свѣжо въ памяти дѣйствительное отправление этого Богослуженія. Духовенство Католическое, стараясь болѣе и болѣе отдѣлиться отъ мірянъ, хотѣло какъ бы поставить себя выше обыкновенныхъ законовъ человѣческой природы, вѣтъ всѣхъ отношеній, имѣющихъ силу въ обществѣ человѣческомъ, побѣдить всѣ законы естества и чувства человѣческія, мало по малу потеряю право брака. Съ половины XI-го стол., особенно при Папѣ Григоріѣ VII, бракъ духовенства, наравнѣ съ его нецѣломудріемъ и симонією, названъ Николаитскою ересью; но еще и прежде изъ среды самаго духовенства обнаружилось желаніе воспретить браки, и они были только что терпимы. Греческая Церковь, никогда не воспрещавшая браковъ благого духовенства,

привлекала къ себѣ сочувствіе всѣхъ людей, которые были оскорблены отрицательнымъ рѣшеніемъ Папъ относительно великаго вопроса о бракѣ священниковъ; потому всѣ, защищавшіе этотъ обычай первобытной Церкви, ссылались на примѣръ Греческой Церкви. Тѣмъ труднѣе было Католицизму истребить браки духовенства тамъ, гдѣ они вели свое начало отъ Греческой Церкви и потому считались законными, гдѣ самый народъ привыкъ къ этому и нисколько не удивлялся такому обычаю. Браки священниковъ вездѣ нашли себѣ упорныхъ защитниковъ, особенно въ Англіи, какъ извѣстно, получившей Христіанство отъ Церкви Греческой, и въ Чехіи, гдѣ браки священниковъ считались дѣломъ, совершенно законнымъ. Народъ Чешскій, стоявшій къ своимъ пастырямъ вовсе въ иномъ отношеніи, нежели какъ то было у другихъ народовъ Запада, принялъ сторону духовенства и защищалъ обычай, который былъ оставленъ здѣсь Восточною Церковью. Гаекъ рассказываетъ, что Легатъ Папскій, Петръ Кардиналь, посланный Папою Целестиномъ для искорененія браковъ священниковъ, принялся за это дѣло съ величайшею ревностью и насильно разводилъ священниковъ съ ихъ женами: эти послѣдніе, опираясь, безъ сомнѣнія, на народъ, оказали сильное сопротивленіе Папскому Легату, котораго жизнь подвергалась опасности и который поспѣшилъ оставить Прагу. Такимъ образомъ Чехи постоянно заступались за самые слабыя остатки Православія и обнаруживали упорное сопротивленіе возраставшимъ притязаніямъ Чешскаго духовенства. Прекрасно изображаетъ Коменскій то отношеніе, въ которомъ стояла Чехія къ мѣрамъ Католицизма: «*Nunquam tamen, — пишетъ онъ, — nisi reluctans et coacta abominationum quidquam (quantum quidem per tenebras illas animadvertere illi licuit) admisit Bohemia. Unde factum, ut prae caeteris haereticorum nomen largiter Bohemis jam ab antiquo tribueret Roma.*»

Мы видѣли уже, что ученіе Православной Церкви не могло вполне утвердиться у Чеховъ, а что оно дало имъ враждебное расположеніе къ Католицизму. Странскій говоритъ, что обряды Греческой Церкви начали мало по малу искажаться, чему не мало способствовало и то, что языческая народная часть Чеховъ охотнѣе перешла къ Греческой, чѣмъ къ Латинской стоніи, и тѣмъ самымъ внесла въ ученіе первой свои прежнія замужденія. Въ концѣ XI стол. въ Чехію проникли Вальденсы и

поселились въ окрестностяхъ гг. *Затица* и *Лушь*; но они мало могли принести новаго въ Чехію, которая уже тогда представляла борьбу стихій, вытекшихъ изъ самостоятельнаго развитія Чешскаго народа. Причины Чешскаго броженія были глубже и основательнѣе тѣхъ причинъ, которыя участвовали въ происхожденіи Вальденсовъ. Чешскій народъ былъ богатъ съменами собственнаго развитія, которыя зрѣли мало по малу, обтщая величественный плодъ въ будущемъ, и Вальденсы ничего не могли сообщить ему такого, чего бы онъ уже не имѣлъ. Кто желалъ бы изучить постоянное противоборство, таившееся въ Чешскомъ народѣ, и прослѣдить съ самаго начала постепенное вольное направленіе, столь противоположное авторитету, налагаемому Католичествомъ, прежде всего долженъ познакомиться со всѣми памятниками, до насъ дошедшими, умственной жизни Чеховъ въ ея самостоятельномъ развитіи. Вся умственная самостоятельная дѣятельность Чеховъ, сколько мы могли изучить ее, въ XIII и XIV стол., есть постоянно раздающійся, неумолкаемый голосъ противъ того двойнаго, политическаго и религіознаго, ярма, которое было наложено на Чехію Нѣмецкимъ и Католическимъ вліяніемъ, дѣйствовавшимъ вмѣстѣ, дружно во исполненіе общей цѣли обезличенія Чешскаго народа. Но, спросить, что же препятствовало Чехамъ тогда уже дружно возстать противъ враговъ своей народности и сознать свое самостоятельное бытіе? Пагубное *раздѣленіе* вкралось въ народъ Чешскій, раздѣленіе, имѣвшее глубокій корень свой. Еще въ 845 году 14 Леховъ Чешскихъ приняли Католич. Вѣру и съ нею признали ленную зависимость отъ Императора: съ этого года зависимость Чехинъ, политическая и религіозная, была тѣсно связана одна съ другою. Вліяніе Нѣмецкой стихіи на жизнь Чешскаго народа всегда оказывалось преобладаніемъ Католичества: отъ того раздвоеніе Чешскаго народа на двѣ стороны, Католическую и Нѣмецкую, твердо стоявшую за Нѣмецкое вліяніе въ Чехіи, и народную, Чешскую, Антикатолическую. Отсюда видна тѣсная связь политическихъ вопросовъ жизни Чешскаго народа съ вопросами религіозными. Теперь противодѣйствіе народа было не возможно, доколь вліяніе Католичества и Нѣмецкой стихіи не развилось до самихъ крайнихъ слѣдствій, доколь самыя явныя оскорбленія народнаго и Христіанскаго чувства не заставили Чешскій народъ соединиться въ одно цѣлое и воспротивиться своимъ вра-

гамъ. Надобно было много и много времени и оскорбленій, чтобы вывести Чешскій народъ изъ терпѣнія; но, наконецъ, когда политическія и религіозныя страданія его перешли всякую мѣру, Чешскій народъ возсталъ, какъ одинъ человекъ, и развилъ дивную твердость воли и вообще все самыя возвышенныя качества, какія только когда ни будь доставались въ удѣлъ народу. Слишкомъ заблуждаются тѣ, которые ищутъ корня историческому явленію всюду, гдѣ только его найти не возможно: такъ и относительно великаго Чешскаго религіознаго броженія, котораго причинъ искали вездѣ, за исключеніемъ именно того мѣста, гдѣ они скрываются, т. е., всей предъидущей жизни Чешскаго народа, которая есть только, такъ сказать, приготовленіе къ славному народному періоду Чеховъ, коихъ первымъ представителемъ былъ Гусъ.

Большая часть духовенства въ Чехахъ прибыла сюда изъ Германіи; что касается до Чеховъ собственно, то они уже въ X стол. возбуждали опасеніе въ Папахъ своимъ самобытнымъ духомъ, и Іоаннъ VIII, дозволяя устроить Пражское Епископство, поставилъ главнымъ условіемъ, чтобы тотъ, кто будетъ удостоенъ Епископскаго престола, былъ непременно искусенъ и свѣдуещъ въ языкъ Латинскомъ, т. е., другими словами, не Чехъ; въ слѣдствіе этого избранъ былъ Саксонецъ Дитмаръ. Естественно, что духовенство Нѣмецкое, наводнившее Чехы еще при Вячеславѣ Святѣмъ, дѣйствовало враждебно противъ всего Чешскаго, истребляло Богослуженіе Славянское, обряды Восточной Церкви: это увеличивало ненависть народа къ Католическому духовенству; но послѣднее имѣло на своей сторонѣ большую часть вельможъ и богатыхъ поземельныхъ собственниковъ, посредствомъ которыхъ оно успѣвало держать народъ у себя въ повиновеніи. Отъ того Чешскій народъ, дожидаясь благоприятной минуты для своего самостоятельнаго развитія, покорился всемъ внѣшнимъ требованіямъ Латинско-Католическаго духовенства въ концѣ XIIго стол. и долго, до самаго XV стол., во всей Чехіи видите одно и тоже ученіе, одни и тѣже обряды, народъ съ однимъ и тѣмъ же духомъ; но это одна наружность, подъ которою скрывалось сильное вѣтроисповѣдное броженіе. Изучая какое ни будь великое событіе жизни народа, или человечества, и углубляясь въ причины, условившія самое возникновеніе событія и дѣвшія ему именно такую, а не иную, форму, необходимо обращать вниманіе особенно на времена,

непосредственно предшествующія взрыву, потому что, если медленно и постепенно готовится великій переворотъ въ жизни народа, то, чѣмъ ближе становится время, въ которое этотъ переворотъ совершится, тѣмъ полезнѣе и любопытнѣе бываетъ наблюдать, какъ онъ мало по малу обличаетъ себя и свою силу, свои средства и свое направленіе. Никакая человѣческая сила не въ состояніи измѣнить историческаго хода событій, остановить его, или дать ему иное направленіе; но извѣстныя обстоятельства могутъ ускорить, или отдалить время, въ которое совершится великій переворотъ жизни народа; великіе историческіе дѣятели бываютъ въ состояніи умными средствами приблизить, или отдалить время переворота, притупить его силу; но удержать его они никогда не могутъ, какъ бы они ни были гениальны, потому что не въ ихъ власти измѣнить все прошедшее народа. Потому, изслѣдуя здѣсь ходъ развитія Чешскаго народа, приготовившій великое религіозное Чешское движеніе, вникая въ его причины и явленія, въ которыхъ оно вырывалось, еще не созрѣвъ, наружу, обратимъ особенное вниманіе на происшествія царствованія Карла IV и, его сына, Вячеслава IVго, по скольку въ нихъ выражается тогдашнее вѣроисповѣдное состояніе Чешскаго народа.

Недовольство народа Католическимъ обрядомъ выражается особенно въ той легкости и готовности, съ которою онъ принимаетъ различныя Антикатолическія ученія. Чешскій народъ съ жадностью хватался за все, что могло, хотя на минуту, удовлетворить его пытливому уму въ дѣлѣ Религіи: всякое ученіе, даже ни сколько не сообразное съ его характеромъ, казалось ему предпочтительнѣе Католическаго. Доселѣ очень мало занимались исторіею религіозныхъ мнѣній Чешскаго народа до Гуса; а этотъ предметъ чрезвычайно любопытенъ и важенъ. Мы уже видали, что Вальденсы въ концѣ XII стол. проникли въ Чехію; къ сожалѣнію, мы, за исключеніемъ подозрительнаго извѣстія, сообщаемого Странскимъ, не знаемъ ничего о томъ, какъ народъ смотрѣлъ на новыхъ пришельцевъ и ихъ ученіе. Но едва ли ученіе Вальденсовъ могло найти доступъ въ народъ уже и по тому, что Вальденсы были Нѣмцы, слѣдовательно, не скоро могли, посредствомъ языка народнаго, сообщить Чехамъ свое ученіе. Но и по нашимъ, въ высшей степени ограниченнымъ, источникамъ, мы знаемъ, что въ XIV стол. дважды прорывались въ Чехію еретики

Западной Европы. Въ 1318 году въ Шлезіи и, сопредельной, Польшѣ и Чехіи распространилась ересь Дульцианъ (*Dulcinianorum haeresis*), которая, по словамъ Бальбина, была такъ названа потому, что предавалась самымъ позорнымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Король Іоаннъ приказалъ сжечь 14 мушницъ и женщинъ «*hac dulcedine voluptatis et Bacchanalium corruptis.*» Подъ 1335 годомъ Райнальдъ говоритъ: «*Haeretici quidam ex Germania in Bohemiam adgrepere.*» Неизвѣстное намъ ученіе быстро распространилось по Голумуцкой и Пражской епархіямъ и испугало самого Папу, Бенедикта XIII, который послѣдшилъ поставить двухъ инквизиторовъ ереси въ Прагъ и Голумуцъ и многими письмами убѣждалъ Короля Іоанна принять противъ еретиковъ рѣшительныя мѣры. Въ 1340 году Папа надѣлилъ Ульриха изъ Новаго Дома, вѣтви знаменитой фамиліи Розенберговъ, индульгенціями для похода противъ еретиковъ и въ буллѣ по этому случаю одарилъ согласившихся принять участіе въ походѣ тѣми же привилегіями, какія получали отправлявшіеся въ Святую Землю. Чехи называли этихъ еретиковъ *Ямниками*, потому что жили по ямамъ и рвамъ, гдѣ предавались непозволеннымъ наслажденіямъ и откуда нападали на Католическихъ путниковъ, присоединяя ихъ къ себѣ, или убивая. Въ этихъ странныхъ и намъ вовсе невѣдомыхъ ученіяхъ и той легкости, съ какою каждое Антикатолическое ученіе распространялось по Чехахъ, видѣли ясно, что народъ Чешскій искалъ себѣ формы религіозныхъ мифовъ, которая вполнѣ удовлетворила бы его духовнымъ потребностямъ, что онъ, прежде нежели изъ глубины своего духа пытался создать вполнѣ желанное ученіе, предпочиталъ всякое религіозное ученіе тяжкому Католическому игу, равно оскорбительному и тягостному для всѣхъ интересовъ Чешскаго народа. Бальбинъ, ревностный Католикъ, старается смыть съ Чеховъ пятно въ ереси до Гуса, на котораго, какъ на исповѣднаго козла, онъ взваливаетъ всю, будто бы, вину Чешскаго народа, и потому и при этомъ случаѣ говоритъ, что еретики были все Нѣмцы; но булла Папская доказываетъ противное; а такъ какъ она наилучшимъ образомъ представляетъ религіозное состояніе Чехіи въ половинѣ XIV стол., то мы приводимъ слова Папы: «*Benedictus servus servorum Dei, dilecto filio, nobili viro Ulricho, domino de Novadomo, Pragensis Diocesis, Baroni de regno Bohemiae. Petitio tua nobis exhibita continebat, quod in*

terris, tuo Dominio temporali subjectis, in Pragensi et Olomuensi Diecoesibus consistentibus et etiam *in toto regno Bohemiae infiniti haeretici*, communiter Teutonici et advenae *non absque infectione cultorum fidei orthodoxae* periculose, proh dolor! in magna multitudine pullularunt, et quod dicti haeretici cum inquisitores haereticae pravitatis, autoritate Apostolica in iis partibus constituti, volunt procedere contra eos, *fugiunt et latitant ac Catholicos capiunt, mutilant, expulsiunt et alias prodicionaliter offendunt eosdem eorumque bona incendio ignis supponunt*, et quod licet per inquisitorem pravitatis multi infecti pravitate praedicta, abjuratis erroribus, devote redierunt ad agnitionem fidei orthodoxae, tamen post ejus absentiam in errores pristinos sunt relapsi, *conventiculas illicitas cum Magistris eorum, quos vocant Apostolos faciendo: qui etiam in tantum numerum excreverunt*, quod te tuosque subditos Catholicos ausi sunt temere diffidare, quare tu nobis humiliter supplicasti, ut cum tu pro exaltatione fidei *intendas exponere te et tuos ad haeticorum exterminium praedictorum*, providere tuae speciali saluti ac solita sedis Apostolicae clementia dignaremur; (Balbini p. 350):
 далее слѣдуетъ отпущеніе грѣховъ для тѣхъ, которые пойдутъ на еретиковъ.

Карль IV, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ Государей, какіе когда ни будь украшали престоль любаго Европейскаго народа, играетъ очень важную роль въ исторіи Чеховъ. Происходя по матери отъ древняго Чешскаго Царственнаго дома, Премысла, Карль IV наследовалъ отъ нея сильную привязанность къ Чешскому народу; известно, что Елисавета, сестра Вячеслава III-го, была постоянно заступницею интересовъ своего народа и его матерью: она дѣйствовала часто за одно съ Чешскими Панами въ выгоды Чеховъ противъ своего мужа, Короля Іоанна, и была очень полезна своимъ вліяніемъ на него. Сынъ Нѣмца, Карль IV, въ душѣ оставался вѣрнымъ Чехомъ, но Чехомъ Католикомъ. Главною мыслью Карла IV-го было возвышеніе и благоденствіе Чехіи; но въ Карль видимъ два, одно другому противуположныя, стремленія. Искренно любя Чешскій народъ, онъ прежде всего печется объ увеличеніи могущества Чехіи и благосостоянія ея жителей; нося ввнѣцъ Императора Нѣмецкаго, Карль IV пользовался властью, сопряженною съ этимъ званіемъ, для того, чтобы Чехію усилить присоединеніемъ новыхъ областей, дарованіемъ новыхъ привилегій, сдѣлать ее средой

могущетвеннаго государства. Эней Сильвій, превосходный политикъ, хотя плохой историкъ, нѣсколькими словами прекрасно изображаетъ всю политическую дѣятельность Карла IV-го: «Clarus profecto Imperator, nisi Bohemici regni gloriam magis quam Romani Imperii quaesivisset» Но, съ великою любовью славы своего отечества, Карлъ IV соединялъ безпредѣльную преданность къ Католицизму, которая заставляла его иногда дѣйствовать противъ интересовъ своего народа; отъ того съ одной стороны Карлъ IV является истиннымъ отцемъ своего народа, тщательнымъ и заботливымъ представителемъ его интересовъ, а съ другой дѣйствуетъ иногда въ видахъ политики Папства и Церкви и чрезъ то вредить своему народу. Карлъ IV постоянно находился подъ вліаніемъ двухъ, равно сильныхъ, чувствъ: безпредѣльной привязанности и покорности Церкви и чувства любви къ своему народу. Дѣйствія государственныя Карла IV-го отражаютъ въ себѣ постепенно то чувство, которое минутно брало перевѣсъ въ умъ его. Но, прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію религіознаго броженія при Карлѣ IV-мъ, обратимъ вниманіе на состояніе Латино-Католическаго духовенства и на отношеніе его къ свѣтской власти и народу.

Уже въ концѣ XII-го стол. встрѣчаемся съ страннымъ явленіемъ жизни Чешскаго народа, явленіемъ, которое составляетъ особенность его развитія. Во всей Западной Европѣ съ конца XI столѣтія духовенство вполне образовалось въ сословіе, даже въ государство, глава котораго, Папа, господствовалъ безпредѣльно надъ всеми земными властями чрезъ посредство многочисленнаго духовенства, имѣвшаго одни и тѣже интересы съ нимъ. Между тѣмъ въ Чехіи до самаго XIII стол. духовенство, не смотря на безчисленныя привилегіи, еще не сложилось въ цѣльное сословіе, не опредѣлило своихъ отношеній къ свѣтской власти и стояло несравненно ниже, чѣмъ въ какой ни будь землѣ Западной Церкви. Если бы не было никакихъ иныхъ доказательствъ въ пользу того, что Чехія получила ученіе Христово съ Востока, то этого одного обстоятельства было бы достаточно вполне, чтобы доказать, что Богослуженіе Латинское проникло въ нее несравненно позднѣе и при совершенно иныхъ отношеніяхъ къ народу, чѣмъ въ странахъ Нѣмецкихъ. Не прежде начала XIII-го стол. Чешское духовенство, послѣ сильной борьбы съ свѣтскою властью и народомъ, успѣло присвоить себѣ

часть привилегій, которыми духовенство Нѣмецкое давно уже пользовалось, и, тѣмъ не менѣе, никогда не могло пріобрѣсть высокаго значенія послѣдняго. Слѣдственно, Латинское Богослуженіе проникло въ Чехію при иныхъ отношеніяхъ и подъ другими условіями, чѣмъ въ земли Нѣмецкія. Здѣсь оно было нераздѣльнымъ господиномъ, и потому смѣло оставяло за собою тѣ права, какія ему заблагоразсудилось: напротивъ, въ Чехію оно проникло въ видѣ просителя, а не господина, и нашло здѣсь иное Богослуженіе, за которое были все сочувствія народа, а потому приняло форму болѣе снисходительную, сдѣлало уступки, кои въ послѣдствіи надѣялось взять назадъ. Духовенство Латинское, проникнувъ въ Чехію, должно было по возможности отвлечь и Князя, и Чины, и народъ отъ Славянскаго Богослуженія; умами первыхъ двухъ, Князя и вельможъ, оно успѣло овладѣть не безъ великихъ уступокъ, потому что духовенство Латинское въ Чехіи не смѣло предписывать условій свѣтской власти. Но когда Славянское Богослуженіе было истреблено, когда народъ былъ привлеченъ видимымъ образомъ разными суевѣрными приманками, тогда духовенство попыталось пріобрѣсть равныя права съ своими братьями въ Германіи, и для того вступило въ споръ съ свѣтскою властью, имѣвшій мѣсто въ началѣ первой четверти XIII-го стол., при Премыслѣ Оттокарѣ. Въ концѣ XII стол. духовенство въ Чехіи не имѣло тѣхъ церковныхъ преимуществъ, которыми пользовалось духовенство въ Германіи. Духовные Чешскіе участвовали въ Сеймахъ въ качествѣ обыкновенныхъ землевладѣтелей; въ должностяхъ неусыпнаго управленія духовныя лица не принимали участія; при Дворѣ они были духовниками и капелланами, или писарями (Кавилерами) и нотаріями; въ рукахъ ихъ находилось все современное умственное движеніе. Духовенство въ своемъ главномъ представителѣ, Пражскомъ Епископѣ, обнаружило желаніе выйдти изъ своего скромнаго положенія и пріобрѣсти права духовенства Нѣмецкаго. Премыслѣ Оттокаръ (1198—1230), умный и дѣльный государь, пользуясь единствомъ, царствовавшимъ въ Королевскомъ Чешскомъ домѣ, и несогласіями, происшедшими въ Германіи, гдѣ было два Императора (Оттонъ и Филиппъ) возвысилъ значительно могущество Чехіи, но въ своемъ стремленіи къ пользѣмъ ея былъ остановленъ упорною борьбою съ Амдремъ, Епископомъ Пражскимъ, хотѣвшимъ играть роль

Чешскаго Гильдебрандта, т. е., образовать изъ всего духовенства огромное сословіе, проникнутое одними интересами и дѣйствующее однимъ и тѣмъ же образомъ. Если бы Андрею удалось отдѣлать все духовенство отъ народа, сосредоточить вокругъ себя, противоставить стремленію свѣтской власти и вольному духу народа, то въ Чехіи народный элементъ былъ бы подавленъ окончательно и всякое движеніе его было бы тогда невозможно. Андрей, Пражскій Пробытъ и Верховный Писарь королевства, былъ посвященъ въ Пражскіе Епископы въ Римъ Папою Иннокентіемъ II-мъ. Строгой нравственности и непреклоннаго характера, Андрей, изъ друзей Короля, сталъ его противникомъ и величайшимъ ревнителемъ правъ и преимуществъ Церкви. Прежде всего онъ объявлялъ недействительными многіе акты своихъ предшественниковъ, которые наносили ущербъ Пражской Церкви; съ духовенствомъ онъ обращался очень строго, не щадя и свѣтскихъ сановниковъ. Не признавая силы суда въ Цудахъ, онъ оспаривалъ его власть не только надъ духовными лицами, но и надъ людьми, живущими на земляхъ Церкви, воспретилъ всякой родъ инвенитуры лицъ духовныхъ отъ свѣтскихъ, отказался платить государственныя повинности отъ помѣстьевъ Церкви и началъ собирать десятину по всей землѣ, дотолъ получаемую отъ некоторыхъ только помѣстьевъ. Дѣйствуя не въ интересъ своего лица, но Католической Церкви, вообще Андрей причислялъ къ Епископскимъ помѣстьямъ и свои наследственныя владѣнія. Эти требованія Епископа были встрѣчены сильнымъ сопротивленіемъ и со стороны Короля, и со стороны народа: послѣ трехлѣтней борьбы съ тѣмъ и съ другимъ, Андрей, 10 апр., 1217 года, наложилъ запрещеніе на всю Чехію и, видя себя не въ безопасности, бѣжалъ въ Римъ и жаловался Папѣ, Гонорію III, на всѣхъ Чеховъ. Въ отвѣтъ на это Король Чешскій приказалъ взять въ казну всѣ Епископскія имѣнія и ихъ управленіе ввѣрилъ своей Палатѣ. Архіепископъ Майнцкій приглашенъ былъ имъ въ Прагу и, послѣ разысканія всего дѣла и клятвы Короля, что онъ ничего не имѣлъ въ умѣ дѣлать противъ правъ, законно принадлежащихъ Чешскому Епископу, Архіепископъ, 29 мая, снялъ запрещеніе съ Чехіи. Папа Гонорій III перенесъ дѣло къ себѣ, сдѣлалъ строгій выговоръ Архіепископу Майнцкому за произвольное снятіе неправильно наложеннаго церковнаго запрещенія и,

въ слѣдъ за этимъ послалъ къ Оттокару письмо, гдѣ изложены предметы жалобы Епископа ; изъ этого письма и отвѣта на него, Оттокара, узнаемъ нѣсколько ходъ дѣла и цѣль ихъ спорившихъ сторонъ. Въ отвѣтъ на обвинительныя статьи, изложенныя Папою, Оттокаръ оправдывается стародавними учрежденіями своей земли. Относительно десятины Оттокаръ пишетъ, что онъ не можетъ принудить народъ къ неслыханнымъ прежде десятинамъ и ни въ какомъ случаѣ не станетъ этого дѣлать; далѣе, онъ признается, что одинъ священникъ приговоренъ свѣтскимъ судомъ къ висѣлицѣ, но этотъ священникъ уже давно, забывъ свой санъ, присталъ къ разбойникамъ, съ ними пойманъ и, кромѣ того, былъ уличенъ въ дѣланіи ложной монеты. Что касается до права инвеституры духовныхъ лицъ отъ свѣтскихъ, то Король Оттокаръ соглашается отказаться отъ него, только съ тѣмъ, чтобы права покровительства лицъ свѣтскихъ остались во всей силѣ. Относительно участія духовенства въ государственныхъ повинностяхъ, участія, признаннаго древними Чешскими законами, Оттокаръ выражаетъ свое удивленіе, почему Папа называетъ его *непримичнымъ*. Епископъ и Папа требовали, чтобы права и привилегіи духовенства (*Immunitaten*) были распространены и на всѣхъ людей, живущихъ на церковной землѣ. Изъ этого видно, что Оттокаръ являлся защитникомъ правъ своего народа отъ безпрестанно возставшихъ притязаній духовенства. Епископъ Пражскій требуетъ совершенной независимости своей Церкви отъ свѣтской власти, ищетъ устроить государство въ государствѣ, и самъ хочетъ стать во главѣ духовнаго государства. Чешскій народъ видѣлъ огромныя требованія духовенства, видѣлъ, что онъ стремится къ господству надъ нимъ, господству самому безпредѣльному, и потому принялъ сторону Оттокара. Такимъ образомъ это не есть минутная ссора свѣтской и духовной власти, а напротивъ борьба народа съ духовенствомъ. Духовенство непремѣнно одержало бы верхъ, потому что оно было тогда всесильно, если бы раздѣленіе, существовавшее въ Чешскомъ народѣ, не нашло доступа и въ него. Часть духовенства оставалась чужда притязаніямъ другой и была постоянно на сторонѣ народа и Короля. Такимъ образомъ, когда Папа, не смотря на защитительное посланіе Оттокара, подтвердилъ запрещеніе, наложенное на Чехію Епископомъ Андреемъ, оно осталось безъ силы, и потому цѣль, которой достигнуть такъ желалъ

Папа, не была и не могла быть достигнута. Не только большинство членовъ Пражскаго Капитула, но и значительная часть сельскаго духовенства, даже Епископъ Голомуцкій, продолжали божественную службу; безсильный гнѣвъ Папы разразился проклятіями. Оттокаръ, чтобы умилостивить Папу, уговорилъ его прислать для переговоровъ пословъ. Когда Папа это исполнилъ, то Оттокаръ созвалъ Сеймъ Чешскаго государства въ Кладрубы для разсужденія о распрѣ съ Епископомъ. На Сеймѣ (1219) обнаружилось, что вельможи Чешскіе поддерживали притязанія Епископа, потому что они приняли слѣдующія шесть статей примиренія съ Епископомъ: 1) Только Епископъ можетъ ставить и смѣнять духовныя лица, но безъ нарушенія права покровительства; 2) Епископу принадлежитъ верховный судъ надъ всеми лицами клира; 3) до возвращенія Епископа, Епископія будетъ въ рена лицамъ, коихъ угодно назначить Епископу; 4) весь ущербъ, который Епископъ могъ потерпѣть въ теченіи 3 мѣсяцевъ, будетъ вознагражденъ ему людьми частными, или Королевскою Палатою; 5) десятины впрередъ должны быть собираемы со всей земли на томъ же основаніи, на какомъ прежде съ нѣкоторыхъ мѣстъ; 6) Епископъ обязанъ служить вѣрно и повиноваться Королю. Этѣ статьи приняты были обѣими сторонами, но переговоры кончились ничѣмъ въ слѣдствіе того, что Премысль не хотѣлъ пожертвовать Епископу и Папѣ тѣми духовными лицами, которыя отказались привести въ исполненіе запрещеніе. Папа снова поразилъ запрещеніемъ Чехію. Попытка завязать опять переговоры съ Чехами кончилась ничѣмъ (1220). Въ 1221 году Папа рѣшился исполнить давнишнее желаніе Премысла Оттокара и прислалъ въ Чехію съ полномочіемъ Легата своего, Григорія de Crescențio; онъ заключилъ въ 1221 году (2 іюля) миръ между Чешскимъ народомъ и Церковью; въ слѣдствіе его Оттокаръ далъ грамоту Пражскому Епископу, по которой утвердилъ за нимъ всѣ прежнія привилегіи и предоставилъ слѣдующія новыя: люди, живущіе на духовныхъ земляхъ, освобождаются отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и взаимной поруки; верховная власть надъ этими людьми остается за Королемъ, но доходы съ нихъ принадлежатъ Епископу. По совѣту Кардинала Король Чешскій, 10го марта, 1222 г., издалъ грамоту, которою даровалъ всѣмъ Чешскимъ церквамъ и монастырямъ права, далеко не столь обширныя, какія далъ прежде Пражской Церкви. Такимъ обра-

зомъ ни духовенство, ни народъ Чешскій не могли хвалиться полною побѣдою, но невыгода была на сторонѣ послѣдняго. Оттокаръ вздумалъ вступить въ борьбу съ своимъ Епископомъ и съ Папою, опираясь на народъ и народную часть духовенства, но высшее сословіе, вполнѣ Католическое, обнаружило желаніе уступить требованіямъ Папы, и Король, по волю Сейма, долженъ былъ дать такія права Пражской Церкви, которыя дѣлали ее особымъ, независимымъ государствомъ; единственною выгодною Короля было то, что не все Чешское духовенство обнаружило тѣ же требованія, какія Пражскій Епископъ. Но какъ бы то ни было, теперь радомъ съ народною и Королевскою властью стала третья, власть духовенства, отчасти враждебная двумъ первымъ. Всѣ послѣдующіе Короли Чешскіе склонялись то на сторону народа, то на сторону духовенства: послѣднее случалось чаще, но изъ Королей дома Люцельбургскаго, самихъ близкихъ къ всплывкѣ великаго религіознаго Чешскаго движенія, Іоаннъ или Янъ и Вячеславъ или Вацлавъ IV-й были на сторонѣ народа, хотя по весьма несходнымъ побудительнымъ причинамъ; Карлъ IV-й склонялся постоянно то на ту, то на другую сторону, но болѣе на сторону духовенства. Народъ Чешскій обнаружилъ столь сильное неудовольствіе на Епископа Андрея, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ и тамъ умеръ въ 1224. Папа рѣшился сохранить въ свою пользу уступки, такъ дорого полученные въ Чехіи, и потому предоставилъ себѣ право утвердить Епископа Пражскаго: избранный Капитуломъ въ Епископы, Перегринъ, долженъ былъ отказаться отъ этой чести, и Папа избралъ Будилова, который скоро умеръ. Григорій IV по смерти его назначилъ Іоанна II-го, Пражскаго схоластика, но обстоятельства его избранія не извѣстны.

Между тѣмъ и въ одной странѣ Западной Европы духовенство не пользовалось такими вышними выгодами, какъ въ Чехахъ, гдѣ высшее сословіе, которое приняло совершенно Католическій характеръ, и среднее осыпало всеми возможными дарами духовенство: сами Короли шли и въ этомъ случаѣ впереди другихъ. Чехія всегда гостепріимно принимала священниковъ и монаховъ разнаго рода, которые здѣсь, еще со времени Вячеслава Святаго, необыкновенно многочисленны; можно сказать, что не было такого монашескаго ордена въ Западной Европѣ, который не имѣлъ бы въ Чехахъ своего представителя. Въ половинѣ XII-го ст. въ Чехахъ утвердились уже четыре монашествую-

щихъ ордена: Бенедиктинскій (самый древній), Премонстратенскій, Цистеріанскій и Мальтійскій; въ половинѣ XIIIго стол., кромѣ этихъ орденовъ, видимъ еще тамъ Миноритскій и Нѣмецкихъ рыцарей, который имѣлъ надзоръ за всѣми богоугодными и общепольными заведеніями. Но особенно размножились въ Чехахъ съ половины XIII стол. нищенствующіе монахи, преимущественно Доминиканцы. Они находились почти въ безпрерывныхъ стычкахъ съ бѣлымъ духовенствомъ, присвоивая себѣ обязанности этого послѣдняго. Извѣстно, что цѣлю нищенствующихъ орденовъ было дѣйствовать на простой народъ проповѣдью и воспитывать его нѣкоторымъ образомъ сообразно съ цѣлями Папства. Но Доминиканцамъ показалось недостаточнымъ проповѣдывать народу, и они, умножившись до чрезвычайности въ Чехахъ, начали крестить дѣтей, хоронить мертвыхъ и пр., чрезъ то уменьшали доходы приходскихъ священниковъ. Эти послѣдніе выпросили у Папы буллу, которою нищенствующимъ монахамъ воспрещено было вмѣшиваться въ должность приходскихъ священниковъ; но булла не произвела никакого дѣйствія, и Доминиканцы продолжали совершать требы приходскихъ священниковъ. Тогда произошло странное и богатое послѣдствіемъ событіе; выслушаемъ разсказъ о немъ изъ устъ лѣтописца, Франциска: *In vigilia Beati Jacobi Apostoli omnes unanimiter plebani et rectores ecclesiarum parochialium, omnibus suis convocatis plebezanis, ut convenirent iu unum, et ipsi adversus Praedicatores, Minores et Augustinenses coeperunt literas papales populo publice ostendere, quae cedit de funerum sepultura, et quod ipsi fratres de ordine mendicantium saepe super hoc, per iudices a Sede Apostolica datos ammoniti, ipsis acquiescere nollent, sed potius contumaciter resisterent et proterue. Ideoque illi Sacerdotes, qui ad hoc erant deputati, altis vocibus coeperunt extinctis candelis, pulsatis campanis, praefatos Fratres auctoritate Sedis Apostolicae acriter excommunicare, mandantes omnibus in virtute sanctae obedientiae et sub excommunicationis sententia, ut ipsos debeant evitare. Et ipsi fratres mendicantes, quia istud negotium esse venturum praesciverant, contra ipsos se occultis armis munierant et amicis, et venientes plures ipsorum ad ecclesias, in quibus excommunicabantur, cum impetu venerunt altisonis in audientia universi populi vocibus clamantes et dicentes: O vos miseri! Non Sacerdotes, sed sacrilegi homines, animarum occisores, populorum deceptores, quid facitis? cur contra nostras sententias promulgatis?*

Vos ipsi estis excommunicati, adulteri, lusores, ebriosi, dolosi, omnibus criminibus irretiti. Nos justus, vos injustus. Nos omnibus portamus lumen, vos in tenebris ambulatis, duces coeci in foveam simplices deducendo. Et quidam ex ipsis mendicantibus audacter per medium populi accurrebant, ut illos, qui sententias proferebant, raperent et laederent et ab eis literas auferrent, quas legebant, et ipsi a Clero etiam injectione manuum graviter offendebantur. Ex hujusmodi convicio, in quo ipsi se mutuo confundebant, fit rumor et tumultus in populo magnus, partim Clericos, partim Religiosos verbis et verberibus adjuvando. Quidam percutiunt pugno impie, alii lapides tulerunt, ut jacerent in eos, alii evaginant cultellos, alii cum gladiis et fustibus currunt tanquam ad latrones. Hic Begardi Reginae et Layci quam plures sunt fratrum adjuvatores. Alii vero adjuvant Clerum et specialiter foeminae seculares. Hic revelantur ex multis cordibus cogitationes. Hic Frater truditur, alter percutitur, alius vulneratur, alius lapidatur. Illic Clericus trahitur, laeditur et alter sanguine rubricatur. Tumultat juvenis contra senem, senex contra juvenem. Surgit gens contra gentem... Tandem post moram longi et magni certaminis omnes mente confusi, prae admiratione stupidi, ad sua loca redeunt singuli. Ubi duo vel tres congregati fuerunt, nil aliud loquuntur, nisi de hoc proelio, quod viderunt. Surgunt denique singulis diebus dominicis et festivis, Clerus contra Fratres, Fratres contra Clericos, excommunicationis sententias fulminantes. Fratres quidem quandam appellationem allegant, quam in principio opposuerant, cui Clerici deferre recusant. Tres ordines praedicti se concorditer uniunt in hoc facto et Clero pariter sic resistunt et dicunt: Papalis illa constitutio nostros ordines in Boemia non tangit, eo, quod non sit idem fructus nec funeralium usus in isto regno, qui in Lombardiae partibus habentur. Haec contentio usque ad festum Beati duravit Nicolai. Sed tunc interveniente arbitrio haec causa ad Sedem Apostolicam est relata. Interim praefati Fratres in civitatibus singulis, in villis et oppidis sunt passi ignominiam, damnum et turbationem. Nam ipsis tam verbis quam elemosynis communicare plurimi noluerunt. Tandem ultimo diversis laboribus et expensis consummatis, amicabiliter concordaverunt (Lib. III, cap. 2. p. 182—184).»—Такия сцены не могли не произвести сильного впечатлѣнія на воспріимчивый народъ Чешскій, который не въ состояніи былъ не питать равнаго презрѣнія къ священникамъ и монахамъ, а цѣлгу при похоронахъ обносившихъ другъ друга передъ Папою

отлучавшихъ другъ друга и заставляли народъ принимать участіе въ нихъ распряхъ. При томъ и бѣлое духовенство и монахи, оспаривая одинъ у другаго вліяніе на народъ, ссылались на него въ своихъ преніяхъ, обличали пороки и плутовства свои и всѣми средствами пытались привлечь его на свою сторону. Всякая власть, вѣдѣнная и внутренняя, дотолъ сильна, покуда она опирается на твердою основаніи, на страхъ, происходящемъ или отъ любви, или отъ ненависти. Въ Чехіи, въ разсматриваемое нами время, духовенство играло самую жалкую роль, находилось въ самомъ ложномъ положеніи: народъ не любилъ его за ту власть, которую оно считало себя въ правѣ надъ нимъ присвоить; свѣтская власть должна была помышлять о возвращеніи правъ, уступленныхъ духовенству. Множество примѣровъ можно привести въ доказательство того, что масса Чешскаго народа заключала въ себѣ несравненно болѣе духовнаго развитія, простаго и не затемненнаго суевѣріемъ разсудка, чѣмъ иной какой ни будь народъ того времени въ Европѣ: безъ суевѣрнаго страха смотрѣлъ онъ на своихъ духовныхъ пастырей и превосходно понималъ различіе ученія Вѣры и тѣхъ, которые проповѣдуютъ это ученіе; онъ чтилъ Вѣру и преслѣдовалъ дурныхъ пастырей; онъ всякій разъ соединялся съ властью, когда слѣдовало наказать какое либо духовное лицо. Въ 1339 году, по смерти Вратиславскаго Князя, Генриха, г. Вратиславль и его округъ, въ силу договоровъ, достались Чешскому Королю, Яну; онъ прибылъ сюда и хотѣлъ здѣсь занять крѣпость, Миличъ, лежавшую на границѣ съ Польшею; эта крѣпость принадлежала Епископу Вратиславскому, Нанкеру, челоуѣку злого нрава. Король Янъ предложилъ Епископу продать ему Миличъ; такъ какъ Нанкеръ отказалъ, то Король Янъ занялъ силою эту крѣпость. По прибытіи его въ Вратиславу, Епископъ Нанкеръ со всѣмъ духовенствомъ вышелъ къ нему на встрѣчу и потребовалъ, чтобы онъ ему возвратилъ Миличъ. Король отказалъ: тогда Нанкеръ торжественно проклялъ его. Янъ былъ пораженъ такою дерзостью и сказалъ: «Какъ дерзокъ этотъ попъ; онъ ищетъ смерти, но я не хочу замараться его кровью.» Послѣ этого Король выгналъ изъ города Епископа и все духовенство, велѣлъ конфисковать всѣ владѣнія Епископа и Капитула; тоже самое поручилъ онъ сдѣлать всѣмъ Силезскимъ Князьямъ, которые съ радостью это исполнили. Происшествіе это достаточно показываетъ, какъ не вѣрно было положеніе духовенства относительно свѣтской вла-

сти и народа. После спора своего съ Епископомъ, Манкеромъ, отецъ Карла IV-го, Янъ, въ 1340 году видѣвшись съ Папою, Бенедиктомъ XII-мъ, просилъ его освободить вновь присоединенную Силезію отъ нѣкоторой подати въ пользу Папы, которая называлась депаріемъ Св. Петра, на томъ основаніи, что Чехія всегда была свободна отъ платежа этого налога. Изъ этого видно, что Король Янъ вовсе не былъ такъ небреженъ о дѣлахъ Чехіи, какъ обыкновенно думаютъ: онъ смѣло и рѣшительно противился духовной власти, и не должно забывать, что ересь Дульціаннстовъ 1318 и 1340 года случилось именно въ правленіе Яна, которое вовсе не сдѣлывало религіознаго развитія Чехіи. Замѣчательно, что молодой Маркграфъ, Карль, въ послѣдствіи Король Чешскій, съ ужасомъ смотрѣлъ на поступокъ своего отца съ Епископомъ Манкеромъ, и всѣми силами пытался помирить и того и другаго. Мы увидимъ, что Карль I-й въ теченіи всего своего царствованія старается о томъ, чтобы привязать народъ къ духовенству, и обратно, чтобы связать ихъ узми общихъ выгодъ. Нареченный въ крещеніи Вячеславомъ, первенецъ Короля Яна, по 8-му году былъ привезенъ во Францію къ своей теткѣ, Королевѣ Маріи, супругѣ Карла, Короля Французскаго: здѣсь-то нашъ Карль получилъ образованіе, наилучшее по тому времени, но вмѣстѣ и вполнѣ духовное, которое приучило его къ безусловной покорности Церкви и Папскому престолу. На образованіе ума и его направленіе у Карла I-го наиболѣе имѣли вліянія Іоаннъ Кара и Петръ Рожеръ, въ послѣдствіи Климентъ VI й. Съ 14-лѣтняго возраста Карль IV сопровождалъ своего отца въ его многочисленныхъ походахъ и вынесъ оттуда многостороннюю опытность и познаніе дѣлъ, столь необходимое въ Государь. Въ 1333 году Король Янъ назначилъ его правителемъ Чехіи: съ восторгомъ встрѣтили Чехи сына своей любезной Королевы, Елисаветы. Карль I-й вполнѣ проникается своею ролю Чешскаго Короля, и первымъ его дѣйствіемъ было выучиться снова языку Чешскому, который онъ забылъ при Дворѣ Французскомъ. Первые дѣйствія Карла I-го были очень благоразумны; не входя въ ихъ разсмотрѣніе, замѣтимъ только, что Карль, не смотря на свою привязанность къ выгодамъ Церкви и Папскаго Престола, никогда не позволялъ управлять собою ни одному духовному лицу, но всегда дѣйствовалъ самостоятельно. Мы видѣли соблазнъ, произведенный въ Чешскомъ на-

родъ споромъ духовенства съ монахами : Карлъ посѣзшилъ изъ Моравіи , гдѣ онъ тогда находился , и поступилъ очень благо разумно : онъ рѣшилъ , съ совѣта Епископа , Іоанна Пражскаго , чтобы монахи не вмѣшивались въ должность священниковъ , и даже , чтобы они , когда имъ нужно проповѣдывать къ народу на языкѣ Угорскомъ , Нѣмецкомъ , или иномъ какомъ , должны проповѣдывать въ предѣлахъ , нарочно для того отведенныхъ , и не иначе , какъ съ согласія Епископа . Карлъ строго наказалъ тѣхъ мірянъ , которые приняли участіе въ этой ссорѣ .

Далѣе , Карлъ IV-й не имѣлъ ни разу столкновеній съ церковною властью , чему причиною былъ не только миролюбивый и набожный характеръ его ; а еще болѣе прекрасныя качества Арношта , перваго Архіепископа Пражскаго . Родомъ изъ знатной Чешской фамиліи , Арноштъ воспитывался въ Болонскомъ Университетѣ и былъ чловѣкъ въ высшей степени ученый и съ тѣмъ вмѣстѣ ласковый и обходительный : онъ пользовался искреннею дружбою Карла IV-го . Такъ какъ Архіепископъ Майнцкій , Генрихъ Виннебургъ , былъ , за союзъ свой съ Людовикомъ Баварскимъ , отлученъ отъ Церкви , то Арноштъ былъ посвященъ въ Епископы Пражскіе самимъ Папою , Климентомъ VI (Петромъ Рожеромъ) . Это случилось въ 1343 году . Въ слѣдующемъ 1344 году Карлъ обратился къ Папѣ съ просьбою не только освободить Пражское Епископство отъ зависимости Архіепископа Майнцаго , но и возвысить это Епископство до степени отдѣльнаго Архіепископства . Между прочими доводами , приводимыми Карломъ въ пользу своей просьбы , главнѣйшіе суть : Архіепископство Майнцкое такъ далеко , что и Чешскимъ духовнымъ ѣздить туда трудно и разорительно , и самъ Архіепископъ Майнцкій всего на всего одинъ разъ лично осматривалъ свою епархію ; что несравненно полезнѣе будетъ и для народа Чешскаго и для духовенства имѣть своего Архипастыря , къ которому они могутъ прибѣгать въ случаѣ нужды ; что языкъ Славянскій , которымъ говорятъ Чехи , составляетъ существенно отличный языкъ отъ языка Нѣмецкаго и остается непонятенъ какъ Архіепископу Майнцкому , и его духовнымъ . Долго обдумывалъ Папа эту важную мѣру , прежде нежели на нее рѣшился ; такъ , наконецъ , онъ исполнилъ просьбу Карла , взявъ напередъ съ него клятву , что языкъ Славянскій совершенно отличный отъ языка Нѣмецкаго . Новому Архіепископу , Арношту , подчинены два Епископа областные : Епископъ Голомуцкій и Литомышльскій .

Изъ этого и другихъ примѣровъ видно, что Карлъ не рѣшался ни на что безъ согласія Папы, но въ послѣдствіи онъ сталъ дѣйствовать самостоятельно. Въ томъ же 1346 г., памятною для исторіи Чехіи во многихъ отношеніяхъ, Карлъ обратился къ Папѣ Клименту VI съ просьбою дозволить ему основать монастырь, въ которомъ Богослуженіе совершалось бы на языкѣ Славянскомъ; до насъ дошла булла Климента отъ 9 мая, 1346 г.; въ ней говорится, что Карлъ, представилъ Папѣ, что многіе монахи Бенедиктинскаго ордена, совершающіе въ Славоніи и другихъ земляхъ Славянскихъ Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ съ разрѣшенія Папы, изгнанные военными смутами изъ своихъ монастырей, остаются безъ пользы для Вѣры Христіанской; особенно замѣчательны слѣдующія слова буллы: «*cum autem sicut ejusmodi insinuatō subjungebat in confinibus et circa partes Regni Bohemiae, quae de eadem lingua et vulgari existunt, sunt multi schismatici et infideles, qui cum eis sacra scriptura latine dicitur, exponitur vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christianam possunt converti, dictique Monachi et Fratres, vulgares praedicatores ritum praedictum habentes in dicto regno et ipsius confinibus summe necessarii et utiles pro laude Dei et augmentatione christianae fidei esse noscantur etc.*» Эти слова, которыя, вѣроятно, по общему обыкновенію, тогда господствовавшему, внесены изъ просьбы Карла, и по тому могутъ быть приняты за его собственныя, замѣчательны, во первыхъ, по тому, что вся Чехія сосѣднія съ нею земли далеко не были тогда Католическими вполне, и что въ нихъ «*sunt multi schismatici et infidiles;*» подъ послѣдними разумѣются, конечно, язычники, или Христіане, сохранившіе еще языческіе обряды; подъ первыми же тѣ, которые держались обряда Восточной Церкви. А такъ какъ таже просьба присоединяетъ, что на границахъ и въ частяхъ Королевства Чешскаго, которыя говорятъ тѣмъ же простонароднымъ (Чешскимъ языкомъ), обрѣтаются многіе еретики и невѣрныя, которыя когда имъ Св. Писаніе по Латинѣ читается, объясняется или проповѣдуется, ни понимать не хотятъ, ни не могутъ быть легко обращены къ Вѣрѣ Христіанской, упомянутые монахи и братья, простонародные проповѣдники, имѣющіе вышесказанный (Славянской) обычай, въ королевствѣ Чешскомъ и странахъ, ему сопредѣльныхъ, въ высшей степени необходимы и полезны для славы Божіей и умноженія Вѣры Христіанской. Здѣсь, изъ устъ е-

маго Карла IV-го, слышимъ признаніе, что въ Чехіи было еще много полу-Христіанъ и, что всего важнѣе, приверженцевъ Восточной Церкви. Другаго толкованія слову *schismatici* не можетъ быть, потому что, какъ всякому извѣстно, на языкѣ Римской Куріи слово *schismaticus* есть техническое для означенія насъ, последователей истинной Церкви. Во вторыхъ : эти слова замѣчательны, по тому что въ нихъ выражается твердое намѣреніе Карла сдѣлать Чехію вполне Католическою и употребить къ тому самой языкъ Славянскій, который народъ Чешскій привыкъ считать опорой своей народности. Въ слѣдствіе всего этого ясно, что Палацкій слишкомъ далекъ былъ отъ истины, предполагая, что Карлъ ввелъ Славянское Богослуженіе въ Чехію съ тѣмъ, чтобы привлечь Сербовъ къ соединенію съ Католическою Церковью и показать имъ, что они и послѣ этого соединенія сохранятъ свое Славянское Богослуженіе. Но вѣдь и самъ Палацкій даетъ разумѣть, что мысль о соединеніи Церквей обнаружилась у Карла гораздо послѣ построенія Славянскаго монастыря и введенія Славянскаго Богослуженія и была болѣе слѣдствіемъ его, нежели причиною? Карлъ IV имѣлъ въ виду построеніе нѣсколькихъ монастырей, какъ это показываютъ слѣдующія слова буллы: «*Item Marchia nobis humiliter supplicavit, ut eisdem Fratribus et religiosis, quod in regno Boemiae et confinibus supra dictis (слѣдственно, не въ одной Чехіи, но и въ сосѣднихъ Славянскихъ земляхъ) loca eligere, in quibus et circa quae possint stare, et verbum Dei exponere, praedicare et missis celebrare secundum ritum et consuetudinem partium ipsarum — licentiam dare dignarentur.*» Но Папа формально отказывается въ этомъ и непремѣннымъ условіемъ предписываетъ Архіепископу Арношту «*de quo (пишетъ Папа) plenam in Domino fiduciam gerimus — eisdem monachis — unum locum duntaxat in dicto regno vel ejus confinibus, in quo servare valeant dictum ritum.*» Такимъ образомъ самъ Папа по странному чувству недоувѣрчивости къ обряду Славянскому, воспріятствовалъ Карлу сдѣлать Чехію вполне Католическою, разрешивъ построить не болѣе какъ одинъ Славянскій монастырь. Угнетенные всегда довольны самою малою уступкою, и потому трудно предполагать, чтобы Чехи, если бъ они слышали повсюду Богослуженіе на языкѣ понятномъ, не забыли, наконецъ, закоренной и исторически несомнѣнной непріязни къ Католицизму; но поступокъ Папы, вполне обличившій недоувѣрчивость

его и къ Карлу и къ народу Чешскому, ни сколько не былъ способенъ возбудить въ немъ какое ни будь чувство признательности. 11 го декабря, 1347 года, въ г. Нирнбергъ Карль далъ грамоту на основаніе Славянскаго монастыря, для котораго назначилъ приходскую церковь Св. Козьмы и Даміана въ одномъ Пражскомъ предмѣстіи и посвятилъ новый монастырь памяти Славянскихъ (quasi) Католическихъ Святыхъ: Кириллу, Меѳодію, Войтеху, Прокопію и особенно Св. Иерониму, который въ грамотѣ названъ переводчикомъ Св. Писанія съ Еврейскаго на языкъ Славянской; новому монастырю были предоставлены значительныя доходы съ Малаго Пражскаго города.

Построеніе Нового Города Праги, которому самъ Карль 26-го марта, 1348 года, положилъ основаніе, замѣчательно по тому, что оно внесло въ столицу народный элементъ, доселѣ весьма искаженный обращеніемъ съ пришельцами разныхъ странъ. Новый Пражскій городъ былъ преимущественно мѣстомъ жительства названъ промышленныхъ сословій Чешскаго народа, вполне сохранившихъ свою народность; кромѣ того, всѣ ремесленники изъ Старога Города, гдѣ они беспокоили жителей шумомъ, были переведены въ Пражскій Новый Городъ. Въ Пельцель читаемъ слѣдующее важное извѣстіе: «Un aber die Stadt bald zu bevölkern, rief er viele reiche Bürger und die besten Handwerksleute aus den übrigen Städten des Königreichs herbey und wies ihnen in der Neustadt Prag Plätze zum bauen an.» Этимъ объясняется то сильное участіе въ религиозномъ движеніи, которое принялъ Новый Городъ. Карль хотѣлъ слить оба Пражскіе города, Старый и Новый, въ одинъ, и съ этою цѣлю не только Новому Городу далъ всѣ привилегіи Старога (и кромѣ того, въ теченіи 12 лѣтъ освободилъ отъ всякихъ повинностей), но и велѣлъ срыть стѣны и засыпать землею рыи, отдѣлявшіе оба города; не смотря на то не въ его силахъ было уничтожить различіе въ характеръ и духъ жителей Старога и Нового Города, изъ которыхъ первые являются позднѣе представителями Католицизма, а вторые народнаго религіознаго движенія.

Переходимъ къ иному великому дѣлу Карла, имѣвшему сильное вліяніе на народъ Чешскій, къ устройству Университета въ Прагѣ, относящемуся къ 1348 году. Главною заботою Карла IV-го было сдѣлать Прагу средоточіемъ умственнаго и торговаго движенія Чехіи и чрезъ то ея столицею: здѣсь было отчасти невниманіе истинныхъ польвъ Чешскаго народа. Несправедливо бы-

ло бы отказать Карлу въ томъ, что все онъ дѣлалъ изъ любви къ Чешскому народу и прежде всего хотѣлъ видѣть его счастливымъ; но онъ полагалъ, что принесетъ величайшую пользу своему народу, если сдѣлаетъ его совершенно Католическимъ и доставитъ ему за то всѣ возможные матеріальныя блага; всѣ его дѣйствія клонились къ тому, чтобы стереть народный характеръ Чеховъ, чтобы заставить ихъ и думать и дѣлать, какъ думаютъ и дѣлаютъ другіе. Карлъ, бывши еще въ отроческомъ возрастѣ въ Парижѣ, слушалъ охотно чтенія въ Парижскомъ Университетѣ и даже обнаружилъ желаніе основать въ послѣдствіи такой же въ Прагѣ. Мысль отрока исполнилъ Король Чешскій въ 1348 году. Въ Прагѣ давно уже были школы, гдѣ учили правовѣдѣнію и медицинѣ, но этѣ школы не носили названія Университета и состояли въ вѣдомствѣ частныхъ, по большей части духовныхъ, лицъ. Изъ нихъ Вячеславъ II-й въ 1294 хотѣлъ образовать Университетъ, но не могъ, по тому что былъ въ разладѣ съ Папою. Карлъ IV-й, пользуясь благорасположеніемъ Климента VI, отъ котораго онъ получилъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ какаго инаго Папы могъ получить, испросилъ у него буллу на учрежденіе Университета въ Прагѣ и на преподаваніе при немъ Богословія. Важность, которую Университетъ Пражскій умѣлъ доставить себѣ при религіозномъ Чешскомъ движеніи, заставляетъ насъ сказать подробнѣе объ его устройствѣ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ спомокъ съ Университета Парижскаго и былъ раздѣленъ на 4 факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій, и на 4 народа: Чешскій (съ Моравцами, Уграми и южными Славянами), Баварскій (Австрійцы, Швабы, Франконцы и жители береговъ Рейна), Польскій (также Силезцы, Литовцы и Русскіе) и Саксонскій (съ Мишлянами, Тюрингами, Верхне и Нижне-Саксами, Датчанами и Шведами). Карлъ призывалъ наставниковъ со всѣхъ сторонъ и обѣщалъ имъ богатое награжденіе и истинно Царскіе подарки; впрочемъ, имена профессоровъ, сообщенныя Бальбиномъ, хотя, по словамъ Палацкаго, и относятся ко времени, нѣсколько позднѣйшему (отъ 30 до 40 лѣтъ позже), однако замѣчательны по тому, что въ нихъ число Чеховъ равно числу Нѣмцевъ, а это представляетъ очень выгодное отношеніе для первыхъ. Мѣсто Канцлера Университета ввѣрено Арношту, Пражскому Архіепископу; Ректоръ для всего Университета избирался на годъ, равно какъ и Деканы факультетовъ. При самомъ осно-

ваніи Университета для него не было особливаго помѣщенія, и профессоры читали лекціи каждый въ своемъ домѣ. Въ Богословскомъ факультетѣ съ самаго начала было 5 профессоровъ: одинъ при Соборной церкви въ Пражскомъ замкѣ, а четыре — монахи разныхъ орденовъ и читали каждый въ своемъ монастырѣ. Многие изъ профессоровъ были магистры Парижскаго и Болоньскаго Университетовъ. Уже въ слѣдующемъ 1349 году были розданы ученныя степени; но только нѣсколько лѣтъ спустя, когда число учащихся и учащихся увеличилось, Карль основалъ правильный коллегіумъ изъ 12 профессоровъ и подарилъ ему библіотеку; потомъ присоединены были два новые коллегіума, и число студентовъ дошло до значительнаго количества (отъ 5 до 7 тысячъ). Карль искренно любилъ просвѣщеніе, самъ присутствовалъ часто на лекціяхъ профессоровъ и письмами убѣждалъ ихъ не приходить въ отчаяніе отъ первыхъ неудачъ и неприятностей. Учрежденіе Пражскаго Университета, принесшаго такіе великіе плоды въ послѣдствіи, имѣло благотвельное вліяніе на Прагу, которое тотчасъ обнаружилось: жаждавшіе просвѣщенія стекались сюда изъ всей Чехіи и изъ многихъ соседнихъ странъ, даже изъ Франціи, Англіи и Італіи; послѣдніе приносили сюда деньги и чрезъ то поощряли промышленность и торговлю; но стеченіе Чеховъ изъ всей Чехіи въ Прагу для образованія безконечно важнѣе, по тому что досель вся умственная дѣятельность Чеховъ была разобщена, а теперь она сосредоточилась въ Прагѣ и могла высказаться вполнѣ. Пражскій Университетъ, сначала представлявшій рабскій снимокъ съ Университетовъ Парижскаго и Болоньскаго, сталъ въ послѣдствіи мѣстомъ, гдѣ развивались идеи народныя, гдѣ дѣйствовали люди, представители лучшей духовной стороны народнаго характера, мѣстомъ, гдѣ вырывались наружу идеи, колебавшія народъ, гдѣ высказывались его потребности; такъ что, если справедливо то, что Прага представляла тогда голову Чешскаго народа, то не менѣе справедливо и то, что Пражскій Университетъ сталъ мозгомъ этой головы, мѣстомъ зарожденія истинно народной Чешской мысли.

Подъ 1348 г. читаемъ у Бальбина о томъ, что Бичующіеся (*Flagellantes*) проникли въ Чехію; къ этому Бальбинъ присоединяетъ странныя извѣстія относительно ученія и дѣйствій этихъ Бичующихся: «*Alteri alteri, vicini vicinis confitebantur peccata et absolvi se omni poena credebant, matronas praecipue juniores, in suas tenebras*

et foedissimas abnoctationes trahebant; Arnestus Archiepiscopus flammis coetus illos impios dissipavit. Что же касается до Арношта, то онъ самъ заботился наиболее о дисциплинѣ духовенства, уже тогда до крайности развратнаго. Одинъ летописецъ конца XIV стол. (см. Dobner, t. III, p. 40) замѣчаетъ объ Арноштѣ: «Item officium correccionis Clericorum instituit, in domo sua eundem correctorem cum notario et famulo tenuit, de necessariis providendo opportunis.» Впрочемъ, первою заботою и самаго Карла была чистота и однообразіе Католической Вѣры въ Чехіи; такъ, въ его законахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: «Majestas Carolina,» которые онъ въ 1350 году предложилъ сейму Чешскому на утверженіе, встрѣчаемъ слѣдующія четыре первыя статьи: 1) Sanctissimam Trinitatem universum populum regni nostri Boemiae, secundum quod Sacrosacta Catholica et Apostolica credit Ecclesia, humiliter revereri volumus et fateri. 2) Paganis aut Saracenis domicilium facere laremve fovere in regno Boemiae interdiciamus penitus et vetamus. 3) Edicto nostro mortem pati haereticos decernimus, ut vivi in conspectu populi comburantur, flammari commissi iudicio. 4) Haereticos cujuscunque sectae inquiri et capi volumus, et captos per officiales praelatis aut inquisitoribus remitti, vel eorum certis nunciis assignari, praecipimus et jubemus. 5) Omnis sectae haereticos a quoquam, in domibus aut agris, aut aliter quoquomodo indifferenter receptari prohibemus omnino. Receptatores vero, aut credentes, aut complices, aut alias conscientes eis, sive fautores, bonis eorum omnibus confiscatis, relegendos a regno nostro in perpetuum esse censemus. Эти постановленія показываютъ, что Чехія не была совершенно свободна отъ еретиковъ, потому что странно было бы писать для будущихъ случаевъ. Шрекъ въ своей Исторіи Христіанской Церкви, по случаю изображенія религіознаго состоянія Чехіи въ XIV вѣкѣ, приводитъ третью статью вышеупомянутой «Majestas Carolina», но съ прибавленіемъ, которое выражено такъ: «Ketzer, das heisset, Bulgaren, Griechen und Waldenser;» справедливы ли эти слова, мы судить не можемъ. 74-я Статія этой «Majestas C.» даетъ невыгодное понятіе о поведеніи духовенства того времени въ Чехіи: ею возстановляется древній законъ, по которому Казна наследовала имѣнія духовныхъ лицъ, и это сдѣлано по тому, что большая часть духовныхъ, умирая, отказывала имѣніе наложницамъ. Шрекъ пишетъ (33 т. стр. 330), будто бы Карлъ IV-й 57-ю своею статьею лишилъ дѣтей священниковъ самаго священ-

наго права получать по смерти отцовъ ихъ имѣнiе, и присо-
 вокупляетъ, что Карлъ сдѣлалъ это для того, чтобъ преду-
 предить еще (quasi) существовавшiе браки духовныхъ; но мы
 ничего этого не находимъ въ «Majestas Carolina», въ коей 57-я
 статья говоритъ о сбереженiи королевскихъ лѣсовъ; напротивъ,
 Шрекъ поставилъ здѣсь 57-ю вмѣсто 75-ой статьи, въ коей дѣй-
 ствительно читаемъ: «Sacerdotum et aliorum Clericorum ad sac-
 ros ordines promotorum filii, sicut de jure communi, ita et regni
 bona conavetudine, in patrum suorum haereditatibus seu bonis non
 succedunt et succedere denegantur omnino; quas haereditates, ad
 nostram regiam cameram devolvi et confiscari volumus et jube-
 mus (см. Archiv Český, díl III, str. 148, издан. Палацкимъ).»
 Едва ли можно согласиться съ Шрекомъ, чтобы тутъ разумѣлись
 дѣти тѣхъ изъ блага духовенства, которые, не смотря на за-
 прещенiе Папы и Государей, женились по обряду Греческой Церк-
 ви, слѣдовательно, будто бы браки духовныхъ въ Чехiи сохра-
 нались и въ XIV стол., тѣмъ болѣе, что доказательствъ этому изъ
 источниковъ современныхъ вовсе нѣтъ, но скорѣе здѣсь рѣчь
 идетъ о дѣтяхъ духовныхъ, прижитыхъ «a mulieribus, quas tur-
 piter cognitas tenuerunt,» и коиимъ завѣщавать свое имущество за-
 прещаетъ Карлъ въ 74-й статьѣ. У Бальбина находимъ извѣстiе
 о томъ, что Карлъ издалъ еще болѣе строгiе законы противъ
 еретиковъ въ 1376 году, нежели тѣ, которые были въ «Maje-
 stas Carolina;» вотъ слова Бальбина (р. 380.): «Ad 18 Sept. 1376
 anno idem Imperator sanctionem severissimam edidit, qua omnes
 haereticos ex regno Bohemiae in perpetuum proscripsit, mandans
 insuper, ut quicunque haereseos et defectionis ab avita religione con-
 vincuntur, in rogo vivi flammis exurantur.» Къ сожалѣнiю, болѣе
 подробныхъ извѣстiй объ этомъ, столь важномъ, постановленiи
 Карла IV-го, нигдѣ не находимъ; Палацкiй не говоритъ объ немъ
 ни слова, а Пельцель считаетъ его поддѣланнымъ позднее и
 по тому не обращаетъ на него особеннаго вниманiя. Если этотъ
 Указъ объ еретикахъ действительно принадлежитъ Карлу, то въ
 немъ выражается ожесточенiе и досада чловѣка и Государя,
 обманутаго въ своихъ планахъ и надеждахъ, увидѣвшаго, что
 та цѣль, къ которой онъ стремился, далеко не достигнута, и
 что всѣ его усилiя произвели вовсе не то, что онъ желалъ
 видѣть. Глубоко Католическiй, Карлъ полагалъ, что нѣтъ спа-
 сенiя вне Католичества; онъ, по необыкновенному уму своему,

понялъ, что въ народъ таится глубокое неудовольствіе противъ Католицизма и огорчился этимъ; ему казалось, что Чехи къ нему неблагодарны, Онъ не могъ видѣть того, что онъ коснулся стихій народной жизни, замысливъ лишить Чехію ея религіозной самобытности и народной личности. Отъ того послѣдніе годы царствованія Карла IV-го носятъ на себѣ печать глубокой грусти и нравственнаго утомленія; околько прежде онъ часто посѣщаль Чехію, столько теперь ее набываетъ: цѣлые 4 года (съ 1373 по 1377) онъ вовсе не былъ въ Чехіи и послѣ кратковременнаго пребыванія въ ней, снова отправился въ Германію, откуда уже воротился, чтобы умереть въ Пражскомъ замкѣ. Грустныя мысли о будущемъ Чехіи, безпокоившія добраго Карла, отразились даже въ его летописцахъ. Въ 1377 году, предпослѣднемъ своей жизни, Карлъ IV-й (рассказываетъ Гаекъ) смотрѣлъ изъ окна своего великолѣпнаго дворца въ Пражскомъ замкѣ на шумный городъ, разстлавшійся у ногъ его: подъ этою блестящею внѣшностью, подъ этимъ всеобщимъ благоденствіемъ и спокойствіемъ, пронизательный взглядъ Карла примѣтилъ зародыщъ страшнаго переворота, волненіе умовъ и страстей, угрожавшее разрушеніемъ его блестящему творенію (Прагъ); онъ предчувствовалъ великое броженіе, которое произойдетъ послѣ его смерти, и, видя только вещественныя бѣдствія, а не внутреннюю бользу, имѣющую отъ нихъ произойти для Чешскаго народа, онъ невольно залился слезами. Придворные, его окружавшіе, не понимая чувствъ Монарха, удивлялись этому, и нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились спросить его о причинѣ слезъ. «Я терзаюсь,—отвѣчалъ Карлъ,—самымъ печальнымъ предчувствіемъ; ибо я предвижу, что мои сыновья будутъ ненавидѣть Чеховъ, и что одинъ изъ нихъ разрушитъ эти города. Ахъ! если бы я зналъ, который изъ сыновей моихъ сдѣлаетъ это, я предалъ бы его смерти собственными руками.» Его утѣшали, говорили, что Богъ все направитъ къ лучшему и не допуститъ зла. Карлъ отвѣчалъ въ глубокой горести только: «Дай Богъ! Я желаю этого.»

Теперь разсмотримъ развитіе Чешскаго народа отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ до смерти Карла IV-го. Первое явленіе, которое насъ поражаетъ здѣсь, это удивительная внѣшняя набожность Чешскаго народа, являющаяся въ дѣлахъ благочестія: ни въ одной странѣ Европы не было такого множества и столь богатыхъ церквей и монастырей, какъ въ Чехахъ. Короли Чеховъ

стараятся превзойти другъ друга въ милостяхъ къ Католическому духовенству; народъ соревнуеть имъ и, съ своей стороны, дѣлаетъ всевозможное въ пользу Католическаго Богослуженія; но весь ли народъ обнаруживаетъ это сочувствіе къ Католическому Богослуженію? Безпристрастный историкъ долженъ отвѣчать, что только часть народа, и притомъ меньшая. Въ немъ болѣе и болѣе обозначалось разьединеніе на двѣ стороны, Чешскую народную и Антикатолическую, въ которой сохранялось глухое недовольствіе противъ господствовавшаго порядка вещей, и на Католическую или Нѣмецкую, искавшую счастья Чехіи въ Католичество и въ связи съ Нѣмцами. Первые, болѣею частью люди простые, сохранившіе всю чистоту Славянской крови, *безсознательно чувствовали вредъ союза съ Нѣмцами*, видѣли въ Католичество начало враждебное народной жизни, невыносимый гнетъ, налагаемый на самостоятельное развитіе. Къ сторонѣ Чешской принадлежало сельское народонаселеніе, сохранившее еще темное воспоминаніе о господствовавшемъ когда-то въ Чехахъ Богослуженіи, по которому каждому доступно было Св. Писаніе и понятенъ Чинъ Божественной службы, по которому духовенство было равно народу, а не смотрѣло на него свысока, какъ на сословіе презрѣнное, не требовало отъ него безусловной покорности, а скромно учило и наставляло его. Эта народная сторона, не смотря на свою малочисленность, не принимала никакого участія въ дѣлахъ до самой вспышки религіозныхъ идей: причиной этого обстоятельства и того, что дѣтонисцы почти вовсе ничего не пишутъ объ этой лучшей сторонѣ Чешскаго народа, считаемъ главнымъ образомъ то, что они не имѣли гдѣ высказать свое направленіе, составляя самую малую часть сейма до учрежденія Пражскаго Университета, въ которомъ, какъ въ фокусъ зажигательнаго стекла, собрались всѣ, дотолѣ расходившіеся по пространству, лучи вѣроисповѣднаго движенія Чеховъ и произвели достопамятное дѣйствіе. Католическая сторона была вполне привязана къ Католической. Вѣрь; но и она состояла изъ людей, которые не вѣрили на слово духовенству, а разбирали и судили его поступки. Она слагалась изъ болѣе части дворянскихъ Чешскихъ фамилій, богатаго средняго сословія (мѣщанъ), жившаго по городамъ, и изъ малой части сельскаго сословія, и желала одного — сохраненія въ чистотѣ догматическаго и нравственнаго ученія Католической Церкви. Про-

никнутые самую глубокою набожностью, Чехи-Католики искренно любили Католическое Исповѣданіе и его служителей: отъ того-то они не щадили ничего, чтобы доказать свою привязанность и свое уваженіе къ Церкви и ея служителямъ, и потому осыпали ихъ пожертвованіями и подарками; но и Чехи-Католики примѣтили скоро, что духовенство, среди роскоши и уваженія, забыло святость своего сана и само попрало священнѣйшія правила нравственности и ученія Христова, погрязло въ чувственныя наслажденія и старалось вмѣшаться во власть свѣтскую, омрачить умы народа суевѣріемъ и держать его въ вѣчномъ младенствѣ разума, лишь бы только сохранить надъ нимъ свое господство. Чешскій народъ, взятый въ массу, былъ тогда образованнѣйшій въ цѣлой Европѣ; этому быстрому образованію, разлитому по всемъ сословіямъ народа, Чехи обязаны были тѣмъ, что избѣгли судьбы племенъ одного съ ними происхожденія, которыя не имѣли времени развиться духовно. Думаемъ, что главною причиною ранней зрѣлости Чешскаго народа, высокой степени развитія его здраваго смысла, была борьба Исповѣданій Восточной и Западной Церкви, Исповѣданій, которыя столкнулись на почвѣ Чехіи и условили все позднѣйшее развитіе Чешскаго народа. Какъ бы то ни было, но Чешскій народъ никогда не представлялъ той грубой суевѣрной массы, въ которую слилось все низшее народонаселеніе Западной Европы. Здравый смыслъ, особенно развитый у племенъ Славянскихъ, не позволялъ Чехамъ дойти до той степени нравственнаго безчувствія и безжизненности, которой не былъ чуждъ тогда ни одинъ изъ самихъ въ послѣдствіи образованныхъ народовъ Европейскихъ. Сами Чехи-Католики отдавали достояніе свое, посвящали себя Богу и Его Церкви, но не развратному духовенству, не на удовлетвореніе его пороковъ, и потому страшная безнравственность духовенства Чешскаго возмутила до глубины души даже самихъ преданныхъ Католиковъ и заставила ихъ подумать о средствахъ возвращенія онаго къ его долгу, исправленія дурныхъ нравовъ и ограниченія нераздѣльныхъ притязаній. Только очень не многіе, составлявшіе крайнюю сторону Чешской Католической стороны, упорно готовы были защищать Католицизмъ въ его крайностяхъ и служителей его въ ихъ заблужденіяхъ и порокахъ: сюда принадлежали всѣ Нѣмецкіе богословы, дѣло которыхъ было защищать и оправдывать Каноническимъ правомъ всѣ правила и дѣйствія духовенства; далѣе, нѣкто-

рые Чешскіе вельможи и большая часть духовенства, которое, естественно, должно было отстаивать свои права и помѣстья, и могло дѣлать это съ успѣхомъ, по тому что, владѣя значительной частью поземельной собственности, оно имѣло большой вѣсъ. Присоедините сюда множество людей низшихъ сословій, которые пользовались слабостями духовенства, извлекали изъ нихъ значительныя выгоды и по тому готовы были защищать этотъ порядокъ вещей, и вы увидите, что Ультра-Католицизмъ имѣлъ толпу поборниковъ, если и не многочисленныхъ, за то готовыхъ употребить въ дѣло всевозможныя, позволенныя и непозволенныя, средства. Католицизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ развитъ Папами съ Григоріа VIII-го, является естественнымъ врагомъ всякой народности, какую бы форму она ни приняла; истинный и полезный членъ Католицизма долженъ былъ отречься отъ своихъ личныхъ интересовъ, отъ интересовъ своего народа, и служить только общими цѣлями Папскаго единокровія. Католицизмъ вездѣ является враждебнымъ народной стихіи: въ Чехахъ, какъ мы видели, онъ водворился по не многу, сначала принималъ тихій и скромный видъ, но, утвердившись нераздѣльно, особенно съ первой четверти XIII столѣтія, сбросилъ съ себя личину и сталъ во враждебное положеніе не только къ народу, сохранявшему воспоминаніе о Греческомъ Вѣроисповѣданіи, но даже къ высшимъ и среднимъ сословіямъ, искренно расположеннымъ къ ученію Западной Церкви. Духовенство никогда не пользовалось въ Чехіи тѣмъ безпредѣльнымъ вліяніемъ на умы, какимъ въ средніе вѣка въ остальной Западной Европѣ; оно чувствовало это, и по тому старалось подняться въ глазахъ народа, но не нравственнымъ значеніемъ, а притязаніями на свѣтское владычество. Чешскій народъ никогда не признавалъ рѣзкаго дѣленія на сословія. Отсюда стремленіе духовенства въ Чехахъ поставить себя несравненно выше народа, отдѣлаться отъ него тройными стѣнами своихъ исключительныхъ правъ и привилегій было противно самому государственному устройству Чехіи. Дворянство, Католическое и Акатолическое, съ безпокойствомъ смотрѣло на свѣтскія притязанія духовенства, на безпрестанныя вторженія его во власть свѣтскую; часть народа Католическая хотѣла остаться совершенно Католическою, но хотѣла разумно вѣрить, съ правомъ собственнаго разсужденія; часть (большая) народа Акатолическая требовала религіозной формы не пришлой, но развившейся правильнымъ

образомъ изъ стихій народной жизни. Такимъ образомъ вся часть Чешскаго народа, за исключеніемъ самой малой и испорченной, душою и тѣломъ преданной интересамъ духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и своимъ, сходились въ одномъ недовольствѣ настоящимъ порядкомъ вещей и вмѣстѣ желаніемъ исправить нравы духовенства. Но и самое духовенство Чешское не все было заражено однимъ и тѣмъ же духомъ честолюбія, корыстолюбія и пошлостя всѣмъ страстямъ своимъ, не все дѣйствовало за одно, но распалось на двѣ части, изъ которыхъ меньшая, вышедшая изъ народа, готова была идти вмѣстѣ съ нимъ противъ другой, болѣе многочисленной, части. Тѣ же стихіи народнаго недовольства встрѣчались и у народовъ племени Нѣмецкаго, однако тамъ духовенство, дѣйствуя все въ виду одной общей цѣли и пользуясь раздѣленіемъ народа, господствовало надъ нимъ безпредѣльно; но по особенностямъ Чешской жизни, въ Чешское духовенство вошли точно тѣ же стихіи, которыя господствовали въ народѣ. Часть Чешскаго духовенства всегда заступалась за чистоту ученія Евангельскаго противъ суевѣрныхъ обрядовъ, выдуманыхъ, чтобы опутать неопытные умы, за народъ противъ притязаній на господство прочаго духовенства. Такимъ образомъ раздѣленіе, безсознательно существовавшее въ Чешскомъ народѣ, высказалось сознательно въ духовенствѣ. Съ той минуты, какъ лучшая часть приверженцевъ Западной Церкви признала поврежденіе въ внѣшней формѣ Церкви, необходимость исправленія дурныхъ нравовъ ея служителей, и та часть народа Чешскаго, которая имѣла въ виду отысканіе самобытной Чешской религіозной формы, сошлись въ одномъ желаніи и стремленіи и пошли однимъ и тѣмъ же путемъ, предоставивъ себѣ въ будущемъ болѣе полное удовлетвореніе. Такимъ образомъ два направленія религіозныя, вышедшія изъ различныхъ источниковъ, одно изъ кореннаго недовольства народа Католическою формою Вѣры, другое изъ чистосердечнаго желанія сохранить ее во всей чистотѣ, столкнулись, перекрестили другъ друга въ одной точкѣ, т. е., въ противодѣйствіи духовенству и недовольствѣ настоящимъ положеніемъ вещей. По видимому, борьба была слишкомъ неравна; развращенное духовенство Чешское не могло ни минуты устоять противъ дружнаго дѣйствія народа, одушевленнаго, при всемъ внутреннемъ разногласіи, однимъ желаніемъ положить конецъ беспорядкамъ, духовными причинами. Гдѣ же духовенство Чешское, какъ представитель дурной стороны Папскихъ стремленій

нашло себѣ опору? Въ Чехіи и въ Нѣмецкомъ вліяніи на Чехію. Предоставляя себѣ развить это при случаѣ ниже, здѣсь обратимъ еще вниманіе на отношеніе Королевской власти къ религіозному развитію народа, особенно на вліяніе, которое произвело на него царствованіе Карла IV-го.

Короли, которые хотѣли подавить религіозную и политическую свободу Чехіи, опирались больше всего на духовенство, какъ увидимъ въ послѣдствіи, потому что до Сигмунда исключительно, сколько мы понимаемъ Чешскую исторію, въ Чешскихъ Короляхъ не замѣтно никакого пристрастія къ абсолютизму. Напротивъ, почти всѣ Чешскіе Короли защищаютъ народъ противъ духовенства, что очень естественно, по тому что отстаивая интересы народа, они отстаиваютъ свои интересы. Таковъ споръ Премысла Оттокара I-го съ Андреемъ, Епископомъ Пражскимъ, также споръ Короля Яна съ Епископомъ Вратиславскимъ. Духовенство именно по тому не достигло здѣсь той степени могущества, какою пользовалось у Нѣмцевъ, что раздѣлилось на двѣ стороны: народную и Папскую; но, не смотря на свое раздѣленіе, духовенство Католическое только съ начала XIII стол. является какъ независимая и политическая сила. Дѣло независимости Чешскаго духовенства, начатое неудачно Св. Войтъхомъ въ X стол., кончилось только въ началѣ XIII-го. Съ того-то времени всѣ нападки и недоброжелательство народа, дѣйствовавшія прежде противъ Католической Церкви, имѣ навязанной насильно, обратились теперь на духовенство, и чрезъ то выиграли въ силѣ и дѣйствіи. У насъ нѣтъ матеріаловъ подѣ рукою, чтобы прослѣдить весь ходъ глухой борьбы народа съ духовенствомъ; но около половины XIV-го столѣтія эта борьба принимаетъ иной, болѣе опасный для духовенства, характеръ, по тому что и Католическая сторона увидѣла необходимость исправить дурныя нравы священства и удержать его отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, т. е., иными словами, привести его въ то состояніе нищеты и скромности, въ которомъ былъ клиръ первобытной Церкви. Когда Карлъ IV-й вступилъ на престолъ, то онъ очень хорошо увидѣлъ раздѣленіе, господствовавшее въ духовенствѣ и въ народѣ Чешскомъ, но, въ слѣдствіе направленія своего воспитанія и позднѣйшихъ отношеній къ Папѣ, онъ сначала явился ревностнымъ представителемъ интересовъ Католицизма и защитникомъ Папства: всѣ его дѣйствія, безспорно свойственныя великому человѣку, имѣ-

ютъ цѣлью уничтожить въ Чехахъ всякое разнообразіе религіозныхъ мнѣній, подвести все подъ неумолимый и строгій уровень Католицизма. Сюда относятся три главныя учрежденія Карла IV-го: 1) Основаніе Пражскаго Университета; 2) Славянскаго монастыря и 3) Новаго города, изъ которыхъ каждое произвело совершенно иное вліяніе на жизнь Чеховъ, нежели какое произвести хотѣлъ Карлъ. Уже Стравскій замѣтилъ, что Карлъ учредилъ Пражскій Университетъ съ тѣмъ, чтобы утвердить единство Католическаго Богослуженія въ Чехіи. Но Карлъ имѣлъ болѣе въ виду; онъ хотѣлъ измѣнить и религіозное и умственное развитіе Чеховъ: первое уничтожить совершенно, давъ, вмѣсто живаго постепеннаго развитія, мертвую массу, безобразную форму, до которой дошло тогда Богословіе; вмѣсто народнаго, хотя образовавшагося подъ сильнымъ Нѣмецкимъ вліяніемъ, умственнаго развитія, ввести однѣ схоластическія формы; однимъ словомъ, Карлъ IV-й, учреждая Университетъ, призналъ превосходство Нѣмцевъ, поставилъ ихъ учителями Чеховъ и вообще имѣлъ въ виду ввести въ Чехію и Нѣмецкій образъ мыслей и Нѣмецкое развитіе; но Чешскій народъ былъ уже достаточно образованъ изъ самороднаго источника, чтобы не желать видѣть глазами Нѣмцевъ и мыслить ихъ умомъ. Не только Нѣмцамъ не удалось первенствовать въ Университетѣ Пражскомъ, но скоро Чехи, выдвинутые внезапнымъ приливомъ потребности образованія, внесли свой народный элементъ и смѣло вступили въ борьбу съ Нѣмцами, имѣвшую для этихъ послѣднихъ непріятный исходъ. Карлъ IV-й учредилъ Университетъ еще съ тою цѣлью, чтобы онъ былъ разсадникомъ людей, которыми предназначено было потомъ утверждать вездѣ Католицизмъ дѣломъ и словомъ, мѣстомъ приготовленія учителей, которые имѣли сильное вліяніе на направленіе образованія молодыхъ. Какъ горько обманулся въ этомъ Карлъ! Стихія народной жизни такъ была еще сильна и живуча у Чеховъ, что не только не могла быть подавлена лекціями Нѣмецкихъ профессоровъ, но и сама проникла въ Университетъ и нашла себя достойныхъ представителей и защитниковъ. Великою заслугою Пражскаго Университета въ жизни Чешскаго народа, безъ сомнѣнія, можно назвать то, что онъ никогда не былъ чуждъ вопросовъ, которые занимали самый народъ, а напротивъ былъ полнымъ представителемъ умственнаго движенія его. Съ самаго начала въ него вошло то же самое раздѣленіе, которое су-

ществовало въ народѣ, и первый періодъ религіознаго Чешскаго движенія совершился въ стѣнахъ Пражскаго Университета. Такия образомъ то самое учрежденіе, которое Карль задумалъ съ тѣмъ, чтобы обезличить Чешскій народъ, послужило къ тому, чтобы проявить всю силу народной Чешской жизни. Если Карль IV-й хотѣлъ дать Чехамъ вообще образованіе цѣною ихъ народности и самобытности, то онъ же хотѣлъ съ помощью языка Славянскаго, столь любимаго Чехами, перелить въ нихъ свои Католическія убѣжденія и безусловную покорность Папѣ, столь несовмѣстную съ свободнымъ и мыслящимъ характеромъ; человекъ, воодушевленный благородною гордостью, требуетъ разумныхъ доказательствъ. Какую цѣль имѣлъ Карль IV-й при построеніи Славянскаго монастыря въ Прагѣ, видѣли выше: онъ хотѣлъ приманкою Славянскаго Богослуженія привязать Чеховъ къ Католицизму, особенно сельское народонаселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Чехіи и Моравіи, гдѣ сохранились еще, какъ пишетъ Карль, «*multi infideles et schismatici*»: тамъ-то Карль думалъ основать Славянскіе монастыри и мало по малу на языкѣ, понятномъ народу, вкоренить въ немъ ученіе Католической Вѣры. Недовѣрчивость Папы разрушила всѣ предположенія Карла: ему позволено было основать одинъ монастырь, и онъ основалъ его въ Прагѣ, какъ въ средѣ народнаго движенія. Карль полагалъ, и съ совершенною справедливостью, что изъ Праги исподоволь Католицизмъ долженъ проникать въ народъ, и что по этому Славянскій монастырь необходимо долженъ быть устроенъ въ Прагѣ. Нельцель предполагаетъ, что учрежденіе Славянскаго монастыря имѣло сильное вліяніе на послѣдовавшее религіозное броженіе въ томъ отношеніи, что возбудило въ Чехахъ желаніе имѣть понятное имъ Богослуженіе во всей Чехіи, но трудно полагать, чтобы Славянскій монастырь могъ имѣть могущественное вліяніе на народъ въ такое короткое время, какое прошло до вспыхиванія религіознаго волненія отъ учрежденія этого монастыря. Но нѣтъ сомнѣнія, что Университетъ и Славянскій монастырь имѣли сильное вліяніе на окатоличеніе жителей Праги. При построеніи Новаго Пражскаго Города Карль и не воображалъ, что въ немъ-то вспыхнетъ движеніе противу-Католическое: жители Стараго Города давно уже были совершенно преданы Католической Церкви, и если малая часть ихъ отражала въ себѣ недовольство, воспитанное въ массахъ еще проповѣдниками Восточной Церкви, то она была без-

сильна до такой степени, что борьба была невозможна. Карлъ IV-й, построивъ Новый Городъ и призвавъ въ него жителей изъ другихъ городовъ всего Чешскаго края, внесъ тѣмъ самимъ Чешское противу-Католическое начало, которое не могло оставаться долго спокойнымъ, но скоро пришло въ столкновение съ Католическимъ сильно вкоренившимся въ жителяхъ Стараго Города; это столкновение послужило знакомъ къ возстанію всей Чехіи. Такимъ образомъ Карлъ IV-й, вовсе не желая того, содѣйствовалъ въ высшей степени народному религіозному движенію; но онъ же и много повредилъ ему тѣми мѣрами, которыми старался утвердить народъ въ ученіи Католическомъ, чѣмъ еще глубже сдѣлалъ пропасть, отдѣлившую Чеховъ - Католиковъ отъ Чеховъ, сохранившихъ воспоминаніе о народной религіозной формѣ; онъ внесъ раздоры въ свой народъ и, конечно, безъ вины своей, посѣялъ семена многихъ послѣдующихъ смуть. Карлъ умножилъ число Чеховъ воплиъ Католиковъ и чрезъ то силу народнаго движенія противопоставилъ упорную, отрицательную силу Католичества, которая постоянно вела борьбу съ народнымъ движеніемъ, выдержала двухсотлѣтній напоръ массы народа и, наконецъ, восторжествовала 8-го ноября, 1620 года, на развалинахъ славы и могущества своего народа. Католичество, какъ историческая сила, имѣетъ въ себѣ нѣчто ужасное, поразительное: холодное, неумолимое, оно не оставляетъ въ сердцѣ тѣхъ, которыми овладѣло, ни какого мѣста святому чувству любви къ своему народу, къ своему отечеству, заставляетъ ихъ служить орудіемъ интересовъ, вовсе имъ чуждыхъ. Такъ Славаты, Коловраты, Мартинцы, Лобковичи и другіе были слѣпыми орудіями притязаній Фердинанда II-го и содѣйствовали гибели своего отечества и своей собственной.— Впрочемъ, и дурная сторона жизни лицъ духовныхъ очень не нравилась Карлу, который, по благородству своей души, понималъ Католицизмъ въ идеальной его чистотѣ; потому Карлъ старался положить предѣлы любостыжательности, честолюбію и испорченности нравовъ духовенства. Въ 1358 г. жители города Хеба принесли Карлу жалобу на то, что духовенство покупаетъ очень много земель въ ихъ округѣ и, не платя за нихъ, сообразно съ своими привилегіями, ни какихъ повинностей, взваливаетъ платежъ ихъ на горожанъ и тѣмъ разоряетъ ихъ. Карлъ не только запретилъ духовенству покупать новыя земли въ Хебскомъ округѣ, но и многія изъ вновь купленныхъ

приказалъ уступить мірянамъ за свою цѣну. Глубоко оскорбляла Карла страшная безнравственность духовенства: замѣчательны въ этомъ отношеніи его дѣйствія въ Германіи, гдѣ, въ 1359, на съѣздѣ въ Майнцѣ, Князья Нѣмецкіе отказались заплатить Папѣ десятину отъ всѣхъ духовныхъ имѣній. Когда посоль Папы, Филиппъ Кабассола, Епископъ Кавильонскій, обратился къ Императору и просилъ его исполнить желаніе Папы (Иннокентія VI), то Карлъ съ негодованіемъ сказалъ: «Почему Папа, требуя такого количества денегъ отъ духовенства, не подумаетъ о томъ, чтобы его «исправить? Вы видите, какую жизнь ведутъ духовные; вамъ извѣстно ихъ честолюбіе, надменность, пьянство, развратъ.» Въ мартѣ 1359 г. Карлъ отправилъ окружное письмо ко всѣмъ духовнымъ князьямъ Нѣмецкимъ, наказывая имъ строжайше, чтобы они занялись исправленіемъ подвѣдомственнаго духовенства, угрожая въ противномъ случаѣ позволить свѣтскимъ Князьямъ удержать доходы духовенства до его исправленія. Конечно Карлъ, заботясь такъ ревностно объ исправленіи нравовъ Нѣмецкаго духовенства, не пренебрегъ тою же обязанностью у себя дома; но косательно средствъ и мѣръ для обузданія духовенства Чешскаго, намъ рѣшительно ничего не извѣстно, за исключеніемъ стараній Архіепископа Арношта. Карлъ полагалъ, что причиною постоянного недоброжелательства Чешскаго народа къ духовенству было именно распутство послѣдняго, и что избивъ этотъ поводъ жалобы, легко будетъ удержать народъ въ повиновеніи его духовныхъ властей. Но уже въ октябрь 1359 г. Карлъ снова возстановилъ всѣ церковныя отношенія въ томъ видѣ, какъ были прежде, и строжайше запретилъ свѣтскимъ лицамъ отбирать у духовныхъ лицъ имущество подъ предлогомъ ихъ безнравственности. Нельзя думать, чтобы, по тѣсной связи, существовавшей тогда между Германіею и Чехіею, эта воспретительная мѣра Карла не произвела сильнаго впечатлѣнія на духовенство, убѣдивъ его въ безнаказанности: зло увеличилось до крайности и не могло не вызвать противодействія, которое дѣйствительно и обнаружилось изъ части духовенства, чуждаго пороковъ и немовѣрныхъ притязаній большинства своихъ братьевъ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію мнѣній и дѣйствій представительной оппозиціи, возникшей изъ лучшей части духовенства противъ дурныхъ стремленій, обнаружившихся въ большей его части, не можемъ не остановиться на мнѣніи Г. Па-

лацкаго, высказанномъ въ третьемъ томъ его Исторіи Чешской. Онъ говоритъ, что мнѣніе о томъ, что религіозное воззрѣніе Восточной Церкви вовсе не жило въ народѣ, какъ (замѣчаетъ онъ) утверждаютъ безъ основанія писатели познѣйшіе, не основывается ни на чемъ, и что онъ при всемъ своемъ стараніи не могъ ничего открыть въ пользу его. Удивляемся, какъ у историка, столь дѣльнаго и основательнаго, какъ Г. Палацкій, могло вырваться такое произвольное и неосновательное мнѣніе. Что было бы положительнаго въ исторіи, если бы нѣсколько, слегка брошенныхъ, словъ, выражающихъ мягкое мнѣніе историка, служили достаточнымъ отвѣтомъ на великій историческій вопросъ? Что касается до Сазавскаго монастыря, то Г. Палацкій въ примѣчаніи (181) проситъ не забывать, что этотъ монастырь былъ не болѣе, какъ и монастырь Глаголицкій Карла IV-го, что монахи Сазавскаго монастыря всегда признавали Римскаго Папу, и, наконецъ что Чешско-Славянскій Игумень этого монастыря, Прокопъ, былъ причтенъ къ лику Святыхъ Папою Иннокентіемъ III (1204 г.). На это можно возразить: 1) Сазавскій монастырь возникъ самъ собою, сообразно съ потребностью Чешскаго народа, возникъ, какъ возникла большая часть монастырей нашихъ, и даже безъ позволенія Папы. 2) Если бы Сазавскій монастырь былъ только представителемъ Богослуженія на Славянскомъ языкѣ, то по чему бы монаховъ его изгоняли дважды, при Спитигнѣвѣ II и при Бретиславѣ II? 3) Сазавскихъ монаховъ именно упрекали въ ереси и уклоненіи отъ обрядовъ господствующей Церкви. 4) Что касается до причисленія къ лику Святыхъ Прокопія, Игумена Сазавскаго, то не забудемъ, что Папство относило къ числу Святыхъ людей, не изслѣдовавъ хорошенько обстоятельствъ ихъ жизни и дѣятельности.

Обращаемся къ представителямъ духовнаго противодѣйствія (опозиціи) изъ Чеховъ.

Не нужно имѣть много смѣливости и прозорливости, чтобы предузнать близкое паденіе той власти, внѣшней или внутренней, которая разделится на двѣ стороны, имѣющія равное право на повиновеніе народа, и по тому ссылающіяся на его рѣшеніе. Какъ бы ни была глубоко въ корни своемъ испорчена власть, но она долго можетъ сохранить свое вліяніе на народъ, который не прежде выходитъ изъ себя, какъ когда переполнится мѣра его страданій, доколь она дѣйствуетъ твердо и рѣшительно, послѣдовательно развиваетъ

свои начала и не представляет открытой стороны къ нападенію. Но если однажды вкрадется раздоръ въ представителей власти, то та власть на краю гвбели: каждая изъ спорующихъ сторонъ старается опереться на народъ, ищетъ его сочувствій и, однажды пріобрѣтши ихъ, не падить ихъ; каждая изъ враждебныхъ сторонъ, ища опоры въ народъ, сама пробуждаетъ въ немъ сознание его могущества, сама заставляетъ его вспомнить о важности его дѣйствій и сужденій; однимъ словомъ, ставитъ его судьбою себя и своему противнику. Этого мало: если представители какой власти разсорятся между собою, то они, не жалья другъ друга, и имѣя въ виду повредить каждый своему противнику, открываютъ общія плутни, сообщаютъ во всеуслышаніе злоупотребленія, которыми они умѣли пользоваться; однимъ словомъ, разоблачаютъ безсовѣстно все свое внутреннее развращеніе. Споръ духовенства свѣтскаго и нищенствующихъ монаховъ въ Чехіи сообщилъ народу свѣтлое понятіе о испорченности тѣхъ и другихъ. Какое понятіе могъ имѣть Чешскій народъ, достигшій высокой степени нравственнаго развитія о духовенствѣ, когда нищенствующіе монахи въ церквахъ обращались къ священникамъ съ такими апострофами: «Vos estis excommunicati, adulteri, lusores, ebriosi, dolosi, omnibus criminibus irretiti!» Вы прокляты, прелюбодѣи, игроки, пьяницы, обманщики, всѣмъ преступленіямъ причастны. Духовенство, съ своей стороны, всенародно отлучало отъ Церкви монаховъ. Тѣ же сцены повторялись и въ иныхъ странахъ Западной Европы; но тамъ они не имѣли такого нравственнаго вліянія на народъ, какъ въ Чехіи, по тому что тамъ народъ представлялъ массу людей, погрязшихъ въ крайнее суевѣріе, тогда какъ здѣсь онъ уже пришелъ въ духовную зрѣлость, испыталъ своимъ умомъ и видѣлъ своими глазами, а не глазами духовенства. Потому нѣтъ сомнѣнія, что безразсудный споръ духовенства и нищенствующихъ монаховъ способствовалъ не мало къ уничтоженію въ народъ и послѣдней искры уваженія, затанувшей въ немъ случайно, къ тѣмъ и другимъ, и познакомилъ его еще лучше съ глубокимъ нравственнымъ упадкомъ обоихъ. Нищенствующіе монахи проникли въ Чехію скоро послѣ своего происхожденія Духовенство постоянно отличалось нерадивымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и по тому нищенствующіе монахи успѣли присвоить себѣ значительную часть ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ духовенства: съ этого-то времени за-

вязался жаркій споръ духовенства съ нищенствующими монахами, споръ, совершенно ослабившій нравственный авторитетъ обѣихъ сторонъ. Послѣдній Пражскій Епископъ, Іоаннъ изъ Дражиць, имѣлъ частыя ссоры съ Миноритами г. Литомѣриць, обвинялъ ихъ въ корыстолюбіи и неповиновеніи, и нѣсколько разъ отлучалъ отъ Церкви. Минориты г. Жатца предали погребенію церковному одного вельможу (1313 года), на котораго Епископъ Пражскій наложилъ церковное проклятіе за вредъ, нанесенный церковному имѣнію; по тому Минориты Жатца были отлучены отъ Церкви, доколѣ не принесутъ покаянія. Но они на это отвѣчали тѣмъ, что самаго Епископа обвинили въ ереси, именпо, въ учрежденіи нѣкоторыхъ монастырей для, такъ называемыхъ, Магдалинитинокъ, которыя никогда не были дозволены Папою. Кромѣ того, Іоаннъ изъ Дражиць встрѣтилъ враговъ и въ самомъ духовенствѣ. Литомѣрицкій Пробытъ, Генрихъ Шенбургъ, въ 1318 году припесъ на него жалобу въ Авиньонъ столь сильную, что Іоаннъ долженъ былъ самъ отправиться къ Папѣ, чтобы оправдаться, въ чемъ и успѣлъ, но не прежде, какъ въ 1329 г. Обвинительными статьями противъ него были: неповиновеніе Папскому Престолу, потворство ереси и Симоніа. Скоро послѣ возвращенія его въ 1334 году въ Прагу и другихъ городахъ Чехіи дошло до рукопашной схватки между нищенствующими монахами и духовенствомъ, о которой мы выше сообщили разсказъ очевидца.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ нищенствующихъ монаховъ является *Конрадъ Вальдгаузеръ*. Онъ писалъ самъ о себѣ: «Ego Conradus in Waldhausen professus ordinis St. Augustini canonicorum regularium.» Матеей изъ Янова называетъ его «Conradus Walthausar;» на современной рукописи Чешскаго Музея читаемъ: «Postilla edita per D. Chunradum de Walthusa, plebanum in ecclesia b. Virg. in laeta Curia in civitate Pragensi.» Имя: «изъ Штѣкна» (Конрадомъ изъ Штѣкна называли было нашего Конрада Вальдгаузера) принадлежало совершенно другому лицу, брату Цистерскаго ордена, М. Яну изъ Штѣкна, о которомъ упоминается подъ 1373 и 1405 годами. Объ этомъ, истинно мюнхескомъ, лицѣ знаемъ мало достовернаго: Бальбинъ, такой знатокъ Чешской исторіи, пишетъ (р. 406): «Ego certi nihil de Conrado adferre possum.» Палацкій («Geschichte von Böhmen», III B. I-te Abtheilung, S. 160—165) сообщаетъ намъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ; отъ него узнаемъ, что Кон-

радъ Вальдгаузеръ былъ родомъ Австріецъ; Бальбинъ же думаетъ, что Конрадъ столько же Австріецъ по происхожденію, сколько известный Матѳей изъ Янова Парижанинъ, и что первый получилъ названіе Австрійца отъ долгаго пребыванія въ Вѣнѣ, подобно какъ Матѳей отъ долгаго пребыванія въ Парижскомъ Университетѣ. Конрадъ Вальдгаузеръ былъ приглашенъ въ Чехію Розенбергами (около 1360) и сдѣлался проповѣдникомъ въ церкви Св. Галла. Проповѣдь его произвела сильное дѣйствіе на народъ, который толпами стекался слушать его; онъ строго осуждалъ гордость, корыстолюбіе и роскошь Пражанъ: «*Quasi in omnibus sermonibus argui superbiam Pragensium, avaritiam et luxuriam*» говоритъ Конрадъ Вальдгаузеръ самъ въ своей, еще не напечатанной, апологіи, изъ которой, какъ и изъ иныхъ современныхъ рукописей, Палацкій почерпнулъ извѣстія о дѣятельности его. Краснорѣчіе его было сильное, энергическое, но грубое, необработанное и не щадившее ничего и никого. Самъ Конрадъ удивлялся стеченію народа на свои проповѣди и говорилъ: «Отъ чего этотъ народъ показываетъ мнѣ столько любви и привязанности, между тѣмъ какъ я не перестаю его бранить? Нищенствующіе монахи дѣлаютъ въ своихъ проповѣдяхъ противное; они льстятъ народу, и что же? — Ихъ церкви пусты.» Ёдкое краснорѣчіе Конрада производило, сказываютъ, удивительныя дѣйствія: Пражскія женщины отказывались отъ роскошныхъ уборовъ и одѣвались въ простыя платья, ростовщики переставали брать лихву, люди распутные дѣлались образцами нравственности и проч. Необыкновенный успѣхъ проповѣдей Конрада возбудилъ противъ него зависть и ненависть духовенства, которыя еще увеличились, когда съ декабря 1363 года Конрадъ началъ проповѣдывать противъ нищенствующихъ монаховъ и симоніи духовенства. Когда въ началѣ 1364 года Генераль Доминиканскаго ордена прибылъ въ Прагу въ качествѣ Папскаго Легата, Доминиканцы обвинили передъ нимъ Конрада въ двухъ еретическихъ мнѣніяхъ; не смотря на представленное Конрадомъ письменное возраженіе на всѣ эти обвиненія, Арноштъ заблагоразсудилъ назначить день и часъ, когда всѣ недовольные имѣли право принести жалобы на Конрада: они не явились, и Конрадъ былъ вполне оправданъ. Это событіе еще усилило ревность Конрада къ исправленію нравовъ; въ маѣ 1364 года, во время пребыванія въ Прагѣ Герцога Рудольфа Австрійскаго, хо-

тѣль онъ свою борьбу съ нищенствующими монахами сдѣлать предметомъ проповѣди, но, наконецъ, послушался убѣжденій своихъ старшихъ и не произносилъ проповѣди, для того, чтобы народъ, и безъ того ненавидѣвшій монаховъ, не раздражить противъ нихъ еще болѣе: *«Ipsi statim procuraverunt, quod fui patenti prece rogatus, ut talia obmitterem ista vice, timentes a populo amplius odiri, a quo, sua exigente hujusmodi meae indebitae vexationis culpa, diliguntur sicut lupi.»* Рудольфъ Австрійскій старался убѣдить Конрада лестными предложеніями возвратиться въ Австрію, но тотъ объявилъ, что благодарность къ Карлу IV-му побуждаетъ его остаться въ Чехахъ. Скоро послѣ нищенствующіе монахи возобновили свои нападенія на Конрада: Доминиканцы выступили противъ него съ 18 ю, а Августины съ 6 ю предложеніями; послѣдніе упрекали его именно въ отступничество противъ нихъ. Онъ написалъ подробную аполוגію, грубый тонъ которой даетъ понятіе и о прочихъ его сочиненіяхъ. Монахи теперешніе, говоритъ онъ между прочимъ, столько же не похожи на своихъ предшественниковъ, что святые учредители ихъ орденовъ, явившіеся среди своихъ послѣдователей, не только не были бы узнаны, но и побиты камнями. Впрочемъ, весь споръ, который коснулся даже сосѣднихъ странъ, имѣлъ предметомъ только второстепенной важности вопросы церковнаго благочинія. Послѣдніе годы своей жизни до 8 дек., 1369 г., Конрадъ былъ проповѣдникомъ въ извѣстной уже намъ Тынской церкви, что достаточно указываетъ на особенное уваженіе, которое Императоръ Карлъ IV-й питалъ къ нему. Бальбинъ старается (р. 406 sqq.) всеми силами очистить Конрада отъ подозрѣнія въ заблужденіяхъ и дѣйствіяхъ, противныхъ Католической Церкви, и по тому извиняетъ излишнюю рѣзкость выраженій его обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился: *«Probabile tamen est nimio dicendi ardore abreptum hominem dixisse, quae prudentibus non placerent, idque eo proclivius fuit, quod eo tempore (ut pridem dixi) Clerum inter saecularem ac Religiosos Mendicantes acerrimae contentiones, quae in caedes saepe desierant, vigeant.»* Изъ сочиненій Конрада Бальбину случилось видѣть одну его проповѣдь въ старой рукописи Требонскаго монастыря, подъ заглавіемъ: *«Postilla Conradini de Austria, Concionatoris in laeta Curia seu in Tein Pragaе, fuit hic vir illuminatissimus.»* Кромѣ того, Бальбинъ говоритъ еще, что видѣлъ въ библіотекѣ Крум-

ловской огромный томъ рукописный, заключающій въ себѣ одно сочиненіе Конрада подъ заглавіемъ «*Accusationes mendicantium*,» писанное въ 1364 году, и содержащее въ себѣ обвиненія нищенствующихъ монаховъ, ихъ возраженія и отвѣты на нихъ; но, замѣчаетъ онъ: «*non licuit per tempus tam grande volumen evolvere,*» нѣкогда было мнѣ просмотрѣть такой огромной томъ. Что, сверхъ выше перечисленныхъ сочиненій, есть и другія, принадлежащія Конраду, это доказываютъ слѣдующія слова Бальбица: «*Sunt tamen, qui ejus quaedam opera legerunt putantque nimium licenciter de sacris personis loqui, atque etiam in Episcopos et Clerum acerbas invectivas componere, sed*»—(замѣчаетъ простодушно Бальбицъ) «*fortasse ab haereticis, qui post Conradum exstiterunt, opera ejus depravata sunt.*» Бенешъ изъ Вейтмиля, извѣстный Чешскій лѣтописецъ, былъ современникомъ Конрада, котораго онъ зналъ въ лице и о которомъ онъ выражается весьма уважительно. Разсматривая дѣятельность, и политическую и религіозную, Конрада, по крайней мѣрѣ сообразно съ нашими источниками, не можемъ не удивиться преувеличенію, съ которымъ смотрѣли на него нѣкоторые позднѣйшіе писатели: Коменскій называетъ его сотрудникомъ Милыча и раздавателемъ народу таинства Св. Причастія подъ обоими; Странскій также говоритъ, что Конрадъ пріобщалъ народъ подъ обоими; но свободнѣе всѣхъ поступилъ Шрѣкъ, который приписываетъ ему самыя странныя и уродливыя мнѣнія, особенно о монашествѣ. Въ другомъ мѣстѣ (Т. XXXIII, S. 330) Конрадъ является у Шрѣка защитникомъ Причастія подъ обоими.... На какомъ основаніи опираются эти очень важныя (если бы они были справедливы) извѣстія, не знаемъ; замѣтимъ только, что мы имѣли подъ руками всѣ источники, на кои ссылается Шрѣкъ, и нигдѣ не нашли ничего подобнаго. Выводя заключительное и рѣшительное мнѣніе о Конрадѣ Вальдгаузерѣ, опять таки оговариваемся, что наше сужденіе объ немъ будетъ основываться на выше приведенныхъ данныхъ, и можетъ легко измѣниться, когда мы будемъ имѣть случай читать «*Accusationes Mendicantium*,» безъ котораго невозможно составить себѣ ничего цѣльнаго о характерѣ Конрада. Его совершенно несправедливо отнесли къ числу дѣателей великаго Чешскаго религіознаго движенія; это былъ человекъ строгой, даже суровой, нравственности, который оскорблялся развратомъ ему современнаго общества; съ ревностью началъ онъ исправлять его въ сво-

ихъ проповѣдяхъ. Сюда присоединился еще долговременный и ожесточенный споръ съ монахами, противъ которыхъ Конрадъ выступилъ защитникомъ правъ духовенства, но въ послѣдствіи онъ не щадилъ и своихъ собратій. Эта была благородная, рьяная личность, которая преслѣдовала пороки, подъ какою бы формою они ни скрывались, въ какихъ бы людяхъ ни находились; но уже это направленіе совершенно общее, представители котораго находятся во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, мало имѣеть общаго съ ходомъ религіознаго движенія Чешскаго народа, и по тому носить на себѣ глубокій отпечатокъ его характера. Такіе люди, какъ Конрадъ, многочисленны. И дѣйствительно, что можетъ быть легче, какъ не нападать въ общихъ нападеніяхъ на всѣхъ и всякаго? Иное дѣло лице, созданное народомъ, имъ воспитанное, олицетворившее его новыя потребности; но таковъ не былъ Конрадъ. Есть люди холодные, нечувствительные, которые возстаютъ противъ пороковъ, не любя добродѣтели, которые остаются чужды народу среди него. Вѣдь и Капистранъ былъ исправителемъ нравовъ? Конрадъ смотрѣлъ на развратъ современный съ общей точки зрѣнія, а не съ народной, Чешской, и по тому онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названъ предшественникомъ Гуса, т. е., какъ мы понимаемъ значеніе слова предшественникъ, человекомъ, предугадавшимъ дѣятельность Гуса, высказавшимъ часть того, что этотъ послѣдній представилъ въполнѣ. Далекое нѣтъ! Такихъ людей, какъ Конрадъ, если и менѣе даровитыхъ, то не менѣе дѣятельныхъ бичей пороковъ въ ихъ общемъ видѣ, каждая страна Европы много производила въ то время. Конрадъ былъ представителемъ борьбы духовенства противъ монаховъ, и, какъ таковой, много содѣйствовалъ къ униженію тѣхъ и другихъ; но та же самая борьба повторилась и въ Парижѣ, и въ Англии, и даже въ Германіи, и, однако, нигдѣ она не произвела ничего подобнаго величественному движенію религіозному, котораго главнымъ представителемъ является Гусъ.

Несравненно важнѣе дѣятельность *Милича*, имѣвшаго сильное вліяніе на народъ. Обстоятельства его жизни извѣстны гораздо болѣе, нежели жизнь Конрада Вальдгаузера; впрочемъ, многое досель нерѣшено утвердительно. Нѣкоторые называли его долго Іоанномъ Миличемъ, но Палацкій доказалъ, что имя *Миличъ* есть имя собственное, имя лица, а не фамильное прозвіще. Миличъ былъ родомъ изъ Кромвръжиць (города въ Моравіи). Велесла-

внѣ, Чешскій историкъ XVI-го стол., производитъ Милича отъ известнаго дворянскаго рода пановъ изъ Миличина или Талемберга; во Бальбинѣ (р. 407) говоритъ, что это неправда, и что Миличъ былъ бѣдный Моравецъ. Последнее обстоятельство по крайней мѣрѣ совершенно несправедливо; Миличъ имѣлъ достаточное состояніе, будучи владѣльцемъ помѣстья Тмань; потомъ сдѣлался онъ членомъ Пражскаго Капитула, въ продолженіи многихъ лѣтъ служилъ при дворѣ Императора Карла IV-го, и еще въ 1360—62 годахъ, въ качествѣ Подканцлера, сопровождалъ его въ путешествіи по Германіи. Осенью 1363 г. объявилъ онъ вдругъ свое рѣшеніе отказаться отъ всѣхъ почестей, должностей и бенефицій, чтобы въ совершенной нищетѣ служить Христу и Его Евангелію. Весьма неохотно терялъ Архіепископъ Арноштъ столь набожнаго и ученаго чловѣка изъ своего Капитула: «Что могло быть для васъ лучше, какъ вашему бѣдному пастырю помогать въ управленіи стадомъ?» представлялъ онъ ему. Впрочемъ, ничто не могло удержать пылкаго и воодушевленнаго Милича; онъ отправился внутрь Чехіи, въ *Бискуповъ Тынецъ*, чтобы тамъ, въ качествѣ Капеллана или помощника тамошняго Священника, испытать свои силы въ проповѣдываніи Слова Божія, а также и въ спасеніи души. По прошествіи полугода воротился онъ назадъ въ Прагу и началъ, сперва у Св. Николая на Малой Пражской Сторонѣ, потомъ у Св. Эгидія въ Старомъ Городѣ. Не смотря на одинаковость цѣли и образа мыслей, изложеніе новаго проповѣдника существенно отличалось отъ изложенія Конрада Вальдгаузера. Какъ проповѣди Конрада были особенно полезны Нѣмецкимъ жителямъ Праги, такъ Миличъ обратился къ собственно Чешскимъ; краснорѣчіе Конрада состояло преимущественно въ ясномъ, обдуманномъ и грубо естественномъ возраженіи; Миличъ же производилъ особенное впечатлѣніе на своихъ слушателей игрою воображенія, духомъ таинственнымъ и многими образами, занимательными изъ Апокалипсиса. Сначала имѣлъ онъ мало слушателей, да и тѣ позволили себѣ осмѣивать его странный выговоръ, «propter incongruentiam vulgaris sermonis,» говоритъ біографъ; кажется, это должно разумѣть о Моравскомъ выговорѣ, который Миличъ удержалъ въ своихъ проповѣдяхъ; но мало по малу число слушателей Милича умножалось и сдѣлалось, наконецъ, столь значительнымъ, что онъ, уступая желаніямъ и просьбамъ, долженъ былъ проповѣдывать въ одинъ день въ трехъ различныхъ мѣ-

стахъ, а раза въ продолженіи одного дня даже въ пяти. Какъ съ одной стороны народъ увлекался его пламенною и восторженною рѣчью, такъ съ другой стороны ученые удивлялись необыкновенной изобрѣтательности, живости и силъ его духа. Даже ученѣйшій Чехъ того времени, Пражскій Схоластикъ, Войтъхъ Ранконисъ изъ Еричино, въ 1355 году бывшій Ректоромъ Университета Пражскаго, воскликнулъ, какъ сказываютъ, однажды въ удивленіи: «*Omne, quidquid ego pro serinone faciendo viris Literatis et illuminatis vix in uno mense comprehendere possum, Milicius vero tantum una hora suo studio comprehendit.*» Отъ частаго и внимательнаго чтенія Св. Писанія, особенно Пророковъ и Апокалипсиса, духъ Милича принялъ направленіе сверхъестественное и чудесное. Ведя постоянную, ежедневную борьбу съ развращенностью нравовъ всѣхъ сословій своего времени, онъ нечаянно пришелъ къ мысли, которую почелъ важнымъ и страшнымъ открытіемъ; съ большею начитанностью и особеннымъ остроуміемъ составленное соображеніе и объясненіе содержащихся въ Библии указаній на время пришествія Антихриста въ послѣднія времена міра, именно, мѣсто въ Евангеліи отъ Матѳея XXIV, 15: «Егда убо узрите мерзость запустынія, реченную Данииломъ Пророкомъ, стояшу на мѣстѣ святѣ: иже чететь, да разумѣеть!» сравнительно со славами Даниила: «Отъ времење же премѣненія жертвы всегдашнія, и дастся мерзость запустынія,» и пр. Миличъ написалъ объ этомъ особенное отдѣльное сочиненіе «*Libellus de Antichristo,*» которое начинается слѣдующими словами: «*In Christi nomine, qui est testis fidelis, amen. Qui audit, etiam dicat amen! et non exhorreat hoc audiens.*» etc. Матѳеѣй изъ Янова внесъ это разсужденіе въ свое большое сочиненіе: «*De regulis veteris et novi Testamenti,*» и именно, lib. III, tract. V., distinct. XI, гдѣ оно подраздѣлено на IV главы. Кромѣ того, Миличъ не замедлилъ свое открытіе сообщить съ кафедрѣ въ сильныхъ выраженіяхъ. Тогда не было столонія, не было возраста, въ которомъ онъ не умѣлъ бы найти слѣдовъ Антихриста. Все, что въ жизни человѣческой не согласуется съ чистою Христіанскою любовію, вѣрою и надеждою, все то казалось ему частью Антихриста. Особенно духовное сословіе, отъ Архіепископа до нищенствующихъ монаховъ, предлагало ему богатый матеріалъ для его строгихъ нравоисправительныхъ проповѣдей; впрочемъ, и свѣтскіе владыки и князья не избѣгли, наравнѣ съ простолюдиномъ, немилосердаго

осужденія. Когда Миллчу разъ вздумалось среди великаго собранія сказать Императору Карлу IV въ лице, что онъ-то и есть великій Антихристъ, то Архіепископъ Очко изъ Влашима заставилъ его искупить такую дерзость долговременнымъ заключеніемъ въ темницъ «*Articuli XII contra Millicium praesentati in curia Romana. Primo, quod ipse tenuit et affirmavit, quod in anno domini 1366 Antichristus fuisset natus; et quia eandem opinionem dimittere noluit, fuit per D. Johannem Archiep. Prag. incarceratus.*» Это яснѣе опредѣлено у Матѳея изъ Янова: «*Indutus zelo quasi thoraci Imperatorem praedictum aggressus digito indicavit, et dixit sibi cum omnibus, quod ille sit magnus Antichristus; propter quod carceres et vincula diutine est perpressus.*» Впрочемъ, Императоръ, который всегда любилъ и уважалъ Миллчу, и послѣ этого случая не лишилъ его своего благоволенія: когда Миллчъ, тѣснимый Пражскими богословами за свое вѣроученіе, подалъ аппеляцію Папѣ Урбану V, и для того, въ генварь 1367 года, лично отправился въ Римъ, то Карлъ IV снабдилъ его наилучшими рекомендательными письмами. Миллчъ, ждавъ тщетно долгое время прибытія въ Римъ Папы Урбана V, котораго туда ожидали, рѣшился, наконецъ, отправиться въ Авиньонъ на встрѣчу Папѣ, но и того прежде жителей Рима познакомить съ своимъ великимъ открытіемъ. Онъ велѣлъ прибить къ вратамъ церкви Св. Петра объявленіе о томъ, что онъ хочетъ, во всенародной проповѣди, возвѣстать всѣмъ о пришествіи, уже совершившемся, Антихриста на землю и соединить это съ приличными увѣщаніями. Вотъ какъ самъ Миллчъ описываетъ это событіе: «*Quum jam desperassem de adventu Domini Nostri Papae, tunc praeparavi mi, iter volens accipere versus Avinionem; et interim irruit in me spiritus, ita ut me continere non possem, dicens mihi in corde: vade, intima publice per cartam, quam affiges ostiis ecclesiae S. Petri, sicut solitus fuisti intimare in Praga, quando eras praedicaturus, quod velis praedicare, quod Antichristus venit; et exhortaberis clerum et populum, ut orent pro domino nostro papa et pro domino nostro imperatore, ut ita ordinent ecclesiam sanctam in spiritualibus et temporalibus, ut securi fideles deserviant creatori, et dabis in scriptis Sermonem illum; ne mutantur verba tua, et ut materia divulgetur, ut mali in timorem mittantur et boni ferventius deo famulentur; secreta hujus rei domino summo pontifici reservabis.*» Отсюда ясно, что Миллчъ не является проповѣдникомъ положительныхъ, однажды принятыхъ

мнѣній, но что онъ болѣе мечтатель, создающій самъ себѣ несуществующіе образы и съ ними сражающійся. Онъ не только не носить въ себѣ никакого враждебнаго чувства къ Папѣ, но даже ему намѣренъ сообщить то, что ему свыше открыто относительно Антихриста. Изъ приведеннаго выше нами мѣста узнаемъ, что Миличъ твердо вѣрилъ, что въ немъ говорятъ какой-то духъ, по приказанію котораго онъ (Миличъ) дѣйствуетъ: вездѣ, куда ни приходилъ Миличъ, тотчасъ спѣшилъ извѣстить народъ, что великій Антихристъ пришелъ, что все люди должны молиться за Папу и за Императора, да устроятъ они Святую Церковь въ ея внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи такъ, чтобы вѣрные въ безопасности могли служить Создателю. Изъ этого видно, что Миличъ предсказывалъ великій переворотъ въ Церкви, предвидѣлъ большія, имѣющія въ ней произойти, смуты, и по тому предостерегалъ и Папу и Императора, чтобы они приняли все необходимыя мѣры для огражденія безопасности вѣрныхъ. Едва только Миличъ обнаружилъ намѣреніе сообщить народу свое открытіе относительно пришествія великаго Антихриста, какъ Римскій Инквизиторъ, Доминиканецъ, велѣлъ схватить его въ самой церкви Апостола Петра и заключить въ оковы: нѣскольکو недѣль бѣдный мечтатель провелъ въ заключеніи у Миноритовъ въ Арачели. Доминиканцы Пражскіе радовались этому и заранѣе осудили Милича на сожженіе. Урбанъ V, прибывъ въ Римъ, велѣлъ освободить Милича, котораго близкія отношенія къ Карлу не были ему безъизвѣстны, обласкалъ его и предалъ суду его клеветниковъ; но Миличъ усильно просилъ никого не преслѣдовать за него: онъ имѣлъ долгіе разговоры съ Папою, о которыхъ, впрочемъ, совершенно ничего не извѣстно. Г. Палацкій замѣчаетъ, однако, что съ того времени Миличъ уже не съ такимъ жаромъ, какъ прежде, проповѣдывалъ объ Антихристѣ. По смерти Конрада Вальдгаузера Миличъ сдѣлался проповѣдникомъ при Тейнской церкви (1369), *и, желая быть полезнымъ и для Нѣмцевъ, прїѣзжавшихъ въ Прагу по торговымъ и инымъ дѣламъ, въ преклонныхъ лѣтахъ началъ учиться языку Нѣмецкому отъ своего воспитанника («a suo scholari»). Онъ дѣйствовалъ не одними проповѣдями: тысячи людей прибѣгали къ нему за духовною помощію, и ни одинъ никогда не былъ обманутъ. Матеей изъ Янова, лично знавшій Милича, говоритъ объ немъ: «Nullus erat, qui cum eo ipso habebat loqui vel agere, qui amorem et

gratiam atque suavitatem spiritus ab ipso non hauriret nullus que non consolatus ab eo recedebat.» Но главною его заботою было образовывать хороших сельских священников и проповедников Слова Божія: все свободное от других занятій время онъ посвящалъ наставленію молодыхъ Клириковъ, которые, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, приходили каждый день слушать его чтенія. Такъ какъ многіе приносили ему деньги и подарки, то онъ, не употребляя рѣшительно ничего для себя, раздавалъ ихъ нуждающимся и употреблялъ на дѣла милосердія. Въ 1372 г. Карлъ IV-й, по совѣту Милича и другихъ священниковъ, приказалъ уничтожить извѣстный въ то время домъ разврата, называвшійся *Бенатки* (Венеціею) и мѣсто подарилъ Миличу, который на собранную отъ подаеній сумму построилъ тамъ церковь Св. Магдалины и, рядомъ съ нею, домъ, гдѣ поселилъ обращенныхъ имъ грѣшницъ и нѣкоторыхъ бѣдныхъ, числомъ отъ 200 до 300 человекъ; этотъ первый страннопріимный домъ въ Чехіи и, можетъ быть, всей Германіи Миличъ устроилъ и содержалъ на счетъ сборовъ, доставленныхъ ему его увлекательнымъ, пылкимъ краснорѣчіемъ. Нищенствующіе монахи преслѣдовали Милича еще съ большимъ ожесточеніемъ, нежели Конрада Вальдгаузера, и даже, если вѣрять ревностному его ученику, Матѳею изъ Янови, посягали на жизнь его. Видя, что благосклонность Карла и Архіепископа Пражскаго постоянно ограждаетъ Милича отъ всякихъ гоненій, Доминиканцы принесли на него жалобу въ Римъ, въ которой обвиняютъ и свѣтскую власть въ потворствѣ заблужденій Милича; жалоба эта содержала 12 обвинительныхъ статей: 1) Миличъ учитъ о томъ, что Антихристъ уже пришелъ; 2 и 3) даетъ слишкомъ обширное понятіе роста (*Wucher*); 4 и 5) совѣтуетъ, какъ можно чаще пріобщаться Св. Таинъ; 6) покаявшихся распутныхъ женщинъ подчинилъ какому-то правилу монастырскаго житія, и, съ одной стороны, обращается съ ними слишкомъ строго, а съ другой осыпаетъ ихъ излишними похвалами; 7) весь Кларъ, отъ Папы до простаго монаха, называетъ испорченнымъ; 8) не уважаетъ нисколько церковнаго проклятія (здѣсь приведены, будто бы, слова Милича, въ которыхъ онъ говоритъ, что если Папа отлучитъ его отъ Церкви, то онъ найдетъ себѣ защиту у Императора); 9) занятіе свободными искусствами считаетъ грѣхомъ; 10) жевщанамъ запрещаетъ носить и самые скромные уборы; 11) предпринимаетъ разныя излишнія нововведенія и перемены,

въ исполненіи которыхъ опирается на власть свѣтскую и чрезъ то вооружаетъ народъ противъ всего духовнаго сословія; 12) признасть необходимымъ лишить духовенство всякой личной собственности. Главнымъ орудіемъ враговъ Милича былъ Пражскій Магистръ, Іоаннъ Клонкотъ, жившій тогда въ Авиньонъ; онъ успѣлъ убѣдить Папу въ томъ, что Миличъ распространяетъ ужасную ересь, въ слѣдствіе сего, въ январь 1374 г., Папа отправилъ, въ самое краткое время, нѣсколько буллъ: одну къ Императору, Карлу IV, остальные Епископамъ Литомышльскому, Голумуцкому, Вратиславскому и Краковскому. Въ посланіи къ Императору Карлу IV-му Папа выражается такъ: «Plurimum fide dignum relatibus nuper ad nostrum pervenit auditum, quod quidem Milecius Presbiter, olim Canonicus Pragensis, sub specie sanctitatis, spiritu elationis et temeritatis assumpto, et praedicationis officio, quod sibi non competit usurpato, multos errores non solum temerarios et iniquos, sed etiam haereticos et schismaticos, utique nimium scandalosos et periculosos, fidelibus praesertim simplicibus dicere, publice praedicare in tuo regno Bohemiae et aliis terris tuis praesumpsit hactenus et praesumit; nonnullas personas utriusque sexus ad ejus sectam, quam damnabiliter inchoavit, ac in errores detestabiles et reprobandos actus indicendo.» Изъ этихъ словъ видно: 1) что Миличъ проповѣдывалъ по всей Чехіи и соседнимъ землямъ; 2) что онъ увлекалъ за собою многихъ не только въ отвратительныя заблужденія, но и въ преступныя дѣянія. Какія были эти заблужденія и дѣянія «non solum temerarii et iniqui, sed etiam haeretici et schismatici?» Думаемъ, что Миличъ проповѣдывалъ къ народу во всей Чехіи, обличая передъ нимъ пороки духовенства и монаховъ, и, что главное, совѣтуя всѣмъ Приобщеніе подъ обоими видами. Пражскій Архіепископъ, Очко изъ Влашима, былъ хорошо расположенъ къ Миличу, и потому не зналъ, что дѣлать, получивъ строгую Папскую буллу, и извѣстилъ его о томъ самъ. Но Папскій Инквизиторъ началъ слѣдствіе по дѣлу Милича, который увидѣлъ себя принужденнымъ отправиться снова въ Авиньонъ, весною 1374, но тамъ умеръ, прежде нежели произнесенъ былъ надъ нимъ рѣшительный приговоръ. Незнакомый авторъ жизни Милича, помѣщенной у Бальбина, въ его *Смѣси Чешской Исторіи*, пишетъ, что Папа очень ласково принялъ Милича и оправдалъ его; но Матеей изъ Янова (въ мѣстѣ, приведенномъ у Палацкаго, стр. 172), лично знавшій Милича, пишетъ

что онъ умеръ подъ тяжестью обвиненія въ ереси, изгнанный изъ отечества: «Et ambo» (Коврадъ и Миличъ) in extremis articulis pro Christi Jesu veritate et justitia in medio tribulationis pessimae occubuerunt.» По смерти Милича основанный имъ страннопріимный домъ, названный «Іерусалимъ,» подаренъ былъ Карломъ I-мъ Богословскому факультету Пражскаго Университета. Незвѣстный авторъ житія Милича представляетъ его мученикомъ духовенства и отзывается о немъ очень невыгодно: «Malignus spiritus Plebanos, Praelatos, Religiosos ad furorem in eum suscitavit, ita ut praedicationem sibi saepius prohiberent et haeticum illum appellarent.» Слѣдующее мѣсто изъ того же житія показываетъ сильное враждебное расположеніе, которое Миличъ внушалъ народу къ духовенству: «Si verbis multis ac probrosis conviciabuntur, inter caetera vero dicebant: a principio praedicationis tuae nunquam pace fruimur, sed semper disturbia multa patimur.» Раздраженные клирики и монахи называли Милича то лицемеромъ, то Бегардомъ, то Содомитомъ, но, не смотря на всѣ старанія, они не могли сдѣлать ему ни одного упрека изъ его жизни, потому что Миличъ въ образѣ жизни подражалъ первымъ отшельникамъ Христіанства и, по увѣренію автора его житія, не вкушалъ ни мясной, ни рыбной пищи, ни вина. Изъ самаго образа его дѣятельности видно, что онъ болѣе старался дѣйствовать словомъ, нежели письменными сочиненіями; однако отъ него осталось нѣсколько богословскихъ сочиненій, о которыхъ мы уже упомянули выше, въ самомъ въ Введеніи (стр. 45).

Вотъ немногія данныя, извѣстныя намъ объ этомъ, столь замѣчательномъ и историческомъ дѣятелѣ, данныя, которыми мы одолжены наиболѣе Палацкому. Удивительно и жаль, что многіе хорошіе историки предпочли повторять одинъ за другимъ данныя жалкія и подозрительныя, чѣмъ разработать, хотя отчасти, богатую мину, которая находится передъ ними нетронутой. Такъ и загадочный характеръ Милича, если бы и не былъ столь замѣчательнымъ историческимъ дѣтелемъ, заслуживаетъ особеннаго и внимательнаго изученія, какъ человекъ, раскрывающій въ своей жизни свойства, чрезвычайно характеристическія и оригинальныя; по этому и историческое значеніе Милича въ ходѣ религіознаго Чешскаго движенія можетъ быть опредѣлено только изъ его сочиненій, въ высшей степени замѣчательныхъ, судя по небольшому отрывку, изданному Г. Палацкимъ

въ его Чешской исторіи; до тѣхъ поръ всѣ изображенія Милича, какъ бы искусно ни были начертаны, не могутъ представить намъ и тѣни того, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и будутъ только болѣе, или менѣе удачными догадками.

Относительно Милича съ полною достоверностью можно принять одно: «Миличъ имѣлъ сильное вліяніе на Чешскій народъ, и притомъ на самую лучшую, коренную, его часть, сельское народонаселеніе.» Въ этомъ отношеніи Миличъ стоитъ несравненно выше Конрада Вальдгаузера, проповѣдника всѣхъ временъ и народовъ, чуждаго всякаго народнаго характера. Напротивъ Миличъ самъ произошелъ изъ низшихъ сословій общества, сохранилъ вполнѣ Чешскій характеръ; даже слово его отзывалось грубостью народнаго выговора. Вся жизнь Милича прошла съ простымъ Чешскимъ народомъ, великое предназначеніе котораго онъ предчувствовалъ. Чтобы быть ближе къ народу, Миличъ добровольно оставилъ высшую церковную степень, оставилъ свое богатство и отправился изъ столицы Чехій въ самыя уединенныя ея мѣста: здѣсь-то онъ познакомился съ положеніемъ несчастнаго народа, обращеннаго въ рабство жадными и честолюбивыми, клириками, съ его нуждами и потребностями; отсюда вынесъ Миличъ самое честное, благородное желаніе быть полезнымъ народу, но, при исполненіи этого желанія, онъ обманулся точно также, какъ и Карлъ IV-й. Последний думалъ, что Чешскій народъ будетъ въ высшей степени счастливъ тогда лишь, когда онъ доставитъ ему всѣ возможныя матеріальныя блага; но благородный Чешскій народъ (или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть его) не хотѣлъ купить цѣною ихъ гибели своихъ народныхъ началъ. Не менѣе Карла IV-го обманулся и Миличъ въ выборѣ средствъ быть полезнымъ народу, облегчивъ его нравственное рабство. Миличъ не былъ врагомъ Католическаго порядка вещей, вѣрилъ въ возможность не только сохранить его, но и доставить благополучіе народу подъ его управленіемъ; но онъ видѣлъ необходимость поддержать его въ его идеальномъ совершенствѣ, а не въ томъ испорченномъ видѣ, въ какомъ являлся онъ во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Миличъ полагалъ, что источникъ всего зла лежитъ не въ самомъ устройствѣ Церкви, но именно въ нарушеніи ея предписаній, и по тому онъ хотѣлъ научить всѣхъ строжайше исполнять ихъ. Миличъ былъ реформаторъ, который полагалъ все устроить по

идеальному образу, созданному имъ въ душѣ своей; во всемъ, начиная отъ Императора Карла IV-го до послѣдняго монаха Миличь, думалъ видѣть, рядомъ съ Христовымъ благодатнымъ началомъ, примѣсь начала противоположнаго, которое не могло имѣть иного источника, кромѣ духа злобы, и по тому онъ всенародно провозгласилъ, что великій Антихристъ уже въ мѣрѣ. Вся жизнь Милича была посвящена борьбѣ съ этимъ Антихристомъ. Снова повторимъ, что въ умѣ Милича не было и помина враждовать съ какою ни будь властью, будетъ ли то свѣтская, или духовная. Далекій отъ этой мысли, онъ надѣялся на содѣйствія Папы и Императора къ искорененію злаго начала, безъ вѣдома Церкви въ нее вкравшагося. Миличь ни на кого не указывалъ, никого не называлъ Антихристомъ (ревность завлекла нѣкихъ Протестантскихъ писателей до того, что они не постыдились говорить, что Миличь разумѣлъ подъ Антихристомъ самаго Папу: это мнѣніе вовсе не основательно), но онъ звалъ всѣхъ содѣйствовать къ истребленію злаго начала, хотя бы то было въ немъ самомъ; вездѣ, куда ни прѣзжалъ онъ, первымъ его дѣломъ было познакомить всѣхъ съ великою тайною, призвать всѣхъ къ войнѣ съ Антихристомъ: эту мысль онъ развивалъ и въ Прагѣ, и въ Римѣ, и въ Авиньонѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ гибели Католицизма, напротивъ, онъ желалъ вѣчнаго существованія, но Католицизму очищенному отъ всѣхъ его сквернъ. И что встрѣтилъ Миличь въ этомъ благородномъ стремленіи? Первые его проповѣди пріветствованы насмѣшками того самаго народа, любовь къ которому была первою побудительною причиною дѣйствій Милича. Впрочемъ, скоро народъ устремился слушать его проповѣди: стеченіе было огромное, но проповѣдникъ увидѣлъ, что его слушаютъ съ удивленіемъ, хвалятъ его, а все очень не многіе повинуются его убѣжденіямъ. Сколько глубокой ироніи въ этомъ поступкѣ Милича, который предпочелъ всѣмъ прочимъ своимъ слушателямъ 300 распутныхъ женщинъ, обращенныхъ имъ на путь долга, училъ ихъ, жилъ съ ними и очевидно предпочиталъ ихъ обществу всякому иному! А между тѣмъ онъ продолжалъ бичевать нещадно сторону, принадлежащую Антихристу, безъ различія, въ комъ ни встрѣчалъ ее, особенно же въ клирикахъ и монахахъ. Миличь не представлялъ пороковъ и заблужденій ихъ въ ихъ наготѣ, но любовь къ добру заставляла его дѣлать ихъ еще ужаснѣе, еще отвратительнѣе, нежели они были въ дѣйствительности. Выведе-

ное изъ терпѣнія духовенство жаловалось Папѣ; но Папа лучше понималъ Милича и постоянно оправдывалъ его: онъ видѣлъ, что такой человекъ, какъ Миличъ, не опасенъ, уже по одному тому, что онъ не сражается съ дѣйствительными пороками, но съ идеальными, созданными его воображеніемъ, и что, по тому, его ничего не стоитъ обличить въ преувеличеніи. Но вдругъ Папѣ приносятъ вѣсть, что проповѣди Милича произвели необыкновенное дѣйствіе на народъ, который глухо высказалъ къ нимъ свое сочувствіе не только въ Чехіи, но и въ Силезіи, Моравіи и Польшѣ. А Папство, какъ и всякая иная подобная власть, всегда болѣе всего дорожило привязанностью неразумной (какъ думали прежде) массы народа: оно очень хорошо понимало, что ему не опасенъ никакой преобразователь, какъ бы онъ ни былъ великъ, если только масса народа не будетъ затронута. Потому очень понятенъ сильный испугъ Папы, такъ ясно высказывающійся въ буллахъ къ Епископамъ, когда онъ услышалъ о сочувствіи народа къ Миличу. И дѣйствительно, Славянское народонаселеніе Чехіи, Силезіи, Моравіи и Польши дошло до высшей степени нравственнаго напряженія: конецъ XIV и начало XV-го вѣка были временемъ перелома въ его естественномъ развитіи, временемъ поворота въ его внутренней жизни. Около этого времени разыгралась великая борьба Католицизма, въ источникъ своемъ враждебнаго народности, съ коренными началами жизни народовъ Славянскихъ, точно такъ, какъ вѣкъ спустя Нѣмецкія племена возстали, не менѣе рѣшительно, противъ Католицизма. Это было время кризиса, время бытія нравственнаго, или небытія, для племенъ Славянскихъ. Уже прежде многія племена Славянскія потеряли свою независимость и бытіе политическое, но они были еще такъ молоды, что ничего нельзя было предугадывать на счетъ ихъ будущей дѣятельности исторической. Теперь Католицизмъ объявилъ войну народамъ, сохранившимъ, не смотря на всѣ враждебныя противодѣйствія, коренныя начала Славянскаго духа, неограниченную любовь къ свободѣ подъ какими бы то ни было формами, по тому что и при Самодержавномъ управленіи личная свобода мысли и дѣйствія можетъ быть ограждена болѣе, чѣмъ при любомъ Республиканскомъ порядкѣ вещей. Около этого времени Славянскія племена (Западные) пришли на перепутье, съ котораго вели два пути: одинъ къ религіозному и политическому рабству, другой къ самобытному развитію. Въ эту

болѣе эпоху, безъ вѣдома Западной Европы, рвалась ея участь; можно смѣло сказать, что *если бы въ XIV столѣтїи Католицизму удалось подавить духъ противоборства въ племенахъ Славянскихъ, то реформація Лютера съ ея безконечными для человечества слѣдствїями случилась бы цѣлыми вѣками позже, и царство Католицизма существовало бы несравненно долѣе.* Самый Католицизмъ никогда еще не предъявлялъ столь неограниченныхъ требованій, какъ около этого времени: но, и съ другой стороны, все, что было враждебнаго Католицизму и чисто Славянскаго, сознавалъ себя болѣе и болѣе, готовилось вступить въ смертный бой за свободу мнѣній съ Католицизмомъ. Около половины XIV стол., приверженцы Католицизма увидѣли противъ себя движеніе въ народѣ, сохранившемъ преданія Восточной Церкви и темное понятіе объ ея ученїи: вторые были несравненно многочисленнѣе первыхъ, но они не имѣли ни определенной формы вѣрованій, за которую смѣло положили бы свои головы, ни одного предводителя, или и другими* словами: не умѣли ни сосредоточить въ одинъ пунктъ свои частныя силы противодѣйствїя Католицизму, ни дать себѣ вождя, который повелъ бы этѣ силы къ цѣли. Отличительная черта Славянскаго характера, черта, въ которой заключается неистощимый источникъ будущаго развитїя, но, вклетъ съ тѣмъ, и печальный урокъ за все прошедшее — *особенное развитіе личности въ образъ мыслей и дѣйствій; эта черта влечетъ за собою недостатокъ единства, согласїя и парализируетъ всякое сопротивленіе.* Славянское народонаселеніе Чехїи, Силезїи, Моравїи и Польши (южной ея части) давно уже возстало бы противъ Католицизма во имя своихъ святыхъ, народныхъ началъ, если бы явился человекъ, который далъ бы ему, сообразную съ его характеромъ и развитїемъ, религіозную форму; но такой дѣтель не являлся, и благороднѣйшія силы оставались раздѣленными и безсильными. По тому полное ожиданїя, Славянское народонаселеніе привѣтствовало въ Милчѣ защитника своихъ народныхъ началъ и религіозныхъ убѣжденій: оно думало видѣть въ немъ дѣятельнаго противника Католицизма. Но страхъ Папы, чтобы Милчъ не удовлетворилъ внутреннимъ требованїямъ Славянскаго народонаселенїя и не повелъ его противъ Католицизма, былъ прежде времени и при томъ неоснователенъ. Милчъ самъ чувствовалъ испорченность Католицизма, но вѣрилъ въ возможность сдѣлать его чистымъ, и по тому онъ не имѣлъ въ виду ниче-

го положительнаго, а одно лишь отрицательное желаніе очистить Католицизмъ отъ дурныхъ элементовъ, въ него вкравшихся. При томъ, онъ дѣйствовалъ не хладнокровно, преслѣдуя свою цѣль по всѣмъ путямъ, смѣло идя прямо къ ней; но самая его проповѣдь противъ вѣдшей испорченности Католицизма имѣла какой-то вспылчивый, нетерпѣливый, лихорадочный характеръ: впечатлѣніе, ею производимое, было сильно, но мгновенно. А народъ не того хотѣлъ: ему мало было, чтобы передъ нимъ начертали яркими до преувеличенія красками то, что онъ имѣлъ передъ глазами, видѣлъ ежедневно; напротивъ, онъ желалъ болѣе существеннаго и сообразнаго съ его потребностями, а именно, религіознаго ученія, которое выходило бы изъ всего его развитія и опирались на его коренныхъ началахъ. Ученіе Милича было слишкомъ отвлеченно, чтобы соответствовать такимъ требованіямъ народа, который ищетъ доступной ему формы и для вопросовъ изъ его духовной жизни. Отъ того Миличъ не могъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, кои возбудилъ въ народѣ, и ученіе его по видимому не оставило въ немъ ни какихъ слѣдовъ.

Приведемъ же теперь къ немногимъ выводамъ вѣроисповѣдное развитіе Чеховъ при Карлѣ IV-мъ. Огромное вліяніе его на весь ходъ религіознаго Чешскаго движенія, внѣ всякаго сомнѣнія. Безспорно и то, что оно условливалось всѣмъ предшествующимъ развитіемъ народа; но, хотя матеріалы религіознаго движенія накоплены уже давно, очень могло случиться, что оно было бы отсрочено, или ускорено. Въ великихъ народныхъ движеніяхъ все совершается по самой строгой необходимости, на основаніи внутреннихъ законовъ чловѣческаго развитія, и прихоть того, или другаго Правительства не въ состояніи бываетъ ни остановить, ни измѣнить ихъ; однако, та минута, когда, давно созрѣвши, народное возстаніе готово вспыхнуть, можетъ быть, отдалена, или приближена разными внѣшними обстоятельствами. Какое же спросить, значеніе Карла IV-го въ великомъ Чешскомъ религіозномъ движеніи? При всѣхъ расположеніи Карла IV-го къ Чешскому народу, онъ чрезмѣрною привязанностью къ Католицизму и благосклонностью къ его служителямъ вызвалъ сильное противодѣйствіе въ народѣ, въ которомъ давно уже таилось негодованіе и нерасположеніе къ Католическому духовенству. Всѣ усилія Карла сдѣлать Чешскій народъ вполнѣ Католическимъ повели только къ тому, что часть его, утратившая отла-

чуждыя черты народнаго характера и принявшая совершенно Католическій характеръ, сложилась окончательно и резко отделилась отъ народа, бывшаго или равнодушнѣе къ Католицизму, или даже враждебно расположеннѣе къ нему. Но необходимо, чтобы чловѣкъ, вышедшій изъ среды народа, созналъ тѣ вопросы, которые безсознательно живутъ въ народѣ, и предложилъ бы имъ удовлетворительный отвѣтъ; такой чловѣкъ немогъ еще явиться при Карлѣ IV-мъ. Латинско-Католическое духовенство лучшею своею частью понимало опасность своего положенія въ отношеніи къ народу, и по тому стремилось къ тому, чтобы очистить Католицизмъ и чрезъ то продлить его существованіе. Вальдгаузеръ и Миллчъ вовсе не представители Чешскаго народнаго движенія: они остаются еще совершенно въ кругу Католицизма, и не только не ищутъ ничего новаго, но усиленно хотятъ возвратитъ Церкви хотя часть ея прежняго нравственнаго вліянія. Миллчъ съ совершенною преданностью Католицизму, но не тому, который существовалъ тогда на дѣлѣ, а тому, какой представлялся его чистой и добродѣтельной душѣ, соединялъ и сочувствіе народныхъ потребностямъ; но онъ не понималъ стремленія народнаго, думая, что его въ состояніи удовлетворитъ очищенный Католицизмъ. Однако жъ, примѣръ его имѣлъ безконечно великое вліяніе на послѣдующихъ дѣятелей Чешскаго религіознаго движенія: они поняли, что всѣ ихъ расчеты съ Католицизмомъ кончены, что отъ него нечего уже ждать болѣе; всѣ попытки примирить народное стремленіе съ стремленіями Католицизма, попытки, произведенныя Миллчемъ, окончились совершеннымъ разрывомъ. Отсѣлъ Католицизмъ и народъ пойдутъ разными путями: первый увеличиваетъ шагъ отъ часу своимъ притязаніямъ, какъ бы не видя глубокой пропасти передъ собою; второй, наученный опытомъ V вѣковъ въ несовѣстности своихъ народныхъ началъ съ началами Католицизма, теперь, видя совершенную невозможность рѣшить дѣло мирными средствами, отбрасываетъ отъ себя Католическую вышность и вступаетъ въ смѣлый и рѣшительный бой съ притязаніями стороны Католической. При Карлѣ IV-мъ обѣ стороны, народная и Католическая, резко обозначились, при Вячеславѣ IV онѣ вступаютъ въ явный споръ, въ высшей степени замѣчательный для всякаго, кто не ищетъ въ исторіи ни сказокъ, ни сентенцій, а изучаетъ духовное развитіе чловѣка и народовъ.

Вячеславъ IV-й, сынъ строгаго Католика, Карла IV-го, воспитанникъ извѣстнаго своими добродѣтелями Архіепископа Пражскаго и даже въ послѣдствіи Кардинала, Іоанна Очка изъ Влацима, самъ былъ строгій Католикъ, и, однако жъ, его правленіе ознаменовано жестокимъ гоненіемъ на духовенство, даже началомъ борьбы, непрровергнутой Католицизмъ въ Чехіи. Разбирая побудительныя причины дѣйствій Вячеслава IV, находимъ, что онъ какъ человѣкъ, былъ Католикъ, но какъ Государь обязанный олицетворять выгоды своего народа, долженъ былъ иногда дѣйствовать совершенно противоположно своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Главною чертою характера Вячеслава IV было то, что онъ не терпѣлъ противорѣчій; своею склонностью къ неограниченному господству онъ вооружилъ противъ себя не только Чешское духовенство, но и Пановъ, города и самый народъ; особенно Паны, доведшіе Королевскую власть до совершеннаго ничтожества, были его непримиримыми врагами. Первое столкновеніе съ духовенствомъ Вячеславъ IV имѣлъ въ 1379: Деканы соборовъ, Пражскаго, Гвино Клаукъ и Кунешъ изъ Веселего не хотѣли признать Урбана VI истиннымъ Папою и держались стороны Климента VII; они были брошены въ тюрьму, откуда удалились потомъ къ Клименту VII; мѣста ихъ были отданы другимъ. Вячеславъ въ спорныхъ дѣлахъ духовенства съ городами почти всегда бралъ сторону послѣднихъ: въ 1379 г. въ г. Дорфмунтѣ духовныя лица отказывались платить подати съ городского имуществва, какъ платили ихъ міряне; Вячеславъ подчинилъ ихъ городскому управленію. Но еще важнѣе поведеніе Вячеслава въ Вратиславѣ: тамошній Магистратъ, на основаніи вольностей, данныхъ городу, конфисковалъ бочку Свидницкаго пива, приславшую Декану Капитула, его братомъ, Герцогомъ Рупрехтомъ Лигницкимъ. Деканъ Капитула (Domdechante) наложилъ запрещеніе на Вратиславу: народъ пришелъ въ уныніе, и Магистратъ принужденъ былъ принести жалобу Вячеславу на такой поступокъ духовенства. Вячеславъ самъ пріѣхалъ въ Вратиславу и убѣждалъ духовенство снять запрещеніе на время его пребыванія въ городѣ, но получилъ отказъ рѣшительный. Тогда Король бросилъ одного Аббата въ тюрьму, остальныхъ Канониковъ выгналъ на 2 года изъ города, а нѣвніе церковное отдалъ на разграбленіе народу, который не заставилъ себя просить, и ограбилъ начисто все имуществво Капитула. Споръ Вратиславскій продолжался цѣлые два года и заслужилъ названіе *Половской*

войны. Но тотъ же самый Вячеславъ, подтверждая въ 1381 всѣ права и вольности Пражской Церкви, писалъ, что первая его забота состоитъ въ томъ, чтобы въ его правленіе всѣ вольности монастырей и церквей сохранялись неприкосновенными, назначивъ огромную пеню, въ 1,000 фунтовъ серебромъ, противъ нарушителей этихъ вольностей. Съ января, 1382 года, Вячеславъ IV далъ разрѣшеніе дворянину, Петру Штернбергу, продать его движимое и недвижимое имѣніе, находившееся въ Чехіи, кому *хочетъ, за исключеніемъ духовныхъ лицъ*. Пельцель замѣчаетъ, что такое исключеніе не въ пользу духовенства встрѣчается очень часто въ грамотахъ Вячеслава IV. Давая привилегіи церквамъ и монастырямъ, Вячеславъ всегда имѣлъ въ виду чистую жизнь духовенства; такъ въ грамотѣ, данной Картезіанскому Пражскому монастырю, читаемъ: *«attendentes vitam devotam et coelestem Religiosorum Prioris et Conventus, et ut eo liberius servire valeant altissimo, etc.»*

Одною изъ главныхъ заботъ Вячеслава было положить конецъ порокамъ духовенства, которые дошли до нестерпимой наглости и не имѣли предѣловъ. Лучшимъ доказательствомъ этому слова самаго Папы къ Архіепископу Пражскому, который тогда, за свою примѣрную жизнь и таланты, былъ назначенъ Папскимъ Легатомъ въ округахъ Регенсбургскомъ, Бамбергскомъ и Мишенскомъ *«In quibus castris, terris, villis et locis plurimae plebaniae et ecclesiae ac multitudo Cleri consistunt, quodque personae ecclesiasticae ibidem existentes sint nimium dissolutae, divinis officiis et honestis moribus non vacantes pluraque beneficia ecclesiastica se invicem non compatiuntur insimul damnabiliter detinentes, ex quibus indevotio populi, animarum pericula aliaque mala et scandala plurima subsequuntur, ipseque Imperator ex illis, quae ab ipsarum personarum diocesanis ex superioribus minime corriguntur, plurimum conturbatur.»* т. е., Въ которыхъ замкахъ, земляхъ, селахъ и мѣстахъ премногіе приходы, церкви и многочисленное духовенство находится, а духовныя лица, тамъ состояція, очень распутны, не имѣютъ попеченія о Божественныхъ заповѣдяхъ и честныхъ правахъ, многія церковныя должности, одна съ другою несовмѣстныя, достойнымъ порицанія образомъ удерживаютъ, изъ которыхъ безнравственность народа, гибель душъ и другія бѣдствія и соблазны многіе слѣдуютъ, и самъ Императоръ терпитъ большое смущеніе отъ тѣхъ, которые не подвергаются никакому управленію со стороны Викарнаго и другихъ начальниковъ. — Не

менѣе дурное понятіе о нравахъ духовенства Чешскаго даетъ окружное посланіе Архіепископа Пражскаго, Іоанна Епштейна, которымъ онъ приглашаетъ на судъ безнравственныхъ священниковъ: «*Ioannes etc. Relatus de te verisonus postram contigit audientiam, quod tu profanae libidinis accensum facibus proprie dotis in curia continuo retineres concubinam, letifera turpiter milites in palaestra, tum quod singulis nocturnis diurnisque temporibus tabernarum nequiter insudas sauronibus.*» Необходимость исправить нравы духовенства чувствовали многіе, а въ томъ числѣ и Вячеславъ IV. Матѳей изъ Кракова, лекторъ Богословія при Пражскомъ Университетѣ, около этого времени говорилъ, въ собраніи высшаго духовенства, рѣчь о необходимости исправленія нравовъ духовенства, особенно священниковъ (рѣчь этаго имѣеть заглавіе: «*De emendatione morum Cleri*»). Вячеславъ особенно старался о томъ, чтобы священники не держали при себѣ женщинъ; часто въ расплохъ заставлялъ того, или инаго изъ нихъ, и по томъ очень строго наказывалъ виновнаго: лѣтописцы рассказываютъ, что онъ въ молодости приказывалъ таковыхъ съ ихъ пріятельницами выставлять у позорнаго столба на посмѣяніе народу. Можетъ быть, это извѣстіе преувеличено; но то въ высшей степени достоверно, что Вячеславъ усердно пытался исправить нравы духовенства. Искреннее желаніе Короля сохранить Католицизмъ въ Чехіи и оградить его отъ всякихъ непріязненныхъ вторженій обнаруживается въ грамотѣ его, данной 15 февраля, 1385, въ которой онъ повелеваетъ всемъ Бургграфамъ и прочимъ Королевскимъ чиновникамъ содѣйствовать во всемъ Инквизитору, Доминиканскому монаху, при розыскѣ и поимкѣ еретиковъ. Какіе были эти еретики и въ чемъ состояло ихъ ученіе, вовсе неизвѣстно. Въ началѣ грамоты Вячеславъ IV говоритъ: «*Salutaribus divorum predecessorum nostrorum, Imperatorum et Regum Romanorum, vestigiis inherentes, sanctum inquisitionis haereticae gravitatis negotium tanto desideramus ardentius promovere, quanto per aemulos fidei Catholicae nomen Domini nostri Jesu Christi, quod est super omne nomen, ejusque Sacratissimae Genetricis constat, quantum in ipsis est, crudelius blasphemari,*» повелевъ всемъ вообще и каждому въ особенности: «*constanter assistere et prompte parere et intendere*» Инквизитору; далѣе, онъ, обращаясь къ Королевскимъ чиновникамъ, говоритъ: «*Vos quoque Burggravil et ceteri officii nostri, dum super arrestandis aliquibus, in fide*

suspectis, per ipsum fueritis requisiti, qui sub nostra etiam residentes fuerint ditione, arrestationem talium nullatenus impedire, sed ipsi tales arrestare et ad locum congruum et securum eidem inquisitori representare curetes.» Потомъ, переходя къ городскимъ Магистратамъ, Король и имъ предписываетъ: «suaeque familiae ministretis expensas et cetera benevola suffragia opportuna impendere, turrim aliquam aut alium firmum locum pro conservatione eorundem, qui fuerint, sicut praemittitur arrestati, in locis, ubi dictus inquisitor deputatum et firmam ad hoc non habuerit mansionem, sibi absque contradictione aliqua assignantes, quo tales secure valeat conservare.» Видно, что эти поиски еретиковъ были соединены съ опасностями со стороны народа, какъ показываютъ слова грамоты, гдѣ Король, обѣщая чиновникамъ, которые окажутъ дѣятельную помощь Инквизитору, награду Бога: «cujus in hac parte res agitur,» прибавляетъ: «temporalem in personis et rebus non vereamini sustinere agrimoniam.» Духовенство безпрестанно находилось въ непріязненныхъ столкновенияхъ съ Вячеславомъ; въ 1386 игуменья монастыря Св. Георгія въ Пражскомъ замкѣ оскорбила его, и за то была изгнана изъ Чехіи; она удалилась въ Римъ, гдѣ принесла жалобу на Короля, но не успѣла ни въ чемъ предъ Папою и умерла въ Римѣ. Между тѣмъ Король Вячеславъ IV, привыкнувъ съ дѣтства видѣть въ окружающихъ безусловную покорность, не терпѣлъ гордыхъ и надмѣнныхъ поступковъ духовенства и не пропускалъ ни одного случая къ тому, чтобы унижить его, а съ другой стороны, при малѣйшей уступчивости духовенства, онъ не только подтверждалъ привилегіи, данныя ему предшественниками, но осыпалъ новыми, и едва ли которой ни будь изъ прежнихъ Чешскихъ Королей далъ духовенству столько грамотъ, подтверждавшихъ его давнишнія права и привилегіи, какъ Вячеславъ IV-й. Казалось, духовенство, предчувствуя, что скоро народъ съ вооруженною рукою потребуетъ у него отчета въ злоупотребленіи духовной власти, хотѣло собрать во едино тѣ документы, которые дѣлали изъ него привилегированное сословіе и на нихъ основать свое нравственное вліяніе. Особливо духовенство Пражское, преимущественно предъ духовенствомъ иныхъ церквей Чешскихъ, отстаивало свои права и пыталось расширить ихъ по возможности. Капитулъ Пражскаго собора очень часто спорилъ съ Королемъ; этотъ послѣдній, въ 1383 году, по смерти Земскаго Писаря,

бывшаго также и Каноникомъ, назначилъ на его мѣсто своего бухгалтера, Вячеслава изъ Стржибра, но Капитулъ не призналъ за Королемъ права назначать Канониковъ и ваканцію отдалъ Магистру Фридману, Билвискому Архидекану. Король предложилъ рѣшить дѣло чрезъ посредника, и избралъ имъ Пробста Св. Эгидія въ Прагѣ, Витка; однако Капитулъ отвергъ всякое посредничество. Дѣло Короля и Капитула длилось цѣлый годъ и, наконецъ, за первымъ признано было право назначать одного Каноника при Пражской Соборной церкви. Избѣгая на будущее время подобныхъ замѣшательствъ, Вячеславъ предписалъ высшему Чешскому духовенству замѣщать открывающіяся ваканціи придворными капелланами, которые содѣйствуютъ ему (Вячеславу) въ управленіи Государствомъ сообразно съ общественною пользою. Самъ Вячеславъ не отличался точнымъ исполненіемъ предписаній Католической Церкви: ея строгіе посты были ему очень тяжелы, и въ 1388 году онъ испросилъ себѣ позволеніе, значительно смягчавшее ихъ суровость. Даже, однажды въ присутствіи Архіепископа и многихъ духовныхъ лицъ, Вячеславъ обнаружилъ сомнѣніе на счетъ существованія Чистилища и его назначенія. Войтъхъ Ранконисъ изъ Еричино, Деканъ Пражскаго Собора, написалъ, по этому случаю, въ отвѣтъ Королю, разсужденіе, подъ заглавіемъ: «Arologia Purgatorii.» Замѣтимъ, что вопреки мнѣнію многихъ писателей, очернившихъ Вячеслава во всѣхъ отношеніяхъ, онъ былъ человекъ образованный, читалъ очень бѣгло по Латыни и любилъ спорить о Богословскихъ предметахъ; но и здѣсь, какъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ, онъ не терпѣлъ противорѣчій.

Въ маѣ 1389 видимъ первое возстаніе массы Пражскаго народонаселенія, гдѣ оно, не смотря на то, что дѣйствовало еще какъ слѣзное орудіе въ рукахъ духовенства, развернуло уже необыкновенную энергію и отрицательную силу. Духъ въротерпимости всегда отличалъ всѣ Славянскіе народы: такъ и Евреи, жившіе въ Чехіи, пользовались несравненно большимъ спокойствіемъ, чѣмъ въ Германіи, со стороны народонаселенія. Въ Прагѣ особенная часть города, окруженная стѣнами, служила мѣстомъ жительства множеству Евреевъ. Случилось одному Христіанскому священнику проходить съ Св. Тайнами въ рукахъ чрезъ Жидовскую часть города: Евреи сначала довольствовались тѣмъ, что поносили Господа и его служителя, но потомъ начали бросать камнями, и тѣмъ принудили священника возвратиться назадъ. Евреи виновные были брошены

въ тюрьму. Но духовенство этимъ не удовольствовалося и жаждало мести не столько за оскорбленіе Св. Тайнъ, сколько за обиду, нанесенную его члену. Въ день Св. Пасхи многіе священники въ проповѣдяхъ подстрекали народъ противъ Іудеевъ, и вызывали его къ мести: огромныя толпы народа, воспламененныя фанатизмомъ, подъ предводительствомъ одного изувера, по имени Лешка, ворвались въ Жидовскую часть и предали все огню и мечу: дома были разрушены, болѣе 3 тысячъ Евреевъ убиты, или сожжены, и только нѣкоторыя женщины и дѣти ихъ были спасены Магистратомъ и крещены немедленно, чтобы защитить ихъ отъ народнаго неистовства. Народъ, думая, что отмстил за оскорбленіе Христа, разошелся по домамъ. Король Вячеславъ былъ тогда въ Хебъ по дѣламъ Имперіи: узнавъ объ избіеніи Іудеевъ въ Прагѣ, онъ тотчасъ принялъ мѣры оградить ихъ въ прочихъ городахъ Чехіи и Германіи отъ подобной участи. Но, возвратившись въ Прагу, Король предалъ все дѣло забвенію: онъ видѣлъ, что народъ невиноватъ, что былъ воспламененъ фанатизмомъ; духовенство представило Вячеславу дѣло такъ, что Евреи были во всемъ преступны и наказаны по дѣломъ; тѣмъ не менѣе все захваченное у Іудеевъ имущество (болѣе 5 бочекъ серебра), на основаніи стариннаго права, было выдано Королю.

Главною заботою Короля Вячеслава IV было ослабить сильное Чешское Дворянство, въ которомъ онъ видѣлъ главное препятствіе своимъ планамъ Самодержавія. По моему мнѣнію стремленіе къ этой цѣли ввело его въ двойную борьбу, съ Чешскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, борьбу, въ которой онъ былъ дважды плѣнникомъ и слѣдствія которой были все не въ его пользу. Споръ Короля съ Чешскимъ Дворянствомъ завязался изъ за владѣнія Коронными имуществами, которыя мало по малу перешли въ руки Пановъ въ слѣдствіе затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ Королей Чешскихъ; большая часть этихъ имуществъ, бывшихъ единовременнымъ источникомъ Государственныхъ доходовъ, была заложена еще Іоанномъ Люксембургскимъ и, по давности времени, считалась полною собственностью владѣвшихъ ими. Но Вячеславъ, видя, что доходы его совершенно истощились, рѣшился предъявить свои давнишнія права на Коронныя земли, занятыя духовенствомъ и дворянствомъ; послѣднія два сословія не хотѣли уступить добровольно и разстаться съ своими законными и незаконными приобрѣтеніями; одинъ Архіепископъ Пражскій владѣлъ

семью городами, не считая множества замковъ и селъ, присвоенныхъ имъ въ смутныя времена. Въ 1389 г. Вячеславъ назначилъ сеймъ въ Прагъ, на которой особенно пригласилъ тѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, кои владѣли заложеными Коронными имуществами. Въ рѣчи, которою Вячеславъ открылъ засѣданіа Сейма, онъ говоритъ, между прочимъ, что если такой порядокъ вещей продолжится, то Чехія изъ Королевства станетъ Герцогствомъ, и въ заключеніе попросилъ у членовъ Сейма помочь ему въ возвращеніи Коронныхъ имѣній. Чины отвѣчали уклончиво и просили Короля оставить имъ то, чѣмъ они владѣли безпрепятственно при его предшественникахъ. Вячеславъ возразилъ на это угрозою, послѣ чего Сеймъ перешелъ къ инымъ дѣламъ. Спустя около полугода послѣ этого происшествія, Вячеславъ назначилъ Сеймъ въ г. Вилемовъ, и, подъ страхомъ своего Королевскаго гнѣва, пригласилъ туда всѣхъ тѣхъ, которые завладѣли Коронными имуществами; здѣсь, на Сеймѣ въ Вилемовѣ, по деспотической волѣ Вячеслава, не только въ противность Чешскимъ кореннымъ законамъ, но и праву народному, нѣкоторые изъ вельможъ, отказавшихся возвратить ему Коронныя имущества, были казнены, остальные уступили волѣ Короля и удержали свои помѣстья, въ видѣ лена, пожизненно. Исторіографъ Чешскій, Палацкій, говоритъ (В. III. 1 Abth. S. 67, Anm. 76), что Сеймъ Вилемовскій есть басня, основанная на подобномъ, но также не совершенно доказанномъ, поступкѣ Короля Сигизмунда съ Уграми; въ доказательство того Г. Палацкій написалъ подробное критическое изслѣдованіе (помѣщенное въ *Časopis Českého Museum*, 1842, стр. 344—362). Мы сообщили извѣстіе о Вилемовскомъ Сеймѣ по другому Чешскому историку, Пельцелю, и, соглашаясь съ мнѣніемъ Палацкаго, что разсказъ о немъ басня, замѣтимъ, что онъ не совсѣмъ доказательно отрицаетъ существованіе борьбы Вячеслава съ Панами Чешскими за присвоеніе ими Коронныхъ и Государственныхъ имуществъ. Палацкій говоритъ: догадка, на которой опирается эта сказка (о Вилемовскомъ Сеймѣ), что всѣ Коронныя имущества Чешскія уже при Карлѣ IV (здѣсь поставленъ знакъ удивленія) и потомъ и при Вячеславѣ IV были заложены Панами, просто безрасудна («ist rein absurd»). Совсѣмъ не безрасудна. Извѣстно изъ собственныхъ записокъ Императора Карла IV, что, когда отецъ его, Король Чешскій, Іоаннъ Люксембургскій, прислалъ его, еще 16-лѣтнимъ юношею (онъ тогда по

силъ титулъ Маркграфа Моравскаго), въ качествѣ своего Намѣстника, то молодому Карлу даже негдѣ и нечѣмъ было жить, именно по тому, что всѣ Коронныя имущества были заложены. Просимъ припомнить еще, что Карлъ IV-й, нуждаясь безпрестанно въ огромныхъ денежныхъ суммахъ на исполненіе своихъ честолюбивыхъ относительно Чехіи замысловъ, платя наличными деньгами за Браннборъ, Силезію и Верхній Пфальцъ, долженъ былъ продавать и отдавать подъ закладъ различныя Коронныя имущества и привиллеги, на что мы имѣемъ у Пельцеля собраніе множества документовъ и подлинныхъ актовъ. Источниковъ доходовъ у Королей Чешскихъ того времени не было иныхъ, какъ съ Коронныхъ имуществъ и серебряныхъ рудниковъ Кутной Горы, по тому что правильныхъ налоговъ на удовлетвореніе Государственныхъ нуждъ не существовало еще; на Сеймахъ Паны и города давали добровольныя вспоможенія по своему усмотрѣнію; общій поголовный налогъ, именуемый *берна*, могъ быть взимаемъ Королемъ Чешскимъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, при коронаціи, женитьбѣ, свадьбѣ дочерей и сыновей, былъ крайне отяготителенъ для народа и всегда влекъ за собою всеобщее неудовольствіе. Замѣчательно, что *берна* взималась прямо Королевскимъ повелѣніемъ, безъ воли Сейма. Отсюда ясно, что, при недоброжелательствѣ Пановъ и недостаткѣ Коронныхъ имуществъ, проданныхъ, или заложженныхъ большею частью, единственный источникъ доходовъ, для всѣхъ Государственныхъ потребностей, были серебряныя Кутногорскіе рудники. Отъ этого для Вячеслава совершенная невозможность дѣйствовать, не имѣя никакихъ денежныхъ средствъ, этого необходимаго «*per vi regum gerenda-gium*». Что касается до мнимаго сокровища, которое будто бы Вячеславу оставилъ отецъ его, Карлъ IV, то гдѣ на то доказательство? Не есть ли это догадка? Иначе, за чѣмъ было бы Вячеславу IV просить Пана Бонифація IX уступить ему на годъ десятину съ доходовъ церковныхъ имуществъ, говоря, что ему нечѣмъ отправиться въ Римъ на Коронацію? Всѣ обстоятельства царствованія Вячеслава IV свидѣтельствуютъ, что онъ приведенъ былъ въ совершенную невозможность дѣйствовать не лѣнностью и не отвращеніемъ отъ дѣлъ, а непомѣрнымъ возвышеніемъ Пановъ и духовенства Чешскаго. Отсюда ясно, почему Вячеславъ, будучи самъ ревностный Католикъ въ душѣ, съ внутреннею радостью смотрѣлъ на дѣйствія Гуса и тайно ему покровительство-

валъ. Паны также приняли сторону Гуса, потому что онъ позволялъ имъ присвоивать церковныя имущества. Это счастливое стеченіе обстоятельствъ объясняетъ видимое неравенство силъ въ борьбѣ Гуса съ цѣлымъ духовенствомъ. Гораздо труднѣе было Вячеславу управиться съ Пражскимъ Архіепископомъ, который былъ самъ очень силенъ и числомъ помѣстьевъ, и множествомъ вооруженныхъ слугъ. Дворяне также заступались за помѣстья, которыя они считали законно приобрѣтенными.

1391 годъ очень важенъ въ исторіи внутренняго движенія Чешскаго народа основаніемъ Виолеемской церкви, мѣста, гдѣ въ первые высказались вопросы, занимавшіе Чешскій народъ. Пришла, наконецъ, пора великому броженію, давно совершавшемуся въ груди Чешскаго народа, вырваться наружу, сказаться въ сильныхъ и мощныхъ движеніяхъ. Виолеемская церковь стала предстательницею внутреннихъ потребностей Чешскаго народа: самое время ея основанія исполнено глубокаго смысла; оно показываетъ, когда въ Чехахъ созрѣлъ духъ народного противодѣйствія притязаніямъ Католицизма. До насъ дошла грамота Короля Вячеслава IV-го, отъ 2 сент., 1391 года, въ которой читаемъ: «Wenceslaus etc. Serenitatis nostrae accedens, personalem praesentiam strenuus Iohannes Mulheym, familiaris et fidelis noster dilectus, Ma jestati nostrae proposuit, qualiter fidelis noster dilectus Crux institor civis Pragensis, domum sive aream, prope ecclesiam parochialem Sanctorum Apostolorum Philippi et Iacobi Pragensem sitam, dictam Scalsky, dudum per ipsum comparatam, in cuius etiam existit possessione pacifica, pro erectione Basilicae in honorem Sanctorum Martyrum Innocentum, et ad aedificationem domus pro habitatione Capellanorum ejusdem capellae, qui praedicationis duntaxat habebunt, insudare labori, sacrique dogmatis fluente sitientibus et justitiam fidelibus populis ministrare, zelo sincere deuotionis accensus, donauit, supplicans nobis humiliter et deuote, quatenus donationi praefatae domus et areae consentire ipsasque pro usibus Capellanorum et ecclesiae appropriare annectere, unire et incorporare gratiosius dignaremur.» Разсмотримъ теперь грамоту на основаніе (Stiftungsbrief) Виолеемской церкви, данную еи строителемъ, Иоанномъ изъ Мюльгейма; она такъ важна, что мы не можемъ не представить изъ нея извлеченій, показывающихъ и состояніе умовъ въ Чехіи, и объясняющихъ послѣдующія историческія

событія. Въ началѣ Іоаннъ говоритъ о важности проповѣди въ ученіи Христіанскомъ: слова достопамятныя, которыя не суть слова одного лица, но выражаютъ общественное мнѣніе того времени, слова, которыя мы услышимъ въ послѣдствіи изъ устъ Іоанна Гуса: «*In nomine Domini. Amen. Misericors et Miserator Dominus, qui escam in semine verbi sui reliquit timentibus se, sic per Sanctorum Patrum instituta instituit, ne verbum Dei alligetur, quin immo actus ille caeterorum liberrimus et ecclesiae suae sanctae ipsiusque membris utilissimus, quem veteris novique testamenti Patres Sancti, immo et ipse Salvator noster constanter super opera ejus et etrenue isque ad mortem, prosequentes, fore optimum comprobaverunt.*» За тѣмъ слѣдуютъ слѣдующія твердыя и мощныя слова, вырвавшіяся изъ глубины души: «*Nisi enim ipse verbi Dei et Sanctae praedicationis nobis se non reliquisset, nos Sodoma et Somorra fuissetis, qui et discipulis suis post resurrectionem suam manifestus apprensus, in ejus perennem memoriam ipsam praedicationem per eos tradidit exequendam.*» Тутъ слѣдуютъ побудительныя причины, понудившія Мюльгейма къ созданію Вилеємской Церкви: «*Cum autem omnis ipsius actio suorum fidelium instructio esse censeatur, et ad quam sacrosanctis scripturarum eloquiis omnis Christi fidelis exhortatur, igitur ego, Ioannes de Milheym animae meae salutem multorumque Christi fidelium spiritualem refectionem desiderans, quomodo provida consideratione pensans et in civitate Pragensi licet multa sint loca ad divinos cultus ordinata, nihilominus tamen eadem per plurimos alios sacros actus occupantur pluries, sic quod nullus locus ad privilegiatum praedicationis verbi Dei officium sit ibidem specialiter deputatus, sed praedicatores ipsi specialiter vulgaris Boemici eloquii, plerumque per domos et latebras coguntur, quod non congruit, diuagari, quemadmodum saepius notabiliter est compertum.*» Здѣсь, послѣ повторенія вышеназложенныхъ побудительныхъ причинъ, Мюльгеймъ переходитъ къ самому храму: «*Sano animo et deliberato ac digesto consilio, ad laudem, gloriam et honorem omnipotentis Dei etc. Capellam in honorem Sanctorum Innocentium in area providi viri Crucis, cuius majoris civitatis Pragensis, quam idem Crux, zelo deuotionis motus ad id pie donavit, sita in plebe et juxta ecclesiam Sanctorum Philippi et Iacobi Apostolorum in dicta ciuitate Pragensi, quam Bethlehem, quod interpretatur domus Panis, censui*

appellandam hac consideratione, ut ibidem populus communis et Christi fideles pane praedicationis Sanctae refici debeant; in modo et ordine intra scriptis, съ именнаго согласія Короля Вячеслава IV, «ac adhibito etiam consensu honorabilis viri Domini Ulrici, plebani dictae Ecclesiae Sanctorum Philippi et Iacobi Apostolorum, infra cujus fines et limites dictus locus consistit, cui pro iuribus suis Parochialibus et pro quouis praeiudicio, quod forte sibi ex hoc oriri praetenderetur, est per certum transactionem satisfactum, decreui et disposui erigendam.» Для этой церкви и проповѣдника, который долженъ при ней находиться (Rector capellae), Иоаннъ Мюльгеймъ жертвуетъ 9 копѣ грошей Пражскихъ, полагая въ каждой копѣ ихъ шестьдесятъ, изъ доходовъ своего помѣстья, Преровъ, недалеко отъ Пардубиць, предоставляя всѣ прочіе доходы съ того же помѣстья себѣ и наслѣдникамъ: «Salvo pluri per me auctore Domino imposterum addendo.» Доходы церковные должны быть вносимы Иоанномъ и его наслѣдниками дважды въ годъ, въ день Св. Галла и Св. Георгія, и при томъ на ихъ собственный счетъ. Если же наслѣдники Иоанна Мюльгейма не внесутъ въ надлежащій срокъ доходовъ церкви, то проповѣдникъ ея имѣетъ право заложить, и даже продать, помѣстье Преровъ, и взять кромѣ долга еще $\frac{1}{2}$, его и всѣ убытки. Если же, при какомънибудь несчастномъ случаѣ для Чешскаго Королевства, помѣстье Преровъ будетъ разорено и крестьяне будутъ неспособны къ взносу церковнаго дохода, то Иоаннъ Мюльгеймъ обязывается, за себя и своихъ наслѣдниковъ, выплатить его «de universitate bonorum meorum, ad Pardubitz pertinentium.» Далѣе Иоаннъ Мюльгеймъ предоставляетъ себѣ право назначать капеллана, который долженъ быть «praedicator vulgaris Boemici eloquii,» и передаетъ это право своимъ наслѣдникамъ. Девять копѣ Пражскихъ грошей должны исключительно быть посвящены на содержаніе Чешскаго проповѣдника «usque dum ad numerum viginti sexagenarum grossorum praedictorum census annui fuerit per me aut largitione aliorum Christi fidelium donatus. Quo numero peracto (продолжаетъ Мюльгеймъ, намекая на алчность и корыстолюбіе современнаго ему духовенства, 1391, 24 Мая) de his tantum ipsum et non de pluri volo stare contentum, nisi ipse de suis propriis facultatibus sibi et suis successoribus ampliores voluerit redditus adaugere.» Здѣсь слѣдуетъ главное распоряженіе Мюльгейма: «Volo etiam et signanter

etiam hac adjungo ac intendo, ut dictus Capellanus ad sonum campanae diebus singulis ab ecclesia celebribus mane et facto prandio, et tempore aduentus et quadragesimae mane tantum horis solitis, et prout in aliis ecclesiis praedicari est consuetum, Verbum Dei communi populo ciuitatis in vulgari Boemico sit ad praedicandum astrictus, populum excessiue propter visitationem diuinorum in plebibus suis non retinendo. Ad officium autem Missae ipsum suae conscientiae duxi delinquendum.» Относительно ставленія проповѣдниковъ, Іоаннъ изъ Мюльгейма распорядился такъ: «Habita prima praesentatione per me de persona, quam voluero, eodem praesentato cedente aut decedente tres Magistri de Collegio Caroli Universitatis studii Pragensis, natione Boemi et seniores, assumpto ad se in Consilium Magistro ciuium maioris Ciuitatis Pragensis, qui fuerint pro tempore, mihi aut haeredibus et successoribus meis, tres personas habiles et idoneas, et quas meliores in veritate et utiliores in praedicationis officio, omnibus affectionibus, fauoribus et aliis circumductis, nouerint, praesentabunt et offerent, super quo eorum conscientiam coram Deo valo praesentibus onerari, ex quibus unum, qui mihi aut meis haeredibus et successoribus conuenientius videbitur aptior et utilis, ad instituendum et confirmandum loci ordinario praesentabo, aut mei haeredes ut successores praesentabunt, ipseque Capellanus seu Praedicator facere ibidem tenebitur residentiam personalem.» Если Кржыжъ (Сух), Пражскій купецъ, или иной ктонибудь пожелаютъ, писать далѣ Мюльгеймъ, то могутъ опредѣлить еще одного проповѣдника на правахъ патроната: «Ita et non aliter, quodidem Capellanus in diuinorum celebratione singularitater non faciat, ne praedicationis officium in aliquo perturbetur, sed sit ad imperium praedicator mei praedicti.» Особенно важно слѣдующее мѣсто, показывающее отношеніе тогдашнихъ священниковъ къ ихъ паствѣ, и злоупотребленія, которыми она безнаказанно пользовались: «Quia plerumque fieri solet, quod nonnulli quaerunt, quae sua et non quae sunt Iesu Christi, ut recepto beneficio et emolumento de officio et abore minime intendant, volo, ut praedicator praedictus, si colore quouis quaesito causa subterfugii aut praetextu visitationis aliquorum beneficiorum suorum, si quae habuerit, se a dicto officio absentauerit, quod hoc sibi facere non liceat, nisi causa subsit rationalis et legitima et talis, ad quam sit cum merito necesse abesse, de scitu tamen et indulto loci ordinarii aut suorum generalium

in spiritualibus vicariorum, a quibus petita licentia et obtenta abesse poterit, idoneo et valente praedicatoro in vicem sui et usque ad reditum substituto, secus si factum fuerit, eundem pro rata temporis absentiae ipsius anni duntaxat carere redditibus volo, structuris et fabricae ac aliis necessitatibus ipsius Capellae pene nomine irremissibiliter applicando.» Іоаннъ Мюльгеймъ старается предупредить бѣды, которыя могутъ случаться отъ корыстолюбія духовныхъ. Вообще замѣчательны его слова, гдѣ онъ говоритъ объ алчности лицъ духовныхъ: «et ne de oblationibus Christi fidelium.... haesitari valeat, vitenturque scandala, propter quae plerumque vitiorum mater auaritia nonnullos in labem depressit, de eisdem oblationibus et offertoriis ac aliis intuitu elemosynae ibidem porrigendis ita volui disponendum, ut nullus Praedicatorum et Capellanorum praedictorum se de eisdem aliqua ratione aut via seu colore futuris quibuscunque temporibus ingerat nec de eis quidquam suis usibus, sint pauca vel multa, applicet, sed his in communi gasophilacio repositis, et sub tribus seris intacte conseruatis, quarum primam clavem praedictus Praedicator, alteram Magistri et tertiam Patronus, aut cui duxerit committendam, conseruabunt, ut de eorum communi scitu et concordi consilio aptis et opportunis ac necessariis temporibus expositio et dispositio fiat in ordine subscripto.» Деньги собираемыя должны быть употреблены такъ: 90 грошей ежегодно должны быть вносимы приходскому священнику церкви Св. Іакова и Филиппа, за потеряныя ими права на домъ и церковь Виолеемскую; за сѣмъ, какія останутся деньги, должны быть употреблены на поддержаніе церкви въ ея надлежащемъ видѣ: «His cessantibus,» продолжаетъ Мюльгеймъ, libri pro capella et studio praedicanantis necessarii comparantur.» По приобрѣтеніи достаточнаго числа книгъ, доходы церкви должны быть берегаемы, доколѣ не соберется 20 копъ грошей, и тогда имѣеть быть учрежденъ второй проповѣдникъ, совершенно на томъ же основаніи, какъ и предыдущій. По опредѣленіи и достаточномъ обезпеченіи содержанія новаго проповѣдника, доходы церковныя должны быть откладываемы въ сторону, и когда соберется 5 копъ грошей, то необходимо долженъ быть содержимъ одинъ бѣдный студентъ Богословія, а если соберется 10, то два и т. д.; съ увеличеніемъ доходовъ должно умножаться число студентовъ Богословія: «Quorum studentium erectionem, dispositionem, modum,

ordinem, onus et formam Praedicatori dictae capellae et dictis tribus Magistris Collegii Caroli nationis Boemicae, qui fuerint pro tempore, maturius dirigendum in posterum reservo.» Въ грамотѣ Короля Вячеслава, данной 13 Сентября, 1391, дозволяется Іоанну Мюльгейму, который названъ единственнымъ строителемъ церкви, пожертвовать ей доходъ въ 30 копѣ: грамота эта написана чрезвычайно благосклонно къ дѣлу, начатому Мюльгеймомъ, и обнаруживаетъ симъ образъ мыслей, если не самого Короля, то его ближайшихъ совѣтниковъ относительно этого дѣла. Послѣ многословнаго разсужденія о пользѣ проповѣди, сочинитель грамоты говоритъ: «Praedicatores seu divini verbi praesones stabilimento eiusdem sacrae fidei utiles et proficuos reputamus, illos signanter, qui sciunt et possunt sibi per vitae meritum et aliis profiteri per doctrinam etc. (Pelzel, Urkundenbuch zur Lebensgeschichte Königs Wenceslaus. Prag, 1785, S. 101—108). Уже 5 іюля, 1391 года, Іоаннъ Помукъ, Викарій Пражскаго Архіепископа, утвердилъ проповѣдникомъ Виелеемской церкви Яна Противу «de Nova villa,» но не прежде какъ въ 1408 году Папа Григорій подтвердилъ учрежденіе Яна изъ Мюльгейма. Не извѣстно, на какомъ основаніи Бальбинъ пишетъ (р. 418), что Виелеемская церковь построена купцомъ Іоанномъ Кржижомъ (Сгих) въ 1392; что она заложена въ этомъ году, а окончена въ 1405 г., и къ ней только тогда опредѣленъ проповѣдникъ Яномъ изъ Мюльгейма, и что этотъ проповѣдникъ былъ Гусъ. Ниже увидимъ, что Гусъ былъ не первымъ, но третьимъ, проповѣдникомъ при Виелеемской церкви. Въ 1385 году (по Бальбину) Архіепископъ Пражскій, Іоаннъ, имѣлъ въ Прагѣ областной соборъ; Іоаннъ, гордый Прелатъ, стоявшій упорно за свои права, былъ вмѣстѣ умный и прозорливый человекъ: отъ него не укрылось броженіе, господствовавшее въ народѣ; онъ превосходно понималъ опасность своего положенія. Одинъ современный лѣтописецъ (у Добнера: Monumenta Boemiae t. III, р. 42) разсказываетъ это по своему: Іоаннъ, Архіепископъ Пражскій, говоритъ онъ, въ своемъ домѣ, подлѣ Пражскаго моста, видѣлъ сонъ, или лучше видѣніе, что народъ преслѣдуетъ духовенство, вырываетъ у него ключи власти силою, и помышлялъ грядущія бѣдствія Чехіи; онъ призвалъ на совѣтъ Доктора Астрономіи, Галла Великаго, который сказалъ ему то же самое. Отчаянное положеніе вызываетъ отчаянныя средства, и Іоаннъ, уже въ 1385 году, призываетъ ду-

ховенство соединиться съ нимъ и употребить всѣ средства, которыми оно можетъ располагать: «*Omnia tela,*» пишетъ онъ въ опредѣленіяхъ собора, «*et anathemata aduersus haereses, aduersus bonorum ecclesiasticorum occupationem et aduersus Sacerdotum caedes vibrantur.*» Впрочемъ, злоупотребленія духовенства и его безнравственность были такъ вопіющіе, что Іоаннъ рѣшился сдѣлать нѣсколько уступокъ общественному мнѣнію и обуздать развратное духовенство: въ опредѣленіи этого собора узнаемъ, что нѣкоторые духовные совершаютъ всѣ духовныя дѣйствія относительно своихъ прихожанъ не иначе, какъ за чистыя деньги, и что Архіепископъ строжайше запрещаетъ эту Симонию; священникъ, который приобщалъ Св. Таниъ, или совершалъ иное какоенибудь священное дѣйствіе за деньги, немедленно долженъ былъ оставить свои бенефиціи, а капелланъ былъ наказываемъ заключеніемъ въ Архіепископской темницѣ.

Вячеславъ не переставалъ покровительствовать Пражскому Университету: грамотою 13 Октября, 1392, онъ освободилъ Магистровъ, Докторовъ и Студентовъ этого Университета отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, а равно и отъ всякой зависимости судебной отъ Пражскихъ Городовъ и подчинилъ во всѣхъ отношеніяхъ одному себѣ. Въ 1393 году давнишняя распря Короля Вячеслава съ Архіепископомъ Іоанномъ дошла до высшей степени раздраженія съ обѣихъ сторонъ и обнаружила вполне безсиліе духовной власти. Іоаннъ Енштейнъ или Енциенштейнъ былъ Епископомъ Мишненскимъ и потомъ Архіепископомъ Пражскимъ послѣ Іоанна Очка изъ Влашима, который сдѣланъ Кардиналомъ въ 1379 году. Іоаннъ Енштейнъ былъ человекъ веселый, любилъ пиры и удовольствія всякаго рода, и чрезъ то сдѣлался неразлучнымъ сопутникомъ Короля Вячеслава. Въ 1382 году въ Іоаннѣ сдѣлалась внезапная перемѣна: изъ свѣтскаго веселаго человека онъ сталъ угрюмымъ и молчаливымъ отшельникомъ и началъ вести жизнь самую строгую. Люди, его окружавшіе, полагали, что внезапная смерть Архіепископа Дѣвинскаго (Магдебургскаго), испутившаго духъ среди пляски, сильно подѣйствовала на Іоанна и послужила къ исправленію его жизни. Но болѣе важная перемѣна случилась въ душѣ Іоанна Енштейна; его дѣйствія исполнены глубокаго смысла и его самаго можно назвать Осною Бекетомъ Чехіи. Всѣ усилія Іоанна клонились къ тому, чтобы поддержать

Католичество, которое становилось невыносимо для Чеховъ. Ни какой Король не можетъ отдѣлиться отъ выгодъ своего народа, потому что въ нихъ лежатъ и его собственныя. Такъ и Вячеславъ, хотя и по воспитанію и по убѣжденію Католикъ, не могъ не раздѣлять противокатолическихъ стремленій своего народа; придворные и совѣтники Вячеслава слѣдовали его примѣру. Что оставалось дѣлать Архіепископу противъ народа, вельможъ и Короля? Енштейнъ имѣлъ великія цѣли: видя шаткое положеніе свѣтской власти, явно непріязненное расположеніе умовъ народа, видя готовность вельможъ захватить огромныя церковныя имѣнія; однимъ словомъ, не видя ни чего, кромѣ опасностей, Іоаннъ Енштейнъ не пришелъ въ отчаяніе, но въ самыхъ опасностяхъ почерпнулъ удивительныя силы. Все истинное могущество духовной власти было нравственное: Іоаннъ рѣшился побѣдить всѣхъ своихъ враговъ духовными силами, но онъ зналъ, что этѣ послѣднія могутъ быть только тогда дѣйствительны, когда они опираются на нравственное основаніе; чтобы пріобрѣсть вліяніе на умы народа, такъ легко воспринимающаго внѣшнія впечатлѣнія, Іоаннъ измѣнилъ совершенно свой образъ жизни, сталъ вести жизнь истинно Апостольскую. Тогда онъ почелъ себя вправѣ вступить въ борьбу съ Королемъ и вельможами, надѣясь побѣдить ихъ нравственными силами; но онъ слишкомъ понадѣялся на нихъ; онъ не примѣтилъ, что основанія, на которомъ опирается всякая внѣшняя и внутренняя сила, у него не было, что сердца народа навсегда удалены отъ него. Тринадцать лѣтъ (1383—1396) шла почти непрерывная борьба между Королемъ и вельможами съ одной стороны и Архіепископомъ съ другой; борьба была неравна, по тому что и не все духовенство стояло за Архіепископа, даже самый Капитулъ былъ противъ него; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ борьбу, и честно удалился съ поля сраженія, убѣдившись въ своемъ безсиліи. Борьба Іоанна, Архіепископа Пражскаго, съ Вячеславомъ существенно отличается отъ борьбы Епископа Андрея съ Оттакаромъ Пржемысловъ I: здѣсь духовная власть старалась выйти изъ своего естественнаго круга, присвоить себѣ власть, ей не принадлежащую. Напротивъ, Іоаннъ не искалъ ни чего болѣе, какъ того, чтобы сохранить Церковь Чешскую въ ея прежнемъ положеніи и оградить отъ покушеній

Короля, вельможъ и народа. Дѣйствія этой борьбы намъ извѣстны вполне: они драгоцѣнны, по тому что изъ нихъ превосходно узнаемъ положеніе духовной власти въ Чехіи: разсмотримъ же памятникъ, содержащій въ себѣ повѣствованіе о борьбѣ Іоанна Архіепископа съ свѣтскою властью, по скольку въ немъ узнаемъ черты народнаго движенія и состояніе Чехіи относительно Вѣроисповѣднѣхъ мнѣній. Памятникъ этотъ—это подробная жалоба Архіепископа Іоанна Папѣ на всю Чехію, представляющая всѣ страданія духовной власти отъ свѣтской: «Acta in Curia Romana Iohannis a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis III.»

Уже 14 или 15 лѣтъ тому, пишетъ Іоаннъ (это было въ 1393), я наединѣ просилъ Короля отстать отъ многихъ поступковъ, которые могутъ повлечь его въ вѣчное осужденіе: онъ не только не повиновался мнѣ, но и причинилъ величайшіе убытки мнѣ и Чехіи. Тогда я, составивъ отъ лица моего и всего духовенства жалобу, поднесъ ее Королю, требуя по ней удовлетворенія. Ст. I. Духовенство говоритъ, между прочимъ, что оно навлекло бы на себя не только негодованіе Апостольскаго престола и неблаговоленіе Божіе, но и заслужило бы всякое наказаніе отъ Его Королевскаго Величества, если бы, видя опасность, оно не довело до него о ней свѣдѣнія. Въ чемъ состоитъ эта опасность? Предоставимъ говорить здѣсь духовенству: «Cum amaritudine cordis et gemehunde referimus, lucedenter constet, sacramenta conculcari, claves ecclesiae et censuram ecclesiasticam contempni, iusticiam, processus et literas Apostolicas impediri, profanari ecclesias, multos ad beneficia intrudi, clerum opprimi, bona eius dirimi, libetrates quoque ecclesiasticas ad diuis Imperatoribus concessas et Regibus, ac clarae memoriae Progenitore vestro actas et defensatas, grauissime violari! Чтая этѣ строки подумаешь, что они писаны среди ужасовъ Гуситскихъ войнъ, а между тѣмъ состояніе вещей, здѣсь описанное, дѣйствительно существовало еще за тридцать лѣтъ до ихъ начала. Далѣе духовенство продолжаетъ: «Ex quibus... cultus Dei minuitur, nedum inhonoratur Deus, nomen Christi blasphematur et grande periculum vertitur fidei orthodoxae, sed etiam fama regalis nominis et Regni Boemiae plurimum denigratur.» Таково уже было состояніе Чехіи въ 1383, слѣд., почти за двадцать лѣтъ до появленія Гуса, какъ историческаго дѣятеля. Ст. 3. Королевскіе чиновники, Бургграфы, Судьи и др. священниковъ и монаховъ вызываютъ къ суду, наказываютъ ихъ и

въ случаѣ неповиновенія заключаютъ, ихъ въ темницы и отбираютъ ихъ имѣнія; такъ нѣкоторые Студенты были задержаны въ Новомъ Пражскомъ Городѣ и не были выданы Архiepископу, но представлены въ свѣтскій судъ, совершенно вопреки привилегіямъ и правамъ церкви. Ст. 4. Строжайше наказываются тѣ духовныя лица, которыя засѣдаютъ въ церковныхъ судахъ и рѣшаютъ дѣла клериковъ: «Proscribuntur, fugantur et persecutionem usque ad exterminium patiuntur cum magno periculo vitae suae. Ст. 5. Item sententia excommunicationis papalis, iuris Canonici et Episcopalis non curatur, immo et eam ferri illamque executioni mandari minatorie prohibetur, in quo utique claves ecclesiae—graviter contempnantur. Ст. 6. Item prohibetur—et impeditur, ne aliquis processus, rescripta et mandata Apostolica exequatur, sicut noviter ad Sanctum Iacobum accidit, ubi executor mandati Apostolici enormiter tractus per ecclesiam et usque ad effusionem sanguinis laesus fuit, et in captivitate seculari in Pragensi ciuitate in praetorio diu tentus et sic ecclesia fuit execrata, sacramenta contempta et sacra conculcata. Plures excommunicatorum in maiorem Dei contemptum intersunt absque timore diuinis etc. Ст. 7. Item multi, non inrantes per ostium, sed velut fures per intrusionem dampnabiliter occupant beneficia, et si qui huiusmodi intrusioni violenter resistere vellent, in periculo sunt personarum et rerum. Ст. 8. Item libertas matrimonii, quod utique Sacramentum est, contra Deum opprimitur, quia mulieres aut virgines vel rapiuntur impune, vel sub poena priuationis bonorum maritos contra voluntatem suam ducere compelluntur. Ст. 9. Clerus exhaereditatur per indirectum, quod est contra omne ius naturale:» у лицъ, поступающихъ въ духовенство, или монашество, Королевскіе чиновники отбирали ихъ наследственное имѣніе. Ст. 10. Монастырѣмъ запрещается продавать помѣстья, а въ противномъ случаѣ помѣстья проданныя безъ согласія Короля, конфискуются его чиновниками. Ст. 11. Item monasteria, quae solum pro seruitorum, peregrinorum et pauperum hospitalitate ordinata sunt, tot cotidie diuitum hospitalitatibus importunis et indebitis vexantur, propter quod ipsa monasteria permaxime sunt exhausta exactionibus, taliis at steuris indebite onerantur, ob quod quasi insolubilia debita per monasteria sunt contracta.» Но кто не пойметъ важности статьи XII-й? Вотъ она: «Tot bona ecclesiarum, monasteriorum, hospitalium et aliorum sacrorum locorum

iam recepta sunt et cotidie per violentiam recipiuntur sine omni iudicio, etiamsi iuxta morem Regni ipsius sint intabulata, et de violentia conqueri volentibus audientia impie denegatur, ita quod cultus Dei in pluribus locis valde periit, et, proh dolor! clericus tam vilis habetur, quod Iudei, inimici Crucis Christi, melioris conditionis videntur esse, quam clerici.» Въ статьѣ 13-й духовенство просить Короля положить конецъ притѣсненіямъ, которыя терпять духовенство, понесшее убытокъ въ нѣсколько тысячъ марокъ, и которыя не могутъ доставить ни какой пользы самому Королю; въ заключеніе духовенство закликаетъ Короля не слушать злыхъ совѣтниковъ, которые выставляютъ ему въ ненавистномъ свѣтѣ духовенство, «sine quo utique fides Chritiana subsistere non potest», и чрезъ то ведутъ его (Короля) къ гибели духовной. Архіепископъ отъ лица всего Чешскаго духовенства подалъ эту жалобу въ Королевскій Совѣтъ и ждалъ удовлетворенія. Не тутъ-то было: отвѣта долго не послѣдовало, и положеніе духовенства становилось все хуже и хуже. Ст. 14: «Nisi solus,» пишетъ Архіепископъ, «cum consilio Praelatorum meorum pro pace universali totius cleri per prolatas aliquas excommunicationis sententias et interdicti prouidissem totus clerus multis iniuriis et spoliis fuisset deuastatus, diuinusque cultus similiter diminutus et annihilatus.» Его жалобы, по собственному признанію, не только не принесли ни какой пользы, но снискали ему еще болѣе враговъ: правосудіе не было оказано Архіепископу, который говоритъ, что Королевскій Совѣтъ давалъ ему полное удовлетвореніе на словахъ, но не выдалъ ему ни одного изъ его многочисленныхъ враговъ. Вообще въ теченіи 4 лѣтъ моего Архіепископства, пишетъ Іоаннъ Енштейнъ, я потерпѣлъ убытку болѣе нежели на 40000 копъ грошей: «per spolia, guerras, munitionem castrorum, expensas magnas, cum magnis gentibus hinc inde pro pace et iusticia habenda equitando et laborando, neque eam idcirco habendo.» Далѣе слѣдуютъ новыя жалобы Архіепископа. Ст. 15. Когда онъ былъ въ качествѣ Королевскаго Писаря съ Вячеславомъ IV въ Ниринбергѣ, народъ, въ его отсутствіе, вломился въ его дворъ и нанесъ много вреда его вещамъ и людямъ. Король потомъ помирился съ жителями Ниринберга, но въ удовлетвореніе Архіепископу не выговорилъ ни чего, который съ досады конфисковалъ имущество Ниринбергцевъ, находившихся въ его городахъ. Король Вячеславъ тотчасъ приказалъ возвратить это

имущество его подлежащимъ хозяевамъ. Въ ст. 16. Архіепископъ жалуется на Короля Вячеслава въ томъ, что онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній и не уплачиваетъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Ст. 17. Маршалокъ Короля (такъ рассказываетъ Архіепископъ), по имени Чухъ, началъ дѣлать на рѣкѣ, которую Архіепископъ считалъ своею собственностью, плотину для лова рыбы; люди Архіепископа разрушили ее и принудили такимъ образомъ Чуха принести жалобу Королю, который призвалъ къ себѣ Архіепископа, выговаривалъ ему съ большимъ жаромъ, держалъ нѣсколько дней подъ стражею въ Карлштейнѣ «et interim quasi per totam Boemiam inuadi iussit hona ecclesiastica». Тогда все церковное имущество было разграблено, и люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, до того обѣднѣли, что, если вѣрить Архіепископу, онъ шесть, или семь, лѣтъ не бралъ съ ихъ оброка. Ст. 18. Уже давно мнѣ (пишетъ Архіепископъ) принадлежало право свободно посылать мои суда внизъ по Лабѣ: но вотъ, по приказанію Короля, суда задерживаютъ. Что же дѣлаетъ Архіепископъ? «Cumque plurimas excommunicationes et interdicta in ciuitate Lithomericensi, quae dictum nauigium impedit, posuissem, nihil profuit.» Король и его Совѣтъ обѣщали правосудіе Архіепископу, призвали его къ себѣ и задержали, а потомъ выпустили, не сдѣлавъ ни чего рѣшительнаго. Положено было рѣшить дѣло третейскимъ судомъ; послѣ тысячи проволочекъ, судъ рѣшилъ въ пользу Архіепископа и приговорилъ жителей Лятомѣриць къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ: «sed ipsi quamuis frivole ad Sedem Apostolicam appellauerunt; et alium iudicem impetrauerunt, ut semper protraherent iustitiam et nunquam finem litibus imponerent.» Ст. 19 показываетъ недовѣрчивость Архіепископа къ Пражанамъ: «In monte Pragensi censuales domos plures habui in solo ecclesiae meae aedificatas, quae nescio per quem modum ut dicitur, insidiose crematae fuerunt et reaedificari non permittuntur, et aliae detinentur, et sic certis censibus sum spoliatus, immo in illa parte domus Episcopalis violenter plurimas domos aliqui ciues de Regis permissione et in ecclesiae meae magnum detrimentum aedificauerunt, muro eas curiae meae applicantes, de quibus semper timeo furta fieri vel domum Archiepiscopalem concremari.» Ст. 20 показываетъ, что Король не только держалъ сторону своихъ подданныхъ противъ духовенства, но и поджигалъ первыхъ, обѣщая свое заступничество и безнаказанность.

Архіепископъ считалъ свою рѣку Велтаву отъ Пражскаго моста до плотины Мейнгриди, и требовалъ отъ всѣхъ рыбаковъ и перевозчиковъ ежегодной платы: «*Rex ciuibus Pragensibus mandauit secreta, ut impediānt in nauigio, ut aquam tandem ibidem et insulam, quae etiam est Episcopalis, pro se usurpare per consequens possent, et eum pluries eos propterea excommunicassem, et plures cum eis terminos habuissem, nunquam tamen finem potui habere....*» Ст. 21 выставляетъ Вячеслава въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ: «*Rex, sicut pluries antea et post fecit, quemdam clientem, suum familiarem, dictum Hess, me diffidare et cui ipse gentibus et sumptibus auxilium praestitit, qui me et ecclesiam meam spoliis et multis dampnis laesit, ob quam causam saepius multas gentes me habere oportuit per plures menses.*» Въ этомъ дѣлѣ посредникомъ былъ избранъ Іоаннъ, Епископъ Литомишльскій, котораго будто бы Вячеславъ заставилъ произнести рѣшеніе въ пользу Геса и приговорить къ уплатѣ 50 копъ Архіепископа Іоанна. Въ ст. 22-й читаемъ, что одинъ Бургграфъ, по имени Тѣвакъ, съ согласія Короля, отобралъ въ помѣстьяхъ Архіепископа и у людей его, кромѣ значительнаго числа меньшихъ животныхъ и лошадей, около пятисотъ коровъ по близости г. Роквицаны. Архіепископъ принесъ жалобу Королю, который изъявилъ сожалѣніе къ его несчастію; но когда Архіепископъ послалъ своихъ вооруженныхъ людей въ погоню за Бургграфомъ, и отогналъ у него часть скота, то Король вышелъ изъ себя и хотѣлъ предать смерти людей Архіепископа. Въ ст. 23. Архіепископъ изображаетъ такъ свое невѣрное и затруднительное положеніе въ Чехіи: «*Ab illo tempore, sicut fui Archiepiscopus, multa alia particularia dampna, confusiones, calumnias, irreuerentias, a dicto Rege et a suis recepi et contra priuilegium Imperatorum et Regum Boemiae in libertatibus ecclesiasticis magnum detrimentum et impedimentum habui in pluribus locis, plura per castellanos Regis et ciuitates oppidis meis, viles et castris impedimenta facta sunt, publiceque stratae remotae, pauperes mei captiuati et male tractantur, nemora ecclesiae usurpantur....*» Въ стат. 24 Архіепископъ исчисляеть убытки, которые онъ понесъ, когда вынужденъ былъ покинуть Чехію: онъ роздалъ все свое имущество на удовлетвореніе долговыхъ притязаній: «*libros meos multum dilectos pro raesunia obligauī,*» укрѣпилъ свои замки, оставилъ въ нихъ сильные стражи, и для полученія денегъ на этѣ необхо-

двѣмъ издержки, заложилъ свои брильянты и дорогія одежды въ Венеціи. Статьи 25 — 28 содержатъ полную исторію извѣстнаго спора Короля Вячеслава съ Архіепископомъ Пражскимъ, жертвою котораго былъ Викарій Архіепископа, Іоаннъ Помукъ. Мы не станемъ входить во всѣ явленія этого замѣчательнаго событія; выберемъ только тѣ черты, которыя имѣютъ болѣе отношеніе ко всему народу, а не условливаются личными недостатками свойствъ Вячеслава и Іоанна. Архіепископъ призвалъ къ своему суду младшаго Коморника, Сигизмунда, «*ut super ergoneis et haereticis et fidei contrariis per se dictis et factis responderet.*» Это обвиненіе въ ереси было вымышленное, чтобы погубить Сигизмунда, и по тому очень легко догадаться, какъ въ народѣ пришли въ презрѣніе эти обвиненія въ ереси, такъ щедро раздаваемые. Впрочемъ, этотъ Сигизмундъ, если вѣрить Архіепископу, обезглавилъ одного Студента духовнаго и одного жителя Новаго Пражскаго Города, также клерика сжегъ (*epoqmiter cremavit*). Когда Король требовалъ къ себѣ Архіепископа, и тотъ спокойно сидѣлъ въ замкѣ Рудницкомъ, то Король написалъ къ нему очень коротенькое письмо слѣдующаго содержанія: «*Tu, Archiepiscop, mihi castrum Rudnicz et alia castra mea restituas, et recedas mihi de terra mea Boemiae. Et si aliquid contra me attentabis, vel meos, volo te submergere litesque sedare. Pragam veni.*» Слова «*mihi restituas*» показываютъ, что Вячеславъ боролся съ Архіепископомъ не по странности своихъ свойствъ и не изъ минутной причуды, но на твердомъ нравственномъ основаніи: онъ хотѣлъ снова получить во владѣніе тѣ замки и земли, которые вассалы заняли въ разное время, пользуясь смутными обстоятельствами Королей. Большая часть этихъ бывшихъ Коронныхъ имуществъ принадлежала теперь дѣйствительно или въ видѣ залоговъ духовенству, или, что все то же, главѣ его, Архіепископу: Вячеславъ хотѣлъ принудить Архіепископа къ возвращенію хотя части бывшихъ Коронныхъ имуществъ. Упорное сопротивленіе Архіепископа вооружило противъ него Вячеслава, который болѣе всего любилъ уступчивость и покорность; сильное негодованіе Вячеслава оказывалось иногда въ жестокихъ и необдуманныхъ поступкахъ, которыхъ онъ самъ стыдился, какъ только приходилъ въ себя: явное сопротивленіе Архіепископа и его надменность, его желаніе постоянно стоять наравнѣ съ Королемъ, его наглое сопротивленіе повелѣніямъ Ко-

роля, раздражили вспыльчиваго Вячеслава и довели его до того, что онъ умертвилъ Іоанна Помука, котораго онъ считалъ главнымъ совѣтникомъ Архіепископа. При томъ безразсудные поступки Пражскаго Архіепископа вооружили Вячеслава противъ всего духовенства: «*Proclamatum voce praesonia (на другой день послѣ утопленія Іоанна Помука) in ciuitate Pragensi fuit, ut non Presbyter in nocte iret, vel clericus, quod si aliquem ire contingeret; presbyter, quod caperetur, si clericus, quod eidem manus amputaretur.*» Когда прошелъ первый порывъ гнѣва, Вячеславъ послалъ къ Архіепископу съ мирными предложеніями, но Архіепископъ сдѣлалъ требованія слишкомъ неумѣренныя, на которыя Вячеславъ никогда не могъ согласиться; однако тотъ призвалъ Архіепископа въ Прагу, за безопасность котораго поручились три вельможи. Король предложилъ ему слѣдующія условія: 1) простить отлученнаго отъ церкви Подкоморника, Сигизмунда, и признаться, что онъ отлучилъ его по навѣту своего Викарія (утопленнаго Іоанна Помука). 2) «*Marchioni Proscorio quod darem (слова Архіепископа) quaedam notabilia bona in Moravia на пять лѣтъ.* Капитулъ сталъ на сторонѣ Короля и принудилъ Архіепископа согласиться на всѣ условія. Видя со всѣхъ сторонъ опасность, Архіепископъ всенародно простилъ Сигизмунда и объявилъ, что онъ это дѣлаетъ совершенно свободно, а въ душѣ твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ взять назадъ свои уступки. Но, видя совершенную холодность народа, Архіепископъ не имѣлъ на что опереться, и по тому вынужденъ былъ терпѣть неслыханныя униженія. Его представили Королю Вячеславу и заставили на колѣняхъ просить у него прощенія: Король обошелся чрезвычайно сурово съ Архіепископомъ и сказалъ ему: «*Quod amodo non excommunicarem suos officiales sine scitu suo.*» Оскорбленный Архіепископъ не хотѣлъ ни совершать божественной службы, ни на ней присутствовать: «*unde contra me non modicus clamor cum minis intonuit, plurimis dicentibus, si non interfueris et recedes, Rex iterum te contumacem et rebellem sibi inueniet, qui multis precibus me rogauerunt, ut remanerem et diuina officia per me peragerem:*» Архіепископъ и на этотъ разъ принужденъ былъ уступить. Этимъ распри его съ Королемъ не кончились. Вячеславъ испросилъ у Папы праздновать въ 1393 юбилейный годъ въ Чехіи: начало праздника было возвѣщено безъ согласія и

вѣдома Архіепископа собирателемъ денегъ для казны Апостольской. Архіепископъ, оскорбленный такимъ пренебреженіемъ, думалъ было объявить юбилей недѣйствительнымъ; слухъ объ этомъ дошелъ до Короля, который пришелъ въ сильное негодованіе, особенно отъ того, что онъ уже совершилъ разныя набожныя дѣйствія, съ юбилеемъ сопряженныя, которыя, въ случаѣ объявленія Архіепископа, были недѣйствительны, и послалъ къ Архіепископу, приказывая ему въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, тотчасъ подтвердить юбилей: Архіепископъ согласился: «*et mihi, пишеть онъ, intimatum est, quod nisi illam literam Rex habuisset, cum magna turba armatorum, quam in praetorio maioris ciuitatis Praegensis congregauerat, super personam meam et familiam nocte illa irruisset.*» Затѣмъ Король потребовалъ у Архіепископа, чтобы тотъ возвратилъ ему право патроната (о которомъ ниже) надъ всеми Пражскими и иными церквами, выстроенными Королями, его предшественниками. Архіепископъ не далъ рѣшительнаго отвѣта и хотѣлъ проволочить дѣло: «*Hanc vero iurisdictionem idcirco a me habere voluerunt, ut per prudentes veraciter fuit coniecturatum, quatenus clerum turbarent et plebanos, qui excommunicatos expulerunt de ecclesiis, et interdicta et mandata tenent Apostolica et ordinaria, expellerent, et profanos ibi ponerent sacerdotes, quodque, sicut de his cognoscerent, sic et de aliis causis Ecclesiasticis multa mala et scandala perpetrarent.*» Наконецъ узнавъ, что Король хочетъ требовать отъ него совершеннаго забвенія всего прошедшаго, Архіепископъ рѣшился оставить Чехію, и съ нѣкоторыми духовными лицами отправился въ Римъ. Изложивъ жалобу свою на различныя оскорбленія, которыя мы видѣли выше, Архіепископъ требуетъ у Папы такого удовлетворенія: «*Praefatum Dominum Regem et dictos suos complices declaret fuisse et esse sacrilegos, homicidas et excommunicatos, et paenas contra talia perpetrantes tam a Iure, quam ab homine promulgatas, eos temere incidisse et tanquam tales denunciandos et publicandos fuisse,*» denunciari et publicari, cum potestate etiam aggrauandi et supponendi totam terram Boemiae Ecclesiastico interdicto, et ad praedicta omnia, et in eos procedendi simpliciter, summarie et de plano sine strepitu et figuris Iudicii et procedendi in praedictos ex officio et citandi personaliter eisdem praedictos sacrilegos in Romana Curia et extra, et etiam per Edictum in ipsa Romana Curia et partibus vicinis, cum non sit tu-

tus accessus ad eos, et priuandi praedictos clericos omnibus et singulis dignitatibus personalibus, officiis et beneficiis, quocunque nomine censeantur, quae obtinent et quae habere dignoscuntur, pro sufficientibus expensis et prouidendi de eis personis idoneis, etiam habentibus unum vel duo beneficia, nominanda per dictum Dominum Archiepiscopum... cum potestate compellendi per censuras ecclesiasticas et alia iuris remedia praefatum Dominum Regem et dictos complices ad restituendum et emendandum omnia dampna per ipsum et suos illata complices... cum potestate etiam denuntiationes et alia supra et infra scripta exequendi per simile edictum et inhibendi praefato Regi sub grauissimis poenis et censuris, quod de caetero libertatem ecclesiasticam in prouincia Pragensi nullatenus violet, dictaeque ecclesiae Pragensi eique Archiepiscopo nulla dampna inferat, aut inferri per suos faciat et permittat.» Папа, занимавшій тогда Папскій престолъ въ Римѣ, не могъ не быть чувствительно оскорбленъ обидами, нанесенными ему въ лицѣ Архіепископа; но онъ самъ находился въ опасномъ положеніи и принужденъ былъ падить Вячеслава, опасаясь, чтобы онъ явно не перешелъ на сторону его противника, Авиньонскаго Папы. Къ тому же Вячеславъ спѣшилъ оправдаться, и послалъ своихъ пословъ въ Римъ съ опроверженіями на жалобу Архіепископа. Папа долженъ былъ притвориться совершенно довольнымъ, и Архіепископъ, возвратившись изъ Рима, и не получивъ ни какого удовлетворенія, самъ говорилъ: «Papa me iuuae non potuit.» Но Бонифацій IX не могъ забыть непріязненныхъ дѣйствій Вячеслава по отношенію къ духовной власти, и почти навѣрно можно сказать, что съ того времени онъ сталъ въ душѣ врагомъ Вячеслава и замыслилъ его низложеніе съ престола Нѣмецкой Имперіи. Что касается до Архіепископа, то онъ, видя совершенный упадокъ духовной власти въ Чехіи и невозможность возвратитъ ей прежнее значеніе, рѣшился сложить съ себя тягостное достоинство, что онъ и сдѣлалъ въ 1396 году. Сюда не принадлежитъ изслѣдованіе причинъ двукратнаго заключенія Вячеслава, но замѣтимъ только участіе, которое духовенство принимало во всѣхъ движеніяхъ противъ него. Въ 1396 году избранъ былъ Пражскимъ Архіепископомъ Вольфрамъ Скворецъ, который сталъ за одно съ Чешскими вельможами, возставшими противъ Вячеслава за покушенія на нѣ права; такимъ образомъ мы не видимъ уже въ немъ защитника нравственныхъ правъ Церкви, но одного изъ

васаловъ, Децкихъ, который заступается за свои права, общія ему со всѣми землевладѣльцами. Дѣйствуя такимъ образомъ, т. е., предпріятая свѣтскія выгоды духовнымъ, Вольфрамъ успѣлъ приобрести себѣ нѣкоторое значеніе: такъ онъ предсѣдательствовалъ въ Тайномъ Королевскомъ Совѣтѣ и т. п., но тѣмъ ниже упасть онъ во мнѣніи народа, видѣвшаго его совершенное нерадѣніе къ исправленію духовенства. Впрочемъ, Вячеславъ, послѣ перваго, своего плѣна, явно старался склонить на свою сторону духовенство многочисленными пожертвованіями, иногда, особенно въ 1396 году, весьма значительными (Pelzel, 332).

Въ 1397 году произошло событіе важное для Пражскаго Университета. Королева Цольская, Ядвига, основала въ г. Драгѣ Коллегіумъ для 12 студентовъ и одного Магистра, и надзоръ надъ нимъ ввѣрила проповѣднику Вилеемской Церкви. Въ 1399 году Вячеславъ тоже основалъ при Пражскомъ Университетѣ еще Коллегіумъ, и назвалъ его «Collegium Wenceslai;» онъ далъ ему огромныя права и привилегіи. Университетъ Пражскій и прежде славнаго спора, вынудившаго Нѣмедкихъ студентовъ покинуть Прагу, приводилъ очень часто въ столкновеніе съ Папою, а голосъ въ пользу предпочтенія Чеховъ раздавался еще и прежде голоса Гуса у его послѣдователей, какъ это видно изъ словъ Бальбина, который (на стр. 394 Epitome rerum Boh.) говоритъ, что ему случилось видѣть, между рукописями Пражскаго Университета, одну подъ заглавіемъ: «Appellatio in causa Collegiorum studii Pragensis,» изъ 1385 года; другую, на заглавіи которой было написано: «Anno 1384 Dec. 2, ut videlicet soli Bohemi et in defectu eorum tantum alii in Collegiis recipiantur. Item alia appellatio Rectoris almae Universitatis studii Pragensis contra eundem Archiepiscopum. Protestatur Universitas se independentem ab Archiepiscopo, ut est, in litteris, habere facultatem condendi studia Universitatis, eaque interpretandi et plura. (прибавляетъ Бальбинъ) in eam sententiam.» Вольфрамъ занималъ престолъ Архіепископскій въ Прагѣ до 1403 года, въ которомъ умеръ; тогда избранъ былъ на его мѣсто Іоаннъ Пудникъ, жадный и злонаправленный Каноникъ, открытый врагъ Вячеслава IV, но умеръ послѣ посвященія яко бы отъ яду. За тѣмъ избранъ Архіепископомъ Сбигнѣвъ Берка изъ Гаценбурга, иначе Заяцъ, котораго дѣятельность идетъ объ руку съ дѣятельностью Гуса, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Что же общаго скажемъ о царствованіи Вячеслава IV? Какую роль игралъ онъ по отношенію къ Вѣроисповѣдному движенію народа Чешскаго? Первое, что мы можемъ извлечь изъ вышеприведенныхъ данныхъ, это: Вячеславъ не преслѣдовалъ своею жизнью и поступками одной твердой и опредѣленной мысли, не дѣйствовалъ по однажды принятымъ и неизмѣннымъ правиламъ, не имѣлъ въ виду никакой вѣрной цѣли, съ которою соображалъ бы всѣ свои дѣйствія, а онъ дѣйствовалъ такъ, на удачу, подъ влияніемъ легкихъ впечатлѣній и чаще всего по совѣтамъ людей, его окружавшихъ. Но съ неостоянствомъ характера Вячеславъ соединялъ страстную охоту повелѣвать, и по тому очень неохотно сносилъ чуждое влияніе, какъ только прииѣчалъ его: всѣ его любимцы и совѣтники заплатились жизнью за свое мгновенное значеніе. Вячеславъ самъ, какъ человѣкъ, былъ добрый Католикъ, т. е., онъ такъ, по привычкѣ, соображался со всѣми предписаніями Церкви, позволяя, впрочемъ, иногда себѣ сомнѣніе на счетъ ихъ силы и дѣйствительности; но онъ никого не принуждалъ быть Католикомъ, и давалъ каждому полную волю слѣдовать тѣмъ Вѣроисповѣднымъ мнѣніямъ, которыя ему кажутся лучшими. Между тѣмъ Чехи хотя продолжали носить внѣшность Католическую, уже давно волновались Вѣроисповѣдными вопросами безсознательно. Хотя еще богословская полемика, разорвавшая послѣднюю Католическую внѣшность, не указала народу умственнаго пути для его убѣжденій и дѣйствій, не дала, такъ сказать, духовной пищи его внутреннимъ потребностямъ, однако въ немъ смутно выражалось недовольство его настоящимъ положеніемъ и стремленіе къ переиѣтѣ; это недовольство приводило его къ поступкамъ, противнымъ всякому началу законности, какъ то: къ истребленію Жидовъ и частнымъ возстаніямъ. Что же сдѣлалъ Вячеславъ посреди всеобщаго броженія? Онъ предоставилъ вещамъ идти своимъ порядкомъ, и хладнокровно смотрѣлъ на страшныя дѣйствія, вокругъ него совершавшіяся; впрочемъ, это хладнокровіе происходило въ Вячеславѣ не столько отъ внутренняго убѣжденія, сколько отъ склонности къ недѣятельности. Вячеславъ любилъ, чтобы ему оказывали безусловную покорность, и по тому естественно пришелъ въ непріязненное столкновеніе съ вельможами Чешскими, дорожившими своими правами болѣе, нежели жизнью. Города, опасаясь за свои вольности, также стали противъ Короля, и успѣли ограничить его

притязанія, а въ послѣдствіи даже объемъ его власти. Король, Чины и духовенство, занятыя каждое своими частными сословными выгодами, вели между собою безпрестанныя распри, но не за идеи, а либо за помѣстья, либо за права, которыя висѣли на краю гибели, по тому что они навсегда исчезли въ хаосъ, на время произведенномъ Вѣроисповѣднымъ движеніемъ, Король спорилъ съ духовенствомъ, а особенно съ его представителемъ, Пражскимъ Архіепископомъ, не по тому, чтобы онъ былъ недоволенъ Католичествомъ, но изъ чисто политическихъ, чтобы не сказать, коммерческихъ, причинъ. Архіепископъ, съ болѣе глубокимъ смысломъ, вступилъ въ эту борьбу, видя, что, подъ видомъ внѣшнихъ выгодъ, скрываются внутренніе, и что важна не потеря ленъ, но совершенное, внѣшнее и нравственное, безсиліе духовенства. Дворянство, въ союзѣ съ духовенствомъ, возстало противъ Короля за свои ленныя права. Но въ этѣхъ частныхъ движеніяхъ, въ этѣхъ мелкихъ борьбахъ, нѣтъ мысли, которая проникала бы ихъ: всѣ они отрывочны и разрозненны, не направлены къ одной общей цѣли. Король дѣйствуетъ по самому дурному побужденію, къ увеличенію своей власти, но не какъ власти Государя и Чешскаго Короля, а какъ отдѣльнаго лица. Какъ ничтожна была бы исторія этого времени, если бы она не давала отчета кромѣ какъ въ дѣйствіяхъ Короля, дворянства (или правильнѣе вельможества) и духовенства. Но безъ вѣдома этѣхъ трехъ силъ, мыслившихъ сосредоточить въ себѣ всю историческую дѣятельность, существовала еще и четвертая, которой предназначила судьба превзойти превосходствомъ всѣ три первыя и ихъ поставить въ зависимость у себя: это Чешскій народъ.

Занесемъ здѣсь выводъ безпристрастнаго наблюденія характера и исторіи племени Славянскаго вообще. Если нельзя не согласиться, что люди Нѣмецкаго племени опередили насъ въ утонченностяхъ образованности, превзошли даже; если принять въ расчетъ отдѣльныя лица, умственнымъ развитіемъ, то, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что образованіе племенъ Славянскихъ, т. е., образованіе народное, а не заимствованное отъ иныхъ народовъ, несравненно ровнѣе образованія Нѣмецкаго. Это послѣднее всегда можетъ быть только удѣломъ немногихъ, а масса народа останется чужда его, между тѣмъ какъ образованіе Славянское разлито по всему народу. Ни одинъ самостоятель-

но развивавшійся народъ Славянскій не имѣлъ, и не имѣеть, особеннаго сословія, которому чуждо всякое нравственное развитіе, которое, не имѣя ничего своего, грозитъ безпрестаннымъ разрушеніемъ обществу; не имѣлъ, и не имѣеть, черни, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Медленно идетъ развитіе у народовъ Славянскихъ, за то оно не носитъ въ себѣ зародыша своей гибели: оно основательно и прочно. Наблюдая сравнительно жизнь племень Славянскаго и Нѣмецкаго, мы пришли къ выводу, что образованіе у вторыхъ идетъ сверху внизъ, т. е., немногіе высшіе умы увлекаютъ за собою народъ на пути развитія, между тѣмъ какъ у первыхъ обратно: образованіе идетъ своимъ естественнымъ путемъ, снизу вверхъ. Доказательство тому разсматриваемое нами Вѣроисповѣдное развитіе Чешскаго народа: оно все принадлежитъ массѣ народа, которая тогда у другихъ народовъ Запада находилась въ крайнемъ состояніи закоснѣнія и бездѣйствія, или если выступала на поприще исторіи, то какою-то разрушительною, дикою, силою. Не то въ Чешскомъ народѣ: Вѣроисповѣдное движеніе, одна изъ лучшихъ эпохъ человѣчества, созрѣло, развилось и совершилось, въ кругу простаго народа, который увлекъ за собою всѣхъ, и Короля и прочія сословія. Образованіе народовъ Славянскихъ и ихъ политическое и религіозное развитіе совершается такъ: народъ не состоитъ изъ пустыхъ единицъ, но изъ людей, одаренныхъ удивительнымъ естественнымъ разсудкомъ; въ народѣ созрѣваютъ высшія потребности, и когда пришла пора народу измѣнить свое внѣшнее положеніе въ слѣдствіе внутренняго развитія, тогда изъ ереды народа выходятъ люди съ высшими дарованіями, которые олицетворяютъ въ себѣ внутреннія движенія народа, и приводятъ ихъ къ его сознанию. Это система нравственнаго представительства, по которой въ историческихъ дѣятеляхъ Славянскаго племени видимъ не людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ своихъ частныхъ убѣжденій, но представителей народныхъ потребностей.

Что же дѣлалъ Чешскій народъ въ правленіе Вячеслава IV до появленія Гуса? Онъ яснѣе и яснѣе сознавалъ невозможность господствовавшаго порядка вещей и необходимость народнаго Религіознаго Исповѣданія. Если для народа бываетъ закрытъ путь умственнаго и нравственнаго развитія; если его насильно хотятъ удовлетворять извѣстною формою политическою; если ему вос-

прещено всякое средство къ обнаруженію своихъ потребностей, къ словесному, или письменному, изложенію своихъ мыслей, то стихія народная не можетъ иначе прорваться, какъ насильственно. Чешскій народъ не былъ, впрочемъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Пражскій Университетъ сосредоточивалъ въ себѣ внутреннія движенія народа. Мы видѣли, что Карлъ I основалъ Пражскій Университетъ не для Чехіи, но болѣе для Германіи, чтобы умственной связью соединить два племени, ему подвластныя; мы увидимъ ниже, что Пражскій Университетъ послужилъ къ лучшему обнаруженію характера, столь различнаго племени Славянскаго и племени Нѣмецкаго. Въ царствованіе Вячеслава Пражскій Университетъ принималъ въ себя все болѣе и болѣе народныхъ статей и скоро сдѣлался представителемъ общественнаго мнѣнія. Мало этого: Виелеемская церковь стала, съ самаго начала своего существованія, средоточіемъ народно-Вѣроисповѣднаго движенія. Все это движеніе приготовилось въ народѣ, но безсознательно, или лучше безъ опредѣленной формы. Университетъ Пражскій, т. е., его Чешская часть, сознала, если не вполне, то въ отдѣльныхъ чертахъ, религіозную форму народную, и сообщила народу оную чрезъ Чешскую проповѣдь въ Виелеемской церкви.

Изъ представителей лучшей части духовенства, желавшихъ возвратить Церкви прежнюю ея чистоту и значеніе, замѣчательнѣе особенно Матѳей изъ Янова, а по мѣсту рожденія названный Пражскимъ. Онъ родился около половины XIV столѣтія, и въ довольно ранней молодости былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей Миллеча; еще при жизни его онъ отправился въ Парижъ, и въ теченіи 6, а по другимъ 8, лѣтъ учился тамъ Богословію и получилъ степень Магистра, отъ чего и по возвращеніи обыкновенно называемъ былъ «Mathias Parisiensis vel Magister Parisiensis»; потомъ онъ жилъ въ Римѣ и Ниринбергѣ, но въ 1381 году получилъ мѣсто Каноника-духовника при Капитулѣ Пражскомъ, и въ этомъ званіи провелъ всю свою жизньъ, простиравшуюся до 1394 года. Его дѣятельность была болѣе письменная: онъ оставилъ множество сочиненій богословско-полемическаго содержанія (по Бальбиу: *Boh. docta, pars 2, p. 178*): «De frequenti communione; de hypocrisis; de unitate Ecclesiae; de Antichristo et praesceptis Domini; de abominatioqe in Ecclesia Dei; Regulae vete-

ris et novi testamenti.» По Палацкому все это части одного и того же сочинения, которое содержитъ въ себѣ итоги богословской дѣятельности Матвея. Это сочиненіе, котораго полного списка Г. Палацкому не случилось видѣть, но котораго всѣ части имѣются отдѣльно въ цѣлости, подъ тѣмъ названіемъ: «De regulis veteris et novi testamenti,» но, по словамъ Палацкаго, правильнѣе могло бы быть названо: «Исследование объ истинномъ и ложномъ Христианствѣ.» Оно состоитъ изъ 5 книгъ: Libet. 1, De discretione spirituum in doctoribus et prophetis et de venerabili Sacramento; «Libet. 2, De iudicio et notitia falsorum et verorum Christianorum (въ ней два разсужденія: 1) De falsa specie sanctitatis s. hypocrisi; 2) De distincta veritate); Libet. 3, De regula generali, и въ ней разсужденія: 1) De regula in se; 2) De apostatis et prophetis; 3) De frequenti communione; 4) De universitate et unitate Ecclesiae; 5) De Antichristo; 6) De abominacione in loco sancto. Libet. 4 et 5, De rara et crebra communione.» Нѣкоторыя изъ сочиненій Матвея вошли, по ошибкѣ, въ изданіе твореній Гуса и не мало способствовали къ тому, чтобы о немъ и его дѣятельности составилъ превратное понятіе. Теобальдъ говоритъ, что сочиненіе Матвея изъ Янова «De Antichristo» ошибочно причислено къ сочиненіямъ Гуса; на этомъ основаніи Шрекъ отнесъ сочиненіе «Libet de Antichristo et membris eius anatomia» къ числу сочиненій Матвея, но Гизелеръ замѣчаетъ, что мѣста изъ «Lib. de Antichristo,» разсѣяны тамъ и сямъ въ сочиненіи: «De abominacione in loco sancto,» вовсе не встрѣчаются въ «Libet de Antichristo,» помѣщенной въ собраніи твореній Гуса; что скорѣе тамъ же находящійся отрывокъ: «De mysterio iniquitatis Antichristi» есть остатокъ подлиннаго сочиненія Матвея: «De antichristo,» и можетъ быть, прибавляетъ онъ, и сочиненіе: «De revelatione Christi et Antichristi» есть также остатокъ отъ того же сочиненія. Всѣ эти споры могутъ быть рѣшены только изданіемъ въполнѣ сочиненія Матвея: «Regulae,» которое составляетъ сводъ всѣхъ его иныхъ сочиненій, подведенныхъ здѣсь подъ одну мысль. Въ началѣ этого сочиненія: «Regulae» Матвей исчисляетъ источники его: 1) изустныя поученія друзей; особенно Милыча; 2) чтеніе Библии; и 3) самый важнѣйшій: тщательное и старательное наблюденіе того, что совершается въ наше время (sedula ac vigili consideratione eorum; quae in saeculo moderno geruntur): слѣд., изъ этихъ словъ мы имѣемъ право заключить, что сочиненіе Матвея состоитъ изъ:

изъ однихъ кабинетныхъ умствованій, но изъ практическихъ житейскихъ уроковъ, и содержитъ много историческихъ подробностей, уясняющихъ намъ всѣ запутанныя отношенія того времени; 4) сравненіе настоящаго съ уроками, предлагаемыми прошедшимъ. Но наиболѣе всего, пишетъ Матеей, я пользовался Библіею, и очень мало сочиненіями учителей Церкви; съ любовью, даже съ страстью, выражается онъ о Библии... «*ipsa est, quam a iuuentute mea adamaui et vocaui ipsam amicam et sponsam meam, imo matrem pulchrae dilectionis, et agnitionis, et timoris, et sanctae spei; fateor, quod a iuuentute mea non recessit a me usque ad senectutem et senium, neque in via, neque in domo, neque dum occurrabar, neque dum otia bar.*» Главное основаніе истиннаго Христіанства полагаетъ Матеей: «*veritas vitae et caritas proximoꝝ;*» онъ изъявляетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что мѣсто этѣхъ основныхъ качествъ истиннаго Христіанства заняли человѣкомъ установленные обряды и человѣческія предписанія. Отсюда вытекаетъ самая цѣль книги: «*Propositi igitur mei est, cum haec loquor, ut tales adiuventiones et obligationes ad ipsas essent diminutae et remissae, saltem quoad aliquam ipsarum partem, et quod solum dilectio Dei et proximoꝝ, aut Dei praescepta alia solum esse populis tremenda et ad unquem usque adimplenda docerentur.*» Богословско-полемическая дѣятельность Матеея сосредоточивается вокругъ вопроса: «О частомъ или рѣдкомъ приобщеніи Св. Таинъ.» «*Sciendum, пишетъ Матеей, quod in temporibus, quae nunc currunt, quaestio multum inualuit, praesertim inter communes et simplices, de manducatione quotidiana vel crebra a plebeis corporis et sanguinis Iesu Christi.*» Изъ этѣхъ словъ видимъ, что уже масса народа начала не только привыкать къ вопросамъ богословско-состязательнымъ, но даже принимать въ ихъ рѣшеніи дѣятельное участіе. Богословы рѣшали этотъ вопросъ различно: иные въ пользу частаго причащенія, другіе противъ. Матеей былъ изъ числа первыхъ, и раздѣлялъ на этотъ разъ мнѣніе о ежедневномъ приобщеніи Св. Таинъ съ многими Чешскими богословами того времени, какъ то: съ Пражскимъ Схоластикомъ Адальбертомъ Ранкони изъ Эрично, Матееемъ изъ Крокова, Докторомъ Богословія при Пражскомъ Университетѣ, Деканомъ Николаемъ Вендлеромъ изъ Вратиславы, Докторомъ Іоанномъ Горлеваномъ и многими иными. Не смотря на то, сторона, защищавшая рѣдкое приобщеніе, одолѣла, и Областной

Пражскій Соборъ, 19 Октября, 1388 г., постановилъ, чтобы міряне приобщались Св. Тѣлѣ не иначе, какъ, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ. Матеей, упоминая объ этомъ событіи, не можетъ удержаться, чтобы не сказать, что слова Пророка Даниила: «и быть мерзость запустѣнія»... нашли себѣ полное оправданіе. Матеей не могъ не возстать противъ суевѣрнаго обожанія образовъ и мощей, и проповѣдывалъ, у Св. Николая въ Старомъ Городѣ, по Чешски народу о необходимости внутренней сердечной, а не внѣшней, набожности. На Областномъ Соборѣ, въ 1389, Матеей вынужденъ былъ отречься отъ нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ, какъ говорится въ формулѣ отреченія, не такъ опредѣленно, осторожно и благоразумно, какъ бы слѣдовало, и по тому подавшихъ поводъ къ заблужденію и соблазну; первое мнѣніе: «*Dico primo, quod imagines Christi et Sanctorum non dant causam et occasionem idolatriae.*» Слѣд., до отреченія Матеей сильно возставалъ противъ обожанія иконъ. Другихъ статей отреченія, къ сожалѣнію, не знаемъ. Извѣстно только, что, кромѣ Матеея, тогда же еще два духовныя лица, Яковъ и Андрей, принуждены были сдѣлать подобное же отреченіе. Но Матеей не былъ вынужденъ отказаться отъ своего любимаго ученія о частомъ причащеніи, которое онъ по тому разработалъ совершенно, и посвятилъ ему большую часть своего огромнаго сочиненія: «*Regulae.*» Что касается вопроса о причащеніи подъ обоими видами, то хотя многіе писатели, какъ то: Коменскій, Странскій, Ланфанъ, приписываютъ Матеею честь быть первымъ воскресителемъ этого важнаго вѣроученія, пришедшаго (будто бы) въ забвеніе въ Чехіи съ начала XIII-го стол., однако Г. Палацкій, имѣвшій подъ руками важнѣйшее сочиненіе Матеея: «*Regulae,*» говоритъ, что въ немъ нигдѣ не разсуждается о приобщеніи подъ обоими видами, хотя о немъ говорится на каждой страницѣ такъ, какъ бы это дѣло было совершенно извѣстное и доказанное. Разсмотримъ теперь сочиненіе Матеея: «*De abominatione in loco sancto,*» которое помѣщено въ твореніяхъ Гуса подъ заглавіемъ: «*De sacerdotum et monachorum horrenda abominatione desolationis in Ecclesia Christi*» (заглавіе придумано какимъ нибудь Протестантомъ); дагѣ слѣдуютъ слова: «*Tractatio loci ex Oseeae capite quinto. Caput 1.* Священники, назначенные именно для того, чтобы охранять Христіанъ отъ грѣха и идолопоклонства, служатъ теперь къ

тому, чтобы свращать своими безпрестанными спорами съ истиннаго пути: «Loquimur (священники) in ambonē, praesertim ea de causa, quod communiter accidit, puta, quod quidam sacerdotes sua opinata affirmant, modis, quibus valent, asserendo; idem alii quidam ex adverso positi negant, eadem coram populis iterum quanto coloratius possunt destruendo;» отъ чего происходитъ, что народъ «inquietatur ad multas haesitationes et perplexitates.» Этѣ споры (controversiae) духовенства гибельны; вотъ какъ о нихъ выражается Матѳей: «Haec controversia pessima et nocentissima et colorata sub speciebus manifestae pietatis et iam communis et usitata et inantiquata;» онъ ее называетъ мерзостью запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ. Что же остается дѣлать истинному проповѣднику Христа среди этѣхъ священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы указывать народу путь спасенія, сами ведутъ его на путь гибели? Ему, пишетъ Матѳей, остается, какъ Спасителю, «mittere gladium in terram et inquirere расет bonam.» Итакъ самъ проповѣдникъ не скрываетъ своего грознаго, карающаго, положенія, во всеуслышаніе говоритъ онъ: «Talis (истинный послѣдователь Христа), et singulariter praedicator, patitur contradictionem multam et est vir rixae et causa multa iurgiorum in populo, zelans manifeste pro virtute et veritate, non omittens ideo peccatores obiurgare.» Здѣсь читаемъ рѣшительное объявленіе войны, отъ лица чистой части духовенства, его искаженной, но, къ несчастію, несравненно большей части. Но не таковъ священникъ Антихриста: я онъ проповѣдуетъ о Христѣ Распятомъ, но не подражаетъ ему: «Potest enim de passionibus et cruce Iesu loqui huiusmodi Christianus, sed nullo modo poterit in iis delectari, vel dulciter cogitare, vel conferre. Quoniam ad contraria movetur animus, et ea, quae sunt Christi crucifixi, sunt inimica suae affectioni.» Священники нашего времени, пишетъ Матѳей, хотятъ угодить людямъ, а потомъ уже Христу: «Rigidam veritatem scripturae dissimulantes—volumus, ut vitam suavem et quietem habeamus et vitam aeternam et gaudiosam.» Не противъ однихъ священниковъ возстаегъ Матѳей, но противъ всѣхъ ложныхъ Христианъ; слѣдующія слова представляютъ намъ содержаніе его сочиненія: «Nos, moderni Christiani, conpingimus abominationem desolationis in Dei Ecclesia aut verius ipsimet efficiuntur abominationem coram oculis Domini Iesu, divinae puritatis. Et primum et ante omnia nos, sacerdotes, qui nos ipsos et hanc vitam saecularē in

diligimus, et cum hoc Iesum crucifixum credimus, et confitemur
 fide, non ex amore Iesu; neque voluntate, fide formata, sed sua
 pueritia in ea instituti, et ex sola consuetudine in illis, quae
 sunt Christianitatis habilitati, timemus infernum timore servili et
 desideramus ea, quae nobis per Iesum in futurum promittuntur
 obtinere non ex charitate Iesu, sed ex concupiscentia. Не щадя,
 такимъ образомъ, заблужденія духовенства, Маттеи обнаружи-
 ваетъ сильное сочувствіе къ народу, 4: 12, простому народу,
 о которомъ онъ выражается (cap. 9) съ большою любовью:
 «Semper etenim per contrarium a principio, Domini Iesu simplices
 humiles et discipuli a magnis et divitibus hominibus huius mun-
 di sunt perpassi. Quia illi sunt, qui ut plurimum magis offen-
 dunt Deum et eius veritatem et agitantur spiritu Antichristi. Cum
 pauperibus vero, plebeis et simplicibus pacem habent Sancti
 Dei, quia similia similibus ubique congaudent. Unde scriptum est:
 et cum simplicibus sermocinatio eius.» Et iterum: «ad euangelizandum
 pauperibus misit me.» Онъ упрекаетъ злыхъ священниковъ въ дур-
 номъ обращеніи съ народомъ: «Illi (sc. mali sacerdotes) in plebeios
 et pauperes simplices desaeviunt et ibi sunt audaces et asperi ad
 loquendum.» Всего болѣе огорчаетъ проповѣдника то, что злые
 священники своими распрями въ дѣлѣ Вѣры вводятъ народъ въ
 сомнѣніе и заблужденія; эти распри, говорятъ онъ, умножились,
 когда появились монахи: «Plebs obedit suis sacerdotibus sine ulla
 contradictione universa. At ubi advenit conventus religiosorum ad
 civitatem, ad familiam, vel ad villam, tunc mox inchoat conturbatio
 et contradictio primum inter sacerdotes in ambitione, dehinc et
 disturbium in populis, et inobedientia, et irreuerentia plebium ad suos
 sacerdotes et sacerdotum minor sedulitas et maior negligentia ad
 curam suorum plebium.» И священники и монахи пользуются вели-
 кими правами на народъ, которыя они употребляютъ къ его
 вреду. Священники имѣютъ за себя многія мѣста Свящ. Писа-
 нія, Папскіе статуты, краснорѣчіе, мудрость и творенія До-
 кторовъ; владѣютъ своими кафедрами свободно, говорятъ, что
 хотятъ и имѣютъ на своей сторонѣ значительную часть на-
 рода. Что касается до монаховъ, то они имѣютъ въ рукахъ еще
 большее число средствъ дѣлать зло: «ita facti sunt monachi, ut nul-
 lum timeant. Habent potestatem super universos ad se sponte ve-
 nientes, praedicare, confessiones audire, sepulturam praebere, et alia

multa in plebibus faciendi (слѣдовательно, монахи настояли на своемъ и присвоили себѣ, послѣ упорной борьбы, часть правъ священниковъ); самъ народъ стоитъ за монаховъ, полагая, что священники нападаютъ на нихъ изъ зависти. Монахи имѣютъ много вліянія на народъ своимъ согласіемъ другъ съ другомъ: «Sunt adinvicem valde compacti, ut scuta fusilia, turmatim habitant et gradiuntur, et adsunt sibi praesidio, religio una puta alteri religioni et una quoque obumbrat alteram ad se invicem protegendum.» И священники и монахи оспариваютъ другъ у друга власть надъ народомъ, и чрезъ то наносятъ ужасный вредъ Церкви: дѣйствія тѣхъ и другихъ Матеей рассказываетъ такъ: «Hi utrique, videlicet, Sacerdotes et Religiosi, assumpserunt populum Christianum quasi duo cornua fortissima et alterutrum pugnancia, ad ventilandum, et distrahendum, et spoliandum, ut fere iam nullus bene valeat, nisi Dominus Iesus omnipotens illis malis occurrere, quae Dei Ecclesia abinde iam patitur, vel iam a longinquo patiatur.» Проповѣдникъ предлагаетъ къ искоренію злаго раздора и мерзости запустѣнія въ Церкви различныя средства; онъ самъ, духовное лицо, отрекается отъ своего сословія и говоритъ: «Utinam igitur abscindantur, qui nos conturbant, de medio sancti populi Christiani, vel Sacerdotes, si sunt causa per suam avaritiam et invidiam contra fratres, et ut manerent in cura animarum soli facti Religiosi: ut non essent occasio scizmatism Sacerdotum et plebium et inobedientiae Plebani ad Sacerdotes.» Иного средства быть не можетъ: «Stantibus singulis ut nunc, ut saepe dictum est, illa contradictio damnosa saluti, nequaquam poterit remediari, seu abominatio desolationis stupenda de sancto populo eijci et expurgari.» Первый и величайшій вредъ Церкви со стороны священниковъ состоитъ въ томъ, что они не только сами не проповѣдуютъ истины, но и налагаютъ молчаніе на ея проповѣдниковъ: «Illi, qui deberent esse testes fideles praedicatorum Christi Iesu, eo quod notitiam et gubernacula legis Christi acceperunt, fiunt primi testes mendaces contra fideles Iesu discipulos.» Они даже сами стараются поймать на словѣ простаго проповѣдника истины, чтобы погубить его: «Sacerdotes astuti et sagaces, quasi vulpes in deserto, iam facti sunt captio et manifestus laqueus speculationi; nam illos, de quibus deberet gaudere simplex Iesu Christi nuntius verbi in sermone, illos oportet, ut magis timeat.» Употребляя всѣ средства, которыми они могутъ

пользовался, противъ проповѣдниковъ истины, злые священники прятываютъ все это благочестивою и набожною наружностью. Они никогда явно не противорѣчатъ истинѣ, какъ то; Вѣтхому Завету, Евангелію, учителямъ Церкви, но они пренебрегали его. Прекрасно выражается Матеей, упоминая о томъ, что представители Церкви сами затаяли истину, которой проповѣдниками должны были быть: «*Et isti, de quibus hic sermo, et diabolus in ipsis, quia sapientiam et scientiam sanctorum Iesu et magis Domini Dei crucifixi obtinuerunt et in suam potestatem subegerunt, exercitio ingenii et diutinis gloriis pro sua gloria et divitiis et deliciis obtinendas. Et ipsam veritatem et scientiam dudum mortuam in eorum animabus, honeste sepelierunt in monumentis et sepulchris, libris, scilicet, magnis et splendidis et multis et de magno sumptu: ut ita coloratae et per indirectum plures pauperes Christi et sancti eius manerent per ipsos spoliati, famelici et denudati.*» Если проповѣдникъ говорить снисходительно, и только изрѣдка, и то болѣе для приличія, касается дурной стороны духовенства, или монашества, то его обыкновенно хвалятъ и охотно посылаютъ народъ слушать его; но не такъ они поступаютъ съ безыскусственнымъ и откровеннымъ проповѣдникомъ Евангелія: «*Si quendam simplicem suum et humilem Dominus Iesus miserit ad ipsos cum sua veritate et scientia fidei et cum suo spiritu zelotae, eundem talem, qui illis motibus est seriose contrarius in suis verbis et in moribus, viriliter detegens ipsorum hypocrisim et ficta fulcimenta, istum pati non possunt, sed gravis efficitur ipsis etiam ad videndum.*»

Два пути ведутъ въ Церковь: путь Христа и путь Антихриста. Первый состоитъ въ томъ, что лица, поступающія на различныя духовныя должности, призваны къ тому Богомъ, и приступаютъ совершенно приготовленные въ смиренномъ познаніи истины и съ сознаніемъ своей слабости и невѣдѣнія. Путь Антихриста есть: «*per se et a se venire, promouere seipsum ad gradus, vel quocumque modo procurare promotionem suam ad sacerdotium, officium, beneficium, vel praebendas, et loqui vel praedicare non a Deo.*» Большая часть духовенства того времени идетъ путемъ Антихриста по словамъ Матеей: «*Licet cantent, orent, missas suas multiplicent, horas suas singulas et ceremonias et doctrinas hominum rite et ordinate exercent, sunt omnes in via et vita Antichristi.*» Говоря о современномъ состояніи духовенства, Матеей старается удалить

отъ себя всякое подозрѣніе въ пристрастіи и въ отвращеніи; онъ желаетъ, чтобы Богъ на Страшномъ Судѣ произнесъ надъ нимъ судъ столь же нелицепріятный, какой онъ произноситъ надъ духовенствомъ и монахами. Сказавъ это, проповѣдникъ дѣлаетъ одинъ за другимъ слѣдующіе вопросы: «*Quis nunc graditur ad gradus, vel ascendit ad templum Dei per viam Iesu Christi? Quis in veritate et sine simulatione humilis trahitur ad gradus Ecclesiae?*» Но не уже ли вообще нѣтъ вѣрныхъ послѣдователей Христа? Нѣтъ! Они есть, но не въ духовенствѣ: «*Non deficiunt modo adhuc humiles et simplices Iesu crucifixi, de quacunq̄ sint conditione vel statu, siue inter rusticos, siue inter burgenses sint, siue inter curienses et nobiles, siue literati sint, siue illiterati; dummodo spiritum Iesu sint habentes, humilitate et obedientia praepollentes.*» Но эти истинные послѣдователи Христа избѣгаютъ духовныхъ почестей, «*sicut stercus,* прибавляетъ Маттѣй, особенно въ настоящей время: «*Et super omnia nunc in hoc tempore Antichristi, de quo tempore scriptum est: prudens in tempore illo tacebit, quoniam tempus malum est.*» Что же остаётся дѣлать истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ? «*In his diebus itaque latent sancti Dei et fideles idoneique ad promovendum, aliqui silent in quiete, aut qui non audent loqui, alii fugiunt de media communitate Christiana, quasi de medio Babilonis.*» Въ церкви всѣ мѣста наполнены послѣдователями Антихриста: «*Omnes, aut fere omnes, sedes vel cathedrae sanctae Ecclesiae sunt, vel fuerunt, repletae et occupatae de membris Antichristi et de illis, qui a seipsis venerunt, vel non zelo Iesu crucifixi, et qui illa, quae sua, sunt quaerunt, non quae Iesu crucifixi.*» Сильно вознегодуютъ на меня (пишетъ Маттѣй) тѣ, которые прочтутъ сіи строки, но я бы ихъ попросилъ, вмѣсто гнѣва, подумать, какимъ путемъ достигли они священныхъ должностей; а въ случаѣ, если они достигли не по внутреннему призванію, а изъ честолюбія, немедленно раскаяться, перейти къ І. Христу и отказаться отъ пребандъ и бенефіцій, неправильно присвоенныхъ. Въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ небесная казнь: «*Verumtamen tua damnatio est multo amplior (quam Pharisaeorum), qui Sanctos nunc ad te missos persequi non formidas.*» Et inquam eadem generatio successione generis et possessione malitiae et iniquitatis, sed continue in maiore et minore excessu et abundantia iniquitatis, ita quod iam summum gradum suum, possibilem istius generationis iniquitatis videtur complevisse. Unde, non nisi iam eius

messis et discussio est omni tempore expectanda quemadmodum in Sodoma et Gomorra fuit figuratum.» Эти слова очень замѣчательны: они показываютъ, что тотъ, кто высказалъ ихъ, превосходно понималъ то отношеніе, которое въ Чехіи существовало между духовенствомъ и народомъ, и предвидѣть будущее столкновеніе ихъ. Эти слова сказаны отъ души, отъ глубокаго убѣжденія, въ необходимости перемены, въ невозможности существовать долѣе испорченному въ дѣрнѣ порядку вещей. Истинные и простые сердца Христиане оставались естественно исключены отъ духовныхъ должностей, которыя приобрятались на многихъ, не совершенно честныхъ, условіяхъ: 1) ии рднѣхъ клерикъ не могъ быть священникомъ, если онъ не имѣлъ прежде бенефиціи; бенефиціи были приобрѣтены, или какъ-нибудь нечестнымъ, или родственными связями, или угоденіемъ и ласкою предъ вельможами, или большимъ личнымъ вліяніемъ, или деньгами. Бенефиціи давались не достойнѣйшему но хитрѣйшему и покорливѣйшему: «et omnia beneficia, tot habeant expectantes et occupantes se ipsa et litigantes pro se ipsis, ut iam dico, quod gradus et beneficia non suppetant numero se impotentium et expectantium.» Зло умножилось отъ напомиранной жадности шннѣхъ, которымъ мало становилось одной бенефиціи въ которые старались присвоить обѣ бенефиціи какъ можно болѣе: противъ нихъ особенно вооружается Матей, говоря: «Deberet suspensio albus, quam omnes plebei fures et latrones pro suo crimine avaritiae sic publico, sic exfrenato, Christi sacerdotibus sic nocuo.» Отъ того всѣ церковныя должности сдѣлались предметомъ торговли, и самая Церковь представила исполненіе пророчества Давидова: «мерзость запустѣннѣ на мѣстѣ святѣ.» Злые духовные ищутъ церковныхъ бенефиціи и должностей для того, чтобы вести жизнь пріятную и покойную, и получать денежное награжденіе за исполненіе своихъ обязанностей, не теряя надежды и послѣ смерти получить значительную награду. Такіе духовные, ищущіе жнзнейскихъ удовольствій и выгоды въ исполненіи своей должности, стараются дѣлать ее несоблюдима и пріятна народу, но не во внутреннемъ, нравственномъ отношеніи, а соединяя ее и съ великолѣпными и торжественными обрядами и проидами приманками вишнѣаго Богослуженія: «Omnia Ecclesiae mandata, ceremonias et doctrinas et omnia obsequia pro eo diligenter faciunt et dilignant, et zelantur pro ipsis; quia abinde habent suam vitam et abundantiam ho-

porum omnium et honores. Ideo ipsa talia multiplicant, decorant et praeconisant, et praecipue corporalia exercitia et talia extrinseca, quae sunt ad oculos plebium, et super omnia, quae sunt allicientia populum simplicem et lucrosa.» Пренебрегая основою Христіанскаго ученія, во нравственную сторону, лицемѣрное духовенство старалось ослѣпить взоры народа торжественностію и пышностію внѣшнихъ обрядовъ: «Spiritualia autem, quae sunt vera et viuifica et quae propria religionis Christianae et viciniора salutі, puta fidem Iesu crucifixi, spem et charitatem, et crebrescentem seu frequentem misericordiae operationem et sacramentorum ministrationem et disciplinae timorisque Dei, - ea non valde student introducere ad populum, nec satagunt ad hoc fideles.» Лицемѣры духовные стараются болѣе всего утвердить свою власть въ народѣ и сдѣлаться предметомъ его набожнаго удивленія и обожанія, и гораздо менѣе, чтобы утвердить силу слова Божія въ народѣ. По словамъ Маттея, опаснѣе было оскорбить духовнаго, чѣмъ самаго Иисуса Христа; «Magis timentur Domini huiusmodi, qui possint dare, aut nocere, quam Iesus crucifixus, maior crebrior inter nos sermo de ipsis, quam de Iesu Nazereno, atque ipsorum gratia et affabilitas magis nos delectant, quam mandata Iesu Christi. Magis sunt verba ipsorum nobis recentia et nos monentia, quam Iesu Emanuelis, imo mandata et doctrinae talium dominorum, quos tremimus et miramur, sunt nobis magis autentica et magis necessaria, Ecclesiae sanctorum celebriter praedicata, quam doctrina Euangelii et Prophetarum. Et securius homo. audet loqui vel disputare de potestate Christi, vel de ipsius secretis, quam de potestate et secretis nostrorum praelatorum. Quoniam si quis diceret, vel faceret, blasphemium contra Iesum crucifixum, omnino non esset, qui pro eo irasceretur, vel doleret, aut qui haec puniret. Sed si diceret quis, vel faceret, aliquid contra statutum Papae, vel Regis, aut Principis, ab illis, qui cupiunt illis dominis suis plus, quam Deo, complacere, non fuerit impunitus.»

Лицемѣры-священники (пишетъ Маттеей) вводятъ въ заблужденіе многихъ простодушныхъ Христіанъ, поглажая ихъ наклонности къ веселой и пріятной жизни, давая имъ обѣщанія, которыхъ они исполнять никогда и не будутъ въ состояніи: «Vae, vae illis, qui faciunt multas promissiones in populis, et excogitant atque adinueniunt multas iustificationes peccatoribus, in quibus Christiani, amici huius vitae, requiescunt et in nocte dormiunt pacis et diu-

tiarum, sine rigore poenitentiae et disciplinae, donec in inferno oculi ipsorum aperientur... Quapropter supra modum illis vaet, qui faciunt tales promissiones. et iustitias propter quaestum qualemcunque.» Вѣдѣе Матѳеѣй нападетъ на индульгенціи. «Veluti est promissio multarum indulgentiarum in festis suis, vel locis, ut habeant per hoc nomen et prae aliis accersum et applausum populorum: promissio literarum ab omni poena et culpa, promissio communionis, fraternitatum et omnium orationum, vel missarum, vel omnium aliorum bonorum per consules fratres exerceantur.» Замѣтно, что проповѣдникъ не рѣшается откровенно высказать свое мнѣніе на счетъ многихъ обрядовъ Церкви, о которыхъ онъ ухаживаетъ, сказавъ вообще: «quae quidem singula non facile possunt enumerari; quae nec ipsi certi sunt, si acceptabilia sunt Deo, imo plus odibilia Deo, nec sine offensa simplicium nominari possunt.» Общанія прощенія и безнаказанности въ будущей жизни, продаваемые мирянамъ, составили выгодную отрасль промышленности для священниковъ, ужъ не говоря о монахахъ: «quia in illis (nempe Religiosis) est supra modum nimis illa videre et manifeste: quod iam petitis literis quibusdam a suis superioribus, vel a Papa, mendacis publice quaestuarii praedicatores eloquentissimi et electi ad emungendum pecunias a simplicibus, curant fere ubique et discurrent, multa peccatoribus rudibus et maxima promittentes, sed tantum illis, qui ipsis pecunias dant, vel promittunt se daturos, et in tantum impudice illud faciunt, ut manifeste sermones conuertant per totam ad pecunias habendas, et manifeste exigunt pro absolutionibus, confessione, missis et aliis huiusmodi inquentes, quod omnis, qui ipsis contributorit munifice, erit particeps fraternitatis totius ipsorum: ubi tanta fiunt bona quotidie, tot missae, tot orationes, quod vix, vel raro, sit possibile quenquam damnari... In quibus (заключаетъ Матѳеѣй) talibus quaestuum cupidis collationibus, quanta fiunt promissa inutilia peccatoribus, quanta mendacia, quanta vana, quanta iniuriae Iesu crucifixo in suo populo Christiano, quis digne poterit describere, aut enarrare?» За тѣмъ слѣдуетъ длинный родъ мистическихъ образовъ, заимствованныхъ изъ Пророковъ и Апокалипсиса, гдѣ таинственно обозначаются страшныя заблужденія духовенства и монаховъ; но этѣ образы слишкомъ отрѣшены отъ действительности и, представляя по большей части переложеніе образовъ, относившихся къ жречеству Еврейскому, мало замѣчательны; къ тому же они безпрестанно повто-

ряютъ одно и то же и омерзательны крайнимъ своимъ безстыднѣмъ, оскорбительнымъ для нравственнаго чувства. Но эти образы вырываются у него въ какомъ-то священномъ изступленіи; слѣдующія слова показываютъ, до какой сильной степени безпорядки духовенства, которое должно было служить примѣромъ благочестія, потрясли чувствительную душу Маттея и вызвали изъ нея поразительные образы и выраженія: «Sed, heu Domini mei o sacerdotes, ad quid defluximus? Ad quid nos deduxit cupiditas? Ad quid transfiguravit nos comparatio sagacissima et astutissima Antichristi? Quia ingressus ad interiores homines nostros, id est, ad animos nostros et ad principales mentes nostras. Et ecce omnis similitudo reptilium et animalium abominatio, et uniuersa idola domus Israel, depicta erant in pariete, i. e., in nobis sacerdotibus et clericis, per totum. O altitudo satanae! O spiritualissima operatio daemoniorum et nequitia in caelestibus perfidissima, inscrutabilis et occulta, quis te poterit detegere? Quis te valebit corrigere vel increpare? O praesumptio nostra nequissima, unde creata es cooperire aridam malitiam et dolositatem illius! O nostra hypocrisis in praesenti, quid tibi faciemus?» Въ святой ревности своей Маттеей обличаетъ пороки и развратъ всѣхъ сословіій, и прежде всего изрекаетъ осужденіе надъ простымъ народомъ за то, что позволяетъ священникамъ распинать Христа: «Magnum est peccatum vulgi Christiani, qui Christum Iesum rursus a semetipsis crucifigunt et ostentui habent, id est, in vacuum accipiunt suas amarissimas pro se passiones et salutem ipsius sempiternam, existentes amatores huius vitae.» Но несравненно виновнѣе священники, которыхъ проповѣдникъ изображаетъ подъ видомъ 70 старшинъ дому Израелева: «Sed maior est damnatio septuagies seniorum Domus Israel, id est, nimis, quam populi communis, qui propter ipsorum negligentiam et malam vitam et maxime auaritiam suam tradunt plebibus rudibus Iesum ad blasphemandum et crucifigendum in seipsis.» Наконецъ преступнѣе всѣхъ Папа и Кардиналы, которыхъ Маттеей не смѣетъ еще назвать по имени, но открываетъ слишкомъ ясно, чтобы ктонибудь не узналъ ихъ: «Sed adhuc nimium maior est abominatio supremi vel supremorum sacerdotum, qui existentes primi et proximi Christo Iesu et immediati discipuli et omnia secreta ipsius Iesu ipsiusque ingressum et egressum scientes, ipsum dulciter osculando quasi Magistrum et amicum, tradunt ob amorem huius vitae et gloriae et diuitiarum Magistratui templi, id est, inferioribus

clericis et sacerdotibus ad illudendum, conspuendum et pulcherrimam plenamque gratiarum faciem velandum et irridendum. Quod ipsi summo sacerdoti vel summis sacerdotibus, contigit tunc, dum officia et beneficia uniuersae Ecclesiae moliter et facilliter dispensant indignis clericis, dulciter et benigne gratiam facientes generalem et omnibus auaris et cupidis, qui sponte et rapide requirunt et petunt ab ipsis gradus in Ecclesia et beneficia et officia Ecclesiae sanctae.» Не менѣ сильно нападаетъ Матеей на постороннее вкравшееся въ Церковь, особенно на соединеніе въ ней властей свѣтской и духовной: онъ избираетъ Апокалипсическіе образы для того, чтобы лучше и яснѣе представить свою мысль, воплотить ее. Такъ соединеніе свѣтской и духовной власти въ Папѣ онъ представляетъ подъ видомъ звѣря о двухъ рогахъ, изображеннаго въ Апокалипсисѣ: «Cornua duo sunt, id est, potestas dispensandi temporalia et spiritualia.» Потомъ онъ ту же мысль изображаетъ въ двухъ розгахъ, о которыхъ говорится у Пророка Захаріи: «Una virga est potestas super temporalia, secunda est auctoritas spiritualis vel potestas Ecclesiae in spiritualibus.» Замѣчательны слѣдующія слова Матеея: «Et nota bene iam ambae virgae sunt praecisae secundum prophetiam; secunda virga praecisa fuit tunc, quando Graeci, propter dotationem Papae, a Romana Ecclesia recesserunt. Dehinc amplius, quando etiam Franci cum aliis partium occidentalium gentibus a Romano Pontifice recesserunt.» Эти слова показываютъ, какъ Матеей и люди, съ нимъ бывшіе за одно, думали о нашей Православной Церкви, которая именно тогда отдѣлилась отъ Римской Церкви, когда въ эту послѣднюю вкрались земные выгоды. Эти же слова показываютъ, что Матеей и его единомышленники (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) считали истиннымъ Папою того, который сидѣлъ въ Римѣ. Главнымъ виновникомъ развращенія Церкви проповѣдникъ считаетъ Папу, и начало и происхождение этого развращенія изображаетъ такъ: «Veruntamen, saluo iudicio meliori, ego puto coram Domino dulcissimo Iesu crucifixo, tunc illa omnia habuisse suam initium, quando Dominus Apostolicus contraxit ad se omnia beneficia et officia Ecclesiae, pro sua voluntate dispensando, et incoepit dispensatione beneficiorum totius Ecclesiae occupari, atque distributione bonorum temporalium se ipsum aggrauare. et conferre multa priuilegia et exemptiones ab obedientia, infinitis personis multiplicatis et diffusis per totam Ecclesiam et

subditis ordinarie aliorum: puta, ut essent sibi soli subiecti et a suis immediatis praepositis exempti, et de ipsorum subiectione atque obedientia liberati, habentes potestatem super terrenos subditos confessiones audiendi et auctoritatem praedicandi, quae volunt, et per consequens impediendi Dominos Curatos et ordinem sanctissimum conturbandi, alios ordines excogitando.» Тогда (пишет Матеей) Богъ взявъ отъ міра вторую розгу и далъ полную волю сатанѣ творить все въ воздаяніе за неправду Христіанъ, тогда произошли ужасныя слѣдствія, такъ рѣзко и ярко изображенныя Матееемъ въ прекрасномъ образѣ: «Et tunc incoerit tunica Domini Iesu inconsutilis desuper contexta per totum, a fimbriis suis disrupti per singula, usque dum scissura ad summum orificii perveniretur, et corpus Ecclesiae ab inferioribus membris dilaniari, abundantium iniquitatis et refrigerentiam charitatis multorum superbundare ac dentibus scissurae incrementa in amplius extendi. Usque dum caput ipsum, Ecclesiae Vicarius, scinderetur. Quoniam tunc Christo Iesu et spiritu eius, qui solum colligat in unum suos Christianos, sublato de medio, completa est desolatio.» Современное ему состояніе Католической Церкви Матеей представляетъ ужасно поразительно:.. «Ita abduxit (satana) spiritualiter et successiue a virtutibus pulcherrimis et dulcissimis et a rigore ipsarum, ad quandam vanitatem vitae et tepiditatem abominabilem solum consuetudinum et rituum Ecclesiae Romanae, similiter in facie bene apparentium, sed in veritate Dei mortuorum et desolatorum a spiritu Iesu crucifixi, ita ut omnia fere Christianorum iam decora et honesta sint solum quasi pulchra imago exterius picta, sine spiritu et vita, sint quoque iustitia hominum propria, nimis remota et aliena a iustitia Dei, quae est solum in Iesu crucifixo: sit sanctitas pulcherrima et ordinata apud homines, sed nequaquam intime et in veritate Iesu Christi.» Развращеніе дошло до того, что «omnia turpia et omnia vitia, quae in primitiuo populo tantum erant horribilia et abominabilia, quod non solum non erat licitum ipsa cogitare et concupiscere, sed etiam nec nominare, vel inspicere; non tantum sicut licita effecta parua peccata, vel venalia, sed iam quasi honesta, vel necessaria vitae huic Christianae.» Приведенное мѣсто изъ Апостола: «Nec commisceamini fornicariis,» указываетъ ясно, о какомъ пороцѣ дѣло идетъ: «Iam in moderno populo Christiano committentes talia omnia turpia et carnalia, non tantum non sunt notabilia et non reprehenduntur, neque corriguntur, a caeteris, sed

etiam non esse peccata talia, neque turpia communiter aestimantur. Et non solum hoc, sed etiam vice versa, qui alienant se strenue ab exercitio talium et a contubernio, propter Domini Iesu timorem et amorem, mox a vulgo Christiano huius mundi conuitantur et confunduntur, et nota pessima singularitatum vel haeresum criminantur, propter quod tales homines deuoti, qui similia vulgo prophano non agunt, Bechardi vel Turspini, aut aliis nominibus blasphemis, communiter iam nominantur, quod figuratum est in illis primis in Babylone, quibus alia nomina imposuerunt, quam habuerunt in terra Israel.» Дьяволъ съ тѣхъ поръ получилъ право искушать Церковь, какъ Папа присвоилъ себѣ верховное право раздавать всѣ священныя должности, т. е., принявъ на себя такое бремя (onus) «ad quod portandum et bene ac legitime dispensandum et ordinandum vix milia milium fidelium et sapientum Christi seruorum sufficiunt..... haec omnia et singula (злоупотребленія) tunc potissimum vigere inceperunt, ut paulo ante dictum est, cum Ecclesia Romana dotatione Constantini est obfuscata.» Изобразивъ всю мерзость запустѣнія, водворившуюся въ Церкви, Матѳей говоритъ, что ея положеніе таково, что все должно быть измѣнено. Слѣдующее мѣсто въ высшей степени замѣчательно, какъ свидѣтельство человѣка необыкновеннаго ума объ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ его время, отношеніяхъ, изъ которыхъ развились всѣ попытки преобразования: «Ex istis ulterius aduerte incidentaliter, quos Dei Ecclesia nequit ad pristinam suam dignitatem reduci, vel reformari, nisi prius omnia fiant noua. Patet de templo Salomonis, puta, sicut clerici et sacerdotes, ita populus et plebs: vel omnes ii, qui modo student auaritiaе a minimo usque ad maximum conuertantur et renouentur, tam populus, quam sacerdotes. Ego tamen pro nunc credo magis primum istorum, id est, quod iam tum surget novus populus, secundum nouum hominem formatus, qui secundum Deum creatus est. Ex quo noui clerici et sacerdotes prouenient et assumuntur, qui omnes odient auaritiam et gloriam huius vitae, ad conuersionem coelestam festinando... similiter patientur et successiue populus carnalis et sacerdotes et clerici defluent, et quasi a tineâ consumentur.» Проповѣдникъ возстаетъ особенно противъ того, что внѣшніе обряды благочестія замѣнили присутствіе любви и благодати; священники, говоритъ онъ, думаютъ, что исполнили свою обязанность, если отслужили предписанныя правиломъ служ-

бы (canonicae) со всѣми обрядами и при томъ въ свое время, чинно и спокойно; но не въ томъ главная, святая обязанность священника: «Nihil magis necessarium et salubre magnis et parvis sacerdotibus, quam modus et cura salutis animarum... sed cura animarum est posterior, vel nouissima, vel forte nulla apud nos.» Въ святой ревности своей Матеей не щадить и народа, и если онъ уподобляетъ Церковь любодвицѣ Апокалипсиса, то онъ не преминуетъ сравнить народъ съ звѣремъ, на которомъ, въ мистическомъ смыслѣ Апокалипсиса, сидитъ любодвица; особенно проповѣдникъ вооружается противъ Магистрата, или лицъ правительственныхъ: «Corpus vel carnes reipublicae et caput vel capita totum bestiale et terrenum, non habens unitatem spiritus Iesu Domini.» Замѣчательно то, что нашъ проповѣдникъ говоритъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной: «Reges et domini temporales, quia a sacerdotibus non expectant temporalem profectum, nec timent ab ipsis nocumentum, ideo ipsos timent minime, et per modicum reuerentur, et adhuc minime obediunt, nisi in his, quae ipsos delectant, vel volunt. Et nisi esset publica denuntiatio excommunicationis, verecundiaque abscissionis, quam solam timere omnino iniquorum est carnalium, etiam Papam ipsum prorsus non timerent.» Относительно схоластической богословской учености того времени замѣчательны слѣдующія слова Матеея, показывающія, какое предпочтеніе отдавали Каноническому Праву предъ Св. Писаніемъ: «Nulla magis sunt in pretio doctrinae et studium ipsorum, quae vulgo Iura Canonica dicuntur, quam studium Bibliae, Prophetarum et Euangelistarum, et multo pinguiores transferunt ad studendum Iura et leges, quam sanctam Theologiam, et studentes talium legum et doctrinarum humanarum magis et citius promouentur, quam scribae et docti viri in lege Iesu Christi vel Theologiæ. Studentes talia (Iura Canonica) sunt mundi amatores et per consequens Antichristi, quod fere in omnibus Uniuersitatibus quasi minimus pauperum Christi Iesu, vel vir deuotus, sed omnes solum generosi secundum hoc saeculum diuites et pollentes ingenio et eloquentia, transferunt ad studium legum et Iuris Canonici, et ipsi concupiscunt cito ditari et honorari in hoc mundo, quod etiam fit cito ipsis et gloriose, dum aliquos titulos assequuntur. Verbum autem Iesu et doctrinas, scilicet, Theologiam solum pauperes et deuoti quaerunt studere, qui in hoc mundo sunt abiecti, et mundus ipsis et suae concupiscentiae viluerunt, nec facile

quisquam potest ditari assecula sscripturae auctae.» Проповѣдникъ нашъ является не менѣ смѣлымъ нововодителемъ и въ отношеніяхъ государственныхъ, какимъ и въ дѣлахъ Вѣры; такъ всѣ различія сословіи онъ считаетъ изобрѣтеніемъ дьявола: «*Omnis multitudo varia religionum in populo unico Christiano nouiter aduentitia, omnis multitudo societatum in militibus, nobiles et rusticis, et colligatio talium per varias observantias, adinventiones et attractio hominum ad ipsas, vel inuitatio quaelibet... Omnia ista ad septem capita bestiae putabis pertinere, quia haec omnia Paulo non sunt visa in Ecclesia, sed solum nunc nouiter emergerunt, quando tempus pro bestia dispensatum inchoavit.*»

Въ главѣ 56-ой Матеей говоритъ о причащеніи подъ обоими видами, какъ неотъемлемомъ правѣ всѣхъ Христіанъ: «*Sed quia omnes Christiani acceperunt et accipiunt maxima bona a Deo, bona coelestia, bona spiritualia, perpetua et diuina... quia etiam accipiunt ipsius sacramentum altaris et alia sacramenta, ubi est verum corpus ipsius et verus sanguis filii Dei, ubi habitat omnis plenitudo diuinitatis corporaliter secundum Apostolum.*»

Объясняя всѣ понятія и образы Апокалипсиса изъ своего времени, проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ, что страшной голодъ поразитъ землю: «*Non fames panis et vini istius carnalis, sed fames audiendi verbum Dei et communionis Domini Iesu sacramenti.*» За этимъ слѣдуетъ указаніе на важное историческое обстоятельство того времени—пренебреженіе священниками ихъ обязанностей: «*Non quasi omnes Sacerdotes parochiani et Sacerdotes ordinarii occupati mundo et diuitiis, satiati honoribus et diuitiis, ubique verbum Dei praedicare cessarunt, mortuo in ipsis zelo fidei animarum.*» Относительно церковныхъ имѣній говоритъ проповѣдникъ слѣдующее: «*Communiter in vulgo dicitur: bona clericorum, beneficia, praebenda et similia sunt bona pauperum, ex quibus pauperes debent nutrirı.*» Слѣдственно, уже тогда имѣніе общественное возставало противъ исключительнаго владѣнія церковными имуществомъ, произведеннаго духовными лицами. Духовенство и монахи того времени употребили всю выѣщность богослуженія для своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, и по тому старались украшать ее болѣе и болѣе, чтобы приманивать народъ: къ этимъ средствамъ причисляетъ Матеей великолѣпіе храмовъ, стройное ибніе, умноженіе числа миссъ, установленіе великихъ празднико́въ:

«Multae festiuitates gloriosae sanctorum Dei in coelis, et istae sunt apud eos celeberrimae, in quibus omnia coram populis idonee exerceri possint, exponi et videri, ut eo magis laudabilis ipsorum populus videatur, cui Dominus sic abundanter benedixit;» поклоненіе живымъ мощамъ: «multae sanctorum reliquiae antiquae et recentes, communes et aliae inauditae;» красивыя иконы чудотворныя и статуи: «pulcherrimae picturae et statuae, quae faciunt insignia portenta et miracula magna;» и особенно индульгенціи. Вотъ что говорить о нихъ нашъ проповѣдникъ: «Indulgentiae magnae et magna promissa omnibus accurrentibus, et gratiae vix a hominibus credibiles, alias ita autenticae et a dominis Apostolicis ita roboratae per testes et per bullas, quod non est plus homini de psis ullo modo dubitare. Nam etsi contradiceret, vel non crederet (эти слова самой буллы), indignationem Dei omnipotentis incurreret. Et forte plaga manifeste puniretur, sicut iam multi, inquit, pro simili incredulitate sunt puniti.» Сравнивая монаховъ съ бѣлымъ духовенствомъ, Матѳей Яновъ считаетъ первыхъ болѣе опасными и вредными, нежели вторые: «quod, videlicet, sudorem, vel labores plebeiorum simplicium nimium cupide extrahunt et ebibunt, hoc magis super sacerdotes, qui plurimum solum sibi requirunt constitutum, vel consuetudine longa obseruatum.» Но священники и монахи одинаково торгуютъ духовными дарами: «Nam istis proprie sanctorum merita et suffragia veniunt ad quaestum..... isti sciunt in omnibus et ex omnibus quaestus suos cumulare et singula applicare ad lucrandum, et maxime illa, quae sunt sanctorum Dei, ut est patres suos extollendo, altaria pro sanctis multiplicando, suffragia sanctorum apud se lucere diffamando, reliquias eorundem et magnae virtutis statuas celeberrime praedicando, et multa similia, quae possunt comportare ipsis, ad lucrum exquisita, populis ostentando.»

Изъ этого видно, что Матѳей зашелъ гораздо далѣе, нежели Вальдгаузеръ и Миличъ и, какъ скоро увидимъ, далеко позади себя оставилъ самаго Гуса. Какая же роль назначена Матѳею среди представителей Вѣроисповѣднаго Чешскаго движенія? Исторія жизни и ученія Милича, который силится возстановить единеніе между Чешскимъ народомъ и Католичествомъ очищеннымъ, и самъ былъ жертвою своихъ благородныхъ усилій, показала совершенную невозможность того, чтобы Католичество удовлетворило внутреннимъ требованіямъ народа, обнаружила невозможность

Католичеству существовать совмѣстно съ обнаруженіемъ въ Чешскомъ народѣ стремленія къ новой Вѣроисповѣдной формѣ. Поборникомъ мысли о невозможности существованія Католичества, въ его тогдашнемъ видѣ, является Матѳей изъ Янова: стоитъ вспомнить его достопамятныя, выше нами приведенныя, слова: «Церковь Божія не можетъ быть возстановлена, ни преобразована, въ свое пражнее достоинство, если въ ней не передѣлать всего сьзнаова.» Милитчъ являлся защитникомъ Католичества очищеннаго, такого, какимъ оно являлся его воображенію; Матѳей, наученный примѣромъ своего предшественника, является неутомимымъ гонителемъ Католичества, безжалостнымъ обличителемъ всѣхъ его заблужденій и преступленій. Въ самомъ началѣ своего разсужденія, нами разсмотрѣннаго, Матѳей говоритъ, что между нимъ и представителями Католичества (духовными, свѣтскими и мовахами) о мирѣ не можетъ быть и рѣчи; что онъ пришелъ не для мира, а чтобы ввергнуть посреди ихъ мечъ; тысячу разъ повторяетъ онъ въ своемъ сочиненіи, что между нимъ и другими послѣдователями Христа съ одной стороны; и плотскимъ (carnales) духовенствомъ и монашествомъ, должна быть борьба кровавая и безпощадная, борьба на смерть; свою ненависть къ представителямъ Католичества онъ, въ порывѣ чувства, высказываетъ иногда ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, образомъ: особенно замѣчательно заключеніе 37 главы. Сказавъ, что нынѣшняя Церковь Католическая испорчена въ корнѣ, и по тому осуждена на гибель, Матѳей, съ ужасающимъ хладнокровіемъ, говоритъ, что уже лѣтъ 50, или 70, назадъ тому Господь началъ казнить Церковь; что съ нѣкотораго времени начались слишкомъ часто свирѣпствовать морозы, и язвы, и войны, истребляющія множество Христіянъ. Но Матѳей радуется этому и говоритъ, что Господь все это посылаетъ для того, «*quatenus ita clerus et populus auarus et inueteratus in malis, cupidus et superbus, citius tolletur de medio daretque locum sanctis Dei, per spiritum Iesu innocuatis.*» Изъ Чешскихъ преобразователей ученіе объ Антихристѣ развито первымъ, сколько намъ извѣстно, Милитчемъ. Эта благородная, доселѣ не вполне раскрытая, личность замѣчательна въ высшей степени. Между тѣмъ какъ Конрадъ Вальдгаузеръ, Штѣкпа и другіе проповѣдники, ему современныя, или его предшественники, нападали на нравы духовенства не столько по тому, что они считали ихъ вовсе несомѣстными съ ученіемъ

Христіанскимъ, сколько болѣе такъ, по привычкѣ, для того, что уже давнымъ давно вошло въ обычай обличать пороки духовенства, которое тѣмъ не менѣе продолжало совершать ихъ, Миличъ первый (изъ Чешскихъ дѣятелей), наскучивъ этимъ бесполезнымъ повтореніемъ одного и того же о порокахъ духовенства, рѣшился проникнуть въ ихъ источникъ, и искоренить его. Въ уединеніи его вдругъ поразила мысль, которую онъ считалъ откровеніемъ свыше, мысль о томъ, что все зло въ Церкви происходитъ отъ Антихриста. Миличъ посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ съ Антихристовымъ началомъ въ Церкви, и призывалъ себѣ на помощь всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христа, чтобы, общими силами, изгнать Антихриста. Мы видѣли послѣдствія этой борьбы, гдѣ Миличъ оставленъ былъ самому себѣ, но встрѣтилъ сильное, хотя еще глухое, сочувствіе въ Славянскомъ народонаселеніи Чехіи, Силезіи, Моравіи, Польши, сочувствіе, которое осталось бесполезнымъ по тому, что Миличъ не далъ ему пищи. Матеей Яновъ не только совершенно усвоилъ себѣ ученіе Милича объ Антихристѣ, но, развивъ его самобытно, довелъ до самыхъ крайнихъ выводовъ: онъ не только призналъ дѣйствительное существованіе Антихриста въ Церкви, но и представилъ Антихриста главнымъ правителемъ Церкви, которою онъ распоряжается чрезъ многочисленныя толпы священниковъ и монаховъ; истинные представители Христа, по его, очень малочисленные, или скрываютъ свои чувства, или терпятъ страшное гоненіе отъ служителей Антихриста. Матеей дошелъ до того, что мнилъ видѣть въ современномъ ему состояніи Церкви осуществленіе всѣхъ пророчествъ относительно пришествія великаго Антихриста, содержащихся въ Апокалипсисѣ и сочиненіяхъ Пророковъ: все его огромное сочиненіе, нами рассмотрѣнное, содержитъ въ себѣ объясненія Апокалипсиса и Пророковъ изъ порядка вещей, тогда господствовавшего въ Церкви. Онъ провелъ мысль, данную Миличемъ, сквозь всѣ современные ему образы, и нельзя не согласиться, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, что изъ проповѣдника онъ сталъ какимъ-то сатирикомъ и челоѣкомъ, который дѣйствуетъ и говоритъ подъ вліяніемъ любимой мысли, не размышляя о томъ, до какихъ крайностей она можетъ его довести; но замѣтимъ, что Матеей безпощадно развилъ мысль объ Антихристѣ, и не остановился ни передъ какими, самыми нелѣпыми, слѣдствіями. Разсмо-

трѣнное нами сочиненіе Матѳея представляетъ драгоцѣнныя извѣстія о состояніи духовенства и Церкви во второй половинѣ XIV столѣтія, извѣстія, важность которыхъ въ состояніи оцѣнить каждый историкъ. Но это же сочиненіе представляетъ, другою своею стороною, много такого, что создано воспламененнымъ воображеніемъ проповѣдника: самый неопытный глазъ легко различитъ тѣ мѣста въ сочиненіи Янова, гдѣ онъ говоритъ хладнокровно, разсматривая вещи сквозь призму здраваго сужденія, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ увлекается своею любимою мыслию о пришествіи Антихриста и о мерзости запустѣнія въ Церкви. Но и какъ проповѣдникъ и какъ сатирикъ, Матѳей Яновъ чрезвычайно важенъ въ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Миличъ призналъ Церковь испорченною отчасти, Матѳей былъ убѣжденъ въ томъ, что она вся до основанія испорчена, и явно проповѣдывалъ необходимость сильнаго переворота, который положилъ бы конецъ нестерпимому (по его мнѣнію) порядку вещей. Но вспомнимъ, что Матѳей высказывалъ не просто свои личныя мнѣнія, но что онъ былъ представителемъ Антикатолической стороны, мало по малу образовавшейся и развивавшей свои убѣжденія болѣе и болѣе. Эта сторона въ лицѣ Милича предлагала Католической Церкви единеніе и миръ на маловажныхъ уступкахъ, но въ лицѣ Янова она навсегда и окончательно отдѣлила свое дѣло отъ дѣла Католичества, и стала къ нему въ явно враждебное положеніе. Матѳей ничего не говоритъ отъ своего лица, но въ немъ слышится намъ голосъ всѣхъ тѣхъ, которые были возмущены ужасными безпорядками, вкравшимися въ Католическую Церковь. Матѳею суждена была роль разрушителя, и по истинѣ онъ ничего не пощадилъ, кромѣ основы Христіанскаго ученія; во всей виѣшности Католической Церкви онъ видѣлъ глубоко вкоренившіяся заблужденія. Читая сочиненіе Матѳея Янова, не знаешь, чему болѣе удивляться, смѣлости или лучше дерзости его мнѣній, или его нерѣшительности, робости. Изливъ, въ смѣлыхъ и благородныхъ словахъ, негодованіе противъ представителей Церкви, Матѳей самъ пугается того, что сказалъ прежде, и по тому старается убѣдить себя и другихъ, что онъ говорилъ по откровенію свыше, а въ противномъ случаѣ никогда не рѣшился бы говорить того, что сказалъ: «Confiteor coram piissimo Iesu crucifixo, quod ista, quae scribo et quae iam scripsi pridem, nec potuissem, nec scivissem, nec

ausus fuissem scribere, nisi ipsemet iussisset per aeternam unctionem suam.» Но инымъ доказательствомъ невѣрности Маттея и той стороны, которой представителемъ онъ былъ, служить заключение сочиненія «De abominatione,» гдѣ говорится: «Protestor, quod ista, quae sunt hic posita, et alia mea dicta et facta, humiliter subijcio cum omni obedientia filiali sanctae uniuersali Ecclesiae et ipsius correctioni et emendationi in omnibus et singulis, per me dictis, vel factis, aut in posterum faciendis.»

Сочиненія Маттея мало имѣли вліянія на народъ; уже послѣ Гуса многіе обратились къ нимъ, какъ видно изъ словъ Магистра Пржибрама, который долженъ былъ отречься отъ сочиненій Гуса и Маттея Парижскаго. Самое мистическое направленіе сочиненій Маттея не могло удовлетворить существеннымъ потребностямъ народа; къ тому же Маттеемъ, не оставивъ во всемъ зданіи Католичества ничего не тронутаго, ничего такого, чтобы не требовало измѣненія, не пощадивъ ни одного сословія, ничего не предложилъ въ замѣну того, что онъ самъ преслѣдовалъ, какъ отжившее. Низвергая всю внѣшность Католичества, Маттеемъ самъ не создалъ ничего новаго, не предложилъ средствъ, какъ выйти изъ того ложнаго направленія, въ какомъ стояла Церковь относительно народа. Согласимся, впрочемъ, что чрезъ то Маттеемъ облегчилъ трудъ тѣхъ, которые за нимъ послѣдовали, но не ему суждено было набросать основанія новой Вѣроисповѣдной формы, вполне удовлетворявшей новымъ внутреннимъ потребностямъ Чешскаго народа: это совершилъ Гусъ; и чрезъ то оставилъ свое имя всему Чешскому движенію. Сравнивая ученіе Гуса съ ученіемъ Маттея, нельзя не согласиться, что послѣдній былъ несравненно слабѣе перваго въ своихъ Вѣроисповѣдныхъ преобразованіяхъ. И это совершенно понятно. Когда народъ, выросши изъ своихъ Правительственныхъ и Вѣроисповѣдныхъ оболочекъ, срываетъ ихъ съ себя и ищетъ новыхъ, которыя совершенно удовлетворяли бы его новому состоянію, то не вдругъ онъ ихъ находитъ, и много тщетныхъ попытокъ ему нужно бываетъ вытерпѣть, чтобы обрѣсть наконецъ то, чего онъ желаетъ. Въ такихъ-то народахъ любопытно слѣдить за движеніями ихъ, за ихъ стремленіемъ то къ той, то къ иной, формѣ. Съ приближеніемъ неожиданнаго, но тѣмъ не менѣе необходимаго, переворота въ жизни народа, наступаетъ тяжкое время: старыя отжи-

лыя формы жизни бременятъ невыносимою тягостью, новыя еще не высказались: масса народа, въ которой всегда зарождаются великія движенія, тиха и спокойна; но кто знаетъ, что кроется въ ея глубинѣ? Она дожидается благопріятной минуты, собирается съ силами, по видимому, еще совершенно покорна несносной для нея власти. Самая же власть, будетъ ли то политическая, или религіозная, никогда не бываетъ такъ горда, такъ спокойна, такъ самоувѣренна, какъ тогда, когда ей угрожаетъ гибель, которой она не предугадываетъ: частныя вспышки, которыми предшествуется всякое поголовное возстаніе, подавлены счастливо, и успокоенная тѣмъ власть смѣлѣе, чѣмъ когда либо, даетъ чувствовать свое бремя. Это время перехода бываетъ самое тяжкое для людей мыслящихъ, сознающихъ тяжесть своего положенія: не предугадывая будущаго, вѣля во власти начало утѣшительное, въ народѣ одно хладнокровіе и равнодушіе, они почитаютъ себя совершенно оставленными, и по тому легко приходятъ въ раздражительное болѣзненное состояніе, въ которомъ они видятъ все окружающее въ болѣе черномъ свѣтѣ, нежели каково оно на самомъ дѣлѣ. Не видя, по видимому, исхода, конца, своему тягостному положенію, они или, оставляя дѣйствительность, удаляются въ міръ внутренній, и здѣсь окружаютъ себя созданіями своего воображенія, или, обладая необыкновеннымъ талантомъ, бросаютъ проклятіемъ во все окружающее. Когда Матѳей Яновъ писалъ свои сочиненія, Католичество, не предугадывая своей гибели, пользовалось смѣлѣе, чѣмъ когда нибудь, своею властью, и немедленно подавляло всякое сопротивленіе. Самъ Матѳей былъ дважды приговоренъ къ отреченію отъ своихъ мнѣній. Антикатолическая сторона, еще не увѣренная въ "опорѣ" народа, считала свое дѣло проиграннымъ навсегда, и по тому хотѣла, по крайней мѣрѣ, записать для потомства свои жалобы, подать ему аппелляцію на Католичество, дошедшее до крайней степени самоувѣренности. Отчаяніе, которое такъ явно дышетъ въ малѣйшемъ произведеніи Матѳея, смѣнилось надеждою, когда Гусъ обратился къ народу съ новыми Вѣроисповѣдными основаніями, почерпнутыми изъ свойствъ и развитія самаго народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившия появленіе Гуса; политическія и религіозныя обстоятельства, условившия характеръ самага народа и великаго двигателя.¹

Чешское Вѣроисповѣдное движеніе не есть слѣдствіе простаго богословскаго спора, но оно возникло изъ жизни Чешскаго народа, приготолено всѣмъ его развитіемъ. Богословскіе споры играютъ въ немъ, какъ въ послѣдствіи въ Нѣмецкомъ движеніи (Лютера), роль второстепенную: они по стольку важны, по скольку удовлетворяютъ внутреннимъ потребностямъ народа. Жестоко ошибется тотъ, кто станетъ искать начала Чешскаго движенія въ области богословскихъ споровъ: отвлеченные вопросы никогда не могутъ воспламенить, увлечь, за собой цѣлый народъ, если они не развились изъ его внутренней жизни. Разсматривая Чешское движеніе XV вѣка, болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что оно безконечно важнѣе и богаче слѣдствіями, чѣмъ какъ его обыкновенно представляютъ: оно условлено всѣми силами Чешскаго народа, всею его жизнью, съ первой минуты его пробужденія къ всемірно-исторической дѣятельности, т. е., съ принятія Христіанства; по тому вопросъ о началѣ и развитіи Чешскаго движенія есть вопросъ о жизни всего Чешскаго народа, и даже, какъ увидимъ, всѣхъ нашихъ Западныхъ братій.

Чехія, уже по самому географическому положенію, предназначена была быть мѣстомъ борьбы Славянскаго племени съ Нѣмецкимъ: послѣдній весь воплотился въ Католичество; естественно, что въ Чешскомъ народѣ должно было развиваться стремленіе, враждебное Католичеству. Нельзя не признать, на основаніи исто-

¹ Источники: Monumenta historica Boemiae nusquam antehac edita, quibus non modo patriae aliarumque vicinarum regionum historia illustratur etc., collecta a Gelasio Dobner, t. IV, p. 23—95; alias t. VI, p. 435 sqq.—Lenfant Histoire des Hussites, p. 39 sqq.—Krasinsky Sketsch of the reformation in Poland, p. 50 sqq.—Pelzel—Lebensgeschichte Koenigs Wenceslaus, t. II.—Geschichte Kaisers Sigmunds, v. Joseph Aschbach, I-es Buch, capitel: 1, 3, 8, 9, 14, 15.

рическихъ событій, что народы Славянскіе никогда не дѣлали посягательства на жизненныя начала другихъ народовъ, никогда не навязывали имъ своихъ началъ, но всегда и при всякомъ случаѣ уважали народныя права. Противоположныя стремленія отличаютъ племя Нѣмецкое, котораго повсемѣстная монополія должна же, наконецъ, кончиться. Доселѣ мы все видѣли, и теперь еще часто видимъ глазами Нѣмцевъ: пора показать намъ, что и наше Славянское племя не даромъ составляетъ такую значительную часть человѣчества, что въ немъ кроется зародышъ великой будущности. И это не пустое слововыраженіе: преобладаніе Нѣмецкаго племени, обозначающее всю новую исторію, отъ самаго паденія Римской Имперіи, въ скоромъ времени кончится, и начнется новый періодъ историческаго развитія, быть можетъ, періодъ Славянскій. Что племя Славянское кроетъ въ себѣ источникъ всего великаго и прекраснаго, доказательство тому—исторія страданій его, гдѣ оно развило такое необыкновенное богатство и разнообразіе внутреннихъ началъ. Лучшее доказательство этому—исторія Чешскаго Вѣроисподнаго движенія, представленная, не какъ послѣдовательный рядъ богословскихъ споровъ, но какъ живое проявленіе началъ Славянскихъ, стремившихся выбиться изъ узъ, наложенныхъ на нихъ Католичествомъ. Католичество, съ своими стремленіями къ неограниченному господству надъ умами и лицами, несовмѣстно съ демократическимъ свойствомъ Славянскаго племени, которое сильно высказывается и сознается даже при самомъ противоположномъ порядкѣ вещей. Исторія показываетъ, что Католичество съ тѣхъ поръ, какъ Іерархическія стремленія Папъ развились вполне, всегда было союзникомъ умственнаго и внѣшняго насилія тираніи: участіе, которое Папы принимали въ судьбѣ Итальянскихъ республикъ, объясняется самыми корыстными видами. Чтобы вполне постигнуть ихъ, стоитъ взглянуть на несчастную Италію, намъ современную, гдѣ Католичество силится убить, не смотря ни на что, всякое внутреннее развитіе, и заковать навсегда народы въ оковахъ суевѣрія и нивкаго рабства. Очень понятно, по чему Католичество явилось враждебнымъ началомъ въ Чешской исторіи: оно не могло ужиться съ Чешскими народными началами, и безпрестанно приходило съ ними во враждебное отношеніе. Чешскій народъ, воспитанный въ неограниченной, даже необузданной, любви къ свободѣ, не могъ сносить тяжелаго ига Католичества,

которое налагало оковы на все его развитие. Должно замѣтить, что всякій приливъ Нѣмецкаго начала въ Чехію совпадалъ съ преобладаніемъ Католичества и утѣсненіемъ всего народнаго. Но отъ чего же, въ теченіе всей исторіи Чехіи, мы видимъ, что сами Чехи нерѣдко прибѣгали къ Нѣмецкимъ Государямъ, брали ихъ къ себѣ въ Короли, и подавали поводъ имъ вмѣшиваться во всѣ стихіи народнаго быта? Славянское племя представляетъ самое полное развитіе понятія о личности, несомнѣнное ни съ общепринятыми Государственными формами, ни съ отношеніемъ его къ инымъ племенамъ сосѣднимъ; но въ этомъ-то началѣ личности лежитъ зародышъ новаго Славянскаго развитія. Славянскій человѣкъ твердо сознаетъ свои права, свои личныя убѣжденія, и не промѣняетъ ихъ ни на какія другія: отсюда происходитъ то, что понятіе о народности, какъ о совокупности личностей, не сильно въ Славянахъ, и по тому-то они могли такъ слабо сопротивляться вторженію иныхъ народныхъ, но уже вполне сложившихся, началъ.

Православное ученіе не могло не произвести на внутреннюю жизнь Чеховъ сильнаго впечатлѣнія, и при томъ весьма благодѣтельнаго въ томъ отношеніи, что Чехи ранѣе другихъ народовъ пришли въ умственное совершеннѣйшаго, сознали себя и свои народныя начала. Западная Церковь, обращая народы въ Христіанство, старалась прежде всего о томъ, чтобы дать имъ внѣшность Христіанскую, предоставляя себѣ заботиться въ послѣдствіи о томъ, чтобы Христіанство проникло въ жизнь народа. Напротивъ, Восточная Церковь обращалась къ самому обращаемому народу, и старалась прежде всего о томъ, чтобы перенести въ него нравственное ученіе Христіанское, чтобы просвѣтить сердца народа, и по тому Восточная Церковь старалась дѣйствовать на убѣжденія народа, и по тому пробуждала въ немъ сознаніе его народнаго достоинства и была первою побудительною причиною и самаго внутренняго развитія народа, съ которымъ она никогда не боролась; между тѣмъ какъ пробужденіе народныхъ началъ было всегда подозрительно и враждебно къ Католичеству, которое было навязано народамъ во время ихъ умственнаго малолѣтства и на которое они, съ сознаніемъ своего человѣческаго и народнаго достоинства, должны смотрѣть враждебно и неприязненно. Между тѣмъ какъ масса народа въ другихъ странахъ Европы еще не

принимала никакого участія въ умственномъ движеніи и жила совершенно прозябательно, народъ Чешскій раскрывалъ уже чрезвычайное богатство своихъ родныхъ силъ и въ своихъ дѣйствіяхъ представлялъ осуществленіе высшихъ помысловъ. Но внутреннее развитіе Чешскаго народа не въ отдѣльныхъ лицахъ, а всею его массою, началось съ принятія къ нему ученія Восточной Церкви. Мало по малу проникло потомъ Католичество въ Чехію, не вдругъ предъявило всѣ свои требованія: сначала оно, по видимому, также обращалось къ народу, терпѣло даже Богослуженіе на народномъ языкѣ, льстило народу, но потомъ отдѣлилось отъ народа и силлось поставить его въ то же рабское и безпомощное положеніе, въ какомъ находился простой народъ другихъ странъ относительно къ духовенству Католическому. Но тѣмъ не менѣе никогда въ Чехіи Католичество не достигало такой силы и вліянія на народъ; какъ въ иныхъ странахъ Европы, никогда не господствовало оно въ Чехіи нераздѣльно, никогда не успѣвало подавить вполне народнаго противодѣйствія. Оно имѣло за себя Короля, высшее и часть средняго сословія, но масса народа была неподкупна и постоянно, подъ маскою Католической вѣрности, носила въ себѣ зародыши недовольства Католичествомъ, которое равно оскорбляло всѣ ея понятія. Взглянемъ теперь на политическія судьбы Чехіи, но степени нѣтъ отношенія къ религіознымъ ея судьбамъ.

Первое, что мы здѣсь встрѣчаемъ замѣчательнаго, это отношеніе Австрійскихъ Герцоговъ къ Чехіи. Въ 1252 году Маргарита, вдова Римскаго Короля, Генриха, дочь Леопольда Австрійскаго и сестра послѣдняго Австрійскаго Герцога, Фридриха, оставивъ монастырь, куда она заключилась было по смерти Генриха, вышла замужъ за молодого Пржемысла Отакара, наследника Чешскаго престола, и принесла ему съ собою Герцогство Австрійское, Штирію и Хорутанію. Но Отакаръ не умѣлъ быть благодарнымъ къ Маргаритѣ, и въ 1261 г. отвергъ ее и женился на Кунигудѣ Угорской, дочери Ростислава, Князя Русскаго (сына Михаила, В. К. Кіевскаго и Черниговскаго). Это обстоятельство и рѣшительность, съ которою Отакаръ попиравъ права могущественнаго Дворянства сихъ земель, были причиною того, что эти земли также легко отпали отъ Чехіи, какъ и были легко присоединены къ ней. Въ 1271 году, по смерти Нѣмецкаго Императора, Ричарда, Князя

предложили корону Отакару, который отказался отъ нея, и по тому нѣмъ огорченіе видѣть, что ее надѣли на голову Рудольфа Габсбургскаго, его отъявленнаго врага. Въ измѣнникахъ не было недостатка, и тогда, съ помощію ихъ, Рудольфъ, 26 Августа, 1278 года, лишилъ Отакара Австріи, Штиріи, Хорутаніи и даже Моравіи (но ее только на 5 лѣтъ), и присоединилъ ихъ къ своимъ родовымъ владѣніямъ. Съ того времени судьба Чехии тѣсно связана съ судьбою Австріи: послѣдняя не пренебрегала ни какими средствами, чтобы ослабить первую. Австрійскіе Герцоги, отъ Рудольфа Габсбургскаго до Фердинанда II, слѣдовали одной и той же политикѣ—возвышенію своего дома какими бы то ни было средствами: самые родственные союзы не препятствовали имъ вредить Чехии и ея Государямъ. Съ 1270-хъ годовъ начинается непрерывный рядъ козней, цѣлю которыхъ было ослабить Чехію и присоединить ее къ Австріи, и которыя совершенно восторжествовали уже только въ 1620 году. Главное мѣсто въ политической исторіи Чехии занимаютъ отношенія ея къ Австріи, по видимому, несравненно ея слабѣйшей. Король Вячеславъ II, сынъ Пржемысла Отакара II, по политическимъ расчетамъ, принужденъ былъ жениться на дочери убійцы своего отца, Гутѣ Австрійской; тѣмъ не менѣе онъ нашолъ въ братѣ жены своей, Альбрехтѣ, злѣйшаго врага: извѣстно, что народъ Чешскій приписывалъ смерть своего послѣдняго Короля изъ дома Пржемыслава, Вячеслава III, сына Вячеслава II, и сестры Альбрехта, убійцы, подосланному Альбрехтомъ (1306 г., 4 Авг.). Какъ бы то ни было, но Альбрехтъ всячески старался упрочить Чешскую корону которому ни будь изъ своихъ сыновей: и дѣйствительно Рудольфъ, сынъ Альбрехта, былъ провозглашенъ Чешскимъ Королемъ мимо трехъ сестеръ несчастнаго Вячеслава III-го. Но скоро онъ вооружилъ противъ себя Чеховъ, и только смерть (1307) спасла его отъ позора быть изгнаннымъ. Альбрехтъ выставилъ тогда въ Чешскіе Короли сына своего, Фридриха, но Чины Чешскіе и слышать не хотѣли о Королѣ Австрійскомъ. Генрихъ Хорутанскій избранъ въ Короли Чешскіе, какъ супругъ Анны, старшей сестры Вячеслава III-го, но въ 1311 году онъ былъ изгнанъ за то, что оскорбилъ права Чинновъ и народа. Чехи тогда обратились къ Императору Нѣмецкому, Генриху VII, Принцу Люксембургскому, прося у него въ Короли себя его сына, Иоанна, съ тѣмъ, чтобы онъ взял за себя Елисавету, вторую сестру Вячеслава III. Генрихъ VII со-

гласился съ радостью, и сынъ его коронованъ Чешскимъ Королемъ 7 Февр., 1312 года: съ нимъ на престолъ Чешскій вступилъ домъ Люксембургскій и оставался на немъ 127 лѣтъ. Короли изъ дома Люксембургскаго дѣйствовали относительно Чехіи совершенно иначе, нежели Короли изъ дома Австрійскаго: они уважали Чешскій народъ и его права. Конечно, всѣ они обнаруживали нѣкоторую любовь къ Нѣмцамъ, однако они заботились и о томъ, чтобы возвеличить и обогатить Чехію; это справедливо относительно Іоанна, Карла I и Вячеслава IV. Іоаннъ, правда, рѣдко посѣщалъ Чехію, налагалъ на нее огромныя и частыя берны (подати), но онъ очень мало вмѣшивался во внутреннее управленіе Чешскаго народа, который правился при немъ совершенно собою. Карлъ I умѣлъ держать въ равновѣсіи всѣ сословія Чешскаго народа, но никогда, сколько намъ извѣстно, не посягалъ на политическую ихъ свободу. Вячеславъ IV, съ своею страстью къ самодержавію и вмѣстѣ отвращеніемъ отъ всякаго усильнаго занятія, вооружилъ противъ себя могущественное Чешское Дворянство; впрочемъ, онъ любилъ народъ и народъ отвѣчалъ ему такою же любовью. Но Сигисмундъ снова держится политики Австрійскихъ Государей: онъ захватилъ въ плѣнъ коварнымъ образомъ своего брата, Вячеслава IV, и 19 мѣсяцевъ правилъ Чехію, но вооружилъ своими самовластными поступками противъ себя всѣ сословія и оставилъ въ воспомнаніи народа самое невыгодное для себя впечатлѣніе, которое немало способствовало къ тому, что по смерти Вячеслава IV Чешскій народъ не согласился признать Королемъ Сигисмунда, и если въ послѣдствіи принялъ его, то на самихъ выгодныхъ для себя условіяхъ. При Карлѣ I снова установлены родственныя связи съ Австрією, одинъ изъ Герцоговъ которой, Рудольфъ, женился на Екатериинѣ I, дочери Карла I; съ нимъ-то Карлъ I заключилъ договоръ о взаимномъ наслѣдствѣ, по которому Чехія переходила къ Австріи, если изъ дому Люксембургскаго не останется ни мужскаго, на женскаго, потомства; но и Австрія должна была, когда вымретъ родъ ея Герцоговъ, присоединиться къ Чехіи. Чешскій народъ никогда не хотѣлъ признать этого договора, и самъ Карлъ не обращалъ на него большаго вниманія. Въ послѣдствіи и Сигисмундъ выдалъ свою единственную дочь, Елисавету, за Альбрехта Австрійскаго, и чрезъ то далъ новое право Герцогамъ Австрійскимъ имѣть притязаніе на Чешскую корону.

Царствованіе Вячеслава IV есть самая запутанная пора въ Чешской исторіи: извѣстія объ его личномъ характерѣ и объ его государственной дѣятельности равно противорѣчащи, и Г. Палацкій ничего не сообщил новаго по этому предмету, и всѣ поступки Вячеслава и у него и у другихъ историковъ совершенно послѣдовательны: стоитъ взглянуть на ту мелочность, съ которою Г. Палацкій представилъ борьбу Вячеслава IV съ духовенствомъ, чтобы видѣть, до какой степени Г. Палацкій не понялъ, ни свойствъ Вячеслава, ни его побужденій. Достоверно, по крайней мѣрѣ, то, что Вячеславъ не любилъ высшаго Чешскаго Дворянства: съ самаго начала своего онъ окружилъ себя людьми, взятыми изъ средняго и низшаго Дворянства; понятно, что эти совѣтники находили свою пользу въ томъ, чтобы сдѣлать раздоръ между Королемъ и вельможами. Главною причиною его было то, что вельможи присвоили большую часть Государственныхъ имуществъ. Хотя Палацкій доказалъ, что Вацлавскій Сеймъ—чистая выдумка, но записка Вячеслава къ Архіепископу Іоанну изъ Енштейна, гдѣ Король требуетъ у него возвращенія своихъ городовъ и замковъ, указываетъ на главную причину раздора между Королемъ и Дворянствомъ, къ которому принадлежали и богатые лица, владѣвшія землями. Высше Дворянство питало постоянную вражду къ Вячеславу; въ 1394 году союзъ Чешскихъ вельможъ, въ которомъ главную роль игралъ славный родъ Розенберговъ, при пособіи брата Вячеслава IV, Сигисмунда, и его двоюроднаго брата, Маркграфа Іоанна, захватилъ Вячеслава IV и держалъ его сначала въ плѣну въ самой Прагѣ; но когда въ ней обнаружилось движеніе въ пользу Короля, то отвезенъ въ Крумловъ, замокъ Розенберговъ, а оттуда въ замокъ Вильдбергъ въ Австріи; однако, съ помощью брата своего, Іоанна Лужицкаго, Вячеславъ возвратилъ себѣ свободу, но уже онъ сталъ не тотъ, каковъ былъ прежде. По свидѣтельству современнаго лѣтописца (*Continuator Pulchrae; Dobner t. IV, p. 142*), Вячеславъ съ того времени не довѣрялъ ни въ чемъ ни своимъ братьямъ, ни вельможамъ: «Rex itaque, продолжаетъ онъ, *sibi familiares de hominibus simplicioribus elegit, talesque dilexit et plurimum adjuvit. Proceres Regni autem non curavit, sed sprexit.*» Эти совѣтники Короля питали сильное нерасположеніе къ духовенству, которому они, при всякой возможности, чинили вредъ; они не обращали ни какого вниманія на бессильной гнѣвъ его, выражавшійся въ проклятіяхъ и отлученіяхъ отъ Церкви. Въ послѣдствіи Вячеславъ

не однажды имѣлъ причину раскаяться въ томъ, что далъ полную волю народу, и хотѣлъ остановить его, но было уже поздно.

Чрезвычайно важный и любопытный трудъ написалъ бы тотъ, кто опредѣлялъ бы, на основаніи первоначальныхъ источниковъ, отношеніе Чешскаго духовенства къ Католическимъ священникамъ съ появленія Гуса; къ сожалѣнію, чрезвычайно мало сдѣланный имѣемъ мы по этому предмету. Несомнѣнно, впрочемъ, то, что народъ былъ недоволенъ Католическимъ духовенствомъ. Главныя причины были слѣдующія: 1. Безнравственность или развратная жизнь духовенства. Чешскіе народъ былъ глубоко набоженъ, коего не удовлетворяла одна пышная внѣшность: онъ жаждалъ всею душею внутреннихъ убѣжденій. Конечно, народамъ Юга свойственно желать влѣпяться пышными обрядами, торжественными ходами и иными принадлежностями внѣшняго богослуженія. Но народъ Чешскій уже не былъ такъ легкомысленъ, не могъ дѣтски влѣпиться одною внѣшностью; онъ достигъ уже высокой степени умственнаго развитія и въ состояніи былъ оцѣнить пустоту внѣшнихъ обрядовъ, подъ которыми не скрывалось ни одного глубокаго убѣжденія. Эней Сильвій пишетъ, что до движенія Гуситскаго ни одна страна въ Европѣ не имѣла такого множества великолѣпныхъ храмовъ, какъ Чехія; изъ другаго источника извѣстно, что одна треть поземельной собственности въ Чехіи чрезъ пожертвованія перешла въ руки духовенства. Это доказываетъ то, что народъ Чешскій думалъ найти въ Католичествѣ отвѣтъ на вопросы своей внутренней жизни, и умѣлъ цѣнить и награждать достойныхъ священниковъ. Но духовенство или, по крайней мѣрѣ, большая часть его, было крайне неблагодарно къ народу и не удовлетворяло его потребностямъ. Оно думало, что исполнило всѣ свои обязанности къ народу, если отслужило для него предписанныя правиломъ службы; но народу было этого мало: онъ требовалъ главнымъ образомъ и прежде всего проповѣди, и полагалъ, что главная обязанность священниковъ есть проповѣдь слова Божія. Напротивъ, духовенство совершенно пренебрегло проповѣдію, и чрезъ то возставило противъ себя общественное мнѣніе, которое обвиняло его въ гунейдствѣ; говорило ему, что священники именно по тому и надѣлены такъ богато, чтобы быть совершенно свободными къ исполненію своей главной и священной обязанности—проповѣди слова

Божія. Отсюда и самый характеръ движенія народнаго былъ въ первомъ своемъ періодѣ словесный, проповѣдный. Часть духовенства, вышедшая изъ народа и дѣлившая всѣ его нужды и угнетенія, прежде всего высказала и сознала народныя потребности. Начало противодѣйствія части духовенства противъ другой большей могло имѣть и не слишкомъ чистый и благородный источникъ—естественное нерасположеніе бѣднаго къ богатому; но какія бы ни были тайныя побужденія, однако, главное то, что народъ Чешскій нашелъ отголосокъ своимъ требованіямъ въ части духовенства, и лица изъ этого-то духовенства были первыми, хотя и малозвѣстными, дѣятелями Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Эти неизвѣстное священники сообщали народу чисто Католическія истины на понятномъ ему языкѣ; они не имѣли и въ помысленіи измѣнить что либо изъ ученій, давно принятыхъ Церковію; но уже по одному тому, что они отъ вѣщности Богослуженія обратились къ сущности ученія Христіанскаго, они рѣзко отличались отъ того духовенства, которое жило бенефиціями и пребендами и не имѣло времени думать о потребностяхъ народа. По тому-то и Вѣроисповѣдное Чешское движеніе началось проповѣдью и дѣйствовало сначала преимущественно чрезъ нее. Эта страсть къ проповѣдыванію замѣчательна въ первомъ періодѣ Чешскаго движенія: она простиралась до того, что не только міряне (главнымъ изъ нихъ былъ Іеронимъ Пражскій), но и женщины, охотно проповѣдывали. И это очень понятно: проповѣдники, принесшіе съ собою потребности народа и удовлетворительную для него Вѣроисповѣдную форму, должны были привести къ сознанію народа то, что они вынесли изъ глубины его же духа. Если бы Чешскій народъ уже выработалъ въ глубинѣ своего духа опредѣленную и вполне удовлетворительную религіозную форму, то тогда нечего было бы говорить: слѣдовало бы только возстать и привести въ исполненіе; но совѣтъ иное было на дѣлѣ. Чешскій народъ видѣлъ, что Католичество не совмѣстимо съ его народными началами; чувствовалъ всѣ оскорбленія недостойныхъ членовъ духовенства, оскорбленія не ему наносимыя, но самой святости нравственнаго Христіанскаго ученія; сознавалъ вполне невозможность существованія настоящаго порядка вещей, но онъ не имѣлъ ничего еще, чѣмъ бы замѣнить Католичество. Въ немъ оставалось темное воспоминаніе о Православномъ ученіи, которое пришлось ему такъ по сердцу и

оставило послѣ себя пріятное воспоминаніе, но онъ не зналъ даже хорошо, чѣмъ оно отличается отъ Католичества. Отъ того-то Чешскій народъ охотно принималъ къ себѣ всѣ чуждыя ученія, но они не могли удовлетворить его потребностямъ. Для него нужна была Вѣроисповѣдная форма, вполне сообразная съ его свойствами, которая основывалась бы на всемъ его прошедшемъ развитіи; но такой формы онъ не имѣлъ въ готовности. Нужно было много трудовъ, много неудачныхъ попытокъ, прежде нежели удалось ему найти эту форму. Въ этомъ отношеніи проповѣдь Чешская замѣчательна, представляя намъ путь, по которому Чешскій народъ шелъ къ своей Вѣроисповѣдной формѣ, развертывая передъ нашими глазами все развитіе Чешскаго духа въ теченіи религіознаго движенія. Ничего не могло бы быть лучшаго, какъ собрать и напечатать въ лѣточислительномъ порядкѣ всѣ проповѣди, какія до насъ дошли, народныхъ Чешскихъ проповѣдниковъ: въ этомъ сборникѣ, если бы онъ когда нибудь осуществился, мы нашли бы картину великую и достойную каждаго ума, картину развитія народнаго, картину того, какъ цѣлый народъ, или, по крайней мѣрѣ, лучшая его часть, искалъ вполне удовлетворительныхъ убѣжденій, искалъ истины въ наилучшей для себя формѣ; тутъ могли бы мы прослѣдить всѣ періоды, всѣ малѣйшія измѣненія, совершавшіяся въ направленіи Чешскаго развитія. Это былъ бы наилучшій источникъ, и безъ него, признаемъ откровенно, исторія Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія не возможна, т. е., не какъ ученическое упражненіе, не какъ повтореніе одного и того же, заимствованное изъ множества книгъ, не совершенно переваренныхъ головою, но самостоятельный историческій трудъ.

2. Алчность духовенства къ собственности, не знавшая предѣловъ. Если духовенство Чешское пренебрегло своею главною обязанностию—проповѣдью, то, съ другой стороны, оно вступило въ отношенія, для него вовсе не свойственныя, присвоило себѣ должности, самыя несовмѣстимыя съ назначеніемъ его сана. Пражскій Архіепископъ, Сбинекъ или Сбигнѣвъ изъ Газенбурга, былъ несравненно искуснѣйшій полководецъ, чѣмъ прелать. Пельцель (S. 517 приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного неизданнаго сочиненія полемическаго содержания, принадлежащаго Гусу: «*Sehet doch! Der*

Burggraf ist ein Priester, der Vorsteher des Landtafel ein Priester, der Unterkämmerer ein Priester, der Königliche Küchenmeister ein Priester, der Landschreiber ein Priester!» Игуменъ монастыря Хотышевскаго былъ хорошій полководецъ (Сулко) и т. п. Духовенство очень вооружило противъ себя народъ этимъ стремленіемъ выйти изъ круга занятій, ему предназначенныхъ. Конечно, тотъ же порядокъ вещей существовалъ во всѣхъ земляхъ Западной Европы, но тамъ онъ былъ необходимъ, вытекалъ изъ прошедшаго, и на немъ основывался; тамъ онъ не имѣлъ ничего возмутительнаго, и народъ совершенно привыкъ къ нему. Но въ Чехіи такія стремленія духовенства были совершенно несомвѣстны ни съ свойствами народа, ни съ его отношеніями. Въ Чехіи духовенство не могло сначала имѣть никакого участія въ свѣтскихъ дѣлахъ, доколѣ было въ силѣ древнее Жупное право, и даже въ послѣдствіи каждое умноженіе власти духовенства было въ то же время ущербомъ правъ того, или инаго, сословія. Въ устройствѣ Чешскаго Государства для духовенства не было мѣста: вторгнувшись почти насильственно, духовенство нарушило равновѣсіе прочихъ сословій, и вооружило ихъ противъ себя. Духовныя лица, и по происхожденію, и по владѣнію поземельною собственностью, имѣли одни и тѣ же выгоды съ дворянствомъ и постоянно преслѣдовали одиѣ и тѣ же цѣли; но это согласіе духовенства и дворянства существовало только тогда, когда оба этѣ сословія должны были бороться противъ Королевской власти. Но когда эта послѣдняя, въ лицѣ Вячеслава IV, ниспала до совершеннаго ничтожества, дворянство немедленно разсорилось съ духовенствомъ. Главною причиною этого явленія было то, что духовенство владѣло значительною (третьею) частью помѣстьевъ; эти помѣстья пришли къ духовенству различными путями. Значительная часть была отказана Церкви умирающими, или подарена ей во исполненіе обѣта и т. п.; но духовенство не удовольствовалось этою частью, и приумножало свои помѣстья частью куплею, частью въ видѣ залога; имѣя много денегъ, духовенство скупало и чужія обдѣржавшихъ дворянъ за безцѣнокъ, и чрезъ то умножало свою недвижимую собственность. Постановленіе о томъ, что духовенство не можетъ покупать ничего недвижимаго въ странѣ безъ согласія ея Государей, было чисто формальное, по тому что ни одинъ Государь не отказывалъ въ подтвержденіи условій и дого-

воровъ; предложенныхъ ему служителями Церкви, а, напротивъ, сѣвшилъ какъ можно скорѣе удовлетворить ихъ притязаніямъ, считая грѣхомъ и святотѣтствомъ противостать имъ. Теперь дворянство силилось присвоить себѣ церковныя угодья и помѣстья. Мы уже видѣли, что Матеей Яновъ говорилъ отъ лица всего Чешскаго народа, что ищія церковныя суть ищія бѣдныхъ и сиротъ; напротивъ, духовенство хотѣло владѣть ими, какъ своею личною благопріобрѣтенною собственностью. Король и дворянство, каждый съ своей стороны, не хотѣли, и не могли, допустить того, чтобы духовенство укрѣпило за собою свои земли, и всѣчески поперецали ему въ томъ. Церковныя имущества не платили повинностей Государственныхъ, за исключеніемъ однихъ бернъ, которыя, впрочемъ, бывали только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и по тому доходы Государства и Король терпѣли великій ущербъ отъ умноженія Церковныхъ имуществъ. Мы видѣли, что Вячеславъ IV не только нѣсколько разъ воспрещалъ продажу и даръ ищій церквамъ и монастырямъ отъ частныхъ лицъ, но и требовалъ у Архіепископа возвращенія Коронныхъ имуществъ, которыми онъ воспользовался при удобномъ случаѣ. Вячеславъ постоянно находился въ денежной нуждѣ, по тому что его доходы были очень невелики, и мы знаемъ, что онъ не пренебрегалъ самыми низкими средствами добыть себѣ денегъ. Не забудемъ и того, что духовенство одно имѣло тогда много наличныхъ денегъ, и, занимая ихъ при случаѣ Королю и дворянству, умножало свои владѣнія и свое значеніе: однимъ изъ главныхъ условій, на которыхъ помирился Чешскій Король съ Капитуломъ города Вратиславы, послѣ известнаго спора за бочку Свидницкаго пива, было то, что новый Епископъ Вратиславы простилъ Королю долгъ въ 30,000 марокъ. Дворянство, безъ сомнѣнія, не менѣе Короля было обременено долгами, и по тому находилось въ зависимости у духовенства. Если Жиды Пражскіе, въ 1389 г., были избиты, не по тому что оскорбили священника, шедшаго съ Св. Причастіемъ, но по тому, что многіе Пражане хотѣли однажды навсегда развязаться съ долгами своими, то и дворянство не менѣе сильно хотѣло отнять у Церкви ея поземельную собственность и ею поддержать сво падавшее значеніе. Такимъ образомъ и дворянство, не раздѣлявшее Вѣроисповѣдныхъ стремленій народа, желало также переворота, который позволилъ бы ему наложить руку на Церковныя имущества, и по тому

охотно готово было поддержать всякое движеніе, которое клонилось къ разрушенію тягостнаго для него порядка вещей. Горожане или мѣщане, самый лучший разрядъ Чешскаго народа, кромѣ того, что были чувствительно оскорблены безиравственностью духовенства и его гордымъ обхожденіемъ съ народомъ, пренебреженіемъ его лучшихъ обязанностей, имѣли еще безпрестанныя враждебныя столкновенія съ духовенствомъ въ области своихъ частныхъ, мірскихъ выгодъ. Безчисленныя права духовенства, исключенія въ его пользу, привилегіи, право исключительнаго пользованія тою, или иною, собственностью, все это было особенно вредно и несносно для городовъ: горожане встрѣтили въ духовенствѣ самое упорное и безразсудное сопротивленіе своимъ постановленіямъ и правамъ. Не было ни одного города, изъ такъ называемыхъ свободныхъ или Королевскихъ, который не имѣлъ бы безпрестанныхъ тяжбъ съ духовными лицами: то въ округѣ городской мѣстнѣи Церковныя до того умножаются, что горожанамъ приходится платить несоразмѣрно тяжелыя подати, то городъ, иногда совершенно безъ намѣренія, нарушитъ одну изъ тысячи привилегій духовенства; однимъ словомъ, конца не было спорамъ городовъ съ духовенствомъ. Последнее, не могши сопротивляться открытою силою, приводило въ дѣйствіе всѣ пружины своей духовной власти, и, при малѣйшемъ посягательствѣ на свои права, сыпало во всѣ стороны отлученія отъ Церкви и запрещенія. Неминуемымъ слѣдствіемъ было то, что мало по малу горожане и вообще народъ привыкли до того къ частымъ отлученіямъ и запрещеніямъ, которыя ничего не стоило навлечь самымъ простымъ проступкомъ, что уже не обращали на нихъ никакого вниманія. Архіепископъ Іоаннъ Енштейнъ, въ «Acta in Curia Romana», жалуется, что городъ Литомѣрице (Leitmeritz) препятствуетъ ему пользоваться правомъ свободного плаванія по Лабѣ, принадлежащимъ будтобы Архіепископамъ и Епископамъ Пражскимъ съ незапамятныхъ временъ. Изложивъ весь ходъ своего дѣла съ этимъ городомъ, присоединяетъ: «cumque plurimos excommunicationes et interdicta in ciuitate Lithomericensi, quae dictum nauigium impedit, posuissem, nihil profuit, sed me dictus Rex et consilium eius, etc.».. Относительно своего спора съ г. Прагою за право рыбной ловли и перевозки по Велтавѣ Архіепископъ замѣчаетъ: «et cum pluries eos (nimirum cives Pragenses) propterea excommunicassem et pluries

cum eis terminos habuissem, nunquam tamen finem potui habere.» Кро-мѣ того Архіепископъ между общими главными пунктами своей жалобы приводитъ вторымъ: «claves ecclesiae et censurae Ecclesiasticae contempnuntur.» Легко догадаться, что главною причиною упадка духовныхъ наказаній была неосторожность самаго духовенства. Какъ бы то ни было, но, потерявъ право духовной цензуры, духовенство потеряло всякое вліяніе на умы народа, и по тому и въ важныхъ Вѣроисповѣдныхъ спорахъ не могло противопоставить сильнаго и дружнаго отпора. Сочиненіе Матвея Янова: «De sacerdotum et monachorum carnalium abominatione» заключаетъ въ себѣ много извѣстій о злоупотребленіяхъ, которыя вкрались въ Церковь чрезъ умноженіе ея имуществъ. Большая часть церквей и монастырей были основаны такъ: Король, вельможа, или вообще всякое частное лицо, желая, во спасеніе своей души и поминovanje вѣчное, основать храмъ, жертвовалъ землю, строилъ на ней самое зданіе церкви, украшалъ его, потомъ приписывалъ часть помѣстій и ставилъ по своему выбору священника, или, если то былъ монастырь, игумена; съ того времени строитель монастыря и его наслѣдники сохраняли право покровительства надъ церковью, т. е., право ставить въ ней священниковъ по своему выбору. Такъ какъ Чехи были очень щедры къ служителямъ алтаря и охотно посѣщали церкви и давали богатые вклады, то церкви и монастыри имѣли очень большіе доходы: иногда, и въ послѣднее время это случалось часто, строитель предоставлялъ половину будущихъ доходовъ церкви и монастыря себѣ и своимъ потомкамъ; отъ того произошло, что многіе міряне строили церкви съ мыслью употребить свой капиталъ на выгодное предпріятіе, и брать съ него большіе барыши. Число церквей и монастырей умножилось чрезвычайно; изъ одной лѣтописи Чешской узнаемъ, что въ Чехіи, въ началѣ дѣятельности Гуса, было однихъ приходскихъ церквей 1836. Если пріймемъ въ расчетъ, что здѣсь не поименованы ни монастырскія церкви, ни второстепенныя приходскія или капеллы, которыя вовсе не походили на наши часовни, а, какъ увидимъ изъ описанія Вилемской часовни или капеллы, не уступали никакому храму своею обширностью и великолѣпіемъ, ни коллегіальныя церкви, находившіяся при коллегіяхъ (Collegialstiften), то найдемъ, что ни одна страна въ Европѣ не могла поспорить съ Чехіею въ набожности, по скольку она выражается

во движущих дѣйствіяхъ. Доходы съ монастырей и церковей были такъ велики, что Король Вячеславъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, требовалъ у Пражскаго Архіепископа, Іоанна Епштейна, возвращенія права покровительства надъ всѣми церквами, выстроенными Королями, его предшественниками, т. е., половины доходовъ съ этихъ церквей: «*Omnes parochias in ciuitate Pragensi et multas dioecesis Pragensis sive capellas esse de iure patronatus suas et ad collationem regiam pertinere.*» Легко догадаться, съ какимъ ужасомъ отвергъ отъ себя справедливое требованіе Короля Архіепископъ Пражскій: онъ даже не согласился на то, чтобы произведено было сдѣдствіе на счетъ того, какія церкви принадлежатъ Королю по праву патронага. Частные люди, особенно богатые горожане и вельможи, крѣпко стояли за свое право патронага, и имѣли за него безпрестанныя ссоры съ высшимъ духовенствомъ. Такъ какъ рѣшительно всѣ церкви и монастыри были выстроены Королями, или частными лицами, и отъ нихъ получали, для своего содержанія, помѣстья и иные доходы, то, хотя надъ значительною частью этихъ церквей и монастырей міряне не имѣли никакого вліянія, или по тому, что не предоставляли себѣ права покровительства, или по тому, что, съ теченіемъ времени, оно шло въ забвеніе; однако міряне не могли забыть, что эти церкви и монастыри принадлежали когда-то имъ, и по тому считали себя вправе, при первомъ случаѣ, взять назадъ пожертвованія своихъ предковъ. Отъ того въ Чехіи несравненно раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ, созрѣло мнѣніе, что Церковныя имущества по праву принадлежатъ Государству, которое можетъ возвратить ихъ себѣ назадъ, когда ему заблагоразсудится, и что духовныя лица суть только временно управляющіе сими имуществами, а не полныя владѣльцы ихъ. Отсюда произошло и то, что Вѣроисповѣдное движеніе Чешское приняло отчасти характеръ систематическаго отбирания Церковныхъ имуществъ и возвращенія духовенства въ его первоначальное состояніе. Католическое духовенство вошло въ Чехію не по праву завоеванія, и по тому не имѣло сначала никакой собственности и никакихъ правъ: оно приобрѣло послѣднія съ бою и въ ущербъ инымъ сословіямъ, но первую оно получало отъ Чешскаго народа, который почелъ себя вправе взять назадъ ее въ то время, когда духовенство пренебрегло своими обязанностями, и первое разорвало без-

молвный договоръ, заключенный съ народомъ. Что можетъ быть справедливей этого поступка народа? Онъ взялъ назадъ свое, и только!

3. Гордое обращеніе духовенства съ простымъ народомъ. Духовенство не исполнило своихъ обязанностей по отношенію къ народу, запуталось въ мірскихъ отношеніяхъ, оскорбило права и выгоды высшаго и средняго сословій, но оно исполнило мѣру своихъ проступковъ обхожденіемъ съ народомъ, деспотическимъ поведеніемъ по отношенію къ нему, совершеннымъ пренебреженіемъ его выгодъ. Матвѣй Яновъ упрекаетъ духовенство въ томъ, что низкое въ обращеніи съ высшими и богатыми лицами, оно угѣсняетъ народъ. И дѣйствительно, Чешское духовенство, въ концѣ XIV и началѣ XV, дошло до крайней степени неслыханнаго бестыдства: оно начало разсматривать народъ, какъ глупую черствую массу, у которой нѣтъ, и не можетъ быть, никакихъ высшихъ потребностей и которая гонится только для того, чтобы выжимать изъ нея деньги. Духовенство Католическое присвоило себѣ монополію духовнаго образованія, и со времени учрежденія Пражскаго Университета утративъ ее, безпрестанно вело ссоры съ нимъ, и особенно съ его Чешскою частью. Мѣста священниковъ при приходскихъ церквахъ, не соединенныя ни съ какими бенефиціями, не удовлетворяли духовныхъ лицъ, которыя, какъ видно изъ сочиненій Гуса, соединяли иногда нѣсколько мѣстъ приходскихъ священниковъ для того, чтобы получать болѣе доходовъ. Понятно, что они не могли удовлетворить духовнымъ потребностямъ столь многочисленной паствы, и пренебрегали многими своими обязанностями. Изъ строительной грамоты Вилеємской церкви узнаемъ, что приходскіе священники часто, въ виду своихъ личныхъ выгодъ, продавали свою паству на долгое время. Главною цѣлью большей части духовныхъ лицъ было приобрѣсть богатую бенефицію и жить весело и пріятно, исполняя коекакъ обязанности своего сана и должности. Такъ какъ раздача бенефицій зависѣла отъ свѣтскихъ лицъ, людей знатныхъ и богатыхъ, то духовныя лица вступали къ нимъ въ самыя низкія, рабскія, отношенія, лишь бы только приобрѣсти ихъ расположеніе: получивъ, съ помощію какого нибудь вельможи, мѣсто, священникъ, или игуменъ былъ у него въ полной волѣ, и давалъ ему всѣ разрѣшенія и позволенія

(относительно разных статей внѣшняго Богослуженія), какія тотъ требовалъ. Но всѣ уступки этъ вымещались на народѣ, который вынуждали къ строжайшему соблюденію самыхъ мелочныхъ и незначительныхъ обрядовъ. Отсюда въ народѣ развились два чувства: 1, чувство отвращенія ко всѣмъ внѣшнимъ богослужебнымъ формамъ въ которыхъ онъ видѣлъ одинъ обманъ, одно желаніе привлечь болѣе народа, и выманить у него болѣе денегъ, подъ которыми онъ очень хорошо видѣлъ всю пустоту, все забвеніе сущности нравственнаго закона Христіанскаго; 2, чувство глубокаго презрѣнія и ненависти къ алчному духовенству. Народъ очень хорошо понималъ, что духовенство видѣло въ немъ безчувственную массу, которая годится только для того, чтобы добывать изъ нея золото. Глубоко оскорблено было живое и воспріимчивое чувство Чешскаго народа недостойнымъ поведеніемъ къ нему духовенства, которое, налагая на него всю невыносимую тяжесть обряднаго закона Католической Церкви, само смѣло попирало самые священныя ея уставы, которые основываются на каждомъ здоровомъ умѣ и нетронутомъ чувствѣ. А то и другое были развиты въ высшей степени въ народѣ Чешскомъ. Здравымъ умомъ своимъ онъ не постигалъ необходимости этихъ безчисленныхъ церемоній и обрядовъ; свѣжее, нетронутое чувство Чешскаго народа было возмущено совершенно несообразностью между дѣйствіями и словами священниковъ. Не будемъ входить въ описаніе ужасной безнравственности духовенства; замѣтимъ только, что Матѳей Яновъ уподобилъ его отвратительному идолослуженію жрецовъ Еврейскихъ, такъ рѣзко изображенному Пророками. Преувеличеніе здѣсь есть, но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что безнравственность Чешскаго духовенства не знала предѣловъ: доказательства тому: 1, всѣ проповѣди благородныхъ, лучшихъ членовъ духовенства; нѣкоторые изъ нихъ были поражены до того страшною безнравственностью и лицемеріемъ его, что совершенно выходять изъ себя при ихъ описаніи, и призываютъ гнѣвъ Божій казнить недостойныхъ служителей его. Самое преувеличеніе ужасовъ, которымъ предавалось духовенство, проистекало отъ того, что его считали готовымъ на всѣ возможныя преступленія. 2, Переимѣна въ отношеніяхъ народа Чешскаго къ духовенству: возвысивъ, обогативъ, духовенство, народъ увидѣлъ, что онъ, своими пожертвова-

нѣли, сдѣлалъ зло духовенству, давъ ему средства къ самой соблазнительной и тунеяднической жизни. По свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, не было народа болѣе щедраго къ духовенству; но когда духовенство удалилось съ истиннаго пути, то народъ сталъ его презирать въ такой же степени, въ какой прежде уважалъ и любилъ. Съ увеличеніемъ безпорядковъ въ духовенствѣ, народъ Чешскій ожесточался противъ него въ крайней степени. Еще подъ 1371 г. читаемъ, что Іоаннъ I Очко изъ Влашима, Пражскій Архіепископъ, основалъ особенный госпиталь для бѣдныхъ духовныхъ, которые не имѣли пристанища и не могли ити въ госпитали мірянъ: «*qui tamen clericis solent esse infesti,*» замѣчаетъ лѣтописецъ. Бенешъ Вайтмилъ, самъ монахъ Францисканскаго ордена, жалуется на нравы духовенства и, рассказавъ смерть одного клерика, игравшаго на «лейтѣ», онъ замѣчаетъ: «*Videte, clerici, quomodo diligit Dominus corizantes, et huiusmodi exemplo moros vestres corrigite!*» Мы привели выше слова изъ жалобы Архіепископа, Іоанна Енштейна, гдѣ онъ жалуется горько на то, что клерикъ пришелъ въ такое презрѣніе по отношенію къ простому народу, что его считаютъ хуже Жюда. Народъ былъ оскорбленъ духовенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по тому его движеніе приняло характеръ мстительный: онъ хотѣлъ возвратить духовенству хотя часть тѣхъ обидъ, которыя самъ сносилъ долго и терпѣливо. При разсматриваніи и оцѣнкѣ Вѣроисповѣднаго движенія Чешскаго не должно терять изъ виду, что народъ Чешскій не только возсталъ противъ религіозной формы, несообразной съ народностью Чешскою, но и противъ вѣковаго ига, наложеннаго на него духовенствомъ: онъ долженъ былъ не только создать, но и истреблять старый, отжившій порядокъ вещей и его представителей. Отсюда мстительное свойство Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, отсюда его разрушительный характеръ. Народу Чешскому опостылѣла эта Католическая виѣшность, прикрывавшая отсутствіе нравственнаго ученія Христіанскаго, а по тому онъ разорялъ храмы, истреблялъ священниковъ; но его гнѣвъ былъ вполне справедливъ. Кто не извинитъ этихъ проступковъ Чешскаго народа, соразмѣривъ ихъ съ важностью и многозначительностью мысли, во имя которой они совершались? Пробужденіе народо и его мщеніе за несправедливости, которыхъ онъ былъ жертвою, бываетъ всегда ужасно: Французское по-

литическое движеніе конца XVIII ст. можетъ служить объясненіемъ и оправданіемъ насильственной стороны Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія XV столѣтія.

Такимъ образомъ Чешскій народъ отъ Восточной Церкви получилъ направленіе, враждебное Католичеству: оно развилось и поддерживалось въ немъ несовѣстностью Католичества съ народными началами его жизни. Дальнѣйшее развитіе Католичества не только не усыпило народного неудовольствія, но раздражало его болѣе и болѣе своими крайностями, и наконецъ само вызвало его на открытую борьбу. Чешскій народъ не удовлетворялся Католичествомъ и, въ лицѣ своихъ представителей, искалъ сообразной съ своимъ развитіемъ Вѣроисповѣдной формы. Все могло бы еще кончиться въ области слова, но Католичество неосторожными поступками своими и ложнымъ отношеніемъ къ сословіямъ Чешскаго народа ускорило вспышку Вѣроисповѣдной борьбы, характеръ коей былъ условленъ всѣмъ историческимъ развитіемъ Чешскаго народа. Эта борьба была въ пользу народныхъ началъ, дотогѣ не признанныхъ: она была Вѣроисповѣдная отъ самыхъ свойствъ Чешскаго народа и обстоятельствъ, изъ условившихъ; она имѣла главнымъ стремленіемъ дать перевѣсъ нравственному ученію Христіанскому предъ богослужебной внѣшностью, а это стремленіе сообщило Чешскому народу ученіе Восточной Церкви. Эта борьба, въ высшихъ ея явленіяхъ, клонилась къ лишенію духовенства церковныхъ имуществъ и, кромѣ того, носила характеръ истязательный, условленный прежними оскорбленіями, которыми Чешскій народъ долженъ былъ отплатить подобными же оскорбленіями, что сдѣлалъ бы и всякой народъ на его мѣстѣ.

IV

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Г Л А В А ХХ.

Какъ Персіяне женятся и справляютъ свадьбу?

Хотя Персіяне женятся, находясь иногда въ довольно близкомъ родствѣ; такъ, на примѣръ, братъ можетъ жениться на вдовѣ брата, отецъ и сынъ на состоящихъ въ томъ же родствѣ: на матери и дочери, какъ въ наше время было это въ Шамахѣ, гдѣ вдовецъ, имѣвшій двухъ сыновей, женился на вдовѣ съ двумя же дочерьми, и каждого изъ сыновей женилъ на одной изъ ея дочерей. Но чтобы они допускали себѣ свободу и въ болѣе близкомъ кровномъ родствѣ, женились бы, на примѣръ, на родной матери, дочери, или на сестрѣ, какъ это могло быть у нихъ въ древности въ обычаѣ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, на которыхъ указываетъ Брисонъ (Brissonius), во 2-й книгѣ «De Regno Persarum» (Parisii, 1606), страница 213 и слѣдующая, то этого въ настоящее время болѣе нѣтъ. Да такого страшнаго разврата, каково кровосмѣшеніе съ родной сестрой, и не бывало въ Персіи до Камбиза, который въ первые ввелъ его своею неестественною любовью къ своей сестрѣ, которую онъ взялъ себѣ въ жены противъ воли своихъ Государственныхъ совѣтниковъ и въ противность закону, о чемъ можно прочесть у Геродота въ 3-й книгѣ, на страницѣ 173. Подобное же сдѣлалъ и Птоломей въ Египтѣ, когда онъ воспылалъ страстью къ сестрѣ своей; а чтобы имѣть возможность жениться на ней, онъ предоставилъ и всѣмъ подданнымъ въ странѣ полную свободу брать въ жены родныхъ сестеръ своихъ, какъ увѣряетъ о томъ Alexander ab Alexandro, въ 1-ой книгѣ, главѣ 24-й, на страницѣ 92 (Francofurti, 1594).

Когда юноша пожелаетъ вступить въ бракъ и имѣть при этомъ въ виду чью либо дочь, то о свойствахъ ея онъ освѣдомляется черезъ вторыхъ и третьихъ лица; ибо ни самъ онъ, ни родители, смотрѣть невѣсты не смѣютъ. Окажется ли она по его мыслямъ, тогда посылаетъ онъ двухъ изъ ближайшихъ друзей своихъ, находившихся при его обрѣзаніи, сватами къ отцу невѣсты, и поручаетъ имъ переговоры съ нимъ. При этомъ обычай у нихъ

такой, что сначала отец и друзья невесты дѣлаютъ видъ, будто они не очень-то рады и расположены принять предложеніе сватовъ, полагая, что иначе могутъ дать поводъ думать, что они охотно готовы сбыть дочь съ рукъ. Когда предложеніе при-

нято, будетъ благосклонно, родители съ сватами, какъ съ уполномо-
ченными, толкуютъ о приданомъ или о дарѣ за невесту, который дается не родственниками невесты, но женихомъ, или его родственниками. Такое приданое дается со стороны жениха двойнымъ образомъ: или женихъ посылаетъ даръ за несколько дней передъ свадьбой въ домъ невесты, и даръ этотъ родители ея могутъ удержать у себя, либо отдать его за дочь, и въ этомъ случаѣ разсматривается, какъ награда родителямъ за то, что они хорошо воспитали дѣтя свое; или же женихъ даетъ обязательство на известное количество денегъ, шелкъ, или шелковые товары; это приданое выдается собственно тогда, когда женихъ захочетъ разойтись съ невестой, уже послѣ совершения брачнаго договора, который во всякомъ случаѣ долженъ быть скрѣпленъ подписью Kassi, или Molla. По заключеніи такой сдѣлки о приданомъ, невеста и женихъ наряжаютъ, каждая изъ сторонъ, по одному Векилю (Wekil) или посреднику (Sugator), которые идутъ, если это въ городѣ, къ Kassi или Духовному Судѣ, а если въ селеніи, то къ Molla или Священнику, уполномоченному отъ Kassi, и просятъ о совершеніи союза (Corulation) отъ имени невесты и жениха (которые въ Персіи сами не являются и въ храмъ къ вѣнцу не ходятъ). Kassi, удостовѣрившись вполне о добровольномъ согласіи на бракъ жениха и невесты, также родителей и родственниковъ ихъ, совершаетъ союзъ черезъ уполномоченныхъ посредниковъ, благословляетъ ихъ во имя Бога, Магумед и Аали, и заключенный такимъ образомъ свадебный договоръ скрѣпляется подписью и печатью Kassi. Для такого дѣла этѣ 3 лица уходятъ обыкновенно

въ какое ни будь сокровенное мѣсто, или запираются въ особую комнату, или же удаляются въ открытое поле, чтобы совершенно отдѣлиться отъ другихъ людей для того, чтобы новообрачные ни кто не могъ причинить какого вреда, либо наслать на нихъ нечистыя чары разными вещами, особенно же узелками изъ лентъ. По этому, чтобы устранить такія чары, если случается, что союзъ (Corulation) долженъ быть совершенъ у Судьи, когда онъ сидитъ въ

мя, когда надо будетъ уже везти невѣсту. Но невѣста и женихъ на это угощеніе не являються. По окончаніи пирушки, когда уже наступитъ поздній вечеръ, невѣсту сажаютъ на лошадь, мула, или верблюда, и, покрытую краснымъ тафтянымъ капшюномъ съ головы до колѣнъ, везутъ въ домъ жениха, въ сопровожденіи гостей невѣсты и со всевозможными потѣхами (играми) впереди. По приѣздѣ въ домъ жениха, невѣста, съ нѣсколькими женщинами, подругами ея, усаживается въ особой комнатѣ, а мужчины въ другой, и сдѣсь опять приносятся разныя кушанья. Вскорѣ затѣмъ невѣсту уводятъ въ опочивальню и къ ней впускаютъ жениха, гдѣ онъ впервые только можетъ вдоволь насмотрѣться на невѣсту. Если же, въ надеждѣ получить дѣвицу, онъ найдетъ себя обманутымъ, то можетъ обрѣзать ей носъ и уши и вытолкать ее вонъ отъ себя. Но обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивается только бранью и тѣмъ, что молодая жена съ своими подругами поднимаются и тотчасъ же должны удалиться изъ дома свадьбы. Если же невѣста найдена будетъ дѣвицей, доказательства чего одна старая женщина должна показать друзьямъ и роднѣ жениха, то празднованіе свадьбы во всякомъ веселіи продолжается цѣлые три дня. Вызнавши такимъ образомъ свою невѣсту, женихъ оставляетъ ее въ комнатѣ, и самъ отправляется снова къ своимъ гостямъ, и веселится съ ними. Если случится, что между гостями есть люди ученые, не охотники до попойки, что бываетъ нерѣдко, то этѣ ученые усаживаются вмѣстѣ, особливо, имѣютъ при себѣ свои книги, бесѣдуютъ и философствуютъ о разныхъ предметахъ. Это дѣлаютъ они и на другихъ пиршествахъ, которыя посѣщаютъ часто только для того, чтобы побесѣдовать, а не ради веселія, *rosulum hilaritatis*. Стихотворцы (поэты), при такомъ веселіи, тоже обыкновенно подвизаются въ сочиненіи разнаго рода веселыхъ произведеній. Второй и 3-й день свадьбы проводится во всякаго рода забавахъ; между прочимъ: выставляется большое деревянное блюдо, полное плодовъ, и по срединѣ его деревцо со множествомъ вѣтвей, увѣшанныхъ плодами и всякаго рода сладостями (конфектами); если кто изъ гостей возметъ что ни будь съ вѣтки украдкой такъ, что женихъ не замѣтитъ этого, того женихъ долженъ чувствовать чѣмъ ни будь; если же женихъ замѣтитъ снявшаго что либо съ вѣтки, то неволькій гость за каждую взятую имъ сладость обязанъ дать сто

новыхъ такихъ сластей. Иногда же и хорошихъ друзей своихъ, если они на другой день запоздають и придуть не въ надлежащее время, подвергаютъ также взысканію другого рода, а именно: въ комнату приносятъ лѣстницу, и виновнаго встегиваютъ на нее ногами вверхъ, такъ что голова и шея его коекакъ лежатъ на полу; за тѣмъ жгутомъ, свитымъ изъ носоваго платка, бьютъ его по обнаженнымъ подошвамъ, или же онъ долженъ откупиться отъ такого наказанія подаркомъ. Я самъ видѣлъ такую шутку однажды, когда, прощаясь при послѣднемъ отъѣздѣ изъ Шамахи съ бывшимъ учителемъ моимъ, Магебъ-Аали (Maheb Aali), долженъ былъ, по его приглашенію, войти въ одинъ домъ, гдѣ я нашелъ его и гдѣ праздновалась какая-то свадьба.

У Персіянъ есть и пляски, въ которыхъ мужчины съ мужчинами пляшутъ другъ противъ друга, по одному, или же разомъ по два человѣка. Женщины такимъ же образомъ отплясываютъ въ своемъ покоѣ, но музыканты не смѣютъ входить къ нимъ, а играютъ передъ закрытыми дверями ихъ покоя.

На другой день свадьбы женихъ идетъ рано утромъ въ купальню, или лѣтомъ въ рѣку, и моется, невѣста же моется на дому. Вечеромъ раздается гостямъ растертое зелье Хина (Chine), которою Персіяне красятъ руки, какъ замѣчено было выше; передъ каждымъ гостемъ раскладывается бумажный, пестро-расписанный носовой платокъ, и въ него насыпаютъ двѣ ложки хины, и то и другое каждый можетъ взять съ собою домой. Послѣ этого слѣдуютъ свадебные подарки со стороны гостей, отъ каждаго по мѣрѣ его возможности.

Гости, черезъ чуръ уже выпившіе, остаются обыкновенно ночевать въ свадебномъ домѣ; ибо, такъ какъ въ городахъ по ночамъ содержится довольно сильный дозоръ, то никто не смѣетъ шататься на улицахъ въ неприличномъ видѣ и безъ фонаря. Тѣ же изъ гостей, которые въ здравомъ умѣ и безъ стыда могутъ возвратиться домой, даютъ дозору на водку, и просятъ его доставить ихъ въ свое мѣсто.

Упомяну здѣсь мимоходомъ подробнѣе о дозорѣ, по тому что въ Персіи существуетъ весьма похвальный порядокъ на счетъ

двоякъ претитъ: таинственно и ужасно. И притомъ служитъ строжайшей ночной стражи, которая постоянно и въ значительной числѣ ходитъ вездѣ по улицамъ. Въ Ардебиль такую стражу составляютъ сорокъ человекъ, которые должны наблюдать, чтобы на улицахъ и дома были безопасны отъ воровъ и разбойниковъ, и если случится какое воровство, то стража эта должна вознаградить потерпевшаго. По этому въ Испагани мы хаживали бывать по ночамъ въ совершенной безопасности, часто цѣлыя помыслили отъ монастыря до нашего жилья, и если иногда сбивались съ дороги, то ночная стража съ свѣтильниками провожала насъ до вѣста. Въ Ардебиль случилось однажды, что Шахъ Абасъ, желавшій повѣрить бдительность и усердіе этой стражи, былъ захваченъ ею и поведенъ было въ темницу; но когда одинъ изъ стражниковъ узналъ Абаса, то всѣ они упали ему въ ноги, прося прощенья, которое тотъ охотно далъ имъ, сказавъ: «Днемъ я Царь, ночью же правленіе поручается вамъ».

По окончаніи свадьбы, если случится, что новорожденные должны жить въ домѣ мужниного отца, женщина живя потворно съ мужемъ показывается отцу съ открытымъ лицомъ, и даже сказать съ нимъ слово, и только движеніями можетъ давать разумѣть свои мысли; иногда это продолжается цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока отецъ не купитъ у нея рѣчь, что совершается посредствомъ подарка новаго платья, или какой матеріи; послѣ этого она свободно можетъ разговаривать съ нимъ; но все такъ не можетъ ходить при немъ съ открытымъ лицомъ и показывать ротъ во время бды; по этому надъ ртомъ онъ привѣшиваютъ привязанный къ ушамъ трехъугольный платокъ, похожій на наши пеленки для новорожденныхъ дѣтей и называемый ими Jascsham, и, подъ этотъ-то платокъ подносятъ въ ротъ кушанье и питье.

Вообще Персіяне держатъ своихъ женъ въ очень замкнутой жизни, не выпускаютъ ихъ ни въ мечеть, ни въ гости, и ни какому мужчине, хоть бы и близкому родственнику мужа, пришедшему въ домъ его, жены не смѣютъ показывать лица своего; онѣ должны сидѣть въ своей комнатѣ, какъ въ темницѣ. По этому у Персіанъ есть поговорка:

Странно, женъ да деньги

держатъ каменъ въ темницѣ

или т. Если же не хватает и нужно выйти куда нибудь по улице, то они ходят по крыльям, облекаясь в широкую мантию или же богатый позументом, украшенный вощахъ, на верблюдахъ, либо лошадейъ. Таковы въ общемъ Персияне женятся, и содержатъ своихъ заведенныхъ жень. Но, при томъ, они берутъ и еще довольно рдъ людей. Такъ, именно, въ некоторые берутъ себя за деньги (напимаютъ) жену на известное время, вь месяцы, и такую жену называютъ нони (Mittene); Такъ дѣлаютъ обыкновенно не только Персияне, которые должны быждать убаждать себя дома, въ какое нибудь другое мѣсто, и прожить тамъ некоторое время, и которые при томъ же желаютъ посѣщать общественныя дома терпимости. По истеченіи договорнаго времени, такая жена, получивъ свою плату, можетъ себя ити куда хочетъ, или же, по обоюдному согласію, договоръ можетъ быть продленъ. Третій родъ взятія жень, бываетъ тогда, когда кто купитъ невольницу, и которую ховаетъ и можетъ имѣть по своему усмотрѣнію. Такія невольницы обыкновенно продаются Дидестанскими Татарами, у Христіанъ Грузіи, и продаются Персиянамъ. Дѣти, которыхъ Персіане приживаютъ отъ обокуд послѣднато рода, ожителювъ, так же, содержатся ими, и не устраниются дивно отъ участія въ надблствіи, и дѣтя, у которыхъ изъ нихъ дѣти отъ законнаго (настоящаго) брака, и дѣлаются въ некоторыхъ преимущественно, когда это выговорено въ брачномъ договорѣ. Во всякомъ же случаѣ, ни одни изъ всѣхъ дѣтей не считаются незаконнорожденными. Въ этомъ отношеніи Персіане подобны на Египтянъ, которые, одинаково, также, и тѣхъ дѣтей, которыхъ они приживали отъ служавекъ и илм, отъ купленыхъ невольницъ, не считали незаконнорожденными, и по законнымъ отъ брака рожденнымъ дѣтьми. Они оправдываютъ это вѣдъ ющими основаніями: *Solum enim patrem inquit Diodorus, Siculus (lib. 1, p. 72, edit. Hanneviae, 1604), generationis autorem esse, matremque alimenta tantummet, locum infantі, praebere arbitrantur, Arbores etiam, quae fructum edunt, et mares, sed quae non sernof, factioides appellerunt.* По сей день, въ Персіи, и въ Египтѣ, да и въ другихъ частяхъ Востока, и даже въ Западной Европе, еще не забыли, и не забыли, что *«Если женщины собираются родить, страдаютъ, но несколько разрушаются отъ бремени, то родственники друзей, и даже*

сосѣди, бѣгутъ въ училище, даютъ тамъ Моллѣ или учителю подарокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тѣхъ учениковъ, которые провинились въ чемъ либо и должны быть наказаны, пощадилъ, или простилъ, и чтобы они были отпущены домой. Персіане думаютъ, что отъ этого и родильница скорѣе разрѣшится отъ бремени. По той же причинѣ они выпускаютъ на волю бывшихъ у нихъ въ кѣткахъ птицъ, даже покупаютъ ихъ нарочно у птицелововъ и выпускаютъ на свободу. Это дѣлаютъ они и тогда, когда кто ни будь лежитъ при послѣднемъ издыханіи, нескоро умираетъ и не можетъ выздоровѣть. Такой выпускъ на волю птицъ бываетъ и у Русскихъ, во время ихъ говѣнья, въ надеждѣ на то, что Богъ также разрѣшитъ и освободитъ ихъ отъ грѣховъ.

На сколько мужчины предоставляютъ себѣ власть свободно, по желанію своему, обращаться съ женщинами, на столько же, мало, напротивъ, дозволяютъ они своимъ женамъ, изъ одного подозрѣнія въ измѣнѣ, малѣйшую свободу разговаривать съ постороннимъ мужчиной, не говоря уже объ какомъ ни будь обращеніи съ нимъ. И если они что замѣтятъ въ этомъ родѣ, то отнюдь не смотрятъ на это сквозь пальцы, подобно тому, какъ сдѣлалъ это въ Римѣ Гальба, когда онъ принималъ у себя въ гостяхъ Мецената и замѣтилъ, что гостю захотѣлось пошептать съ его женою; онъ сѣлъ за столъ и притворился, что заснулъ, и когда одинъ изъ слугъ его, желая воспользоваться сномъ своего господина, взялъ со стола стаканъ съ виномъ, то онъ не выдержалъ и сказалъ: «*Perfide, an nescis me soli Maecenati dormitare!*» «Вѣроломный, не знаешь развѣ, что я хотѣлъ показаться спящимъ не тебѣ, но Меценату только!» Нѣтъ, въ подобномъ случаѣ Персіане очень ревнивы и мстительны, и совершенно справедливо то, что говоритъ о нихъ Юстинъ въ этомъ отношеніи: «*Non ulla delicta adulterio gravius vindicant.*» Приведу слѣдъ только одинъ примѣръ: Въ области Ленкеранъ жилъ одинъ Персіанинъ, по имени Якубъ-Джанъ-Бекъ (*Jakub-Tzan-Bek*), *kurtzi Tin keran*, или Царскій оруженосецъ, носившій за нимъ его лукъ и стрѣлы. Когда о женѣ его появилась недобрая молва и дошла до Шаха Абаса, то Шахъ сказалъ своимъ совѣтникамъ, что объ этомъ нужно увѣдомить бѣднаго мужа съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ домъ

свой, или же онъ не можетъ быть болѣе слугою его. Такой позоръ крѣпко возмущилъ Якубъ-Джанъ-Бека: онъ пошелъ домой и нарубилъ тамъ саблюю жену, четырехъ дочерей, двухъ сыновей, и своихъ служанокъ, такъ что всѣхъ жертвъ было 12 человѣкъ, и такимъ образомъ онъ очистилъ свой домъ пролитіемъ такого количества крови для того только, чтобы остаться слугою Шаха. Вообще, Персіане имѣютъ право, которымъ часто и пользуются на дѣлѣ, если застанутъ жену, оскверняющую съ кѣмъ чистоту брачнаго ложа, умертвить на мѣстѣ саблей обонѣхъ виновныхъ, и за это мужъ еще получаетъ въ даръ отъ судьи новое платье. Если мужъ въ подобномъ случаѣ не захочетъ, или не можетъ, по чему либо рѣшится на убійство, то ему предоставляется свобода развестись съ женою.

Г Л А В А XXI

О разводѣ и новомъ соединеніи мужа и жены въ Персіи и Турціи.

Въ Персіи считается весьма обыкновеннымъ дѣломъ, что, въ слѣдствіе любодѣнія и другихъ уважительныхъ причинъ, мужъ и жена разводятся другъ съ другомъ. Правда, сами по себѣ они не могутъ отказаться одинъ отъ другого и развестись, но, по представленію дѣла Судьѣ, должны быть разведены особымъ, установленнымъ для того, разводнымъ письмомъ. Женѣ и мужу одинаково предоставляется право расторгнуть бракъ и требовать отъ Судьи развода.

Намъ Персіяннинъ рассказывалъ, что передъ отъѣздомъ изъ Персіи, въ Ардебилѣ была одна женщина, которая обвиняла мужа своего въ безсиліи (*impotentiae*), и когда, по этой жалобѣ, Каси спросилъ мужа: «За чѣмъ онъ, зная за собою такой недостатокъ, женился?» то тотъ отвѣчалъ: «За тѣмъ, чтобъ она чесала мнѣ спину.» На это жена объявила: «Я ужъ достаточное время чесала тебѣ спину, но ты никогда еще за это не почесалъ меня.» Другая будто бы жаловалась: «*Quod maritus usu membri, ad venerem destinati, relicto, parte viciniore abuteretur.*» Оба этѣ брака были расторгнуты,

и въ послѣднемъ мужъ подвергнуть былъ осклопенію. Когда разводъ сказаннымъ образомъ совершится, каждый изъ супруговъ можетъ снова вступить въ бракъ, когда и гдѣ захочетъ, но только жены могутъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ по истеченіи, со времени развода, 3-хъ мѣсяцевъ и 10-ти дней, частію для того, чтобы обнаружить, не беременна ли она отъ перваго брака, частію же для того, что если имъ опять придется охота соединиться, то чтобы не такъ уже скоро представлялся имъ случай къ тому. Но при этомъ у Персіянъ нѣтъ того гнуснаго обычая, который соблюдаютъ Турки, по ученію Ганифе (Hanife). Турки послѣ развода могутъ снова сходитья въ бракъ другъ съ другомъ; но если они трижды разводились, и захотѣли бы снова сойтись въ бракъ въ 4-й разъ; или же, если мужъ сказалъ только (хотя бы даже и въ гнѣвѣ): «Utz katala», т. е., Я уже трижды разводился съ тобою, то такіе супруги допускаются къ новому брачному сожителству другъ съ другомъ не прежде, какъ послѣ того, когда сторонній какой ни будь мужчина, котораго Молла для того нарочно и приводитъ, совокупится съ такою женою, и притомъ, или въ ея присутствіи, или же надъ его головою, въ какомъ ни есть верхнемъ покоѣ. Извѣстіе это впервые слышалъ я отъ Персіянъ, а потомъ отъ одного жителя Константинополя, состоящаго нынѣ при нашемъ Дворѣ, а равно и отъ одного херошаго пріятеля моего, Голландца, который нѣсколько лѣтъ провель между Турками, бывши частію въ Константинополѣ, въ качествѣ Секретаря Голландскаго Посольства, частію въ Алеппѣ, въ званіи Повѣреннаго отъ Голландскаго купечества. Обычай этотъ и теперь еще въ ходу у большей части сектъ, которыхъ считается тамъ 62. Нѣкоторые, по извѣстнымъ причинамъ, платятъ даже деньги такимъ временнымъ сожителямъ съ ихъ женами. А есть секты, которыя довольствуются тѣмъ, что исполняютъ этотъ законъ, кладя, для совокупленія съ женами, не способнаго еще къ тому мальчика:

По поводу этого обычая рассказывали слѣдующую былинку: Въ Султаніи (въ которой тогда открыто господствовала Турецкая, но тайнѣ многими исповѣдывалась Персидская Вѣра) случилось, что тамошній Султанъ, въ пылу гнѣва, пересилившаго его, употребилъ противъ жены своей: «Utz katala,» заявилъ ей троекратный

съ нею разводъ, и, по Турецкому закону, супруги должны были разстаться. Вскорѣ за тѣмъ Султанъ раскаялся и охотно желалъ бы взять опять жену свою, но только не съ тѣмъ, чтобы прежде другой кто тронулъ ее; по этому онъ велѣлъ спросить своихъ духовныхъ особъ: «Не было ли гдѣ какого другого Имама, который бы разрѣшалъ получить снова жену свою, не тронутую стороннимъ человекомъ?» Когда же всѣ Турецкіе Муфти и Священники отвѣчали на это отрицательно, явился одинъ Молла, по имени Гасанъ-Каши, родомъ Персіянинъ, выше уже упомянутый, который въ это время также находился въ Турціи, и заявилъ, что онъ знаетъ одного такого Имама, который разрѣшалъ его. Хотя этого Гасана считали полоумнымъ, за его странныя и часто забавныя выдумки, тѣмъ не менѣе ему также велѣно было явиться къ Султану. Входя къ Султану, Гасанъ не оставилъ своихъ башмаковъ у дверей, какъ это обыкновенно дѣлается, но, снявши ихъ, держалъ ихъ подъ мышкою, и когда Султанъ спросилъ его: Что это значить? Не думаетъ ли онъ, что его башмаки украдутъ двери?» Гасанъ отвѣчалъ: «Нехорошо, чтобы другой кто ни будь надѣлъ башмаки, которые я употребляю.» Этѣмъ онъ хотѣлъ указать на нелѣпность постыднаго обычая съ женами, съ которыми разводятся. «При Магумедѣ случилось,» продолжалъ онъ, «что у Ганифе, когда онъ сидѣлъ у Магумеда, также были башмаки, оставленные имъ у дверей.» Присутствованіе при этомъ Духовные начальники сѣялись надъ Гасаномъ и сказали: «Вотъ и видна глупость Гасана! Если онъ не имѣетъ лучшаго доказательства для оспариваемаго имъ дѣла, кромѣ приведеннаго имъ, то онъ плохо доказываетъ; ибо Ганифе жилъ не съ Магумедѣ, но гораздо позднѣе его.» На это Гасанъ-Каши изразилъ: «Если ни Ганифе и никто изъ васъ не жилъ при Магумедѣ, то откуда взяли вы такой гнусный законъ? Такъ какъ о никто не слышалъ изъ устъ Магумеда, и его не найдете вы нигде и въ Алкоранѣ, то, следовательно, законъ этотъ чистая жуть.» Онъ сослался за тѣмъ на толкованіе Алкорана, сдѣланное дункомъ (бывшимъ учителемъ Ганифе), и доказалъ имъ, что имъ имѣетъ полную власть, смотря по проступку жены своей, винить ее всячески, угрожать ей, а при случаѣ даже и бить, и она все таки должна оставаться при немъ. Это объясненіе Гасана очень понравилось Султану, и ему возвращена была супруга

его, ни кѣмъ не тронутая. Въ слѣдъ за тѣмъ Султанъ со всѣмъ городомъ принялъ Персидскую Вѣру, а Турецкихъ духовныхъ частію перебилъ, частію изгналъ вонъ изъ города.

Персіане рассказываютъ и другой примѣръ, случившійся въ Константинополь. Турецкій Императоръ, Солиманъ, разгнѣвался однажды на свою супругу, и въ припадкѣ бѣшенства заявилъ противъ нея: «Utzatala» (Utz katala). Но такъ какъ супруга была чрезвычайно красивая женщина, и Императоръ пожелалъ снова взять ее; то Каси (Kassi) поручено было привести Дервиша или монаха, называемаго у Турокъ Derwisrastkeli, въ которомъ нельзя было бы предполагать возможности плотскаго пожеланія. Монахъ этого одѣянъ въ прекрасную одежду и по обряду отверженному супругу доврчиво уложили съ нимъ (Такое солежаніе совершается обыкновенно съ извѣстною обрядностію, какъ бы то было настоящее бракосочетаніе; иначе это было бы любодѣяніемъ. Послѣ такого солежанія временный мужъ долженъ также развестись съ временною женою, для того, чтобы прежній мужъ могъ снова взять ее себѣ). Но монаху понравилась супруга Императора, а монахъ ей, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ прежній супругъ; по этому они согласились и объявили, что не хотятъ разлучаться, а по закону ихъ силою ихъ также развести было не возможно. Устроившись такъ, они уѣхали потомъ въ Персію, гдѣ бывшия супруга Императора, обладая большимъ богатствомъ, сдѣлала изъ монаха знатнаго Вельможу. Такимъ образомъ Султанъ долженъ былъ лишиться своей супруги.

Г Л А В А XXII.

О воспитаніи дѣтей и училищахъ ихъ.

Такъ какъ Персіане берутъ по нѣскольку женъ, то у нихъ много и дѣтей, и у много отца бываетъ по 20, 30 и болѣе дѣтей. Но теперь они воспитываютъ ихъ не такъ, какъ въ древности, когда держали ихъ въ заперти, оставляли на первые годъ на попеченіе прислужницъ и въ продолженіи нѣвѣстнаго времени

они не должны были показываться на глаза отцу. Страбонъ говоритъ (lib. 15, p. 504), что они не являлись на глаза отца равнѣ четырехъ лѣтъ; Геродотъ (lib. 1, с. 136) равнѣ 5; Валерій же Максимъ (lib. 3, с. 6) равнѣ 7 лѣтъ. И Геродотъ хвалитъ такой родъ воспитанія дѣтей; ибо, если случится, что они въ продолженіи этого времени умрутъ, то отцы не очень болѣютъ о томъ сердцемъ, такъ какъ они привыкли уже къ отсутствію ихъ.

Точно также теперь уже не такъ ревностно обучаютъ ихъ стрѣлянню изъ лука и верховой ѣздѣ, и только что выучатся они читать и писать, какъ приучаютъ ихъ къ какой ни будь работѣ, или же оставляютъ ихъ при письмѣ и занятіи науками. Рѣдко найдется Персіанинъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, который не умѣлъ бы читать и писать; ибо вообще дѣти посѣщаютъ тамъ училища съ весьма ранняго возраста. Ихъ мечети, (Mesziden) или храмы, въ которыхъ они молятся, суть въ то же время и училища ихъ, и въ каждомъ городѣ столько же училищъ, сколько улицъ; ибо каждая улица должна имѣть и содержать свою собственную мечеть (Meszid), и въ каждомъ училищѣ состоитъ одинъ главный Молла или учитель, и одинъ Калифа (Califa), сотрудникъ Моллы (помощникъ, Collaborator) и замѣняющій его. Учитель сидитъ въ серединѣ, а мальчики вокругъ него, по стѣнамъ. Чтеніе ученики, какъ только выучатъ склады, должны начинать съ Алкорана, изъ котораго въ началѣ берутся только нѣкоторыя главы, а потомъ предлагается и излагается имъ и весь Алкоранъ. Послѣ Алкорана имъ даютъ Шихъ-Саади Кюлустанъ или Долину Розъ, и его же Бустаъ (Bustan) или Вертоградъ, наконецъ проходятъ Гафиса (Hafis), который также, какъ и Bustan, писанъ стихами. Стихи послѣдняго писателя считаются чистѣйшими и изящнѣйшими образцами Персидскаго языка; ибо полагаютъ, что это есть языкъ Шираса (или древняго Персеполя), который почитается матерью Персидскаго языка. Они читаютъ всѣ въ одно время довольно громко, одинъ и тотъ же текстъ, и покачиваются со стороны на сторону, будто тростникъ, колеблемый вѣтромъ; подобное покачиваніе видѣли мы въ Ардебилѣ, въ гробницѣ Шихъ-Сефи. Пишутъ Персіане, въ школахъ и гдѣ бы то ни было, большіе и малые, всѣ держа бумагу на колѣняхъ. Бумага ихъ дѣлается, подобно нашей изъ полотна-

наго тряпья, у нихъ изъ тряпья бумажной матеріи, а иногда, если хотятъ сдѣлать потоньше и лучше, изъ шелковаго. Они выглаживаютъ ее камнемъ, которымъ трутъ краски, или гладкою раковиною, и дѣлаютъ ее такъ чисто, что на ней нѣтъ ни сорщинки, ни волоска и на ощупь точно выполированная доска.

Чернила изготовляютъ они изъ граматовой кожицы, а также изъ чернильныхъ орѣховъ и купоросу; для того же, чтобъ онѣ были гуще и удобнѣе для изображенія ихъ буквъ, которыя вообще состоятъ изъ широкихъ чертъ, они поджариваютъ, или поджигаютъ, рисъ, тоже ячмень, трутъ его въ мелкій порошокъ, и изъ всего этого дѣлаютъ твердую массу (тѣсто). Лучшія чернила, изготовленныя уже такимъ образомъ, привозятся изъ Индіи, въ твердыхъ кусочкахъ, длиною въ палецъ. Когда нужно употреблять чернила, то этѣ кусочки растираютъ съ древеснымъ клеемъ (въ жидкомъ состояніи?) и мѣшаютъ ихъ съ шелковымъ волокномъ (сырцемъ, составляющимъ верхнюю оболочку кокона шелковичнаго червя), изъ котораго и выжимаютъ чернильную влагу перомъ. Перья у нихъ берутся не изъ гусиного крыла, какъ у насъ, а дѣлаются изъ тростника, или камыша, который срѣзывается нѣсколько толще нашихъ перьевъ; на видъ онѣ темноватаго цвѣта и привозятся частію изъ Шираса, частію же съ Аравійскаго залива, гдѣ растутъ въ изобиліи.

Провинившихся чѣмъ либо мальчиковъ не сѣкутъ тамъ, какъ у насъ, розгами по задницѣ, но бьютъ палками. Я видѣлъ однажды, какъ два мальчика связали ноги одного провинившагося и держали ихъ на шестѣ, а Молла наносилъ по голымъ подошвамъ его палкою довольно сильные удары. Подобнымъ же образомъ виновнымъ связываютъ иногда руки и бьютъ палкой по ладонямъ до того, что кровь выступаетъ изъ ногтей. Также, если испорченность нрава и проступокъ уже слишкомъ велики, и мальчика обуздать иначе нельзя, то рѣжутъ на подошвахъ у него кожу и въ нарѣзы посыпаютъ солью. Такъ какъ дѣти Персіянъ имѣютъ довольно грубую и упорную природу, и не очень то боятся обыкновенныхъ наказаній, то по этому съ ними и обращаются такъ жестоко.

ГЛАВА XXIII.

Объ языкѣ и письмѣ (бувицахъ) Персіанъ.

Персіане имѣютъ свой собственный языкъ, имѣющій большое сродство съ Арабскимъ, и малое съ Турецкимъ. Въ ихъ языкѣ есть также множество словъ, частію совершенно Нѣмецкихъ, частію же до того похожихъ на слова Нѣмецкаго языка, какъ будто онѣ заимствованы оттуда; упомяну сдѣсь нѣсколько изъ такихъ словъ, на примѣръ:

برادر—Brader—Bruder—братъ; دختر—Dochter—Tochter—дочь;
 بربر—Berber—Barbier—брадобрѣй; لب—Leb—Lippe—губы;
 کل—Kal—Kahl—лысый, голый; ستاره Starch—Stern—звѣзда;
 نام—Nahm—Namm—имя; نو—Nau—Neu—новый;
 دند—Bend—Band—узелъ; بهتر—Beheter—Besser, по Саксонски
 Bether—лучше; در Der—Thür, по Саксонски Döhr—дверь;
 پستر—Buster,—Polster, по Саксонски Pust—полушка.

По этому-то нѣкоторые изъ новыхъ писателей того мнѣнія, что Персидскій языкъ имѣетъ большое сродство съ Древне-Нѣмецкимъ.

Маркъ Зуерій Боксгорнъ (Marcus Zuëgius Voxhornius), знаменитый Лейденскій Профессоръ, въ посланіи своемъ къ Николаю Бланкарду (Blanckardum), помѣшенномъ при изданіи объясненій его о Курціи, пишетъ слѣдующее: «Doctissimi aetatis nostrae homines sensuere, Persicam linguam haud multum a Germana diversam: in quorum castra ego quoque viveri victus concedo. Quippe cum Persas ex Scythis ortos esse veterum etiam testimoniis abunde constet, neque alios majores Germani nostri agnoscant, aut agnoscere debeant, quam Scythas, cognatum quoque, et si dialectum, aut paulo diversam pronuntiandi rationem exceperis, eundem harum gentium sermonem esse, necesse est.» То есть: Есть много ученыхъ мужей въ наше время, которые держатся мнѣнія, будто Персидскій языкъ не очень-то далекъ отъ Нѣмецкаго, съ тѣмъ и я долженъ согласиться, убѣдись въ справедливости такого мнѣнія. Поелику изъ древнихъ исторій извѣстно, что Персіане имѣютъ свое происхо-

жденіе отъ Скивовъ, а Нѣмцы также не могутъ выводить своего происхожденія ни отъ какого другого народа, какъ только отъ Скивовъ же, то и нѣтъ ни чего ошибочнаго въ заключеніи, что языки этѣхъ народовъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ нарѣчной разности въ произношеній.

Но, какъ я выше замѣтилъ о Гренландскомъ языкѣ, что въ немъ есть много словъ, сходныхъ съ Латинскими и Греческими, то тоже самое встрѣчается и здѣсь. Съ Латинскими, весьма сходны, на примѣръ, слѣдующія Персидскія слова:

پادر—Pader—Pater—отецъ; مادر—Mader—Mater—мать;
 موش—Musch—Mus—мышь; دند—Dend—Dens—зубъ;
 قلم—Calem—Calamus—тростякъ; نه—Ne—Ne—не;
 یوغ—Jug—Jugum—ярмо; تو—Tu—Tu—ты;
 دو—Du—Duo—два; نو—No—Novem—девять;
 ده—De—Decem—десять; پار—Pare—Pars—часть.

Но что Геродотъ пишетъ (lib. 1, pag. 59). будто Персидскія имена всѣ оканчиваются на s (σ) или ss, то этого нѣтъ; а что онъ далѣе говоритъ: «Omnia nomina claudī,» то это можетъ быть; ибо большая часть именъ имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, или суть gravitona.

Что касается до изученія языка, говоритъ Брисонъ, то Греки полагали, что усвоить его было бы очень трудно; что особенно трудное въ немъ, это гортанное произношеніе. Совершенно иначе думаю и говорю я, съ Іоанномъ Граве, въ его Персидской Грамматикѣ (стр. 89), а именно, что изъ Восточныхъ языковъ нѣтъ ни какого другого, который бы требовалъ наименѣе правилъ, какъ Персидскій языкъ; ибо въ немъ весьма не много апотала, то есть, словъ и реченій, уклоняющихся отъ общихъ свойствъ и нашихъ Европейскихъ языковъ. Фемистоклъ, Греческій полководецъ, бывши уже въ лѣтахъ, принужденный бѣжать изъ Греціи и передаться Персидскому Царю, Ксерксу, для того, чтобы полюбовиться болѣе послѣднему, выучился же, въѣдъ, въ одинъ годъ Персидскому языку, какъ свидѣтельству- ютъ это Діодоръ Сицилійскій, въ кн. II, стр. 41 (Hannoviae, 1604), и Квинтиліанъ, кн. II, глава 2, стр. 174 (Institut.

ogatoriae. Basileae, 1529). И Альквивіадъ, прожившій только весьма короткое время у Перса Фарнабаза, усвоилъ же себѣ Персидскій языкъ, какъ это видно изъ Атенея (Athenaeus, cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), книга 12, стр. 535.

Въ настоящее время Персіане весьма стараются говорить не только на своемъ родномъ языкѣ, но и по Турецки, особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя часто проходимы были Турками и состояли даже подъ ихъ владычествомъ, а именно: въ Ширванѣ, Адирбейджанѣ, Еракѣ, Багдадѣ и Ерванѣ. Въ этѣхъ мѣстахъ дѣти воспитываются даже болѣе на Турецкомъ языкѣ. Особенно съ великою охотою говорятъ по Турецки тѣ, которые состоятъ при Шахскомъ Дворѣ въ Испагани, и отъ нихъ рѣдко услышишь Персидское слово. Точно такъ, какъ при Персидскомъ Дворѣ любимый языкъ Турецкій, такъ при Турецкомъ любимый языкъ Славянскій (Slavonische), при Индійскомъ Персидскій. Въ области же Фарсъ (которая издревле была настоящею Персіею и въ которой нынѣ главный городъ Ширасъ) говорятъ исключительно и чисто по Персидски.

О трехъ главныхъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, Персіане ни чего даже и не знаютъ, и языки этѣ тамъ не употребляются, а вмѣсто ихъ въ ходу Арабскій, который у Персіанъ имѣетъ такое же значеніе, какъ у насъ Латинскій, и религіозныя сочиненія ихъ и свободныя искусства пишутся болѣею частію на Арабскомъ языкѣ.

Что касается до письма, то Персіане въ древнія времена имѣли собственныя свои буквы (Characteres) и азбуку. Но послѣ введенія въ Персію ученія Магумеда и Алкорана, писаннаго на Арабскомъ языкѣ, Персіане взяли Арабскую азбуку и письмо, которыя они и употребляютъ теперь, какъ свои собственныя. ¹

¹ Въ подлинникѣ, стр. 617, приводится за сѣмъ начертаніе чиселъ Индійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ до 1000, также начертаніе и прозношеніе буквъ языковъ: Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго. Приложение ихъ сдѣсь въ переводѣ сочли мы излишнимъ. Перев.

Г Л А В А XXIV.

Объ Академіяхъ и свободныхъ искусствахъ Персіянъ.

Хотя въ Персіи не такъ много, какъ въ Германіи, людей, основательно изучающихъ свободныя искусства, тѣмъ не менѣе Персіане весьма уважаютъ оныя, равно какъ и людей, въ нихъ стѣдующихъ; они называютъ такихъ людей Философъ (Filosof), философами. Для обученія искусствамъ тамъ и сямъ существуютъ Гимназіи и Академіи, называемыя у нихъ Медреса (Medressa), и въ нихъ учителя (Præceptores) Медерисъ (Mederis), какъ о томъ уже выше сказано. Важнѣйшія суть: въ Испагани, Ширасѣ, Ардебилѣ, Мешедѣ, Таврисѣ, Касвинѣ, Комѣ, Ештѣ и Шамахѣ, которымъ всѣмъ главный ихъ духовный начальникъ долженъ доставить содержаніе. Доходы на это содержаніе онъ собираетъ съ тѣхъ областей, которыя свободны отъ податей и другихъ повинностей и поборовъ, взимаемыхъ Шахомъ, а именно: съ области Кохджегъ (Kochtze), лежащей при Ерванѣ, съ Уджаджджукъ (Utzatzzuk), у Карабаха, съ Табахмеликъ, находящейся между Грузіей и Карабахомъ, а также съ земель Агдашъ и Кермеру.

Науки и свободныя искусства, которыми они занимаются и которымъ обучаютъ, суть: Ариѳметика, Геометрія, Ораторское Искусство, Поэзія, Физика, Иѳика, Астрономія, Астрологія, Законовѣдѣніе и Врачебное Искусство. У нихъ есть вся философія Аристотеля, писанная на Арабскомъ языкѣ, и они называютъ ее Дуя піала (Dua ja piala), Rosulum mundî, кубокъ міра или чаша, на томъ основаніи, что какъ кубокъ, служащій на пользу и удовольствіе, если уже черезъ чуръ употребляетъ его, можетъ послужить и во вредъ человѣку, такъ точно, думаютъ они, и философія или любомудріе, можетъ быть употребляема съ пользою и злоупотребляема. Ибо, говорятъ, вино и философія увлекаютъ, и если черезъ чуръ хватить этѣхъ двухъ напитковъ, то придешь къ одинаковой глупости.

Въ общихъ школахъ Ариѳметика преподается ученикамъ тотчасъ за тѣмъ, какъ скоро они выучатся уже читать и писать.

У нихъ въ ходу, особенно у простого народа, Индійскія числа, у ученыхъ же Арабскія; тѣ и другія изображены выше, вмѣстѣ съ азбукою. *

Краснорѣчіе (Oratoriam) они излагаютъ въ краткихъ правилахъ (praeserta), равно какъ и Поэзію; для практики ихъ читаютъ вмѣстѣ; ибо ораторскія, равно какъ и нѣкоторыя историческія, ихъ сочиненія украшены стихами, которые содержатъ въ себѣ тонкое правоученіе и богатые мыслями поговорки или изреченія. По изяществу языка, Персіане весьма охотно и прежде всего читаютъ Kūlustan высоко-прославленнаго во всемъ Востокѣ поэта Шихъ-Саади, котораго въ прошломъ году я издалъ на Верхне-Нѣмецкомъ языкѣ, съ примѣчаніями и изображеніями, рѣзанными на мѣди. Ибо поэтъ этотъ, вмѣстѣ съ изящнымъ слогомъ краснорѣчія, приводитъ и множество мудрыхъ Государственныхъ правилъ, изложенныхъ стихами, и въ Персіи нѣтъ человѣка, умѣющаго читать и писать, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ этой книги; а кто хочетъ быть хоть не много ученѣе и поважнѣе, у того эта книга и въ головѣ, какъ это достаточно и съ удовольствіемъ можно замѣтить на ихъ пирахъ, во всякаго рода обращеніи ихъ другъ съ другомъ и въ разговорахъ; ибо при этомъ обыкновенно приводится стихотвореніе, содержащее въ себѣ какую ни будь вызывающую на размышленіе поговорку, или сравненіе. Сверхъ того, Персіане охотно читаютъ исторію, особенно о жизни и смерти Алія, и о сынѣ его, Госейнѣ, какъ погибъ этотъ послѣдній въ войнѣ, которую велъ противъ Есида. Всѣ этѣ книги писаны ораторскимъ слогомъ (oratorio stylo). Кромѣ этѣхъ, у Персіанъ есть и другія, духовныя и свѣтскія, историческія книги и лѣтописи (Chroniken), повѣствующія объ ихъ Царяхъ, войнахъ и правленіяхъ, о дѣяніяхъ витязей чужеземныхъ и о разныхъ иныхъ событіяхъ; таковы, на примѣръ: твореніе Мирконда (Mirchond), Энвери (Enweri), Джамы (Tzami), Валеги (Walehi), Нусегри (Nussegrî) и многія другія; но между всѣми этѣми писателями' превосходѣннѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ считается Миркондъ, написавшій изящнымъ

* Въ переводѣ они опущены, какъ замѣчено выше. Перев.

языкомъ Персидскую лѣтопись, во множествѣ томовъ, которые стоятъ 200 и болѣе рейхсталеровъ, и нѣсколько частей которой находится, вмѣстѣ съ другими превосходными Персидскими, Турецкими и Арабскими сочиненіями, въ библиотекѣ Господина Якова Голя, Профессора Восточныхъ языковъ и Математики въ Лейденѣ и большого моего пріятеля. Но надѣо знать, что исторической правдѣ Персіанъ (*fidei historicae Persarum*), или Персіанамъ, въ описаніи ихъ событій, въ особенности въ томъ, что касается ихъ Вѣры и Святыхъ, не слишкомъ-то много слѣдуетъ вѣрять: они наполняютъ иногда истинныя событія множествомъ придатковъ и часто пользуются вольностію поэтовъ и живописцевъ для того, чтобы сообщить особое значеніе какому ни будь обстоятельству и возбудить удивленіе. Ради забавы я хочу сдѣлать сдѣсь отступленіе и привести баснословное повѣствованіе объ Александрѣ Великомъ, какъ оно у нихъ написано, хотя разумѣется, изъ страннаго описанія ихъ я представлю только самое краткое извлеченіе.

Г Л А В А XXV.

Сказаніе объ Александрѣ, по описанію одного Персіанина и о двухъ братьяхъ Хиддерѣ и Элласѣ.

Отечество Александра (называемаго Искандеръ) есть Юнанъ (Junahn), * г. е., Греція; отецъ былъ Бетлимъ (Betlimus), а мать дочь Царя Джимшида (Tzimschid), сына Кейкобата (Keikobath). Джимшидъ, весьма мудрый Царь, жилъ 700 лѣтъ и изобрѣлъ стрѣльбу изъ лука, сдѣланье лошадей и кованіе подковами, рисовальное искусство, дѣланіе палатокъ и приготовленіе вина. Александръ же порученъ былъ Аристотелю, для наученія отъ него мудрости, и онъ такъ крѣпко привязался къ своему учителю, что не хотѣлъ даже оставить его и въ первыя войны свои, гдѣ часто пользовался его совѣтами. Однажды Александръ спросилъ своего учителя, кому въ

* Юніа. О. Б.

древности принадлежала Греція, и когда онъ узналъ при этомъ, что ею обладалъ нѣкогда дѣдъ его по матери, то онъ удивился, какъ это онъ такъ низко палъ, что ни чѣмъ еще не владѣетъ. Въ то время ему едва исполнилось 15 лѣтъ. Вскорѣ послѣ этого отправился онъ съ своимъ учителемъ въ Стамбулъ (Stambul) или Константинополь, предложилъ тамъ, черезъ Аристотеля, Царю свои услуги повоевать, и такъ какъ Аристотель ловко расхвалилъ ученика своего за всѣ его доблести, то Царь послалъ его съ войскомъ въ Египетъ, который, равно какъ и лежащія около страны и города, Александръ счастливо и скоро завоевалъ. Потомъ онъ отправился въ Геббесъ (Hebbes), гдѣ Геббесцы оказали сильное сопротивление и воевали противъ него на слонахъ. Такъ какъ Александръ мало причинилъ имъ вреда своими стрѣлами, то, по совѣту Аристотеля, онъ употребилъ хитрость: разбросалъ между слонами неприятеля зажженный сухой тростникъ, наполненный нефтью (Oleum Petrol.), отъ чего слоны, не могущіе выносить огня, взбѣсались, кинулись другъ на друга и на своихъ хозяевъ и, такимъ образомъ, Геббесцы были побѣждены и покорились Александру.

Послѣ этого онъ отправился въ Сенгебаръ (Sengebar), жители котораго имѣютъ огромныя отвислыя губы и длинные зубы, и такъ какъ Царь ихъ укрылся съ знатнѣйшими людьми въ одной башнѣ, то Александръ хотѣлъ было, во что бы то ни стало, овладѣть этой башней, но Аристотель отсовѣтовалъ это, поставивъ ему на видъ, что если онъ овладѣетъ только городомъ, который былъ какъ бы корнемъ той башни, то, обрѣзавъ этотъ корень, дерево непременно падетъ само собою. Отсюда онъ направился въ Емень (Jemen), взялъ Аравію, потомъ Алашпо, Эрзерумъ, Діарбекъ, за тѣмъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Тигру въ Мосель (Mosel; Мосуль), опять внизъ въ Грузію, все покорилъ себѣ на пути своемъ, и прибылъ наконецъ къ Ирану, въ Берде, гдѣ царствовала вдовствующая Царица, по имени Мелькегатунъ (Melkehatur). Эта Царица употребила значительныя издержки на то, что разсылала живописцевъ и портретистовъ, которые снимали портреты со многихъ государей, богатырей и, между прочимъ, принесли ей также и портретъ Александра. По этому, когда Александръ явился теперь къ ней подъ видомъ Посланника отъ Александра, то

она тотчасъ же узнала его по портрету, и пригласила его сѣсть за столъ откусать съ нею. Но на приготовленномъ столѣ, вмѣсто кушаній, разставлены были на большихъ блюдахъ только одно чистое серебро, золото и драгоценныя каменья. Когда же Александръ сказалъ, что этѣмъ нельзя насытить желудка и утолить голодъ, она отвѣчала: «Ради этѣхъ-то вещей, ты, Александръ, хочешь опустошить столько земель, которыя приносятъ богатую жатву и могутъ служить продовольствію людей. Если бъ ты имѣлъ сокровища цѣлаго свѣта, а не имѣлъ бы хлѣба, то ты не могъ бы поддержать свою жизнь. Смотри, я отдаю тебѣ все этѣ сокровища, но пощади только страну мою, чтобы земледѣліе въ ней не потерпѣло и осталось нетронутымъ.» Эта разумная рѣчь такъ понравилась Александру, что онъ оставилъ ей все, пощадилъ страну ея и мирно отступилъ изъ ея предѣловъ. Имя этой Царицы славно и понынѣ, за ея благое управленіе. Такъ какъ она была очень богата, то она не наказывала преступниковъ взысканіемъ съ нихъ денегъ, а заставляла ихъ рыть и складывать изъ камня могилы, для погребенія въ нихъ людей немущихъ. Такія могилы и теперь еще попадаются тамъ и сямъ близъ Нахтджуана (Nachtzuan, Нахичевани). За тѣмъ Александръ отправился въ Ширванъ, построилъ городъ Дербентъ, вмѣстѣ съ длиною каменною стѣной черезъ вершины горъ до Чернаго моря, и на каждой милю поставилъ сторожевую башню, для наблюденія и защиты противъ вторженія Татаръ. Послѣ этого онъ прошелъ всю Персію, покоря область за областью, и наконецъ устремился на Царя Дарія. Дарій находился въ то время въ Кирманѣ съ двумястами тысячь войска, на которое и двинулся Александръ; но въ первыхъ три сраженія, которыя даны были двумя враждебными сторонами, Дарій остался побѣдителемъ. Только въ 4-ю битву, когда Александръ велѣлъ вырыть множество ямъ и прикрыть ихъ, войско Дарія попадало во множество въ этѣ ямы, отъ чего и проиграло сраженіе, и самъ Дарій захваченъ былъ въ плѣнъ. За тѣмъ Александръ отправился въ Хорасанъ, проникъ до Индіи, покоривъ своей власти на пути всѣ земли, и по просьбѣ Индійцевъ, противъ Пигмеевъ или Карловъ построилъ между горами желѣзную изгородь (Stacket, плетень, палисадъ), которая и должна была остаться до самаго Страшнаго Суда. Послѣ этого онъ усмиряетъ Узбековъ и снова

возвращается въ Геббестъ, для приведенія вторично къ повиновенію возмущившихся было тамъ жителей.

Покоривъ столько Царей и захвативъ ихъ въ плѣнъ, Александръ написалъ къ Аристотелю, который въ то время при немъ не находился, не полезно ли будетъ всѣхъ тѣхъ Царей предать смерти? Когда же Аристотель отсовѣтовалъ ему это, поставляя на видъ, что въ такомъ случаѣ дѣти Царей явились бы мстителями, Аристотель отпустилъ ихъ всѣхъ на волю, кромѣ Дарія, котораго онъ приказалъ отравить ядомъ.

Послѣ этого Александръ предпринялъ путешествіе къ горѣ Кефъ (Кеф), въ одно мѣсто, гдѣ, въ горномъ хребтѣ, находилась громадная и широкая пещера или бездна, называемая имъ Суллематъ (Sullemath), въ которой царилъ непроницаемый мракъ, и гдѣ въ глубинѣ этой бездны текла вода безсмертія; сюда-то проникнуть пожелалъ Александръ. Но полагая, что ему трудно было бы найти оттуда обратную дорогу изъ бездны или пещеры, Александръ сказалъ: «Если бъ при мнѣ былъ какой ни будь разумный старецъ, который могъ бы посовѣтовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ.» Ибо предъ симъ Александръ удалилъ отъ себя всѣхъ пожилыхъ людей, заселилъ ими Дербентъ и другія мѣста, при себѣ же удержалъ одинъ только молодой народъ. Въ числѣ этѣхъ молодыхъ были при немъ два брата Хиддеръ и Эліасъ (Chidder и Elias, Илія), которые, по сыновней приязности своей, возли тайно съ собою старика отца своего. Этотъ-то старикъ далъ Александру такой совѣтъ, чтобы онъ поѣхалъ на кобылицѣ, а жеребенка ея привязалъ бы у входа въ пещеру, тогда кобылица сама собою найдетъ обрытый изъ пещеры выходъ, что Александръ и исполнилъ. Съ собою въ путь онъ взялъ однихъ только сказанныхъ двухъ братьевъ, весь же остальной народъ отпустилъ обратно домой. Проѣхавши нѣсколько времени, путники наши прибыли къ воротамъ, у которыхъ перекладина (порогъ) ярко блистала, и сдѣсь они увидѣли птицу, привязанную (пригвожденную) къ воротамъ. Птица эта спросила, чего хочетъ Александръ? Александръ отвѣчалъ, что онъ ищетъ воду безсмертія. За тѣмъ птица снова спросила: «Какъ поживаютъ на свѣтѣ?»—«Довольно плохо,» отвѣчалъ Александръ: «вездѣ въ ходу всевозможные поро-

ки.» Послѣ этого птица оторвалась и улетѣла; Александръ же отворилъ толчкомъ дверь и увидѣлъ внутри сидящаго Ангела, держащаго въ рукѣ трубу въ такомъ положеніи, какъ бы готовясь сей часъ же затрубить на ней. Александръ спросилъ его: «Кто онъ такой?» и Ангелъ отвѣчалъ: «Я Рафаилъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ, когда Богъ дастъ мнѣ повелѣніе возвѣстить трубою умершимъ послѣдній день суда. Ты же кто?» «Я—Александръ.» отвѣчалъ тотъ, «и ищущу воду безсмертія.» На это Ангелъ подалъ ему камень и сказалъ: «Ступай, отыщи другой камень, который по вѣсу равнялся бы этому камню; тогда ты найдешь, чего ищешь.»—«А долго ли еще проживу я?» спросилъ Александръ.—«Ты умрешь не прежде,» отвѣтствовалъ Ангелъ, «какъ земля и небо около тебя обратятся въ желѣзо (нѣкоторые пишутъ: въ серебро и золото).» Александръ вышелъ вонъ, и сколько ни искалъ, не нашелъ ни одного камня, равнаго вѣсомъ данному Ангеломъ, въ слѣдствіе чего онъ подсыпалъ на одну чашу вѣсовъ нѣсколько земли, и тогда обѣ чаши установились ровно. Это означало, что Александръ только тогда сдѣлается безсмертнымъ, когда будетъ погребенъ. И когда послѣ этого Александръ упалъ однажды съ лошади въ пустынь Куг (или Ghur), и, по причинѣ великаго зноя, плотно полившаго его и отъ земли и сверху съ неба, его положили не прямо на землю, но подложивъ подъ него его броню, а щитъ его держали надъ нимъ (другіе же говорятъ, что для этого употреблены были его кафтанъ, шитый золотомъ и серебромъ, и серебряный, обитый золотомъ, щитъ): тогда только впервые понялъ Александръ, на что намекало предсказаніе Ангела объ его смерти, и что теперь-то пришла смерть его. Вскорѣ за тѣмъ и умеръ Александръ. Тѣло его принесено было въ Грецію.

На такой конецъ Александра намекаетъ и Шихъ-Саади въ своемъ Кюлустанѣ, въ 3-ей книгѣ, въ главѣ 21-й. Также и о водѣ безсмертія въ 19-й главѣ 1-й и въ 20-й главѣ 2-й книги, гдѣ онъ касается этого такимъ образомъ:

Если черная туча изольетъ на тебя горе, не печалься:
Рѣка жизни также течетъ изъ мрака.

Кто не знаетъ изложеннаго выше, Персидскаго сказанія, для того непонятно будетъ и приведенное сейчасъ мѣсто изъ Кюлустава.

О двухъ братьяхъ Хиддеръ и Иліи которыхъ Александръ бралъ съ собою въ пещеру, я долженъ добавить, что они напились изъ рѣки (источника) жизни, въ слѣдствіе чего живутъ и понынѣ, но только невидимо на свѣтѣ, Илія на сушѣ, а Хиддеръ въ водѣ. По этому, если кто подвергается на водѣ какой либо опасности и сдѣлаетъ крѣпкое воззваніе: «Ja Chidder Nebbil,» и при этомъ будетъ твердо увѣренъ, что Хиддеръ поможетъ ему, жизнь того будетъ спасена. По тому тѣ, которые испытали на водѣ бѣду, призывали этого пророка, и спаслись, приписываютъ помощь въ этомъ Хиддеру и ежегодно потомъ, по сдѣланному ими обѣту, совершаютъ въ честь его жертву, что обыкновенно дѣлается у нихъ въ Февраль мѣсяцѣ. Для этого они сзываютъ вмѣстѣ нѣсколько добрыхъ друзей, мужчинъ и женщинъ, ночью, рассказываютъ о своей опасности и спасеніи, и благодарятъ Небби (Nebbi). За тѣмъ садятся на полъ, мужчины и женщины особо, и угощаются отлично, но безъ вина. Для самаго Небби, въ особой комнатѣ, также выставляется нѣ сколько блюдъ со всякими плодами и вареньями (конфетами), а посреди деревянное блюдо, полное муки изъ бѣлаго гороху, которая утыкана горящими восковыми свѣчами, и выставивъ все это уходятъ, говоря: «Хиддеръ Небби! Если жертва эта пріятна тебѣ, то дай знать о себѣ!» Если на другое утро на мукѣ окажется слѣдъ руки, ноги, или иной какой знакъ, то жертвоприносители радуются, сходятся и на другой день и веселятся. Но часто въ комнату эту пробираются тайкомъ женщины, дѣлають рукой знакъ на мукѣ и говорятъ, что это сдѣлалъ пророкъ, собственно для того только, чтобы продолжить веселье.

Праздникъ этотъ празднуютъ и Армянскіе Христіане: онъ называется у нихъ Насера (Nassera), и сопровождается питьемъ вина, чего Персіане не дѣлають.

Во время отпраздненія этого праздника, рассказывали мнѣ, случилось однажды въ Ардебилѣ, что одна молодая хозяйка; запрятала при такомъ веселіи, въ той комнатѣ, гдѣ стояла жертва пророку, одного молодого гостя, и по временамъ входила туда къ нему и уходила. У нея былъ 4-лѣтній сыночекъ, который нечаянно также забрелъ въ ту комнату, и увидѣвъ тамъ сторонняго

парня, началъ было плакать. Парень же, желая утѣшить его, далъ ему отъ жертвы яблоко, съ которымъ ребенокъ вскочилъ къ гостямъ и объявилъ отцу, что яблоко далъ ему Хаддеръ Небби. Отецъ, не зная, какъ понять это, что будто Хаддеръ Небби, противъ своего обыкновенія, сдѣлался виднымъ, идетъ самъ въ тотъ покой и находитъ тамъ парня сидящимъ въ особенномъ положеніи; парень же, замѣтивъ, что ему тоже воздадутъ подобающую жертву, или, пожалуй, и самъ сдѣлается жертвой, вскочилъ и бросился со всѣхъ ногъ вонъ. Жена оправдалась тѣмъ, что ни чего яко бы о томъ не знаетъ, не вѣдаетъ. Полагаю, довольно объ этомъ Персидскомъ сказаніи.

Г Л А В А XXVI.

О Персидскихъ стихотворцахъ (поэтахъ) и стихахъ ихъ.

Что касается до стихотворства, то оно до того любимо Персіянами, что, по моему, на свѣтѣ нѣтъ ни одного народа, который бы преданъ быль ему болѣе ихъ. По всей странѣ вездѣ есть множество стихотворцевъ, которые не только излагаютъ на бумагѣ разнаго рода забавныя и важныя сочиненія и стихи, но и провозносятъ ихъ, ради выручки какихъ ни будь денегъ, на собраніяхъ у знатныхъ господъ, на Майданахъ, въ гостиницахъ и на иныхъ пирушкахъ, и нерѣдко великія особы приглашаютъ къ себѣ такихъ стихотворцевъ, ради своего и гостей своихъ удовольствія.

Шахъ и Ханы также имѣютъ каждый своихъ собственныхъ стихотворцевъ, которые уже не дѣлаются уличными, не бродятъ по разнымъ мѣстамъ, но сидятъ по домамъ и занимаются тѣмъ, чтобы новыми сочиненіями своими доставить удовольствіе только господамъ своимъ, и иногда, когда они напишутъ что ни будь исполненное мысли, или забавное, получаютъ отъ этѣхъ господъ богатое вознагражденіе.

Стихотворцевъ Персидскихъ тотчасъ можно различить отъ другихъ людей по ихъ одеждѣ. Они, также какъ и философы или мудрецы, носятъ бѣлые исподніе кафтаны, спереди распахнутые, съ просторными и широкими рукавами, подвязанные поясомъ, на которомъ виситъ сумка съ книгами, бумагой и чернильницей, для того, чтобы они сейчасъ же могли желающимъ написать и сообщить свои сочиненія и стихи. Посверхъ кафтана они надѣваютъ плащъ (Mantel) безъ рукавовъ, но чулокъ, какъ другіе Персіане, они не носятъ, а имѣютъ штаны, суживающіеся подобно чулкамъ, у самой ступни. Зимомъ же они носятъ носки или портянки, покрывающія только щиколотки. Они не носятъ также чалмы (Mendile) или толстой повязки, а только шапки. Уличные, т. е., тѣ стихотворцы, которые выходятъ на базары, повязываютъ черезъ правое плечо и лѣвую подмышку висащій флеръ или шарфъ; одѣтые такимъ образомъ, они стоятъ и читаютъ свои произведенія, направляемая преимущественно противъ Турокъ и ихъ святыхъ. Объ этѣхъ поэтахъ можно выразиться словами Горациа:

Scribimus indocti doctique poemata passim.

Между ними бываетъ большая разница: одни сочиняютъ отличныя, другіе же, какъ это случается и у насъ, плохія произведенія, и не могутъ по этому достойно оправдывать названіе «Schaer» (такъ называются стихотворцы у Персіанъ). Этѣ послѣдніе довольствуются тѣмъ, что, украсивъ себя чужими перьями, шатаются по гостинницамъ и базарамъ, и получаютъ тамъ съ простаго народа по нѣскольку пуловъ (Pul) или шилинговъ за свое искусство. О такихъ-то художникахъ и сказалъ знаменитый Турецкій поэтъ Фюсули (Füssuli):

*Schaer olmisch her derede bir kodokh,
Bis dahe schaeleri Elden koidukh.*

Всякой молодой осель хочетъ быть поэтомъ;
По тому-то я совершенно оставляю теперь поэзію.

У Персіанъ есть превосходныя сочиненія древнихъ ихъ стихотворцевъ, на Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ; ибо оба языка

этѣ у нихъ равно въ ходу, и они охотно читаютъ, какъ Турецкихъ, такъ и Персидскихъ, стихотворцевъ. Но лучшіе стихотворцы ихъ, оставившіе имъ свои сочиненія (на сколько они извѣстны мнѣ), суть слѣдующіе: Саади, Гафисъ, Фирдауси, Фюсули, Хагани, Эгели, Шемсъ, Наваи, Шагиди, Фергаседъ, Дегеки, Несими, и проч. (Saadi, Hafis, Firdausi, Füssuli, Chagani, Eheli, Schems, Nawai, Schahidi, Ferahsed, Deheki, Nessemi).

Способъ ихъ слагать стихи почти сходенъ съ Нѣмецкимъ; ибо они тоже стараются писать римами, но при этомъ мало обращаютъ вниманія на то, если въ одномъ стихѣ слогомъ больше, чѣмъ въ другомъ.

Они не только заканчиваютъ стихъ однозвучными словами и слогами, какъ, на примѣръ, въ приведенныхъ нами выше стихахъ: Kugî, mugî, sag, besag, и подобные тому, но повторяютъ также цѣдикомъ однѣ и тѣ же слова, которыя иногда ставятъ въ началѣ, а также и въ серединѣ, стиха. Любятъ также они употреблять слова, имѣющія двусмысленное значеніе; или же полагаютъ слова по фигурѣ удвоенія (Anadiplosis), чтобы чѣмъ заканчивается одинъ стихъ, тѣмъ начинался бы другой. Для образца я приведу здѣсь пару стиховъ, такъ какъ подробнѣе говорить объ этомъ намѣренія у меня нѣтъ. Вотъ этѣ стихи:

جره جره چراغ یعنی چه
ادمي را دماغ یعنی چه
جره جره چراغ ار تری بود
ادمي را دماغ از خري برد

Tzire, tzire, tziragh jani tzae?
Adamira demagh Jani tzae?
Tzire, tzire, tziragh es teri bud,
Adamira demagh cheri bud.

Отъ чего трещить свѣча?
Отъ чего бѣсится и оретъ человѣкъ?
Въ первой недостаетъ сухого саза,
Въ другомъ есть примѣсь ослинаго жпру.

Сдѣсь украшеніе заключается, кромѣ начала и конца, еще и въ двухъ среднихъ словахъ: «tegi,» влажный, и «shegi,» глупъ какъ осель.

Другой стихъ:

قلم بدست دبیران به از هزار درم
درم بدست نیاید مکر نوک قلم

Kalem be dest debirân beh es hasar derem,
Derem be dest neajed meker nauk kalem.

Сдѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе перомъ, именно:

Перо гораздо дороже тысячи гульденовъ;
Нѣтъ денегъ, оно всегда нѣчто добудетъ тебѣ.

Ихъ Studium juris или Законовѣдѣніе не далеко простирается, хотя у нихъ и есть нѣкоторые писанные законы, заимствуемые и изучаемые ими изъ Алкорана и изъ толкованія его (commentario), и законы этѣ они прилагаютъ на дѣлѣ вмѣстѣ со многими обычаями Казии (Kazi) и Диванбековъ (Diwanbek).

Въ Медицинѣ они слѣдуютъ Авиценнѣ (Avicenna), большею частію имѣютъ чисто Галеново лѣченіе (Galenische), множествомъ напитковъ изъ травъ и кореньевъ, употребляютъ также много и наружныхъ средствъ, и иногда довольно странно обращаются съ больными. Въ Шамахѣ нашего врача пригласили къ одному больному, который опился водкою и лежалъ полумертвый. Этому больному, по совѣту ихъ врача, чернаго Араба, положили ледъ на голый животъ для утоленія жара, и когда нашъ врачъ возразилъ противъ этого средства, то Арабъ совсѣмъ обидѣлся и полагалъ, что противное слѣдуетъ лѣчить противнымъ (злое злымъ выгонять). Если захвораютъ дѣти, или женщины, то врачей къ нимъ не зовутъ, а приглашаютъ повивальныхъ бабокъ, которыя обыкновенно койчему учатся въ лѣченіи. У Персіянъ

есть нѣсколько сочиненій по Медициѣ, касающейся какъ людей, такъ и лошадей.

Нашего Врача, за его химическія средства, оказывавшія тамъ успѣшное лѣченіе, очень полюбили, такъ что даже Шахъ предлагалъ ему поступить къ нему на службу. Въ Шамахъ онъ прославился до того, что наконецъ приходили и приносили къ нему въ комнату хромыхъ калѣкъ и слѣпыхъ, съ просьбою дать зѣмь больнымъ новыя ноги и лица, полагая, можетъ быть, что онъ былъ новый Христось. Многіе изъ приходившихъ даже и поступали такъ, какъ при Господѣ Христѣ, именно: когда имъ оказана была помощь, то они уже не являлись сказать: «Спасибо!»

Г Л А В А XXVII.

Объ Астрономіи, большомъ глобусѣ, дѣленіи времени и календарѣ Персіанъ.

Studium Astronomicum или наука о небесномъ бѣгѣ; какъ въ древнія времена, еще при Магахъ, такъ и теперь находится у Персіанъ въ большомъ уваженіи; занимающіеся ею называются *Минаджимъ* (*Minatzim*), и получаютъ отъ Шаха и Хановъ опредѣленное жалованье, хотя не столько за научныя знанія о томъ, что касается до движенія звѣздъ, сколько за предсказаніе или предвѣщаніе чего либо по звѣздамъ о разныхъ дѣлахъ ихъ. Ни кто тамъ и не занимается Астрономіей безъ Астрологіи, и первую любятъ больше ради второй; ибо Персіане считаютъ, что Астрономія есть только бѣдная мать, Астрологія же—ея богатая дочь, которая доставляетъ ей пропитаніе. *Минаджимъ* всегда носятъ при себѣ за пазухой свою Астролябію для того, чтобы, по заказу желающаго, тотчасъ же можно было составить задачу (*Thema*). Но у простолюдиновъ, за неимѣніемъ у нихъ часоваго указателя, посредствомъ котораго замѣчается моментъ (*Moment*), нельзя бываетъ установить, по часу рожденія, расположеніе звѣздъ также точно и хорошо, какъ у знатныхъ господъ, у которыхъ дѣлается это посредствомъ Астролябіи.

Въ преподаваніи Астропомии у нихъ нѣтъ ни артилярной сферы, ни глобуса (*Sphaera armillaris, Globus*); по этому они очень дивились, увидѣвши у меня довольно хорошо устроенный глобусъ. На вопросъ мой: «Есть ли у нихъ такой же?» мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, но что въ древнія времена въ Персіи былъ, будто бы, большой, искусный *Felek* (такъ Персіане называютъ глобусъ), который уничтоженъ во время войны съ Турками.» Я полагаю, что это именно глобусъ, бывшій у Персидскаго Царя Сапора; онъ сдѣланъ былъ изъ стекла, и въ срединѣ его можно было сидѣть. Объ этомъ говоритъ Карданъ (*Cardanus*) въ: «*De subtilitate* (*Basileae, 1582*), lib. 13: «*Sapor Rex Persarum machinam tam grandem e vitro construi fecit, ut in ejus centro sederet, tanquam in terrae sphaerula, spectans sub pedibus etiam astra, exorientiaque ac occidentia sidera, ut sic mortalis cum esset, supra tamen omnem mortalitatis conditionem esse videretur.*» Подобную сферу еще прежде него (*Сапора*) сдѣлалъ многовскуонный Архимедъ, какъ это видно изъ приводимой сдѣсь 21-й эпиграммы Клавдіяна (*Claudianus Epigramm. 21*):

*Jupiter in parvo cum cerneret aethere vitro,
Risit et ad superos tanta dicta dedit:
Nuccine mortalis progressa potentia curæ?
Tam meus infragili luditur orbe labor.*

Сказанный глобусъ Сапора сложенъ былъ изъ нѣсколькихъ кусковъ стекла, былъ хрупокъ и великъ лишь на столько, что въ срединѣ его могъ помѣститься только одинъ человекъ. Но тутъ упомяну я о другомъ, гораздо болѣе цѣнномъ, глобусѣ, именно о двойномъ глобусѣ, который устроень по приказанію Его Княжеской Свѣтлости, Герцога Фридриха Шлезвигъ-Голштинскаго, милостивѣйшаго моего Государя, сдѣсь, въ столицѣ его (*Готторфъ*). Это глобусъ въ поперечникѣ десяти футовъ съ половиною, и внутри его могутъ помѣститься 10 человекъ; сѣвши около круглаго стола, придѣланнаго виѣстѣ съ лавками къ оси, можно, съ помощію внутренняго горизонта, видѣть звѣзды и солнце бѣгущими изъ ихъ собственнаго центра и движущимися по градусамъ эклиптики, восходъ и заходъ по порядку; снаружи же изображенъ земной шаръ, со всѣми его странами, городами,

рѣками и морями. Движеніе этого глобуса совершается сообразно съ движеніемъ неба, посредствомъ искусныхъ, громадныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе извѣстнымъ количествомъ воды потока, бѣгущаго изъ одной горы.

Персіяне измѣряютъ свой годъ по движенію солнца и луны, и по тому имѣютъ солнечные и лунные года (*solares et lunares annos*). Лунные года соблюдаютъ они именно по своей Вѣрѣ, что касается до ихъ праздниковъ въ извѣстные дни мѣсяца. Такіе годы, если измѣрять ихъ послѣ двѣнадцатикратнаго возвращенія луны къ новому ея возрожденію, будутъ одиннадцатью днями короче нашего года. Начало ихъ лѣтосчисленія они ведутъ съ Геджиры (*Hegira*) или отъ бѣгства Магумеда изъ Мекки, которое по нашему лѣтосчисленію случилось въ 622 году, 16 Іюля, по Р. Х. По бѣгу солнца годъ измѣряютъ они, начиная его, именно съ весенняго равнонощія (*Aequinoctio verno*); такой годъ они называютъ солнечнымъ, считаютъ по немъ свои лѣта и говорятъ: «Я виѣю столько Навровъ» (*Naugus*), т. е., новыхъ годовъ. Я думаю, что такой солнечный годъ употреблялся и во времена Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ Квинта Курція, гдѣ рассказываетъ онъ о движеніи и порядкѣ войска Дарія (*lib. 3, cap. 7*): «*Magi proximi patrium carmen canebant. Magos trecenti et sexaginta quinque juvenes, sequebantur, runciceis amiculis velati, diebus totius anni numero.*»

Новый Годъ ихъ или, какъ они его называютъ, *Naugus*, начинаютъ они, по исконному обычаю Персіянъ (какъ свидѣтельствуеъ Скалигеръ, въ «*De emendatione temporum. Lugduni Batav., 1580, lib. 4, p. 285*»), въ тотъ самый день, часъ и минуту, когда солнце вступаетъ на равноденственникъ или достигаетъ знака (*principium*) Овна V, и самое важное дѣло ихъ Минаджиновъ состоитъ въ томъ, что они стоятъ съ своими Астролябіями, и по высотѣ солнца наблюдаютъ сказанное вступленіе его на равноденственникъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни обыкновенныхъ, ни солнечныхъ, часовъ. Когда же Минаджинъ объявитъ наконецъ о наступившей минутѣ, весь народъ начинаетъ ликовать и шумно веселиться. Что еще продѣлываютъ Персіяне при этомъ великомъ ихъ праздникѣ, я упоминалъ уже, говоря о Шамахѣ, гдѣ мы проводили этотъ праздникъ.

Что касается до Календаря ихъ, называемаго ими Takhwim, то Персіане издревле имѣли свой особый Календарь, въ которомъ къ каждому дню всякаго отдѣльнаго мѣсяца прилагали они имя одного изъ своихъ Царей, или храбрыхъ богатырей, на примѣръ: 1, Оромазда (Oromasda), 2, Бегемень (Behemen), 3, Адарпагаштъ (Adarphascht) и проч. Такія же имена прилагывались и къ годамъ, и каждые четыре года по порядку должны были имѣть этѣ имена, такъ что первые четыре года назывались Oromasda, вторые четыре года Behemen и т. д. Если жь имена этѣ должны были обозначать мѣсяцы, то прибавлялось слово «Mah,»—мѣсяць, какъ подробнѣе можно читать объ этомъ у Юсифа Скалигера (De emendatione temporum. Lib.3, pag. 198).

Но Календарь этотъ и счисленіе лѣтъ, въ томъ видѣ, какъ находятся они, въ числѣ другихъ, въ «Ephemeridibus Origanii» (Francolurtii, 1609), равно какъ и лѣтосчисленіе отъ Естеджирда (Jesdetzird), совершенно оставлены, и теперь Персіане употребляютъ Арабскій Календарь, мѣсяцы котораго суть слѣдующіе:

1. محرم	Maharem.
2. صفر	Sefar.
3. ربیع اول	Rebbi Ewel.
4. ربیع اخر	Rebbi achir.
5. جمادی اول	Tzemadi Ewel.
6. جمادی اخر	Themadi Achir.
7. رجب	Retzeb.
8. شعبان	Schaabahn.
9. رمضان	Ramesan.

¹ Jesdetzird былъ сынъ Шаберьяра и внукъ Хозроа; онъ былъ убитъ Отминомъ, сыномъ Офана, Сарациномъ, 16-го Іюня, 632 года, и съ этого времени Персіане также вели особое лѣтосчисленіе. Объясненіе это замѣтено нами изъ Французскаго перевода Олеарія, Виллфорта, изданія 1727 г. Перев.

10.	شوال	Schawal.
11.	نئی القعدة	Dsilkadae.
12.	ذی الحجة	Dsilhatze.

Отъ чего мѣсяцы этѣ получили свои названія, объ этомъ подробно описано въ: «Historia Arabum Eschellensis, Сурянина (Sygers), на стран. 204 и слѣдующихъ (Parisiiis, 1651), и значенія этѣхъ словъ отнести должно ко времени, когда онѣ впервые придуманы. Такъ Mahegamъ происходитъ отъ Haragma, воспрещать; ибо Арабамъ воспрещалось въ этомъ мѣсяцѣ начинать войну, или дѣлать нападенія, вылазку. Seferъ отъ нѣкоторыхъ веселыхъ мѣстностей въ Аравіи, носящихъ это имя, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ бывали ярмарки въ тѣхъ мѣстностяхъ, или же отъ Safaga, быть пустымъ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ совершался походъ на войну, или разбой, и города ихъ оставались, слѣдовательно, пустыми. Rebbi Ewelъ и Rebbi Achir, первая и вторая весна; Tzemadi Ewelъ и Achir, отъ tzamada, вмѣстѣ, вкупѣ расти, или же замерзать, такъ какъ мѣсяцы этѣ совпадали тогда съ зимою. При этомъ Арабы не приняли во вниманіе, что мѣсяцы этѣ, по счисленію лунныхъ годовъ, не всегда совпадаютъ съ зимою, но иногда также и съ лѣтомъ. Не знаю также, могли ли, и какимъ образомъ могли, этѣ мѣсяцы, слѣдовать вскорѣ за мѣсяцами Rebbi Retzebъ произошло отъ слова: страхъ; ибо это также одинъ изъ мѣсяцевъ, когда Арабы не смѣли воевать, или нападать на кого либо. Schaabahn, отъ слова раздѣлять, такъ какъ въ это время они раздѣлялись на нѣсколько кучекъ, чтобъ отыскать воду для водоноя стада ихъ. Ramesan, отъ великаго зноя солнечнаго, бывшаго въ это время года. Schawal, отъ воздыманія хвоста вверхъ, такъ какъ около этого времени верблюды бѣгались. Dsilkadae значитъ: сидѣть спокойно и тихо, такъ какъ это былъ опять такой мѣсяць, въ который они воевать не смѣли. Dsilhatze значитъ отказаться отъ праздника; ибо въ это время древніе Арабы, равно какъ и нынѣшніе, въ этомъ мѣсяцѣ отправляются на богомолье ко храму въ Мекку, Медину, и другіе города.

Счетъ дней въ Недѣлѣ начинаютъ они съ нашей Субботы, по тому что 7-й день, какъ день итъ покоя и праздникъ, при-

ходится на нашу Пятницу; этѣмъ отличаются они отъ Иудеевъ и Христіанъ.

Имена ихъ дней слѣдующія:

1. شنبه	Schembe, Суббота.
2. یکشنبه	Jekschembe, Воскресенье.
3. دوشنبه	Duschembe, Понедѣльникъ.
4. سه شنبه	Seschembe, Вторникъ.
5. چهارشنبه	Tscharschembe, Середа.
6. پنجشنبه	Penschembe, Четвергъ.
7. ادسه جمع	Adine vel Tzume, Пятница.

Такъ какъ Персіане сходятся вмѣстѣ только по Пятницамъ и отправляютъ свое обычное богослуженіе, то и день этотъ, Tzume, называется у нихъ сходкой, собраніемъ. Изъ всѣхъ этѣхъ дней Tscharschembe (Середа) они считаютъ самымъ несчастливымъ для всего днямъ.

Астрологіи или звѣздочетству Персіане приписываютъ чрезвычайно много, болѣе чѣмъ она это заслуживаетъ, и такое суевѣріе заимствовали они, безъ сомнѣнія, отъ древнихъ Халдеевъ, которые, какъ говоритъ Цицеронъ, въ своемъ сочиненіи: «De Divinat.» прославились ею. Они ни какъ не смѣютъ подумать того, что Салмазіи (Salmasius) замѣчаетъ (De annis Climacteribus), въ порицаніе Астрологіи (хотя, впрочемъ, нѣсколько рѣзко): «Aut astra sunt Dii, aut nulla est Astrologia.» Персіане, вмѣстѣ съ Арабами, полагаютъ, что звѣздами управляютъ духи Intelligentiae. Вообще, Персіане сами по себѣ чрезвычайно суевѣрный народъ, и когда къ нимъ подвернется Минаджимъ съ своимъ предсказаніемъ, то они легко приходятъ въ такое состояніе, что, по надеждѣ на что либо хорошее, или изъ опасенія чего либо недобраго, рѣшаются на дѣйствіе, котораго иначе бы они и не предприняли; это похоже на то, что Куроналъ (Historiarum Compendium. Venetiis, 1570, pag. 44) пишетъ объ Иракліѣ (Heraclio), который, когда звѣздочетъ

Стефанъ Александрійскій (Stephanus Alexandr.) предсказалъ ему, что онъ погибнетъ въ водѣ, приказалъ во всей странѣ разрыть и уничтожить плотины около прудовъ. Почти такимъ же образомъ набрался страху Манардъ (Manardus), знаменитый старый врачъ Феррарскій, когда ему было предсказано, что онъ погибнетъ въ ямѣ: онъ бѣгалъ всякихъ рововъ и ямъ; но за тѣмъ онъ женился на молоденькой женщинѣ, и вскорѣ послѣ того умеръ. По этому, въ шутку, въ «Elogiis» Іовіи (Jovii opera. Basiliae, 1578) о немъ написалъ слѣдующее двустишіе (Distichon):

In fovea qui te peritulum dixit, Arupex,
Vates verus erat: Conjugis illa fait.

По Астрологическому суевѣрію, Персы выкидываютъ въ каждомъ мѣсяцѣ (для своихъ дѣлъ) по семи дней, каковы, на примѣръ, послѣ новолунія: 3, 5, 23, 25-й, и въ эти дни они неохотно предпринимаютъ что либо особенное. Разнымъ часамъ дня также придаютъ они большое значеніе по планетамъ; равно присвоиваютъ часамъ 12 небесныхъ знаковъ, какъ, на примѣръ, первому часу Воскресенья знакъ Овна, второму часу знакъ Тельца и т. д. Знатные люди не начнутъ даже ни чего важнаго, не надѣнутъ новаго платья, не пойдутъ въ баню, не поѣдутъ на лошади верхомъ прежде, чѣмъ узнаютъ отъ Минаджима, хорошо ли это будетъ. Подобное суевѣріе въ начинаніяхъ видѣли мы въ Шамахъ у Хана и Врача, о чемъ было уже нами сказано выше. Обыкновенно занимаютъ Астрологию и предсказаніями ихъ Гакны или Врачи.

Такіе предсказатели иногда угадываютъ довольно удачно, но, разумѣется, они черпаютъ свои пророчества не изъ звѣздъ, а изъ другихъ обстоятельствъ. Иногда между такими звѣздочетами встрѣчаются и чернокишничники. Персіане увѣряютъ, что всякій по природѣ своей склоненъ къ Астрологіи и пророчеству, если только во время рожденія его Меркурій стоялъ въ благопріятномъ положеніи; такіе люди и безъ наблюденія звѣздъ имѣютъ даръ предсказывать. Въ Исторіи Арабовъ, Сирійца (Historia Arabum Eschellensis, Syri, p. 263), приводятся два удивительныхъ примѣра, заимствованные изъ «Gregorii Barhebrae Chronico,» lib.

9, именно: въ 198 году Геджиры (Hegigae) жилъ мужъ, который напередъ могъ предсказывать многія обстоятельства. У него было также такое кольцо, что если его надѣвалъ на палець кто ни будь другой, а не онъ, то ни какъ не могъ воздержаться отъ смѣха до тѣхъ поръ, пока не снималъ снова кольца. Кромѣ того, у него было перо, которымъ ни кто, кромѣ него, не могъ писать, ни даже двинуть рукою. Тогдашній Калифъ, Аль-мамуцъ (Almamunus), приказалъ знаменитому въ то время Астрологу, Абумазару (Abumasar), составить тему (Thema) или гороскопъ этого человѣка, и было найдено, что его восхожденіе (Ascendens) имѣло знакъ Овна, на котораго смотрѣлъ Юпитеръ, хвостъ Скорпіона, а также и Венера; Солнце и Луна находились на томъ же градусѣ восхожденія (eodem gradu ascendentis). Другой примѣръ случился въ 363-мъ году Геджиры, когда одинъ Врачъ, по имени Таберъ Гаренфисъ (Taber Hagenfis), могъ по движенію пульса узнавать, когда человѣкъ ѣлъ кашу съ кислымъ молокомъ и телятину. Причину такого своего дара угадывать такъ, какъ будто онъ лазилъ въ ротъ другого человѣка, Врачъ этотъ не могъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что даръ этотъ у него отъ природы. Гороскопъ этого Врача былъ также довольно счастливъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовали однѣ Астрологическія причины, и не примѣшивается ли сдѣсь доля чернокнижія, или другихъ какихъ обстоятельствъ.

Въ числѣ другихъ ихъ чародѣйныхъ искусствъ в предсказаній я считаю немаловажнымъ и то, когда они узнаютъ будущее посредствомъ жребія; и такихъ предсказателей встрѣчалъ я въ Испани на Майданѣ или большомъ торжищѣ сидящими съ раскинутыми ихъ лавочками. Ихъ два рода, именно: Ремаль (Remal) и Фалькиръ (Falkir). Ремаль похожъ на Geomantae: онъ употребляетъ 6, или 8, игральныхъ косточекъ, вздѣтыхъ на двѣ мѣдныя проволоки, и предсказываетъ по жребію. Фалькиръ же совсѣмъ другого рода: передъ нимъ лежитъ 30, или 40, тонкихъ дощечекъ, длиною и шириною въ дюймъ, съ надписью на исподней сторонѣ; на одну изъ этѣхъ дощечекъ слѣдуетъ положить деньги и свой вопросъ о дѣлѣ, о которомъ желаютъ узнать предсказаніе. Что изъ этого беретъ себѣ прежде предсказатель, дѣло извѣстное. Онъ

береть деньги и дощечку, изрекаетъ при этомъ нѣсколько словъ и разсматриваетъ надпись. За тѣмъ у него есть длинная и широкая, книга толщиною въ 3, или 4, пальца, листы которой исчерчены страшными и милыми изображеніями Ангеловъ, чертей, драконовъ и всякихъ звѣрей и гадовъ. Онъ беретъ въ руки эту книгу, перелистываетъ ее, продолжая при этомъ постоянно что-то шептать, наконецъ останавливается на какомъ ни будь изображеніи, противъ котораго держитъ сказанную надпись и предсказываетъ. Я нѣсколько разъ хаживалъ, ради забавы, на торжища, и видѣлъ, какъ къ подобнымъ предсказателямъ приходили покрытыя покрываломъ женщины и спрашивали о своихъ отсутствующихъ мужьяхъ и сыновьяхъ: здоровы ли они, скоро ли возвратятся, не привезутъ ли мужа ихъ новыхъ женъ съ собою? Также о счастіи и несчастіи, и однѣ уходили отъ этѣхъ предсказателей съ пріятными, другія же съ сомнительными, отвѣтами.

Г Л А В А ХХVIII.

О свѣтскомъ управленіи Персіянъ, и именно объ ихъ главѣ, Шахѣ, и о вѣчашіи его.

Что касается до свѣтскаго управленія въ Персіи, то, какъ выше упомянуто, оно довольно сходно съ Русскимъ; ибо это Государство, какъ справедливо сообщаютъ о томъ всѣ историки, есть Монархическая Имперія (*Imperium Monarchicum*), гдѣ Царь имѣетъ самую большую, даже всю, власть дѣйствовать и повелѣвать по своему усмотрѣнію, можетъ издавать и отмѣнять законы, безъ всякаго совѣта и возраженія отъ кого либо, можетъ у каждаго отнять имущество, даже самую жизнь, хотя бы то былъ самый большій послѣ него вельможа. При этомъ у нихъ великая рабская покорность подданныхъ, такъ что каждый изъ нихъ, въ подобныхъ случаяхъ, при пролитіи ихъ крови, хотя бы и самый невинный, является покорнымъ и терпѣливымъ,

словно обреченная на жертву овца, какъ это видно будетъ изъ страшныхъ примѣровъ, случившихся при послѣднихъ Шахахъ, которые я не замедлю привести здѣсь.

Царя своего Персіяне называютъ Шахъ (Schah), Падшахъ (Padschah), Падиша (Padischa), что все значить Царь, и произносятъ они это имя такъ: «Шахъ» (Schach). Когда же Турецкій Императоръ пишетъ къ Шаху, то не называетъ его Шахомъ, но Шихъ-Огли (Schich Ogli), т. е., сыномъ и потомкомъ духовной особы, или Пророка, о чемъ ниже скажу подробнѣе. Несправедливо говорятъ нѣкоторые писатели, что Персидскіе Цари, ради высокоумія, велятъ называть себя Хода (Choda), что по Персидски значить Богъ: у нихъ есть мужское имя Ходабандъ, и такъ назывался отецъ Шаха Абаса. Само въ себѣ слово это означаетъ то же, что находящійся въ союзѣ съ Богомъ, подобно нашимъ именамъ: Gottfried (Готтфридъ), Gottlieb (Готтлибъ), т. е., успокоенный, умирный и любимый Богомъ. Хотя, впрочемъ, Цари этѣ довольно кичливы и воображаютъ о себѣ болѣе, чѣмъ сколько имъ приличествуетъ, подобно тому, какъ сообщаетъ Марцелинъ о Царѣ Сапорѣ, который писалъ къ Римскому Императору: «*nusquam a genuino fastu declinans.*» Письмо это такъ начиналось: «*Rex regum Sapog, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari, fratri meo, salutem dico.*» Но я замѣчу здѣсь, что въ настоящее время у нихъ въ обыкновеніи употребляютъ почти такія же выраженія по отношенію и къ Европейскимъ владѣтельнымъ особамъ, если только они пишутъ къ нимъ въ дружественномъ духѣ, и они думаютъ, что такой титулъ этѣмъ владѣтельнымъ особамъ можетъ приличествовать только ради высокаго ихъ, Шаховъ, положенія въ свѣтѣ, какъ это видно изъ того письма, которое Шахъ Сефи послалъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому, о чемъ подробнѣе сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ. За тѣмъ у нихъ нѣтъ обыкновенія чествовать ихъ, въ письмахъ къ нимъ, прописаніемъ большаго титула, въ которомъ бы исчислялись подвластныя имъ страны. Про Шаха Абаса рассказываютъ, что въ просьбахъ къ нему онъ не терпѣлъ иного титула, кромѣ титула Шаха, и однажды, когда кто-то явился къ нему съ просьбой, въ которой значился большой титулъ, онъ сказалъ будто бы просителю:

«Твоимъ титуломъ ты не сдѣлаешь меня ни больше, ни меньше; скажи мнѣ только свою нужду!»

Многіе писатели называютъ послѣднихъ Персидскихъ Царей Софиньянцами (Sophinianer), да и самые Цари этѣ охотно придаютъ себѣ такое имя по уваженію къ своей Вѣрѣ, такъ какъ основатель ихъ секты назывался Шихъ Софи (или, какъ пишутъ нѣкоторые, Сефи); такъ назывались они подобно тому, какъ Французскій, на примѣръ, Король называется Христіаннѣйшимъ (Rex Christianissimus), Испанскій Католическимъ (Catholicus). Такимъ образомъ Персидскіе Цари назывались, на примѣръ: Исмаилъ Софи, Ейдеръ Софи (Ismael Sofi, Eider Sofi). Обстоятельство это надо имѣть постоянно въ виду при чтеніи исторіи сказанныхъ Царей; ибо нѣкоторые писатели погрѣшаютъ и часто приписываютъ Джиниду (Tzinid) (Guinet, какъ они называютъ его), иногда же Измаилу и другимъ Царямъ то, что слѣдовало бы приписать первому Софи.

Правленіе въ Персіи наследственное; пока есть наследники отъ законной супруги, наследуютъ правленіе этѣ наследники; за недостаткомъ же ихъ къ управленію призываются дѣти, прижитые отъ Chasse, т. е., отъ паломницъ и прислужницъ, такъ какъ въ Персіи незаконныхъ дѣтей нѣтъ, какъ упомянуто выше. Если же на лицо нѣтъ такихъ дѣтей, то призываются лица, ближайшія изъ Царскаго рода. Этѣ послѣдніе, равно какъ и тѣ, которые слывятся происходящими отъ стараго Софи, называются Шихъ Эльвендъ (Schich Elwend), пользуются въ странѣ великою свободою, но вообще живутъ довольно бѣдно. Если нѣтъ недостатка въ первыхъ наследникахъ, то остальные должны остерегаться, чтобы ихъ не извели болѣе сильные. Дома, гдѣ рождаются Царскія дѣти, дѣлаются домами убѣжища (Asyla), и если случается, что они бывають внѣ столицы, въ иномъ какомъ мѣстѣ, то дома этѣ обносятся почетною стѣною, какъ, на примѣръ, мы видѣли это въ Гилянѣ, при Кескерѣ (Kesker).

Персидскій гербъ (Insigne) въ древности составлялъ полумѣсяцъ, какъ упоминаетъ Курцій въ 24-й главѣ 4-й книги: «Сас-

terum affirmant Solem Graecorum, Lunam esse Persarum, quotiens illa deficiat, ruinam stragemque illis gentibus portendi.» Въ настоящее же время, на оборотъ, Персіяне имѣютъ гербомъ своимъ солнце, а Турки, обладающіе и Греціей, мѣсяцъ, и Карлъ Пасхаль (Carolus Paschalius, въ своей: «Libro. Coronarum» (Corona, Parisiis, 1610), полагаетъ, что Турецкіе Государя ввели полумѣсяцъ, (или возрастающій мѣсяцъ) въ свой гербъ по тому, что онъ означаетъ какъ бы разрастающееся Царство, которое они стараются расширить и усовершенствовать. Такое же значеніе имѣли, можетъ быть, и Папскія шапки или короны, похожія видомъ на отверстыи полумѣсяцъ. Въ настоящее время гербъ Персидскій составляетъ солнце, и при томъ изображенное на спинѣ льва, какъ это видѣлъ я въ разныхъ мѣстахъ Персін написанное на стѣнахъ зданій. Но Шахъ Сефи ввелъ въ своей Государственной печати, которая величиною около полу талера, одну только надпись, посреди, именно такого содержанія: «Единого Бога рабъ я, Шахъ Сефи, отъ всего сердца.»

А по краямъ кругомъ слѣдующее: «Аалл! Пусть о тебѣ всякій говоритъ, что хочетъ, я же остаюсь навсегда другъ твой.» И далѣе: «Кто предъ дверью твоею не считаетъ себя прахомъ и землей, то, хотя бы онъ былъ Ангелъ, да будетъ прахъ и земля надъ главою его.»

Въ письмахъ своихъ къ Европейскимъ Государямъ онъ, Сефи, выказываетъ особое смиреніе, прилагая печать свою не на той сторонѣ, гдѣ пишется самое письмо, но на оборотѣ, внизу, какъ выи письма, заключающія въ себѣ многое и болѣе замѣчательное, хранятся сдѣсь въ Готторфѣ, въ Княжеской Библіотекѣ.

Вѣнчаніе Царей совершается не въ Вавилонѣ, какъ справедливо опровергаетъ Минадусъ (Minadous, Belli Turcopersici historia. Francofurti, 1601) нѣкоторыхъ писателей, впадающихъ въ подобную ошибку; но въ настоящее время и не въ Кафѣ (или Куфѣ, какъ дѣйствительно утверждаетъ онъ), но въ столичномъ городѣ Испагани, и при этомъ употребляются слѣдующіе обряды:

Ставится столъ, вышиною въ локоть, и покрывается столькими, богато ткаными и вышитыми, коврами одинъ на другомъ, сколько было всѣхъ Царей этого (настоящаго) Исповѣданія, начиная счетъ съ Шаха Измаила Сефи; на этѣхъ коврахъ сажаютъ новаго Царя, и какимъ образомъ Шахъ Сефи, у котораго мы имѣли приѣтъ, во время своего коронованія имѣлъ подъ собою 8 ковровъ, такъ какъ онъ былъ 8-й Шахъ послѣ Измаила. За тѣмъ важнѣйшіе Ханы подносятъ ему вѣнецъ (корону), который онъ трижды цѣлуетъ во имя Бога, Магумеда и Аали, третъ имъ о чело, послѣ чего Начальникъ Двора, называемый ими Леле (Lele), возлагаетъ ему оный на голову. Всѣ предстоящіе при этомъ громко провозглашаютъ счастье новому Шаху, говоря: «Дай ему Боже, чтобы въ правленіи его одинъ годъ обратился въ тысячу лѣтъ!» За тѣмъ всѣ подходятъ къ Шаху, цѣлуютъ у него ноги, подносятъ ему богатые подарки, и остальную часть дня проводятъ въ великой радости и ликованіи. О присягѣ, или о завѣреніи въ своей вѣрности Шаху клятвою, съ обрядностями, у насъ употребляемыми, Персіане ни чего не знаютъ.

Такъ какъ Персидское Государство весьма велико, заключаетъ въ себѣ превосходныя и обширныя области (изъ коихъ важнѣйшія описаны уже выше, во второй главѣ этой книги), то удаленныя отъ стольнаго города области этѣ управляются Ханами или Князьями, какъ бы Правителями, Намѣстниками и другими чинами, о чемъ вскорѣ сказано будетъ подробнѣе. Сдѣсь же мы хотимъ прежде, подобно тому, какъ сдѣлали это при описаніи Россіи, упомянуть вкратцѣ о послѣднихъ Шахахъ, царствовавшихъ въ Персіи въ теченіи послѣдняго столѣтія, и нѣсколько даже болѣе, съ приведеніемъ того, что было въ это время достойно замѣчанія, чтобы можно было познакомиться изъ этого и съ полицейскимъ управленіемъ Персіи. Надѣюсь, что это не будетъ неприятно благосклонному читателю, тѣмъ болѣе что, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ писано было немного. Все это я передамъ сдѣсь такъ, какъ самъ принялъ и узналъ отъ Персіанъ.

Г Л А В А ХХІХ.

О послѣднихъ Шахахъ Персіи, какъ они царствовали одинъ за другимъ въ теченіи около полутораго вѣка.

Въ предшествовавшей главѣ мы упомянули, что когда Турецкій Султанъ пишетъ къ Персидскому Шаху, то не называетъ его Шахомъ, т. е., Царемъ, а только Шихъ-Огли (Schich Ogli). Причина тому заключается въ томъ, что предки этѣхъ нынѣшнихъ Шаховъ происходятъ не отъ мужской линіи древняго Царскаго рода, какъ это увидимъ мы изъ слѣдующаго:

Гасанъ Падшахъ.

Шахъ Гасанъ Падшахъ (Hassan Padschah), названный за свою храбрость, великія войны и побѣды, Великимъ (Usum Cassan), какъ говоритъ Бизаръ, былъ Армянскій Князь, изъ области Текелу (Tekellu): онъ покорилъ сіююю оружія подъ свое владычество многія земли и, между прочимъ, Персію, и сдѣлался ея Царемъ. Онъ имѣлъ дочь, которую и отдалъ въ замужство за одного Шиха, по имени Ейдера изъ Ардебиля (по чему Персіяне и называютъ его Arduellis), правнука великаго Софи, такъ какъ онъ выказывалъ великіе знаки святости.

Шихъ Ейдеръ.

По смерти Гасаана Падшаха (случившейся въ 1485 году), сынъ его, Якубъ (Jacob), былъ отравленъ своею женою, и ни какихъ дѣтей послѣ себя не оставилъ. Означенный же Шихъ, какъ Царскій зять, пользовавшійся, за свою святость, большимъ уваженіемъ въ народѣ, избранъ былъ Царемъ, такимъ образомъ Шихъ сдѣлался Шахомъ. Когда Турка (Турецкій Султанъ) узналъ о томъ, то вознегодовалъ, что такой Шихъ, отступникъ отъ ихъ Вѣры или еретикъ, будетъ обладать такимъ большимъ Государствомъ, и, полагая при томъ, что, по причинѣ своей святости, бывшій Шихъ не очень-то будетъ склоненъ къ войнѣ, Султанъ (Турка) пошелъ на него войною, преслѣдовалъ его, разбилъ, взялъ

въ плѣнъ и вслѣлъ содрать съ него кожу (черезъ уши). Бизаръ говоритъ (lib. 10, p. 267), что Ейдеръ не былъ Шахомъ, но что Персидскій Шахъ Рустамъ (Rustam), изъ опасенія, что, по своему великому вліянію на народъ, онъ могъ бы сдѣлаться Шахомъ, приказалъ умертвить его; нѣкоторые даже рассказываютъ, говоритъ онъ далѣе, что случилось это не при Рустамѣ, а при Шахѣ Якубѣ; но онъ самъ не знаетъ, что вѣрнѣе. Персы же, въ своихъ лѣтописяхъ повѣствуютъ такъ, какъ разсказано мною выше. Когда такимъ образомъ Шихъ Ейдеръ былъ изведенъ, Турка захватилъ всѣ пограничныя и ближайшія земли, и сдѣлался обладателемъ лучшей части Персін.

Шахъ Измаилъ Великій.

Шихъ Ейдеръ оставилъ послѣ себя только одного сына, по имени Измаила (Ismael), который, будучи малымъ ребенкомъ, принужденъ былъ бѣжать отъ Турки. Его принялъ къ себѣ одинъ знатный Гилянскій вельможа, по имени Пиръ Халимъ (Pur Chahim), бывшій другомъ и родственникомъ отца его; у этого-то вельможи онъ воспитывался и упражнялся въ дальнѣйшемъ изученіи Вѣры отцевъ своихъ. Когда Измаилъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и обнаружилъ въ себѣ превосходныя способности и неустрашимый духъ, и когда въ то же время распространилась молва, что отецъ его, бывшій знатокомъ въ Астрологическихъ свѣдѣніяхъ, будто бы предсказывалъ, что его сынъ совершитъ великія дѣла въ приобрѣтеніи земель и распространеніи Вѣры, то взоры всѣхъ обратились на Измаила. При такихъ обстоятельствахъ, однажды, когда Турка (Турецкій Султанъ) преспокойно сидѣлъ себѣ въ Царьградѣ, Измаилъ, по совѣту Цира, разослалъ преданныхъ ему гонцовъ въ близлежащія области и города, съ просьбою къ жителямъ оныхъ, прійти къ нему на помощь противъ Турокъ за Вѣру, благо отечества и для возвращенія подобающаго ему Царскаго престола. По этой просьбѣ сказанные жители охотно явились къ Измаилу, и вскорѣ къ нему стеклось множество народа, съ которымъ и вышелъ онъ изъ Латреджана, мѣста въ Гилянѣ, гдѣ находился Измаилъ, въ походъ, числамъ 20,000 человекъ; къ этому народу присоеди-

вились и жители другихъ областей, такъ что вскорѣ у него составилось войско въ 300,000 человекъ. Прежде всего войско это двинулось на Ардебиль, выгнало оттуда Турецкую стражу, безъ которой остальные жители вышли на улицу, идущую позади гробницы Шиха Софи, пали тамъ на колѣни, передались Персіянамъ и приняли ихъ Вѣру. Улица эта и понынѣ называется, въ слѣдствіи этого событія, «Уруми Магеле» (Urumi Mahale). Сдѣсь-то и съ этой поры сказанные жители получили красныя шапки и прозваніе Кизильбашей, какъ о томъ обстоятельнѣе сказано было уже въ 10-й главѣ настоящей книги.

Изъ Ардебилля Измаилъ пошелъ на Таврисъ, Шемаху, Иранъ и благополучно возвратилъ себѣ всѣ этѣ ' и другіе вокругъ лежащіе города и страны, которыми Турки завладѣли было въ Персіи со смерти отца его, и за тѣмъ двинулся на Турецкія области, выдержалъ нѣсколько сраженій съ Турками и прогналъ ихъ съ поля битвы, какъ разсказывается объ этой войнѣ подробно въ одномъ письмѣ Генриха Пена (Heinr. Petae, бывшаго тогда въ той странѣ) къ Кардиналу де Савлисъ (Cardinalde Saulis), равно какъ описываютъ это и Персіяне. Описанія этѣ находятся у Лаоника Халкондила (Laonico Chalcondyla: «De rebus gestis Turcar.» на стр. 441). Такимъ образомъ Измаилъ завоевалъ Багдадъ или Вавилонъ, Бесре, Курдистанъ, Діарбекъ, Ванъ, Ерсерумъ, Ерсинганъ, Битлисъ, Адильчѣвасъ, Алхатъ, Бердикъ, Карсъ и Ентакію. Подчинивъ въ короткое время всѣ этѣ города своему владычеству, онъ двинулся на востокъ, въ Кандагаръ, на границы Индіи, и сдѣлался обладателемъ и этой области. За тѣмъ онъ отправился въ Касвинъ, принялъ тамъ Царскій вѣнецъ и, отдохнувъ сдѣсь немного, пошелъ на Грузію, вступилъ въ войну съ тамошнимъ Государемъ, Симеономъ Падшой, одолѣлъ его и обложилъ землю его данью, обязавъ оную ежегодно доставлять ему по 300 кипъ шелку. Хотя Шахъ Измаилъ Софи въ этѣхъ войнахъ встрѣчалъ иногда сильное сопротивленіе, но Персидскіе войны его, убѣжденные въ томъ, что все это совершается ради Вѣры, были такъ одушевлены и стойки въ битвахъ, что самую смерть въ нихъ считали за ни что. Заявивъ себя такимъ счастливымъ и побѣдоноснымъ витяземъ, Шахъ Измаилъ приобрѣлъ себѣ уваженіе разныхъ Азіатскихъ и Европейскихъ Государей, которые часто отправляли къ

нему евоихъ послоръ и уполномоченныхъ людей, равно какъ и онъ къ нимъ, и такъ какъ онъ снова возвелъ Персидское Царство до почетнаго состоянія, и въ то же время крѣпко стоялъ и распространялъ ученіе Аали, высказывая самъ къ нему всегда благоговѣйное уваженіе, то бытописатели, имѣя при томъ въ виду, что онъ назывался еще и Софи, считали его за распространителя, а нѣкоторые изъ нихъ принимали его даже за перваго Софи и основателя Персидской Вѣры. Достигши 45 лѣтъ, Измаиль умеръ въ Касвинѣ и погребенъ въ Ардебилѣ. Персіяне славятъ его, говоря, что онъ былъ великій любитель сараведливости. Бизаръ говоритъ, впрочемъ, что Измаиль поступалъ иногда не совсѣмъ-то совѣстливо; ибо, въ противность закону Персидскому, онъ ѣлъ иногда свинину и пилъ вино. Въ поруганіе же Оттоманскому Дому онъ держалъ даже при дворѣ своемъ свинью, которую и называлъ Баязетомъ.

Шахъ Тамасъ.

Шахъ Измаиль оставилъ 4 сыновей, изъ которыхъ старшій Тамасъ (Тамас), хотя и наслѣдовалъ отцу въ правленіи, но не въ добродѣтели и счастіи. Остальнымъ двумъ, по назначенію отца, рождены были каждому извѣстныя области. Немного спустя послѣ начала правленія этого Шаха, Турецкій Султанъ, Сольманъ, выславъ главнаго полководца своего, Султана Мурата Пашу, слова отвоевалъ нѣсколько городовъ, которые, Измаиль взялъ было у Турокъ, за исключеніемъ Багдада и Вана, оставшихся во власти Персіянъ. Черезъ два года послѣ того уже самъ Турецкій Султанъ вторгся въ страну Шаха Тамаса съ сильною ратью, взялъ Таврисъ и поворотилъ къ Султаніи. Такъ какъ Тамасъ не успѣлъ еще тогда собрать къ себѣ столько войска, чтобы съ увѣренностію могъ противостать Туркамъ, то остался въ Касвинѣ. Между тѣмъ въ одну ночь сдѣлалась великая буря (въ началѣ Марта, не задолго передъ Персидскимъ Наурусъ или Новымъ Годомъ), съ проливнымъ дождемъ и грозой, отъ чего снѣгъ, покрывшій окрестныя горы, растаялъ, побѣжалъ стремительнымъ потокомъ въ тѣснину, снесъ станъ непріятельскій, потопилъ множество верблюдовъ, лошадей, вмѣстѣ съ воинами, и самъ вождь

ихъ подвергся было великой опасности. Растаявшій снѣгъ былъ кроваво-красноватаго цвѣта. Непрiятель, увидавши такой цвѣтъ, пришелъ въ ужасъ и оставилъ Персію. Хотя послѣ этого Турецкій Султанъ опять нападалъ на Персію и грабилъ ее, но наконецъ при городѣ Битлинѣ онъ былъ почти на голову разбитъ, а остальные Турки также принуждены были удалиться во своя си.

Шахъ Тамасъ царствовалъ 35 лѣтъ и умеръ въ 1576 году по Р. Хр., бывши 68 лѣтъ отъ рожденія. Персіяне не особенно лестно отзываются о немъ; онъ не былъ такимъ доблестнымъ Государемъ, котораго мысли были бы обращены на войну и который бы сумѣлъ достойно встрѣтить непрiятеля; напротивъ, онъ потерялъ много городовъ и земель, приобретенныхъ отцомъ его. Кромѣ того, онъ не соблюдалъ и правосудія, самъ ни кого охотно не выслушивалъ, но приказывалъ своимъ чиновникамъ принимать всякія жалобы и судить, отъ чего въ его время были въ большомъ ходу всевозможные пороки, въ особенности безднavorовства, такъ какъ оно оставалось не наказаннымъ.

Самое достопамятное, хотя вовсе не достославное, совершенное имъ во время своего управленія, было то, какъ поступилъ онъ съ Индѣйцемъ Гюмаюномъ, о чемъ сказано выше (въ 30-й главѣ 5-й книги). За тѣмъ то, что онъ сдѣлалъ съ Армянскимъ Княземъ, о чемъ упоминаетъ Минадусъ (Minadous), во 2-й книгѣ своей «Bellі Turco-Persici» (Francofurti, 1601). Въ Арменіи былъ одинъ владѣтельный Князь, Лавасаръ (Lavassar): когда онъ умеръ, то оставилъ двухъ сыновей, Симеона и Давида, и старшему изъ нихъ, по завѣщанію, предоставилъ правленіе. Это возмутило Давида; онъ привлекъ къ себѣ всякаго рода презрѣнную челядь, силою захватилъ братнину казну и снарядилъ такимъ образомъ довольно значительное войско противъ брата.

Князь Симеонъ II, въ ужасѣ передъ ратью брата, ежедневно возраставшею, не нашелъ ни какого другого средства къ спасенію, какъ просить о помощи Шаха Тамаса, который тотчасъ же послалъ къ нему 4 тысячи конницы, подъ начальствомъ одного Персидскаго полководца, съ приказаніемъ, если этотъ Полководецъ возьметъ въ плѣнъ Давида, то привести его живого съ

собою; въ случаѣ же, если Давидъ согласится принять Персидскую Вѣру и совершить надъ собою обрѣзаніе, то предоставитъ ему правленіе. Такого же отреченія отъ Вѣры полководецъ тотъ долженъ былъ потребовать въ то же время и отъ Князя Симеона, если только этотъ послѣдній желаетъ удержать за собою престолъ отца своего. Персы отправились въ Грузію, тотчасъ же захватили тамъ Давида, которому и предложено было сказанное условіе; обладая душою низкою, Давидъ не медля согласился отречься отъ Христіанства и быть послушнымъ Шаху, если только онъ получитъ правленіе. Что же касается до брата, Симеона, то, уважая Христіанскую Вѣру и Царство Небесное выше своего временнаго Княжества, онъ отвергъ предложенное ему условіе, въ слѣдствіе чего схваченъ и привезенъ былъ въ Персію, гдѣ и посадили его въ заточеніе въ крѣпости Кагакъ (Кагакъ); отступникъ же Давидъ, послѣ обрѣзанія, названъ Даутъ-Ханомъ (Dautchan) и назначенъ былъ только Управляющимъ (Губернаторомъ) надъ Тифлисомъ. По этому случаю Минадусъ (Minadous) приводитъ слѣдующую Эпифонему (изреченіе): «Discant alii hujus Simonis exemplo, quam periculosum sit, Barbaros ad sui defensionem in propriam ditionem attrahere.»

Симеонъ былъ храбрый воинъ и въ то же время Государь образованный, былъ также хорошій стихотворецъ и философъ; онъ такъ сдумалъ поставить себя въ отношеніи къ Шахскому сыну, Измаилу, который тоже находился въ то время въ заточеніи, что пріобрѣлъ полную его довѣренность и самъ сблизился съ нимъ до того, что, во избѣжаніе вѣчнаго заключенія и въ надеждѣ снова возвратиться въ свою страну и къ своему народу, допустилъ Измаилу уговорить себя принять, хотя для виду только, Магометанскую Вѣру, за что Измаиль обѣщалъ ему щедрые подарки и блестящую будущность, какъ только самъ онъ получитъ свободу и будетъ возведенъ на Царство. Такое обѣщаніе Измаиль привелъ бы и въ исполненіе, если бъ тому не воспренятствовала преждевременная смерть его. Но онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, что Симеонъ освобожденъ былъ изъ темницы, и въ послѣдствіи, при Шахѣ Ходабендѣ, былъ употребленъ въ качествѣ военачальника противъ Турокъ.

Измаилъ II.

Шахъ-Тамасъ оставилъ много дѣтей, между которыми старшіе были: Магумедъ Ходабенде, Измаилъ и Ейдеръ. Ейдера отецъ любилъ больше другихъ, такъ что еще при жизни своей онъ поручалъ ему заступать свое мѣсто, а за тѣмъ и въ завѣщаніи своемъ назначилъ, чтобы Ейдеръ наследовалъ послѣ него престолъ. Но послѣ смерти отца Ханы Царства нашли неблаговиднымъ, чтобы третьерожденный (т. е., 3-й сынъ), которому было едва 17 лѣтъ, предпочтенъ былъ первому наследнику, и хотѣли лучше избрать Ходабенде; по этому они и послали къ Ходабенде, находившемуся въ то время въ Хорасанѣ, гонца, съ просьбою, не благоугодно ли будетъ ему принять вѣнецъ. Когда же Ходабенде, не имѣвшій ни какой охоты къ управленію, отказался, Ханы призвали изъ крѣпости Кагакъ Измаила, бывшаго тамъ въ заключеніи уже нѣсколько лѣтъ по распоряженію отца. Причина заточенія Измаила заключалась въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно дикъ и необузданъ, ходилъ въ мирное время съ шайкою набранныхъ имъ разбойниковъ къ Турецкимъ границамъ, и тамъ опустошалъ и грабилъ все, что ему попадалось.

Когда Ейдеръ узналъ, что Ханы хотятъ сдѣлать Шахомъ брата его, Измаила, то сталъ прилагать всевозможныя старанія, черезъ посредство одной изъ сестеръ своихъ, къ тому, чтобы его предпочли Измаилу. Сестра эта, хотя и показывала видъ Ейдеру, что охотно готова помогать его желаніямъ, но зная настроенія и замыслы Хановъ, и дѣйствуя съ ними за одно, предательски отрѣзала Ейдеру голову, послѣ чего Измаилъ и вступилъ на престолъ, на 43 году своей жизни. Минадусъ подробно разсказываетъ всѣ эти обстоятельства, свидѣнія о которыхъ отъ Персіянъ я получить не могъ.

Когда Измаилъ II возведенъ уже былъ въ Царское достоинство, то его начало тревожить гнѣвное настроеніе за понесенное имъ поруганіе отъ томительнаго заключенія, и для того, чтобы узнать, кто изъ вельможъ въ Царствѣ былъ совиновникомъ прежняго его заточенія, онъ скрылся на нѣкоторое время и прика-

залъ объявить, что онъ будто бы умеръ. Сдѣлалъ это онъ для того только, чтобы узнать, что тотъ и другой будутъ говорить объ его смерти. Тѣхъ, которые показались при этомъ подозрительными ему и которые отъ страха бѣжали изъ страны, Измаилъ преслѣдовалъ съ нѣсколькими тысячами войска до границъ Турціи, откуда Турецкій Султанъ, полагая, что отъ такого движенія войска можно опасаться непріятельскаго вторженія, прогналъ Измаила обратно назадъ. Шахъ Измаилъ воротился въ Касвинъ и приказалъ изрубить тамъ еще тѣхъ изъ оставшихся въ странѣ, которые казались ему вредными по чему либо. Вскорѣ за тѣмъ, именно на другой годъ правленія своего, Измаилъ, по проiscaмъ и убѣжденіямъ Хановъ, былъ отравленъ сестрою своею.

Шахъ Ходабенде.

Когда Измаила не стало, то Магумедъ Ходабенде, не желая, конечно, чтобы управленіе Царствомъ перешло въ чужія руки, отъ чего и жизнь самого его могла подвергнуться опасности, принужденъ уже былъ принять вѣнецъ. Принявъ правленіе, что случилось въ 1578 году по Р. Х., онъ ни чего болѣе не желалъ, говорить Бизаръ (lib 2, p. 308), какъ только, слѣдуя достохвальнымъ стопамъ своихъ предковъ, блюсти благо и достоинство Персидскаго Государства и возвратитъ снова мужественною войною то, что было утрачено изъ владѣній въ послѣднее время. Персіане же говорятъ о Ходабендѣ совсѣмъ противное, именно: что онъ будто бы никогда какъ слѣдуетъ за правленіе и не принимался, а тѣмъ менѣе имѣлъ охоту къ войнѣ, и что къ оружію онъ прибѣгалъ не прежде, какъ будучи вынужденъ къ тому крайнею необходимостію, и такъ какъ онъ былъ совершенно близорукъ, то у него вовсе не было ни какой охоты къ дѣламъ правленія, и онъ гораздо болѣе любилъ проводить время въ играхъ въ покояхъ женъ, чѣмъ на полѣ въ сраженіяхъ съ непріателемъ. Счастье тоже не благопріятствовало ему въ войнѣ, отъ чего непріатели его, замѣтивши это, поднялись противъ Персіи, съ одной стороны на пали на нее Турки, а съ другой Узбекіе Татары, и отняли у Персидскаго Государства многіе города и области, которыми и владѣли во все время, пока жилъ Магумедъ Ходабенде.

Въ это то время Турки, какъ повѣствуетъ Минадусъ, въ одномъ сраженіи избили 5000 Персіянъ, а 3000 Персіянъ взяли въ плѣнъ и всѣхъ обезглавили. Турецкій полководецъ приказалъ всѣхъ отрубленныхъ Персидскія головы снести въ одно мѣсто, сложить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ одну на другую и устроить изъ нихъ нѣчто въ родѣ укрѣпленія или окоповъ, и, сидя посреди этихъ головъ, полководецъ этотъ принималъ одного молодого Грузинскаго вельможу. Шахъ Ходабенде умеръ въ 1585 году по Р. Хр.

Шахъ Емиръ Гемзе.

Шахъ Ходабенде оставилъ 3-хъ сыновей: Емиръ Гемзе, Измаила и Абаса. Въ 1-мъ моемъ изданіи я по ошибкѣ помѣстилъ Абаса прежде Измаила и сказалъ, что Измаилъ умеръ прежде Емира Гемзе; по настоящимъ же свѣдѣніямъ и слѣдуя Персидскимъ писателямъ, дѣла эти происходили слѣдующимъ образомъ: Емиръ Гемзе, какъ перворожденный, вступилъ въ управленіе Царствомъ тотчасъ по смерти отца своего; но такъ какъ меньшей его братъ, Измаилъ, позавидовалъ ему въ этомъ и пожелалъ самъ получить вѣнецъ, то онъ, Измаилъ, и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, съ помощію нѣсколькихъ знатныхъ вельможъ, хорошихъ пріятелей своихъ, и довелъ дѣло до того, что Емиръ Гемзе, на 8-й мѣсяцъ своего правленія, былъ убитъ и вѣнецъ возложили на него, Измаила. Убийцы Емиръ Гемзе явились къ нему одѣтые въ женскія платья, и покрытыя, по обыкновенію женщинъ, пришли къ покоямъ Шаха; когда же стража и тѣлохранители остановили ихъ и пожелали узнать о причинѣ ихъ прибытія, убійцы отвѣчали, что они Ханскія или Княжескія жены, и что ихъ потребовали въ покои Шаха, но чего пожелаетъ отъ нихъ Шахъ, они не знаютъ. Этому повѣрили и убійцъ впустили. Но только что они вошли въ покои Шаха, какъ бросились на Шаха и убили его. Послѣ этого Измаилъ устроилъ такъ, что ему предоставленъ былъ вѣнецъ. Но объ этомъ убійствѣ скоро провѣдали, и Измаилъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго правленія своего, заплатился тою же монетою.

Измаилъ III.

Когда Абасъ Мирза, самый младшій изъ братьевъ, пріѣхалъ однажды изъ Герата, гдѣ онъ былъ Правителемъ (Губернаторомъ), навѣститъ своего брата, Шаха Емира Гемзе, и увидалъ, что другой братъ его, Измаилъ, захватилъ вѣнецъ обогранными въ крови руками, то опасаясь, чтобы Измаилъ не наложилъ руки и на него, поспѣшилъ возвратиться обратно въ Гератъ. На слѣдующій годъ Абасъ Мирза пріѣхалъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ для охраны своей, въ Касвинѣ, а Шахъ находился въ это время въ Карабахѣ. Воины обонхъ этѣхъ Князей часто ссорились между собою, отъ чего и между братьями возникло сильное неудовольствіе.

У Абаса Мирзы былъ одинъ Дворецкій (Hoffmeister), по имени Муршидъ-Кули-Ханъ, весьма почетный и храбрый воинъ. Этотъ Муршидъ-Кули-Ханъ, опасаясь, что новый Шахъ Измаилъ, будучи человѣкомъ необузданнымъ, можетъ обратить теперь вражду, которую онъ еще при жизни отца своего заявилъ къ брату своему, Абасу, въ тиранію, и направить ее какъ на него, Муршидъ-Кули-Хана, такъ и на его Государя, и имѣя при томъ въ виду, что если его молодой Государь достигнетъ вѣнца, то и онъ, Муршидъ-Кули-Ханъ, будучи въ силѣ у него, можетъ принимать участіе въ правленіи, началъ измышлять средства и пути, какъ бы исполнить это желаніе свое, для чего и составилъ тайный заговоръ съ бывшими Совѣтниками Емира Гемзе и нѣсколькими Ханами, надежными друзьями своими. Ханы тѣмъ охотиѣе согласились на содѣйствіе, что видѣли, что правленіе Измаила является совсѣмъ не такимъ, какимъ они его ожидали, и что, кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣла Измаила, съ прибытіемъ Абаса Мирзы, должны были принять еще худшее положеніе. И такъ они заключили сдѣлку съ придворнымъ Царскимъ бородобрѣемъ, называвшимся Худи (Chudi), чтобы онъ, во время бритья Шаха, перерѣзалъ ему горло, за что обѣщали доставить ему у Абаса Мирзы великую честь и достоинство. Худи Телакъ (Telak) прельстился этѣмъ предложеніемъ и обѣщаемою великою честью, выбралъ удобный случай и, въ присутствіи Хановъ, перерѣзалъ Шаху бритвою горло.

Ханы же, для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе народа въ соучастіи, тутъ же зарубили Худи саблями, за тѣмъ приказали взрубить его на мелкія части и сжечь этѣ части на кострѣ. Случилось это въ области Карабахѣ, когда Измаиль ¹ собирался было ити войною на брата своего, Абаса, на 8-й мѣсяць его правленія.

Послѣ такого умерщвленія Измаила III Абасъ Мирза тотчасъ же былъ посаженъ на Царство, съ великимъ ликоваіемъ, пожеланіями счастья и добровольными приношеніями отъ подданныхъ разныхъ подарковъ; ибо превосходный умъ Абаса и испытанный добрый нравъ его давали надежду на лучшее управленіе и возбудили къ нему особенную любовь народа.

Г Л А В А XXX.

О правленія Шаха Абаса и о томъ, что случилось достопамятнаго въ это правленіе.

Что касается до самой особы Шаха Абаса, то хотя онъ былъ не высокъ ростомъ, съ короткимъ туловищемъ и длинными ногами, но въ то же время былъ человѣкъ независимаго, богатырскаго духа, который также ревностно защищалъ честь своего званія, или состоянія, какъ и любилъ его. По этому-то и правленіе свое онъ также началъ кровопролитіемъ. Когда Шахъ Абасъ увидалъ, что его Царское величіе недостаточно уважается, и именно со стороны его Дворецкаго, Муршидъ-Кули-Хана, обращавшагося съ нимъ запросто, по старой привычкѣ, а иногда и относив-

¹ Сдѣсь въ подлинникѣ явная ошибка: вмѣсто Измаила значится Гемза. Прим. Перев.

² Въ подлинникѣ сдѣсь опять повторется таже ошибка: вмѣсто Измаила поставлено: Эмиръ Гемзе. Прим. Перев.

шагося къ нему съ грубыми и обидными выраженіями, особенно же послѣ того, какъ однажды на совѣтѣ Шахъ хотѣлъ высказать о дѣлѣ свое мнѣніе, а Муршидъ-Кули-Ханъ заставилъ его замолчать, говоря, что онъ еще дѣтя, не понимающее того дѣла, — то все это крѣпко раздосадовало молодого Шаха. Онъ думалъ, что если это будетъ часто повторяться, то подданные будутъ мало уважать и бояться его; а по тому онъ высказалъ свои жалобы на это тремъ Совѣтникамъ своимъ, и именно: Мегеди-Кули-Хану (Mehedikulichan), Магумеду Устади-Шаги (Mahumed Ustahischahi) и Алли-Кули-Ханъ Шамлю (Allikulichan Schamli), которымъ онъ довѣрялъ наиболѣе, и заявилъ имъ, что считаетъ за лучшее извести Дворецкаго. Когда же Совѣтники этѣ хотѣли отклонить его отъ такого намѣренія, то онъ твердо рѣшилъ на томъ, что хочетъ непременно привести намѣреніе свое въ исполненіе, и при томъ именно черезъ посредство ихъ же самихъ. Такимъ образомъ это будетъ испытаніемъ ихъ вѣрности, и если они не исполнять его воли, то на нихъ падетъ немилость его невыносимою тягостью.

И такъ Совѣтники принуждены были по этому уступить, и однажды отправились, вмѣстѣ съ Шахомъ, ночью, въ покой Дворецкаго, гдѣ и нашли его спавшимъ, лежа на спинѣ съ открытымъ ртомъ. Шахъ Абасъ нанесъ первый ударъ саблей, черезъ ротъ, остальные послѣдовали его примѣру. Дворецкій, будучи крѣпкаго сложенія, вскочилъ, хотѣлъ было оборониться, но въ это время прибѣжалъ въ покой конюхъ его, разбуженный шумомъ; онъ явился съ топоромъ и спросилъ: «Что тутъ дѣлается?» Шахъ Абасъ отвѣчалъ: «Сдѣсь идетъ дѣло о жизни врага моего—Муршидъ-Кули: помоги, и докончи начатое—тогда я сдѣлаю тебя Ханомъ, или Княземъ.» Слуга, въ надеждѣ возвыситься, тотчасъ же бросился на своего господина и окончательно зарубилъ его топоромъ до смерти. На другой день Шахъ приказалъ извести и избить весь родъ Муршидъ-Кули-Хана, чтобы разомъ оградить себя отъ всякихъ съ ихъ стороны непріязненныхъ дѣйствій; конюха же сдѣлалъ Ханомъ и назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Гератъ. Случилось все это въ 1585 го по Р. Х.

Такъ какъ Шахъ Абасъ понималъ, что было прилично имѣть въ виду доблестному мужу, занимающему такой престолъ, какой

онъ занималъ, и такъ какъ онъ зналъ, какъ широко простиралось нѣкогда его Царство при его предкахъ, и какъ съ теченіемъ времени оно было урѣзано Турками и Татарами, и приведено наконецъ въ такіе тѣсныя предѣлы, то онъ ни чего столько не желалъ и не искалъ, какъ только возстановить благо и древнее достоинство своей страны, и тѣмъ возвеличить свое Царство. По этому-то онъ велъ многія замѣчательныя войны съ Турками и Татарами, и въ этѣхъ войнахъ былъ не менѣе счастливъ, какъ и мужественъ и твердъ.

Разсказывать сдѣсь все объ этѣхъ войнахъ было бы черезъ чуръ пространно и съ нашимъ намѣреніемъ не согласно; по этому я скажу тутъ только о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ войнъ, въ сжатомъ очеркѣ, заимствуя свѣдѣнія изъ лѣтописи, писанной однимъ Персіянниномъ. Не прошло еще 2-хъ лѣтъ, какъ Шахъ Абасъ занялъ Царскій престолъ, и вотъ поѣхалъ онъ однажды съ своими Ханами и знатными придворными людьми, верхомъ вокругъ города Касвина, и въ прогулкѣ этой спросилъ: «Есть ли гдѣ ни будь земля и страна лучше этой?»—Одинъ отвѣчалъ: «Хорасанъ»; другой: «Фарсъ»; третій: «Страна, которою владѣли Узбеки»; и когда онъ узналъ, что все это Татары отняли у отца его, онъ тотчасъ же, снарядивъ довольно значительное войско, направился съ нимъ къ Хорасану и пошелъ на Узбековъ. Узнавъ объ этомъ, Узбекскій Князь, Абдулла-Ханъ, выступилъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Хотя въ началѣ враждебныхъ дѣйствій казалось, что сама природа и погода какъ бы ополчились вмѣстѣ съ Узбеками противъ Шаха Абаса; ибо между людьми его распространилась большая смертность, и въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ войскомъ его свирѣпствовала страшная буря, съ градомъ и грозой, на сторонѣ же Узбековъ стояла постоянно прекрасная погода; однако Шаха Абаса ни что не поколебало, и онъ полагалъ, что все это были только чары Узбековъ, направленные на него для того, чтобы утратить его. Шесть мѣсяцевъ простояли непріатели въ полѣ, другъ противъ друга; наконецъ Шахъ Абасъ съ стремительною силою двинулся на врага, тотъ не выдержалъ и обратился въ бѣгство въ Мешедъ (Mesched). Три года Шахъ Абасъ оставался въ Хорасанѣ и управлялъ тамъ; за тѣмъ Абдулла-Ханъ снова поднялся, еще разъ желая испытать свое счастье въ битвѣ

съ Абасомъ. Враги опять воевали цѣлый годъ; наконецъ Шахъ разбилъ Узбековъ на голову, взялъ въ плѣнъ Абду-ллу-Хана, вмѣстѣ съ отцемъ его, Тилехманомъ, и 3-мя сыновьями, находившимися также въ войскѣ, и приказалъ всѣмъ имъ отрубить головы. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Испагань, и такъ какъ мѣстность тамъ чрезвычайно поправилась ему, то онъ рѣшилъ основать сдѣсь свою столицу, приказалъ возвести богатыя зданія, и между прочимъ Аллакапи (Allacari) или домъ свободы, и громадной величины храмъ Мегеди (Mehedi), а также много другихъ дорогихъ построекъ, о которыхъ уже выше упоминалось въ разныхъ мѣстахъ.

Спустя нѣсколько времени Шаху Абасу пришла охота пойти на Турокъ и возвратить отъ нихъ то, что они отняли изъ страны его въ предшествовавшія ему царствованія. Онъ послалъ соглядатаевъ поразвѣдать о состояніи Турокъ, преимущественно въ Таврисъ, находившійся въ то время въ ихъ обладаніи. Когда же онъ узналъ, что Турки совершенно спокойны и живутъ себѣ, не помышляя ни о какой войнѣ, онъ тайно собралъ рать въ нѣскольکو тысячъ человекъ, со всею поспѣшностію двинулся съ нею на Таврисъ, отстоявшій отъ Испагани на 18 дней пути на вреблюдахъ, и идучи безостановочно день и ночь (въ подобныхъ случаяхъ желаніе достигнуть своего намѣренія прогоняло сонъ отъ глазъ Шахъ Абаса), на шестой день достигъ до города. На пути еще, дошедши до горы Шибли (Schibli), гдѣ находился узкій проходъ и стояла Турецкая таможня, Шахъ Абасъ ѣхалъ впереди верхомъ, съ небольшимъ числомъ изъ важнѣйшихъ своихъ военачальниковъ; увидавъ его, таможенный начальникъ подумалъ, что то были купцы, по чему и потребовалъ съ нихъ уплаты пошлины. Шахъ Абасъ сказалъ ему на это: «Нашъ расходчикъ назадъ, и онъ заплатитъ пошлину.» За тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ Дзюльфакаръ Хана (Dsülfakar Chan), чтобы онъ удовлетворилъ таможенного сборщика. Въ то время, когда сборщикъ разсматривалъ деньги, другой Персіанинъ разрубилъ ему голову, послѣ чего перебили остальную стражу и безпрепятственно прошли мѣсто таможни. Когда Шахъ Абасъ съ войскомъ былъ уже близъ Тавриса, то, узнавши о прибытіи его, Альбаша (Allbascha), тамошній Правитель, хотя и вышелъ противъ него съ своими вои-

нами, какихъ только успѣлъ собрать наскоро; но такъ какъ силы его были не велики, то его одолѣли, взяли самого въ плѣнъ и городъ заняли. Посреди города былъ прекрасный замокъ или крѣпость, построенный тамъ Гасаномъ Падшахомъ (или Усумъ Касаномъ); крѣпость эта держалась еще цѣлый мѣсяцъ; но наконецъ измѣною взята и разрушена до основанія. Отсюда Абасъ пошелъ на Нахичевань (Nachtzuan), и такъ какъ слухъ о походѣ на него Персидскаго Шаха достигъ туда прежде, то тамошнія стража оставила городъ и бѣжала въ крѣпость Ирванъ. Въ Нахичевани Шахъ Абасъ тоже разрушилъ замокъ, называвшійся Кишкибалабанъ (Kischkibalaban), и за тѣмъ пошелъ на большую и сильную крѣпость Ирванъ, которую и взялъ послѣ девятимѣсячной осады. Послѣ этого онъ позабралъ всѣ вокругъ лежавшіе города и области, безъ особеннаго сопротивленія, кромѣ крѣпости Оруми (Orumi), которая лежала на высокой скалѣ и была сильно защищаема. Не могли взять этой крѣпости послѣ восьмимѣсячной осады, и дознавъ, что Курды, жившіе на границѣ съ нею и не подвластные Туркамъ, но составлявшіе сами по себѣ особый народъ, приходили къ Туркамъ на помощь и были главнѣйше причиною того, что крѣпость держалась еще, Шахъ Абасъ придумалъ хитрость, и послалъ съ гонцами къ важнѣйшимъ начальникамъ Курдовъ дорогія платья и деньги, съ просьбою, чтобы они ему, Абасу, въ осадѣ крѣпости не мѣшали и помогли бы, за что онъ обѣщаль, по взятіи крѣпости, отдать имъ все, что только найдется въ ней. Курды, какъ народецъ, проживающій только хищничествомъ, охотно согласился на это; и когда, такимъ образомъ, съ помощію ихъ, крѣпость была взята, Шахъ Абасъ пригласилъ начальниковъ Курдскихъ на пиръ, въ свою палатку. Въ эту палатку онъ приказалъ сдѣлать только одинъ входъ, который былъ завѣшенъ полотномъ палатки такимъ образомъ, что въ самую средину ея можно было пройти только извилистымъ, змѣеобразнымъ, путемъ, въ которомъ, если кто пройдетъ шесть шаговъ, то слѣдовавшій за нимъ уже не могъ видѣть его за стѣнами извилинами. Въ этомъ-то проходѣ Абасъ поставилъ двухъ налѣчей или убійцъ, которые должны были перебить, и перебили, по одиночкѣ всѣхъ приглашенныхъ гостей. Шахъ Абасъ поступилъ такъ изъ опасенія, что въ будущемъ люди этѣ въ крѣпости будутъ ему столько же опасны, сколько теперь они помогли ему.

За тѣмъ Абасъ покорилъ всю окрестную сторону и оставилъ въ ней, вмѣстѣ съ крѣпостью Оруми, стражу, подѣ начальствомъ Кабанъ-Хана, а самъ пошелъ далѣе, взялъ Карабахъ и все пространство между рѣками Араксомъ и Куромъ (или Арасомъ и Киромъ), завоевалъ также Шемаху, послѣ семимѣсячной осады, и весь Ширванъ, и поставилъ тамъ Ханомъ, не рѣзъ уже упоминаемаго зятя своего, Дзюльфакаръ-Хана. Когда жители Дербента услышали, что Шахъ Абасъ такъ счастливо и успѣшно покорялъ все своей власти, и что онъ не далеко уже и отъ ихъ города, то они избили свою стражу (состоявшую изъ Турокъ) в добровольно передались Шаху Абасу. Послѣ этого Абасъ направился и вступилъ въ Гилянъ, привелъ снова къ покорности тамошніе упорные народцы, которые при Шахѣ Тамасѣ отложились было отъ владычества Персовъ. За тѣмъ, у Ленкерана, доступъ къ которому какъ бы замкнуть былъ огромнымъ болотомъ, онъ устроилъ, изъ кустарника и песку, удобную дорогу и въ разныхъ городахъ и областяхъ посадилъ своихъ Хановъ, а именно: въ Астарѣ—Бавидуръ-Хана (Baindurghan), въ Кескерѣ—Мортуса-Кули-Хана (Murtusa Culichan), въ Рештѣ—Везира, въ Тюнкабюнѣ (Tünkabün) Гейдеръ-Хана (Heiderghan), въ Мзандеранѣ—Адама Султана (Adam Sultan), и въ Астарабадѣ—Госейнъ-Хана (Hosseinchan).

Возвративши снова и приведши къ покорности Гилянцевъ, вмѣстѣ съ другими помянутыми областями, отторгнутыми было отъ Царства Узбеками и Турками, Шахъ Абасъ пожелалъ предаться покою. Но едва прожилъ онъ мирно годъ въ Испагани, какъ пришла къ нему вѣсть, что Турка (т. е., Турецкій Султанъ), съ новыми великими силами, снаряжается опять войною на него и думается, вступить въ Персію съ 500,000 войска. Шахъ Абасъ немедленно также собралъ большую рать, расположился съ лею въ Таврисѣ, и ожидалъ тамъ непріятеля. Въ то же время всѣмъ городамъ и селеніямъ, лежавшимъ у Турецкихъ границъ, приказалъ, чтобы жители ихъ, со всѣми своими запасами, вышли оттуда и удалились бы во внутрь страны для того, чтобы непріятель не нашелъ себѣ ни какого продовольствія.

Когда Турки прибыли и расположились станомъ не далеко отъ Тавриса, Шахъ Абасъ приказалъ слѣловать ключъ: «Не хотите ли кто быть охотникомъ-наѣзникомъ? Такіе пусть явятся къ

нему, и каждому изъ нихъ онъ будетъ платить по 50. рейхста-
лерокъ за всякую, принесенную ему, Турецкую голову, и все, что
при этомъ достанется въ добычу, также отдастся имъ. Такихъ
окотниковъ нашлось до 5000 человекъ, и ежедневно, особенно
къ утру, они приносили Абасу множество головъ, а одна изъ
нихъ, по имени Байрамъ Текель (Baïram Tekel), добыта тайнымъ
образомъ въ одну ночь пять головъ, за какую ревность его
Шахъ Абасъ въ послѣдствіи сдѣлалъ его Ханомъ или Княземъ.

Послѣ 3-хъ цѣлыхъ мѣсяцевъ выжидательнаго положенія,
Джакаль Огли (Zakal Oglı) (такъ назывался Турецкій вое-
начальникъ) послалъ къ Шаху Абасу съ требованіемъ выйти
въ поле, объявляя, что онъ желаетъ дать ему сраженіе; при чемъ
онъ велѣлъ сказать Абасу: «Если бъ онъ также надѣялся на Бога
и счастье, какъ онъ, Джакаль, то не боялся бы битвы.» Шахъ
Абасъ тотчасъ же вышелъ въ поле: оба войска страшно бились
цѣлый день, но къ ночи Турки, потерпѣвшіе большой уронъ,
отступили, и когда на слѣдующее утро Шаху Абасу донесли, что
Турки снялись станомъ и ушли, Абасъ не хотѣлъ вѣрить, пола-
гая, что то была только хитрость со стороны Турокъ, по чему
3 дни и три ночи держалъ войско на готовѣ, въ надлежащемъ
порядкѣ, и даже самъ не уходилъ во все это время съ поля въ
свою палатку. Когда же онъ удостовѣрился, наконецъ, что ме-
пріятель возвратился въ свои предѣлы, то отправился къ горѣ
Сегендъ (Schend), и тамъ расположился. Съѣлъ три Хана, именно:
Магмедъ-Ханъ Казакъ (Mahmedchan Kasak), Шагерухъ-Ханъ Ешшаръ
Schaheruchchan Efschar) и Исханъ Курджибаши (Ischan Kurtzibaschi),
составившіе заговоръ противъ Шаха и поднесшіе ему яду (ко-
торый, впрочемъ, скоро замѣченный, не оказалъ отъ приматаго
Шахомъ противодія, на него ни какого вреднаго дѣйствія),
были изрублены саблями.

Два года спустя Турка (Султанъ) съ войскомъ въ 800,000
человѣкъ снова напалъ уже на Ирванъ, шесть мѣсяцевъ осаждалъ
эту крѣпость и, не взявши ее, отступилъ во своя си. За тѣмъ опять
черезъ два года Турки явились въ другой разъ, подъ началь-
ствомъ полководца Муратъ-Паши (Murat Pascha), захватили Тав-
рисъ и владѣли имъ 4 мѣсяца. Въ продолженіе этого времени не-

пріатели пять разъ сразились другъ съ другомъ, и Персы иногда терпѣли сильный уронъ. Наконецъ Шахъ Абасъ одержалъ послѣднюю побѣду и снова отвоевалъ себѣ городъ. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Ардебиль, гдѣ приказалъ казнить, уже не разъ упоминаемаго Шамахинскаго Хана, Дзюльфикаръ Хана, по настоянію своей жены, какъ это было уже сказано, и на мѣсто его назначилъ въ Шамаху Юсуфъ-Хана, родомъ Армянина, котораго Шахъ Абасъ купилъ еще въ дѣтствѣ и долгое время держалъ при себѣ въ качествѣ придворнаго прислужника.

Послѣ этого Персія находилась въ покоѣ въ продолженіи 20-ти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однажды Турки, подъ начальствомъ Халиль-Паши (Chalil Pascha), въ количествѣ 8 тысячъ человекъ, между которыми было много Крымскихъ и Перекопскихъ Татаръ, снова не вторглись въ предѣлы Персіи и не взяли Тавриса; противъ него Шахъ выслалъ Карджукъ-Хана (Kartzukhaichan), храбраго и счастливаго вѣтязя, который, послѣ 8-мидневнаго сраженія, прогналъ непріателя. Изъ этого сраженія Карджукъ-Ханъ привелъ съ собою плѣнныхъ двухъ Татарскихъ Князей; Омерсебекъ (Omersebek) и Шагинкеръ-Хана (Schahinkeraichan), одного Башу (Пашу) Египетскаго, одного Сирійскаго изъ Алепа и по одному изъ Арзерума и Вана. Но Шахъ рѣшилъ, что для него славнѣе и приличнѣе будетъ, когда онъ выкажетъ себя милостивымъ по отношенію къ этѣмъ плѣннымъ, а по тому подарилъ каждому изъ нихъ по новому платью и коню, и отпустилъ ихъ съ миромъ отъ себя.

Послѣ этого Шахъ Абасъ девять мѣсяцевъ простоялъ въ Грузіи, гдѣ, въ области Сеггенъ (Seggen), лежащей въ срединѣ Грузіи, явился Тамерасъ Ханъ (Tameras chan), сынъ Симеона, съ войскомъ, и вздумалъ воевать съ Шахъ Абасомъ, но онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и потерялъ множество своихъ подданныхъ. Сдѣвъ Шахъ Абасъ заплатилъ своимъ воинамъ жалованье за цѣлый годъ; но когда онъ узналъ, что воины весьма много изъ этого жалованья истратили на табакъ, то во всемъ своемъ станѣ запретилъ употребленіе табаку, и даже приказалъ обходить палатки и изслѣдовать, не пахнетъ ли гдѣ табакомъ; уличеннымъ въ нарушеніи такого запрещенія рѣзали носъ и губы.

Одинъ Персидскій купецъ, не знавшій этого заурещенія, явился въ станъ съ 9 тюками табаку, въ надеждѣ пажить день-ги, а вмѣсто того потерялъ жизнь. Шахъ, узнавъ объ его прибытіи, приказалъ табачнаго продавца, вмѣстѣ съ табакомъ его, взвалить на костеръ и сжечь.

Изъ Грузіи Шахъ Абасъ отправился въ Гилянъ, гдѣ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу (Sefi Mirza), о чемъ далѣе скажу подробно.

Узнавъ, что Тамерасъ Ханъ снова завоевалъ мѣстности, которыя Шахъ Абасъ задолго предъ тѣмъ отнялъ у него, и что онъ сталъ тамъ съ своею ратью, Шахъ вторично послалъ туда войско, назначивъ полководцами и начальниками въ немъ Али-Кули-Хана (Aliculichan), Магмедъ-Ханъ Каджара (Mahmedchan Katzar), и Мортуса-Кули-Хана (Mortusaculichan) Талишскаго, вмѣстѣ съ другими Ханами. Когда же этѣ Ханы возвратились, не исполнивъ дѣла, и объяснили, что непріятель слишкомъ силенъ, Шахъ въ негодованіи приказалъ казнить высшихъ начальниковъ. На другой годъ онъ самъ пошелъ съ великою ратью противъ Тамераса и поклялся, что если онъ одержитъ побѣду, то распродастъ всѣхъ жителей Грузіи, по абасу за человѣка; одинъ абасъ равняется Любецкой маркѣ или 8-ми грошамъ. Такъ какъ Шахъ Абасъ оказался побѣдителемъ и набралъ несчетное множество плѣнныхъ, то случилось однажды, что одинъ простой воинъ, поднявъ руку вверхъ съ 2-мя абасами, обратился къ Шаху съ такимъ требованіемъ: «Эй, Шахъ Абасъ, продай-ка мнѣ пару хорошенькихъ дѣвушекъ!» Шахъ вспомнилъ тутъ о своей клятвѣ и приказалъ выбрать этому воину двухъ лучшихъ дѣвицъ за два абаса. Въ то время множество Христіанъ выведено было изъ Гурзіи въ Испагань, которыхъ потомковъ и мы еще тамъ застали.

Около этого времени Шахъ получилъ изъ Вавилона или изъ Багдада письмо отъ одного тамошняго Подбаша (Unter Bassa) (младшаго Баша), по имени Бекиркега (Bekirkeha), который предлагалъ предать ему городъ, такъ какъ главный Баша въ Багдадѣ умеръ, а его, Бекиркегу, повисить не желаютъ и не удостоиваютъ предоставить ему это мѣсто, но хотятъ посадить на него совсѣмъ

сторонняго человѣка, то за это онъ вознегодовалъ на Турокъ и желаетъ отдачею города отмстить имъ свою обиду; и такъ, пусть только Шахъ придетъ и возьметъ городъ. Шахъ Абасъ поспѣшно отправился съ войскомъ къ Вавилону; но когда онъ подступилъ къ нему, то гнѣвъ Бекиркеги уже прошелъ, можетъ быть, и по тому, что онъ получилъ удовлетвореніе; онъ не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія и прислалъ сказать Шаху, что къ услугамъ Кизильбаши онъ не имѣетъ ни чего, кромѣ пороха и дроби. Въ отмщеніе за такое оскорбленіе Шахъ Абасъ далъ великую клятву: во что бы то ни стало добыть городъ, или онъ не отойдетъ живымъ отъ него. Онъ держалъ городъ шесть мѣсяцевъ въ осадѣ, и наконецъ зимою уже провелъ подъ него мину (въ чѣмъ Персіане очень искусны), взорвалъ часть городской стѣны на воздухъ и приступомъ вошелъ въ него. Такимъ образомъ Шахъ взялъ городъ, а съ нимъ и Бекиркегу, котораго онъ приказалъ нагого зашить въ сырую бычачью шкуру, положить на дорогѣ и кормить ежедневно; высыхая бычачья шкура сжимается и страшно-мучительно сдавливаетъ человѣка. Случилось, что мимо несчастнаго проходилъ однажды Шахъ Абасъ. Бекиркега вскричалъ къ нему: «О Шахъ Эйманъ (Eishman)! Сжался, Шахъ, надо мною и помоги мнѣ!» Шахъ отвѣчалъ: «А за чѣмъ ты не помогъ мнѣ и заставилъ меня посидѣть за городомъ? Оставайся же теперь въ этой бычачьей шкурѣ и окошвай!» Сынъ Бекиркеги упалъ въ ноги Шаху и оправдывался тѣмъ, что онъ не принималъ ни какого участія въ неправдахъ отца; Шахъ смиловался надъ нимъ, обѣщалъ заступитъ ему мѣсто отца и, въ знакъ своей милости, назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Ширасъ, такъ какъ мѣсто это лежитъ среди Персіи и вдали отъ границъ.

Годъ спустя Турецкій Султанъ снова послалъ войско, подъ начальствомъ Гафисъ Ахмедъ Паши, взять Багдадъ. Шахъ освободилъ этотъ городъ отъ осады и простоялъ цѣлые 5 мѣсяцевъ близъ него, воюя съ Турками. А такъ какъ въ то время было чрезвычайно жаркое лѣто и великій зной, то Турки не могли выносить такъ, какъ Персіане, по тому въ войскахъ Турецкихъ распространилась зараза, похитившая у нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ слѣдствіе сего Гафисъ Ахмедъ, не исполнивъ дѣла, принужденъ былъ возвратиться въ Царьградъ. • Около этого времени

Шахъ приказалъ построить городъ Ферабать въ Масандеранѣ, поводомъ чему послужила прекрасная мѣстность при селеніи Тагона (Таһона), гдѣ въ Каспійское море впадаетъ рѣка, обильная рыбою.

Едва только пробывъ Шахъ Абасъ два года въ покоѣ послѣ описанной сей части Вавилонской войны, какъ Турецкій Султанъ поднялся еще разъ, снова желая попытать своего счастья надъ городомъ Багдадомъ, и послалъ туда Халиль-Пашу съ 500,000 войска. Для освобожденія города отъ осады, Шахъ послалъ впередъ храбраго витязя Карджугай-Хана, съ нѣсколькими, тысячами отборныхъ воиновъ, а самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ съ многочисленною ратью. Сдѣсь опять непріятели бились до шести мѣсяцевъ; наконецъ однажды Карджугай-Ханъ, воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, двинулъ всѣми силами своими на непріятеля и выбилъ его съ поля, такъ что Халиль-Паша приужденъ былъ бѣжать вплоть до Нефджеда (Nefized). Шахъ Абасъ, который не присутствовалъ при этомъ сраженіи, а сидѣлъ въ городѣ Багдадѣ, услышавъ о такой великой побѣдѣ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Карджугай-Хану, и когда приблизился къ нему, всталъ съ коня и сказалъ: «Любезный мой Ага! Черезъ тебя я одержалъ побѣду, болѣе которой я не могъ бы вымолить у Бога! Поди, сядь на моего коня: я буду слугою твоимъ!» Карджугай-Ханъ отнѣкивался отъ такой великой чести, говоря: «Нѣтъ, мой повелитель, это не подобаетъ. Вспомни, что я рабъ твой, и не унижай себя такимъ образомъ!» То же сказали и другіе Ханы. Но Шахъ возразилъ: «Я такъ хочу, мнѣ это правится!» И такимъ образомъ виновникъ побѣды долженъ былъ сѣсть на Царскаго коня, а самъ Шахъ прошелъ подлѣ него пѣшкомъ 7 шаговъ въ качествѣ слуги, что сдѣлали и другіе Ханы. Объ остальныхъ битвахъ, которыя Шахъ Абасъ счастливо и успѣшно предпринималъ противъ вторгавшихся Турокъ и для подавленія часто повторявшихся возстаній Грузинъ и Армянъ, равно какъ и о взятіи имъ, за 6 лѣтъ до своей смерти, у Португальцевъ, съ помощію Англичанъ, острова Ормуса, излагать сдѣсь было бы излишне.

Европейскіе монахи очень хвалили Шаха Абаса, говоря, что онъ былъ добрымъ другомъ Христіанъ, неоднократно посѣщалъ

Августинскій монастырь, который былъ тогда только что построенъ въ Иснагани, приглашалъ монаховъ къ своему столу, даже иной разъ ночью, такъ что они думали не разъ, что Шахъ имѣеть что либо противъ нихъ, и приглашенія его могли стоить имъ жизни, по чему, отправляясь на зовъ, они обыкновенно прощались навсегда съ остальною братією, но, вмѣсто того, Шахъ сажалъ приглашенныхъ за столъ, дружески бесѣдовалъ съ ними, оказывалъ имъ всякое добро, надѣвалъ на шею ихъ Rosarium, и Pater Noster (четки), часто вздыхалъ и говорилъ: «Я не знаю еще, какою истинною дорогою пойду!», и за тѣмъ благоговѣнно читалъ свою Фатагъ (Fatah), молитву которой содержаніе находится при описаніи Вѣры Персовъ. Къ бѣднымъ онъ былъ чрезвычайно сострадательнъ и всегда имѣлъ бдительный надзоръ надъ злоупотребленіями въ продовольствѣ ихъ. Часто, выѣхавъ изъ какого ни будь города, переодѣтый, подъ другимъ видомъ, возвращался опять въ него, ходилъ на торжищѣ по хлѣбнымъ и мяснымъ лавкамъ, повѣрялъ вѣсъ и пойманныхъ имъ обвѣсчиковъ и обманщиковъ строго наказывалъ. Однажды, въ Ардебилѣ, онъ приказалъ засадить въ печь одного богатаго хлѣбника за то, что тотъ не хотѣлъ продавать хлѣба, говоря, что когда придетъ Шахъ Абасъ съ своими войнами, то онъ долженъ будетъ наполнить имъ горла хлѣбомъ, и по тому теперъ долженъ беречь его; а одного мясника за обвѣсъ приказалъ повѣсить голою спиною на крюкъ, на которомъ вѣшалась говядина.

Онъ имѣлъ обычай раздавать бѣднымъ только изъ тѣхъ именно денегъ, которыя онъ получалъ въ подѣтъ съ домовъ терпимости. Онъ говорилъ обыкновенно: «Что дается бѣднымъ, то не должно быть вымогаемо у другихъ и собираемо противъ ихъ воли. Подданные, конечно, не совѣмъ-то охотно удѣляютъ изъ кошелька своего; но пѣтъ денегъ, охотнѣе отдаваемыхъ, какъ тѣ, которыя идутъ въ дома терпимости.»

Шаха Абаса также высоко славилъ за то, что онъ требовалъ всегда праваго суда и справедливости въ судилищахъ. Судей, которые съ тяжущихся брали Русветъ (Ruswet) или взятки (тайные подарки), онъ предавалъ поруганію и строго наказывалъ. Такъ однажды, узнавши, что Каси или Судья Испанскій, по одному важ-

ному дѣлу, взявъ съ каждой изъ тяжущихся сторонъ по 15 туменовъ взятку (Ruswet), и затѣмъ уговорилъ ихъ покончить дѣло добрымъ миромъ, Шахъ опредѣлилъ судью слѣдующее наказаніе: велѣлъ посадить его на осла, лицомъ къ хвосту, надѣвши ему на шею, посверхъ его богатой одежды, внутренности только что убитой овцы; при чемъ судья долженъ былъ держаться руками за хвостъ осла, и въ такомъ видѣ водить его вокругъ по всему Майдану. Впереди его шелъ Джарджи или глашатай, который громко провозглашалъ: «Такъ Шахъ поступитъ со всякимъ, кто, чтобы покривить правдой, возьметъ взятку!» Послѣ такой торжественной фзды Каси былъ высланъ изъ города.

Хотя Шахъ Абасъ былъ иногда очень строгъ, но въ странѣ своей управлялъ мудро и съ пользою, и по отношенію къ своему отечеству заявилъ себя такъ, что подданные его, жившіе при немъ, и теперь еще вадыхаютъ, вспоминая о немъ.

Онъ имѣлъ 3-хъ законныхъ женъ и нѣсколько сотенъ Хасе (Chesse) или наложницъ, отъ которыхъ прижилъ 3-хъ сыновей и пѣсколькихъ дочерей. Сыновья у него были: Сефи Мирза, Ходабенде Мирза и Имамкули Мирза. Перваго, старшаго, онъ прижилъ отъ Христіянки, невольницы изъ Грузіи, и этотъ сынъ былъ почтенный и многими способностями одаренный. Князь этотъ, достигши мужескихъ лѣтъ, провѣдалъ, что одинъ Шемахинскій купецъ подарилъ отцу его чрезвычайно красивую дѣвицу изъ Черкешенокъ; эту красавицу Сефи Мирза просилъ у отца, чтобы ее воспитать въ будущую жену ему, на что отецъ, весьма любившій его за то, что тотъ умѣлъ всегда угождать ему, охотно согласился, и такимъ образомъ дѣвица та отдана была матери Сефи на присмотръ и воспитаніе. Съ этой женой Сефи Мирза прижилъ потомъ сына, по имени Самъ (Sam) Мирзу, который наследовалъ въ правленіи дѣду; ибо Шахъ Абасъ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу, хотя единственно по одному только подозрѣнію, какъ это окажется въ слѣдующей за сими главѣ.

ГЛАВА XXXI.

О безвинной и мученической смерти, которой Шахъ Абасъ повелѣлъ предать сына своего, Сефи Мирзу, и что случилось съ исполнителемъ убійства.

Когда управление стараго Шаха Абаса для нѣкоторыхъ Хановъ дѣлалось чѣмъ далѣе, тѣмъ строже и тяжеле, то они подумывали, что лучше было бы, если бы Абасъ отправился къ своимъ предкамъ, а сынъ его вступилъ въ правленіе. Въ такихъ мысляхъ они подбросили однажды въ домъ Сефи Мирзы письмо, въ которомъ высказывали свое негодованіе на черезъ чуръ уже долго зажившагося Шаха, и свое желаніе, какъ бы только поскорѣе поздравить его, Сефи, съ вѣнцомъ и скипетромъ. Но Сефи Мирза, какъ человекъ правдивый и честный, принеся письмо отцу и открылъ ему гнусную измѣну, будучи въ высшей степени возмущенъ ею. Отецъ, хотя и былъ, по видимому, весьма доволенъ вѣрностію своего сына, но онъ не могъ освободиться отъ всякаго его подозрѣнія, и по тому впалъ въ такой страхъ, что не ночамъ по три раза мѣнялъ свое, спальное ложе, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что отъ такого страха своего онъ можетъ освободиться не иначе, какъ смертію своего сына. Когда по этому Шахъ отправился однажды въ Гилянъ со всеми своими придворными, я. е. Раштѣ одинъ наушникъ подтвердилъ еще подозрѣніе Шаха, сказавъ ему, что онъ замѣтилъ, будто нѣкоторые Ханы замышляютъ что-то съ Сефи Мирзою противъ него, Шаха, то этотъ послѣдній потребовалъ къ себѣ, помянутаго уже выше, главнаго Начальника надъ войсками, Карджугай-Хана, и приказалъ ему умертвить Сефи Мирзу. Карджугай-Ханъ палъ Шаху въ ноги, снялъ съ себя саблю и заявилъ, что желаетъ лучше самъ потерять голову, чѣмъ послануть на голову Ханскаго сына. Ибо, продолжалъ, онъ: «оказанная мнѣ милость и благодѣянія отъ твоего дома такъ велики, что я не долженъ даже и помыслить что либо недоброе противъ твоей крови, а не только совершить такое великое злодѣяніе.» Карджугай-Ханъ былъ родомъ и по вѣртію изъ Армянскихъ Христіанъ, въ дѣтствѣ похищенъ Татарами, обрѣзанъ и какъ невольникъ проданъ Шаху Абасу. Такъ какъ онъ обнаруживалъ въ себѣ добрую природу, честность и особенную

храбрость въ вонискомъ дѣлѣ, то ему дали ходъ, опредѣлили на службу и наконецъ онъ былъ назначенъ Сердаремъ или главнымъ начальникомъ войскъ всей Персіи; онъ одерживалъ также надъ непріателемъ одну побѣду за другою, такъ что Шахъ Абасъ изъ любви къ нему всегда называлъ его Ага, т. е., Князь или Государь. Этотъ-то храбрый витязь былъ наконецъ постыднымъ образомъ умерщвленъ однимъ Грузинскимъ Княземъ; по имени Мауровъ (Maugow). Когда Карджугай-Ханъ описаннымъ образомъ отказался отъ убійства, то онъ былъ отпущенъ, а убійство поручено было одному Дворянину, по имени Бебутбеку (Bebutbek). Этотъ охотно согласился на злодѣяніе, пошелъ вооруженный на встрѣчу Сефи Мирзѣ, который возвращался съ купанья верхомъ на мулѣ, въ сопровожденіи только одного мальчика, и, встрѣтивъ его, хватилъ за узду мула и сказалъ: «Слѣзай, Сефи Мирза! По повелѣнію отца твоего, ты долженъ умереть.» Сефи Мирза всплеснулъ руками, взглянулъ на небо и, вздохнувъ, промолвилъ: «Боже! Чѣмъ заслужилъ я такую великую немилость отца моего? Горе предателю, виновнику моей гибели! Но да исполнится воля Бога и Царя!» Въ это время Бебутбекъ вознилъ хендже (Shentze, или Pungel), кинжалъ, который Персіане носятъ спереди, за поясомъ, дважды въ грудь Князя, такъ что тотъ упалъ на землю и тутъ же умеръ. Тѣло его 4 часа оставалось лежать въ болотѣ. За тѣмъ, когда оно было открыто, поднялся великій вопль и влечь по убиенномъ, не только супруги и родственники убитаго Князя, но и всего населенія города Решта, котораго, частію по неопанію о повелѣніи Царя, сбѣжалось къ Царскимъ палатамъ множество, воцѣло о злодѣйствѣ, требовало мщенія и осужденія всѣхъ тѣхъ, кто были виновны въ пролитіи неповинной Царской крови: Ханы и знатные всеможи разбѣжались отъ страха и оставили Шаха одного. Страхъ Шаха, происходившій прежде изъ одного только подозрѣнія, теперь удвоился отъ такого злодѣянія: онъ не показывался никому и сокрылся на нѣсколько дней. Такъ справедливо то, что говоритъ Тацитъ (Ann. lib. 15, pag. 610, ed. Francforti, 1592): «Facinorum recordatione nunquam timore vacuus.» Царица, мать Сефи Мирзы, прибѣжала къ Шаху съ распущенными волосами и жалобными воплями, забывъ опасность, которой она черезъ это могла подвергнуться, накинулась на Шаха, частію въ слѣдствіе великой сердечной скорби, частію

по безпамятству, частію же по тому, что за свою всегдашнюю разумность она пользовалась его особымъ расположеніемъ; она нанесла ему даже побой и сказала: «Ты, Царь кровожадный! За чѣмъ сдѣлался ты убійцей собственной твоей крови, твоего имени и цѣлаго Царства! Кто же теперь будетъ царствовать послѣ тебя? Своимъ дѣломъ ты предалъ страну свою врагамъ твоимъ. И чѣмъ мой вѣжнѣйшій сынъ, такъ сильно любившій тебя, заслужилъ такую смерть?» И много подобныхъ жалобныхъ рѣчей Царица говорила Царю. Шахъ Абасъ сидѣлъ словно оцѣпенѣлый, и наконецъ, залитый слезами, сказалъ: «Ахъ, что жь мнѣ дѣлать! Миѣ наговорили, что съ нѣкоторыми Ханамъ онъ замышлялъ измѣну противъ меня! Теперь ужь не поможешь: дѣло ужь свершилось!»

Что о дѣлѣ этомъ Шахъ такъ же сердечно сокрушался, какъ нѣкогда Александръ объ убіеніи своего вѣрнаго друга, Канта, можно ясно видѣть не изъ одного только собственнаго признанія, но изъ послѣдовавшей за тѣмъ жизни и дѣйствій Шаха: десять дней онъ не выходилъ на дневной свѣтъ, сидѣлъ въ глубочайшей печали и не отнималъ платка отъ глазъ; цѣлый мѣсяцъ почти ни чего не ѣлъ и не пилъ. Въ продолженіи цѣлаго года носилъ печальное платье, и во всю потомъ остальную жизнь ходилъ въ самой простой одеждѣ, въ которой не было и признаковъ великолѣпія одежды Царской. Сдѣсь можно привести то, о чемъ стѣдуетъ Курціи въ одномъ мѣстѣ (lib. 8, с. 4): «Male humanis ingenii natura consuluit, quod plerumque non futura, sed transacta, reprehendimus.» Природа въ подобномъ случаѣ сообщила человѣческимъ страстямъ то не доброе свойство, что онѣ впервые справедливо осуживаютъ, или видятъ, не тогда, когда что либо можетъ еще случиться, но только тогда, когда уже случилось что либо. Мѣсто, гдѣ совершено убійство Сефи, Шахъ велѣлъ обвести длинною каменною стѣною, сдѣлалъ изъ него *Asylum* или убѣжище свободы, и опредѣлялъ туда щедрые вклады для ежедневнаго кормленія бѣдныхъ. Но все это не могло уже «возвратить сына къ жизни».

Послѣ 10 дней Шахъ выѣхалъ изъ Решта, отправился въ Касвинъ, и тамъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ тѣхъ Хановъ, ко-

торыя заподозрѣны были имъ въ участіи съ сыномъ, а также наушника и доносчика на сына: за столомъ онъ приказалъ подмишлатъ имъ въ вино яду, и, напоивши ихъ, продержалъ ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока тѣ не попадали мертвые.

Бебутбекъ хотя послѣ этого и былъ назначенъ Даругою (Darguga) въ Касвинъ, а наконецъ и Ханомъ въ Кескоръ, но готовность его къ умерщвленію помянутаго Князя не осталась не наказанною для него и семейства его. Такъ, спустя нѣскольکو лѣтъ, когда Шахъ Абасъ пріѣхалъ къ нему въ Касвинъ, то велѣлъ ему отрубить голову собственному своему сыну и принести ее къ нему, Абасу. Печальный вышелъ Бебутбекъ отъ Шаха, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ исполнить строгое приказаніе его, и принесъ ему голову своего сына. Шахъ спросилъ у Бебутбека: «Какъ чувствуетъ онъ себя послѣ этого убійства?—«Ты легко можешь понять это, Царь!» отвѣчалъ ему Бебутбекъ со слезами. «То былъ мой единственный, любимый сынъ, надъ которымъ я долженъ былъ совершить дѣтоубійство. Сердце мое разрывается на части!»—«Теперь ты знаешь, Бебутъ, что должно было испытать и мое сердце, когда я твоими руками умертвилъ моего сына. Но утѣшься: наши сыновья оба тамъ, а мы оба сдѣсь испытываемъ съ тобою одинаковую участь!»

Спустя нѣскольکو временій послѣ этого, Бебутъ Ханъ одному изъ своихъ слугъ пригрозилъ неизбѣжною смертію за то, что этотъ послѣдній, подавая ему на одномъ знатномъ пиру, послѣ обѣда, воду для омовенія рукъ (у Персіянъ обычай обносить теплою водою всѣхъ послѣ обѣда), подаль воду довольно горячую, такъ что обжегъ Бебуту руки. Этотъ-то слуга согласился съ однимъ изъ своихъ товарищей, имя котораго также значилось въ черномъ спискѣ, и котораго ожидала подобная же казнь, избѣжать какъ ни будь угрожаемой имъ бѣды, и по такому-то согласію они напали ночью на порядочно выпившаго господина своего, убили его и убѣжали.

Шахъ Абасъ не хотѣлъ было преслѣдовать убійцъ, если бы только Ханы и другіе знатные вельможи не потребовали того настоятельно, говоря, что если подобное убійство оставить не на-

казаннымъ, то въ будущемъ ни одинъ господинъ, сказавшій гнѣвное слово въ раздраженіи, не будетъ безопасенъ отъ своихъ невольниковъ. По этому убійцы были разысканы и преданы смертной казни.

Хотя Шахъ, какъ сказали мы, довольно ясно обнаруживалъ великое раскаяніе въ погубленіи своего сына, тѣмъ не менѣе можно было опасаться, что подобную же печальную драму онъ разыграетъ когда ни будь и съ Самъ Мирзою, сыномъ убиеннаго. По этому его мать содержала его у себя втайнѣ и не хотѣла болѣе приносить его къ дѣду. Но Шахъ Абасъ дѣйствительно любилъ мальчика внука, желалъ, чтобы онъ уцѣлѣлъ и былъ Шахомъ послѣ него; ибо другіе сыновья его, Ходабенде Мирза и Имамъ-Кули Мирза (Imamculi Mirza), будучи дерзки и дики въ обращеніи съ отцомъ своимъ, подпали подъ гнѣвъ Шаха, и одному изъ нихъ онъ приказалъ выколоть глаза, а другого ослабить раскаленнымъ желѣзомъ, отъ чего оба они сдѣлались къ правленію неспособны.

Для того же, чтобы и этотъ наследникъ не слишкомъ-то скоро заявилъ себя, не былъ бы слишкомъ бодръ и боекъ, и не подавалъ бы подданнымъ очень большихъ наеджатъ, Шахъ Абасъ приказалъ, чтобы каждое утро давали ему по приему, величиною съ горошинку, одуряющаго и опьяняющаго опиума (который, какъ было сказано уже, Персіяне во множествѣ изготовляютъ и часто принимаютъ). Мать же Самъ Мирзы, какъ говорили нѣкоторые, давала ему вмѣсто того Тиріакъ (Turgiac) и другія предохранительныя противоядія.

Зимою 1629 года по Р. Х. Шахъ Абасъ отправился въ Ферабатъ, въ Масандаранъ, гдѣ постигла его болѣзнь, которою онъ и былъ одержимъ 40 дней. Подумали было, что Шаха отравили; по чему врачъ его, Гакимъ Юсуфъ, чтобы извлечь ядъ, предписалъ больному пробыть сперва въ теплой водѣ 8 дней, а потомъ 4 дня въ тепломъ молокѣ, сидя въ нихъ по шею. Но какъ лѣченіе это ни сколько не помогло, и Шахъ началъ уже помышлять, что приходитъ конецъ его, то онъ потребовалъ къ себѣ бывшихъ тамъ при немъ 4-хъ изъ своихъ совѣтниковъ и придворныхъ, именно: Иса-Хана

Курджибаша (Isachan Kurtzibasch), Сейнелъ-Хана (Seinelchan), своего Тушмала (Tuschmal) или кухмейстера, Темиръ-Бека (Temirbek), Овогли (Owogli) и Юсуфа Агу, камердинера, и объявилъ имъ, что, какъ замѣчаетъ онъ, отъ этой тяжкой болѣзни онъ иначе не отдѣлается, какъ только смертью; за тѣмъ онъ началъ распоряжаться и приказывать, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы пошли дѣла послѣ его смерти. Говорилъ имъ о состояніи Персидскаго Царства и о томъ, какъ опасно было бы послѣ его смерти, если бы правленіе поведено было безъ особой осмотрительности и осторожности, что хотя оба сына его, Ходабенде и Имамъ-Кули еще живы, но они лишены зрѣнія и къ управленію по этому допущены быть не могутъ; въ слѣдствіе чего онъ желалъ, и такъ указалъ и въ завѣщаніи, чтобы старшій сынъ его старшаго сына, Сефи Мирзы (по его повелѣнію умерщвленнаго), Самъ Мирза, наследовалъ престолъ, и по имени отца своего назывался Сефи. Исполнить это въ точности сказанныя Совѣтники должны были обѣщать ему клятвенно, и хотя одинъ изъ его мнимыхъ предсказателей заявилъ, что Самъ Мирза процарствуетъ только 18 мѣсяцевъ, Шахъ пожалѣлъ объ этомъ, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «Пусть процарствуетъ, сколько можетъ, хотя бы даже 3 дня, только бы на главѣ его былъ Царскій вѣнецъ, которой слѣдовалъ отцу его.»

Тѣло свое Шахъ Абаса велѣлъ предать погребенію въ особомъ, указанномъ имъ, мѣстѣ; для того же, чтобы не знали, гдѣ онъ лежитъ, отвезены три гроба въ разные мѣста, именно: въ Ардебиль, Мешедъ и Вавилонъ, и погребены тамъ. Большинство же полагаетъ, что тѣло его отвезено въ Вавилонъ и погребено тамъ въ Неджефѣ (Netzeff), гдѣ находится гробница Аали; ибо, при завоеваніи Вавилона, когда онъ ѣхалъ въ Куфу, къ Неджефу (Netzeff), и увидѣлъ тамъ прекрасную мѣстность, то сказалъ, что онъ желаетъ слѣсь по смерти имѣть мѣсто вѣчнаго покоя. Такииъ-то образомъ умеръ Шахъ Абасъ въ 1629 году по Р. Хр., на 63 году отъ рожденія и послѣ 45 лѣтъ правленія.

По причинѣ враждебныхъ сосѣдей, Узбековъ, а равно и Гилянцевъ, весьма склонныхъ къ возстанію, смерть Шаха хранили въ тайнѣ цѣлые 40 дней, пока не возшелъ на престолъ новый Шахъ, и для этого, по указанію самаго же Шаха Абаса, употреб-

лена была слѣдующая хитрость: мертвое тѣло его, одѣтое въ платье и съ открытыми глазами, посажено на обыкновенное Царское мѣсто, прислоненное къ ковра. Позади ковра сидѣлъ Камердинеръ его, Юсуфъ Ага, говорилъ въ мѣсто Шаха и давалъ отвѣты Темиръ-Беку, который по обыкновенію докладывалъ Царю о дѣлахъ просителей, и вообще являвшихся къ Царю лицъ; объявлялъ также рѣшенія, а иногда черезъ коверъ поднималъ и опускалъ руки мертваго Абаса, такимъ образомъ, что этѣ придившія стороннія лица, видѣвши Царя въ комнатѣ его только издали, вполнѣ были увѣрены, что онъ живъ еще.

Между тѣмъ Сейнелханъ послѣшно отправился въ Испагань, къ Даругѣ Хозровъ Мирзѣ (Chozrow Mirza), котораго Шахъ Сеѣи въ послѣдствіи произвелъ въ Ханы, ради его высокой чести, открылъ ему, что Шахъ Абасъ умеръ, и что его послѣдняя воля и завѣщаніе было таково, чтобы Самъ Мирза немедленно возведенъ былъ на Царство.

Шахъ Сеѣи.

Сейнелханъ съ Хозровомъ отправились въ крѣпость, въ Таберикъ Кале (Taberik Kale), гдѣ жилъ Самъ Мирза съ матерью, съ намѣреніемъ взять оттуда сына и посадить на Царство. Но страшно испуганная мать, подумавшая, что тутъ кроется новая измѣна, направленная противъ жизни ея сына, воспротивилась выдать сына, и хотя Сейнелханъ и Хозровъ настоятельно просили ее, подробно и убѣдительно рассказали ей въ чемъ дѣло, но ни какъ образомъ не могли, уговорить ее отпустить сына. Пробывши такъ 3 дня и 3 ночи у дверей и вида, что возведеніе Сама Мирзы на престолъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, не терпѣло дальнѣйшаго отлагательства, сказанные вельможи собирались было уже пригласить и другихъ вельможъ и насильно ворваться въ покои. Узнавъ о такомъ непремѣнномъ намѣреніи ихъ, мать Сама со слезами отворила двери, обратившись съ такими словами къ сыну: «Ступай, дѣтя мое, черезъ руки убійць твоихъ, къ отцу своему! Богъ да отомститъ за тебя!»

Когда Сейнелханъ и Хозровъ Мирза вошли во внутрь покоевъ, Самъ Мирза стоялъ въ великомъ страхѣ, дрожалъ и тре-

петаль весь; они же тотчасъ упали ницъ передъ нимъ, и стали цѣловать ему ноги, съ пожеланіями благополучнаго вступленія на престолъ. Тогда только ужасъ матери и сына смѣнился великою радостію. Немедленно повезли они наследника въ дворецъ Диванъ-Хане (Diwanchane), посадили его, по обычаю ихъ, на небольшой столъ, на Kalitzae ahdalet, или на коврахъ правосудія, какъ они называютъ ковры, которыми покрывается столъ, созвали знатныхъ вельможъ, возложили на Сама вѣнецъ, наименовавъ его Шахомъ Сефи, и, съ искреннимъ цѣлованіемъ его ногъ и пожеланіями всякаго счастья, поздравляли его со вступленіемъ на Царство.

Г Л А В А XXXII.

Какъ Шахъ Сефи началъ свое правленіе пролитіемъ множества крови, о чемъ приводится сдѣсь и нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, что когда этотъ Шахъ явился на свѣтъ, то у него обѣ руки были полны крови, и когда Шахъ Абасъ услышалъ это, то сказалъ: «Ну, этотъ молодчикъ помоетъ порядочно свои руки въ крови!», что дѣйствительно и случилось; ибо Шахъ Сефи тотчасъ же началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій и тиранствовалъ такъ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ въ Персіи Шаховъ въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Такъ, по наущеніямъ стараго Канцлера Государства, выше помянутаго Рустамъ Хана, главнаго военачальника и правителя Тифлискаго, а также по совѣтамъ и другихъ лицъ, онъ, частію посредствомъ разныхъ исполнителей его воли, частію же собственною рукою, порубилъ саблею и умерщвлялъ всѣхъ тѣхъ, которые были съ нимъ въ кровномъ родствѣ, а также и людей, бывшихъ главнѣйшими начальниками по разнымъ частямъ управленія страной. Въ слѣдствіе такихъ кровопролитій онъ сдѣлался наконецъ до такой степени свирѣпъ и кровожаденъ, что не щадилъ ни друзей, ни недруговъ, и часто, по ничтожнѣйшимъ причинамъ, безжалостно мучилъ и убивалъ людей, какъ это видно изъ примѣровъ, которые я хочу рассказать сдѣсь въ немногихъ словахъ. Началъ онъ съ своихъ кровныхъ

родственниковъ, и приказалъ меньшому брату своему, Тамасу Мирзѣ, рожденному отъ Хассе или наложницы, выколотъ глаза и посадить, вмѣстѣ съ другими, выше упомянутыми ослѣпленными же дядями его, Ходабенде и Имамъ-Кули, въ крѣпость Алмугъ (Alamuth), находящуюся въ 3-хъ дняхъ пути отъ Касвина, и вскорѣ за тѣмъ велѣлъ сбросить ихъ съ этой крѣпости на скалу, говоря, что они живутъ на свѣтѣ безъ всякой пользы.

Послѣ этого Царскій гнѣвъ палъ на Курджибашу, зятя его Иса-Хана, съ тремя его сыновьями, и къ избіенію ихъ Шахъ нашелъ слѣдующій поводъ: Иса-Ханъ былъ потомокъ Магумеда и Аали; отецъ его, Сеидъ-Бекъ (Seidbek), при Ходабендѣ, былъ Ханомъ и Правителемъ Ардебильскимъ. При Шахѣ Абасѣ Иса-Ханъ оказалъ такое мужество и храбрость, что Шахъ сдѣлалъ его сперва Юсбашею или военнымъ начальникомъ, а потомъ, извѣдавъ и великую вѣрность его, женилъ даже на своей дочери. Послѣ этого онъ всегда находился у Шаха Абаса въ большомъ почетѣ и употреблялся по важнымъ дѣламъ. Въ правленіе Шаха Сефи онъ служилъ главнымъ начальникомъ надъ стрѣлками изъ лука, которыхъ Персидне называютъ Курджибашаи. Съ своею женою (сестрою отца Шаха Сефи), Иса-Ханъ прижилъ 3-хъ сыновей, прекрасныхъ дѣтишекъ, которыми мать гордилась по справедливости. Однажды, когда эта мать въ разговорѣ съ племянникомъ своимъ, Шахомъ Сефи, у котораго она была въ особомъ уваженіи, пошутила и спросила: «Какъ это случилось, что уже болѣе двухъ дѣтъ имѣя столько женъ, у него нѣтъ и признака, чтобы можно было рассчитывать на новорожденного наследника, а вотъ она одна родила своему мужу 4-хъ сыновей?» Шахъ Сефи, отвѣчалъ ей на это, что еще молодъ, процарствуетъ долго и очемъ еще успѣетъ въ это время прижить себѣ наследника. На что тетка возразила: «Какъ можетъ поле, недостаточно вздѣланное, зеленѣть и приносить плоды?» замѣтивъ при этомъ, что если онъ, Шахъ Сефи, въ будущемъ не поведетъ себя лучше въ этомъ отношеніи, то дѣло можетъ дойти до того, что по смерти его, одинъ изъ ея сыновей получше, заявитъ себя на его мѣстѣ. Хотя шутка эта жестоко уязвила въ сердце Шаха, однако жъ онъ тогда не далъ этого замѣтить. Но на слѣдующее утро трѣ несчастные брата, изъ которыхъ стар-

шему было 22 года, среднему 15 и младшему всего 9 лѣтъ, потребованы были въ садъ, размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ и всѣ обезглавлены Али-Кули-Ханомъ Диванъ-Беккомъ. Головы ихъ Шахъ приказалъ уложить въ золотую покрытую чашу, въ которой обыкновенно подается къ столу ризъ и къ обѣду велѣлъ пригласить мать. Шахъ припоминаетъ ей вчерашній разговоръ, открываетъ чашу, вытаскиваетъ изъ нея за носы головы ея дѣтей, одну за другой, и говоритъ: «Смотри, вотъ дѣти плодovitыхъ родителей!» При такомъ неожиданномъ и страшномъ зрѣлищѣ несчастная женщина ошмѣла и какъ бы оцѣпенѣла, оставшись неподвижною на своемъ мѣстѣ. Но увидя за тѣмъ, что лицо Шаха зѣрски искривилось, и полагая, что и ей тутъ же грозитъ неминуемая смерть, она упала на землю, дрожа всѣмъ тѣломъ; цѣловала ноги Шаха и сказала: «Все это хорошо, да живеть Шахъ долго и долго!» Послѣ этого Шахъ отпустилъ ее, призвалъ отца убитыхъ дѣтей и, показывая ему головы ихъ, спросилъ: «Какъ это правится ему?» Но Иса-Ханъ затаилъ въ себѣ глубокую скорбь и сказалъ: «Мнѣ это ни сколько не больно, и если бъ Шахъ мнѣ приказалъ снять ихъ головы, то я охотно исполнилъ бы его волю. Я не желаю имѣть вовсе дѣтей, если они не угодны Шаху.»

Это была почти такая же трагедія, какую нѣкогда разыгралъ Персидскій Царь, Астіягъ, съ хорошимъ другомъ своимъ, Гарпагомъ, давши ему на пиршествѣ цокушать мяса собственнаго его сына, и за тѣмъ приказавъ голову и руки убитаго поставить въ закрытомъ коробѣ передъ отцемъ. Открывъ коробъ, Царь спросилъ: «Ты видишь теперь, какую дичь ты ѣлъ: какъ понравилась она тебѣ?» На это Гарпагъ отвѣчалъ: «Онъ видитъ это хорошо, и ему нравится все, что бы ни сдѣлалъ Царь (Цѣлую исторію эту можно прочесть у Геродота кн. 1, гл. 119). Вспоминая это происшествіе, Сенека говоритъ о гнѣвѣ (*de ira*): «*Quid hac adulatione profecit? ne ad reliquias invitaretur.*» Такъ случилось и съ Иса-Ханомъ; ибо хотя онъ такую покорною рѣчью и спасъ на этотъ разъ жизнь свою, но вскорѣ послѣ того все таки поплатился своею головою, вмѣстѣ съ другимъ вельможею; а онъ былъ одинъ изъ лицъ, помогавшихъ возведенію Шаха на престолъ. Около этого времени Шахъ приказалъ также снять голову съ одного знатнаго Князя и совѣтника своего, Джира-Хана (*Tzigachan*), именно по слѣдующей причинѣ.

Такъ какъ Шахъ Сефи былъ очень расположенъ къ Джирѣ-Хану, и даже далъ ему въ жены одну изъ своихъ прислужницъ (наложницъ), то часто шутилъ съ нимъ. Однажды, когда Джирѣ-Ханъ, бывшій въ банѣ, заподавалъ къ обѣду, и явился къ столу съ особенно краснымъ лицомъ, Шахъ спросилъ его: «Не по тому ли онъ замѣшкался такъ въ банѣ, что ужь очень прилѣжно послужилъ своей новой женѣ?» На это Джирѣ-Ханъ отвѣчалъ: «Да, ты угадалъ, Царь! Я дѣйствительно позалежался съ женой, только не съ моею, а съ женою Маршала Агаси-Бека (Agasibek),» который тутъ же стоялъ предъ Шахомъ съ золотымъ посохомъ. Такой отвѣтъ устыдилъ Шаха, а къ стыду въ немъ примѣшался и гнѣвъ, такъ что онъ опустилъ глаза въ землю, молча поднялся съ своего мѣста и ушелъ въ свой покой. Джирѣ-Ханъ, замѣтивши, что онъ не во время и далеко уже зашелъ своей шуткой, также всталъ и отправился домой. Шахъ принялъ къ сердцу не столько самый поступокъ нарушенія брачной чистоты, сколько то посрамленіе, которое, казалось ему, онъ понесъ отъ дерзкой рѣчи, такъ безстыдно высказанной относительно его и Агаси-Бека, въ присутствіи множества вельможъ. По этому, освѣдомясь, что Джирѣ-Ханъ ушелъ домой, онъ потребовалъ къ себѣ Маршала и сказалъ ему: «Ты слышалъ, Агаси, какъ обезчестилъ тебя Джирѣ въ твоемъ домѣ, и теперь еще издѣвается надъ этѣмъ, при чемъ не пощадилъ и меня; за это ступай сей же часъ и принеси мнѣ сюда его голову!» Агаси-Бекъ пошелъ въ домъ Джирѣ; Шахъ же, пождавши нѣкоторое время и видя, что Агаси-Бекъ приходитъ и не несетъ головы Джирѣ, послалъ другого нарочнаго въ домъ Джирѣ-Хана узнать, какъ идетъ тамъ приказанное имъ дѣло. Посланный воротился съ извѣстіемъ, что оба, Агаси и Джирѣ, сидятъ себѣ вмѣстѣ въ веселой и пріятельской бесѣдѣ и пьютъ. Шахъ расхохотался и сказалъ: «*Ja Kigguisaki* т. е., Ахъ ты, снисходительный рогоносецъ!» Но, за тѣмъ смѣхъ его тотчасъ же смѣнился бѣшеннымъ гнѣвомъ; ибо онъ считалъ, что неисполненіемъ его приказанія ему нанесено еще большее оскорбленіе, и по тому съ великою поспѣшностію онъ повелѣлъ, чтобы Диванъ-Бекъ, или главный Земскій Судья, по имени Али-Кули-Ханъ (братъ Хана Таврискаго, Рустама), отправился въ домъ Джирѣ, снялъ головы съ обоихъ собесѣдниковъ, и повергъ бы ихъ къ ногамъ его.

Агаси-Бекъ, по внушенію собственнаго сердца, или же по тайному извѣщенію кѣмъ либо о послѣдовавшемъ строгомъ повелѣніи Шаха, ушелъ отъ Джиры и скрылся такъ, что въ продолженіи нѣкотораго времени его нигдѣ не могли найти. Джира-Ханъ же, понадѣявшись на Царскую милость и на то, что ему и прежде не разъ сходили съ рукъ его дерзкія рѣчи, остался дома, отъ чего и лишился головы, которая и была принесена къ Шахскимъ стопамъ. Агаси-Бекъ спасъ потомъ жизнь свою помощію Sijaret-pate, о чемъ подробнѣе скажу при описаніи Вѣры Персовъ.

Послѣ этого дѣло дошло до знатнѣйшаго Князя, Сейнель-Хана (Seinelchan), Царскаго Дворецкаго, который съ Иса-Ханомъ прилагалъ великіе труды и стараніе о томъ, чтобы возвести Шаха Сефи на Царство. Къ этому происшествію можно приложить старую пословицу: «*Malum consilium consultori pessimum.*»

Въ 1632 году, когда Шахъ Сефи возвращался съ Вавилонской войны, въ которой онъ прогналъ Турокъ, осадившихъ было городъ Багдадъ, и когда онъ расположился станомъ съ войскомъ своимъ у Гемедана (Hemedan), нѣкоторые Ханы и военные начальники, сопровождавшіе его, имѣли однажды между собою откровенный разговоръ о великомъ тиранствѣ и кровопролитіяхъ, совершенныхъ уже столь юнымъ еще Шахомъ ихъ. Сейнель-Ханъ, бывшій также между разговаривавшими, отправился къ Шаху, рассказалъ ему за тайну все, имъ слышанное, и далъ ему при этомъ совѣтъ, чтобы онъ, если только желаетъ царствовать въ безопасности, отрубилъ головы тѣмъ изъ бесѣдовавшихъ, которые пользуются между ними наибольшимъ уваженіемъ. Шахъ отвѣтилъ на это: «По этому я долженъ начать съ тебя, какъ съ моего Дворецкаго; ибо ты старѣйшій изъ нихъ и тоже былъ съ ними на бесѣдѣ. Точно также поступилъ и мой дѣдъ, который убилъ своего Дворецкаго, и потомъ царствовалъ благополучно.» Сейнель-Ханъ же сказалъ: «Царь! Хоть сдѣлать это легко и мнѣ, прожившему уже свой вѣкъ, но тому что все равно умереть сего дня, или завтра, но и по смерти моей отсутствіе мое будетъ тебѣ во вредъ. Что я говорилъ тебѣ, я думалъ только, какъ бы тебѣ было лучше.» Послѣ этого разговора Шахъ побѣждалъ къ своей матери, которая также находилась въ томъ же мѣстѣ (ибо у Персовъ и

нынѣ также, какъ и при Царѣ Даріѣ, существуетъ обычай, чтобы мать, жены и другіе родные, сопровождали Царя въ походахъ), и открылъ ей донесеніе и совѣтъ своего Дворецкаго. На слѣдующій день мать Шаха потребовала Сейнель-Хана къ себѣ въ палатку, чтобы вывѣдать у него, кто именно были злоумышленниками противъ Шаха, сына ея. Шахъ же, увидя, что Сейнель-Ханъ находится у матери его, выскочилъ изъ своей палатки и, подобно скорѣе безумному, чѣмъ разсудительному человѣку, не говоря ни слова, зарубилъ его на глазахъ матери своей, изъ недобраго ли подозрѣнія его въ сношеніяхъ съ матерью, или по иной злобѣ, которую онъ возымѣлъ на него.

Объ этомъ Сейнель-Ханѣ приведу слѣсъ еще нѣкоторыя сѣденія. За свой свѣтлый умъ и вѣрность онъ былъ очень любимъ Шахомъ Абасомъ и часто отправляемъ въ качествѣ Посла къ разнымъ Государямъ, и однажды въ Лагоръ, къ Индійскому Царю, по дѣлу о спорныхъ границахъ Кандагара. Отправляя его по этому послѣднему порученію, Шахъ Абасъ, схвативъ себя за рубашку, такъ увѣщевалъ Сейнель-Хана: «Какъ рубашка эта, плотно прилегаетъ на мнѣ, такъ и ты, Сейнель, долженъ крѣпко прилежать ко мнѣ, и въ вѣрномъ исполненіи моего порученія держать и вести себя такимъ образомъ, чтобы ни честь моя, ни мое достояніе, не потерпѣли черезъ тебя ни малѣйшаго ущерба.» Что Сейнель-Ханъ и обѣщалъ исполнить торжественно, и что онъ исполнилъ потомъ въ высшей степени достойнымъ образомъ.

Въ Индіи существуетъ обычай, что представляющіеся Царю должны привѣтствовать его глубокимъ земнымъ поклономъ и, припавъ къ землѣ, поднять руку надъ своею головою. Этотъ же Посланникъ, Сейнель, являясь къ Царю всегда не склоняясь, не сгибая своего тѣла и привѣтствуя Могола только своимъ: «Ssalom Alek!» Царю показалось это оскорбительнымъ, и онъ поручилъ своимъ придворнымъ склонить Посла, сперва дружественными увѣщаніями, а наконецъ и обѣщаніями дорогихъ отъ Царя подарковъ, чтобы онъ представлялся съ большимъ приличіемъ и выраженіемъ ему большаго уваженія. Когда же Посланникъ не подался ни на что, говоря, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ строго соблюдать представляемую имъ высокую честь своего Царя,

которую онъ цѣннѣе выше всѣхъ сокровищъ Индіи, и что, де, Шахъ Абасъ довольно богатъ и можетъ съ избыткомъ одарить его, Сейнель-Хана, то Индійскій Моголь придумалъ хитрость: приказалъ противъ самаго Царскаго престола устроить низкую дверь, для того, чтобы Персидскій Посланникъ, будучи довольно высокаго роста, проходя въ эту дверь, по неволѣ долженъ былъ наклониться передъ Царемъ. Но Посланникъ, подошедши къ этой двери, тотчасъ же придумалъ въ отпоръ свою хитрость: онъ повернулся и вползъ въ дверь задомъ. Это разсердило Могола до такой степени, что онъ не только не далъ Посланнику ни какого подарка, который обыкновенно бываетъ довольно цѣненъ, но не велѣлъ даже ничтожной вещи отпустить для него безъ денегъ, въ слѣдствіи чего Посланникъ, чтобы продовольствовать себя и спутниковъ своихъ, долженъ былъ продавать серебряную посуду отъ своего стола и золотыя сѣдельныя украшенія. Подобнаго чествованія и поклоненія Фивскій Посолъ не хотѣлъ тоже удостоить Персидскаго Царя, Артаксеркса; но такъ какъ онъ хорошо зналъ, что, по обычаямъ Персидскаго народа, отъ Царя ихъ нельзя было ни чего получить и достигнуть иначе, какъ являясь къ нему съ низкимъ поклономъ, о чемъ его также упривали, то онъ обронилъ передъ самымъ Царемъ съ руки перстень (которымъ обыкновенно украшаются Посланники) и, поднимая его съ полу, наклонился, и тѣмъ какъ бы оказалъ Царю знакъ своего къ нему уваженія. Такимъ поступкомъ онъ не нанесъ ни какого униженія и своимъ Греческимъ Правителямъ, какъ сообщаетъ о томъ Еліанъ (*Aelian. Variar. histor. lib. 1, cap. 21*).

Моголь, въ письмѣ своемъ къ Шаху Абасу, крѣпко жаловался на такое неуваженіе, оказанное ему Посланникомъ; но Абасъ, хоть и сказалъ на это, что Моголу подобало бы оказать чести болѣе, чѣмъ сколько оказалъ ея Посланникъ его, но въ то же время онъ и одобрилъ дѣйствія Сейнеля, назначивъ его пожизненно Ханомъ или Княземъ надъ многими землями и народомъ, каковы въ Гемеданѣ, Теркизинѣ, Кульпеянѣ и проч.; лично же Сейнель постоянно долженъ былъ состоять при особѣ Шаха и быть ближайшимъ его совѣтникомъ.

Такою-то вѣрностію Сайнель-Хана Шаху Абасу, а равно и оказанною имъ при воцареніи Сефи, самому Шаху Сефи, приводила

теперь на память мать своему сыну, укоряя его, какъ несправедливо поступилъ онъ, умертвивъ Сейнель-Хана. Шахъ же, хоть и дѣлалъ видъ, что раскаявается въ своемъ поступкѣ, по немного спустя разыгралъ такую же трагедію съ Eahtemad dōwlet, т. е., съ Государственнымъ Канцлеромъ, Великимъ Маршаломъ и многими другими, также какъ и съ самою матерью своею. Такъ случилось, что во время того же путешествія Шахъ расположился стацомъ своимъ у горы Сегендъ (Sehend), лежащей въ мли на югъ отъ Тавриса, и такъ какъ Ханы, сопровождавшіе его, по обыкновению, лично должны были держать по ночамъ стражу поочередно у палатки Шаха, то очередь дошла однажды и до Великаго Маршала, по имени Угурлу-Хана (Ugurluhan), а онъ сидѣлъ въ это время на пирушкѣ у Государственнаго Канцлера, Талубъ-Хана (Talubchan), у котораго былъ также и Таватаръ (Tawattar) или Секретарь, Гасанъ-Бекъ (Hassanbek), съ однимъ стихотворцемъ. Въ это-то время пришелъ Кишикджибаши (Kischiktibaschi) или Страженачальникъ, по имени Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusakulichan), къ пирующимъ и звалъ Угурлу-Хана на стражу. Но Талубъ-Ханъ, желая подолѣе удержать у себя своихъ гостей, хотя Страженачальникъ настойчиво требовалъ очереднаго, не вытерпѣлъ и сказалъ: «Поди прочь! Шахъ дѣтя еще, и ты одинъ можешь замѣнить ему стражу; мы же старые, почтенные мужи, достаточно храбро и вѣрно послужившіе въ своихъ должностяхъ, какъ это извѣстно-всякому, и насъ любилъ самъ Шахъ Абастъ! Пользуясь такимъ уваженіемъ, Ханы этѣ позволяли себѣ свободу говорить иногда о томъ, что ихъ употребляютъ наравнѣ съ прислугою. Когда же Страженачальникъ все таки не хотѣлъ уйти одинъ, и сказалъ еще въ добавокъ обидное слово, то Талубъ-Ханъ приказалъ своему слугѣ силою выпроводить Мортусакули, что слуга ревностно и исполнялъ, хотя съ непоправимымъ вредомъ для своего господина. Раненый въ голову Мортуса-Кули прибѣжалъ къ Шаху съ окровавленнымъ лицомъ и рассказалъ ему, что случилось при нарядѣ стражи. Шахъ велѣлъ ему держать это дѣло въ тайнѣ, до дальнѣйшаго рѣшенія. На слѣдующій же день Государственный Канцлеръ является къ столу и занимаетъ тамъ свое обычное мѣсто. Шахъ подзываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ: «Чего заслуживаетъ тотъ, кто пользуется хлѣбомъ и высокою милостію своего повелителя, и за это оказываетъ ему неуваженіе и при-

чиняетъ вредъ?» Канцлеръ отвѣчалъ: «Кто поступаетъ такъ — достойнъ смерти!» — «Ты такой человекъ и есть!» подхватилъ тутъ Шахъ, и высказалъ Канцлеру тѣ бранныя слова, которыя тотъ говорилъ Страженачальнику, а также и то, какъ онъ воспрепятствовалъ стражѣйти на свое мѣсто, и какъ пораненъ былъ его Страженачальникъ, и хотя Канцлеръ старался всячески оправдаться, но Шахъ схватилъ саблю и разсѣкъ ею Канцлеру брюхо, такъ что у того, бывшаго предъ Шахомъ на колыняхъ и сидѣвшаго на пяткахъ, внутренности вываливались на колѣна. Талубъ-Ханъ разскинулъ только руки, жалобно вскрикнувъ: «На Padschah aimahn!» и упалъ на полъ. За тѣмъ Шахъ приказалъ одному Рикѣ (Rika — родъ слуги Царскаго, похожаго на падача и всегда съ топоромъ) изрубить голову Талубъ-Хана на мелкія части.

Одинъ изъ бывшихъ при этомъ Царскихъ конюшей (пажей), при видѣ такого страшнаго зрѣлища, отвернувшись къ второму съ лицомъ, исполненнымъ выраженія ужаса; замѣтивъ это, Шахъ сказалъ: «Какое слабое у тебя зрѣніе, что ты не можешь видѣть этого.» И тотчасъ же приказалъ выколоть ему глаза. Мѣсто Канцлера въ послѣдствіи отдано было Сару Тагге (Saru Tagge), у котораго мы и были.

Въ тотъ же самый часъ, когда зарубленъ былъ Талубъ-Ханъ, Шахъ послалъ главнаго Судью своего, Али-Кули-Хана, съ приказаніемъ принести ему голову Великаго Маршала, Угурлу-Хана. Маршалъ только что пришелъ изъ бани (ванны), и хотѣлъ быдо одѣваться, какъ вошелъ къ нему Диванъ-Бекъ, съ двумя прислужниками. При видѣ его Маршалъ испугался до глубины сердца и сказалъ: «Ахъ, братъ! Ты вѣрно принесъ мнѣ недобрую вѣсть!» Судья и Маршалъ были хорошіе друзья между собою. — «Разумѣется, любезный братъ! Eahtemad dōwlet'a Шахъ зарубилъ самъ, и теперь непременно требуетъ и твоей головы. Покорись же лезвю своему горю!» Въ слѣдъ за тѣмъ слуги схватили Маршала и отрубили ему голову; Али-Кули-Ханъ прорѣзалъ на щекѣ отрубленной головы дыру и, засунувъ въ нее палецъ, понесъ такъ ее къ Шаху, который потрогалъ ее палкою и сказалъ: «А, вѣдь ты былъ храбрый человекъ, и мнѣ жаль видѣть тебя въ такомъ положеніи. Жаль мнѣ твоихъ отличныхъ усовъ.» (У Маршала были

такіе длинныя усы, что онъ ихъ заматывалъ на затылкѣ и концы ихъ снова приводилъ впереди лица). Но ты самъ лучшаго не желалъ! На его мѣсто Великимъ Маршаломъ назначенъ въ послѣдствіи Страженачальникъ, Моргуса-Кули-Ханъ.

Въ тотъ же день обезглавленъ былъ 3-й гость, Секретарь Гасанъ-Бекъ, только за то, что онъ былъ съ тѣми на пирѣ. (На этотъ-то примѣръ указывалъ выше отецъ Іосифъ при увѣщаніи Бругмана). Стихотворцу же, какъ 4 гостю на пирѣ, въ слѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, яко бы онъ описалъ въ стихахъ строгую казнь своихъ 3 собесѣдниковъ, и стихи этѣ пѣлъ на Майданѣ, приказано было на Майданѣ же обрубить носъ, губы, руки и ноги, отъ чего тотъ также вскорѣ умеръ.

Послѣ этого Шахъ потребовалъ къ себѣ сыновей обезглавленных Хановъ и сказалъ имъ: «Я умертвилъ отцовъ вашихъ: что вы объ этомъ думаете?» Сынъ Маршала бойко отвѣчалъ: «Что въ отцѣ? Шахъ мой отецъ!» и ему подарены за это всѣ имущества отца его, которыя въ подобныхъ случаяхъ отходятъ къ Шаху. Сынъ же Талубъ-Хана, робкій по природѣ, стоялъ пораженный и не могъ ни слова отвѣтить Шаху: у него отняли все отцовское наследство.

Немного спустя Шахъ отправился въ Касвиъ и приказалъ созвать туда Хановъ или Князей изъ всѣхъ областей, и всѣ Ханы явились, кромѣ Кандагарскаго, Алимерданъ-Хана (Alimerdanchan) и Кенджскаго (Kentze), Даудъ-Хана, человека крутого; оба этѣ Хана послѣдовали правилу лисицы: «Quia me vestigia terrent, sancta te adversum retro spectantia nulla.» Въ доказательство же того, что они пребываютъ вѣрными и доброжелательными Шаху, послали въ поручительство и залогъ отъ себя, Алимерданъ-Ханъ—свою мать, одну законную жену и сына, а Даудъ-Ханъ—тоже одну жену и сына. Когда Шахъ не удовольствовался этѣми и хотѣлъ, чтобы они явились къ нему сами лично, то Алимерданъ-Ханъ передалъ крѣпость Кандагаръ и самъ отдался подъ защиту Индійцевъ, а Даудъ-Ханъ, предостереженный присланнымъ отъ Шаха Ахтой (Achta, т. е., прислужникомъ или евнукомъ), посоветовался съ своими хорошими друзьями, созвалъ къ

себѣ знатнѣйшихъ горожанъ, рассказали имъ о страшныхъ злодѣйствахъ Шаха Сефи, и заявили при томъ, что гораздо безопаснѣе было бы жить подъ властію Турокъ, къ которымъ онъ и намѣренъ бѣжать, чѣмъ подъ рукою молодого, кровожаднаго Шаха, Тѣхъ, которые были не согласны съ его мнѣніемъ, всего 13 человекъ, онъ тутъ же въ замкѣ зарубилъ саблею; послалъ въ отвѣтъ Шаху ругательное письмо, а самъ бѣжалъ въ Грузію, къ Князю Тамерасъ-Хану, на сестрѣ котораго былъ женатъ, а оттуда къ Туркамъ, въ Царьградъ, гдѣ и принятъ былъ ко Двору Султана, Ибрагима, съ большимъ уваженіемъ. Послѣ этого Шахъ Сефи отправилъ женъ обохъ Хановъ и мать Алимерданъ-Хана въ открытый неупотребный домъ, предоставивъ каждому право безчестить ихъ свободно. Сына Даудъ-Хана, какъ publicum scortum, отдалъ конюхамъ; Алимерданъ-Ханова же сына, о которомъ упоминалось выше, какъ мальчика весьма красиваго, Шахъ удержалъ при себѣ.

За тѣмъ Шахъ Сефи выписалъ къ себѣ, въ Касвицѣ, брата бѣжавшаго Даудъ-Хана, Хана Ширазскаго (Schiras), Имамъ-Кули-Хана (Imamkulichan). Этотъ, хотя и былъ предувѣдомленъ, что если явится въ Касвицѣ, то лишится головы, все таки явился, говоря, что никогда не повѣритъ, чтобы ему, за его вѣрную службу, оказанную имъ Государству, суждена была такая награда; но если бы это было и такъ, то все таки онъ желаетъ лучше не имѣть вовсе головы, чѣмъ имѣть немилостиваго Государя и быть ему непослушнымъ. Но только что онъ явился ко Двору, какъ безъ всякой причины, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ умерщвленъ на одной только злобы противъ Даудъ-Хана. Тиранинъ оставилъ было дѣтей живыми, но въ то время, когда старшій изъ нихъ, по совѣту добрыхъ друзей, бросился цѣловать ноги Шаха, одинъ наущникъ ложно заявилъ Шаху, что это былъ сынъ не Имамъ-Кули, а Шаха Абаса; ибо Шахъ Абасъ отдалъ Имамъ-Кули-Хану въ жены одну изъ своихъ наложницъ, которая была, будто бы, беременна этимъ мальчикомъ. Какъ только Шахъ услышалъ это, то приказалъ тотчасъ же несчастнаго юношу, вмѣстѣ съ братъ-

¹ Въ подлинникѣ ошибкой 14. Прим. Перев.

дни его, отвести на Майданъ къ трупѣ отца, гдѣ всѣ они и были зарублены саблями (15-го Сентября). Шестнадцатый братъ (у Имамъ-Кули было 16 сыновей), оставшійся въ Ширакѣ, бѣжалъ въ Аравію съ своею матерью, гдѣ у нея былъ отецъ, одинъ изъ Князей, и теперь находится въ Геббисѣ (Hebbise), въ 3 дняхъ пути отъ Бесре или Балсары (Besre, Balsara), гдѣ и живетъ богатымъ господиномъ.

Трупы убиенныхъ лежали на Майданѣ три дня и три ночи, представляя страшное зрѣлище, надъ которымъ неотходно сидѣла старушка, мать Имамъ-Кули-Хана и горько плакала. Узнавъ объ этоцъ, Шахъ велѣлъ зарыть трупы.

Этого Имамъ-Кули-Хана и теперь еще жагвють Персіане. Онъ былъ чрезвычайно гучный и деродный человекъ, обладавшій огромнымъ богатствомъ, но при этомъ былъ благотворителемъ. Какъ и отецъ его, Алаверди-Ханъ, который построилъ въ Испаніи мостъ, былъ храбрый и разумный воинъ, и во всѣхъ походахъ противъ непріятеля всегда заявлялъ себя самымъ богатырскимъ образомъ.

Около этого же времени Шахъ умертвилъ одну изъ обитательницъ серала (женскихъ покоевъ), и совершилъ много другихъ убійствъ, большею частію собственною рукою, такъ что о немъ какъ нельзя болѣе можно сказать то, что Курцій (lib. 8, §. 2) сказалъ объ Александрѣ, при убійствѣ имъ Клите: «Detestabile carnificis ministerium occipat Rex.» Когда уже онъ имѣлъ въ виду какое либо кровопролитіе, то обыкновенно одѣвался въ одежду краснаго цвѣта. По этому, когда видѣли его въ такой одеждѣ, то каждый трепеталъ отъ страха.

Въ слѣдствіе такого тиранства и пролитія крови Шаху тайно данъ былъ ядъ, который, впрочемъ, какъ недостаточно сильный, причинилъ ему только двумѣсячную болѣзнь. Оправившись отъ болѣзни, Шахъ старался разыскать виновныхъ въ отравленіи его, обѣщалъ богатые подарки за открытіе ихъ; по этому изъ женской половины (серала) явилась прислужница, не поладившая съ другими, и объявила, что ядъ данъ былъ Шаху

въ женскихъ покоевъ и зачинщицею въ томъ была яко бы тетка Шаха, вдова Иса-Хана. Послѣ сего на слѣдующую ночь во Дворцѣ слышны были страшно жалобные крики. Бильдары (Bildar) или землекопы рассказывали, хотя это было имъ строго запрещено, что Шахъ приказалъ будто бы выкопать въ саду большую и глубокую яму, и зарыть въ ней живыми 40 женщинъ, жегъ и дѣвицъ.

Около того же времени скоропостижно померла и мать Шахова: говорили, что умерла она отъ заразы. Но полагаютъ, что и она отправлена по одной дорогѣ съ сказанными 40 женщинами.

ГЛАВА XXXIII.

Какъ Шахъ Сефи дѣйствовалъ на войнѣ, равно о женахъ его и смерти.

На войнѣ Шахъ былъ смѣлъ и въ началѣ даже побѣдоносенъ; ибо въ Гилянѣ побѣдилъ Карибъ-Шаха (Karib Schach), однажды отбилъ Турокъ отъ Вавилона, и, хотя съ большею потерею и кровавою рѣзней, но взялъ крѣпость Ирванъ. Но при этомъ дѣйствовали болѣе храбрые и опытные военачальники и слѣпое счастье, чѣмъ разумное побужденіе, которое рѣдко встрѣчается въ дерзкой смѣлости. Примѣръ такой смѣлости представляетъ осада крѣпости Ирвана. Простоявъ подъ нею цѣлыхъ 4 мѣсяца безъ военнаго успѣха, Шахъ Сефи, съ нетерпѣнія и отчаянія, рѣшился самъ лично войти въ крѣпость и подвергнуться опасности, говоря, что до этого Турки ту же крѣпость взяли въ 3 дня, а онъ понапрасну потратилъ столько времени, осаждая ее, и по тому желаетъ лучше потерять жизнь, чѣмъ отступить съ позоромъ. Въ слѣдствіе сего онъ обмѣнялся уже одеждою съ однимъ изъ слугъ своихъ, чтобы не быть признаннымъ непріателемъ. Ханы и военачальники знали, что безъ великаго кровопролитія крѣпость взять было не возможно; но, не дерзая сами очень-то противорѣчить Шаху, бросились къ матери Шаха, чтобы она какъ ни будь уговорила своего сына и воздержала отъ намѣренія, которое ни къ чему не приведетъ,

какъ къ непремѣнной гибели; такъ говорили они по тому, что для того, чтобъ овладѣть крѣпостью, такъ сильно защищеною, они должны были жертвовать своею жизнію, чего имъ вовсе не хотѣлось. Но на всѣ представленія матери Шахъ Сефи отвѣтилъ ей пощечиной, схватилъ бердышъ и насильно хотѣлъ было бѣжать на непріятеля. Тогда воинскіе начальники бросились къ ногамъ Шаха и умоляли его дать хотя день сроку, когда они всѣ сами пойдутъ и еще, въ послѣдній уже разъ, попытаютъ свое счастье. Шахъ уступилъ, и на слѣдующій день вса рать и вся челядь, кто только могъ нести лукъ и стрѣлы, двинулись на приступъ: крѣпость была взята, но потеря простиралась до 50,000 человекъ. Но не много спустя послѣ этого, когда Шахъ Сефи извелъ всѣхъ лучшихъ Начальниковъ и Офицеровъ своихъ, онъ потерялъ городъ Багдадъ, 26 лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Персовъ.

Самое достохвальное, что Шахъ Сефи сдѣлалъ въ свое правленіе, какъ говорятъ Персіане, было то, что онъ освободилъ бѣдный людъ, который Шахъ Абасъ вывелъ изъ Ервана, Нахичевани, Халеджа (Chaletz) и Грузіи, числомъ болѣе 7,000 человекъ, въ Ферабатъ, возложивъ на нихъ тяжкія работы по постройкѣ нѣсколькихъ дорогихъ зданій. Сефи дозволилъ всѣмъ имъ возвратиться во своя си, но, къ сожалѣнію, возвратилось изъ нихъ домой менѣе 300 человекъ; ибо всѣ остальные перемерли, по причинѣ перемѣщенія въ непривычный для нихъ климатъ.

Шахъ сильно предавался пьянству, и кто походилъ на него въ этомъ отношеніи, того онъ наиболѣе и любилъ, какъ о томъ выше приведено уже нѣсколько примѣровъ. Кромѣ того, высшее удовольствіе было его страсть къ женщинамъ и охотѣ, и въ нихъ онъ упражнялся больше, чѣмъ въ правосудіи и правленіи, о которыхъ не очень-то заботился.

У него было 3 законныхъ жены: одна—дочь Полковника, бывшаго когда-то погонщикомъ ословъ, или прислужникомъ, который на ослахъ доставлялъ воду на Царскую поварню. Однажды прислужникъ этотъ добылъ Шаху Абасу, на охотѣ, во время сильной жары, свѣжую, прохладную воду, которой ни кто

не могъ достать ему, и за это Абасъ подарилъ ему въ собственность селеніе, при Нахичевани, Бяловъ (Bilow), въ которомъ этотъ крестьянинъ родился. Разбогатѣвши потомъ, онъ взятъ былъ въ число важнѣйшихъ придворныхъ слугъ, и въ этой должности, отличившись на войнѣ, сдѣланъ былъ Минбашей или начальникомъ надъ 1,000 человекъ войска. Его-то дочь, чрезвычайно красивую и еще дѣвочкой, Шахъ Абасъ подарилъ вдовѣ умерщвленнаго сына своего, Сефи Мирзы, съ тѣмъ, чтобы воспитать ее въ будущія жены сыну ея, Саму (въ послѣдствіи Шаху Сефи). Другая законная жена его была Христіянка, дочь Тамерасъ-Хана, Владѣтельнаго Князя Грузіи, которая выдана въ замужство за Шаха при заключеніи мира съ Тамерасомъ. Третья жена была Черкаская Татарка, дочь Бике (Bikae) и сестра, такъ часто уже упоминавшагося мною, Князя Мусала (Musala). Она привезена была ему уже въ нашу бытность въ Персію. Мать проводила ее до рѣки Быстрой (Büstrow) и приказала сказать Шаху, «чтобы онъ содержалъ ее не какъ простую наложницу, а тѣмъ менѣе какъ невольницу, но какъ свою законную жену, и оказывалъ ей ту же преданность и любовь, какою пользовалась въ юности Княгиня его, Шаха Сефи, собственная мать, которая, хотя и была ея, Княгини, невольница и часто надѣвала ей башмаки, но была любима ею, какъ родное дѣтя. Если бъ она, Княгиня, узнала теперь, что дочь ея будетъ терпѣть недобрую долю у Сефи, то лучше теперь же сама бросила бы ее въ рѣку Быструю (Büstrow), и утопила бы вмѣстѣ съ нею и несчастіе дочери, но она желаетъ надѣяться, что дочь ея ожидаетъ наилучшая участь.»

Кромѣ этѣхъ законныхъ женъ, у Шаха было 300 Хасе (Chasse) или наложницъ; ибо гдѣ только можно было отыскать и купить особенно красивую дѣвушку или невольницу, ее тотчасъ же добывали для доставленія Шаху. Хань и знатнѣйшіе вельможи самъ, чтобы спискать милость, представляли ему собственныхъ своихъ дочерей, или дочерей своихъ родственниковъ. Такъ, въ наше время поступилъ Шемахинскій Калентеръ, который, узнавъ, что его хотятъ удалить отъ этой должности, подарилъ Шаху дочь брата своего, Калентера Дербентскаго, а Государственному Канцлеру — порядочное количество денегъ, въ

слѣдствіе чего онъ опять вошелъ въ милость и остался на своемъ мѣстѣ. Дѣвицы, которыя правились Шаху, должныствовали быть не старше 18 лѣтъ. Шахъ имѣлъ обыкновеніе, когда приказывалъ иногда въ Испагани пообслѣдовать дома Армянь и забирать тамъ самыхъ красивыхъ дѣвочекъ, брать этѣхъ дѣвочекъ въ свой сераль еще до 12-лѣтняго возраста, чтобы онъ былъ увѣренъ въ сохраненіи ихъ дѣвственности. По этому-то Армянскіе Христіане, желая сохранить своихъ дочерей, чутъ только онѣ красивы, выдаютъ ихъ замужъ прежде, чѣмъ онѣ достигнутъ надлежащаго для замужства возраста.

Такъ какъ Шаховъ сераль очень богатъ женами, то часто случается, что онъ поспитъ съ какою ни будь изъ нихъ только разъ, а съ иною и вовсе не поспитъ. За тѣмъ нѣкоторыхъ, не очень-то ему правящихся, онъ отдаетъ знатымъ вельможамъ, желая оказать имъ особую милость, въ жены, которыя въ такихъ случаяхъ всегда содержатся въ большемъ почетѣ, чѣмъ обыкновенныя жены.

Что Шахи Персидскіе имѣютъ такое множество женъ и наложницъ, это составляетъ одинъ изъ древнихъ Восточныхъ обычаевъ: такъ и въ Св. Писаніи читаемъ, что у Соломона было 700 женъ и 300 наложницъ. Нѣкоторые полагаютъ, что свѣдѣніе это не должно понимать буквально, но что сдѣсь яко бы говорится о жепщинахъ, которыя содержались и кормились при храмѣ и дворѣ, занимаясь разными работами: шитьемъ, вязаньемъ, вышиваньемъ и пѣніемъ. Но я держусь того мнѣнія, что то были дѣйствительныя жены и наложницы Соломона, къ которымъ сердце его было такъ склонно. Шахъ Абасъ имѣлъ немного развѣ меньшее число женъ; да и вообще Восточные народы очень пылки и сладострастны по природѣ. По смерти Шаха большинство его женъ постигаетъ обыкновенно очень печальная доля.

Шахъ Сефи умеръ въ 1642 году, послѣ 12-лѣтняго своего правленія, или скорѣе тиранства. Полагаютъ, что какъ онъ былъ страшный извергъ, не щадившій никого, ни изъ высшаго и низшаго состоянія, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни совѣтниковъ

своихъ, ни придворныхъ, ни слугъ, ни даже собственныхъ родственниковъ своихъ, но всѣхъ ихъ умерщвлялъ, какъ собакъ, часто безъ всякой причины, иногда же и по причинамъ важнымъ, то ему поднесли ядъ, отъ котораго онъ и умеръ. Хотя обыкновенно говорится: «Frons est index mentis,» или, какъ говоритъ Овидій (lib. 2 De arte amandi, г. 378): «In vultu pignora mentis habet,» т. е., что вообще на челѣ можно прочесть, каковъ нравъ человѣка; однако, по наружности Шаха Сефи нельзя было узнать, какой страшно-тиранскій и кровожадный нравъ былъ у него; ибо у него было чрезвычайно любезное и милое лице. Онъ не носилъ, какъ другіе Персіане, длинно-висящихъ усовъ, былъ средняго росту, съ соразмѣрно-сложенными членами. Очеркъ его лица и вида, какъ онъ былъ на первомъ нашемъ къ нему представленіи, я привожу здѣсь, на прилагаемомъ изображеніи.¹

Шахъ Абасъ II.

Въ бытность нашу въ Персію мы не могли узнать, имѣлъ ли, и сколько именно, дѣтей Шахъ Сефи. Но когда, въ 1643 году, я еще разъ былъ въ Москвѣ, то узналъ отъ одного Персидскаго Посла, что царствовалъ тогда одинъ изъ сыновей Шаха Сефи, по имени Абасъ, тринадцатилѣтній отрокъ, который и снарядилъ того Посла (о которомъ упомянуто выше) въ Москву, къ Его Царскому Величеству, чтобы продолжить ту дружбу, которую Государь, отецъ его, укрѣпилъ съ Великимъ Княземъ. На престолъ вступилъ онъ въ Маѣ мѣсяцѣ, 1642 года. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ Шахѣ я не имѣю.

Вотъ все о Шахахъ, какъ правили они въ Персію, одинъ за другимъ, въ продолженіи полутораго столѣтія.

¹ Подлинника стр. 508 — 509. О Б.

Г Л А В А XXXIV.

О Ханахъ и ихъ управленіи въ областяхъ, и о томъ, какъ они обязаны служить Шаху въ военное время. Также о воинскомъ дѣлѣ и войскѣ Персіанъ.

Такъ какъ Персія, какъ говорилось нѣсколько разъ, есть великое и широко раскинутое Царство, раздѣляющееся на множество областей, то Шахъ управляетъ и творитъ судъ въ отдаленныхъ отъ столицы краяхъ черезъ своихъ Хановъ, Султановъ, Каленгеровъ, Дарутъ, Визирей и Кауховъ (Kaucha).

Въ Ханъ производятъ и сажаютъ въ областяхъ Шахъ, по своему усмотрѣнію, людей, отличившихся обыкновенно храбростію и другими доблестями, или иными чѣмъ, что считается наравнѣ съ доблестію и чѣмъ люди этѣ оказали какую ни будь услугу Шаху и отечеству; по этому-то такихъ людей часто множество находится на лицо во время войны и при другихъ обстоятельствахъ, и въ надеждѣ поскорѣе достигнуть сказанной чести, они подвергаютъ жизнь свою опасностямъ, и за тѣмъ производятся въ Князья. Но такое Княжеское достоинство въ Персіи не есть наследственное, которое переходило бы по кровному родству на остальныхъ членовъ семьи. Хотя дѣти этѣхъ Князей сами по себѣ пользуются особымъ почетомъ и наследуютъ даже имѣнія отцовъ, но за ними не сохраняются ни Княжеское титуло, ни должности отцовъ ихъ, если сами они не выслужили этого собственными своими доблестями, или же если это не предоставляется имъ по особой милости Шаха.

Возведенному въ Князья Шахъ жалуетъ порядочное количество земли и людей, чтобы онъ могъ поддерживать свое Княжеское достоинство, и имѣніемъ этѣмъ онъ владѣетъ во все время своей жизни. Но чуть только онъ навлечетъ на себя подозрѣніе, или ненависть Шаха, то его тотчасъ же казнятъ, при чемъ нерѣдко, чтобы скорѣе и вѣрнѣе покончить, поступается съ ними, какъ поступилъ Александръ съ Парменіемъ (Curt. lib. 7, cap. 3), а именно: въ то самое время, когда Князь начнетъ чхать

Шахову грамоту, его тотчасъ же убиваютъ саблею, За, тѣмъ, Шахъ отбираетъ себѣ назадъ и все его имѣніе. Въ каждой области состоитъ только по одному Хану и по одному Кален-теру, которые имѣютъ свое постоянное пребываніе въ главномъ городѣ. Ханъ, какъ управитель Шаха, обязанъ чинить судъ и правду, а также приводить въ исполненіе свои рѣшенія, и очень рѣдко случается, чтобы на суды ихъ приносились жалобы Шахову Двору. Калентеръ то же почти, что казначей или сборщикъ въ области, обязанъ собирать доходы и доставлять ихъ Шаху, или Ханамъ, съ своею отвѣтственностію за нихъ. Другаго же, что сельскій староста. Хановъ же и Султановъ Шахъ, посылаетъ также и въ канества посланниковъ къ иностранцамъ, Государямъ, и снаряжаетъ ихъ въ такія посольства слѣдующимъ образомъ: онъ поручаетъ обыкновенно доставить иностранцамъ Государямъ богатые подарки, для чего половина этихъ подарковъ берется изъ Шахова казнохранилища, а другую половину вмѣстѣ съ остальными припасами и потребностями по посольству, обязана доставить область, въ которой Ханъ управляетъ. При этомъ часто дѣлаются значительные подлоги и укрывательства.

Въ нѣкоторыхъ, и даже въ большей части областей, Ханъ обязанъ содержать для Шаха нѣкоторое число воиновъ, которые, вмѣстѣ съ Ханомъ, и употребляются имъ въ дѣло при случаѣ надобности. Но зато съ этихъ областей въ Шахову казну не собирается уже ни какой подати, кромѣ той, которую доставляютъ Таможни. Ханъ обыкновенно приносятъ Шаху, именно къ Новому Году, значительные подарки. Нѣкоторыя области, особенно гдѣ нѣтъ Хановъ, а только Даруги, какъ, на примѣръ, въ части Грузіи и въ городахъ: Касвинѣ, Испагани, Кашанѣ, Тегеранѣ, Гемеданѣ, Мешетѣ, Кирманѣ, Ормузѣ и проч., за неимѣніемъ Хановъ, нѣтъ и не какого войска; но за то эти области и города обязаны платить Шаху большую подать.

Такъ какъ Ханъ въ областяхъ, особенно прилежащихъ къ границамъ непріятельскимъ, обязаны всегда имѣть подъ рукою и на готовѣ нѣсколь ко тысячъ воиновъ, то по этому нетрудно наскоро поставить на ноги и въ поле значительную рать. И такой порядокъ крайне необходимъ; ибо Шахъ и на право и на лѣво

окруженъ сильными непріателями и часто долженъ бываетъ воевать съ ними; такъ онъ воюетъ съ Узбецкими Татарами, внутри и на границахъ Хорасана, съ Индійцами, за Багдадъ или Вавилонъ и Ирванъ, и при этѣхъ-то послѣднихъ мѣстахъ и крѣпостяхъ очень часто происходили всякія кровопролитныя сраженія, въ которыхъ то тѣ, то другіе, выходили побѣдителями и обладателями этѣхъ укрѣпленій.

Въ Латинской лѣтописи о Сарацинахъ (*De Saracenis in partibus historiae. Anno 1550, t. 3, pag. 124*) говорится, что сотня Персіанъ, по выѣздкѣ своихъ лошадей и по легкости воинскаго вооруженія, смѣло ходятъ противъ 400 Турокъ, и вообще Персіане ловкій, быстрый народъ, всѣ на коняхъ, даже пѣхотинцы, которые въ дѣлѣ сходятъ съ лошадей и бьются, какъ наши драгуны, и вооружены мушкетами, которые впервые ввелъ Шахъ Абасъ. Ковница же у нихъ вооружена луками, стрѣлами и метательными ножами. У Персіанъ есть и металлическія пушки, только они употребляютъ ихъ больше при защитѣ въ крѣпостяхъ, чѣмъ при осадѣ и въ битвахъ на ровномъ полѣ. Всякаго рода *Stratagemata*, передвиженія и хитрости Персіане ловко употребляютъ противъ непріателя; такъ, при осадѣ Ирвана въ 1633 году они придумали и изготовили маленькіе стеклянные пузырьки, наполненные ядомъ, и прикрѣпляли ихъ на стрѣлы, которыми стрѣляли во внутрь крѣпости; отъ этого воздухъ въ крѣпости напачался до того ядомъ, что у осажденныхъ пораспухли головы, руки и ноги, такъ что они сдѣлались совершенно неспособными къ дальнѣйшему сопротивленію.

Названія ихъ Офицеровъ и военныхъ начальниковъ суть слѣдующія: Сердарь—главный ихъ полководецъ или главнокомандующій; Курджибаши—начальникъ надъ 10, или 12, тысячъ стрѣльцовъ изъ лука; Минбаши — начальникъ надъ 1000 человекъ войска; Юсбаши — надъ сотнею, и Онбаши — надъ десятию людьми.

Если кто изъ этѣхъ чиновъ отличится храбростію и совершитъ какое ни будь отважное дѣло, того, кто бы онъ ни былъ, щедро надѣляютъ подарками и возводятъ въ почетныя должнос-

сти, какъ свидѣтельствуеъ это Геральдъ (Heraldus) въ 1-й книгѣ, въ главѣ 9-й (Adversaria. Parisiis, 1599), и чему я самъ могу привести нѣсколько примѣровъ на извѣстныхъ мнѣ лицахъ въ царствованіе Шаха Абаса и Сефи. Такъ Аребъ-Ханъ (Areb), Князь Ширванскій, былъ сынъ одного крестьянина въ Серабѣ, въ началѣ служилъ смотрителемъ надъ орудіями; когда же отличился храбростію на войнѣ, и принесъ съ поля битвы нѣсколько Турецкихъ головъ, отрубленныхъ имъ собственною рукою, то возведенъ былъ въ Ханы и посаженъ на управленіе въ покоренной при этой войнѣ области.

Ага-Ханъ (Agachan), сынъ пастуха овецъ (овчара), оказавши отчаянную храбрость при взятіи Вана (Wann), сдѣланъ былъ Ханомъ надъ своей родиной.

Карджукай-Ханъ, сынъ Армянскаго Христіанина, проданъ былъ, какъ невольникъ, Шаху Абасу, который произвелъ его въ Ханы и полководцы, и по отраженіи непріятеля отъ Багдада былъ удостоенъ такой высокой чести, что самъ Шахъ сопровождалъ его, вѣзавшаго на лошади, какъ стреманный прислужникъ его.

Сальма-Ханъ (Salmachan), родомъ Курдъ, бывшій прежде конюхомъ, и подобныя ему, о которыхъ болѣе или менѣе упоминалось уже неоднократно въ разныхъ мѣстахъ этой книги.

Еще, на примѣръ, Емиръ Куне-Ханъ (Kuneschan), былъ сынъ пастуха, жившаго въ обба (obba) или овчарнѣ: онъ сражался подъ Ерваномъ съ такою храбростію, что, по завоеваніи этой крѣпости, Шахъ сдѣлалъ его правителемъ всей этой области. Шахъ Абасъ чрезвычайно любилъ его, какъ это видно изъ слѣдующаго происшествія: когда черезъ нѣсколько времени Турки снова осадили крѣпость Ерванъ и съ уропомъ должны были отступить, Шахъ Абасъ пришелъ въ крѣпость, сталъ пить съ Емиръ Куне-Ханомъ совершенно по пріятельски, и пилъ до полуночи, при чемъ Ханъ, порядкомъ охмѣлѣвшій, схватилъ Шаха за усы, расправлялъ ихъ, отдѣляя одинъ отъ другого, и поцѣловалъ Шаха, который и принималъ этотъ поцѣлуй совершенно милостиво; когда же на слѣдую-

щее утро рассказали Хану его продѣлку, о которой онъ съ пьяну ни чего не помнилъ, то онъ пришелъ въ ужась, повѣсилъ себѣ на шею саблю и пошелъ къ покоямъ Шаха (у Персіянъ есть обычай: если кто думаетъ, что будетъ лишець за какую ни будь провинность жизни, то вѣшаетъ себѣ на шею саблю для милостивленія Шахо). Шахъ приказалъ позвать Емира Куне-Хана къ себѣ въ комнату; но этотъ послѣдній не пошелъ, говоря, что не достоинъ вступить въ Царскій покой. Тогда Шахъ вышелъ къ нему самъ, снялъ съ него саблю, и отдалъ ее ему обратно, въ знакъ своей къ нему милости; но при этомъ запретилъ ему пить вино, такъ какъ напившись, онъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Въ послѣдствіи времени Емиръ Куне-Ханъ, въ сраженіи противъ Мавра (Mauro), пораненъ былъ въ руку, и пользовавшій его врачъ (по наущенію же Хана) заявилъ, что, для излѣченія раны его, ему не слѣдуетъ пить воду. Въ слѣдствіе этого Шахъ снялъ свое запрещеніе и прислалъ ему въ подарокъ цѣлую свору, именно семь верблюдовъ, навьюченныхъ дорогимъ виномъ. Такимъ образомъ Шахъ выказалъ свою особенную любовь къ этому храброму витязю.

Если же кто изъ воинскихъ начальниковъ (Офицеровъ) выкажетъ какъ ни будь трусость, не устремляется на непріятеля, на примѣръ, имѣвъ для того удобный случай, то такого, хоть и не казнятъ смертію, но подвергаютъ великому посрамленію. Такъ случилось однажды съ Хорасанскимъ Хаюмъ, Али-Кули-Ханомъ, послѣ того какъ онъ не пошелъ на непріятеля, когда (по показаніямъ другихъ людей) имѣлъ подъ руками подходящій къ тому случай; и за это онъ долженъ былъ цѣлый день проходить въ женской одеждѣ, съ открытымъ лицомъ, вездѣ по стану между воинами, какъ это подробно изложено мною въ 1-й книгѣ Персидской «Долины Розъ», въ 4-й главѣ, при разсказѣ одного забавнаго приключенія съ Царскимъ сыномъ. Кажется, что это былъ древній Персидскій обычай трусливыхъ воиновъ обзывать бабьею ругнею; Геродотъ говоритъ (lib. 9, с. 106): «Apud Persas summo opprobrio datur audire se muliere esse ignaviorem.»

Но какъ вообще Персіане скупы на правду, точно также и на войнѣ они неохотно держатъ слово; на это, слышалъ я, особенно сильно жаловались при послѣднемъ завоеваніи Ирвана,

именно, будто бы они, выпуская изъ города осажденныхъ, въ противность даннымъ всѣмъ имъ обѣщаніямъ въ безопасности, совершенно ограбили ихъ.

Годичное жалованье простаго воина, именно Курджи, т. е., стрѣльца изъ лука, составляетъ 300 рейхсталеровъ, и на это онъ долженъ содержать себя и лошадь; мушкетеръ же или Тюфенкчи (Tüfenktschi) получаетъ 200 рейхсталеровъ въ годъ жалованья.

Г Л А В А XXXV.

О доходахъ и богатствѣ Персидскихъ Царей.

Ежегодные доходы Шаха простираются до громадныхъ размѣровъ и, по сдѣланной намъ смѣтѣ, составляютъ болѣе 8 милліоновъ рейхсталеровъ; ибо не только области и города платятъ значительныя подати, но чрезвычайно большія деньги доставляютъ также таможи и пошлины съ разныхъ преимуществъ (и подарковъ). Одна богатая область Кандагаръ, таможенными и другими сборами, даетъ до милліона рейхсталеровъ. Иранъ и Вавилонъ вмѣстѣ немного меньше. По описи Дефтера (Defter) или Канцеляріи было высчитано, что предмѣстья, мѣстечки и селенія около одной Испагани ежегодно приносятъ по 40,000 рейхсталеровъ; а такихъ мѣстностей, съ подобною же промышленностію въ Государствѣ, множество.

Въ царствованіе Шаха Тамаса отошли было многія таможи, вмѣстѣ съ областями, которыя Шахъ Абасъ возвратилъ снова Персіи, а Сефи увеличилъ еще пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ новыхъ. Не только на границахъ, но и внутри страны, въ главныхъ торговыхъ городахъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются устроенные проходы и мосты, всѣ жители, какъ туземные, такъ и иностранцы, должны платить извѣстную пошлину. Товары, особенно шелкъ, приносятъ огромный сборъ: съ каждой кипы шелку, производимой въ странѣ, Шахъ получаетъ по 10 рейхста-

леровъ; а Гилянъ, на пр., доставляетъ 8000 кипъ, Масандерапъ 2000, Ширванъ 3000, Грузія и Арменія 5000, Карабахъ 2000 кипъ, не считая уже Хорасана и другихъ мѣстностей, которыя, хоть и не столь значительны, но дають также хорошія партіи.

При продажѣ каждой лошади, или мула, Шахъ получаетъ по одному абасу или по 8-ми грошей, пошрины; за продажу осла половину этого, съ продажи быка четверть талера или 6 грошей, и съ продажи овцы, которыхъ во всемъ Государствѣ продается нѣсколько сотъ тысячъ, одинъ казбеки или девять пѣнинговъ. Каравансеран, въ которыхъ проживаютъ купцы, доставляютъ 50,000 рейхсталеровъ; ибо въ одной Испагани 24 каравансерая, и каждый даетъ отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ туменовъ. Всѣ роды торговли дають извѣстную пошлину. Обильная рыбою рѣка въ Гилянѣ приноситъ 20,000 рейхсталеровъ; нефтяные колодцы 4,000 рейхсталеровъ. Бани и непотребные дома приносятъ болѣе тонны золота. За орошеніе садовъ, именпо за пространство въ 40 локтей длинной и въ 30 шириной, вносится 9 абасовъ. Одна рѣка Сендерудъ въ Испагани приноситъ до 16,000 рейхсталеровъ. Армянскіе Христіане, которыхъ въ странѣ нѣсколько сотъ тысячъ, платятъ пошрины по два рейхсталера съ каждаго человѣка.

Все, что только провольствуется какъ ни будь и живетъ не Царскимъ жалованьемъ, платитъ значительную подать, также какъ всѣ повитухи и множество другихъ, занимающихся какииъ ни есть дѣломъ лицъ, которыхъ не могу и поименовать. Сдѣсь можно сказать то же, что говорить символъ Флавія Веспасіана (Flavii Vespasiani Symbolum): «Lucri bonus ador ex re qualibet.» Ежегодные подарки Хановъ и другихъ служащихъ лицъ также приносятъ большое количество; ибо теперь, какъ и въ древнія времена, никогда, имѣющій какое либо дѣло до Царя, не смѣетъ являться къ нему безъ приношенія, хотя бы самага ничтожнаго. Такимъ образомъ Царская (казна) палата сокровищъ имѣетъ весьма много каналовъ, которыми все лучшее, какъ бы самый мозгъ страны, стекаетъ въ нее, а въ то же время и другія низшія власти не упускаютъ и своего. По этому-то въ Государствѣ очень немного подданныхъ, имѣющихъ большія имущества; ибо обыкновенно, какъ поясняетъ Императоръ Траянъ, при этомъ случается

подобное тому, что дѣлается при страданіяхъ селезенки, именно: когда она очень увеличивается, то другіе члены тѣла уменьшаются и изнемогаютъ.

У Шаха Сефи мы видѣли огромное множество золотой посуды, о чемъ подробно изложено при описаніи перваго представленія (аудіенціи). Шахъ Абасъ оставилъ послѣ себя одной только посуды изъ чистаго золота, употребляемой обыкновенно при обѣденныхъ столахъ и другихъ пиршествахъ, 3,600 фунтовъ, и посудой этой и теперь еще щеголяютъ потомки его на торжественныхъ обѣдахъ. Цари этѣ еще таковы и теперѣ, какими Персіане были во времена Ксенофонта (Basilae, 1572, lib. 8, p. 190); онъ повѣствуетъ, что если у нихъ было много посуды для пиршествъ, то они считали уже, что обладали драгоценнымъ сокровищемъ. Подобное же говоритъ и Атений (Lugduni Batav., 1597), будто древніе не только славились своимъ богатствомъ, сколько своею серебряною и золотою посудой для питья (чарами, чашами); такого же понятія былъ Пвейи (Pytheas), житель Аркадіи, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ, чтобы, для прославленія его, въ надгробной надписи его было сказано слѣдующее: «То былъ хорошій и разумный человекъ, имѣвшій множество сосудовъ для питья.»

Г Л А В А XXXVI.

О служащихъ при Шахскомъ дворѣ по судебной и придворной части.

Важнѣйшіе Шахскіе военные чины (Офицеры) и придворные люди, бывшіе при насъ, въ царствованіе Шаха Абаса, были ничтожные люди, которыхъ Шахъ Сефи, по избіеніи самыхъ знатныхъ и разумнѣйшихъ главныхъ начальниковъ, вывелъ изъ ничтожества и подѣлалъ великими сановниками. Большинство ихъ происходило отъ Христіанскихъ родителей; ибо Персіане доверяютъ Христіанину, совершившему надъ собою обрѣзаніе, болѣе, чѣмъ рожденному отъ единовѣрцевъ ихъ, Туркамъ же совсѣмъ не вѣрятъ. Между этѣми (Христіанами по происхожденію), а также

и между нѣкоторыми знатными людьми въ Государствѣ, Шахъ имѣеть множество евнуховъ, съ тою цѣлію, чтобы по смерти ихъ, такъ какъ они умирають безъ кровныхъ наслѣдниковъ, имущество ихъ переходило къ Шаху. Мы застали людей, служащихъ при дворѣ, въ слѣдующихъ должностяхъ и порядкѣ:

1. *Еаһтемад дѡвлет*, Государственный Канцлеръ и Тайный Совѣтникъ Шаха. Званіе это (титуль) получаетъ онъ отъ того, что имѣеть обязанностію увеличивать и блюсти Царскую казну или богатство. Это былъ какъ бы *Vice-Rex*, который, когда Шахъ поручаетъ ему на время управленіе, все судить и дѣйствуетъ во всемъ по своему усмотрѣнію въ цѣломъ Государствѣ.

Хотя всѣ придворные служащіе охотно принимали подарки и дозволяли подкупать себя, но болѣе всѣхъ бралъ этотъ Канцлеръ. Такъ какъ черезъ руки его шли не только Государственныя и областныя, но и важныя гражданскія, частныя дѣла, то всякій, желающій быть выслушаннымъ и приглашеннымъ къ нему, долженъ былъ приходиться съ полными руками. Онъ даже требовалъ подарковъ тамъ, гдѣ не хотѣли понять, что ихъ желаютъ получить (даже отъ Иностранныхъ Посланниковъ). Все это дѣлалъ онъ съ совершеннаго соизволенія Шаха; ибо *Сару Тагге* (*Saru Tagge*) не только сдѣлалъ Шаха наслѣдникомъ своего имѣнія, но имѣлъ еще обычай однажды, а иногда и по нѣскольку разъ, въ годъ приносить Шаху богатѣйшіе подарки, съ торжественной обрядностію (процесіей). Черезъ это и другіе знатные вельможи, имѣвшіе дѣло до Шаха, побуждались являться къ нему съ полными руками. Такимъ образомъ въ этомъ Канцлерѣ Шахъ имѣлъ каналъ, или жирную корову, посредствомъ которыхъ онъ высасывалъ, или выдаивалъ, незамѣтными неправдами богатства страны. При этомъ *Сарю Тагге* не боялся, чтобы Шахъ, изъ желанія получить наслѣдство его, сократилъ его жизнь; послѣдній сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ одинаковую глупость съ тѣмъ человѣкомъ, который убилъ курицу, носившую ему ежедневно по одному золотому яйцу.

Имя Канцлера этого (какъ сказано уже) *Сарю Тагге*; онъ былъ сынъ писца (переписчика книгъ) и родомъ изъ *Масандерана*. Выше мы уже подробнѣе говорили о немъ.

2. Курджибаша, Глава или Начальникъ 10, либо 12-ти, ты-ячъ стрѣлокъ изъ лука (Заведенныхъ Шахомъ Измаиломъ I-мъ, и бывшихъ въ дѣлѣ, во время описанной выше Вѣроисповѣдной войны); стрѣлки этѣ живутъ вездѣ по областямъ, какъ вольные люди и, въ случаѣ войны, собираются и становятся подѣ начальство названнаго Главы. Такимъ начальникомъ при насъ былъ Джани-Ханъ, простой слуга изъ Шамлю при Шахѣ Абасѣ, сынъ крестьянина по происхожденію.

3. Meheter, Камергеръ, евнухъ, всегда состоящій при Шахѣ и около него на торжественныхъ собраніяхъ, въ Царскихъ покояхъ и сералѣ и прислуживающій въ качествѣ палатнаго слуги (камердинера). Сановникъ этотъ имѣлъ такую же власть, а иногда и большую еще, чѣмъ Государственный Канцлеръ говорить при Шахѣ. Онъ назывался Шанеферъ (Schanefer), родомъ изъ Грузинскихъ Христіанъ, похищенный въ юности и проданный Шаху Абасу; сдѣсь онъ былъ оскотленъ и служилъ, въ числѣ другихъ евнуховъ, при Шахѣ Абасѣ въ качествѣ комнатнаго прислужника (мальчика).

4. Wakenuis, Палатный или Домовый Совѣтникъ и Секретарь (Sammer-Rath), который пишетъ Царскія письма, высочайшія повелѣнія въ подвластныхъ земли и подобныя грамоты; онъ ведетъ также счетъ доходамъ и долгамъ Государства. Подѣ его начальствомъ состоитъ 40 писцевъ; назывался онъ Мирза Масюмъ (Masüm), былъ сынъ крестьянина изъ селенія Дерменъ (Derimen), лежащаго на горѣ Ельвендѣ, при Касвинѣ. Въ этой мѣстности находится два селенія, Дерменъ и Сару (Saru), изъ которыхъ выходятъ лучшіе писцы. Такъ какъ писцы этѣ должны стараться научиться красивому почерку, то по этому, на поляхъ этѣхъ селеній, у пастушьихъ хижинъ, часто видишь множество молодыхъ людей, сидящихъ и упражняющихся въ краснописаніи.

5. Diwanbeki, Высшій, Главный Судья, который производитъ судъ, иногда вмѣстѣ съ Седеромъ (Seder) и Каси, какъ съ судьями духовными, которыхъ Персіане называютъ Шегра (Schehra), иногда же съ свѣтскими судьями. Онъ обязанъ также, когда Шахъ велитъ лишить жизни кого либо изъ знатныхъ вель-

можъ, самъ ити для исполненія такого велѣнія. Сановникъ этотъ, по имени Али-Кули-Ханъ, Грузинецъ, выѣстъ въ двумя своими братьями, Рустаномъ, Ханомъ Таврискимъ, и Исанъ-Ханомъ, Юсбашей Испаганскимъ, еще малыми ребятами, проданы были, во время войны съ Грузіей, однимъ вонномъ Шаху Абасу и были оскоплены.

6. Kulargasi, Начальникъ Куламовъ (Kulam), невольничковъ или слугъ, которые продаютъ себя въ войны на Царскую службу; ихъ 8,000 человекъ, и они также, какъ и Курджи (Kurtzi), живутъ разбѣнные по странѣ, на Царскомъ жалованьи, но несвободны отъ Государевой службы. Этотъ сановникъ, по имени Сіаусбеки (Siausbeki), былъ также Грузинецъ, захваченный Шахомъ Абасомъ и начавшій службу съ Царскаго прислужника (юноши).

7. Eischikagasi baschi, Великій Маршалъ, начальникъ надъ 40 Eischikagasi, изъ которыхъ одинъ, Имамъ-Кули-Султанъ, былъ Царскимъ Посланникомъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому. Этъ Eischikagasi хотя и живутъ въ разныхъ мѣстахъ Государства, но по 4, или по 5, человекъ изъ нихъ, по очереди, цѣлые полгода обязаны постоянно находиться при Дворѣ и прислуживать тамъ. Они обыкновенно находятся у дверей, черезъ которыя проходятъ къ Шаху, по чему и называются привратниками, и суть какъ бы Подмаршалы, помогающіе, въ отправленіи обязанностей, Великому Маршалу. При представленіи Иностранныхъ Посланниковъ Шаху, Eischikagasi baschi стоятъ обыкновенно съ посохомъ (жезломъ) и подводитъ Посланниковъ за руки къ Шаху, какъ это было выше описано при нашемъ представленіи. Бывшій при насъ Eischikagasi baschi сперва служилъ Страженачальникомъ (Wachtmeister); но когда, по доносу его, прежній Маршалъ былъ казненъ, то онъ занялъ его мѣсто; назывался онъ Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusaculichan), а родители его были пастухи, жившіе въ палаткахъ или шалашахъ. Этотъ родъ людей называется у Персіянъ Тюркъ (Türk).

8. Jezaul Söhebet, Маршалъ для гостей, который завѣдываетъ змѣщеніемъ или указаніемъ мѣстъ, подобающихъ Иностраннымъ гостямъ и другимъ лицамъ, приглашеннымъ къ Шахскому

столу; по этому онъ всегда находится съ посохомъ или жезломъ у входа въ Царскія палаты. Зовутъ его Шагеверди (Schahöverdi); отецъ его въ настоящее время состоитъ Правителемъ Дербента (Губернаторомъ), а дѣдъ былъ сынъ крестьянина, родомъ изъ области Серабъ.

9. Nasir, Дворецкій (Гофмейстеръ), котораго Персіане называютъ также и Кегекжеракъ, Подрядчикъ, Закупщикъ. Онъ завѣдуетъ всѣмъ тѣмъ, что закупается для содержанія Двора. Имя его Самамъ-Бекъ (Samambek), сынъ простаго Кашанскаго горожанина.

10. Tuschmal, Начальникъ надъ поварскою (Кухмейстеръ), заботящійся о кушаньяхъ и завѣдывающій поварнею и поварскою прислугою. Это былъ оставшійся сынъ знатнаго Сейсень-Хана, котораго самъ Шахъ зарубилъ саблею. Шахъ Сефи называлъ его, въ память отца его, Сейнель-Бекомъ.

11. Dawattar, Писарь, Секретарь, который всегда носитъ при себѣ Царскую чернильницу и обязанъ намазывать чернилами печать, которую Шахъ выѣтъ на шеѣ, и, въ случаѣ надобности, подаетъ ему для намазыванія. По этому и названіе это происходитъ отъ Dawat, письменный приборъ или чернильница, такъ какъ Персіане печати свои обыкновенно смазываютъ чернилами и прикладываютъ на бумагѣ. Имя этого сановника, бывшаго при насъ, было Угурлу-Бекъ (Ugurlubek); онъ былъ сынъ Емиръ-Куне-Хана, Хааи Ерванскаго, и должность эту получилъ послѣ того, какъ Шахъ приказалъ убить предшественника его, Гасанъ-Бека.

12. Mughashbaschi, Главный Конюшій (Шталмейстеръ), по имени Али-Бали-Бекъ (Alibalibek), былъ изъ племени Сенкене (Senkene), лежащаго за Ельвендомъ; родители его торговали рогатымъ скотомъ.

13. Mughischikar, Начальникъ сокодиной охоты, по имени Хозровъ Султанъ, изъ Армянскихъ Христіанъ, предпочтительно предъ другими любимый Шахомъ.

14. Sekhahbaschi, Завѣдывающій псовой охотою, по имени Кара-Ханъ-Бекъ (Kaghanchek), происхожденіемъ же изъ Сенкене (Senkene), отъ Тюркъ и пастуховъ.

15. Jesaul Kog, Поѣздовой Маршалъ, ѣдущій верхомъ передъ Шахомъ и палкой разгоняющій народъ съ дороги. Онъ состоитъ подъ начальствомъ Великаго Маршала, а подъ своимъ начальствомъ вѣдетъ еще одного Есаула (Jesaul), котораго посылаетъ на всякаго рода послуги, а иногда приказываетъ вязать и плѣнныкъ.

16. Suffretzi, Шахскій Кравчій.

17. Abdar, обязанность котораго подавать Шаху пить воду, которую онъ долженъ хранить въ запечатанной кружкѣ, чтобы нельзя было подмѣшать въ нее яду.

18. Chasinedar, Казначей или Начальникъ Царской кладовой.

19. Ambadar, Управляющій хлѣбными запасами Царскви.

20. Jesaul Nesar, служитель, оберегающій туфли Шаха, когда онъ входитъ въ залу.

21. Mehmandar, Приставъ при Иностранныхъ Послахъ, обязанный находиться при нихъ постоянно, во все время пребыванія ихъ въ странѣ.

Должности не столь значительныя суть:

1. Kischiktzibaschi, Страженачальникъ.

2. Tzabedar, Смотритель за орудіями.

3. Tzartzi, Передагчикъ повелѣній, который объявляетъ приказы Шаха и разноситъ ихъ между народомъ. Онъ ѣздитъ также впереди Маршала.

4. Tzelaudarbaschi, Начальникъ надъ тѣми, которые поводятъ Шаху коня и держатъ его, когда Шахъ садится верхомъ.

5. Mustofi, Дворцовый Писарь, вѣдущій подъ своимъ начальствомъ нѣсколько другихъ писцовъ.

6. Seraidar, Зодчій или Хоромничій, завѣдывающій возведеніемъ и поддержкою зданій. Klitar, Ключникъ,

7. Muschriff, Поварской Писарь.

8. Cannati, Конфектчикъ.

9. Scherbedar, Смотритель надъ пряностями и конфектами.

10. Omatzdar, который учить Шахскихъ пажей (прислужниковъ изъ мальчиковъ) и другихъ придворныхъ людей стрѣлять въ цѣль; то же, что при другихъ Дворахъ Распорядитель увеселеній (Ballmeister).

11. Bildar, Лопатчики или Землекопатели, которые всегда служатъ при Дворѣ и сопутствуютъ въ путешествіяхъ при Шахской свитѣ, чтобы копать ступеньки или лѣсенки по не проѣзжимъ дорогамъ, или по крутымъ и скалистымъ мѣстамъ, гдѣ верблюдамъ, имѣющимъ закругленную ступню, бываетъ неудобно ити; они работаютъ также при разбитіи палатокъ и роютъ въ землѣ глубокія ямы, чтобы добыть въ пути воду.

12. Schatir, Слуга, и Rika, Топорщики, часто исполняющіе обязанности палача и проч.

Всѣ эти придворные слуги или служащіе, смотря по своему положенію, получаютъ богатое жалованье, выдаваемое имъ, впрочемъ, не изъ Царскихъ казнохранилищъ, а взимаемое ими съ областей и селеній. Такъ Хэнамъ отдается для этого извѣстная область съ нѣсколькими селеніями и мѣстечками, а другимъ чинамъ одно, два, три, или болѣе селеній, съ которыхъ они собираютъ себѣ подать въ опредѣленномъ размѣрѣ и имѣютъ въ нихъ даже право суда (Jurisdiction), за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ. Нѣкоторые же получаютъ свое жалованье отъ извѣстныхъ пошлинъ, а другіе, наконецъ, подати съ домовъ терпимости.

Г Л А В А XXXVII.

О лицахъ, засѣдающихъ съ Шахомъ (о Совѣтникахъ); о судопроизводствѣ, судѣ и наказаніи преступниковъ.

Кажется, въ Персіи и теперь еще существуетъ обычай, о которомъ пишутъ: Страбонъ, въ 15-й книгѣ, на 505 страницѣ (Strabo, cum commentariis Casauboni et versione Xylandri. 1587), и Атеней (cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), въ 4-й книгѣ, стр. 144, именно: «Persae de rebus maximis inter pocula consultant;» ибо Персіане обыкновенно, при совѣщаніяхъ и толкахъ о важныхъ дѣлахъ, всегда накрываютъ столъ, уставленный яствами и напитками. Когда мы являлись къ Шаху на первое и послѣднее торжественное представленіе, и къ Государственному Канцлеру на тайное совѣщаніе, то при всѣхъ этѣхъ случаяхъ столы, или залъ, уставлены были конфектами, послѣ которыхъ не замедлили слѣдовать разныя кушанья и круговыя чаши съ виномъ.

Когда Шахъ бываетъ за столомъ въ торжественныхъ собраніяхъ, или сидитъ на судѣ, то обыкновенно съ нимъ возсѣдаютъ 10, или 12, изъ исчисленныхъ сейчасъ придворныхъ людей, военныхъ начальниковъ и, кромѣ того, Седеръ, Минаджимъ и Гахимъ. Этотъ Гахимъ есть Придворный Врачъ (Leib-Medicus), указывающій Шаху, какое кушанье здорово и какое вредно ему. Минаджимъ есть Астрологъ, обязанный объявлять Шаху счастливые и несчастные часы для какого либо дѣла, предпріятія, или распоряженія; ему вѣрятъ, какъ прорицателю (оракулу), и по тому безъ его совѣта Шахъ рѣдко предпринимаетъ что либо. Седеръ есть духовный глава, какъ Папа въ Католической Церкви; онъ избирается Шахомъ и Каси, долженъ быть ученѣйшій мужъ, отлично знающій Алкоранъ и законы изъ Алкорана, и если къ нему обратятся съ вопросомъ, не только въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ, судѣ (большею частію по дѣламъ уголовнымъ), то онъ обязанъ высказать свое мнѣніе. По его же мнѣнію составляется иногда и приговоръ. Нѣкоторые приговоры постановляетъ Седеръ самъ, и тогда онъ самъ же прикладываетъ и свою печать на другой сторонѣ его, и посылаетъ такимъ образомъ приговоръ къ Шаху, который

подписываетъ: «Это мнѣніе Седера, которое мы утверждаемъ,» и прикладываетъ также внизу свою судную печать.

Обыкновенныя гражданскія и государственныя дѣла производятся свѣтскими судьями, которые также должны быть обучены праву и называются Орфъ (Orff). Нальникомъ своимъ они имѣютъ Диванъ-Бека или главнаго Государственнаго Судью, который не менѣе долженъ быть свѣдуецъ въ Магометанскихъ законахъ.

Судебные дни суть: Понедѣльникъ и Четверкъ, и въ Испани по этѣмъ днямъ судьи собираются въ открытое со сводомъ зданіе, помѣщающееся подъ Дворцовыми воротами Царскаго дома, выслушиваютъ тамъ тяжущіяся стороны и важныя дѣла представляютъ на усмотрѣніе Шаха, при своемъ мнѣніи.

Преступники въ Персіи наказываются жестоко. Такъ какъ Персіане вообще народъ довольно грубый, весьма склонный ко всякаго рода порокамъ и мало обращающій вниманія на наказанія мягкія, то по этому съ ними и обращаются нещадно. Роды наказанія у нихъ различны, и часто судьи придумываютъ ихъ сами по своему произволу: обрѣзаніе носа, ушей, рукъ и ногъ, отсѣченіе головы, изсѣченіе саблею, сдираніе кожи и тому под. считаются наказаніями неважными и самыми обыкновенными, которыя и прежде издревле были въ употребленія у Персіанъ, какъ это явствуетъ изъ Марцелина. Кто изнасилуетъ женщину, если она подтвердитъ свое обвиненіе троекратною клятвой, того лишаютъ члена, которымъ онъ совершилъ преступленіе.

По Персидскимъ законамъ брать лихву воспрещается, хотя втайнѣ ихъ и берутъ немало. Если про кого пройдетъ слухъ, что онъ беретъ лихву, то съ нимъ обращаются презрительно, какъ съ Жидомъ, и его уже не допускаютъ ни въ какія важныя собранія. Если жъ на кого поступитъ жалоба во взятіи лихвы, то того постигаетъ тяжкая кара. Въ Ардебилѣ одному Персіанину, обвиненному во взиманіи лихвы по полутору рейхсталеровъ въ мѣсяцъ, были выбиты молоткомъ зубы. Такого ростовщика, по способу ихъ выраженія, они называютъ Судхуръ (Sudchur), т. е., лихвоѣдъ. Напротивъ того, дозволяется за взятые въ займы деньги

закладывать сады, поля и другія имущества, которыми и пользуются заимодавецъ, и если, по прошествіи опредѣленнаго условіемъ времени, залогъ не будетъ выкупленъ, то заложенное имущество дѣлается собственностію заимодавца.

Шахъ Абасъ и Шахъ Сефи употребляли иногда дикіе и страшные роды наказанія преступникамъ, какъ объ этомъ отчасти и неоднократно уже упоминалось. Такъ, на примѣръ, нѣкоторыхъ преступниковъ они приказывали класть между двумя досками виѣсть связанными, и пилить ихъ пилою по поламъ.

Одинъ Царскій Посланникъ, по имени Тейнксъ-Бекъ (Teinks-bek), котораго Шахъ Абасъ посылалъ въ Испанію, разогналъ многихъ изъ сопровождавшихъ его, и когда, по возвращеніи своемъ, онъ объяснилъ Шаху вымышленную имъ причину, по которой отъ него бѣжали многіе изъ его спутниковъ, а толмачъ рассказалъ Шаху причину настоящую, заключающуюся въ томъ, что Посланникъ чрезвычайно жестоко обращался съ своими спутниками, то Шахъ собственною своею рукою и ножемъ отрѣзалъ Посланнику носъ, уши и кусокъ мяса изъ руки, и заставилъ его съѣсть все это въ такомъ сыромъ видѣ. Посланникъ Имамъ-Кули-Ханъ, пріѣхавшій съ нами въ Голштинію, поступалъ немного лучше съ сопровождающею его прислугою; такъ, на пр., одному онъ приказалъ водить по годой спицею раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ, другому колотить обухомъ топора по пальцамъ до того, что они обратились въ безобразную мякоть, и прочее, и проч., такъ что 6 чело-вѣкъ бѣжали отъ него, а нѣкоторые изъ нихъ остались въ Голштиніи, другіе же черезъ Италію возвратились въ Персію. Говорили, что Посланникъ заплатился бы также за все это своею жизнію, если бъ за него не похлопоталъ у Царя Государственный Канцлеръ.

ГЛАВА XXXVIII.

О Вѣрѣ Персіянъ; о различіи отъ Турецкой и отъ другихъ Магометанскихъ Исповѣданій.

Я не стану здѣсь распространяться о томъ, какая Вѣра у Персіянъ была въ древности, какъ они почитали и обожали солнце (которое они называли Митра (Mythra), мѣсяць, Венеру и огонь. Свѣдѣтельства древнихъ писателей обо всемъ этомъ старательно собраны Брисономъ (Brissonius, De regio Persarum principatu. Parisiis, 1606, lib. 2, pag. 157), къ которому я и отсылаю благосклоннаго читателя. Я же хочу дать здѣсь понятіе о современной Вѣрѣ Персіянъ и обрядностяхъ оной.

Такъ какъ извѣстно, что современные Персіяне, также какъ и Турки, слѣдуютъ одному ложному ученію Магумеда и имѣютъ одинъ и тотъ же Алкоранъ, а въ то же время, ради же ученія, суть непримиримые враги другъ другу, то Европейскимъ Христіанамъ очень бы хотѣлось знать, въ чемъ именно состоитъ различіе между обѣими этѣми Исповѣданіями?

Сколько мнѣ извѣстно, ни кто еще не сказалъ что ни будь вѣрное и обстоятельное о Вѣрѣ Персіянъ. Хотя Бусбекъ (Epistolae legationis Turcicae. Parisiis, 1505), въ 3-мъ письмѣ своемъ, на страницѣ 190, и пишетъ, что уже изъ разговора, веденнаго съ нимъ однимъ Турецкимъ Визиремъ, можно заключать, какъ далеки этѣ исповѣданія одно отъ другого, а именно: Турокъ этотъ сказалъ, будто бы, что они, Турки, ненавидятъ и считаютъ Персіянъ невѣрными болѣе, чѣмъ Христіянъ. Но что же можно извлечь изъ такого свѣдѣнія? То же самое я долженъ сказать и о томъ, что писали объ этомъ Ювій, Бизаръ, Мипадусъ, а основываясь на нихъ и другіе, также и Англичанинъ Ома Гербетъ, каковыя всѣ свѣдѣнія частію весьма скудны, частію ошибочны, частію же касаются только Магометанской Вѣры вообще. Я же намѣренъ изложить здѣсь такія свѣдѣнія, которыя я собралъ и дозналъ отъ самыхъ Персіянъ, частію устно, частію письменно, частію же изъ личнаго моего наблюденія.

Персіане, также какъ и Турки, называютъ себя Мусельманами (Muselman), отъ Арабскаго слова Салама (Salama), которое само происходитъ отъ Еврейскаго שָׁלַח, означающаго: освободилъ, libera-vit, спасъ, сокрылъ, или сохранилъ. Прозваніе это впервые возникло отъ того, что, при распространеніи Магометанской Вѣры, преслѣдовали и избивали мечомъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли произносить и принять слѣдующій символъ: «La illah illalahu Mahumeda resul allah,» т. е.: «Нѣтъ иного, кромѣ единаго Бога, и Магумедъ Пророкъ (Apostel) Его.» Кто же принималъ этотъ символъ, тотъ спасался отъ опасности смерти, и того называли: «Muselman.» Теперь прозваніе это означаетъ только то, что кто исповѣдуетъ Магометанскую Вѣру и живетъ по ней, тотъ спасется. По этому они называютъ и дѣтей своихъ Мусельманами тотчасъ послѣ ихъ обрѣзанія. Обрѣзаніе же совершаютъ надъ дѣтьми семилѣтними, восьми и девятилѣтними, и для того, чтобы они не чувствовали боли при отнятіи у нихъ извѣстнаго кусочка кожицы спереди, ихъ поятъ сладкимъ опьяняющимъ напиткомъ. Въ этомъ во всемъ, равно какъ и въ томъ, что у нихъ одинъ Алкоранъ, Турки и Персіане совершенно сходны другъ съ другомъ; различіе же ихъ далѣе состоитъ именно въ слѣдующемъ:

1. Не въ одинаковомъ толкователѣ и толкованіи Алкорана.
2. Въ различіи Имамовъ и Святыхъ.
3. Въ различіи церковной обрядности и обычаевъ.
4. Въ различіи чудесъ, совершенныхъ Святими тѣхъ и другихъ.

Все это первоначально произошло отъ того, что Магумедъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ Аали, племянника и зятя своего (Аали былъ сынъ брата Магумедова, и Магумедъ выдалъ за него свою дочь, Фатиму), своимъ наслѣдникомъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ, управленіи. Тестъ же Магумеда, Абубекеръ, (Abubeker), а потомъ Омаръ (Omar) и Одсманъ (Odsman), будучи богатыми и сильными Князьями, весьма много способствовавшими величію Магумеда и распространенію его ученія, захватили престолъ для себя и царствовали на немъ, одинъ послѣ другого, выдавая, яко бы Магумедъ предоставилъ престолъ имъ; въ завладѣніи престоломъ имъ помогало также расположеніе и другихъ

знатныхъ вельможъ. Все это крайне было прискорбно для Аали и его родственниковъ, и хотя Аали воспротивился было сказаннымъ искателямъ престола, но, не будучи достаточно богатъ и силенъ, долженъ былъ уступить и допустить, что ему предпочли Абубекера, Омара и Одсмана; онъ даже долженъ былъ перенести и то, что Абубекеръ отнялъ у него все его наследственное имущество, говоря, что кто несетъ тягость управленія, тотъ долженъ обладать и имуществомъ.

Только по смерти сказанныхъ 3 Халифовъ Аали получалъ Калифатъ и правленіе, при чемъ онъ велъ великія войны, и оказалъ въ нихъ богатырскіе подвиги, какъ это видно изъ 1-й книги Ельмазина (*Elmazin, in Historia Saracenorum Arabica. Lugduni, 1625, lib. 1*). Хотя Аали и отвергъ нѣкоторые изъ законовъ, изданныхъ прежними тремя Калифами, и старался объяснить изъ Алкорана и нѣкоторыя положенія Магумеда, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ Алкоранъ неизмѣннымъ, со всѣми точными законами Магумеда. Такимъ образомъ, въ цѣлой Аравіи, Турціи и Персіи была одна Вѣра до 1363 года по Р. Х., когда въ Ардебилѣ появился одинъ ученый мужъ, по имени Софи (*Sofi*), который говорилъ, что происходитъ онъ изъ рода Аали, есть потомокъ одного изъ сыновей Госейна, по имени Мусаи Касима (*Musai Kasim*); мужъ этотъ представлялся человекомъ великой святости и высокаго ума, по чему и называлъ себя Шихомъ (*Schich*), велъ строгую жизнь, держалъ себя такъ, какъ будто бы онъ не ставилъ ни во что ни свѣтъ, ни его великолѣпіе (пышность), ходилъ въ бараньемъ тулупѣ, не хотѣлъ надѣвать на себя ни какой шелковой одежды, а носилъ только шерстяную. По этому, нѣкоторые полагаютъ, что такъ какъ Арабское слово Суфъ, *صوف* *Suff*, означаетъ шерсть, то онъ собственно и долженъ называться Софи; но на это я могу сказать также, что такъ какъ онъ имѣлъ блѣдный, бѣлый, цвѣтъ лица (какъ говорятъ о немъ), то онъ могъ получить свое имя и отъ Персидскаго и слова Сефидъ, *سفید* *Sefid* (бѣлый, блѣдный), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые называютъ его и Сефи (*Sefi*). И это послѣднее согласно съ обыкновениемъ Персіянъ давать названіе по цвѣту, какъ, на примѣръ, имя Сару Тагге, означающее желто-красный. Во всякомъ случаѣ, настоящее имя его, полученное имъ при обрѣзаніи, было Софи.

Софи теперь началъ открыто учить и писать, что первое наслѣдованіе Калифата долженствовало достаться Аали, какъ племяннику, зятю и истинному наслѣднику престола Магумеда; что честь эту у Аали и всего его рода, а по тому и въ поруганіе самаго Магумеда, отняли хищническимъ образомъ Абубекеръ, Омаръ, и Одсманъ, за что Богъ сильно прогнѣвался и повелѣлъ ему, Софи, надѣливъ его всевозможными для того дарами, возстановить честь Аали, такъ долго лежавшую во прахѣ (презрѣніи). Въ доказательство того, что Аали былъ истинный служитель Божій и чудотворецъ, Софи приводилъ множество чудесъ, которыя тотъ совершилъ и которыя Турки доселѣ держали въ тайнѣ. Аали же сдѣлалъ и законное или истинное толкованіе Алкорана, которое наслѣдникъ и послѣдователь его, Джаферъ-Садукъ (Tzafersaduk) оставилъ въ писаніяхъ. Въ этомъ толкованіи (Commentario) было нѣсколько законовъ, которые не согласовались съ законами, принятыми Турками по толкованію Ганифе (Hanife), но которые были лучше, сноснѣе этѣхъ послѣднихъ. Персіане, какъ народъ вообще склонный ко всякой новизнѣ, толпами послѣдовали за Софи, приняли его ученіе и обрядность, которую онъ установилъ нѣсколько иначе, и наконецъ совсѣмъ отдѣлились отъ Турокъ, которымъ это было крайне прискорбно, и они тѣмъ еще пуще стали преслѣдовать Персіанъ мечомъ. Персіане же, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возвеличивали своего Аали, и прибавили, къ помянутому выше символу, еще слѣдующія слова: «Aaly Welli alla» (praefectus, adjutor Dei, помощникъ Божій), такъ что символъ этотъ произносится теперь у нихъ такъ: «Ни кто другой, какъ единый Богъ, Магумедъ Пророкъ Божій и Аали вѣрный помощникъ Божій и правитель.» Персіане говорятъ даже такъ: «Хоть Аали и не самъ Богъ, но близокъ очень къ Божеству, и яко бы Алкоранъ, который Богъ хотѣлъ дать Аали, только по ошибкѣ попалъ въ руки Магумеда.» Этѣмъ они возвеличиваютъ Аали даже надъ Магумедомъ. А въ Персидской молитвѣ, которую церковникъ (Küster) ихъ выкрикиваетъ, когда, стоя ка крышѣ церкви, сзываетъ Правовѣрныхъ на моленье, Абубекеръ, Омаръ и Одсманъ, предаются проклятію и посылаются въ преисподнюю самыми поносными словами. У нихъ также въ ходу слѣдующая бранная поговорка: «Kiri sek der deheni Abubeker, Omar Hanife bad!» (Testiculi canini sint super os illorum!), Поговорка эта — ужасъ для ушей

Турокъ, возбуждаетъ въ нихъ сердечную злобу противъ Персіанъ, въ особенности еще и по тому, что потомки Шиха Сефи, каковы, на примѣръ, Седрединъ (Sedredin), Джинидъ (Tzinid) (a quibusdam Gutnet dictus), Айдеръ (Aider), и другіе, ревностно распространяли возникшее вновь ученіе, привлекли къ себѣ множество народу и сдѣлались могущественны до такой степени, что подѣлались наконецъ Царями, и такимъ образомъ изъ Шиховъ сдѣлались Шахами.

Такъ какъ Персіане такъ высоко ставятъ Аали и приписываютъ ему небесныя добродѣтели и божескія силы, то и его потомки, которымъ, какъ бы по наслѣдству, сообщается доля его святости и чудесной силы, пользуются у нихъ большимъ, чѣмъ обыкновенные люди, почетомъ. По этому Персіане начали посвящать ихъ гробницы, молиться у нихъ съ большимъ благоговѣніемъ и приносить туда богатыя жертвы.

Аали оставилъ двухъ сыновей: Гасана (Hassan), и Госейна (Hossein), а отъ этого послѣдняго рождены: Сейнель Абединъ (Seinel Abedin), Магумедъ Багуръ (Mahumed Bagur), Джаферъ Садукъ (Tzafer Saduk), Муса Касумъ (Musai Kasum), Риза (Risa), Магумедъ Тагги (Mahumed Taggi), Аали Нагги (Alli Naggi), Госейнъ Аскери (Hossein Askeri), и Мегеди (Mehedi). Изъ всѣхъ этѣхъ лицъ Гасанъ, Сейнель, Абединъ, Магумедъ Багуръ, Магумедъ Тагги и Аали Нагги, погребены въ Мединѣ; Джаферъ Садукъ въ Вавилонѣ, а Госейнъ, Муса Касумъ и Госейнъ Аскери въ Кельбула или Куфѣ. Мегеди же не умиралъ, но ушелъ въ пещеру близъ Куфы, оставивъ у входа ея только башмаки свои, для того, чтобы передъ Страшнымъ Судомъ, когда башмаки его (уже теперь въ половину повернувшіеся къ пещерѣ) вернуться къ ней окончательно, такъ чтобъ Мегеди могъ прямо ступить въ нихъ, онъ снова пришелъ изъ пещеры и обратилъ людей къ Алкорану.

Всѣхъ этѣхъ, числомъ 12, Персіане называютъ своими Имамами (Antistites, блюстителями Вѣры), и въ настоящее время, вмѣстѣ съ Шахомъ Софи они считаются самыми святыми мужами, и къ ихъ-то могиламъ ходятъ на богомолье, преимущественно тѣ Персіане, которые не имѣютъ возможности совершать великое богомолье въ Мекку и Медну (о которомъ скажу въ другомъ мѣ-

стѣ). Такимъ богомольцамъ выдается письменное свидѣтельство, называемое Сіяретнаме (Sijaretname), въ томъ, что они поклонялись тамъ, и кому именно поклонялись. Свидѣтельства этѣ служатъ къ тому, чтобы по нимъ можно было видѣть, что имѣющіе ихъ исповѣдуютъ истинную Персидскую Вѣру. Также тѣ, которые впали въ немилость у Шаха и Хановъ, если они имѣютъ при себѣ такое свидѣтельство и предъявляютъ его, могутъ тѣмъ спасти жизнь свою. Такъ поступилъ, бѣжавшій отъ насъ, Персидскій толмачъ Рустамъ, когда онъ снова оставилъ Христіанскую Вѣру, принятую имъ въ Англій и перешелъ въ Персидскую. Тѣмъ же воспользовался и Джира-Ханъ, о которомъ говорено выше, и который, когда Шахъ Сефи приказалъ было отрубить ему голову, бѣжалъ въ Мешедъ, добылъ тамъ такое свидѣтельство о поклоненіи при гробницѣ Имама Ризы, предъявилъ оное Шаху (хотя и не лично), и тѣмъ спасъ жизнь свою.

Персіане ежегодно празднуютъ дни погребенія сихъ Святыхъ, особенно же Аали и Госейпа; но Турки не дѣлаютъ этого, и даже издѣваются надъ этѣмъ. Они, съ своей стороны, чествуютъ Абубекера, Омара и Одсмана, не менѣ ихъ чтутъ и своего толкователя Алкорана, Ганифе. Персіане же считаютъ этого послѣдняго сбманъщикомъ и лжетолкователемъ, и рассказываютъ, что онъ былъ прислужникомъ у Джаферъ Садука, набралъ потихоньку воды, которою мылся этотъ Святой ихъ, ушелъ въ Турцію, излѣчилъ тамъ этой водой многихъ слѣпыхъ, совершалъ и другія чудеса, за что и возлюбленъ былъ Турками.

Персіане говорятъ далѣе, что Шахъ Тамасъ, взявши Вавилонъ, вырылъ будто бы Ганифе, чтимаго Турками, покоившагося тамъ въ изящной гробницѣ, и сдѣлалъ изъ его Масара или усыпальницы конюшню, а изъ самой могилы его—отхожее мѣсто.

Хотя Магометане имѣютъ множество толкователей Алкорана, но важнѣйшими изъ нихъ, которые, по мнѣнію ихъ, одарены были особеннымъ духомъ толкованія ихъ Св. Писанія и которыхъ по этому они почитаютъ какъ бы святыми, считаются: Аали и Джаферъ Садукъ, которому слѣдуютъ и котораго чтутъ Персіане, Ганифе у Турокъ, Шафеи (Schafei) у Узбецкихъ Татаръ, Гембили и Малеки (Hembili et Maleki) у Индійцевъ. Нѣкоторыя мѣста

въ Алкоранѣ чрезвычайно темны: иногда въ немъ въ краткихъ словахъ обозначается нѣсколько событій, которыхъ, пожалуй, никогда въ дѣйствительности и не бывало; для выполненія-то и болѣе подробнаго объясненія такихъ мѣстъ одинъ толкователь лжетъ болѣе другого; и удивительно, какъ это Персіане (я говорю только о нихъ, по тому что былъ только у нихъ) могутъ вѣрить такимъ въ высшей степени нелѣпымъ баснямъ и очевидной лжи, которыми полны толкованія и дополненія ихъ Св. Писаній! Такъ, на примѣръ, въ нихъ говорится, какъ выскочилъ изъ камня конь Аалия, Дулдуль (Duldul); какъ Ангелъ Гавриилъ принесъ ему, Аали, двойной мечъ, Джульфакаръ; какія чудеса совершилъ Аали имъ, этѣмъ мечомъ; какъ побѣдилъ семиглавнаго дракона, зарубилъ дьявола (о томъ, какъ онъ пировалъ съ Ангелами на небѣ, подробно рассказано мною въ Персидской «Долинѣ розъ»); какъ Султанъ Магмедъ Ходабенде, во время охоты при Куфѣ, нашелъ и вырылъ на холмѣ ящикъ съ такою надписью: «Сдѣсь погребены: Адамъ, Ной и Аали;» какъ Султанъ построилъ на этомъ мѣстѣ городъ Неджефъ (Netze), и велѣлъ перенести туда гробницу Аалия, и многое тому подобное.

Желая приписать основателю своего Исповѣданія нѣчто божественное, Персіане рассказываютъ множество чудесъ, которыя Софи совершилъ будто бы по божественной силѣ своей. Такъ, еще въ юности своей, пришедши однажды въ селеніе Сагаданъ (Sahedan), лежащее въ Гилянѣ, къ одному святому и мудрому мужу, Шиху Сагадъ (Sahad), и увидѣвши тамъ, что народъ съ большимъ трудомъ вырываетъ на полѣ сорную траву, Софи приказалъ зелью, чтобы оно само собою выходило изъ земли, и зелье то послушалось его. Увидя это, Шихъ Сагадъ сказалъ: «Этого не слѣдуетъ, мой сынъ, хотя ты и знаешь это искусство. Люди должны работать, иначе они будутъ только праздно шататься.» Такъ какъ рѣчь эта показалась Софи весьма мудрою, то онъ и поступилъ въ услуженіе къ Сагаду, и пробылъ тамъ 7 лѣтъ, въ которыя научился многому въ мудрости. Сказанное селеніе сдѣлалось въ слѣдствіе этого вольнымъ селеніемъ, каковымъ состоитъ оно и до сего времени.

Другой рассказъ. Когда Шихъ Софи, своимъ ученіемъ и святію, сдѣлался извѣстенъ на всемъ Востокѣ, то его пожелалъ

увидѣть и посѣтить одинъ Хорасанскій Татаринъ, Темюрленгъ или Тамерланъ. При этомъ втайнѣ онъ придумалъ три испытанія, посредствомъ которыхъ хотѣлъ дознаться, дѣйствительно ли Сефи такой Шихъ и святой, какъ про него говорятъ; и истинно ли его ученіе? Этѣ испытанія были именно слѣдующія: первое, если Сефи не выйдетъ къ нему на встрѣчу; второе, если рись, который подадуть для ѣды, будетъ сваренъ не на овечьемъ, но на молодыхъ дикихъ козъ; и третье, если ядъ, который онъ дастъ выпить Сефи, не повредитъ ему. Когда такимъ образомъ Темюрленгъ прибылъ въ Шамасбю (Schamasbü), гдѣ жилъ въ то время Сефи, и подошелъ уже къ его покою, Сефи оставался и сидѣлъ въ своей комнатѣ, пока не вошелъ туда Темюрленгъ; тогда Сефи всталъ и сказалъ: «Передъ Царемъ слѣдуетъ встать: извини, что я не встрѣтилъ тебя, но ты самъ пожелалъ этого для испытанія.» За тѣмъ онъ посадилъ Тамерлана прямо противъ двери, для того, чтобы онъ могъ видѣть на дворѣ, какъ, по желанію Сефи, дикіе козы прибѣгали туда изъ пустыни и совершенно покорно становились тамъ и давали себя доить. Наконецъ, когда Сефи зашелъ, что ему предстоитъ еще выпить чашу яду, онъ надѣлъ и себя бѣлую рубаху, выпилъ ядъ и сталъ плясать кругомъ, обыкновеннымъ у Шиховъ способомъ, чтобы вспотѣть; за тѣмъ снялъ рубаху; выжалъ изъ нея ядъ съ потомъ, слѣвавшимся совершенно зеленымъ, и подавъ его въ стаканѣ Тамерлану, сказалъ: «Вотъ твой ядъ: онъ не причинилъ мнѣ ни какого вреда.» Послѣ этого Тамерланъ увѣровалъ ученію Сефи, подарилъ ему всѣ селенія, лежащія около Ардебиля, съ нѣсколькими сотнями плѣнныхъ Турокъ, для того, чтобы и ихъ онъ обратилъ въ свою Вѣру.

Всему разсказанному слѣсь объ Аали, его потомкахъ и о чудесахъ Шиха Сефи, Турки вовсе не вѣрятъ, но смѣются только и издѣваются надо всѣмъ этѣмъ, что возбуждаетъ великое негодованіе въ Персіянахъ. Турки, впрочемъ, говорятъ, что Аали, какъ принадлежащій къ Магуметову роду, былъ мужъ святой и Имамъ, за что они чествуютъ его, и когда садятся на лошадей, то говорятъ: «Ну, Аали, да поможетъ Аали!» Это по тому, что Аали былъ и храбрымъ наѣзникомъ.

ГЛАВА XXXIX:

Объ обрядностяхъ Персіянъ передъ молитвой, во время и послѣ ея, равно и о самой молитвѣ.

Такъ какъ Софвіяне отвергаютъ законы, которые мимо Алкорана установлены Абубекеромъ, Омаромъ, Одсманомъ и Ганифе, и слѣдуютъ только законамъ Джаферъ Садука, то то же самое различіе вносятъ они и въ церковную обрядность и другіе обычаи, желая и въ нихъ имѣть нѣчто особенное для себя, и такимъ обрядностямъ придаютъ они такое великое значеніе, какъ бы онѣ составляли существенную часть самой Вѣры. Я жоснусь съдѣсь немного только тѣхъ обрядовъ, которыми сопровождается молитва ихъ. Когда Персіяне хотятъ отправиться на молитву, то они, также какъ и Турки, должны прежде омыться, именно такимъ образомъ: они засучиваютъ рукава по локти, и сперва моютъ руки, смачивая ихъ дважды оцъ локтей къ кистямъ, потомъ правой рукой, тоже дважды, омываютъ лицо. Турки же берутъ воду обѣими руками, и трутъ ими трижды лицо, съ верху до низу и обратно, при чемъ полощутъ ротъ и носъ, набирая при водѣ съ рукъ.

Персіяне два раза проводятъ мокрой рукой по голодѣ, оцъ затылка ко лбу, и за тѣмъ вытираютъ ноги до щиколки.

Турки же берутъ полную руку воды и смачиваютъ ею голову, а за тѣмъ влажной же рукой увлажняютъ и ноги, которыя до этого должны быть вымыты. Персіяне (но этого не дѣлаютъ Турки) вычищаютъ указательнымъ пальцемъ въ ушахъ, а большимъ трутъ около, за тѣмъ указательнымъ же пальцемъ подтираютъ съ затылка черезъ голову до горла. Такія обрядности дѣлаютъ онѣ еще дома, передъ тѣмъ какъ ити въ свою церковь. Женщины по городамъ не смѣютъ ходить въ церковь, чтобы не давать мужчинамъ поводъ къ недобрымъ помысламъ.

У Персіянъ есть камень, который при молитвѣ они призываютъ иногда ко лбу, а также и на землѣ кладутъ на шею головою земные поклоны.

Камень этотъ сдѣланъ изъ сѣровой земли, вырываемой при Неджефѣ и Куфѣ, гдѣ Госейнъ пролилъ кровь свою и по-

гребень вмѣстѣ съ Аали. (изъ другой земли камень не вмѣеть такой силы). Величиною и видомъ онъ такой же, какъ представленъ на прилагаемомъ при семъ изображеніи. ¹ На немъ начертаны имена помянутыхъ выше 12 Имамовъ, вмѣстѣ съ Фатимой, супругой Аали, отъ которой тѣ Имамы произошли. Камни этѣ изготовляются Аравитянами (Araber) и доставляются ими въ Персію на продажу. Одинъ такой камень я вывезъ съ собою изъ Персіи и доставилъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Турки не ставятъ ни во что такіе камни.

Пришедши въ церковь, начинаютъ съ молитвы «Alla ekber,» и Персіане при этомъ опускаютъ свободно руки, а глаза потупляютъ въ землю, Турки же держутъ руки на груди. За тѣмъ Персіане поднимаютъ руки и держатъ ихъ у обоихъ ушей, а лицо обращаютъ къ «Kible,» на полдень или югъ. Это по тому, что Мекка и Медина отъ Адирбейджана и Ардебиля, гдѣ возникло ихъ Исполваніе, лежить въ правой сторонѣ, на югъ. Я полагаю, что обычай этотъ заимствованъ ими у древней Христіанской Церкви; ибо Христіане также собирали себѣ извѣстную страну свѣта, къ которой обращались, именно, на востокъ. По этому-то древніе устраивали и алтарь, передъ которымъ молились и отправляли богослуженіе, къ востоку, какъ повѣствуетъ о томъ Полидоръ Вергилій (Polydorus Vergilius: «De rebus inventoribus etc. 1590, lib. 5, c. 9, p. 433). Но Христіане дѣлали это для того, чтобы помнить, что явился Христосъ, взошло солнце правды для нихъ; по этому-то, когда при Императорѣ Северѣ Христіанъ обвиняли въ томъ, что они поклоняются, будто бы, солнцу, Тертуліанъ опровергаетъ такое обвиненіе, объясняя сказаннымъ образомъ ихъ обращеніе къ восходу солнца, какъ объ этомъ можно прочесть въ его «Apologia adversus gentes,» cap. 16, p. 47 (въ «Opera Tertulliani, Parisiis, 1608).

Когда Персіане стоятъ такимъ образомъ, обратясь на полдень, то начинаютъ молитву: «Allhemdo lilla;» заключивъ ее, они нагибаются, опершись руками на колѣни, и читаютъ молитву: «Subhana Rebbi» и проч., за тѣмъ повторяютъ: «Alla Ekber,» и становятся далѣе на колѣни, склоняютъ голову къ землѣ, прикладывая

¹ Стр. подлинника 681, О. Б.

ее на, описанный сейчасъ, камень, читаютъ молитву: «Subhana Rebbi,» и воздѣвають потомъ руки къверху.

Послѣ всего этого Персіане совершаютъ заключительное моленіе на колѣняхъ, за тѣмъ встаютъ на ноги, поворачиваются на право и на лѣво и потихоньку произносятъ: «Ssalom alekum, Ssalom alekum!» Этѣмъ они привѣтствуютъ Ангеловъ, сгоявшихъ какъ бы при нихъ и воздерживавшихъ сатану, для того, чтобы они невозмутимо могли совершить свое моленье. Турки привѣтствуютъ такимъ образомъ Ангеловъ еще до окончанія молитвы. Персіане ходятъ, или вѣриѣе, должны ходить, на молитву 5 разъ въ день: рано утромъ, при восходѣ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, вечеромъ и отходя ко сну. Важнѣйшая изъ ихъ молитвъ есть: «Fatah» и «Alhemdo lilla,» которой содержаніе слѣдующее:

Во имя Бога, милосердаго, всемилостиваго! Слава Богу, Повелителю твореній, Царю послѣдняго суда! Тебѣ молимся, тебя, помощника въ скорбяхъ, призываемъ: веди насъ на путь истинный, но истинный путь тѣхъ, которыми ты сдѣлалъ добро, а не тѣхъ, на которыхъ ты излилъ гнѣвъ свой, а также и не на путь тѣхъ, которые заблуждаются, ходятъ во тьмѣ. Аминь.»

Точно также, какъ всѣ главы Алкорана начинаются словами: «Bismilla rahman rahim,» т. е., Во имя Бога и проч., такъ и при всякомъ дѣлѣ и предпріятіи Персіанъ, у нихъ постоянно слышатся на устахъ слова: «Bismilla» и проч., а иногда: «Benahm ohnkinamesch herestzanehast,» т. е., во имя того, чье имя есть прибижище и защита душъ! Во время молитвы они держатъ себя съ великимъ благоговѣніемъ, и когда въ Испагани намъ часто случалось бывать въ большой мечети Мегеди (Mestzid Mehedi), и мы проходили мимо молившихся, то ни одинъ изъ нихъ ни на кого, бывало, и не взглянетъ, всѣ стоятъ, всегда опустивъ глаза въ землю, или воздѣвъ ихъ къ небу, какъ требуетъ того молитва ихъ. Нѣкоторые молятся и при этомъ кричатъ въ домахъ своихъ съ такой ревностью и такъ продолжительно, что у нихъ не хватаетъ наконецъ дыханія, и они падаютъ на землю, какъ бы въ обморокъ, какъ это случилось мнѣ слышать однажды въ Шемахѣ, въ сосѣднемъ съ нашимъ домѣ: какой-то Персіанинъ молился тамъ такъ долго и громко, что наконецъ едва могъ повторять

только одно слово «Накка,» т. е., Богъ, которое и повторилъ болѣе 50 разъ совершенно изнеможеннымъ и упавшимъ голосомъ, а за тѣмъ и совсѣмъ замолокъ. Бѣдные люди думаютъ, что такимъ усиленнымъ напряженіемъ усгъ они могутъ прямо отправиться на небо. Иные, какъ и Католики, употребляютъ при молитвѣ четки (Pater Noster), называемыя у Персіанъ «Möher Thesbih,» и состоящія изъ маленькихъ пуговокъ, трижды отдѣляемыхъ большими пуговицами, но молятся съ этѣми четками Персіане совсѣмъ иначе, чѣмъ Католическіе Христіане. Въ праздникъ, когда Персіане отправляютъ свою молитву, одинъ изъ нихъ Хатибъ (Chattib) всходитъ на кафедру и читаетъ нѣсколько главъ изъ Алкорана, объясняя ихъ. Нашей Библии они не уважаютъ, говоря, что она искажена Иудеями и Греками, въ слѣдствіе чего, будто бы, Богъ и прислалъ Алкоранъ, какъ возстановленную и исправленную Библию. Когда, бывши въ Шемахѣ, я показалъ Минаджиму Халилю (Chalil), въ присутствіи другихъ Персіанъ, Пятикнижіе Моисея, напечатанное по Арабски, то хотя онъ и узналъ ихъ хорошо, но все таки сказалъ: «Chrab dur!» т. е., испорченное и негодное сочиненіе; Алкоранъ ихъ лучше:

О сотвореніи міра, объ Адамѣ, о другихъ Библейскихъ событіяхъ, равно какъ о Страшномъ Судѣ и вѣчной жизни, Персіане имѣютъ странныя и забавныя ученія и вѣрованія, во многомъ уклоняющіяся отъ ученія Турокъ; но, чтобъ описать всѣ этѣ уклоненія, потребовалась бы цѣлая книга, которая, если только будетъ угодно Богу, появится въ другое время.

У Персіанъ въ обычаѣ также посвящать нѣкоторыхъ дѣтей своихъ, еще въ утробѣ матери, одному изъ своихъ Святыхъ, въ слуги, и по рожденіи такому ребенку пробиваютъ въ ухѣ дыру, въ знакъ его службы; отсюда-то происходятъ нѣкоторыя имена: Магумедъ-Кули, Имамъ-Кули, Аали-Кули, означающія: слуга, рабъ, Магумеда, Имама, или Аали. Случается это тогда, когда родители не имѣютъ долго дѣтей, или когда были они, да перемерли; даютъ также обѣты посвятить дѣтей въ монашество, какъ Абдаллъ (Abdallen); когда же такое дѣтя выростетъ и не пожелаетъ исполнить данный родителями обѣтъ, то можетъ откупиться деньгами отъ такихъ духовныхъ и священныхъ ибѣтъ, или должностей.

Персіяне держатъ также четырнадцатидневный постъ, Русшъ (Rusch) или, какъ обыкновенно называется онъ по Турецки, Оруджъ (Oguz), который, по закону Магумеда, начинается въ мѣсяцѣ Рамезанѣ, съ новолунія, и заканчивается слѣдующимъ новолуніемъ. Въ этотъ постъ они ни ѣдятъ, ни пьютъ, съ восхода до заката солнца; но послѣ они могутъ всю ночь пить, какъ угодно, и обыкновенно къ утру ложатся спать съ полнымъ брюхомъ; по этому они легко могутъ переменить день на ночь и соблюдать такимъ образомъ постъ. Кто же не хочетъ соблюдать поста, какъ на примѣръ, дѣлалъ это Шахъ Сефи, тотъ, по закону, можетъ откупиться отъ этого раздачею милостыни.

Г Л А В А ХЛ.

О Сеидѣ, Абдаллѣ, Дервишѣ и Календарейѣ.

У Персіянъ есть родъ людей, которыхъ они называютъ Сеидами (Seijd) и которые должны быть изъ племени и изъ потомковъ Магумеда, а слѣдовательно Аали, и люди этѣ пользуются въ странѣ большою свободою. Они подстригаютъ волосы въ нижней части головы только на два пальца шириною, остальные же отпускаютъ длинными и заплетаютъ въ косу. Они не смѣютъ жениться иначе, какъ изъ своего же племени, въ противномъ случаѣ должны платить Шаху большую подать. Они ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ и въ плоскихъ низкихъ башмакахъ; мендили (шапки или чалмы) ихъ описаны выше. Они не смѣютъ пить ни какого вина, ни даже присутствовать тамъ, гдѣ пьютъ вино, и хотя они и могутъ бывать на пиршествахъ, но на нихъ, вмѣсто вина, всѣ должны пить душабъ, описанный выше, или же только одну воду. Они не должны прикасаться къ собакамъ, не могутъ быть причастны жи и не могутъ клясться иначе, какъ «Ewlademen», т. е.: «Клянусь моимъ рожденіемъ», въ то время, какъ другіе клянутся: Богомъ, Аали, Шахомъ Сефи и Реуашбер ба ембіа, т. е., племенемъ или родомъ Аали. Этѣ Сеиды, живущіе въ городахъ, вообще люди богатые, такъ какъ они обладаютъ собственными имѣніями (селеніями) и свободны отъ всякихъ повинностей, что и дѣлаетъ ихъ довольно спесивыми. Но

есть тамъ и такіе люди, которые выдають себя за Сендовъ, шатаются изъ города въ городъ, показываютъ свои свѣдѣтельства (Testimonia) и пробиваются только милостыней; такіе люди обыкновенно обманщики, ихъ зовутъ «Eher Seïd», т. е., святыми осли; иные изъ нихъ носятъ круглую серебряную коробочку съ волосами, которые выдають за волосы Магумеда; они умѣютъ искусно выпускать этѣ волоса черезъ дырочку такъ, что иной можетъ подумать, что такое движеніе совершается самимъ волосомъ; они и продають этѣ волоса по волоску и довольно дорого. Персіяне закладываютъ ихъ въ книгу, когда читають и молятся.

Въ Гилянѣ, именно въ Кисмѣ (Kisma), былъ одинъ такой обманщикъ, который черезъ полукруглый хрусталь зажигалъ солнцемъ хлопчатую бумагу, чѣмъ и заставилъ народъ повѣрить, что онъ дѣйствительно происходилъ изъ рода Магумеда, получилъ отъ него силу творить чудеса, и вообще находился въ союзѣ съ небомъ. Когда позднѣе я показывалъ, въ Голштейнѣ уже, бывшимъ у насъ Персіянамъ, что это явленіе совершенно естественно, и какъ можно зажигать бумагу на солнцѣ, даже въ суровую зиму, черезъ ночной сосудъ, наполненный холодною водою, даже черезъ простой кусокъ чистаго льду, который я изготовилъ выпуклымъ на блюдѣ, то Персіяне тѣ объявили мнѣ, что если бъ я сдѣлалъ это у нихъ, въ Персію, то меня непременно сочли бы за святаго, или за чародѣя.

Есть еще въ Персіи родъ духовныхъ людей, Абдаллы (Abdallen), которые также должны происходить отъ Аали, и которыхъ въ Турціи нѣтъ, а вмѣсто нихъ тамъ есть Дервиши, о которыхъ много походованій рассказано въ Персидской «Долинѣ Розъ.» Абдаллы суть родъ монаховъ, ходятъ они одѣтые въ простыхъ кафтанехъ, иногда выстеганныхъ и прошитыхъ, какъ тюфяки; иные изъ нихъ просто увѣшиваются шкурою съ шерстью, и опоясываются посреди тѣла, какъ бы поясомъ, мѣдною змѣею, которую даетъ имъ ихъ глава (Meister), когда они провозглашаются Абдаллою, какъ свѣдѣтельство ихъ мудрости. Въ такой орденъ посвящаются только трое, именно: въ Суфиганы въ Ардебилѣ, Испагани и Мешетѣ, и посвящаются они Суфибашею, Верховнымъ главою Софиніянцевъ, о которомъ упомянуто было уже выше. Абдаллы встрѣчаются на торжищахъ и другихъ пло-

щадкахъ, тамъ и сямъ: они стоятъ, сзываютъ къ себѣ народъ, проповѣдуютъ ему о чудесахъ своихъ святыхъ, и порицаютъ Турецкихъ святыхъ: Абубекера, Омара, Одсмана, Ганифе, а также и святыхъ Узбецкихъ, выдумываютъ про нихъ разныя срамныя происшествія, для того, чтобы какъ ни будь обругать ихъ, проклинаютъ даже ихъ вмѣстѣ съ Турками, и такимъ образомъ распространяютъ и вкореняютъ преданія своей секты и ненависть къ Туркамъ въ молодежи, которой наиболѣе находится обыкновенно въ такихъ сборищахъ. По этому-то Абдаллы не дерзаютъ и находиться по близости къ Турецкимъ границамъ. Между э. йми Абдаллами есть такіе молодцы, которые проматываютъ все, что надаютъ и набрасаютъ ему его слушатели, простолюдины; по этому такихъ молодцовъ называютъ Персіяне Календеранами (Kalenderan). Объ этихъ лжепроповѣдникахъ я представилъ подробныя свѣдѣнія въ моей Персидской «Долгій Розъ», въ 8-й книгѣ § 67-мъ. Это большею частію легкомысленный, развращенный, преданный Содомскому грѣху и грабежу, людъ, который, за исключеніемъ только того, что помогаетъ распространенію Вѣры, доставляетъ странѣ мало хорошаго. Иногда по ночамъ они уходятъ въ поле, прячутся тамъ въ какой ни будь норѣ, или засадѣ, ржутъ по лошадиному, для того, чтобы, когда лошади проѣзжающихъ стануть отвѣчать имъ, они могли узнать, гдѣ находится проѣзжіе, и за тѣмъ напасть на нихъ и ограбить. Никто ихъ охотно не пускаетъ къ себѣ и въ домъ; по этому при мечетяхъ строятся для нихъ небольшія часовни, чтобы они имѣли въ нихъ свое убѣжище. Въ Ардебилѣ такихъ убѣжищъ наиболѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Случилось однажды, что въ селеніе Лекере (Lekere), лежащее въ 3 миляхъ отъ Ардебиля, пришелъ Абдалла къ одной молодой жепщицѣ и просился къ ней на почлегъ; жепщина извинилась, что, за отсутствіемъ мужа, не можетъ дать ему почлега у себя, но если бъ мужъ былъ дома, то не отказала бы ему. Абдалла, увидѣвъ, что хозяйка красива и пошла донѣ корову, пробрался потихоньку въ домъ къ ней и спрятался на постели, которую хозяйка, по обыкновенію своему, складывала днемъ вверху, на козлахъ, или станкѣ, чтобы на землѣ она не мѣшала. Между тѣмъ хозяйка пригласила дочь сосѣда, одну дѣвицу, къ себѣ пере-

почевать. Когда обѣ женщины усѣлись было поѣсть, то хозяйка попросила дѣвицу достать къ столу еще одно кушанье, которое она положила на постель; дѣвица пошла, увидѣла за постелью Абдалла и подумала, что хозяйка сама запрятала его туда, для того, чтобъ поспать съ нимъ; по этому не осталась на ночь у ней и ушла. Абдалла, увидѣвъ, что онъ съ хозяйкой одинъ въ домѣ, выльзаетъ изъ своей засады, ласково привѣтствуетъ хозяйку и еще разъ проситъ ее о дозволеніи ему переночевать у нея. Испуганная такимъ нежданнымъ явленіемъ, хозяйка дозволила ему, и гость не замедлилъ повести рѣчь о раздѣленіи съ нею ложа. Хозяйка сдѣлала видъ, будто согласна его желанію, и сказала, что пойдетъ прежде въ кладовую, принесетъ оттуда кой какое угощенье для него; но, вышедши въ кладовую, она затворилась въ ней, привалила къ двери нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, и оставила Абдалла въ домѣ одного, только съ своимъ малымъ ребенкомъ, лежавшимъ въ люлькѣ. Абдалла угрожаетъ ей убить дѣтя, если она не выйдетъ къ нему; но хозяйка отвѣчаетъ, что честь ей дороже ребенка, и что дѣтей она еще много можетъ прижить съ своимъ мужемъ. Послѣ этого Абдалла разрѣзалъ ребенка на 4 части своимъ большимъ ножомъ, который, словно широкій кинжалъ, люди этѣ носятъ на боку и пазывается Букданъ (Bukdâr), и за тѣмъ отправился къ кладовой, вырылъ тамъ подъ двернымъ порогомъ дыру, въ которую и хотѣлъ пролѣзть. Хозяйка начала кричать и звать на помощь, и когда Абдалъ просунулъ уже голову и плечи во внутрь кладовой, она схватила попавшійся ей подъ руки сошникъ отъ плуга, и давай имъ рубить убійцу по головѣ и шеѣ, такъ что тотъ тутъ же и померъ. Такъ какъ кровь изъ убитаго обильно патекла въ кладовую къ хозяйкѣ, то при видѣ ея она впала въ обморокъ; пришли сосѣди и мужъ, разломали двери, увидали такую страшную картину и привели въ чувство хозяйку, которая, оправясь, припомнила, что когда убійца получилъ отъ нея первые удары по головѣ, то онъ просилъ о пощадѣ и говорилъ, что онъ дорого заплатитъ за кровь ея убитаго дѣтяти, что въ его Хиркалѣ (Chirkal, такъ назывался кафтанъ Абдаллы) много золота; по этому, съ убитаго сняли его кафтанъ и бросили пока въ то мѣсто за постелью, гдѣ спрятался было прежде убійца; бездыханное тѣло Абдаллы было сожжено, а скорбные отъ потери ребенка люди на

шли въ сказанномъ кафтанѣ, который весь былъ въ заплатѣхъ и заштопанъ, 800 червонцевъ.

Есть еще нѣсколько Дервишей, людей болѣе набожныхъ и кроткихъ, чѣмъ Абдаллы; только въ Персіи ихъ не такъ много, какъ въ Турціи. Но на этотъ разъ довольно о Персидской Вѣрѣ и о томъ, въ чемъ преимущественно заключается ея отличие отъ Турецкой. Прибавлю здѣсь еще только слѣдующее: Турки приходятъ въ ужасъ, когда видятъ, что Персіане ходятъ въ чулкахъ изъ зеленого сукна, или шерсти; причина этому та, что Магумедъ носилъ шапочку изъ зеленого сукна. Персіане же, на зло Туркамъ, тѣмъ охотнѣе носятъ такіе зеленые чулки.

Г Л А В А Х L I .

О погребеніи Персіанъ.

Если кто умретъ въ Персіи, то его ни какъ не оставляютъ лежать болѣе 3-хъ часовъ (хотя бы это и ночью), а тотчасъ же предають землѣ. Но прежде трупъ долженъ быть чисто вымытъ дома, если умершій знатное лицо, или же въ выстроенной для того на кладбищѣ усыпальницѣ, навываемой у Персіанъ *Müldeschur Chane*, какъ это случилось видѣть мнѣ въ Касвинѣ, на обратномъ нашемъ пути. Хорошій, молодого человека, лѣтъ двадцати: еще не остывшее тѣло его, въ одеждѣ, несли на похоронномъ одрѣ, съ пѣніемъ; принесли въ усыпальницу, покойника раздѣли и опустили въ копанъ или прудъ, которыхъ было два въ усыпальницѣ, каждый въ 8 квадратныхъ локтей, и выложены эти пруды квадратными камнями; могильщикъ вымылъ тѣло; людей знатныхъ сажаютъ въ ванну и поливаютъ камфорной водой (*Kasur*) съ головы и по всему тѣлу, и за тѣмъ затыкаютъ хлопчатой бумагой всѣ отверстія у покойника, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Сказанному молодому покойнику надѣли за тѣмъ бѣлую рубаху, обернули въ выбойчатое полотно, положили опять на похоронный одръ (несли), который тоже прежде вымыли, и понесли къ могилѣ. Могилы у Персіанъ роятся просторныя, поляя, нѣкоторыя со сводами, а нныя наверху уложены досками, и тѣло кладется въ могилу съ боку. Но

снѣрва еще сказанное тѣло помѣщено было предъ могильной ямой, Мула прочиталъ что - то изъ Алжорана, приподнялъ нѣсколько голову покойника и опять опустилъ ее. За тѣмъ уже тѣло, безъ гроба, помѣщено было въ могилу, и положено въ ней на правомъ боку, къ Западу; ибо Персіане говорятъ, что послѣдній день взойдетъ съ Запада, какъ объ этомъ подробнѣе говорится въ «Долинѣ Розъ», въ 5-й книгѣ, въ 20-й исторіи. Далѣе Мула взялъ горсть земли въ руку, прочиталъ еще какое - то изреченіе, бросилъ изъ руки землю на покойника, отошелъ на 7 шаговъ отъ него и опять воротился къ нему, прочиталъ еще изреченіе, и ушелъ потомъ со всѣми, бывшими тамъ, домой. Если покойникъ важная особа, то въ извѣстные дни дѣлается поминальное пиршество, только безъ вина, именно: на 3-й день послѣ погребенія. Когда же покойникъ былъ богатъ, то пиршество повторяется въ 7-й и въ 40-й, день при чемъ всякій разъ раздается бѣднымъ милостыня. Тоже повторяютъ такіа пиршества и въ праздники, въ Наврусь, Курбанъ (Kurban) и въ Рамезанъ.

Причины, для чего такъ торопятся похоронами, затыкаютъ покойникамъ всѣ отверстія и дѣлаютъ могилу полою, заключаются въ томъ, что Персіане вѣрують, будто въ то время, когда Мула отходитъ отъ покойника на 7 шаговъ и снова возвращается; къ покойному въ могилу приходятъ два Ангела, по имени: Некиръ и Мункиръ (Nekir et Munkir), которые не должны пайти въ могилѣ ни какой нечистоты. Тогда, будто бы, духъ покойнаго возвращается въ тѣло и дѣлаетъ половину его живую, такъ что умершій можетъ выпрямиться и сѣсть. Ангелы за тѣмъ осматриваютъ всѣ члены трупе, какъ они содержались на свѣтѣ и подъ конецъ спрашиваютъ: «Въ кого онъ вѣровалъ?» Покойный долженъ отвѣчать: «Въ Единаго Бога, Отца Небеснаго!»— «Кто твой Пророкъ?»— «Магумедъ!»— «Кто твой Имамъ?»— «Али!» Когда на этѣ вопросы послѣдуютъ такіе правильные отвѣты и покойникъ дастъ удовлетворительный отчетъ о томъ; какое употребленіе дѣлалъ онъ изъ своихъ членовъ при жизни, то ему обѣщается блаженство. За тѣмъ Ангелы снова разлучаютъ тѣло отъ души. Но такое испытаніе, какъ говорятъ Персіане, дѣлается только взрослымъ покойникамъ, а не малымъ дѣтямъ.

Чтобы заставить вѣрить, что и отецъ Аалія, Абуталибъ (A. thalib), также достигъ блаженства тѣмъ же ихъ способомъ, Персіане говорятъ слѣдующее объ его умершемъ тѣлѣ: прежде онъ назывался Эмирамъ и умеръ раньше Магумеда. Когда Ангелъ пришелъ къ нему въ могилу и спросилъ: кто его пророкъ? то хотя онъ и отвѣчалъ, что Магумедъ, но на вопросъ: кто его Имамъ? не отвѣчалъ; ибо до смерти своей не зналъ, что сынъ его, Аали, такъ возвеличится и сдѣлается Имамомъ. По этому Ангелъ Гавріилъ пошелъ къ Магумеду и просилъ, чтобы Аалію было приказано пойти къ могилѣ своего отца и возгласить къ нему: «О отецъ! Я твой Имамъ, и я возьму тебя къ себѣ въ послѣдній день!» Отъ того Эмирамъ получилъ и другое имя, т. е., его называли Абуталибомъ, что значитъ: «Pater inquis», т. е., отецъ, искавшій и нашедшій своего Имама.

Тѣло великихъ господъ и знатныхъ людей провожаютъ на кладбище съ почетною обрядностью, какъ мы видѣли это однажды въ Шемахѣ, когда хоронили одного благороднаго господина, который, съ радости отъ нашего прибытія, напился водки до того, что на другой же день умеръ. Похоронное шествіе при этомъ было такое:

1. Впереди несли на высокоихъ, тяжелыхъ шестахъ, в знаменъ, которыя они употребляли и при встрѣчѣ насъ, но въ этотъ разъ знамена этѣ были свернуты.

2. Вели 4-хъ лошадей, одну за другой: первая везла на себѣ лукъ и стрѣлу, остальные другое все изъ одежды покойнаго.

3. Ѣхалъ на бодромъ лошацѣ слуга и держалъ въ рукѣ мандилъ или головную повязку бывшаго господина своего.

4. Шли два человекъ съ башенками (Nachal) на головахъ, прыгая и приплясывая. Башенки украшены были пучками перьевъ.

5. Несли 8 большихъ блюде съ печеньемъ (конфектами), посреди котораго стояли головы сахару, обернутыя голубою бумагой (голубой цвѣтъ есть печальный у Персіанъ); на каждой головѣ сахару прилѣплены были по три зажженныя восковыя свѣчи.

6. Шла музыка, изъ ручныхъ барабановъ (бубенъ) и мѣдныхъ тарелокъ, въ которыя били одновременно,

7. За тѣмъ шло множество людей въ бѣлыхъ повязкахъ: то были Суфиганы (Suffihan).

8. Два отдѣленія пѣвцовъ, которые, идучи кружкомъ, ломались довольно странными тѣлодвиженіями и прегромко кричали: «Ла илла илла ла» (La illa illala!) и: «Алла екберъ!» (Alla Ekber).

9. Шли три прислужника съ обнаженными правымъ плечомъ и рукою; на рукахъ и на лбу у нихъ были порѣзы или разрѣзанныя раны, такъ что изъ нихъ текла кровь.

10. Несли три дерева, на которыхъ висѣли красныя яблоки; три локона волосъ женъ покойнаго, которые онѣ вырвали у себя, или пострѣзали, въ знакъ своей вѣрности мужу. На деревѣ, кромѣ того, навѣшено было множество кусочковъ красной и зеленой бумаги.

11. Несли самое тѣло восемь человѣкъ: на гробѣ лежалъ преизящный шелковый кафтанъ, подбитый курчавымъ бухарскимъ мѣхомъ.

12. Позади тѣла четыре человѣка несли мальчика, сидѣвшаго на высокомъ стулѣ и громко читавшаго Алкоранъ. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ Персіанъ. Въ такомъ-то торжественномъ шествіи сказанное тѣло принесено было въ городъ, въ извѣстное мѣсто, откуда его назначено было отправить въ Вавилоу, для постановленія его при Святыхъ. Шествіе это понятнѣе представлено на прилагаемомъ при семъ изображеніи. ¹

Этого будетъ достаточно о настоящемъ состояніи Персіанъ, хотя бы можно было сообщить еще нѣсколько болѣе, и даже приложить нѣсколько изображеній, рѣзанныхъ на мѣди, въ особенности о состояніи и Вѣрѣ Армянскихъ Христіанъ. Но такъ какъ слѣдующая, послѣдняя, книга, по нѣкоторымъ причинамъ, должна быть отпечатана прежде, чѣмъ окончена половина этой 5-й ² книги, то, противъ ожиданія, мѣста оказалось для этого мало; по чему все не вошедшее тѣперь сюда я долженъ поберечь до другого удобнаго случая, который, можетъ быть, скоро и представится мнѣ,

¹ Стр. подлинника 686 — 687. О. Б.

² Въ подлинникѣ ошибкой сказано 4-й. О. Б.

Г

СМЪСЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ
И
ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ

XVII и XVIII столѣтій,

СЪБРАННЫЕ

НИХАНДОНЪ СЕМЕВСКИИЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляемые едѣсь старинные, разнообразнаго содержанія, акты достались мнѣ въ разное время и отъ разныхъ лицъ. Они составляютъ лишь часть всѣхъ, находящихся у меня, актовъ, число которыхъ простирается до 600. Изъ сихъ документовъ, далеко не одинаково важныхъ, я, для настоящаго Сборника, выбралъ лишь такіе, которые, въ томъ или другомъ отношеніяхъ, являются занимательными для любителей Русской старины. Одни изъ нихъ, по самому содержанію своему, представляютъ занимательность, не смотря на то, что образцы ихъ были не разъ печатаемы; другіе, не столь занимательные по содержанію, выбраны мною по тому, что они вообще рѣдко встрѣчаются въ сборникахъ нашей старинной письменности.

Всѣхъ нынѣ сообщаемыхъ мною актовъ 69: они, какъ я уже сказалъ, отобраны мною отъ другихъ актовъ, при томъ самомъ тщательномъ образомъ рассмотрѣнныхъ; одно уже отношеніе цифръ 68: 600 достаточно свидѣтельствуетъ о строгости, съ какою произведенъ былъ мною выборъ.

За симъ тѣ акты, которые я нашелъ необходимымъ помѣстить въ настоящемъ Сборникѣ, относятся къ царствованіямъ: Михайла Федоровича, Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Ивана и Петра Алексѣевичей, и обнимаютъ собою одно столѣтіе, а именно: съ 1623 года по 1723 г.; * нѣкоторые изъ сихъ актовъ отъ ветхости оказались неполными, иные сохранились лишь въ спискахъ;

* Исключеніе составляетъ лишь актъ подъ № 1, относящійся ко второй половинѣ XVI столѣтія.

но какъ тѣ, такъ и другіе включены мною въ настоящій Сборникъ, по тому что первые, не смотря на свою неполноту, содержатъ въ себѣ все такъ болѣе или менѣе важныя данныя, а относительно вторыхъ нѣтъ ни какого повода сомнѣваться въ достовѣрности и совершенномъ сходствѣ ихъ съ подлинниками, что подтверждается, между прочимъ, и сличеніемъ съ этѣми списками однородныхъ по содержанію актовъ.

Упомянутые документы, какъ мы уже сказали, разнообразны и по содержанію, разнообразны и по формѣ. Въ составъ ихъ входятъ: Царскія грамоты по разнымъ дѣламъ, указы и инструкція мѣстныхъ властей, челобитныя записи по разнымъ заключаемымъ договорамъ, акты свидѣственные, челобитныя крестьянъ къ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Принимая исходною точкою раснаденія документовъ на отдѣлы внутреннее ихъ содержаніе, мы составляемъ изъ актовъ, предлагаемыхъ въ настоящемъ Сборникѣ, четыре отдѣла:

I. Акты историческіе. Число ихъ тридцать. Разрядъ этотъ составляютъ: а) 10 Царскихъ грамотъ къ Поковскимъ Воеводамъ. Кромѣ того, сюда же должно причислить грамоту Стефана Баторія о Бѣловежской пущѣ; * б) Донесеніе о положеніи Польскихъ войскъ близъ Пскова; в) три документа, относящіеся до состоянія хлѣбныхъ запавовъ въ Козьмодемьянскѣ; г) Донесеніе Козьмодемьянскаго Воеводы о приходѣ воровскихъ Казаковъ; д) 11 челобитныхъ разныхъ лицъ; е) извѣтъ подкеларника Соловецкаго монастыря, Сильвестра; ж) Росписка въ принятіи денегъ на покупку рыбы для Царскаго обиходу; з) два документа: 1, Выпись изъ памяти о дачѣ Капитаномъ Надворной пѣхоты земли подъ двора въ Москвѣ, и 2, Справка о службѣ Арзамасца Яхонтова.

Изъ числа этѣхъ документовъ представляются болѣе достойныя вниманія: 1) грамота Польскаго Короля Стефана Баторія о Бѣловежской пущѣ, замѣчательная въ особенности по языку своему; 2) грамота Царя Алексѣя Михайловича, 1654 года, о приѣмѣ отъ ино-

* Подлинникъ этѣй грамоты подаренъ мнѣ А. Н. Яхонтовымъ, а мною П. А. Мухавову.

III

вѣща Стефана заподряженнаго вина, и 3) грамота Новгородскаго Воеводы Шереметева къ Шведскому Генералу, Грундель-Гельмфельту, о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. Изъ челобитныхъ преимущественно важны три челобитныя Стрѣлецкаго Головы, Ивана Мещеринова. Въ этѣхъ челобитныхъ содержится довольно подробное описаніе осады Соловецкаго монастыря и случившагося послѣ его взятія. Не менѣ замѣчательны, въ историческомъ отношеніи, донесеніе того же Мещеринова о приходѣ къ г. Козьмодемьянску во ровскихъ Казаковъ, и челобитная его же о буйствѣ въ томъ же городѣ, гдѣ онъ былъ Воеводою, Черемисъ и Чувашь. Къ документамъ важнымъ для исторіи Соловецкаго мятежа нельзя также не причислять и извѣтъ, 1673 г., подкеларника монастырскаго, Сильвестра, на мѣстнаго Архимандрита и Воеводу, Князя Волконскаго.

II. Акты, относящіеся до дѣлъ уголовныхъ. Документовъ этѣхъ девятнадцать. Относятся они къ царствованіямъ: Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Ивана и Петра Алексѣевичей. Изъ означенныхъ документовъ: 3 грамоты, 13 челобитныхъ, показанія по уголовному дѣлу Трубникова съ Мещериновыми, мировая запись, оканчивающая уголовную тяжбу, и проектъ возраженій Ивана Мещеринова на судѣ противъ взводимыхъ на него обвиненій стрѣльцемъ Аввакумомъ. Изъ числа этѣхъ актовъ замѣчательны для изображенія духа времени тѣ, которые касаются взаимныхъ наѣздовъ помѣщиковъ на имѣнія и грабежей этѣхъ имѣній. Замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ составляетъ челобитная Ивана Мещеринова на Боярскихъ Дѣтей, Трубниковыхъ, замѣчательный еще и по тому, что онъ выставляетъ выпукло наше прежнее несложное, подѣ часъ скорое и мало разбиравшее суть дѣла, уголовное производство. Проектъ возраженій Ивана Мещеринова, самъ по себѣ довольно любопытный, выигрываетъ въ своемъ значеніи тѣмъ еще, что подобныхъ документовъ не встрѣчается въ нашихъ печатныхъ собраніяхъ актовъ.

III. Акты, относящіеся до дѣлъ гражданскихъ. Этѣхъ актовъ одиннадцать. Изъ нихъ: а) грамота Патріарха Іоакима, 1670 г., о духовномъ завѣщаніи Василя Загряжскаго; б) три рядныхъ и одна сговорная записи второй половины XVIII столѣтія, одна пожилая дворовая запись 1692 г., двѣ поручныхъ записи временъ Алексѣя

IV

Михайловича, запись, данная монастырскимъ крестьяниномъ о доставленіи въ Смоленскъ хлѣба, отписъ 1694 г. о принятыхъ въ приданое крестьянкамъ, и челобитная 1684 г., о понужденіи къ принятію покупщикомъ имѣнія купчей. Не смотря на то, что рядныя записи были помѣщаемы въ историко-юридическихъ сборникахъ, мы привели нѣкоторыя изъ нихъ по тому, что документы этого рода представляютъ довольно важныя данныя по отношенію къ быту помѣщичьему. Поручныя записи по стрѣльцамъ, обусловливаемыя исключительностью ихъ службы на Соловецкомъ островѣ, представляютъ собою нѣкоторую разность въ обязательствахъ поручителей и в самыхъ выраженіяхъ, сравнительно съ другими извѣстными подобными документами. Въ духовномъ завѣщаніи Загряжскаго замѣтительно упоминаніе о семейныхъ отношеніяхъ жены его къ родственникамъ.

IV. Челобитныя крестьянъ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ. Первыхъ документовъ четыре, писемъ частныхъ лицъ пять. Хотя какъ крестьянскія челобитныя, такъ и письма частныхъ лицъ, содѣржаніемъ не богаты, но первыя изъ нихъ въ особенности, независимо уже отъ того, что представляютъ собой образецъ тогдашняго Русскаго разговорнаго языка, изображаютъ намъ положеніе крестьянъ: челобитныя этѣ всѣ исполнены горькихъ жалобъ на безвыходную нужду. Что касается до писемъ частныхъ лицъ, то изъ нихъ обращаютъ вниманіе посланія Приказныхъ къ помѣщикамъ. О нихъ можно замѣтить, что относительно смысла и языка онѣ мало чѣмъ отличаются отъ крестьянскихъ челобитныхъ, разнѣ лишь витѣватостью пожеланій.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ документахъ, при ихъ печатаніи, сохранено правописаніе подлинниковъ, между прочимъ, по тому, что въ нѣкоторыхъ актахъ, какъ, на пр., въ челобитныхъ крестьянъ, оно свидѣтельствуетъ о степени грамотности нашего люда. Послѣ каждаго документа помѣщена замѣтка объ его наружномъ состояніи.

Михаилъ Семевскій.

12 Октября, 1868 г.
С.-Петербургъ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АКТЫ

XVII — XVIII СТОЛѢТІЙ.

I.

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ.

1.

Грамота Польскаго Короля, Стефана Баторія, о Білорезской пуцѣ.

Стефанъ Божію Милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Жомонтскій, Мазовецкій, Лифлянтскій, Княже Седмигродское и иныхъ.

Паней Виленской, Старостиной Жомонтской, Маршалковой Земской Великаго Князства Литовскаго, Старостиной Ковенской, пани Яновы Ходкевичовой, Крыстыне, зе Зборова, а сыномъ пана Виленскаго, Александру и Кароліусу Ходкевичомъ, што, будучи на близко прошломъ Варшавскомъ сойме, в року тисеча пять сотъ осмдесятомъ минуломъ, дали есмо, з ласки нашею господарское, вамъ имене отъ отца вашога ку столу предка нашего славное памети Короля, его милости Жикгимонта Августа, заменою поступленое, называемое Свислочь Ведже пуццу Белорезскую всю в целости заховываючи, которая границами своими к тому имено Свислоцкому прилегла, и ште бы пуцци Белорезское ку Свислочи привлащано было, то черезъ ревизоры наши мели есмо росказати отграничити, але ижъ для войны року прошлаго то се стати не могло, пре то на тотъ часъ ку той справе послали есмо Каштеляна Берестейскаго, Старосту Гомельскаго, пана Богдана Санегу, Судю Земскаго Берестейскаго Адама Потел, а Секретара нашего Станислава Лещницкаго, кеторыиъ росказали есмо тамъ на певный часъ, то есть, вступивши в постъ великый, на другой неделѣ у четвергъ, мѣсяца Февраля дватцать третего дня, в року теперъ идучомъ зъехати, и подлугъ того, яко за Короля, его милостію Жикгимонта

Августа, пуца Беловезская границы свои з ыменемъ Свислоцкимъ мела, тые же границы и теперь поновити, а то, што бы се неслышнне ку Свислочи привлацило, отъехати и ку пуци нашей Беловезской привернути вше бы, мы о томъ ведаючи, тамъ на тотъ часъ выехали, албо на свое месце кого выслали ку пригладеню поновеня и застановеня тыхъ границъ отъ помененыхъ ревизоровъ нашихъ, абы и данине нашей, сыномъ твое милости вчиненой, досытъ се стало, и пуцамъ нашимъ уближене и змнейшене ни которое не дѣялосе, а черезъ тое застановене тыхъ посланцовъ нашихъ, и межи и границы, отъ нихъ положонные, абы з Свислоцкого имениа въ пуцу нашу Беловезскую ни чимъ се не вступовано и шкода не чинена, твоя бы милость, пани Виленская, а потомкомъ, паца Виленского приказуемъ, штобы есте пилне постерегати казали по звыклому обычаю. Писанъ у Варшаве лета Божого нароженя 1581, Февраля двадцатого дня.

Stephanus Rex.

(М. II.)

Грамота писана скорописью четкою на полулистѣ обыкновенной желтоватой бумаги; подпись Короля подлинная, печать сплюснулась, и по тому нельзя видѣть, что было на ней. На оборотѣ: «Obwieszczenie Krola Stefana na exdywizja gruntow Bielowieaskich od Swistoczcy do Chodkiewiczow wydane.» Ниже: «№ 16, № 17-го, № 17-го, thek. 2-da, folio 3, fas. 3-ty, fol. 326, ex fasc. 3.» Знаки препинанія расставлены нами для большей ясности.

2.

Грамота, 1651 года, Псковскому Воеводѣ, Князю Львову, и Дьяку Степанову, о ворахъ Дружиникъ Бородинѣ.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русні в нашу отчину во Псковъ околичному і воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову да дьяку нашему Івану Степанову. Писали есте к намъ, что извещали васъ во Пскове все городные старосты Петрушка Сидоровъ да Івашко Давыдовъ на вѣдомово вора на Псковитина на посадцкого челоуѣка на Дружинку Бородина, что де онъ Дружинна к нимъ земскимъ

старостамъ и посадничимъ людямъ пристаиваетъ воровски и уграживаетъ и продаетъ напрасно; да онъ же говорилъ воровские рѣчи. Псковскому казаку Олешне Обросимову и заводитьъ прежнея воровство и мятежи. Ув сыску всякихъ чиновъ люди про то вамъ сказали тожь. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, і вы того вора и заводчика и клякуна старого Дружинку Бородину за его воровство велѣли бить кнутомъ по торговь нещадно, а послѣ наказанья прислали его к намъ к Москвѣ з женою и з детьми с приставомъ и с провожатыми, да о томъ к намъ отписали, а отписку велѣли бѣ подать и приставу с тѣмъ Дружинкою двитца в Новгородской чети Дьякомъ нашимъ, Думному¹ Михайлу Волощенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову. А в дороге велѣли есте приставу того Дружинку вести скована с великимъ береженіемъ, чтобъ онъ в дороге никуда не ушолъ и дурна надъ собою ни каково не учинилъ. Писана на Москвѣ лѣта 1651, Декабря въ 19 день.

Стябець. На оборетѣ грамоты надидься: «В нашу отчину во Псковъ Околичему і Воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову, да Дьяку нашему Ивану Степанову.»—«1651 году, Декабря въ 29 день, подалъ Государеву грамоту Новгородець Кремка Савельевъ.»

3.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича, 1651 г., ко Псковскому Воеводѣ Львову, объ объявленіи Псковичамъ Царскаго благоволенія за поимку воровскихъ людей.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи в нашу отчину во Псковъ околичему і воеводе нашему князю Василью Петровичу Львову да дьяку нашему Ивану Степанову, Писали есте к намъ, что вы во нашему указу вора і заводчика Гаврилка Демидова з женою и з детьми в великнй Новгородъ изо Пскова послали с приставомъ и с провожатыми к боярину нашему і воеводе ко Князю Юрью Петровичю Буйносову Ростовскому, да к дьяку к Василью Соконову о томъ отъ себя писали. Да к вамъ же Псковичи всякихъ чиновъ люди привели вора То-

мидка Слѣпова. Приходитъ де тотъ воръ Томилка к стрелцу и Игнашку Музе и говорилъ, чтобъ имъ завести натежъ и перевозить по прежнему. I вы того вора и заводчика Томилка Слепова з женою и з детьми изо Пскова послали в Великіи Новгородъ с товарищи ево с ворами и з заводчиками з Гаврилкомъ Демидовымъ и с Прошкою Ковою, для того, чтобъ оне, во Псковѣ сидя за приставомъ, какого злого умыслу і воровства не завели и смуты какне не учинили. И что вы того Томилка изо Пскова в Великіи Новгородъ послали, и мы, Великіи Государь за то васъ жалуемъ, милостиво похваляемъ. I какъ и вамъ ся наша Грамота придетъ, и вы бѣ Псковичъ всякихъ чиновъ людей велѣли призвати к себѣ в сѣзжую избу, и намъ Государской милостивоу указъ имъ сказали, что они воровъ межъ себя не таятъ и тѣхъ воровъ не держатъ и приводятъ к вамъ в сѣзжую избу. И мы великіи Государь за то ихъ Псковичъ похваляемъ, і они бѣ впередъ такихъ воровъ у себя не укрывали и на нихъ извещали, чтобъ добрые люди отъ воровъ были бѣ знатны, а воры бѣ потому жъ были явны. Писано на Москвѣ лѣта 1651 Декабря въ 8 день.

Столбецъ. На оборотѣ грамоты надпись: «В нашу вотчину во Псковѣ Околичему і Воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову, да Дьяку Ивану Степанову.»

4.

Грамота, 1651 года, Псковскому Воеводѣ, Князю Василью Петровичу Львову, о дворѣ Псковитинина Ильи Хвостова.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи в нашу отчину во Псковѣ околичему нашему и воеводе Князю Василью Петровичю Львову, да дьяку нашему Ивану Степанову. Билъ намъ челомъ Псковитинъ Илья Хвостовъ: отнять де у него въ Пскове в городе дворъ ево и отдавъ Торопчанину Оеонасью Иванову сыну Кормолинну за то, что онъ Илья сидѣлъ во Пскове со Псковскими воры. А после де того у ево братья опалыхъ дворовъ ни у ково не отнето. И намъ бы ево пожаловать того его двора у него отымать не велѣть. И по нашему

указу у Псковитина Ильи Хвостова во Пскове в городе двора ево отымать не велено. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, і выбъ у Псковитина Ильи Хвостова дворъ ево во Пскове за Псковою рекою отымать и Торопчанину Оеонасю Кормолину отдавать не велѣли. Писано на Москвѣ. Лѣта 1651, Ноября въ 19 день.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Околицному і Воеводе Князю Василью Петровичю Лвову да Дьяку нашему Ивану Степанову». «1651 Декабря в 23 день подавъ Государеву грамоту Подъячей Иванъ Матеевъ».

5.

Грамота 1654 г. Псковскому Воеводѣ Князю Ѳедору Григорьевичу Ромодановскому о приготовленіи Поляковъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца. В нашу отчину во Псковъ Столнику нашему і Воеводамъ Князю Ѳедору Григорьевичю Ромодановскому с товарищи. Апрѣля въ 6 числѣ писали есте к намъ, Великому Государю, а к вамъ писалъ изъ Лютвина Воевода Василей Ломаковъ, а к Василью писалъ из Борисоглѣбова Воевода Иванъ Сумароковъ с проходцемъ о присылкѣ отъ Ковалера Юдицкаго подъ Борисоглѣбовъ на Курлянскую сторону драгуновъ пѣшихъ трехъ хорунгъ, чтобъ и с Курлянские стороны въ Борисоглѣбовъ не пропустить хлѣбныхъ запасовъ и харчей, а какъ Двина скроетца і в то время о промыслу и надъ Борисоглѣбовымъ. А въ Борисоглѣбове хлѣбныхъ запасовъ и денегъ нашимъ ратнымъ людемъ на дачу толко на одинъ Апрѣль мѣсяць, да і во Пскове де хлѣбными запасами и денгами четвертнаго збора скудно і в Борисоглѣбовъ послать нѣчево.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Столнику нашему і Воеводе Князю Ѳедору Григорьевичю Ромодановскому с товарищи». Окончанія грамоты недостаетъ.

6.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину о вземаніи примольной муки съ мѣстныхъ цѣловальниковъ. 1654 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Околничему нашему і Воеводамъ Ондрею Васильевичу Бутурлину с товарищи. По нашему Великого Государя указу путному ключнику Ѳедору Капустину велено доправить на мелничныхъ цѣловальникахъ, на Васке Балакиреве с товарищи, на сорокъ на дву человекъ, примольную муку противъ опыта Микифора Оничкова, противъ средней статьи, двѣсти пятьдесятъ одну четверть с осминою. И Ѳевраля въ 6 день писалъ к намъ, Великому Государю, Ѳедоръ Капустинъ: по счету Дворцоваго Приказу Подъячего Елизаря Кузмина начтена та мука на цѣловальниковъ, на Онтошку Михайлова с товарищи, на тридцать человекъ. І тѣ цѣловальники в той мукѣ стоятъ у него на правожѣ. И пришедъ де к нему в Дворцовой Приказъ земские старосты Савко Лялинъ да Давидка Бахаревъ тѣхъ цѣловальниковъ с правезу взяли и хотѣли тое муку заплатитъ всеѣмъ городомъ. І онъ де Ѳедоръ для платежу той муки к нимъ старостамъ Приставовъ посылалъ и самъ имъ говорилъ многожды. И они старосты той муки не платятъ и цѣловальниковъ на правожѣ не даютъ и о томъ велѣти бѣ ему нашъ Великого Государя указъ учинитъ. И по нашему Великого Государя указу тое примольную муку велено доправить вамъ. І какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ і вы бѣ примольную муку на цѣловальникахъ велели доправить по прежнему нашему указу без педобору вся сполна, а доправя, велѣли бѣ отдать путному ключнику Ѳедору Капустину съ роспискою, да о томъ к намъ Великому Государю отписать. А отписку велѣтъ подати в Приказе Большаго Дворца Околничему нашему Ѳедору Михайловичу Ртищеву, да Думному нашему Дворянину Григорю Михайловичу Аничкову, да Дьякомъ нашимъ Прокоею Яхонтову, да Ондрею Селину, да Денису Саблукову. Пісана на Москвѣ. Лѣта 1654, Ѳевраля въ 8 день.

Столебецъ. На оборотѣ грамоты надпись: «В нашу отчину во Псковъ Околничему нашему і Воеводе Ондрею Васильевичу Бутурлину с товарищи».

7.

Грамота Ц. Алексеѣ Михайловича Псковскнхъ Воеводамъ Князю Ромодановскому и Князю Гагарину о пріемѣ отъ иноземца Стефена заюдряженнаго вина. 1654 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексеѣ Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Воеводамъ нашимъ Князю Ѳедору Григорьевичу Ромодановскому, да Столнику Князю Василью Михайловичу Гагарину, да Дѣяку нашему Минне Гробову. Писали к намъ Великому Государю изо Пскова Околничей нашъ і Воевода Андрѣй Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи: нынѣшняго 1654 года, Генваря въ 29 день, билъ челомъ намъ, Великому Государю, Свѣйскіе земли торговой иноземецъ Юстько Стеенъ, а имъ во Пскове подалъ челобитную да листъ из Ругодива отъ Генерала Симона Грунденгенелма. А в челобитной де ево і в листу написано: в прошломъ во 1653 году Іюня во второй день, по приказу брата своего, Данила Стеена, уговорился онъ, Юстько, нашего Великого Государя кружечнаго двора з Головою с Ондрѣемъ Ларимновымъ поставить во Пскове на кружечной дворъ двѣ тысячи ведръ вина ценою по рублю по дватцати по семи алтынъ ведро серебряныхъ денегъ, на срокъ Августа къ 1-му числу прошлого 1653 году. И то вино на море вѣтромъ задержало на срокъ і вскоре после срока тово вина во Псковъ привезть не изоспелъ. І в нынешнемъ во 1654 году Нюбря въ 20 день то вино противъ уговору с Ондрѣемъ Ларимновымъ во Псковъ привезъ. Чтобъ намъ Великому Государю пожаловать ево Стеека велѣтъ то ево вино принять у него во Псковѣ на кружечномъ дворе Головъ нынешняго 1654 года по старой цене, по чему у него с Ондрѣемъ договорено в прошломъ во 1653 году. И Околничей нашъ і Воеводы Андрѣй Васильевичъ с товарищи того вина безъ нашего Великого Государя указу принять не смѣли. И какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, і вы бѣ велѣли подрядчику иноземцу сказать, толкобъ онъ то уговорное вино поставилъ противъ записи на срокъ, и у него вино принято было тотчасъ противъ той цены, по чему уговорился. А что онъ за-

мешкалъ какими ни есть причинами, а въ уговорной записи про замешканье никакихъ причинъ не написано, и у него ныне то вино бѣ велѣли принять, а дать ему за то вино денегъ противъ той цены, почему въ томъ месяце, какъ привезъ въ куренес на Псковскіе кружечные дворы, вино ставилось или уговорщижи ставили. Писано на Москвѣ. Лѣта 1654, Марта въ 9 день.

Столбецъ. На оборотѣ справа Бориски Протопопова и надпись: «В нашу отчину во Псковъ Воеводамъ нашимъ Князю Федору Григорьевичю Ромодановскому, да Столнику Князю Василью Михайловичю Гагарину, да Дьяку нашему Минне Грбову. 1654 года, Марта 18. Степашко Гавриловъ».

8.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Хованскому о прибавкѣ жалованья Псковитяину Родиону Кокоскину. 1661 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа-великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Боярину нашему і Воеводамъ Князю Ивану Ондрѣевичю Хованскому с товарищи. Пожаловали мы, Великіи Государь, Псковитина Родиона Семенова сына Кокоскина за Литовскую службу прошлыхъ 1659 и 1660 году и за сеуньччество: в прошломъ во 1660 году присылалъ ево к Великому Государю с сеунчомъ ты, Бояринъ нашъ и Воевода Князь Иванъ Ондрѣевичъ Хованской, с товарищи з бою, что на реке Дитве Кушцѣевича побилъ, велѣли ему нашего Государева жалованья придачи учинить к прежнему ево окладу помѣсному сто четвертей и денегъ восемь рублей і велѣно за службу и по родству написать по выбору. И какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, і вы бѣ велѣли во Псковскомъ списку Родиону Кокоскину за тѣ службы наше Государево жалованье помѣсного ево и денежного окладу придачу справить по сему нашему Государеву указу і велѣтъ ево написать по выбору. А ему, Родиону, велено на Государеве службе быть в полкѣхъ у тебя, Боярина нашего і Воеводы Князя Ивана Ондрѣевича с товарищи, по прежнему і велено ему на нашу

Государеву службу ѡхвать, не завъзжая, во Псковъ, без отмотчанья. Писано на Москвѣ. Лѣта 1661, Сентября въ 15 день.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Боярину нашему і Воеводамъ Князю Івану Оядрѣвичу Хованскому с товарищи. Ноября въ 23 день подагъ Родлоновъ сынъ Кодошнянъ». На оборотѣ же справа Ѳедки Леонтьева.

9.

Акты, относящіяся до покупки во Псковѣ рыбы изъ дворцовыхъ доходовъ. 1665 г.

1.

1665 году, Декабря въ 9 день, по Государеве, Цареве і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, грамоте іс Приказу Большаго Дворца и по приказу Боярина і Воеводы Князя Івана Амдрѣвича Хилкова, да Діаковъ Мины Грובה, да Івана Миккулина съѣзжей избы Подъячей Яковъ Болдинъ принялъ во Псковѣ Псковскихъ дворцовыхъ доходовъ приему Подъячего Власа Іпатовъ на покупку свѣжїе рыбы щукъ і судаковъ двѣсте рублей. Принялъ Подъячей Яшка Болдинъ.

На оборотѣ столбца надпись: И того жъ 1665 году, Апрѣля въ 29 день, по Государеве, Цареве і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, грамоте тѣхъ дворцовыхъ доходовъ остаточные денги что остались за рыбною покупкою сто семьдесятъ семь рублей девять алтынъ три денги изъ съѣзжие избы у Подъячево Якова Болдина въ Дворцовой Приказъ принялъ я, Власко Іпатовъ, і въ съѣзжей избѣ в приходной книге нынешняго 1665 году о приеме тѣхъ денегъ я, Власко, росписался.

2.

Лѣта 1665, Декабря въ 9-ый день, по Государеву, Цареву і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, указу Івану Патрекѣвичу Юсупову,

нынешняго 1665 году, Декабря въ 9 день, в грамоте Великого Государя, Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, ис Приказу Большаго Дворца за приписью Дѣяка Протасія Никифорова во Псковъ к Боярину і Воеводе ко Князю Ивану Андрѣевичу Хилкову, да к Дѣякомъ к Минне Гробову, да к Ивану Микулину писано: указалъ Великіи Государь купить на Пскове на свой Великого Государя обиходъ свежіе рыбы, щукъ і судаковъ болшихъ, на двести рублевъ. А то число денегъ на тое поупку взять із Государевыхъ Псковскихъ дворцовыхъ доходовъ у тебя, а Государевъ указъ к тебѣ із Приказу Большаго Дворца послать. І по указу Великого Государя, Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, на поупку свѣжіе рыбы денегъ двести рублевъ изо Псковскихъ Государевыхъ дворцовыхъ доходовъ, о присылке в сѣзжую избу къ Боярину і Воеводе ко Князю Ивану Андрѣевичу Хилкову, да Дѣякомъ к Минне Гробову, да к Ивану Микулину учинити тебѣ тотчасъ. Діакъ Иванъ Микулинъ.

Столбцы. На оборотѣ втораго столбца справа Ивашки Болдырева и помѣта о запискѣ въ сѣзжей избѣ присланной грамоты въ книгѣ особою статьею.

 10.

Грамота Новгородскаго Восводи Шереметева къ Шведскому Генералу Грудельгельмфелту о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. 1673 г.

Божнею милостию Великого Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, Московскаго, Киевскаго, Владимирскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго і Великаго Князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго, Государя і Великаго Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговскаго, Резанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Белоозерскаго, Чудского, Обдорскаго, Кондинскаго и всея сѣверныя страны повелителя и Государя

Иверскіе земли, Карталинскіе и Грузинскіх Царей и Кабардинскіе земли, Черкасскіх и Горскіх Князей і инымъ многимъ Государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, Его Царскаго Величества отчины Великаго Новаграда Бояринъ і Воевода и Намѣстникъ Смоленской Петръ Васильевичъ Шереметевъ сосѣдственно и дружно вѣдомо чиню вельможнѣйшаго і высоко-рожденнаго Князя і Государя Карлуса, Божіею милостию Свѣйскаго, Готцкаго, Вендѣйскаго Короля и отчиннаго Князя, Великаго Князя Финскіе земли, Арцуха Эстлянскаго, Лиолянскаго, Обрѣйскаго, Бременскаго, Оерденскаго, Стетинскаго, Померскаго, Касубскаго і Венденскаго, Князя Ругенскаго, Государя надъ Ижерскою землею и в Висмаре, также Пальцграфа Банернскаго, Гюлихскаго, Клевскаго и Бергенскаго Арцуха его Королевскаго Величества и Свейскаго Государства Генералъ-Губернатору надъ Ругодивомъ и надъ Ижерскою землею Симуу Грундельгельмфелту, что по милосердому і расмотрительному указу привѣтнаго нашего Монарха, благочестиваго и христілюбиваго Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, Его Царскаго Величества, велено быть на ево Великаго Государя службѣ в древней ево Царской отчине в Новгородскомъ Государствѣ мѣ, Царскаго Величества Боярину и Воеводе і Намѣстнику Смоленскому, Петру Васильевичу Шереметеву; Царскаго жъ Величества Боярина і Воеводы на Князь Иваново мѣсто Петровича Пронскаго, а ему, Боярину Князю Ивану Петровичу, велено быть к Москвѣ, и по тому Великаго Государя нашего его Царскаго Величества указу Новгородское Государство я, Царскаго Величества Бояринъ і Воевода Петръ Васильевичъ, у Болрина і Воеводы Князя Ивана Петровича Пронскаго принялъ.

Да в нынѣшнемъ во 1673 году Великаго Государя нашего Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія і малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, Его Царскаго Величества в грамотѣ ис Посолскаго Приказа Царскаго Величества к Боярину і Воеводе и Намѣстнику Велико-Перьискому, ко Князю Ивану Петровичу Пронскому, писано: в нынѣшнемъ же во году Декабря въ 3 числѣ пріѣхалъ к Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, к Москвѣ изъ Свѣй иноземецъ Полковникъ Николай

Ѧанстаденъ, и по ево Полковнику приѣзду вѣдомо Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, учинилось, что вельможнѣйшей Государь вашъ, его Королевское Величество, для сосѣдственные с Великимъ Государемъ нашимъ, с Его Царскимъ Величествомъ дружбы и любви, указалъ Преподобнаго Арсенія Чюдотводца мощи, которые после отнятія Деревеницкаго монастыря и Игумена Леонтея с братією, остались за Свѣйскимъ рубежемъ в пустомъ Коневскомъ монастыре, отдать, и объ отдаче тѣхъ святыхъ мощей Его Королевское Величество писалъ с нимъ, Полковникомъ, к тебѣ, Королевскаго Величества Генералу, и тое Королевскую грамоту онъ, Полковникъ Николай Ѧанстаденъ, подалъ на Москве в Посолскомъ Приказе. И по указу Великого Государя нашего Его Царскаго Величества об отдаче тѣхъ святыхъ мощей к тебѣ, Королевскаго Величества Генералу, писалъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Околицей и Намѣстникъ Серпуховской Артемонъ Сергѣевичъ Матѣевъ листь.

Писано столбцемъ.

11.

Челобитная Игумена Мирожскаго монастыря и Псковскихъ помѣщиковъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ всегородныхъ старость. 1623 г.

Царю Государю і Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Руси бьютъ челомъ Псковскихъ монастырей твои Государевы богомолцы, Спасова Мирожскаго монастыря Игуменъ Герасимище і во всѣхъ Игумновъ мѣсто, да холопи твои, Псковскіе помѣщики Олешка Татищевъ, і во всѣхъ Псковскихъ помѣщиковъ мѣсто. Нынешнего 1623 года, по твоей Государеве грамоте, велено, Государь, насъ, твоихъ Государевыхъ богомолцовъ, и насъ холопей твоихъ дать со Псковичи со всегородными Старосты въ ихъ самовольномъ владѣнн сь ямскихъ деревень в хлебомъ і в денежномъ доходе счетъ. Милосердый Государь, Царь і Великой Князь Михаилу Феодорович всеа Руси, пожалуй, Государь, насъ своихъ Государевыхъ богомолцевъ, и насъ холопей своихъ—вели, Государь, у

всегородныхъ Старостъ взять с тѣхъ ямскихъ деревень приходу и расходу выделные книги, какъ онѣ владѣли самовольно с твоего Государева, обирая подъяческое устроеноемъ въ свою і въ дьячю набу до счета. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Взять для спросу въ стѣжней набѣ.»

12.

Челобитная Игумена Герасима и Псковскихъ помѣщиковъ о безпорядкахъ, допущенныхъ всегородными Старостами по ямскому дѣлу (Перв. полв. XVII стол.).

Царю, Государю і Великому Князю Михайлу Федоровичу, всеа Русіи, бѣзетъ челомъ Преображенъя Спасова Мирожского монастыря Игуменъ Герасимъ и во всѣхъ Псковскихъ монастырей мужскихъ і девичихъ Игуменовъ и Игуменей, да Псковские помѣщики Дворяне и дѣти Боярские Олешка Татищевъ и во всѣхъ Псковскихъ помѣщиковъ мѣсто. Нынешняго, Государь,..... были челомъ тебѣ, Государю, на Псковскихъ на всегородныхъ Старостъ, на Конона Солодовника с товарищи, въ ямскомъ именье. И прислана во Псковъ твоя Государева грамота к твоимъ Государевымъ Воеводамъ, ко Князю Ондрѣю Васильевичу Хилкову, да к Ивану Федоровичу Наумову, да к Дьяку к Петру Овдокимову. Милосердый Царь Государь і Великий Князь Михайло Федоровичъ, вели, Государь, к себѣ, к Государю, к Москве из Пскова от своихъ Государевыхъ Воеводъ и отъ Дьяковъ отписать по той своей Государеве грамоте, какъ онѣ, всегородные Старосты, городомъ и засадами и пригороды в разоренее и послѣ разореня въ прошлыхъ годѣхъ ямъ строили и подводы отпускали и ныне какъ устроены во Пскове подгороцкой ямъ. А въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ покаместа онѣ, Псковичи, посадческие люди, самовольствомъ до ямсково строенъя владѣли ямскими крестьяны і доходомъ однѣ. І о томъ по нынешней і по прежней своей Государеве грамоте вели, Государь, с ними счетъ дать. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

Столбецъ. Года не обозначено.

13.

Челобитная Дворянъ и жальцовъ Сотни на Абакума Іевлева въ поношеніи ихъ безчестными словами. 1664 г.

Великому Князю Алексѣю Михайловичу..... и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу..... холопи твои дворяня и жилцы..... сотни Сатина на Абакума Ѳедорова сына Іевлева. В нынешнемъ, Государь, въ 1664 году на твоей Великого Государя службѣ какъ были у Воарна і Воводы, у Князь Івана Семеновича Прозоровскаго, с Царскимъ и Крымскимъ людьми въ Касульцахъ, а на томъ бою тебе, Великому Государю, мы холопи твои служили и твоего Государева знамени ни гдѣ мы, холопи твои, не отставали. Да у насъ же, холопей твоихъ, в сотне ранено пять человекъ—Князь Иванъ Трубниковъ, Григорій Челякинъ, Игнатей Челіщевъ, Степанъ Демьяниковъ. Да твоево Государева знамени пребито в трехъ местехъ, а подъ Головою нашимъ конь раненъ и подъ человекомъ ево лошадь ранили и у многихъ, Государь, сотенныхъ людей побиты и переранены люди, и лошади побиты жъ и переранены. А на томъ, Государь, бою с Головою нашимъ сотенныхъ людей толко сорокъ восемь человекъ. А онъ, Абакумъ, насъ холопей твоихъ называетъ не слугами, будто мы холопи твои на томъ бою тебе, Великому Государю, не служили и твоево Государева знамени не метали. А мы, холопи твои, на томъ бою тебѣ, Великому Государю, служили и отъ твоего Государева знамени ни гдѣ не отставали и тѣмъ онъ, Абакумъ, насъ холопей твоихъ обезчестилъ. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великия и малыя і бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй насъ холопей своихъ, вели, Государь, по своему Государеву милостивому.....

Столбецъ безъ конца и съ обрывками.

14.

Челобитная Стрѣleckаго Головы Ивана Мещеринова о пожалованіи его землею. (Врем. Царя Алексѣя Михайловича.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Голова Московскихъ Стрельцовъ, Івашка Мещериновъ: купленное, Государь, дворишко у меня холопа твоего, что я купилъ у Паенутьева монастыря в Беломъ городе, в приходе у Живоначальныя Троицы, что у Покровскихъ воротъ, и былъ я, холопъ твой, на твоей Великаго Государя службѣ в Киевѣ, а бѣлъ меня, холопа твоего, тотъ мой дворишко згорелъ. А подле, Государь, дворишка моего была пустая земля, длиннику тритцать семь сажень, а поперешнику в одномъ конце, что от города, три сажени безъ четверти, а в другомъ коньце сажень с четвертию. И та, Государь, земля запустела до морового поветрея. И людипки, Государь, мою ту землю безъ меня, холопа твоего, пригородили к моему огородишку. Милосердый Государь, Царь і Великий Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, ту пустую порожнюю землю отдать под огородишко мне холопу твоему. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцомъ.

15.

Челобитная Стрѣleckаго Головы Мещеринова о притѣшеніи, дѣлающъ ему Восродею Княземъ Волгодонскимъ въ Соловьевомъ монастырѣ. (Врем. Царя Федора Алексѣевича.)

Царю Государю і Великому Князю Федору Алексѣевичу всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Івашко Мещериновъ. Въ прошломъ, Государь, во 1673 году, в Сентябре мѣсяце, по указу блаженныя памяти отца твоего Государева, Государя нашего, Царя і Великаго Князя

Алексѣя Михайловича, всея великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержца, посланъ я, холопъ твой, съ полкомъ на твою Великаго Государя службу, на Соловецкой островъ подь Соловецкой монастырь, і велено мнѣ, холопу твоему, над Соловецкими ворами і измѣнниками чинить всякой воинской промыслъ со всякимъ радѣннемъ неотложно, чтоб ихъ воровство і мятежъ искоренить вскорѣ. І я, холопъ твой, будучи подь Соловецкимъ монастыремъ і чинячи промыслъ над ворами полтретья года, и здѣлалъ я, холопъ твой, кругъ монастыря тринадцать городковъ земляныхъ и на нихъ велѣлъ нарубить роскаты деревянные и насыпать каменьемъ. И с тѣхъ, Государь, роскатовъ чинилъ я надъ ними ворами промыслъ. Да от тѣхъ же, Государь, городковъ шанцами я, холопъ твой, подшол подь городъ в самые ближние мѣста и подвелъ подкопы подь три башни. И бился я, холопъ твой, с ними ворами полтретья года, не щадя головы своей, на многыхъ выласкахъ и на приступахъ. И милостию, Государь, Божиею и твоимъ Великаго Государя счастиемъ, я, холопъ твой, с твоими Государевыми начальными і ратными людьми городъ взялъ і воровъ всѣхъ порубилъ, а самыхъ пущихъ воровъ, для взысканія казны монастырской, велѣлъ оставить живыми. И после, Государь, взятыя Соловецкаго монастыря, в Соловецкомъ монастырѣ живу я, холопъ твой, полгода. И Соловецкие, Государь, выходцы, Попы і старцы, на твой Государьской ангелъ и на праздники тѣхъ церквей, кои въ монастырѣ, приносили мнѣ, холопу твоему, образу і в почестъ приносили мнѣ, холопу твоему, келейную свою рухлядь и денги. А какъ, по твоему Великаго Государя указу, прислан на мое, холопа твоего, мѣсто Стольникъ і Воевода Князь Володиміръ Волконской, да Дьякъ Алмазь Чистовъ, і велено имъ переписывать і сыскивать про монастырскую казну, чтобъ вся монастырская казна была в целости, и мнѣ, холопу твоему, у той переписки велено съ ними быть. И монастырская казна по книгамъ в целости. А в роспросе передъ Столникомъ і Воеводою, передъ Княземъ Володимеромъ Волконскимъ, да предъ Дьякомъ Алмазомъ Чистовымъ, Соловецкие воры измѣнники, Попъ Леонтей, да Келарь Левка, да старецъ Феоктистъ, мстя мнѣ, холопу твоему то, что я надъ ними ворами промыслъ учинилъ, і хотя службишку мою, холопа твоего, опорочить, сказали, будто онѣ ко мнѣ образы носили церковные і денги і рухлядь ка-

зѣнную, а не свою келейную, і меня, холопа твоего, для того, по ихъ воровской скаске, в Соловецкомъ монастырѣ задержали. Милосердый Государь, Царь і Великий Князь, всея великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, ихъ воровскимъ измѣнничьимъ лживымъ рѣчемъ повѣрить і вели, Государь, меня изъ Соловецкаго монастыря отпустить к Москве. А что она воры приносили ко мнѣ образа и денги и рухледь, назвавъ своею келейною, а нынѣ сказываютъ монастырскою, и буде, Государь, по книгамъ сыщетца, что все они воры ко мнѣ приносили казенное монастырское, а не свое келейное, і вели, Государь, то все у меня, холопа твоего, принять в монастырскую казну, а которые, Государь, образы они, Попы і черницы, приносили моево жъ полку к начальнымъ людямъ, і тѣ образы и рухледь Стольникъ і Воевода, Князь Володимерь Волконской, да Дѣякъ Алмазь Чистовъ, у нихъ начальныхъ людей у всѣхъ побрали в монастырь. А какъ изъ острова домой отпустили, и тѣ образы опять Архимандритъ Макарій отдалъ имъ же начальнымъ людямъ. А мнѣ, холопу твоему, онъ, Князь Володимерь, мстя прежнюю свою недружбу, которые такіежъ образы и денги и рухледь Соловецкіе Попы і старцы свою келейную ко мнѣ, холопу твоему, в почесть приносили на твой Государьской ангелъ і на праздники тѣхъ церквей, кои въ Соловецкомъ монастырѣ безъ твоей Великаго Государя грамоты не принималъ и меня, холопа твоего, за тѣмъ держать и морять голодною смертію, а людшкы мои хъ з запасенымъ и с рухледшкою держать за карауломъ, и меня, холопа твоего, и людшекъ мои хъ для запасу на ловь не пуцають и морять голодною смертію. А которыхъ я, холопъ твой, воровъ изменниковъ досталъ своею головою и оставилъ живыхъ для взысканія монастырския казны и держалъ ихъ в тюрьмахъ, и тѣхъ воровъ онъ, Князь Володимерь, на волю свободилъ, а вмѣсто, Государь, тѣхъ воровъ за мою службишку и за радительность меня, холопа твоего, морить голодною смертію, исполняячи свою прежнюю недружбу. А я, холопъ твой, в казну ни в которую монастырскую не хаживалъ и денегъ из никакой казны монастырской не имывалъ, а естли бы мнѣ, холопу твоему, похотѣть корысну быть монастырскою казною, и я бѣ холопъ твой, вшедчи въ городъ, монастырскихъ казенъ и не печаталъ бы; а то я, холопъ твой, самъ въ

казну не хаживалъ и начальныхъ и ратныхъ людей въ каану не пуштивалъ, въ томъ, Государь, шлюся на речь полкъ ратныхъ людей, которые у меня, холопа твоего, в полку были. Царь Государь, смудуйся.

Писано столбцомъ.

 16.

Челобитная Стрѣлецкаго Головы Межерикова о незаконныхъ поступкахъ Воеводы Князя Волконскаго на Соловецкомъ островѣ. (Конецъ XVII стол.)

..... и отъ Соловецкихъ воровъ.... и за ту свою службишку и радѣтельной промыслъ получилъ я, холопъ твой, к себѣ твоею, Великого Государя, великую и немзреченную милость: прислана ко мнѣ, холопу твоему, изъ Новогороцкаго Приказа твоя Великаго Государя милостивая грамота с милостивымъ словомъ, а на мое, холопа твоего, мѣсто присланъ на Соловецкой островъ Стольникъ і Воевода Князь Володимерь Волконской, да Дѣякъ Алмазь Чистовъ с начальными и с ратными людьми, И онъ, Князь Володимерь, видя мои, холопа твоего, кругъ Соловецкаго монастыря промыслы — городки и шанцы и щиты и всякие промыслы, и онъ, Князь Володимерь, мстя мнѣ, холопу твоему, прежнюю недружбу и хотя с меня, холопа твоего, взять взятковъ болшихъ, и тѣ городки и роскаты и в нихъ избу велѣлъ всѣ пожечь тотчасъ, а достаточные на уголье парежечь. А тѣмъ угольемъ оковывали ему, Князю Володимеру, во все лѣто сундуки и дарцы. А тѣ сундуки и дарцы делалъ онъ, Князь Володимерь, ис твоихъ, Великаго Государя, дубовыхъ казенныхъ бочекъ, которыя бочки, по твоему Великого Государя указу, присланы ко мнѣ, холопу твоему, в полкъ с виной отъ Архангельскаго города для ради ратныхъ людей болныхъ и раненыхъ и изъ моихъ, холопа твоего, дубовыхъ винныхъ бочекъ, и твои, Великого Государя, казенные бочки, послалъ я, холопъ твой, на лодкахъ к отдаче к Архангельскому городу з Двинскими стрелцами. И онъ, Князь Володимерь, тѣ бочки у стрелцовъ отнялъ и передѣлалъ себѣ в сундуки і в дарцы. А в тѣхъ, Государь, городкахъ и в роскатахъ и в избахъ было по смѣте

бревенъ пяти и четырехъ и трехъ и двухъ ·важонъ болши дватцати тысячъ бревенъ. И онъ, Князь Володимерь, пожегъ всѣ напрасно и пасалъ на меня, холопа твоего, к тебѣ, Великому Государю, ложно, хотя меня, холопа твоего, огласитъ напрасно я службишку мою опорочить, и для того онъ, Князь Володимерь, и переписанныя книги монастырскія казны не прислалъ многое время к тебе, Великому Государю, к Москве, и будто я, холопъ твой, монастырскую казну пограбилъ и нагрузилъ лодку и хотѣлъ будто отъ монастыря уѣхать и будто я, холопъ твой, и людишки мои хотѣя стрелять по твоимъ, Великого Государя, ратнымъ людямъ. И темъ онъ, Князь Володимерь, меня, холопа твоего, и людишекъ моихъ обклевалъ и огласилъ напрасно. А пограбилъ монастырскую казну и покралъ онъ самъ, Князь Володимерь, а ныне онъ, Князь Володимерь, пограбя и покрадчи монастырскую казну и мою, холопа твоего, рухлядь, которую онъ не написалъ въ переписныя книги и начальныхъ людей животы, которые поставлены были у меня, холопа твоего, на лодѣ Ротмистра Степана Поганова да Поручика Василя Гурковского. И онъ, Князь Володимерь, Августа в первыхъ числахъ, нагрузя лодку, с платьемъ и всякою монастырскою казною и моею, холопа твоего, рухлядью и начальныхъ людей животами, которые онъ, Князь Володимерь, утаил и укралъ, мою, холопа твоего, рухлядь и многихъ начальныхъ людей, в переписныя книги не вписавъ, хочеть укралчи тѣмъ всѣмъ завладѣть напрасно.....

Писано столбцомъ. Начала и конца недостаетъ.

17.

Челобитная Никиты Кирѣевскаго о дачѣ ему пустоши. (Врем. Царя Оседора Алексѣевича).

Царю Государю і Великому Князю Оседору Алексѣевичу, всемъ великимъ и малымъ и бѣлымъ Россіи Самодержицу, съезъ челоуи холопъ твой, Никитка Демидовъ сынъ Кирѣевской. В прошлыхъ Государь, годехъ былъ челоуи я, холопъ твой, блаженные памяти оцу твоему Государеву, Великому Государю Царю і Великому

Князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу: в Дмитровскомъ уезде в Кузмодемьянскомъ стану отдана третья пустоши Бекетова себѣ въ поместье, а третья треть в той пустоши моя, холопа твоего. И в тое, Государь, пору, по указу блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, в Дмитровскомъ уезде во всехъ станехъ не порожнихъ земель въ помѣстье давать было не указано. А ныне, Государь, после моего, холопа твоего, челобитья, былъ челомъ тебе, Великому Государю, о техъ дву третяхъ пустоши Бекетова Иванъ Ивановъ сынъ Чюлиздинъ, утая меня, холопа твоего, челобитья и будто я за деломъ не хожу. И я, холопъ твой, в тое пору былъ на твоей, Великаго Государя, службѣ и противъ ево челобитья дана ему твоя, Великаго Государя, грамота в Дмитровъ, велено про тое пустошь сыскать и отказать ему, Ивану, в поместье за моимъ челобитьемъ. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Феодоръ Алексѣевичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, телъ двухъ третей пустоши Бекетова ему, Ивану, отказать безъ очной ставки. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Столбецъ.

18.

Челобитная Головы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Мещерниова, о службѣ его подъ Соловецкимъ монастыремъ. (Времени Царей Іоанна и Петра.)

вичу, Петру Алексѣевичу всеа великия . . . бьетъ челомъ холопъ вашъ разореной, Ивашко во 1674 году, по указу отца вашего Государева . . . Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, посланъ я, холопъ вашъ, изъ Малороссійскаго Приказа с полкомъ на вашу, Великихъ Государей, службу на Соловецкой островъ на воровъ и изменниковъ Соловецкихъ, которые учинили противность Соборнѣй Апостольской Церкви і вамъ, Великимъ Государемъ, учинились непослушны. И по Великихъ Государей указу, велено надъ ними ворами за нихъ

злые умыслы і противство воинской промыслъ чинить, чтобъ онѣ воры от злаго начинанія престаи и повинилися Соборнѣй і Апостольской Церкви і вамъ, Великимъ Государемъ, в винахъ своихъ добили челомъ. И онѣ, воры, отъ злаго своего начинанія не престаи, і вамъ, Великимъ Государемъ, учинились во всемъ противны. І по вашему Великихъ Государей указу, я, холопъ вашъ, ихъ воровъ осадилъ на крѣпко самою крѣпкою осадюю і всякой воинскій промыслъ над ними ворами чинилъ, і многіе шанцы і подкопы зделалъ і воду у нихъ. по мнѣ, холопѣ вашему, і по ратнымъ людямъ изо ста и двадцати пушекъ, і многихъ вашихъ Великихъ Государей начальныхъ і ратныхъ людей побилъ из пушекъ і из меднаго ружья, а человекъ с семьсотъ переранили на выласкахъ и на приступахъ. И я, холопъ вашъ, отъ нихъ воровъ изувеченъ и оглохъ ото многія ихъ пушечныя стрелбы. И за помощію, Государь, Божіею и вашимъ Великихъ Государей счастьемъ, я, холопъ вашъ, с начальными і ратными людьми надъ ними ворами і измѣнниками промыслъ учинилъ і воровство ихъ искоренилъ и ихъ воровъ побилъ и ту Святую Лавру отъ нихъ воровъ свободилъ и все поморіе утишилъ и о томъ я, холопъ вашъ.

Писано столбцемъ. Аиъ этотъ въ началѣ и въ концѣ порванъ.

19.

Челобитная Ивана Мещерникова о выдачѣ ссудной записи на крестьянина Семѣна Агѣева. 1685 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ Івашко Ивановъ сынъ Мещерниковъ. Въ прошломъ, Государи. году билъ. мнѣ, холопу вашему, с воли во крестьяне Сенка Агѣевъ. на Москвѣ ссудную запись. И я, холопъ вашъ, ево женилъ на старинной своей дѣвкѣ Танки Филиповой, и та ссудная у меня утерялась. А в Холопье Приказе записные книги в мутное время

изодрали. Милосердые Государи Цари и Великие Князи Иосифъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея великія і малыя і бѣлыя Россіи Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, Государи, того моего крестьянина на Сенку Агѣва і на жену его Тамку Филипову і на дѣтей дать ссудную, чемъ мнѣ, холопу вашему, впрעדъ владѣть. Цари Государи, смилуйтеса.

Столбецъ. На оборотѣ подписъ Мещерякова и помѣта о распросѣ Агѣва.

20.

Челобитная Ивана Кирѣвскаго о не правильномъ зачисленіи его съ братьями въ городовые дворяне. (1701 г.)

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Івашко Васильевъ сынъ Кирѣвской. Въ нынешнемъ, Государь, въ 1701 году по твоему Великаго Государя указу и по грамоте из Золотой Палаты, послана твоя Великаго Государя грамота въ Дмитровъ городъ к Воеводе к Ондрею Петрову сыну Подлесову, а по той твоей Великаго Государя грамоте велѣно городовыхъ Дворянъ изъ недорослей дѣтей ихъ выслать к Москвѣ в Золотую Палату и записывать приѣзды свои. И по той твоей Великаго Государя грамоте онъ, Воевода Ондрей Подлесовъ, присылалъ приказнаго Подъячаго Степана Филищева ко мнѣ, холопу твоему, и ко братьямъ моимъ мимо твоего Великаго Государя указу, въ помѣстишко і в вотчинки наши, для высылки недорослей к Москвѣ в Золотую Палату. И онъ, Подъячей, написалъ в доездѣ своемъ, будто отецъ нашъ Василей Никитичъ Кирѣвской служилъ тебѣ, Великому Государю, по городу в дворянахъ, и написалъ меня, холопа твоего, и братьевъ моихъ Василья да Микиту Кирѣвскихъ в малыхъ лѣтѣхъ из недорослей в городовые. А отецъ, Государь, мой служилъ тебѣ, Великому Государю, по Москвѣ в большомъ полку, а не по городамъ во дворянѣхъ. И посылалъ онъ, Воевода, многие посланки в помѣстишко наше і в вотчинки. І от тѣхъ, Государь, от частыхъ посылокъ чинятца

людишкамъ нашимъ и крестьянишкамъ многія разоренія. Милосердый Великій Государь Царь і Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, в той росписи именника наши отмѣтить и изъ Золотой Палаты вели, Государь, послать к нему, Воеводе, Великого Государя указъ, чтобъ впредь от него Воеводы присылокъ не было и мнѣ и братьямъ моимъ и людишкамъ нашимъ і крестьянишкамъ разоренія не было. Великій Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ. Бумага съ гербовымъ штемпелемъ.

21.

Донесеніе Воеводы Ивана Мещерякова о приходѣ къ г. Козмодемьянску воровскихъ Казаковъ. (Конца XVII стол.)

Служа и работая Великому Государю и слыша про приходъ воровскихъ Казаковъ, ровъ кругъ города и острога выкопалъ глубиною пяти сажень, шириною семи сажень и черезъ ровъ мосты подъемные зделалъ и стену новую зделалъ и колодезы и тайникъ зделалъ и обלאы кругъ города и острога новые зделалъ, і всякіе городовые крѣпости учинилъ, какихъ тутъ не бывало. А делалъ все градцкими и уѣздными людьми, и дворы и лавки у многихъ человекъ, очищая городовые и острожные стены, отламалъ и на томъ мѣсте выкопалъ ровъ. И которые воры Кузмодемьянские Русскіе розныхъ чиновъ люди и дѣти ихъ и братья и племянники въ то время, какъ я былъ въ Кузмодемьянскѣ, и они были въ воровскихъ Казакахъ человекъ четыре ста в Астрахани и подъ Симбирскимъ. И я безъ нихъ у многихъ дворы и избы разломалъ и перевозилъ, которые годились на то городовое и острожное строеніе, на катки и на обלאы. Да ихъ же Русскихъ людей многихъ ставилъ на караулъ по городу и по острогу и по улицамъ и по перекресткамъ, а по иное время слушать по вестямъ. І всѣми людьми всякихъ чиновъ велѣлъ на карауле безсходно стоять отъ приходу воровскихъ казачишковъ потому, что

они, Кузмодемьянцы, и братья и племянники были в тое пору в веровскихъ Казакахъ больши четырехсотъ человекъ, а стояли онѣ, собрався с ными ворами, в большомъ собраньи, на Анташинскомъ лѣсу, отъ Кузмодемьянска въ шдесяти верстахъ, и хотели приходить подъ Кузмодемьянскъ.

Писано столбцемъ.

22.

Челобитная Кузмодемьянскаго Воеводы Мещерянова о буйствахъ Черемисъ и Чувашъ. (1673 г.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Івашко Мещеряновъ. Жалоба, Государь, мне, холопу твоему, Кузмодемьянскаго уезду на Чювашу и Черемису разныхъ сотенъ і волостей, а имянь ихъ я, холопъ твой, не знаю, а в рожу ихъ я, холопъ твой, и людишка мои многихъ узнаемъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 1673 году Ноября въ 29 день, въ шестомъ часу дни, приходили они, Чюваша и Черемиса, к дворышку моему, где я, холопъ твой, стою, собрався великимъ многоядствомъ, человекъ съ шестьсотъ и болши, не ведомо, Государь, по какому умыслу, і на дворъ ко мне, холопу твоему, въ ворота ломились и черезъ заборъ на дворъ многие люди перелезли. И я, холопъ твой, съ людишками своими на великую силу отъ нихъ отбился. Милосердый Государь, Царь і Великий Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, ихъ Чювашу и Черемису роспросить, по какому они умыслу ко мне на дворъ ломились и на заборе многие сидели и черезъ заборъ на дворъ ко мнѣ лазили, сыскать тутошными соседми и околными людьми. Царь Государь, смилуйся.

Узенькій столбець.

23.

Челобитная вдовы Кирѣевской о неправедѣ съ имѣніи ея рублевого сбора за Крымскіе походы. (1701 г.)

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣвичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ раба твоя, вдова Прасковьица, Иванова дочеришка, Васильевская жена Никитича Кирѣевского. Въ прошлыхъ, Государь, годехъ, по твоему Великаго Государя указу, изъ недоимочнаго Приказу присланы твои, Великаго Государя, грамоты въ Дмитровъ да въ Кашинъ в городъ. А по темъ твоимъ, Великаго Государя, грамотамъ, велено за Крымскіе походы 195 и 197 годы править с крестьянскихъ дворовъ рублевыя деньги, і в прошломъ, Государь, въ 92 году, била челомъ я, раба твоя, тебе, Великому Государю, чтобъ техъ рублевыхъ денегъ за Крымскіе походы на крестьяншихъ моихъ не править потому, что мужъ мой Василей Никитичъ былъ на твоей Великаго Государя службѣ во 194 году под Изюмомъ, а во 197 году в Крымскомъ походе и былъ на техъ твоихъ, Великаго Государя, службахъ с преѣзду и до отпуску, и о службѣ мужа моего с розряду справлевана, и противъ моего челобитья из недоимочнаго Приказа в Дмитровъ да в Кашинъ городъ дана с прочетомъ твоя, Великаго Государя, грамота к Воеводамъ—рублевыхъ денегъ на крестьяншихъ моихъ править не велено. І тое твою, Великаго Государя, грамоту человѣченко мой, Оедка Васильевъ, в Дмитровѣ городе в Приказной избѣ подалъ Воеводѣ, і Воевода отдалъ тоѣ грамоту Подъячему Меркушке Аео-насьеву. И онъ, Подъячей Меркушка, для своей бѣзделной корысти і взятковъ своровать, принявъ тоѣ грамоту у Воеводы, человѣченку моему не отдаетъ и до нынѣ и проситъ с меня рабы твоей многихъ взятковъ. І в техъ рублевыхъ сборахъ нынѣ в Кашинѣ в рабочаю пору держатъ в тюрьмѣ крестьяншихъ моихъ, и оттого его Меркушкина воровства, что не отдаетъ тоѣ твоей, Великаго Государя, грамоты чинятца мнѣ, рабѣ твоей, и крестьяншихъ моихъ великия убытки и разорения. І в техъ убыткахъ и разоренее своемъ и крестьяншихъ своихъ, я, раба твоя, на нѣго, Подъячего Меркушку Аео-насьева, стану впередъ в Судномъ Московскомъ Приказе бить челомъ тебѣ, Великому Госу-

дарю. Милосердый, Великий Государь Царь и Великий Князь Петръ Алексѣевичъ, вся великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, рабу твою, вели, Государь, на недоимочнаго Приказа с прежнего отпуску дать с прочетомъ свою Великаго Государя грамоту в Дмитровъ да Кашинъ городъ, чтобъ на крестьянишкахъ моихъ твоихъ Великаго Государя рублевыхъ денегъ не править и крестьянишкихъ моихъ из тюрьмы освободить. Великий Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцомъ. Бумага съ гербовымъ штемпелемъ.

24.

Извѣсть Подкеларника Соловецкаго монастыря Сильвестра о непристойныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ про Государя чернецомъ Манасійкою.
(1673 г.)

Бьетъ челомъ—извѣщаетъ Богомолецъ твой, нищенъ Соловецкаго монастыря Подкеларникъ, а Кирилова монастыря постриженой чернецъ Селиверстъ, на Столника і Воеводу, на Князя Володимира Волконскаго да на Архимандрита Соловецкаго монастыря Макария в томъ, што они вашей Государской чести, живучи во монастыре, не оберегаютъ, а сами пьютъ и бражничаютъ безпрестанно, а вашей Государской чести не брегутъ. В нынешнемъ, Государь, въ 1673 году въ Іуль мѣсяцѣ въ Соловецкомъ монастыре сидѣлъ взятой воръ изменникъ, родомъ Смолченникъ, чернецъ Манасійко и говорилъ при нихъ, Архимандрите и Князе Володимере, блаженныя намѣтъ про отца твоего, Великаго Государя нашего, и про тебя, Великаго Государя, не пристойныя слова—не толко написать, но и помыслить страшно—при многихъ старцахъ и при твоихъ Государевыхъ служилыхъ людяхъ. И они, Князь Володимерь и Архимандритъ Макарей, приходили къ нему, черныцу Манасійке х тюрьме и сами не пристойныя речы от него Манасійка слушали и, за своимъ пьнствомъ, по се время, объ вашей Государской чести нераденіемъ, о томъ великомъ деле х тебе, Великому Государю, не писамъ к Москвѣ. А которые братья старцы і служилые люди хотятъ о

томъ деле тебѣ, Великому Государю, весно учинить и оне, Князь Володимеръ и Архимандритъ, проведавъ, техъ людей сажаютъ въ смертныя темницы, уповая добить до смерти. Такожде проведавъ і про меня нищего, што хотелъ тебе, Государю, изветно учинить о томъ деле, і оны, проведавъ о томъ, держутъ меня въ монастыре и с острова не спускаютъ, штобъ я про такое великое дело тебе, Великому Государю, весно не учинилъ. А знатное, Государь, дело, что с того черныца Манасейка взяли оны, Князь і Архимандритъ, скупъ большой, потому ево і берегутъ. А какъ онъ посоженъ в тюрьму і к нему посылае Архимандритъ Макарей тайно одного полночи времени келейнаго своего молодова Дьякона Стевана; про то скажетъ Стеванъ. Пожалуй меня нищего своего богомольца, вели, Государь, про те непристойныя рѣчи розыскать всемъ Соловецкимъ монастыремъ—святенницамъ и братьею и своими Государевыми ратными людьми. А ихъ, Князя Володимера и Архимандрита Макарея, выслать вонъ, гдѣ ты, Великій Государь, укажешь, покаместа про то великое дело розыщутъ, штобъ, Государь, не боясь ихъ, сказали в правду в сыску. А какіе, Государь, не пристойныя речи онъ, чернецъ Манасейко, говорилъ про ваше Царское Величество, и про то, Государь, не можно на писме подать. А ноне ево, черныца Манасейка, ис тюрьмы оны съвободили і ходитъ онъ в монастыре на напрости. Царь Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ.

25.

Донесеніе Дружинки Креницына Псковскихъ Воеводанъ о состояніи Русскихъ и Польскихъ войскъ. 1662

Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, Околничему и Воеводѣ Князю Тимофѣю Ивановичу, Ермолаю Дмитревичу Дружинко Креницынъ челомъ бьетъ. В нынешнемъ во 1662 году Ноября въ 9 день писали вы ко мнѣ с проѣзжею станицею съ Псковскими Казаки Оадѣйкою Мокѣевымъ с товарищи. А велѣно мнѣ провѣдать подлинно, гдѣ нынѣ Бояринъ і Воевода и Намѣстникъ

Вятцкой Князь Иванъ Ондръевичъ Хованской с полкомъ и куды пошолъ. И Польские и Литовские люди гдѣ нынѣ стоятъ и много ли ихъ ныне в зборе и кто у нихъ начальные люди и куды ихъ походъ чаятъ и гдѣ ныне Полковникъ Артемей Ротеормъ з драгуны и з Государевыми хлѣбными запасы, до полку здорово ли доѣхали, чтобъ вамъ про то было вѣдомо. А что у меня въ Опочкѣ впредь какихъ вѣстей про Польскихъ воинскихъ объявитца, и мнѣ бѣ о томъ писать к вамъ почасту с парочными гонцы. И мнѣ в Опочке вѣдомо есть, что Бояринъ і Воевода я Намѣстникъ Вятцкой Князь Иванъ Ондръевичъ Хованской с полкомъ ныне стоитъ в Полоцку, а куды ево походъ будетъ ис Полоцка, того не вѣдомо. А Польские и Литовские люди Ерманъ Чернецкой с полкомъ стоитъ на сей сторонѣ Двины реки в Старо обозе подъ Кушликовыми горами, а сколько ихъ в зборе есть и куды ихъ походъ чаятъ, того не вѣдомо впрямь. Да и то сказываютъ, что Полскоі Король Казимеръ пришелъ в Долгинево, а куды ево походъ чаятъ, того невѣдомо. А про Полковника Артемія Ротеорма сказываютъ, что з Государевыми хлѣбными запасы пришолъ в Невль и ныне стоитъ в Невле. А Полскихъ и Литовскихъ людей из обозу и Себежа чаятъ походъ вскоре в Государеву сторону. А что у меня впредь какихъ вѣстей будетъ, и я вамъ тотчасъ учну писать наскоро.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Государа Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, Околицему і Воеводѣ Князю Тимофею Ивановичу, Ермолаю Дмитревичу». — 1662 года 15-го Ноября.

26:

Сказка, данная цѣловальникомъ Башкирцевымъ о расходѣ Государева хлѣба въ Козмодемьянскѣ. 1671 г.

1671 года, Марта въ 31 день, в Кузмодемьянскомъ в приказной избѣ Воеводе Ивану Алексѣевичу Мещерянову Козмодемьянской житвишной целовальникъ Васка Башкирцовъ сказалъ: в нынешнемъ во 1671 году послѣ Воеводы Ивана Семеновича По-

бодинскаго і после ннзоваго казатскаго отпуску было въ Государевыхъ житницахъ Государева Кузмодемьянскаго посоннаго остаточнаго хлѣба двѣ тысячи триста семдесятъ четвертей съ осминою и полчетверика ржи, три тысячи шестьсотъ двѣ четверти с осминою и пополчетверика овса. Ис того числа при Старшинѣ при Івашкѣ Микитинѣ, по ево Івашковой памяти дано на Государево жалованье Кузмодемьянскимъ стрельцамъ пятьсотъ во семьдесятъ четверт. съ полосминою и четверикомъ ржи, пушкаремъ да плотнику одиннадцатъ четв. съ полосминою ржи; ящичкомъ пяти человекамъ тридцатъ пять четвер. ржи, стрѣльцкимъ вдовамъ за умершихъ мужей ихъ осмнадцатъ чет. с полосминою ржи, да воровские казаки розымали у меня, цаловальника Васки, изъ Государевыхъ житницъ Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ моево Васкина с товарищи приему моево Васкина с товарищи двѣсти шеснадцатъ четв. ржи, триста двеннадцатъ чет. овса. Да при Воеводе при Князе Даниле Аеонасьевиче Борятинскомъ на Государево жалованье дано шляхтичу да стрелцомъ сто семдесятъ двѣ четв. ржи, столько жъ овса; да при Стряпчемъ і Воеводе при Петрѣ Ивановиче Аничкове дано Государевымъ ратнымъ людямъ Московскаго выборнаго Агѣева полку Шепелева солдатомъ и Московскимъ стрелцамъ на кормъ шестдесетъ чет. ржи, да на Государево жалованье приходскихъ церквей Попомъ Дьякову, дьячку и пономаремъ из Кузмодемьянскихъ стрелцовъ кузнецамъ и сторожамъ і воротнику двѣсти пятдесатъ девять чет. с осминою ржи, столько ж овса. Всего в расходъ тысяча триста шестдесатъ.

Писано столбцомъ. На оборотѣ подпись Попа Андрея Малахѣева вмѣсто цѣловальника Васки Башмирцева. Окончанія недостаетъ.

 27.

Сказка, данная Кузмодемьянскими цѣловальниками Воеводѣ Мещеринну о хлѣбныхъ занасахъ. 1671 г.

1671 года Апрѣля въ 2 день в Кузмодемьянской в приказной избѣ Воеводе Ивану Алексѣевичю Мещеринну Кузмодемьянские посадцкие люди житнишные целовальники, Ларка Серебренникъ,

Трунка Федосѣевъ, Івашко Кожинъ, сказали: в Кузюдемьянскомъ в Государевыхъ житницах Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ приему нынѣшняго 1671 году на лицо тысяча пятьсотъ шестьдесятъ шесть чет: ржи, тысяча триста сорокъ шесть чет. овса, да мехавыхъ запасовъ, сѣнь сотъ шестьдесятъ чет. муки ржаной, двадцать чет. крупы, двадцать шесть чет. толокно. То наша и скаска. И скаску писалъ Петрунка Федосѣевъ. А чего того хлѣба не стаетъ, і тотъ хлѣбъ на насъ на цѣловальникахъ.

Писано столбцемъ. Вмѣсто цѣловальниковъ, подписался Мосвишко Ярославцовъ.

28.

Переводная память Кузюдемьянскихъ стрѣльцовъ о взятыхъ къ Государевыхъ житницъ хлѣбъ. 1671 г.

Се Матвѣй Филимоновъ сынъ Щиголевъ, да я Тимоѣей Овровъ сынъ Старожилцевъ, да я Тимоѣй Гавриловъ сынъ Сапожникъ, да я Михайло Ильинъ сынъ Кирпишниковъ, Кузюдемьянские пятидесятники стрелецкіе і десятники і всѣ Кузюдемьянские стрелцы взяли есми в Кузюдемьянскомъ, по приказу Воеводы Івана Алексѣевича Мещеринова, изъ Государевыхъ житницъ Великаго Государя хлѣбного жалованья Благовѣщенского срогу на нынешней на 1671 годъ: ржи и овса на старую додачу, на двѣсти на шестънадцать человекъ, по два четверика с осминою ржи, овса по тому жъ на человекъ, да нови на сорокъ четыре человекъ по три четверика с осминою ржи, овса по тому жъ на человекъ. А буде Великіи Государь на немъ, Воеводѣ на Іване Алексѣевиче Мещеринове, того хлѣба ржи і овса спросить, и намъ, пятидесятникомъ і десятникомъ і всѣмъ Кузюдемьянскихъ рядовъ стрелцамъ, отдать тотъ хлѣбъ рожь і овесь весь сполна безо всякаго мотчанья в тѣ житницы тотчасъ. На то послуся: Іванъ Подовъ, Іцль Брюковъ, Петръ Федосѣевъ. Память переводную писалъ пятидесятой стрѣлцкой Федка Григорьевъ. Лѣта 1671, Апрѣля въ 15 день.

Писано столбцомъ. На оборотѣ подписанъ Иванъ Леонасидъ вмѣсто стрѣлцкой и подписанъ послужковъ.

29.

Выпись изъ памяти о дачѣ Капитанамъ надворной пѣхоты земли подъ двора въ Москвѣ. (Времени правленія Царевны Софїи.)

Изъ Приказа Надворные пехоты Капитаномъ Михаилу Докучаеву да Петру Кромину с товарищи, 10 человекомъ, дорожнаго мѣста въ Земляномъ городѣ межъ Тверскихъ и Шкитскихъ воротъ, подле двора Стольника Івана Яковлева, в дачу имъ не дано потому, что ихъ, Капитановъ, многое число я на томъ мѣсте поселитца, за множествомъ, имъ негде, а в дачу имъ дано подъ дворами звани за Масницкими вороты, за Землянымъ городомъ, повадь Житнаго двора на Ольховце.

Писано столбцемъ.

30.

Справка о службѣ и награжденіи землями Арзамасца Василія Яхонтова; 1675 г.

....Да в памяти изъ Розряду за приписью Дѣяка Петра Кавелина 1675 году Нолбря въ 28 день написано: в прошломъ 1655 году, на Государевой службе в первомъ Литовскомъ походе, Арзамасецъ Василей Яхонтовъ по наряду былъ в полку Боярина і Воеводы Князя Никиты Ивановича с товарищи вмѣсто отца своего, а въ 1655 году и во 1656 году в другомъ Литовскомъ походе в полку у него ж Боярина Князя Никиты Ивановича Одоевскаго с товарищи Василей Яхонтовъ былъ з городовъ за себя. По осмотру, на отпуску написанъ онъ, Василей, с тѣми, которые в томъ походе померли. А по указу Великаго Государя городовымъ дворянамъ, которые в томъ полку бѣди вмѣсто отцовъ своихъ в походе, велено придачи учинить отцомъ ихъ помѣстью 50 чет., а которые были в томъ же полку в другомъ Литовскомъ походе за себя, и тѣмъ противъ тогожъ.....

Писано столбцемъ. Отрывокъ.

II.

АКТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ ДО ДѢЛЪ УГОЛОВНЫХЪ.

31.

Грамота Елецкому Воеводѣ Левшину по дѣлу о не высылкѣ Ефремовскихъ Воеводою Шишкинымиъ нужныхъ къ свидѣствію людей. 1685 г.

Отъ Царей і Великихъ Князей..... на Елецъ Стольнику нашему и Воеводе Аонаস্যю Ивановичу Левшину. Въ прошломъ во 1684 году Апрѣля въ 30-ый день, да Августа 14 числа, посланы к тебѣ наши Великихъ Государей двѣ грамоты по челобитью Івана Мещеринова. А велѣно тебѣ на Ефремовъ к Воеводѣ к Григорію Шишкину послать кого пригожо, а челобитье его Иваново в покраденныхъ лошадахъ на Ефремовцовъ, на дѣтей Боярскихъ на Олимошку Малцова с товарищи, і все подлинное дело і колодниковъ взять на Елецъ, а взять и по тому делу розыскивать по нашему указу и уложению и по градскимъ законамъ и по новымъ статьямъ чего доведетца, да что в томъ делѣ розыску твоего будетъ или чего учинить будетъ немочно, о томъ велено писать. І в нынѣшнемъ во 1685 году Генваря 10 дня писалъ ты къ намъ: для приему того дела и колодниковъ посылалъ ты на Ефремовъ къ Воеводѣ Григорію Шишкину Пристава Мишку Здобникова. І в нынѣшнемъ де во 1685 году Сентября 29, с Ефремова онъ, Григорей, писалъ и прислалъ к тебѣ челобитье Івана Мещеринова и колодниковъ, Олимошку Малцова да Левку Полунина, к роспросамъ, и пыточные рѣчи і все подлинное дело, а товарищей де Олимошкиныхъ оговорныхъ людей, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова не прислалъ. А в отписке де своей писалъ, что онъ, Олимошка, в краже Ивановыхъ двоихъ лошадей Мещеринова с Мишки Сапрыкина да с Митки Екимова с трехъ пытокъ зговорили, и Ноября въ 16 день Олимошка Малцовъ на Елце в роспросе и с пытки и с огня в краденыхъ двоихъ лошадахъ Івана Мещеринова на Мишку Сапрыкина да на Митку Екимова говорилъ, что техъ лошадей онъ, Олимошка, укралъ съ ними, Мишкою да съ Миткою, а на Ефремове

де в краже техъ лошадей сговорилъ с нихъ, не перетерпѣвъ пытокъ. И Октября въ 30 день писалъ ты на Ееремовъ къ Воеводе к Григорю Шишкину о присылке на Елецъ тѣхъ оговорныхъ людей, Мишки Сапрыкина да Митки Екимова. И онъ де, Григорей, Нолбря по 16 число в нынѣшнемъ году к тебѣ не писывалъ и к тебѣ оговорныхъ людей не присылывалъ, невѣдомо для чево. И нынѣ былъ челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Иванъ Мещериновъ: съ Ефремова де Воевода Григорей Шишкинъ прислалъ на Елецъ двухъ челоуѣкъ, Олимошку Малцова да Левку Полунича, и розспросные ихъ речи, а товарищей де илъ, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова, не прислалъ для своей бѣзделной корысти, взявъ с нихъ воровъ большой скупъ, и намъ, Великимъ Государемъ, пожаловать бы ево велеть на Ееремовъ дать ему о сыске техъ воровъ, Мишки и Митки, нашу грамоту. I какъ к тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ на Ееремовъ к Воеводе Григорю Шишкину послалъ кого пригожо и Олимошкиныхъ товарищевъ Малцева, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова, велелъ взять к себѣ на Елецъ i взявъ, по тому делу розыскивать по нашему Государей указу и по уложенью и по градцкимъ законамъ и по новымъ статьямъ..... да что в томъ деле розыскъ твой будетъ или чево учинить тебѣ будетъ не мочно, о томъ къ намъ, Великимъ Государемъ, писать. А о томъ велеть подать в Приказе сыскныхъ дѣлъ Боярину нашему Петру Васильевичу Шереметеву с товарищи. А на Ееремовъ к Воеводе Григорю Шишкину о присылке техъ оговорныхъ людей, Мишки и Митки, нашъ указъ посланъ же.....

Столбецъ, мѣстами порванный.

32.

Грамота Ярославскому Воеводѣ Боркову по дѣлу о мнимо убитомъ крестьянинѣ ном. Волженскаго, въ Галицкомъ Уѣздѣ. 1685 г.

Отъ Царей..... в Ерославль Воеводамъ нашимъ Федору Петровичу Боркову с товарищи. Былъ челомъ намъ, Великимъ Государямъ, Столникъ нашъ Иванъ Ивановъ сынъ Мещериновъ: нонешнемъ де во 1685 году Апрѣля въ 21 день в Галитѣ в

приказной избѣ передъ Столникомъ нашимъ і Воеводою, передъ Княземъ Ѳедоромъ Шеховскимъ, да передъ Галицкимъ Губнымъ Старостою, передъ Кирилою Туфинимъ, былъ человѣкъ намъ Микифоръ Матвѣевъ сынъ Волженской Галицкаго уезду, Шербенской деревни Барановой, на крестьянѣ ево, на Левку Савостьянова, на Петрушку Прокопеева, будто на Свитой неделе ево Микифорова человека Волженскаго Купряшку Иванова и крестьянина Титка Еюмова крестьяня ево Левка да Петрушка зарезали до смерти, и онъ, Микифоръ, с сотцкими и с понятами в деревню ево Бараново приезжалъ и убитыхъ головъ своихъ крестьянъ въ домехъ искалъ и ничего полишнаго и убитыхъ головъ у него не нашолъ и двухъ человекъ крестьянъ ево, Левку да Петрушку, взялъ в Галичѣ к допросу. А в роспросе де крестьяня ево ни в чемъ не винулися. А нынѣ де ево Микифоровъ убитой крестьянинъ Титко объявился у него Микифора в дому живъ, а не убитъ и не зарезанъ. І Воевода Князь Ѳедоръ Шеховской, дружа ему, Микифору, для своей бѣзделной корысти, крестьянъ ево волочить и убытчить, Алешку и Петрушку хочеть пытать напрасно. И намъ пожаловать бы его не велеть крестьянъ его, Левку и Петрушку, бѣзвинно пытать и то дело взять в иной городъ, куды мы укажемъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ в Галичъ к Воеводе ко Князю Ѳедору Шеховскому послалъ кого пригоже і велеть у него челобитие Микифора Матвѣева сына Волженскаго і Ивановыхъ крестьянъ Мещеринова, Левку и Петрушку, и ихъ приводные и роспросные речи і все подлинное дѣло за ево рукою взять к себѣ в Ярославль, а взявъ, по тому делу розыскивать по нашему указу, по Уложению и по грацкимъ законамъ и по новымъ статьямъ до чего доведетца; а его Ивановыхъ крестьянъ Мещеринова, Левку и Петрушку, буде до нихъ губное дело не дошло, велеть дать на поруки. Да о томъ к намъ писать, а отписку велеть подать в Приказе сыскныхъ делъ Болрину нашему Петру Васильевичу Шереметеву с товарищы. Писано на Москвѣ, 1685 года, Майя въ 26 день.

Столбецъ. На грамотѣ помѣта Дьяка Бориса Остолопова и сирава Подъячаго Василья Токарева:

33.

**Грамота пошѣщику Мещеринову на поимку его бѣглыхъ крестьянъ.
1688 г.**

Отъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича і Великие Государыни Благоверныя Царевны и Великия Княжны Соѳіи Алексѣевны, всея великия и малыя і бѣлыя Росні Самодержцевъ в Казань, в Свияжскъ, в Синбирскъ, в Чебоксары, на Алатырь, [в Саранскъ—Бояромъ нашимъ і Воеводомъ і всякимъ приказнымъ' людямъ. Билъ челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Иванъ Мещериновъ: Ростовские де ево и Галицкихъ деревень многие крестьяне разбежались и, бегаючи, живутъ в понизовыхъ городехъ в Казани, в Свияжску, в Синбирску, в Чебоксарехъ, на Алатыре, в Саранску. И в тѣ же понизовые города, для тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, посылаетъ онъ и людей своихъ Гришку Степанова с товарищю. И намъ Великимъ Государемъ пожаловать бѣ ево велѣтъ ему в Казань і в иные понизовые города к Бояромъ і Воеводамъ дать нашу Великихъ Государей грамоту с прочетомъ. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, для тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, Иванъ Мещериновъ кого людей своихъ и крестьянъ пришлетъ, і в городѣхъ Бояромъ нашимъ і Воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, для поимки тѣхъ бѣглыхъ его крестьянъ велѣтъ дать приставовъ и пушкарей и служилыхъ людей. А какъ тѣ крестьяне сысканы будутъ и об отдаче тѣхъ ево бѣглыхъ крестьянъ велѣтъ нашъ Великихъ Государей указъ чинить по нашему Великихъ Государей указу по соборному уложению и по ново указнымъ статьямъ и по наказомъ. А прочетъ ся нашу Великихъ Государей грамоту и списавъ с неѣ списокъ, оставливали в приказной избе, а подлинную нашу Великихъ Государей грамоту отдавали людямъ его Ивановымъ или крестьяномъ, кто с сею нашею Великихъ Государей грамотою присланъ будетъ. Писано на Москве, лѣта 1688, Декабря въ 23 день.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Дьяка Протопопова и справа Трошки Стодрина. У грамоты чернаго воску печать.

34.

Челобитная Алексѣя Мещернинова о произведенношъ въ его нивѣни грабсжѣ.
1677 г.

Царю Государю і Великому Князю Θεодору Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Алешка Мещерниновъ. Въ прошломъ, Государь, во..... году, Августа въ 21 день, в Переславское мое помѣстицо в селцо Вешняково приходили воры разбоемъ з болшимъ собраньемъ, человекъ со сто и болши, с пищальми и с садаки и с топорки и с бердыши, на полевою мою землю того селца Вешнякова и отогнали у меня, холопа твоего, стада пятнатцетъ лошадей коней и мериновъ. А цѣна, Государь, тѣмъ лошадямъ сто пятнатцетъ рублевъ. Да они же, воры, пожали на полевой же моей землѣ того жъ селца Вешнякова на десети четвертяхъ пшеницы, а по опыту той пшеницы было тридцетъ пять четвертей, да ячменя на пятнадцати четвертяхъ, а по опыту того ячменя было восьмьдесятъ четвертей. И тотъ хлѣбъ пожавъ, увезли с собою. А иной многой яровой хлѣбъ потоптали и потолочили. Милосердый Государь, Царь і Великий Князь Θεодоръ Алексѣевичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, с Москвы из разбойнаго Приказу на полишнее в Переславской уѣздъ Залѣскаго на слѣдъ для выимки тѣхъ моихъ лошадей и свознаго хлѣба дать Подъячего и Приставовъ на моихъ холопа твоего подводахъ и вели, Государь, тотъ свозной хлѣбъ и лошади, гдѣ людшка мои, опозная, вынять, и тѣхъ воровъ у ково вынуть, вели, Государь, для полишнаго розыску взять к Москвѣ в разбойной Приказъ. Царь Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ.

35.

Челобитная Мещериновыхъ на Іевлева, о нанесеніи роду ихъ безчестія.
(Времени Царя Алексѣя Мих.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великія і малыя і бѣлыя Росіи Самодержцу, бѣють челомъ холопи твои, Івашко да Ѳедка да Олешка Алексѣевы дѣтишки Мещериновы, да Олешко да Івашко Ивановы дѣти Мещериновы же. Жалоба, Государь, намъ холопамъ твоимъ на Авъвакума Ѳедорова сына Іевлева. Называетъ онъ, Авъвакумъ, прадѣда нашего, а нашего холопей твоихъ пращура і деда нашего, а нашего, холопей твоихъ, прадѣда гулящими людьми. А прадедъ нашъ Артемько, а прозвище Рахманинъ, а нашъ холопей твоихъ пращуръ, блаженныя памяти при Государе Царе і Великомъ Князе Иване Васильевиче всея Русіи, служилъ по Ростову по дворовому списку і убитъ на вашей Государевой службѣ в Соколе. І дѣдъ нашъ, а нашъ холопей твоихъ прадѣдъ Аврамей, а прозвище Иванъ, блаженныя памяти при Государе Царе і Великомъ Князе Василье Ивановиче всея Русіи, служилъ из житья по Ростову же по дворовому списку и убитъ на вашей Государевой службѣ подъ Тулою, какъ сидѣлъ в Тулѣ воръ Петрушка да Івашко Болотниковы, і помѣстья і вотчины за ними были в Ростовскомъ уѣздѣ, и нынѣ тѣ помѣстья за отцомъ нашимъ за Олексѣемъ і за нами, холопами твоими. І тѣмъ онъ, Авъвакумъ, насъ холопей твоихъ безчеститъ напрасно. Милосердый Государь, Царь і Великий Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй насъ, холопей своихъ, вели, Государь, в томъ нашемъ бѣсчестье на него, Авъвакума, дать свой Царской судъ і управу. Царь Государь, смилуйся, пожалуй. *

Столбець. Года не обозначено.

* Смотри акты подъ № 48.

38;

Челобитная помещика Мещерякова о бѣгломъ его крестьянинѣ Кирилѣ.
(Временн. Царя Алек. Михайлов.)

Царю, Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бѣють челомъ холоди твои Алешка Мещериновъ да Анѣдрюшко Мневъской. В прошломъ, Государь, во сто шестдесять седмюмъ году выменидны мы, холоди твои, у Боярина у Бориса Ивановича Мерозова в Шуйскомъ уезде сельцо Бирдухино з деревнями. И миѣ, холопу твоему, Анѣдрюшкѣ, по розделу досталося в Шуйскомъ уезде деревня Отбабыково. И в нынешнемъ, Государь, во сто семьдесять первомъ году вы быуиѣ мѣсяце из за меня, холопа твоего, Анѣдрюшки, изъ Шуйскаго уезду изъ деревни Отбабыковой збѣжалъ крестьянинъ мой Стенька Кирилъ и з детьми, а сынъ же, Государь, ево Стенькинъ Ванька остался было за мною, холопомъ твоимъ, и после, Государь, того числа вскорѣ крестьянишка мой холопа твоего повезли было того Ивашка ко миѣ, холопу твоему, к Москвѣ, и онъ Ивашко у крестьянишекъ моихъ з дороги ушелъ и нынѣ, Государь, тотъ мой бѣглои крестьянинъ, Стенька Кирилъ з женою и детьми, бегаючи, живеть в Суздальскомъ уезде в Дуниловской волости. И пришедъ, Государь, тотъ мой бѣглои крестьянинъ к Москвѣ, бѣеть челомъ тебѣ, Великому Государю, цазываяся твоимъ Государевымъ крестьяниномъ Дуниловской волости, деревни Мохоуцова. И тотъ, Государь, мой бѣглои крестьянинъ все затидъ, отбываючи отъ меня холопа твоего крестьянства, за тобою, Великимъ Государемъ, в Дуниловской волости нволи не живалъ, а живалъ передъ сего за Павломъ Ивановичемъ Волинскимъ в той моей деревнѣ Отбабыкове. И послѣ, Государь, Павла Волинскаго жилъ за Павловою женою Волинскаго за вдовою Федосьею. Въ переписныхъ книгахъ тотъ мой бѣглои крестьянинъ в той же деревнѣ Отбабыкове за Павловою женою Волинскаго написанъ. А послѣ, Государь, Павловы жены Волинскаго та вотчина, по твоему Великога Государя указу, изъ Помесново Приказу продана Думному Дьяку Семену Заборовскому, и тотъ мой бѣглои крестьянинъ в той же деревнѣ Отбабыкове написанъ в отказныхъ книгахъ за Думнымъ Дьякомъ

Семеномъ Заборовскимъ. А какъ мы, холопи твои, у Боярина у Бориса Ивановича Морозова того крестьянина заехали в той же деревне Отбабыковѣ, и жилъ, Государь, со ста шестьдесятъ седмаго году за мной, холопомъ твоимъ, Анѣдрюшкою. А няже, Государь, ушкола воровски, тотъ мой крестьянинъ Стенька Кириловъ збежалъ изъ за меня холопа твоего в твою Государеву дворцовую волость и называется Стенькою Васильевымъ и прикалывается к иному отцу, хотя отъ меня, холопа твоего, отбыть от крестьянства. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего Анѣдрюшку, зана, Государь, мнѣ на того моего бѣглово крестьянина дать свой Царской судъ и управу. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцемъ.

37.

Челобитная тюремныхъ сидѣльцевъ Овсенова и Грезина о скорѣйшемъ
вершеніи ихъ дѣла. 1672 г.

Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя і бѣлыя Росіи Самодержцу..... А челобитную подали в Сумскомъ остроге в приказной избѣ Головъ Московскихъ стрелцовъ Клементью Алексѣевичу Івлеву тюремные сиделцы Сумляня Петрушко Овсеновъ да Спирка Грезинъ, а в челобитной ихъ писать: в прошломъ в 1671 году, будучи в Сумскомъ остроге, мы бедные своимъ молодымъ малоумиемъ в церкви Николы Чудотворца да в часовне у Преподобнаго из казны изъ кувшиновъ деньги покрали. І в томъ дѣлѣ мы бѣдные пытаны і в той покражѣ тебѣ, Великому Государю, вину свою принесли і тое церковную казну отдали, і в томъ дѣле мы бѣдные сѣдимъ в тюрьмѣ другой годъ і помираемъ голодною смертью. И чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ велѣлъ в томъ своемъ милостивомъ Царьскомъ указѣ учинить, і насъ бедныхъ....

Столбецъ. Безъ начала и окончанія.

38.

Челобитная Ивана Рокина по дѣлу о блудномъ сожителствѣ его съ новою дочерью Акулиною. (Времени Царя Федора Алексѣевъ.)

Преосвященному Ворсоноѣю Митрополиту Сарскому і Подолскому бьетъ челомъ сирота Государевъ Ливенецъ Івашко Рокинъ. Въ прошломъ, Государь, во 1680 году была у меня на Ливнахъ передъ поповскимъ старостою Иваномъ Скуриннымъ очная ставка с поповою Федоровою дочерью Акилиною в томъ, что я жилъ с нею полюбовно блудно и прижилъ робѣнка мужеска пола і в томъ во всемъ уличена. И те, Государь, дело с Ливенъ прислано к Москвѣ в твой Святителской Казенной Приказъ і выписано. А на выписке, Государь, по твоему Архирейскому указу помечено: в прошломъ же во 1680 году велено ту Федорову попову дочь Акилину выдать за меня и положить на насъ епитимію по правиламъ Святыхъ Отець для того, Государь, что та девка жила со мною полюбовно блудно. Да в прошломъ же 1680 году билъ челомъ тебѣ, Великому Архирею Божию, Ливенецъ Федоръ Андреевъ, а на Ливнахъ поповскому старосте подалъ изветную челобитную на нее попову Федорову дочь Акилину в томъ же моемъ деле, что она со мною жила полюбовно и прижила робѣнка мужеска пола, а слася онъ Федоръ на свидетелей, на невѣстку свою на братню роднаго жену на Василису, да на бабылку на Кузьмину жену на Марью, что она Марья у нѣе Федоровой поповой дочери того робѣнка повивала, и в томъ у нихъ на Ливнѣхъ передъ поповскимъ старостою была очная ставка. А на очной, Государь, ставке, по общей ссылке оне вышеписанные свидетели тое девку Акилину во всемъ уличили противъ моего челобитья и дали сказки за своими руками, и то, Государь, дело и очные ставки и заручные сказки с Ливенъ присланы к тебѣ, Великому Архирею, к Москвѣ в Казенной Приказъ. А я, сирота, Государь, живу по сіе число и проедаюся, и хочеть то дело попадья Федоровская жена вдова Овдѣя волокиткою отбить, чтобъ впредь отъ меня тебѣ Великому (Государю) Архирею челобитья не было. Милостивый Преосвященный Ворсоноѣи, Митрополитъ Сарскіи и По-

должні пожалуй меня сироту, вели Государь, по тое вдову Федоровскую жену понадю Овдотью и по..... девку Акилину и по техъ свидѣтелей по Василицу..... по Кузмину жену Марью дать свою грамоту изъ своего Святителскаго Казеннаго Приказу:.... к попозскому старосте к Ивану Скуридину..... і за поруками к Москвѣ в свой Казенной Приказъ выслать, чтобъ мне сироте в конецъ не погибнуть и в конецъ отъ харчей не разоритца. Милостивый..... Митрополитъ, смилуйся, пожалуй."

Столбецъ, съ одной стороны порванъ.

39.

Челобитная старосты и крестьянъ деревни Нагорской, Дмитровскаго Уѣзда, о неправильномъ обвиненіи ихъ Боярскимъ сыномъ Плохово въ похвальныхъ рѣчахъ. 1684 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ, бьютъ челомъ и являютъ сироты ваши Дмитровскаго уѣзду, Троицкой вотчины, села Ондриянова, деревни Нагорской, старостишко Архипко Ивановъ, да крестьянишка Савка Феофановъ, Арутюшка Семеновъ, Мишко Федоровъ, Еуеимка Микитинъ і все крестьянишка деревни Нагорской. Жалоба, Государь, намъ сиротамъ вашимъ на Дмитровца на сына Боярскаго, на Федора Иванова сына Плохово. В нынѣшнемъ, Государи, въ 1684 году, роздалъ онъ, Федоръ, на насъ сиротъ вашихъ всякимъ людемъ писанные явки, будто мы, сироты ваши, на него Федора похваляемъ смертнымъ убойствомъ и поджогомъ. А мы, сироты ваши, на него Федора смертнымъ убойствомъ и поджогомъ не похваляемъ. А дворовые, Государи, ево Федоровы люди бѣгаютъ отъ него, Федора, по вся годы, и что в томъ ихъ побеге отъ ево Федоровыхъ людей ему, Федору, учинитца, а мы, сироты, въ томъ опасны себѣ напрасныхъ убытковъ. Да в нынѣшнемъ же, Государи, во 1684 году отнялъ онъ, Федоръ, деревни Нагорской у крестьянина Костки Иванова лошасть в

чтожемъ лесу на дороге, а не в своихъ, и товъ, Государя, лошади и по се время не отдасть. Да онъ же, Государя, Федоръ бьетъ по вся годы нашихъ сиротскихъ скотскихъ наруговъ на нашемъ же крестьянскомъ поле паводоме за что. Милосердые Государя, Цари і Великие Князи, Иоаннъ Алексѣвичъ, Петръ Алексѣвичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержцы, пожалуйте насъ сиротъ своихъ, велите, Государя, челобитье наше принять и явку записать. Цари Государя, смилуйтесь, пожалуйте.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Никольскаго села Ондрианова Попа вмѣсто крестьянъ.

40.

Челобитная Мещеринова о перенесеніи его дѣла изъ Суднаго Московскаго Приказа въ другой Приказъ. (Времени Царей Іоанна и Петра Алекс.)

Царемъ Государемъ і Великимъ Князьямъ Иоанну Алексѣвичу, Петру Алексѣвичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ Івашко Мещериновъ. Приставили ко мнѣ, холопу вашему, изъ Суднаго Московскаго Приказу Дмитрей Арсенеевъ да Дьякъ Андрей Юдинъ изъ Суднаго Московскаго Приказу. А по вашему Великихъ Государей указу в Судномъ Московскомъ Приказе сидитъ Бояринъ Князь Юрій Семеновичъ Урусовъ. У меня, холопа вашего, с нимъ Бояриномъ с Княземъ Юрьемъ Семеновичемъ старая не дружба: люди ево людишекъ моихъ били, и за тою, Государя, недружбою, мнѣ, холопу вашему, передъ нимъ Бояриномъ Княземъ Юрьемъ Семеновичемъ отвечать искать не можно. Милосердые Государя, Цари і Великие Князи Иоаннъ Алексѣвичъ, Петръ Алексѣвичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, Государя, то ихъ челобитье и представные памети перенести в иной Приказъ, куды вы, Великие Государя, укажете. Цари Государя, смилуйтесь.

Столбецъ. Года не обозначено.

64.

**Челобитная о крестьянскихъ робятахъ, поиманныхъ на Москвѣ.
(Времени Царей Іоанна и Петра.)**

Бьетъ челомъ холопъ вашъ. В нынѣшнемъ, Государи, во... году... поймалъ я, холопъ вашъ, на Москвѣ бѣглыхъ своихъ крестьянскихъ робятъ, Алешку, да Кирюшку, да Степку Федоровыхъ, і онѣ в роспросѣ сказали, будто вашего Великихъ Государей дворцоваго села Великаго і деревни Скородумова і ис тоѣ Скородумова пришли къ Москвѣ. А жилъ де онъ Алешка съ братьями и съ матерью на Москвѣ в Огородной Слободе. И мать ихъ Василиска и братъ ихъ Сенка в Приказѣ не роспрашиваны. І хотя у меня, холопа вашего, тѣхъ моихъ крестьянскихъ робятъ отбить напрасно, Огородной Слободы Староста Іванъ Лутковъ, взявъ с техъ моихъ крестьянъ посуды большіе, подалъ в Судномъ Дворцовомъ Приказе воровскую составную порушную запись. Милосердые, велите, Государи, ево старосту Івана і порутчиковъ и порушниковъ, хто в ихъ место руки прикладывалъ і Подъячего, хто тое воровскую составную порушную запись писалъ, в Судномъ Дворцовомъ Приказе роспросить порознь; а после роспросу велите, Государи, мне с ними очную ставку. А на очной ставке я ихъ воровъ і ту воровскую составную порушную запись уличу. І велите, Государи, тѣмъ моимъ крестьянскимъ робятамъ, Алешке з братьями, мать свою Василиску і брата своего Сенку, в Приказе поставить и роспросить в побеге. А буде онъ, Алешка, з братьями матери своей и брата своего в Приказе не укажетъ, не велите, Государи, ихъ самихъ ис Приказу выпустить, покаместъ онѣ мать свою і брата поставятъ по тому, Государи, что мать ихъ Василиска и братъ ихъ Сенка живутъ на Москвѣ на одномъ дворѣ.

Столбецъ. Черновая бѣзъ обозначенія имени челобитчика, но судя по другимъ актамъ, слѣдуетъ приписать эту челобитную Івану Мещерякову.

**Челобитная Ивана Мещеринова по дѣлу о буйственныхъ поступкахъ
Боярскихъ дѣтей Трубикивыхъ. (Времени Царей Іоанна и Петра.)**

. К Столнику і Воеводе къ Любиму Шакловитому посылана ваша Великихъ Государей грамота и с писцовыхъ и съ межевыхъ с старыхъ и съ новыхъ книгъ выписи и съ чертежа Василья Безобразова. А велено ему, Воеводе Любиму Шакловитому, на ту мою землю ѣхать самому и по тѣмъ выписямъ грацкой межи і той моей земли по темъ же выписямъ і по чертежу Василья Безобразова досмотрить, и буде та земля по ево досмотру і по темъ старымъ і новымъ выписямъ і по чертежу объявится в Елецкомъ уѣзде, а не въ Ефремовскомъ, і ему Воеводе велено противъ писцовыхъ наказовъ та земля по прежнему вашему Великихъ Государей указу отдать мне, холопу вашему.... и поновить ямы, кои они воры засыпали, выкопать, и чертежъ своему досмотру учинить і прислать к Москвѣ, а ихъ, Максима с товарищи, с той моей земли сослать, і за то ихъ воровство і ослушанье и за насильное владенье учинить наказанье. І онъ Воевода по вашему Великихъ Государей на ту землю пріѣзжалъ и грацкой межи і той моей земли по темъ выписямъ и по чертежу Василья Безобразова досматривалъ. І та земля по ево Любимому досмотру объявилась в Елецкомъ же уѣзде, а не въ Ефремовскомъ, і онъ Воевода ту мою землю отказалъ мне, холопу вашему, і сынышку моему Алексѣю, і грани на той землѣ подновилъ, чертежъ той моей землѣ учинилъ, а ихъ воровъ, Максимка с товарищи, с той моей земли сослать. І они воры, Максимка с товарищи, вашему Великихъ Государей указу учинились непослушны; с той моей земли не пошли і крепостей никакихъ на ту землю не положили, і по немъ Воеводе і по посыльнымъ людямъ изъ ружья стреляли, і каменьямъ бросали, і копьями і рогатинами кололи і бердышами, і навязавъ косы на шести рубили, і на той моей земле окопався сидели, и подъ станы к нему Воеводе и детишкамъ моимъ ходили, и хотели детишекъ моихъ и людишекъ побить до смерти. І о томъ о всемъ ихъ воровстве і о не послушанье онъ, Воевода, писалъ къ вамъ Великимъ Государямъ в Помѣсной Приказъ, и до-

езды посыльныхъ людей і роспросные ихъ, Максимковы с товарищи, речи и чертежъ і описные книги за своею рукою прислать в Помѣсной же Приказъ. І въ нынешнемъ, Государи, во году, утая те все вышеписанные ваши Великихъ Государей указы і приезды для разводу той земли писцовския Безобразова і Столника і Елецкаго Воеводы Любима Шакловитова, били челомъ вамъ, Великимъ Государямъ, они воры, Максимко с товарищи, на дѣтишекъ моихъ на Алешку да на Івашку, будто они приезжали к нимъ ворами, собрався с людьми своими и со крестьяны великимъ собраниемъ, и будто Ееремовскаго уѣзду село Кличино разорили и сьмнатцать дворовъ в селе Кличине будто выжгли, и двенатцать чело-вѣкъ служилыхъ людей и младенцевъ мужеска и женска пола будто побили до смерти, и тела ихъ будто в огонь пометали, и будто они жъ детишка мои женъ ихъ и дочерей имали к себѣ на постели і надъ ними будто ругались блудно. І противъ того ихъ, Максимкова с товарищи, воровскаго ложнаго челобитья за то дѣтишкамъ моимъ по вашему Великихъ Государей указу приговоръ былъ къ смерти, і вмѣсто смертной казни учинено имъ наказанье і сосланы были въ ссылку на Самару въ Новобогородицкое, а помѣстья мои, холопа вашего, і дѣтишекъ моихъ, Чернские і Елецкие, жилые і пустые, у меня і у детишекъ моихъ взяты і отданы были имъ ворами, Максимку с товарищами. І по вашему Великихъ Государей указу, а по извѣту і по поимке Ееремовцевъ же, Івана Ягунова да Івана Веселовскаго, і по розыску Степана Митусова і по повиннымъ роспроснымъ рѣчамъ ихъ же воровъ, Максима Трубникова да Платона Малцева с товарищи, те люди, которыхъ они воры, Максимко с товарищи, в челобитье і в скаскахъ своихъ писали побитыми і пожженными, сысканы и живы, и привезены были в Помесной Приказъ. А иные из нихъ померли своими смертymi до той ссоры за долгое время в разныхъ годахъ, а иные в иные украинные города сошли до той же ссоры за долгое же время. І по вашему Великихъ Государей указу они воры, Максимко с товарищи, за то воровство і ложное челобитье кландены на плаху, и снявъ с плахи чинены имъ наказанья, а детишкамъ моимъ, Алешке да Івашке, по вашему Великихъ Государей указу і милостивому разсмотрѣнію изъ ссылки велено быть на вашей Великихъ Государей службѣ в Крымскомъ походѣ. А Чернские мои, холопа вашего, и сынишка моего Алешка жилые и

пустые поместья отданы мне, холопу вашему, по прежнему, а Елецкие поместья мне и детишкамъ моимъ не отданы і по сіе число. І ныне они воры, Максимъ Трубниковъ да Азарко Микулниковъ слотоварыщи, приехали к Москвѣ и бьютъ челомъ вамъ Великимъ Государемъ о тѣхъ моихъ и детишекъ моихъ Елецкихъ поместьяхъ, о селце Локотцахъ. А селцо, Государи, Локотцо отписано на васъ Великихъ Государей, отписалъ ево Подъячій Семень Кузминъ безъ вашего Великихъ Государей указу, дружа и нароя имъ ворами. А ему, Семену, того селца Локотцова и в наказе было не написано, чтобъ отписывалъ на васъ Великихъ Государей, а велено лишь однѣ пустыя земли раздѣлать, а селцо, Государи, Локотцы от деревни Ломской будетъ верстахъ въ семи и болши въ Елецкомъ уѣзде, а не в Ееремовскомъ. І они воры і не дождалися вашего Великихъ Государей указу на то селцо Локотцы, приехали в то мое селцо Локотцы с Кличинскимъ Попомъ, которой вмѣсто ихъ воровъ къ ихъ воровскимъ ложнымъ сказкамъ руки прикладывалъ, вѣдая за ними такое воровство і поклепное челобитье, и что было хлѣба моего в житницахъ молоченаго і не молоченаго, і на дворе моемъ лошадей и коровъ і овецъ и свиней і иной скотины і всякаго домашняго заводу, і они воры, Максимко с товарищами, с нимъ Попомъ с Иваномъ то все разорили і пограбили без остатку, и людишекъ моихъ з женами и з дѣтми ограбя до нага, з двора збили.

Столбецъ. Начала и конца недостаетъ.

43.

Челобитная Ивана Мещеринова о произнесеніи Карномъ Сытникомъ похвальныхъ противу него словъ. (1679 г.)

Царю Государю і Великому Князю Феодору Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцамъ, бьетъ челомъ холопъ твой, Івашка Мещериновъ. В нынешнемъ, Государь, во 1679 году, Февраля въ 11 день, искалъ я, холопъ твой, в Московскомъ Судномъ Приказе передъ Бояриномъ передъ Княземъ Ива-

номъ Борисовичемъ Троекуровымъ с товарищи на Карпе Еети-еѣве сыне Сытинѣ разорения отца и умышленнаго его приѣду прошлого 1678 году: что онъ, Карпъ, собрався с людьми своими и со крестьяны со многимиъ собраниемъ наряднымъ, умышленнымъ дѣломъ, человекъ с полтора ста и больши, с ружьемъ, с пищамя, и с саадаки, и с бердыши и с копыи, в Переславскѣе поместье отца моего в селцо Вешняково приезжалъ онъ, Карпъ, с тѣмиъ своими многимиъ собраниемъ, и к двору отца моего приступалъ, и ворота высечь велѣлъ. И люди отца моего заперлись отъ нихъ в избахъ, и они у избъ верхъ сломали и потолокъ просѣкли, и окна высѣкли, и людей отца моего били и мучили, и всякое наругательство чинили. А онъ, Карпъ, у житницъ замки збилъ своими руками и что было в житницахъ и на дворѣ отца моего животовъ, денегъ и всякой рухляди домовой и посуды медной и оловянной и железной, и то онъ, Карпъ, все с людьми своими и со крестьяны пограбилъ и перевозилъ к себѣ в деревню, и разоря и пограбя отца моего, в Судномъ Московскомъ Приказе на судѣ похвалялся на меня, холопа твоего, онъ, Карпъ, передъ Дьякомъ передъ Тимоеѣмъ Савдуковымъ и передъ иными людьми, которые тутъ были. А в похвальбѣ своей онъ, Карпъ, говорилъ—заставлю де я тебя охать, и тѣмиъ Карпъ меня, холопа твоего, обезчестилъ. А по какому умыслу хочеть меня заставить охать, и я, холопъ твой, отъ тово ево умыслу опасенъ потому, что онъ родомъ Галичанинъ. Милосердый Государь, Царь и Великий Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ, вся великия и малыя и бѣлыя Росіи Саодержецъ, пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, про ту ево похвальбу в Судномъ Московскомъ Приказе тѣмиъ людьми сыскать, при которыхъ онъ, Карпъ, похвалялся, и вели, Государь, ево, Карпа, в той ево умышленной похвалбе роспросить, по какому онъ умыслу на меня, холопа твоего, похваляется, Царь Государь, смилуйся.

Столбецъ. На оборотѣ акта помѣта: «1679 года Феврала 21, Государь пожаловалъ велѣлъ о томъ учинить указъ Боярину Князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи, чезо доведетца».

44.

Челобитная крестьянина ном. Мещеринова Агѣва о нападѣ помѣщиков Толстого и Неклюдова на село Рождественское. 1685 г.

Бьетъ челомъ сирота вашъ Ивана Алексѣевича Мещеринова человекъ его, Сенка Агѣвъ: в прошломъ, Государи, во 1684 году, прислалъ государь мой Иванъ Алексѣевичъ меня сироту вашего в Чернскую свою деревню, въ село Рождественское, на реку на Плаву. А велено мнѣ, сироте вашему, по приказу Государя своего, Ивана Алексѣевича, в Чернской деревне переписать всякой хлѣбъ и сено к новому году и мелкую скотину, гусей і утокъ. І в нынешнемъ, Государи, во 1685 году, Сентября въ 1-й день, Василей Кирилловъ сынъ Толстой да Микифоръ Васильевъ сынъ Неклюдовъ, собравъ с людьми своими і со крестьяны, многолюдствомъ приехали на дворъ государя моего на устье реки Плавы, и учели они, Василей да Микифоръ с людьми своими, государя моего на дворе стрельбу тровивъ утокъ. А подле двора напередъ по уткамъ стреляли и пищалей. А онъ, Василей да Микифоръ, заставили крестьянъ своихъ ловить рыбу. И я, сирота вашъ, говорилъ имъ, чтобъ утокъ не травили и рыбы бъ не ловили. И онъ, Государи, Микифоръ Неклюдовъ, подстрелилъ меня, сироту вашего, изъ винтовки в левую руку да въ правую щеку. І в то же число Василей Толстой с людьми своими сняли с меня, сироты вашего, дватцать рублевъ денегъ, да каютанъ темнозеленой, да шапку красную с сободемъ, да опояску с ножемъ, а цена тому семь рублевъ съ полтиною. А какъ они, Василей да Микифоръ, на дворъ (во дворъ) приехали, і въ то число государя моего дворовую молодицу Машку они били ослопомъ, и от того приезде дворовая государя моего девка Улька пропала безвесно, неведомо гдѣ дѣлася, после того нигде не объявилася. А та, Государи, дворовая молодица Машка отъ того побою лежитъ при смерти чуть жива. Пожалуйте меня, сироту своего, велите, Государи, челобитье мое и что на мне раны пострелено изъ винтовки записать, а дворовой молодицы Машки бой ея велите, Государи, съ Черни послать и досмотрить. А что Государи, онъ Василей да Микифоръ с людьми своими и с крестьяны приезжали на дворъ государя моего и что учинили каков разоренья, и то все напишетъ государь мой в исковой челобитной с ценою.

Столбецъ.

45.

Челобитная Ивана Мещеринова объ отводѣ отъ дѣла о порубленности
лѣсъ Тараса Блудова. 1696 г.

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алек-
сѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росні Самодержцу, бьетъ
челомъ холопъ твой, Івашко Мещериновъ. В нынѣшнемъ, Госу-
дарь, во 1696 году, по твоему Великаго Государя указу, а по
неправымъ отпискамъ изъ села Преображенскаго Тараса Блу-
дова изъ Приказа Большаго Дворца посланы путной Ключникъ,
а послѣ ево путнаго Ключника Ивана Бошунова, посыланъ При-
казу Большаго Дворца старшой Подъячій Гаврило Корзининъ в
подмосковную мою деревнюшку Раево для досмотру и описи
будто посеченнаго островнаго лесу. И они, Иванъ и Гаври-
ло, с островщиками и сторонними людьми, в той моей дерев-
нишке для досмотру и описи были і досматривали, и по ихъ
осмотру в той моей деревнишке никакого островнаго лесу не
явилось. Что людишка мои твоего Великаго Государя остров-
наго лѣсу никогда не секали і не секутъ, і о томъ ведомо і
в доездахъ ихъ Иванове и Гаврилове. А нынѣ, Государь, онъ
же Тарасъ, исполняя мнѣ, холопу твоему, старую недружбу, в
Приказъ Большаго Дворца писалъ к тебѣ, Великому Государю,
что будто я, холопъ твой, островнаго лесу к той своей дерев-
нишке многие десятины розчистилъ. И по твоему Великаго Го-
сударя указу, а по той ево неправой Тарасовой отписке из При-
казу Большаго Дворца велено для досмотру жъ и описи посе-
ченнаго островнаго лесу в заповедномъ островѣ, і в твои Великаго
Государя дворцовые, і в монастырские села и деревни и в мою,
холопа твоего, деревнюшку для досмотру и описи будто посеченнаго
леса послать Стольника Якова Румянцова да Подъячего, да с ними
велено ехать и ему, Тарасу Блудову, і взять человекъ моего. А у
меня, холопа твоего, с нимъ Тарасомъ старая недружба и мно-
гое мое челобитье на него Тараса есть и в Приказѣ Большаго
Дворца в томъ деле. А та моя деревнюшка Раево построена до
уложенья на помѣсной землѣ отца моего Алексѣя Аврамовича,
а не в строву. А дача на тѣ пустоши на Раево и на Доктево

отцу моему в Помѣсномъ Приказе старая за долго до уложенъя, и тое деревнюшку строиъ отецъ мой, и та моя деревнюшка близъ большой Троецкой дороги і межъ монастырскихъ земель Троицы Сергіева монастыря села Ростокѣ на пустошехъ до Богоявленскаго монастыря. И темъ монастырскимъ Троецкимъ и Богоявленскимъ землямъ і заповеднымъ островамъ межа писцовая учинена, и тѣ писцовые и мѣжевые книги и дачи все в Помѣсномъ Приказе. Милосердый Великии Государь, Царь і Великии Князь Петръ Алексѣевичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, ево Тарасовымъ неправымъ отпискамъ повѣрять; и ему, Тарасу, в тое мою деревнюшку за недружбою ехать и людешекъ моихъ напрасно и безвинно имать, а вели, Государь, противъ прежнего и сего моего челобитъя изъ прежнихъ сказокъ справитца о всемъ с Помѣстнымъ Приказомъ. Великии Государь, смилуйся.

Столбецъ.

46.

Мирова записъ помѣщиковъ Вратскихъ съ помѣщикомъ Мещериновымъ, по дѣлу о грабежѣ крестьянами послѣдняго. 1663 г.

Се Беленинъ Василей Даниловъ сынъ Вратской, Серпейской помещикъ, да сынъ ево Лука, да племянникъ ево Ермола Емельяновъ сынъ Вратской, нынешнего 1663 году Декабря въ 13 день, бежали мои крестьяне отъ Полскихъ Литовскихъ людей и отъ меня памешика. І въ то время товож числа крестьянъ Івана Алексѣевича Мещеринова села Батишева, крестьяне Гришка Ивановъ, да Лунка Микитинъ, да Демка Ивановъ с детьми своими, согнали съ пустыхъ дворовъ деревни Побережника животныи: семь каровъ, да десеть овецъ, да пятера свиней. И мы, я Василей, да сынъ мой Лука, да племянникъ мой Ермола, да я Гришка, да я Лунка, да я Демка, паговоря промежъ себя палюбна, не бивъ челомъ Великому Государю, не ходя в судъ, помирились в томъ—я Василе Даниловъ, да сынъ мой Лука, да племянникъ

мой Ермола запись дать. А буде, я Василе, или дѣти мои или племянники мои учнуть бить челомъ Великому Государю, и на насъ взять Ивана Алексѣевича крестьяномъ ево села Батишева, Гришки, да Лунки, да Демки на сей записи двадцать рублевъ. А запись писалъ Николской Демидко на ихъ веленю.

Узенскій столбецъ. На оборотъ подписи Луки и Ермолая Вратскихъ.

47.

Показанія, данныя Ефремовскими жителями по уголовному дѣлу Трубникова съ Мещериновыми. *

1690 года, Генваря въ 29 день, Ефремовскаго уезду городскаго стану села Кличина церкви Введенія Пресвятыя Богородицы Попъ Дмитрей Гарасимовъ, да Ефремовцы дѣти Боярские, того приходу Введенія Пресвятыя Богородицы деревни Локотцовъ жители, Назаръ да Иванъ Ѳедоровы дѣти, да Иванъ Троенимовъ сынъ Помогаевы, да Матвей Андреевъ сынъ Трубниковъ сказали:

Максимъ Трубниковъ с товарищи написали в челобитной своей, будто у него Максима отъ Алексѣя да отъ Ивана Ивановыхъ дѣтей Мещериновыхъ убиты до смерти сынъ ево Максимовъ Лазарь пяти лѣтъ да внукъ Кузма трехъ лѣтъ. А сынъ ево Лазарь да внукъ Кузма умерли своею смертию до приезде ихъ Алексѣева і Иванова за три годы і похоронилъ ихъ в селѣ Кличине у церкви Введенія Пресвятыя Богородицы Попъ Иванъ Ивановъ.

Карпъ Мининъ написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Карпъ, живъ, и ныне живетъ в деревни Ломской в своемъ дому.

* См. Челобитые по сему дѣлу Мещеринова подъ № 42-мъ.

Аврамъ Огороковъ в росписи написанъ убитымъ же, а онъ, Аврамъ, живъ, и до ихъ Алексѣева і Іванова приезде смелъ года за четыре и ходить в мире.

Осипъ Филимоновъ сынъ Огороковъ написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Осипъ, умре своею смертью до ихъ Алексѣева і Іванова приезде за четыре года.

Луки де Огорокова дочь дѣвка Маланья написана в росписи убитою, а она, Маланья, умре своею смертью до приезде ихъ Алексѣева і Іванова за полтора года, а похоронилъ ее, Маланью, онъ же Попъ Иванъ у той же церкви в селѣ Кличине.

Івана де Огорокова сынъ Аникей написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Аникей, умре своею смертью до ихъ Алексѣева і Іванова приезде за полтора года і похоронилъ его Аникея онъ же Попъ Иванъ.

Платона де Малцова сынъ Иванъ да дочь Маланья написаны в росписи убитыми, а сынъ де ево Иванъ живъ, и ныне живеть в дому у отца своего Платона в деревне Ломской.

Михайла де Огорокова сынъ Микифоръ в росписи написанъ убитымъ же, а онъ де, Микифоръ, умре своею смертью до приезде ихъ Алексѣева і Іванова за полгода, а похоронилъ де ево Микифора онъ же Попъ Иванъ.

А племянникъ де ево Михайловъ, Семень Микулинъ, в росписи написанъ убитымъ, а онъ де, Семень, і ныне живъ, і в приездѣ Алексѣя і Івана в тое деревню Ломское не былъ, а живалъ онъ, Семень, в Ливенскомъ уезде лѣтъ з двадцать.....

, Столбецъ. Окончанія недостаетъ. На оборотѣ акта подпись Попа Дмитрея вмѣсто прикожанъ.

48.

Проектъ возраженій Ивана Мещерникова на судѣ противъ обвиненій его стрѣльцомъ Аввакумомъ. (Врем. Юанна и Истра.)

А буде станеть искать бесщесстья своего, что я написалъ ево, что Корнило Песковъ укрываетъ ево воровство— дѣло сыскное у себя утаилъ.

И мнѣ молвить: я ево не бесщесщивалъ, а во всякомъ ево воровствѣ вѣдомо в Стрелецкомъ Приказе, да и потомъ онъ Абакумъ воръ и составщикъ, что затейнымъ воровскимъ своимъ умысломъ назвалъ дѣла моего и предеда гулящими людьми, что будто и в Розряде они не написаны, а что Подъячѣй своровалъ Корнила Песковъ, укрываячи ево Абакума воровство, дѣло у себя утаилъ, и я въ ево Корнилове воровствѣ бью челомъ Государю, чтобъ Государь указалъ мнѣ с нимъ, Корниломъ, дать очную ставку, а на очной ставке я ево Корнилово воровство уличу. А с тово с подлиннова сыскнова дѣла у меня списокъ есть, а далъ мнѣ тотъ списокъ Степанъ Карцовъ, чтобы Государи указали Степана допросить, хто ему тотъ списокъ с подлиннова дѣла списывалъ. Да не у одново у меня с тово дѣла списки, есть у Емельяна Сатина, у Федора Зыкова.

Буде онъ станеть избами порочить, а мне говорить: я избъ вытакнхъ не выывалъ, а купилъ я себѣ три струба в лесномъ ряду на возахъ и велелъ ихъ скласть для ради бережья в слободѣ у себя для того, что я билъ челомъ Великому Государю за Москвою рекою о дворовомъ месте и хотелъ блиско слободы дворъ свой строить, и какъ мне Великии Государи того двороваго места не пожаловали, и я те свои струбы перевезъ к себе на старый свой дворъ, а что Бояринъ Илья Даниловичъ, не жалуючи меня, не розыскалъ про те струбы и поверя доводчикове скаске, приказалъ мнѣ купить вместо техъ моихъ струбовъ иные струбы, и я купилъ вместо техъ своихъ струбовъ

ные струбы, а стрелецкия избы никакихъ не сваживалъ, тѣмъ онъ воръ безчеститъ меня напрасно.

А шлюся я на ту память, какова память ко мне прислана объ отставке, что никаково моего воровства не объявилось, и пожаловали меня Великии Государи указали отъ Приказу отставить не за воровство—за мои службы и за увече, и указали Государи ния мое в Розрядъ отослать и написать по прежнему у своего Государева дела по Московскому списку, а какъ отъ болезни мне стало легче, и Великие Государи указали мне быть по прежнему у своего Государева дела, и в томъ я шлюся на отставную память и на Розрядъ, что моево воровства никакова не объявилось. Темъ онъ ведомой воръ и составщикъ и лживой довтчикъ напрасно меня безчеститъ, и я в томъ своемъ безчестье буду на него вора.....

Два узенькии столбца. Конца въ послѣднемъ столбцѣ недостаетъ.

49.

Прошеніе крестьянина Капитана Кирѣвскаго о наездѣ крестьянъ дер. Старова, пом. Неронова, на нивыи Туоново, 1714 г.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшій. Прошедшаго, Государь, Декабря въ тридесять первый день, 1713 году, среди дня человекъ съ пятьдесятъ и больше, приехалъ нагло, на саняхъ и на дровняхъ наряднымъ дѣломъ, съ ружьемъ, і с копья, и с пищали, и с рогатины, и съ бердыши и съ дубьемъ, въ Дмитровскую помѣщика моего, Капитана Ивана Васильевича Кирѣвскаго, в вотчину, в село Туоново, позадь двора къ сѣну къ стогамъ, что сѣно помѣщика моего все, что было стогомъ, навали на всѣ подводы все безъ остатку и, навивъ, увезли. А ис тѣхъ приезжихъ людей помѣщика моего одного селца Туонова человекъ его Илья Васильевъ узналъ Дмитровскаго уѣзду Кузмодемьянскаго стану крестьянъ вотчины Бориса Иванова сына Неронова, деревни Старова, Максима Григорьева, Данила Теронтьева. А какъ оные

приезжие люди, навивъ, с сѣномъ изъ онаго селца побѣхали, и оной человекъ помѣщика моего, Илья Васильевъ, околнымъ тутошнымъ людямъ по деревнямъ разныхъ чиновъ помѣщикамъ, и прикащикамъ, и старостамъ, и крестьянамъ о такомъ наглomъ вышеписанномъ в вотчину помѣщика моего в нарядномъ в приезде и в свозе онаго сѣна словесно являть, и на то отустожье, гдѣ было сѣно в стогахъ, и на дорогу, по которой оно сѣно увезли, на слѣдъ околныхъ людей приводили. А помѣщикъ мой на твоей Государевой службѣ в Санктъ Питербурхѣ морскаго елоту въ сухопутномъ полку. Всемилостивѣйшій Государы! прошу Вашёго Величества, да повелитъ державство ваше мне мое челобитье явочное в Дмитровѣ въ Приказной избѣ записать въ книгу, а в вышеписанномъ нарядномъ приезде и въ свозе сѣна помѣщикъ мой тебѣ, Великому Государю, бить челомъ и онаге пока искать съ ценою будетъ впредь. Вашего Величества низайшні рабъ Кавитана Ивана Васильевича Кирѣевского человекъ сво, Ермолай Степановъ. Генваря въ 4 день, 1714 года.

Просьба писана на гербовомъ листѣ.

III.

АКТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ ДО ДѢЛЪ ГРАЖДАНСКИХЪ.

50.

Грамота Патріарха Іоакима о духовномъ завѣщаніи Василія Загряжскаго.
1670 г.

Въ лѣто сто осмдесятъ осмаго Марта в десятый день вередъ Великимъ Господиномъ Святѣйшимъ Іоаннимъ Патріархомъ Московскимъ и всея Росіи Столникъ и Полковникъ Афонасей Афонасевъ сынъ Поросуконъ, по челобитью Івана Иванова сына Волмыскаго, положилъ ся духовную умершаго Василія Загряжскаго. Да Августа въ 20 день билъ челомъ Святѣйшему Патріарху Іванъ же Волмыскаго: женился онъ на Васильеве женѣ Загряжскаго, на вдовѣ Овдоѣе. А после Василія Загряжскаго осталася духовная сидѣльцы де, которые у сей духовной сидѣли, живутъ въ дерев-

няхъ своихъ в Боровскомъ уѣздѣ. И Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ бы ево, велѣлъ тѣхъ сидѣльцевъ допросить. И по указу Святѣйшаго Патріарха послана грамота и ся духовная в Боровскъ Паенутьева монастыря к Игумену Еерему, а велено Васильева отца духовнаго и прикащика души ево, Благовѣщенскаго Попа Оому Иванова, Максима Григорьева сына Загряжскаго, Василья Григорьева сына, да Юду Васильева сына Болтинныхъ допросить: умершей Василей Загряжской ему, Попу Оомѣ, сынъ ли духовной былъ, и у сей ево духовной они, Попъ Оома и Максимъ Загряжской и Василей и Юда Болтины сидѣли ли, и писана ся духовная по ево ль Васильеву веленью и прі ево ль животѣ, і при цѣломѣ ли ево умѣ и разумѣ, и приказъ отъ него таков ли былъ, какъ в сей ево Васильевой духовной написано, и у сей духовной ево ль Васильева і отца ево духовнаго Попа Оомы і Васильева руки приложены; а мѣсто Максима Загряжскаго Иванъ Загряжской к сей духовной руку приложилъ по ево ль веленью. И ся духовная ево ль и едино писмо рука. А сей духовной ему, Юде, велено списать списокъ слово въ слово, да къ тому списку Попу Оомѣ и Максиму і Ивану руки приложить и ся духовную с спискомъ и з допросными рѣчи прислать к Москвѣ в Патріаршъ Розрядъ. І в нынѣшнемъ во 1670 году, Декабря во 12 день, к Святѣйшему Патріарху писалъ Паенутьева монастыря Игумень Ееремъ умершаго Василія Загряжскаго отцу духовному Попу Оомѣ і Василью Болтину, духовную вычиталъ и допрашивалъ і взялъ сказки за ихъ руками, а к Максиму Загряжскому посылалъ из монастыря многаяжды, и онъ въ монастырь не поехалъ за скорбью, а Юда де Болтинъ на Москвѣ. А в допросе Попъ Оома сказалъ по священству: у сей духовной онъ, Попъ Оома, и Максимъ Загряжской, и Василей и Юда Болтины сидѣли, и умершей Василей Загряжской ему, Попу Оомѣ, сынъ духовной былъ, и к сей ево Васильевой духовной онъ, Попъ Оома, руку приложилъ, и ся духовную они писали по ево Васильеву веленью, и прі ево животѣ до смерти ево за мѣсяцъ всѣ вместе і в цѣломѣ ево умѣ и разумѣ, и приказъ отъ него такой былъ, какъ в сей ево Васильеве духовной написано, и напередъ ихъ сидѣльцовыхъ рукъ кт. сей духовной ево умершаго Васильева рука самого приложена. А Василей Григорьевъ сынъ Болтинъ, высмотря ся духовную умершаго Василья Загряжскаго, сказалъ: ся духовная

писана и у ней они сидѣли по ево Васильеву велѣнью и при цѣломѣ ево умѣ и разумѣ до преставления его за многие дни. И то онъ вѣдаетъ: Благовѣщенской Попъ Василию отцу духовной, а рука писмо ся духовная сына ево Васильева Юды, писалъ при немъ Василье по ево веленю и при родичахъ ево и руку онъ, Василей, приложилъ при нихъ. И Великіи Господинъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ Московскій і всеа Росіи указалъ ся духовную умершаго Василья Загряжскаго, по свидѣтельству отца ево Васильева духовнаго, Благовѣщенскаго Попа Ѳомы, і Василья Болтина подписать и запечатать, и за своею святительскою рукою и печатью отдать сю духовную Івану Іванову сыну Волинскому. А с сей духовной списокъ слово в слово за своею жъ рукою и печатью оставить въ своемъ Святительскомъ Розрядѣ. А челобитье на сю духовную сына ево Васильева, Ильи Загряжскаго, что онъ былъ челомъ, чтобъ безъ очной ставки не свидѣтельствовать, Святѣйшій Патріархъ указалъ отставить. И по указу Великаго Господина, Святѣйшаго Іоаннима, Патріарха Московскаго і всеа Росіи, ся умершаго Васильева духовная и с неѣ списокъ подписаны и запечатаны. Мѣста сто девятого году, Декабря в двадцать девятый день.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа я рабъ Божіи Василей Степановъ, сынъ Загряжской, пишу сию ізусную память, будучи въ скорой на смертной постели цѣлымъ своимъ умомъ и разумомъ, ково чемъ благословляю і что кому отдать і на комъ что долгу взять. А душу свою приказываю строить и поминать і тѣло свое погрестъ отцу моему духовному, Благовѣщенскому Священнику Ѳомѣ Ивановичу, да родственнику своему Максиму Григорьевичу Загряжскому, да племяннику своему Аеонасью Аеонасьевичу Перосукову, да женѣ своей Овдотѣе и сыну своему Ильѣ. Да пожаловать тѣло мое погрестъ у церкви Благовещение Богородицы въ селе Юрьевскомъ, і душу мою поминать ис пожитковъ моихъ по мочи своей и по рассмотреню ихъ, прикашиковъ моихъ. А благословляю я жену свою—образъ Всѣмилостиваго Спаса, а дочь свою Ульяну—образъ Богородицы Казапскія, обложенъ в кноте, образъ Чудотворца Филиппа, образъ Михаила Архангела в окладе, дочь свою Татьяну—образъ Покрова Богородицы обложенъ, образъ

Ѳялипа Митрополита, образъ Неопалимыя Купины. А что иныхъ образы мои в окладе и без оклады, благословляю сына своего Илью. А долгу на мнѣ ничего нѣтъ. А мнѣ взять на Миките Григорьеве сынѣ Чаплине петнадцать рублей дѣнегъ, на Иване Рукине четыре рубли денегъ, что платилъ за него поруки въ Судномъ Московскомъ Приказе, на Василье Еремкине рубль денегъ. А что за женою моею Овдотьею Божья милосердия—образы окладные и не окладные и платья ее, что с собою принесла и нынѣ у нее есть, и бѣлье и посуда и всякое рухледь, и то все ей женѣ моей отдать, да ей же, жене моей, на прожитокъ помѣстье мое въ Боровскомъ уезде пустошь, что нынѣ деревня Порѣчье, а на ней поселены крепосные люди мои иноземцы четыре двора: Ромашка Ареѣевъ з женою Настькою, з детьми Гараска, Оска, Мишка Панкратьевъ з сыномъ Ондрюшкою, Ондрюшка Петровъ з женою и детьми, Елисейко Ареѣевъ, и тѣхъ людей ей, женѣ, отдать со всеми детьми и з животы, и платьемъ, с рухледью, лошадьми и скотиною, и хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и по сеенымъ, и со всемъ домашнимъ строеннемъ и заводомъ. А которые дворовые люди живутъ во дворе, а крепости на нихъ на имя жены моей Овдотьи: Демка Васильевъ з женою и з детьми, Мишка Григорьевъ з женою и з детьми, Агапка Гавриловъ з женою и детьми, девка Хаврошка. И те люди по крепостямъ отдаю со всеми пожитки, и с платьемъ, и со скотиною, и со всякою рухледью и с хлѣбомъ. Детемъ моимъ сыну Илье и дочерямъ до тѣхъ дворовыхъ людей и до поселенныхъ дела нетъ. А сыну моему Илье Государево жалованье вотчина и помѣстья въ Боровскомъ уезде со крестьяны и домомъ, со всякимъ заводомъ и животы, платьемъ, служивая рухледь, и всякая посуда, и лошади, и скотина, и хлѣбъ всякой и люди дворовые крестьяны. А отпущенныхъ людей не будетъ, что у меня кабалныхъ нетъ. А дочери моей Ульяне приданая платья поделана, а вотчина за нею въ Шатскомъ уезде со крестьяны и съ ихъ крестьянски животы, а пожаловать дочь мою Ульяну построить государю моему Ивану Ивановичу Панину, какъ ему Богъ по сердцу положить, за мужъ выдать, и вотчину писать за нею, а дочери моей Татьянѣ вотчина въ Невскомъ уезде со крестьяны и со всеми угодья, oprичъ людей моихъ, которые въ той вотчинѣ живутъ, и что лошадей моихъ и скотины. А выдать ее замужъ с тою вотчиною и приданова дать противъ

большой сестры. А что осталось после первой жены моей Марыи платья, бѣлая въ большомъ коробѣ, и то раздѣлить имъ, Ульянѣ и Татьянѣ, а жена моя къ тому не приточна. А жене моей Овдотье и дѣтемъ моимъ Ильѣ и Татьянѣ жить вместе в ономъ домѣ моемъ сопча. Ей, Овдотье, любить какъ дѣтей родныхъ, а имъ, Ильѣ и Татьянѣ, почитать какъ мать родную и слушаться во всемъ, и дочь Татьяну выдать замужъ волче. А будетъ дети моѣ не похотятъ с матихою своею в одномъ дворѣ жить, и имъ поставить дворъ жене моей на помесной землѣ, где она похочетъ. А что племянники мои, Левъ да Онтонъ Загряжскіе, жену мою Овдотью повесятъ і оглашаютъ, говорятъ непристойныя слова, і темъ они всемъ жену мою клепаютъ и затеваютъ вымыслы своими: ничемъ тѣмъ она не точна. А пожаловать государю моему Максиму Григорьевичу і всемъ государемъ моимъ, которые у сей изусной памяти сидели, жены моей и дѣтей во всемъ не покинуть и месть имъ ресмотреть, і поучить, і отъ обидъ пожаловать поберечь, и противъ сей духовной исправить. А жене моей и дѣтемъ быть передъ ними в послушаньи. А у сей изусной памяти сидели отецъ мой духовной, Благовещенской Попъ Ома, да Максимъ Григорьевичъ Загряжской, Аеонасей Аеонасьевичъ Поросуконъ, Василей Григорьевичъ Болтнѣвъ, Іюда Васильевичъ Болтнѣвъ. Іюда Болтнѣвъ у изусной памяти сидѣлъ я сию изусную писалъ своею рукою.

Столбецъ. Духовное завѣщаніе помѣщено на оборотѣ. Въ заголовкѣ подпись Патриарха. Заглавная буква «В» писана вазью съ фигурными украшеніями. У грамоты печать краснаго воска съ изображеніемъ благословляющей руки.

Риданъ запись Ульяны Пузиновой и сыновей ея о выдачѣ въ замужество дочери Федоры за Никиту Кирѣвскаго. 1665 г.

Се я, вдова Ульяна Борисова дочь Борисовская, жена Федоровича Пузинова и с дѣтми своими, с Михайломъ да Микитою, сговорили мы: я, вдова Ульяна, дочь свою родную, а мы, Михайло и Микита, сестру свою родную, дѣвицу Федору Борисовну, за мужъ

да Микиту Демидовича Кирѣевского. А благословляемъ я, вдова Ульяна, дочь свою, а мы, Михайло и Микита, сестру свою дѣвцу Федору Божиимъ милосердиемъ: образъ Всемилоствѣйшаго Спаса, да образъ Пресвятыя Богородицы Казанскіе, обложенъ серебромъ, образъ Пречистой Богородицы Умиленне на золоте, образъ благословенне Книгини Анны обложенъ серебромъ, да чепъ съ крестомъ. Да приданого платья: шапка шита золотомъ, шапка отласъ зеленой ожерелья жемчужной женскія двое, серьги с жемчюгомъ, опашень багрецовой пуговицы серебряные обшивка шитая, лѣтникъ жолтый, охобень—парча червьчата, охобень—дороги по зеленому, шубка двое—лисная теплая, на бѣлкахъ шубка кирдячкая теплая, охобень кумачной. І всего приданого на восьмидесять рублевъ. Да дѣвку Клавду, Марка Тиханова дочь Литовскаго полоцу. Да в Кашиинскомъ уезде в вотчинной нашей деревнѣ Щепунове на жеребья крестьянъ нашихъ: Кондрашко Сергѣевъ с женою и съ своими дѣтьми, и с ево крестьянскими животы, и с пасынкомъ ево Ганкою і ево Ганкиною женою и животы. А не любо то приданое платье, и ему Миките взять на насъ по сей записи деньгами восьмидесять рублевъ. А будемъ я, вдова Ульяна, иль дѣти мои, Михайло и Микита, того приданого за долю свою, а мы за сестрою своею ему, Миките Кирѣевскому, и тѣхъ вотчинныхъ крестьяншкковъ своихъ в деревнѣ Щепунове Кондрашкою, Сергѣемъ и с женою и с дѣтьми и с пасынкомъ Ганкою и с женою ево и с дѣтьми и животы на жеребей владѣть не дадимъ, и ему, Миките Кирѣевскому, по сей записи взять на насъ, вдовѣ Ульянѣ, и на насъ, Михайле и на Миките, триста рублей денегъ. А на то послуши Кузма Гореловъ, Степанъ Кобыловъ, Прокоей Угрюмовъ, Василей Викентьевъ. А запись писалъ Ивановскіе площади Подъячей Гришка Замощьской. Лѣта 1665 годъ Марта 11 дня.

Столбецъ. На оборотѣ подписи Никиты Пузякова вмѣсто матери и брата, подписи послуховъ.

52.

Рядная записъ Алексѣя Мещеринова о выдачѣ въ замужество внуки его за Римска Корсакова. 1680 г:

Се я, Алексѣй Аврамовъ сынъ Мещериновъ, зговорилъ внуку свою, девицу Анну Алексѣевну, сына своего дочь Алексѣя Алексѣевича, за Ивана Дмитрѣевича Римска Корсакова. А благословляю я, Алексѣй, внуку свою, девицу Анну, Божиимъ милосердиемъ: образъ Всемиловитаго Спаса обложенъ серебромъ чеканнымъ золочень, дцка кипарисная в кнотѣ, образъ Иоанна Предтечи обложенъ серебромъ золочень, образъ Великого Чудотворца Николая обложенъ серебромъ золочень, крестъ золотой с камениемъ с изумруды и с яхонты и с зерны бурмицкими, чепочка золотая, двѣ чепочки серебряныхъ золочены со кресты; да приданова платья — шапка низаная з жемчугомъ, серги — каменья изумруды и с зерны бурмицкими на золотѣ, другие серги двойчатки каменья яхонты да лалы съ зерны бурмицкими на золотѣ, ожерелья низаная жемчугомъ, семь перстень золотыхъ с изумруды и с искрами яхонтовыми; лѣтникъ желтъ камчатъ, во швы шить по черному бархату, шупка столовая червчатая сукно багрець, опопень сукно багрець пугвицы серебряные золочены, шуба отласная і вѣрхъ на соболяхъ, кружево золото с серебромъ плетеное з городами и с блѣстками, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, шуба соболя подъ камкою бѣлою, кружево ковано золотое, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, шуба зелена обьяринная на собольихъ пупкахъ, кружево золотное кованое, пугвицы королки бѣлыя на серебрѣ, шуба кунья подъ отласомъ алымъ, кружево кованое золото с серебромъ, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, шуба кунья подъ камкою желтою, кружево немѣцкое кованое золото с серебромъ, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, шуба пески бѣлыя по дорогамъ червчатымъ, пугвицы серебряные, шуба лапки песцовые, подъ дорогами червчатыми пугвицы серебряные, шуба песцовая, подъ дорогами двоелишными пугвицы серебряные, телогрея отласъ желтой цвѣтъ, кружево кованое золотное, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, телогрѣя отласъ червчетою, кружево серебряное кованое, пугвицы серебряные золочены с ѳиниетью, телогрѣя кам-

чатая желтая, кружево кованое золотное з блѣстками, немѣцкия пугвицы серебряные золочены с оиниѣтью, телогрѣя камчатая алая, кружево золотное ковано немѣцкое, пугвицы серебряные золочены с оиниѣтью, телогрѣя червчатая, кружево плетѣное золото с серебромъ, пугвицы серебряные, телогрѣя червчета, пугвицы серебряные, пять оунтовъ серебряныхъ судовъ, постеля—изголовье пуховое и подушки пуховые, на постелѣ и на зголовье наволоки дорогилныя, на подушкахъ наволоки отласныя, одѣяло куныя подъ дорогамъ полосатыми грива отласъ цвѣтной. Да людѣи—баба мама Ульяна да три девки, ларець да всякая ларемная рухледь. Да вотчина в Чернскомъ уѣздѣ, въ Пятницкомъ стану, деревня Починокъ Тюрянь на рѣкѣ на Плавѣ, а в нихъ крестьянъ: во дворѣ Данилко Гарасимовъ, у него два сына да пасынокъ, во дворѣ Ерунька Терентьевъ, у него два сына, во дворѣ Петрунка Овлимоновъ, у него сынъ да дочь, во дворѣ Савка Алексѣевъ, у него два сына, во дворѣ Оомка Акимовъ, у него... да у него жъ два сына в бѣгахъ, во дворѣ Гаврила Михайловъ, у него два сына, во дворѣ Ооска Павловъ, съ матерью да с женою, во дворѣ Гаврилка Терентьевъ з женою, да у него же дочь. А в той вотчине четвертныя пашни пятьдесятъ четвертей в полѣ, а в двухъ по тому жъ. А тое я, Алексѣи, землю пятьдесятъ четвертей в полѣ, а в двухъ по тому жъ взялъ у сына своего Івана изъ выслуженой ево вотчины, а на тое землю крестьянъ я, Алексѣи, навозилъ изъ своихъ купленныхъ вотчинъ. А всего приданого, платья і всякой кузни і низовья, даю я, Алексѣи, за внукою своею, за девицею Анною, на пятьсотъ рублевъ oprичъ вотчинъ. А выдать мнѣ, Алексѣю, внуку свою, девку Анну Алексѣевну, за мужъ за Івана Дмитрѣевича Корсакова в нынѣшнемъ во сто осмьдесятъ осмомъ году, Февраля въ осмый день.

Писано столбцемъ. На оборотѣ подписи: Мещерянова, послуховъ Зайцова, Загряжскаго, Михайлова, Федора Мещерянова. Запись писалъ Ивановской площади Подъячій Давыдко Ларешниковъ. На оборотѣ же акта росписки Корсакова, что ему по рядной записи приданое платье все дошло сполна.

53.

Рядная записъ вдовы Марьи Островской о выдачѣ въ замужство за Петра Исакова дочери Устиньи. 1686 г.

Се я, вдова Марья Максимова дочь Васильевская, жена Гавриловича Островскаго, в нынѣшнемъ во сто девяносто четвертомъ году, Декабря въ пятый день, зговорила я, вдова, дочь свою Устинью Васильевну за Петра Леонтьевича Исакова за мужъ. А благословляю я дочь свою Божиимъ милосердіемъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитреи на золоте, образъ Казанские Богородицы в окладе, окладъ серебряной позолоченъ, образъ Николая Чудотворца в окладе, окладъ серебряной позолоченъ. Да я жъ, вдова Марья, с сыномъ своимъ Федоромъ, даю ей приданого: чепъ серебряную, на ней пять крестовъ серебряныхъ позолоченыхъ, четыре пронизки серебряные, ожереліе низаное жемчугомъ, десять персей серебряныхъ, передруковье низаное жемчугомъ, да серги серебряные с жемчуги позолочены, другіе серги серебряные позолочены, третьи серги серебряные лапчатые, да приданого платья: шуба таѣтная на белкахъ, пугвицы серебряные, охабень желтой, шуба теплая на зайцахъ, охабень киндячной, два охабня кумачныхъ, перина з изголовьемъ, две подушки, одеяло, всего приданого на дватцать на пять рублевъ. Да я, вдова Марья, с сыномъ своимъ Федоромъ, поступаюся зятю своему Петру Исакову помѣстныхъ своихъ крестьянъ Ростовскаго уѣзду селца Новаго Земли Ондрюшку Максимова, Емелку Максимова, Евдокимка Максимова, да Митку Иванова, да брата ево Гришку Иванова з женами и з детьми и со всѣми крестьянскими животы. А всего крестьянскихъ мужскихъ десять головъ, да женскаго і девичья пола одинатцать душъ. А выдать мнѣ, вдове Марье, дочь свою, а мнѣ, Федору, сестру свою девицу Устинью за мужъ за нево, Петра Леонтьевича Исакова, на срокъ в нынѣшнемъ во сто девяносто четвертомъ году, Генваря въ десятое число, і Божие милосердіе, и приданое на дватцать на пять рублевъ на тотъ же срокъ дать, і крестьянъ двадцать одну душу, мужскихъ і женскихъ і девичьихъ, со всѣми крестьянскими животы, съ дворовымъ і хороннымъ строениемъ, отдать на тотъ же срокъ. А кой у нихъ крестьянъ ржаной хлѣбъ в земле сеянъ к нынѣш-

нему же ко сто девяносто четвертому году, отдать имъ, крестьянамъ. А что я, вдова Марья, с сыномъ своимъ Федоромъ поступилась крестьянъ своихъ з женами і з детьми і з крестьянскими животы, какъ писано в сей записи выше сего, і на тѣхъ крестьянъ на Москвѣ в Помѣсной Приказъ, или гдѣ Великие Государи укажутъ, записать і укрепить за зятемъ своимъ, Петромъ Исаковымъ, в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году. А буде я, вдова Марья, дочь свою, а я, Федоръ, сестру свою девицу Устинью за него Петра за мужъ на срокъ не выдадимъ, какъ писано в сей записи выше сего, или Божия милосердия і приданого на двадцать на пять рублевъ на тотъ же срокъ не здадимъ, і крестьянскихъ десять душъ, да женска і девичья полу одинацать душъ, со всеми ихъ крестьянскими животы, и хоронного і двороваго строения на тотъ же срокъ не выдадимъ ему, Петру Исакову, і крестьяномъ ево, или которая рожь сеяна в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году имъ не отдадимъ, или тѣхъ крестьянъ за нимъ, Петромъ, в нынѣшнемъ во сто девяносто четвертомъ году не укрѣпимъ, или в чемъ ни есть противъ сей записи не устоимъ, на мне, вдове Марье, і на сыне моемъ, Федорѣ, по сей записи за всякую неустойку..... рублей.

Столбецъ. На оборотѣ акта: подпись послуховъ и Попа Ивана съ Ростовскаго посада, вмѣсто Островской и ея сына. Актъ явленъ въ Помѣстномъ Приказѣ Борзину Князю Троеукову съ товарищи, крестьяне за Исаковымъ записаны и пошланы въ казну взяты.

54.

Сговорная записъ, данная Павломъ Харламовымъ Ивану Маркову, о выдачѣ въ замужство за сего послѣдняго сестры Марьи. 1695 г.

Се я, Павелъ Савинъ сынъ Харламовъ, в нынешнемъ въ двѣстѣ третьемъ году, зговорилъ я, Павелъ, по приказу матери своей, вдовы Елены Ивановны Савинской жены Максимовича Харламова, сестру свою родную дѣвицу Марью Савину дочь за мужъ за Ивана Лазаревича Маркова. А благословляю я, Павелъ, ево, зятя сво-

его Ивана Лазаревича; и ее, сестру свою дѣвицу Марью, Божиимъ милосердіемъ: образомъ Всемилостиваго Спаса под окладомъ серебрянымъ, да образомъ Пресвятыя Богородицы под окладомъ серебрянымъ же. Да приданого даю я, Павелъ, за нею, сестрою своею Марьею, кузни серебряные и жемчужнаго саженья и всякаго платья, ценою на пятьдесятъ рублей, да къ ларцу дворовую девку Василистку Петрову дочь, да двороваго челоуѣка Ерохонка Прокоѣева з женою ево Настаскою. Да ис помѣстья отдаю своего с прожиточнымъ еѣ жеребьемъ в Берескомъ погосте в усадище Корловичахъ восемь четвертей с полчетверникомъ, да во дворе крестьянинъ Никитка Никиѣоровъ з женою и дѣтми і со всѣми ево крестьянскими животы, да въ пустоше Отвилце полосицы с полчетверникомъ, да в Опоцкомъ погосте в пустоше Осинове чертветь с четверникомъ и с полчетверникомъ, да в Илменскомъ погосте в пустоше в Поддубе тринадцатъ четвертей, и на тѣ четверти даю еі сестры моей Марьи, ему Ивану Лазаревичу задаточная заручная челобитная і в Приказной Палате в Великомъ Новѣгородѣ у выписки объ даче того прожиточнаго помѣстья безспорно сказать и в допросѣ рука приложить, в нынѣшнемъ в двести третьемъ году до срока, до Рождества Христова. А выдать мне, Павлу, тое сестру свою, дѣвицу Марью, за него, Ивана Лазаревича, в нынѣшнемъ в двести третьемъ году ис усадища своего Заборова на срокъ послѣ Богоявленія Господня въ другое Воскресенье. А какъ онъ, Иванъ Лазаревичъ, на той сестре моей, дѣвице Марье, женитца, и после тое женитбы на другой день на того двороваго челоуѣка Ерохонка и на жену ево и на девку Василистку дать даная за рукою. А что сѣяна рожь на тое пустоши Подубье у меня, Павла, к нынѣшнему двѣсте третьему году, и та рожь зжать мне, Павлу, и взять к себѣ. А что в тое пустоши в Подубье останетца пашни двѣ четверти за ею, сестрою моею Марьею, прожиточнымъ жеребьемъ, и тѣми четвертями владѣть ему, зятю моему Ивану, и сестре моей Марье вѣчно и дѣтямъ ихъ. А будетъ я, Павелъ, ее, сестру свою дѣвицу Марью, или мать моя вдова Елена Ивановна, за него, Ивана Лазаревича, на срокъ тотъ вышеписанной не выдадимъ, или в чемъ противъ сей зговорной записи в слове своемъ не устою, и на мне, Павле, взять ему, Ивану Лазаревичу, денегъ двѣсте рублей. А ся запись і впредь в запись и зговоръ в зговоръ. А у сей записи си-

дѣли Дворяня Иванъ Гавриловичъ Брянцовъ, да Федоръ Ивановичъ Мяхкой. А зговорную запись писалъ по его Павлову велѣнію Порховской Николаевской дѣлчекъ Еремка Онтроповъ. Лѣта семь тысячь двѣсти третьяго году, Октября въ третьи день.

Столбецъ. На оборотѣ подписи послуховъ и Брянцова вмѣсто Харламова.

55.

Поручная дворовая запись отпущеника Кожемякина, данная помѣщику Лермонтовымъ. 1692 г.

Се я, Костромитинъ посатцкой человекъ, Ерошей Ивановъ сынъ, Костромскаго подворья дворникъ, да я, Всемилостиваго Спаса, что въ Ярославле, Василей Никитинъ дворникъ, оба мы поруччики: въ нынешнемъ двухсотомъ году Сентября въ двадесять седмий день, поручилися мы Евтисею Петровичу, да Петру Петровичу Лермонтовымъ Григорія Микитина сына Брагина по отпущеникѣ ево Иванѣ Захаревѣ сыне Кожемякинѣ в томъ, что жить ему, Ивану, за нашу порукою у нихъ, Евтисея и Петра, на Московскомъ подворьѣ на Стретенке, в Тупомъ переулке, в надворничествѣ..... И живучи ему Ивану за нашу порукою, дурнымъ ни какимъ не промыслять, виномъ і табакомъ не торговать, съ воровскими людьми не знатца, и тотъ ихъ дворъ не обжечь и не обломить, стечь и беречь и убытковъ никакихъ не учинить. А буде онъ, Иванъ, за нашу порукою живучи на томъ ихъ вышеписанномъ дворѣ в надворничествѣ, учнетъ какимъ дурнымъ промыслять, виномъ и табакомъ торговать и с воровскими людьми знатца, и на насъ поручникахъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцевъ, пеня, а пени что Великие Государи укажутъ. А у сей записи послуши Гаврило Яковлевъ. А запись писалъ Ивановские площади Подъячей Стольника и Полковника Лаврентьева полку Панкратьевича Сухарева Левка Терской. Лѣта 1692, Сентября 27.

Писано столбцемъ. На записи помѣта: «Записать в книгу и пошлины взять по указу». На оборотѣ подписи послуховъ и помѣта о явкѣ акта въ Земскомъ Приказѣ. Вмѣсто Кожемякина руку приложилъ Священникъ Иванъ.

56.

Поручная записъ Кемскихъ стрѣльцовъ по стрѣльцѣ Ивановѣ въ исправной его службѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. 1671 г.

Се Соловецкого монастыря изъ Кѣмскаго города десятника Максимъ Алексѣевъ сынъ Некрасовъ, да Мокей Прокопьевъ, стрельцы Григорей Оотѣевъ сынъ, Оома Обросимовъ, Игнатей , Кирикъ Никифоровъ, Аникей Ивановъ, Иванъ Оедосѣевъ, Иванъ, Ероѣевъ, Леонгій Романовъ, Оедорко Ивановъ, Максимко. . Оедоръ Калининъ, Мартынъ Евсѣевъ поручились есмь Соловецкаго монастыря Архимандриту Иосифу і соборнымъ старцамъ по Максимѣ Иванове сыне в томъ, чтобы ему за нашею порукою на Царевѣ і Великого Князя Алексѣя Милайловича, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, службѣ в Кѣмскомъ городке в стрелцахъ и гдѣ Великии Государь укажетъ на своей Царьской службѣ, и служба ему ратная всякая служить: на карауле стоять и на Немецкой рубежъ для вестей ходить и къ Государю свестъ и по городомъ и Государевымъ Воеводамъ гонять, а в осадное время в Кѣмскомъ городкѣ и в иныхъ городѣхъ, гдѣ Государь укажетъ, рвы копать и тарасы рубить, тынъ и всякие градские крѣпости, і во всехъ Государю службахъ, а ни в чемъ не изменить, ни в Нѣмцы, ни в Литву не отѣхать. . . . в городѣ хлѣбныя запасы всякие казенные носить и зелье и свинець на Государевѣ службѣ ему держать казенное. А испортитца у него пищаль иль которая поруха лучитца на Государевѣ службѣ, и намъ, порутчикамъ, за то цены не платить. А небереженеемъ своимъ на службѣ и на своей стрелбѣ у него пищаль испортитца и утерлетца, и ему и намъ порутчикомъ за то цена платить. А живучи ему за нашею порукою, не красть, ни розбивать, і убиства ни котораго не учипить, корчмы и блядни не держать и зерню не играть и никакимъ воровствомъ не промышлять і из службы стрелецкине не бѣжать. А учнетъ онъ за нашею порукою красть иль розбивать и зернь. и блядню держать, иль убиство чинить, иль какимъ воровствомъ промышлять, иль изъ службы збежить, и на насъ, на порутчикахъ, Государева пеня, и хлѣбное и денежное жалованье і всякие убытки, что въ его воровствѣ ни

учинитца убытка. Жалованье годовое имать ему на два срока..... денегъ по три рубля. ржи три четверти, а овса тожъ. На то послуси. . Матфей Евъстратѣвъ сынъ. Запись писалъ дьячокъ Петрушка Павловъ. Лѣта 1671, Сентября 13-го.

Писано столбцемъ. Актъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порванъ.

Поручная запись стрѣлцкихъ десятниковъ и рядовыхъ по стрѣльцѣ Хахинѣ. (Времени Царя Алексѣя Михайл.)

Се Кѣмскаго городка стрелецкие десятники Иванъ Федосѣвъ, Мокшій Прокопѣвъ, Семень Ерофѣвъ і рядовые стрелцы Івашко Сидоровъ, Кирко Никифоровъ, Гришка Андрѣвъ, Михалко Петровъ, Івашко Васильевъ, Михалко Осиповъ, Федка Калининъ, Ісачко Матвѣвъ, Еремка Ивановъ, Матвѣйко Тимоѣевъ, Елисѣйко Марковъ поручились есмы Соловецкаго монастыря Архимандриту Иосифу і соборнымъ старцамъ по. в стрелцы по Варѣоломее Федорове сыне Хахине въ томъ, что быть ему за нашею порукою на Государевой Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великия і малыя і бѣлыя Росні Самодержца, службѣ в Кѣмскомъ городкѣ в стрелцахъ и гдѣ Великій Государь укажетъ на своей Царьской службѣ быть, і служба ему всякая ратнал служить: на карауле і в отъѣзжихъ стоять і на Немецкой рубежъ для вестей ходить і к Государю к Москве с вестью и по городамъ к Государевымъ Воеводамъ гонять, а в осадное время в Кѣмскомъ городке и въ иныхъ городахъ, гдѣ Великій Государь укажетъ, рвы копать и тарасы рубить, тыны і чеснокъ і надолбы і всякие градские крѣпости дѣлать, і во всемъ служить испряма, а ни в чемъ не изменить, ни в Нѣмцы, ни в Литву не отъѣхать і иза города в городъ хлѣбные запасы казенные всякие носить, а пицаль і свинець на Государевой службе ему держати казенное. А испортитца у него пицаль і которая поруха учинитца на Государевой службе, и ему и на поручниковъ за то

цены не платить, а небереженеемъ своимъ на Государевой службѣ или на своей стрѣльбѣ у него пицаль испортитца, или утераетца.

Писано столбцемъ. Конецъ оборванъ. На оборотѣ подпись стрѣльца Кемскаго городка Ивана Сидорова вмѣсто поручителей.

58.

Запись, данная крестьяниномъ Горицкаго монастыря Таракановымъ крестьянамъ помѣщика Кирѣевского, о доставленіи въ Смоленскъ сборнаго съ нихъ хлѣба. 1687 г.

Се я, Переславскаго уезду, Горицкаго монастыря села Соломидина, крестьянинъ Микита Володимеровъ сынъ Торокановъ, подрядился есми, Микита, Дмитровскаго уезду, Козмодемьянскаго стану вотчины Василья Никитича Киреевскаго, у старосты ево, у Федора Дмитриева, и у всехъ крестьянъ, поставить мнѣ, Миките Тороканову, с крестьянскихъ и з бобыльскихъ с семѣнадцати дворовъ Великихъ Государей стрѣльцкой и запросной хлѣбъ шесть кулей, и толокна и крупъ въ Смоленской, по нынешнему зимнему пути в нынешнемъ во 1687 году, мука ржаная и крупа и толокно ихъ мирское, и в томъ хлѣбъ привести мнѣ, Миките, из Смолѣнска отписъ за Дьячью приписью, а за провозъ отъ того хлеба взялъ я, Микита, у него, старосты у Федора, и у всехъ крестьянъ по осьми гривнѣ с куля противъ сей записи все сполна, и в томъ стрѣльцкомъ и в запросномъ хлѣбе ихъ крестьянъ убытка не доставить не котораго. А буде я, Микита Торокановъ, по нынешнему зимнему пути въ Смоленске стрѣльцкого и запроснаго хлеба села Воронцова деревни Никотина не поставлю и отписей с Смолѣнска за Дьячью приписью не привѣзу и в томъ хлѣбъ какой убытокъ имъ крестьяномъ учню, и на мнѣ, Микитѣ, взять имъ, крестьяномъ Федору Дмитриеву и всемъ крестьяномъ, по сей записи пятьдесятъ рублевъ денегъ, и въ томъ запросномъ и стрѣльцкомъ хлѣбѣ и в довозке и взятыхъ деньгахъ порукою по немъ, Миките, писались того села Соломидина крестьяне Петръ да Василей Микитины, да

Дмитровскаго уѣзду вотчины Ѳедора Тихоновича Зыкова села Будямыры Осипъ Трофимовъ въ томъ на себя запись далъ. А на послуши сиделъ Ѳедоръ Микифоровъ. А запись писалъ Дмитровскаго уезду Троецкаго монастыря казенной дьячекъ Степанъ Егупловъ по ево Микитину веленью и поручиковъ, кош в сей записи имяны писаны. Лѣта 1687, Генваря въ 3-й день.

Столбецъ. На оборотѣ подписъ Златоустовскаго Попа Ѳедора вмѣсто Тараканова.

59.

Отписъ крестьянина Ларионова о крестьянахъ Мещеринова, отданныхъ въ приданое за дочерью помѣщика Галицкаго Уѣзда, Племинникова. 1694 г.

Се я, Галицкаго уезду Столника Сергѣя Ѳаустовича Племинникова, Кушкина стана, деревни Покровскаго, крестьянинъ Илья Ларионовъ, въ нынешнемъ двѣсти второмъ году, Октября въ 13 день, отдалъ я, по приказу государя своего Сергѣя Ѳаустовича, крестьянъ ево, Ивана Алексѣевича Мещеринова, да сына ево Ильи Ивановича Мещеринова, Ростовской вотчины села Никольскаго Приказному ихъ человѣку, Ѳомѣ Костлятинову, противъ даной памяти на срокъ Октября в первый день нынешняго двѣсти втораго года, которыхъ онъ, Сергѣй Ѳаустовичъ, ныне прислалъ в то село к отдачѣ крестьянъ, которыхъ далъ онъ, Сергѣй, за дочерью своею в приданое ему, Ильѣ Ивановичу: Ѳедьку Артемьева с женою ево Анушкою Анофріевою дочерью, да с сыномъ ево Дмитряшкою, да скотиною—кобыла бура, да корова, да телицу, да пятеро курей, да платья каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, сараванъ да рубаха, да хлѣба ржи две четверти с осминою и с четверикомъ, овса три четверти с осминою, сѣмяни льнянова полчетверика; да Пименка Игнатіева с женою ево Ѳедоркою Козминою дочерью, да дочерью дѣвкою Лукѣшкою, да скотиною—лошадь меринъ сѣръ, да корову, да овцу да баранъ, да платья каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, да у жены ево платья сараванъ да рубаха, хлѣба двѣ четверти съ полуосминою ржи, да овса двѣ четверти, ячмени три полуосмины; да Якушку Троевимова с сыномъ его Пронкою, да с

дочерью дѣвкою Оксюткою, да скотину—кобыла каря, да платья каетанъ шубной, каетанъ сермяжной, да у дѣтей ево платья, у сына каетанъ шубной, каетанъ сермяжной, да у дочери сараванъ да рубаха, да хлѣба ржи двѣ четверти с четверикомъ, сѣмени коноплянова с полчетверика, да льнянова сѣмени с полчетверика, овса шесть четвертей. А отдалъ я тѣхъ крестьянъ с плугами, и с сохами, и с косами и с серпами. А что у нихъ было сѣна и соломы, и мякины, и листу осинового, и то они продали, а деньги у нихъ, крестьянъ. А отдалъ я, Илья, тѣхъ крестьянъ ему, Оомѣ, со всѣми ихъ пожитками противъ ихъ сказокъ. И в томъ я, Илья, у него, Оомы, в приеме тѣхъ крестьянъ отписъ взялъ. А ца то послуши Осипъ Даниловъ, Семенъ Алексѣевъ. А отписъ писалъ Ростовския площади Подъячей Никитка Ильинъ. Лѣта 1694, Октября 13 дня.

Столбецъ. На оборотѣ подписи послуховъ.

60.

Челобитная Ивана Мещернинова о понужденіи Арсеньева къ принятію кучей на имѣнія въ Звенигородскомъ Уѣздѣ. 1684 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ, Івашко Мещерниновъ. В прошломъ, Государи, 1683-мъ году продалъ я, холопъ вашъ, Дмитрею Арсеневу вотчину свою в Звенигородскомъ уезде в Угорскомъ стану селцо Кузминское, да пустошь Михалково без жеребья, для оплаты невинныхъ долговъ своихъ, что доправилъ на мнѣ, холопѣ вашемъ, безъ вашего Великихъ Государей указа, бѣзъ суда и бѣзъ розыску Князь Иванъ Хованской, Московскимъ стрѣльцамъ шесть тысячь рублей денегъ. Да я, холопъ вашъ, поступился ему, Дмитрею, за двѣсти рублевъ ваше Великихъ Государей жалованье, а своего помѣстьяца в томъ же сельце Кузминскомъ жеребья, да в пустоши Михалкове жеребей, да пустошь Коростье. І в томъ я, холопъ вашъ, далъ ему, Дмитрею, на себя

запись зарядомъ, что о тѣхъ жеребьяхъ и о пустоше Коростьеве бить челомъ вамъ, Великимъ Государямъ, что тѣ жеребьи и пустоши Коростье взяли себѣ в вотчину, и дать ему, Дмитрею, купчая на срокъ прошлаго 1683 г. Сентября 1-го числа. А буде я, холопъ вашъ, на тотъ срокъ не помѣтеть въ вотчину тѣхъ жеребьевъ и пустоши Коростье не возьму, и на мнѣ ему, Дмитрею, зарядъ взять пятьсотъ рублей. И онъ, Дмитрей, хотя на мне, холопе вашемъ, своемъ умысломъ зарядъ напрасно взять и своимъ челобитьемъ оспорить ту пустошь Коростье и на срокъ мнѣ в вотчину взять не дать, и взялъ на мнѣ, холопе вашемъ, по той записи будто за неустойку пятьсотъ рублей денегъ, и ту мнѣ запись выдалъ, и взялъ на меня, холопа вашего, онъ, Дмитрей, другую запись зарядомъ же въ пяти же стахъ рубляхъ, что мнѣ тѣ вышеписанные жеребья в селце Кузминскомъ, да в пустоши Михалкове, да пустошь Коростье взять изъ поместья в вотчину жъ, и дать ему, Дмитрею, на ту вотчину купчая на срокъ 1685 года Сентября въ первое число. А буде на тотъ срокъ в вотчину себѣ не возьму и купчие ему, Дмитрею, не дамъ, и ему, Дмитрею, взять на мнѣ по той ево записи пятьсотъ же рублей денегъ. И я, холопъ вашъ, те свои вышеписанные жеребьи и пустошь Коростье в вотчину себѣ взялъ и купчую ему, Дмитрею, написалъ. И онъ, Дмитрей, хотя на мнѣ, холопе вашемъ, и по другой записи зарядъ пятьсотъ рублей взять, купчие у меня на ту вотчину не принимаетъ и къ списку руки не приложилъ, и говорилъ будто для того, что я, холопъ вашъ, не справясь с крепостями и с дачами в Помесномъ Приказе, билъ челомъ я, холопъ вашъ, вамъ Великимъ Государямъ о той пустоши Коростье в поместье самъ на себя. И сторожилъ земель и владеть я, холопъ вашъ, бѣзъ дачъ больше дватцети летъ, и в обыску окольные люди сказали противъ моего челобитья. А та, Государи, пустошь Коростье по дачамъ объявилась за отцомъ моимъ Алексѣемъ Аврамовичемъ, а не в порожнихъ земляхъ. И нынѣ отца моего не стало. А иные, Государи, пустоши Коростья в Звенигородскомъ уездѣ, опричь тое что за отцомъ за моимъ написана, пустошь Коростье на речке на Капанке. А для того я, холопъ вашъ, не справясь с крепостями, билъ челомъ вамъ Великимъ Государямъ: какъ приехали с Москвы в Ростовскую деревню по отца моего стрѣльцы и животы отца

моево розграбили и всякие письма и крѣпости изорвали. И та пустошь Коростье въ Помесномъ Приказе сыскалася в даче за отцомъ моимъ по менѣ Болярина Бориса Ивановича Морозова. I въ выписке, Государи, моей какъ я билъ челомъ о той пустоши Коростье не ведаючи ис порожнихъ земель написано имянно, что та пустошь Коростье была отца моего, а нынѣ дана мнѣ, холопу вашему, в вотчину. А онъ, Дмитрей, хотя меня, холопа вашего, вдругорядь разорить напрасно, и по другой записи хочетъ зарядъ взять пятьсотъ же рублей, и купчие не принимаетъ, и к списку руки не приложитъ для того, чтобы на срокъ та вотчина за нимъ не записать, а ему бѣ напрасно зарядъ взять. Милосердые Государи Цари і Великие Князи Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, для такова моего не виннаго разорения, не дайте, Государи, меня, холопа своего, вдругорядь напрасно разорить, і велите, Государи, тое купчую и списокъ купчие принять в Помесномъ Приказе, и за нимъ, Дмитреемъ, ту мою вотчину в записные вотчинные книги записать, и с купчие пошлины принять, и челобитье мое в книгу записать, чтобъ мнѣ, холопу вашему, по той записи в заряде и достала отъ него, Дмитрея, разорену не быть.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Мещеринова и помѣта: «1684 года, Августа въ 18 день, выписать».

IV.

**ЧЕЛОВИТНЫЯ КРЕСТЬЯНЪ ПОМЪЩИКАМЪ
И ПИСЬМА ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.**

61.

Письмо крестьянъ д. Кузминской къ помѣщику Алексѣю Мещеринову.

Государю Алексѣю Аврамьевичу бьютъ челомъ и плачутца последние погиблыя сироты твои государевы, крестьянца деревни Кузминской: староста твой государевъ, Сенка Яковлевъ, да Савка Степановъ, да Якушка, Митка, Дементьевы детышка, Онтпка Кондратьевъ, Оюнка Сидоровъ и все сироты Кузминские крестьянишка. Погибли мы, сироты твои государевы, в конецъ, умираемъ голодомъ, ни пить, ни есть намъ нечево, стали ещадны и скудны, а на твою государеву работу наряжаютъ, а работать не за чемъ—голодны. Смилуйся, пощади, государь, сиротъ, пожалуй намъ сиротамъ на пашню овса и ячмени, чемъ жеребнишка обсеменить, по чему, государь, Богъ по сердцу твоему положить. Дай, государь, бѣднымъ скуднымъ свѣтъ собою видеть, напредъ чемъ быть сытымъ. Государь помилуй, сиротъ не умори.

Писано столбцемъ. Годъ не обозначенъ.

62.

Письмо крестьянина Ивана Антонова къ помѣщику Мещеринову. (Врѣмени Царей Іоанна и Петра.)

Государю Ивану Алексѣевичу бьетъ челомъ беглой твой крестьянинъ Ивашко Антоновъ. Прогневаль тебя, государя, збежалъ я, сирата твой, из Рябинина. А жилъ я, государь, у Князя Петра Михаловича Долгорукова в деревне Гридине. А дочь я, государь, выдалъ тутъ же в деревне. А жилъ, государь, я у зятя,

и робятишка тутъ покинулъ. И меня, государь, оне не знали, что я к твоему здоровью побрелъ. Умилостивись, государь, Иванъ Алексѣевичъ, вели тутъ же мне жить у брата у Ганьки у бочара в селе Николскомъ. Смилуйся, государь, и пожалуй.

Писано на четвертушкѣ бумаги.

63.

Письмо старосты Михаила Федорова къ помѣщику Шестернову. (Конца XVII стол.)

Государю Алексѣю Абрамъевичу холопъ твой государевъ, Мишка Федоровъ, челомъ бьетъ. Писалъ ко мнѣ ты, государь, холопу, велелъ бревна ронить трехъ сажень и полутретьи. И крестьяня твои государевы мнѣ, холопу, отказываютъ, что онѣ голодны и клячи, и коровенка испродали, и на хлебъ приели, и яровые пашни пахать не за чемъ, да и не на чемъ, и есть нечево. А Микитинъ сынъ Филка отшелъ отца в Кондратьевъ дворъ в пустой: ни клячи, ни коровенка нетъ, никакой животины, ни сеять нечемъ. Да пять телицъ твоихъ государевыхъ отелилися и телять подъ нихъ ссать подпускаемъ, и онѣ не насысаютца и молока нетъ, титки отели. Да положили в великой четвергъ пять бычковъ, и по се время, дай Богъ, здоровы. А жеребята замытились и захудали. И сечь не убирывали и пеня не копывали: крестьяня разбрелися в миръ. А Ивану Черневу четверть ячмени далъ. А мерины два вороныхъ и третьева мухортова отослалъ в Шумилово.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Государю Алексѣю Абрамъевичу».

64.

Письмо крестьянъ с. Рождественскаго къ помѣщику Нещеринову. (Конца XVII стол.)

Государю Алексѣю Ивановичю села Рождественнаго холопи ваши государския, Гришка Степановъ, да Степка Матвѣевъ, челомъ бьемъ. Изволилъ ты, государь, к намъ, холопамъ своимъ, писать и по батюшкову указу, чтобъ намъ досмотрить на своемъ гумне хлѣба твоего Боярскаго. И мы, государь, крестьянъ собирали и хлѣба досматривали, и только оеса семдесятъ копенъ, а только оберетца оеса на семена четвертей з дватцать, а въ житнице оеса нѣтъ зерна. Гороху три десятины на поли зъгнили, а только умолочено гороху на семена. Да в житнице ячменю четыре четверти на семена толко, да гречихи в житницѣ по три четверти, да ржи в гумнѣ немолоченой пятдесятъ копенъ, а ржи будетъ тритцать пять четвертей, а въ житницу не свезена, да семя коноплянова четверть. И мы, холопа твои, государь, у крестьянъ спрашивали: «какъ люди хлѣпъ прятали с поля, а вы где были?» И крестьяне сказали: «насъ де прикащикъ отъ поры заставилъ просяня похать, да ячмишка за тѣмъ у насъ холопей де и погнили». И за то прикащика и старосту били въ два кнута, привезавъ къ санямъ, при ѡъсехъ крестьянахъ. Да въ Раеве, государь, хлѣба досматривали же: въ житнице ржи пять четвертей, да солоду арженова двенадцать четвертей, да ржи немолоченой въ гумнѣ.

Писано столбцемъ, Безъ окончанія.

65.

Письмо Приказнаго Тимофея Дмитриева къ помѣщику Ильѣ Мещеринову.
(Начала XVIII в.)

Государь ко мнѣ милостивецъ Илья Ивановичь. Здравие твое государя моего да сохранить десница Вышнего Бога на веки и со всеми любящими тя человекѣки. Челомъ бью, государь мой, за твою к себѣ милость, что милостиво насъ в забвеніи не оставилъ и о здравіи своемъ к намъ пишешь. Мы і напредки со усердиемъ о томъ отъ тебя пріятства желаемъ. Да изволь ты, государь, писать к батюшке Семену, чтобъ у меня взять ведомость, какъ твое челобитье записано в книгу и чтобъ не утерялось твое явочное челобитье и записка бою крестьянъ твоихъ четырехъ человекъ. А у насъ того не водица, чтобъ пропадали в приказной избѣ челобитья. Противъ челобитья милости твоей все управно, і челобитье записано в книгу тогожъ числа, какъ на челобитной помѣчено. Такжеде і осмотръ записанъ тожъ число, только по милости своей не поставь насъ в забвеніи. По милости своей да и о преждереченномъ прошу милости, о чемъ я тебя, государя, просилъ, о Попѣ Семенѣ. Пожалуй, не равняй ево с панамаремъ. О семъ прося Тимофеей Дмитрѣевъ, мѣсяца Сентября 21, нижайшій поклонъ приношу.

Писано столбцемъ. На оборотѣ: «Государю Ильѣ Ивановичу».

66.

Письмо Григорія Кошелева къ Ивану Мещеринову. (Конецъ XVII вѣка.)

И того его челобитья и отписку не прискали, зная, что похвальба ево напрасная. А онъ, Гришка, записался Преображенскаго полку в драганы. Да ведомо тебѣ, государю моему, буди: велено брата твоего Ивана Ивановича і Василья Ивановича Черткова отъ розыску взять к Москвѣ. І Василей Ивановичъ ны-

не уже на Москвѣ, і Шеховской сыщикъ на Москвѣ, а братъ твой будетъ в скорехъ числехъ. Да і тебѣ, государю моему, по наряду, на службѣ Великаго Государя велено быть въ болшомъ полку, а стать в указныхъ местехъ в Ахтырскомъ, Марта 2 числа. И про то подлинно мне сказывалъ Савелей Васильевъ, і невозможно отъ того отбыть для того, что о томъ Государевъ нмн-ной указъ. Да и я о томъ довѣдаюся подлинно, и к тебѣ, государь, подлинную ведомость пришлю в скорехъ числехъ и..... на дачу дана тебѣ спрашиваютъ поворотныхъ денегъ на прошлой 1696 годъ за службы с вотчанъ, да по Вляскаго іску хотятъ править на людехъ твоихъ. І хотели ценить дворъ твой Московскій, і Сава принесъ в Розрядъ челобитную, чтобъ для нынешней службы отсрочить, и по тому челобитью для службы отсрочено. А что посланъ Подъячей Григорей Осиповъ и с которымъ высылки к Москвѣ, не ѣдитъ покамѣсть, о всемъ доведаюся доподлинно, и о томъ к тебѣ, государь, учиню о всемъ ведомость. А что кои запасы есть и что кому велено роздать, и я за тою службою, безъ ведома твоего, давать не смею, что даромъ все пропадетъ. А о службе еще ожидаютъ из иныхъ странъ ведомости, да пожалуй, государь мой, при милости своей, не покинь въ какихъ делахъ батюшки моего. А я за тебя, государя, радъ волокиту великую принять і нужду. А нынѣ де жъ за скоростью написать не успѣваю. Велии с честью бьетъ писавый Гришка Кошелевъ.

Столбецъ. Первыхъ строкъ недостаетъ.

Письмо Ивана Юрлова къ Ивану Мецаринову. (Старой колодежи XVII стол.)

Государю моему милостивому ко мнѣ, и милосердому, и заступителю, Ивану Алексѣевичю, Івашко Юрловъ, павъ на землю предъ ногами твоими, много челоми бьетъ. Прошу, государь Иванъ Алексѣевичъ, милости твоей і заступы, буди другъ мнѣ убогому, заступникъ. І твой, государь Иванъ Алексѣевичъ, которые

были пріятели и хлѣбоѣдцы, и тѣ, государь, твои пріятели і хлѣбоѣдцы теперь на тебя жъ, Иванъ Алексѣевичъ, составляютъ всякіе ябеды и челобитныя і научаютъ бити челомъ Черемису. І будучи я, государь Иванъ Алексѣевичъ, в толмачахъ і будто я былъ ушникъ і ябедникъ і миропредавецъ. І теперь, государь Иванъ Алексѣевичъ, отъ тѣхъ твоихъ пріятелей мнѣ убогому жить стало нельзя. І ты, государь Иванъ Алексѣевичъ, буди і мнѣ убогому заступникъ. І которые, государь, пріятели составляютъ ябеды і челобитныя, і тѣхъ, государь, имена в сей грамотке писаны: Соборной церкви Попъ Василей Ѳеодоровъ, Ѳадей Корѣповъ, Ларивонъ Серебренникъ, Тимоѳей Проскуникъ, Кирило да Иванъ Савиновы, Купреянъ Круковъ, Савелей Ѳоминъ, Мумара Санинъ, Микита Лазоревъ, Степанъ Сапожникъ. А грамотку, государь Иванъ Алексѣевичъ, в Кузмодемьянскомъ никто писать не смѣлъ. І я ѣздилъ въ Чебоксары писать. Писано Декабря 19.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: Государю моему, пріятелю і заступителю, Ивану Алексѣевичю.

68.

Челобитная помѣщиковъ Ростовскаго уѣзда, Мещеринова и Князя Шаховскаго, Митрополиту Димитрію о назначеніи въ село Карагачево Поповскаго сына Василія Леонтьева Попомъ. (Начала XVIII вѣка.)

Государю Пресвященному Димитрію, Митрополиту Ростовскому и Ярославскому, бьютъ челомъ помѣщики Ростовскаго уѣзда села Карагачева, Ілья Ивановъ сынъ Мещериновъ, да селца Ликина Князь Семенъ Матвѣевичъ сынъ Шаховской. Излюбилы мы, помѣщики, тогожъ села Карагачева церкви Рождества Пресвятыя Богородицы попова сына Василія Леонтьева, чтобъ ему, по твоему Архиерейскому благословенію, а по нашему излюбю, быть у той же церкви Рождества Пресвятыя Богородицы вторымъ Священникомъ въ поможенъе отцу своему по тому, что тотъ Священникъ при старости, и церкви Божіи бѣс дѣланъ не быть и душамъ христіанскимъ бѣс причастія не помереть. Мило-

стивый Государь, Преосвященный Димитриі Митрополитъ Ростовскіі і Ерославскіі, пожалуй насъ, вели ево, Василья, по своему Архирейскому благословенью поставитъ в Попы. Смилуйся, пожалуй.

Столбецъ съ штемпелемъ. На оборотѣ подпись Мещеринова.

69.

Наказная память поиѣщика Ивана Мещеринова челоуѣку его Григорію Степанову о розыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г.

Лѣта 1688 года, Декабря въ 26 день. Память челоуѣку моему, Григорію Степанову с товарищи. Ъхать ему в Ростовской уѣздѣ, в Олексѣву деревню Скарятина, а из Олексѣвы деревни ехать ему с Олексѣвымъ же челоуѣкомъ в село Никольское, часу не мешкавъ. А в селѣ Никольскомъ взять с собою трехъ челоуѣкъ крестьянъ, Івашка Алексѣва, Івашка Трофимова да Еюмка Старостина, на моей лошади, изъ Сидоровскихъ кобылъ выбрать которая лучше, а ему, Григорію, дать другую лошадь, кобылу ящика. И ехать имъ в Галицкую мою вотчину, в деревню Бухарино, деревнями, и приѣхавъ бы ему в тѣ деревни, болши двухъ денъ не мѣшкать, і послать тотчасъ старосту прошлагодняго, что нынѣ былъ в работникахъ в Рыбицкѣ, Артюшку, по Князь Юрѣва крестьянина Князь Ѡедорова сына Щербатова по першку.... Да для опазныванья бѣглыхъ крестьянъ ему изъ Галицкіе вотчины крестьянина два, которые ѣздили съ Алексѣмъ Ивановичемъ в Казань, взять ему изъ Галицкіе вотчины на Алатырь, и крестьянъ Івашка Алексѣва да Івашка Трофимова оставить на Алатырь на постояломъ дворѣ і с лошедью, і провѣдать вотчину Боярина Петра Ивановича Матюшкина, и послать ихъ обояхъ, Ростовскихъ крестьянъ, будто милостины прошать в ту Петрову вотчину, и приказать имъ на крѣшко, чтобъ Аристка з дѣтми і Попова брата Корнилка провѣдали і в которой деревне и дворахъ онѣ живутъ, і проведавъ бы, одинъ ѣхалъ домой съ лошедью, а другой бы шелъ на Алатырь пѣшъ на тотже постоялой дворъ, і на Алатырь дождався ево, Григорія, да і про иныхъ моихъ бѣглыхъ

крестьянъ Ростовскихъ провѣдывалъ же, живучи на Алатырѣ, и приѣхавъ ему Григорію с Алатыря въ Саранскъ..... и в тѣхъ деревняхъ ему тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ изловить и отвести ихъ в Саранскъ, а животы ихъ и лошади и всякую скотину и хлѣбъ вели Мишке переписать, и оставить у хлѣба и у животины на дворѣ бабы по двѣ, чтобъ животину кормили. И про Демку і про дѣтей ево Алексѣева крестьянина Скорятина ево Кузки спрашивать на крѣпко і пытатъ, чтобъ ево сыскать же. И какъ Воевода тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ отдасть, і изъ нихъ человѣка четыре битъ челомъ Воеводѣ чтобъ велѣлъ в тюрьму посадить, покажѣсть женъ ихъ перевезутъ, и женъ ихъ дѣтей и лошади, всѣ что у нихъ есть, прислать в Николское съ Алексѣевымъ человѣкомъ Скорятина и съ Еоимкою Старостинымъ. А в Николскомъ до указа велѣтъ тѣхъ женокъ и дѣтей ихъ беречь на крѣпко, а Алексѣева человѣка Скорятина из Николскаго послать..... і у тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ..... и овцы и свині и куры продать, почему цена подыметъ, и денги привести с собою. А буде тѣ дѣти Боярские тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ по прежнему ухоронятъ, і ему битъ челомъ Воеводе, чтобъ велѣтъ ихъ взять в городъ, і подать в то время грамота Великихъ Государей об высылке к Москвѣ тѣхъ дѣтей Боярскихъ, чтобъ ихъ дать на поруки с записью, к отвѣту выслать к Москвѣ, і у Воеводы о той высылке взять к Москвѣ отписку противъ грамоты Великихъ Государей, і та отписка прислать къ Москвѣ с тѣмъ же Алексѣевымъ человѣкомъ, а самому ему ѣхать с Мишкой с товарищи в Казань і подать Воеводе Великихъ Государей проѣзжая грамота, і от меня совѣтная грамотка, і противъ Алексѣевыхъ челобитенъ битъ челомъ Воеводе, чтобъ далъ приставовъ, и противъ челобитя Алексѣева тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ поймать, да и тѣхъ крестьянъ сколько ихъ поймавъ, всѣхъ что сказывалъ Князя Юрія крестьянинъ Щербатого..... и которыя женки привезены будутъ, и ты ихъ изъ Никольскаго привези к Москвѣ.... О томъ постарайся, чтобъ всѣхъ мужиковъ сыскать противъ росписи і сверхъ росписи, гдѣ про иныхъ мужиковъ скажутъ, і тебѣ бы ихъ сыскать. А есть ли ты мужиковъ сыщешь, і тебѣ за то быть пожалованнымъ. И будучи тебѣ у моего дѣла, не пить и не бражничать і объ моемъ дѣле радѣть не оплошно. Да ему же, ѣдучи с Алатыря в Казань, заѣхать в Кузмодемьянскъ к Михайлу

Григорьевичу, отъ меня подать совѣтная грамота і которые кабалы на Кузюдемьянскъ і на Кузюдемьянскую Черемису, і тѣ кабалы батьку всѣ подать, і о томъ с нимъ помыслить, мочно ли мнѣ по тѣмъ кабаламъ денегъ хотя половину..... і ис тѣмъ крестьянъ, про которыхъ онъ Кузьма скажетъ, дать ему жонку да дѣвку..... будучи у моего дѣла, не пить і не бражничать і о томъ сыску радѣть. Да тебѣ же велено взять в Никольскомъ на расходы 2 рубли, да в Галиче 5 рублей. К сей наказной памяти Иванъ Алексѣевичъ Мещеринъ печать свою приложилъ.

Тетрадка, въ 4 долю листа, на 3-хъ листикахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ истрѣпанная.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СБОРНИКА СЕМЕВСКАГО:

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ

XVII—XVIII в.

Предисловіе.	стр. I—IV.
-------------------	---------------

I. Акты историческіе.

1. Грамота Польскаго Короля Стефана Баторія о Бѣловѣжской пущѣ....	1
2. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову о ворѣ Дружникѣ Бородинѣ. 1631 г.	2
3. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову объ объявленіи Псковичамъ Царскаго благоволенія за поимку воровскихъ людей. 1631 г.	3
4. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову о дворѣ Псковитянина Ильи Хвостова. 1631 г.	4
5. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Θεодору Григорьевичу Ромодановскому о приготовленіи Поляковъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. 1654 г.	5
6. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Андрѣю Васильевичу Бутурлину о взысканіи примольной муки съ мѣстныхъ цѣловальниковъ. 1654 г.	6
7. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскимъ Воеводамъ Князю Ромодановскому и Князю Гагарину о приѣмѣ отъ иноземца Стефена заподриженного вина. 1654 г. .	7
8. Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Хованскому о прибавкѣ жалованья Псковитянину Родіону Кокошкину. 1661 г.	8

	Стр.
9. Акты относящіяся до покупки во Псковѣ рыбы изъ дворцовыхъ доходовъ. 1665 г.	9
10. Грамота Новгородскаго Воеводы Шеремева въ Шведскому Генералу Грундельгельмфелту о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. 1673 г. ...	10
11. Челобитная Игумена Мирожскаго монастыря и Псковскихъ помѣщиковъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ всегородныхъ старость. 1623 г.	12
12. Челобитная Игумена Герасяма и Псковскихъ помѣщиковъ о безпорядкахъ, допущенныхъ всегородными старостами по ямскому дѣлу. (Перва половини XVII стол.)	13
13. Челобитная дворянъ и жильцовъ Сатинной сотни на Аввакума Іевлева въ поношеніи ихъ безчестными словами. 1664 г.	14
14. Челобитная Стрѣleckаго Головы Ивана Мещерянова о пожалованіи его землею. (Времени Царя Алексѣя)	15
15. Челобитная Стрѣleckаго Головы Мещерянова о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ ему Воеводою Княземъ Волконскимъ въ Соловецкомъ монастырѣ. (Времени Царя Ѳедора Алексѣевича)	—
16. Челобитная Стрѣleckаго Головы Мещерянова о незаконныхъ поступкахъ Воеводы Князя Волконскаго на Соловецкомъ островѣ. (Конца XVII стол.) .	18
17. Челобитная Никиты Кирѣевскаго о дачѣ ему пустоши. (Времени Царя Ѳедора Алексѣев.)	19
18. Челобитная Головы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Мещерянова о службѣ его подъ Соловецкимъ монастыремъ. (Времени Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей)	20
19. Челобитная Ивана Мещерянова о выдачѣ ссудной записи на крестьянина Семена Агѣева. 1685 г.	21
20. Челобитная Ивана Кирѣевскаго о неправильномъ зачисленіи его съ братьями въ городовые дворяне. 1701 г.	22
21. Донесеніе Воеводы Ивана Мещерянова о приходѣ къ городу Козмодемьянску воровскихъ Козаковъ. (Конца XVII стол.)	23
22. Челобитная Козмодемьянскаго Воеводы Ивана Мещерянова о буйствахъ Черемисъ и Чувашъ. 1673 г.	24
23. Челобитная вдовы Кирѣевской о неправеджѣ съ шивнѣи ея рублевого сбора за Крымскіе походы. 1701 г.	25
24. Извѣтъ Подкеларника Соловецкаго монастыря Сильвестра о непристойныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ про Государя черноцомъ Монасейкою. 1673 г.	26
25. Донесеніе Дружинки Крипицына Псковскимъ Воеводамъ о состояніи Русскихъ и Польскихъ войскъ. 1662 г.	27

	стр.
26. Сказка, данная цѣловальникомъ Башкирцевымъ о расходѣ Государева хлѣба въ Козмодемьянскѣ. 1671 г.....	28
27. Сказка, данная Козмодемьянскими цѣловальниками Воеводѣ Мещерянову о хлѣбныхъ запасахъ. 1671 г.....	29
28. Переводная память Козмодемьянскихъ стрѣльцовъ о взятомъ изъ Государственныхъ житницъ хлѣбѣ. 1671 г.....	30
29. Выпись изъ памяти о дачѣ Капитанамъ Надворной пѣхоты земли подъ дворы въ Москвѣ. (Времени правленія Царевны Софіи).....	31
30. Справка о службѣ и награжденіи землями Арзамасца Василія Яхонтова. 1675 г.....	—

II. Акты, относящіеся до дѣлъ уголовныхъ.

31. Грамота Елецкому Воеводѣ Левшину по дѣлу о невысылкѣ Боремовскимъ Воеводою Шишкинымъ нужныхъ къ слѣдствію людей. 1685 г..	32
32. Грамота Ярославскому Воеводѣ Боркову по дѣлу о мномо убитомъ крестьянинѣ пом. Воженскаго въ Галицкомъ Уѣздѣ. 1685 г.....	33
33. Грамота помѣщику Мещерянову на поимку его бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г.	35
34. Челобитная Алексѣя Мещерянова о произведенномъ въ его имѣніи грабежѣ. 1677 г.....	36
35. Челобитная Мещеряновыхъ на Іевлева о нанесеніи роду ихъ безчестья. (Времени Царя Алексѣя Михайловича). (См. также актъ подъ № 48).	37
36. Челобитная помѣщика Мещерянова о бѣгломъ его крестьянинѣ Кирилловѣ. (Времени Царя Алексѣя Михайловича).....	38
37. Челобитная тюремныхъ сидѣльцевъ Овсенова и Грязина о скорѣйшемъ вершеніи ихъ дѣла. 1672 г.....	93
38. Челобитная Ивана Рокяна по дѣлу о блудномъ сожителствѣ его съ поповою дочерью Акулиною. (Времени Царя Ѳедора Алексѣевича).....	40
39. Челобитная старосты и крестьянъ деревни Нагорской, Дмитровскаго Уѣзду, о неправильномъ обвиненіи ихъ Боярскимъ сыномъ Плохово въ похвальныхъ рѣчахъ. 1684 г.....	41
40. Челобитная Мещерянова о перенесеніи его дѣла изъ Суднаго Московскаго Приказа въ другой Приказъ. (Времени Царей Іоанна и Петра) .	42
41. Челобитная о крестьянскихъ ребятахъ, пойманныхъ на Москвѣ. (Времени Царей Іоанна и Петра)	43
42. Челобитная Ивана Мещерянова по дѣлу о буйственныхъ поступкахъ Боярскихъ дѣтей Трубиновыхъ. (Времени Царей Іоанна и Петра). (См. также № 47)	44

	стр.
43. Челобитная Ивана Мещерянова о произнесеніи Карпомъ Сытиньимъ похвальныхъ противу него словъ. 1679 г.	46
44. Челобитная крестьянина помѣщика Мещерянова, Агѣева, о наѣздѣ помѣщиковъ Толстого и Неклюдова на село Рождественское. 1685 г. .	48
45. Челобитная Ивана Мещерянова объ отводѣ отъ дѣла о порубленномъ лѣсѣ Тараса Блудова. 1696 г.	49
46. Мировая запись помѣщиковъ Вратскихъ съ помѣщикомъ Мещеряновымъ по дѣлу о грабежѣ крестьянами послѣдняго. 1663 г.	50
47. Показанія, данныя Бѣремовскими жителями по уголовному дѣлу Трубинова съ Мещеряновыми. 1690 г. (См. также № 42).	51
48. Проектъ возраженій Ивана Мещерянова на судѣ противъ обвиненій его стрѣльцомъ Аввакумомъ. (Времени Юанна и Петра). (См. относящійся къ этому дѣлу актъ подъ № 35).	53
49. Прощеніе крестьянина Капитана Кирѣевского, о наѣздѣ крестьянъ дер. Старова, помѣщ. Наронова, на имѣніе Туфаново. 1714 г.	54

III. Акты, относящіеся до дѣлъ гражданскихъ.

50. Грамота Патріарха Іоакима о духовномъ завѣщаніи Василія Загряжскаго. 1670 г.	55
51. Рядная запись Ульяны Пузановой и сыновей ея о выдачѣ въ замужество дочери Ѳедоры за Никиту Кирѣевскаго. 1665 г.	59
52. Рядная запись Алексѣя Мещерянова о выдачѣ въ замужество внуки его за Римскова Корсакова. 1680 г.	61
53. Рядная запись вдовы Марьи Островской о выдачѣ въ замужество за Петра Исакова дочери Устиньи. 1686 г.	63
54. Сговорная запись, данная Павломъ Харламовымъ Ивану Маркову, о выдачѣ въ замужество за сего послѣдняго сестры Марьи. 1695 г.	64
55. Поручная дворовая запись отпущенника Кожемякика, данная помѣщикомъ Лермонтовымъ. 1692 г.	66
56. Поручная запись Кемскихъ стрѣльцовъ по стрѣльцѣ Ивановѣ въ исправной его службѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. 1671 г.	67
57. Поручная запись стрѣleckихъ десятниковъ и рядовыхъ по стрѣльцѣ Хаживѣ. (Врем. Царя Алексѣя Михайловича).	68
58. Запись, данная крестьяниномъ Горицкаго монастыря Таракановымъ крестьянамъ помѣщика Кирѣевскаго о доставленіи въ Смоленскъ сборнаго съ нихъ хлѣба. 1687 г.	69

	стр.
59. Опись крестьянина Ларионова о крестьянах Мещеринова, отданных въ приданое за дочерью помѣщика Галицкаго уѣзда Племянникова. 1694 г.	70
60. Челобитная Ивана Мещеринова о понужденіи Арсеньева къ принятію купчей на имѣнія въ Звенигородскомъ Уѣздѣ. 1684 г.	71

IV. Челобитныя крестьянъ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ.

61. Письмо крестьянъ дер. Кузьминской къ помѣщику Алексѣю Мещеринову.	74
62. Письмо крестьянина Ивана Антонова къ помѣщику Мещеринову. (Времени Царей Иоанна и Петра).	—
63. Письмо старосты Михаила Ѳедорова къ помѣщику Мещеринову. (Конецъ XVII стол.)	75
64. Письмо крестьянъ села Рождественскаго къ помѣщику Мещеринову. (Конецъ XVII стол.)	76
65. Письмо Приказнаго Тимофея Дмитріева къ помѣщику Ильѣ Мещеринову. (Начала XVII стол.)	77
66. Письмо Григорія Кошелева къ Ивану Мещеринову. (Конецъ XVII в.) .	—
67. Письмо Ивана Юрлова къ Ивану Мещеринову. (Второй полов. XVII в.) .	78
68. Челобитная помѣщиковъ Ростовскаго Уѣзда, Мещеринова и Князя Шаховскаго, Митрополиту Дмитрію Ростовскому о назначеніи въ село Корчагачево Поповскаго сына Василія Леонтьева Попомъ. (Начала XVII стол.	79
69. Наказная память помѣщика Ивана Мещеринова человѣку его Григорію Степанову о розыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г.	80

Примѣчаніе. Главнѣйшіе изъ актовъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго Сборника—документы, относящіеся до фамилій Мещериновыхъ, также до дѣлъ, Соловецкаго монастыря, обязательно сообщены намъ, въ подлинникахъ, Его Превосходительствомъ Статсъ-Секретаремъ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, а именно: № № 13 по 16, 18, 19, 21, 22, 24, 26 по 28, съ 33 по 36, 40 по 48, 52, 56, 57 и съ 59 по 69. Всѣ означенные акты поступили къ Андрею Парфеновичу, въ числѣ прочихъ бумагъ, отъ покойнаго брата его, Михайла Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго. За тѣмъ акты, относящіеся до фамилій Кирѣевскихъ и Загряжскихъ, предоставлены въ наше распоряженіе Александромъ Ивановичемъ Семеваскимъ, пріобрѣтшимъ ихъ въ частныхъ архивахъ помѣщиковъ

Орловской Губерніи, а именно: № № 17, 20, 23, 49 по 51 и 58. А. И. Семейскимъ сообщенъ также актъ подъ № 10, добытый имъ въ одномъ изъ монастырей Олонецкой Губерніи. Грамоты Псковскимъ Воеводамъ, помѣщенные подъ № № съ 2 по 9, 11 и 12, подарены намъ Штатнымъ Смотрителемъ Псковскихъ Училищъ Михайломъ Андреевичемъ Васильевымъ (нынѣ покойный); грамота подъ № 1 подарена намъ Предводителемъ Псковскаго Дворянства А. Н. Лихонтовымъ; актъ подъ № 25 сообщенъ намъ помѣщикомъ Великолукскаго Уѣзда, Александромъ Николаевичемъ Креницынымъ (нынѣ покойный); всѣ остальные за тѣмъ акты изстоящаго Сборника добыты мною въ разныхъ частныхъ архивахъ.

МЫСЛИ
ПО ПОВОДУ ГОБЫТІЯ

25-го МАЯ, 1867 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

И. П. ЛИПРАНДИ.

De toutes les conspirations contre la paix du globe la plus atroce à mon gré serait celle, où une partie perverse, abusant des declamations romaines contre les trônes, oserait dresser des tables des proscription contre les rois, et payer des assassins sur tous les points de la terre, pour prendre ses victimes. Ce délit abominable, que deux cent en de remords, de la part de la nation criminelle, pourrait à peine expier, n'est connu que d'une manière imparfaite dans les annales du monde.

De la philosophie de la nature
(t. 2. p. 225 et suiv.).

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЯ

25-ГО МАЯ, 1867 ГОДА. ¹

Adorez vos rois, quand ils veillent et respectez les encore
dans leur sommeil.

De la philosophie de la nature. T. 1, p. LXXIV.

Злодѣйское покушеніе Березовскаго вызвало множество Польскихъ заявленій и отголосковъ разныхъ партій, одно другого безобразнѣйшихъ. Аристократическая сторона революціи—Черторыйскіе, Замойскіе, Сапѣги, Браницкіе «съ товарищи,» пріютившаяся подъ крыло, покровительствующей ей и вліаніемъ и матеріально, Франціи, въ адресъ Наполеону III, отвергаетъ всякое участіе въ покушеніи злодѣя, протестуетъ противъ подобныхъ мѣръ, «которыя Исторія Польши будто бы не запятнана!» и т. п. Съ другой стороны отъявленные демагоги, гибѣдующіеся въ Женевѣ, въ составѣ соціалистскихъ обществъ, комитетовъ, дѣйствуютъ со-

¹ Передовая статья газеты: «Русскій» (1867 г., Мая 29), начата словами: «Богъ спасъ еще Государя! Еще пуля пролетѣла надъ его головою, но задѣвъ ни одного волоса... Что сказать можно при этомъ? Можно только благодарить Бога, плакать, радоваться, молиться, трепетать, еще благодарить и, наконецъ

вершенно противоположно: они находятъ поступокъ Березовскаго высшимъ дѣломъ патриотизма, исполненіемъ желанія всѣхъ истыхъ Поляковъ, и съ своей стороны отправили благодарственный адресъ Парижскому Суду, сохранившему Польшѣ жизнь одного злодѣя больше. ² Извѣстный Игнатій Хмѣлинскій, коноводъ одной изъ этѣхъ шаекъ, съ другими собратами своими, положили, чрезъ посредство ~~одного~~ ^{многихъ} ~~мысленниковъ~~, собирать, во всѣхъ Европейскихъ странахъ, деньги, съ цѣлю облегчить Березовскому бѣгство изъ мѣста заключенія ³ (а пожалуй, и удасться!),

оглянуться.» Далѣе многоуважаемый издатель высказываетъ святые и теплыя истины, пропитанныя горячею любовью къ Государю и Россіи. Прочтавъ ихъ нѣсколько разъ, конечно, не я одинъ сказалъ: Да! надо «наконецъ, оглянуться,» и рѣшился набросать нѣсколько словъ о томъ же предметѣ: злодѣйскомъ посягательствѣ на священную жизнь Царя-Отца народа.

⁴ Читатели помнятъ эту процедуру и защитительную рѣчь Адвоката, отличившуюся дерзкими, невѣжественными и пошлыми, выводами, подѣйствовавшими такъ сильно на совѣсть присяжныхъ, нашедшихъ въ злодѣйскомъ покушеніи облегчительныя обстоятельства, признанныя судьями и не опровергавшіяся Прокуроромъ?! Республиканскій ораторъ Жюль Фавръ, защищая Орслина по подобному же дѣлу, не заявилъ невѣжества, подобнаго Адвокату Березовскаго, и, вполне развернувъ свою демагогическую пропаганду, провозгласилъ, обычнымъ подобнымъ витій слогомъ, что убійцѣ «слѣдовало бы воздвигнуть возлѣ эшафота статую.» Сдѣсь, въ строгомъ смыслѣ, не видно «облегчающихъ обстоятельствъ.» Ораторъ признаетъ эшафотъ, и онъ былъ воздвигнутъ. Совѣсть присяжныхъ говорила иначе, когда дѣло шло о своемъ Поводителѣ: она видимо различаетъ лица, протлвѣ которыхъ покушеніе совершается.

⁵ Такая подписка дѣлалась (а, можетъ быть, и теперь еще дѣлается). Въ Септѣбрѣ прошлаго года Русскіе журналы извѣстили, что въ Ченстоховскомъ монастырѣ открыты были двѣ книги вѣносовъ; въ одной сказано, что «въ пользу Березовскаго,» и въ ней вѣносы простирались до 6 тыс. руб. сер.; въ другой записано 3 тыс. руб. Впрочемъ, журналы не разъ говорили, что Березовскій бѣжить изъ Тулона, гдѣ онъ находился болѣе полугода. И дѣйствительно, обстоятельство это замѣчательно. Пересылаемые въ Каенну никогда не остаются въ Тулонѣ болѣе мѣсяца. Другіе журналы утверждали, что онъ будетъ освобожденъ! И это меня не удивляло по характеру, который приданъ былъ его тяжбѣ. Въ слѣдъ за сямъ съ одною изъ нумеровъ Вѣнской газеты «Zukunft,» въ Генварѣ сего года, извѣщаютъ о побѣгѣ Березовскаго. Помянутая газета приископываетъ, что это не могло совершиться иначе, какъ съ содѣйствіемъ Правительства (nur mit oben obrigkeitlichen Bewilligung). Дѣйствительно же

«и воздвигнуть ему памятникъ въ одномъ изъ флигелей Батиньпольской школы, для поучительнаго примѣра слѣдующаго поколѣнія, за то, что онъ не выдалъ никого изъ своихъ соучастниковъ.» Издаваемая, въ Цюрихѣ, Польская газета «Niepodległość», органъ Комитета Польской эмиграціи, называетъ покушеніе «общимъ дѣломъ Поляковъ», и сознаетъ, что въ послѣднюю революцію Польская партія дѣйствию признала убійство средствомъ достиженія своей цѣли, и исчисляетъ совершенныя ею убійства: Подобнымъ-то людямъ наши друзья, Французы и другіе, пріютивъ къ себѣ, выдаютъ еще и содержаніе!

Таковы два мнѣнія, открыто заявленныя. Между ними есть множество другихъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ сказаннымъ.

Относительно Женевскаго общества, комитета, клуба, или правлѣнія, злодѣйской шайки Niepodległość и т. п. органовъ, и говорить нечего: они, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе исповѣдуютъ свои задушевныя чувства. Но не то видится въ первой: она, какъ бы съ презрѣніемъ, гласно отвергаетъ и самую мысль тѣхъ, которые могли бы заподозрить ее въ томъ, что и она могла спуститься до средства покушенія на жизнь Государя, съ цѣлю возстановленія своей ойчизны: «Наша исторія, дескать, не запятана такими дѣйствіями,» кричитъ она.

Надо быть черезъ чуръ уже дерзкимъ, чтобы, во всеуслышаніе, отрицать свою исторію, полную такихъ событій, и подносить подобный адресъ главѣ Франціи, въ которой убійство Королей своихъ представляетъ болѣе примѣровъ, чѣмъ всякое другое Государство. Что же? И Франція торжественно приняла такое заявленіе Поляковъ, рукоплещетъ ему, не смотря на то, что адресъ пятнаетъ средства покушенія на жизнь главъ Правительствъ! Но, съ другой стороны, надо сказать опять и то, что нѣтъ двухъ народовъ, во многомъ болѣе схожихъ, какъ народъ Французскій

бѣжалъ Березовскій, какъ давно уже многіе журналы предсказывали это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ замѣчательно то главное, что наша Правительственная печать молчитъ и не усложняетъ общества, если это вымыселъ.

и Польскій: ' оба издавна были народомъ безпокойнымъ, пресмыкающимся и легкомысленнымъ. Исторія ихъ въ сущности есть исторія рабства; постоянство никогда имъ не было извѣстно. Но обратимся ближе къ предмету.

И такъ посмотримъ, предъ кѣмъ Польскіе аристократы ищутъ очистить себя отъ тѣни, могущей пасть на нихъ въ обвиненіи гнуснаго покушенія, которое и сами признаютъ таковымъ. Въ исторіи Франціи мы находимъ, что въ 575 году два злодѣя умерщвляютъ Сигеберта, и въ томъ же году Меровін; въ 584, Хильперика, а въ 596 Теодебера. Въ 633 г. Клотарь упрекаетъ мать свою, Бруннхильду, въ убійствахъ десяти Королей, и отдаетъ ее на растерзаніе волнамъ. Въ 670 Хильдерикъ съ Королевой и сыномъ умерщвлены заговорщиками въ загородномъ ихъ пребываніи. Въ 678 Дагобертъ II подвергнутъ тому же. Въ 877 Карлъ Плъшивый, въ 1226 Людовикъ VIII, въ 1272 старшій сынъ Филиппа Смѣлаго, въ томъ же году братъ Людовика XI и въ 1572 Королева Наваррская отравлены. Въ 1589 г. Клеманъ умерщвляетъ Генриха III. Генриха IV, послѣ многихъ покушеній, не воплѣ удававшихся, наконецъ, въ 1610 году, Равальякъ закалываетъ. Со времени полувѣковаго царствованія Людовика XIV Французская исторія еще болѣе прежняго начала заключаться только въ одной исторіи, столицы и двора, а народъ, какъ и въ Польшѣ, находился въ рабствѣ. Развратъ при дворѣ, въ столицѣ и въ духовенствѣ, распространялся до крайнихъ предѣловъ. Въ 1758 году Дамьенъ поражаетъ Людовика XV. ⁵ Кому же въ поданіи адреса должно удивляться: простодушію ли Наполеона III и его Франціи, или дерзости Польской ари-

⁴ Сдѣсь я разумію двигателей народа; ибо этотъ послѣдній всегда и вездѣ подчиненъ вліяніямъ.

⁵ Сколько въ промежутокъ этого времени было мятежей, междоусобиць, заговоровъ, казней и убійствъ, отъ того происходившихъ: Герцоговъ Орлеанскаго и Бургундскаго, Кардинала Балю, Адмирала Колиньи, Принца Конде (Генриха I), Герцога Гюиза, Кардинала Гюиза, Маршала Бюрова, Маршалши д' Анкръ, по отсѣченіи головы которой трупъ былъ брошенъ въ огонь; мать Короля Людовика XII-го становится въ головѣ мятежа противъ сына; казнь

стократической партіи, заявляющей, что ея исторія не запятнана цареубійствами?!

Въ 1793 Людовикъ XVI и Марія Антуанета оканчиваютъ жизнь на эшафотѣ! А сколько еще Королей, сгонявшихся съ престола, заключавшихся въ темницы и т. п.! Во время большой революціи, безпримѣрной въ исторіи своими ужасами, сколько появлялось формъ Правительствъ, одна другую изгонявшихъ до Консульства? Настала Имперія, и въ 1814 г. Парижъ, а за нимъ вся Франція, отрекаются отъ Наполеона I и просятъ содѣйствія къ тому у чужестранцевъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вызываютъ его опять и изгоняютъ ими же призваннаго Людовика XVIII, но черезъ три мѣсяца Франція снова сама отрекается отъ Наполеона, а Король, въ 1815 г., вновь занимаетъ свое мѣсто. Въ 1830 она сгоняетъ Бурбона, Карла X, и призываетъ Людовика-Филиппа Орлеанскаго. Въ 1848 году прогоняетъ и его, и провозглашаетъ себя Республикой, вручивъ власть Ледрю-Роленамъ, Косидьерамъ, Ламартинамъ и т. п., подъ разными фирмами и даже диктаторствомъ, но скоро устраняетъ всѣхъ Людовикъ-Наполеонъ, пытавшійся уже достигнуть и прежде власти черезъ Страсбургъ и Булонь, ⁶ съ званіемъ Президента, 2 Декабря, 1852 г., провозгласилъ себя Императоромъ, съ цифрой III; ⁷ но и тутъ еще не остановились: покушенія на него слѣдуютъ одно за другимъ. Начитываютъ съ 1789 г. до пятидесяти формъ правленія, которыя всѣ приходились не по нраву Французамъ. Непостоянство и

Монморанси въ 1628 г.; заговоръ Герцога Орлеанскаго и Суассонскаго въ 1636; заговоръ Сенъ-Мара противъ Людовика XIII; возмущеніе Принцевъ Конде, Конти и Графа Лонжевилья въ 1650 году! Всѣхъ неурядицъ и убійствъ, открытыхъ и тайныхъ, не перечесть до большой революціи. Исторія Франціи въ этомъ отношеніи — двойникъ исторіи Польской.

⁶ Сами же Французы прозвали его «бу-стра-па», т. е., искавшій черезъ Булонь и Страсбургъ достигнуть Парижа.

⁷ Цифра III замѣчательна. За исключеніемъ Англіи, Европейскія Государства признавали Наполеона I, но II никто не признавалъ; Англія же никогда не признавала Наполеона иначе, какъ Генераломъ Бонапарте, и вдругъ признаетъ Людовика-Наполеона III-мъ!

легкомысліе суть главные основанія ихъ свойствъ: одно красное словцо достаточно для возбужденія невѣжественной толпы, чтобы направить ее на тотъ путь, который ей укажется краснобаемъ. Твердостью она никогда не обладала.

Теперь заглянемъ въ исторію Польши, столь безупречную въ этомъ отношеніи въ устахъ ея патриотовъ. Сдѣсь не буду останавливаться на взаимныхъ раздорахъ, козняхъ, убійствахъ во время междуцарствія 1034 — 1041 годахъ: неурядица, въ полномъ смыслѣ слова, царила тогда, какъ и вообще, болѣе или менѣе, во всю исторію Польши. Болеславъ II, угрожаемый убійствомъ, въ 1081 г., спасся бѣгствомъ. Въ 1147 Владиславъ III изгоняется, и на его мѣсто призывается Болеславъ IV. Въ 1177 г. Мечиславъ III, по прозванію Старый, въ слѣдствіе заговора, изгоняется, и на его мѣсто ставится Казимиръ II, потомъ призывается опять Мечиславъ. Въ 1189 году Мечиславъ отравленъ и пр., и пр. Обращаюсь къ болѣе осязательному.

Въ 1227 году на Лешко, ⁸ прозваннаго Бѣлымъ, напала убійцы въ домѣ, гдѣ онъ бралъ ванну. Лешко успѣлъ, однако же, уйти, но былъ настигнутъ и окруженъ близъ деревни Марченковки (въ Калишскомъ Воеводствѣ). Мужество его и малаго числа преданныхъ ему, ни къ чему не послужило: онъ былъ умерщвленъ 38-ми лѣтъ; а какой это былъ Государь, исторія свидѣтельствуешь (Длугошъ, Кромеръ и другіе): «Онъ былъ Государемъ мудрымъ, скромнымъ, не имѣвшимъ почти ни какихъ недостатковъ. Простой въ своихъ обычаяхъ и въ обращеніи, онъ полагалъ извлекать довольно блеска изъ своего положенія, чтобы

⁸ При имени Лешко невольно приходится сказать о славолубіи Поляковъ даже подъ перомъ ихъ первостепенныхъ историковъ; имъ извѣстны многіе подвиги предковъ ихъ. Сарницкій говоритъ, что Асармонтъ, жившій вскорѣ послѣ всемірнаго потопа, былъ родоначальникомъ Сарматовъ, а по тому и Поляковъ. Длугошъ и Мѣховскій начинаютъ Польскую исторію отъ Леха, правнука Яфетова. Кадлубко говоритъ, что Лешко I-й, золотыхъ дѣлъ мастеръ, въ Польшѣ, побѣдилъ Александра Македонскаго, а Лешко III былъ шуриномъ Юлія Цезаря; что въ Нѣмецкомъ войскѣ, разбившемъ Римлянъ, подъ предводительствомъ Варра, находились Польскія вспомогательныя войска и т. д., и т. д.

не искать его въ пышности, ему принадлежащей, и это не из тщеславной хитрости. Онъ любилъ ставить себя въ уровень со всѣми, зналъ цѣну сердець, и пріобрѣталъ ихъ тѣмъ родомъ сложенія съ себя сана, на что немногіе Государи способны, хотя это такъ мало стоитъ для нихъ. Онъ проявлялъ величіе и роскошь только въ сооруженіяхъ, и смотрѣлъ на это тѣмъ же глазомъ, какъ и всѣ великіе люди смотрятъ на подобныя сооруженія. Они казались ему посмертнымъ ручательствомъ на добрую о немъ память, къ чему только и стремился, и добро, оказываемое своимъ подданнымъ, было лучшимъ памятникомъ его славы. Его путешествія были часты. Онъ переѣзжалъ изъ одной области въ другую, подъ видомъ удовольствія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ укрощалъ корыстолюбіе богатыхъ и облегчалъ бѣдствие народа, судилъ самъ тяжбы и мирилъ враждующихъ. Собственныя забавы его превращались въ благодѣянія и пр. Сдѣсь я привелъ довольно пространно отзывы объ этомъ Государѣ самихъ Польскихъ историковъ, чтобы показать свойства Поляковъ, которымъ, независимо отъ святости присяги, всякая добродѣтель, всякая признательность, чужды, и Турки очень хорошо подмѣтили свойства ихъ: въ одной изъ старинныхъ ихъ пословицъ, которыми они надѣлили всѣ народы, выражаются такъ: «Хочешь имѣть врага, окажи благодѣяніе Поляку!» Пойдемъ далѣе.

Въ 1296 году Премыславъ былъ умерщвленъ въ первый день Поста въ своей постелѣ заговорщиками, въ головѣ которыхъ были трое его родныхъ племянниковъ: Оттонъ Длинный, другой Оттонъ и Юаннъ. Историки присовокупляютъ, что «этѣ измѣнники не утрашили содѣйствовать убійству Государя, котораго вся цѣль заключалась въ томъ только, чтобы содѣлать ихъ счастливыми и увѣнчать славой и т. д. Ему было отъ роду 37 лѣтъ. Сожалѣніе народа было тѣмъ болѣе чувствительно, что онъ не имѣлъ времени сдѣлать его на столько счастливымъ, какъ онъ того ожидалъ подъ его управленіемъ; но причины, побудившія злодѣевъ покуситься на его жизнь, составили его панегирикъ пролитіемъ слезъ по смерти его.

Въ 1303 г. Вячеславъ III умерщвленъ убійцами отца своего.

Въ 1312 году Владиславъ Локотокъ, въ слѣдствіе мятежа, изгоняется.

Въ 1433, во время царствованія Владислава V (Ягайла), смуты, дерзость, буйство и т. п. На Сеймѣ, въ Лепенцахъ, изрубленъ бунтовавшимъ Епископомъ актъ возведенія на престолъ.

Въ 1440 году Князь Черторыйскій, родственникъ Сигизмунда Литовскаго (иредокъ настоящихъ Князей Черторыйскихъ), передъ собраніемъ Сейма, при посредствѣ своихъ спутниковъ, умерщвляетъ Сигизмунда, въ собственномъ дворцѣ его.

Въ 1459 году на Сеймѣ, въ Петрковѣ, Іоаннъ Рытвинскій, Староста Сендомирскій, съ дерзостью возсталъ противъ Казимира II, упрекая его за всѣ безпорядки, возникшіе въ его царствованіе, не скупясь въ этомъ случаѣ на угрозы.

Со времени прекращенія дома Ягайлова, сопротивленіе Дворянства, ихъ самоволіе, заговоры, бунты, не преставали дѣйствовать противъ Королей, и не разъ бывали нападенія на личность ихъ.* Въ 1600 году малый Сеймъ осмѣливается объявить Сигизмунда III лишенымъ власти, а престолъ упраздненнымъ; Подчашій собираетъ Государственные Чины въ Варшавѣ, для избранія другого Короля; но на этотъ разъ козни были разрушены. Въ послѣдствіи два раза нападали на него: первый разъ въ станѣ, во время смуты Эборовскаго; другой разъ въ Варшавѣ, при входѣ въ храмъ Св. Іоанна. Сдѣсь Король спасенъ сыномъ своимъ, Владиславомъ, схватившимъ убійцу. †

Наконецъ, во время Барской Конфедераціи составился заговоръ противъ Короля Станислава-Августа, съ цѣлію схватить его,

* Пропущено нападеніе нѣсколько разъ Градовскаго на Сигизмунда Старого или I-го, который все таки умеръ отъ яду въ постели. О. Б.

† И это покушеніе повторяется уже Нѣмцевичемъ въ жизнеописаніи Сигизмунда III-го.—Пекарскій два раза ранилъ его въ голову книжкою. Преступникъ погибъ на пыткѣ. Пропущено также нападеніе на Короля Яна Собѣйскаго Верыги Даровскаго, которому присуждено за то отсѣчь обѣ руки и потомъ сжечь его. О. Б.

или передать въ руки Пулавскаго, главы Конфедераціи, либо же умертвить. На этотъ конецъ, 3 Сентября, 1771 г., заговорщики схватили въ ночь Короля въ самой Варшавѣ, ранили его въ голову и увлекли за городъ, гдѣ, пораженные, однако, страхомъ, разбѣжались. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Косинскій, остался только при немъ и, бросившись въ ноги своему плѣннику, испросилъ помилованіе и освободилъ его. Тридцать заговорщиковъ, посягнувшихъ на жизнь его, проианесли въ костелъ, на алтаръ Богородицы, присягу на убійство слѣдующаго содержанія: «Мы, подвигнутые святою и религіозною ревностію, положили отмстить Станиславу-Августу, за поруганіе Бога, религіи и отечества, оскорбителю Божескихъ и человѣческихъ законовъ, сообщнику и защитнику безбожія и еретиковъ и пр. Клянемся предъ святымъ и чудотворнымъ ликомъ Матери Божіей освободить землю отъ того, который оскверняетъ ее, а по тому да поможетъ намъ Богъ!» * Такимъ образомъ Поляки призываютъ Бога и благословеніе на совершеніе убійствъ, и это было всегда и, какъ увидимъ, соблюдается и по нынѣ: ксендзы ихъ окропляютъ святой водою и самое оружіе, долженствующее служить на пролітіе крови обрекаемой жертвы!

Но довольно объ исторіи, которую Польское кичливое барство не признаетъ въ сказанномъ отношеніи, а пробѣжимъ намъ современное, и посмотримъ, дѣйствительно ли мысль о цареубійствѣ чужда Шляхетскимъ свойствамъ. Для сего пролистуемъ книгу Г. Смита («Исторія Польскаго возстанія» и пр. 1830—1831), въ составъ которой вошло все, что было только писано самими Поляками.

На стр. 56 (т. 1), видимъ, что на съѣздѣ злоумышленниковъ въ 1825 году, разсуждали о мѣрахъ задержанія Константина Павловича въ Варшавѣ. О судьбѣ, определенной ему и Царской фамиліи, мнѣнія были противорѣчивы, а на стр. 93, въ томъ же году, нѣкоторые ученики Гимназіи имѣли намѣреніе умерт-

* Изъ нихъ Стравинскаго, Лукавскаго и другихъ присудили къ поносной смерти, но только двое изъ нихъ подверглись оной. О. Б.

вить Цесаревича на станціи, при перемѣнѣ лошадей. Въ головѣ заговора были двадцатилѣтній Тюрь и Молесонъ.¹⁰ Послѣдній лично сознался Великому Князю. Кромѣ этихъ двухъ было еще четверо другихъ, посвященныхъ въ эту тайну.

На стр. 106, богатый молодой Дворянинъ, Титъ Дзьяльскій, родственникъ Черторыйскаго, и другихъ знатныхъ семей, опредѣляетъ посягнуть на жизнь Государя и Царской фамилии. Намѣреніе это передано было Гуровскому, а этимъ Высоцкому и Подпрапорщикамъ. Предложеніе принято было съ радостію и рѣшено привести оное (стр. 108) въ исполненіе, на парадъ, на Саксонской площади, гдѣ долженъ былъ присутствовать Государь, юный Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій, и Великіе Князья, Константинъ и Михаилъ Павловичи. Одно только недоразумѣніе (стр. 109), замѣшательство, отклонило исполненіе сего. Подчашинскій, Мохнацкій, Мирославскій и др. въ печатныхъ сочиненіяхъ и не скрываютъ, что дѣло шло о смертномъ умыслѣ. Шпациръ, писавшій для Нѣмцевъ, говоритъ, что дѣло шло будто бы только о взытіи подь стражу (забавная уступка Нѣмецкаго торгоша!).¹¹ Неудавшійся умыселъ (стр. 110) на парадъ предположили привести въ исполненіе на предстоящемъ народномъ праздникѣ.

Въ первыхъ числахъ Октября (стр. 117), шла о томъ же рѣчь противъ Константина Павловича, и на углахъ улицъ прибиты были объявленія, что съ Новаго Года Бельведеръ (мѣстопробываніе Великаго Князя) отдается въ наймы.»

На совѣщаніяхъ Высоцкаго, Урбанскаго, Земинскаго, съ нѣкоторыми другими, о лучшемъ способѣ начать мятежъ (стр. 121), смерть Великаго Князя была рѣшена, и должна была быть первымъ шагомъ; ибо «Лелевелъ замѣтилъ, что если онъ оста-

¹⁰ Березовскому тоже двадцать лѣтъ.

¹¹ Въ другомъ мѣстѣ этотъ самый Шпациръ, какъ увидимъ, говоритъ, что одинъ Офицеръ прицѣлился въ Великаго Князя, но ружье обсклосъ, и даже три раза, по его словамъ. Что жь? Развѣ тутъ дѣло шло о взытіи подь стражу?

нется въ живыхъ, то, можетъ быть, нѣкоторыя войска будутъ колебаться принять ихъ сторону.» Нѣкоторые не хотѣли только, чтобы убійство было произведено Подпрапорщиками, а по тому «Набѣлякъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гражданскими Чиновниками, вызвался взять это на себя,» и, по совѣщанію Набѣляка съ своими соучастниками, сторожили его на узкой улицѣ, по которой онъ ежедневно ѣздилъ на площадь, хотѣли преградить ему путь и «совершить убійство. По данному знаку, всѣ Русскіе Генералы должны были быть тотчасъ окружены на площади и взяты подъ стражу.» Но какъ Великій Князь ѣздилъ въ легкихъ дрожкахъ и очень скоро, то выполненіе показалось затруднительнымъ. «Набѣлякъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ, Гоцинскимъ, нѣсколько разъ отправлялись въ эту улицу. Въ послѣдствіи измѣнили планъ и рѣшили привести его въ исполненіе ночью, въ самомъ Бельведерѣ. Такъ какъ Набѣлякъ не зналъ тамошняго расположенія и желалъ имѣть помощниками нѣсколькихъ Подпрапорщиковъ, то ему указали на Константина Тржесковскаго и еще на двухъ другихъ, которые хорошо знали Бельведеръ.» Заливскій долженъ былъ, согласно съ прежними предположеніями, начертать подробный операціонный планъ.

Стр. 124: «Въ тотъ же день Людвигъ Набѣлякъ принялъ присягу 82 Студентовъ и молодыхъ гражданъ, предназначенныхъ къ предпріятію противъ особы Великаго Князя. Вечеромъ, въ 7 часовъ, собрались у Подпоручика Боркевича представители Офицеровъ заговорщиковъ. Начертанный планъ былъ предложенъ и одобренъ ими. Онъ заключалъ въ себѣ три главныя статьи: умерщвленіе Великаго Князя, взятіе арсенала и т. д. Набѣлякъ, со Студентами и нѣсколькими Подпрапорщиками, долженъ былъ, съ наступленіемъ сумерекъ, ворваться во дворецъ Великаго Князя и привести въ исполненіе покушеніе на его жизнь. Изъ изслѣдованій уголовнаго Суда ясно видѣнъ смертный умыселъ; Мохнацкій и Заливскій отнюдь не отрицаютъ его. Послѣдній даже дѣлаетъ живые упреки Высоцкому, за неудачу въ выполненіи онаго.» Стр. 130. Набѣлякъ и предназначенные на убійство Студенты, какъ пишетъ Мохнацкій (т. 1, стр. 505), передъ тѣмъ, какъ ити «на совершеніе онаго, пошли на исповѣдь въ Кармелитскій монастырь.»

Часть, «предводимая Подпрапорщикомъ Тржесковскимъ,¹² имѣвшимъ между Польскою прислугой въ замкѣ близкаго родственника, а по тому хорошо знавшаго мѣстность замка, должна была устремиться въ ворота, отыскать Великаго Князя и умертвить его.»

Стр. 133. Когда проникли въ Бельведеръ, то, съ крикомъ: «Смерть тирану!» ворвались въ сѣни, разбили зеркало, люстру и проч.

Стр. 134. «Когда Фризе, камердинеръ, насильно захлопнулъ дверь комнаты, въ которой находился Великій Князь, убійцы, удержанные запертою дверью, которую они тщетно старались разломать, изливаютъ свою ярость на двухъ, находившихся въ комнатѣ, лакеевъ, смертельно изранивъ ихъ.... Слѣшать по лестницѣ внизъ, во дворъ, гдѣ товарищи встрѣчаютъ ихъ словами: «Великаго Князя уже нѣтъ въ живыхъ!»

Поводомъ къ тому было то, что Генералъ Жандръ, выбѣжавъ безъ шляпы на дворъ, чтобы позвать людей съ конюшни,¹³ въ потьмахъ былъ принятъ мятежниками за Великаго Князя и заколотъ, по чему, «какъ достигшіе своего главнаго намѣренія, оставили Бельведеръ и обратились къ дальнѣйшему дѣйствию по составленной программѣ.»¹⁴

Въ ней, кромѣ его, были предводители Набѣлякъ и Гоцянскій, всего 17 чел. Подпрапорщиковъ: Понинскій, Пашкевичъ; Студенты: Рупневскій, Немоевскій, Орпшевскій, Ротермундъ, Трежчинскій, Наеровскій, Янковскій, Витковскій и Рохъ. Всѣ изъ порядочныхъ фамилій.

¹² Великій Князь жилъ безъ караула (стр. 430) и довѣрялъ народу.

¹³ Смытъ, на стр. 135-й, замѣчаетъ: «Противъ мнѣнія, что Великаго Князя хотѣли только увезти, говорятъ невозможность, чтобы девять молодыхъ людей могли силой увезти его изъ дворца, среди его многочисленной прислуги; и даже допуская, что они увели бы его, то куда бы помѣстили они Князя, такъ какъ въ эту минуту, въ отстоящемъ почти на часъ ходьбы, городѣ не было ни одного мѣста въ ихъ власти и, сверхъ того, уже готовые по тревогѣ три кавалерійскіе полка, слѣшавши со всѣхъ сторонъ и ни какъ не допустили бы увезти такого плѣнника.»

Стр. 140. «Великій Князь вторично чуднымъ образомъ избѣгъ явной опасности. Одинъ изъ заговорщиковъ, егерскій Подпоручикъ, Волощанскій, въ то время, когда Великій Князь увѣщевалъ солдатъ не забывать своего долга, намѣревался застрѣлить его. Онъ взялъ солдатское ружье и прицѣлился, но ружье осѣклось (по Заливскому и Шпациру, даже три раза). Послѣ чего онъ бросилъ ружье и скрылся въ темнотѣ. Когда узнали, что Великій Князь находился въ живыхъ и избѣгнулъ всѣхъ разставленныхъ ему сѣтей... то заговорщиками, говоритъ Заливскій (стр. 24), овладѣлъ страхъ... Изъ этого ясно, что всѣ намѣрены были посягнуть на жизнь его.

Когда бы Его Высочество, выйдя изъ Варшавы, остановился подъ оной, то мятежники положили (стр. 166), что «съ Великимъ Княземъ не слѣдуетъ болѣе вступать въ переговоры, а, оставивъ его заложникомъ, договариваться прямо съ Петербургомъ.»

Графъ Солтыкъ ¹⁵ (т. 1, р. 79) говоритъ: «Нужно было держать Великаго Князя въ заключеніи и пользоваться его особой, его именемъ и его подписью. Его нужно было волею, или неволею, противопоставить Императору Николаю и сдѣлать его средой, вокругъ которой собрались бы всѣ недовольные въ Россіи и въ войскѣ.... Должно было требовать отъ него либеральнаго почина въ пользу Польской независимости, и снизить на его освобожденіе не иначе, какъ за большія уступки со стороны Императора Николая.» ¹⁶

И такъ изъ всего выше сказаннаго можно ли отрицать, вмѣстѣ съ ясновельможными Панами: Замојскими, Черторыйскими, Сапегами, Браницкими и пр., что мысль о покушеніяхъ на жизнь Государей чужда имъ и ихъ исторіи? На такіа завѣ-

¹⁵ La Pologne. Précis historique de la révolution. Paris, 1838, 2 v.

¹⁶ Когда Поляки отнеслись прямо въ Петербургъ, то Государь (стр. 273) отвѣчалъ на посланіе Поляковъ: «Развѣ въ Варшавѣ не было совершаемо убійство? Развѣ не покушались на жизнь Моего брата?»

ренія, дѣлаемая во всеуслышаніе, надо имѣть большой запасъ наглости, или имѣть, какъ говорится, мѣдный лобъ и безмозглость, выражаемую вѣковою пословицею вообще о Полякахъ. Взглянемъ наконецъ на послѣдній мятежъ съ этой точки зрѣнія.

Не сдѣлано ли было святотатственнаго покушенія, въ упоръ, изъ пистолета, на брата Государева, Великаго Князя Константина Николаевича, облеченнаго всею властію Царскаго Намѣстника? Не было ли такихъ покушеній на Графа Лидерса и на нынѣшняго Намѣстника, Графа Берга? И съ какими адскими подготовленіями было оно предпринято изъ дома Графа Замойскаго и т. д.?

Злодѣйскія покушенія, 4 Апрѣля, 1866, и 25 Мая, 1867 годовъ, наводятъ на многія размышленія. Къ какой цѣли могли стремиться Каракозовъ и Березовскій, посягая на Монарха, о великихъ душевныхъ качествахъ котораго говорить излишне? Личнаго оскорбленія (никогда совершенно не изглаживающагося въ оскорбленномъ), само собою разумѣется, быть не могло, по одному уже громадному разстоянію отъ этѣхъ двухъ лицъ. Патриотизмъ! Чего же тутъ могъ хотѣть Татаро-Армянинъ Каракозовъ? ¹⁷ Чего же въ этомъ отношеніи могъ ожидать Полякъ Березовскій, и тѣ, которые могли, какъ несомнѣнно и въ Каракозовѣ, развить мысль Царубійства? Чего Польскій жепатриотизмъ могъ ожидать отъ совершенія святотатственнаго преступленія надъ особою, такъ чтимой десятками милліоновъ освобожденныхъ рабовъ въ Россіи и въ самой Польшѣ, особою, предоставившей равноправность предъ закономъ семидесяти милліонамъ, съ небывалымъ, можетъ быть, до сего времени, благодушіемъ и кротостію выслушивающей всѣхъ и cadaго, всѣмъ и каждому, не различая народности, протягивающей руку помощи и милосердія? Что жъ? Думаютъ ли Поляки, что, поразивъ этого Царчеловѣка, въ то самое время, когда Онъ возвращаетъ изъ ссылки враговъ Россіи и своихъ; что же, повторяю, думали они, что при

¹⁷ Въ старой Кіевской лѣтописи читается: «Въ лѣто 6667 (въ 1159 году) бысть же леть (т. е. , измѣна) въ Берендичахъ Сему же пачальници быша» между которыми названъ и «Каракозъ Мнюзовичъ.» Ипат. стр.

наслѣдникахъ Его достигнуть до несбыточной мечты овоей, пра-
вицы 1772 г. и самобытности, которой въ сущности никогда не
имѣли? На какомъ основаніи могутъ они {предполагать, что, до-
стигнувъ злодѣйскаго своего умысла, политическій строй Россіи
долженъ измѣниться въ ихъ пользу? Такъ могутъ для себя раз-
суждать въ Европѣ, и по преимуществу только одни Французы,
у которыхъ есть нѣсколько запасныхъ династій, царившихъ у
нихъ и еще, независимо отъ Бурбоновъ и Орлеановъ, не мало и
разночинцевъ, очень недавно властвовавшихъ надъ Франціей: тамъ
могутъ дѣйствовать личныя страсти, личныя стремленія, но у насъ —
дѣло иное!

Два раза Провидѣніе спасло Вѣнценосца, а вмѣстѣ съ дѣмъ
спасло и безчисленное множество Польской же крови отъ немчи-
нуемой народной мести, и остановить ее, какъ справедливо замѣ-
чено въ одной изъ Лондонскихъ газетъ, было бы свыше силъ са-
маго Правительства. ¹⁷ Принято ли все это въображеніе Польски-
ми патриотами, такъ величающими себя въ переднихъ агитационнаго
Пале-Рояля, въ отелѣ Ламберъ и другихъ, откуда направляли слѣ-

¹⁷ Сильный никогда не бываетъ врагомъ слабого и всегда великодушнѣе его, но
ненависть къ Полякамъ народа (не изъ одного простаго званія) періодически
возбуждается и питается самими Поляками, какъ бы при возобновеніи каждаго
поколѣнія чрезъ 20, 30 лѣтъ. Такъ, послѣ Барской Конфедераціи наступилъ
1794 годъ: избіеніе въ Варшавѣ Русскихъ при Ягельстромѣ; наступилъ намят-
ный 1812 годъ; за тѣмъ, послѣ не преградившихся тайныхъ замысловъ, от-
крыта мятежь 1830—1831 годовъ, гдѣ варварски избивались Русскіе и даже
женщины! Наконецъ, 1863—1865 годы превзошли все кровожадностью въ
истязаніи Русскихъ, а 25 Мая, 1867 г. довершило раздраженіе Русскаго чело-
вѣка до такой степени, что онъ сопрічисляетъ тайно, безотчетно, къ врагамъ
своимъ даже и тѣхъ, у которыхъ жена Поляка, вездѣ онъ видитъ измену, и на
самое благотѣльное дѣйствіе такихъ лицъ внутренно смотритъ съ недовер-
чивостью. И это распространяется даже и на тѣхъ чисто-Русскихъ, которые
долго время находились между Поляками на службѣ. Глубоко арѣзавоевъ въ
убѣжденіе народа, что, живя въ Польшѣ, можно очень скоро, незамѣтно,
«пополниться.» Имѣеть ли эта причина основаніе, или нѣтъ, не вдаюсь
въ разрѣшеніе оной. Впрочемъ, она довольно часто, хотя и не вполнѣ, выка-
зывается и въ журналистикѣ... Многіе утверждаютъ, что Православный, же-
вившійся на Польшѣ (патріотъ) и остающійся въ краѣ, превращается въ сторон-
ника Поляковъ, и ставится болѣе яримъ, нежели бы онъ самъ былъ Католикомъ.

пыхъ исполнителейъ темныхъ и разнообразныхъ, одной негѣше дру- гихъ, козней? Но такъ направленные, скоро начали скупиваться и составлять изъ себя независимыя одна отъ другой шайки, подъ различными наименованіями соціальныхъ обществъ, клубовъ и т. п. Все это, повторяю, даетъ пищу на ближайшее разсмотрѣніе.

Волненіе умовъ, безпорядки, смуты и мятежи, существова- ли во всѣ времена, начиная съ глубокой древности, и порожда- лись отъ многообразныхъ причинъ и побужденій, но мысль о Цареубійствѣ проявлялась только періодически, и едва ли въ древ- немъ мірѣ происходила отъ цѣлей политическихъ и еще менѣе отъ изувѣрства, а носила болѣе характеръ частный. Только съ развитіемъ Католицизма, и въ особенности Езуитизма, Цареубій- ство усиленно вѣроисповѣднаго изувѣрства возведено на степень ученія. Изъ числа почти четырехсотъ твореній послѣдователей Игнатія Лойолы, закрашивающихъ и оправдывающихъ всѣ злодѣй- ства, семьдесятъ пять имѣютъ цѣлю разрѣшать и оправдывать преступленія въ оскорбленіи Величества. Въ числѣ лицъ, состав- лявшихъ это общество, видимъ: Гиньяра, Гейна, Боеграфа, Пал- мію, Корнелія, Вальпода, Алагона, Дикастиля, Жерара, Шерви- на, Вольфа, Гере, Малагрида и многихъ другихъ, устно, пись- менно и печатно проповѣдывавшихъ Цареубійство и принимав- шихъ въ томъ участіе лично, или косвенно. Встрѣчаемъ множе- ство подстрекателей и руководителей смуть и раздоровъ,¹⁸ и бездну этѣхъ духовныхъ братій, вмѣщавшихъ въ себѣ всевозмож- ныя степени разврата и готовыхъ на всякое преступленіе; не колебавшихся, въ покушеніяхъ своихъ ни на отравленіе, ни на другія убійства, ни на воровство и лихву, ни на распро- страненіе пасквидей и клеветы, ни на принятіе обязанностей шпіоновъ и т. д. Безнравственность же ихъ во всевозможныхъ

¹⁸ Имъ приписываютъ исполнѣ день Св. Варооломея; религіозно-политическую Лигу, въ продолженіе которой они гласно навязывали Цареубійство, заговоръ о взры- вѣ пороховъ въ Лондонѣ, отмѣну Нантскаго эдикта, избіеніе столькихъ семей- ствъ, разореніе Франціи, разрушеніе Портъ-Рояля, и преслѣдованіе столькихъ благочестивыхъ и ученыхъ людей; возмущеніе въ Парагваѣ, сопротивленіе во- оруженной силой, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и убійство Португальскаго Короля и т. д., и т. д.

видахъ, какъ и вообще Римско-Католическаго духовенства (можетъ быть отчасти и въ слѣдствіе безбрачія), вошла въ пословицу; многіе изъ Езуитовъ были уличены и въ Содомскомъ грѣхѣ. Впрочемъ, то же самое не встрѣчаемъ ли мы болѣе или менѣе въ различныхъ другихъ многочисленныхъ орденахъ Римско-Католической Церкви? ¹⁹ Самые Папы, Кардиналы и Епископы не были чужды происковъ для произведенія смутъ и злодѣйствъ, какъ, на примѣръ, Папа Бенедиктъ VI и другіе; ²⁰ Кардиналы: Іоаннъ Балю, Цезарь Борджія братоубійца, взмѣнникъ, Каетанъ и множество подобныхъ.... Самъ Кардиналъ Ришельё подозрѣвался во многихъ тайныхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ по его приказаніямъ: ему приписываютъ отравленіе Священника Беруля, во время совершенія обѣдни. Возмущеніе Португаліи въ 1642 году противъ законнаго Короля своего произведено было происками этого Великаго Министра и пр. Епископы: Гнѣзенскій, Яковъ Уханскій и др. Французскій Адрианъ Ламуретъ, была изъ числа рьяныхъ дѣятелей Французской революціи. Аббатъ Портокарело не проповѣдывалъ мира, союза и братской Христіанской любви, а совершенно противное. Убіеніе Вильгельма Оранскаго фанатикомъ Жераромъ совершено было по внушенію духовенства; Принцъ Конде (Генрихъ I), отлученный отъ Церкви Папою, чрезъ три года былъ отравленъ. Бабингтонъ, неистовый изувѣръ-Католикъ, покушался на жизнь Королевы Елисаветы Англійской. Езуитъ Петерсъ подстрекалъ мятежниковъ въ Англіи. Виклеръ и, ученикъ его, Священникъ Іоаннъ Балъ, проповѣдывали противъ собственности землевладѣльцевъ и возмущали поселянъ въ Англіи. Докторъ Богословія, Пети, по поводу убійства Герцога Орлеанскаго Герцогомъ Бургундскимъ, Іоанномъ Безстрашнымъ, проповѣдывалъ ученіе, что «разрѣшается убивать тирановъ.» Франціскъ Пижена, Священникъ, былъ неистовый возмутитель Кольдельеры: Николай Веласко и Францъ

¹⁹ А такихъ орденовъ, начиная отъ перваго, Св. Антонія, основаннаго въ 310 году, до ордена Лигористовъ, въ 1735, однихъ только главныхъ насчитывается до двухсотъ.

²⁰ Въ 832 году Папа Григорій IV лично находился въ станѣ мятежниковъ противъ Короля.

Николай Вейсанъ, упорные демагоги; «превосходящіе Якобинцевъ.» Томасъ Торквемада, Доминиканецъ, лютовѣйшій злодѣй. Не Августинскіе мн монахи, въ отмщеніе Папѣ, за неправившіеся имъ отпущенія (индальгенціи), пострекнули Лютера и тайнѣмъ поддѣрживали егѳ? Марти-Иосифъ Шалве, Священникъ, одинъ изъ самыхъ звѣриныхъ злодѣевъ большой Французской революціи, «тѣмъ не пресыщавшіеся кровью.» Къ нему должно присоеди- нить Царубѣйца, подавшихъ голосъ на казнь Короля Людови- ка XVI, безъ аппеляціи, а именно: Священника Линде (Lin- det), отличавшагося кровожадностью; Священника Монеля, Бе- недиктинца Пультье-Дельшора, Людовика Ру, Августинскаго монаха Сенета и многихъ другихъ.²¹ Яковъ Рене, Геберъ; председатель клуба Кельдельеровъ, были отъявленные злодѣи. Въ обвиненіяхъ Марти Антуанеты этотъ послѣдній употребилъ выра- женіи: которыя «омутили» и привели въ содроганіе и самыхъ су- дей», назвѣстныхъ своею ненасытимою кровожадностью.

Сдѣсь можно бы указать еще на знджество лицъ, но все это не можетъ еще достаточно полнѣнть сущность направленія духовенства этого Иеповѣданія. Приведу сдѣсь только два эпизода, которые вполне охарактеризуютъ его.

Вотъ какое мнѣніе Католическое духовенство имѣло объ убій- ствѣ Генриха III Доминиканецемъ Яковлемъ Клемавомъ, подстре- каемымъ и манутствуемымъ овоими духовными собратами; на со- вершеніе этого Царубѣйства. Въ бумагахъ Бузита Гильяра²² найдено слѣдующее: «Яковъ Клемавъ совершалъ геройскій по- двигъ, вдохновенный Св. Духомъ. Если можно! вести войну съ Беарницами (такъ называли Королей Генрика III и Генрика IV),

²¹ Священникъ прихода Св. Николая, Яковъ Ру, свирѣпый демагогъ, повѣренный въ злодѣйствахъ кровожаднаго Марата, былъ приставленъ стражемъ къ Людовику XVI въ Тамплѣ. Однажды Король просилъ его призвать зубнаго врача, Ру отвѣ- чалъ ему: «Не нужно!» и сдѣлавъ рукой движеніе гильотиннаго дѣйствія, про- совокупилъ: «Твои зубы скоро исцѣлятся!»

²² Гильяръ былъ обнаруженъ только при покушеніяхъ на убійство Генрика IV-го, и въ то же время сдѣлавался извѣстными Буше, Фэрданъ и другіе.

то воюйте съ ними; если же нельзя воевать, то убивайте их!» Правило это руководило не однихъ послѣдователей Лойолы: Іоаннъ Буше, Священникъ прихода Св. Бенедикта, подстрекая Клемана на совершеніе этого злодѣяства, говорилъ ему, что подвигъ этотъ «угоденъ Богу.» Эдмондъ Бургоинъ, Доминиканецъ, Пріоръ Якобинцевъ, общалъ Клеману санъ Кардинала и блаженство въ будущей жизни, и потомъ съ кафедры превозносилъ совершенное убійство. Кольдальерскій монахъ Феарданъ равнобѣрно поощрялъ его. Клеманъ, изувѣръ отъ природы, такъ дружно подстрекаемый и поощряемый своими собратьями, вообразилъ себя «предназначеннымъ самимъ Богомъ для умерщвленія тирана,» какъ вѣтъ изступленные называли Королей. По совершеніи казни надъ Клеманомъ, онъ былъ причисленъ къ лику Праведныхъ;²³ его уподобляли Юдиен, отсѣкшей голову Олоферну. Портретъ Цареубійцы былъ поставленъ на алтаряхъ. Папа не противился тому и раздѣлялъ мнѣнія Лиги. Почти всѣ Католическіе богословы оправдывали это ученіе, которое разрѣшало убійства Владыкъ Государства, когда шла рѣчь, по ихъ мнѣнію, о защитѣ Церкви. Сорбонна объявила, что въ такихъ случаяхъ уничтожается присяга подданныхъ своему Государю,²⁴ и опредѣленіе это было

²³ Точно также, какъ Генрихъ Гарне, Ольдерортъ, Тенесмондъ, повѣщенные въ Англіи, въ 1606 г., за покушеніе на Цареубійство въ известномъ заговорѣ: «подрыва пороховъ,» были воспыты Езуитомъ Іоанномъ Эдемономъ и причислены къ лику мучениковъ Католической Церкви, и такъ значатся въ Катихизисѣ, составленномъ Патеромъ Канизіемъ, и множество подобныхъ тому примѣровъ. Слѣдовательно, и не удивительно, что въ настоящее время Папа Пій IX причислилъ къ лику праведныхъ своей Церкви Полоцкаго Архіепископа Кунцевича, совершавшаго неслыханныя злодѣянія въ огромныхъ размѣрахъ противъ Православныхъ. Да чуть ли Его Святѣйшество не помышляетъ и еще пожаловать въ свои Святые подобныхъ же изверговъ изъ Польскаго духовенства, въ родѣ Ковенскаго Ксѣндза Мацкевича, съ фосфоромъ на головѣ, для уподобленія себя жителямъ неба, въ 1864 году.

²⁴ Какое сходство съ тѣмъ, что совершалось въ послѣдній матажъ! Значить, Езуитство, со всѣми его безстыдными правилами, живётъ еще и, вѣроятно, умретъ только вмѣстѣ съ Католичествомъ между нашими подданными. Польскими Ксѣндзами! Тотъ же предлогъ мнимаго угнетенія Католической Церкви; то же разрѣшеніе отъ присяги, благословеніе и окропленіе Св. водой оружія убійцы и пр. На этомъ-то основаніи Польскіе Ксѣндзы, въ началѣ послѣдняго матажа

подписано семидесятью Докторами Сорбонны! Другіе бого-
словы издавали такія же сочиненія не только противъ Государей,
но появлялись и противъ самаго Намѣстника Св. Петра, словомъ,
противъ всякой власти.

Послѣ этого не удивительно, что противъ Генриха IV, на-
слѣдовавшаго Генриху III, было столько заговоровъ о покушеніи
на жизнь и тогда уже, когда онъ принялъ Католичество, а по
тому и не могъ болѣе почитаться, въ глазахъ изувѣровъ-Езуитовъ,
еретикомъ, какъ называли его прежде, или какъ теперь Поляки
съ прочими Католиками называютъ насъ «Схизматиками.» Изъ
многихъ (около пятидесяти) заговоровъ, составлявшихся противъ
Генриха IV, были приводимы въ исполненіе слѣдующіе: покушеніе
Доминиканца Петра Барьера, было открыто однимъ Якобинцемъ.
При допросахъ, Барьеръ показалъ на одного Капуцына, на одного
Парижскаго Священника и на одного Езуита, какъ соучаст-
никовъ и подстрекателей. Второе покушеніе произведено въ 1594
году, Декабря 27, Юанномъ Шателемъ. Король раненъ былъ
ножомъ въ лицо и лишился зуба. Произведеннымъ слѣдствіемъ
открыли, что Шатель, за два дня передъ совершеніемъ покуше-
нія, совѣтывался со Священникомъ Гере и съ Езуитомъ Гвиья-
ромъ, который укрылся отъ подозрѣнія во время убійства Ген-
риха III, но въ настоящее время, изъ захваченныхъ бумагъ, какъ
сказано выше, былъ обнаруженъ виѣстъ съ другими, достойными
его, духовными отцами.²⁵ Въ слѣдъ за покушеніемъ Шателя, по
приговору Парламента, Езуиты, призванные во Францію въ 1561

искали случая непрерывными церковными ходами въ Варшавѣ вызывать наши
власти на какое либо вмѣшательство для поддержанія порядка на улицахъ, и тогда
начинались возгласы, что Вѣра и костѣлы угрожаются, и за тѣмъ разрѣшеніе
отъ присяги и т. д. Жаль, что въ свое время эти иродѣлки не были разсмо-
трѣны съ настоящей точки. Въ 1864 году, въ одной изъ статей, я было ко-
снулся этого предмета, но Цензура не разрѣшила напечатать ее, и на жалобу
мою Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, П. А. Валуеву, съ приложеніемъ оттиска,
я не получилъ отвѣта!

²⁵ Какъ, на примѣръ, Кордельерскій монахъ Феарданъ, подстрекавшій убійцъ,
посягнувшихъ на Генриха III и Генриха IV-го.

г., Екатериною Медичи, въ 1595 были изгнаны изъ Франціи и сочиненія ихъ сожжены. Въ послѣдствіи, въ 1603 году, имъ позволено было опять жить во Франціи.²⁶ Они не разъ были изгоняемы и изъ другихъ Государствъ, но успѣвали вновь водворяться. Наконецъ, третье покушеніе Равальяка, 14 Мая, 1610 г., прекратило жизнь этого Великаго Государя. И послѣ сего Сорбонна не переставала питать тотъ же духъ, который руководилъ ее до Лиги и во время оной; такъ, уже въ 1620 г., она одобрила книгу Езуита Сантарело, проповѣдующую Цареубійство. Въ покушеніи Дамьена на жизнь Людовика XV, въ 1757 г., главное подозрѣніе пало на духовенство. Король получилъ ударъ ножомъ, но рана не была смертельна.

Самое возбужденіе Лиги и поддержаніе ея, также принадлежитъ не исключительно Езуитамъ, но вообще Католическому духовенству; полный планъ ея былъ составленъ Кардиналомъ Лотарингскимъ.

Папа Григорій XII одобрялъ и поощрялъ неурядицу мятежа посредствомъ своихъ орудій. Болѣе дѣятельнымъ былъ Езуитъ Матье, непрерывно ѣздившій изъ Парижа въ Римъ и обратно, а по тому и прозванъ былъ «курьеромъ Лиги.»²⁷ Изъ духовенства разныхъ орденовъ составила дружина или полкъ. Этѣ служители алтаря «въ латахъ и съ ружьемъ въ рукахъ, рыскали по всѣмъ улицамъ, возбуждая народъ къ мятежу.» Вообще духовенство было главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ къ поддержанію усобицы. Іоаннъ Буше, Священникъ прихода Св. Бенедикта, въ продолженіе девяти дней, съ каедрой, злодѣйски проповѣдывалъ противъ Генриха IV, уже Католика, и въ этомъ 1593 году личность Короля была въ большой опасности.

²⁶ Въ 1759 и 1760 годахъ Парижскій Парламентъ, разсматривавшій дѣло злостнаго банкрота, Езуита Лавалета, объявившаго несостоятельность свою на три милліона, открылъ многое, относящееся къ этому чудовищному ученію.

²⁷ Принцъ Наполеонъ, въ настоящее время уподобляется Матье, съ тою только разницею, что кругъ его дѣятельности обширнѣе, и направляющій его ищетъ тѣхъ же смуть и неурядицъ внѣ границъ временнаго своего владычества.

Не вдаваясь въ глубь отдаленной Исторіи, видимъ, что въ половинѣ XVIII вѣка, во Франціи, Энциклопедисты потрясли это Вѣроисповѣдное изступленіе,¹⁸ раздувавшееся и питавшееся въ народѣ отцами Католической Церкви изъ своекорыстныхъ видовъ и политическаго преобладанія надъ умами и властью. Но если, съ одной стороны, Энциклопедисты и ослабили Вѣроисповѣдное изступленіе на Западѣ, то, съ другой, породили и развели увлеченіе политическое, едва ли еще не сильнѣйшее, плодомъ котораго была большая Французская революція со всѣми ея адскими ученіями. Да и на этомъ попривѣ Католическое духовенство не отстало отъ жажды Царской крови. Мы видимъ, что Французскіе революціонеры, по примѣру совершенной въ 1587 г. казни Маріи Стюартъ, а въ 1649 Карла I,¹⁹ захотѣли и при осужденіи Людовика XVI и Маріи Антуанеты, придать замышленному Цареубійству тоже какъ бы формальность, законность. Въ судилищѣ этомъ, какъ уже замѣчено, Священникъ Линде, первый подалъ голосъ, чтобы приговоръ состоялся безъ аппеляціи. Къ нему пристали его собратья: Монель, Пультье, Дельмотъ, А. Ру, Сенетъ и многіе другіе; а какъ извѣстно, что приговоръ Людовика XVI имѣлъ въ большинствѣ только пять голосовъ, то, если бы достопочтенные отцы Католической Церкви воздержались отъ кровожадности своей, очень можетъ быть и

¹⁸ Въ Испаніи, Португаліи и Италіи онъ постоянно слабѣлъ въ народѣ, болѣе или менѣе открывшемъ глаза на истинныя дѣла свѣтхъ пастырей, и мало по малу началъ сбрасывать съ себя ихъ иго, и если онъ доселѣ встрѣчается въ первыхъ двухъ, то едва ли не заключается только въ кругу женскаго пола. Италія же почти вовсе освободилась отъ него. Но за то въ Польсѣ изувѣрство это существуетъ, конечно, чуть ли не въ большей еще степени, нежели когда либо оно существовало. Здѣсь Ксендзы и многочисленныя ордена монаховъ, тучныхъ, здоровыхъ Доминиканцевъ, Бернардинцевъ и т. п., насквозь пропитанные Езуитствомъ, дѣйствуютъ всевозможными путями, преимущественно на женскій полъ, какъ извѣстно, имѣющій въ Польсѣ безграничное вліяніе на мужеской. Словомъ, въ настоящее даже время, Католичество въ странѣ этой отличается отъ Католичества всѣхъ другихъ странъ, и по тому, часто на вопросъ, сдѣланный къъ либо Поляку: «Какой Вѣры?» получается въ отвѣтъ: «Польской!»

¹⁹ Въ 1649 году, Яковъ I-й; Король Шотландскій, былъ умерщвленъ на кровати, не безъ тайнаго Католическихъ монаховъ содѣйствія.

Царская кровь не была бы пролита: духовенство въ этомъ страшномъ судилищѣ составило перевѣсъ голосовъ.³⁰

За тѣмъ посягательства на главъ Правительствъ какъ бы притихли на нѣкоторое время. Умолчу здѣсь о заговорѣ противъ Наполеона I, адской машинѣ Жоржа и другихъ; объ убійствѣ наслѣдника Франціи, Герцога Беррійскаго Лувелемъ; объ убійствѣ Президента Греціи, Каподистрии Мавромихали; объ адской машинѣ Фіеско, направленной противъ Людовика-Филиппа, и о другихъ на него покушеніяхъ, а равно и на нѣкоторыхъ Министровъ, удачно, или неудачно, произведенныхъ, а пробѣгу послѣднія двадцать лѣтъ, чтобы видѣть плоды современнаго развитія разныхъ утопій при главномъ первоначальномъ условіи, потрясенія Вѣры, которая одна только и смиряетъ хищно-животную природу человѣка.³¹ Этѣ утопіи, породившія на Западѣ, въ началѣ въ нѣдрахъ Католической Церкви, и потомъ, слившись съ злодѣйскими политическими идеями, проникли, разными путями, въ остальную часть Европы, и не преставали, какъ видно, выражать недоспѣлые умы своими адскими ученіями. Чѣмъ же другимъ можно объяснить преступныя покушенія именно на главъ Правительства, какъ только не тѣмъ, что такъ совершенное злодѣяніе неминуемо повлечетъ за собой большіе или меньшіе без-

³⁰ Около того же времени Густавъ III-й былъ смертельно пораженъ Анкерстремомъ, въ маскарадѣ, пистолетнымъ выстрѣломъ. Не упоминаю о Султанахъ: характеръ этѣхъ умерщвленій совершенно иной.

³¹ Во Франціи, по безграмотности народа, въ пору до большой революціи, требовалось болѣе времени изгладить слѣды истинно Христіанскаго чувства, нежели въ Германіи, заявившей себя въ 1848—1849 годахъ. Та же цѣль потрясенія Вѣры руководила и у насъ обществомъ Петрашевскаго, у членовъ котораго найдено было много подобныхъ попытокъ, въ особенности толкованіе для простаго народа Десяти Заповѣдей и пр. Не имѣетъ ли это какой связи съ ежегодно усиливающейся кражей въ храмахъ? Особенно замѣчательно ограбленіе Св. мощей въ Кіевскихъ пещерахъ, чему едва ли прежде были примѣры, а въ запрошломъ, кажется, годѣ, въ газетахъ было упоминаемо о многихъ случаяхъ такихъ святотатствъ. Тѣ, которымъ вмѣнено въ обязанность слѣдить за народною нравственностью, конечно, могутъ лучше объяснить это, нежели частный человѣкъ.

порядки, анархію? Эта-то послѣдняя и нужна для демагоговъ, чтобы достигать своихъ цѣлей.

Не видѣли ли мы въ эгѣ послѣднія двадцать лѣтъ послѣдовательно покушенія на жизнь владѣтельныхъ и царственныхъ особъ? Такъ, въ 1848 г. на жизнь Франциска V, Герцога Моденскаго.

Выстрѣлы, около Познани, въ карету, въ которой полагали Императора Николая I.

Въ 1850 г. артиллеристъ Зефелогге выстрѣлилъ въ Прусскаго Короля, Фридриха Вильгельма IV, и ранилъ его въ правую руку.

Въ томъ же году, Поручикъ Робертъ Петъ, напалъ съ палкой въ рукахъ на Королеву Викторію. Кончилось ли бы это тѣмъ только, если бы дерзнувшій на такой поступокъ не былъ тотчасъ схваченъ окружавшими Королеву, не извѣстно.³²

Въ 1852 г. въ Марсели нашли адскую машину, которая должна была убить Императора Французовъ, Наполеона III.

Въ томъ же 1852 г., Священникъ Мартенъ Мериньо, среди торжества, въ дворцовой галерей, ударилъ Королеву Изабеллу кинжаломъ, который встрѣтилъ сопротивленіе въ одеждѣ.

Въ 1853 г. Либени ударилъ кинжаломъ въ шею Императора Австрійскаго, Франца-Иосифа.

Въ томъ же году Графъ Кавуръ объявилъ въ Итальянскомъ парламентѣ о покушеніи на жизнь Виктора-Эммануила.

Того же года неизвѣстный убійца ударилъ кинжаломъ Герцога Пармскаго, Фердинанда-Карла III, который отъ раны на другой день и умеръ.

³² Впрочемъ, на нее было три покушенія, изъ коихъ послѣднее въ Августѣ текущаго года: въ Люцернѣ были арестованы Фенин, для сего нарочно прибывшіе. Покушеніе на Королеву Англійскую есть чисто плодъ ученія Царубійства; она, по Конституціи, какъ ни кто болѣе изъ корованныхъ особъ, лишена возможности дѣлать зло, или притѣснять кого либо.

Въ 1855 году Ливерари сдѣлалъ два выстрѣла по Наполеону III.

Въ 1856 Патеръ Фуентесъ прицѣлился изъ пистолета въ Испанскую Королеву Изабеллу II, во время торжественнаго выхода въ ея дворцѣ, но былъ обезоруженъ до спущенія курка.

Того же года Неаполитанскій солдатъ, Милано, напалъ, со штыкомъ въ рукѣ, во время развода, на Короля Фердинанда II.

1857 года Бартолетти, Тибальди и Грило найдены виновными въ заговорѣ на жизнь Наполеона III.

Въ 1858 году на него же покушеніе Орсини своими бомбами.³³

Въ 1861 году Оскаръ Бекеръ, въ Баденъ-Баденѣ, далъ два выстрѣла по нынѣшнему Прусскому Королю, Вильгельму, и ранилъ его въ затылокъ.

Въ 1862 году Аристидъ Друзіосъ стрѣлялъ въ Греческую Королеву, Амалію.

Въ 1864 выстрѣлъ въ упоръ въ Великаго Князя, Константина Николаевича, въ Варшавѣ.

Въ томъ же году убійство Черногорскаго Князя, Данила.

Въ 1865 году Италіянцы: Греко,³⁴ Трабуки, Императори и Скаліони взяты въ Парижъ передъ самымъ приведеніемъ въ исполненіе покушенія на Наполеона III.

³³ Нѣсколько другихъ на него же покушеній, открытыхъ полицією предъ совершеніемъ оныхъ.

³⁴ Греко, бывшій ярый Езуитъ. Впрочемъ, немного заговоровъ бываетъ въ Католическомъ мірѣ, гдѣ бы служители его алтаря не участвовали, а равно не были бы дѣятелями смутъ. Вотъ и причина постоянной шаткости Государственнаго строя во всѣхъ Католическихъ Державахъ Стараго и Новаго Свѣта. Давно ли цѣлые монастыри присоединялись къ пайкамъ Гарибальди и проч.

Въ 1865 же Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Авраамъ Линкольнъ, убитъ Вильямомъ Бусомъ.

Въ 1866 г. были совершены три покушенія: извергъ Каракозовъ стрѣлялъ по Императору Александру II.

Въ Индіанополѣ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ по Президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Джонсону, и

Въ Прагѣ покушеніе на Императора Франца-Иосифа: обстоятельство, оставшееся темнымъ.

Въ 1867 г. злодѣйское покушеніе Березовскаго, выстрѣлившаго въ Императора Александра II, въ карету, гдѣ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ, находились: Наслѣдникъ Россійскаго Престола, Александръ Александровичъ, Великій Князь Владимиръ Александровичъ, и Императоръ Французовъ, Наполеонъ III.

Въ томъ же году покушеніе на Испанскую Королеву Изабеллу II.

Въ текущемъ 1868 году покушеніе изъ пистолета въ Наслѣдника престола Саксонскаго, въ Дрезденѣ.

Выстрѣлъ и рана сына Королевы Викторіи, Герцога Эдинбургскаго.

Ожесточенное убійство Сербскаго Князя, Михаила Обреновича.

Покушеніе въ Александріи на жизнь Вице-Короля Египетскаго, проѣзжавшаго въ экипажѣ.

Открытый заговоръ на жизнь Турецкаго Султана.

Я умалчиваю здѣсь, въ этотъ же періодъ времени, о вынужденномъ бѣгствѣ изъ Франціи Людовика-Филиппа, изъ Греціи Короля ея, Оттона, коимъ угрожали покушеніемъ на жизнь; объ арестѣ и изгнаніи Румынскаго Князя изъ Румыніи и принужденномъ бѣгствѣ Королевы Испанской, Изабеллы II, съ Наслѣдникомъ Престола и пр. Умалчиваю также о покушеніяхъ въ этотъ періодъ на лицъ вліятельныхъ, служащихъ помѣхой демагогамъ къ приведенію въ исполненіе своихъ замысловъ, на примѣръ, объ

убійствѣ Графа Росси и Катарджи, о ранахъ Графа Лидерса, Генералъ-Полицеймейстера Трепова, Губернскаго Предводителя Дворянства Домейка и Статсъ-Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Сюрда о двукратномъ покушеніи кинжаломъ и изъ пистолета на Маркиза Велепольскаго, на Графа Берга, особенно обдуманномъ адскимъ средствомъ, на Графа Бисмарка, въ упоръ на улицѣ, среди дня, нѣсколькими выстрѣлами.²⁵

Въ 1864 году на съѣздѣ Польскихъ патриотовъ въ Дрезденѣ, подѣ предводительствомъ Князя Сапѣги, въ числѣ другихъ находились: бывшій нашей службы Полковникъ Гаукъ (Босакъ), Гутри, Ксѣндзь Котковскій, В. Пршибыльскій, Рупрехтъ Гейденрейхъ, Графъ Дзялынскій и множество другихъ. Между прочимъ составленъ былъ и заговоръ на жизнь Коронованныхъ особъ: «мысль эта въ послѣдствіи подхвачена была эмиграціей, и двое изъ убійць (Титъ Зипковичъ и бѣглый изъ Кіева Студентъ, Антоць Юрьевичъ) задумали совершить покушеніе на жизнь трехъ Монарховъ, пребывавшихъ тогда на водахъ въ Кисингенѣ,» и что, по неизбѣнню только денежныхъ средствъ подѣ рукой, злодѣйское предпріятіе не было приведено въ исполненіе. Но можно ли положиться, чтобы такой недостатокъ могъ быть препятствіемъ и въ будущемъ, особенно нынѣ, когда вѣковая закваска вновь начала бродить, распространившись у всѣхъ социалистовъ,²⁶ и не

²⁵ Не менѣ замѣчательно для наблюденія, полагаю, и то, что послѣ убійства Князя Гагарина, въ 1842 году, въ зданіи кабинета (Аничковскаго дворца), изъ пистолета, Финляндскимъ уроженцемъ, не слышно было такихъ покушеній до сего времени, какъ вдругъ два Прокурора новыхъ судовъ, одинъ въ столицѣ, другой въ провинціи, подверглись въ присутствіи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, такому же покушенію, правда, не удавшемуся, но это все равно, и оба покусившіеся опять не Русскіе! Я не говоря уже объ оскорбленіи начальниковъ дѣйствіемъ.

²⁶ Въ 1837 году Членъ Лондонскаго Демагогическаго клуба, Конарскій, съ нѣкоторыми другими, подѣ чужимъ въ пашпортѣ именемъ, пробирался, чрезъ Подольскую Губернію, въ Вознесенскъ, передѣ смотромъ тамъ войскъ; но смекнувъ, что онъ узнавъ, удался и былъ случайно схваченъ уже въ Вильнѣ, гдѣ и казненъ. Петрашевскій говорилъ тоже въ 1849 году, что «за границей обрательвалось тайное общество для изведенія Коронованныхъ особъ, и что нѣ-

дальше, какъ въ Іюль сего 1868 г., въ Брюсселѣ, противъ газетъ: «Esprit et Sigale» начато судебное преслѣдованіе, по обвиненію въ возбужденіи къ убійству иностранныхъ Государей? Поводомъ къ этому обвиненію послужило то, что газеты эти перепечатали манифестъ извѣстнаго демагога-эмигранта Феликса Пія, обнародованный, по случаю митинга, въ Лондонѣ, въ воспоминаніе Іюльскихъ дней 1848 года. Здѣсь, между прочимъ, Наполеонъ III поставленъ внѣ закона, и каждый имѣетъ право поразить его! Въ то же время газета «Pays» упоминаетъ о выпущенной въ народъ прокламаціи, въ которой, между прочимъ, восхваляются: Орсини и Березовскій, убійцы Сербскаго Князя Михаила, и къ этому же разряду людей она причисляетъ Хуареса, разстрѣлявшаго Максимилиана, а въ ночь на 12 (24) Іюля Полиція сняла со стѣнъ Парижа, Монмартра, множество прокламацій, возбуждающихъ къ убійству Наполеона и т. д. При семъ нельзя не замѣтить, что если на Западѣ вѣроисповѣдное изступленіе преобразилось въ политическое, то Поляки, не утративъ перваго, присоединили къ нему и утопимъ политическія, не только что со всѣми ужасами терроризма Французской революціи, но еще далеко перешли за оную.

Но ни одна изъ большихъ въ мірѣ революцій не представляетъ ни чего подобнаго жандармамъ-кинжалистамъ 1863 — 1865; никогда человечество не унижалось до такой степени, чтобы вызывать на эту должность и легко находить готовыхъ вонзить отравленный и окропленный Св. водой въ костелъ кинжалъ, въ человѣка, вовсе убійцѣ не извѣстнаго, съ которымъ онъ не былъ ни въ какихъ столкновеніяхъ, ни въ какихъ сношеніяхъ и никогда не видалъ его!.. Въ большой Французской революціи, кровожаднѣйшей изъ всѣхъ, до нея бывшихъ, распаленныя страсти, личныя отношенія и озлобленіе, распространяли ужасъ, но совершаемыя въ то время казни производились не тайно, не

сколько человѣкъ назначены также въ Россію.» Другой разъ онъ опять упоминаетъ о таковомъ обществѣ. Наконецъ Жепевскій и Цюрихскій Комитеты, какъ видно было выше, не одобряютъ ли и въ настоящемъ году такіа покушенія?

закулисно, а гласно, на площадяхъ, чрезъ палача, всегда по распоряженію Конвента, или другихъ судилищъ не невидимыхъ, не подземныхъ, а такихъ, которыхъ мѣстопробываніе и дѣтели въ оныхъ были всѣмъ извѣстны и ни отъ кого не скрывались, а приговоры ихъ имѣли тѣнь формулированія юстиціи. Случалось иногда, что чернь, или сама ожесточенная противъ нѣкоторыхъ личностей, или подвигнутая внушеніями и краспобайствомъ какихъ либо площадныхъ демагоговъ, предавалась буйству, и, разстерзавъ челоуѣка, на котораго была направлена, въ ожесточеніи носила голову его на шею; но таковое самоуправство рано или поздно часто жестоко наказывалось. Въ Варшавѣ 1830 года случались подобныя же сцены съ шеями, и здѣсь, на противъ, онѣ поощрялись! Послѣдній же мятежъ Поляковъ затмилъ своимъ звѣрствомъ все, что Исторія можетъ передать намъ ужаснаго относительно жестокостей самыхъ варварскихъ временъ. Словомъ, кровавые эпизоды прошедшаго ни что въ сравненіи съ бывшимъ 1863 — 1864 годовъ, скрывавшимся революціоннымъ Комитетомъ.

Въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Италіи и другихъ мѣстахъ крайняго Католическаго Запада, за нѣсколько цеккиновъ иногда находятъ еще убійцъ для удовлетворенія какой либо личной злобы, возженной страстью. Но тамъ убійца большею частію нападаетъ на свою жертву ночью, на улицѣ, избѣгая быть замѣченнымъ и болѣе или менѣе подвергается встрѣтити оборону и погибнуть на мѣстѣ, или быть схваченнымъ. Жимдармы же-кинжалщики нагло, среди дня, на улицѣ, окруженные сочувствующими имъ свѣдѣтелями, или людьми подъ вліяніемъ ужаса, поражали жертву, или проникали въ домъ обреченнаго на смерть, и здѣсь, мало заботясь о томъ, чтобы не быть замѣченными, умерщвляли иногда и все семейство съ изощренною свирѣпостью.²⁷

²⁷ Такъ между многими жертвами погубъ, среди самой Варшавы, полковникомъ, иностранецъ Вихертъ, въ собственномъ своемъ домѣ, не только со всѣмъ семействомъ своимъ и прислугой, на лицо бывшей, но и комнатная собачка имѣла ту же участь. Это превосходитъ подвиги Юсефа Лебона, члена Конвента, неистовавшаго въ Аррасѣ, гдѣ, не довольствуясь отправленіемъ, кого хотѣлъ, на эшафотъ,

Но этого мало. Убийцы эти сформированы были въ систематически организованный корпусъ, легіонъ, никогда и нигдѣ до того времени не существовавшій. Здѣсь былъ главный и подвѣдомственные ему начальники, отдѣлы, награжденія нѣсколькими золотыми, похвальными листами, повышеніемъ и т. п. Вступившій въ легіонъ, давалъ въ костелѣ присягу на лашеніе жизни кого бы приказано ни было. Тутъ же окроплялся Католическою Св. водой вручаемый ему кинжалъ, часто покрытый ядомъ, и т. д. Исчадія эти не принадлежали ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, а по тому не могли и заразиться тѣми чудовищными утопіями, которыя воспаляютъ до безумія членовъ такихъ ученій; напротивъ жандармы-кинжалщики были хладнокровными, слѣпыми исполнителями! вмѣстѣ съ тѣми чрезвычайно знаменательно и то, что на такую обязанность большое число изъявляло свою готовность,³⁸ и что до сихъ поръ обнаруживаются принадлежавшіе этой адской когортѣ, проживавшіе въ обществѣ, которое анало эти личности, но не указывало, пока секретная сыскная полиція не открывала ихъ. Какой богатый предметъ глубокаго философскаго наблюденія для людей, слѣдящихъ за развитіемъ человѣчества! Въ числѣ очень частыхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ газетахъ объ обнаруженіи такъ скрывающихся кинжалистовъ, замѣчательна корреспонденція изъ Варшавы, отъ 9 (21) Іюля сего года (С.-Пет. Вѣд., № 191, 15 Іюля, и перепечатанная въ Русс. Инв. и пр.). Свѣдѣніе это такъ важно и видимо висаю лицомъ, близко знакомымъ съ ходомъ дѣла, что я вношу здѣсь большую часть оваго:..... «До сихъ поръ еще отъ

простеръ онъ свой республиканское изступленіе еще далѣе; такъ, узнавъ, что въ городѣ есть попугай, проносящій слова: «Vive le Roi!» предалъ казни а е!»

³⁸ Здѣсь замѣчательно еще и то значительное число Нѣмецкихъ фамиліи (какъ говоритъ одинъ изъ современныхъ мятежу журналовъ), бывшихъ въ составѣ жандармовъ-вѣшателей и участвовавшихъ въ другихъ тяжкихъ по мятежу преступленіяхъ. Это такъ поразительно, что, принявъ въ соображеніе численность Поляковъ и Нѣмцевъ, процентъ злодѣевъ изъ сихъ послѣднихъ даже превышаетъ процентъ изъ первыхъ. Желательно бы видѣсь здѣсь дѣйствительно только одні Нѣмецкіи фамиліи, но сроднившіяся съ Поляками посредствомъ Католичества . . . Предметъ, требующій ближайшаго разъясненія; но тутъ ея не мѣсто.

времени до времени открываются иногда совершенно неожиданнымъ образомъ дѣйствія бывшихъ членовъ революціонной организаціи, скрывавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ ложными именами. Такъ, на примѣръ, Варшавскій старшій Фельдшеръ, Леонъ Длугошъ, былъ высланъ на жительство въ Имперію, подъ именемъ Петра Орловскаго, какъ простой мятежникъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ. Въ г. Уфѣ Длугошъ принялъ Православіе. Многие изъ Русскихъ выразили, въ слѣдствіе этого, живое участіе къ нему и по тому предоставили мѣсто при Уфимскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ онъ служилъ подъ именемъ Петра Орловскаго до настоящаго года. Въ началѣ текущаго года Варшавскимъ властямъ сдѣлалось извѣстнымъ, что бывший Офицеромъ и начальникомъ 2-го отдѣленія Варшавскихъ жаандармовъ-кинжалъщиковъ служить въ г. Уфѣ подъ именемъ Петра Орловскаго. Вытребованный въ Варшаву мнимый Орловскій сознался, что онъ дѣйствительно Длугошъ; что еще въ 1862 году вступилъ въ составъ конскрипціонной организаціи, выполнялъ преступную присягу, а подъ конецъ того же года былъ уже возведенъ въ Сотники, какъ успѣвшій на вербовать цѣлую сотню кинжалистовъ. Въ Октябрѣ 1862 г. Длугошъ принималъ непосредственное участіе въ убійствѣ въ г. Плоцкѣ частнаго писца, Антона Юрчковскаго. Въ Маѣ 1863 года былъ поставленъ начальникомъ 2-го отдѣленія Варшавскихъ кинжалистовъ, подъ главнымъ начальствомъ Павла Ляндовскаго, передавашаго ему болѣе двадцати смертныхъ приговоровъ. По приказанію Длугоша убитъ кинжалъщикомъ его, Альбертомъ Рыхли, чиновникъ Магистрата, Скваронскій; убійцѣ Длугошъ заплатилъ за это около десяти рублей. Въ Августѣ 1863 года Длугошъ, съ Фельдшеромъ больницы «Младенца Иисуса», Львомъ Квабишевскимъ, отравилъ кинжалы почти всѣхъ Варшавскихъ кинжалъщиковъ ядами и злокачественными матеріалами. Подчиненный Длугоша, ремесленникъ Александръ Тхуржницкій, снабженный отравленнымъ кинжаломъ, ранилъ, въ Маршалковской улицѣ, Доктора 3-й гвардейской артиллерійской бригады, Мессершмидта. 23 Сентября (5 Октября), 1863 г., кинжалъщики Длугоша убили, по приказанію послѣдняго, Доктора Германа, остановившагося въ Европейской гостинницѣ. Главному убійцѣ, столяру Антону Новаковскому, управлявшему дѣйствіями прочихъ, Длугошъ заплатилъ около ста рублей. Въ

концѣ Ноября, 1863 г., Длугошъ, по порученію Ржонда, выѣхалъ въ Радомскую Губернію, съ цѣлію учредить въ разныхъ городахъ жандармовъ-книжальщиковъ, что, впрочемъ, ему удалось сдѣлать только въ двухъ мѣстечкахъ. Наконецъ, избѣгая поимки, примкнулъ къ шайкѣ Босака (Гауке), по разбитіи коей арестованъ и подъ именемъ Петра Орловскаго высланъ въ Имперію на жительство, принялъ въ Уфѣ Православіе, получилъ казенное мѣсто и чуть было не женился на одной довольно богатой Дворянкѣ дѣвицѣ. Далѣе корреспондентъ, М. У., между прочимъ упоминаетъ еще такимъ же образомъ о высланномъ въ Россію Александрѣ Водзвыцкомъ, мятежническомъ Офицерѣ, совершившемъ нѣсколько самыхъ безчеловѣчныхъ убійствъ въ бандѣ Копоновича, который тоже, переселившись въ Россію, принялъ Православіе и состоялъ домашнимъ учителемъ. Сколько же осталось еще Длугошей и Водзвыцкихъ въ Россіи? Какія сѣмена бросаютъ у насъ на почву, до того чуждую подобнымъ посѣвамъ! Какой богатый предметъ къ развитію! О немъ можно бы поговорить пространнѣе, но обращаюсь ближе къ настоящему.

И такъ, послѣ всего, этого можетъ ли кто рѣчь, чтобы, въ данный моментъ, коноводы адскихъ ученій и такъ расплодившіеся клубы демагоговъ, вдругъ не вздумали опять пустить въ ходъ такихъ злодѣевъ, въ которыхъ, какъ видѣли, недостатка не будетъ?

Неистовство Поляковъ достаточно засвѣдѣтельствовано Исторіей. Кроважандность ихъ въ большую Французскую революцію изумила даже и туземныхъ изверговъ. Вотъ что, между прочимъ, находимъ въ исторіи о Лазовскомъ, въ числѣ другихъ соотечественниковъ своихъ поспѣшавшемъ на Французскую бойню: ³⁹ «Онъ отличался звѣрствомъ и дерзостью между самыми неистовыми демагогами и былъ назначенъ Капитаномъ національной гвардіи, а 10 Августа, 1792 г., начальствовалъ артиллеріей, громившей Тюльерійскій дворецъ, и постоянно былъ въ головѣ самыхъ неистовыхъ сподвижниковъ этой кровавой поры. Онъ

³⁹ Weiss. Biographie univers. ou dictionnaire historique etc. Paris, 1841, in 8, 6 v.

умеръ, не дождавшись исполненія надъ нимъ приговора; ибо ужасы, совершавшіеся имъ, и въ ту пору изумляли всѣхъ. Этому злодѣю (продолжаеги Исторіи), Робесьеръ, въ Конвентѣ произнесъ похвальную рѣчь. Ему воздвигли памятникъ на Карусельской площади, подъ деревомъ свободы; но послѣ 9 Термидора трупъ его былъ вырытъ изъ могилы и брошенъ въ живодерню» (а la voigie).

Событія же 1830—1831 годовъ, но преимущественно 1863—1865, въ живой у насъ памяти. Тутъ неистовствовали не одни организованные жандармы-кинжалъщики и вѣшатели, но всѣ шайки, съ своими «Довудцами» и Ксѣндзами: ужаснѣйшія пытки, распарываніе живота, сдираніе кожи, выкалываніе глазъ, обрубиваніе членовъ, огонь, повторительные удары книжаломъ, ядъ и т. п. истязанія ⁴⁰ предшествовали окончательному умерщвлению: повѣшеніемъ въ нѣсколько приемовъ, часто за ноги, за ребра, съ подложеніемъ огня, закапываніемъ въ могилы живыхъ, пригвожденіемъ къ деревьямъ и другими казнями изощреннаго звѣрства. Ни беременныя женщины, ни дѣти, ни младенцы, ни лица глубокой старости, не были изъяты: злодѣйство царило по всему крамольному краю.

И такъ изъ всего приведеннаго нельзя сказать въ строгомъ смыслѣ, чтобы злодѣйскія покушенія 4 Апрѣля и 25 Мая

⁴⁰ Изъ множества истязаній, бывшихъ у варваровъ и давно исчезнувшихъ, неловко останавливаешься на распарываніи живота (обычай этотъ существуетъ у Японцевъ, но они распарываютъ его сами себѣ, а это другое дѣло): не возобновлено ли оно Польскимъ духовенствомъ, какъ бы въ отмщеніе за то, что многіе изъ ихъ собратій Католическихъ монаховъ были подвергнуты этому тѣмъ, что ихъ вѣшали; такъ, на прим., Балацъ, Сялокъ, Ольдекоркъ, Томасъ Гарне и двое другихъ Гарне, Баларъ и другіе братія, какъ значится въ Езуитскомъ календарѣ? Но здѣсь разница въ томъ, что это потрошеніе предъ повѣшеніемъ совершалось за тяжкія преступленія, за покушеніе на Цареубійство, а въ послѣдній мятежъ Ксѣндзы подвергали тому мирныхъ поселянъ, не раздѣлявшихъ съ ними злодѣйскихъ замысловъ и вѣрныхъ присягъ, плѣнныхъ, огражденныхъ большинмъ или меньшимъ неприкосновеніемъ у самыхъ варварскихъ народовъ, нашихъ Православныхъ Священниковъ и т. д. Впрочемъ, позорнѣе всего Римскаго Католическаго Духовенства въ разныхъ орудіяхъ и при-

(какъ равно и большая часть выше изчисленныхъ за послѣднее время) были произведены членами какого либо высшаго тайнаго общества, пропитанными различными увлеченіями, вычитанными въ доктринахъ. Исключая Орсини, всѣ остальные могутъ скорѣе быть болѣе или менѣе причислены къ разряду жандармовъ-кинжалщиковъ, подготовленныхъ и возбужденныхъ на градами и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опять нельзя и отвергать, чтобы Березовскій не былъ орудіемъ своихъ соотечественниковъ демагоговъ (сгучивающихся разными шайками около выходцевъ аристократовъ, наведшихъ его прямо, или косвенно, на это ужасное покушеніе). Мы видѣли, что одинъ изъ этѣхъ аристократовъ, Князь Сапѣга, предсѣдательствовалъ на конгрессѣ въ Дрезденѣ, гдѣ рѣшено было отправить убійцъ на трехъ Государей; слѣдовательно, тутъ является господствующею цѣлью «ученіе Цареубійства,» и это, по моему мнѣнію, подкрѣпляется тѣмъ уже, что у Березовскаго, независимо отъ разныхъ выписокъ, найдено было нѣсколько сочиненій, проповѣдующихъ это ученіе; стало быть, они имѣли положительное вліяніе на его рѣшимость къ покушенію, по крайней мѣрѣ, въ несравненно большей степени, нежели мысль спасенія «ойчизны.» Эта послѣдняя могла быть ему внушаема, статья можетъ, даже и изъ подъ руки только; а чтобы утвердить его въ оной, доставлены были ему и книги, писанныя ихъ святыми отцами. Французскіе слѣдователи, а за ними и судъ, краснорѣчиво выставили жалостное, самое бѣдственное, положеніе злодѣя, долженствовавшаго заложить послѣднее свое пальто, чтобы купить пистолеть, но не видно, чтобы они обслѣдовали, откуда онъ заимствовался упомянутыми сочиненіями о Цареубійствѣ?... Такія сочиненія всегда были очень цѣнны, а тѣмъ болѣе въ настоящее «время, да еще и во Франціи:» платятся во сто и болѣе разъ противъ обыкновенныхъ цѣнъ на книги. На какія же средства онъ приобрѣлъ ихъ, и гдѣ? Ибо онѣ могли продаваться не иначе, какъ тайно; или наконецъ, кто могъ ему дать оныя? Но не только это, а даже не обслѣдованъ и кругъ его знакомства.⁴¹ Но довольно о

ложеніи ихъ къ дѣлу для изясненія имѣеть богатый источникъ въ описаніи пытокъ, совершившихся въ инквизиціяхъ.

⁴¹ Также темными остались и средства, доставившія ему возможность быть въ

семь; каждый, имѣющій здравый смыслъ, сдѣлаетъ евре за-ключеніе.

Относительно же покушенія Каракозова, то, при совершенномъ отсутствіи тѣхъ причинъ, которыя могли руководить Березовскаго, какъ Поляка, нашъ злодѣй вспо выходитъ изъ кружка доморощенныхъ демагоговъ, принявшихъ ученіе, проповѣдуемое на Западѣ. Ужасаешься, читая приговоръ Верховнаго Суда, 24 Сентября, надъ тридцатью четьрьмя лицами, попавшими подъ отвѣтственность по покушенію Каракозова. Какое, сочетаніе личностей! Не ясно ли и то, что одно только покушеніе Каракозова, приведенное уже въ исполненіе, и, къ счастью, Провидѣніемъ отклоненное, было единственнымъ поводомъ къ обнаруженію этого сборища! Иначе, общество бы зрѣло, увеличивалось, и тогда, можетъ быть, нашло бы и руководителей.... И какія преступленія тяготѣютъ надъ обвиненными! Такъ, одинъ изъ нихъ, для полученія средствъ къ развитію общества, вызывается убить отца своего и захватить его деньги, и для какой цѣли!

Изъ сего опять видно, какъ это было уже замѣчено и въ 1849 году, по случаю дѣла Петрашевскаго, что корень этого зла разросся крѣпко. Ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собой весь воздухъ общественной жизни нѣкоторыхъ сословій народа, или, вѣрнѣе сказать, то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, а съ идеями не иначе можно бороться, какъ также идеями, противъ-вспоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе просвѣщеніемъ настоящимъ, обращая училщное преподаваніе и самую письменность въ орудіе, разби-вающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или лучше сказать, сумасбродства. Подобная борьба—единственное спасительное средство; ⁴² это доказано было въ

торжественномъ спектаклѣ (gala), билеты на который роздаются лицамъ навѣстнымъ, а при томъ за чрезвычайно возвышенную цѣну.

⁴² Но естьли у насъ какой либо журналъ, органъ для здраваго направленія умовъ

1849 и 1850 годах, когда коммунизм и подобныя ученія были сильно развиты утопіями Фурье, Прудона и имъ подобными лже-учителями. Людовикъ-Наполеонъ наводнилъ Францію разными, заказанными имъ, брошюрами, выставяющими смѣшную сторону поминутыхъ мечтателей, и ученіе ихъ пало. Не видимъ ли мы то же самое и у себя, когда разрѣшено было возражать печатно на издѣлія Герцена, пробивавшія къ намъ разными путями, которыхъ Правительство не могло преградить, и сводившихъ съ ума не одну молодежь? Нѣскольکو здравыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» было достаточно, чтобы образумить восторгавшихся Герценомъ «съ товарищи,» и изданія его пали. По моему крайнему разумнію, не должно стѣснять въ опроверженіи всего дикаго, появляющагося противъ Россіи; это одно средство, чтобы уничтожить то явленіе, которое могутъ произвести разсѣаемыя злостныя бредни. Я убѣжденъ опытомъ что какія бы мѣры Правительство ни принимало противъ распространенія такихъ сочиненій, они всегда проскользнутъ въ руки тѣхъ, кому не слѣдуетъ читать, и въ незрѣлыхъ, или легкихъ, умахъ своихъ усвоивать направленіе вредныхъ сочиненій. Но не то будетъ, когда разъяснится вся нелѣпость содержанія, и если не совершенно изгладится у нихъ первое впечатлѣніе, то значительно будетъ уже поколеблено. Многіе безсознательно приписываютъ настоящее броженіе умомъ «духу времени.»⁴³

общества? Нѣтъ такого, который бы не прилеталъ къ своимъ, иногда и дѣльнымъ, взглядамъ, политической болтовни и т. д. Какія сочиненія въ послѣднее время появились у насъ? Какими литературными издѣліями, въ 10 и 15 к., питаютъ народъ нашъ Впяги Атраксіана двора, въ Москвѣ Никольской, Толкучки и т. п? Библиотеки выставлены на улицахъ почти на каждомъ шагѣ, ва. пр., у Подлицейскаго Моста, на каждомъ изъ четырехъ угловъ оваго воставлены будочки съ книгами, въ Москвѣ по Воскресеньямъ у Сухаревой Башни и на Смоленскомъ Рынкѣ? Размноженіе такого сбыта доказываетъ, что народъ требуетъ пищи; но не слѣдуетъ ли питать его пищей здоровой, а не той, которой питаютъ ее лари, будки, лотки и спичечники, развостлице въ коробахъ такіа книжка?

⁴³ Это пресловутое выраженіе, усвоенное многими, часто служитъ преградой должной предусмотрительности. По моему крайнему разумнію, это избитое выраженіе: «духъ времени», въ томъ смыслѣ, какой часто оному придаютъ, есть

М. П. Погодинъ, какъ мы видѣли, сказалъ: «Наконецъ оглянемся!» Да, дѣйствительно должно оглянуться, но не будемъ оглядываться въ давнопрошедшее, а обратимся только лѣтъ за пять назадъ, и при томъ къ предмету, водводящему къ знаменательной передовой статьѣ его, помѣщенной въ газетѣ: «Русскій» (Мая 29). И такъ:

выраженіе людей неспособныхъ и приписывающихъ все року, чтобы не сказать, не имѣющихъ въ себѣ основанія. «Противъ увлекательной силы этого «духа времени» говорятъ они: «вѣтъ преградъ, и человѣческая сила не остановитъ его!» Но Исторія опровергаетъ эти аподегмы и указываетъ, что во всѣ времена такой духъ проявлялся только тамъ, гдѣ Правительственные лица не слѣдили за ходомъ событій и бразды управленія находились въ рукахъ временщиковъ безъ Государственныхъ способностей, чуждавшихся людей, коротко ознакомленныхъ съ разными отраслями управленія, и окружавшіе себя лицами или неспособными, или льстивыми, вѣщущими только стезей для возвышенія. Подобные сажовники, кичливые по своему положенію, не вникали въ смыслъ училищныхъ преподаваній, какъ основы будущности. Вѣра, единственная сила, омпряющая животную природу человѣка, была ими какъ бы забыта, при ослѣдственномъ распространеніи демагогическихъ ученій однихъ другихъ ужаснѣе. Они не вникали въ поплмя и справедливымъ жалобамъ, а по тому не ввухали къ себѣ до вѣрїя народу, въ понятіи коего такіе сановники предавались безотчетному управленію. Подобный порядокъ вещей неминуемо вызывалъ вражду къ существующему положенію и въ геометрической пропорціи плодиль недозволенныхъ. Наше отечество изъято изъ общахъ правилъ другихъ Государствъ, У насъ всякая несправедливость, всякое стѣсненіе, есть зло, не приписываемое Государю; Его почитаютъ за источникъ одного добра, остальное же все приписывается исполнителямъ. Не то въ другихъ Государствахъ: тамъ все относится къ главамъ оныхъ. У насъ подвигнуть народъ прямо противъ Царя—немыслимо: сколько поговорокъ у Русскаго народа, оправдывающихъ выше сказанное! И такъ, не «духъ времени», а недостатокъ разумныхъ и прозорливыхъ властей, былъ всегда причиною или совершеннаго паденія, или горестныхъ переворотовъ въ Государствахъ. Но и самыя политическія направленія зависятъ отъ случайностей; эти послѣднія пораждали тотъ, или другой, «духъ времени.» Не прибѣгая къ исторіи, возьмемъ намъ современное: не подай Русскіе цомощи Австріи въ 1849 году, пламя, объявшее въ ту пору всю Европу, довело бы ее до безурядицы, которая, можетъ быть, превзошла бы своими явленіями большую Французскую революцію. Отбей мы второе нападеніе на Севастополь, и вообще дѣйствующъ сообразно съ обстоятельствами, неминуемо долженствовавшими понудить Союзниковъ оставить Черное море, тогда и «духъ времени» былъ бы не тотъ, который послѣдовалъ за нимъ, въ особенности при совокупленіи бѣдствій, послѣдовавшихъ тотчасъ отъ наводненій во Франціи и отъ возстанія Пидіи противъ притѣснителей ея, Англичанъ. Не оплошай Австріяды при Сольферидѣ, не было

Знало ли высшее Правительство объ огромныхъ приготовленіяхъ къ послѣднему мятежу въ Царствѣ Польскомъ и въ девяти Западныхъ Губерніяхъ, гдѣ въ каждой, независимо ить Губернскихъ полицій, находился и офиціальнѣй бдитель, въ званіи Губернскаго жандарскаго Штабъ-Офицера? Одинъ, уже извѣстный, адресъ Подольскаго Дворянства долженъ былъ обратить вниманіе, и, за всѣмъ тѣмъ, не было замѣчено, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ костелы превращались въ арсеналы и пѣлись гимны, подстрекающіе противъ Правительства; что у многихъ помѣщиковъ бывали многочисленныя сѣвды; что собирались въ склады: порохъ, оружіе; шились чамарки, конфедератки; изготовлялись боевыя снаряды, древки для косъ и копій; что патріотки вышивали знамена, приготовляли корпію, облакались въ трауръ и т. д. Если всѣ помянутыя лица, поставленные на стражу охранять Государство отъ безпорядковъ, и безчисленное множество Чиновниковъ по особымъ порученіямъ при двухъ Генералъ-Губернаторахъ, девяти Губернаторахъ и т. д., непрерывно сновавшихъ по краю, не могли, не умѣли (наконецъ, пусть были и такіе, которые не хотѣли) проникнуть въ господствующій мятежный духъ общества, то, съ другой стороны, вѣдъ все, выше исчисленное, было уже слишкомъ осязательно, чтобы не возбудить вниманія и не пробудить дремоты! А вотъ и болѣе: въ 1846 году, въ Парижѣ, было напечатано на Польскомъ языкѣ наставленіе, "какъ должно исподоволь приготовляться

бы того волненія умовъ, которое послѣдовало за тѣмъ. Не отвѣчай Россія мощно на угрозы Европы во время послѣдняго мятежа Поляковъ, конечно, демагогическіе проски породили бы «духъ времени» не тотъ, который послѣдовалъ за снмъ. Наконецъ, восторжеству Австріицы при Садоевой, развѣ настроеніе умовъ въ Европѣ было бы то же, какое оно въ настоящее время, и «духъ времени», конечно, былъ бы уже не тотъ. Случайность, личныя способности и мощъ власти создаютъ и направляютъ «духъ времени», о которомъ такъ кричатъ прогрессисты и такъ подчиняются фаталисты и т. д. Собственно въ моемъ понятіи и отѣхъ нѣсколькихъ доказательствъ достаточно въ опроверженіе безсознательнаго выраженія «духъ времени», въ томъ смыслѣ, какъ оно нѣкоторыми прикладывается къ развитію идей, которыя въ благоустроенномъ обществѣ должны быть обуздываемы; иначе же ихъ должно относить къ неспособности мыслить, или еще болѣе, къ зловерности. Довольно о семъ: какъ частный человекъ, можетъ быть, я сказалъ уже и много лишняго.

²⁴ Regulamina piechoty, kawalerii, i artillerii, z instrukcyą, wraz dla powstania etc.

къ неотмѣнно имѣющему послѣдовать возстанію въ нашихъ Западныхъ Губерніяхъ; какъ мало по малу обучаться военнымъ эволюціямъ для всѣхъ родовъ войскъ; какъ скрывать это отъ Москалей; словомъ, инструкція эта была бы достойна имѣть лучшихъ учениковъ, нежели мятежниковъ. Она была распространена повсюду и составляла довольно объемистую брошюру, распространена такъ; что мы, частныя лица, могли видѣть не безъ особеннаго затрудненія. Въмѣстѣ съ симъ, что же сказать о столь извѣстномъ «Польскомъ Катихизисѣ», такой же объѣма, гимнахъ и другихъ такихъ же изданіяхъ, неумѣстно пазываемыхъ «подпольными!» Напротивъ: ихъ можно было пріобрѣтать и здѣсь, въ Петербургѣ, у Апраксистовъ, разумѣется, за извѣстную цѣну, и множество тому подобнаго. Но всѣ мѣстные блатели (исключая, конечно, Чиновниковъ-соучастниковъ, а ихъ было не мало) узнали о возстаніи тогда только, когда въ данное мгновеніе въ одну ночь, въ одинъ часъ, на огромномъ пространствѣ Царства и Западныхъ Губерній, внезапно, какъ бы изъ земли, выросли мятежныя шайки (заблаговременно сосредоточившіяся въ указанныхъ мѣстахъ) въ нѣскольکو сотенъ, тысячь человекъ, съ погъ до головы вооруженныя, снабженныя лошадьми, одѣтыя большею частію въ единообразную приготовленную форму повстанцевъ, и предалися варварскому избіенію безопасно погруженныхъ въ сонъ нашихъ Офицеровъ и солдатъ! Пусть въ Царствѣ Польскомъ, имѣвшемъ свою полицію, составленную, какъ оказалось, изъ заговорщиковъ и при тогдашнихъ условіяхъ управленія, это, пожалуй, и могло случиться; но въ Западныхъ Губерніяхъ, управляемыхъ общимъ Государственнымъ строемъ; и хотя и тутъ не мало было подобныхъ Чиновниковъ, но все таки это загадочно!! Здѣсь, однако же, слѣдуетъ замѣтить, что такія опущенія произошли не по тому, чтобы лица, стоявшія въ главѣ этѣхъ обязанностей, не понимали оныхъ: упрекать ихъ въ томъ безусловно нельзя. Только одно главное мѣстное начальство могло бы дѣйствовать съ большою зоркостью и мощію, какъ относительно терпимости самыхъ дерзкихъ манифестацій (о которыхъ скажемъ нѣсколько словъ да-

etc. Paris, 1846. Брошюра болѣе трехъ сотъ страницъ мелкой убористой печати. Замѣчательно въ ней и предисловіе.

лѣе), такъ и употребленія уроженцевъ Католиковъ въ различныя должности, особенно, повторяю, послѣ адреса Подольскихъ Дворянъ, манифестаціи и повсемѣстно распущенныхъ революціонныхъ печатныхъ изданій; но и здѣсь опять должно обратиться назадъ и съ грустью вспомнить ту пору, когда Польская партія пользовалась какимъ-то значеніемъ, преимуществомъ предъ Чиновниками Русскаго происхожденія... Указанія же изъ Петербурга лицами, имѣвшими право обращать вниманіе мѣстной власти, по доходившимъ до нихъ свѣдѣніямъ, по многоразличнымъ причинамъ не достигало благотворной цѣли; ибо дѣйствовать въ этомъ случаѣ не иначе можно было, какъ съ участіемъ главнаго мѣстнаго начальства края; а если у него исполнителями были большею частію туземцы Католики, ⁴⁵ въ такомъ случаѣ все сообщенное не только что было бы опровергнуто, ⁴⁶ но и придало бы заговору болѣе таинственности, указавъ на предметъ, сдѣлавшійся уже извѣстнымъ, а равно и на лица, сообщавшія объ ономъ. ⁴⁷ Таковой исходъ (а онъ всегда бывалъ таковымъ) только освящалъ заговорщиковъ. Отдѣльное же взятіе подъ стражу

⁴⁵ А въ столицѣ, въ ближайшихъ Вѣдомствахъ, лица въ нѣкоторыхъ степеняхъ вліянія того же исповѣданія и происхожденія, слѣдовательно, не совершенно чуждыя Польскаго Катихизиса и т. п.

⁴⁶ Дало Минкевича, нынѣ объявленное во всеобщее свѣдѣніе, торжественно доказываетъ, какъ мѣстныя власти опровергали все, доходившее до Петербурга.

⁴⁷ Я знаю по опыту, что указаніе иного Вѣдомства, хотя и облеченнаго на то властію, всегда не нравится главною мѣстной власти, а по тому замѣченное у ней уцущеніе старается показать, что «хотя и имѣло о томъ свѣдѣніе, но, по устроенному наблюденію, не видать ни чего тревожнаго,» а за тѣмъ в подчиненные, появивъ положеніе главнаго своего начальника, назначенные для содѣйствія прибывшему лицу, будутъ, безъ всякаго даже соучастія въ злоначивности, на каждомъ шагу возбуждать пренитствія, а иногда идутъ и далѣе. Различіе Вѣдомствъ, одного другому не подчленимыхъ, составляетъ тормазъ, задерживающій ходъ къ благосостоянію; такъ, если сегодня у меня воротникъ мунаира черный, а завтра другого цвѣта, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, перемѣняется и взглядъ на дѣло, которое на канунѣ я видѣлъ иначе, чѣмъ на другой день. Объ этомъ можно бы было сказать многое, но здѣсь замѣчу только, что когда соединяются разсуждать о дѣлахъ общихъ, то тотъ, кто болѣе другихъ владѣетъ даромъ слова, а иногда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и иными условіями, одерживаетъ верхъ и т.д.

одного лица, принадлежащаго тайному обществу, имѣвшемуся уже въ виду, прежде, нежели все общество открывалось, служило знакомъ быть поосторожнѣе, припрятать то, что могло бы послужить къ обличенію.

Да и какъ объяснить равнодушіе главныхъ мѣстныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ Губерніяхъ, смотрѣвшихъ, въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ, на приготовлявшійся мятежъ уже не одними тайными путями, но прямо дерзко заявившій себя въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, явно враждебными демонстраціями, дошедшими наконецъ до того, что изъ одной такихъ уличныхъ демонстрацій, сосредоточившихся около Дворца, отправлены были депутаты (въ числѣ ихъ изъ первыхъ былъ сапожникъ Гишпанскій), ⁴⁸ съ требованіемъ (!) прекратить дѣйствія Правительственной полиціи и предоставить эту часть народному собранію!!! И что же? Негодяи этѣ, подъ жерлами Александровской цитадели, въ присутствіи войскъ, наполнявшихъ городъ, были удовлетворены!!! Слышишь и читаешь о всемъ, тогда совершившемся, на улицахъ, площадяхъ, около извѣстныхъ костеловъ, на разныхъ пространствахъ Царства и Западныхъ Губерніяхъ, предъ лицомъ главныхъ начальниковъ, предъ собраннымъ войскомъ, и рѣшительно теряешься въ заключеніяхъ: какимъ образомъ все это могло происходить, и дѣйствительно ли происходило? ⁴⁹ Къ сожалѣнію и удивленію, все сказанное не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Въ продолженіе двухъ лѣтъ злоумышленники бушевали открыто, заставляя наши мѣстныя власти унижаться передъ ними, какъ говорится: «плясать по дудкѣ отъявленныхъ измѣнниковъ.» Какая была причина тому, сдѣсь я не разбираю, тѣмъ болѣе, что происшедшія въ продолженіе двухъ лѣтъ буйства засвидѣтельствованы правительственно печатнымъ

⁴⁸ Замѣчательно, что въ каждомъ изъ послѣднихъ мятежей Поляковъ (1794, 1830 и 1863) сапожники играли одну изъ первыхъ ролей.

⁴⁹ Да проститъ меня читатель, если описываемое можетъ казаться мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ: я принадлежу другой порѣ, словомъ, той, которая видѣла на опытѣ извѣстныхъ привѣтствій «падамъ до ногъ; цѣлую паньски ручки» и т. п., словомъ, пору отъ Тильзитскаго мира до 1815 года.

словомъ. Изъ такихъ свѣдѣній, не подлежащихъ уже ни какому сомнѣнію, по преимуществу обращаетъ на себя вниманіе статья: «О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ,» помѣщенная въ Читеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865 года, въ 1-й книгѣ. Изъ содержанія статьи видно, что составитель ея былъ близкимъ свѣдѣтелемъ и глубокимъ изслѣдователемъ. Въ книгѣ: «Всеподданиѣйшій отчетъ Генералъ-Полиціеімейстера въ Царствѣ Польскомъ за 1865 годъ,» и пр., съ замѣчательною точностію изложены всѣ помянутыя событія, и наконецъ, въ текущемъ, 1868, году, въ «Русскомъ Инвалидѣ» помѣщенъ рядъ записокъ другого очевидца, Г. Подвысоцкаго (вышедшія и отдѣльно). Записки эти знакомятъ съ событіями послѣдовательно, начиная съ 1860 года. Сдѣсь подробно изложены мельчайшія подробности, приложены полные тексты мятежныхъ объявленій и воззваній и нашихъ распоряженій, какъ въ самой Варшавѣ, такъ и на всемъ пространствѣ Царства, въ продолженіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ этому движенію въ 1863 году. Г.-М. Ратчъ, въ книгѣ своей собралъ много о подготовленіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ къ послѣднему мятежу. Но съ событіемъ этимъ знакомятъ въ особенности Г.-М. Цыловъ, въ книгѣ: «Сигизмундъ Сѣраковский и его казнь, съ предшествовавшими Польскими манифестаціями, въ Вильнѣ въ 1861—1863 годахъ. Изъ дѣлъ Виленской Слѣдственной Комисіи по политическимъ дѣламъ составилъ Н. Цыловъ. Вильна, 1867 года.» Сочинитель былъ Предсѣдателемъ помянутой Комисіи, а по тому, независимо отъ своего просвѣщенія и опытности, имѣлъ всю возможность начертить вѣрную исторію этого событія. Въ брошюрѣ этой болѣе всего замѣчательно терпѣніе, которое оказывала, въ продолженіе двухъ лѣтъ, мѣстная главная власть края, оставаясь равнодушною зрительницей такихъ враждебныхъ гласныхъ проявленій Правительству, которымъ дѣйствительно трудно было бы дать вѣру, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ, повторяю, полной войскою и подъ жерлами орудій Александровской цитадели. Послѣ же помянутыхъ Правительныхъ заявленій сомнѣваться уже нельзя.

При такихъ манифестаціяхъ, продолжавшихся болѣе двухъ лѣтъ, тайной полиціи не много уже оставалось труда проникать въ тайные замыслы: замыслы были на площадяхъ, коноводы и

дѣятели на лицо и извѣстны. Это не то, что въ то же время происходило въ Петербургѣ отъ спрятавшагося за кулисы отъ ея наблюденій, знаменитаго Іоасафата Огрызка. Не подвизался ли онъ въ кругу разныхъ сословій? Вращаясь среди образованнаго общества снискивалъ покровительство, получалъ пособія и себѣ и другимъ, имѣлъ довѣріе у разныхъ лицъ (и при томъ замѣчательныхъ) для своей цѣли и, находясь на службѣ, въ сферѣ довольно высокой для личныхъ распоряженій, вмѣстѣ съ симъ не былъ ли онъ главой тайнаго общества въ Петербургѣ? Не имѣлъ ли онъ постоянныхъ членовъ этого злоумышленнаго общества въ разныхъ другихъ мѣстахъ, и не велъ ли съ ними дѣятельной переписки? Не умѣлъ ли онъ, на основаніи Польскаго Катихизиса, снабжать себя офиціальными порученіями по службѣ въ мѣста, гдѣ открывалась ему необходимость быть для личнаго совѣщанія съ соумышленниками? Не совершалъ ли всѣ эти поѣздки на счетъ Русскихъ казенныхъ денегъ, получая подъемныя и прогоны? Не былъ ли онъ такъ не только что въ разныхъ Великороссійскихъ и Западныхъ, Губерніяхъ, но и въ Царствѣ Польскомъ, даже въ Краковѣ? Не отпра- влялъ ли онъ изъ Петербурга начальниковъ шпеевъ изъ лицъ военныхъ, въ званіяхъ уже извѣстныхъ? Не давалъ ли онъ имъ средствъ и направленій? Не пріобрѣталъ ли адептовъ, заражавшихъ общество своими утопіями, и множество тому подобныхъ подвиговъ, совершавшихся имъ въ области дѣятельности тайной полиціи, которая должна была имѣть уже его въ виду, какъ недавно предъ тѣмъ сидѣвшаго въ крѣпости по подобному же дѣлу? ⁶⁶

А пожары, а подметныя письма и даже печатныя подстрекательныя воззванія, не появлялись ли сдѣсь всюду? Молчу обо всемъ, что было подобнаго въ различныхъ мѣстахъ и въ столицѣ. Было ли открыто пребываніе сдѣсь Кельсіева и Богъ знаетъ еще кого? Открыты ли направлявшіеся поджоги? Извѣстны ли передаватели въ заграничную печать секретныхъ бумагъ разныхъ Вѣдомствъ, не одной, не двухъ, а цѣлыми архивами и т. д.?...

⁶⁶ Все сіе засвѣдѣствовано офиціально, печатно, но, къ несчастію, тогда, когда все уже совершилось.

Если что и открывалось, то уже послѣ, когда зло было совершено, и на что наводила одна случайность, одна неосторожность злодѣевъ.

Конечно, высшія тайныя полиціи вездѣ устраиваются на основаніи условій, собственно принадлежащихъ той странѣ, въ которой онѣ должны дѣйствовать.³² Условія этѣ основываются на глубокомъ изученіи всѣхъ обществъ и на умѣннй проникать личности. Съ обнаруженіемъ злодѣевъ и ихъ кружковъ во Франціи, не скрываютъ и тѣхъ, которые благонамѣренностію своею могутъ содѣйствовать къ сохраненію порядка. Англія и Франція безспорно имѣютъ едва ли не лучшія тайныя полиціи; но, не взирая на то, что

³² Во время Конвента, одруживъ начальники должны были ежемѣсячно представлять въ оный особенный родъ таблицы всему народонаселенію вѣршенной части дѣлъ управленія. Изъ этѣхъ таблицъ, по подраздѣленіямъ своимъ, часто очень пространнымъ, въ Конвентѣ дѣлались извлеченія на одну, а много на двѣ, страницы; что совершенно и удовлетворяло Правительство; ибо этими показывали дѣла малолетства и дѣла и недоброжелательствующихъ матеріаловъ (не называя личностей, что было дѣломъ особыхъ комиссіоновъ), и по тому давало полную возможность принимать тѣ, или другія, мѣры. Съ назначеніемъ Бонапарта Консуломъ, таблицы этѣ получили болѣе единообразную форму, а по тому и извлеченія изъ оныхъ сдѣлались легче. Такъ это продолжалось до принятія имъ титула Императора. Тогда, упоенный счастьемъ, Наполеонъ сталъ уже болѣе заботиться о благополучіи народа, не искалъ предупреждать легкія шалости, ароматизировавъ часть дѣлъ случайностей и, г. д.; онъ считалъ себя задекорировать: таблицы начали сосредочиваться у хитраго и себя на умѣ Фуше; потомъ у неспособнаго по этой части Савари, и Наполеонъ началъ впадать въ одну послѣ другой ошибки, не зная даже о господствовавшемъ мнѣніи своихъ войскъ. Я нигдѣ слышалъ, во время пребыванія моего въ Регенъ (съ 1815 по 1819 г.), видѣть этѣ таблицы у своего козлина, Дю Ба де Франсе, бывшего Военнаго Министра въ ономъ терроризмѣ, и, следовательно повѣряя, безъ таковыхъ таблицъ нѣтъ возможности имѣть полное понятіе о градѣ, которымъ начальствуютъ; всякая предпринятая безъ нихъ мѣра будетъ мѣрою «на удачу». Въ 1827 году, въ родѣ такихъ таблицъ, составились Австрійскимъ Консуломъ Япкою, въ Придунайскихъ Княжествахъ, о чемъ въ свое время, кому слѣдуетъ, было много доложено, съ приложеніемъ копій одной изъ нихъ о Молдавіи. Имѣвшійся у меня оригиналъ извлеченій изъ такихъ таблицъ Франціи я передалъ Графу Перовскому; онъ сознавалъ необходимость оныхъ, поручилъ составить по разнымъ Губерніямъ требовательныя данныя, которыя и были сдѣланы, но, въ слѣдъ за сими, оставилъ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

оба упомянутыя Государства отстоять одно отъ другого на нѣсколь-
ко десятковъ верстъ, двигатели и дѣйствія ихъ не одинаковы, а
сообразны съ законами, характеромъ сословій и т. п., такъ что
тѣмъ, чѣмъ можно достигнуть успѣха въ Англии, не успѣешь во
Франции, и обратно. " Въ Англии немислимо, чтобы начальникъ
тайной полиціи пугалъ вымыслами Главу Правительства, а во Фран-
ции это бываетъ, съ цѣлю сказать послѣ: «Я, дескать, приняты-
ми мѣрами устранилъ опасности!» Въ слѣдъ же за симъ слѣдуетъ
и признательность Главы.... Въ Англии агенты высшей тай-
ной полиціи весьма рѣдко извѣстны. Самъ агентъ дорожить мѣ-
стомъ (по одному тому уже, что съ онымъ сопряжено немалое
содержаніе); ибо разъ онъ узнавъ, тотчасъ исключается и те-
ряетъ навсегда возможность вступить по прежнему въ ту же долж-
ность. Во Франци и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ всѣ они бо-
лѣе или менѣе на перечетъ извѣстны, и не только что сами не
скрываютъ своего занятія, а какъ бы величаются онымъ, но и
употребляющіе ихъ мало о томъ заботятся: въ первой между по-
литическимъ агентомъ и сыщикомъ проведена рѣзкая черта, во
второй она не замѣтна и т. д.

Главная обязанность высшей тайной полиціи состоитъ глав-
ное въ томъ, что, наблюдая общій духъ и проникая въ суть дви-
гателей, она разбиваетъ скопляющіяся тучи, прежде нежели со-
единеніе ихъ разразится и произведетъ пожаръ. Она всегда была
одною изъ первыхъ отраслей управленія, по тому что, предна-
значаясь стоять на стражѣ Государства и охраненія Главы оного,
особенно же въ настоящее время, общающее въ будущности
еще болѣе сложности, а по тому и требующая въ устройствѣ
своемъ болѣе умозрительности и оытности.

И такъ мы оглянулись только за пять лѣтъ: не слѣдуетъ
ли теперъ взглянуть съ той же точки и на настоящее, а тамъ,
на основаніи этѣхъ двухъ взглядовъ, можно будетъ слѣдять, за-

⁹⁹ Я умалчиваю объ этой Правительственной отрасли въ Соединенныхъ Штатахъ,
гдѣ она дѣйствуетъ совершенно на другихъ основаніяхъ, не принадлежащихъ въ
Европѣ, какъ это можно видѣть изъ краткаго очерка въ «Финансахъ и Вѣдомо-
ствахъ», Августа 15-го, 1868 года.

ключеніе и о томъ, что это настоящее можетъ обѣщать въ будущемъ.

Въ настоящее время положеніе Западнаго Края изображается въ двухъ видахъ: Правительственныя свѣдѣнія, печатаемыя въ газетахъ, говорятъ, что въ немъ «все обстоитъ благополучно, край русѣетъ отъ приобрѣтенія Русскими землевладѣнія;»⁵³ что онъ умиротворяется и т. п., и доказательствомъ тому представляются многія изъ мѣръ, принятыхъ прежде для надзора: однѣ ослаблены, другія вовсе отиѣнены и т. д. Частныя письма, печатаемыя въ тѣхъ же газетахъ, и пріѣзжающіе изъ края, говорятъ иное. Торжественное празднованіе годовщины Барской Конфедераціи; проповѣди, произнесенныя по сему случаю проповѣдниками въ Парижѣ, въ числѣ которыхъ особенно отличался придворный духовникъ и великій раздаватель милости Императрицы Евгенія, выкрещенный Жидъ, Аббатъ Бауеръ; открытіе во Франціи, Австріи, Англіи, Швейцаріи Комитетовъ о возстановленіи «единой Польши въ границахъ 1772 года;» торжество въ Жолковѣ надъ памятникомъ Іоанна Собіевскаго, въ присутствіи Намѣстника Галиціи, Графа Голуховскаго, гдѣ произнесено было множество рѣчей въ помянутомъ духѣ; пріемъ, оказанный Князю Сапѣгъ Наполеономъ, въ особенности же Императрицей, при представленіи его Императоромъ Францомъ-Іосифомъ; шнырянье Принца Наполеона, проповѣдывателя смуть: все это, съ неумолкаемой печатью въ томъ же направленіи, не могло не имѣть вліянія на извѣстную легковѣрность Поляковъ, — и она отражается въ нихъ, по засвѣдѣтельству помянутыхъ писемъ, по мѣрѣ послѣдовательности получаемыхъ, часто и вычитываемыхъ въ газетахъ, свѣдѣній, а свѣдѣнія эти идутъ въ возрастающемъ направленіи.⁵⁴ Такъ,

⁵³ Этотъ доводъ, въ основаніи своемъ, очень шатокъ. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ вводится, такъ называемое, Русское землевладѣніе, послѣднее не обѣщаетъ рѣшительно ни какой пользы; ибо въ этомъ край Русскій элементъ и Православіе господствуютъ надъ Католичествомъ въ-четверо, но тамъ нужна Русская интеллигенція, которая бы сопоставлялась Панамъ и Ксандзамъ, безъ чего разведется, въ замѣтъ, Русская Шляхта.

⁵⁴ Знаю много Канцелярскій строй, и въ особенности, что относится до Запад-

на примѣръ, въ Іюлѣ 1868 года, пишутъ, что въ Западныхъ Губерніяхъ Польскій языкъ началъ опять господствовать тамъ, гдѣ онъ не могъ быть и былъ запрещенъ; что трауръ дѣлается опять перѣдкостью; что проглядываютъ и вещицы, носившіяся во время повстанья; что въ Варшавѣ, послѣ извѣстнаго поступка двухъ вышшаго сословія барынь, не вставшихъ, по обычаю, при пѣніи въ театрѣ гимна: «Боже, Царя храни!» и оставшихся безъ наказанія, начали проявляться уличныя, вначалѣ мелкія, какъ и предъ послѣднимъ мятежомъ, дерзкія выходки молодежи, что вообще (какъ это свидѣтельствуется всѣми и пріѣзжающими) въ тамошнемъ воздухѣ «скопляется злобѣщее электричество, въ головахъ у Пановъ замутилось, чуется что-то недоброе» и т. д.; словомъ, все то, что исчисляють газеты, и по тому невольно вторись выше помянутому очевидцу: «Послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ,» который, взложивъ происшедшее, восклицаетъ: «Если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра?»

Во всякомъ случаѣ должно полагать, что послѣ столь недавнихъ еще уроковъ, не стануть ожидать, пока скопляющіяся тучи соединятся и разразятся громомъ, и что всѣ мѣры будутъ употреблены для устраненія матеріаловъ, могущихъ произвести пожары. Но чтобы отклонить сіи послѣдніе, вѣдь недостаточно того, чтобы, увидѣвъ пламя, стараться потушить оное. Пожаръ не всегда обнаруживается вспышками пламени, не всегда даже обозначается и дымомъ: часто глѣдетъ онъ малой искрой гдѣ либо внутри зданія, и тогда можно бы было затоптать его ногой, если бы эта искра была примѣчена заблаговременно (чего, безъ помянутыхъ выше таблицъ, и ожидать нельзя), или нѣтъ еще и

наго Края, будто бы оно не всегда изображается въ настоящемъ видѣ, по старой привычкѣ «не огорчать, а болѣе успокоивать,» преимущественно же при частой перемѣнѣ главныхъ начальниковъ, а этѣмъ болѣе частнымъ письмамъ, которыя представляютъ избыточные примѣры противоположному; даже въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ встрѣчаются такія данныя, которыя показываютъ, что до умиротворенія еще очень далеко. Чего же нужно болѣе, когда и общій голосъ, не опровергаемый и самими мѣстными властями, требуетъ большой бдительности стражи, поставленной для охраненія Государства?

шекры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность при обращеніи съ огнемъ, либо собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріаловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда и съ злымъ умысломъ, чтобы, при первомъ удобномъ случаѣ, поджечь. Сдѣсь пока останавливаюсь.

Тацитъ говорить: «Мягкая снисходительность къ возмущавшимся только усиливаетъ ихъ дерзость, и чѣмъ болѣе имъ уступаютъ, тѣмъ болѣе умножаются ихъ безразсудныя притязанія. Мязежныя толпы распространяютъ ужасъ, когда сами не бывають подвержены оному; но лишь только страхъ начинаетъ поражать ихъ, нѣтъ ни чего презрительнѣе ихъ.» Истина эта, оправданная вѣками, не была въ началѣ приложена къ послѣднему мятежу, а, напротивъ, полумѣрами и нерѣшительностью болѣе и болѣе питали возмущившійся элементъ, постепенно возраставшій до изумительной дерзости. Саллюстіи замѣчаетъ, и очень справедливо, что «нерѣшительность пагубнѣе, нежели неотлагательно принятая рѣшимость, хотя бы она и оказалась неудачной.» Екатерина Великая, въ письмѣ своемъ къ Князю Таврическому (28 Октября, 1789 г.), сообщая о дѣлахъ, между прочимъ говорить:.... «Съ Прусакомъ употребляютъ, что возможно, но съ Поляками вообще нѣтъ ни чего испѣлительнѣе, какъ ихъ биты!» и т. д. Въ настоящее время слышатся отъ нѣкоторыхъ успокоительныхъ завѣреній, что то, «что было вчера, не можетъ быть завтра,» по тому что въ настоящее время народъ, получившій свободу, остается на сторонѣ Правительства. Но это было такъ и въ предшествующіе два мятежа: ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Западныхъ Губерніяхъ, народъ не принималъ участія въ возстаніи. Это послѣднее составилось подъ главнымъ руководствомъ Ксендзовъ, подстрекательствомъ женскаго пола,⁵⁵ изъ Пановъ-помѣщиковъ, изъ разношерстной Шляхты, изъ училищной молодежи, изъ ремесленниковъ, изъ фабричныхъ и бездомной сволочи, которыми наполняются города и которые всегда

⁵⁵ Польскій женскій полъ достаточно охарактеризовалъ себя во всѣхъ мятежахъ, иля рука объ руку съ ксендзами и монахами. Въ послѣдній же мятежъ онъ превзошелъ все, что только можно вообразить. Недоставало одного (а можетъ

готовы на произведеніе безпорядка, безъ всякой политической цѣли, а единственно ради грабежа и наживы, удовольствіенія мести, или страсти, своеволія, словомъ, чтобы воспользоваться, хотя временнымъ, безначаліемъ, на которое «ловудцы» должны смотрѣть сквозь пальцы; бывають и такіе, которые просто идутъ, чтобы заявить свое молодечество. И какъ не ничтожно это меньшинство относительно къ народной массѣ, но эта послѣдняя вездѣ и всегда бываетъ подъ вліяніемъ этого меньшинства, и если прямо и не принимаетъ участія въ мятежѣ, то не менѣе того оно его питаетъ и преклоняется передъ ужасомъ меньшинства, которое этѣмъ послѣднимъ только и владычествуетъ. Г. Подвысоцкій, о которомъ было уже упомянуто, въ любопытныхъ запискахъ своихъ, какъ очевидецъ событій въ Польшѣ, собравъ всѣ, выходившія распоряженія, подтверждаетъ вышесказанное; онъ говоритъ, что «городское населеніе торговой и промышленной дѣятельности желало скинуть съ себя ярмо ужаса, въ которомъ уже болѣе года держали его возмутители. И, однако жъ, ни у кого не было отваги высказаться открыто противъ насилія. Все покорствовало предъ горстью людей, распоряжавшихся отъ имени невѣдомаго таинственнаго начальства.» Само собой разумѣется, если бы большинство могло дѣйствовать съ тою же мощью и тѣми же средствами, какъ преступное меньшинство, тогда не могло бы быть и безпорядковъ, да и самое слово революція не могло бы имѣть своего существеннаго значенія, былъ бы простой переворотъ, и болѣе ни чего. Но, къ несчастію, въ такихъ случаяхъ народная масса увлекается краснорѣчіемъ въ ея духѣ, и тогда повинуются злоумышленникамъ, подобно тому, какъ стадо барановъ повинуются размаху бича, находящагося иногда въ рукахъ одного мальчишки. Такъ это было всегда и вездѣ, такъ это будетъ и въ будущемъ; Правительство же, не теряя своего достоинства, не

быть только по тому, что не было случая),—украсить себя шапками, съ надписью: «Propriété national,» которыя были носимы рьяными революціонерами во Франціи, а въ 1849 году, во время осады Вѣны, множествомъ ея горожанокъ. Добродѣтельные патріотки этѣ, съ надписью на шапкѣ: «Volkshabe» и «Freugut,» посѣщали батареи и барикады, съ цѣлю удерживать Офенцеровъ и солдатъ на вѣрномъ имъ посту. Надписи этѣ дозволяли прямо обращаться къ оригинальнымъ жертвоприносительницамъ патріотизма.

может поощрить народъ встать на его защиту, не противъ иноземнаго врага (это другое дѣло), но противъ заблудшагося меньшинства другихъ такихъ же его подданныхъ, иначе послѣдствія усложнятся до степени, которая потребуетъ усилій несравненно большихъ..... Главное успокоеніе заключается далеко не въ томъ, что народъ въ Царствѣ и въ Западныхъ Губерніяхъ получилъ свободу, а въ зоркой бдительности за мелкими проявленіями, которыя, оставая незамѣчаемыми, совокупленіемъ своимъ опять заставляютъ себя замѣтить, и повлекутъ за собой необходимость уже тяжкихъ наказаній, кои всегда дѣлаютъ неприятное впечатлѣніе и на самихъ изрекающихъ оныя.

Н. Диранди.

О

КУРГАНАХЪ, ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ виду извѣстныхъ вопросовъ о доисторическомъ и доарійскомъ населеніи Европы, я, въ 1863 году, обратилъ вниманіе на страну, которая, какъ мнѣ казалось, можетъ доставить много данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, именно: на Среднюю Россію, страну между верхнимъ теченіемъ Волги, Окою и верховьями Днѣпра и Двины.

Вотъ общія соображенія, руководившія мною въ выборѣ этого мѣста для изслѣдованія:

Средняя Россія, не прорѣзанная большими рѣками и покрытая въ древности непроходимыми лѣсами, никогда не была торнымъ путемъ для народовъ, двигавшихся съ Востока въ Европу. По этому однажды зашедшее сюда племя могло здѣсь жить наиболѣе спокойно и продолжительно, а, стало быть, должно было оставить по себѣ наиболѣе опредѣленныя черты своего первообраза и пережитыхъ имъ образованій. При современной же неопредѣленности всего, что касается древнѣйшаго, доарійскаго, населенія Европы, самое важное составляетъ именно какая нибудь опредѣленность въ данномъ отношеніи, хотя бы даже дѣло относилось не къ самой Европѣ, а къ ея окраинамъ. Далѣе, хотя извѣстная догадка, предполагавшая, что до прихода Арійскихъ племенъ, Европу населяли племена, принадлежавшія къ вѣтви племенъ Чудскихъ, не приобрѣла доселѣ сколько нибудь прочныхъ

доказательствъ ни въ области языковѣдѣнія, такъ какъ языкъ древнихъ Ибровъ, судя по языку Басковъ, болѣе принадлежитъ къ вѣтви, такъ называемой, полисинтетической (къ разряду Американскихъ языковъ), чѣмъ къ аглутинирующей, высшее развитіе которой представляютъ Чудскія нарѣчія, но тѣмъ не менѣе, представленныя доселѣ опроверженія этой догадки имѣ кажутся столь слабыми, что покаместъ рѣшительно нельзя стоять ни за, ни противъ, ея: всѣ они состоятъ только въ болѣе, или менѣе, убѣдительномъ отрицаніи доказательствъ, предлагавшихся поборниками ея, но, въ замѣнъ того, не представили ни чего положительнаго. Какъ бы то ни было, но для насъ остается вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, то, что Чудскія и сродныя съ ними племена были оттиснуты Германцами, Славянами и Литовцами съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, т. е., что нѣкогда южныя границы Чудскихъ племенъ были далеко ниже тѣхъ, въ которыхъ застали ихъ положительные свидѣтельства исторіи, именно свидѣтельство древнѣйшей нашей лѣтописи. Всѣ усилія нѣкоторыхъ ученыхъ отодвинуть жилища Чудскихъ племенъ во времена Геродота какъ можно далѣе на сѣверъ, къ границамъ, указаннымъ имъ Нестеромъ, не выдерживаютъ строгой критики, и если признавать Геродотовыхъ Меланхленовъ, Осаготовъ и пр. за Чудскія племена, то необходимо придется подвинуть историческія границы Чуди далеко на югъ, именно около 700 верстъ къ сѣверу отъ Тавриды и Меотійскаго моря, стало быть, къ самымъ южнымъ предѣламъ Средней Россіи.

Съ того времени, какъ Средняя Россія была занята Славянами, Исторія освѣщаетъ уже всю Восточную Европу. Слѣдовательно, эта страна была послѣднимъ мѣстомъ доисторическаго существованія въ Европѣ доисторическихъ и, вѣроятно, неарійскихъ племенъ. Мы знаемъ, что по рѣкѣ Клязьмѣ (сѣвернѣе и южнѣе ея) жило племя, прозывавшееся «Мерею», на западъ отъ него «Весь», на востокъ же «по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромъ, языкъ свой, и Черемиса свой языкъ, Мордва свой языкъ.» Но какой народъ, до прихода Вятичей на Оку, жилъ на юго-западѣ отъ Мери и Мурома, это не извѣстно. Судя по многимъ раскопкамъ могилъ, произведеннымъ на сѣверъ отъ рѣки Москвы, весьма вѣроятно, что населеніе Мери доходило почти до самой этой

рѣки. Во всякомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что около рѣки Москвы начинается вполне неизвѣстная доисторическая почва.

И такъ, вотъ мѣстность, съ которой, послѣ раскопокъ, произведенныхъ Графомъ А. С. Уваровымъ и Савельевымъ въ странѣ древней Мери, должно начать изслѣдованіе дославянскаго населенія этой части Европы. Отсюда, подвигаясь постепенно на юго-западъ, мы всего удобнѣе, точнѣе, можемъ изучить доарійское населеніе Средней Россіи, страны по рѣкамъ Двинѣ, Нѣману и Вислѣ, т. е., узнать: 1) Какъ далеко на югъ и западъ, до прихода Арійцевъ, простиралось здѣсь Чудское племя? 2) Чудскимъ ли, или какимъ нибудь другимъ, племенамъ принадлежитъ въ Средней Россіи, Бѣлороссіи, Польшѣ и въ Прибалтійскихъ странахъ, древнѣйшій родъ кургановъ? 3) Откуда и когда проникала сюда та, или другая, образованность и проч.?

Такія соображенія заставили меня приступить прежде всего къ изслѣдованію древнихъ могилъ страны на югъ отъ рѣки Москвы, именно, по притоку послѣдней, по рѣкѣ Пахрѣ.

Здѣсь я нашелъ курганы видимо различнаго образованія, но господствующій родъ ихъ одинъ; остальные—рѣдкія исключенія. Ясно, что этотъ господствующій родъ кургановъ принадлежитъ тому племени, которое сидѣло здѣсь наиболѣе продолжительное время, и что прочіе курганы принадлежатъ, такъ сказать, мимоходившимъ людямъ.

На первыхъ я прежде всего и остановилъ свое вниманіе и, за недостаткомъ средствъ, мало по малу производилъ ихъ изслѣдованіе.

Не смотря на различную величину и отчасти даже форму этихъ кургановъ, всѣ они представляютъ поразительное сходство, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ быть отнесены къ могиламъ одного и того же племени. Малая разность въ положеніи острова, въ вещахъ и пр., указываетъ лишь на разность времени ихъ насыпки, что подтверждается и состояніемъ самихъ костей, различно сохранившихся, при совершенно равныхъ почвенныхъ условіяхъ: въ одномъ курганѣ находимъ кости значительно высохшія

и готовымъ къ разрушенію, въ другомъ гораздо болѣе свѣжія. Всѣ эти курганы имѣютъ видъ полушарій. Нѣсколько продолговатые изъ нихъ суть обыкновенно двойныя могилы, подсыпныя для другого покойника. Всѣ они были нѣкогда лѣсными, на что указываютъ мѣста давно изгнившихъ толстыхъ корней въ самой глубинѣ ихъ. Сыпаны они изъ мѣстнаго суглинка. Каждый курганъ насыпался единовременно, и если подсыпался, то не въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ то совершается въ Средней Азій, гдѣ мимоходящія подкидываютъ земли на курганы въ память усопшему. Остовы обыкновенно помѣщаются на почвѣ или нѣсколько ниже, или выше ея. ¹ Въ иныхъ круглыхъ (непродолговатыхъ, не подсыпныхъ) курганахъ нерѣдко встрѣчается по два остова, изъ которыхъ одинъ, мужской, помѣщается въ срединѣ кургана, другою, женской, рядомъ съ первымъ, въ головахъ его, отвѣсно къ нему. Я тщательно рассматривалъ въ такихъ курганахъ слои земли, образовавшіеся въ слѣдствіе осадка ея, и не находилъ сколько нибудь замѣтныхъ признаковъ той неправильности въ нихъ, которая указывала бы на разновременность погребенія того и другого. Слѣдовательно, можно допустить предположеніе, что жена погребалась около мужа или единовременно съ нимъ, или вскорѣ послѣ него, т. е., тогда, когда насыпь не успѣла еще прочно осѣсть. Если бы это предположеніе оказалось справедливо, то изъ него вытекаетъ другое: что, можетъ быть, не у однихъ Славянскихъ Руссовъ былъ обычай у женъ сходить въ могилу за умершимъ своимъ мужемъ.

Всѣ остова обыкновенно находятся лежащими наклонно на лѣвый, а иногда на правый, бокъ; правая рука у нихъ помѣщается на груди, лѣвая на животѣ, или же обѣ руки на животѣ. Нѣкоторые изъ остововъ погребены на доскѣ, другіе просто на выжженной землѣ, третьи въ склепахъ изъ бревенъ, четвертые же наконецъ въ гробахъ, сколоченныхъ изъ досокъ, въ родѣ простаго

¹ Г. Богдановъ совершенно неосновательно полагаетъ въ своихъ: «Матеріалахъ для Антропологіи курганнаго періода Московской Губерніи» (стр. 13), что выше почвы полагался покойникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда погребеніе совершилось зимою, «когда расчистка мѣста была затруднительна;» но насыпаніе кургановъ зимою несравненно болѣе затруднительно; однако они насыпались.

длиннаго ящика. Во многихъ (но не во всѣхъ) курганахъ находилось у ногъ остова по одному и болѣе горшковъ. Форма этѣхъ сосудовъ ни чѣмъ существенно не разнится отъ нынѣ употребляемыхъ у насъ кухонныхъ горшковъ. При мужскихъ остовахъ не было найдено ни украшеній, ни оружія или орудій; женскіе же имѣли разныя украшенія, какъ то: 1) широкія серебряныя ушныя навѣски (родъ серегъ), прицѣпавшіяся у висковъ, или надѣвавшіяся на ухо по одной, по двѣ и по три, съ каждой стороны; 2) проволочныя мѣдныя кольца, служившія для головнаго убора; 3) какая-то шерстяная ткань съ остатками дерева, или лубка, и шерстяная бахрома тоже отъ головнаго убора; 4) бусины изъ прозрачнаго кварца или зеленаго стекла, служившія привѣсками у праваго виска; 5) шейные витые обручи (гривны) изъ бронзы и мѣди, или ожерелье изъ бусинъ сердоликовыхъ и прозрачнаго кварца; 6) бронзовые и мѣдныя браслеты, плоскіе и витые; 7) кольца на пальцахъ правой и лѣвой руки, а также иногда подъ пятою ноги; 8) запона или пуговница, состоящая изъ одной, или двухъ, вмѣстѣ связанныхъ, сердоликовыхъ бусинъ, помѣщающаяся у праваго плеча; 9) узкіе кожаные пояса, съ бронзовыми колечками и пряжками; 10) кожаные башмаки, отъ которыхъ сохранилась лишь часть подошвы; только на одномъ мужскомъ остовѣ сохранился довольно полно одинъ башмакъ: онъ сдѣланъ изъ грубой бычьей кожи; 11) на животѣ одной покойницы найдены остатки какой-то большой, сложенной въ нѣсколько разъ, кожи, вѣроятно, кожанаго плаща.³

Всѣ этѣ вещи вообще до того однокачественны, что словно вышли онѣ изъ одной мастерской; а между тѣмъ, судя по костямъ и по громадному количеству этихъ кургановъ, трудно не допустить мысли, что иногда цѣлые вѣка раздѣляютъ одну могилу отъ другой.

Доселѣ въ этого рода курганахъ мною не было найдено ни монетъ, ни какихъ либо другихъ осязательныхъ признаковъ, по которымъ возможно было бы, хотя приблизительно, опредѣлить

³ Съ свойствомъ этѣхъ вещей можно ознакомиться по небольшому собранію ихъ, поднесенному мною «Московскому Археологическому Обществу.»

время ихъ насыпки. Болѣе поздніе отличаются присутствіемъ въ нихъ желѣзныхъ вещей: гвоздей, колець, серпа, лошадиной узды и зеленоватаго стекла. Кремневые наконечники стрѣлъ, и въ особенности копій, изрѣдка попадающіеся въ насыпи кургановъ и зашедшіе сюда, конечно, совершенно случайно, вмѣстѣ съ другими мелкими камнями окрестной почвы, не имѣютъ ни какой видимой связи съ этѣми могилами и указываютъ или на то, что до насыпи этѣхъ кургановъ были нѣкогда въ употребленіи у населенія здѣшнихъ мѣстъ каменные орудія, или что они отчасти оставались въ употребленіи и во времена насыпки этихъ кургановъ, подобно тому, какъ нѣкоторые, инородцы Сибири до позднѣйшихъ временъ употребляли костяные и каменные наконечники копій.

Упомянувъ о каменныхъ орудьяхъ, я не могу пройти молчаніемъ замѣтки Г. Ворсо о томъ, что, какъ бронзовыя, такъ и каменные, вещи, доселѣ находимыя вообще въ Россіи, принадлежать преимущественно, если не исключительно, болѣе поздней формациі. Что касается до каменныхъ топоровъ и молотовъ, то это отчасти справедливо; но о копьяхъ положительно этого нельзя сказать: послѣднія, находимыя даже въ Московской Губерніи, не всѣ носятъ на себѣ печать позднѣйшаго времени каменнаго періода. Во всякомъ случаѣ, изъ того, что доселѣ найденныя въ Россіи каменные орудія не принадлежатъ къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка, нельзя дѣлать вывода, что человечество вообще, и въ частности Чудскія племена, пришли сюда въ сравнительно недавнее время, т. е., по крайней мѣрѣ, во времена господства позднѣйшей каменной обазованности. Такой выводъ касательно всей Россіи мнѣ кажется будетъ слишкомъ торопливъ, и именно вотъ по чему: 1) На поверхности почвы сохранились слѣды преимущественно болѣе поздняго времени; слѣдовательно, каменные орудія въ началѣ должны попадаться предпочтительно позднѣйшаго, а не древнѣйшаго, происхожденія. 2) Всего 3—4 года минуло съ тѣхъ поръ, какъ стали у насъ обращать сколько нибудь дѣльное вни-

² Недавно въ числѣ ископаемостей Юрской формациі, размытой Москвою рѣкой, мнѣ попалась половинка молотка изъ мѣстнаго камня и по видимому принадлежащаго болѣе древнему періоду каменнаго быта.

маніе на каменныя орудія, и естественно, на первыхъ порахъ замѣчали лишь вещи особенно бросающіяся въ глаза искусною отдѣлкою. 3) Древнихъ могилъ вообще въ Россіи такъ мало доселѣ изслѣдовано, что ненахождение здѣсь могилъ каменнаго вѣка легко объясняется новостью у насъ изслѣдованія каменнаго вѣка. Любители Археологіи, по ихъ собственному свидѣтельству, не разъ, работая надъ Скиескими могилами юга Россіи, вскрывали могилы съ какими-то каменными орудіями; но какъ этѣ могилы не представляли ничего блестящаго, то до того не обратили на себя ихъ вниманія, что они даже не замѣтили хорошо въ нихъ способа погребенія и не сохранили попадавшіяся имъ каменныя орудія. 4) Почву Россіи опасно равнять съ Западомъ Европы: тамъ первожители могли быть застигнуты пришлыми племенами, обладавшими уже бронзовою культурою, въ періодъ пребыванія первыхъ еще при древнѣйшей каменной культурѣ, тогда какъ въ Россіи переходъ къ позднѣйшему каменному, и потомъ къ бронзовому, вѣку могъ совершаться постепеннѣе, благодаря близости ея къ Азіи. 5) Что касается до заволжской и приволжской, Сѣверной Россіи, то весьма вѣроятно, что древнѣйшаго каменнаго періода здѣсь вовсе не существовало, и что Чудское населеніе явилось сюда въ весьма позднее время, такъ какъ этотъ край, подобно Скандинавіи, не представляетъ достаточныхъ удобствъ для первобытнаго человѣчества, и что здѣсь только въ странахъ, изобилующихъ камнемъ, какъ, на пр., въ Олонецкой Губерніи, пришлецы продолжали выдѣлку каменныхъ орудій. 6) Если во Франціи, и даже у береговъ Балтійскаго моря, сохранились признаки существованія человѣчества съ первобытною каменною культурою, то, при помянутомъ отсутствіи у насъ дѣльнаго изслѣдованія каменнаго вѣка въ Россіи, нѣтъ и дѣльнаго основанія предполагать здѣсь отсутствіе признаковъ той же степени культуры на югѣ и въ Средней Россіи. Уже ли море, покрывавшее нѣкогда почти всю нынѣшнюю Россію, исчезло въ столь недавнее время, что сосѣдившія съ нимъ, и шедшія потомъ по осушенному его дну, племена могли уже обладать каменною культурою болѣе высшаго развитія, чѣмъ первобытныя населенцы Европы? Мнѣ кажется это болѣе сомнительнымъ, чѣмъ существованіе въ Южной Россіи остатковъ древнѣйшаго каменнаго періода. Вѣдь и въ юго-западной Азіи, благодаря только особенному вниманію науки къ по-

бережью Средиземнаго моря и Месопотаміи, стали въ недавнее время открывать признаки бывшаго здѣсь нѣкогда каменнаго вѣка; а тамъ ли не быть ему во всемъ его развитіи? Какое же прочное основаніе мы имѣемъ отвергать возможность, что, при пробудившемся у насъ вниманіи къ доисторическимъ древностямъ, вскорѣ будутъ найдены въ Южной подиѣпровской, Западной подвинской и даже въ Средней Россіи, могилы каменнаго періода и, быть можетъ, даже мѣста выдѣлки каменныхъ орудій?

Что касается до Московской Губерніи (относимой мною больше къ приволжскому Сѣверу), то доселѣ здѣсь не встрѣчалось признаковъ могилъ каменнаго вѣка; но въ почвѣ разсѣяно немало кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ; встрѣчаются такъ же и прочіе роды каменныхъ орудій. Этѣ вещи во всякомъ случаѣ указываютъ, что если въ здѣшнемъ краю никогда не жили племена, находившіяся при образованности чисто каменнаго періода, то, по крайней мѣрѣ, послѣднія нерѣдко заходили сюда въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ, охотясь за звѣрями по бывшимъ тутъ дремучимъ лѣсамъ, и, слѣдовательно, жили гдѣ нибудь не вдалекѣ, въ нынѣшней, на пр., Орловской Губерніи.

Какому же племени принадлежать изслѣдованные мною курганы юга Московской Губерніи? Этотъ вопросъ болѣе всего занималъ меня, но доселѣ положительнаго отвѣта на него я не доискался во вскрытыхъ мною могилахъ.

Найденныя въ курганахъ вещи по видимому шли сюда преимущественно съ востока, изъ за Волги и Урала, вѣроятно до Х вѣка. То обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы изъ простой мѣди, орудія же изъ бронзы, указываетъ лишь на различныя мѣста ихъ привоза (съ востока и юга, или запада), а не на большую, или меньшую, древность: простая мѣдь прежде бронзы употреблялась не только для украшеній, но и для орудій; она же употребляется для того и другого до послѣднихъ временъ; если вѣрять свидѣтельству Г. Кельсіева (см. «Галичина», стр. 241), то Горцы-Галичане доселѣ льютъ для себя изъ старыхъ кострюль топорики, весьма схожіе съ древними Кельтскими. Сердоликовыми бусинами, которыми столь изобилуютъ наши курганы, доселѣ, по свидѣтельству Вамбери, Бухара въ большомъ количествѣ снабжа-

еть кочевниковъ Киргизовъ, особенно падкихъ на такія украшенія. И такъ, при отсутствіи вещей мѣстнаго производства, мы не можемъ по найденнымъ вещамъ угадать, какому племени онѣ принадлежали. «Кички», на существованіе которыхъ указываютъ остатки дерева, или лубка, при головномъ уборѣ женщинъ, погребенныхъ въ этихъ курганахъ, равно какъ и весь составъ украшеній каждой женщины, болѣе всего напоминаютъ намъ свойства вкуса нѣдѣльныхъ Мордочекъ, Чувашекъ и даже отчасти Зырянскъ; но остается вопросъ: много ли самостоятельнаго сохранилъ въ себѣ вкусъ этихъ послѣднихъ? Слѣдовательно, покажѣтъ по вещамъ не возможно опредѣлить племя, которому принадлежать эти курганы; по этому я обратился къ помощи Антропологіи, и вызвалъ на содѣйствіе мнѣ въ рѣшеніи этого вопроса Г. Богданова, Профессора Зоологіи при Московскомъ Университетѣ, который былъ такъ внимателенъ къ дѣлу, что, принявъ мое предложеніе, занялся Антропологіею, и вскорѣ приступилъ лично къ изслѣдованію кургановъ. Послѣдствіемъ его трудовъ было сочиненіе: «Курганное племѣ Московской Губерніи» (въ «Извѣстіяхъ Московскаго Университета», 1865 г., № 3), и потомъ: «Матеріалы для Антропологіи курганнаго періода Московской Губерніи. М: 1867 г.»

Къ сожалѣнію, Г. Богдановъ, желая скорѣе порѣшить дѣло съ вопросами, отвергнуть мое сближеніе находимыхъ въ здѣшнихъ курганахъ череповъ съ черепами Чудскихъ народовъ, въ родѣ Мордвы и Чувашей, и развить замѣчаніе Академика Бера о длинно-головости и прогнотизмѣ одного черепа, доставленнаго послѣднему изъ кургана Московской Губерніи, недостаточно осмотрительно и, какъ мнѣ кажется, пристрастно обращался съ данными.

Не считаю умѣстнымъ здѣсь распространяться о причудливости названія «Курганное племѣ» (какъ будто только и было одно племѣ), или «Курганный періодъ» Московской Губерніи. Обращаюсь прямо къ дѣлу.

Самый уже способъ Г. Богданова для добыванія данныхъ можетъ въ каждомъ дѣльномъ ученомъ, не привыкшемъ легко обращаться съ научными предметами, возбудить нѣкоторое недовѣріе къ его изслѣдованіямъ, такъ какъ раскопки кургановъ совершались преимущественно не подъ его личнымъ надзоромъ, а

подъ присмотромъ и руководствомъ людей, большею частію совершенно чуждыхъ Археологіи, неопытныхъ, перѣдко въ первые узнавшихъ, что эти курганы суть могилы людей. На сколько же могли быть основательны изслѣдованія эѣхъ многихъ сотрудниковъ почтеннаго Профессора, раскопывавшихъ курганы въ разныхъ концахъ Московской Губерніи въ теченіе лѣта 1865 года?

Дадѣе, Г. Богдановъ, получа всѣ добытые данныя, не обращаетъ вниманія на то, какой формациі былъ тотъ, или другой, курганъ, изъ котораго доставленъ ему черепъ, или цѣлый остовъ: принадлежалъ ли онъ къ господствующему роду кургановъ, или къ исключительнымъ здѣсь родамъ ихъ? найденъ ли остовъ въ основаніи кургана, или въ верхнихъ его слояхъ? зарытъ ли онъ былъ во время самой насыпки кургана, или случайно зашелъ туда въ послѣдствіи? Г. Богдановъ просто, безъ всякой Археологической критики, складываетъ доставленные ему черепа, такъ сказать, въ одну кучу по Уѣздамъ и измѣряетъ ихъ. Понятно, что, при такомъ пріемѣ, какъ бы точно и осмотрительно ни было совершенно измѣреніе и сдѣланъ средній выводъ, эти измѣренія, и въ особенности средній выводъ, не могутъ представлять ни какого значенія для рѣшенія вопроса о типѣ племени, создавшаго господствующій въ Московской Губерніи родъ кургановъ; ибо, повторяю, во 1) самые курганы могли быть различнаго типа, принадлежать различнымъ племенемъ; во 2) большинство кургановъ包含着 въ себѣ теперь два, и даже три, наслоенія костей совершенно различныхъ временъ и племенъ, такъ какъ перѣдко, въ позднѣйшія времена нашей исторіи въ древніе курганы погребались новые покойники, да и въ настоящее время частенько зарываютъ въ нихъ нѣкоторыхъ исключительныхъ покойниковъ и, между прочимъ, почти постоянно всѣхъ мертворожденныхъ и некрещенныхъ младенцевъ. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, дѣтскіе черепа, которые Г. Богдановъ въ большомъ количествѣ вводитъ въ свое изслѣдованіе, какъ черепа древнихъ младенцевъ, должны быть признаны совершенно не идущими къ дѣлу и во всякомъ случаѣ только путающими изслѣдованіе: такъ какъ Антропологія не на столько еще окрѣпла, чтобы могла, по полусгнившему черепу младенца, судить о типѣ этого черепа въ его совершенномъ развитіи.

Далѣ, у Г. Богданова, какъ самъ онъ сознается, заранѣе сложилось убѣжденіе, что это (курганное) племя — долихоцефалическое,» и вотъ онъ продолжаетъ: «Когда я желалъ ознакомиться ближе съ размѣрами для череповъ... то, отбирая измѣренія черепа, я бралъ столько же особенно длинныхъ, сколько и особенно короткихъ, желая, чтобы въ числѣ 25 череповъ были и крайнія формы. Отъ этого вышло, что ортоцефалическіе черепа явились въ числѣ 8, subbrachycerphalia 3, и даже 1 брахицефалическій; но если взять всѣ черепа коллекціи, то длинныхъ будетъ, по крайней мѣрѣ, въ трое больше, чѣмъ короткихъ» (стр. 16). Но по чему же, спрашиваетъ себя читатель, не взять было изслѣдователю именно всѣ черепа, чтобы устранить такии образцы своей произволъ?... Между тѣмъ выше, на стр. 15, мы читаемъ его же слова: при выборѣ череповъ «я не отбиралъ черепа известной формы, но просто бралъ первые изъ бросившихся мнѣ въ глаза, стараясь только обь одномъ: выбрать лучше сохранившіеся.» Подобныя противорѣчія, даже относительно опредѣленія приемовъ изслѣдованія, молодое кокетничанье строгою до кропотливости ученою отчетливостію, безстрастностію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при «сложившемся его убѣжденіи,» постоянныя оговорки: «здѣсь получаются цифры не долихоцефализма, но это по тому, что сюда замѣшался такой-то и такой черепъ» и т. под., способны подорвать въ читателѣ должное довѣріе къ изслѣдованію, въ особенности же, если читатель будетъ имѣть терпѣніе дойти, на примѣръ, до такого мѣста (см. стр. 28): «Продольный діаметръ (черепа) у мужчинъ... maximum 198. Этотъ maximum встрѣчается, впрочемъ, у черепа, измѣнившаго нѣсколько свои первоначальныя размѣры отъ давленія насыпи и отъ происшедшаго отъ того уменьшенія въ ширину и увеличенія въ длину.» Что это такое? невольно спрашиваешь себя. Ну, а если бы черепъ былъ совсѣмъ раздавленъ съ боковъ, то длина его, конечно, достигла бы 298! Что же изъ того слѣдовало бы? Не уже ли Антропология не знаетъ, какъ измѣрять отъ шва до шва разрушившейся, или поврежденной, черепъ? Возможно ли представлять науки подобныя несообразности? Послѣ этого мы въ правѣ предположить, что по тому именно большинство череповъ изъ нашихъ кургановъ кажется Г. Богданову длинноголовымъ, что, дѣйствительно, большинство ихъ лежитъ на:

лѣвомъ, или правомъ, боку и можетъ быть нѣсколько сплюснуто съ боковъ тяжестью насыпи, и что другіе черепа, на оборотъ, представляются ему короткоголовыми, по тому что сдавлены со лба и затылка! Куда же годятся подобныя изслѣдованія?

Опасаясь утрудить подробнымъ разборомъ всѣхъ мелочей этого труда Г. Богданова, останавливаю здѣсь вниманіе только на самыхъ крупныхъ, основныхъ, мѣстахъ его: по нимъ можно судить объ остальномъ.

То же, что было сейчасъ замѣчено нами о приѣмѣ Г. Богданова при измѣреніи череповъ, мы находимъ и въ опредѣленіи имъ роста, такъ называемаго имъ, курганнаго племени. Въ этомъ отношеніи довольно будетъ замѣтить только, что почтенный изслѣдователь судитъ объ его ростѣ не по итогам измѣренія остововъ, правильно разложенныхъ на столѣ въ кабинетѣ, гдѣ весьма достоверно можно набавить пространство для исчезнувшихъ хрящей и связокъ, а единственно по доставленной ему промѣркѣ костяковъ въ самой могилѣ, или вѣрнѣе, по промѣркѣ мѣста, занимаемаго къ могилѣ остовомъ; а этѣ промѣрки представляютъ намъ такіе курьезы:

На стр. 97: «Мужскіе остовы 2 арш. 8 верш., 1 арш. 12 верш., 3 арш. (кости раздвинуты отъ давленія насыпи), та же длина и тотъ же раздвигъ.» А если бы, сирашивается, насыпь раздвинула кости на 3 сажени, то какой изъ того выводъ можетъ сдѣлать Антропология?—«Женскіе остовы: 2 арш. 5 верш., 2 ар. 14 верш., 2 арш. 12 в.»

На стр. 83: «2 арш. 6 верш., 2 арш. 5 верш. (кости лежали неправильно, и по тому мѣра меньше настоящей).» А по чему бы не больше? «2 арш. 11 в., 2 ар. 9 в., 2 арш. 10 в., 1 арш. 12 в. (безъ голеней), 1 ар. 13 в. (остовъ изогнутъ)» и т. под.

Изъ подобныхъ измѣреній можно, конечно, сдѣлать только одинъ выводъ, именно: что въ курганахъ, въ которыхъ остовъ погребенъ не въ глубинѣ материковой земли, кости погребеннаго, обыкновенно при послѣдующей осадкѣ насыпи, теряютъ правильность своего первоначальнаго положенія и вообще болѣе растягиваются. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и бываетъ, если раздвиге-

нію костей не было случайно, иль съ умысломъ, положено какое нибудь препятствіе. Нерѣдко, при томъ, и животныя, своими подкопами, и изгнивающіе корни деревъ способствуютъ перемѣщенію частей костяка. Но Г. Богдановъ, единственно на основаніи доставленныхъ ему измѣреній, гдѣ одинъ взрослый человѣкъ рав. 1 арш. 12 верш., другой 3 арш., 2 арш. 14, 12, или 10 в., дѣлаеть слѣдующій выводъ: «Курганное племя было довольно высокаго роста и сильно сложенное. О ростѣ говорятъ какъ измѣренія костяковъ въ могилѣ (2 ар. 6 в. и 2 арш. 8 в. мѣра обыкновенная для мужчинокъ, но и женщины попадались очень высокія), такъ и почтенные размѣры череповъ» (стр. 17). Относительно «почтенности» размѣра череповъ замѣчу, что при раскопкахъ я, между прочимъ, имѣю обыкновеніе примѣрять на выкапываемые черепа свою шапку, и изъ 68 вырытыхъ мною основныхъ древнихъ череповъ ни одинъ не былъ на столько великъ, чтобы шапка моя была ему не только мала, но хотя бы въ пору; а между тѣмъ мой черепъ можетъ считаться вполне нормальнымъ для средняго роста въ 2 арш. 6 верш. Въ собраніи Г. Богданова я тоже не встрѣчалъ древнихъ череповъ, принадлежавшихъ основнымъ ооовамъ разсматриваемыхъ кургановъ, которые превышали бы объемомъ вырытые мною. Слѣдовательно, племя, насыпавшее эти курганы, не отличалось значительнымъ ростомъ, т. е., было не выше 2 арш. 4, 5 вершковъ.

Чтобы приблизить свое курганное племя къ первобытнымъ племенамъ каменнаго періода Европы, Г. Богдановъ такъ продолжаетъ свой очеркъ этого племени: «О силѣ сложенія племени говорятъ тѣ сильно развитыя возвышенія, которыя замѣчаются на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ прикрѣпленію мускуловъ.» Конечно, весьма вѣроятно, что племя, ведшее полудикую охотничью жизнь, имѣло значительно развитыя мускулы; но чтобы нагляднѣе судить о силѣ его сложенія, не мѣшало бы прежде всего сравнить его кости, если не съ костями нынѣшнихъ нашихъ Сибирскихъ и породцевъ, то хотя съ костями нашего сѣвернаго простолюдина. Доселѣ, на сколько я въ состояніи судить въ этомъ, далекомъ отъ моей спеціальности, дѣлѣ, я не могъ замѣтить въ иско-

† 2 арш. 14 и 12 верш. какъ мы сейчасъ видѣли!

паемых костях признаков особеннаго развитія физической силы, и соображенія Г. Богданова въ данномъ случаѣ кажутся мнѣ значительнымъ преувеличеніемъ дѣйствительности.

«Шлемя (продолжаетъ Г. Богдановъ) было русоволосое, скорѣе темнорусое, чѣмъ свѣтлорусое, вѣроятно, съ голубосѣрыми глазами и низкимъ лбомъ.» Такъ какъ всѣ, находимые доселѣ, волоса при основныхъ въ курганахъ женскихъ остовахъ были чернаго цвѣта, нѣсколько порусѣвшіе отъ долгаго пребыванія въ землѣ, то предположеніе о голубосѣрыхъ глазахъ никуда негодитъ и основано просто на недосмотрѣнномъ фактѣ русоватости волосъ. «Можетъ быть (говоритъ далѣе изслѣдователь) женщины, съ ихъ ортогнатическимъ лицомъ и болѣе мелкими чертами его, и были не дурны, но про мужчинъ смѣло можно сказать, что они должны быть очень не презентабельны съ своими выдавшимися прогнатическими челюстями и зубами.» Я не отрицаю существованія, въ нѣкоторой степени, прогнатизма череповъ, принадлежавшихъ основнымъ остовамъ нашихъ кургановъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что, благодаря смѣшенію Г. Богдановымъ древнихъ (основныхъ) остововъ съ позднѣйшими, случайно попавшихъ въ древніе курганы, Г. Богдановъ слишкомъ рѣзко отдѣляетъ племенной типъ женщинъ отъ типа мужскаго: женщины, какъ и мужчины, которымъ насыпались эти курганы, равно отличаются нѣсколько выдающимися челюстями, съ тою только разницею, что у женщинъ, какъ это замѣчается всюду, вообще черты болѣе нѣжны, округлены и наклонность къ прогнатизму не столь замѣтна.

Не смотря, однако, на это отсутствіе критики данныхъ и должной обдуманности приѣмовъ при измѣреніи костей; не смотря на торопливые выводы, недосмотры и натяжки, подрывающіе довѣріе къ его изслѣдованію; не смотря, словомъ, на все, что употребилъ Г. Богдановъ, для подрыва своей основной, предисланимой самому изслѣдованію, мысли доказать, что типъ, такъ называемаго, курганнаго племени есть именно тотъ, какой представленъ Г. Беромъ, въ его описаніи курганнаго черепа Московской Губерніи, или даже болѣе древней, низшей, формации, мысль эта на самомъ дѣлѣ справедлива до извѣстной степени, на сколько она не преувеличиваетъ замѣтку Г. Бера: типъ черепа того племени,

которому принадлежит господствующій въ Московской Губерніи родъ кургановъ, дѣйствительно удлинненный, если смотрѣть съ верху, продолговато-овальный, съ нѣкоторою склонностью къ прогиотизму, лобъ узкій, не высокій и болѣе; или менѣе, отвалистый; въ большинствѣ случаевъ замѣтна въ верхней части черепа крышеобразность и сжатость съ боковъ.

Разсматривая когда-то присланный ему изъ Московской Губерніи черепъ, Академикъ Беръ не нашелъ въ немъ, какъ въ длинноголовомъ, сходства съ короткоголовымъ типомъ Западныхъ Финновъ, и отнесъ его къ болѣе древней, болѣе низкой, формации. По этому и Г. Богдановъ, опираясь на опредѣленія типа Западныхъ Финновъ, сдѣланныя Ретціусомъ, Беромъ и отчасти Велькеромъ, замѣчаетъ: «А такъ какъ нашъ курганный черепъ есть долихоцефалическій, то его и нельзя отнести къ Финскому племени въ тѣсномъ смыслѣ.» Воодушевляясь далѣе этою мыслью, онъ уже положительно утверждаетъ: «Оказывается, что первые заселенцы Средней Россіи не Финны по организаціи: это печально для тѣхъ, которые желали бы видѣть только доказательство того, что всегдашнее народонаселеніе Средней Россіи было изъ какой-то Чуды» и проч.

Но, къ сожалѣнію, существуетъ въ печати, позднѣе высказанное почтеннымъ Академикомъ Беромъ, мнѣніе о типѣ Финскихъ или Чудскихъ племенъ вообще. Въ статьѣ своей о Мекленбургскомъ черепѣ онъ говоритъ, что существуютъ несомнѣнно Финскія племена, имѣющія типъ длинноголовый, и дѣйствительно, чѣмъ далѣе идемъ мы отъ Балтійскаго моря къ Уральскимъ горамъ, тѣмъ, по видимому, все болѣе и болѣе Чудской типъ дѣлается длинноголовымъ: у Зырянъ уже черепъ значительно удлинненъ и сжатъ, а у Вогудовъ, по свидѣтельству Г. Бера, онъ достигаетъ поразительной длины и узкости. Слѣдовательно, какъ короткоголовость, такъ и длинноголовость, присущи Чудскимъ племенамъ. Какъ тутъ быть Г. Богданову? Не задумываясь долго, однимъ взмахомъ пера, онъ рѣшаетъ недоразумѣніе очень просто: «Тѣ Финскія племена, которыя имѣютъ типъ долихоцефалическій, образовали такой типъ въ слѣдствіе помѣси съ древними поселенцами этѣхъ странъ, долихоцефалами, или вѣрнѣе, сами образовались изъ этого древняго населенія посредствомъ, такъ сказать, офин-

непія ихъ, снабженія ихъ языкомъ и обычаями Финскими, что, слѣдовательно, они Фины не по организаціи, а только этнографически.» Поставляя, какъ конечную, такую догадку, Г. Богдановъ позабылъ противопоставить ей болѣе естественную для каждаго, кто признаетъ самостоятельную измѣняемость и развитіе черепа у каждаго народа, именно, что древній, лившей формаціи, типъ Финовъ, какъ и другихъ человѣческихъ племенъ, могъ быть болѣе, или менѣе, долихоцефалическій и прогнотическій, а болѣе развитой—брахицефалическій, какой находимъ у Западныхъ Финовъ и Угровъ, и что послѣдній, какъ выше развитой, вѣроятно образовался отъ различныхъ помѣсей и т. д.

Такимъ образомъ заключительныя слова Г. Богданова: «Нашъ результатъ, изъ принятаго нами способа изложенія цифроваго и фактическаго, ни какъ нельзя объяснять какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ фактовъ, и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ,» мнѣ кажутся вовсе не могутъ относиться къ его изслѣдованію, хотя въ немъ есть и факты и цифры, и много искренности, и результатъ, выводимый имъ о не Финскомъ, а какомъ-то до Финскомъ типѣ того племени, которое насыпало разсматриваемыя нынѣ нами курганы, не только не рѣшителенъ, но почти не подвигаетъ впередъ рѣшенія, поднятаго мною въ 1863—1864 г., вопроса о томъ, какому племени принадлежать этѣ курганы. Я, по крайнемѣрѣ, остаюсь при моемъ мнѣніи, добытомъ нагляднымъ сравненіемъ добываемыхъ череповъ изъ этого рода кургановъ съ типомъ нынѣшняго населенія въ Рязанской Губерніи и съ типомъ Мордвы, Чувашей, что насыпало эти курганы племя Чудское, въ родѣ послѣднихъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе типа Чудскихъ и переходныхъ племенъ, и дальнѣйшія раскопки кургановъ въ Средней Россіи, конечно, приведутъ насъ, наконецъ, къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ.

Алексѣй Гатцукъ.

ЗАПИСКА,

представленная Директоромъ Канцеляріи Главнокомандующаго 1-ю Арміею, Тайнымъ Совѣтникомъ Козачковскимъ, ¹ Исправлявшему должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, Генералъ - Адъютанту, Графу Ламберту 1-му,

въ Сентябрѣ 1861 года.

Положеніе Россіи въ Царствѣ Польскомъ донинѣ не улучшается. Правительство Русское болѣе и болѣе теряетъ нравственную силу въ народѣ, и въ той же степени пріобрѣтаетъ ее мятежная партія.

Послѣдніе симптомы этого извращенія общественнаго порядка весьма знаменательны.

Два человѣка избиты, едва не убиты на улицахъ, по подозрѣнію, что они шпіоны Правительства. ² По избытку нравственнаго чувства, можно не любить, презирать людей, занимающихся тайными доносами, но шпіонъ есть слуга Правительства; удары, нанесенные ему палкою на улицѣ, суть удары достоинству и славѣ

¹ Скончавшимся въ Варшавѣ 1868 г. Переп.

² Одинъ изъ нихъ, извѣстный Грасъ, бывшій шпіонъ Фельдмаршала Паскевича, ¹ награжденный за то должностію Уѣднаго Начальника, но потомъ выгнанный изъ службы; въ настоящее же время онъ не былъ шпіономъ. Переп.

Правительства. Слѣдуетъ замѣтить и то, что упомянутое нравственное чувство пренебреженія къ шпионамъ почти не существуетъ въ Польшѣ. Напротивъ, между Поляками и Жидами они пользовались извѣстнаго рода уваженіемъ, какъ люди, могущіе при случаѣ, сдѣлать добро, или зло. Такъ называемые, секретные агенты, были, большею частію, всѣмъ извѣстны, хвалились своимъ званіемъ, и нерѣдко различные спекуляторы присвоивали себѣ званіе агентовъ.

Такимъ образомъ погоню за, такъ называемыми, шпионами, повторившуюся еще въ прошлое Воскресенье, и погоню на Медовой улицѣ за человѣкомъ, который, купивъ у уличнаго мальчишки революціонныя пѣсни, разорвалъ ихъ, нельзя уже относить къ обыкновеннымъ уличнымъ беспорядкамъ: это быстрые шаги мятежа къ преднамѣренной цѣли—уронить Русское Правительство, поддержать мятежь во всѣхъ, даже отдаленныхъ, сторонахъ, и распространить его между массами и людьми колеблющимися.

Наконецъ разбитіе лавки на Медовой улицѣ у кондитора Веделя, среди бѣлаго дня, за то, что онъ отказался дать патриотическую складку, доказываетъ, сколько сильными считаютъ себя мятежники, и какъ мало стѣсняетъ ихъ присутствіе Русскаго Правительства.

Повтореніе тѣхъ же беспорядковъ вчерашній день на улицахъ Медовой и Маршалковской, при чемъ одинъ полицейскій служитель почти убитъ, еще болѣе убѣждаетъ въ этой истинѣ: это уже не отдѣльные случаи, это система. Рядомъ съ Правительствомъ существуетъ другое Правительство, открыто не признающее власти и сильное своимъ терроризмомъ. При томъ обнаруживаетъ фанатизмъ, что всѣ жители вносятъ складки на дѣло мятежа.

Услужливые, двуличные, объяснители нынѣшнихъ Польскихъ дѣлъ, конечно, скажутъ и теперь, какъ и прежде, что это только чернь, люди безъ значенія, партія красныхъ и проч. Правда, это чернь, но къ этой черни принадлежатъ и люди лучшихъ семействъ, и важнѣйшіе сановники, и духовенство, и ученые, и граждане. Стремленія и виды этихъ господъ различны; но гдѣ идетъ дѣло

объ уничтоженіи Русскаго Правительства, они всё за одно. Это капитальное средство, служащее одинаково всякимъ цѣлямъ. Конечно, лучшіе люди не пойдутъ марать руки въ уличной грязи: это не достойно ихъ, это и не безопасно (а самосохраненіе всегда было отличительнымъ качествомъ лучшихъ людей въ Польшѣ); но высылать авангарды, потерять даже нѣсколько обманутыхъ уличниковъ—это правило хорошей тактики: вредъ Правительству нанесенъ, и безчестнымъ газетчикамъ дана пища переиначивать происшествія и выводить заключенія по своему.

Говорятъ: каждый это слышалъ о существованіи здѣсь какой-то умѣренной партіи. Для Русскаго Правительства эта партія въ настоящее время не существуетъ. Если бы Правительство и могло опираться на партіяхъ, то ему рѣшительно не на комъ опереться въ Польшѣ. Оно находится въ необходимости искать опоры въ самомъ себѣ, въ своей силѣ, въ своихъ средствахъ. Когда моральная сила ослабѣваетъ, слѣдуетъ поддержать ее физическою—извѣстная мудрость всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Не возможно обманывать себя долге. Неззя представлять себѣ нынѣшнее движеніе въ Польшѣ только слѣдствіемъ распространившихся за границу идей о народности, слѣдствіемъ небывалыхъ угнетеній, иностраннаго враждебнаго Россіи вліянія, отдѣльнаго заговора красныхъ Парижскихъ республиканцевъ и проч. Все это, безъ сомнѣнія, было, но все это служило не болѣе какъ орудіемъ къ доведенію Польши до настоящаго положенія. Теперь это уже дѣло второстепенное. Маски падаютъ. Теперешнее положеніе нельзя даже назвать бунтомъ: это—война, война междусобная, одинъ изъ фазисовъ вѣковой исторической распри двухъ племенъ.

Борьба идея не за конституціонныя учрежденія, даже не за самостоятельность Польши, это только временныя предлоги; Польша, т. е., заговорщики (а мы знаемъ число ихъ) хотять ослабить, унижить Россію, подчинить себѣ Славянскіе народы и разыгрывать роль великаго Государства.

Конечно, это нелѣпыя мечты. Кто знаетъ историческую безразсудность Польскаго народа, не повѣритъ, чтобы онъ могъ

существовать самостоятельно въ какихъ бы ни было предѣлахъ. Но дѣло идетъ не о томъ, до чего достигнуть Поляки, а объ ихъ замыслахъ, о характерѣ нынѣшняго движенія, о томъ, чего они желаютъ и гдѣ думаютъ остановиться. Понятно послѣ того, будутъ ли они довольствоваться какими либо уступками, и не считаютъ ли они ихъ только ступенями къ дальнѣйшимъ своимъ цѣлямъ, извлекая пользу изъ всякаго новаго затрудненія Правительства.

Но оставляя въ сторонѣ и самые замыслы Поляковъ, какъ фактически не опредѣленные и, по счастью, непонятные еще для большей части Поляковъ, нельзя не обратить вниманія на тѣ факты, которые не оставляютъ уже ни какого сомнѣнія, что нынѣшнее движеніе Польши есть не что иное, какъ война противъ Россіи, война безпощадная, болѣе грозная, чѣмъ бывшая въ 1831 году и могущая нанести Россіи тяжкія раны, если своевременно мѣры не будутъ приняты.

Такъ это дѣло понимали и понимаютъ сами Поляки, и, надобно отдать имъ справедливость, что они вели его съ проникательностію и энергіею, употребляя хитрости всякаго рода, за недостаткомъ физической силы.

Первымъ приготовленіемъ къ войнѣ служило образованіе Агрономическаго Общества: дѣйствія его извѣстны, и о нихъ нечего распространяться. Вообще, Правительство того времени не показало той прозорливости, безъ которой въ Польшѣ менѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, можно обойтись. Цѣлый рядъ распорядженій содѣйствовалъ успѣхамъ заговорщиковъ, какъ въ послѣдствіи содѣйствовала успѣхамъ бунтовщиковъ. Наблюденіе за политической частію уничтожено почти совсѣмъ. Военные Начальники въ Губерніяхъ упразднены; Канцелярія Намѣстника приведена въ упадокъ; полиція въ Варшавѣ, этомъ политическомъ центрѣ Царства, равно какъ и секретная полиція, поручены людямъ самымъ неспособнымъ,³ Лучшіе Чиновники изъ Русскихъ отдалены. Издано

³ Оберъ-Полицеймистеръ Г.-М., вполнѣ неспособный; Секретной полиціи Г.-М., преданный Полякамъ, другъ и покровитель ихъ. Переп.

постановленіе объ уничтоженіи гражданскихъ чиновъ въ Царствѣ, и проч. тому подобное. Все это, безъ сомнѣнія, не было случайно, а дѣлалось происками заговорщиковъ. ⁴

Это были приготовления. Когда дѣло отчасти созрѣло, для начатія рѣшительныхъ дѣйствій избранъ былъ именно тотъ моментъ, когда Россія должна была наиболѣе ослабѣть, моментъ объявленія свободы крестьянскому сословию. Ожидали возмущеній въ Россіи; ожидали, что Правительство вынуждено будетъ употреблять громадныя средства для подавленія ихъ; ожидали, слѣдственно, что побѣда будетъ легче. Слава Богу! Этого не случилось, и надежда Поляковъ, какъ и многія другія ихъ надежды, не оправдалась. Не смотря на такія неудачи, они продолжаютъ дѣйствовать дерзко и смѣливо.

Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, если бы могли, прежде всего прибѣгнули бы къ оружію, для уничтоженія Русскихъ и Россіи. Но легіоны существуютъ только въ проектѣ и служатъ единственно предлогомъ къ собиранію денежныхъ пожертвованій. Слѣдовало прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ; избраны были слѣдующія: возмущеніе всего народа, покровительство Иностранныхъ Державъ и общественнаго мнѣнія, распространяемаго черезъ живыя журнальныя статьи.

Необходимо замѣтить, что подготовленія къ открытію дѣйствій не вполне еще были слѣланы; массы народа не были еще взволнованы, и крестьяне не привлечены на сторону помѣщиковъ. Къ этому принимались уже мѣры со стороны Агрономическаго Общества обѣщаніемъ для крестьянъ всевозможныхъ благъ, но краткость времени не дозволила этому исполниться. Парижскіе Профессора революцій печатно упрекали здѣшнихъ за безвременное открытіе дѣйствій. Въ здѣшнихъ газетахъ было напечатано

⁴ Нельзя обвинять вполне покойнаго Правителя, человека благонамѣреннаго, умнаго и просвѣщеннаго, но нѣсколько слабаго характеромъ. Къ прискорбію, надобно сказать, что всѣмъ антипрусскимъ распоряженіямъ въ Польшѣ наиболѣе содѣйствовалъ человекъ, носящій имя Русскаго. Переп.

тогда оправданіе по этому предмету. Говорили въ то время, и это вполне вѣроятно, что въ нынѣшнемъ году должны были быть сдѣланы попытки. Но необычайная и неожиданная уступка Правительства, передавшаго все управленіе бунтовщикамъ, ускорила ихъ дѣйствія.

Если программа заговорщиковъ не исполнилась, или исполнилась не вполне, это было не по ихъ винѣ, даже не по винѣ нашего Правительства, которое давало имъ къ тому возможные способы. Расчеты не оправдались по причинамъ постороннимъ.

Такъ крестьяне, ненавидя помѣщиковъ за притѣсненія, держатся еще натурального своего покровителя, Правительства, и не поддаются подстрекательствамъ помѣщиковъ и духовенства. Иностранныя Правительства не оказали соучастія въ Польскомъ дѣлѣ. Даже газетныя статьи, объ этомъ дѣлѣ присылаемыя, до того взвѣрились за границею, что ни одинъ серьезный журналъ не печатаетъ ихъ.

Казалось бы, что за тѣмъ дѣломъ заговорщиковъ проиграно окончательно; между тѣмъ оно стоитъ для нихъ теперь еще въ лучшемъ положеніи. Это объясняется тѣмъ, что, къ несчастію, Поляки употребили въ дѣло еще одинъ способъ, единственный который имъ вполне удался, способъ—постоянно обманывать Правительство, постоянно держать силу его скованною и связать великана гнилыми нитками, вести дерзкую и заносчивую войну, которая можетъ имѣть важныя для Россіи послѣдствія, при оставленіи дѣла въ этомъ положеніи.

Нѣтъ надобности описывать то, что всѣмъ извѣстно: въ какой степени содѣйствовали обезсилію Русскаго Правительства въ Польшѣ ложные совѣты, фальшивое представленіе событій, лицемерная преданность. Вообще, Поляки обнаружили въ своихъ предпріятіяхъ много предпріимчивости, смѣлости и энергіи: не показали только правды и нравственнаго достоинства.

Дозволительно ли послѣ всего этого думать, что Польша успокоится хорошими учрежденіями; что порядокъ возстановится дѣй-

ствіемъ времени? Дозволительно ли думать, что война окончится безъ употребленія тѣхъ энергическихъ мѣръ, которыя употребляются каждымъ Правительствомъ всегда и вездѣ для своихъ кровныхъ подданныхъ, и которыхъ такъ тщательно до сихъ поръ избѣгаютъ во вредъ Россіи и къ пользѣ бунтовщиковъ?

При очевидной невозможности согласить желанія тѣхъ людей, которые нынѣ называютъ себя Поляками, представителями народа, съ интересами Россіи и настоящимъ благомъ Польши, Правительству остается ити твердо тѣмъ путемъ, къ благу всего Польскаго народа, который самъ собою ему открывается, не обращая далѣе вниманія на крики толпы и вѣроломныя декламациі.

Прежде всего необходимо водворить немедленно общественный порядокъ, глубоко нарушенный въ своихъ основаніяхъ. Это тѣмъ необходимѣе, что Варшава находится во главѣ всѣхъ мятежныхъ предпріятій, даже въ границахъ Россіи.

Дѣло это не легкое, но возможное при тѣхъ средствахъ, которыми Правительство располагаетъ, если только этимъ средствамъ будетъ дано надлежащее развитіе.

Въ нынѣшней войнѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ каждой другой, наступающій имѣетъ важныя преимущества передъ обороняющимися: необходимо изъ печальнаго оборонительнаго положенія перейти въ наступательное и поддерживать его съ энергіею и устойчивостію, пока порядокъ не будетъ водворенъ совершенно. Государь, Россія, Исторія, оцѣнятъ заслугу Государственнаго мужа, который, побѣждая обыденныя препятствія, пойдетъ твердо стопю къ великой цѣли—благу Россіи и Польши. Сочувствіе современниковъ и любовь войска обезпечены ему заранѣе. Первымъ шагомъ къ переходу представляется естественно, объявленіе военнаго положенія въ городѣ и во всемъ Царствѣ.

Средство это при началѣ возмущенія было бы радикальное, мгновенно пресѣкающее зло. По этому оно и не допущено по проискамъ бунтовщиковъ. Выставили военное положеніе мѣрою

кровожадною, арбитражною, стѣснительною для невинныхъ жителей, для торговли и промышленности. Все это, однако же, было несправедливо: военное положеніе не возбуждаетъ кровопролитія, а предупреждаетъ его, какъ мы это видѣли въ Варшавѣ въ теченіи почти 30 лѣтъ. Оно поддерживаетъ спокойствіе своею строгостію, но при томъ такъ мало стѣснительно, что объявленное въ 1834 году военное положеніе въ Царствѣ не снято и по нынѣ: о немъ забыли!

Касательно арбитражности или произвола, нечего и говорить: это только декламация, ни на чемъ не основанная, кромѣ желанія отнять у Правительства власть. Военное положеніе существуетъ у всѣхъ народовъ, существуетъ законно и употребляется безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти при каждомъ случаѣ, когда общественный порядокъ нарушенъ, или угрожается нарушеніемъ, Въ Россіи, по постановленіямъ, всѣ Губерніи, гдѣ располагается армія на военномъ положеніи, подлежатъ этому положенію. Но военное положеніе прямо противорѣчило замысламъ бунтовщиковъ, прямо уничтожало ихъ: оно подвергало Русскому суду преступленія противу общественнаго порядка, а бунтовщикамъ нужно было судиться Польскимъ судомъ, т. е., дѣлать все безнаказанно, какъ и въ самомъ дѣлѣ было: по этому они выставляли военное положеніе какимъ-то чудовищемъ, актомъ тираніи и проч.

Покойный Намѣстникъ, видя, какъ пользуются Поляки слѣданными уступками, а, можетъ быть, и внимая общему голосу Русскихъ, самъ признавалъ необходимость перемѣнить систему, и военное положеніе было уже приготовлено. По несчастію, одинъ изъ новыхъ членовъ Правительства, выдававшій себя за противника бунта, возсталъ противу этой мѣры и объявилъ, ⁵ что возьметъ отставку, если она будетъ выполнена. Это остановило дѣло, ⁶ и Русское Правительство во все время было въ подчиненномъ положеніи.

⁵ Этотъ членъ былъ Графъ и Маркизь Велѣпольскій. Переп.

⁶ И не было бы кровопролитнаго дня 27 Марта. Переп.

Въ настоящее время военное положеніе не можетъ имѣть тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, какія имѣло бы въ первые дни возмущенія: потеря времени въ подобныхъ дѣлахъ не вознаграждается. Не менѣе того за немедленное введеніе военнаго положенія говорятъ слѣдующія соображенія:

По нынѣшнему развитію возмущенія, не возможно избѣгать объявленія военнаго положенія въ край ранѣе, или позже. Это истина неоспоримая. Объявленіе его нынѣ дастъ Правительству силу къ укрощенію мятежа. Объявленіе поздиѣ будетъ служить только къ личному его самосохраненію. ⁷

Въ настоящее время военное положеніе представляетъ, между прочимъ, ту важную выгоду, что опредѣлить обстоятельно и логически дѣйствія войскъ и Военскихъ Начальниковъ въ отношеніи къ народу. Присутствіе войскъ передъ народными толпами, передъ грабежами и убійствами, безъ права дѣйствовать оружіемъ, не только бесполезно, но весьма вредно. Это дѣйствуетъ одинаково пагубно, хотя совершенно различно, на народъ и на солдатъ.

Но главная выгода военнаго положенія—это спасительный страхъ, который внушитъ оно черни и другимъ мелкимъ дѣятелямъ возмущенія. Люди эти вовлекаются въ заблужденія самыми пошлыми обманами, особенно увѣреніями въ безнаказанности. ⁸ Но вообще они трусливы, и какъ только будутъ увѣрены, что за всякій беспорядокъ имъ грозитъ преданіе военному суду, можно быть увѣрену, что они не пойдутъ на него, развѣ еще для опыта разъ, или два. Въ этомъ смыслѣ чѣмъ скорѣе и неожиданнѣе будетъ объявлено военное положеніе, тѣмъ большее произведетъ оно дѣйствіе. Но положеніе, по крайней мѣрѣ, на первые дни должно

⁷ Военное положеніе объявлено 2 Октября. Переп.

⁸ Легкомысленность Польскаго народа баснословна. Такъ, на примѣръ, съ недавняго времени этотъ народъ вдругъ сдѣлался серьезнѣе и требовательнѣе. Причиною этому былъ пущенный слухъ, что, яко бы, Государь сказалъ Нашѣстнику: «Дѣлай имъ всякія уступки, только сохрани мнѣ Польскую корону!» Можетъ быть это было поводомъ и недавнихъ происшествій. Переп.

быть строго и безпощадно, не въ примѣненіи наказаній (это дѣло второстепенное), и кровь людскую всегда должно беречь, а въ преслѣдованіи виновныхъ, чтобы, по Русскому выраженію, каждая вина была виновата, чтобы виновный былъ увѣренъ въ неизбѣжности наказанія. Впрочемъ, о формѣ и дѣйствіяхъ военнаго положенія здѣсь не мѣсто распространяться. Само собою разумѣется, что они должны быть весьма обдуману и логически примѣнены къ могущимъ встрѣтиться случаямъ; при томъ, чтобы практика не была въ разладѣ съ теоріею.

Наконецъ, военное положеніе дозволить ввести въ Варшавѣ новую Полицію, безъ опасенія, что она будетъ деморализована, и окончить въ порядкѣ предстоящіе выборы гражданъ въ Городской Совѣтъ. Безъ этого выборы будутъ сдѣланы подъ вліяніемъ уличныхъ происшествій, и послѣдствія могутъ быть новыиъ актомъ той грустной комедіи, которая продолжается уже болѣе шести мѣсяцевъ.

АППЕЛЛЯЦИОННЫЙ ОТЗЫВЪ

СТАРООБРЯДЧЕСКАГО СВЯЩЕННИКА, АЛЕКСАНДРА АРСЕНЬЕВА.

Въ Костромскую Духовную Консисторію Московскаго Рогожскаго кладбища Священника Александра Иванова Арсентьева,

Отзывъ.

Съ 22-го Мая сего года въ Костромской Духовной Консисторіи производилось дѣло, начавшееся, по отношенію Господина Московскаго Генералъ-Губернатора, присланному къ Его Преосвященству, Виталию, Епископу Костромскому и Галицкому, о приведеніи во исполненіе заключенія объ отсылкѣ меня именованнаго, какъ избличеннаго въ дѣйствіяхъ ко вреду Православной Церкви, для поступленія по законамъ.

Духовная Консисторія, учинивъ справку о времени моей изъ села Боріева Чухломскаго Уѣзда отлучки, которая послѣдовала въ 1817 году, и, не находя за мной ни какихъ предосудительныхъ поступковъ, рѣшеніемъ своимъ опредѣлила: «Лишивъ меня за эту отлучку Священническаго сана, отослать въ Костромское Губернское Правленіе, на законное его распоряженіе, изображенное въ Указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 26 Ноября, 1835 года, за № 12741.

Рѣшительное опредѣленіе, по разсмотрѣніи и утвержденіи онаго Его Преосвященствомъ 20 Іюня сего года, объявлено было

нѣ узаконеннымъ порядкомъ. Съ горестливъ и скорбимъ выслушавъ неожиданный мною судебный приговоръ Епархіальнаго Начальства, и, не находя въ ономъ ни Высочайше утвержденныхъ въ 26 день Марта, 1822 года, правилъ относительно Старообрядческихъ Священниковъ, ни свѣдѣнія, отобраннаго Московскою Управою Благочинія отъ конторы Рогожскаго кладбища о мнѣ и другихъ Священникахъ оного, ни предписанія Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора въ 1827 году, къ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру послѣдовавшаго, съ изъясненіемъ Высочайшей Государя Императора воли, ни тѣхъ въ виновности моей уликъ и къ оправданію моему надлежащихъ справокъ, которыя требуются тома XV Свода Законовъ уголовныхъ, изданія 1842 года, статьями 1169 и 1175, я осмѣлился объявить свое неудовольствіе 22 Іюня того же года, обязываясь представить въ узаконенный срокъ аппелляціонный отзывъ, что и чинѣ и исполняю:

1.

Отлучка моя изъ Костромской Епархіи къ Москвѣ и проживание на Рогожскомъ кладбищѣ покрываются Высочайше утвержденными 26 Марта, 1822 года, правилами, въ коихъ о Священникахъ, находящихся при Старообрядческихъ церквахъ и молитвенныхъ домахъ, изображено такъ: «Буде они не сдѣлали ни какого уголовнаго преступленія, оставлять ихъ на мѣстѣ.» Эти Высочайше утвержденныя правила, безъ сомнѣнія, извѣстны и духовному и гражданскому начальствамъ.

2.

Такимъ образомъ, на основаніи выше означенныхъ правилъ, находясь невозбранно и безопасно на Рогожскомъ кладбищѣ по сіе время, былъ не безъизвѣстель и Московскому Начальству; ибо первое чрезъ Московскую Управу Благочинія, по предписанію Московскаго Гражданскаго Губернатора, требовало отъ конторы Рогожскаго кладбища, въ 1827 году, свѣдѣнія о находящихся на ономъ Священнослужителяхъ, и контора Рогожскаго кладбища, 21 Января того же года, дала о мнѣ знать, что нужное Правительству свѣдѣніе отобрано о мнѣ еще въ 1822^{мъ} году Ро-

гожскою Частью, а по сему и Костромское Епархіальное Начальство не могло не знать о моемъ проживаніи на томъ кладбищѣ.

3.

Въ предписаніи Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, послѣдовавшемъ въ томъ же 1827 году къ Московскому Оберъ-Подиціймейстеру, изъяснена Высочайшая Государя Императора воля, сообщенная Господиномъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы находящихся у Старообрядцевъ Московскаго Рогожскаго кладбища Священниковъ, въ числѣ десяти, и двухъ Діаконовъ, оставить въ покоѣ. Здѣсь именно въ числѣ ихъ находился и я. Сія священная Высококомандная воля объявлена старшинамъ кладбища, а чрезъ нихъ и мнѣ.

4.

Когда же обнародована была послѣдняя всенародная перепись по Россіи, то старшинами кладбища о всѣхъ находящихся на ономъ кладбищѣ Священникахъ, съ обозначеніемъ ихъ семействъ, была подана ревизская сказка; въ числѣ оныхъ и о мнѣ составлена, съ обозначеніемъ лѣтъ моихъ, по формѣ; таковая же вѣдомость подана и въ Московскую Ревизскую Коммисію, отъ которой на пріемъ ея, отъ 30 Апрѣля, 1834 года, выдана квитанція за № 1973. Всѣ сіи обстоятельства ясно указываютъ, что проживание мое на Рогожскомъ кладбищѣ было не тайное и не противное волѣ Правительства.

5.

Что же касается до того, что яко бы я, проживая на Рогожскомъ кладбищѣ дѣйствовалъ ко вреду Православія, въ доказательство чего, какъ полагаю, и присланы Его Преосвященству два дѣла, при отношеніи Господина Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, одно о бракѣ Частухина, а другое о бракахъ Мелина и Шеретина, то, какъ прежде въ данномъ мною временному отдѣленію Московскаго Земскаго Суда отзывѣ объяснялъ, что не только означенныхъ лицъ не вѣчалъ, и ни какихъ для нихъ и для семействъ ихъ требъ не исполнялъ, но даже и ихъ

вовсе не зналъ и не знаю, такъ и нынѣ, по долгу Священства и совѣсти моеи, повторяю: да и ни Частулинъ, ни Лелинъ, ни Шеретинъ, ни кто изъ нихъ меня въ повѣнчаніи ихъ не только ни какими законными уликами при слѣдопроизводствѣ не изобличили, но оправдали. При томъ же къ повѣнчанію браковъ на Рогожскомъ кладбищѣ проживающіе тамъ Священники не иначе приступаютъ, какъ будучи вполне удостовѣрены о совершенной безпреступности во всѣхъ отношеніяхъ со стороны попечителей кладбища, такъ какъ по Указу Московскаго Губернскаго Правленія, отъ 29 Февраля, прошлаго 1836 года, за № 15494, на нихъ именно возложена обязанность не допускать никого изъ не принадлежащихъ къ Рогожскому кладбищу къ браковѣнчанію на ономъ. Милостивое и вѣдѣть правосудное Правительство не оставитъ, безъ сомнѣнія, войти въ подробное разсмотрѣніе означенныхъ брачныхъ дѣлъ и самаго предбрачнаго порядка, на этотъ предметъ вообще на кладбищѣ установленнаго.

6.

Значущая въ выпискѣ изъ исповѣдной книги 1841 года по дѣлу Лелина и Шеретина, бывшая у меня на исповѣди, деревни Новинокъ, Анна Ѳедорова, есть дѣйствительно лицо Старообрядческое, издавна принадлежащее семейству той же деревни, крестьянки Пелагеи Дмитріевой, сына ея роднаго, Якова Семеновна жена, а не та Анна Ѳедорова, которая есть дѣвица и вѣдѣть дочь Ѳедора Лелина: сходство двухъ именъ, отчество и даже сословіи въ такомъ многочисленнѣйшемъ количествѣ прихожанъ, какое состоитъ на Рогожскомъ кладбищѣ, весьма возможно, впрочемъ не ведетъ къ тому, чтобы, по тождеству именъ и отчества, одно лицо можно принимать за другое. Я твердо увѣренъ, что дѣвица Анна Ѳедорова Лелина никогда у меня въ духовности не была.

И такъ, извѣсивъ выше прописанныя обстоятельства, и чувствуя, что я на Рогожскомъ кладбищѣ проживалъ не только подъ защитою Правительства, но даже по Высочайшему соизволенію, нужнымъ нахожу присовокупить, по долгу сана моего и чистой совѣсти, и то, что я ко вреду Православной Церкви не только

ни чего не дѣлалъ, по даже и на мысли своей ни чего не имѣлъ. Если же въ данномъ мною въ Духовной Консисто́ріи допросѣ я и показалъ, что поступокъ мой не считаю предосудительнымъ, то по тому, что Монаршая власть, мудрыми своими законоположеніями и отеческою кротостію, сему благоснисходила и благоснисходитъ, какъ выше сего объяснено мною въ третьемъ пунктѣ настоящаго отзыва.

Такимъ образомъ, почитая опредѣленіе Костромской Духовной Консисто́ріи о лишеніи меня Священническаго сана, съ отсылкою въ Губернское Правленіе, съ силою законовъ не согласнымъ и по обстоятельствамъ дѣла не полнымъ, симъ покорнѣйше прошу оную Духовную Консисто́рію принять сей мой апелляціонный отзывъ, и съ самымъ дѣлопроизводствомъ представить Святѣйшему Правительствующему Синоду, на милостивое его разсмотрѣніе, согласно тому, какъ изображено въ Уставѣ Духовныхъ Консисто́рій, въ статьѣ 181, Іюня 17 дня, 1841 года. Къ сему отзыву Священникъ Александръ Ивановъ Арсентьевъ руку приложилъ.

П И С Ь М О

ИНОКА ВОИФАТІЯ КЪ РОДСТВЕННИКУ СВОЕМУ.

Господи Ісусе Христе, Сыне Божіи, помози намъ!

Любезнѣйшій Петръ Васильевичъ!

Миръ тебѣ отъ Бога нашего, Ісуса Христа, также и всѣмъ домашнимъ нашимъ, въ Православіи пребывающимъ, радоваться желаю.

Время мило и вѣкъ золь приближается, и въ нашемъ чину скорбное житіе наступаетъ: ужаемое зрѣлище поражаетъ каждаго благоразумнаго челоуѣка, и всѣ горестныя дѣянія наши передать нельзя безъ содроганія сердца.

Въ наши льстивыя времена очень трудно спастись, не только всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, въ миру живущимъ, но и намъ, черноризцамъ, предстоитъ лютой предѣлъ. Развѣ спастись могутъ только тѣ, кои, отложивши всѣ попеченія и заботы плотскія, возжелаютъ работати единственно Господеву, и въ законѣ его поучатися день и ночь. Они одни только могутъ познавати послѣднѣя времена сіи; ибо Духъ Святый поучаетъ ихъ различати и разумѣвати о сей мнимо вольготной жизни, которая готовитъ насъ къ вѣчной погибели, къ запустѣнію Церкви Христовой и ко всемірному сближенію съ Костеломъ Римскимъ, или яснѣе сказать, собираетъ всѣхъ во едино цѣлое стадо на служеніе Антихристу и ведетъ во адъ и муку кровѣшную.

Видно наступаетъ послѣднее время, когда и въ нашихъ краяхъ явились метрики, для вписыванія новорожденныхъ. Прежде сего у насъ не было. Откуда это взято, съ Римскаго обычая, или Великороссійскаго, не поймешь. Надо полагать, что это вводится какое ни будь новшество еретическое. Но, можетъ быть, вамъ лучше извѣстно, то напишите мнѣ объ этомъ.

Кореневскій монастырь и всѣ живущіе около его наши Христіане жалуются на разныя притѣсненія мѣстнаго начальства, которое изгоняетъ всѣхъ подвижниковъ древле-истиннаго Благочестія, а въ нашей Губерніи и около насъ въ прочихъ Губерніяхъ всѣ Православные Христіане хотя живутъ покойно, молятся ежедневно за возлюбленнаго Царя нашего, и отъ начальства имъ нѣтъ ни какого притѣсненія и насилія, но за то, видно за грѣхи наши, сами всѣ возмущались и смѣсились между собою отъ Окружнаго Посланія и распались на многія части. Тенерь нельзя понять и разобрать, въ какомъ положеніи находится Вѣра наша? — Въ какомъ-то непроицаемомъ иракѣ невѣдѣнія! Все это надѣлали наши Владыки: Антоній Московскій и Софроній Калужскій, чтобы можно было имъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Прошу меня увѣдомить, что слышно у васъ о раздѣленіи нашихъ Христіанъ.

Въ настоящее время у насъ, въ селеніи Плоскомъ, священнодѣйствуетъ старый Іерей, Софроній, котораго знаетъ отецъ Пахомій, а Епископъ Софроній гдѣ теперь находится, ни кто у насъ не знаетъ; вѣроятно, проживаетъ въ Москвѣ, у зятя своего, Кузнецова, или въ Калугѣ.

Послѣ посланнаго вамъ письма, отъ 15 Сентября прошлаго года, я возложилъ все свое упованіе на Бога, его Пречистую Матерь, Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ и всѣхъ Святыхъ, и, надѣясь на ихъ защиту и помощь, началъ свое задуманное дѣло. Въ недалекомъ разстояніи отъ селенія Плоскаго есть большой садъ у одного благочестиваго крестьянина, именемъ Дорофея, у котораго я выпросилъ дозволеніе въ этомъ саду выкопать себѣ хату или землянку. Сей добрый, крестьянинъ, уважая образъ Ангельскій и санъ мнишескій, далъ мнѣ, Христа ради, лѣсу и печку чугунную, и я, съ помощію его, вырылъ своими руками

землянку или малую пещеру, и въ ней устроилъ себѣ хату въ три дни. Въ эту пещеру переселился 25 Октября, на канунъ Великомученика Дмитрія Селунскаго, и теперь живу въ ней, яко въ пустынѣ, благодаря Бога, что Онъ спосособилъ меня таковаго отшельническаго житія.

Теперь живу единъ съ сумою,
И Богъ всегда со мною.

Садъ, въ которомъ я живу, находится въ 17 верстахъ отъ города Тирасполя, въ 4 верстахъ отъ селенія Плоскаго, и въ 3½ верстахъ отъ Нѣмецкой колоніи. Въ этомъ саду рождаются, въ большомъ изобиліи, Грецкіе орѣхи, сливы, яблоки, вишни, виноградъ, арбузы, дыни, боклажани и прочіе разные овощи; хата моя устроена въ горѣ и врыта на сажень въ землю, съ двумя окошками, снаружи и внутри всѣ стѣны обмазаны глиной, внутри потолокъ, полъ, столъ и скамейки устроены изъ земли, дверь у хаты сплетена изъ хворосту, около хаты поставленъ шалашъ земляной, а внизу подъ горою находятся двѣ крыницы и ставъ, выложенные камнемъ. Говорятъ, что тутъ прежде обитали Турки.

Въ настоящее время жить мнѣ очень трудно; надо разводиться вновь: нѣтъ у меня ни иконъ, ни книгъ, ни посуды, ни хлѣба, и Богъ кормитъ меня добрыми людьми. Мнѣ трудно прожить только одну зиму, а на лѣто буду жить своими трудами: сѣять хлѣбъ и сажать картофель, арбузы и прочіе овощи, и питаться яблоками, сливами и виноградомъ. Весною будутъ селиться около меня въ другихъ садахъ много иноковъ, какъ то: Аркадій, Іоиль, и Арсеній, и Сирахъ, которыхъ знаетъ отецъ Пахомій.

Какъ скоро вышлютъ мнѣ паспортъ, по полученіи коего я немедленно напишу вамъ, куда я намѣренъ ити, послѣ того я отправлюсь въ дорогу, зайду мимоходомъ въ Москву Бѣлокаменную и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, погляжу на милую родину—колыбель моего воспитанія, повидаясь со всѣми родными и близкими къ моему сердцу, побываю на Рогожскомъ кладбищѣ, омочу горячими слезами могилы своей родительницы, и отправлюсь

въ предположенный путь, и тогда Богъ вѣсть, что будетъ со мною. Хотя побывать въ краю родномъ будетъ крюку версть сотъ пять, но за то сердце у меня будетъ покойно.

Какъ трудно иноку лѣзть по этой скользкой лѣстницѣ, достигающей небесъ. Очень боюсь, чтобы не оскользнуться и не упасть въ глубокой ровъ съ колючими терніями. Но, надѣясь на промыслъ Божій и святыя молитвы нашихъ Христіанъ, пойду по ней тихими шагами и, можетъ быть, если угодно будетъ Богу, и дойду до верхней ступени вѣчнаго милосердія; ибо Священное Писаніе гласитъ тако: «Мнози иноцы падаютъ и возстаютъ. Грѣхи всего міра, яко горсть песку въ морѣ, не могутъ сравняться съ неизреченными щедротами Бога Вездѣсущаго.»

Остаюсь въ ожиданіи письма; за тѣмъ прощайте! Да будетъ благословеніе Божіе надъ главою твоею отъ нынѣ и до вѣка. Смирный инокъ Вонифатій.

Селеніе Плескѣ.

Августа 6 дня, 1868 года.

ПИСЬМА

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, И. И. ДАВЫДОВА,
КЪ КНЯЗЮ Н. Н. ГОЛИЦЫНУ. *

1.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государы!

Не видя до сихъ поръ въ журналахъ описанія бала, даннаго Его Сіятельствомъ, Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, я рѣшился сдѣлать оное и представить Вашему Сіятельству. Давно бы я изготвилъ описаніе подробнѣйшее, если бы имѣлъ на это позволеніе; полагаю, что это поручено кому либо другому. Впрочемъ, если дѣйствительно это уже кѣмъ либо сдѣлано, то препровождаемое при семъ описаніе да послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ всегдашней готовности моей служить Его Сіятельству по возможности. Но несказанно радъ буду, если оно можетъ послужить статью для «Молвы», ** гдѣ въ непрерывной связи описываются Высочайшія посѣщенія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивой Государь Князь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

Ноября 15-го, 1831 г.

* Правителю Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа 1831—1833. О. Б.

** Газеты, издававшейся тогда при журналѣ «Телескопъ.» О. Б.

2.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

Отвези къ Вашему Сіятельству статью для журнала и не имѣвъ чести застать Васъ дома, я надѣялся видѣться съ Вами въ Университетѣ, какъ это прежде бывало; но какъ Вы сегодня не изволили быть у насъ, и я не имѣлъ случая видѣть Ваше Сіятельство, то я рѣшаюсь письменно изложить, что намѣренъ былъ доложить Вамъ при личномъ свиданіи:

1. Если бы, къ величайшему моему удовольствію, угодно было Князю одобрить краткое описаніе бала, то надобно бы немедленно препроводить оное къ издателю «Молвы и Телескопа,» для напечатанія къ Середѣ; по тому что подобныя извѣстія пріятны по новости и свѣжести.

2. Мнѣ сообщено предположеніе Вашего Сіятельства, при представленіи меня къ Пряжкѣ, присоединить мое прошеніе. Осмѣливаюсь доложить Вамъ, что теперь можно бы представить просто, безъ объясненій, которыя пригодятся на случай вопроса. Впрочемъ, если и объясненіе присоединить изволите, то это ни мало вредить дѣлу не можетъ, а еще предупредить могущій возникнуть вопросъ. Буди на это воля Ваша!

3. Еще хотѣлось мнѣ изъяснить Вашему Сіятельству слѣдующее. На балѣ Министръ * нашъ удостоилъ меня разговора, и весьма продолжительнаго, который заключилъ онъ тѣмъ, что желаетъ видѣть меня у себя, о чемъ хотѣлъ дать мнѣ знать изъ своей Канцеляріи. Въ Пятницу, когда именно говорили мы о Министрѣ, я получилъ назначеніе быть у Министра. Явился я къ нему: принять былъ очень ласково. «Вниманіе къ Вамъ, сказалъ мнѣ Министръ, Князя Сергія Михайловича удостовѣряетъ меня въ достоинствахъ вашихъ.» На это отвѣчалъ я поклономъ. «По этому, продолжалъ онъ, я хочу, чтобъ Вы оставались въ ученомъ званіи.» Еще поклонъ. Далѣе спрашивалъ онъ о конкурсѣ на кафедру Словесности. ** Я доложилъ ему, что срокъ этого

* Князь Ливень. О. Б.

** По случаю смерти Профессора А. Ф. Мерзлякова. Ф. Б.

конкурса прошелъ, подано разсужденіе отъ Глаголева, служащаго въ Петербургѣ; между тѣмъ какъ въ прошломъ году Совѣтъ избралъ меня на эту кафедру, и нашъ Князь представлялъ меня на утвержденіе, но Министръ отказалъ, или лучше сказать, заставилъ меня отказаться. Тутъ еще онъ повторилъ прежнее, т. е., о вниманіи Князя Сергія Михайловича къ трудамъ моимъ и долговременнымъ несчастіямъ, и прибавилъ: «Я также съ моей стороны постараюсь сдѣлать для Васъ все, согласно съ волею Князя Сергія Михайловича.» Я поклонился и вышелъ. Возвратившись домой, послалъ я Его Свѣтлости программу или вступительную лекцію, за которую я столько страдалъ и которую желалъ онъ прочесть.* Вотъ содержаніе разговора моего съ Министромъ, о чемъ нетерпѣливо желалъ я сообщить Вашему Сіятельству, но и до сего времени не могъ этого исполнить, не имѣвъ случая Васъ видѣть.

Кажется, Его Свѣтлость, исполняя нынѣ всѣ прежнія представленія нашего Князя, хочетъ выполнить и представленіе, въ разсужденіи меня дѣланное въ прошломъ году. До сихъ поръ не знаю послѣдствій его обѣщанія. Къ кому же могу прибѣгнуть, какъ не къ Вамъ, Ваше Сіятельство? При случаѣ, я просилъ бы всепокорнѣйше Васъ, Сіятельнѣйшій Князь, довести до свѣдѣнія Его Сіятельства, что я, по требованію Министра, представлялся ему и слышалъ отъ него пріятное о себѣ, какъ слѣдствіе благодѣтельнаго вниманія и милостей ко мнѣ Князя Сергія Михайловича. Я надѣюсь, что со стороны Министра препятствій не будетъ во всемъ томъ, что только Его Сіятельству угодно будетъ сдѣлать для обновленія моего существованія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства, Милостивый Государь Князь,
покорнѣйшій слуга Иванъ Давыдовъ.

1831 г., Ноября 16.

* «О возможности философіи, какъ науки. М. 1826 г., въ 8, 52 стр. За нее сочинитель былъ удаленъ съ кафедры Философіи въ Московскомъ Университетѣ. О. Б.

3.

Сіятедьнѣйшій Князь,

Милостивый Государы!

До сего времени не смѣлъ я утрудять Ваше Сіятельство письмами моими, зная, сколько Вы заняты въ настоящемъ случаѣ. Но слыша, что Вы и вдали вспоминаете о преданныхъ Вамъ, и заботитесь объ улучшеніи ихъ участи, я не могъ долѣе безмолвствовать. Самъ Богъ вознаградитъ Ваше Сіятельство за великодушное и благороднѣйшее защищеніе справедливости, а я всегда почту священнѣйшимъ долгомъ быть Вамъ признательнымъ и благодарнымъ.

Содержа твердо въ памяти и въ сердцѣ священные слова Монарха, Августѣйшаго Отца Отечества, переданныя мнѣ благодѣтельнымъ нашимъ Начальникомъ, нынѣ я только умолялъ бы Его Сіятельство обратить на усердіе мое милостивое Высочайшее воззрѣніе. При множествѣ дѣлъ Его Сіятельства, отъ Васъ зависитъ, Сіятедьнѣйшій Князь, привести на память это обстоятельство. Впрочемъ, доброе сердце Вашего Сіятельства болѣе меня выскажетъ въ пользу мою, а я присоединю: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ!»

Уповаю на высокое покровительство Ваше, съ глубочайшимъ почитаніемъ, безпредѣльною преданностію и всегдашнею благодарностію имѣю честь быть,

Сіятедьнѣйшій Князь,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

1832 г., Мая 19.

Москва.

4.

Милостивый Государь,

Князь Николай Николаевич!

Я имѣлъ честь быть у Вашего Сіятельства, чтобъ пожелать новорожденному здоровья и счастья, а Вамъ радостей. Виѣсть съ снмъ желалъ я предъ Вашимъ Сіятельствомъ ходатайствовать о добромъ и достойномъ И. П. Ф. Вѣроятно, онъ самъ уже умоляетъ Васъ; увѣренъ также, что Вы, Князь, по возвышеннымъ и благороднѣйшимъ чувствованіямъ сердца Вашего, расположены въ его пользу: но я, по драгоцѣнному Вашему ко мнѣ вниманію, осмѣливаюсь къ его дѣлу предъ Вами присоединить и мой голосъ просительный. Отъ Вашего Сіятельства зависитъ устройство участія того, который останется во всю жизнь Вамъ признательнымъ. Таковое благодѣтельное участіе Ваше въ судьбѣ его и я почту за величайшее, какъ бы мнѣ самому оказанное, благотвореніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, всегдашнею благодарностью и безпредѣльною преданностью имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Давыдовъ.

1834,
Мая 13.

ОБЪ УВОЛЬНЕНІИ

КІЕВСКАГО И МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТОВЪ ВЪ ЕПАРХІИ. ¹

Въ письмахъ Филарета (изд. А. Н. М. Кіевъ, 1869 г.), на стр. 109, напечатаны слѣдующія строки Святителя: «Семдесятъ седмины опредѣлены для народа твоего, и для града святыни твоея: да совершится противленіе и запечатлѣются грѣхи, и очистится беззаконіе, и приведется правда вѣковъ, и запечатлѣется видѣніе и пророкъ, и помажется Святой Святыхъ. И вѣдай и разумѣй: отъ исхода слова о возстановленіи и о созданіи Іерусалима до Христа старѣйшины, седмины семь и седмины шестьдесятъ двѣ. Возстанутся и созиждется стогна и ограда, и при томъ въ тѣснотѣ время. И послѣ шестидесяти двухъ седмины убиенъ будетъ Христосъ, и не за себя. Потомъ градъ и святилище разрушитъ народъ старѣйшины грядущаго; и конецъ его въ потопленіи; и до конца

¹ Приложение къ стр. 138 «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета.» См. кн. III на 1869 «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», отд. V, стр. 187. Прим. Редак. — Я не рѣшился передать въ мой книжкѣ рассказъ Митрополита Московскаго о поводѣ къ увольненію изъ Петербурга его и Кіевскаго, полагая, что еще не полны свѣдѣнія о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя надломили довѣріе къ нему Императора Николая I. Теперь не точное, не ясное, ошибочное, просто сказать, истолкованіе такого важнаго, для самостоятельности Синода, событія въ примѣчаніяхъ А. Н. М. къ изданнымъ имъ письмамъ М. М. Филарета, обязываетъ меня возстановить во всей полнотѣ рассказъ услошшаго и незамѣнашаго дѣятеля въ многозначительномъ и независимомъ въ его время Синодѣ, въ пространномъ значеніи словъ Святѣйшаго и Правительствующаго.

брани предопредѣлены опустошенія. И укрѣпите заѣтъ для многихъ седмица единая. И посреди седмины прекратится жертва и приношеніе. И за птицею мерзости опустошеніе. И до рѣшительнаго совершенія воскаплетъ надъ опустошеніемъ.»

«Это съ Еврейскаго. Но чтеніе и смыслъ послѣднихъ словъ имѣетъ нужду въ повѣркѣ съ чтеніемъ, которому слѣдовали семьдесятъ толковниковъ.»

Къ этѣмъ-то строкамъ, вовсе не кстати, издатель привелъ рассказъ объ увольненіи двоихъ Филаретовъ, Московскаго и Кіевскаго, изъ Петербурга въ ихъ Епархію. Вотъ это повѣствованіе:

«Весною 1842 года произошло важное событіе въ Синодѣ.

«Написаны были три безъимянныя письма тремъ Митрополитамъ, Новгородскому, Кіевскому и Московскому, что въ Троицкой Академіи студенты пользуются литографическимъ переводомъ Пророчествъ, сдѣланнымъ въ неправославномъ духѣ. Всѣ три письма представлены были Оберъ-Прокурору; Владыка Московскій предчувствовалъ, что непріятныя будутъ отъ сего послѣдствія, тѣмъ болѣе, что литографія производилась въ духовной Академіи Петербургской, которую Оберъ-Прокуроръ только что приналъ под свое вѣдѣніе отъ бывшей Комиссіи Духовныхъ Училищъ. По его внушенію, Кіевскій Митрополитъ предложилъ, чтобы назначено было строжайшее изслѣдованіе по сему дѣлу въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, а Владыка Новгородскій, Серафимъ, уже совершенно одряхлѣвшій, просилъ письменно Графа вступить за Православіе (какъ будто ему угрожала опасность). Вскорѣ послѣдовало новое предложеніе Оберъ-Прокурора, будто въ Московской Академіи найдено еще 5 т. экземпляровъ, уже не литографированныхъ, а печатныхъ съ другаго перевода Библии, еще худшаго, и о томъ было также донесено Государю, хотя Митрополитъ Филаретъ умолялъ, чтобы дано было ему двѣ недѣли времени для обличенія этого доноса, который дѣйствительно оказался ложнымъ. Когда же, въ началѣ весны, оба Митрополита, Кіевскій и Московскій, стали по обычаю проситься въ свои Епархіи, ихъ отпустили уже безъ возврата.»

«Митрополитъ Московскій, давно желавшій водвориться въ Москвѣ, безъ столь затруднительныхъ для его немощи поѣздокъ въ сѣверную столицу, не могъ, однако, не скорбѣть духомъ, что, послѣ многолѣтнихъ трудовъ по Синоду, его отпускали какъ бы по неудовольствію, и на него падала тѣнь подозрѣнія отъ несправедливыхъ нареканій. Я присутствовалъ при его отъѣздѣ, 15 Мая, и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братією въ церкви подворья, что невольно меня поразило, при его твердомъ характерѣ. Ему уже не суждено было болѣе возвратиться въ Петербургъ, хотя вскорѣ почувствовали недостатокъ его присутствія въ Синодѣ. Онъ вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ себя въ Москвѣ между своими, и это чувство отзывается въ первомъ его письмѣ ко мнѣ.» Вотъ, что написано въ этомъ первомъ письмѣ: «Путешествовалъ я благополучно, и пребываю, по благодати Божіей мирно, Вечеромъ 15 дня въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ довольно постучался: но на утро предъ утренею, въ Софійскомъ и Знаменскомъ соборахъ обрѣлъ двери отверсты. Въ Воскресенье, въ Вышнемъ Волочкѣ, къ литургіи пришелъ въ соборъ благовременно, и въ тотъ же день достигъ Твери, гдѣ Преосвященнаго нашелъ здравствующимъ. Въ селѣ Завидовѣ, первомъ отъ границы въ Московской Епархіи, въ тѣснотѣ, между крестьянами и дѣтьми ихъ, я почувствовалъ себя дома. Праздникъ Святителя Алексія праздновалъ при мощахъ его съ вечерней службы. Между занятіями и людьми не вижу времени.»—Не вижу я тутъ ни печали, ни радости, ни намекъ на случившееся. Вижу спокойствіе духа. Но Г. Муравьевъ слышитъ и позже «отголосокъ печальнаго настроенія его духа послѣ удаленія изъ Петербурга;» и въ чемъ же? (стр. 115): въ простыхъ словахъ (по неполученію отвѣта на свое письмо отъ М. Серафима): «Печальна для меня мысль, что, естъли это не просто молчаніе, а памѣренное выраженіе холодности? Впрочемъ, я только печалюсь, а ни мало не гнѣваюсь, и молю Бога, да даруетъ миръ душѣ его, и да не вѣдаетъ она, что имѣетъ во мнѣ для себя сына мира.»

Ошибочно приписываетъ онъ поводъ къ увольненію Митрополита отъ дѣлъ Синода литографическимъ листамъ, т. е., тре-

вогъ, поднятой на переводъ Павскаго. Два дѣла о Павскомъ: одно, какъ о Законоучителѣ Гоеударя Наслѣдника, другое, какъ о Преподавателѣ въ Духовной Академіи, возникли и рѣшены до опалы обоихъ Филаретовъ. Въ монхъ «Запискахъ» (стр. 89—91) разсказано, по разсказу Московскаго Митрополита, о томъ и о другомъ дѣлѣ. На литографическое изданіе Павскаго обратилъ вниманіе Синода Іеромонахъ Агаѳангелъ (позже епископъ Вятскій, а теперь Архіепископъ Волынскій). Не тотъ былъ поводъ къ удаленію изъ столицы двухъ Митрополитовъ.

А вотъ какъ это случилось, неожиданно для дѣйствующихъ лицъ, какъ въ Синодѣ, такъ и внѣ Синода: Какъ-то, въ частной дружеской бесѣдѣ двухъ Святителей, зашла рѣчь о неясности и невѣрности въ разныхъ мѣстахъ Славянскаго перевода Библіи. Разсуждая, какъ бы поправить важнѣйшія ошибки и неточности, не ожидая новаго переложенія, они пришли къ такому заключенію, что можно: гдѣ присовокупить истолкованіе, гдѣ замѣнить непонятное слово и неправильное выраженіе инымъ словомъ и выраженіемъ, гдѣ пояснить смыслъ въ краткомъ перечневомъ содержаніи (sommaire, summaŕium) въ оглавленіи той, или другой, книги, пѣсни, посланія, и т. д. Но по слову Божию (Луки глава 12, ст. 2 и 3): «Нѣтъ ничего сокровеннаго, что бы не открылось, ни тайнаго, чего бы не узнали. По сему, что вы сказали въ темнотѣ, то услышится во свѣтѣ, и что вы говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено съ кровель.»

Узнать объ этомъ разговорѣ и Оберъ-Прокуроръ. Дѣятельный, воспримчивый, пламенный, Графъ Николай Александровичъ является къ Филарету Московскому и, съ обычною ему прямою, спрашиваетъ его: «Справедливъ ли дошедшій до него слухъ?» Святитель, съ свойственною ему искренностію, передалъ случившійся разговоръ, слово въ слово. Тогда Оберъ-Прокуроръ спросилъ: «Не рѣшится ли онъ дать ему записку о такомъ важномъ вопросѣ, чтобъ самому въ него вдуматься и оцѣнить мнѣніе двухъ старшихъ Членовъ Синода?»—«Охотно!» сказано въ отвѣтъ: «Я не отрекусь отъ своихъ словъ, и что сейчасъ говорилъ Вашему Сіятельству, то же скажу и на письмѣ.» Получивъ записку и, провѣривъ, разумѣется, разсказъ одного Митрополита разсказомъ другого, онъ

долженъ былъ поговорить объ ней и первоприсутствующему Серафиму, который, съ закрытія Библейскаго Общества, постоянно былъ противъ перевода Библии. Графъ, съ его, конечно, словъ велѣлъ, (для соблюденія Канцелярской тайны) въ своей Канцеляріи нависать отъ него къ себѣ Отношеніе въ томъ смыслѣ, что нельзя допустить ни какихъ толкованій на Св. Писаніе. Государь, просмотрѣвъ Докладъ, согласился съ заключеніемъ одряхлѣвшаго Серафима.³ При подписаніи Протокола о выслушаніи Высочайшаго отъѣзда, Филаретъ Кіевскій настаивалъ, чтобъ въ Протоколъ была введена справка о томъ, что въ Синодѣ не было сужденія объ исправленіи Славянской Библии; что разговоръ объ этомъ былъ въ частной бесѣдѣ двухъ товарищей на дому; что если затѣвать дѣло, такъ надобно прежде предложить возбужденный вопросъ присутствію, отобразить мнѣніе всѣхъ членовъ, и тогда уже пойти съ Докладомъ къ Императору. Филаретъ Московскій, мало по малу, уснокохлъ и убѣдилъ его не заводить тяжбы, въ сущности не съ Канцеляріей Прокурорской, а съ первоприсутствующимъ, на великій соблазнъ Церкви; онъ смиренно присовѣтовалъ не воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, не гнѣваться, покориться.

Не менѣе того, отпрашиваясь на дѣто въ свою Епархію, онъ кротко, но твердо, высказалъ всю свою правду Оберъ-Прокурору, т. е., что лучше было бы провести это дѣло черезъ Синодъ.

«Что жъ, Вы развѣ не вернетесь въ Синодъ?»

—«Прикажетъ Государь, не могу ослушаться. А самъ по себѣ не вернулся бы.

«По чему?»

—«По тому, что такъ дѣло вести нельзя и опасно.»—Онъ опасался, чтобы сомнительный ему Митрополитъ не вошелъ въ явную, при случаѣ, борьбу съ первоприсутствующимъ въ Синодѣ.

³ Докладъ, ни съ того, ни съ сего, поданный и, какъ думалъ М. М. Филаретъ, полагавшій, «что, за несогласіемъ первоприсутствующаго съ мыслями двохъ изъ членовъ Синода, предположеніе ихъ само собою уничтожилось. Это справедливо; но не менѣе того, Оберъ Прокуроръ не могъ не довести до Высочайшаго свѣдѣнія о разногласіи трехъ Митрополитовъ по возникшему вопросу.

Увольняя его въ Москву, Государь всегда писалъ на докладѣ: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы возвратился къ такому-то сроку.» На этотъ разъ о возвращеніи уже ни слова. Такъ оба Филарета вернулись къ своимъ паствамъ, благословляя и благодаря Бога, а не сѣтуя и не плачучи, какъ сказано выше А. Ц. М., и обьяснится ниже, когда дойдетъ рѣчь до слезъ.

Не были бы удалены два друга-святителя, если бъ не молва въ народѣ, что, съ назначеніемъ Архіепископа Тверскаго членомъ Синода (15 Марта, 1819 г.), ни первоприсутствовавшіе, ни Прокуроры Синодальные, не имѣли ни какого значенія. Повятно, что каждый изъ нихъ, въ ихъ служебномъ положеніи, хотѣлъ быть не ученикомъ, а учителемъ, быть съ голосомъ, во всей силѣ слова, а не безответнымъ исполнителемъ постановленій присутствія. Привожу эту, столь общую человѣчеству, черту щекотливости самолюбія, ради только исторической правды, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы накинуть, хотя бы легкую, тѣнь на котораго либо изъ первоприсутствовавшихъ и Оберъ-Прокуроровъ, тѣмъ же менѣе на добрую память о благородномъ, полезномъ и ревностномъ дѣятелѣ въ царствованіе Николая, особенно благсволившаго къ нему именно за его съ собою правдивость и прямоту.

Мудрена природа человѣческая: одинъ и тотъ же человѣкъ и неуклонно-безстрашно говоритъ непріятныя иногда истины, и въ то же время смущается возраженіями на свои мысли, предположенія, заблужденія.

«Кто были у насъ лучшіе Оберъ-Прокуроры?» — спросилъ Графъ Протасовъ В. В. Скрипицына.

— «Я зналъ двухъ,» отвѣтилъ онъ: «одного очень хорошаго, и другого хорошаго.»

«Кто жь это очень хорошій?»

— «Полковникъ Графъ Протасовъ.»

«А хорошій?»

— «Генералъ-Адъютантъ Графъ Протасовъ.»

«Растолкуйте загадку!»

— Полковникъ Протасовъ принялъ должность смиренно, повелъ дѣла осторожно, велъ себя твердо. — Генералъ-Адъютантъ Протасовъ захотѣлъ властвовать, забралъ силу въ руки, а съ тѣмъ виѣстъ сталъ порой дорожить и связями при Дворѣ.»

Валерій Валеріевичъ передалъ этотъ разговоръ М. М. Филарету, а онъ мнѣ. Когда я показалъ Скрипицыну этѣ строки, удивился онъ лагеротипной (свѣтописной) передачѣ своего разказа Владыкой, послѣ многихъ лѣтъ!

Теперь о плачѣ. — Муравьевъ присутствовалъ при отѣздѣ Митрополита изъ Петербурга и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братіею въ церкви подворья. Ап. Фома усомнился въ воскресеніи Христа, и желалъ осязать раны Искупителя. Простительно и мнѣ усомниться въ строгой точности выраженія «плакалъ.» При силѣ и твердости характера, при невозмутимой сдержанности и самообладаніи Филарета, невозможно вообразить его плачущимъ и рыдающимъ!.. Могла навернуться слеза при прощаніи съ двумя, тремя, лицами изъ братіи, болѣе близкими, или глубоко-сердечно преданными ему, но плакать надъ всею, или со всею, братіею—это риторическая фигура, гипербола. Прослезиться очень легко въ иномъ случаѣ. А плакать, лить слезы, не въ природѣ его. Еще бы братія плакала, рыдала, сѣтовала и ручьями своихъ слезъ вызвала, исторгла слезы изъ пастырской души—это было бы естественно. Но онъ плакалъ, т. е., проливалъ слезы одинъ, а братія не плакала. Въ жизни его много было поводовъ къ слезамъ, однако никогда ни кто не полагалъ его слезливымъ. Не плакалъ же онъ, когда запрещено было ему говорить проповѣди при Дворѣ (мои «Записки,» стр. 107); когда люди отдалили отъ него Инокентія Пензенскаго, котораго онъ любилъ; когда были запрещены его Катихизисы; когда онъ оставался подъ явной опалой въ Москвѣ; когда угрожали удалить его изъ нея въ Грузію? Не плакалъ онъ на людяхъ и по кончинѣ отца, матери, друга—К. А. Н. Голицына. Есть слезы печали, есть слезы и радости; есть слезы униженія, есть слезы и ожесточенія; однѣ слезы—мірскія, другія—молитвенныя. Понятно, если и твердый Филаретъ прослезился на послѣдней, прощальной молитвѣ съ церковью, въ которой столько лѣтъ возносилъ жертву безкров-

ную, возносился духомъ въ небеса. Это понятно, какъ понятно и то, что не легко оторваться внезапно и навсегда отъ давняго круга друзей, пріятелей, даже знакомцевъ и товарищей; сойти съ поприща блистательной и многоплодной дѣятельности, покинуть самыя стѣны, съ домовымъ въ нихъ храмомъ и завѣтной келіей, съ которыми сроднилось сердце, въ которыхъ все, каждая вещь, каждый уголокъ, напоминаетъ свѣтлые дни миновавшей молодости, мужанія и зрѣлости. Какъ не вздохнуть порой при воспоминаніи о прошломъ, въ невѣдѣніи о грядущемъ! Но вздохъ умиленія и слеза молитвенная—не плаканіе, малодушное при монахахъ Троицкаго подворья. Какъ душа постоянно осуждавшаго въ своихъ проповѣдяхъ и устныхъ бесѣдахъ «смѣхъ легкомыслія,» не доступна была смѣху и хохоту, такъ не погружалась она и въ слезы о житейскомъ. Улыбка—не смѣхъ, не хохоть; слеза, подчасъ блеснувшая въ очахъ—не плачь, не рыданіе. Однако, скажутъ иные, самъ Іисусъ Христосъ плакалъ о Лазарѣ. Нѣтъ! Онъ не плакалъ надъ мертвецомъ, а мгновенно прослезился надъ бренностію человѣческой, и воззвалъ его отъ тлѣнія.

Выдаюсь съ Первосвятителемъ Московскимъ разъ и два въ Недѣлю, иногда и чаще, въ теченіе 25 лѣтъ (съ 1842, когда я покинулъ служебное поприще и поселился въ Москвѣ), я убѣдился не въ слезливости его, а въ веселонравіи:—признакъ спокойствія духа. Это веселонравіе не рѣдко проявляется въ его письмахъ и изреченіяхъ тонкой ироніей, приправленной Атичскою солью, или сопровождаемой жалостливой улыбкой. Повторю сказанное въ «Запискахъ» моихъ о немъ: «Постоянное спокойствіе духа рождаетъ мирную въ сердцѣ радость, глубокомысліе не несовѣстимо съ веселонравіемъ и высокое краснорѣчіе съ врожденнымъ остроуміемъ.» Многія мѣста въ моей книгѣ подтверждаютъ эти слова. Такъ и въ письмахъ его къ Муравьеву.

Пишучи, на пр., замѣчанія, и на отдѣльныхъ листахъ, и на поляхъ, и между строкъ неисчислимыхъ рукописей А. Н. М., онъ извиняется передъ авторомъ тѣмъ, что «Госпожа» Грамматика говорить то, чего бъ не хотѣлъ самъ сказать; потомъ заставляетъ говорить и Логикю; далѣе признается, что не нравятся ему стихи, то дактило-хоренческіе, то анапесто-ямбическіе, а частію невѣдомо

какіе. «Естьли неудобно писать постоянно Гомеро-ямбическими стихами: то не лучше ли было бы не притворяться, что пишете стихами?» (стр. 256—260). Такъ (стр. 267—268) молвивъ кстати о непрошенныхъ совѣтахъ: «Можно стучать въ запертую дверь съ молитвою, но съ совѣтами можно только войти въ отворенную,» кончаетъ письмо такъ: «Желаю, чтобы сонъ Иеромонаха сбылся, и чтобы Васъ рукоположили въ Архіерея, только не Арабскаго.»

Не въ веселомъ ли настроеніи высказалось сознание Митрополита, что онъ, вмѣсто епитиміи, читаетъ переводъ Муравьева Клопштоковой Мессіады? Впрочемъ, Андрей Николаевичъ и самъ привелъ одну черту его веселонравія. Собрался Владыка въ Россійскую Академію. Когда онъ сказалъ (говоритъ Муравьевъ) «лакею и кучеру, чтобы ѣхать на Васильевскій островъ въ Академію, никто изъ нихъ не зналъ, что за Академія: одинъ только форейторъ выручилъ, закричавъ: «Знаю: тамъ сова на воротахъ.» Митрополитъ засмѣялся (развѣ улыбнулся) и сказалъ: «Ну ступай, гдѣ сова на воротахъ: это ученая птица!» Здѣсь все: и веселое расположеніе всегда мирнаго духа, и остроуміе и тонкая... какъ бы сказать... не эпитграмма, не иронія, а... скажу: замысловатость.

Много, и очень много, однако, и такихъ замѣчаній на сочиненія, предложенія, жалобы Муравьева, въ которыхъ безъ смягченій выставлены его ошибки, или незнаніе и заблужденія. Вотъ для примѣра, на выдержку взятое, письмо (стр. 312—313): «Выслушайте отчетъ въ нѣкоторыхъ дерзостяхъ, которыя мы съ цензоромъ себѣ позволили.

«Квадратъ не кажется намъ символомъ смерти, а овалъ воскресенія. И храмъ Софін строенъ, конечно, не по Египетской символикѣ. Цензоръ положилъ исключить изъ текста указаніе на Египеть: и я рѣшился пропустить все символическое изъясненіе чертежа храма.

«Царское одѣяніе, данное Патриарху, сей, по смиренію, переименовалъ въ саккосъ, вретиче. Въ семъ есть причина не

возвращать сего переименованія Царю. Догадка, что малый омофоръ есть древній Архіерейскій, а большой перешелъ отъ Царя, поспѣшна. Это можно усмотрѣть взглянувшему на постепенность въ облаченіяхъ. Діаконъ носить его Христово на одномъ рамя, — орарь, священникъ на обоихъ, — епитрахиль, Епископъ на обоихъ раменахъ, напередѣ и назадѣ, и одѣвается крестомъ: это омофоръ и очевидно, большой, а не малый. На самыхъ древнихъ иконахъ всегда Епископы въ большихъ омофорахъ, а въ малыхъ даже никогда: это признакъ, что малый омофоръ есть новое изобрѣтеніе для удобства. И въ ризницахъ древнихъ малыхъ омофоровъ нигдѣ нѣтъ. По сему мы должны были догадку Вашу о первоначальности малаго омофора опустить.

Мы позволили себѣ также нѣсколькими выраженіями, чрезъ опущеніе, уменьшить продолженіе Вашего гнѣва на вошедшихъ въ бывшій Христіанскій храмъ съ покрытыми головами.»

Не удивляюсь, что безсребренникъ не отказывалъ Муравьеву въ жертвахъ вещами, деньгами, облаченіями и т. п., по непрестаннымъ просьбамъ его. Въ 35 лѣтъ этѣ жертвы составили значительную сумму. Не дивлюсь, по тому что онъ никогда и никому не отказывалъ въ пособіи. Онъ щедро сыпалъ деньги подаваніями и милостынею и посыпалъ серебромъ свой путь отъ земли къ небесамъ. Правда, онъ не отказывалъ и въ духовной милостыни—въ просмотрѣ и исправленіи чьихъ бы то ни было трудовъ, когда они заслуживали вниманія, и тратилъ свое время и свой трудъ на чужія писанія. Но тутъ, въ перепискѣ съ А. П. М. онъ сорилъ своимъ временемъ и трудомъ! Онъ великодушно разсыпалъ, по безчисленнымъ рукописямъ послѣдняго, златотканную, мощную, свѣтлую рѣчь Вѣры, вѣдѣнія, мудрости и полагалъ твердое основаніе его писательной извѣстности. Конечно, долготерпѣливый Іерархъ не рѣдко тяготился этой работой и при томъ постоянно сѣтовалъ на небрежный, неразборчивый, мелкій, блѣдный почеркъ, — «мученіе и потеря времени» до того, что, на послѣдокъ, умолялъ оказать хоть столько же ему вниманія, сколько оказывается разносчикамъ съ почты писемъ, на которыхъ надписи всегда ясны. Упрекъ въ расхищеніи его времени, какъ бы невольно высказался на стр. 438. Муравьевъ упростилъ Вла-

дыку дозволить Почетному Гражданину Шпревичу написать его портретъ. И спасибо ему! Кто не пожелаетъ имѣть ликопись святаго старца? Кому не отрадно, вспоминая о немъ, поглядѣть, полюбоваться сходствомъ ликописи съ дорогими сердцу чертами и выраженіемъ его лица? По этому-то случаю сказано: «Если Вы хотѣли считать часы: то сдѣлали бы опытъ счесть часы, которыя употребляю для чтенія Вашихъ рукописей. Положимъ, что половина сего счета для меня, для моей пользы и удовольствія; но еще болѣе часовъ портрета составила бы другая половина; ибо читаю и для Васъ. Быхъ безуменъ хваляся, Вы мя понудисте!»

Удивительна постоянная снисходительность учителя и постоянное упорство ученика, даже въ дѣлахъ церковныхъ, въ вопросахъ догматическихъ: ученикъ усиливается сказать свое послѣднее слово, въ своихъ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ письмамъ учителя, которому такъ безпредѣльно обязанъ своимъ литературнымъ именемъ духовнаго писателя. Но «любы все терпѣть.» А Митрополитъ любилъ его, какъ любить пѣстунъ питомца, воспитатель воспитанника, благотворитель благодѣлательнаго. Впрочемъ, эта благосклонность, это терпѣніе и снисходительность Пастыря добраго ко всѣмъ и каждому, объяснены имъ въ одномъ изъ писемъ его о любви Божіей³ къ Начальницѣ Спасскаго общежитія: «Въ чадахъ Божіихъ любить любовь Божія: а она любить и недостойныхъ по снисхожденію и челоуѣколюбію.» Слѣдующія строки, которыми я заключаю мою замѣтку, чтобъ не сказать филиппику, показываютъ искреннее Филарета расположеніе къ Андрею Николаевичу:

Мнѣ пусто стало, когда Вы меня оставили, и мнѣ пришло на мысль, не къ исходу ли моему обрекаете Вы меня Вашимъ прощаніемъ. Предчувствіе ли это, и близкое ли, вѣдаетъ Тотъ, въ руцѣ Коего власть и мѣра дней нашихъ. Но когда увидите, или услышите, мое отхожденіе въ путь всея земли: вспомните тогда Ваше отхожденіе отъ меня, и съ тою же близостію души

³ Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей Духовнаго просвѣщенія, кн. V, стр. 80.

къ душѣ, умилостивляющимъ словомъ вознесите мое имя и память предъ лице Судіи моего и Вашего. Какъ просто и паче другихъ снисходительно смотрите Вы на меня: такъ проста и свободна будетъ Ваша о мнѣ молитва. И такую молитву не уничтожить заповѣдавшій, да будете яко дѣти.

«Вотъ Вамъ завѣщаніе мое. Желаю, чтобы Вамъ дано было много времени для исполненія онаго.»

Смирный Первосвятитель Московскій дорожилъ молитвами ближняго, и въ духовномъ завѣщаніи просилъ молитвъ о себѣ всѣхъ и каждого. ⁴

Николай Сушковъ.

⁴ Приложение къ мемуарамъ «Запискамъ» LVII, стр. 150.

ЗНАЧЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ МОЛИТВЫ

О

СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.

(Замѣтка на замѣтку.) ¹

Еще въ 1860 году помѣщено въ «Прибавленіяхъ къ изданію Творенія Св. Отцевъ» ² всемірно-успокоительное ученіе Московскаго Митрополита Филарета касательно «значенія церковной молитвы о соединеніи Церквей.» Многіе тогда изъ Римско-Католиковъ, особенно же изъ Протестантовъ, Реформатовъ и т. п., даже изъ Старовѣровъ ³ обрадовались такой всеобъемлющей любви Православной Церкви къ отдѣлившимся отъ нея Церквамъ и ко всѣмъ Христіянамъ, какую заповѣдалъ и проповѣдалъ Православный догматикъ-учитель въ немногихъ строкахъ о молитвѣ любви, которая, по Апостолу, долготерпитъ, милосердствуетъ, не гордится, не раздражается, все прікрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.

Не было тогда ни какого возраженія святителю. Никто изъ ученыхъ, проповѣдниковъ и столповъ Вселенской Церкви, ни на Руси, ни на Востокѣ, не вошелъ съ нимъ въ словопрѣніе, и онъ до могилы пребылъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, какъ это видно

¹ Московскія Епархіальныя Вѣдомости 1869, № 45.

² Часть 19, прибавленіе 69.

³ По реченію Митрополита—«Нововѣровъ.»

изъ моихъ «Записокъ.» Но вотъ появились въ печати «Письма его къ А. Н. М.,⁵ и одно изъ нихъ, не угадываю, по какому поводу и съ какою цѣлю,⁶ озаглавленное такъ: «Какъ понимать молитву о соединеніи Церквей?» перепечатано, послѣ девяти лѣтъ отъ появленія отроднаго ученія касательно этого вопроса, въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», 1869 г. № 39.

И вотъ, послѣ девяти лѣтъ, воспитанникъ Московской Духовной Академіи, Преосвященный Веніаминъ, Епископъ Рижскій, отвергаетъ ученіе Іерарха въ Замѣткѣ, помѣщенной въ 45 № тѣхъ же «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.»

По уваженію къ сану и лицу возражателя, я, разумѣется, не осмѣлюсь приложить къ его Замѣткѣ слова Превѣчнаго Учителя: «Нѣсть ученикъ надъ учителя своего, ниже рабъ надъ господина своего. Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его, и рабъ, яко господь его.» Всякій пастырь—учитель, отъ Бога поставленный: онъ обязанъ учить, подъ страхомъ отвѣтственности, по слову Апостола Павла: «Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую.... строеніе ми есть предано.»⁷ Но я осмѣлюсь предложить нѣскольکو замѣчаній на Замѣтку:

1. Учено-духовные, церковные, богословскіе и вообще религіозные вопросы, не разрѣшаются, какъ Гөрдіевъ узелъ, однимъ взмахомъ пера, т. е., бѣглой журнальной замѣткой и ссылкой на попавшія подъ руку книги заграничныя; они требуютъ подробнаго приведенія отвѣтовъ изъ Священнаго Писанія, изъ Постановленій Вселенскихъ Соборовъ, изъ Твореній Св. Отцевъ и Богослововъ. Имѣя все это въ Славянскомъ и Русскомъ переводахъ, намъ нѣтъ необходимости обращаться къ чужеземнымъ перево-

⁵ Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московскаго. Москва, 1868 г.

⁶ Письма Московскаго Митрополита Филарета. Кіевъ, 1869.

⁷ А можетъ и не безъ цѣли. О. Б.

⁷ 1 Кор. IX, 16. 17.

дамъ и толкованіямъ. Мы можемъ справляться съ подлинниками на Еврейскомъ и Греческомъ, а не въ Латинскихъ, ни Англійскихъ и проч. изданияхъ. Не нужны намъ, при своихъ Требникахъ и Молитвенникахъ, Молитвословы, какъ давно, такъ и недавно, изданные иностранцами и иновѣрцами, пожалуй и обновѣрцами, хоть бы даже попавшійся на глаза Архіерея большой или великій Молитвословъ (Венеція 1863).

2. Если уже нужно было войти въ состязаніе съ усопшимъ учителемъ, хотя, конечно, сказанное имъ не поведетъ къ ереси, то слѣдовало обратиться не къ частному письму, случайно появившемуся въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (не въ извлеченіи, какъ сказано въ Замѣткѣ, а цѣликомъ); слѣдовало обратиться къ печатному разсужденію Московскаго Митрополита, ⁸ въ которое письмо къ А. Н. М. вошло съ убавленіями и добавленіями; слѣдовало написать не замѣтку, а разборъ порицаемаго разсужденія. Рецензентъ усмотрѣлъ бы тогда, что задача предложена не такъ, какъ въ письмѣ; что слова: «о мирѣ всего міра» не выпущены изъ молитвы и не «оставлены безъ всякаго вниманія,» какъ утверждаетъ Замѣтка; что, говоря собственно о соединеніи Церквей, не для чего было толковать «о мирѣ всего міра,» что, въ сущности, это отдѣльное предложеніе, пожалуй, третья (по порядку первая) часть полной молитвы; что эта особая часть ни сколько не связывается съ двумя другими частями; что начало и конецъ письма къ А. Н. М. разнствуютъ съ приступомъ и заключеніемъ въ печатномъ разсужденіи: начало письма указываетъ на «латиномудрствующаго писателя,» обвинявшаго нашу Церковь въ томъ, что она, молясь о соединеніи Церквей, остается будто бы въ бездѣйствіи; а конецъ письма лично совѣтуетъ А. Н. М. не стѣснять Христіанской любви Православной Церкви и не утверждать, что она не молится объ соединеніи Римской Церкви, какъ, добавлю, Унитской, Армянской и другихъ Христіанскихъ Церквей. Впрочемъ, поощряя къ молитвѣ о соединеніи всѣхъ Христіанъ, онъ напоминаетъ, однако, А. Н. М. строгое церковное правило: «О

⁸ И при Твореніяхъ Св. Отцевъ и при моей книгѣ о М. М. помѣщенному Прибавленіе послѣднее.

не сообщенія въ молитвѣ съ разновѣрными: «Приходитъ мысль (сказано на стр. 247 его писемъ), не слишкомъ ли часто на листахъ Вашихъ посѣянъ Армянскій Патріархъ? А что онъ при прощаніи читалъ молитву надъ Вами, и прочіе Армянскіе Архіереи осыпали Васъ благословеніями, сіе провозгласить особенно сомнительно. Иное дѣло любознательному сыну Православной Церкви присутствовать при Богослуженіи Армянской Церкви и изучать оное: иное входитъ въ особенное произвольное общеніе молитвы съ Армянскою Іерархіею. Можетъ быть и Армяне соблазняются, что ихъ Патріархъ читалъ молитву надъ головою Халкидонца.»

Не знаю кто «латинумудрствующій» писатель, ни его писанія въ книгѣ, или рукописи; но чей бы ни былъ голословный укоръ намъ въ бездѣйствіи, я укажу, въ отвѣтъ, на постепенное и постоянное отъ временъ Св. Равноапостольнаго Владимира обращеніе въ Вѣру истинную необъятной Россіи; на воссоединеніе, въ наше уже время, Унитовъ съ Православною Церковію, на дѣйствія нашихъ миссій, на пр., Алтайской; на проповѣданіе слова Божія за Байкаломъ, въ горахъ Кавказскихъ, на Курильскихъ, Алеутскихъ, островахъ и т. д.; на ежегодное по мѣстамъ присоединеніе иновѣрцевъ, Христіанъ и не Христіанъ, Израильтянъ и Раскольниковъ; на укоренившуюся Единовѣрческую церковь; на миссіонерское общество, вновь учрежденное; на непрерывныя, неисчислимыя жертвы народа и Правительства для поддержанія и построенія Православныхъ храмовъ, не только въ Россіи, а и за границей, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.

Что касается совѣта Господину А. Н. М., то, если онъ не покорился и тутъ, какъ во многіхъ случаяхъ, совѣтамъ Пастыря, что видно изъ писемъ одного и оговорокъ, оправданій, разглагольствій, другого, то бесполезно и заводить съ нимъ рѣчь о молитвѣ, на примѣръ, за оглашенныхъ, за всю братію и за всѣхъ Христіанъ, о молитвахъ, въ началѣ Христіанскаго ученія, за Императоровъ—язычниковъ, за предержавшую власть, независимо отъ Вѣроисповѣданія, наконецъ о молитвѣ о воинствѣ, въ которомъ не только находятся иновѣрцы Христіане, но и Евреи, и Мусульмане, Раскольники и Язычники.

Да и нѣтъ оговорки ни въ Требникахъ, ни въ Катихизисахъ, что дѣйствіе молитвы не распространяется на цѣлую треть на-

шихъ военныхъ силъ, если не болѣе, по числу въ ней разновѣрцевъ, отъ Римско-Католика до идолопоклонника. Прилагательное же къ воинству: «Православное» имѣетъ значеніе, въ смыслѣ собирательномъ, просто войска Православной земли, Государства, всей Россіи, далеко не всей Православной, какъ и ея войны.

3. Смиренномудрый Филаретъ, отдѣливъ молитвы поминальныя, при таинствѣ Евхаристіи, отъ моленія «въ обширномъ составѣ молитвъ, объемлющихъ весь міръ,» говоритъ о соединеніи и воссоединеніи, т. е., полномъ и всесовершенномъ погруженіи, такъ сказать, въ Православіе чуждыхъ, или отпавшихъ, Христіанскихъ Церквей отъ Вселенской (какъ совершилось воссоединеніе Унитской), а не о единеніи на правахъ равенства Инославныхъ⁹ Церквей съ Православною, какъ сказано въ Заимѣткѣ, какъ это допущено при переименованіи Старообрядчества въ Единовѣріе,¹⁰ какъ этого желаетъ издавна Англиканская Церковь. Нѣтъ! Онъ постоянно былъ такого убѣжденія, что при соединеніи и воссоединеніи Иновѣрческихъ Церквей, обращаемаыя въ Православіе лица, общества, церкви, должны безусловно отречься отъ своего Вѣроученія и Вѣроисповѣданія. Инаго сліянія и, тѣмъ болѣе, ни какого сближенія, требующаго обоюдныхъ уступокъ, онъ не допускалъ. Его творенія, его устные бесѣды, его изреченія, въ его громадной перепискѣ съ разными лицами, вполне объясняютъ богословскія основанія и непоколебимость

⁹ Добавить бы для ясности, Христіанскихъ: «Инославныхъ Христіанскихъ» выражаетъ понятіе опредѣлительно; а иначе и правовѣрные Магометане (такъ величующіеся) причислятъ себя къ Инославнымъ. Слово это не имѣетъ на Русскомъ точнаго значенія. Есть другое: Иновѣріе. Отсюда Иновѣрцы, Иновѣрческое ученіе, исповѣданіе и т. п. Такъ и Православіе, Православные, т. е., право или достойно славящіе Бога (благочестивые, правовѣрующіе), суть выраженія точныя, удовлетворительно объясняющія свой смыслъ и на Греческомъ; но слова: Инославный, тогда какъ онъ жеславный, Инославіе, т. е., жеславіе, не примѣнимы ни къ какому Христіанскому Вѣроисповѣданію. По составу же слова: Инославіе, т. е., инако или иначе,—славіе, инако,—славный, инако,—славное исповѣданіе, ученіе и т. д., не имѣетъ оно смысла, будь хоть издавна, хоть недавно, допущено въ какую бы ни было терминологию.

¹⁰ Старообрядческая Церковь переименована въ Единовѣрческую Императоромъ Павломъ, по совѣту Митрополита Платона.

Православныхъ убѣжденій Іерарха. Много разсѣяно мыслей и сужденій его относительно «соединенія и воссоединенія» въ мнѣхъ «Запискахъ о жизни и времени святителя.» Въ нихъ приведено, на примѣръ, на стр. 119 — 122, 235 — 242 и другихъ, между прочими повѣствованіями, его мнѣіе объ Англичанахъ и Американцахъ, желающихъ единенія съ нами «на правахъ равенства,» что отвергаетъ и Замѣтка; въ нихъ разсказано о совѣщаніяхъ его съ Пальмеромъ, Юнгомъ, Гете (отцомъ Владимиромъ); въ нихъ изложены замѣчанія на ученіе Англикайской Церкви: въ нихъ опровергнута мнимая непрерывность Апостольскаго въ ней рукоположенія преемственно, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, отвергнуто все то, что нынѣ предлагается и разсказывается въ Докладахъ «Конвокаціи,» подъ такимъ оглавленіемъ помѣщаемыхъ въ Московскихъ Епаріальныхъ Вѣдомостяхъ, ¹¹ и рѣшительно отвергается проводимая заново мысль о взаимнообщеніи Иновѣрческихъ Церквей съ Православною. Все это, вся жизнь Митрополита и послѣдніе дни его на землѣ, опровергають всякій упрекъ ему въ желаніи единенія съ нами Разновѣрныхъ или (по слову Замѣтки) Инославныхъ Церквей на правахъ равенства. Опровергаетъ это и любвеобильное заключеніе его разсужденія: «Итакъ пусть благочестивая ревность молится преимущественно о благостояніи Святыхъ Божіихъ Церквей Православныхъ, и о сохраненіи въ нихъ благодатію Божіею единенія духа въ союзѣ мира. Но пусть и всеобъемлющая любовь Христіанская

¹¹ Поднимаемые и разрѣшаемые вопросы въ «Конвокаціи» помѣщаются иногда и со вѣми рѣшеніями членовъ «въ Христіанскомъ Читаніи,» издаваемомъ при С.-П. Дух. Академіи. Жаль, что доставляющій такія любопытныя Духовному Вѣдомству свѣдѣнія, Протоіерей, при нашемъ Посольствѣ, церкви въ Лондонѣ, Евгенийъ Ивановичъ Поповъ, не дополняетъ ихъ замѣчаніями, поясненіями и заключеніями съ чисто и строго Православной точки зрѣнія. Простая, безъ малѣйшаго опроверженія, передача рѣшительныхъ постановленій не Православнаго общества, можетъ произвести тревожные толки въ народѣ, ободритъ Раскольниковъ и возбудитъ преждевременно въ повременныхъ изданіяхъ сужденія о томъ, что будетъ принято, или непринято, господствующею въ Россіи Церковію. Впрочемъ, какъ этѣ, такъ и другіе, вопросы были предложены предстоителемъ не Московской только, а Всероссійской, Церкви, по вліянію его на духовноправославное образованіе въ Государствѣ, по довѣрію и любви къ нему народа. Отвѣты на его вопросы (стр. 121 «Записокъ») взялись написать Денцовъ, Фрезеръ, Ниль, Медъ, Казенду.

молятся и о соединеніи всѣхъ Церквей,¹² и о воссоединеніи съ Православною Церковію уклонившихся отъ нея неправыми ученіями, да будетъ, по обѣтованію Господа нашего, Иисуса Христа, едино стадо, какъ уже есть Онъ единый Пастырь и Владыка своей Церкви на земли и на небеси, во времени и въ вѣчности.»

Такъ и послѣдняя бесѣда его со мною, за пять дней до дня кончины благочестиваго старца, его послѣдняя къ собесѣдникамъ рѣчь, его проповѣдь о любви и терпимости, выразила пространно то же ученіе, какое изложено въ разсужденіи, отвергнутомъ Замѣткою.

Вотъ оно: «Всякой, во имя Троицы крещенный, есть Христіанинъ, къ какому бы онъ ни принадлежалъ Исповѣданію. Истинная Вѣра одна: Православная; но и всѣ Христіанскія Вѣрованія, по долготерпѣнію Вседержителя, держатся, Евангеліе вездѣ у всѣхъ одно, да не всѣми одинаково понимается и изъясняется. Заблужденія отпавшихъ отъ Вселенской Церкви не упрекъ отъ рожденія воспитаннымъ въ томъ, или другомъ, Исповѣданіи. Простыя души въ простотѣ и вѣруютъ по ученію, имъ заповѣданному, не смущаясь религіозными прѣвѣщаніями, для нихъ и недостаточными. За нихъ отвѣтъ дадутъ Богу ихъ духовные руководители. Ученые богословы встрѣчаются во всѣхъ Христіанскихъ народахъ, и благочестивые люди бывали, и будутъ, какъ въ Греко-Католической, Православной Церкви, такъ и въ Римско-Католической. Истинная вѣротерпимость не ожесточается средостѣніемъ, раздѣляющимъ Христіанъ, а скорбитъ о заблуждающихъ и молится «о соединеніи всѣхъ.»

¹² «Всѣхъ Церквей» согласовано съ текстомъ Литургіи Славенскимъ, а по тексту Греческому должно поставять: всѣхъ «Христіанъ.» Это одно и то же. «Если бы (слова М. Филарета) надлежало дать тексту ограниченное значеніе, то надлежало бы сказать: «о соединеніи всѣхъ Православныхъ.» Безъ сего ограниченія рѣчь необходимо даетъ слѣдующій смыслъ: «о соединеніи всѣхъ Христіанъ Православныхъ между собою и о соединеніи съ ними и съ Православною Церковію и прочихъ Христіанъ, не принадлежащихъ къ единству Церкви Православной.»

«Никогда (повторяю сказанное въ концѣ моихъ «Записокъ») ни о чемъ не говорилъ онъ при мнѣ съ такимъ одушевленіемъ, какъ въ эту послѣднюю съ нами бесѣду говорилъ о Христіанствѣ вообще. Глаза его, всегда выразительные и пронизательные, сіяли вдохновеніемъ. Глубокая дума на челѣ смѣнялась улыбкой умиленія. То строгое, то кроткое, выраженіе лица какъ бы досказывало то, что слово не вполне выражаетъ. Служитель, охранитель, проповѣдникъ Православія, онъ постепенно достигъ Евангельской всеобъемлющей любви ко всемірной братіи во Христѣ и какъ бы ниспровергъ всѣ средостѣнія, вкусилъ единенія вѣрованій въ своемъ сердцѣ вѣрою всей жизни своей; погруженный всѣмъ существомъ своимъ во всепобѣждающую, всеспасающую, любовь Христа Искупителя, въ свѣтъ незаходимый Духа Святаго, онъ какъ бы «увидѣлъ день Сына человѣческаго, увидѣлъ и возрадовался,» и какъ бы достигъ вождедѣнной поры, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо.

Николай Сушковъ.

1-го Декабря, 1869 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

1869 года, Мая 3-го дня.

1869 года, Мая 3-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Вице-Президента, Князя А. Пр. Ширинскаго-Шихматова, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ф. Вельтмана, М. Л. Назимова, Графа Мих. Вл. Толстого, Ю. Д. Филимонова, А. И. Хмельницкаго, Н. В. Сушкова, П. В. Хавскаго, А. Н. Аванасьева, Н. В. Закревскаго, Соревнователей: И. И. Молнара и А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 21-го Дерабра минувшаго года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій прочелъ статью, соч. Н. Дубровскаго: «Патріаршіе выходы.»

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Предварительнаго Комитета Археологическаго Съѣзда, отъ 26 Дек., 1868, № 88, о высылкѣ свѣдѣній о трудахъ своихъ Членовъ по изслѣдованію древностей въ Россіи, и присылкѣ отъ себя депутата для принятія участія въ занятіяхъ Археологическаго Съѣзда. Отвѣчено, что труды Членовъ находятся въ «Тру-

дахъ {Общества,» а депутатъ пришлется (каковымъ и былъ Д. Членъ Ю. Д. Фялимоновъ).

3. Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 24-го Дек., 1868 г., № 480, о доставленіи въ Редакцію Журнала Протоколовъ Засѣданій Общества, для извлеченія изъ нихъ интереснѣйшихъ для читателей Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній. Отвѣчено, что Протоколы печатаются въ «Чтеніяхъ,» откуда Редакція можетъ ихъ заимствовать.

4. Карамзинской Общественной Библіотеки въ Сибирскѣ, отъ 29-го Дек., 1868 г., № 289, благодарность Обществу за «Чтенія» 1868 г., и просьба о продолженіи высылки ихъ въ 1869 г. Определено: «Чтенія» высылать, какъ и прежде.

6. Редакціи Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, отъ 24-го Февр., 1869 г., № 197, объ обмѣнѣ, а также о высылкѣ «Чтеній» даромъ Минской Общественной Библіотекѣ. Отвѣчено, что ни то, ни другое не можетъ быть удовлетворено, по скудости средствъ самаго Общества.

7. Секретаря Московской Духовной Консисторіи, П. Розонова, пол. 26-го Февр., о возвращеніи 18 руб. 43 коп. сер. въ Общество, въ замѣнъ истраченныхъ послѣднимъ за напечатаніе обертки, титуловъ, брошюровку и пр., къ особымъ оттискамъ статьи его: «Саввинское подворье въ Москвѣ,» помѣщенной въ 4-й книгѣ «Чтеній» 1868 г. Определено: деньги передать Г. Казначею Общества (и переданы).

8. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 1-го Февр., 1869 г., № 54: «Отчетъ ея за 1865 и 1866 годы,» и просьба о высылкѣ ей изданій: 1. Славянскихъ Древностей, Шафарика; 2. Критико-литературнаго обзоренія путешественниковъ по Россіи, въ переводѣ А. С. Клеванова; 3. Книги Большаго Чертежа; 4. Сѣвернаго берега Понта Евксинскаго, и 5. Корсунскихъ Вратъ. Отвѣчено: такъ какъ первыя два изданія,—частная собственность, то они и не могутъ быть высланы никому; то же, что при-

надлежитъ Обществу и находится въ достаточномъ количествѣ, будетъ отправлено (и отправлено).

В. Предложенія.

9. Редакціи Журнала «Дѣло,» пол. 28-го Дек., 1868 г., объ обмѣнѣ изданіями.

10. Правленія Новороссійскаго Университета, отъ 19-го Дек., 1868 г., № 668, объ обмѣнѣ на «Записки» его.

11. Редакціи Газеты «День,» органа Русскихъ Евреевъ, издающейся въ Одессѣ, отъ 18-го Марта, 1869 г., объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: всѣмъ отказать.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

12. Соревнователя Общества, А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 19-го Февр., списки: 1. «Шведамъ, взятымъ въ сраженіи при Полтавѣ; 2. Шведамъ, сдавшимъ Кн. Меншикову при Переволочнѣ, и 3. Русскимъ, убитымъ при Полтавѣ; 4. Капитуляція Шведовъ при р. Днѣпрѣ.» Заимствовано изъ рукописи, писанной Шведскимъ Прапорщикомъ и Финляндскимъ уроженцемъ, Карломъ Фрисомъ, взятымъ въ плѣнъ и сосланнымъ въ Тюмень. Рукопись принадлежитъ Финляндскому литературному Обществу.

б. Статьями:

13. Д. Члена И. П. Липранди, пол. 20-го Дек., 1868 г., двѣ статьи: 1. Мысли по поводу событія 25-го Мая, 1867 г., и 2. Политическая почва Западнаго края въ настоящее время.»

14. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 31-го Декабря 1868 г., статья: «Петръ Андреевичъ Словцовъ.»

15. Соревнователя Общества, Е. В. Барсова, изъ Петрозаводска, пол. 12-го Февраля: «Олонецкій монастырь Клименцы, съ

приписными къ нему пустынями, также съ Царскими и Иерархическими грамотами.»

16. Д. Члена Н. В. Сушкова: «Воспоминанія о Виленскомъ и Литовскомъ Митрополитѣ Іосифѣ и объ уничтоженіи Уніи въ Россіи.»

17. Д. Члена Архимандрита Леонида, изъ Цареграда, пол. 28 Февр., статья: «Объ актѣ 1466 года соединенія подь общимъ управленіемъ Болгарскаго Рымьскаго и Русскаго Аѳонскаго монастырей.»

18. Николая Дубровскаго, пол. 6-го Марта, 1869 г., статья: Патріаршіе выходы.»

в. Книгами:

19. Заслуженнаго Профессора С.-Петербургскаго Университета, И. И. Срезневскаго: «Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма. Спб. 1868 г.»

20. Югославянскои Академіи въ Загребѣ: «Rad. Kniga V. Zagreb, 1868.»

21. Новороссійскаго Университета, «Записокъ» его томъ 3-й, вып. 1-й. Одесса. 1868.

22. Императорскаго Московскаго Университета: «Рѣчи и отчетъ, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 12-го Генваря, 1869 г. М. 1869.»

23. Д. Члена Графа М. В. Толстого: «Русскіе подвижники. Москва. 1869.»

24. Соревнователя Общества, Почетнаго Каноника Іосифа Малышевича (Гродненской Губерніи, Бѣлостоцкаго Уѣзда, въ с. Неводницѣ): 1. Statut W. X. L. изданіе 4, z przydatkiem Summąyuszow praw Konstytucyi. Wilno, 1744, fol; 2. Ibid. Trybanal obywatelom W. X. L, na sejmie Warszawskiem дану 1581. W., druk

Akad. S. J. 1744; 3. Ibid. Coaequatio jurium una cum ordinatione tribunaliorum et repartitioneque exercituum Mag. Duc. Litv.; 4. Вѣстникъ Западной Россіи. Книгъ 12. 1867—68; 5. Рукопись на Славянскомъ языкѣ, начин.: «Тысяча семсотъ шестого мѣсяца Марта первого числа» и пр. in fol. (не нумеров. стр. 24); 6. 1623, Генв. 3, на Славян. Запись отъ Бурнаковой на Куковичы данъ (рукопись), fol. Не нумер. стр. 6; 7. на Польскомъ языкѣ съ 1764 г., Марта 7-го дня, запись приданого на 2200 fl. или 330 руб. ser. złotem ważnem ruzi auzi obrączkowej in regno bez braku currenti moneta и пр.» (рукопись).

25. Императорскаго Археологическаго Общества: 1. Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Часть XIII. Спб. 1868; 2. Словарь Джагатайско-Турецкій, изд. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Спб. 1868; 3. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ VI, отд. 1, выпуски 1—3.»

26. Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы Засѣданій Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета и Приложенія къ нимъ. 1868 г. № 5. Харьковъ, 1868.»

27. Императорскаго Московскаго Университета: «Московскія Университетскія Извѣстія, 9 книгъ за 1868.»

28. Д. Члена С. М. Соловьева: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ XVIII. М. 1868.»

29. Якова Березина-Ширяева: «Матеріалы для библиографіи, или обзорніе Русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ и словесности. Кн. VII о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ, изданныхъ въ XIX вѣкѣ. Спб. 1869.»

30. Смитсоновскаго Учрежденія въ Вашингтонѣ: «Report etc. fur the Year 1866. Washington. 1867.»

31. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: «Записки. Томъ 7-й, съ 4 литографированными листами. Одесса. 1868; 2. Отчетъ съ 14 Ноября 1867 по 14 Ноября 1868. Одесса, 1869.»

32. Императорскаго Казанскаго Университета: 1. «Извѣстія и Ученыя Записки 1867 года. Выпуски V и VI. Казань, 1868; 2 Тоже 1868 г. вып. 1. Казань. 1869; 3. Теорія волюнъ, происходящихъ отъ поступательнаго внѣшняго давленія. Почетн. Членъ Казанскаго Университета, А. Попова. Казань, 1868.»

33. Д. Члена Макарія, Епископа Орловскаго: «Слово въ память тысячелѣтія со дня преставленія святаго равноапостольнаго Кирилла, просвѣтителя Славянъ, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ, въ Семнарской церкви, 14 Февр., 1869 г. (Изъ 4-го № Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, 1869 г.»

34. Археологическаго Общества въ Москвѣ: «Древности.» Томъ 2-й, вып. 1-й. М. 1869.»

35. Императорскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ: «Отчеты его за 1865—1866 годы.»

г. Вещами:

36. Поч. Члена Якова Ѳедоровича Головацкаго: его фотографическій портретъ.

37. Соревнователя Общества, Почетнаго Каноника Юсифа Малышевича: монетъ серебряныхъ 10, монетъ и жетоновъ мѣдныхъ 4.

Опредѣлено: матеріалы и статьи разсмотрѣть, книги и портретъ Г. Головацкаго сдать въ бібліотеку, а монеты и жетоны въ минцъ-кабинетъ.

г. Заявленія:

38. За телеграммы изъ Петербурга и въ Петербургъ, по случаю послышки Депутата отъ Общества, для присутствованія при празднованіи 50-лѣтія Петербурскаго Университета, издержано 5 руб. Определено: возратить истраченное по принадлежности.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянский, представилъ только что отпечатанную 1-ю книгу «Чтеній» 1869 г., заключающую въ себѣ 49^{5/2} лист. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Война 1812 года. Замѣчанія на 2-й томъ «Исторіи Отечественннй войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, соч. Г.-М. Богдановича. Спб. 1859—60, въ 8-ку, 3 тома. Д. Члена И. П. Липранди.

II. Матеріалы Отечественныя. Рускія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни голосовыя или протяжныя.

III. Матеріалы Славянскіе. Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartey или Историческія Записки о событіяхъ на Волини Греко-Уніятскаго Луцкаго Капитула, Феодосія Бродовича. Summariusz tych praw, dokumentów y wszelakich tranzakcyi, które w tey księdzi pod alfabetycznemi literami wzmiankowane, tu zaś per extensum polożone są, т. е., Приложенія.

IV. Матеріалы Иностранныя. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства, Адамомъ Олеаріемъ. Перев. съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга IV.

V. Смѣсь. Письмо Ивана Никитича Романова изъ Москвы къ Митрополиту Филарету. Сообщ. Соревнователь А. А. Чумиковъ. Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго Краля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ. Сообщ. М. И. Семейскій. Смертннй приговоръ Стенькѣ Разину и брату его Фролкѣ. Сообщ. М. Владыкинъ. О бывшемъ Тобольскомъ Намѣстничествѣ 1782—1797 г. Н. А. Абрамова. Иеромонахъ Константинъ Неаполитанскій (Новгородскій), Капелянъ Русскаго Императорскаго Резидента въ Константинополь, убиенный Турками 26 Декабря, 1742 года, и причтенный Греческою Константинопольскою Церковію къ лику Святыхъ. Д. Члена Архимандрита Леоніда. О Татіанинской церкви Императорскаго Московскаго Университета. Съ планомъ Университетскимъ, что на Моховой

дому съ прикосновенностями. Н. П. Розонова. Письма Иннокентія, Архієпископа Херсонскаго и Таврическаго, къ Гавріилу, Архієпископу Рязанскому и Зарайскому. Сообщ. Священникъ Н. Гумилевъ. Воспоминанія о Митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ Іосифѣ и объ уничтоженіи Уніи въ Россіи. Д. Члена Н. В. Сушкова. Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Продолженіе: 16—19. Сообщ. И. Г. Привѣтствіе Императорскому С-Петербуржскому Университету, въ день его юбилея 9 Февраля, 1869 г. Замѣтка. О. М. Бодянскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стр.
Новгородъ самъ въ себѣ. Василя Пассека.....	1 — 187

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни свадебныя: Тульской, Калужской, Рязанской, Тверской и Новгородской Губерній.	411 — 510
--	-----------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Очеркъ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Д Члена А. С. Клеванова. Книга I-я: Отъ при- нятія Христіанства до появленія Гуса, какъ на- роднаго проповѣдника.....	117 — 272
--	-----------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго По- сольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посоль- ства, Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмец- каго П. П. Барсова. Книга V, повѣтствующая о Персидскомъ Государствѣ и его обитателяхъ (окончаніе).....	797 — 920
---	-----------

ОГЛАВЛЕНИЕ.

V.

С М Ъ С Ъ.

	Стран.
Историческіе и Юридическіе акты XVII и XVIII столѣтій, собранные М. И. Семевскимъ.....	1 — 88
Мысли по поводу событія 25 Мая, 1867 года. Д. Члена И. П. Липранди.....	89 — 140
О курганахъ, господствующихъ въ Московской Губерніи. А. А. Гатцука.....	141 — 156
Записка, представленная Директоромъ Канцеляріи Главнокомандующаго 1-ю арміею, Тайнымъ Совѣтникомъ Козачковскимъ, Исправлявшему должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, Генераль-Адъютанту, Графу Ламберту I-му, въ Сентябрѣ 1861 года.....	157 — 166
Апелляціонный отзывъ Старообрядческаго Священника, Александра Арсентьева.....	167 — 171
Письмо внока Вонифатія къ родственнику своему..	172 — 175
Письма Профессора Московскаго Университета, И. И. Давыдова, къ Князю Н. Н. Голицыну, Правителю Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.....	176 — 180
Объ увольненіи Кіевскаго и Московскаго Митрополитовъ въ ихъ Епархіи 1842 года. Д. Члена Н. В. Сушкова.....	181 — 192
Значеніе церковной молитвы о соединеніи Церквей. Д. Члена Н. В. Сушкова.....	193 — 200
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 3-го Мая, 1869 года.....	201 — 208

О П Е Ч А Т К И

въ III книгѣ «Чтеній» 1869 года, Отд. V.

Напечатано:

Читайте:

Стран. Строк.

241 3 прензоби уютъ
— —висяся
— 4 висяся

прензобялуютъ
висяся
висяся

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая.

Годъ 3, книги 1—9, по 2 руб. каждая.

Годъ 4, книги 1, 2 рубля.

Годы 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ каждомъ, по 10 руб. годъ.

Годы 1861—1868, тоже по 4 книги, по 6 руб. годъ.

Все же изданіе, безъ пересылки, 114 руб.

За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕННОКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . 37 „ 50 „
съ пересылкой . 45 „ — „

На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Стратномъ-бульварѣ, въ домѣ Загряжнаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 е.

О времени происхожденія Славянскихъ писемъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусь и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стринггольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціанца Марка Подо въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. А. Н. Шемякина, М. 1863 г., ц. 1 р. 50к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Князествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1870 году, какъ повременное изданіе, четыре
раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ
листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе
каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Оте-
чественныя, III. Славянскіе, IV. Иностранныя, и V. Сжъсь.

Подписка годовая—шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ
пересылкой въ другія мѣста—семь съ половиной. Съ требованіемъ
обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопро-
давцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базулову),
на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,
въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ,

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,
на Якиманкѣ, въ домъ Нечаева.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянский,
у Цикитскихъ воротъ, въ домъ Мещеринова.

БИБЛИОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитриевичъ Филимоновъ,
Въ Кремль у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,
на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ,

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,
на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.
